СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО

ИСТОЛКОВАТЕЛЬНОМУ И НАЗИДАТЕЛЬНОМУ ЧТЕНІЮ

ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛІЯ,

СЪ БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

Составилъ инспекторъ Сибирской духовной семинаріи

М. Барсовъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1893.

П 2 № 06
Б. 211.
1938
БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО

ИСТОЛКОВАТЕЛЬНОМУ И НАЗИДАТЕЛЬНОМУ ЧТЕНІЮ

ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛІЯ,

СЪ БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ

Составилъ инспекторъ Симбирской духовной семинаріи

М. Барсовъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГІОЗНОГО
МУЗЕЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1893.

BS
2342
Бар

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Ноября 13 дня 1892 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
225
54

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ ТОЛКОВНИКОВЪ.

Блаженный Августинъ. 94. 149. 241. 265. 519. 683. 692.
Августинъ іеромонахъ. 577.
Августинъ архимандритъ. 554.
Амвросій Медіоланскій. 64. 131. 154. 157. 240. 264. 650.
Амвросій, архіеп. Харьковскій. 17. 78.
Святый Аѳанасій Александрійскій. 59.
Базаровъ протоіерей. 103.
Берсье. 136. 469.
Богословскій протоіерей. 571. 575.
Б—въ А. 70.
Боголѣповъ Дмитрій. 434.
Буткевичъ священникъ. 301. 355. 546.
Святый Василій Великій. 76. 79. 124. 136. 142. 147. 148. 151. 167. 182. 190. 300. 306. 318. 325. 326. 413. 417. 432. 486. 521. 522. 524. 525. 526. 547. 548.
Варѳоломей архимандритъ. 674.
Вернеръ. 661.
Вине. 146.
Вишняковъ протоіерей. 397.
Георгій Конисскій, архіеп. Бѣлорусскій. 351.
Гречулевичъ протоіерей. 559.
Григорій митрополитъ. 455.
Святый Григорій Нисскій. 189. 598.
Святый Григорій Палама. 52.
Святый Григорій Богословъ. 155. 229. 233. 418.
Святый Григорій Двоесловъ. 157. 179. 310. 634. 688. 709.
Горскій протоіерей. 4. 88. 96.
Д—въ С. 62.
Державинъ Д. 644.
Святый Дмитрій Ростовскій. 32.
Дмитрій, архіеп. Волынскій. 79.
Евсевій, архіеп. Могилевскій. 126.
Святый Епифаній Кипрскій. 588.
Святый Ефремъ Сиринъ. 49. 292. 419. 428. 432. 518.
Иліодоръ, архіеп. Курскій. 376.
Святый Исидоръ Пелусіотъ. 64. 67. 113. 123. 165. 233. 238. 307. 351. 412. 420. 547. 603. 686.
Иннокентій, архіеп. Херсонскій. 47. 300. 337. 379. 387. 394. 401. 488. 551. 568. 603. 617. 635.
Блаженный Іеронимъ. 58. 193. 264. 381. 430.
Святый Іоаннъ Златоустъ. 53. 156. 162. 172. 234. 317. 333. 351. 358. 371. 372. 399. 415. 419. 448. 546. 670. 684. 700.
Іоанникій, митр. Московскій. 578.
Іосифъ архим. 295.
Святый Кириллъ Александрійскій. 112. 142. 157. 171. 172. 173. 317. 605. 683. 688.
Ключаревъ А., нынѣ Амвросій, архіеп. Харьковскій. 242.
Кудрявцевъ діаконъ. 464. 533. 558. 564. 604.
Лебедевъ А. прот. 320.
Леонтій, архіеп. Варшавскій. 423.
Ляпидевскій А. прот. 177.
Святый Макарій Египетскій. 279.
Марковъ священникъ. 359.
Михаилъ епископъ. 24. 413.

Муретовъ М. 451. 468.
Нечаевъ протоіерей, нынѣ епископъ Виссаріонъ. 92. 160. 183. 629.
Некрасовъ священникъ. 341. 362.
Никаноръ, архіеп. Херсонскій. 76.
Никодимъ архим. 630.
Святый Нилъ подвижникъ. 477.
Павелъ, архіеп. Кишиневскій, нынѣ Казанскій. 42. 606.
Предтеченскій священникъ. 36. 318.
Пѣвницкій В. 671.
Розановъ Н. 212.
Серій, архіеп. Курскій. 6. 237.
Сильвестръ архим., нынѣ епископъ Каневскій. 261.
Святый Сгмеонъ Новый Богословъ. 382.
Спасскій И. 400.
Смирновъ Ѳ. 651.
Троицкій П. 1.
Трухмановъ священникъ. 693.
Филаретъ, архіеп. Черниговскій. 197. 301. 369. 623.
Филаретъ, митроп. Кіевскій. 537.
Филаретъ, митроп. Московскій. 6. 22. 30. 35. 48. 61. 68. 78. 114. 115. 116. 132. 144. 145. 149. 153. 164. 190. 207. 249. 255. 277. 280. 307. 335. 366. 386. 410. 421. 425. 429. 433. 441. 442. 480. 526. 539. 543. 548. 620. 663. 680. 681. 685. 701. 710.
Фотій архим. 589. 640.
Щеголевъ Н. 414.
Ястребовъ М. 618.
Блаж. Ѳеофилактъ. 144. 234.
Ѳеофанъ еп. 7. 8. 10. 19. 31. 67. 68. 75. 147. 166. 168. 170. 182. 210. 235. 250. 282. 289. 305. 327. 349. 354. 358. 359. 367. 372. 373. 397. 400. 401. 411. 412. 413. 420. 421. 426. 429. 433. 444.
Анонимы: 8. 10. 12. 20. 26. 39. 55. 85. 87. 91. 100. 105. 107. 117. 119. 130. 152. 153. 155. 174. 186. 192. 201. 227. 236. 254. 259. 260. 286. 290. 302. 310. 313. 403. 407. 416. 422. 424. 437. 449. 458. 476. 478. 490. 520. 523. 524. 529. 535. 537. 540. 569. 572. 582. 584. 586. 593. 595. 599. 601. 612. 621. 622. 626. 638. 658. 659. 664. 666. 677. 690. 708. 713.

ОГЛАВЛЕНІЕ

предметовъ и статей въ хронологическомъ порядкѣ Евангельской Исторіи и въ порядкѣ Сборника.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Третья Пасха общественнаго служенія Господа нашего Іисуса Христа.

Путешествіе Господа съ проповѣдію по Галилеѣ (Іоан. VII, 1). 1.

Посланіе 70 учениковъ на проповѣдь (Лук. X, 1—16). **Соборъ святыхъ 70 Апостоловъ.** 1—4.

Обличеніе фарисеевъ относительно преданій старцевъ (Матѳ. XV, 1—20. Марк. VII, 1—23). *Прот. Горскаго.*—**Что значитъ приближаться къ Богу устами, а сердцемъ далеко отстоять отъ Него** (Матѳ. XV, 8—9)? *Филарета, митр. Московскаго.*—**Лукавое мудрованіе чревоугодниковъ** (Матѳ. XV, 11), *Серія, архіеп. Курскаго.*—**Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же текстъ.**—**Мысли его же на Марк. VII, 15.**—*Отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія. Сія суть сквернящая человѣка* (Матѳ. XV, 19).—**Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же ст.** 4—10.

Отшествіе Господа въ Финикію и исцѣленіе дочери рабы Хананейской (Матѳ. XV, 21—28).—**Евангеліе о женѣ Хананейской** (Матѳ. XV, 22—28). 10—14.

Путешествіе Господа по области Десятиградія: исцѣленіе глухаго косноязычнаго и другихъ больныхъ (Марк. VII, 31—37. Матѳ. XV, 20—31). 14—15.

Насыщеніе четырехъ тысячъ человѣкъ семью хлѣбами (Марк. VIII, 1—9. Матѳ. XV, 32—38). 15.

Библіографическій указатель къ XV гл. Ев. Матѳ. и парал. VII гл. Марк. 15—16.

Возвращеніе въ Галилею, въ предѣлы Магдалы и Далмануѳы. Отвѣтъ фарисеямъ и саддукеямъ, требовавшимъ знаменія съ неба. Отшествіе вновь на сѣверо-восточную сторону Галилейскаго озера и предостереженіе учениковъ отъ закваски фарисейской, саддукейской и Иродовой (Матѳ. XV, 39—XVI, 12. Марк. VIII, 10—21. Лук. XII, 54—57).—**Мысли еп. Ѳеофана на Матѳ. XVI, 1—4.**—**Что такое** *знаменіе временъ?* **И гдѣ мы должны установить главную точку зрѣнія для практическихъ наблюденій за знаменіями временъ** (Матѳ. XVI, 3—4)? *Амвросія, архіеп. Харьковскаго.* 16—18.

Исцѣленіе слѣпаго въ Виѳсаидѣ (Юліи) (Марк. VIII, 22—26).—**Мысли еп. Ѳеофана.** 19—20.

Исповѣданіе Петра (Матѳ. XVI, 13—20. Марк. VIII, 27—30. Лук. IX, 18—21.—**Почему Спаситель сказалъ Апостолу Петру, а не другому изъ Апостоловъ:** *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою,* **и что значатъ слова** *врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI, 18)? *Филарета, митроп. Московскаго.*—**Изъясненіе** 19—20 ст. XVI гл. Матѳ. *еп. Михаила.* 20—25.

Предреченіе Іисуса Христа о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, и ученіи о крестѣ Своихъ послѣдователей (Матѳ. XVI, 21—28. Марк. VIII, 31—IX, 1. Лук. IX, 22—27). 25—26.

Ученіе о самоотверженіи и крестоношеніи (Марк. VIII, 34—38; IX, 1).—**Объ условіяхъ послѣдованія за Христомъ** (Марк. VIII, 34). *Филарета, митроп. Московскаго.*—**Несеніе креста своего, еп. Ѳеофана. Что дороже: душа или міръ?** (Марк. VIII, 36.) *Св. Дмитрія Ростовскаго.*—**Изъясненіе словъ Іисуса Христа:** *иже бо аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми* (Марк. VIII, 38). *Филарета, митроп. Московскаго.*—**Ложный стыдъ** (Марк. VIII, 38). *Свящ. Предтеченскаго.* 26—38.

Библіографическій указатель къ XVI гл. Евангелія Матѳея и парал. 38—39.

Возвращеніе въ Галилею: преображеніе Господне (Матѳ. XVII, 1—13. Марк. IX, 2—13. Лук. IX, 28—36).—**Гора Ѳаворъ.**—**О преображеніи Господа нашего Іисуса Христа** (Матѳ. XVII, 2). *Павла, архіеп.*

Кишиневскаго.—**О преображеніи Іисуса Христа** (Лук. IX, 28—32). *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.*—**О молитвѣ Іисуса Христа на Ѳаворѣ.** *Филарета, митроп. Московскаго.* 39—49.

Избранныя святоотеческія толкованія Евангельскаго повѣствованія о преображеніи Іисуса Христа, *св. Ефрема Сирина.*—*Св. Григорія Паламы* **о свойствѣ свѣта, видѣннаго Апостолами на Ѳаворѣ.**—*Св. Іоанна Златоуста* **о явленіи Моусея и Иліи на Ѳаворѣ и гласѣ Отчемъ:** *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный.* 49—55.

Исцѣленіе бѣсноватаго отрока (Матѳ. XVII, 14—23). *Блаж. Іеронима* **изъясненіе Евангелія въ 10 недѣлю по Пятидесятницѣ** (Матѳ. XVII, 14—23).—*Св. Аѳанасія Александрійскаго* **на 14 ст. XVII гл. Матѳ.**—**Какія особенности представляетъ повѣствованіе Евангелиста Марка объ исцѣленіи бѣсноватаго глухонѣмаго** (IX, 14—29).—**О важности поста и молитвы** (Марк. IX, 29). *Филарета, митроп. Московскаго.* 55—62.

Прибытіе въ Капернаумъ. Чудесная находка (Матѳ. XVII, 24—27). *С. Д—ва.*—*Св. Амвросія Медіоланскаго* **на Ев. Матѳ. XVII, 27.** *Св. Исидора Пелусіота* **на тотъ же ст. 62—64.**

Библіографическій указатель **къ XVII гл. Еванг. Матѳ. и парал. 65—66.**

Ученіе Іисуса Христа о смиренномудріи во время послѣдняго пребыванія въ Капернаумѣ (Матѳ. XVIII, 1—5. Марк. IX, 33—37. Лук. IX, 46—48).—**Дитя, которое Спаситель поставилъ около Себя.**—**Какъ должно понимать слова:** *аще не обратитеся, и будете яко дѣти* (Матѳ. XVIII, 3). *Исидора Пелусіота.*—**Мысли** *еп. Ѳеофана* **на тотъ же ст.**—**Мысли** *еп. Ѳеофана* **на 5 ст.**—**Мысли** *еп. Ѳеофана* **на Лук. IX, 48.**—**Объ особенномъ вниманіи, какого требуютъ дѣти и ихъ воспитаніе** (Матѳ. XVIII, 10). *Филарета, митроп. Московскаго.* 66—70.

Запрещеніе Апостолами тайному послѣдователю Іисуса Христа творить чудеса (Марк. IX, 38—44. Лук. IX, 49—50).—**Изъясненіе изрѣченія Іисуса Христа:** *кто не противъ васъ, тотъ за васъ* (Матѳ. IX, 40. Лук. IX, 50). *А. Б—ва.* 70—75.

О самоочищеніи и самоотверженіи (Марк. IX, 49). *Еп. Ѳеофана.*—*Св. Василія Великаго* **на 50 ст. IX гл. Марк.** 75—76.

Сущность и духъ церковной анаѳемы (Матѳ. XVIII, 17). *Никанора, архіеп. Херсонскаго.*—**О томъ же** *Амвросія, архіеп. Харьковскаго.*—**О важности единодушной молитвы** (Матѳ. XVIII, 19). *Филарета, митроп. Московскаго.*—*Св. Василія Великаго* **на 20 ст. XVIII гл. Мѳ.** 76—79.

Изъясненіе притчи о неблагодарномъ должникѣ (Матѳ. XVIII, 21—35). *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* 79—83.

Библіографическій указатель **къ XVIII гл. Еванг. Матѳ. и парал.** 84.

Ветхозавѣтный праздникъ Кущей. Изрѣченіе Іисуса Христа во время путешествія на праздникъ Кущей чрезъ Самарію: *не вѣсте, коего духа есте вы* (Лук. IX, 55).—**Іисусъ Христосъ на праздникѣ Кущей** (VII гл. Еван. Іоанна).—*Аще кто хощетъ волю Божію творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть* (Іоан. VII, 17).—**Рѣки воды живой** (Іоан. VII, 37—39). *Прот. В. Нечаева.*—**Вопросы и отвѣты на тотъ же текстъ,** *блаж. Августина.* 85—95.

Библіографическій указатель **къ VII гл. Еванг. Іоанна.** 95—96.

Анализъ VIII гл. Еванг. Іоанна. Прощеніе падшей женщины и рѣчь послѣ сего (1—59).—*Иже есть безъ грѣха въ васъ, первый верзи камень на ню* (Іоан. VIII, 7).—**О неосужденіи грѣшницы** (Іоан. VIII, 11). *Прот. Базарова.*—*Аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки* (Іоан. VIII, 51). 96—106.

Библіографическій указатель **къ VIII гл. Еванг. Іоанна.** 106.

Исцѣленіе слѣпорожденнаго (Іоан. IX, 1—41.—**Просвѣщеніе слѣпорожденнаго—образъ просвѣщенія язычниковъ.** *Св. Кирилла Александрійскаго.*—**Объ особенномъ способѣ исцѣленія Іисусомъ Христомъ слѣпорожденнаго** (Іоан. IX, 6—7). *Филарета, митроп. Московскаго.*—**О томъ, какъ Господь дорожилъ временемъ Своей жизни** (объясненіе ст. 4, *его же*).—**Изъясненіе и нравственное приложеніе словъ Іисуса Христа:** *на судъ Азъ въ міръ пріидохъ, да не видяціи видятъ и видяціи слѣпи будутъ* (Іоан. IX, 39). 107—118.

Библіографическій указатель **къ IX гл. Еванг. Іоанна.** 118—119.

Бесѣда Іисуса Христа о добромъ пастырѣ (Іоан. X, 1—21).—*Св. Исидора Пелусіота* **на 8 ст. X гл. Іоан.**—*Св. Василія Великаго* **на ст. 11—13.**—*Его же* **на ст. 16.**—**Вопросъ и отвѣтъ къ тому же ст.** 119—125.

Библіографическій указатель **къ X гл. Еванг. Іоанна.** 126.

Іисусъ Христосъ въ Виѳаніи, въ домѣ Марѳы и Маріи (Лук. X, 38—42). *Евсевія, архіеп. Могилевскаго.*—**О житейскомъ попеченіи, какъ препятствіи къ благодатному посѣщенію Божію.** *Филарета, митроп. Московскаго.* 126—130.

Притча о Самарянинѣ, сказанная по отшествіи Господа въ Галилею (Лук. X, 25—37).—*Св. Амвросія Медіоланскаго* **изъясненіе 30 ст. X гл. Луки.**—*Иди, и ты твори такожде* (Лук. X, 37). *Филарета, митроп. Московскаго.* 130—134.

Библіографическій указатель къ X гл. Еванг. Луки. 134—135.

Обличеніе фарисеевъ и законниковъ, и враждебные ихъ замыслы на Іисуса Христа (Лук. XI, 37—41, 43, 45—46, 52—54; XII, 1):—*Св. Василія Великаго* на 41 ст. XI гл. Лук. 135—136.

Отказъ Іисуса Христа по вопросу о раздѣлѣ наслѣдства (Лук. XII, 13—15). *Берсье.* 136—142.

Избранныя мѣста изъ святыхъ отцевъ въ изъясненіе Евангелія отъ Луки, гл. XII, 16—21.—Что значитъ богатѣть въ Бога (Лук. XII, 21)? *Филарета, митроп. Московскаго.*—Къ притчѣ о Евангельскомъ богачѣ (о состояніи душъ за гробомъ). *Его же.* 142—146.

Мудрость жизни (Лук. XII, 35). Изъ *Вине.*—Мысли еп. Ѳеофана о томъ же. 146—147.

Св. Василія Великаго на 46 ст. XII гл. Луки.—Вопросъ и отвѣтъ, *его же* къ 47—48 ст. XII гл. Луки. 147—148.

О томъ, что Господь горѣлъ желаніемъ потерпѣть страданія за спасеніе людей (Лук. XII, 49): *Филарета, митроп. Московскаго.* 149.

Блаж. Августина поученіе изъ словъ Евангельскихъ: Лук. XII, 56—59.—*Св. Василія Великаго* на 58 ст. XII гл. Луки. 149—151.

Библіографическій указатель къ XII гл. Еванг. Луки. 152.

Пріидоша нѣціи повѣдающе Іисусу *о Галилеехъ, ихже кровь Пилатъ смѣси съ жертвами ихъ* (Лук. XIII, 1). 152—153.

Историческій урокъ изъ словъ Іисуса Христа въ 4—5 ст. XIII гл. Луки, *Филарета, митроп. Московскаго.* 153

На притчу о смоковницѣ (Лук. XIII, 6—9).—*Св. Амвросія Медіоланскаго* на ст. 7.—*Св. Григорія Богослова* на 8 ст.—*Господи, остави ю и се лѣто.* 153—156.

Выборъ изъ отцевъ въ изъясненіе Евангелія объ исцѣленіи скорченной (Лук. XIII, 10—17).—О томъ, что безплодная смоковница и скорченная женщина суть два образа одной и той же испорченности рода человѣческаго. *Св. Григорія Двоеслова.*—Исцѣленіе скорченной (Лук. XIII, 10—13). *Прот. Нечаева.* 156—161.

Библіографическій указатель къ XIII гл. Евангел. Луки. 161.

Прибытіе Господа въ Іерусалимъ на праздникъ обновленія храма и рѣчь тамъ (Іоан. X, 22—39).—**Удаленіе Его на Іордань, въ Перею и Галилею** (40—42). Толкованіе *св. Златоуста.*—Истинные пастыри Церкви и истинныя овцы ея (Іоан. X, 27). *Филарета, митроп. Московскаго.*—*Св. Исидора Пелусіота* на ст. 29. 162—165.

Библіографическій указатель къ X гл. Евангел. Іоанна (22—39). 165.

Іисусъ Христосъ на пути въ Іерусалимъ. Рѣчь по поводу вопроса о числѣ спасающихся (Лук. XIII, 22—30).—Мысли еп. Ѳеофана на ст. 24—30.—Вопросъ и отвѣтъ *Василія Великаго* къ ст. 26—27. 165—167.

Отвѣтъ сказавшимъ Іисусу Христу о злоумышленіяхъ противъ Него Ирода и скорбь объ Іерусалимѣ (31—35).—Мысли еп. Ѳеофана на ст. 35. 167—169.

Іисусъ на вечери у начальника фарисеевъ (Лук. XIV, 1—15).—Мысли еп. Ѳеофана на ст. 8. 169—171.

Избранныя мѣста изъ отцевъ въ изъясненіе притчи о вечери великой (Лук. XIV, 16—24).—Притча о званныхъ на вечерю. 171—176.

Наставленія о самоотверженіи (Лук. XIV, 25—33).—Изъясненіе словъ Іисуса Христа о ненависти къ роднымъ изъ любви къ Богу (Лук. XIV, 26—33). *Прот. Ляпидевскаго.*—О совмѣстности ненависти къ роднымъ съ любовію къ нимъ въ благоразуміи христіанскомъ (Лук. XIV, 25—33). *Григорія Двоеслова.*—Вопросъ и отвѣтъ *Василія Великаго* къ ст. 33.—Мысли еп. Ѳеофана на ст. 34. 176—182.

Библіографическій указатель къ XIV гл. Евангел. Луки. 183.

Значеніе притчи о заблудшей овцѣ (Лук. XV, 4—7). *Прот. Нечаева.* 183—185.

Значеніе притчи о драхмѣ (Лук. XV, 8—10). 185—186.

Значеніе притчи о блудномъ сынѣ Лук. XV, 11 и дал.).—Значеніе притчи о блудномъ сынѣ (выборъ изъ святыхъ отцевъ).—Значеніе притчи о блудномъ сынѣ. *Филарета, митроп. Московскаго.*—Назидательный урокъ для юноши изъ притчи о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 12).—Старшій братъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 25—32). *Блаж. Іеронима.*—Старшій сынъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* 186—200.

Библіографическій указатель къ XV гл. Евангел. Луки. 200—201.

Притча о невѣрномъ управителѣ (Лук. XVI, 1—13). Поводъ, по коему притча сказана. Цѣль притчи, различная по различію слушателей. Конечный предѣлъ притчи и ея нравоученіе. Отличительныя особенности притчи.—Изъясненіе притчи о неправедномъ управителѣ. *Филарета, митроп. Московскаго.*—Изъясненіе притчи о неправедномъ приставникѣ (Лук. XVI, 1—8). Еп. Ѳеофана.—Изъясненіе притчи о невѣрномъ управителѣ (Лук. XVI, 8—13). *Н. Розанова.*—Нравственно-филологическое изъясненіе текста притчи о неправедномъ приставникѣ (Лук. XVI, 9—13). 201—228.

Библіографическій указатель къ XVI гл. Евангел. Луки. 228—229.

Ученіе о нерасторжимости брака и высокомъ достоинствѣ дѣвства (Матѳ. XIX, 3—12). Изъясненіе 1—11 ст. *Св. Григорія Богослова.*—Изъясненіе 11 ст. *Св. Исидора Пелусіота.*—Изъясненіе 12 ст. *Св. Григорія Богослова.*—О томъ же, *св. Іоанна Златоуста.*—О томъ же, *блаж. Ѳеофилакта.*—Мысли еп. Ѳеофана о высотѣ дѣвства.—Его же о нерасторжимости брачнаго союза (Марк. X, 9). 229—236.

Къ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ (Лук. XVI, 19—21). Порфира и виссонъ (Лук. XVI, 19—21). — Надежда свиданія за гробомъ (Лук. XVI, 26). *Сергія, архіеп. Курскаго.—Св. Исидора Пелусіота* на тотъ же ст. 236—238.

Библіографическій указатель къ XVI гл. Евангел. Луки (19—31). 239.

Рѣчи о соблазнахъ, примиреніи и силѣ вѣры (Лук. XVII, 1—10).—*Св. Амвросія Медіоланскаго* на 2 ст. XVII гл. Луки.—*Блаж. Августина* на ст. 3-й. 239—242.

Евангельское повѣствованіе объ исцѣленіи Господомъ десяти прокаженныхъ мужей (Лук. XVII, 11—19). *А. Ключарева.*—О томъ же, *Филарета, митроп. Московскаго.* 242—250.

Отвѣтъ фарисеямъ о времени пришествія Царствія Божія (Лук. XVII, 20—21).—Воцареніе Господа внутри насъ (Лук. XVII, 21). Еп. Ѳеофана. 250—251.

Наставленія ученикамъ о пришествіи Сына Человѣческаго (Лук. XVII, 22—37). 251—252.

Библіографическій указатель къ XVII гл. Евангел. Луки. 253.

Притча о неправедномъ судьѣ (Лук. XVIII, 1—8). 253—254.

Къ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ (Лук. XVIII, 10—14). Моленіе мытарево (Лук. XVIII, 13—14).—Почему молитва фарисея была отринута, а молитва мытаря принята (11—14)? *Филарета, митроп. Московскаго.* 254—258.

Библіографическій указатель къ XVIII гл. Евангел. Луки (1—14 ст.). 258.

Дѣти, принесенныя къ Спасителю (Марк. X, 13—16).—*Оставите дѣтей приходити ко Мнѣ, и не браните имъ* (Лук. XVIII, 16). 258—261.

Общій смыслъ Евангельскаго повѣствованія о богатомъ юношѣ (Матѳ. XIX, 16—26. Марк. X, 17—27. Лук. XVIII, 18—27). *Архим. Сильвестра.*—Сводъ святоотеческихъ толкованій на это повѣствованіе, *его же.*—О нестяжательности (Матѳ. XIX, 20—22). *Филарета, митроп. Московскаго.* 261—279.

Іисусъ Христосъ обѣщаетъ награды Апостоламъ и вообще Своимъ послѣдователямъ (Матѳ. XIX, 27—30. Марк. X, 28—31. Лук. XVIII, 28—30).—*Препод. Макарія Египетскаго* о томъ, что̀ значитъ сказанное Господомъ: *сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома* (Матѳ. XIX, 28).—О судѣ святыхъ (Матѳ. XIX, 28). *Филарета, митроп. Московскаго.*—Обѣтованіе Господне оставляющимъ все Царствія ради Небеснаго (Марк. X, 29—30 и парал.), по святоотеческимъ толкованіямъ. Еп. Ѳеофана.—О томъ, какъ обѣтованіе Господа оставляющимъ все ради Царствія Божія исполняется и *во время сіе* (Лук. XVIII, 29—30). 279—286.

Библіографическій указатель къ XIX гл. Евангел. Матѳея и парал. 286—287.

Притчею о работникахъ въ виноградникѣ, за неравные труды получившихъ равную плату, Іисусъ Христосъ изобличаетъ худое свойство тѣхъ, которые трудятся для Царствія Небеснаго изъза наградъ (Матѳ. XX, 1—16).—Мысли еп. Ѳеофана. 288—289.

Воскрешеніе Лазаря. Виѳанія.—О воскресеніи Лазаря, *св. Ефрема Сирина.*—Воскрешеніе праведнаго Лазаря, *архим. Іосифа.*—О скорби и слезахъ Іисуса Христа предъ воскрешеніемъ Лазаря (Іоан. XI, 33—35), *св. Василія Великаго.*—О томъ же, *архіеп. Иннокентія.*—О томъ же, *Филарета, архіеп. Черниговскаго.*—О томъ же, *свящ. Бутневича.* 290—301.

Филарета, архіеп. Черниговскаго, по вопросу о томъ, почему первые три Евангелиста не упоминаютъ о воскрешеніи Лазаря. 302.

Пророченіе Каіафы (Іоан. XI, 47—52). 302—304.

Распоряженіе синедріона объ открытіи убѣжища Іисусова. Удаленіе Господа въ Ефраимъ (Іоан. XI, 54—57). 304.

Библіографическій указатель къ XI гл. Евангел. Іоанна. 304.

Путешествіе Господа изъ Ефраима чрезъ Іерихонъ въ Іерусалимъ на послѣднюю, во время Его общественнаго служенія, Пасху.—На пути въ Іерусалимъ Іисусъ Христосъ говоритъ ученикамъ Своимъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ, смерти и воскресеніи (Марк. X, 32—34. Лук. XVIII, 31—34. Матѳ. XX, 17—19).—Мысли еп. Ѳеофана на 34 ст. XVIII гл. Луки. 305—306.

Отвѣтъ на просьбу сыновей Зеведеевыхъ (Матѳ. XX, 20—28. Марк. X, 35—45.—*Св. Василія Великаго* на сказанное въ 23 ст. XX гл. Матѳ.: *чашу Мою дати, но имже уготовася.*—О томъ же, *св. Исидора Пелусіота.*—О просьбѣ сыновей Зеведея (Марк. X, 37—38). *Филарета, митроп. Московскаго.—Иже аще хощетъ въ васъ великій быти, да будетъ вамъ слуга: и иже хо-*

шетъ въ васъ быти старѣй, да будетъ всѣмъ рабъ (Марк. X, 43—44). 306—310.

О предсказаніи Господа нашего Іисуса Христа о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, и объ исцѣленіи Іерихонскаго слѣпца по Евангелію Луки, XVIII, 31—44. *Св. Григорія Двоеслова.*—Исцѣленіе Іерихонскаго слѣпца (Лук. XVIII, 35—43). 310—315.

Библіографическій указатель къ XX гл. Евангел. Матѳея и парал. 315—316.

Избранныя мѣста изъ отцевъ на Евангеліе о Закхеѣ (Лук. XIX, 1—10).—Закхей мытарь (Лук. XIX, 1—10). *Свящ. М. Предтеченскаго.*—Закхей мытарь. *Прот. А. Лебедева.* 316—324.

Притча о господинѣ, отправившемся въ путь для пріятія царства, и о розданныхъ имъ минахъ (Лук. XIX, 11—28).—*Св. Василія Великаго* на притчу о десяти минахъ.—*Его же* на ст. 23.—Мысли еп. Ѳеофана. 324—327.

Библіографическій указатель къ XIX гл. Евангел. Луки. 327—328.

Вечеря въ Виѳаніи (Іоан. XII, 1—11).—Вечеря въ Виѳаніи, описанная Евангелистомъ Іоанномъ, одна ли и та же съ вечерею въ домѣ Симона прокаженнаго, о которой разсказываютъ Евангелисты Матѳей и Маркъ? *Еп. Михаила.* 329—332.

Страстная седмица.

О входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ (Матѳ. XXI, 1—5). *Св. Іоанна Златоустаго.*—Изъясненіе пророчества и таинства сего дня (Матѳ. XXI, 4—5). *Филарета, митроп. Московскаго.*—О значеніи входа Господня въ Іерусалимъ. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.*—Торжественный входъ Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ (Іоан. XII, 12—19. Матѳ. XXI, 1—11, 14—17. Марк. XI, 1—11. Лук. XIX, 29—44). *Свящ. Некрасова.*—Какой смыслъ соединяли Іудеи съ восклицаніемъ: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне,* и какое значеніе имѣетъ оно въ нашихъ церковныхъ службахъ? *Свящ. В. Нечаева.*—Почему Іерусалимскіе отроки въ знаніи вѣры оказались болѣе успѣвшими, нежели первосвященники и ученые (Матѳ. XXI, 15)? *Филарета, митроп. Московскаго.*—Мысли еп. Ѳеофана на плачъ Іисуса Христа объ Іерусалимѣ (Лук. XIX, 38—41). 333—349.

Библіографическій указатель къ повѣствованію о входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. 350.

Отъ понедѣльника до вечера среды.

Проклятіе смоковницы (Марк. XI, 12—14. Матѳ. XXI, 18—19). О символическомъ и нравственномъ знаменованіи проклятія смоковницы. Слова *Златоуста.*—Слова *Исидора Пелусіота.*—Листья безъ плодовъ. *Георгія Конисскаго.*—Мысли еп. Ѳеофана.—Новѣйшее экзегетическое толкованіе *свящ. Буткевича.* 351—357.

Іисусъ Христосъ на замѣчаніе о засохшей смоковницѣ внушаетъ ученикамъ о силѣ вѣры (Марк. XI, 20—26. Матѳ. XXI, 20—22). 357—358.

Изгнаніе изъ храма торжниковъ (Марк. XI, 15—18. Лук. XIX, 45—48.—Матѳ. XXI, 12—13).—Слова *св. Златоуста* къ ст. 12 и 13 Матѳея.—Мысли еп. Ѳеофана на 46 ст. Еванг. Луки.—Мысли его же на 13 ст. XXI гл. Матѳ.—Примиреніе кажущихся противорѣчій въ повѣствованіяхъ различныхъ Евангелистовъ объ очищеніи храма. *Свящ. Маркова.* 358—362.

Изложеніе содержанія рѣчи Іисуса Христа по поводу пришествія Еллиновъ и изъясненіе ея (Іоан. XII, 20—36). *Свящ. Некрасова.*—О томъ, какіе плоды тотчасъ принесла крестная смерть Спасителя (Іоан. XII, 24). *Филарета, митроп. Московскаго.*—Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же стихъ.—Изъясненіе и нравственное приложеніе словъ Іисуса Христа: *дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете* (Іоан. XII, 36). 362—368.

Заключеніе къ исторіи общественнаго служенія Іисуса Христа въ Евангеліи Іоанна (XII, 37—50). *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* 369—371.

Отвѣтный вопросъ о происхожденіи крещенія Іоаннова (Матѳ. XXI, 23—27). *Св. Златоуста.*—Мысли еп. Ѳеофана о томъ же. 371—372.

Притча о послушномъ и непослушномъ сынѣ (Матѳ. XXI, 28—32). Толкованіе *Златоустаго.*—Мысли еп. Ѳеофана. 372—373.

Притча о виноградникѣ (Матѳ. XXI, 33—42).—Изъясненіе притчи о виноградникѣ (33—43), *Ніодора, архіеп. Курскаго.*—Толкованіе на 42—44 ст. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* 374—379.

Библіографическій указатель къ XXI гл. Евангелиста Матѳея, и парал. 380.

Притча о бракѣ царскаго сына (Матѳ. XXII, 1—14). Изъясненіе Евангелія въ 14 нед. по Пятидесятницѣ. *Блаж. Іеронима.*—Изъ слова *Симеона Новаго Богослова* на притчу о бракѣ царскаго сына. 381—386.

О вопросѣ фарисеевъ: *достойно ли есть дати кинсонъ кесареви,* и отвѣтѣ Іисуса Христа (Матѳ. XXII, 15—22). *Филарета, митрополита Московскаго.* 386—387.

Отвѣтъ саддукеямъ о воскресеніи мертвыхъ (Матѳ. XXII, 23—33. Марк. XII, 18—27. Лук. XX, 27—39). *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* 387—389.

Отвѣтъ законнику на вопросъ о заповѣдяхъ (Матѳ. XXII, 35—46). 389—392. *Библіографическій указатель* къ XXII гл. Евангелиста Матѳея и парал. 392—394.

Обличительная рѣчь противъ фарисеевъ (Матѳ. XXIII гл.).—Мысли еп. Ѳеофана на 13 ст. XXIII гл. Матѳ.—О личности Захаріи, сына Варахіи (35).—*Прот. С. Вишнякова.*—Изъясненіе 37—39 ст. *Св. Златоуста.*—Мысли еп. Ѳеофана на 38 ст.—Древнія и новыя толкованія на ст. 39. *И. Спасскаго.* 394—401.

О двухъ лептахъ вдовицы (Лук. XXI, 1—3). *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.*—О томъ же, еп. Ѳеофана. 401—402.

Библіографическій указатель къ XXIII гл. Евангелиста Матѳея. 402.

Пророчество Господа нашего Іисуса Христа о разрушеніи Іерусалима и о второмъ пришествіи Своемъ на землю (Матѳ. XXIV гл. Марк. XIII. Лук. XXI). Пророчество Господа о храмѣ, Іерусалимѣ и народѣ Іудейскомъ (Матѳ. XXIV, 2. Лук. XXI, 24). 403—410.

Наставленіе Іисуса Христа о мужествѣ въ бѣдствіяхъ (Матѳ. XXIV, 6). *Филарета, митроп. Московскаго.*—Мысли еп. Ѳеофана на 12 и 13 ст. XXIV гл. Матѳ.—*Св. Исидора Пелусіота* на 16—19 ст.—*Св. Василія Великаго* на 20 ст.—Мысли еп. Ѳеофана на 23 ст.—Толкованіе *еп. Михаила* на 28 ст.—Знаменіе Сына Человѣческаго (30), *Н. Щеголева.*—Толкованіе *св. Златоуста* на 32—34 ст.—*Небо и земля мимоидутъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (35).—*Св. Василія Великаго* на 36 ст.—О томъ же *св. Іоанна Златоустаго.*—Св. *Григорія Богослова* на 32 ст. XIII гл. Марк.—Толкованіе *св. Ефрема Сирина* на 40 ст. XXIV гл. Матѳ.—Толкованіе *Исидора Пелусіота* на 41 ст.—Мысли еп. Ѳеофана на 42 ст. 410—421.

Мысли еп. Ѳеофана на XXI гл. Лук., 6 ст.—Родъ премудрости послѣдователей Іисуса Христа (Лук. XXI, 13—15). *Филарета, митрополита Московскаго.*—*Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. XXI, 19).—Толкованіе *Леонтія, архіеп. Варшавскаго,* на 24 ст. гл. XXI Луки.—Противъ невоздержанія (Лук. XXI, 34). *Филарета, митроп. Московскаго.*—Мысли еп. Ѳеофана о томъ же. 421—427.

Библіографическій указатель къ XXIV гл. Евангелиста Матѳ. и парал. 427—428.

Притча о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ (Матѳ. XXV, 1—13). Толкованіе *св. Ефрема Сирина.*—Въ чемъ состоитъ истинная мудрость (Матѳ. XXV, 1—13)? *Филарета, митроп. Московскаго.*—Значеніе притчи о десяти дѣвахъ, еп. Ѳеофана. 428—430.

Притча о талантахъ (Матѳ. XXV 14—30). Изъясненіе *блаж. Іеронима.*—Вопросъ и отвѣтъ *св. Василія Великаго* на ст. 15.—*Св. Ефрема Сирина* на слова: *имущему дано будетъ и преизбудетъ* (29).—Значеніе притчи о талантахъ. *Филарета, митроп. Московскаго.*—Мысли еп. Ѳеофана о томъ же.—Жизнь по закону внѣшняго долга и по закону нравственности христіанской (Матѳ. XXV, 24—28). *Д. Богольпова.* 430—437.

Изображеніе страшнаго суда Господня (Матѳ. XXV, 31—46).—О побужденіяхъ къ дѣламъ человѣколюбія въ рѣчи Іисуса Христа о страшномъ судѣ (Матѳ. XXV, 40). *Филарета, митроп. Московскаго.*—О вѣчныхъ мученіяхъ (Матѳ. XXV, 41), *его же.*—Адскія мученія, еп. Ѳеофана. 437—446.

Библіографическій указатель къ XXV гл. Евангелиста Матѳея. 446—447.

Вечеръ среды.

Вечеря въ Виѳаніи, въ домѣ Симона (Матѳ. XXVI, 6—13. Марк. XIV, 3—9).—*Св. Іоанна Златоуста* о негодованіи учениковъ на поступокъ жены, помазавшей Іисуса Христа мурромъ (Матѳ. XXVI, 8—9).—О таинственномъ значеніи возліянія мура на главу Христову (Марк. XIV, 9). 448—451.

Заговоръ синедріона и предательскій замыселъ Іуды (Матѳ. XXVI, 3—4, 14—16. Марк. XIV, 1—2, 10—11. Лук. XXII, 1—6). Сравненіе Евангельскихъ сказаній объ этомъ событіи и экзегетическія примѣчанія *М. Муретова.*—Гнусность сердца Іуды предателя (Матѳ. XXVI, 14—15). *Митроп. Григорія.* 451—457.

Библіографическій указатель къ XXVI гл. Евангелиста Матѳея. 457.

Великій четвертокъ.

Соглашеніе Евангельскихъ сказаній о Пасхѣ, которую совершилъ Іисусъ Христосъ въ навечеріи Своей крестной смерти (Матѳ. XXVI, 17—20. Марк. XIV—18. Лук. XXII, 7—16. Іоан. XII, 1; XVIII, 28; XXIX, 31.—О томъ же *Діакона Кудрявцева.* 458—469.

Омовеніе ногъ на Тайной вечери (Іоан. XIII, 1—17). *Берсье.*—Умовеніе ногъ на востокѣ (Іоан. XIII, 14).—*Препод. Нила подвижника* о умовеніи ногъ Апостоламъ. 469—478.

Установленіе таинства Евхаристіи. Матѳ. XXVI, 26—29 и паралл.).—О таинствѣ причащенія, *Филарета, митроп. Московскаго.* О непостижимости таинства Тѣла и Крови Христовой и о благотворныхъ дѣйствіяхъ онаго въ вѣрующихъ. Господь предложилъ намъ Тѣло Свое для питанія всегдашняго и

постояннаго (Марк. XIV, 22). Почему Господь къ словамъ: *пійте отъ нея*, присовокупилъ слово *вси?* (Матѳ. XXVI, 28). 478—484.

Препод. Нила Синайскаго на 36 ст. XXII гл. Евангелиста Луки. *Св. Василія Великаго* на тотъ же ст. 484—486.

Библіографическій Указатель къ XXVI гл. Евангелиста Матѳея и парал. 487.

О послѣдней бесѣдѣ Іисуса Христа съ учениками предъ Его страданіемъ (Іоан. XIII, 31—38; XIV; XV; XVI; XVII). *Иннокентія архіеп. Херсонскаго.* 488—490.

Изъясненіе прощальныхъ рѣчей Іисуса Христа къ Своимъ ученикамъ (Іоан. XIII, 31—XVII, 26). 1) Возвѣщеніе Спасителя ученикамъ о Своей смерти и отреченіи Петра (Іоан. XIII, 31—38). 2) Объ отшествіи Іисуса Христа ко Отцу и посланіи Утѣшителя (XIV, 1—31). 3) Притча о виноградной лозѣ и ея вѣтвяхъ (XV, 1—11). 4) Заповѣдь о взаимной любви основывающійся на любви ко Христу (12—17).—5) О ненависти міра къ ученикамъ Христовымъ (18—XVI, 4).—6). 6) Побѣда учениковъ надъ міромъ силою Святаго Духа и испытаніе ихъ вѣры (5—33).—Первосвященническая молитва Іисуса Христа (XVII, 1—26). 490—518.

О томъ, какъ понимать слова Іисуса Христа: *въ дому Отца Моего обители многи суть* (Іоан. XIV, 2). *Св. Ефрема Сирина.—Блаж. Августина* о томъ, какъ отшедшій отъ насъ ко Отцу Господь уготовляетъ вѣрнымъ Своимъ обители? (Іоан. XIV, 2—3). 518—520.

Не видѣть и однако видѣть (Іоан. XIV, 9; I, 18). 520—521.

Св. Василія Великаго на 9 ст. XIV гл.—*Его же* на ст. 17.—*Его же* на ст. 28. 521—523.

Азъ есмь лоза, вы же рождіе (Іоан. XV, 5).—*Св. Василія Великаго* на тотъ же ст. 523—524.

Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моею пріиметъ и возвѣститъ вамъ (Іоан. XVI, 14).—*Св. Василія Великаго* на тотъ же ст. 524—526.

О молитвѣ во имя Іисуса Христа (Іоан. XVI, 23—24). *Филарета, митроп. Московскаго.* 526.

Св. Василія Великаго на 5 ст. XVII гл.—*Его же* на ст. 10. 526—527.

Библіографическій указатель къ прощальной бесѣдѣ Іисуса Христа съ учениками. Іоан. XIII, 31—38—XVII гл. 527—528.

Страстное шествіе Господа нашего Іисуса Христа отъ Геѳсиманіи до Голгоѳы и беззаконный судъ надъ Нимъ Іудеевъ. (Сводъ Евангельскихъ сказаній). 529—532.

Іисусъ Христосъ въ саду Геѳсиманскомъ. Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о внутреннемъ состояніи Іисуса Христа и о другихъ событіяхъ въ саду Геѳсиманскомъ. *Діак. Кудрявцева.* 533—534.

Геѳсиманскій подвигъ Спасителя.—О значеніи событій въ Геѳсиманскомъ саду.—Какъ понимать скорбь Господа въ Геѳсиманскомъ саду (Матѳ. XXVI, 38)? *Филарета, митр. Кіевскаго.*—О томъ же, *Филарета, митроп. Московскаго.*—Смыслъ Геѳсиманской молитвы Іисусовой (Лук. XXII, 41—42).—Чему поучаетъ насъ моленіе Іисуса Христа въ Геѳсиманіи (Матѳ. XXVI, 36)? *Филарета, митроп. Московскаго.* 535—545.

О кровавомъ потѣ Іисуса Христа. (Экзегетическое толкованіе 44 ст. XXII гл. Луки). *Свящ. Буткевича.* 545—546.

Изъ бесѣды *св. Златоуста* на слова: *Отче, аще возможно есть, да мимойдетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI, 39).—О томъ же, *св. Василія Великаго.* 546—547.

Св. Исидора Пелусіота на слова: *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. XXVI, 41).—О томъ же, *св. Василія Великаго* на Евангеліе Луки XXII, 40.—О томъ же, *Филарета, митр. Московскаго* (Матѳ. XXVI, 41). 547—548.

Поучительная ночь, въ которую Господь Іисусъ Христосъ былъ преданъ. 548—551.

Іуда предатель. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.*—Какъ согласить виновность Іуды предателя и беззаконныхъ судей Іисуса Христа съ Божественнымъ предопредѣленіемъ объ искупительныхъ страданіяхъ Его? (Матѳ. XXVI, 24. Лук. XXIV, 46—47). *Архим. Августина.* 551—556.

Библіографическій указатель къ повѣствованію о событіяхъ въ саду Геѳсиманскомъ (Матѳ. XXVI, 36—56). 556.

Іисусъ Христосъ на судѣ у первосвященниковъ (Матѳ. XXVI, 57—75. Марк. XIV, 53—72. Лук. XXII, 54—71. Іоан. XVIII, 12—27).—Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ у духовной власти, *діак. Кудрявцева.* 557—559.

Искупительное значеніе суда надъ Іисусомъ Христомъ предъ Каіафою и Пилатомъ, *прот. Гречулевича.* 559—564.

Отреченіе Петра и слезы его (Матѳ. XXVI, 69—75.—Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ объ отреченіи Петра, *діак. Кудрявцева.*—Урокъ покаянія въ великомъ канонѣ *св. Андрея Критскаго. Прот. Нечаева.*—Объ отреченіи Петра, *св. Исидора Пелусіота*, 564—568.

Погибель Іуды (Матѳ. XXVII, 2—7). *Муретова.*—Покаяніе Іудино (Матѳ. XXVII, 3—4). 568—571.

Великій пятокъ.

Іисусъ Христосъ на судѣ у Пилата (Іоан. XVIII, 28—38). Марк. 15, 1—5. Лук.

XXIII, 1—4. Матѳ. XXVII, 2, 11—14), *прот. Боюсловскаго*. 571—572.

Іисусъ Христосъ на судѣ у Ирода (Лук. XXIII, 5—12).—*Быста же друга Иродъ же и Пилатъ въ той день съ собою: прежде бо бѣста вражду имѣюща между собою* (Лук. XXIII, 12). 572—575.

Второй судъ у Пилата (Лук. XXIII, 13—23. Марк. XV, 6—14. Матѳ. XXVII, 15—23. Іоан. XVIII, 39—IX, 12). *Прот. Боюсловскаго*. 575—577.

О судѣ Пилата и подражателяхъ ему. *Іеромонаха Августина*. 577—578.

О томъ, что не слѣдуетъ безусловно довѣрять суду общественнаго мнѣнія (Матѳ. XXVII, 22—25). *Іоанникія, митроп. Московскаго*. 578—582.

Погибель Пилата. 582.

Библіографическій указатель къ исторіи суда надъ Іисусомъ Христомъ. 583.

Распятіе и смерть Іисуса Христа (Матѳ. XXVII, 31—56. Марк. XV, 20—41. Лук. XXIII, 26—49. Іоан. XIX, 16—37). 584—586.

Гора Голгоѳа.—*Св. Епифанія Кипрскаго* о томъ, почему мѣсто, на которомъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, называется Лобнымъ? 586—589.

Крестъ Христовъ и Голгоѳскія событія, его окружающія. *Архим. Фотія*. 589—593.

Крестная смерть.—Причины крестной смерти Христа Спасителя, по ученію святыхъ отцевъ и учителей Церкви.—*Св. Григорія Нисскаго* о тайнѣ креста. 593—599.

Несеніе креста Спасителемъ (Іоан. XIX, 17. Марк. XV, 21). 599—601.

О плачѣ женъ Іерусалимскихъ (Лук. XXIII, 28).—О томъ же *св. Исидора Пелусіота*.—О томъ же, *архіеп. Иннокентія*. 601—604.

Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о времени распятія Іисуса Христа. *Діакона Кудрявцева*. 604—605.

О распятіи двухъ разбойниковъ со Христомъ (Іоан. XIX, 17—18). *Св. Кирилла Александрійскаго*. 605—606.

Какимъ образомъ враги Іисуса Христа дошли до сатанинскаго злорадства и глумленія надъ Нимъ во время ужаснѣйшихъ страданій Его на крестѣ? *Павла, архіеп. Кишиневскаго*. 606—612.

Семь словъ Спасителя на крестѣ. Первое слово (Лук. XXIII, 34). Второе слово (Лук. XXIII, 43). Третіе слово (Іоан. XIX, 26—27). Четвертое слово (Матѳ. XXVII, 46). Пятое слово (Іоан. XIX, 28). Шестое и седьмое слово (Іоан. XIX, 30 и Лук. XXIII, 46). 612—617.

Божественный примѣръ молитвы за враговъ (Лук. XXIII, 34). *Архіеп. Иннокентія*.—О молитвѣ Спасителя за распинателей (Лук. XXIII, 34). *М. Ястребова*. 617—620.

Попеченіе Іисуса Христа на крестѣ о Своей Матери и образъ Ея жизни (Іоан. XIX, 26—27). *Филарета, митроп. Московскаго*. 620—621.

Вопросъ и отвѣтъ къ словамъ Іисуса Христа: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. XXVII, 46). 621—622.

Свидѣтельства языческихъ писателей о тьмѣ, бывшей во время страданій Спасителя (Матѳ. XXVII, 45). 622—623.

О прободеніи ребра Іисуса Христа (Іоан. XIX, 32—37). *Филарета, архіеп. Черниговскаго*.—Къ вопросу о неперебитіи голеней распятому Господу (Іоан. XIX, 31—34). 623—629.

Символическое значеніе крови и воды, истекшихъ изъ прободенныхъ ребръ Спасителя (Изъ канона *св. Андрея Критскаго*).—*Прот. Нечаева*. 629—630.

Чудесныя знаменія, послѣдовавшія за смертію Господа нашего Іисуса Христа (Матѳ. XXVII, 51—53). *Архим. Никодима*.—*Св. Григорія Двоеслова* о воскресеніи умершихъ, послѣдовавшемъ за смертію Іисуса Христа (Матѳ. XXVII, 53).—О томъ же, *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго*. Нравственные уроки изъ Евангельскаго повѣствованія о чудесныхъ знаменіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Господа нашего Іисуса Христа (Матѳ. XXVII, 51—52, 54). 630—640.

Какъ могъ Спаситель быть въ раю въ день Своей смерти, когда послѣ Онъ Самъ сказалъ, что не взошелъ еще къ Отцу Своему? 640.

Погребеніе Господа нашего Іисуса Христа (Матѳ. XXVII, 57—66 и парал.). *Архим. Фотія*. Іосифъ Аримаѳейскій. *Д. Державина*. 640—646.

Библіографическій указатель къ XXVII гл. Еванг. Матѳея и парал. 647—649.

О воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа.

Примиреніе нѣкоторыхъ видимыхъ несогласій въ повѣствованіи св. Евангелистовъ о воскресеніи и явленіяхъ воскресшаго Господа. *Св. Амвросія Медіоланскаго*.—Евангельскія извѣстія о воскресеніи Христовомъ. *Ѳ. Смирнова*.—Ангелы во гробѣ воскресшаго Спасителя (Марк. XVI, 5. Іоан. XX, 12). 650—659.

Воскресеніе Христово (по синаксарю во св. недѣлю Пасхи). 659—660.

Воскресеніе Христово. *Воистинну воста Господь* (Лук. XXIV, 34). 660—661.

Воскресеніе Христово (изъ апологетическихъ очерковъ *Вернера*). 661—663.

О значеніи воскресенія Іисуса Христа. Оно служитъ: 1) доказательствомъ Божества

Іисуса Христа и 2) началомъ нашего воскресенія. *Филарета, митроп. Московскаго.* 663—664.

Ложь Іудеевъ, доказывающая истину воскресенія Христова (Матѳ. XXVII, 62—64). 664—666.

Синедріонъ и Апостолы при вѣсти о воскресеніи Христовомъ (Матѳ. XXVIII, 12—13. Лук. XXIV, 11, 37). 666—670.

Св. Іоанна Златоуста о томъ, почему Господь Іисусъ Христосъ не явился всѣмъ Іудеямъ по воскресеніи. 670—671.

Кому прежде всѣхъ явился Господь Іисусъ Христосъ по воскресеніи? *В. Пѣвницкаго,* 671—674.

Какъ убѣждались первые ученики Господа въ истинѣ воскресенія Его? *Архим. Варѳоломея.* 674—677.

Явленія Іисуса Христа по воскресеніи. 677—679.

Уроки *Амвросія, еп. Медіоланскаго,* изъ Евангельскаго повѣствованія о женахъ мироносицахъ. 679—680.

Черты жизни Маріи Магдалины по Евангельскимъ сказаніямъ. *Филарета, митроп. Московскаго.*—Какъ Марія Магдалина могла достигнуть первенства въ видѣніи Господа воскресшаго, и почему Онъ явился ей одной, а не вмѣстѣ съ Петромъ и Іоанномъ (Марк. XVI, 9. Іоан. XX, 17). *Его же.* 680—683.

Блаж. Августина изъясненіе словъ Спасителя къ Маріи Магдалинѣ: *не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу Моему* (Іоан. XX, 17). О томъ же, *св. Кирилла, архіеп. Александрійскаго.*—О томъ же, *св. Іоанна Златоуста.* 683—685.

О явленіи Іисуса Христа ученикамъ въ первый день по воскресеніи (Лук. XXIV 13—36). *Филарета, митроп. Московскаго* 685—686.

Св. Исидора Пелусіота на 26 ст. XXIV гл. Луки. 686—687.

О явленіи Іисуса Христа одиннадцати ученикамъ по Евангелію Марка (XVI, 14—18). *Св. Григорія Двоеслова.* 687—688.

О явленіи Іисуса Христа Апостолу Ѳомѣ (Іоан. XX, 26—27). *Св. Кирилла Александрійскаго.*—Взглядъ Церкви на невѣріе Апостола Ѳомы (въ Богослужебныхъ пѣсняхъ).—*Блажени невидѣвшіи и вѣровавше* (Іоан. XX, 29). 688—692.

Таинственное изъясненіе Евангельскаго сказанія о чудесной ловлѣ рыбъ (Іоан. XXI, 6). *Блаж. Августина.* 692—693.

Возстановленіе Петра въ чинѣ Апостольства (Іоан. XXI, 15—19). *Священника М. Трухманова.* Послѣдняя бесѣда Петра съ Господомъ (Іоан. XXI, 20—23). *Его же.* 693—700.

О явленіи Іисуса Христа на горѣ Галилейской. Изъясненіе 16—20 ст. XXVIII гл. Евангелиста Матѳея. *Св. Златоуста.* Изъясненіе 18 ст. XXVIII гл. Евангелиста Матѳея. *Филарета, митроп. Московскаго.* 700—703.

Библіографическій указатель къ XXVIII главѣ Евангелиста Матѳея и парал. (О воскресеніи Іисуса Христа). 703—707.

Вознесеніе Христово.

О вознесеніи Господа на небо (Марк. XVI, 19—20). *Св. Григорія Двоеслова.*—О вознесеніи Господа на небо (Лук. XXIV, 50—52). *Филарета, митроп. Московскаго.*—Преданія о мѣстѣ и времени вознесенія Іисуса Христа на небо. 708—714.

Библіографическій указатель къ Евангельскому повѣствованію о вознесеніи Іисуса Христа. 714.

ОГЛАВЛЕНІЕ

предметовъ и статей Сборника въ порядкѣ главъ и стиховъ каждаго Евангелія.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Глава.	*Стихъ.*		*Стран.*
		Евангеліе отъ Матѳея.	
I.	1—20.	Обличеніе фарисеевъ относительно преданій старцевъ. *Прот. Горскаго*	4—6.
—	8—9.	Что значитъ приближаться къ Богу устами, а сердцемъ далеко отстоять отъ Него? *Филарета, митроп. Московскаго*	6.
—	11.	Лукавое мудрованіе чревоугодниковъ. *Сергія, архіеп. Курскаго.*—Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же текстъ	6—7.
	19.	*Отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія. Сія суть сквернящая человѣка*	8—10.
—	12—28.	Исцѣленіе дочери рабы Хананейской. — Евангеліе о женѣ Хананейской	10—14.
—	29—31.	Путешествіе Господа по области Десятиградія: исцѣленіе многихъ больныхъ	14—15.
—	32—38.	Насыщеніе четырехъ тысячъ человѣкъ семью хлѣбами	15.
—	39.	Возвращеніе въ Галилею, въ предѣлы Магдалинскіе	16.
XVI.	1—12.	Отвѣтъ фарисеямъ и саддукеямъ, требовавшимъ знаменія съ неба. Отшествіе вновь на сѣверовосточную сторону Галилейскаго озера и предостереженіе учениковъ отъ закваски фарисейской и саддукейской	16.
—	1—4.	Мысли еп. Ѳеофана.—Что такое знаменіе временъ? И гдѣ мы должны установить главную точку зрѣнія для практическаго наблюденія за знаменіями временъ? *Амвросія, архіеп. Харьковскаго*	16—19.
—	13—20.	Исповѣданіе Петра (въ Кесаріи Филипповой)	20—22.
—	18.	Почему Спаситель сказалъ Апостолу Петру, а не другимъ Апостоламъ: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою,* и что значатъ слова: *врата адова не одолѣютъ ей?*	22—24.
—	19—20.	Изъясненіе *еп. Михаила*	24—25.
—	21—28.	Предреченіе Іисуса Христа о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, и ученіе о крестѣ Своихъ послѣдователей	25—26.
XVII.	1—5.	О преображеніи Іисуса Христа. *Св. Ефрема Сирина*	49—52.
—	1—2.	*Св. Григорія Паламы* о свойствѣ свѣта, видѣннаго Апостолами на Ѳаворѣ	52—53.
—	2.	О преображеніи Іисуса Христа. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.*	42—46.
—	3—8.	*Св. Іоанна Златоустаго* о явленіи Моусея и Иліи на Ѳаворѣ и о гласѣ Отчемъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*	53—55.

Глава.	Стихъ.		Стран.
XVII.	5.	О гласѣ Отчемъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный. Павла, архіеп. Кишиневскаго*	46—47.
—	14—23.	Исцѣленіе бѣсноватаго отрока. — *Блаж. Іеронима* изъясненіе Евангелія въ 10 нед. по Пятидесятницѣ	55—59.
—	14.	Толкованіе *св. Аванасія Александрійскаго*	59—60.
—	24—27.	Прибытіе въ Капернаумъ. Чудесная находка. *С. Д—ва*	62—64.
—	27.	Толкованіе *святаго Амвросія Медіоланскаго* и *Исидора Пелусіота*	64.
XVIII.	1—5.	Ученіе Іисуса Христа о смиренномудріи. Дитя, которое Спаситель поставилъ около Себя	66—67
—	3.	Какъ должно понимать слова: *аще не обратитеся и будете яко дѣти. Исидора Пелусіота.* — Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же ст.	67.
—	5.	Мысли еп. Ѳеофана	67.
—	10.	Объ особенномъ вниманіи, какого требуютъ дѣти и ихъ воспитаніе. *Филарета, митроп. Московскаго*	68—70.
—	17.	Сущность и духъ церковной анаѳемы. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.*—О томъ же, *Амвросія, архіеп. Харьковскаго.*	76—78.
—	19.	О важности единодушной молитвы. *Филарета, митроп. Московскаго*	78—79.
	20.	Толкованіе *св. Василія Великаго*	79.
—	21—35.	Изъясненіе притчи о неблагодарномъ должникѣ. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго*	79—83.
XIX.	1—12.	Ученіе о нерасторжимости брака и высокомъ достоинствѣ дѣвства. Изъясненіе *св. Григорія Богослова, св. Исидора Пелусіота, св. Іоанна Златоустаго* и *блаж. Ѳеофилакта.*— Мысли еп. Ѳеофана о высотѣ дѣвства	229—235.
—	16—26.	Общій смыслъ Евангельскаго повѣствованія о богатомъ юношѣ. *Архим. Сильвестра.* Сводъ святоотеческихъ толкованій на это повѣствованіе	261—277.
—	20—22.	О нестяжательности. *Филарета, митроп. Московскаго*	277—279.
—	27—30.	Іисусъ Христосъ обѣщаетъ награды Апостоламъ и вообще Своимъ послѣдователямъ	279.
—	28.	*Препод. Макарія Египетскаго* о томъ, что̀ значитъ сказанное Господомъ: *сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома.*—О судѣ святыхъ. *Филарета, митроп. Московскаго*	279—282.
XX.	1—16.	Притчею о работникахъ въ виноградникѣ, за неравные труды получившихъ равную плату, Іисусъ Христосъ изобличаетъ худое свойство тѣхъ, которые трудятся для Царства Небеснаго изъ-за наградъ.—Мысли еп. Ѳеофана	288—289. 306.
—	20—28.	Отвѣтъ на просьбу матери сыновей Зеведея	306—307.
—	23.	Толкованіе *св. Василія Великаго и Исидора Пелусіота*	
XXI.	1—11.	О входѣ въ Іерусалимъ. *Св. Іоанна Златоустаго.*—Изъясненіе пророчества (4—5) и таинства сего дня. *Филарета, митр. Московскаго.*—О значеніи входа Господня въ Іерусалимъ. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* — Торжественный входъ Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ. *Свящ. Некрасова*	333—345.
—	9.	Какой смыслъ соединяли Іуден съ восклицаніемъ: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне,* и какое значеніе имѣетъ оно въ нашихъ церковныхъ службахъ? *Свящ. В. Нечаева*	345—348.
—	12—13.	Объ изгнаніи изъ храма торжниковъ. *Св. Златоуста* и еп. Ѳеофана	358—359.

Глава.	Стихъ.		Стран.
XXI.	15.	Почему Іерусалимскіе отроки въ знаніи вѣры оказались болѣе успѣвшими, нежели первосвященники и ученые? *Филарета, митроп. Московскаго*	348—349.
—	18—19.	Проклятіе смоковницы.—О символическомъ и нравственномъ значеніи этого событія: *Св. Златоуста* и *Исидора Пелусіота*	351.
—	—	Листья безъ плодовъ. *Георгія Конисскаго.* — Мысли еп. Ѳеофана.—Новѣйшее экзегетическое толкованіе. *Свящ. Буткевича*	351—357.
—	20—22	Іисусъ Христосъ на замѣчаніе о засохшей смоковницѣ внушаетъ ученикамъ о силѣ вѣры	357—358.
—	—	Примиреніе кажущихся противорѣчій въ повѣствованіяхъ различныхъ Евангелистовъ объ очищеніи храма. *Свящ. Маркова*	359—362.
—	23—27.	Отвѣтный вопросъ о происхожденіи крещенія Іоаннова. Толкованіе *св. Златоустаго.*—Мысли еп. Ѳеофана	371—372.
—	28—32.	Притча о послушномъ и непослушномъ сынѣ. Толкованіе *св. Златоустаго.*—Мысли еп. Ѳеофана	372—373.
—	33—42.	Притча о виноградарѣ. Толкованіе *Иліодора, архіеп. Курскаго*	374—379
—	42—44.	Толкованіе *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго*	379.
XXII.	1—14.	Притча о бракѣ царскаго сына. Толкованіе *блаж. Іеронима.*—О томъ же, *Симеона Новаго Богослова*	381—386.
—	15—22.	О вопросѣ фарисеевъ: *достойно ли есть дати кинсонъ кесареви,* и отвѣтѣ Іисуса Христа. *Филарета, митроп. Московскаго*	386—387.
—	23—33.	Отвѣтъ саддукеямъ о воскресеніи мертвыхъ. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.*	387—389.
—	35—46.	Отвѣтъ законнику о заповѣдяхъ	389—392.
XXIII.	1—39.	Обличительная рѣчь противъ фарисеевъ	394—397.
—	13.	Мысли еп. Ѳеофана	397.
—	35.	О личности Захаріи, сына Варахіи. *Прот. Вишнякова*	397—399.
—	37—39.	Толкованіе *св. Златоустаго*	399—400.
—	38.	Мысли еп. Ѳеофана	400.
—	39.	Древнѣйшія и новѣйшія толкованія. *И. Спасскаго*	400—401.
XXIV.	1—51.	Пророчество Господа нашего Іисуса Христа о разрушеніи Іерусалима и о второмъ пришествіи Своемъ на землю	403—407.
—	2.	Пророчество Господа о храмѣ, Іерусалимѣ и народѣ Іудейскомъ.	407—410.
—	6.	Наставленія Іисуса Христа о мужествѣ въ бѣдствіяхъ. *Филарета, митроп. Московскаго*	410—411.
—	12—13.	Мысли еп. Ѳеофана	411—412.
—	16—20.	Толкованіе *св. Василія Великаго*	413.
—	23.	Мысли еп. Ѳеофана	413.
—	28.	Толкованіе еп. *Михаила*	413—414.
—	30.	О знаменіи Сына Человѣческаго. *Н. Щеголева*	414—415.
—	32—34.	Толкованіе *святаго Златоустаго*	415—416.
—	35.	*Небо и земля мимо идутъ, словеса же Моя не мимо идутъ*	416—417.
—	36.	Толкованіе *святаго Василія Великаго* и *святаго Златоустаго.*	417—419.
—	40.	Толкованіе *святаго Ефрема Сирина*	419—420.
—	41.	Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота*	420.
—	42.	Мысли епископа Ѳеофана	420—421.
XXV.	1—13.	Притча о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ. Толкованіе *святаго Ефрема Сирина.*—Въ чемъ состоитъ истинная мудрость? *Филарета, митроп. Московскаго.*—Мысли о томъ же епископа Ѳеофана	428—430.

Глава.	*Стихъ.*		*Стран.*
XXV.	14—30.	Толкованіе притчи о талантахъ. *Блаженнаго Іеронима.*—Значеніе притчи о талантахъ. *Филарета, митроп. Московскаго.*—Мысли о томъ же епископа Ѳеофана . . .	430—434.
—	15.	Вопросъ и отвѣтъ *святаго Василія Великаго*	432.
—	24—25.	Жизнь по закону внѣшняго долга и по закону нравственности христіанской. *Д. Богомѣлова*	434—437.
—	29.	Толкованіе *святаго Ефрема Сирина*	432.
—	31—46.	Изображеніе страшнаго суда Господня	437—441.
—	40.	О побужденіяхъ къ дѣламъ человѣколюбія. *Филарета, митроп. Московскаго*	441—442.
—	41.	О вѣчныхъ мученіяхъ, *его же.*—Адскія мученія. Епископа Ѳеофана	442—446.
XXVI.	3—4.	Заговоръ синедріона и предательскій замыселъ Іуды.—	
—	14—16.	Сравненіе Евангельскихъ сказаній объ этомъ событіи (Марк. XIV,1—2, 10—11. Лук. XXII, 1—6) и экзегетическія примѣчанія. *М. Муретова.*	451—455.
—	6—13.	Вечеря въ Виѳаніи, въ домѣ Симона	448.
—	8—9.	О негодованіи учениковъ на поступокъ жены, помазавшей Іисуса Христа мѵромъ. *Святаго Златоустаго* . . .	448—449.
—	14—15.	Гнусность сердца Іуды предателя. *Митроп. Григорія* . .	455—457.
—	17—20.	Соглашеніе Евангельскихъ сказаній о Пасхѣ, которую совершилъ Іисусъ Христосъ въ навечеріи Своей смерти (Марк. XIV 12—18. Лук. XXII, 7—16. Іоан. XIII, 1; XVIII, 28; XIX, 31).—О томъ же, *діакона Кудрявцева*	458—469.
—	24.	Какъ согласить виновность Іуды предателя и беззаконныхъ судей Іисуса Христа съ Божественнымъ предопредѣленіемъ объ искупительныхъ страданіяхъ Его? *Архимандрита Августина*, нынѣ *епископа Костромскаго*	554—556.
—	25—29.	Установленіе таинства Евхаристіи	478—480.
—	28.	О таинствѣ Евхаристіи. Почему Господь къ словамъ *пійте отъ нея*, присовокупилъ слово *вси? Филарета, митроп. Московскаго*	483—484.
—	36—46.	Іисусъ Христосъ въ саду Геѳсиманскомъ. Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о внутреннемъ состояніи Іисуса Христа и о другихъ событіяхъ въ саду Геѳсиманскомъ. *Діакона Кудрявцева.*—Геѳсиманскій подвигъ Спасителя.—О значеніи событій въ Геѳсиманскомъ саду .	533—537.
—	—	Поучительная ночь, въ которую Господь нашъ былъ преданъ	548—551.
—	36.	Чему поучаетъ насъ моленіе Іисуса Христа въ Геѳсиманіи? *Филарета, митроп. Московскаго*	543—545.
—	38.	Какъ понимать скорбь Господа въ Геѳсиманскомъ саду? *Филарета, митроп. Кіевскаго*	537—539.
—	39.	Изъ бесѣды *святаго Златоуста* на слова: *Отче, аще возможно, да мимоидетъ чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты.*—О томъ же, *святаго Василія Великаго* .	546—547.
—	41.	*Преподобн. Исидора Пелусіота* на слова: *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть.*—О томъ же, *Филарета, митроп. Московскаго*	547—548
—	47—50.	Іуда предатель. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго* . . .	551—554.
—	57—68.	Іисусъ Христосъ на судѣ у первосвященниковъ.—Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ у духовной власти. *Д. Кудрявцева.* . . .	557—559.
—	69—75.	Отреченіе Петра и слезы его.—Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ объ отреченіи Петра. *Діакона Кудрявцева.*—Урокъ покаянія въ Великомъ канонѣ *святаго Андрея*	

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО

Глава.	Стихъ.		Стран.
		Критскаго. Прот. Нечаева.—Объ отреченіи Петра. *Святаго Исидора Пелусіота*	564—568.
XXVII.	2—7.	Погибель Іуды. *М. Муретова*	566—569.
—	3—4.	Покаяніе Іудино	569—571.
—	2, 11—14.	Іисусъ Христосъ на судѣ у Пилата. *Прот. Богословскаго*	571—572.
—	15—30.	Второй судъ у Пилата. *Его же.*—О судѣ Пилата и подражателяхъ ему. *Іеромонаха Августина, нынѣ епископа Костромскаго*	575—578.
—	22—25.	О томъ, что не слѣдуетъ безусловно довѣрять суду общественнаго мнѣнія. *Іоанникія, митроп. Московскаго*	578—582.
—	31—56.	Распятіе и смерть Іисуса Христа	584—586.
—	45.	Свидѣтельства языческихъ писателей о тьмѣ, бывшей во время страданій Спасителя	622—623.
—	46.	Семь словъ Спасителя на крестѣ. Четвертое слово. *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ.*—Вопросъ и отвѣтъ къ словамъ Іисуса Христа: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ*	615—616. 621—622.
—	51—53.	Чудесныя знаменія, послѣдовавшія за смертію Господа нашего Іисуса Христа. *Архимандрита Никодима*	630—634.
—	53.	*Святаго Григорія Двоеслова* о воскресеніи умершихъ, послѣдовавшемъ за смертію Іисуса Христа.—О томъ же, *архіеп. Иннокентія*	634—638.
		Нравственные уроки изъ Евангельскаго повѣствованія о чудесныхъ знаменіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Господа нашего Іисуса Христа	638—640.
—	57—66.	Погребеніе Господа нашего Іисуса Христа. *Архим. Фотія.*—Іосифъ Аримаѳейскій. *Д. Державина*	640—646.
—	62—64.	Ложь Іудеевъ, доказывающая истину воскресенія Христова	664—666.
XXVIII.	12—13.	Синедріонъ и Апостолы при вѣсти о воскресеніи Христовомъ. Сн. Лук. XXIV, 11, 37	666—670.
—	16—20.	О явленіи Іисуса Христа на горѣ Галилейской. *Святаго Іоанна Златоустаго*	700—701.
—	18.	Толкованіе *Филарета, митроп. Московскаго*	701—703.

Евангеліе Марка.

VII.	1—23.	Обличеніе фарисеевъ относительно преданій старцевъ. *Прот. Горскаго*	4—6.
—	15.	Мысли епископа Ѳеофана	8.
—	31—37.	Исцѣленіе глухого косноязычнаго и другихъ больныхъ	14—15.
VIII.	1—9.	Насыщеніе четырехъ тысячъ человѣкъ семью хлѣбами	15.
—	10—21.	Возвращеніе въ Галилею, въ предѣлы Далмануѳы. Отвѣтъ фарисеямъ, требовавшимъ знаменія съ неба. Отшествіе вновь на сѣверо-восточную сторону Галилейскаго озера и предостереженіе учениковъ отъ закваски фарисейской и *Иродовой*	16.
—	22—26.	Исцѣленіе слѣпаго въ Виѳсаидѣ (Юліи).—Мысли о томъ епископа Ѳеофана	19—20.
—	27—30.	Исповѣданіе Петра въ Кесаріи Филипповой	20—22.
—	31—33.	О предреченіи Іисуса Христа о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи	25—26.
—	34—38.	Ученіе о самоотверженіи и крестоношеніи	26—30.
—	34.	Объ условіяхъ послѣдованія за Христомъ. *Филарета, митроп. Московскаго*	30—31.
—	36.	Несеніе креста своего, епископа Ѳеофана	31—32.

Глава.	Стихъ.		Стран.
VIII.	36.	Что дороже: душа, или міръ? *Святаго Дмитрія Ростовскаго*	32 — 34.
—	38.	Изъясненіе *Филарета, митроп. Московскаго.*—Ложный стыдъ. *Священ. Предтеченскаго*	35 — 38.
IX.	14—29.	Какія особенности представляетъ повѣствованіе Евангелиста Марка объ исцѣленіи бѣсноватаго глухонѣмаго? .	60 — 61.
—	29.	О важности поста и молитвы. *Филарета, митроп. Московскаго.*	61 — 62.
—	33—37.	Ученіе Іисуса Христа о смиренномудріи. Дитя, которое Спаситель поставилъ около Себя	66 — 67.
—	40.	Изъясненіе изрѣченія Іисуса Христа: *кто не противъ васъ, тотъ за васъ.* А. Б—ва	70 — 75.
—	49.	О самоочищеніи и самоотверженіи, епископа Ѳеофана . .	75 — 76.
—	50.	Толкованіе *святаго Василія Великаго*	76.
X.	9.	Мысли епископа Ѳеофана о нерасторжимости брачнаго союза.	235—236.
—	13—16.	Дѣти, принесенныя къ Спасителю	259—260.
—	29—30.	Обѣтованіе Господне оставляющимъ все Царствія ради Небеснаго, по святоотеческимъ толкованіямъ. Епископа Ѳеофана.	282—286.
—	32—34.	На пути въ Іерусалимъ Іисусъ Христосъ говоритъ Своимъ ученикамъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ, смерти и воскресеніи	305.
—	35—45.	Отвѣтъ на просьбу сыновей Зеведеевыхъ	306.
—	37—38.	О просьбѣ сыновей Зеведеевыхъ. *Филарета, митроп. Московскаго*	307—310.
—	34—44.	*Иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга: и иже аще хощетъ въ васъ быти старѣй, да будетъ всѣмъ рабъ*	310.
XI.	1—11.	Торжественный входъ Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ. *Свящ. Некрасова.*	341—345.
—	12—14.	Проклятіе смоковницы. О символическомъ и нравственномъ значеніи проклятія смоковницы. *Св. Златоустаго, Исидора Пелусіота, Георгія Кониссаго, еп. Ѳеофана и свящ. Буткевича*	351—357.
—	15—18.	Изгнаніе изъ храма торжниковъ	358.
—	20—26.	Іисусъ Христосъ на замѣчаніе о засохшей смоковницѣ внушаетъ ученикамъ о силѣ вѣры.	357—358.
XII.	18—27.	Отвѣтъ саддукеямъ о воскресеніи мертвыхъ. *Архіеп. Иннокентія.*	387—389.
XIII.	—	Пророчество Господа нашего Іисуса Христа о разрушеніи Іерусалима и о второмъ пришествіи Своемъ на землю . .	403—607.
—	32.	Толкованіе *св. Григорія Богослова.*	418—419.
—	3—9.	Вечеря въ Виѳаніи, въ домѣ Симона	448.
—	9.	О таинственномъ значеніи возліянія мура на главу Христову.	449—451.
XIV.	22.	О таинствѣ Евхаристіи. Господь предложилъ намъ Тѣло Свое для питанія всегдашняго и постояннаго. *Филарета, митроп. Московскаго.*	480—483.
—	53—65.	Іисусъ Христосъ на судѣ у первосвященниковъ. Примиреніе разностей въ Евангельскихъ повѣствованіяхъ о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ у духовной власти. *Діак. Кудрявцева.*	537—559.
—	66—72.	Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ объ отреченіи Петра. *Діак. Кудрявцева.*	564—566.
XV.	1—5.	Іисусъ Христосъ на судѣ у Пилата. *Прот. Богословскаго.* .	571—572.
—	6—19.	Второй судъ у Пилата, *его же.*—О судѣ Пилата и подражателяхъ ему. *Іером. Августина,* нынѣ *еп. Костромскаго.* .	575—578.
—	20—41.	Распятіе и смерть Іисуса Христа.	584—586.
—	21.	Несеніе креста Спасителемъ.	599—601.

Глава.	*Стихъ.*		*Стран.*
XV.	22.	Гора Голгоѳа.—Почему мѣсто, на которомъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, называется лобнымъ? *Святаго Епифанія Кипрскаго.*	586—589.
—	25—33.	Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о времени распятія Іисуса Христа (сн. Іоан. XIX, 14)	604—605.
XVI.	5.	Ангелы во гробѣ воскресшаго Спасителя	658—659.
—	9.	Какъ Марія могла достигнуть первенства въ видѣніи Господа воскресшаго, и почему Онъ явился ей одной, а не вмѣстѣ съ Петромъ и Іоанномъ? *Филарета, митроп. Московскаго*	681—683.
—	14—18.	О явленіи Іисуса Христа одиннадцати ученикамъ по воскресеніи *Святаго Григорія Двоеслова.*	687—688.
—	19—20.	О вознесеніи Господа на небо, *его же.*	708—710.

Евангеліе отъ Луки.

IX.	28—32.	О преображеніи Іисуса Христа, *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.*—О молитвѣ Іисуса Христа на Ѳаворѣ. *Филарета, митроп. Московскаго*	47—49.
—	—	О молитвѣ Іисуса Христа на Ѳаворѣ. *Павла, архіеп. Кишиневскаго*	43—44.
—	46—48.	Ученіе Іисуса Христа о смиренномудріи. Дитя, которое Спаситель поставилъ около Себя	66—67.
—	55.	*Не вѣсте, коего духа есте вы.*	87—88.
X.	1—16.	Посланіе 70 учениковъ на проповѣдь. Соборъ св. 70 Апостоловъ. *П. Троицкаго*	1—4.
—	25—37.	Притча о Самарянинѣ	130—131.
—	30.	Толкованіе *святаго Амвросія Медіоланскаго*	131—132.
—	37.	*Иди, и ты твори такожде. Филарета, митроп. Московскаго.*	132—134.
—	38—42.	Іисусъ Христосъ въ Виѳаніи, въ домѣ Марѳы и Маріи. *Евсевія, архіеп. Могилевскаго.*—О житейскомъ попеченіи, какъ препятствіи къ благодатному посѣщенію Божію. *Филарета, митроп. Московскаго.*	126—130.
XI.	37—41.	Обличеніе фарисеевъ и враждебные ихъ замыслы на Іисуса Христа.	135—136.
—	41.	Толкованіе *святаго Василія Великаго.*	136.
XII.	13—15.	Отказъ Іисуса Христа по вопросу о раздѣлѣ наслѣдства. *Берсье.*	136—142.
—	16—21.	Избранныя мѣста изъ святыхъ отцевъ.	142—144.
—	21.	Что̀ значитъ богатѣть въ Бога? *Филарета, митроп. Московскаго*	144—146.
—	35.	Мудрость жизни. Изъ *Вине.*—Мысли еп. Ѳеофана о томъ же.	146—147.
—	46—48.	Толкованіе *св. Василія Великаго.*	147—148.
—	49.	О томъ, что Господь горѣлъ желаніемъ потерпѣть страданія за спасеніе людей. *Филарета, митроп. Московскаго*	149.
—	56—59.	Толкованіе *блаж. Августина*	149—151.
—	58.	Толкованіе *св. Василія Великаго.*	151.
XIII.	1.	*Пріидоша нѣціи повѣдающе Іисусу о Галилеянахъ, ихже кровь Пилатъ смѣси съ жертвами ихъ*	152—153.
—	4—5.	Историческій урокъ изъ словъ Іисуса Христа. *Филарета, митроп. Московскаго*	153.
—	6—9.	Притча о смоковницѣ	153—154.
—	7.	Толкованіе *св. Амвросія Медіоланскаго*	154—155.
—	8.	*Господи, остави ю и се лѣто.*—Толкованіе *св. Григорія Богослова*	155—156.

Глава.	*Стихъ.*		*Стран.*
XIII.	10—17.	Избранныя мѣста изъ толкованій св. отцевъ на Евангельское повѣствованіе объ исцѣленіи скорченной женщины.— О томъ, что безплодная смоковница и скорченная женщина суть два образа одной и той же испорченности рода человѣческаго. *Св. Григорія Двоеслова.*—Объ исцѣленіи скорченной. *Прот. Нечаева*	156—161.
—	22—30.	Рѣчь Іисуса Христа по поводу вопроса о числѣ спасающихся.—Мысли еп. Ѳеофана	165—167.
—	26—27.	Вопросъ и отвѣтъ. *Св. Василія Великаго*	167.
—	31—35.	Отвѣтъ сказавшимъ Іисусу Христу о злоумышленіяхъ противъ Него Ирода и скорбь объ Іерусалимѣ	167—168.
—	35.	Мысли еп. Ѳеофана	168—169.
XIV.	1—13.	Іисусъ Христосъ на вечери у начальника фарисеевъ . .	169—170.
—	8.	Мысли еп. Ѳеофана	170—171.
—	16—24.	Избранныя мѣста изъ св. отцевъ въ изъясненіе Евангелія о *вечери великой.*—Притча о званныхъ на вечерю . . .	171—176.
—	25—33.	Наставленія о самоотверженіи.—Изъясненіе словъ Іисуса Христа о ненависти къ роднымъ изъ любви къ Богу. *Прот. Ляпидевскаго.*—О совмѣстности ненависти къ роднымъ съ любовію къ Богу. *Св. Григорія Двоеслова* . .	176—182.
—	33.	Вопросъ и отвѣтъ *св. Василія Великаго*	182.
—	34.	Мысли еп. Ѳеофана	182.
XV.	4—7.	Значеніе притчи о заблудшей овцѣ. *Прот. Нечаева* . . .	183—185.
—	8—10.	Значеніе притчи о драхмѣ	185—186.
—	11—32.	Значеніе притчи о блудномъ сынѣ.—Избранныя мѣста изъ св. отцевъ на эту притчу.—Значеніе притчи о блудномъ сынѣ. *Филарета, митроп. Московскаго.*—Назидательный урокъ для юноши изъ этой притчи	186—193.
		Старшій братъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ. *Блаж. Іеронима.*— О томъ же, *Филарета, архіеп. Черниговскаго* . . .	193—200.
XVI.	1—13.	Притча о невѣрномъ управителѣ.—Изъясненіе притчи *Филарета, митроп. Московскаго, еп. Ѳеофана и Н. Розанова.*— Нравственно-филологическое изъясненіе текста притчи .	201—228.
—	19—20.	Къ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ. Порфира и виссонъ . .	236—237.
	26.	Надежда свиданія за гробомъ. *Сергія, архіеп. Курскаго.—Св. Исидора Пелусіота* на тотъ же стихъ	237—238.
XVII.	1—10.	Рѣчи о соблазнахъ, примиреніи и силѣ вѣры	239—240.
—	2.	Толкованіе *св. Амвросія Медіоланскаго*	240—241.
—	3.	Толкованіе *блаж. Августина*	241—242.
—	11—19.	Объ исцѣленіи Господомъ десяти прокаженныхъ мужей. *А. Ключарева.*—О томъ же, *Филарета, митроп. Московскаго* .	242—250.
—	20—21.	Отвѣтъ фарисеямъ о времени пришествія Царствія Божія .	250.
—	21.	Воцареніе Господа внутри насъ. Еп. Ѳеофана	250—251.
—	22—27.	Наставленіе ученикамъ о пришествіи Сына Человѣческаго .	251—252.
XVIII.	11—14.	Притча о мытарѣ и фарисеѣ. Почему молитва фарисея была отринута, а молитва мытаря принята? *Филарета, митроп. Московскаго.*—Моленіе мытарево	254—258.
—	16.	*Оставите дѣтей приходити ко Мнѣ и не браните имъ* .	260—261.
—	29—30.	О томъ, какъ обѣтованіе Господа оставляющимъ все ради Царствія Небеснаго исполняется и *во время сіе* . . .	286.
—	31—44.	О предсказаніи Господа нашего Іисуса Христа о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, и объ исцѣленіи Іерихонскаго слѣпца. *Святаго Григорія Двоеслова.* . . .	310—313.
—	34.	Мысли еп. Ѳеофана.	305—306.
—	35—43.	Исцѣленіе Іерихонскаго слѣпца	313—315.

Глава.	Стих.		Стран.
XIX.	1—10.	Избранныя мѣста изъ отцевъ на Евангеліе о Закхеѣ.—Закхей мытарь. *Свящ. Предтеченскаго.*—Закхей мытарь. *Прот. А. Лебедева.*	316—324.
—	11—28.	Притча о господинѣ, отправившемся въ путь для пріятія царства, и о розданныхъ имъ минахъ.—*Святаго Василія Великаго* толкованіе на эту притчу.—Мысли еп. Ѳеофана о томъ же.	324—327.
—	29—44.	Торжественный входъ Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ. *Свящ. Некрасова.*—Какой смыслъ соединяли Іудеи съ восклицаніемъ: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне,* и какое значеніе имѣетъ оно въ нашихъ церковныхъ службахъ?	341—348.
—	38—41.	Мысли еп. Ѳеофана на плачъ Іисуса Христа объ Іерусалимѣ.	349.
—	45—48.	Изгнаніе изъ храма торжниковъ.—Мысли еп. Ѳеофана. . .	358—359.
XX.	27—39.	Отвѣтъ саддукеямъ о воскресеніи мертвыхъ. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.*	387—389.
XXI.	1—4.	О двухъ лептахъ вдовицы. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.*—Мысли о томъ же еп. Ѳеофана	401—402.
—	5—28.	Пророчество Господа нашего Іисуса Христа о разрушеніи Іерусалима и о второмъ пришествіи на землю. . . .	403—407.
—	6.	Мысли еп. Ѳеофана.	421.
—	13—15.	Родъ премудрости послѣдователей Іисуса Христа. *Филарета, митроп. Московскаго.*	421—422.
—	19.	*Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша*	422—423.
—	24.	Пророчество Господа о храмѣ, Іерусалимѣ и народѣ Іудейскомъ.	407—410.
—	24.	Толкованіе *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.*	423—424.
—	31.	О значеніи скорбей въ жизни человѣка	424—425.
—	34.	Противъ невоздержанія. *Филарета, митроп. Московскаго.*—Мысли еп. Ѳеофана о томъ же	425—427.
XXII.	36.	Толкованіе *препод. Нила Синайскаго* и *святаго Василія Великаго.*	484—486.
—	40.	Толкованіе *святаго Василія Великаго.*	547.
—	41—42.	Смыслъ Геѳсиманской молитвы Іисусовой	540—543.
—	44.	О кровавомъ потѣ Іисуса Христа. Экзегетическое толкованіе *Свящ. Буткевича*	545—546.
—	54—71.	Іисусъ Христосъ на судѣ у первосвященниковъ. Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ объ этомъ событіи и объ отреченіи Петра. *Діак. Кудрявцева*	557—559.
—	1—4.	Іисусъ Христосъ на судѣ у Пилата.—*Прот. Богословскаго.* .	571—572.
—	5—12.	Іисусъ Христосъ на судѣ Ирода, *его же*	572—573.
—	12.	*Быста же друга Иродъ же и Пилатъ въ той день съ собою: прежде бо бѣста вражду имуща между собою* . . .	573—575.
—	13—25.	Второй судъ у Пилата. *Пр. Богословскаго.*—О судѣ Пилата и подражателяхъ ему. *Августина іером.,* нынѣ *еп. Костромскаго*	575—578.
—	26—49.	Распятіе и смерть Іисуса Христа	584—586.
XXIII.	28.	О плачѣ женъ Іерусалимскихъ.—О томъ же *препод. Исидора Пелусіота.*—О томъ же, *архіеп. Иннокентія.* . . .	601—604.
XXIV.	34.	Семь словъ Спасителя на крестѣ. Первое слово: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ.*	612—614.
		Божественный примѣръ молитвы за враговъ. *Архіеп. Иннокентія.*—О томъ же, *М. Ястребова*	617—620.
—	43.	Семь словъ Спасителя на крестѣ. Второе слово: *аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раи*	613—614.

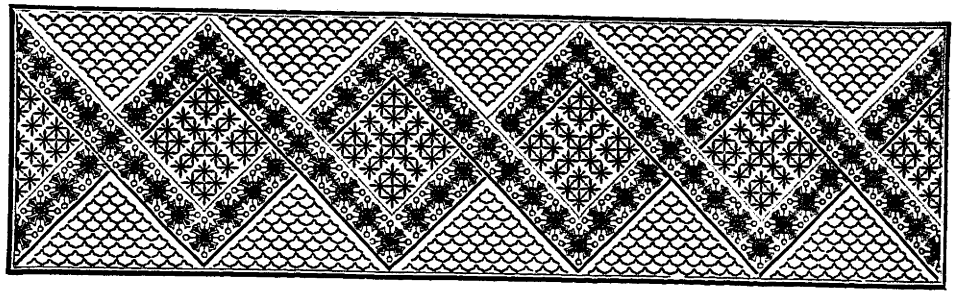
Глава.	Стихъ.		Стран.
XXIV.	46.	Седьмое слово: *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой* . .	616—617.
—	34.	*Воистинну воста Господь*	660—661.
—	11—37.	Синедріонъ и Апостолы при вѣсти о воскресеніи Христовомъ Св. Матѳ. XXVIII, 12—13.	666—670.
—	13—36.	О явленіи Іисуса Христа ученикамъ въ первый день по воскресеніи. *Филарета, митроп. Московскаго*.	685—686.
—	26.	Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота*	686—687.
—	46.	Какъ согласить виновность распинателей Іисуса Христа съ Божественнымъ предопредѣленіемъ объ искупительныхъ страданіяхъ Его и смерти? *Архимандр. Августина*, нынѣ *еп. Костромскаго*	554—556.
—	50—52.	О вознесеніи Господа на небо. *Филарета, митроп. Московскаго.*—Преданія о мѣстѣ и времени вознесенія Іисуса Христа.	710—714.

Евангеліе Іоанна.

VII.	1—53.	Іисусъ Христосъ на праздникѣ Кущей.	88—91.
—	17.	*Аще кто хощетъ волю Божію творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть*	91—92.
—	37—39.	Рѣки воды живой. *Прот. Нечаева.*—Вопросы и отвѣты на тотъ же текстъ. *Блаж. Августина.*	92—95.
VIII.	1—59.	Анализъ VIII гл. Евангелиста Іоанна. Прощеніе падшей женщины и рѣчь послѣ сего.	96—100.
—	7.	*Иже есть безъ грѣха въ васъ, первый верзи камень на ню.* .	100—103.
—	11.	О неосужденіи грѣшницы. *Прот. Базарова.*	103—105.
—	51.	*Аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки*	105—106.
IX.	1—41.	Исцѣленіе слѣпорожденнаго.—Просвѣщеніе слѣпорожденнаго —образъ просвѣщенія язычниковъ. *Святаго Кирилла Александрійскаго*	107—113.
—	4.	О томъ, что Господь дорожилъ временемъ Своей жизни. *Филарета, митроп. Московскаго*	115—117.
	6—7.	Объ особенномъ способѣ исцѣленія Іисусомъ Христомъ слѣпорожденнаго, *его же*.	114—115.
—	39.	Изъясненіе и нравственное приложеніе словъ Іисуса Христа: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да не видящіи видятъ и видящіи слѣпи будутъ*.	117—118.
X.	1—21.	Бесѣда Іисуса Христа о добромъ пастырѣ.	119—123.
—	8.	Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота*.	123—124.
—	11—13.	Толкованіе *святаго Василія Великаго*.	124.
—	16.	Толкованіе *святаго Василія Великаго.*—Вопросъ и отвѣтъ къ тому же стиху	124—125.
—	22—42.	Прибытіе Господа въ Іерусалимъ на праздникъ обновленія храма и рѣчь тамъ. Удаленіе на Іорданъ въ Перею и Галилею. Изъ толкованій *святаго Златоуста* . . .	162—164.
—	27.	Истинные пастыри Церкви и истинныя овцы ея. *Филарета, митроп. Московскаго.*	164—165.
—	29.	Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота*	165.
XI.	1—44.	Вифанія. О воскрешеніи Лазаря. *Святаго Ефрема Сирина.*—О томъ же, *архим. Іосифа*	290—300.
		Почему первые три Евангелиста не упоминаютъ о воскрешеніи Лазаря? *Филарета, архіеп. Черниговскаго*	302.
—	33—35.	О скорби и слезахъ Іисуса Христа предъ воскрешеніемъ Лазаря. *Святаго Василія Великаго, Иннокентія, архіеп.*	

Глава.	Стихъ.		Стран.
		Херсонскаго, Филарета, архіеп. Черниговскаго и *свящ. Буткевича*	300—301.
XI.	47—51.	Пророченіе Каіафы.	302—304.
—	54—57.	Распоряженіе синедріона объ открытіи убѣжища Іисусова. Удаленіе Господа въ Ефраимъ.	304.
—	1—11.	Вечеря въ Виѳаніи.—Одна ли и та же она съ вечерею въ домѣ Симона прокаженнаго, описанною у Евангелистовъ Матѳея и Марка? *Еп. Михаила*	328—332.
—	12—19.	Торжественный входъ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ.—Какой смыслъ соединили Іудеи съ восклицаніемъ: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне*, и какое значеніе имѣетъ оно въ нашихъ церковныхъ службахъ?	341—348.
XII.	20—36.	Изложеніе содержанія рѣчи Іисуса Христа по поводу пришествія Еллиновъ и изъясненіе ея. *Свящ. Некрасова* . .	362—366.
—	24.	О томъ, какіе плоды тотчасъ принесла крестная смерть Спасителя. *Филарета, митроп. Московскаго.*—Мысли еп. Ѳеофана	366—367.
—	36.	Изъясненіе и нравственное приложеніе словъ Іисуса Христа: *дондеже свѣтъ имате, вѣруйте въ свѣтъ, да сынове свѣта будете.*	367—368.
—	37—50.	Заключеніе къ исторіи общественнаго служенія Іисуса Христа. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.*	369—371.
XIII.	1—17.	Омовеніе ногъ на тайной вечери. *Берсье.*—Омовеніе ногъ на востокѣ.—Объ умовеніи ногъ на тайной вечери. *Преп. Нила Подвижника*	469—478.
XIII-XVII.	—	О послѣдней бесѣдѣ Іисуса Христа съ учениками предъ Его страданіями. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго* . . .	488—490.
—	—	Изъясненіе прощальныхъ рѣчей Іисуса Христа къ Своимъ ученикамъ	490—518.
XIV.	2—3.	О томъ, какъ понимать слова Іисуса Христа: *въ дому Отца Моего обители многи суть. Святаго Ефрема Сирина.* . О томъ, какъ Господь, отшедшій отъ насъ къ Отцу, уготовляетъ вѣрнымъ Своимъ обители. *Блаж. Августина* . .	518—520.
	— ст. 9. 1, 18.	Не видѣтъ и однако видѣтъ.—*Святаго Василія Великаго* на тотъ же стихъ	520—522.
—	17.	Толкованіе *Святаго Василія Великаго.*	522.
—	28.	Толкованіе *его же*	522—523.
XV.	5.	*Азъ есмь Лоза, вы же рождіе.*—Толкованіе *святаго Василія Великаго*	523—524.
XVI.	14.	*Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ.*—Толкованіе *святаго Василія Великаго* на тотъ же стихъ	524—526.
—	23—24.	О молитвѣ во имя Іисуса Христа. *Филарета, митроп. Московскаго*	526.
XVII.	5.	Толкованіе *святаго Василія Великаго.*	526.
—	10.	Толкованіе *его же*	526—527.
XVIII.	12—24.	Іисусъ Христосъ на судѣ у первосвященниковъ. Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ объ этомъ событіи. *Діак. Кудрявцева.*	557—559.
—	25—27.	Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ объ отреченіи Петра, *его же.*	644—666.
—	28—38.	Іисусъ Христосъ на судѣ у Пилата. *Прот. Богословскаго.* .	571—572.
—	39.	Второй судъ у Пилата.—О судѣ Пилата и подражателяхъ ему. *Іером. Августина*, нынѣ *еп. Костромскаго.*	575—578

Глава.	*Стихъ.*		*Стран.*
XIX.	14.	Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о времени распятія Іисуса Христа. Сн. Марка XV, 25, 33 . . .	604—605.
—	16—37.	Распятіе и смерть Іисуса Христа. Гора Голгоѳа.—Почему мѣсто, на которомъ распятъ былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, называется Лобнымъ? *Святаго Епифанія Кипрскаго*	584—589.
—	17.	Несеніе Креста Спасителемъ.	599—601.
—	18.	*Святаго Кирилла Александрійскаго* о распятіи двухъ разбойниковъ со Христомъ.	605—606.
—	26—27.	Семь словъ Спасителя на крестѣ. Третіе слово: *се сынъ Твой! Се Мати твоя?*.	614—615.
		Попеченіе Іисуса Христа о Своей Матери и образъ Ея жизни. *Филарета, митроп. Московскаго*	620—621.
—	28.	Пятое слово: *жажду*.	616.
—	30.	Шестое слово: *совершишася*	616—617.
—	32—37.	О прободеніи ребра Іисуса Христа. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.*—Къ вопросу о непребитіи голеній распятому Господу.—Символическое значеніе крови и воды, истекшихъ изъ прободенныхъ ребръ Спасителя. *Прот. Нечаева.* .	623—630.
—	38—42.	Погребеніе Господа нашего Іисуса Христа. *Архим. Фотія.*—Іосифъ Аримаѳейскій, *Д. Державина*	640—646.
XX.	12.	Ангелы во гробѣ воскресшаго Спасителя. Сн. Марк. XVI, 5 .	658—659.
—	17.	Изъясненіе словъ Спасителя къ Маріи Магдалинѣ: *не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу Моему. Блаж. Августина, святаго Кирилла Александрійскаго* и *святаго Іоанна Златоустаго.*	683—685.
—	26—27.	О явленіи Іисуса Христа Апостолу Ѳомѣ по воскресеніи. *Святаго Кирилла Александрійскаго.* Взглядъ Церкви на невѣріе Апостола Ѳомы (въ Богослужебныхъ пѣсняхъ) .	688—691.
—	29.	*Блаженни не видѣвшіи и вѣровавше*	691—692.
XXI.	6.	Таинственное изъясненіе Евангельскаго сказанія о чудесной ловлѣ рыбъ. *Блаж. Августина.*	692—693.
—	15—19.	Возстановленіе Петра въ числѣ Апостольства. *Свящ. Трухманова*	693—696.
—	20—23.	Послѣдняя бесѣда Петра съ Господомъ, *его же.* . . .	696—700.



Третья Пасха общественнаго служенія Господа нашего Іисуса Христа.

Путешествіе Господа съ проповѣдію по Галилеѣ (Іоан. VII, 1).

На третьемъ праздникѣ Пасхи (какъ можно заключить съ достовѣрностью изъ послѣдующихъ обстоятельствъ) Іисусъ Христосъ не былъ. Такъ какъ Іудеи искали убить Его, то Онъ и не хотѣлъ ходить по Іудеѣ, а ходилъ по Галилеѣ (Іоан. VII, 1).

Посланіе 70-ти учениковъ на проповѣдь (Лук. X, 1—16). **Соборъ святыхъ 70-ти Апостоловъ.**

(П. Троицкаго.)

Жатва многа, дѣлателей же мало. Молитеся убо Господину жатвы, яко да изведетъ дѣлатели на жатву Свою, говорилъ Богочеловѣкъ Іисусъ къ Своимъ 12 Апостоламъ предъ посольствомъ ихъ на проповѣдь, въ концѣ втораго года Своего служенія. И вотъ, въ третій годъ служенія Христова, явились эти желанные дѣлатели на нивѣ Божіей, въ числѣ 70. Одинъ изъ нихъ, Евангелистъ Лука такъ говоритъ объ этомъ новомъ сонмѣ Апостоловъ и объ ихъ посланіи на проповѣдь: *по сихъ же* (вѣроятно по возвращеніи 12 Апостоловъ) *яви Господь и инѣхъ седмьдесятъ* (число почетное: 70 старѣйшинъ избралъ пророкъ Моусей своими помощниками; членовъ синедріона было 70), *и посла ихъ по двѣма предъ лицемъ Своимъ во всякъ градъ и мѣсто* (вѣроятно по всей Палестинѣ). Затѣмъ тотъ же Евангелистъ, и онъ почти одинъ только, передаетъ обстоятельно и наставленія Христа Спасителя, данныя посланнымъ,—наставленія, прибавимъ отъ себя, нѣсколько отличныя отъ наставленій данныхъ 12 Апостоламъ предъ ихъ посольствомъ. *Идите,* говорилъ имъ Божественный Учитель: *се Азъ посылаю вы, яко агнцы посредѣ волковъ. Не носите влагалища* (мѣшка), *ни пиры* (сумы), *ни сапоговъ: и никогоже на пути цѣлуйте* (не занимайтесь людскими привѣтствіями и ласками, и чрезъ то не полагайте препятствія дѣлу проповѣди). *Въ оньже аще домъ внидете, первѣе глаголите: миръ дому сему. И аще убо будетъ ту сынъ мира* (готовый принять ваше благожеланіе мира), *почіетъ на немъ миръ вашъ: аще ли же ни, къ вамъ возвратится* (ваше благожеланіе остается при васъ). *Въ томъ же дому пребывайте, ядуще и піюще, яже суть у нихъ: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея. Не преходите изъ дому въ домъ. И въ оньже аще градъ входите, и пріемлютъ вы, ядите предлагаемая вамъ: и исцѣлите недужныя, иже суть въ немъ, и глаголите имъ: приближися на вы Царствіе Божіе. И*

въ оньже аще градъ входите, и не пріемлютъ васъ, изшедше на распутія его, рцыте: и прахъ, прильпшій намъ отъ града вашего, отрясаемъ вамъ: обаче сіе вѣдите, яко приближися на вы Царствіе Божіе: глаголю вамъ, яко Содомляномъ въ день тій отраднѣе будетъ, неже граду тому. Слушаяй васъ Мене слушаетъ: и отметаяйся васъ Мене отметается, отметаяйся же Мене отметается Пославшаго Мя. Неизвѣстно, сколько времени посланные семьдесятъ ходили каждый съ проповѣдью о Царствѣ Мессіи, и въ какія именно мѣста они заходили. Вѣроятно, ихъ проповѣдь обнимала бо́льшія пространства, чѣмъ проповѣдь двѣнадцати; можетъ быть, они оглашали своею проповѣдью и полуязыческую Галилею и Самарію. Евангелистъ Лука замѣчаетъ только о возвращеніи посланныхъ. *Возвратишася же седмьдесятъ съ радостію, глаголюще: Господи, и бѣси повинуются намъ о имени Твоемъ* (силою Твоею мы изгоняли бѣсовъ). *Рече же имъ* Іисусъ: *видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадша* (князь тьмы несомнѣнно побѣжденъ). *Се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію: и ничесоже васъ вредитъ. Обаче о семъ не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ* (вы получите вѣчное блаженство на небесахъ). Спаситель, по словамъ того же Евангелиста, заключилъ Свою бесѣду съ 70 Апостолами молитвою къ Отцу Небесному. *Въ тотъ часъ возрадовася духомъ Іисусъ и рече: исповѣдаюся, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ. Ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою.*

Эти 70 Апостоловъ Христовыхъ, по мнѣнію толковниковъ, не составляли такой замкнутой группы, какъ 12 Апостоловъ: миссія ихъ была только временная, послѣ которой они вступили въ ряды обыкновенныхъ послѣдователей Христа. Точно намъ неизвѣстны ни имена всѣхъ семидесяти Апостоловъ, ни послѣдующая дѣятельность каждаго изъ нихъ. «Имена Апостоловъ Спасителя всякому извѣстны изъ Евангелій, пишетъ древній церковный историкъ Евсевій; но списковъ семидесяти учениковъ Его нигдѣ никакихъ нѣтъ. Говорятъ, впрочемъ, что однимъ изъ нихъ былъ Варнава, о которомъ упоминаютъ въ разныхъ мѣстахъ Апостольскія Дѣянія, а не менѣе и Павелъ въ посланіи къ Галатамъ. Къ нимъ же принадлежалъ, говорятъ, и Сосѳенъ, вмѣстѣ съ Павломъ писавшій Коринѳянамъ, такъ же Матѳей, причисленный къ Апостоламъ вмѣсто Іуды предателя, равно и тотъ (Іустъ), съ которымъ вмѣстѣ онъ почтенъ былъ жребіемъ (Дѣян. I, 23), и Ѳаддей». Святитель Димитрій Ростовскій пишетъ, что, на основаніи внимательнаго изслѣдованія Божественнаго Писанія, преданія святыхъ отцевъ и древнихъ церковныхъ писателей, къ лику святыхъ семидесяти Апостоловъ могутъ быть причислены слѣдующіе: 1) Іаковъ, братъ Господень, первый епископъ Іерусалимскій, о которомъ упоминаетъ и Апостолъ Павелъ (Галат. I, 18—19), 2) Евангелистъ Маркъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ Александрійскимъ, о которомъ упоминаетъ Апостолъ Петръ (1 Петр. V, 13), 3) Евангелистъ Лука, писатель и Дѣяній Апостольскихъ, о которомъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ (Колос. IV, 14), 4) Клеопа, младшій братъ Іосифа обручника, спутешествовавшій Евангелисту Лукѣ въ Эммаусъ (Лук. XXIV, 35), 5) Сумеонъ, сродникъ Господень, второй епископъ Іеру-

салимскій, 6) Варнава, бывшій спутникомъ Апостола Павла, а затѣмъ епископомъ въ Медіоланѣ (Дѣян. Ап. IV, 36. Галат. II, 1), 7) Іустъ, сынъ Іосифа обручника, сожребникъ Матѳіевъ (Дѣян. I, 23. Колос. IV, 2), 8) Ѳаддей, крестившій Авгаря, князя Едесскаго (Церк. ист. Евс., стр. 46—52), 9) Ананія, крестившій Апостола Павла въ Дамаскѣ, 10) архидіаконъ Стефанъ первомученикъ (Дѣян. VII, 59), 11) діаконъ Филиппъ, крестившій Симона волхва и каженика Кандакійскаго, 12) діаконъ Прохоръ, первый епископъ Никомидійскій, 13) діаконъ Никаноръ (Дѣян. VI), 14) Тимонъ, 15) Парменъ, тоже изъ числа семи первыхъ діаконовъ, 16) Тимоѳей, епископъ Ефесскій, къ которому Апостолъ Павелъ писалъ два посланія, 17) Титъ и 18) Филимонъ, къ которымъ такъ же писалъ посланія Апостолъ Павелъ,— 19) Онисимъ, упоминаемый въ посл. къ Филимону, 20) Епафрасъ, о которомъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ (Колос. VI, 12—13), 21) Архиппъ, епископъ Колосскій (Колос. IV, 17), 22) Сила, епископъ Коринѳскій (Дѣян. XV, 40—41), 23) Силуанъ, епископъ Солунскій (1 Петр. V, 12. 2 Коринѳ. I, 19), 24) Крискентъ, епископъ Галатійскій (2 Тимоѳ. IV, 10), 25) Криспъ, епископъ на островѣ Егинѣ (Дѣян. XVIII, 8), 26) Епенетъ, 27) Андроникъ, 28) Стахій, 29) Амплій, 30) Урванъ, 31) Наркисъ, 32) Апеллій, 33) Аристовулъ, 34) Иродіонъ, 35) Руѳъ, 36) Асинкритъ, 37) Флегонтъ, 38) Эрмъ, 39) Патровъ и 40) Ермій, о которыхъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (XVI, 13—14), 41) Агавъ, пророчествовавшій объ Апостолѣ Павлѣ (Дѣян. XXI, 10—11). 42) Линъ, послѣ Апостола Петра епископъ Антіохійскій, 44) Гай, 45) Филологъ, 46) Лукій, 47) Іасонъ, 48) Сосипатръ, 49) Олимпанъ, 50) Тертій, 51) Эрастъ, 52) Куартъ, о которыхъ также упоминаетъ Апостолъ Павелъ въ посл. къ Римлянамъ (XVI, 15—23), 53) Онисифоръ (2 Тимоѳ. I, 16), 54) Климентъ, епископъ Римскій (Филиппис. IV, 3), 55) Сосѳенъ (Дѣян. XVII, 17) 56) Аполлосъ (Дѣян. XVIII, 24—25), 57) Тихикъ (Ефес. VI, 21—22), 58) Епафродитъ (Филиппис. XI, 25), 59) Карпъ (2 Тимоѳ. IV, 13), 60) Кодратъ, 61) Маркъ, онъ же и Іоаннъ (Дѣян. XII, 25), 62) Зина (Тимоѳ. III, 13), 63) Аристархъ (Дѣян. XIX, 29), 64) Пудъ (2 Тимоѳ. IV, 21), 65) Трофимъ (Дѣян. XX, 4), 66) Марко (Колос. IV, 10). 67) Артема (Тимоѳ. III, 12), 68) Ахила (Дѣян. XVIII, 2), 69) Фортунатъ и 70) Ахаикъ, о которыхъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ въ 1 посл. къ Коринѳянамъ (XVI, 17). Всѣ почти они, какъ мы отчасти уже и указали, были епископами въ разныхъ новоустроенныхъ церквахъ, и всѣ они почти окончили жизнь свою мученически за имя Христово. Къ нимъ причисляютъ иногда и другихъ, потрудившихся въ дѣлѣ проповѣди Христовой; напримѣръ Діонисія Ареопагита (Дѣян. XVII, 34), Сумеона Нигера (тамъ же XIII, 1), а за ними и Лазаря, воскрешеннаго Спасителемъ и Іосифа Аримаѳейскаго, и Никодима, тайнаго ученика Іисусова, и Гамаліила, учителя Апостола Павла, и крещеннаго Филиппомъ евнуха, и сотника Корнилія и другихъ. О всѣхъ подобныхъ благовѣстникахъ выше упомянутый церковный историкъ Евсевій говоритъ слѣдующее: «легко усмотришь, что у Спасителя было учениковъ болѣе семидесяти, если обратимъ вниманіе на свидѣтельство Павла, который говоритъ, что, по воскресеніи изъ мертвыхъ, Спаситель *явился сперва Кифѣ, потомъ двѣнадцати Апостоламъ, за-*

тѣмъ болѣе пятисотъ братіи единою, изъ коихъ иные, по его словамъ, *уже умерли, а большая часть еще жили* въ то время, когда онъ писалъ это». Церковная служба собору семидесяти Апостоловъ въ 4 день января установлена въ IX вѣкѣ, когда славный пѣснописецъ Іосифъ составилъ и общій канонъ для всѣхъ семидесяти Апостоловъ и частные для нѣкоторыхъ изъ нихъ (Воскр. Чт. 1881 г., стр. 7—9).

Обличеніе фарисеевъ относительно преданій старцевъ (Матѳ. XV, 1—20. Марк. VII, 1—23).

(Прот. Горскаго.)

Матѳ. 1—2. Марк. 1—5. Іисусъ Христосъ не былъ въ Іерусалимѣ на третьей Пасхѣ. Такъ какъ Іудеи искали убить Его, то Онъ и не хотѣлъ ходить по Іудеѣ, а ходилъ по Галилеѣ. Но фарисеи Іерусалимскіе οἱ ἀπὸ τοῦ Ἱεροσολύμων—выраженіе указываетъ не на мѣсто только, откуда пришли, но и на постоянное мѣстопребываніе (см. Евр. XIII, 24. Дѣян. XVII, 23), никогда не оставляли своего наблюденія за Нимъ. Не видавъ Его въ Іерусалимѣ, они пришли въ Галилею. Встрѣтивъ Его вмѣстѣ съ учениками, они возобновили прежнее осужденіе учениковъ Его въ несоблюденіи преданій старцевъ. Случаемъ къ сему было то, что ученики принимались за пищу, не умывъ рукъ.

По правиламъ благочестія фарисейскаго предъ принятіемъ пищи и послѣ стола—непремѣнно должно было мыть руки. Въ Талмудѣ опредѣлено, какой мѣры воды для этого достаточно, какъ мыть, когда именно, въ какомъ порядкѣ, если число присутствующихъ превышаетъ пять или не превышаетъ его. (Принадлежавшіе къ сектѣ ессеевъ предъ столомъ погружались въ воду (Іос. Флавій). Этимъ правиламъ приписывалась такая важность, что за несоблюденіе ихъ синедріонъ подвергалъ отлученію. Указывая на поступокъ учениковъ, фарисеи, конечно, хотѣли представить Спасителю правило объ умовеніи рукъ въ связи съ прочими преданіями и, возводя обвиненіе отъ частнаго дѣйствія къ неуваженію преданій вообще, можетъ быть хотѣли слышать Его собственное мнѣніе о важности преданія. По крайней мѣрѣ, къ тому ведетъ отвѣтъ Господа. По понятіямъ Талмуда, преданіе старцевъ важнѣе, чѣмъ слова пророковъ, даже лучше, чѣмъ слова закона, потому что въ законѣ есть важное и неважное, а слова старцевъ всѣ важны. Имъ должно слѣдовать безпрекословно.—Въ Талмудѣ есть притча: послалъ царь двухъ друзей своихъ въ одну область свою съ повелѣніями и объ одномъ такъ написалъ: если онъ не предъявитъ вамъ перстня своего, не вѣрьте ему; а о другомъ такъ: хотя бы онъ не показалъ вамъ перстня моего, вѣрьте ему. Это—пророки и старцы. О пророкахъ написано: *аще возстанетъ въ тебѣ пророкъ... и дастъ тебѣ знаменіе или чудо* (Второзак. XIII, 1), а о старцахъ: *и сотвориши по словеси, еже возвѣстятъ ти отъ мѣста, еже изберетъ Господь Богъ* (XVII, 10).

Матѳ. 3—9. Марк. 6—13. Вопросъ былъ предложенъ въ присутствіи народа. Господь, не обращая вниманія на сей частный случай, сталъ говорить о важности преданій: «между вашими преданіями есть такія, которыя противны закону Божію». При этомъ Господь указалъ на правило старцевъ о корванѣ, вслѣдствіе котораго Іудеи подъ предлогомъ благочестія дозволяли себѣ нарушать первую изъ заповѣдей десятословія, относящуюся до ближнихъ. (*Чти отца твоего*—пропитывай съ Евр.).

Указавъ на сіе противорѣчіе закону, Господь заключилъ отвѣтъ Свой общимъ замѣчаніемъ о характерѣ благочестія фарисейскаго, прилагая къ нимъ слова пророка Исаіи о людяхъ, чтущихъ Бога только своими устами, но не сердцемъ.

Матѳ. 10—11. Марк. 14—16. Потомъ приспособительно къ случаю, извлекая отсюда общую мысль, что истинной чистоты надлежитъ искать не въ соблюденіи (однихъ) какихъ бы то ни было внѣшнихъ правилъ, но въ очищеніи сердца отъ всего противнаго закону Божію, предложилъ ее народу въ видѣ краткой притчи: *не входящее во уста сквернитъ человѣка, но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человѣка*,—и сказавъ сіе, прибавилъ: «слушайте и разумѣйте». (Образъ притчи заимствованъ отъ предмета бесѣды и, можетъ быть, есть собственно отвѣтъ на возраженіе фарисеевъ; такъ какъ, по ихъ понятіямъ, человѣкъ вкушающій пищу неумытыми руками, самымъ вкушеніемъ подвергался нечистотѣ.)

Фарисеи не могли быть довольны и указаніемъ на противорѣчіе преданій закону Божію, и еще болѣе тѣмъ, что Господь прямо назвалъ ихъ благочестіе лицемѣріемъ. Новымъ случаемъ къ неудовольствію на Іисуса было послѣднее Его изрѣченіе, которое они могли распространить и вообще на законы о пищѣ. Но Господь не продолжалъ далѣе бесѣды и вышелъ отъ народа.

Матѳ. 12—15. Марк. 17. Защищенные Господомъ ученики замѣтили это оскорбленіе въ фарисеяхъ. И еще сохраняя, можетъ быть, уваженіе къ прежнимъ правиламъ своимъ и зная, какую важность имѣли въ народѣ всѣ собственно Іерусалимскіе книжники, они довели до свѣдѣнія своего Наставника, что фарисеи Его словами соблазнились. Но Онъ продолжалъ говорить въ приточномъ видѣ, давъ разумѣть ученикамъ Своимъ, что этимъ обезпокоиваться нѣтъ нужды. Имъ извѣстна была уже притча о добромъ сѣмени и плевелахъ, всѣянныхъ между ними врагомъ. Припоминая эту притчу, Господь сказалъ: «всякое растеніе, которое не Отецъ Мой насадилъ, но врагъ—діаволъ, будетъ искоренено». Судъ Божій ожидаетъ и этихъ мнимыхъ руководителей народа. Оставьте ихъ: они—слѣпые вожди слѣпыхъ, которые могутъ привести своихъ руководимыхъ къ погибели.

Что же однако значило загадочное изрѣченіе: *не входящее во уста?* Уничтожаетъ ли оно законы Моусеевы о различіи пищи и о дозволительныхъ и недозволительныхъ яствахъ, или нѣтъ? Если уничтожаетъ, то какъ его согласить съ тѣмъ уваженіемъ къ закону, на основаніи котораго Господь отвергъ преданіе о корванѣ? Если не уничтожаетъ, то какъ его понимать? Ученики не умѣли себѣ разрѣшить сего; обратились къ Господу. Петръ просилъ объяснить имъ притчу сію.

Матѳ. 16—20. Марк. 18—23. Господь, изъяснивъ удивленіе на ихъ непонятливость, сказалъ, что пища сама по себѣ, какъ вещь внѣшняя, внутренней, нравственной нечистоты произвесть не можетъ. (Впрочемъ, это не значитъ того, что всякій родъ пищи для человѣка безразличенъ. Коль скоро есть на то Божественные законы, то доколѣ они не отмѣнены, принятіе пищи, противной закону, будетъ осквернять человѣка, поелику происходитъ отъ сердца, неуважающаго законъ и угождающаго плоти.) Другая половина притчи говоритъ о томъ, что источникъ нравственной нечистоты заключается въ сердцѣ человѣка и что, слѣдовательно, желающимъ сохранить чистоту предъ Богомъ надлежитъ очищать свое сердце.

Господь не коснулся законовъ о дозволительныхъ и недозволительныхъ видахъ пищи, которые должны были прекратиться вмѣстѣ съ отмѣненіемъ всего ветхозавѣтнаго устройства, по утвержденіи Новаго Завѣта между Богомъ и людьми и по утвержденіи закона духовнаго въ сердцахъ новаго Израиля. Но тѣмъ не менѣе открылъ ученикамъ, что тѣ законы, какъ внѣшніе, и теперь далеко ниже внутреннихъ (изъ Ев. Исторіи, стр. 201—205).

Что значитъ привлижаться къ Богу устами, а сердцемъ далеко отстоять отъ Него? (Матѳ. XV, 8—9.)

(*Филарета, митрополита Московскаго*).

Что значитъ *приближаться* къ Богу *устами*, а *сердцемъ* далеко *отстоять* отъ Него? Произносить устами, или принимать слухомъ изъ устъ другихъ молитвенныя къ Богу слова, но не соединять съ ними сердечнаго вниманія и духовной теплоты, короче, молиться безъ любви. Не трудно суетность такой молитвы обнаружить даже простымъ, естественнымъ разсужденіемъ и побужденіемъ природы. Что дѣлаетъ дитя, только начинающее мыслить, дабы получить желаемую вещь отъ отца или матери? Не соединяетъ ли оно для сего со своими прошеніями всѣхъ, какія знаетъ, выраженій дѣтской любви и нѣжности? Итакъ не должны ли мы признать себя несмысленными болѣе самихъ дѣтей, когда думаемъ нашими хладными, безъ вниманія, безъ любви, безъ сердца, произносимыми прошеніями что либо получить отъ Отца Небеснаго, Который именно *зритъ на сердце* вмѣсто того, что человѣкъ *зритъ на лице* (1 Царств. XVI, 7)? Скажемъ ли, что Небесный Отецъ благъ паче земныхъ родителей, и потому *дастъ блага просящимъ у Него?* Правда; но Онъ и праведенъ паче ихъ, и потому не можетъ дать недостойнымъ, и даже, по самой благости, не можетъ дать блага злѣ просящимъ, дабы они не осквернили самаго блага; но злѣ, конечно, мы просимъ, когда безъ любви просимъ у Всеблагаго и Вселюбящаго. Но что еще говоритъ законъ духовный? Онъ показываетъ, что не только исполненіе молитвы, но и самая молитва, истинная и чистая, безъ истинной и чистой любви не возможна. *О чесомъ бо помолимся*, учитъ Апостолъ, *якоже подобаетъ, не вѣмы, но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными: испытаяй же сердца вѣсть, что есть мудрованіе Духа, яко по Богу ходатайствуетъ о святыхъ.* И дабы Онъ, слыша сіе, не остался въ недоумѣніи о томъ, какъ можно пріобрѣсти сіе высокое ходатайство, Апостолъ немедленно присовокупляетъ: *вѣмы же, яко любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благая* (Римлян. VIII, 26—28). Любовь къ Богу все обращаетъ въ средства къ нашему спасенію и блаженству; безъ нея всѣ средства не достигаютъ сей цѣли. Не будетъ свѣтить свѣтильникъ безъ елея; и молитва не озаритъ духа безъ любви. Не взыдетъ безъ огня куреніе кадила, и молитва безъ любви не взыдетъ къ Богу (изъ слова въ недѣлю святыхъ, ч. I, стр. 87).

Лукавое мудрованіе чревоугодниковъ (Матѳ. XV, 11).

(*Сергія, епископа Курскаго.*)

«*Не входящее во уста сквернитъ человѣка, но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человѣка*». Чревоугодіе въ этихъ словахъ старается уловить предлогъ къ уничтоженію постовъ. Сказалъ Господь: «не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка; но то, что исходитъ изъ устъ, оскверняетъ человѣка».

Изъ сего заключаютъ, что все можно ѣсть во всякое время, только бы душа была чиста.

Такое заключеніе противно смыслу изрѣченія Христова. У Евреевъ строго соблюдаемъ былъ обычай умывать руки предъ вкушеніемъ пищи. Апостолы изъ сего обычая нерѣдко отступали не намѣренно, а случайно. Замѣчая это, книжники и фарисеи спросили Христа, зачѣмъ Его ученики нарушаютъ преданіе старцевъ и не умываютъ рукъ, когда ѣдятъ хлѣбъ. Апостолы не запрещенную пищу ѣли, иначе бы фарисеи не умолчали, а дозволенную. Посему вопросъ возбужденъ о нарушеніи не закона относительно пищи, а преданія объ умовеніи рукъ предъ вкушеніемъ ея. Спаситель, обличивъ вопросившихъ, какъ сами они лицемѣрно извращали важнѣйшія заповѣди, сказалъ во всеуслышаніе народу. «Не то, что̀ входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка», не то, что̀ употребляется въ пищу, само собой дѣлаетъ его нечистымъ; но то оскверняетъ его, что̀ исходитъ изъ его устъ, а изъ устъ исходятъ дурныя сердечныя помышленія. Господь сими словами касается не нравственнаго или церковнаго различенія пищи, не разборчивости въ ней, заповѣданной закономъ, но только самого ея вещества, входящаго въ наше тѣло для питанія. Чисто ли пища приготовлена, или неопрятно, умытыми, или черными руками беретъ ее человѣкъ, это неважно. Если бы нечистота рукъ и пристала къ ней, то не приразилась бы къ душѣ, и самая пища, какъ даръ Божій, не теряетъ своего достоинства отъ нечистаго ея приготовленія и принятія. Кому не случалось видѣть, какъ земледѣльцы лѣтомъ въ полѣ ѣдятъ свой хлѣбъ, держа его въ рукахъ, замаранныхъ землей? Мало ли такихъ работъ и ремеслъ, что люди трудящіеся совсѣмъ не могутъ отмыть своихъ рукъ? Развѣ это вмѣняется имъ въ грѣхъ? Нисколько. Но если бы кто изъ нихъ замышлялъ худое, сталъ бы сквернословить, обижать другихъ, чрезъ сіе онъ бы изобличился, что у него душа нечистая и порочная. «Ибо, говоритъ Спаситель, изъ сердца исходятъ злые помыслы, убійства, кражи, любодѣянія, лжесвидѣтельства, хуленія. Сіе оскверняетъ человѣка, а ѣсть неумытыми руками не оскверняетъ человѣка» (Матѳ. XV, 19—20). (Душеп. Чт. 1877 г. ч. I, стр. 349.)

Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же текстъ.

Не входящее въ уста сквернитъ человѣка, но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человѣка. Господь сказалъ это не потому, чтобъ не благоволилъ къ посту, или считалъ его не нужнымъ для насъ,—нѣтъ, и Самъ Онъ постился, и Апостоловъ научилъ тому, и въ Церкви Своей Святой установилъ посты; а сказалъ это для того, чтобы, постясь, мы не ограничивались однимъ малоядѣніемъ, или сухоядѣніемъ; но заботились, при этомъ, и душу свою держать въ постѣ, не поблажая ея пожеланіямъ и страстнымъ влеченіямъ. И это главное. Постъ же служитъ могущественнымъ тому средствомъ. Основа страстей въ плоти; когда изнеможена плоть, тогда словно подкопъ подведенъ подъ страсти, и крѣпость ихъ рушится. Безъ поста же одолѣть страсти было бы чудомъ, похожимъ на то, чтобы быть въ огнѣ и не обгорать. У того, кто довольствуетъ пространно плоть свою пищей, сномъ и покоемъ, какъ держаться чему-нибудь духовному во вниманіи и намѣреніяхъ? Отрѣшиться отъ земли и войти въ созерцаніе невидимыхъ вещей и стремленіе къ нимъ ему столь же удобно, какъ одряхлѣвшей птицѣ подняться отъ земли. (Мысли на каждый день года, стр. 225.)

Его же на Марка VII, 15.

Ничтоже есть внѣуду человѣка входимо въ онь, еже можетъ сквернити его, но исходящая отъ него, та суть скверняющая человѣка. Это мѣсто и подобныя ему, напримѣръ: *брашно не поставляетъ насъ предъ Богомъ*,—выставляютъ обыкновенно нелюбители поста, полагая, что этимъ они достаточно оправдываютъ свое непощеніе, по уставу и порядку Церкви. Насколько удовлетворительно это извиненіе, всякому, вѣрному Церкви, вѣдомо. При пощеніи, постановлено воздерживаться отъ нѣкоторыхъ яствъ не потому, что онѣ скверны, а потому, что этимъ воздержаніемъ удобнѣе постигается утонченіе плоти, необходимое для внутренняго преуспѣянія. Такой смыслъ закона поста столь существенъ, что считающіе какую либо пищу скверною причитаются къ еретикамъ. Неблаговолителямъ къ посту не на это надобно бы настаивать, а на то, что постъ необязателенъ, хоть оно точно есть средство къ одолѣнію грѣховныхъ позывовъ и стремленій плоти. Но это такой пунктъ, на которомъ имъ устоять никакъ нельзя. Если преспѣяніе внутреннее обязательно, то обязательно и средство къ тому, считающееся необходимымъ, и именно постъ. Совѣсть и говоритъ это всякому. Для успокоенія ея твердятъ: «я другимъ способомъ возмѣщу опущеніе поста», или: «мнѣ постъ вреденъ», или: «я пощусь, когда захочу, а не въ установленные посты». Но первое извиненіе неумѣстно, потому что еще никто не ухитрился, помимо поста, сладить съ своею плотію, и какъ слѣдуетъ устанавливать свое внутреннее. Послѣднее также неумѣстно, потому что Церковь—одно тѣло, и особиться въ ней отъ другихъ противно ея устроенію; удалить себя отъ общихъ чиновъ Церкви можно только выходомъ изъ нея, а пока, кто членъ ея, тотъ не можетъ такъ говорить и того требовать. Второе извиненіе имѣетъ тѣнь права. И точно, въ ограниченіяхъ поста снимается обязательство его съ тѣхъ, на которыхъ постное дѣйствуетъ разрушительно, потому что постъ установленъ не тѣло убивать, а страсти умерщвлять. Но если перечислить таковыхъ добросовѣстно, то окажется такая ихъ малость, что и въ счетъ ихъ нечего ставить. Останется одинъ резонъ — нехотѣніе. Противъ этого спорить нечего. И въ рай не возьмутъ противъ воли; вотъ только когда осудятъ въ адъ,—хочешь, не хочешь, а ступай: схватятъ и бросятъ туда (тамъ же, стр. 310).

Отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія... Сія суть скверняющая человѣка (Матѳ. XV, 19).

Таковы наши грѣховныя скверны! Въ числѣ ихъ первыми поставилъ Господь помышленія злая, а послѣ нихъ уже злая дѣла. Что жъ? спросимъ: ужели худыя мысли столько же сквернятъ человѣка, столько же грѣховны, какъ и худыя дѣла?

Такъ именно! Даже внутреннія наши скверны опаснѣе, нежели внѣшніе грѣхи, потому что, согрѣшая наиболѣе мыслями и желаніями, мы всего менѣе обращаемъ вниманіе на грѣхи сего рода, нерадимъ о нихъ, и чрезъ то даемъ имъ болѣе укореняться въ насъ и губить насъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ дѣйствуютъ грѣхи внутренніе? Свободно, во всѣхъ областяхъ душевныхъ,—въ области разума, въ области воли и въ области сердца; дѣйствуютъ не стѣсняемые ничѣмъ отвнѣ, безъ надзора чужаго ока, какъ дѣйствуютъ разбойники въ своихъ пещерахъ, безопасно измышляя злыя дѣла свои, готовя планы и средства для грабежей и убійствъ. Намъ кажется

большею частью, что мы, предаваясь то мрачнымъ, то свѣтлымъ мечтамъ, то эгоистическимъ, то симпатическимъ желаніямъ и чувствованіямъ, только играемъ и забавляемся—невинно, безвредно. Но что̀ показываетъ опытъ духовный? Эта игра самая опасная и вредная. Она питаетъ страсти, приготовляетъ, облегчаетъ имъ побѣду и открываетъ путь великимъ преступленіямъ, которыя если иногда не совершаются, то потому только что внѣшнія обстоятельства задерживаютъ дѣйствіе злыхъ началъ внутреннихъ.

Во сколько разъ умножились бы беззаконія въ мірѣ, если бъ наши худыя помышленія и пожеланія не находили препятствій въ исполненіи своемъ внѣ насъ! Кровопролитія, напримѣръ, и человѣкоубійства тогда были бы почти такъ же часты, какъ и порывы гнѣва, или сильныя движенія ненависти. Почему сказано: *всякъ, гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду*, т. е. какъ убійца (Матѳ. V, 22); и *всякъ, ненавидяй брата своего, человѣкоубійца есть* (1 Іоан. III, 15)? Потому, конечно, что злоба внутренняя, не обнаруженная внѣшне, есть уже дѣйствительный грѣхъ противъ шестой заповѣди. Тотъ, кто зритъ на сердце, въ душѣ, исполненной злобою или ненавистью, видитъ то же, что и въ душѣ убійцы, то есть то же безобразіе, ту же мрачность зла, съ тѣмъ развѣ различіемъ, что душа, скрывающая грѣхъ, представляется болѣе отдаленною отъ раскаянія, чѣмъ та, въ которой грѣхъ уже проявился внѣшне.

Какая болѣзнь опаснѣе: та ли, которая выказывается наружными знаками и, давая знать о себѣ больному и окружающимъ его, побуждаетъ ихъ скорѣе искать врача, или та, которая скрывается внутри, и дѣйствуетъ неощутимо для самого болящаго? Послѣдняя тихо, незамѣтно, но все болѣе и болѣе подтачиваетъ корень жизни въ тѣлѣ, и наконецъ, когда проторгается наружу, и когда призываютъ врача, оказывается уже неисцѣлимою. Такова вредоносная сила и грѣховъ внутреннихъ! Согрѣшающій не замѣчаетъ ихъ въ себѣ по самолюбію, которое и производитъ это зло и имъ питается; вредъ дѣлается замѣтнымъ, большею частью, тогда, когда образовались постоянные грѣхи внѣшніе, или худые навыки, которыхъ грѣшникъ преодолѣть не въ силахъ.

Теперь видно, отчего покаяніе наше вообще бываетъ слабо и опыты исправленія себя безуспѣшны. Мы не исторгаемъ въ себѣ корней грѣховныхъ, а какъ-бы обрываемъ одни листья грѣховъ. Корни грѣховъ въ сердцѣ и глубоко затаены въ немъ, такъ что нужна для очищенія грѣшника та сила, которая проникаетъ *до раздѣленія души и духа, членовъ же и мозговъ* (Евр. IV, 12), а для принятія этой силы нужно самоотверженіе, дѣйствіе самое болѣзненное для нашей самолюбивой природы и наконецъ насажденіе и охраненіе въ сердцѣ корня истинной жизни, то есть любви къ Богу и ближнимъ. Любовь къ Богу должна наполнять всю душу и всѣ помышленія (Матѳ. XXII, 37), ибо иначе этотъ корень духовной жизни не сообщитъ силы своей всѣмъ силамъ души; любовь къ ближнимъ требуется равносильная любви къ себѣ (39), безъ чего она не будетъ свободна отъ законопротивнаго самолюбія. Все это требуетъ искорененія плевелъ духовныхъ совершеннаго, по крайней мѣрѣ, очищенія непрестаннаго, самаго бдительнаго, *да не кій корень горести высрь прозябаяй накость сотворитъ* (Евр. XII, 15). Все это необходимо для спасенія; безъ того не обѣщается намъ общеніе съ Богомъ и Іисусомъ Христомъ. *Всякъ имѣяй надежду* сего общенія,

говоритъ святый Іоаннъ Богословъ, *очищаетъ себе, якоже Онъ*, Господь нашъ, *чистъ есть* (1 Іоан. III, 3). Чистѣйшій свѣтъ не допускаетъ въ общеніе свое нашей тьмы. Трудно это очищеніе, но съ помощью благодати не невозможно, и если будетъ совершаться неослабно, то облегчается все болѣе и болѣе.

Молись, христіанинъ, какъ можно чаще, молись объ этомъ величайшемъ благѣ души твоей: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей.* Блаженъ, кто еще въ здѣшней жизни очиститъ себя отъ всѣхъ *скверны, плоти и духа*: онъ будетъ и на землѣ предвкушать высокое блаженство небесное; ибо *блажени*, сказано, *чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Воскр. Чт., г. XXIV, стр. 78—80).

Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же стихъ.

Отъ сердца исходятъ помышленія злая. Въ сердце же откуда? Корень ихъ въ живущемъ въ насъ грѣхѣ, а развѣтвленіе ихъ, размноженіе и опредѣленный видъ въ каждомъ, отъ его собственнаго произволенія. Какъ же быть? Сначала отсѣки все, что отъ произволенія. Это будетъ похоже на то, какъ если бы кто въ деревѣ оборвалъ листья, обсѣкъ вѣтви и сучья, и стволъ отрубилъ почти до корня. Затѣмъ, не позволяй выходить новымъ отросткамъ,—самый корень и засохнетъ; то есть, не позволяй изъ сердца исходить злымъ мыслямъ, а исходящія отражай и отгоняй, и живущій въ насъ грѣхъ, не получая подкрѣпленія, ослабнетъ и совсѣмъ обезсилѣетъ. Въ этомъ существо заповѣди: *трезвитеся и бодрствуйте. Внимайте себѣ. Препояшьте чресла помышленій вашихъ.* При вниманіи надо держать разсужденіе. Изъ сердца исходитъ не одно худое, но и доброе; не всякое, однакожъ, доброе, внушаемое сердцемъ, исполнять должно. Что истинно должно исполнять,—это опредѣлитъ разсужденіе. Разсужденіе есть садовничій ножъ—одни вѣтви отсѣкаетъ, а другія прививаетъ (Мысли на каждый день года, стр. 226).

Отшествіе Господа въ Финикію, и исцѣленіе дочери рабы Хананейской (Матѳ. XV, 21—28).

Во время Своего путешествія по Галилеѣ Іисусъ Христосъ приблизился однажды къ предѣламъ Тира и Сидона,—двухъ языческихъ Финикійскихъ городовъ, знаменитыхъ въ древности богатствомъ и торговлею. Тутъ произошла у Него одна замѣчательная встрѣча, о которой сообщаетъ намъ Евангеліе (Матѳ. XV, 21—28).

Изъ тѣхъ мѣстъ явилась къ Іисусу женщина, родомъ Хананеянка; у ней была дочь, одержимая бѣснованіемъ. Любящее сердце матери пронзалось страданіями дочери, какъ своими собственными, и она, въ горькомъ чувствѣ безпомощности, взывала къ Іисусу: «помилуй меня, Господи, Сынъ Давидовъ; дочь моя жестоко бѣснуется» (22). Спаситель, такъ часто оказывавшій помощь по первому прошенію другихъ, даже прежде прошенія, не даетъ ей отвѣта, подобно тому какъ не отвѣчалъ прежде двумъ слѣпцамъ, искавшимъ Его помощи. Тогда начали ходатайствовать за нее Апостолы и просили отпустить ее. На это Онъ сказалъ имъ, что Онъ посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, то есть—къ людямъ дома Израильскаго. Женщина, между тѣмъ, подходитъ къ Іисусу Христу, кланяется и снова проситъ: «Господи, помоги мнѣ». Отвѣчая въ прежнемъ тонѣ, Онъ говоритъ ей: «несправедливо отнять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ» (23—28).

Извѣстно, что Іудеи въ своемъ пренебреженіи къ язычникамъ называли

сихъ послѣднихъ псами, а себѣ предъ ними отдавали преимущество, какъ сынамъ обѣтованія; Спаситель примѣнилъ это и къ настоящему случаю. Какъ ни казался безотраднымъ этотъ отвѣтъ по первому впечатлѣнію, только женщина приняла его съ полной покорностью и просила, чтобъ ей оказана была хоть та малая доля милости, какая доступна ея положенію. Такъ, Господи, сказала она;—но и псы ѣдятъ крошки, падающія со стола господъ ихъ» (27).

Слѣдствіемъ всего объясненія было то, что Спаситель воздалъ открытую похвалу великой вѣрѣ женщины,—и, по слову Его, дочь Хананеянки сдѣлалась здорова въ тотъ же часъ.

Евангельское повѣствованіе объ этомъ событіи безъ особенныхъ поясненій само сразу показываетъ намъ, что составляетъ главный предметъ его содержанія.—Это — великій опытъ вѣры, обнаруженной Хананеянкою. Кромѣ непреклонной твердости, которою запечатлѣна была эта вѣра, мы здѣсь усматриваемъ двѣ частныя черты, въ которыхъ выразилось ея превосходство. Оно выразилось, во-первыхъ, въ достоинствѣ того убѣжденія, какое имѣла Хананеянка о Іисусѣ Христѣ,—далѣе, затѣмъ въ той глубинѣ смиренія, которая при этомъ обнаружилась въ сердцѣ ея. Принося мольбу свою Христу, женщина именуетъ Его Сыномъ Давидовымъ. Положимъ, что это наименованіе не выражаетъ собою всей полноты нашихъ христіанскихъ понятій о лицѣ Спасителя; но тутъ слышится отголосокъ живой вѣры въ обѣтованнаго Мессію; а эта увѣренность въ Его могуществѣ и это довѣріе къ Его животворной силѣ, съ которыми обращалась къ Нему язычница, показываютъ, что въ душѣ ея было очень высокое чувство уваженія къ Спасителю. Значитъ, не смотря на свою разноплеменность съ Іудеями, она имѣла такой вѣрный и здравый взглядъ на Его достоинство, какого не имѣли многіе изъ самихъ Іудеевъ,—также хорошо была приготовлена къ достойному Его принятію, какъ и тѣ слѣпцы, которые, не видѣвъ Его лично, взывали къ Нему съ вѣрою: «Сынъ Давидовъ! умилосердись надъ нами» (Матѳ. IX, 27). Это показываетъ, что и надъ язычниками назиралъ попечительный Промыслъ Божій, Своими мудрыми путями приближая ихъ къ спасительному Царству благодати. Сосѣдство съ Евреями, въ которомъ находилась Хананеянка вмѣстѣ со своими соотечественниками, могло быть въ особенности для нихъ благопріятно съ этой стороны.—Далѣе, мы замѣтили, что превосходство вѣры, обнаруженной этою язычницею, выразилось въ ея глубокомъ смиреніи. Мало того, что Спаситель не далъ сначала никакого ей отвѣта на ея прошеніе,—Онъ, повидимому, выразилъ даже нарочитое къ ней пренебреженіе, какъ иноплеменницѣ. И нужно представить себѣ, какую борьбу должно было выдерживать ея сердце, когда въ минуту тяжкой ея скорби отстраняютъ ее, какъ пса недостойнаго, и отвергаютъ ея просьбу, исполненную довѣрія: данный ей отвѣтъ былъ не легче самаго молчанія. Но всѣ эти трудности она преподѣдила силою смиренія. Она не стала доказывать своихъ правъ на большее уваженіе къ ней; но въ то же время, не измѣняя своей надеждѣ на Спасителя, искала воспользоваться тѣмъ небольшимъ правомъ на участіе, которое при ней оставалось,—и этотъ подвигъ ея вѣры увѣнчался полнымъ успѣхомъ. По всему видно, что Спаситель хотѣлъ только испытать крѣпость этой вѣры и обнаружить ее предъ всѣми, чтобы тѣмъ торжественнѣе отдать ей должную награду.—Нужно замѣтить, что таковъ именно всегда характеръ истинной вѣ-

ры: не высказывая лишнихъ притязаній самомнѣнія, она располагаетъ человѣка къ искреннему чувству самоуниженія, и здѣсь уже, въ прямомъ сознаніи всей мѣры собственнаго недостоинства, открываетъ ему свѣтлый путь надежды на лучшее будущее.

Но почему Спаситель отзывался съ такимъ видомъ пренебреженія о женѣ иноплеменницѣ? Ужели, въ самомъ дѣлѣ, эта женщина въ глазахъ Его была не лучше пса, по сравненію съ Его единоплеменниками? И какимъ образомъ Онъ говоритъ, что посланъ былъ къ овцамъ дома Израилева, когда вѣрные Израильтяне, встрѣчая Его сами же привѣтствовали въ Его лицѣ *спасеніе*, уготованное *предъ лицемъ всѣхъ людей*, какъ напримѣръ это высказалъ святый Симеонъ праведный (Лук. II, 30—31)? Такъ, спасеніе уготовано было для всѣхъ людей; но въ историческомъ порядкѣ событій оно должно было явиться между Іудеями и прежде всего для Іудеевъ; потому что собственно въ ихъ народной исторіи, начиная съ отдѣленія ихъ племени отъ прочихъ, и далѣе, сосредоточивались тѣ приготовительныя дѣйствія Промысла Божія, которыми Онъ постепенно велъ людей къ принятію спасенія. Язычники должны были воспользоваться этимъ даромъ въ слѣдъ уже за Іудеями, т. е. пріобщаясь уже къ участью въ томъ богатомъ наслѣдіи, которому давалось мѣсто среди сыновъ обѣтованія: и, какъ показалъ опытъ событій, это совершилось въ наказаніе для сихъ послѣднихъ и какъ-бы въ замѣну ихъ самихъ, когда они сдѣлались сынами отверженія. Доколѣ не легла на нихъ печать этого отверженія, домъ Израилевъ былъ домомъ Божіимъ, и Сынъ Божій, явившійся во плоти, обращался между ними, какъ сынъ въ дому своемъ; въ этомъ случаѣ имъ, дѣйствительно, принадлежало преимущественное право на Его благодѣянія, и самый даръ избавленія, ниспосланный для всѣхъ народовъ, составлялъ особенную *славу людей* Божіихъ *Израиля*, по выраженію того же Симеона (32). Что же касается тѣхъ выраженій, въ какихъ обращался Спаситель къ Хананеянкѣ, то мы не имѣемъ права выводить отсюда, будто дѣйствительно Онъ раздѣлялъ со Своими соотечественниками ихъ гордое пренебреженіе къ язычникамъ: то слово одобренія, которое Онъ потомъ произнесъ въ пользу этой женщины, свидѣтельствовало, что Онъ смотрѣлъ на нее съ участьемъ и сострадательнымъ вниманіемъ и цѣнилъ въ ней внутреннее расположеніе души, какъ и въ лучшихъ между Израильтянами. Мы здѣсь видимъ только внѣшнее приспособленіе къ народному взгляду Евреевъ на людей языческаго происхожденія; а обстоятельства дѣла показываютъ, что такое приспособленіе не было здѣсь поблажкою или поощреніемъ этому взгляду, но только, напротивъ, обличало очевидную несостоятельность и крайность онаго; потому что сами же Апостолы, принадлежавшіе къ роду Іудейскому, побуждены были обратиться ко Христу съ просьбою объ иноплеменницѣ. Тутъ-то оказалось, что въ Царствѣ благодати и спасенія несообразно полагать такое рѣзкое разграниченіе между Израильтянами и язычниками, которое въ ту пору допускали (Воскр. Чт., г. XXV, стр. 671—676).

Евангеліе о женѣ Хананейской (Матѳ. XV, 22—28).

Іисусъ Христосъ однажды проходилъ страны Тирскія и Сидонскія. Евангелистъ не говоритъ, чтобъ въ этой землѣ языческой Господь училъ, а изъ сказанія Евангельскаго видно только

то, что Онъ проходилъ эту страну. Что̀ чувствовалъ тогда, видя цѣлыя селенія, покрытыя тьмою язычества, Тотъ, Который готовъ былъ положить душу Свою за спасеніе всего человѣчества? — Но еще не настало время благотворить язычникамъ; еще много оставалось небесному Посланнику совершить въ самой Іудеѣ. Между тѣмъ какъ Господь не хотѣлъ, чтобъ кто либо узналъ Его въ этой странѣ (Марк. VII, 24), одна женщина, родомъ Сирофиникіянка (26), узнала Его и громко вопила въ слѣдъ Ему: *помилуй мя, Господи, Сыне Давидовъ, дщи моя зѣло бѣснуется* (Матѳ. XV, 22). Не трудно было ей, жившей близъ Іудеи, знать, что долженъ былъ, по пророчествамъ, явиться нѣкогда Мессія, избавитель человѣковъ; но кто увѣрилъ ее, что явившійся недавно въ Іудеѣ Пророкъ и Чудотворецъ есть тотъ самый ожидаемый Мессія, Сынъ Давидовъ? Почему не раздѣляла она со многими изъ Іудеевъ другихъ, ошибочныхъ мнѣній о Спасителѣ?—По всему видно, что сердце этой язычницы было уже, какъ добрая земля, напаяемая росою небесною, что въ немъ уже дѣйствовало сѣмя благодати Божіей и дѣйствовало такъ, что прорастило въ немъ вѣру, которую Самъ Господь назвалъ *великою*.— Обратимъ вниманіе на эту образцовую вѣру, и не постыдимся поучиться у язычницы вѣрующей.

Голосъ скорбной матери, голосъ язычницы вѣрующей поражаетъ слухъ всемилосердаго Господа: *помилуй мя, Господи, Сыне Давидовъ, дщи моя зѣло бѣснуется.* Всевѣдующій зналъ, изъ какого сердца происходятъ слова сіи, и Спаситель человѣковъ не могъ не чувствовать въ это время внутренней радости о томъ, что и между язычниками оказываются души, жаждущія Его Царствія, души вѣрующія. И не смотря на то, Онъ *не отвѣща ей словесе.*— Что̀ значитъ это молчаніе, эта, повидимому, холодность милосерднаго Господа, съ какою внемлетъ Онъ пламенной молитвѣ? Послѣдствія показываютъ, что Господу угодно было искушать вѣру Хананеянки. Это испытаніе нужно было не для Него—всевѣдущаго, но, во-первыхъ, для самой Хананеянки, въ которой чрезъ искушеніе еще болѣе утвердилась вѣра ея; потомъ для другихъ, которымъ Спаситель хотѣлъ поставить примѣромъ терпѣливую ея вѣру.

И приступльше ученицы Его, моляху Его, глаголюще: отпусти ю, яко вопіетъ вслѣдъ насъ (Матѳ. XV, 23). Молчаніе Господа заставило жену усугубить моленія. Вопль ея побудилъ Апостоловъ ходатайствовать предъ Господомъ. Новое одобреніе для просительницы! Но искушеніе вѣры ея еще не кончилось. *Онъ же, отвѣщавъ, рече: нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева.* Я, говоритъ Господь, пришелъ проповѣдывать и творить чудеса въ народѣ Израильскомъ, а не между язычниками.—И дѣйствительно, Спаситель проповѣдывалъ однимъ Іудеямъ; слово Его рѣдко встрѣчало язычниковъ. До времени нужно было оказывать такое преимущество Іудеямъ, которые нѣсколько вѣковъ одни непосредственно пользовались и Богодухновенными мужами, и чудесами Божіими, какъ народъ избранный. Но слова Спасителя не значатъ того, что Онъ пришелъ спасти одинъ народъ Еврейскій. Онъ пришелъ пострадать и умереть за всѣхъ человѣковъ, за Іудеевъ и язычниковъ; а только проповѣдывалъ не всѣмъ, предоставивъ Апостоламъ Своимъ въ послѣдствіи пронести Евангеліе во всѣ народы. По воскресеніи Своемъ, Онъ скажетъ имъ: *шедше въ міръ весь, пропо-*

вѣдите Евангеліе всей тварѝ (Марк. XVI, 15); *шедше научите вся языкы* (Матѳ. XXVIII, 19). Итакъ еще разъ отказалъ Господь прошенію жены; не внялъ, кажется, ходатайству самихъ Апостоловъ. Что жъ дѣлаетъ твердая и терпѣливая вѣра? Отрѣваемая, она еще болѣе приближается къ Господу. Жена прибѣгаетъ къ самымъ стопамъ Его, какъ-бы преграждаетъ путь Ему и снова молитъ; *она же пришедши поклонися Ему, глаголющи: Господи, помози ми!*

На столь усердное моленіе горестной матери милосердый Спаситель даетъ, повидимому, немилосердый отвѣтъ. *Онъ же отвѣщавъ рече: нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и повергнути псомъ*,—моленіе матери не только не принимается, но и отвергается, какъ недостойное. Язычница сравнивается со псомъ по отношенію къ Іудеямъ, нареченнымъ чадами Божіими; она, по словамъ Господа, столь же мало стоитъ чудесной помощи Божіей, какъ и песъ хлѣба въ то время, когда голодны дѣти хозяина. Что должна была почувствовать при семъ несчастная мать? Оскорбилась ли она такимъ сравненіемъ? нѣтъ! вѣра ея соединяется со смиреніемъ, и чрезъ то получаетъ новую силу, непреодолимую. *Ей, Господи!* отвѣчаетъ жена. Такъ точно! я недостойная язычница, я великая грѣшница, и не стою того, что принадлежитъ чадамъ. Но, продолжаетъ дивная жена, *и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ.* «Господи! какъ-бы такъ хотѣла сказать Хананеянка, трапеза, уготованная Тобою народу Божію, столь обильна, ученіе и благодѣтельныя чудеса Твои въ Іудеѣ изливаются такою рѣкою, что для Тебя не будетъ великимъ и труднымъ дѣломъ помиловать одну несчастную язычницу, которая прибѣгаетъ къ Тебѣ, какъ песъ подъ трапезу господина своего». — Послѣ сего Господь уже не могъ удержать Своего милосердія. За такое смиреніе, за такую высокую вѣру, Онъ щедро награждаетъ женщину и даже похваляетъ ее предъ Апостолами: *о жено! велія вѣра твоя, буди тебѣ якоже хощеши. И исцѣлѣ дщи ея отъ того часа.*

Рука Всеблагаго и Всемогущаго не сократится въ подаяніи намъ даровъ Своихъ, если они нужны и полезны намъ, только бы вѣра наша не сократилась, не ослабѣла, и только бы мы не возгордились своими силами или добродѣтелями. Сознаніе своего недостоинства и слабости необходимо вѣрующему, когда онъ проситъ милости Всесильнаго (Воскр. Чт., г. I, стр. 207—209).

Путешествіе Господа по области Десятиградія:

Исцѣленіе глухого косноязычнаго и другихъ больныхъ (Марк. VII, 31—37. Матѳ. XV, 29—31).

Вышедши изъ предѣловъ Тира и Сидона, Іисусъ Христосъ за-Іорданскою стороною, чрезъ предѣлы Десятиградія, пришелъ къ морю Галилейскому и, взошедши на гору, сѣлъ тамъ. Тутъ привели къ Нему глухого косноязычнаго и просили Его, чтобы возложилъ на него руку. Іисусъ Христосъ, отведши его отъ народа въ сторону, вложилъ персты Свои въ уши его, и, плюнувъ, окропилъ языкъ его; потомъ воззрѣлъ на небо, (давая разумѣть, что помощи надобно ожидать отъ Бога), вздохнулъ, (показывая, чтобы нѣмой этимъ вздохомъ замѣнилъ словесную молитву): и сказалъ:—«эффаѳа»,—то есть, *отверзись!* И тотчасъ отверзся слухъ его, и разрѣшились узы языка его: и сталъ говорить чисто. И запре-

тилъ имъ, чтобы никому не сказывали. Но чѣмъ болѣе Онъ запрещалъ имъ, тѣмъ болѣе они разглашали.

Приводили къ Нему и другихъ больныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ, увѣчныхъ, и повергли къ ногамъ Его. Онъ исцѣлялъ всѣхъ; такъ что, въ изумленіи, говорили объ Немъ: «какъ все это хорошо Онъ дѣлаетъ! даетъ глухимъ слышать, нѣмымъ говорить, хромымъ ходить и слѣпымъ видѣть»! И прославляли Бога Израилева.

Насыщеніе четырехъ тысячъ человѣкъ семью хлѣбами (Марк. VIII, 1—9. Матѳ. XV, 32—38).

Такъ какъ къ этой за-Іорданской пустынѣ народу собралось множество, и нечего было имъ ѣсть, то Іисусъ Христосъ, подозвавъ учениковъ Своихъ, сказалъ имъ: «жаль Мнѣ этого народа. Вотъ они уже три дня при Мнѣ, а пищи съ ними нѣтъ. Отпустить ихъ голодными не хочу, чтобы не ослабѣли въ дорогѣ; потому что нѣкоторые изъ нихъ пришли издалека». — Ученики Его на это сказали Ему: «откуда намъ здѣсь въ пустынѣ взять столько хлѣбовъ, чтобы накормить такое множество»? Іисусъ Христосъ спросилъ ихъ: «сколько у васъ хлѣбовъ»?—Они сказали: «семь». Тогда велѣлъ народу возлечь на землю. И взявъ семь хлѣбовъ, воздалъ хвалу Богу, преломилъ и сталъ раздавать ученикамъ Своимъ, а ученики разносили народу. Еще было у нихъ нѣсколько рыбокъ. Онъ благословивъ велѣлъ раздать и ихъ. И ѣли всѣ и насытились. И собрали оставшихся кусковъ семь полныхъ корзинъ. А ѣвшихъ было около четырехъ тысячъ человѣкъ кромѣ женщинъ и дѣтей. Послѣ этого Іисусъ Христосъ отпустилъ ихъ.

Библіографическій указатель къ XV гл. Ев. Матѳея и парал. VII гл. Марка.

Святоотеческія толкованія.

1) Ст. 21—28. *Блаж. Іеронима.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ 17 недѣлю по Пятид. Воскресное Чт., г. XVIII. 233.

2) *Св. Іоанна Златоустаго.* Бес. о женѣ Хананейской. Бес. на разныя мѣста Свящ. Пис., т. III. 288—311.

3) *Блаж. Ѳеофилакта* о томъ же. Воскресное Чт., г. X. 237—238.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

4) На ст. 2. Обычаи, соблюдаемые на востокѣ во время обѣда. Воскресное Чт. 1874 г. I. 301—302.

5) Ст. 4—6. О корванѣ. Воскресное Чт. 1874 г. I. 315.

6) *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Бес. о постѣ. Воскресное Чт., г. XXV. 1160 — 1211. № 45. 46.

7) *Д. Бухарева.* О постахъ Православной Церкви съ опроверженіемъ возраженій противъ соблюденія ихъ. Душеп. Чт. 1871 г. II. 39—67.

8) Ст. 21—28. *Анатолія, архіеп. Могилевскаго.* Бес. въ нед. семнадцатую по Пятид. Воскресное Чт., г. XXI. 237—241.

9) *Евсевія, архіеп. Могилевскаго.* Бес. въ ту же нед. Бес. на воскр. и праздн. Ев., ч. I. 462—472.

10) *Прот. Гр. Крамарева.* Евангел. чтеніе въ ту же нед. Воскресное Чт., г. XXVI. I. 617—625.

11) Вѣра жены Хананеянки. Христ. Чт. 1852 г. II. 446—460.

12) *Свящ. Ключарева.* Вѣра жены Хананейской. Душеполезное Чтеніе, 1860 г. II. 310—323.

13) Ст. 26. Хлѣбъ дѣтямъ, крошки псамъ. Воскресное Чт. 1874 г. I. 225—229.

14) Ст. 28. *Н. З.* Мать и дочь. Воскресное Чт., г. XXXII. I. 661—678.

15) *Архим. Іосифа* на тотъ же ст. Сила вѣры. Духовн. Бес. 1862 г. XV. 376—384.

16) *Гизо.* Іисусъ Христосъ, Іудеи и язычники. Прав. Обозр. 1865 г., XVI. 241.

17) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Ев. въ Великомъ канонѣ св. Андрея Критскаго. Исцѣленіе хромыхъ (Матѳ. XV, 30; XXI, 14). Душеп. Чт. 1880 г. III, дек. 473—477.

18) Къ ст. 39. Магдала. Библ. пол. сл. Воскресное Чт. 1876 г. II. 127.

19) На Ев. Марка, гл. VII, ст. 11. Корванъ. Библ. пол. сл. Воскресное Чт. 1876 г. I. 383.

20) Ст. 25—31. *Филарета, архіеп. Харьковскаго.* Объясненіе Евангелія о женѣ Хананейской. Воскресное Чт., г. XX, 234—237.

21) Благодарность жены Хананейской. Воскресное Чт., г. VIII. 201—202.

22) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія. Исцѣленіе глухихъ и нѣмыхъ. Душеполезное Чт., 1880 г. III, дек. 467—469.

23) *Н. Елеонскаго.* О Евангеліи отъ Марка. Рѣчь Іисуса объ умовеніи рукъ (1—23); исцѣленіе дочери Хананейской жены (24—30); исцѣленіе глухонѣмаго (31—33). Чт. въ Общ. 1873 года дек. 617—625.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

24) Матѳ. XV, 21—28. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣда объ исцѣленіи Хананеянки.

25) Ст. 21 — 28. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Искренняя, чистая семейная любовь не только нравственно возвышаетъ самихъ людей, проникнутыхъ ею, но и вноситъ счастіе во всю семью, содѣйствуетъ врачеванію членовъ ея отъ недуговъ нравственныхъ, а иногда тѣлесныхъ, и ставитъ семью въ добрыя отношенія въ средѣ окружающей. II. 286—295.

26) Въ сочиненіи *С. Соллертинскаго:* Пастырство Христа Спасителя—толкованіе на повѣствованіе объ исцѣленіи дочери жены Хананейской. 164—168.

Возвращеніе въ Галилею, въ предѣлы Магдалы и Далмануѳы. Отвѣтъ фарисеямъ и саддукеямъ, требовавшимъ знаменія съ неба. Отшествіе вновь на сѣверовосточную сторону Галилейскаго озера и предостереженіе учениковъ отъ закваски фарисейской, саддукейской и Иродовой (Матѳ. XV, 39—16, 12. Марк. VIII, 10—21. Лук. XII, 54—57).

И тотчасъ Іисусъ Христосъ, вошедъ въ лодку съ учениками Своими, переправился на западный берегъ Галилейскаго озера въ мѣста, лежащія близъ Галилейскихъ городовъ Магдалы и Далмануѳы. Здѣсь приступили къ Нему фарисеи и саддукеи и начали спорить съ Нимъ, и, искушая Его, требовали отъ Него показать имъ знаменіе съ неба. На это Онъ отвѣчалъ имъ:—«(иногда) вы гадаете свечера:—завтра хорошая погода, потому что небо красно;—или (замѣчаете) по утру:—сегодня ненастье будетъ, потому что небо багрово.—Лицемѣры! вы умѣете распознавать лице неба; отчего же знаменій настоящаго времени не узнаете? Для чего и по самимъ себѣ не судите, чему быть надлежитъ»?—Потомъ глубоко вздохнулъ и сказалъ: «для чего этотъ лукавый и прелюбодѣйный родъ знаменія ищетъ? Истинно говорю вамъ: знаменіе не дастся ему, кромѣ знаменія Іоны пророка»!—И съ этими словами оставилъ ихъ.

Онъ сѣлъ опять въ лодку и отплылъ на другую сторону озера, опять въ Перею. На этотъ разъ ученики Его забыли запастись хлѣбомъ, и больше одного хлѣба не имѣли съ собой. А Онъ между тѣмъ сказалъ имъ: «смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской и закваски Иродовой».—Они было подумали про себя: «Онъ вѣрно дѣлаетъ намъ намекъ, что мы хлѣбовъ не взяли». Но Іисусъ Христосъ, уразумѣвъ то, сказалъ имъ: «зачѣмъ вы думаете, маловѣрные, что хлѣбовъ не взяли? Вы все еще не вникните и не вразумитесь? неужели

вашъ умъ такъ ожестѣлъ? Есть глаза; и не видите? есть уши; и не слышите? и не помните? Когда пять хлѣбовъ Я преломилъ на пять тысячъ человѣкъ,—сколько коробовъ наполнили вы собранными кусками»?—Говорятъ Ему: «двѣнадцать».—А когда семь хлѣбовъ на четыре тысячи,—сколько корзинъ наполнили вы собранными кусками?—Они сказали: «семь». И сказалъ имъ:—«какъ же не разумѣете, что Я не о хлѣбѣ сказалъ вамъ, предостерегая васъ о закваски фарисейской и саддукейской?»—Тогда поняли, что Онъ говорилъ имъ не о закваскѣ хлѣбной, а лицемѣрномъ благочестіи, къ которому пріучали фарисеи, о невѣріи въ Провидѣніе Божіе и безсмертіе души, которое внушали саддукеи, и притворствѣ, которое во всемъ своемъ поведеніи высказалъ Иродъ.

Мысли еп. Ѳеофана на Матѳ. XVI, 1—4.

Фарисеи и саддукеи просили Господа показать имъ знаменіе; а того и не видѣли, что знаменіе у нихъ было предъ глазами. Господь Самъ былъ знаменіемъ; Его ученіе и дѣла ясно показывали—кто Онъ; другаго свидѣтельства не нужно было. *Дѣла, яже Азъ творю, та свидѣтельствуютъ о Мнѣ*, говорилъ Онъ Іудеямъ. «Лице неба, обличалъ ихъ Господь, разсуждать умѣете, а знаменіе времени искусить не можете».—Отчего такъ сдѣлалось съ ними? Оттого что они жили внѣшнею жизнью, а внутрь себя не входили. Безъ собранности же, безъ вниманія и самоуглубленія, дѣлъ Божіихъ ни замѣтить, ни уразумѣть нельзя. То же продолжается и доселѣ. Христіанство у всѣхъ предъ глазами, какъ истинное знаменіе Божіе; а смотрящіе на него не видятъ того, колеблются въ вѣрѣ и отступаютъ. Очи ихъ теряютъ способность видѣть на немъ печать Божественности, и они готовы просить особенныхъ знаменій съ неба, подобно Іудеямъ. Но знаменіе не дается, потому что ищущіе ищутъ того только *искушающе*, а не за тѣмъ, чтобъ идти путемъ Христовымъ. Ты только вступи на этотъ путь, и съ перваго же шага увидишь, что онъ божественъ, ведетъ къ Богу, и Бога къ тебѣ приближаетъ. Іудеямъ сказалъ Господь: «знаменіе не дастся... только знаменіе Іоны пророка». И нынѣшнихъ невѣровъ провидѣлъ Господь и имъ предуготовилъ отвѣтъ: *явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси, и тогда восплачутся вся колѣна земная...* (Мысли на каждый день года стр. 231.)

Что такое знаменіе временъ? И гдѣ мы должны установить главную точку зрѣнія для практическихъ наблюденій за знаменіями временъ (Матѳ. XVI, 3—4).

(*Амвросія, архіеп. Харьковскаго.*)

Знаменія временъ—это несомнѣнные признаки ожидаемыхъ, приближающихся или наступающихъ событій.

Когда ученые Іудеи выразили Христу Спасителю желанія видѣть отъ Него знаменіе съ неба, или чудо для удостовѣренія въ Его Божественномъ посланничествѣ, Онъ съ укоризною сказалъ имъ: «лицемѣры! различать лице неба, угадывать ведро и ненастье вы умѣете, а знаменій временъ не можете», т. е. признаки наступленій извѣстныхъ явленій въ природѣ для вашего разума удовлетворительны, а очевидные признаки исполненія воли Божіей въ событіяхъ вашей жизни не представляютъ достаточныхъ основаній для вашей вѣры и убѣжденія. «Знаменіе не дастся вамъ, заключилъ Господь, кромѣ знаменія пророка Іоны» (1), что значило: наблюдайте за собы-

тіями и увидите на Мнѣ исполненіе прообразованія, даннаго вамъ въ пророкѣ Іонѣ, которое замѣнитъ вамъ чудо.

Здѣсь мы можемъ видѣть указаніе на два рода знаменій будущаго. Первыя въ пророчествахъ, прообразованіяхъ и ученіи Слова Божія. Кромѣ знаменія пророка Іоны, указаннаго Господомъ, для насъ довольно въ этомъ родѣ привести еще одно данное Богомъ чрезъ пророка Исаію: «Самъ Господь дастъ вамъ знаменіе», говоритъ пророкъ: *се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ*» (Исаія VII, 14). Любители Священнаго Писанія знаютъ, что оно преисполнено подобными знаменіями въ смыслѣ предуказанія будущаго въ словѣ и образахъ.

Второй родъ знаній—это черты въ самыхъ наступающихъ событіяхъ, соотвѣтствующія предуказаніямъ, даннымъ относительно ихъ въ словѣ Божіемъ. Въ этомъ родѣ знаменіе дано было Ангеломъ пастырямъ Виѳлеемскимъ въ доказательство истинности событія рожденія Спасителя міра: *се вамъ знаменіе: обрящете Младенца повита, лежаща въ яслехъ* (Лук. II, 12). Сюда же относится указаніе, данное Іисусомъ Христомъ Іудеямъ по прочтеніи Имъ Самимъ въ синагогѣ пророчества Исаіи о чудесахъ и благодѣяніяхъ, которыя имѣлъ совершить Мессія по Своемъ пришествіи: «нынѣ, объяснилъ Господь, исполнилось Писаніе сіе, слышанное вами», въ чемъ всѣ согласились съ Нимъ (Лук. IV, 17—22). Такимъ же указаніемъ отвѣчалъ Господь ученикамъ Іоанна Крестителя, посланнымъ узнать отъ Него Самого,—Онъ ли Мессія, или ожидать другаго: «скажите Іоанну, что̀ слышите и видите: слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются... и блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ» (Матѳ. XI, 5—6). Наконецъ, при торжественномъ входѣ въ Іерусалимъ, смотря на городъ съ горы Елеонской и заплакавъ о предстоящемъ ему страшномъ разореніи, Господь сказалъ: «о, если бы хотя въ сей твой день узналъ, что̀ служитъ къ миру твоему! Но ты не узналъ времени посѣщенія твоего» (Лук. XIX, 41—44).

Такимъ образомъ въ созерцательномъ изслѣдованіи судовъ Божіихъ о народахъ и всемъ человѣчествѣ, открытыхъ намъ въ Словѣ Божіемъ, и во внимательномъ сличеніи съ ними событій своего времени, мы имѣемъ способъ приблизительно узнавать предлежащее намъ будущее,—счастливое или несчастное. Руководственное наставленіе въ этомъ смыслѣ къ уразумѣнію приближенія великихъ событій Господь далъ намъ въ изображеніи признаковъ Своего втораго пришествія, страшнаго суда и кончины міра (Матѳ. XXIV).

Гдѣ же мы должны установить главную точку зрѣнія для практическихъ наблюденій за знаменіями временъ? Гдѣ должны сосредоточиваться признаки приближенія временъ благопріятныхъ и несчастныхъ?—Обличая Іудеевъ за невниманіе къ знаменіямъ, являющимся въ ихъ собственной жизни, Господь сказалъ: «лице земли и неба разсматривать умѣете: зачѣмъ же вы *по самимъ себѣ не судите*, чему быть должно» (Лук. XII, 56—57). Итакъ средоточіе признаковъ для распознанія временъ *въ насъ самихъ*. Христіанинъ не можетъ принять ни той мысли о судьбахъ народовъ, что они по силѣ механическаго саморазвитія природы вмѣстѣ со всѣмъ міромъ движутся въ неизвѣстное будущее,—ни той, что они, въ цѣломъ своемъ составѣ, какъ и всѣ земныя тѣла, въ свое время, по неизбѣжнымъ законамъ всего земнаго, ра-

ждаются, расцвѣтаютъ, старѣются и умираютъ, что, повидимому, оправдывается и исторіею исчезновенія съ лица земли древнихъ великихъ народовъ. Народы живутъ и движутся *по законамъ свободы*. Народъ хочетъ жить,—и будетъ жить; онъ желаетъ занять видное мѣсто въ исторіи,—и займетъ его; онъ хочетъ быть великимъ и счастливымъ,—и будетъ великъ и счастливъ; потому что его собственная участь въ его рукахъ, въ его свободѣ. «Жизнь и смерть предложилъ я тебѣ», сказалъ Моисей народу Израильскому, указывая на данный ему законъ Божій. «Избери жизнь, дабы жилъ ты и потомство твое» (Второзак. XXX, 19).

Прекрасное разъясненіе зависимости судьбы народа отъ его свободы находимъ мы у пророка Іереміи (XVIII). Здѣсь излагается ученіе о долготерпѣніи Божіемъ. Оно въ книгѣ Бытія поясненно и примѣромъ. Изрекая Аврааму обѣтованіе о дарованіи его потомству земли Ханаанской, Господь сказалъ, что еще время для исполненія этого обѣтованія не пришло, потому что «мѣра беззаконій Аммореевъ (жившихъ въ землѣ Ханаанской) еще не исполнилась» (Быт. XV, 16). Но чрезъ пятьсотъ лѣтъ мы видимъ въ исторіи такое страшное истребленіе народовъ Ханаанскихъ, которое приводитъ въ ужасъ и недоумѣніе людей, расширяющихъ мысль о Божіемъ милосердіи вопреки ученію Слова Божія объ Его правосудіи.

Итакъ, вотъ гдѣ тайна того великаго значенія, какое имѣетъ для народовъ наблюденіе за знаменіями временъ. Кромѣ общаго напоминанія о десницѣ Божіей, наказующей народы за грѣхи ихъ съ цѣлью исправленія, намъ внушается бдительность и вниманіе къ тѣмъ знаменіямъ или явленіямъ въ народной жизни, которыя могутъ совершенно лишить насъ милости Божіей и истощить Божіе къ намъ долготерпѣніе (Вѣра и Разумъ. 1886, январь. Изъ слова на Новый годъ, стр. 2—6).

Исцѣленіе слѣпого въ Виѳсаидѣ (Юліи)

(Марк. VIII, 22—26).

Приходитъ Іисусъ Христосъ въ за Іорданскую Виѳсаиду. Здѣсь приводятъ къ Нему слѣпого и просятъ прикоснуться къ нему. Онъ, взявъ слѣпого за руку, вывелъ его вонъ изъ селенія; и, плюнулъ ему на глаза, возложилъ на него руки и спросилъ его: «видишь ли что?»—Тотъ, прозрѣвъ, сказалъ: «вижу людей какъ деревья, и они ходятъ». (Таково могло быть ощущеніе у человѣка, который, не пользовавшись зрѣніемъ съ самаго рожденія, вдругъ открываетъ глаза; и не привыкъ еще различать вещи по ихъ виду, а замѣчаетъ только ихъ покой или движеніе). Іисусъ Христосъ опять возложилъ руки на глаза ему, и велѣлъ ему взглянуть; и сталъ видѣть все ясно, различая и видъ, и близость, и отдаленіе предметовъ. И послалъ его Іисусъ Христосъ домой, сказавъ: «и въ селеніе не заходи, и не разсказывай никому изъ селенія».

Мысли ев. Ѳеофана.

Виѳсаидскаго слѣпого Господь не вдругъ исцѣлилъ, но сначала не полно, а потомъ полно, такъ что онъ сталъ видѣть все ясно. Для чего Господь такъ сдѣлалъ, Ему Единому вѣдомо. Мы же возьмемъ отсюда слѣдующую мысль: если считалось нужнымъ исцѣлить тѣлесное зрѣніе постепенно, то тѣмъ болѣе такая постепенность необходима въ просвѣтлѣніи очей ума нашего. Такъ оно и было. Въ патріархальный періодъ, Богооткровенное вѣдѣніе было не сложно, въ періодъ подзаконный оно стало сложнѣе и подроб-

нѣе; въ нашъ христіанскій періодъ оно еще подробнѣе и возвышеннѣе; но конецъ ли? На землѣ высшаго не ожидай, а на томъ свѣтѣ будетъ. Два святыхъ Апостола удостовѣряютъ насъ въ этомъ, святый Іоаннъ и Павелъ. Нынѣ видимъ все, какъ сквозь тусклое стекло, а тогда все увидимъ ясно. Но и тамъ будутъ степени умственнаго просвѣтлѣнія, ибо область вѣдѣнія Божія безпредѣльна. На землѣ же откровеніе Божіе уже завершено; нечего и мечтать о высшемъ; все имѣемъ, что̀ нужно: усвой и живи тѣмъ. Христіанское откровеніе впереди не обѣщаетъ новаго откровенія; но только то, что Евангеліе будетъ узнано во всемъ мірѣ, и что эта повсюдность и всеобщность вѣдѣнія Евангелія есть предѣлъ бытію настоящаго порядка вещей. Тогда вѣра ослабѣетъ, любовь изсякнетъ, жизнь станетъ тугой,—и благость Божія положитъ конецъ міру (Мысли на каждый день года, стр. 459).

Путешествіе въ Кесаріи Филипповой: исповѣданіе Петрово, предсказаніе Господа о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, ученіе о крестѣ Его послѣдователей (Матѳ. XVI, 13—28. Марк. VIII, 27—38. Лук. IX, 18—27).

Исповѣданіе Петра (Матѳ. XVI, 13—20. Марк. VIII, 27—30. Лук. IX, 18—21).

Матѳ. XVI, 13—18. *Кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына Человѣческаго*, т. е. обѣтованнаго Мессію (сн. Дан. VII, 13)?—спрашивалъ Іисусъ Христосъ приближенныхъ учениковъ Своихъ. Ученики отвѣчали: одни—*Іоанна Крестителя*, другіе—*Илію*, иные—*Іеремію или единаго отъ пророковъ. Вы же кого Мя глаголете быти?* Тогда Симонъ Петръ исповѣдалъ: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго!* На сіе Іисусъ сказалъ въ отвѣтъ: *блаженъ еси, Симоне, варъ (сынъ) Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, Иже на небесѣхъ. И Азъ тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI, 13—18). Вотъ мѣсто, гдѣ Іисусъ Христосъ въ первый разъ говоритъ о Церкви Своей!

И прежде ученики исповѣдали Его Сыномъ Божіимъ (Матѳ. XIV, 33); но тогда не было слова о Церкви, вѣроятно, потому, что къ тогдашнему случаю примѣшивалось маловѣріе Петрово, и самое исповѣданіе основывалось на видѣнномъ чудѣ—спасеніи Апостола Петра отъ потопленія и укрощеніи бури, чѣмъ спаслись и прочіе ученики, бывшіе на кораблѣ; потому-то они и говорили: *воистину Божій Сынъ еси;* но потому-то и вѣра ихъ, можетъ быть, была не такъ совершенна, какъ здѣсь вѣра Петрова. Здѣсь же безъ всякихъ постороннихъ обстоятельствъ, которыя могли бы возбуждать вѣру, исповѣданіе Апостола Петра льется стремительною рѣчью: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго!* Видно, что сіе исповѣданіе излилось изъ всей души Петровой, проникнутой вѣрою въ Іисуса, какъ Христа, Сына Божія; видно, что такого полнаго, сердечнаго исповѣданія ученики Христовы не изрекали еще ни однажды, хотя уже исповѣдали Его Сыномъ Божіимъ; и Самъ Іисусъ Христосъ замѣчаетъ, что такое исповѣданіе внушили Апостолу Петру *не плоть и кровь*, т. е. не соображенія просто человѣческія, по коимъ иные называли Іисуса то Іоанномъ Крестителемъ, то Иліею, то Іереміею, то единымъ отъ пророкъ, но Самъ *Отецъ Небесный*, Который, по слову Христову, одинъ и привлекаетъ людей къ Сыну (Іоан. VI, 44). Потому-то, какъ доселѣ не было столь полной вѣры и такого сердечнаго исповѣданія

Іисуса Христомъ, Сыномъ Божіимъ, т. е. истиннымъ Мессіею, такъ не было и слова о Церкви. Что же изъ сего должно заключить?—То, что твердая, сердечная, Самимъ Богомъ въ сердцѣ человѣка производимая вѣра во Христа, и есть въ человѣкѣ тотъ камень, на которомъ Христосъ созидаетъ Церковь Свою.

Но не есть ли этотъ камень—Симонъ, поименованный Петромъ, или Петръ, переименованный изъ Симона, какъ нѣкоторые полагаютъ? Сему мнѣнію, кажется, служитъ опорою и значеніе имени Петръ, и названіе онымъ Симона. *Петръ*, какъ и въ другомъ мѣстѣ (Іоан. I, 42) *Кифа* (Сирское), означаетъ *гору, скалу* или *камень;* для чего жъ Петру и такое имя, если не быть ему основнымъ камнемъ Церкви Христовой?—Но не очевидно ли, съ другой стороны, что сіе наименованіе относится не къ лицу Симона, но къ твердой его вѣрѣ? Какъ-бы такъ сказалъ ему Іисусъ: «настоящее исповѣданіе твое такъ твердо, какъ скала; по ней называю тебя Петромъ; и *на семъ камени*, на такой-то скалѣ, на такомъ-то твердомъ, какъ скала, исповѣданіи, Я созижду Церковь Мою».—Такая вѣра, безъ сомнѣнія, не можетъ ограничиваться однимъ лицемъ Апостола Петра, какъ и не одинъ Петръ призывается въ Церковь; между тѣмъ съ неподвижностью скалы, на которой бы могла основаться Церковь такъ прочно, чтобы и *врата адовы*, т. е. всѣ усилія враговъ ея, *не могли одолѣть ее*, нельзя, кажется, въ самомъ Петрѣ согласить ни троекратнаго отреченія его отъ своего Учителя (Матѳ. XXVI, 64—75), ни всенароднаго обличенія, сдѣланнаго ему Апостоломъ Павломъ (Галат. II, 11—14); какъ же послѣ сего Апостолъ Петръ могъ быть основнымъ камнемъ Церкви? Развѣ скажутъ, что онъ первый имѣлъ твердое дерзновеніе проповѣдать Іисуса Христа Іудеямъ (Дѣян. II, 14 и д.) и язычникамъ (Дѣян. X, 1 и до конца), и слѣдовательно первый положилъ основаніе, или лучше, начало созиданію Церкви? Но сіе, очевидно, не то значитъ, что Апостолъ Петръ былъ основнымъ камнемъ Церкви Христовой, а то, что онъ былъ первымъ по ревности и рѣшительности *соработникомъ Богу* и *искуснымъ строителемъ Церкви* (1 Коринѳ. III, 9—10), созидавшимъ, подобно прочимъ Апостоламъ, на данномъ уже основаніи или камнѣ, который собственно и единственно есть Іисусъ Христосъ. *Основанія бо инаго*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (ст. 11, сн. Матѳ. XXI, 42. Марк. XII, 10. Лук. XX, 17. Дѣян. IV, 11. Псал. CXVII, 22—23. Исаія XXVIII, 16), въ чемъ совершенно согласуется съ нимъ и самъ Апостолъ Петръ (1 Петр. II, 4—8). Посему ежели можно назвать его основаніемъ Церкви, то въ такомъ только смыслѣ, въ какомъ и прочіе Апостолы и пророки называются такимъ основаніемъ въ словахъ Апостола Павла, называющаго вѣрующихъ *назданными на основаніи Апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну* (камню) *Самому Іисусу Христу* (Ефес. II, 20—21); но и здѣсь безъ всякаго особаго преимущества предъ другими Апостолами, какъ-бы Петръ былъ, если не основнымъ камнемъ, то главою Церкви, — дабы въ церквахъ, мѣстностью, или временемъ раздѣляемыхъ, не произошло того же, что произошло нѣкогда въ Коринѳской церкви, гдѣ иной говорилъ—я *Павловъ*, другой—я *Аполлосовъ*, тотъ—я *Кифинъ* (Петровъ, сей—я *Христовъ*. *Еда раздѣлися Христосъ? еда Павелъ распятся по васъ* (1 Коринѳ. I, 12—13)? *кто Павелъ, кто Аполлосъ* (кто слѣдовательно

и Петръ), *какъ не служители только, посредствомъ которыхъ вы увѣровали?*— писалъ Апостолъ Павелъ (1 Коринѳ. III, 5). Такимъ образомъ, чтобы яснѣе и полнѣе сказать о семъ предметѣ, говоримъ, что основный камень Церкви внѣ человѣка—есть Іисусъ Христосъ, а въ самомъ человѣкѣ—твердая вѣра въ Него; Апостолъ же Петръ есть, какъ и прочіе Апостолы, только служитель Церкви, первый по предупредительной своей рѣшительности, съ какою онъ началъ свое служеніе, а не по какому либо преимуществу,—впрочемъ и столпъ Церкви, какъ Іаковъ и Іоаннъ (Галат. II, 9).

На семъ-то камени—на Христѣ и твердой вѣрѣ въ Него, какъ Сына Божія, и созидаетъ Господь Свою Церковь такъ прочно, что *врата адова не одолѣютъ ей*. Сіе выраженіе впрочемъ, по отношенію къ людямъ, очевидно не значитъ того, чтобы вѣра ихъ была всегда такъ тверда, что врата адовы никогда не одолѣютъ ея; вѣра и Апостола Петра, въ первомъ исповѣданіи такъ твердая, впослѣдствіи, какъ извѣстно, поколебалась; равно нельзя поручиться и за вѣру каждаго человѣка, всегда свободнаго по сердцу и несвободнаго отъ паденія; но значитъ, что для того, дабы вѣрующіе могли, какъ *каменіе живо* (1 Петр. II, 4—5), составлять Церковь столь твердую, чтобы врата адовы не одолѣли ея имъ прежде и паче всего необходима вѣра во Христа, столь же твердая, сколько она была тверда въ первомъ исповѣданіи Апостола Петра.—Буди, христіанинъ, *вѣренъ даже до смерти* (Апокалипс. II, 10). (Христ. Чт. 1839 г., ч. III, стр. 44—51.)

Почему Спаситель сказалъ Ап. Петру, а не другому изъ Апостоловъ: «ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою»; и что̀ значатъ слова: «врата адова не одолѣютъ ей».

(Филарета, м. Московскаго.)

Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей (Матѳ. XVI, 18). Дабы правильно разумѣть, какимъ образомъ *на семъ камени*, который есть Апостолъ Петръ, создана Церковь, должно прежде всего утвердить коренную истину, что всеобщее, глубочайшее основаніе, также и первый краеугольный камень зданія церковнаго, есть не иной кто, какъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго. *Основанія*, говоритъ Апостолъ, *инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Коринѳ. III, 11). *Наздани*, говоритъ онъ также въ другомъ мѣстѣ христіанамъ, *на основаніи Апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу, о Немже всякое созданіе составляемое растетъ въ Церковь Святую о Господѣ, о Немже и вы созидаетеся въ жилище Божіе Духомъ* (Ефес. II, 20—22). Посему и Петръ положенъ въ основаніе Церкви не прежде, какъ онъ положилъ основаніе Христа. Прежде Петръ сказалъ Господу: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго*. Потомъ уже Господь сказалъ Петру: *ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою*. Примѣчайте и то, что хотя Господь обѣщаетъ Петру на немъ создать Церковь: *на семъ камени созижду;* но не обѣщаетъ, чтобы Церковь была его, а называетъ ее Своею: *созижду Церковь Мою*. Какимъ же образомъ на семъ *камени*, который есть *Петръ* Апостолъ, создана Церковь Христова?... Когда Іисусъ Христосъ явился въ мірѣ, тогда стояла церковь Іудейская,

а христіанской даже основанія не видно было; основаніе разумѣйте то, о которомъ теперь говорено было. Тайну сего основанія прежде всѣхъ Петру *не плоть и кровь* явили, то-есть, не человѣкъ возвѣстилъ, но явилъ *Отецъ, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. XVI, 17). *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго*, сказалъ Петръ, и открылось основаніе Церкви христіанской. Прежде всѣхъ Петръ увидѣлъ сіе основаніе, и прежде всѣхъ возлегъ на семъ основаніи сей камень, и прежде прочихъ Апостоловъ получилъ обѣщаніе, что на немъ самомъ возвысится потомъ зданіе. *Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою.* Дѣйствительное созиданіе на семъ камени началось по сошествіи Святаго Духа на Апостоловъ. Посмотрите, какъ и теперь прежде прочихъ, и какъ твердо полагаетъ Петръ прежде положенное основаніе, еже есть Іисусъ Христосъ. *Твердо убо да разумѣетъ весь домъ Израилевъ*, говоритъ Петръ Іудеямъ, *яко и Господа и Христа Его Богъ сотворилъ есть сего Іисуса, Егоже вы распясте* (Дѣян. II, 36). Смотрите далѣе, какъ быстро растетъ зданіе: *приложишася въ день той душъ яко три тысящи.* И далѣе: *мнози отъ слышавшихъ слово вѣроваша;* и бысть число мужей яко пять тысящъ. Вскорѣ присоединились къ Петру въ дѣлѣ сего созиданія и прочіе Апостолы: и по нѣсколькихъ лѣтахъ Іаковъ и пресвитеры его, въ одномъ Іерусалимѣ, уже не тысящами, но тьмами считали христіанъ, указывая ихъ Павлу: *видиши ли, брате, колико тмы есть Іудей вѣровавшихъ* (XXI, 20)! Видите уже, безъ сомнѣнія, и разумѣете, какимъ образомъ на камени, который есть Петръ Апостолъ, созидалась Церковь Христова. Она созидалась проповѣдью Петра и прочихъ Апостоловъ, крещеніемъ отъ нихъ, помазаніемъ Святаго Духа чрезъ ихъ рукоположеніе, таинственнымъ преподаніемъ отъ нихъ животворящаго Тѣла и Крови Христовыхъ вѣрующимъ, другъ друга пріимательнымъ отъ нихъ распространеніемъ священства со властью тайнодѣйствовать, и вязать и рѣшить духовно, чрезъ что созиданіе Церкви, Апостолами начатое, и послѣ того какъ сіи камни основанія и утвержденія сокрылись въ Церкви невидимой, небесной, также чрезъ ихъ преемниковъ, пастырей и учителей, непрерывно продолжаетъ Верховный Зиждитель-Христосъ. *Той далъ есть овы убо Апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники*, для начатія созиданія, *овы же пастыри и учители* для продолженія созиданія, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, *къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова*, Павелъ ли кто, Аполлосъ ли, или кто бы то ни былъ, но по преемству отъ нихъ пріявшій то же дѣло служенія, Богу есмы споспѣшницы, а вы Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте (1 Коринѳ. III, 9).

И врата адова не одолѣютъ ей. Можно ли было ожидать иного? Если Зиждитель Церкви есть Богъ и Христосъ Его, то кто можетъ быть ея разрушителемъ? Какой врагъ, ищущій ея разрушенія, можетъ быть такъ силенъ, какъ Богъ, Который ее утверждаетъ и подкрѣпляетъ? Вѣрно слово: *и врата адова не одолѣютъ ей.*

Если испытующій спроситъ, почему и въ какомъ разумѣ Господь не просто здѣсь именуетъ *адъ*, но въ особенности указуетъ врата адовы,—въ разрѣшеніи сего примѣтимъ, что Господь въ изрѣченіи Своемъ Церковь уподобляетъ зданію града, которому другой враждебный градъ въ созиданіи препятствовать и которое разрушить старается, какъ сіе особенно испытали Іудеи съ Іерусалимомъ послѣ плѣненія Вавилонскаго.

У врать града, по древнему обыкновенію, собирались обладающіе градомъ и старѣйшины его для общественныхъ совѣщаній и предпріятій. Врата града враждебнаго бываютъ особенно страшны, и потому особенно могутъ быть указаны, когда входитъ въ нихъ вражеское войско. Посему когда Господь не просто именуетъ *адъ*, но въ особенности указуетъ *врата адова*, — чрезъ сіе представляется уму нашему все, что̀ адъ имѣетъ наиболѣе страшнаго и могущественнаго, если можно назвать могуществомъ его хитрость и ярость.

Едва открылось на земли созиданіе Церкви Христовой, какъ и врата адовы отворились и изрыгнули противъ нея многочисленныя враждебныя силы и многообразныя орудія. Врата адовы отверзлись противъ христіанства на земли въ іудействѣ и въ язычествѣ. Сила и хитрость, клевета и ласкательство, угрозы и прельщенія, невѣжество народа и тонкости ученыхъ, буйство черни и искусство правительства, поруганіе, изгнаніе, грабительство, мученія, множество извѣстныхъ и новоизобрѣтенныхъ родовъ ужасной смерти, — все подвигнуто было, чтобы *одолѣть* Церковь христіанскую. И что̀ же? Синагога, храмъ и градъ Іудеевъ, капища, идолы, престолы, воинства, цѣлый міръ язычниковъ, все рушилось и разсыпалось въ прахъ; а Церковь Христова осталась, возросла, утвердилась, возвысилась, расширилась, восгосподствовала. Адъ, посрамленный, но не истощившійся въ хитростяхъ и злобѣ, хотѣлъ было подкопаться подъ основаніе Церкви и отворить себѣ новыя тайныя врата противъ Церкви чрезъ ереси и расколы; но гдѣ уже Арій, Македоній, Несторій, Діоскоръ и множество древнихъ и новыхъ ересеначальниковъ и раскольниковъ съ ихъ сонмищами? *Врата адовы* отворились въ семъ случаѣ противъ Церкви только для того, чтобъ ея изверги туда низринулись, а ей *не одолѣли*, и поелику *небо и земля прейдутъ, словеса же Христовы не мимо идутъ*, никогда, никакими усиліями, ни ухищреніями, *врата адовы не одолѣютъ ей* (на освящ. храма св. Алексія въ селѣ Черкизовѣ сент. 6 1825 г. Чтен. въ Общ. люб. дух. просв., кн. 8-я, 1869).

Изъясненіе 19—20 ст. XVI гл. Матѳея.

(*Еп. Михаила.*)

Ст. 19. *И дамъ ти ключи Царства Небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ.*

Выраженіе: *дамъ ти ключи Царства Небеснаго* означаетъ то же, что̀ послѣдующее за нимъ изрѣченіе: *еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ* и проч. «Неужели ключи тѣ получилъ Петръ, а Павелъ не получилъ? Петръ получилъ, а Іоаннъ, Іаковъ и проч. Апостолы не получили? Не въ Церкви ли тѣ ключи, гдѣ ежедневно отпускаются грѣхи? Эти ключи и право вязать и рѣшить получилъ не одинъ человѣкъ, но единая вселенская церковь. А что дѣйствительно Церковь получила сіе право, а не одно исключительное лицо, это видно изъ другого мѣста, гдѣ Господь то же самое говоритъ и ко всѣмъ Своимъ Апостоламъ (Іоан. XX, 22—23 и Матѳ. XVIII, 18). Такъ Церковь связываетъ, Церковь разрѣшаетъ: связываетъ и разрѣшаетъ Церковь, основанная на краеугольномъ камнѣ—Самомъ Іисусъ Христѣ» (Августинъ).

Ст. 20. *Тогда запрети Іисусъ ученикамъ Своимъ, да никомуже рекутъ, яко Сей есть Іисусъ Христосъ.*

«Для чего Онъ запретилъ? Для того, чтобы по удаленіи соблазнителей, по совершеніи крестнаго подвига и по

окончаніи всѣхъ Его страданій, когда уже некому было препятствовать и вредить вѣрѣ въ Него многихъ, тогда чисто и твердо напечатлѣлось въ умѣ слушающихъ вѣрное о Немъ понятіе. Поелику могущество Его не столь еще очевидно обнаруживалось, Онъ хотѣлъ, чтобы Апостолы тогда уже начали проповѣдывать, когда очевидная истина проповѣдуемаго и сила событій будутъ подтверждать слова ихъ. Ибо иное дѣло видѣть, что Онъ то чудодѣйствуетъ въ Палестинѣ, то подвергается поношеніямъ и гоненіямъ, особенно, когда за чудесами долженъ былъ послѣдовать крестъ; иное же дѣло видѣть, что вся вселенная Ему покланяется и вѣруетъ въ Него, и что Онъ уже не переноситъ ни одного изъ тѣхъ страданій, которыя претерпѣлъ. Посему-то и повелѣлъ никому не сказывать...

Если тѣ, которые видѣли многія чудеса и слышали столько неизрѣченныхъ таинъ, соблазнялись при одномъ слухѣ о страданіяхъ, при томъ не только прочіе Апостолы, но и верховный изъ нихъ Петръ, то представь, какому бы соблазну подвергся народъ, знавши, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, и потомъ увидѣвши, что Его распинаютъ и оплевываютъ, между тѣмъ какъ не разумѣлъ сокровеннаго въ сихъ тайнахъ, не принялъ еще Духа Святаго?

Итакъ справедливо запретилъ Онъ сказывать, прежде креста, народу, когда прежде креста опасался все открыть и тѣмъ, которые должны быть наставниками». (Златоустъ). (Толков. Ев.).

Предреченіе Іисуса Христа о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, и ученіе о крестѣ Своихъ послѣдователей (Матѳ. XVI, 21—28. Марк. VIII, 31—IX, 1. Лук. IX, 22—27).

Послѣ исповѣданія Петра Іисусъ Христосъ началъ открывать Своимъ ученикамъ, что Сыну Человѣческому много должно пострадать въ Іерусалимѣ, быть отвержену старѣйшинами, первосвященниками и книжниками, быть убиту, и въ третій день воскреснуть. И это говорилъ Онъ открыто, а не намеками и не притчами.

Но Петръ, отозвавъ Его, началъ противорѣчить Ему. «Сохрани Богъ!» говорилъ онъ, «этого не будетъ съ Тобою, Господи!» То есть Петръ позволилъ себѣ совѣтовать своему Учителю и Господу не уступать врагамъ, и не дозволять, чтобы они унизили въ Немъ достоинство Мессіи. Онъ полагалъ, что кто терпитъ, тотъ униженъ; а кто заставляетъ страдать, тотъ имѣетъ превосходство и силу; — и не понималъ еще, что именно въ страданіяхъ Христовыхъ заключена сила искупленія всего рода человѣческаго.

Іисусъ Христосъ, обратившись и взглянувъ на учениковъ Своихъ, строго сказалъ Петру: — «отойди отъ Меня, врагъ! ты Моимъ намѣреніямъ ставишь препятствіе, потому что у тебя на мысли не то, что̀ Богу угодно, а что̀ человѣку пріятно». Потомъ, подозвавъ народъ съ учениками Своими, сказалъ всѣмъ: — «если кто хочетъ идти за Мною; отвергнись себя» *(не думай о себѣ и о своихъ выгодахъ)*, «каждый день бери крестъ свой» *(переноси непріятности, огорченія и несчастія, которыя безъ твоей вины падаютъ на тебя)*; «и слѣдуй за Мною». Потому что кто хочетъ душу (жизнь) свою сберечь, тотъ потеряетъ блаженную жизнь въ вѣчности; а кто не пощадитъ души (жизни) своей ради Меня и Евангелія, тотъ спасетъ ее *и обрѣтетъ блаженную жизнь*. А что пользы человѣку, если бы онъ и цѣлый міръ пріобрѣлъ, душѣ же своей повредилъ, и себя самого погубилъ? и какой выкупъ могъ бы дать человѣкъ за душу свою? Потому

путемъ терпѣнія:—это есть естественный плодъ самоотверженія и вмѣстѣ поприще дальнѣйшихъ его успѣховъ при духовномъ обновленіи человѣка. Чтобы войти со Христомъ въ славу Его, нужно прежде сдѣлаться участникомъ Его въ страданіи. Это Спаситель и выражаетъ далѣе, говоря, что послѣдователь Его долженъ взять крестъ «свой». Выраженіе образное,—но оно могло быть понятно внимательнымъ изъ слушателей Іисуса, какъ указаніе на тяжкую участь жизненныхъ страданій, ожидающую послѣдователя Христова; потому что крестная казнь была извѣстна всѣмъ, какъ одна изъ самыхъ позорныхъ и мучительныхъ, а выраженіе «взять крестъ свой» указываетъ на существовавшій обычай заставлять осужденныхъ нести свой крестъ на мѣсто казни. Слѣдовательно, когда Спаситель требовалъ крестоношенія,—это означало, что послѣдователь Его долженъ быть готовъ переносить на своемъ пути всякія непріятности—до самыхъ позорныхъ и болѣзненныхъ. Для насъ, наученныхъ словомъ крестнымъ, вѣрующихъ во Христа распятаго, слова Спасителя становятся еще понятнѣе: онѣ указываютъ намъ на необходимость подражать Христу въ терпѣніи страданій, подъ которыми здѣсь можно разумѣть всякаго рода испытанія и скорби жизни, подобно тому, какъ и жертва искупительныхъ страданій Самого Христа слагается изъ всѣхъ видовъ Его земнаго уничиженія и скорби, для которыхъ крестъ Его служитъ уже вѣнцомъ и совершеніемъ. Послѣ всего этого Спаситель уже приглашаетъ вѣрующаго «послѣдовать Ему», т. е. прилагать къ жизни всѣ тѣ добрые примѣры и нравственныя правила, которыя оставлены для насъ Христомъ.

Затѣмъ Спаситель предлагаетъ нѣкоторыя побужденія къ принятію и соблюденію указанныхъ условій. Строгія требованія христіанскаго самоотверженія, сказали мы, представляются тяжкими для естественнаго чувства самосохраненія, и чувство это, подстрекаемое самолюбіемъ, можетъ вооружать человѣка противъ нихъ; поэтому Спаситель объявляетъ напередъ, что кто думалъ бы такимъ образомъ сберечь свою душу, избѣгая самоотверженія, тотъ потеряетъ ее,—а кто рѣшится на эту кажущуюся ея потерю, тотъ спасаетъ ее. Христосъ вовсе не требуетъ, чтобы человѣкъ губилъ себя рѣшительно и безплодно; напротивъ, Онъ только требуетъ тѣхъ жертвъ, которыя необходимы для блага собственной души человѣка. Онъ внушаетъ человѣку отвергаться самого себя ради любви къ Богу и ради спасительныхъ цѣлей Евангелія: «кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня и Евангелія, тотъ спасетъ ее» (35). Отсюда выводится у Него новое побужденіе, основанное на понятіи о достоинствѣ человѣческой души: какая польза человѣку, ежели онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душу свою потеряетъ? Или: какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?» (36—37), т. е. въ случаѣ, если потеряетъ ее, отказываясь отъ самоотверженія и крестоношенія. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ міръ этотъ можетъ представить въ замѣнъ души нашей, безсмертной и духовной? Таковъ ходъ главныхъ мыслей въ рѣчи Спасителя. Мы тутъ встрѣчаемъ много замѣчательнаго относительно свойствъ и требованій жизни христіанской. Стоитъ, во-первыхъ, обратить вниманіе на то, какъ соединяется неприкосновенность правъ свободы человѣческой со строгими условіями христіанской нравственности: онѣ предлагаются желающимъ. То самое, что сіи строгія условія высказываются тутъ напередъ со всею точностью и прямотою, всего лучше

соотвѣтствуетъ характеру свободы человѣческой, потому что сразу опредѣляется для человѣка предметъ его свободнаго выбора. Между тѣмъ свободное произволеніе человѣка тутъ само собою состоитъ въ ряду условій; послѣ этого не будетъ для него стѣснительно принятіе и дальнѣйшихъ условій. Далѣе можемъ обратить вниманіе на то, какъ всѣ сіи условія, въ своемъ соединеніи, облегчаются одно другимъ при ихъ выполненіи. Заповѣди Христовы всѣ такого свойства: чѣмъ болѣе мы будемъ стараться выполнять неопустительно «все» требуемое отъ насъ, тѣмъ больше будемъ получать увѣреній въ опытѣ, что *заповѣди сіи тяжки не суть* (1 Іоан. V, 3). Отречься самого себя, а въ особенности поднять на себя бремя крестоношенія—трудъ не малый и болѣзненный; но если только изъ призываемыхъ—кто хочетъ, дѣйствительно кто-нибудь хочетъ истинно и твердо идти по слѣдамъ Христовымъ, то это доброе хотѣніе, какъ и при всякихъ многотрудныхъ предпріятіяхъ, въ самомъ началѣ облегчитъ собою трудъ и будетъ подавать силы къ оному. Потомъ, Спаситель требуетъ отъ насъ самоотверженія; это посильная жертва добраго хотѣнія, но вмѣстѣ и пособіе къ дальнѣйшему подвигу — крестоношенія. Кто искренно желаетъ быть соучастникомъ страданія Христова, тотъ самъ скоро почувствуетъ необходимость самоотверженія. Бо́льшая, можно сказать, половина тяжести, которую испытываетъ человѣкъ при различныхъ непріятностяхъ жизни, происходитъ не отъ собственнаго подавляющаго вліянія этой тяжести, а отъ сильнаго развитія земныхъ пристрастій въ душѣ человѣка, съ отсѣченіемъ которыхъ необходимо ослабляется и то непріятное чувство, которое производятъ на нее лишенія на крестномъ пути. Затѣмъ—отъ христіанина требуется, чтобы онъ взялъ крестъ *свой:* это значитъ, что на него не возлагается вся та тяжесть крестнаго подвига, которую подъялъ за насъ Искупитель, но что каждому предназначается Промысломъ Божіимъ *свой* крестъ, примѣнительно къ силамъ и состоянію человѣка,—крестъ, уготовляемый самыми же обстоятельствами его жизни и потребностями его нравственнаго положенія. Такъ точно и Апостолъ увѣряетъ, что Богъ не попуститъ намъ *искуситися паче*, нежели сколько можемъ, *но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе*, т. е. послабленіе, такъ чтобы *возмощи* намъ *понести* (1 Коринѳ X, 13). Пусть только человѣкъ самъ постарается точнѣе съ этимъ сообразоваться, по своему крайнему разумѣнію и вынося съ терпѣніемъ все то, что̀ будетъ послано отъ руки Божіей, пусть не усиливается въ ложной самоувѣренности налагать на себя бремена не по силамъ и бросаться въ трудности и скорби безъ нарочитаго къ тому вызова со стороны долга или обстоятельствъ, какъ это бываетъ иногда у людей; тогда онъ самъ увидитъ, что путь крестоношенія, открытый для него Богомъ, слѣдуя высокому направленію пути Христова, въ то же время не превышаетъ ограниченной мѣры силъ человѣка и всегда можетъ быть пройденъ благополучно. Но, призывая человѣка взять свой крестъ, Спаситель въ то же время приглашаетъ человѣка неуклонно слѣдовать за Нимъ: это главный предметъ предварительныхъ условій, но вмѣстѣ это самое тутъ служитъ и облегченіемъ для человѣка. Если бъ всѣ труды крестоношенія, которые предпринимаетъ человѣкъ, совершались безъ опредѣленной цѣли и безъ высшаго направленія; тогда, дѣйствительно, онъ могъ бы легко падать на каждомъ шагу, не получая ободре-

нія и оживленія. Но онъ идетъ за Христомъ: здѣсь, Самъ Христосъ Своимъ близкимъ присутствіемъ облегчаетъ тяжесть человѣческаго креста; кромѣ того, личный примѣръ Спасителя здѣсь дѣйствуетъ и очищающимъ и ободряющимъ образомъ. Далѣе затѣмъ—Христовъ послѣдователь ясно видитъ при трудахъ своихъ высокую указанную цѣль; это—вѣчное *спасеніе души*. Судя по всему этому, мы можемъ заключать, какъ вообще много человѣколюбія въ предложенныхъ Спасителемъ условіяхъ. Онъ прямо выразилъ, что хочетъ заставить каждаго изъ насъ подумать о своей душѣ, позаботиться серьезнѣе о ея цѣлости: чего нужно желать болѣе?

Въ заключеніе Спаситель указываетъ одинъ изъ частныхъ случаевъ, гдѣ вѣрующему представляется необходимость жертвовать собою для спасенія души своей. Это говорится о томъ обстоятельствѣ, когда ложно направленное мнѣніе другихъ относительно достоинства ученія Христова, преслѣдующее вѣрныхъ блюстителей его стыдомъ и презрѣніемъ, вызываетъ ихъ къ смѣлому и открытому исповѣданію имени Христова словомъ или дѣломъ. Кто пожалѣетъ въ этомъ случаѣ себя для временной выгоды, тотъ, очевидно, потеряетъ право на участіе въ Царствѣ Христовомъ; ибо какъ Христосъ признаетъ его Своимъ, когда самъ онъ отступился отъ Христа? *Иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ,—и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми* (Марк. VIII, 36). А это откровеніе Царства Божія будетъ непремѣнно: тамъ только, въ блаженномъ и вѣчномъ сожитіи со Христомъ, вѣрные и мужественные слуги Его получатъ совершенное спасеніе души. Подтверждая мысль эту, Спаситель говоритъ, что нѣкоторымъ изъ Его слушателей будетъ сіе въ опытѣ показано еще до смерти ихъ: «истинно говорю вамъ, что нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ Царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ» (IX, 1). Слова эти объясняются различно. По толкованію нѣкоторыхъ,—что, впрочемъ, соотвѣтствуетъ и ходу Евангельской исторіи, — здѣсь нужно подразумѣвать указаніе на чудо преображенія Христова, которое скоро затѣмъ было тремъ избраннымъ ученикамъ, и въ которомъ сіи послѣдніе увидѣли образецъ того будущаго состоянія, когда Царство Божіе явится во всей силѣ своей (Воскр. Чт., г. XXV, ч. I, стр. 582—592).

Объ условіяхъ послѣдованія за Христомъ (Марк. VIII, 34).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Нѣкогда Іисусъ Христосъ именовалъ Себя *Путемъ, Истиною и Жизнію* (Іоан. XIV, 6). Теперь, соотвѣтственно съ первымъ изъ сихъ наименованій, указуетъ Онъ намъ путь. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Марк. VIII, 34).

Евангелистъ замѣчаетъ при сихъ словахъ, что Іисусъ Христосъ произнесъ ихъ, *призвавъ народы со ученики Своими*. Сіе показываетъ, что Его воззваніе относится не къ однимъ избраннымъ особенно, но ко всѣмъ безъ исключенія.

Во-первыхъ, желающій послѣдовать за Христомъ долженъ отречься самого себя, то есть, отвергнуть свое самолюбіе, не быть привязаннымъ къ собственной чести, собственной выгодѣ и собственному удовольствію, но все сіе, по образу путешественника, встрѣчать мимоходомъ и вскорѣ оставлять позади себя; во всемъ поступать по

сему наставленію Апостола: *да имущіи жены, якоже не имущіи будутъ: и плачущіи, якоже не плачущіи: и радующіися, якоже не радующеся: и купующіи, яко не содержаще: и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Коринѳ. VII, 29—31). Какъ можно, скажутъ, дойти до такого самоотверженія? Можно такъ же, какъ воинъ отрекается отъ пріятностей домашней жизни, когда выходитъ на поле брани; какъ онъ отрекается и отъ самой жизни, когда вступаетъ въ сраженіе, безъ каковаго отреченія не могъ бы онъ быть ни мужественнымъ, ни побѣдоноснымъ. Если сіе можно дѣлать для тлѣннаго вѣнца и временной славы, чего не можно и не должно сдѣлать для вѣнца нетлѣннаго и славы вѣчной?

Во-вторыхъ, для послѣдованія Христу должно *взять крестъ свой*. Крестъ Христовъ составляютъ *Его страданіе, искушеніе и убіеніе* (Марк. VIII, 31). Претерпѣвъ единъ все сіе для насъ, Онъ имѣетъ совершенное право требовать, чтобы каждый изъ насъ претерпѣлъ все сіе для Него. Но дабы не сокрушить насъ тяжестью сего бремени, подъ которымъ Онъ Самъ являлся изнемогающимъ, Онъ не возлагаетъ на насъ Своего великаго креста, но заповѣдуетъ только взять каждому свой собственный, то есть, быть готовымъ перенести столько страданій, искушеній, внѣшнихъ, внутреннихъ, сколько на каждаго въ особенности наведетъ наказующая, очищающая и вмѣстѣ милующая судьба всѣмъ управляющаго Промысла. (Изъ слова въ недѣлю крестопоклонную, т. I, стр. 124—126.)

Несеніе креста своего.

(Еп. Ѳеофана.)

У каждаго изъ насъ есть свой крестъ. Онъ слагается изъ всего, что̀ безпокоитъ и тяготитъ нашъ духъ, что̀ терзаетъ сердце наше на правомъ пути нашемъ ко Господу, во всѣ дни нашей жизни.

Первый конецъ этого креста составляютъ немощи естества нашего и худое направленіе силъ его, какъ-то: недалекость ума и незрѣлость соображеній, отсутствіе энергіи въ волѣ и неподвижность ея на дѣла долга, вялость чувствъ и падкость ихъ на недолжное, особенно же изчадія нашей самости—полчища страстей и всякаго рода похоти плоти. Пробудившійся духъ видитъ все это въ себѣ, тяготится тѣмъ и несетъ на себѣ, какъ преступникъ, которому, въ наказаніе, привязанъ на плечи тлѣющій трупъ. Это крестъ падшаго человѣчества.

Второй конецъ креста нашего составляютъ всѣ труды и непріятности житейскія. Мы ищемъ довольства, добрыхъ отношеній ко всѣмъ и благопріятнаго теченія дѣлъ нашихъ; но во всѣхъ этихъ сторонахъ нашей жизни почти поминутно происходитъ разстройство скорбное, а иногда и бѣдственное. Желая избыть непріятностей, мы боремся съ противленіями и тянемъ жизнь свою похоже на то, какъ кто идетъ среди терна и шиповника: то и дѣло—зацѣпки и царапины. Это крестъ житейскій.

Третій родъ креста слагается изъ трудовъ по исполненію обязательныхъ для насъ дѣлъ. Каждый изъ насъ обложенъ своими обязанностями; каждая обязанность имѣетъ свой кругъ занятій; каждое дѣло требуетъ труда и терпѣнія, чтобъ довести его отъ начала до конца въ томъ духѣ, порядкѣ и полнотѣ, какія составляютъ его существо, съ преодолѣніемъ всѣхъ неизбѣжно сопряженныхъ съ тѣмъ препятствій. Стало быть, всякое обязательное для насъ дѣло есть ноша; а всѣ они, въ совокупности, составляютъ не легкое иго долга, которое мы несемъ и нести

должны до гроба. Это крестъ служебный Господу, обществу и нашимъ ближнимъ.

Нѣтъ никого на свѣтѣ, кто не былъ бы обложенъ этими крестами, или своимъ трехъ составнымъ крестомъ? Но одни несутъ этотъ крестъ во спасеніе, другіе на пагубу себѣ. Господь, возлагая на насъ крестъ, хочетъ, чтобы мы содѣвали имъ спасеніе свое, и если кто, усиливаясь свергнуть съ себя этотъ крестъ, уязвляется имъ на смерть, то виноватъ самъ неразумѣемъ своимъ и невниманіемъ къ попечительнымъ указаніямъ спасающей насъ благодати Божіей. Именно—Господь хочетъ, чтобы, борясь съ собою, мы пріобрѣтали опытность въ различеніи добра и зла и очищались, — чтобы, терпѣливо неся тяготу житейскую, смиреніемъ преклоняли Бога на милость,—чтобы, исполняя свой долгъ съ преодолѣніемъ всѣхъ трудностей, достойно стяжевали вѣнецъ правды! Такимъ образомъ, когда, входя въ эти благія намѣренія Божіи, мы держимъ себя именно въ такихъ отношеніяхъ къ кресту своему, то несемъ его спасительно: въ противномъ же случаѣ, крестъ нашъ не во спасеніе намъ, а въ пагубу (Дом. Бес. 1873 г., стр. 606—607).

Что дороже: душа или міръ?

(*Изъ сочиненій святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго.*)

Какая польза человѣку аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою? (Марк. VIII, 36.) И то и другое, и душа и міръ сей, дорого для насъ, слушатели возлюбленные! Дорога душа, ибо тою живемъ, тою движемся; дорогъ и міръ сей, ибо въ томъ наслаждаемся, въ немъ находимъ покой и все потребное для настоящей жизни нашей. Дорога душа, ибо кому же хочется умирать, съ душею разставаться? Дорогъ и міръ, ибо кто не ищетъ удобства жизни и другихъ благъ мірскихъ? Но что изъ двухъ должно быть для насъ дороже: душа ли, или міръ сей? Да позволитъ мнѣ любовь ваша положить на вѣсы то и другое, дабы лучше распознать, что изъ нихъ дороже. — Безъ всякаго сомнѣнія, братіе, то для насъ лучше и любезнѣе, что прекраснѣе, что драгоцѣннѣе и что полезнѣе. Сравнимъ же теперь душу нашу и міръ сей. — Итакъ что же? Не прекраснъ ли міръ сей? Вѣдь столько въ немъ высокихъ и почетныхъ должностей, столько чиновъ, столько въ немъ украшеній, златыхъ и многоцѣнныхъ, столько лицъ прекрасныхъ, столько храминъ давно построенныхъ, къ тому же — столько сладкихъ и пріятныхъ дружествъ, обществъ, пиршествъ, веселій, прохладъ и утѣхъ,—а выше всего — временныя грѣховъ сладости! Такъ прекраснъ міръ сей, что невольно влечетъ къ себѣ и очи и сердце человѣка, какъ магнитъ влечетъ желѣзо. И никому-то не хочется отвести очей отъ красоты его! Не напрасно святый пророкъ Давидъ молился: *отврати очи мои еже не видѣти суеты* (Псал. CXVIII, 37). Сказалъ бы кто-нибудь: пророче Божій, самъ отврати очи твои не видѣти суеты, не гляди на суеты, отвратись отъ ней. Но святый пророкъ отвѣчаетъ: не могу самъ собою отвратить ихъ; ибо *зѣло углубишася* въ суету и неуклонно зрятъ на нее, и собственныхъ силъ моихъ не достаточно къ тому, чтобы преодолѣть ихъ, единъ Богъ силенъ сотворить сіе. *Ты убо*, Господи, *отврати очи мои еже не видѣти суеты!* Если же неудобно отвратить и очей отъ суетнаго міра сего, то еще труднѣе отвратить отъ него сердце. Такъ прекраснъ и любезенъ намъ суетный міръ сей!—А душа наша имѣетъ ли какую-нибудь красоту? — Да что такое душа?—Душа есть суще-

ство разумное, невидимое, безтѣлесное, безсмертное, богоподобнѣйшее, имѣющее образъ Создателя своего. Разсмотримъ со вниманіемъ здѣсь одно слово *богоподобнѣйшее*. Что прекраснѣе Самого Творца вселенной? Конечно — ничто, ибо Онъ есть Источникъ всякой красоты. А что изъ всѣхъ созданій небесныхъ и земныхъ подобно Богу? Ничто, кромѣ двухъ созданій: Ангела и души человѣческой; въ сихъ только существахъ явленъ образъ Пресвятыя Троицы. Но человѣческое естество и надъ Ангелами превознесено еще воплощеніемъ Сына Божія; ибо, по глаголу Апостольскому, *не отъ Ангелъ когда пріемлетъ* Единородный Сынъ Божій, *но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ* (Евр. II, 16), пріемлетъ, искупляя душу человѣческую Кровію Своею и обновляя въ ней древнее подобіе Свое, и украшая ее еще больше и превосходнѣе. Здѣсь, собравъ вся красная міра сего, положи противъ красоты души человѣческой, и смотри, что прекраснѣе — міръ, или душа человѣческая? Если душа человѣческая Кровію Сына Божія искупленная, и невѣста на вѣки съ Нимъ сопряженная, прекраснѣе небесной красоты, сіянія звѣзднаго и свѣта солнечнаго и подобна красотѣ Создателевой; то что будетъ противъ нея вся красота міра сего? Не то же ли, что тьма противъ солнца? Ибо міръ сей окаянный подобится не Богу, а развѣ своему господину, которому служитъ, князю вѣка сего, діаволу, всему помраченному и никогда не могущему убѣлиться.—Посмотримъ теперь: что драгоцѣннѣе:—душа или міръ сей? — Какъ вы думаете? дорогъ ли міръ сей? Люди часто цѣнятъ богатства мірскія дороже души своей: за золото и серебро и за другія вещи полагаютъ душу свою, неся ее, какъ деньги, на куплю. Вотъ идетъ наемный воинъ на брань изъ-за одной корысти,—онъ несетъ душу свою: Богъ вѣсть, возвратится ли онъ съ нею! Вотъ идетъ купецъ со своимъ товаромъ въ далекій путь, ради пріобрѣтенія,—несетъ душу свою: Богъ вѣсть, принесетъ ли ее обратно! Вотъ идетъ разбойникъ на разбой, чтобы добыть нѣчто,—несетъ душу свою: Богъ вѣсть, не самъ ли убитъ будетъ! Или вотъ идетъ воръ на кражу, — несетъ душу свою: кто знаетъ, вѣдь, можетъ быть, поймаютъ и повѣсятъ его! Словомъ, человѣкъ непрестанно полагаетъ душу свою за блага мірскія. Не хотите ли, я представлю вамъ истиннаго цѣнителя всѣхъ сокровищъ мірскихъ? Это угодникъ Божій, святый Андрей, Христа ради юродивый. Онъ видѣлъ однажды такое видѣніе: прекрасный юноша, сошедшій съ высоты небесной, держалъ въ рукѣ три вѣнца: одинъ златой, другой жемчужный, третій изъ цвѣтовъ бѣлыхъ и красныхъ. Святый Андрей, приступивъ къ юношѣ тому, говоритъ: «продаешь ли эти вѣнцы? Хотя я самъ и не могу ихъ купить, но подожди меня. я пойду и скажу господину моему, и онъ дастъ тебѣ за нихъ столько злата, сколько хочешь». Что жъ отвѣчалъ юноша? «Повѣрь мнѣ, говоритъ, если бы ты принесъ злата всего міра, и тогда не отдалъ бы я ни тебѣ, ни другому кому, ни одного цвѣтка».—Слышите ли цѣну всѣхъ богатствъ міра: они не стоятъ одного цвѣтка райскаго! Но, о юноша прекрасный! Почему же такъ дорогъ у тебя одинъ цвѣтокъ райскій, что за него не хочешь отъ всего міра собраннаго золота? Отвѣчалъ юноша: «потому что цвѣтъ райскій имѣетъ такую красоту, которой умъ человѣческій постигнуть и языку изъяснить не можетъ. Онъ имѣетъ силъ радостотворную, такъ что самою красотою своею и неизрѣченнымъ благоуханіемъ столь увеселяетъ человѣческое сердце, что если бы человѣкъ

всегда на него смотрѣлъ, то не захотѣлъ бы ни ѣсть, ни пить, и не ощущалъ бы въ себѣ никакой болѣзни; къ тому же, цвѣтъ оный не увядаетъ, но всегда цвѣтетъ».—Посмотримъ же на богатство міра сего,—имѣетъ ли оно такую силу, какъ цвѣтъ оный райскій: не увядаетъ ли, и красоты своея не теряетъ ли? и поистинѣ ли увеселяетъ человѣческое сердце? Увеселяетъ, но на самое краткое время, а великихъ печалей на долго исполняетъ. Ибо кому вопіетъ Апостолъ: *пріидите нынѣ, богатіи, плачитеся и рыдайте о мытыхъ скорбехъ вашихъ грядущихъ на вы. Богатство ваше изгни, и ризы ваша моліе поядоша* (Іаков. V, 1—2). Теперь всякій знай цѣну всѣхъ богатствъ мірскихъ: они не стоятъ одного цвѣтка райскаго!—Но попытаемся узнать цѣну души человѣческой-христіанской. Если одинъ цвѣтъ райскій такъ драгоцѣненъ, что богатства всего міра не могутъ сравниться съ нимъ, то тѣмъ болѣе душа человѣческая, ради которой насажденъ отъ Бога рай и обогащенъ всякими отъ Бога добротами. Цѣна души человѣческой та же, что и цѣна Крови Сына Божія; ибо святый Апостолъ говоритъ: *не истлѣннымъ сребромъ или златомъ* вы искуплены, *но честною Кровію Агнца непорочна и пречиста Христа* (1 Петр. I, 18—19). Взвѣсь Кровь Сына Божія, взвѣсишь и цѣну души; оцѣни воплощеніе Сына Божія, оцѣни Его чудеса, страданія, крестъ и смерть,—тогда оцѣнишь и душу. Пусть всякій разсудитъ, въ какую цѣну Самъ Сынъ Божій поставилъ душу человѣческую: выше небесъ, выше Ангеловъ, выше престола Своего Божественнаго и всего Небеснаго Царства; ибо ради ея оставивъ все то, на землю снизшелъ, Себя ради ея не пощадилъ, душу Свою за нее на крестѣ положилъ... Ищи же тутъ цѣну души человѣческой!—Наконецъ, что̀ полезнѣе,—душа или міръ сей? Полезнѣе то, что̀ долговѣчнѣе, чѣмъ дольше можно пользоваться, чего на должайшее время станетъ. Но извѣстно ли кому, какъ долго можно пользоваться міромъ, годъ ли, два ли, десять, или сто? Поистинѣ, никто не знаетъ, поживетъ ли въ мірскихъ благахъ и одинъ день, отъ утра до вечера, или отъ вечера до возсіянія другаго дня; ибо всякому и всегда возглашаетъ труба Евангельская: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе: а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. XII, 20)? А душа надолго ли дана человѣку?—Не только на временную сію жизнь, но и на вѣки вѣчные. Ибо хотя человѣкъ временно умираетъ, однако душа безсмертна и живетъ по смерти человѣческой, какъ написано: *праведныхъ души въ руцѣ Божіей и не прикоснется ихъ мука* (Премудр. III, 1). А въ общее, несомнѣнно чаемое, воскресеніе мертвыхъ душа паки соединится съ тѣломъ, егда тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе и мертвенное сіе облечется въ безсмертіе (1 Коринѳ. XV, 54). О какъ долго, въ безконечные вѣки, будетъ жить душа наша! Что̀ же передъ нею міръ сей, днесь сущій, а утрѣ погибающій!—Такимъ образомъ, взвѣсивъ душу и міръ, съ дерзновеніемъ говорю, что душа несравненно лучше и дороже міра, ее подобаетъ любить, о ея спасеніи всячески пещися. Безуменъ же и пребезуменъ всякъ, кто душу свою погубляетъ за суету мірскую! *Кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою?* Аминь.

Изъясненіе словъ Іисуса Христа: иже бо аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнемъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми (Марк. VIII, 38).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Стыдятся обыкновенно нечистаго, низкаго, презрѣннаго. Какъ же можно постыдиться Іисуса Христа всечистаго, превознесеннаго, препрославленнаго? Что̀ значитъ въ семъ случаѣ постыдиться?

Дабы опредѣлить разумъ сего слова въ устахъ Іисуса Христа, надлежитъ вспомнить, что̀ предъ тѣмъ говоритъ Онъ о крестѣ: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ.* Но что̀ былъ крестъ въ очахъ людей, прежде нежели крестная смерть и воскресеніе Спасителя нашего представили оный и по внутреннему знаменованію, величественнымъ, и по внѣшнему знаменованію священнымъ? Онъ былъ орудіе смерти для осужденныхъ, и между осужденными для рабовъ, или людей, признаваемыхъ достойными вмѣстѣ и наказанія и поруганія. Посему вѣроятно, что люди, привыкшіе цѣнить вещи цѣною народнаго мнѣнія, услышавъ ученіе о крестѣ, тотчасъ подумали, какъ трудно послѣдовать Учителю, Который готовится и готовитъ учениковъ Своихъ къ такому необыкновенному позору; вѣроятно, что люди отличной образованности и изящнаго вкуса по своему времени, стыдились даже стоять между слушателями такого Учителя, Который преподаетъ столь странное ученіе. На сіи помышленія и чувствованія испытующій сердца Учитель отвѣтствуетъ: *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми.* Изъ сего можно заключить, что *стыдиться Сына Человѣческаго* опредѣлительно значитъ стыдиться Іисуса Христа, яко распятаго; и что стыдиться словесъ Его значитъ стыдиться ученія о крестѣ. Предостереженіе противъ сего стыда очевидно нужно было для временъ, въ которомъ господствовало Іудейство и язычество, и въ которыя для опроверженія вѣры Христіанской и для осмѣянія Христіанъ, какъ безумныхъ, довольнымъ почитали сказать, что они вѣруютъ въ Распятаго;—какъ безумныхъ, говорю я; ибо точно сіе говоритъ Апостолъ: *слово крестное погибающимъ юродство есть: мы проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе* (1 Коринѳ. I, 18, 23); и посему тотъ же Апостолъ, вмѣсто того, чтобы объявить себя пріемлющимъ ученіе Христово, вѣрующимъ ему, благоговѣющимъ предъ нимъ, почелъ довольнымъ сказать, что не стыдится онаго: *не стыжуся благовѣствованіемъ Христовымъ: сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему* (Римлян. I, 16).

Должно замѣтить, что то же преступленіе, которое Іисусъ Христосъ называетъ стыдомъ имени Его и ученія, иначе называетъ Онъ отверженіемъ Его, или отреченіемъ отъ Него: *иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергнуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ.* Стыдиться Христа есть начало, а отречься отъ Него есть совершеніе одного и того же преступленія. Какъ *сердцемъ вѣруется въ правду: усты же исповѣдуется во спасеніе* (Римлян. X, 10), такъ сердцемъ стыдятся Христа во осужденіе, чувствуютъ тягость и затрудненіе отъ Его ученія, какъ несо-

образнаго съ понятіями гордаго разума, съ похотями плоти, съ обычаями вѣка сего; и вслѣдствіе таковыхъ внутреннихъ расположеній, устами, дѣлами и всею жизнью отрекаются отъ Него къ погибели (Изъ слова въ недѣлю по Воздвиженіи. Стр. 115—116).

Ложный стыдъ.

(*Свящ. М. Предтеченскаго.*)

Иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми (Марк. VIII, 38). Что же постыднаго сдѣлалъ, или сказалъ Іисусъ Христосъ, чтобы можно было стыдиться признавать себя Его ученикомъ и послѣдователемъ?

Его осудили на смерть и распяли на крестѣ, какъ злодѣя. Но развѣ и самые ожесточенные изъ враговъ, которые съ особенною настойчивостью требовали Его смерти, могли возразить что либо, когда осудившій Его Римскій правитель Іудеи Пилатъ торжественно предъ всѣми сказалъ о Немъ: *се азъ предъ всѣми истязавъ, ни единыя же обрѣтая въ Человѣцѣ Семъ вины, яже нань вадите* (Лук. XXIII, 14); *се извожду Его вамъ вонъ, да разумѣете, яко ни единыя вины обрѣтаю* (Іоан. XIX, 4); *не повиненъ есмь отъ Крове Праведнаго Сего: вы узрите* (Матѳ. XXVII, 24)? Развѣ не знаемъ мы, для чего и за что собственно пострадалъ Іисусъ Христосъ?

Его осудили на смерть и распяли на крестѣ за то, что Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, *равенъ ся творя Богу* (Іоан. V, 18. Матѳ. XXVI, 62—69. Іоан. XIX, 7)? Но развѣ не оправдались на Немъ со всею точностью всѣ ветхозавѣтные прообразы и пророчества о Христѣ? Развѣ большій изъ рожденныхъ женами, Іоаннъ, не указалъ на Него, какъ на Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра (Іоан. I, 29, 36)? Развѣ Богъ Отецъ неоднократно не засвидѣтельствовалъ о Немъ, какъ о возлюбленномъ Своемъ Сынѣ (Матѳ. III, 17. Марк. IX, 7)? Развѣ Самъ Онъ и Своею святѣйшею жизнію и безчисленными чудесами Своими не доказалъ непререкаемо, что Онъ воистину есть Христосъ, Сынъ Божій, приведшій въ міръ грѣшныя спасти (Іоан. V, 36)? Такъ какъ же, на какомъ основаніи, можно стыдиться Іисуса Христа?

Можетъ быть, въ Его ученіи есть что либо несогласное съ истиной, противорѣчащее здравому человѣческому смыслу, унизительное для насъ? Припомнимъ, однако, чему училъ и что заповѣдалъ намъ пострадавшій за насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Онъ училъ, что есть Богъ, что міръ есть твореніе Божіе и управляется премудрымъ и всеблагимъ Его Промысломъ, что въ насъ есть разумная Богоподобная, а не животная только, душа, какая есть у каждаго звѣря, что наша душа по природѣ безсмертна, что мы предназначены къ вѣчной жизни; что есть за гробомъ блаженство для праведниковъ и му́ки для грѣшниковъ нераскаянныхъ.

Братъ мой! Такъ тебѣ стыдно вѣровать, что въ мірѣ нѣтъ слѣпаго случая, что онъ и созданъ и управляется Верховнымъ Существомъ? Тебѣ стыдно вѣровать, что ты не одинокое, не беззащитное существо, что есть на небѣ Господь, Который тебя любитъ, о тебѣ заботится,—Который видитъ твои слезы, считаетъ твои вздохи и за земныя скорби, Имъ допускаемыя для твоего же блага, готовъ вознаградить тебя блаженствомъ нескончаемымъ? Тебѣ

стыдно знать, что ты выше окружающихъ тебя неразумныхъ созданій, что въ тебѣ есть Богоподобная душа, что ты *умаленъ малымъ чимъ отъ Ангелъ* (Псал. VIII, 7)? Такъ тебѣ жалко надѣяться, что неизбѣжная для всѣхъ смерть не на вѣки разлучитъ тебя со всѣмъ, что для тебя здѣсь дорого, что за предѣлами гроба ждетъ тебя иная, не временная, а вѣчная жизнь, гдѣ всѣ твои добрыя стремленія будутъ удовлетворены, гдѣ ты вѣчно будешь познавать, всегда любить, непрестанно радоваться? Ужели менѣе стыдно и болѣе согласно съ твоимъ достоинствомъ, къ несчастію, модное теперь въ извѣстныхъ кружкахъ мнѣніе, что человѣкъ есть простое животное, что живетъ онъ и умираетъ, какъ живутъ и умираютъ прочія неразумныя твари? Но посмотри же, на что будетъ похожа людская жизнь, если болѣе распространено будетъ это жалкое и нелѣпое мнѣніе.

Въ виду ожидающей насъ вѣчной жизни, какъ дѣтямъ одного общаго Отца, Господь намъ заповѣдалъ другъ друга любить, другъ другу помогать, другъ о другѣ заботиться, предпочитая всегда общее благо личному каждаго благосостоянію. Какъ разумнымъ Богоподобнымъ существамъ, Господь намъ заповѣдалъ не предаваться влеченію страстей, не рабствовать имъ, дорожить своей свободой, жить разумно, поступать всегда по совѣсти и неутомимо стремиться къ нравственному совершенству, цѣль и предѣлъ котораго въ Самомъ Богѣ (Матѳ. V, 48). Къ чему, да и возможна ли такая жизнь внѣ заповѣданной намъ Іисусомъ Христомъ святой вѣры? Нѣтъ Бога,—нѣтъ въ насъ безсмертной души, нѣтъ въ вѣчности награды за добро и наказанія за зло: къ чему заботиться о добродѣтели? Не лучше ли, напротивъ, жить какъ кому вздумается, какъ кто найдетъ болѣе для себя удобнымъ и пріятнымъ, согласно со своими склонностями? Вѣдь путь закона узокъ и тернистъ, а путь страстей широкъ, углаженъ и свободенъ отъ терній. Такъ въ большинствѣ и живутъ люди невѣрующіе. Для нихъ нѣтъ и не можетъ быть ничего священнаго, кромѣ себя и своихъ прихотей. Теперь представимъ себѣ, что таково будетъ большинство людей,—таковы будутъ всѣ люди,—всѣ станутъ своевольничать, воровать, грабить, обманывать, пить безъ просыпу, распутничать и т. под. На что тогда будетъ похоже людское общество и возможно ли будетъ въ немъ хоть для кого-нибудь и какое-нибудь прочное счастіе?

Итакъ стыдиться Іисуса Христа и Его ученія значитъ не только стыдиться въ себѣ человѣческаго достоинства, равнять себя съ неразумными тварями, но значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказываться отъ всего, что есть въ насъ лучшаго и возвышеннѣйшаго,—отъ сладчайшихъ надеждъ,—отъ чистѣйшихъ радостей, и обрекать себя и всѣхъ на самую жалкую, безпорядочную и бѣдственную жизнь. Скажетъ кто-нибудь: «Христосъ предсказалъ намъ по смерти не только блаженство для праведниковъ, но и мýки нескончаемыя для грѣшниковъ». Братъ мой! Не это ли заставляетъ тебя стыдиться Христа, не вѣрить Его ученію? Но вѣдь невѣріемъ ты на время только можешь заглушить въ себѣ безпокойную мысль о будущемъ, а не исторгнешь ея окончательно изъ своего сердца: нѣтъ—нѣтъ, да и пробудится она въ тебѣ съ новой ужасающей для тебя силой. Вѣдь, невѣріемъ ты не предотвратишь, а усугубишь для себя мýки въ вѣчности, когда постыдится тебя Сынъ Человѣческій, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми. То

правда: мы всѣ грѣшники, и пока живемъ здѣсь, не можемъ не страшиться отвѣтственности за грѣхи. Но развѣ не пострадалъ за насъ Іисусъ Христосъ и не омылъ нашихъ грѣховъ честною Своею Кровію? Кто же препятствуетъ тебѣ прибѣгнуть подъ сѣнь креста и воспользоваться непобѣдимою и непостижимою его силою? Молись прилежно, кайся искренно,—и самые тяжкіе грѣхи не воспрепятствуютъ Божественному милосердію спасти тебя.

О, да хранитъ въ насъ Господь святую спасительную вѣру! Въ ней для насъ залогъ всего лучшаго и здѣсь, и въ вѣчности. Въ вѣрѣ для насъ истина, и свѣтъ, и жизнь; внѣ ея одно заблужденіе,—временная и вѣчная погибель (Духовн. Бес. 1874 г., т. II, стр. 181—184).

Библіографическій указатель къ XVI гл. Ев. Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Іоанна Златоустаго.* Бесѣда на Матѳ. XVI, 13. Христ. Чт. 1839 г. III. 279—306.

2) *Преп. Исидора Пелусіота* о Господнемъ вопросѣ: *Кого Мя глаголютъ человѣцы быти* (Матѳ. XVI, 13), ч. I, 145. Творенія св. оо., т. XXXIV. *Его же* о Петровомъ отвѣтѣ: Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго (16). Тамъ же. *Его же* на сказанное Спасителемъ о Церкви: *врата адовы* (18), ч. I. 146 и ч. II. 77. *Его же* на слова: *пріити бо имать Сынъ Человѣческій во славѣ Отца Своего* (27) ч. II. 207.

3) Ст. 24. *Блаж. Іеронима.* Какой смыслъ имѣетъ сказанное у Евангелиста Матѳея: *Аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе.* Тв. блаж. Іеронима въ Римск. перев., т. II. 608—610. О томъ же въ письмѣ къ Аспасіи. Христ. Чт. 1846 г. 218—221.

4) *Св. Василія Великаго* о томъ, что такое самоотверженіе. Тв. Василія Великаго, ч. V. 113. Тв. св. оо., т. IX. Почему Петръ Апостолъ названъ камнемъ. Ч. II. 95—96.

5) *Препод. Исаака Сирина.* Что значитъ: *взять крестъ свой?* Слова подвижника М. 1858 г. 353. Что такое крестъ въ нравственномъ смыслѣ? 124. Два способа взойти на крестъ. 18. 532.

6) На Еванг. Марка гл. VIII. *Блаженнаго Ѳеофилакта.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ недѣлю 3-ю Великаго поста (Марк. VIII,—34—IX, 1) Воскресное Чтеніе, г. X. 459—460.

7) *Блаж. Августина* на слова: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе* (34). Воскресное Чт. XII. 486.

8) *Св. Григорія Двоеслова* о самоотверженіи и послѣдованіи за Христомъ (23—27). Бесѣды на Евангелія въ перев. Климента, кн. II. 147—162.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

9) На Еванг. Матѳея. Ст. 6. Марк. VIII, 15. Лук. XII, 1. Фарисейскій духъ. Воскресное Чт., г. X. 473—474.

10) Ст. 13—19. *С. С.* Церковь и церковный судъ по ученію Іисуса Христа. Руков. для с. п. 1873 г. III. № 48, 401—409.

11) Объ учрежденіи Іисусомъ Христомъ Церкви Своей на землѣ (Матѳ. XVI, 13—18). Христ. Чт. 1839 г., ч. III. 44—51.

12) Ст. 18. *Филарета, митроп. Московскаго.* О пребываніи благодати Божіей въ Церкви Христовой неотступно до скончанія вѣка. Чт. въ Общ. 1872 г. янв. 46—48.

13) О власти ключей (19). Прав. Обозр. 1867 г. XXII. № 4. 452—455. Обозрѣніе Нѣм. богослов. журнал.

14) Ст. 21 и 24. Мысли еп. Ѳеофана. Домашн. Бес. 1871 г. Вып. 28 и Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 234—235.

15) Ст. 24. Необходимость обращенія всецѣлаго на тотъ же ст. Воскресное Чтеніе, г. X. 273—274, г. XXIV. 541—546.

16) Ст. 26. Назидательное размышленіе. Христ. Чт. 1834 г. I. 225—229.

17) На тотъ же ст. Воскресное Чтеніе, г. V. 224.

18) *Н. Елеонскаго.* О Еванг. Марка VIII. 1—38. Чт. въ Общ. 1873 года, дек. 618—629.

19) На Еванг. Марка. Ст. 10. *Далманова*, Библ. пол. сл. Воскресное Чт. 1874 г. II. 224.

20) Ст. 10, 12—21, 22—26, 29, 34. Мысли еп. Ѳеофана. Дом. Бес. 1871 г. Вып. 9. 11. 36. 50 и 80. Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 316. 457. 459.

21) Ст. 34—IX, 1. Евангельское чтеніе въ недѣлю 3-ю Великаго поста. Воскресное Чт., г. XXV. № 47. 1205—1207.

22) Ст. 34. *Свящ. П. Троицкаго.* Крестоношеніе и трудно, и легко. Воскресное Чт. 1873 г. I. 116—117.

23) Ст. 34. Нѣсколько христіанскихъ словъ мірянина къ мірянамъ. Воскресное Чтеніе, 1874 г. II. 1—7.

24) Ст. 35. *Іеромон. Аванасія.* Евангельскій взглядъ на спасеніе наше чрезъ отверженіе себя. Стран. 1860 г. Мартъ. 189—199.

25) На тотъ же ст. Воскресное Чтеніе, г. XIII. 571.

26) Ст. 36. Воскресное Чт., г. XVI. 265.

27) Ст. 38. *Свящ. А. П.* Дух. Бес. 1861 г. XIII. 155—160.

28) Ст. 38. *Леонида, еп. Дмитровскаго.* Не стыдись Христа. Душеп. Чт. 1873 г. III. 56—59.

29) На Еванг. Лук. IX, 23. Размышленія въ нед. крестопоклонную. Дух. Бес. 1859 г. V. 323—332.

30) Ст. 26. Что скажутъ? Воскресное Чт. 1873 г. I. 97—103.

31) Крестные пути. Воскресное Чтеніе, г. XXIII. 323—324.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

32) На Еванг. Матѳея. Ст. 18. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Долго ли врата адовы не одолѣютъ Христовой Церкви? II. 227—235.

33) Ст. 18. *Филарета, митроп. Московскаго.* О пребываніи благодати въ Церкви Христовой неотступно до скончанія вѣка. III. 288—289.

34) *Его же.* Объ ученіи восточной каѳолической Церкви и Римской западной—о непоколебимости Церкви. (Противъ ученія о главенствѣ Апостола Петра и его преемниковъ.) IV. 324—330.

35) Ст. 28. *Его же.* Какъ исполнилось надъ стоящими окрестъ Господа и что означало таинственное предсказаніе? III. 374—375.

36) На Ев. Марка гл. VIII, 12. *Филарета, митроп. Московскаго.* Отчего мы нынѣ чудесъ не видимъ? II. 241—247.

37) Ст. 34. *Его же.* Что значитъ отвергнуться себя и что такое крестъ свой? III. 327—330.

38) Ст. 34. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* Волын. Еп. Вѣд. 1876 г. № 20.

39) Ст. 34. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О томъ же. II. 346—354.

40) Ст. 34. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* Что значитъ отвергнуться себя и нести крестъ свой. I. 167—168.

41) Ст. 34. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О томъ же. I. 254—255. Изъ чего слагается крестъ нашъ? III. 99—110.

42) Ст. 34. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О сущности христіанскаго креста. II. 45—57.

43) Ст. 34—36. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Объ условіяхъ послѣдованія за Христомъ. III. 154—168.

44) Ст. 35. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣды. III. 63.

Возвращеніе въ Галилею: преображеніе Господне (Матѳ. XVII, 1—13. Марк. IX, 2—13. Лук. IX, 28—36).

Гора Ѳаворъ.

На востокъ неподалеку отъ Назарета, въ коемъ Искупитель нашъ пребылъ до вступленія въ дѣло нашего спасенія, на сѣверъ отъ Наина, гдѣ Онъ милосердный воскресилъ сына бѣдной вдовицы, на западъ отъ моря Генисаретскаго, столько разъ ознаменованнаго Его чудотвореніями, съ сѣверной оконечности обширной, цвѣтущей долины Эздрелонской, возвышается, почти въ видѣ правильнаго конуса, гора; высота ея по отвѣсной линіи, составляетъ до 500 саженъ, вершина въ окружности около трехъ верстъ. Вотъ священный Ѳаворъ; его мѣстность, видъ и высота! Прославленная преображеніемъ Господа, гора Ѳаворъ, по своему

мѣстоположенію и великолѣпію, есть одна изъ самыхъ примѣчательныхъ горъ не только въ Палестинѣ, но на всемъ земномъ шарѣ. Въ гористой Палестинѣ всѣ горы идутъ непрерывными цѣпями; Ѳаворъ возвышается уединенно отъ всѣхъ прочихъ, стоитъ одиноко какъ-бы для того, чтобы другія горы не раздѣляли съ нимъ славы, предопредѣленной ему свыше. Крутыя и высокія горы вездѣ представляютъ сухія возвышенности, каменистыя скалы; но Ѳаворъ отъ подошвы до вершины покрытъ плодоносною почвою; ароматическія травы и цвѣты, тѣнистыя рощи и плодоносныя дерева, поляны, покрытыя тучными нивами,—вотъ великолѣпная риза, коей облекается священный Ѳаворъ и въ наше время, когда вся обѣтованная земля представляетъ видъ бѣдной, пустынной страны. Съ вершины Ѳавора открываются обширные, ни съ чѣмъ не сравнимые виды во всѣ стороны: на сѣверъ огромнымъ шатромъ представляются снѣжныя вершины Антиливана, на югъ—вся прекрасная долина Эздрелонская, за нею возстаютъ разнообразныя вершины горъ Галилейскихъ, сливающихся съ грудами горъ Іудейскихъ; на западъ—пустынный Кармилъ—убѣжищѣ грознаго ревнителя славы Божіей пророка Иліи, и море Средиземное; на востокъ—хребетъ береговыхъ горъ моря Геннисаретскаго и самое море.

Мѣстоположеніе и великолѣпіе Ѳавора дали ему извѣстность въ самой глубокой древности временъ ветхозавѣтныхъ; разныя происшествія, коихъ онъ былъ или памятникомъ, или поприщемъ, увѣковѣчили его знатность. Историческая его извѣстность начинается почти вмѣстѣ съ исторіею народа Божія, именно со времени переселія Іисусъ Навинъ, исполняя грозную волю Господню объ истребленіи потомства злополучнаго сына Хамова, шелъ побѣдоноснымъ воинствомъ мимо Ѳавора; у подошвы его располагалъ свой станъ, съ вершины горы, вѣроятно, обозрѣвалъ города и веси, которыя предавалъ Господь въ руки Его. При раздѣлѣ завоеванной земли, Ѳаворъ назначается предѣломъ племенъ Завулонова и Иссахарова. Когда предалъ Господь Израиля за нарушеніе завѣта въ руки враговъ, и скорби порабощенія обратили грѣшниковъ къ покаянію, Ѳаворъ озарился славою милости и спасенія свыше: на скатѣ его къ долинѣ Эздрелонской и нынѣ есть селеніе, носящее имя пророчицы Девворы;—это завѣтный памятникъ того, что на семъ мѣстѣ священнаго Ѳавора воздвигъ Господь спасительницу Израиля. На Ѳаворъ Богодухновенная жена призвала Варрака съ 10000 воиновъ, сказавъ, что она предаетъ ему враждебнаго военачальника царя Ассорскаго Сисару. Въ виду отъ мѣста жительства пророчицы произошло сраженіе у Варрака съ Сисарою, совершилась предсказанная побѣда, послѣ которой вдохновенная Деввора воспѣла торжественный гимнъ Всемогущему Помощнику и Покровителю.

Но эти и другія событія были только предображеніемъ той славы, коей удостоилъ Господь нашъ священный Ѳаворъ, избравъ его мѣстомъ для Своего славнаго преображенія. Повѣствуя о семъ событіи, Евангелисты не именуютъ Ѳавора, а говорятъ только о горѣ высокой (Матѳ. XVII, 1. Марк. IX, 2) или просто о горѣ (Лук. IX, 28), и это какъ-бы потому, что и безъ наименованія Ѳавора, само собою понятно его преимущество; что только высокой и

для таинственной Его бесѣды съ Отцемъ Небеснымъ, только горѣ свѣтлой прилично было озариться тѣмъ свѣтомъ, который возблисталъ въ минуты славнаго Преображенія: *Ѳаворъ и Эрмонъ о имени Твоемъ возрадуются* (Псал. LXXII, 15), восклицалъ вѣнчанный пророкъ, провидя славное назначеніе Ѳавора. Самовидцы велелѣпной славы—Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, по страданіи и воскресеніи Господа, первые возвѣстили о предызобразительной славѣ Его на Ѳаворѣ; по указанію свидѣтельства ихъ, христіане первенствующіе назвали Ѳаворъ горою Преображенія; святый Кириллъ и блаженный Іеронимъ нашли преданіе сіе общеизвѣстнымъ. Равноапостольная императрица Елена украсила Ѳаворъ Боголѣпнымъ памятникомъ, соорудила на вершинѣ его храмъ о трехъ престолахъ, согласно словамъ Евангельскимъ: *Господи, добро есть намъ здѣ быти: аще хощеши, сотворимъ три сѣни, Тебѣ едину, и Моисеови едину и едину Иліи* (Матѳ. XVII, 4).

Въ III-мъ вѣкѣ существовалъ здѣсь монастырь, но до нашихъ временъ изъ всей святыни Ѳаворской благоговѣніе христіанъ хранитъ остатки храма, воздвигнутаго святою Еленою. Подъ нижними сводами его долгое время Греческій епископъ Птолемаиды, ежегодно въ праздникъ Преображенія Господня, совершалъ литургію; нынѣ только Римскокатолическіе иноки Ѳозарезскіе служатъ литургію такъ же въ день Преображенія Господня, при безчисленномъ стеченіи христіанъ, желающихъ срѣтить свѣтлый праздникъ на самомъ мѣстѣ его событія (Воскр. Чт., г. VII, стр. 159—161).

О преображеніи Господа нашего Іисуса Христа.

(Матѳ. XVII, 2.)

(Павла архіепископа Кишиневскаго).

Значеніе преображенія. Преславное преображеніе Господа нашего Іисуса Христа на Ѳаворѣ было однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Его. Оно имѣло величайшее значеніе и для Него Самого и для судебъ всего міра. Преображеніе Богочеловѣка внутреннее, бывшее причиною преображенія Его внѣшняго—Ѳаворскаго, возвеличило, поставило человѣческое естество Іисуса Христа,—и всегда высокое, чистое, совершенное,—на такую высоту нравственную, на какой оно доселѣ еще не стояло. Напряженное углубленіе въ тайну искупленія, совершившее преображеніе Іисусово, возбудило къ усиленной дѣятельности и привело въ самое возвышенное настроеніе всѣ силы Его духа. Свѣтлый умъ Его человѣческій теперь еще болѣе просвѣтлѣлъ и съ величайшимъ напряженіемъ и проницательностью началъ созерцать тайну искупленія и постигалъ ее во всей ея полнотѣ и разнообразіи. Его святѣйшая воля, уже давно обрекшая Его на смерть за спасеніе міра, теперь исполнилась особенно живою, пламенною и твердою рѣшимостью претерпѣть все,—и самыя тягчайшія муки крестныя,—за спасеніе людей. Всѣ силы Его души начали вращаться около величайшей тайны искупленія, сосредоточивались на крестѣ, проникнутыя полною готовностью подъять его на рамена Свои. Именно предъ Своимъ преображеніемъ, чрезъ углубленіе въ тайну искупленія, Іисусъ Христосъ по человѣчеству Своему достигъ въ мужа совершенна, въ мѣру полнаго возраста (Ефес. IV, 13), для самаго тяжкаго крестоношенія во славу Божію и благо людей, какъ предъ крещеніемъ во Іорданѣ созрѣлъ для трудовъ проповѣди покаянія, проповѣди о близости Царствія Божія. Словомъ, во дни преображенія состояніе души Іисуса Христа было запечатлѣно такою возвышенностью и величіемъ, и человѣчество Его стало съ такою силою свидѣтельствовать объ ѵпостасномъ соединеніи своемъ съ Божествомъ, что привлекло на Іисуса Христа гласъ Отца Небеснаго: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ: Того послушайте* (Матѳ. XVII, 5). Для судебъ міра преображеніе Іисусово имѣло то значеніе, что съ него дѣло искупленія начинаетъ быстро и съ особенною рѣшительностью приближаться къ исполненію и являться во всей своей силѣ. Вопросъ о крестѣ Христовомъ и крестахъ послѣдователей Его, на горѣ преображенія,—снова, съ особенною силою предъ свидѣтелями и съ неба, и съ земли, и изъ царства мертвыхъ, рѣшенъ человѣчествомъ Іисуса Христа по планамъ премудрости и благости Божіей,

во славу Божію и благо людей, а не по суетнымъ желаніямъ, и вопреки прекаліямъ мыслящихъ *не яже суть Божія, но человѣческая* (Матѳ. XVI, 23). Таково значеніе преображенія Господня и для Него Самого и для всѣхъ людей. Дивно ли, что при важномъ внутреннемъ значеніи своемъ это событіе запечатлѣно такою поразительною внѣшнею славою и торжественностью? Дивно ли, что и главный Виновникъ сего событія Богочеловѣкъ явился въ величайшей, небывалой доселѣ славѣ,—съ лицемъ свѣтящимся, какъ солнце и съ ризами бѣлыми, какъ свѣтъ? Дивно ли, что явились на Ѳаворѣ представители спасаемаго человѣчества отовсюду, и съ неба, и съ земли и изъ царства мертвыхъ,—и Самъ Отецъ Небесный засвидѣтельствовалъ и важность событія и Божественную важность Виновника его, гласомъ свыше: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ; Того послушайте?* Вся вселенная пришла въ движеніе, потому что совершалось событіе, предображавшее преображеніе, возстановленіе, блаженное состояніе всей вселенной.

Обстоятельства, при которыхъ совершилось преображеніе. Преславное преображеніе Господа нашего Іисуса Христа совершилось тогда, когда Его душа была всецѣло занята и собственнымъ Его крестомъ, и крестами истинныхъ послѣдователей Его. По сказанію Евангелистовъ (Матѳ. XVI, 21—28. Марк. VIII, 30—38. Лук. IX, 22—27), цѣлые восемь дней человѣчество Его, съ особеннымъ напряженіемъ проникало духовнымъ взоромъ своимъ въ великую тайну искупленія міра крестомъ Его, съ особенною силою проникалось рѣшимостью подъять на рамена свои тяжкій грѣхъ. Легко и естественно могло совершиться и внутреннее и внѣшнее преображеніе Богочеловѣка теперь, когда открылась предъ Нимъ во всей полнотѣ тайна искупленія. Вотъ въ этой тайнѣ открывается безпредѣльная любовь къ человѣчеству Бога Отца, предающаго Сына Своего Единороднаго на смерть за спасеніе міра (Іоан. III, 16);—вотъ любовь Сына Божія, обрекающаго Себя за насъ—недостойныхъ на страшныя мученія и позорную смерть (1 Іоан. III, 16. Ефес. V, 2); вотъ въ безмѣрно великой тяжести страданій Іисусовыхъ открывается безграничное величіе жертвы Его во благо людей, величіе любви Его: какимъ восторгомъ должно наполнить каждую воспріимчивую къ добру душу—это величественное зрѣлище любви Божіей къ грѣшному роду человѣческому! Вотъ сѣмя жены (Быт. III, 15) крестомъ Своимъ сокрушаетъ главу змія древняго, разрушаетъ царство лжи и зла и созидаетъ Святую Церковь—царство истины и добра: какое прекрасное начало торжества свѣта надъ тьмою, Сына Божія надъ врагомъ Божіимъ! Вотъ предводимые и укрѣпляемые Божественнымъ Крестоносцемъ, слабые люди—ученики Христовы—побѣдоносно ведутъ брань съ началами, властями и міродержителями тьмы вѣка сего—духами злобы поднебесными (Ефес. VI, 12), и духовнымъ всеоружіемъ Божіимъ (Ефес. VI, 13) сокрушаютъ главы невидимыхъ зміевъ: какая славная для крестоносцевъ и постыдная для змія древняго, льстящаго вселенную всю (Апокалипс. XII, 9), борьба! Вотъ за послушаніе даже до смерти, смерти же крестныя, Богъ превозноситъ Іисуса Христа и даруетъ Ему имя, еже паче всякаго имене (Филиппис. II, 8—10); вотъ вселяются вмѣстѣ съ Господомъ и всѣ истинные слуги Его (Іоан. XII, 26), входятъ въ радость Его (Матѳ. XXV, 23), какъ побѣдители враговъ своихъ посаждаются съ Нимъ на престолѣ Его (Апокалипс.

III, 21) и вкушаютъ въ обителяхъ Отца Небеснаго блаженство вѣчное; какой славный и блаженный конецъ борьбы Царства Божія съ царствомъ діавола! Не сильно ли это зрѣлище умилить, восхитить, нравственно возвысить, преобразить даже простаго смертнаго, внимательно проникающаго въ него? Не сильно ли оно вдохнуть въ него рѣшимость на всѣ жертвы для споспѣшествованія сему дѣлу? Въ какомъ же величіи необъятномъ, въ какой красотѣ дивной должно было предстать зрѣлище искупленія міра умственному взору Богочеловѣка, когда Божество Его раскрывало предъ Его человѣчествомъ это зрѣлище во всей его полнотѣ и разнообразіи! Какимъ восторгомъ должна была теперь исполниться душа Іисуса, безгранично воспріимчивая ко всему высокому, святому!. Съ какою рѣшимостью долженъ былъ Онъ изрекать особенно теперь Отцу Своему: *се иду сотворити волю Твою, Боже!* (Евр. X, 7.) Такъ; напряженное углубленіе Богочеловѣка Іисуса Христа въ тайну искупленія привело Его въ то чрезвычайное состояніе душевное, которое даже для Него было внутреннимъ преображеніемъ и повлекло за собою преображеніе внѣшнее. Сначала засіяла восторгомъ, умиленіемъ и рѣшимостью святѣйшая душа Его; за душею—зеркало ея—око; за окомъ просіяли Его лице, Его тѣло и ризы Его; наконецъ, свѣтъ облисталъ и гору преображенія и учениковъ Іисусовыхъ.

Преславное преображеніе Господа нашего Іисуса Христа совершилось среди молитвы. Святая, пламенная молитва человѣка, возбуждая и вызывая къ дѣятельности изъ глубины души его всѣ лучшія силы ея, и, что всего важнѣе, низводя въ душу человѣческую свѣтоносную силу Божію,—всегда производитъ въ человѣкѣ преображеніе внутреннее, весьма часто обнаруживающееся и вовнѣ—въ Ангеловидной свѣтлости и ясности взора и лица молящагося. Молитва Іисуса Христа на Ѳаворѣ обладала и должна была естественно обладать этою преображающею силою, предпочтительно предъ другими молитвами даже Его — Богочеловѣка. О чемъ и при какихъ условіяхъ молился Іисусъ Христосъ на Ѳаворѣ? Все побуждаетъ думать, что крестъ былъ предметомъ этой молитвы. Такъ побуждаютъ думать: и предшествовавшее молитвѣ углубленіе Богочеловѣка въ тайну искупленія, которая потому естественнѣе всего должна была составлять и предметъ его молитвы; и гласъ Отца Небеснаго къ Іисусу Христу: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ: Того послушайте* (Матѳ. XVII, 5), бывшій, очевидно, отвѣтомъ на прекословіе Петра, не хотѣвшаго креста ни Богочеловѣку, ни Его послѣдователямъ и преклонявшій, какъ торжественнымъ свидѣтельствомъ о Божествѣ Іисуса Христа, такъ и прямымъ повелѣніемъ, и Петра и другихъ Апостоловъ къ послушанію пререкаемому ученію крестному; и бесѣда Іисуса Христа о крестѣ съ призванными молитвою на Ѳаворъ Моусеемъ и Иліею. О крестѣ, занимавшемъ всѣ помыслы Іисуса, молился онъ на Ѳаворѣ,—молился послѣ продолжительнаго, напряженнаго углубленія въ тайну искупленія. Какъ же возвышенна, свята, полна восторга, умиленія, благодарности должна была быть эта молитва! Какое одушевленіе должна была разлить въ душѣ Богочеловѣка! Какъ сильно должна она была подвигнуть и Бога Отца и Бога Духа Святаго и Божество Іисуса Христа облистать Божественнымъ свѣтомъ и душу, и лице, и тѣло, и ризы Іисусовы, преобразить Его! Именно, при усиленномъ углубленіи человѣческаго естества Его въ тайну искупленія, съ такою си-

лою открывающую славу Божію, могла быть полна восторга молитва славословія въ устахъ Его.—Именно, при живомъ созерцаніи славы и блаженства, ожидавшихъ и Его Самого, какъ Искупителя, и крестоносцевъ—послѣдователей Его, могла быть особенно умилительна молитва благодаренія Его. Именно, при созерцаніи тяжести и опасности крестоношенія, особенно сильно и пламенно могъ Онъ просить помощи у Отца Небеснаго и Себѣ и другимъ. И если что̀ могло совершить преображеніе Господа, потрясти всю вселенную, призвать на землю и вознесшагося яко на небо Илію, и находившагося въ царствѣ мертвыхъ, призвать на Іисуса гласъ Отца Небеснаго: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ: Того послушайте*; то именно Ѳаворская молитва Іисусова,—пламенная, всеобъемлющая, любвеобильная, приведшая въ движеніе всѣ силы души Его.

Преславное преображеніе Господа нашего Іисуса Христа совершилось тогда, когда Онъ, всецѣло занятый крестомъ, какъ Своимъ, такъ и Своихъ послѣдователей,—и съ Отцемъ Своимъ бесѣдовалъ о крестѣ и со всѣми другими собесѣдниками Своими велъ бесѣду о крестоношеніи.—Еще за нѣсколько дней до преображенія, Онъ ясно и рѣшительно возвѣстилъ Своимъ ученикамъ о предстоящихъ Ему въ Іерусалимѣ страданіяхъ, распятіи и смерти. Прекаканіе Ему со стороны Петра, желавшаго отклоненія креста и отъ Богочеловѣка, и отъ Его послѣдователей, — прекаканіе, столь дерзновенное, настойчивое и продолжительное (Матѳ. XVI, 22), что Господь назвалъ его сатаною и соблазномъ, и даже обратился къ Отцу Небесному съ молитвою о вразумленіи и побужденіи непослушнаго ученика къ повиновенію заповѣди крестной,—побудило Его съ особенною силою изречь ученіе не только о Своемъ крестѣ, но и о крестѣ Своихъ послѣдователей, и, какъ можно догадываться изъ молчанія Евангелистовъ о какихъ бы то ни было бесѣдахъ Іисуса Христа между бесѣдою о крестѣ и преображеніемъ, сдѣлать крестъ предметомъ бесѣдъ въ теченіи нѣсколькихъ дней. И на Ѳаворѣ крестъ же составляетъ предметъ бесѣды Іисуса Христа съ Моусеемъ и Иліею... Бесѣда о крестѣ — бесѣда, и по своему предмету, и по качествамъ собесѣдниковъ, болѣе всякой другой бесѣды способная содѣйствовать преображенію Господа. Если при разсматриваніи, изученіи и защищеніи важной истины, неразумное прекаканіе ей враговъ, или людей, ея не понимающихъ, а еще болѣе собесѣдованіе о ней съ людьми разумными, сочувствующими ей—возбуждаютъ всѣ силы души мыслителя къ дѣятельности, воспламеняютъ въ немъ желаніе вполнѣ понять, со всею ясностью и силою изложить и побѣдоносно защитить ее, сообщаютъ душѣ воодушевленіе, воспламеняютъ взоръ и озаряютъ лице свѣтлою мыслью, словомъ: преображаютъ человѣка; то могли ли не имѣть вліянія на преображеніе Іисуса Христа бесѣды Его съ учениками, Моусеемъ, Иліею о крестѣ? Упорное прекаканіе Ему Петра, желавшаго отклонить крестъ и отъ Христа, и отъ послѣдователей Его, и такимъ образомъ лишить человѣчество благодѣянія искупленія и спасенія,—не должно ли было исполнить и скорбью, и негодованіемъ на душевнаго еще ученика, любвеобильное сердце Іисусово и побудить Его къ усиленному и побѣдоносному защищенію Своего ученія о крестѣ и къ покоренію сему ученію ученика Своего? Молитвенная бесѣда съ Богомъ, бесѣда съ Моусеемъ и Иліею,—бесѣды, среди которыхъ тайна искупленія и крестъ явились во всемъ величіи и силѣ, не должны ли были

исполнить сердце Его радостію о торжествѣ и откровеніи во всей силѣ ученія крестнаго? Такъ продолжительныя пламенныя бесѣды о крестѣ имѣли весьма важное вліяніе на преображеніе Іисусово.

О гласѣ Отчемъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ: Того послушайте* (Матѳ. XVII, 5).

Двукратно,—при двухъ событіяхъ въ жизни Господа нашего Іисуса Христа,—Отецъ Небесный торжественно возвѣстилъ міру, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Его возлюбленный, въ Которомъ все Его благоволеніе: — при крещеніи Его въ Іорданѣ и во время прославнаго преображенія Его на Ѳаворѣ. Премудрый, всеблагій и праведный Господь все, что̀ ни дѣлаетъ во время благопотребное, дѣлаетъ по важнымъ для Своей дѣятельности основаніямъ въ самыхъ событіяхъ и обстоятельствахъ времени, и по важнымъ побужденіямъ и цѣлямъ, съ особенною ясностью открывающимся изъ самыхъ событій и обстоятельствъ, среди которыхъ Онъ дѣйствуетъ. Посему и для торжественнаго возвѣщенія объ Іисусѣ Христѣ, какъ Сынѣ Своемъ возлюбленномъ, Богъ Отецъ избралъ событія крещенія и преображенія по особеннымъ къ тому основаніямъ въ нихъ и по особеннымъ цѣлямъ, съ наибольшею ясностью могущимъ открываться изъ нихъ. Какія же это основанія? Какія цѣли? Главное основаніе сего возвѣщенія заключалось, конечно, въ особенно-возвышенномъ состояніи духа Іисусъ-Христова при крещеніи и преображеніи, и въ высокомъ значеніи сихъ событій въ цѣлой Его жизни, такъ что среди нихъ особенно достойно и праведно было Отцу Небесному наречь Его Сыномъ Своимъ возлюбленнымъ. Не надлежало ли поистинѣ Отцу Небесному возвѣстить міру объ Іисусѣ Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ возлюбленномъ, на Іорданѣ,—въ тотъ важный моментъ Его жизни, когда Онъ свято, богоугодно и совершенно безгрѣшно совершивъ поприще Своего дѣтства, отрочества, юности, вообще жизни безвѣстной, вступалъ вполнѣ совершеннымъ дѣятелемъ на новое, высокое поприще—поприще Просвѣтителя и Спасителя рода человѣческаго?—Не называетъ ли съ особенною торжественностью, въ услышаніе всѣхъ, сыномъ возлюбленнымъ и человѣкъ—отецъ своего сына, когда онъ, благоуспѣшно совершивъ поприще своего воспитанія, съ прекрасными надеждами вступаетъ изъ частной жизни на поприще жизни общественной?.. Не надлежало ли Отцу Небесному возвѣстить міру объ Іисусѣ Христѣ, какъ возлюбленномъ Сынѣ Божіемъ, и на горѣ преображенія,—въ то время, когда Онъ, почти уже совершивъ, вполнѣ согласно съ волею Отца и во славу Его, поприще служенія роду человѣческому въ качествѣ Божественнаго Учителя, вступалъ на труднѣйшее и уничиженнѣйшее въ глазахъ міра, но славнѣйшее въ очахъ Божіихъ, поприще послушанія Отцу Небесному до смерти крестной? И человѣкъ-отецъ съ восторгомъ называетъ сыномъ возлюбленнымъ своего сына въ то время, когда онъ, прославившись великими дѣлами на поприщѣ служенія общественнаго, вступаетъ на новое поприще дѣятельности, требующее великихъ жертвъ и подвиговъ... Такъ на Іорданѣ и Ѳаворѣ благовременно и благопотребно было Отчее свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ, какъ о Сынѣ Божіемъ возлюбленномъ. И какія важныя цѣли достигались симъ свидѣтельствомъ! Не только праведно воздавались имъ Іисусу Христу подобающая слава и честь за досточудную и недосягаемую высоту Его нравственную; не только возвѣща-

лось міру истинное Божество Его, скрывавшееся подъ зракомъ раба; но и указывались послѣдователямъ Іисусовымъ въ предшествовавшихъ свидѣтельству Отчему и призвавшихъ оное духовныхъ состояніяхъ, свойствахъ и дѣлахъ Христовыхъ—состоянія, качества, дѣла, подобающія послѣдователямъ Іисусовымъ, желающимъ быть возлюбленными чадами Божіими; облегчалось для нихъ и познаніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ выполненіе благонадежныхъ условій для пріобрѣтенія благодатнаго сыноположенія. Отецъ Небесный свидѣтельствовалъ о Сынѣ Своемъ на Іорданѣ и Ѳаворѣ для того, чтобы расположить насъ проникать въ духовныя состоянія, качества и дѣла Іисуса Христа, послужившія для Отца основаніемъ и побужденіемъ къ торжественному свидѣтельству о Христѣ, какъ возлюбленномъ Сынѣ Отчемъ, и чрезъ посильное изученіе ихъ облегчить для себя вѣрное и точное отраженіе и осуществленіе ихъ въ своей жизни и пріобрѣтеніе чрезъ то права на усыновленіе Отцу Небесному.

Сынъ бываетъ возлюбленнымъ сыномъ своего отца тогда, когда *славитъ отца* (Малах. 1, 6). Чѣмъ же обыкновенно сынъ славитъ отца? Своимъ послушаніемъ отцу, прекрасными качествами своего ума и сердца, добрыми и благородными дѣлами, обыкновенно свидѣтельствующими какъ о добромъ родѣ, такъ и о добромъ воспитаніи сына, прославляющими и возвышающими во мнѣніи людей какъ сына, такъ и отца его. Господь нашъ Іисусъ Христосъ во всѣ три періода жизни Своей, на рубежѣ которыхъ стоятъ свидѣтельства о Немъ—Іорданское и Ѳаворское,—и въ періодъ Своей безвѣстной жизни, во время общественнаго служенія спасенію людей и въ періодъ усиленнаго крестоношенія,—прославляя прославлялъ Своего Отца Небеснаго, и Своимъ послушаніемъ и Своими качествами и дѣлами явилъ Себя Сыномъ, поистинѣ достойнымъ имени возлюбленнаго (Изъ словъ въ день Преображенія Господня. Слова и рѣчи, т. 1. Изд. 1879 г. Кишиневъ, стр. 527—532. 534—536. 538—539. 514—517).

О преображеніи Іисуса Христа (Лук. IX, 28—32).

(Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.)

Сонъ (Лук. IX, 32), въ коемъ находились Апостолы при началѣ преображенія, даетъ разумѣть, что они возведены были на гору во время, располагающее ко сну, и что имъ не была открыта предварительно чрезвычайная цѣль восшествія. Иначе можно ли было предаться сну? Учитель имѣлъ обыкновеніе удаляться въ горы для молитвы (Лук. VI, 12), и теперь *взыде*, замѣчаетъ Евангелистъ Лука, *на гору помолитися* (Лук. IX, 28). Что̀ произойдетъ среди сей и отъ сей молитвы—о семъ вѣдалъ развѣ токмо Самъ—Онъ.

Какъ ни легко было совершать молитву на вершинѣ Ѳаворъ, въ безмолвіи всего окружающаго, вблизи Божественнаго Учителя, но ученики не могли раздѣлять ее съ Нимъ до конца и уступили надъ собою власть сну, который, какъ справедливо замѣчаютъ, съ наибольшею силою нападаетъ на человѣка во время молитвы и тогда наипаче овладѣваетъ имъ, когда наиболѣе нужно почему либо бдѣть.

Богочеловѣкъ продолжалъ молиться одинъ. Можете представить, или лучше сказать невозможно и представить, какъ молился Отцу — Сынъ Единородный, возлюбленный, въ минуты столь важныя? Евангелисты не сказываютъ намъ, что̀ было предметомъ Его молитвы. Но это отчасти видно само собою. Какъ для насъ въ дѣлѣ спасенія нѣтъ ни-

чего, такъ и для Богочеловѣка въ дѣлѣ служенія сему спасенію, не было ничего важнѣе креста (Лук. IX, 22—24). Могъ ли быть по сему самому крестъ сей забытъ при молитвѣ на Ѳаворѣ? Моусей и Илія, конечно, не столько сами начинали, сколько продолжали начатую въ молитвѣ бесѣду Богочеловѣка съ Отцемъ, но они *глаголаста исходъ Его!*

Но что̀ бы ни было предметомъ Ѳаворской молитвы Іисусовой, только молитва сія была изъ самыхъ необыкновенныхъ даже между Его молитвами; ибо, *егда молящеся, бѣ видѣніе лица Его ино* (Лук. IX, 29); оно *просвѣтися яко солнце, и ризы Его быша бѣлы яко свѣтъ* (Матѳ. XVII, 2), *блещащяся* (Марк. IX, 3). То есть, сколько можно изъяснять подобныя явленія слабымъ словомъ человѣческимъ, — молитва до того возбудила и подвигла сокрытую въ человѣчествѣ Іисусовомъ полноту Божества, что она, преисполнивъ душу Богочеловѣка свѣтомъ своимъ, проникла сквозь тѣло и просіяла въ лицѣ,—не вмѣщаясь здѣсь, осіяла и преобразила самую одежду. Если вы читывали жизнеописанія святыхъ, то, безъ сомнѣнія, припомните, что при всей Божественности настоящаго чуда, нѣчто подобное происходило и въ жизни святыхъ. И они иногда, во время молитвы, отъ внутренняго восторга души, распаленной любовію къ Богу, казались окруженными свѣтомъ небеснымъ и принимали видъ прославленный (напр. Арсеній Вел., Ѳеодоръ Едесскій, Григорій Омир.). Тѣмъ естественнѣе это было въ молитвѣ Богочеловѣка, въ коемъ Божество, какъ ни скрывалось подъ завѣсою человѣческой плоти, при всякомъ особенномъ случаѣ обнаруживало Свое присутствіе и *блистало*, по выраженію Церкви, какъ *молнія* (Служ. на Преображ.). (Изъ бесѣды въ день Преображенія. Сочин., т. I, стр. 352—354).

О молитвѣ Іисуса Христа на Ѳаворѣ.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Дабы усмотрѣть, съ какою удобностью ключъ молитвы отверзаетъ духовныя и Божественныя сокровища, всмотримся въ изображеніе Преображенія Господня у Евангелиста: *взыде на гору помолитися. И бысть, егда молящеся, видѣніе лица Его ино* и проч. Если смѣмъ мы по симъ чертамъ угадывать сердечную тайну Божественнаго Іисуса,— кажется, на пути къ Ѳавору въ прямомъ и непосредственномъ намѣреніи Его было не преображеніе, но просто молитва: *взыде на гору помолитися.*

Кажется, и на самой горѣ, въ самыя минуты преображенія, собственною цѣлью дѣйствія Его была только молитва: *бысть егда молящеся.* Размышляющему не покажется невѣроятною и та догадка, что предметомъ сей молитвы Спасителевой долженствовало быть приготовленіе Себя и учениковъ къ приближающемуся Своему страданію и крестной смерти, о чемъ Онъ незадолго предъ симъ открылся ученикамъ (Лук. IX, 22), и о чемъ въ самое время преображенія бесѣдовали съ Нимъ Моусей и Илія (31). Ка́къ же среди молитвы о страданіи открылась слава? Какъ самородный, такъ сказать, цвѣтъ и плодъ обильной живою силою молитвы, духъ молитвы, сливаясь съ Духомъ Божіимъ, исполнилъ свѣтомъ душу Іисусову; преизбытокъ сего свѣта, не удерживаясь въ душѣ, проліялся на тѣло—и просіялъ въ лицѣ; не вмѣщаясь и здѣсь, осіялъ и преобразилъ самую одежду; расширяясь еще далѣе, объялъ душу Апостоловъ—и отразился въ восклицаніи Петровомъ: *добро есть намъ здѣ быти;* прошелъ въ область внутренняго міра—и привлекъ оттолѣ

Моѵсея и Илію; достигъ самыхъ нѣдръ Отца Небеснаго—и подвигнулъ любовь Его къ торжественному свидѣтельству о возлюбленномъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный.* О, чудо молитвы, единымъ дѣйствіемъ объемлющей небо и землю и самое Божество!—Да не скажетъ кто, что сей примѣръ молитвы до насъ не относится, какъ дѣло Богочеловѣка. Онъ относится и до насъ; ибо и въ насъ тоже, хотя не въ той же степени должно совершаться, что̀ и во Христѣ. *Сіе да мудрствуется въ васъ,* учитъ Апостолъ, *еже и во Христѣ Іисусѣ* (Филиппис. II, 5). (Изъ слова на Преображ. Слова и рѣчи, т. I. М. 1873 г., стр. 105—106).

Избранныя святоотеческія толкованія Ев. повѣствованія о Преображеніи Іисуса Христа.

Святаго Ефрема Сѵрина о Преображеніи Господа и Бога Спасителя нашего Іисуса Христа.

Сутъ нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ Сына Человѣческаго грядуща во славѣ Своей. И по днехъ шестихъ поятъ Симона Петра и Іакова и Іоанна брата его на гору весьма высокую: и преобразился предъ ними, и просвѣтися лице Его яко солнце, ризы же Его быша бѣлы яко свѣтъ (Матѳ. XVI, 28; XVII, 1—2).

О тѣхъ самыхъ сказалъ, что не вкусятъ смерти, пока не увидятъ образа пришествія Его, которыхъ взявъ, возвелъ на гору, и которымъ показалъ, какимъ образомъ пріидетъ въ послѣдній день въ славѣ Своего Божества и въ тѣлѣ Своего человѣчества. Возвелъ же ихъ на гору, чтобы показать имъ, кто Сынъ, и Чей Сынъ. Ибо когда спросилъ ихъ: *кого Мя глаголютъ человѣцы быти Сына Человѣческаго?* Они отвѣчали ему: *инѣи Илію, друзіи же Іеремію, или единаго отъ пророкъ* (Матѳ. XVI, 13—14). Посему возводитъ ихъ на гору и показываетъ имъ, что Онъ не Илія, но Богъ Иліинъ, и также не Іеремія, но освятившій Іеремію въ чревѣ матернемъ; и не одинъ изъ пророковъ, но Господь пророковъ, пославшій ихъ. Показываетъ имъ, что Онъ—Творецъ неба и земли, что Онъ Господь живыхъ и мертвыхъ; потому что повелѣлъ небу и низвелъ Илію, далъ мановеніе землѣ, и воскресилъ Моѵсея.

Возвелъ ихъ на гору, чтобы показать имъ славу Божества и дать имъ знать, что Онъ—Искупитель Израиля, какъ объявилъ чрезъ пророковъ, и чтобъ не соблазнились о Немъ, видя вольное Его страданіе, какое имѣлъ Онъ претерпѣть за насъ по человѣчеству. Ибо знали Его какъ человѣка, и не разумѣли, что Онъ—Богъ. Знали Его какъ сына Маріина, какъ человѣка, жившаго съ ними въ мірѣ. И на горѣ далъ имъ разумѣть, что Онъ—Сынъ Божій и Богъ. Видѣли, что Онъ вкушалъ и пилъ, утомлялся и отдыхалъ, дремалъ и засыпалъ, приходилъ въ страхъ и проливалъ потъ; все же это приличествовало не Божественному естеству Его, а только человѣчеству. И потому возводитъ ихъ на гору, чтобы Отецъ провозгласилъ Его Сыномъ и показалъ имъ, что дѣйствительно Онъ—Сынъ Божій и Богъ.

Возвелъ ихъ на гору, и показалъ имъ Царство Свое прежде Своихъ страданій, силу Свою прежде смерти Своей, и славу Свою прежде поруганія Своего, и честь Свою прежде безчестія Своего, чтобъ, когда будетъ взятъ и распятъ Іудеями, знали они, что распятъ не по немощи, но по благоизволенію Своему, добровольно, во спасеніе міру.

Возвелъ ихъ на гору, и показалъ имъ славу Божества Своего прежде

воскресенія, чтобы, когда возстанетъ изъ мертвыхъ въ сей славѣ Божественнаго естества Своего, узнали они, что не за трудъ Свой пріялъ Онъ славу сію, какъ нуждавшійся въ славѣ; но что прежде вѣковъ принадлежала Ему слава со Отцемъ и у Отца, какъ сказалъ Онъ, исходя на вольное страданіе: *Отче, прослави Мя славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5).

Итакъ сію славу Божества Своего, невидимую и сокровенную въ человѣчествѣ, показалъ Апостоламъ на горѣ. Ибо видѣли лице Его блистающимъ подобно молніи, и одежды Его бѣлыми, какъ свѣтъ. Два солнца увидѣли ученики: одно на небѣ обыкновенное, а другое необыкновенное;—одно видимое ими и озаряющее міръ на тверди, другое имъ однимъ являющее лице Свое. Одежды же Свои показалъ бѣлыми, какъ свѣтъ, потому что изъ всего тѣла Его истекала слава Божества Его, и во всѣхъ членахъ Его сіялъ свѣтъ Его. Не какъ у Моисея, не одна внѣшность плоти Его просіяла благолѣпіемъ, но изъ Него изливалась слава Божества Его, изъ Него восходилъ свѣтъ Его и въ Немъ сосредоточивался, не переходилъ отъ Него на что либо другое, оставляя Его, не со стороны приходилъ къ Нему, чтобъ украсить Его, и не былъ для Него заимствованнымъ. Но не всю пучину славы Своей показалъ имъ, а въ какой мѣрѣ могли вмѣстить зѣницы очей ихъ.

И явистася имъ Моисей и Илія, съ Нимъ глаголюща (Матѳ. XVII, 3). Бесѣда ихъ съ Нимъ была слѣдующая: свидѣтельствовали Ему благодареніе, что пришествіемъ Его исполнились слова ихъ и всѣхъ пророковъ. Воздавали Ему поклоненіе за спасеніе, какое содѣлалъ міру, то есть, человѣческому роду, и за то, что исполнилъ самымъ дѣломъ тайну, которую описывали они.

Въ семъ восшествіи на гору была радость пророкамъ и Апостоламъ. Радовались пророки, увидѣвъ Его человѣчество, котораго не знали; радовались Апостолы, увидѣвъ славу Его Божества, котораго не разумѣли. И услышавъ гласъ Отца, свидѣтельствующій о Сынѣ, познали изъ онаго Его вочеловѣченіе, которое было для нихъ не ясно. А вмѣстѣ съ гласомъ Отца увѣряла ихъ въ этомъ явившаяся слава тѣла Его отъ неизмѣнно и несліянно соединеннаго съ нимъ Божества. И запечатлѣлось свидѣтельство троихъ гласомъ Отца, также Моисеемъ и Иліею, которые предстояли Ему, какъ рабы.

И взирали другъ на друга, пророки на Апостоловъ, Апостолы на пророковъ. Увидѣли тамъ другъ друга началовожди Завѣта Ветхаго началовождей Завѣта Новаго. Святый Моисей увидѣлъ освященнаго Симона. Домоприставникъ Отца увидѣлъ приставника Сына: одинъ разсѣкъ море, чтобъ народъ прошелъ среди волнъ; другой поставлялъ сѣнь, чтобы создать Церковь. Дѣвственникъ Ветхаго Завѣта увидѣлъ дѣвственника Завѣта Новаго, Илія—Іоанна, восшедшій на колесницу огненную—припадшаго къ персямъ Пламени. Такъ гора стала образомъ Церкви, и Іисусъ соединилъ на ней два завѣта, какіе приняла Церковь, и далъ намъ разумѣть, что Онъ Самъ Податель обоихъ завѣтовъ; одинъ принялъ тайны Его, а другой явилъ славу дѣлъ Его.

Петръ сказалъ: *добро есть намъ здѣ быти, Господи* (XVII, 4). Что говоришь ты, Симонъ? Если здѣсь останемся, кто исполнитъ слово пророковъ? Кто запечатлѣетъ вѣщанія проповѣдниковъ? Кто совершитъ таинства праведныхъ? Если здѣсь останемся,—на комъ исполнится сказанное: *ископаша ругь*

Мои и нозѣ Мои (Псал. XXI, 17)? Кому будетъ приличествовать это: *раздѣлиша ризы Моя себѣ, и о одежди Моей меташа жребій* (19)? Съ кѣмъ сбудется сіе: *даша въ снѣдь Мою желчь, и въ жажду Мою напоиша Мя оцта* (Псал. LXVIII, 22)? Кто подтвердитъ это: *въ мертвыхъ свободь* (LXXXVII, 6)? Если здѣсь останемся, кто раздеретъ рукописаніе Адамово? Кто оплатитъ долгъ его? Кто обновитъ на немъ одѣяніе славы? Если здѣсь останемся, какъ будетъ все то, что̀ сказалъ я тебѣ? Ка́къ созиждется Церковь? Ка́къ получишь отъ Меня ключи Царства Небеснаго? Кого будешь вязать? Кого будешь разрѣшать? Если здѣсь останемся, безъ исполненія останется все сказанное пророками.

Еще сказалъ Петръ: *сотворимъ здѣ три сѣни, Тебѣ едину, Моусеови едину и едину Иліи* (4). Симонъ посланъ созидать Церковь въ мірѣ, и вотъ творитъ сѣни на горѣ; потому что все еще человѣчески смотритъ на Іисуса и ставитъ Его въ рядъ съ Моусеемъ и Иліею. И Господь тотчасъ показалъ ему, что не имѣетъ нужды въ его сѣни; потому что Онъ отцамъ его въ пустынѣ въ продолженіе сорока лѣтъ творилъ сѣнь облачную. Ибо еще имъ глаголющимъ, *се облакъ свѣтелъ осѣни ихъ* (5). Видишь, Симонъ, сѣнь устроенную безъ труда,—сѣнь, которая преграждаетъ зной и не производитъ тѣни, — сѣнь, которая молніеносна и свѣтла.

Когда ученики дивились, вотъ услышанъ изъ облака гласъ отъ Отца, говорящій: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ, Того послушайте* (5). Послѣ гласа отъ Отца, Моусей возвратился въ мѣсто свое, и Илія возвратился въ область свою, и Апостолы пали лицемъ на землю; и Іисусъ сталъ одинъ, потому что на Немъ одномъ исполнился оный гласъ. Бѣжали пророки, пали на землю Апостолы; ибо не на нихъ исполнялся гласъ Отца, свидѣтельствующій: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ: Того послушайте.* Отецъ училъ ихъ, что домостроительство Моусеево исполнено, и должны слушать они Сына; потому что Моусей, какъ рабъ, говорилъ, что̀ было повелѣно, и проповѣдывалъ, что̀ было ему сказано. Также говорили и пророки, пока не пришелъ Отложенный (Быт. XLIX, 10), то есть, Іисусъ, Который есть Сынъ, а не домочадецъ, Господь, а не рабъ, Властитель, а не подвластный, Законодатель, а не подчиненный закону.

По Божескому естеству *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный.* Что̀ было еще не ясно для Апостоловъ, то Отецъ открылъ имъ на горѣ. Сущій провозвѣщаетъ Сущаго, Отецъ объявляетъ Сына. При семъ гласѣ Апостолы пали лицемъ на землю, потому что страшный былъ это громъ, и отъ гласа его поколебалась земля, и они пали на землю. Гласъ показалъ имъ, что близокъ Отецъ, и Сынъ воззвалъ ихъ Своимъ гласомъ и воздвигъ ихъ. Какъ гласъ Отца повергъ ихъ, такъ воздвигъ ихъ гласъ Сына силою Божества Своего, которое вселялось въ самой плоти Его, и неизмѣнно соединено съ нею; почему Божество и плоть пребываютъ въ одной ѵпостаси и въ одномъ Лицѣ нераздѣльно и несліянно. Не какъ Моусей благолѣпенъ былъ по внѣшности, но какъ Богъ сіялъ славою. У Моусея поверхность лица его покрыта была благолѣпіемъ; а Іисусъ во всемъ Своемъ тѣлѣ, какъ солнце лучами Своими, сіялъ славою Божества Своего.

И Отецъ воззвалъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благово-*

лихъ: Того послушайте,—воззвалъ о Сынѣ, не отлученномъ отъ славы Божества. Ибо Отецъ и Сынъ со Святымъ Духомъ—одно естество, одна сила, одна сущность и одно Царство. И къ одному вѣщалъ подъ невысокимъ именемъ, но въ страшной славѣ. И Марія называла Его Сыномъ, по человѣческому тѣлу не отлученнаго отъ славы Его Божества. Ибо одинъ есть Богъ, явившійся въ міръ въ тѣлѣ. Слава Его возвѣщала о Божескомъ естествѣ, которое отъ Отца, и тѣло Его возвѣщало о человѣческомъ естествѣ, которое отъ Маріи; оба же естества сошлись и соединились въ одной ѵпостаси. Единственный отъ Отца—единородный и отъ Маріи. И кто раздѣляетъ въ Немъ естества, тотъ отдѣленъ будетъ отъ Царства Его; и кто сливаетъ ихъ, тотъ лишенъ будетъ жизни Его. Кто отрицаетъ, что Марія родила Бога, тотъ не увидитъ славы Божества Его; и кто отрицаетъ, что носилъ Онъ безгрѣшную плоть, тотъ не получитъ спасенія и жизни, даруемой чрезъ тѣло Его. Самыя дѣла свидѣтельствуютъ и Божескія силы Его научаютъ разсудительныхъ, что Онъ—истинный Богъ. А страданія Его показываютъ, что Онъ—истинный человѣкъ.

Послѣ того какъ Отецъ воззвалъ съ неба: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте*, приняла сіе Святая Божія Вселенская Церковь. О сей Святой Троицѣ креститъ она въ жизнь вѣчную, Ее святитъ равночестіемъ, Ее исповѣдуетъ нераздѣльно, неотлучно, Ей покланяется непогрѣшительно, Ее исповѣдуетъ и прославляетъ. Сей трисѵпостасной Единицѣ—Отцу и Сыну и Святому Духу подобаютъ слава, благодареніе, честь, держава, величіе нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ! Аминь. (Тв. св. Ефрема Сирина. М. 1859 г., ч. III, стр. 73.)

Святаго Григорія Паламы о свойствѣ свѣта, видѣннаго Апостолами на Ѳаворѣ.

И по днехъ шестихъ поятъ Іисусъ Петра и Іакова и Іоанна брата его, и возведе ихъ на гору высоку едины (Матѳ. XVII, 1). Спрашиваемъ прежде всего, откуда Евангелистъ Матѳей начинаетъ счетъ шести дней, съ какого т. е. дня? Съ того, какъ показываетъ ходъ рѣчи, въ который Спаситель, наставляя учениковъ Своихъ, сказалъ имъ: *пріити имать Сынъ Человѣческій во славѣ Отца Своего*, и потомъ прибавилъ: *аминь глаголю вамъ, сутъ нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ Сына Человѣческаго грядущаго во Царствіи Своемъ* (XVI, 27—28), то есть, свѣтъ предстоявшаго преображенія Онъ назвалъ славою Отчею и Своимъ Царствомъ.

И преобразися предъ ними, продолжаетъ Евангелистъ. Что̀ значитъ «*преобразися*», вопрошаетъ златословесный Богословъ, и отвѣтствуетъ: «открылъ, то есть, имъ нѣчто изъ Своего Божества—столько, сколько могли они вмѣстить, и показалъ въ Себѣ обитающаго Бога» (св. Златоустъ). Евангелистъ Лука говоритъ: *бысть, егда моляшеся, видѣніе лица Его ино* (Лук. IX, 29); у Евангелиста же Матѳея читаемъ: *и просвѣтися лице Его яко солнце* (XVII, 2). Но это сказалъ Евангелистъ не въ томъ смыслѣ, чтобы оный свѣтъ почитать за подлежащій чувствамъ (да удалится отъ насъ ослѣпленіе ума тѣхъ, которые не могутъ себѣ представить ничего выше подлежащаго чувствамъ), но желая показать, что Христосъ Богъ для живущихъ и созерцающихъ духомъ есть то же, что солнце для живущихъ во плоти и созерцающихъ чувствами, ибо другаго свѣта для видѣнія Божества и не

нужно тѣмъ, которые обогащены Божественными дарованіями. Возсіялъ же Онъ и таинственно явилъ Апостоламъ и начальнѣйшимъ изъ пророковъ неисповѣдимый оный свѣтъ въ то время, когда молился, показывая чрезъ то, что сего блаженнаго видѣнія родительницею была молитва, что блистаніе происходило и являлось отъ соединенія ума съ Богомъ, и что оно подается всѣмъ тѣмъ, которые, при постоянномъ упражненіи въ подвигахъ добродѣтели, устремляютъ умъ свой къ Богу.—Почему и лице Моусеево просвѣтилось отъ собесѣдованія съ Богомъ. — Но Моусей не самъ произвелъ, а только потерпѣлъ преображеніе; Господь же нашъ Іисусъ Христосъ, Самъ отъ Себя имѣлъ оный свѣтъ. По сей причинѣ, собственно, Онъ и не имѣлъ нужды въ молитвѣ для того, чтобы осіять Плоть Свою, но только показалъ, откуда оный свѣтъ нисходитъ на святыхъ Божіихъ, и какимъ образомъ можно созерцать его; ибо написано, что и святые просвѣтятся *яко солнце* (Матѳ. XIII, 43), то есть, всецѣло проникнутые Божественнымъ свѣтомъ, узрятъ Христа, у Котораго блистаніе, происходя отъ Божескаго естества, явилось на Ѳаворѣ общимъ и плоти Его, по причинѣ ѵпостаснаго единенія.

Итакъ, вѣруемъ, что Онъ явилъ въ преображеніи не другой какой либо свѣтъ, но только тотъ, который скрытъ былъ у Него подъ завѣсою плоти; сей же свѣтъ былъ—свѣтъ Божескаго естества, поэтому и не сотворенный, Божественный. Такъ, и по ученію богословствующихъ отцевъ, Іисусъ Христосъ преобразился на горѣ, не воспріявъ что либо и не измѣнившись во что либо новое, чего дотолѣ не имѣлъ, но показавъ ученикамъ Своимъ только то, что у Него уже было.

Да и для чего Господь предъ началомъ преображенія избираетъ главнѣйшихъ изъ лика Апостольскаго и возводитъ ихъ отдѣльно съ Собою на гору? Конечно для того, чтобы показать имъ нѣчто великое и таинственное. Что же особенно важнаго и таинственнаго въ показаніи чувственнаго свѣта, который обильно имѣли уже до того не только избранные, но и остальные Апостолы? Какъ можно славу и Царство Отца и Духа Святаго поставлять въ какомъ-то чувственномъ свѣтѣ? Ужели въ подобной славѣ и Царствѣ пріидетъ Христосъ и въ скончаніе вѣка, когда не будетъ нужды ни въ свѣтѣ, ни въ воздухѣ, ни въ пространствѣ, ни въ чемъ либо подобномъ, но когда, по свидѣтельству Апостола, *Богъ будетъ всяческая во всѣхъ* (1 Коринѳ. XV, 28), то есть, будетъ замѣнять все для всѣхъ? Если же—все, то слѣдовательно и свѣтъ. Явно изъ этого, что свѣтъ Ѳаворскій былъ свѣтъ Божества!

Притомъ Моусей и Илія (и особенно первый, который, явно, духомъ, а не плотію присутствовалъ) посредствомъ какого чувственнаго свѣта могли быть осіяны, видимы и познаны? Ибо и о нихъ написано: *явльшася во славѣ, глаголаста же исходъ Его, егоже хотяще скончати во Іерусалимѣ* (Лук. IX, 31). И какъ иначе могли узнать Апостолы тѣхъ, которыхъ никогда дотолѣ не видѣли, если не при таинственной силѣ Божественнаго свѣта, открывшаго умные очи ихъ? (Воскр. Чт., г. XVII, стр. 145—147.)

Святаго Іоанна Златоустаго о явленіи Моусея и Иліи на Ѳаворѣ и гласѣ Отчемъ: сей есть Сынъ Мой возлюбленный.

Для чего Іисусъ Христосъ призываетъ во свидѣтели Своего преображенія Моусея и Илію?—Для многихъ причинъ: и—во-первыхъ, поелику нѣ-

которые изъ народа думали видѣть въ Немъ Илію, другіе Іеремію, или одного изъ древнихъ пророковъ, то Онъ призываетъ Моусея и Илію, начальнѣйшихъ изъ пророковъ, для того, чтобы чрезъ сіе показать и безмѣрное разстояніе рабовъ отъ Господа и все достоинство вѣры Апостола Петра, который исповѣдалъ Его Сыномъ Божіимъ. Далѣе, такъ какъ Іудеи не преставали обличать Его въ мнимомъ нарушеніи закона и считали Его богохульникомъ за то, что Онъ усвоялъ Себѣ славу Отчую, то, дабы показать, что они изъ зависти клеветали на Него, и что Онъ невиненъ ни въ томъ, ни въ другомъ, т. е. ни нарушаетъ законъ, ни присвояетъ не принадлежащей Себѣ славы, говоря, что Онъ равенъ Отцу,—Іисусъ Христосъ призываетъ Моусея и Илію, какъ обличителей клеветы; ибо Моусей, давшій законъ, не потерпѣлъ бы нарушителя его и не покланялся бы врагу и противнику его; а Илія, пламенѣвшій ревностью по славѣ Божіей, не предсталъ бы предъ Тѣмъ, Который выставлялъ Себя равнымъ Богу, еслибы дѣйствительно Онъ не былъ такимъ и присвоялъ Себѣ непринадлежавшее Ему.

Прибавимъ къ сему, что, призывая Моусея и Илію во свидѣтели Своего преображенія — перваго — вкусившаго смерть, а послѣдняго ей не пріобщившагося, Іисусъ Христосъ хотѣлъ показать чрезъ сіе, что Онъ есть верховный Владыка жизни и смерти, вышнихъ и преисподнихъ. Четвертой причины касается самъ Евангелистъ, именно:—чтобы показать славу креста и утѣшить и возвысить умы какъ Петра, такъ и прочихъ учениковъ, трепетавшихъ предстоявшаго страданія; ибо явившіеся пророки не безмолвствовали, но говорили о славѣ, которую Онъ намѣренъ былъ явить въ Іерусалимѣ, т. е. о страданіи и крестѣ, потому что они всегда называются славою. Наконецъ, самая добродѣтель явившихся мужей, которой Онъ преимущественно требовалъ отъ учениковъ, была причиною ихъ избранія. Такъ какъ Іисусъ Христосъ всегда училъ: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Ми*, то Онъ теперь и изводитъ тѣхъ, которые тысячу разъ готовы были умереть за славу Божію и за ввѣренный имъ народъ... Что же, при этомъ, пламенный Петръ? *Добро есть намъ здѣ быти*, говоритъ (Матѳ. XVII, 4). Прежде, онъ слышалъ, что Іисусу должно идти во Іерусалимъ и пострадать; и такъ, убоясь и трепеща за Него, но послѣ сдѣланнаго ему упрека, не смѣя приступить и повторить по прежнему: *милосердъ Ты, Господи, не имать быти Тебѣ сіе* (Матѳ. XVI, 22), онъ, отъ страха, ту же самую мысль выражаетъ въ другихъ, уже не столько ясныхъ словахъ. Находясь на горѣ, среди уединенной пустыни, онъ подумалъ, что самое мѣсто доставляетъ безопасность, и не только надѣялся на эту безопасность, но и думалъ, что Іисусъ уже не сойдетъ въ Іерусалимъ, гдѣ, по словамъ Его, Онъ долженъ былъ пострадать отъ архіереевъ и книжниковъ. Но не осмѣлившись сказать этого прямо, а между тѣмъ, желая, чтобы это было такъ, Петръ, безъ всякаго опасенія, сказалъ: *добро есть намъ здѣ быти;*—здѣсь находятся Моусей и Илія—Илія, низведшій огонь съ неба на гору, Моусей, вошедшій во мракъ и бесѣдовавшій съ Богомъ. Итакъ *аще хощеши, сотворимъ здѣ три сѣни*. Видишь ли, какъ пламенно Петръ любилъ Христа? Не смотря на то, что предложеніе его необдуманно, но разсуждай, какъ любовь ко Христу сожигала его.

Что же далѣе? Ни Самъ Іисусъ Христосъ не говоритъ ничего, ни Моусей,

ни Илія, но большій всѣхъ и болѣе всѣхъ достойный вѣры Отецъ глаголетъ изъ облака; ибо такъ всегда является Богъ: *облакъ и мракъ окрестъ Его* (Псал. XCVI, 2), и еще: *полагаяй облаки на восхожденіе Свое* (Псал. CIII, 3). Посему, для увѣренія учениковъ, что гласъ сей есть гласъ Самого Бога—является облако, и — притомъ свѣтлое. *Еще же ему* (Петру) *глаголющу, се облакъ свѣтелъ осѣни ихъ, и се гласъ изъ облака глаголя: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ, Того послушайте* (Матѳ. XVII, 5). Когда Богъ угрожаетъ, то является мрачное облако, напримѣръ на Синаѣ *вниде Моисей въ среду облака... и восхождаше дымъ, яко дымъ пещный* (Исход. XXIV, 18; XIX, 18). Здѣсь же является свѣтлое облако, потому что Онъ имѣлъ намѣреніе не устрашить, а научить. Посему, тамъ куреніе и дымъ пещный, здѣсь же свѣтъ неизрѣченный и гласъ. Далѣе, пророки удаляются для того, чтобы показать, что не просто говорится объ одномъ изъ трехъ, но именно о Христѣ. Почему же облако осѣнило не одного только Христа, но всѣхъ? — Если бы оно осѣнило одного Христа, то можно было бы подумать, что гласъ происходилъ отъ Самого Христа. Посему-то Евангелистъ, предотвращая это, говоритъ, что гласъ былъ изъ облака, т. е. отъ Бога. Что же говорилъ онъ? *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ*. Если же Іисусъ есть Сынъ возлюбленный, то не бойся, Петръ. Ибо если Отецъ всемогущъ, какъ и дѣйствительно, то и Сынъ всемогущъ; разсуди, что Онъ не только есть Сынъ, но и Сынъ возлюбленный. Кто же погубитъ Того, Кого любитъ? Итакъ не смущайся, Петръ! Хотя бы любовь твоя къ Нему была безмѣрна, но ты не любишь Его такъ, какъ любитъ Родившій Его, Который о Немъ благоволитъ и любитъ Его не потому только, что родилъ Его, но потому, что Онъ равенъ Ему во всемъ и одну имѣетъ съ Нимъ волю и въ Немъ все Его благоволеніе, или, что то же,—покой и услажденіе. *Того послушайте*—такъ, что если бы Онъ восхотѣлъ быть распятымъ на крестѣ, ты (Петръ) тому не противься!

И слышавше ученицы падоша ницы и убоящася зѣло. И приступль Іисусъ, прикоснуся ихъ и рече: возстаните и не бойтеся (Матѳ. XVII, 6—8). Отчего они были такъ поражены, услышавъ гласъ Отчій? Причинами сего были уединеніе и высота мѣста, глубокое молчаніе, страшное преображеніе, необычайный свѣтъ, простертое облако—все это не могло не подвергнуть ихъ въ сильный трепетъ. Но чтобы страхъ, слишкомъ долго дѣйствуя, не лишилъ ихъ памяти, для сего Онъ тотчасъ разсѣеваетъ его и предстаетъ очамъ ихъ одинъ, заповѣдуя имъ не открывать сего никому до тѣхъ поръ, пока Онъ возстанетъ изъ мертвыхъ; ибо чѣмъ болѣе стали бы разсказывать о Немъ чудеснаго, тѣмъ труднѣе было бы тогда вѣрить этому; притомъ соблазнъ о крестѣ отъ того еще болѣе увеличивался бы. Нужно было дать пройти времени, а послѣ ученики, исполненные Духа, въ знаменіяхъ находили голосъ, споспѣшествовавшій имъ; все, что они послѣ говорили, достойно было вѣры, ибо дѣла громче всякой трубы провозвѣщали Его могущество, и событія не возбуждали уже никакого соблазна (Изъ бесѣд. 56 на Ев. Матѳ.).

Исцѣленіе бѣсноватаго отрока (Матѳ. XVII, 14—23).

Евангеліе (Матѳ. XVII, 14 — 23) представляетъ новый опытъ чудодѣйственной власти Христа надъ злыми духами и при этомъ случаѣ преподаетъ

намъ нѣсколько весьма важныхъ наставленій. Опытъ власти этой былъ показанъ въ исцѣленіи одного бѣсноватаго отрока, который одержимъ былъ сильнымъ, особеннаго рода бѣснованіемъ, возобновлявшимся у него во времена новомѣсячій. Быть можетъ, въ немъ дѣйствія духа нечистаго обнаруживались, по Божію допущенію, подъ видомъ опредѣленной физической болѣзни. Какъ-бы то ни было, впрочемъ,—только несомнѣнно, что это былъ человѣкъ, страдавшій подъ вліяніемъ духа непріязни, и дѣйствія этого послѣдняго въ минуты страданій несчастнаго проявлялись со свойственною имъ зловредностью и мучительностью: страждущій бросался то въ огонь, то въ воду, безпрерывно подвергаясь опасности лишиться жизни.

Сего-то страждущаго привелъ отецъ для исцѣленія, сначала къ ученикамъ Іисусовымъ, находившимся внизу горы во время преображенія, потомъ къ Самому Іисусу, когда Онъ сошелъ съ горы съ тремя избранными. Скорбный отецъ обращается съ мольбою къ Господу и ищетъ у Него помилованія своему сыну, изображая тяжкія его страданія. «И вотъ я, говоритъ, приводилъ его къ ученикамъ Твоимъ, но они не могли исцѣлить его». Любвеобильное сердце Спасителя подвиглось состраданіемъ, и Онъ даже выразилъ чувство сердечнаго огорченія. Но чѣмъ было вызвано это чувство огорченія? Опять тѣмъ же, что̀ побудило Христа сдѣлать упрекъ Петру послѣ его путешествія на морѣ. Не тягость страданія, невыносимая для страждущаго, возбудила на этотъ разъ въ Спасителѣ негодованіе, а отсутствіе сильной и дѣйствительной вѣры, которая бы явилась устранить эту тяжесть страданія. *О роде невѣрный и развращенный,* воскликнулъ Спаситель, *доколѣ буду съ вами, доколѣ терплю вы* (17). Общій тонъ рѣчи Спасителя и еще нѣкоторыя подробности, упоминаемыя у другаго Евангелиста (Марк. IX, 23 — 24), показываютъ, впрочемъ, что главнымъ предметомъ обвиненія въ невѣріи здѣсь были не Апостолы, которымъ не удалось изгнать бѣса, а все то общество народа, которое ихъ окружало и къ которому принадлежалъ самъ отецъ бѣсноватаго. Спаситель приказалъ потомъ привести къ Нему страждущаго и однимъ словомъ запрещенія выгналъ изъ него духа нечистаго; послѣ сего отрокъ сдѣлался тотчасъ здоровымъ.

Спаситель далъ, однакоже, приличное внушеніе и ученикамъ Своимъ. Оставшись съ Нимъ наединѣ, ученики сами стали спрашивать Его о причинахъ неуспѣха ихъ въ исцѣленіи бѣсноватаго, и Спаситель прямо объявилъ имъ, что они въ томъ не успѣли «по невѣрію» своему. Конечно, Апостолы обладали большею вѣрою сравнительно съ многими другими: это они показали и словеснымъ ея исповѣданіемъ предъ Христомъ и самымъ дѣломъ постояннаго и преданнаго послѣдованія Ему. Но не получивъ еще окончательнаго утвержденія въ своей вѣрѣ отъ силы Духа Святаго, они, очевидно, не всегда съ одинаковою ревностью могли выдерживать ея характеръ, и при нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно когда почему либо не пользовались они личнымъ подкрѣпленіемъ Спасителя, обычная слабость человѣческой природы легко примѣшивалась къ ихъ дѣйствіямъ и давала себя чувствовать ощутительнымъ образомъ. Такъ и здѣсь случилось, когда они оставались одни въ отсутствіе Спасителя и къ нимъ былъ приведенъ страждущій.

Указывая обнаруженную въ этомъ случаѣ ихъ слабость вѣры, Спаситель высказалъ одно замѣчаніе, которое можетъ имѣть отношеніе ко всѣмъ намъ.

Аминь глаголю вамъ, продолжаетъ Онъ, *аще имате вѣру яко зерно горушно,— речете горѣ сей: прейди отсюда тамо, и прейдетъ, и ничтоже невозможно будетъ вамъ* (20), т. е. «если будете имѣть вѣру хоть съ зерно горчичное— и скажете горѣ сей: перейди оттуда сюда, то она перейдетъ, и ничего не будетъ для васъ невозможнаго. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ намъ подумать объ этихъ словахъ Христовыхъ. Когда Христосъ усвояетъ столь великое могущество даже незначительной долѣ вѣры, только—разумѣется—живой и дѣйствительной; то можемъ судить, что не напрасно упрекаютъ позднѣйшія времена въ слабости вѣры и даже безвѣріи, когда онѣ такъ скудны доблестными проявленіями вѣры. Пусть первыя времена христіанства были по преимуществу временами чудесъ, по особеннымъ цѣлямъ Промысла Божія; однакожъ разница между ними и временами позднѣйшими можетъ въ этомъ случаѣ имѣть, какъ и дѣйствительно имѣла въ исторіи, различныя степени. Къ тому же не все только внѣшнія чудеса должно принимать въ разсчетъ при сужденіи о большей или меньшей силѣ вѣры въ людяхъ: есть много случаевъ къ ея искреннимъ и дѣйственнымъ обнаруженіямъ во внутренней жизни человѣка, въ его нравственной борьбѣ съ самимъ собою, въ подвигахъ любви къ Богу, безкорыстія, терпѣнія, усердія къ молитвѣ и т. п. А этихъ-то обнаруженій большею частью и недостаетъ у насъ.

Въ заключеніе Христосъ даетъ понять ученикамъ Своимъ, что для успѣшнаго дѣйствованія въ случаяхъ, подобныхъ указанному, требуются еще нѣкоторые особенные подвиги и дѣла благочестія. Онъ указываетъ на постъ и молитву: *сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ* (21). То есть, требуется здѣсь, чтобы не только не было недостатка въ вѣрѣ, но чтобы она являлась на особенной степени своего раскрытія въ человѣкѣ и обнаруживалась въ немъ, какъ нравственная сила добродѣтели. Постъ и молитва служатъ весьма значительными проявленіями этой силы, потому что возвышаютъ человѣка надъ собственнымъ его естествомъ и приводятъ къ чистому и духовному общенію съ Богомъ. Сдѣланное Апостоламъ внушеніе Спасителя можно принимать въ такомъ смыслѣ, что тотъ родъ нечистыхъ духовъ, къ которому принадлежалъ изгнанный Имъ изъ отрока духъ, отличается особенною непріязненностью своихъ дѣйствій въ отношеніи къ людямъ, и потому требуется болѣе крѣпкое ему противодѣйствіе. Но такъ какъ вообще дѣйствія исконнаго врага людей, направляемыя ко вреду ихъ, не знаютъ себѣ мѣры, если не сдерживаются силою всемогущества Божія, и во всякомъ случаѣ могутъ быть препобѣждаемы со стороны людей только нравственною силою вѣры, необходимымъ признакомъ которой служатъ подвиги благочестія, то въ словахъ Спасителя мы и вообще находимъ наставленіе относительно тѣхъ средствъ, которыми по преимуществу должны мы укрѣплять себя въ борьбѣ съ невидимымъ врагомъ спасенія.

Между тѣмъ Спаситель съ прежнею рѣшительностью продолжалъ приготовлять учениковъ Своихъ къ мысли о послѣднихъ дняхъ земной жизни Его и воскресеніи. Проживая съ ними послѣ преображенія Своего въ Галилеѣ, Онъ снова повторяетъ имъ опредѣленнымъ образомъ: *преданъ имать быти Сынъ Человѣческій въ руцѣ человѣкомъ: и убіютъ Его, и въ третій день востанетъ* (22—23). Въ ту пору, положимъ, они все еще не были въ состояніи уразумѣть—какъ слѣдуетъ, силу этихъ предсказаній; но за то, когда совершилось самое дѣло, они съ большею удобностью

могли понять весь этотъ порядокъ земнаго домостроительства Христова, когда Спаситель по воскресеніи напомнилъ имъ: вотъ то, что̀ Я вамъ говорилъ, еще бывъ съ вами, что надлежитъ исполниться всему написанному о Мнѣ въ законѣ Моусеевомъ и пророкахъ и псалмахъ» (Лук. XXIV, 44). (Воскр. Чт., г. XXV, ч. I, стр. 487—491.)

Блаженнаго Іеронима изъясненіе Евангелія въ 10 нед. по Пятидесятницѣ (Матѳ. XVII, 14—23).

Во время оно, человѣкъ нѣкій приступи ко Іисусу, кланяяся Ему и глаголя: Господи, помилуй сына моего, яко на новы мѣсяцы бѣснуется и зѣло страждетъ, множицею бо̀ падаетъ во огнь, и многажды въ воду.

По моему мнѣнію, этотъ бѣснующійся на новы мѣсяцы, изображаетъ человѣка предающагося по временамъ разнымъ порокамъ, ежечасно измѣняющагося въ своихъ намѣреніяхъ и впадающаго то въ огнь любодѣянія, то въ тѣ воды, кои противны любви.

И приведохъ его ко ученикомъ Твоимъ, и не возмогоша его исцѣлити. Словами сими отецъ несчастнаго отрока укоряетъ учениковъ Христовыхъ въ томъ, что отрокъ его не избавлялся отъ болѣзни. Но то, что изъ прибѣгавшихъ къ Апостоламъ нѣкоторые не получали исцѣленія, зависѣло иногда не столько отъ Апостоловъ, сколько отъ просившихъ помощи у нихъ; ибо и Самъ Іисусъ Христосъ многимъ изъ исцѣляемыхъ отъ Него говорилъ: «буди тебѣ по вѣрѣ твоей (Марк. V, 34; X, 52).

Отвѣщавъ же Іисусъ рече: о роде невѣрный и развращенный, доколѣ буду съ вами, доколѣ терплю вамъ? Приведите ми его сюмо. Такъ выразился Іисусъ объ Іудеяхъ не потому, чтобы Онъ соскучилъ и прогнѣвался на нихъ,—Онъ, смиренный и кроткій сердцемъ, Который не отверзалъ устъ Своихъ, и яко агнецъ предъ стригущимъ его былъ безгласенъ (Исаія LIII, 7),—но такъ, какъ обыкновенно выражается врачъ, когда больной не слушается его совѣтовъ. И послѣдній въ подобномъ случаѣ говоритъ: «доколѣ мнѣ ходить къ тебѣ и истощать мое искусство; я велю то, а ты дѣлаешь другое»? А что Господь въ настоящемъ случаѣ гнѣвался не на людей, а на пороки ихъ, видно изъ тѣхъ словъ, которыя тотчасъ послѣ сего произнесъ: *приведите ми его сюмо.*

И запрети ему Іисусъ, и изыде изъ него бѣсъ, и исцѣлѣ отрокъ отъ того часа.

Запрещеніе должно относить не къ отроку, страдавшему отъ демона, но къ демону, мучившему отрока. Или: запретилъ самому отроку, потому что онъ страдалъ отъ демона за свои грѣхи.

Тогда приступивше ученицы на единѣ рѣша: почто мы не возмогохомъ изгнати его. Іисусъ же рече: за невѣрствіе ваше. Итакъ, если когда мы не получаемъ отъ Господа по молитвамъ нашимъ, то причина тому не недостатокъ силы у дающаго, а вина просящихъ.

Аминь бо глаголю вамъ: аще имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей, прейди отсюду тамо, и прейдетъ: и ничтоже будетъ невозможно вамъ. Нѣкоторые думаютъ, что такая вѣра есть малая; но поелику, по словамъ Апостола горы преставлять можно только имѣющему всю вѣру (1 Коринѳ. XIII, 2); то значитъ, что вѣра, сравниваемая съ зерномъ горушичнымъ, велика. Подъ именемъ горы, которую можетъ преставить такая вѣра, разумѣется не гора видимая, но изгнанная Господомъ изъ страдавшаго отрока, т. е. демонъ. Посему неразумны тѣ, кои изъ того, что никто изъ Апостоловъ и вѣрующихъ во Іисуса Христа не преставлялъ горъ, заключаютъ, что они и

малой вѣры не имѣли, потому что они роду человѣческому благодѣтельствовали не преставленіемъ горъ съ мѣста на мѣсто, но сокрушеніемъ той великой горы, которая по слову пророка (Іерем. LI, 25) растлѣвала всю землю.

Сей же родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ. Указывая Апостоламъ на то, чѣмъ можетъ быть изгоняемъ демонъ, Іисусъ Христосъ всѣхъ научаетъ, какъ устроять жизнь.

Живущимъ же имъ въ Галилеи, рече имъ Іисусъ: предань имать быти Сынъ Человѣческій въ руцѣ человѣкомъ. И убіютъ Его, и въ третій день возстанетъ. Чтобы Апостолы не боялись, а были готовы къ терпѣнію, когда внезапно придутъ бѣдствія, Іисусъ Христосъ всегда, предсказывая о нихъ, предрекалъ вмѣстѣ и объ имѣвшей послѣдовать за ними радости. Такъ и здѣсь, если они огорчались тѣмъ, что Его убіютъ, то имѣвшее послѣдовать, въ третій день по смерти, воскресеніе Его, должно было утѣшить ихъ (Воскр. Чт. г., XVIII, стр. 165—166).

Св. Аѳанасія Александрійскаго на 14 ст. XVII гл. Матѳея.

Господи, помилуй сына моего, яко на новы мѣсяцы бѣснуется и зѣло страждетъ. Въ бѣснующихся на новы мѣсяцы не луна причиною ихъ умопомѣшательства. Луна создана не для того, чтобы дѣлать зло и вредить человѣческой природѣ, но чтобы содѣйствовать въ дѣлахъ добрыхъ и полезныхъ. Будучи по природѣ влажна, она доставляетъ тѣламъ самый пріятный сонъ, и имѣя млечный цвѣтъ, умѣряетъ ночную темноту. Служа противодѣйствіемъ солнцу, которое сухо и горячо, своею влажностью и холодностью, какъ истая матерь, въ объятіяхъ ночи, оживляетъ она и дѣлаетъ цвѣтущими всѣ растенія и луга, всякую траву и всякій овощъ, почему на утренней зарѣ видимъ, что на деревьяхъ листья дѣлаются гуще, луга на вершинѣ цвѣтовъ носятъ медъ—это дѣланіе мудрой и трудолюбивой пчелы, всякая травинка дѣлается веселѣе, и всякій овощъ принимаетъ свѣтлый видъ и возрастаетъ. Потому луна и имѣетъ млечный цвѣтъ; какъ матерь питаетъ младенца молокомъ, такъ и она все увеличиваетъ въ ростѣ тукомъ и росою. А поелику она на небѣ, то показываетъ кругообращеніе годовъ, исполненіе мѣсяцевъ, перемѣны погоды и временъ, надлежащее время истинной и непреложной пасхи, какъ говоритъ Премудрость: *отъ луны знаменіе праздника* (Сирах. XLIII, 7). А поелику свѣтило сіе умаляется и возрастаетъ, то имя ему мѣсяцъ (μὴν). Книга Бытія повѣствуетъ такъ: *и рече Богъ: да будетъ свѣтъ на тверди небеснѣй, освѣщати землю, начало дне и нощи, и да будетъ во знаменія и во времена, и во дни и въ лѣта. И да будетъ въ просвѣщеніе на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земли* (Быт. I, 14—15). Все же сіе почелъ я нужнымъ предложить вашему благоговѣнію, желая доказать самымъ дѣломъ и Богодухновенными Писаніями, что не луна причиною умоповрежденія, но злотворный и коварный діаволъ. Онъ злохудоженъ, и будучи не въ состояніи инымъ способомъ довести до обоготворенія тварей, или принудить людей къ дѣланію идоловъ, наблюдаетъ новомѣсячіе луны, и когда бываетъ ей пятый день, дѣлаетъ, что страждущій падучею болѣзнью вопитъ, точитъ пѣну, кидается въ огонь или въ воду, чтобы родители больнаго, или братья, или родные, принуждены были тѣмъ поклониться лунѣ, въ той мысли, что луна послала юношѣ бѣса. Посему Еллины и называютъ ее царицею небесною, тогда какъ она рабыня ночи и служительница, а не владычица или властительница естества человѣческаго.

Посему и преемникъ Моисеевъ Іисусъ повелѣвалъ свѣтиламъ, сказавъ: *да станетъ солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Элонъ* (Іис. Нав. X, 12), пока не обращу въ бѣгство пять царей Аморрейскихъ. Итакъ человѣкъ, повелѣвающій лунѣ, можетъ ли подлежать злотворности или владычеству свѣтилъ? Посему не допустимъ до себя сихъ ухищреній змія отступника, сего Еллинскаго заблужденія и суевѣрія (Тв. св. оо., т. XXIV. Тв. Аѳанасія Александрійскаго, ч. IV, стр. 493—494).

Какія особенности представляетъ повѣствованіе Евангелиста Марка объ исцѣленіи бѣсноватаго глухонѣмого (IX, 14—29).

1) Когда бѣсноватый былъ приведенъ къ Спасителю, нечистый духъ тотчасъ почувствовалъ—къ Кому привели его, и началъ сильно мучить больного: «какъ скоро», говоритъ Евангеліе, «бѣсноватый увидѣлъ Спасителя, духъ сотрясъ его; онъ упалъ на землю и валялся, испуская пѣну». Даже въ то время, когда Спаситель повелѣлъ діаволу выйти изъ отрока и впредь не входить въ него, діаволъ не вдругъ оставилъ свою жертву; «и возопивъ и сильно сотрясши его, вышелъ, и отрокъ сдѣлался какъ мертвый, такъ что многіе сочли его умершимъ».—Откуда происходила такая дерзость со стороны діавола? И неужели Спасителю нужны были особенныя усилія для прогнанія духа нечистаго? Это сдѣлано было, говоритъ святый Златоустъ, «для вразумленія предстоящихъ», которые должны были увидѣть на опытѣ, какъ дерзокъ діаволъ, и какъ, не смотря на свою дерзость, онъ трепещетъ предъ Господомъ. При томъ же изгнаніе духа нечистаго было предзнаменованіемъ освобожденія всего человѣчества отъ власти діавола. Мы должны быть внимательны къ великому благодѣянію нашего Господа, Который Своею крестною смертію избавилъ насъ отъ власти ада и доставилъ намъ свободу славы чадъ Божіихъ. Однакоже не должны забывать и того, что діаволъ и теперь можетъ искушать человѣка; и что небрегущій о своемъ спасеніи не умедлитъ подвергнуться власти его: «кто совершаетъ грѣхъ», говоритъ слово Божіе, «тотъ рабъ грѣха, и приводящій ко грѣху есть орудіе сатаны» (1 Коринѳ. V, 5).

2) Когда отецъ привелъ своего одержимаго духомъ бѣсноватія сына къ Спасителю, то Іисусъ Христосъ спрашиваетъ отца: давно ли боленъ былъ сынъ его? Отецъ отвѣчаетъ, что сынъ находится въ такомъ состояніи съ самаго дѣтства.—Нѣтъ сомнѣнія, что Іисусъ Христосъ зналъ и прошедшее, и настоящее, и будущее: для чего же спрашиваетъ объ этомъ? Спрашиваетъ для того, чтобы показать Свое состраданіе нашимъ немощамъ и расположить насъ къ живой вѣрѣ въ Него. Предстоящіе—можетъ быть—не обратили бы вниманія на чудо Спасителя, если бы Онъ немедленно исцѣлилъ бѣсноватаго; но разспросами о времени болѣзни Іисусъ Христосъ хочетъ показать, что болѣзнь была опасна и неизлѣчима, что она могла быть уничтожена только всемогуществомъ Врача Небеснаго. Вмѣстѣ же съ этимъ хочетъ внушить намъ, что какъ-бы продолжительно ни было наше служеніе грѣху, мы всегда можемъ освободиться изъ-подъ власти его, если обратимся за помощью къ Божественному Спасителю, Который и въ единонадесятый часъ пришедшаго принимаетъ, и больше радуется о единомъ грѣшникѣ кающемся, нежели о 99 праведникахъ.

3) Отецъ, испытавшій безсиліе всѣхъ средствъ, употребляемыхъ для исцѣленія сына, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ

обращается и къ Самому Спасителю: «аще можеши», говоритъ онъ, «помози ми». Спаситель отвѣчаетъ, что Онъ можетъ сдѣлать все, но только по вѣрѣ: «можешь ли ты сколько-нибудь вѣровать? Вѣрующему вся возможна». Эти слова Господа привели въ разумъ отца; онъ видитъ, что виновенъ самъ, неимѣющій доселѣ истинной вѣры,—и со слезами молится: «Господи, помози моему невѣрію!»—Нѣтъ нужды говорить о необходимости вѣры, безъ которой и Самъ Всемогущій не можетъ спасти насъ. Всѣ мы знаемъ эту истину. Но мы нерѣдко хотимъ оправдать свое маловѣріе сухостью сердца, множествомъ и силою искушеній и т. п. Настоящее Евангельское повѣствованіе указываетъ намъ самое дѣйствительное средство для пріобрѣтенія вѣры: отецъ проситъ Господа со слезами, чтобы Онъ помогъ его невѣрію, и Господь исполняетъ желаніе смиреннаго сердца. Такъ Господь и всегда внемлетъ молитвѣ о вѣрѣ; потому что это есть молитва сердца сокрушеннаго и смиреннаго, которое Богъ не уничижитъ.

О важности поста и молитвы.

(*Филарета, митроп. Московскаго.*)

И рече имъ: сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ (Марк. IX, 29). Важность подвига постнаго въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ открываетъ намъ происшествіе, предложенное благоговѣйному вниманію нашему нынѣ въ Евангеліи. Апостолы, послѣ того какъ Господь *даде имъ силу и власть на вся бѣсы и недуги цѣлити* (Лук. IX, 1); послѣ того какъ они *прохождаху сквозѣ веси, благовѣствующе и исцѣляюще всюду* (6), встрѣтили одержимаго мучительнымъ духомъ нѣмымъ и не могли освободить страждущаго, доколѣ Господь Іисусъ не употребилъ Самъ Своей Божественной силы и власти. Послѣ чудесъ, уже обыкновенныхъ для нихъ, внезапная недѣйствительность данной имъ силы побудила ихъ вопроситъ Господа, почему не могли они изгнать духа нѣмого. На сіе Господь отвѣтствовалъ: *сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ.* Какъ важно здѣсь значеніе, какъ велика сила поста, соединеннаго съ молитвою! Не видно, чтобы Господь, дая власть Апостоламъ изгонять нечистыхъ духовъ и исцѣлять недуги, требовалъ отъ нихъ поста. Онъ не возлагалъ на нихъ строгаго поста при Себѣ, а отлагалъ оный до времени Своего страданія. *Еда можете сыны брачныя, дондеже женихъ съ ними, сотворити поститися? Пріидутъ же дніе, егда отъятъ будетъ отъ нихъ Женихъ, и тогда постятся въ тыя дни* (Лук. V, 34). И видно, Апостолы чудодѣйствовали, не употребляя усиленнаго подвига поста и протяженной молитвы; а просто именемъ Христовымъ и данною имъ властью повелѣвали, и повелѣнное исполнялось. Но видно также, въ страждущемъ отъ духа нѣмаго необыкновенно велика была сила зла; и потому для побѣды надъ нею потребна была высшая степень силы благодатной и благотворной. Какія же кромѣ вѣры, уже дѣйствовавшей въ Апостолахъ, могутъ быть средства и пособія для достиженія высшей степени благодатной и благотворной силы? Господь предлагаетъ молитву и постъ. *Сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ.*

Видите ли благопотребность поста, соединеннаго съ молитвою? Апостоламъ онъ нуженъ; намъ ли не нуженъ? Чудотворцамъ онъ помогаетъ; можемъ ли мы пренебрегать его помощью? Побѣдѣ надъ мучительнымъ и преобладающимъ духомъ зла онъ способствуетъ: не ближе ли способствовать будетъ къ укро-

щенію плоти, воюющей противъ духа? (Изъ слова въ недѣлю 4-ю Великаго поста. Т. I, стр. 177.)

Прибытіе въ Капернаумъ. Чудесная находка (Матѳ. XVII, 24—27).

(С. Д—ва.)

Во время одного изъ посѣщеній Іисусомъ Христомъ и Его учениками Капернаума (небольшаго города, находившагося на сѣверозападномъ берегу Геннисаретскаго или Тиверіадскаго озера), подошли къ Петру собиратели дидрахмъ и сказали: «Учитель вашъ не дастъ ли дидрахмы»? Дидрахма (т. е. двѣ драхмы)—Греческая серебряная монета, равнявшаяся древне-Еврейскому полсиклю (около 30 коп. серебр.), составляла ежегодную опредѣленную по́дать на храмъ, установленную на основаніи Исход. XII, 12—16 и бывшую обязательною для всякаго Іудея, достигшаго двадцати лѣтъ, кромѣ священниковъ и левитовъ (2 Паралипом. XXIV, 6. Іос. Флавія Древн. 18, 4. 1). Поэтому подъ собирателями дидрахмъ, очевидно, нужно разумѣть сборщиковъ податей, употреблявшихся на поддержаніе храма и его принадлежностей, на пріобрѣтеніе различныхъ предметовъ, необходимыхъ для ежедневныхъ жертвоприношеній,—животныхъ, масла, муки, дровъ и т. п. Такъ какъ сборщикамъ этимъ, безъ сомнѣнія, не было неизвѣстно ученіе Іисуса Христа о Себѣ, какъ Мессіи, то они, по всей вѣроятности, предполагали, что Онъ воспользуется привилегіями, предоставленными закономъ священникамъ и левитамъ, и потому обратились съ своимъ требованіемъ не къ Самому Іисусу Христу, а къ Апостолу Петру, и вопросительною формою своихъ словъ выразили нѣкоторое сомнѣніе въ исполненіи этого требованія. Впрочемъ, можетъ быть, они поступили та́къ «съ коварною цѣлью, т. е. какъ-бы говоря: Учитель вашъ, какъ противникъ закона, хочетъ ли заплатить дидрахму»? (Мнѣніе блаж. Ѳеодорита.) Со стороны Петра тотчасъ же послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, изъ чего можно заключать, что Іисусъ Христосъ никогда не отказывался отъ уплаты податей.—Когда Петръ вошелъ въ домъ, то Іисусъ, предупредивъ его (т. е. прежде, нежели Петръ сообщилъ Ему о своемъ разговорѣ съ сборщиками), сказалъ: какъ тебѣ кажется, Симонъ (другое имя Петра), цари земные съ кого берутъ пошлины или подати? Съ сыновъ ли своихъ, или съ посторонникъ? т. е. съ членовъ ли своего семейства, или съ непринадлежащихъ къ нему? На этотъ вопросъ, легко свидѣтельствующій о Божественномъ всевѣдѣніи Спасителя, Петръ отвѣчалъ: «съ посторонникъ». Тогда Іисусъ сказалъ ему: «и такъ сыны свободны», т. е. если цари земли не берутъ податей съ своихъ сыновей, то тѣмъ болѣе Я, какъ Сынъ Царя Небеснаго, Самого Бога, долженъ быть свободенъ отъ податей, которыя собираются на содержаніе храма Отца Моего». «Но», продолжаетъ Свою рѣчь Спаситель, «чтобы намъ (здѣсь Іисусъ Христосъ говоритъ о Петрѣ, не потому, чтобъ считалъ его свободнымъ отъ подати, а потому, что она не была еще уплачена имъ) не соблазнить ихъ» (сборщиковъ), т. е., чтобы они не составили о насъ превратнаго мнѣнія, какъ о презрителяхъ храма и закона, «пойди на море (Геннисаретское озеро, на берегу котораго находился Капернаумъ), брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми и открывъ у ней ротъ, найдешь статиръ (Римская серебряная монета, равнявшаяся цѣнностью двумъ дидрахмамъ); возьми его и отдай имъ за Меня и за себя». Хотя объ исполненіи повелѣнія Іисуса Христа въ Евангеліи не говорится

ясно, однако какъ самый характеръ Евангельскаго повѣствованія, такъ въ особенности то значеніе, которое это событіе имѣло для Петра, даютъ полное право заключать, что повелѣніе было исполнено. Евангелистъ не говоритъ также и о томъ, какимъ образомъ статиръ явился во рту рыбы,—былъ ли онъ случайно найденъ и проглоченъ ею, или непосредственно созданъ Божественною силою Іисуса Христа; но самою обстановкою, которая должна была, согласно словамъ Господа, сопровождать ловлю Петра, оно показываетъ, что во всякомъ случаѣ это было сверхъестественное, чудесное событіе, и что Виновникъ его—Самъ Богъ. Если Іисусъ Христосъ заранѣе зналъ, что у первой рыбы, которую поймаетъ Петръ, будетъ найденъ во рту проглоченный ею статиръ, то значитъ, Онъ былъ всевѣдущъ; а если эта монета была создана Имъ во рту рыбы, то Онъ всемогущъ; а всевѣдѣніе и всемогущество—это такія свойства, которыя принадлежатъ только Богу.

Всѣ попытки раціоналистической критики лишить это повѣствованіе чуднаго характера при безпристрастномъ отношеніи къ нимъ оказываются вполнѣ несостоятельными. Такъ, одни изъ раціоналистовъ (напримѣръ, Павлюсъ) въ выраженіи Іисуса Христа: «найдешь статиръ», видятъ указаніе на пріобрѣтеніе статира чрезъ продажу рыбы, а слова: «открывъ у ней ротъ», относятъ къ освобожденію рыбы отъ уды или къ самому Петру, который долженъ былъ предложить желающимъ купить рыбу, при чемъ αὐτοῦ (у ней) объясняется въ смыслѣ нарѣчія «тотчасъ». Но чрезъ продажу одной рыбы и при томъ въ Капернаумѣ, въ которомъ было большое обиліе ея, Петръ, очевидно, не могъ получить статиръ (около 60 коп. сер.), тѣмъ болѣе, что это была рыба, пойманная удою и слѣдовательно небольшая, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ представителей этого направленія должны были понимать слово ἰχθύν (рыбу) въ собирательномъ смыслѣ, и чрезъ это впадали въ новую несообразность, потому что въ Евангеліи ясно говорится не о нѣсколькихъ, а объ одной только рыбѣ (возьми *первую* рыбу). Да и все вообще это искусственное объясненіе, или вѣрнѣе, извращеніе Евангельской исторіи, предполагающее совершенно неумѣстныя въ ней поэтическія картины, вполнѣ противорѣчитъ прямому, естественному смыслу ея и обличаетъ высшую степень предзанятости.—Другіе изъ критиковъ (напр. Газе и Эвальдъ), сознавая ненатуральность натуралистическаго объясненія, считаютъ за лучшее совершенно отвергнуть дѣйствительность разсматриваемаго нами событія, и все повѣствованіе о немъ признаютъ религіозно-нравственнымъ вымышленнымъ или символическимъ разсказомъ, который только въ народныхъ сказаніяхъ получилъ апокрифическій характеръ, но который самъ по себѣ служитъ только выраженіемъ мысли о неизмѣримомъ возвышеніи Іисуса Христа надъ всѣми обстоятельствами жизни, или о благословеніи, которое Богъ ниспосылаетъ на занятіе, ведущее къ пріобрѣтенію необходимыхъ средствъ жизни, или же о легкости пріобрѣтенія суммы для уплаты податей. Но въ такомъ случаѣ весь этотъ разсказъ нужно было бы назвать по меньшей мѣрѣ страннымъ и не представляющимъ ясной связи со своею цѣлью; въ немъ ничего не говорится также о самой ловлѣ, а подобное опущеніе совершенно не свойственно апокрифамъ.—По мнѣнію иныхъ (Кестлина, Гильгенфельда), цѣль этого разсказа состоитъ во внушеніи Іудео-христіанамъ мысли о необходимости уплаты

подати, идущей на содержаніе храма. Но для этого достаточно было бы одного слова и примѣра Іисуса Христа, присоединеніе чуда здѣсь было бы совершенно излишне,—оно не только не способствовало бы, но могло бы даже препятствовать достиженію этой цѣли. Изъ указанныхъ основаній видна несостоятельность также взгляда на этотъ разсказъ, какъ на притчу (Вейссе), въ которомъ противупоставляется оправданіе чадъ Божіихъ вѣрою оправданію рабовъ закономъ. Кромѣ того, чрезъ это объясненіе вносится въ Евангеліе то ученіе, которое только впослѣдствіи было развито Апостоломъ Павломъ. Мы уже не говоримъ о воззрѣніи нѣкоторыхъ изслѣдователей Священнаго Писанія (напримѣръ Штрауса) на разсматриваемое нами событіе, какъ на миѳъ, подобный тѣмъ, которые Геродотъ сообщаетъ въ своей исторіи (III, 42), потому что произвольность и крайне неуважительное отношеніе къ Евангельской исторіи, обнаруживающіяся здѣсь, такъ очевидны, что совершенно нѣтъ нужды указывать на несостоятельность этого воззрѣнія. Такимъ образомъ, самымъ естественнымъ и вѣрнымъ остается взглядъ на Евангельское повѣствованіе о необыкновенной находкѣ Апостола Петра, какъ историческій разсказъ о дѣйствительномъ чудесномъ событіи (Воскр. Чт. 1875 г., т. II, стр. 397—399).

Святаго Амвросія Медіоланскаго на Евангеліе Матѳея XVII гл. 27 ст.

Вверзи удицу и юже прежде имеши рыбу, возми. Въ этихъ словахъ заключается неоспоримое и ясное доказательство, что христіанину надлежитъ оказывать безусловное повиновеніе властямъ предержащимъ, и что распоряженіямъ земнаго царя отнюдь противиться не должно; ибо если Сынъ Божій платилъ за Себя подать, то какъ ты дерзнешь не платить оной? Если платилъ подать Тотъ, Кто ничего у Себя не имѣлъ; то какъ ты, собирая сокровища мірскія, смѣешь не выполнять обязанности, освященной обычаями міра?

Подъ именемъ статира, который Спаситель повелѣлъ по закону заплатить, разумѣть надобно ту искупительную жертву, которую Онъ благоволилъ принести за наши грѣхи. Этотъ статиръ найденъ въ устахъ рыбы также не безъ причины, потому что въ Евангеліи сказано: *отъ словесъ своихъ оправдишися* (Матѳ. XII, 37). Ибо устное исповѣдываніе грѣховъ доставляетъ намъ вѣчное спасеніе, какъ объ этомъ сказалъ Апостолъ: *сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе* (Римлян. X, 10). (Воскр. Чт. г. X, стр. 246).

Святаго Исидора Пелусіота на тотъ же стихъ.

Статиръ, сокрытый въ рыбѣ, который повелѣно было Петру изъять изъ глубины, означалъ намъ покрытый страстями образъ, который къ первообразу возводитъ въ Себѣ Господь, какъ содѣлавшійся человѣкомъ, подлежащимъ всему, что̀ свойственно намъ, не дозволяющимъ противиться царю, когда повелѣваетъ безвредное, и показующимъ въ Себѣ дѣйственность Божественной силы (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. I, стр. 131).

Библіографическій указатель къ XVII гл. Ев. Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Прокла Константинопольскаго.* Слово на преображеніе Господа нашего Іисуса Христа. Хр. Чт. 1839 г. III. 162—173.

2) *Блаж. Августина.* Иносказательное изъясненіе Преображенія Господня. Воскр. Чт., г. VIII, 171—173.

3) На Ст. 21. *Св. Іоанна Златоустаго. Сей же родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ.* Воскресное Чт., г. XVI. 161.

4) Ст. 24—27. *Препод. Исидора Пелусіота.* Почему Господь въ матерней еще утробѣ внесенъ въ народную перепись, а впослѣдствіи заплатилъ кинсонъ. Ч. I. 32. (Тв. св. оо., т. XXXIV).

5) На Ев. Марка IX, 17—31. *Блаженнаго Ѳеофилакта.* Изъясненіе Еванг., читаемаго въ недѣлю 4 Великаго поста. Воскресное Чтеніе, г. X. 468—470.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

6) *Х. О.* Евангельское чтеніе въ праздникъ Преображенія Господня. Воскресное Чтеніе, г. XXVIII. I. 404—412.

7) Св. Преображеніе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (Матѳ. XVII, 1—11). Воскресное Чт. XXXIV. I. 440—444, г. XXV. 440—448. 450.

8) *Свящ. Янковскаго.* Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа. Воскресное Чт. 1882 г. 281—283.

9) Бесѣда въ день Преображенія Господня. Воскресное Чт., г. I. 137—144.

10) *А. Воскресенскаго.* Праздникъ Преображенія Господа нашего Іисуса Христа. Воскресное Чт., г. XXIX. I. 432.

11) *Голубоковскаго.* Преображеніе Господа. Прав. Обозр. 1888 г. авт. окт.

12) Преображеніе Іисуса Христа. Христ. Чт. 1830, г. XXXIX. 195—225.

13) Мысли при чтеніи повѣствованія о преображеніи Господа нашего Іисуса Христа (Матѳ. XVII, 1—9. Лук. IX, 28—36). Христ. Чт. 1844. III. 245—265.

14) *Діак. Ст. Никольскаго. Да возсіяетъ и намъ тѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный* (о Ѳаворскомъ свѣтѣ). Душеп. Чт. 1863 г. II. 332—340.

15) *Н. М.* Гора Ѳаворъ, какъ гора Преображенія. Стран. 1879 г. 1 Мартъ 467—484. Ср. Церк. Вѣстн. 1870 г. № 30. 30.

16) Почему Преображеніе празднуется у насъ 6 Авг. Руков. для с. п. 1881 г. II. 380. Стран. 1879 г. III. 383—384. Воскресное Чт. 1879 г. № 32.

17) Матѳ. XVII, 4. Размышленіе на слова: *добро есть здѣ намъ быти.* Христ. Чтеніе 1838 г. III. 228—235.

18) На тотъ же ст. Воскресное Чтеніе, г. VI. 266. 1885 г. 497—501.

19) Ст. 5. 12. 17. 21. Мысли *еп. Ѳеофана.* Домашн. Бес. 1871 г. Вып. 28. 30. 31 и 32 и Мысли на каждый день года по церковн. чтеніямъ. 275. 237. 257. 259.

20) Ст. 17. *Митроп. Григорія.* Безгрѣшное негодованіе. Духовная Бесѣда 1858 г., т. III. 49—54.

21) Ст. 17. *О, роде невѣрный и развращенный, доколѣ буду съ вами.* Воскресное Чтеніе XXIII. 181.

22) Ст. 21. Воскресное Чтеніе, г. XXXIV. II. 631.

23) Іисусъ Христосъ, предсказывающій собственное воскресеніе (Матѳ. XVII, 23. Марк. VIII, 31. Лук. XVIII, 31 и др.) Дух. Бес. 1861 г. XII. 465—477.

24) *Н. Елеонскаго.* О Еванг. Марка IX гл. Чт. въ Общ. 1873 г., дек. 629—642.

25) На Ев. Марк. IX, 5. *Добро есть намъ здѣ быти: сотворимъ кровы три.* Воскресное Чтеніе XV, 173—174.

26) Ст. 21. Воскресное Чт., г. XVIII. 470.

27) Ст. 23. *Вся возможна вѣрующему.* Воскресное Чтеніе, г. IX. 375—376.

28) Ст. 17—22. Евангельское чтеніе въ 4 недѣлю Великаго поста. Воскресное Чт., г. XXV. 1228—1231.

29) *Еп. Ѳеофана.* Размышленіе на IX гл. Марк. Дом. Бес. 1871 г. Вып. 50—51.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

30) На Ев. Матѳея ст. 1—2. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* О значеніи преображенія Господа нашего. 165—178.

31) Ст. 1—2. *Арсенія, митроп. Кіевскаго* Участвовать въ Царствіи Божіемъ можетъ только человѣкъ, украшенный добродѣтелями I. 361—365.

32) Ст. 1—2. *Никанора, архіеп. Херсон-*

скаго. О преображеніи Іисуса Христа въ связи съ предшествующими обстоятельствами. IV. 334—341.

33) Ст. 1—2. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Обстоятельства, при которыхъ совершилось преображеніе Господа, и условія, при которыхъ можетъ совершиться и христіанское преображеніе, подобное преображенію Господа нашего Іисуса Христа. I. 491—498.

34) Ст. 4. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* Что̀ значитъ быть въ Господѣ и съ Господомъ? Слово въ день преображенія Господня.

35) Ст. 5. *Филарета, митроп. Московскаго.* О догматѣ и заповѣди, проповѣданныхъ на Ѳаворѣ. IV. 401—404.

36) *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Бесѣда на Преображеніе Господне. 76—86.

37) *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О плодахъ истинной вѣры, ея свойствахъ и способахъ къ пріобрѣтенію. I. 311—317.

38) На Еванг. Марка IX, 17—31. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О проявленіяхъ духовнаго бѣснованія, подобныхъ проявленіямъ бѣснованія тѣлеснаго, и о средствахъ къ избавленію отъ него I. 319—329.

39) Ст. 24. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* Объ исцѣленіи бѣсноватаго отрока и борьбѣ вѣры съ невѣріемъ. 40—46.

40) Ст. 29. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О важности поста и молитвы въ борьбѣ съ лукавыми духами. II. 355—369.

41) *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О молитвѣ и постѣ. II. 277—279.

42) На Евангеліе Луки, гл. IX. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Почему горы и возвышенности, какъ въ церкви ветхозавѣтной, такъ и христіанской, служили мѣстомъ для молитвъ и построенія храмовъ. IV. 276—296.

43) Ст. 28—32. *Его же.* О неблаговременномъ снѣ учениковъ Іисуса Христа и о томъ, что молитва есть твердая ограда отъ нападеній и искушеній діавола. I. 345—353.

О преображеніи Господа нашего Іисуса Христа и о томъ, что излишняя, исключительная забота о здѣшней жизни отнимаетъ у насъ возможность участвовать въ Царствіи Небесномъ. I. 354—359.

44) Ст. 28—32. *Иннокентія, архіепископа Херсонскаго.* Бесѣда о преображеніи Іисуса Христа. I. 349—362.

45) Ст. 28—32. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Поучительная исторія преображенія Христова. II. 117—126.

46) Ст. 28—32. *Никанора, еп. Уфимскаго.* О томъ, какъ событіе преображенія рисуется предъ взоромъ невѣрія, и объ исторической достовѣрности его на основаніи словъ Апостола Петра (2 Петр. I, 10—19). 182—192. Объ обстоятельствахъ преображенія. IV. 334—341.

47) *Филарета, митроп. Московскаго.* О силѣ и дѣйствіи молитвы I. 100—107.

48) Ст. 30—31. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О значеніи скорбей для счастія I. 109.

Ученіе Іисуса Христа о смиренномудріи (во время послѣдняго пребыванія въ Капернаумѣ) (Матѳ. XVIII, 1—5. Марк. IX, 33—37. Лук. IX, 46—48).

Дитя, которое Спаситель поставилъ около Себя.

Идя въ Капернаумъ, Апостолы дорогою рѣшали вопросъ: «кто изъ нихъ больше будетъ въ Царствіи Небесномъ»? Они очень хорошо знали, что наибольшимъ въ Царствіи Небесномъ будетъ тотъ, кто будетъ ближайшимъ Іисусу Христу; поэтому они разсуждали далѣе о томъ, кто изъ нихъ стоитъ ближе къ Нему. Тогда Спаситель призвалъ одно дитя, поставилъ его подлѣ Себя и сказалъ: «кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня. Истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное».

Кто былъ это дитя, которое Спаситель поставилъ среди Апостоловъ, и какъ оно называлось? Въ Евангеліи ничего не написано объ этомъ. Но древніе повѣствуютъ, что это дитя былъ Игнатій, который впослѣдствіи былъ епископомъ Антіохійскимъ и носилъ прозваніе *Богоносца.* И дѣйствительно, съ малыхъ лѣтъ и до сѣдыхъ волосъ имѣлъ Игнатій дѣтскую привязанность и пла-

менную любовь къ своему Творцу и Спасителю; онъ умеръ за свою вѣру во Христа, повторяя непрестанно: «я ношу Христа въ своемъ сердцѣ». Язычники, видя его твердость и непоколебимость его вѣры, бросили Игнатія дикимъ звѣрямъ, которые раздробили его въ одну минуту своими зубами, подобно тому, какъ зерна дробятся подъ жерновомъ. А идя на страданія, онъ пророчески говорилъ: «я хочу, чтобы меня измололи зубы звѣрей, я хочу быть пшеницей Божіей» (Воскр. Чт., г. XXXI, I, стр. 44).

Какъ должно понимать слова: аще не обратитеся, и будете яко дѣти (Матѳ. XVIII, 3)?

Исидора Пелусіота.

Господь требуетъ уподобленія дѣтямъ, то есть не возвращенія въ дѣтскій возрастъ, какъ подобно Никодиму, думаешь ты, но отреченія отъ злобы, чтобъ въ насъ была дѣтская простота. И сіе даетъ видѣть въ самомъ образѣ выраженія; не сказалъ: если не будете дѣтьми, но говоритъ: *яко дѣти*, присовокупленіемъ *яко* означая подражаніе дѣтямъ (ч. I, стр. 131. Ср. Василія Великаго, ч. V, стр. 317).

Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же стихъ.

Аще не обратитеся и будете яко дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное. Дѣтское строеніе сердца — образцовое. Дѣти, пока не раскрылись въ нихъ эгоистическія стремленія, — примѣръ подражанія. У дѣтей, что̀ видимъ? Вѣру полную, не разсуждающую, послушаніе безпрекословное, любовь искреннюю, безпопеченіе и покой подъ кровомъ родителей, живость и свѣжесть жизни, съ подвижностью и желаніемъ научаться и совершенствоваться. Но Спаситель особенно означаетъ одно ихъ свойство—смиреніе: *иже смирится, яко отроча, той есть болій въ Царствіи Небесномъ.* Ибо коль скоро есть смиреніе настоящее, то и всѣ добродѣтели есть. Оно тогда и является въ совершенствѣ, когда другія добродѣтели уже расцвѣли въ сердцѣ и приходятъ въ зрѣлость; оно вѣнецъ ихъ и покровъ. Это—тайна жизни духовной о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Чѣмъ кто выше, тѣмъ смиреннѣе, ибо онъ яснѣе и осязательнѣе видитъ, что не онъ трудится въ преуспѣяніи, *а благодать, которая въ немъ;* и это есть мѣра возраста исполненія Христова. Ибо главное во Христѣ Іисусѣ то, что Онъ *смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти* (Мысли на каждый день года по церковн. чтеніямъ, стр. 241).

Мысли егожe на 5-й ст.

Болій въ васъ да будетъ вамъ слуга. Большество измѣряется, по слову Господа, не родомъ, не властью, не мѣрою способностей и способовъ, а умѣньемъ устроять благо для другихъ. Кто неутомимѣе и шире дѣйствуетъ въ этомъ родѣ, тотъ и большій. Какъ въ семьѣ набольшій, становясь набольшимъ, беретъ къ сердцу заботу о всемъ семействѣ и въ томъ честь и преимущество свое поставляетъ, чтобъ всѣхъ упокоить, сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо; такъ и въ обществѣ христіанскомъ хотящій быть наибольшимъ долженъ принять на себя полное попеченіе о христіанскомъ удобствѣ всѣхъ въ томъ кругѣ, въ которомъ находится, и въ томъ родѣ дѣятельности, какую онъ себѣ избралъ. Лучше же брось всякую мысль о большествѣ, а прими сердечную заботу о томъ, чтобъ сколько можно болѣе послужить во благо окружающихъ тебя, и будешь большій предъ очами Божіими, а можетъ быть, и въ сознаніи людей. Когда бы всѣ набольшіе сдѣлали сей законъ Христовъ закономъ своей совѣсти, — какое пошло бы тот-

часъ благоденствіе и довольство среди насъ! Но то горе, что большество скоро у насъ обращается въ служеніе себѣ и своимъ интересамъ и сопровождается почти всегда требованіемъ послугъ себѣ, вмѣсто служенія другимъ; совѣсть же успокоивается исправностью веденія оффиціальныхъ дѣлъ. Отъ того много набольшихъ, а благо не спѣется среди насъ, и всѣ добрыя учрежденія не приносятъ того добра, какое отъ нихъ ожидается (тамъ же, стр. 295).

Мысли ЕП. ѲЕОФАНА НА ЛУК. IX, 48.

Иже Мене пріемлетъ, пріемлетъ Пославшаго Мя, сказалъ Господь; а пославшій Его есть Богъ, слѣдовательно, кто исповѣдуетъ Господа, тотъ Бога исповѣдуетъ; а кто не исповѣдуетъ Его, тотъ и Бога не исповѣдуетъ. Скажешь: «я исповѣдую Христа великимъ, премудрымъ, всемірнымъ учителемъ». Нѣтъ,—исповѣдуй Его такъ, какъ Онъ Самъ говоритъ о Себѣ; а Онъ говоритъ о Себѣ, что Онъ и Отецъ едино суть, единаго Божескаго естества лица, раздѣльныя, но единочестныя и сопрестольныя. Кто не исповѣдуетъ такъ, тотъ, какъ-бы ни величалъ Господа, все одно, что не исповѣдуетъ Его; а не будучи исповѣдникомъ Его, не исповѣдуетъ и Отца, не исповѣдуетъ Бога. Посему, какимъ богочтецомъ не высказывай себя, ты не богочтецъ, когда не исповѣдуешь Господа Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ Единороднымъ, насъ ради воплотившимся и Своею крестною смертію насъ спасшимъ. Не все одно, какого Бога исповѣдать, лишь бы исповѣдать: поклонявшіеся солнцу и звѣздамъ, или вымышленнымъ существамъ, не называются богочтецами, потому что не то считали Богомъ, что̀ есть Богъ. Такъ и тотъ, кто Господа не исповѣдуетъ, не есть богочтецъ, потому что не того Бога исповѣдуетъ, Который есть истинный Богъ. Истинный Богъ не есть безъ Сына совѣчнаго и собезначальнаго. Потому, коль скоро не исповѣдуешь Сына, не исповѣдуешь и Бога истиннаго. Какая цѣна твоего исповѣданія — одинъ Богъ разсудитъ; но такъ какъ намъ Богъ открытъ Богомъ истиннымъ, то, помимо этого откровенія, нельзя имѣть Бога истиннаго (Тамъ же, стр. 374).

Объ особенномъ вниманіи, какого требуютъ дѣти и ихъ воспитаніе.

(*Филарета, митрополита Московскаго*).

Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего Небеснаго (Матѳ. XVIII, 10). Сіе сказалъ Христосъ Апостоламъ, когда, *призвавъ отроча, поставиі е посреди ихъ:* и потому, хотя оное изрѣченіе, въ высшемъ знаменованіи, въ качествѣ притчи, относилось къ младенцамъ вѣры, но оно сказано было не мимо и естественныхъ младенцевъ, изъ которыхъ одинъ былъ видимымъ и непосредственнымъ предметомъ слова Господня, и особенно не мимо дѣтей христіанскихъ, которые обыкновенно суть и младенцы вѣры, по крещенію. Посему каждый разъ, когда Господь рукою Своего провидѣнія поставляетъ предъ вами дитя, когда оно вамъ родится, или ввѣряется вашему попеченію властью и закономъ, или приводится въ руки ваши нуждою и безпомощностью, вы можете представить себѣ, что Господь смотритъ на оное и говоритъ вамъ: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ.*

И какъ сильно подкрѣпляетъ Онъ сію заповѣдь! *Аминъ бо глаголю вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего Небеснаго.* То есть, *Ангели* служатъ хранителями дѣтей; слѣдственно имѣютъ къ нимъ вниманіе, заботятся о нихъ, уважаютъ ихъ; какъ

же вамъ оставлять ихъ безъ попеченія, безъ вниманія, въ пренебреженіи? Ангели ихъ *на небесѣхъ*, и нисходятъ для нихъ на землю: вы ли не захотите наклонить вашу земную гордость къ ихъ малому возрасту? Ангели ихъ *выну видятъ лице Отца Небеснаго*, и отъ сего блаженнаго созерцанія обращаютъ взоръ къ пеленамъ и колыбели, и слухъ къ плачу или лепетанію младенца; вамъ ли покажется или скучнымъ, или малымъ дѣломъ попеченіе о малыхъ сихъ? И кто же посылаетъ Ангеловъ къ младенцамъ человѣческимъ? Кто, какъ не Самъ Творецъ Ангеловъ и человѣковъ?

Держась слова Господня, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ осмотрительно должно быть вниманіе къ дѣтямъ и попеченіе о нихъ. *Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ*. Остерегайтесь, чтобы такое пренебреженіе не прокралось, тогда какъ вы не расположены предаться оному съ сознаніемъ. *Блюдите*, родители и воспитатели, *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ*, которыхъ вы родили, которыхъ вы воспитываете. Вы, можетъ быть, не подозрѣваете и возможности сего презрѣнія: потому-то и сказано: будьте осмотрительны, остерегайтесь, *блюдите*.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если они по опыту принадлежатъ кормилицѣ, нянѣ, надзирательницѣ, болѣе, нежели отцу и матери, и болѣе, нежели то нужно. Природа, или лучше, Творецъ природы, одной и той же особѣ матери даетъ и млеко кормилицы, и заботливость няни. Правда, что раздѣлять сіи служенія нерѣдко, больше или меньше, заставляютъ, то немощь матери, то ея другія обязанности; но если сіе дѣлается только по склонности къ беззаботной жизни, по необдуманному подражанію примѣрамъ подобной безпечности, то лучше бы подумать доброй матери, отнимать ли мать вдругъ у двухъ младенцевъ,— и у младенца кормилицы, и у своего собственнаго, и заставлять ли своего младенца пить изъ груди кормилицы, можетъ быть, тоску по оставленномъ ею собственномъ дѣтищѣ, вмѣсто того, чтобы онъ пилъ любовь изъ груди своей матери. Мать, которая кормитъ и носитъ на рукахъ своего младенца, отецъ, который, въ минуты отдыха отъ своихъ дѣлъ, также беретъ его на руки и учитъ его первымъ наименованіямъ того, что̀ священно и любезно, — *блюдите, да не презрите*,—дѣлаютъ и прекрасное, и важное дѣло: они наслаждаются сими занятіями, дитя также наслаждается; и въ то же время любовь и доброта родительская непрестанно сѣетъ въ сердце дитяти сѣмена дѣтской любви и доброты, и раннимъ и обильнымъ сѣяніемъ приготовляетъ многоплодную жатву.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если хотятъ только забавлять ихъ, и забавляться ими, и особенно тогда, какъ настаетъ время болѣе учить ихъ, нежели забавлять.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если и учатъ ихъ, но болѣе пріятному, нежели полезному. Искусства и познанія пріятныя доставляютъ жизни человѣческой, такъ сказать, приправы и лакомства, а не хлѣбъ и пищу: не странно ли было бы заботливо собирать къ столу, какъ можно болѣе, приправъ и лакомствъ, и не заботиться о томъ, будетъ ли хлѣбъ и пища?

Небрегутъ о дѣтяхъ, если старательнѣе учатъ ихъ полезному для жизни временной, нежели спасительному для души безсмертной; если тщательнѣе меблируютъ ихъ голову наборомъ словъ и понятій, нежели воздѣлываютъ вертоградъ ихъ сердца, исторгая изъ него дикія травы неправильныхъ склонностей и привычекъ, насаждая въ немъ

благія чувствованія къ добродѣтели, ограждая его отъ вѣтровъ легкомыслія и отъ бурь страстей; если при воспитаніи не довольно помнятъ и не довольно употребляютъ въ дѣло, сколь важное само по себѣ, столь же благодѣтельное для всѣхъ отраслей познанія, начало ученія: *начало премудрости страхъ Господень: разумъ же благъ всѣмъ творящимъ его* (то есть, хорошія познанія хороши для тѣхъ, которыя употребляютъ ихъ на хорошія дѣла); *благочестіе же въ Бога начало чувства* (Притч. I, 7). Вы обработываете въ дѣтяхъ будущихъ гражданъ, воиновъ, словесниковъ, письмоводцевъ, художниковъ, промышленниковъ: хорошо; но *блюдите, да не презрите*—не пренебрегите того, что̀ еще лучше, того самаго, въ обработываніи чего хотятъ помочь вамъ *Ангели ихъ*, которые *на небесѣхъ выну видятъ лице Отца вашего Небеснаго*,—не пренебрегите образованія въ нихъ сыновъ Церкви, приготовленія будущихъ гражданъ неба (Изъ слова въ день рожденія Государя Императора). Т. II-й, стр. 161—162.

Запрещеніе Апостолами тайному послѣдователю Іисуса Христа творить чудеса (Марк. IX, 38—44. Лук. IX, 49—50).

Изъясненіе изрѣченія Іисуса Христа: кто не противъ васъ, тотъ за васъ (Матѳ. IX, 40. Лук. IX, 50).

(А. Б—ва).

Во время путешествія Евреевъ по пустынѣ Аравійской, они возроптали однажды на Моусея за недостатокъ мяса. Такъ какъ это не первый былъ случай несправедливаго неудовольствія и возмущенія народа противъ своего вождя, то ропотъ сей сильно опечалилъ Моусея, и онъ молилъ Бога или умертвить его, или же дать ему помощниковъ въ управленіи такимъ безпокойнымъ народомъ. Въ отвѣтъ на эту мольбу Господь сказалъ Моусею: «собери Мнѣ семьдесятъ мужей изъ старѣйшинъ Израилевыхъ... и возьми ихъ къ скиніи собранія, чтобы они стали тамъ съ тобою. Я сойду и буду говорить тамъ съ тобою, и возьму отъ Духа, Который на тебѣ, и возложу на нихъ, чтобы они несли съ тобою бремя народа, а не одинъ ты носилъ». «Моусей... собралъ семьдесятъ мужей изъ старѣйшинъ народа и поставилъ ихъ около скиніи. И сошелъ Господь въ облакѣ и говорилъ съ нимъ, и взялъ отъ Духа, Который на немъ, и далъ семидесяти мужамъ старѣйшинамъ. И когда почилъ на нихъ Духъ, они стали пророчествовать, но потомъ перестали. Двое изъ мужей оставались въ станѣ; одному имя Елдадъ, а другому имя Модадъ; но и на нихъ почилъ Духъ... и они пророчествовали въ станѣ. И прибѣжалъ отрокъ и донесъ Моусею, и сказалъ: Елдадъ и Модадъ пророчествуютъ въ станѣ. Въ отвѣтъ на сіе Іисусъ, сынъ Навинъ, служитель Моусея, одинъ изъ избранныхъ его, сказалъ: господинъ мой Моусей, запрети имъ. Но Моусей сказалъ ему: не ревнуешь ли ты за меня? О, если бы всѣ въ народѣ Господнемъ были пророками, когда бы Господь послалъ Духа Своего на нихъ!»

Вотъ фактъ, разсказанный бытописателемъ въ высшей степени просто, безъ всякихъ прикрасъ, разсужденій и поясненій, какъ и всѣ другія его повѣствованія. Между тѣмъ онъ заслуживаетъ того, чтобы надъ нимъ задуматься. По распоряженію Божественному, Моусей долженъ былъ изъ старѣйшинъ Израиля избрать себѣ помощниковъ въ управленіи народомъ и собрать ихъ около скиніи, гдѣ они имѣли исполниться Духа Божія. Такъ это и было: избранные собрались около скиніи, гдѣ они пріяли Духа Божія

и стали пророчествовать, т. е. съ чрезвычайнымъ воодушевленіемъ славить Бога и назидать окружающихъ въ Боговдохновенныхъ рѣчахъ и пѣсняхъ. Это-то обстоятельство и возбудило недовольство въ Іисусѣ сынѣ Навина. Онъ былъ «служитель Моусея», т. е. самое приближенное къ нему лицо, исполнитель его предначертаній и порученій и въ то же время самый благоговѣйный почитатель его. «Господинъ мой Моусей, запрети имъ», сказалъ онъ своему великому вождю при извѣстіи объ Елдадѣ и Модадѣ. Какія же мысли и чувствованія взволновали духъ преданнаго слуги Моусея? Отвѣтъ на это даетъ намъ самъ Моусей. «Не ревнуешь ли ты за меня?» сказалъ онъ въ отвѣтъ Іисусу. «О, если бы всѣ въ народѣ Господнемъ были пророками, когда бы Господь послалъ Духа Своего на нихъ!» Будущій преемникъ Моусея въ служеніи вождя народа Израильскаго, имѣвшій докончить его дѣло спасенія Израиля отъ чужеземнаго ига, и вмѣстѣ съ этимъ будущій носитель даровъ Духа, хотя и не въ той мѣрѣ, въ какой обладалъ ими Моусей,—Іисусъ Навинъ сейчасъ еще не стоялъ на такой высотѣ духовнаго совершанія, которая бы приближала его къ Боговдохновенному Моусею. Съ безграничнымъ уваженіемъ относясь къ великому вождю Израиля, онъ смотритъ на него, какъ на такого посредника между Богомъ и народомъ, отъ воли котораго зависитъ всякое дѣло, всякое событіе въ народѣ Божіемъ; ничему не должно быть, на что̀ не изошло благословеніе устъ его, ничто не должно быть безъ его участія, посредства и воли. Нѣтъ причинъ предполагать, будто Іисусъ Навинъ усомнился въ наитіи на Елдада и Модада Святаго Духа; но онъ думалъ, что если они освящены Святымъ Духомъ для сотрудничества Моусею, то должны были въ присутствіи его, въ знакъ зависимости отъ него, употребить полученный даръ пророчества. И вотъ, какъ скоро было возвѣщено, что Елдадъ и Модадъ пророчествуютъ, между тѣмъ какъ они не были при скиніи, какъ это должно было быть по распоряженію Моусея,—Іисусъ Навинъ смотритъ на это, какъ на своеволіе и на столь же своевольное присвоеніе себѣ достоинства помощниковъ вождя Израильскаго,—словомъ, на нѣкоторый ущербъ чести и власти Моусея. Не такъ посмотрѣлъ на это Моусей. Вѣсть о пророчествѣ Елдада и Модада исполнила его радостью. Моусей далъ понять Іисусу, что не только не обижается на двухъ мужей, пророчествующихъ безъ его вѣдома, вдали отъ него и отъ скиніи, но что не почелъ бы униженіемъ для своего достоинства, если бы даръ пророчества сдѣлался достояніемъ всего народа. Моусей заботился объ одной славѣ Божіей и въ служеніи народу своему совершенно забывалъ себя и даже нѣкогда высказывалъ желаніе и готовность быть вычеркнутымъ изъ книги жизни, если только правосудіе Божіе приметъ это, какъ искупленіе за грѣхъ народа!

Подобно Іисусу Навину при жизни Моусея Апостолы Христовы во время земной жизни Спасителя были далеко не столь совершенными духовно, какими они явились предъ міромъ со дня первой христіанской Пятидесятницы послѣ полнаго освященія и просвѣщенія отъ Духа Святаго. Близость къ Господу, Его ученіе постепенно преобразовывали ихъ, развивали ихъ смыслъ, очищали ихъ сердце, и къ кануну Его смерти они достигли уже такой духовной высоты, что Господь находилъ нужнымъ омыть только ноги ихъ, признавая тѣло ихъ въ цѣломъ чистымъ (Іоан. XIII, 10). Однакоже

незадолго предъ этимъ Онъ долженъ былъ сдѣлать замѣчаніе даже о любимомъ ученикѣ Своемъ Іоаннѣ и братѣ его Іаковѣ: «не знаете, какого вы духа» (Лук. IX, 55—56). Да и наканунѣ Своей смерти Онъ говорилъ Апостоламъ: «еще многое имѣю сказать вамъ; но вы теперь не можете вмѣстить» (Іоан. XVI, 12). Скорому возвышенію ихъ до той духовной высоты, на которую они должны были взойти, какъ продолжатели дѣла Христова на землѣ, препятствовало особенно то, что они не чужды были плотскихъ воззрѣній на обѣтованнаго Мессію и Его Царство. Вмѣстѣ съ другими Іудеями они ожидали, что Мессія, явившись на землѣ, устроитъ царство видимое, со всѣми чертами царствъ земныхъ. При такомъ представленіи мессіанскаго царства, на себя они смотрѣли не иначе, какъ на приближенныхъ къ Мессіи—царю лицъ, которымъ однимъ суждено раздѣлять съ Нимъ власть и судъ. И чѣмъ болѣе они любили Господа, тѣмъ болѣе каждый изъ нихъ желалъ быть ближе къ Нему; а это желаніе, при ихъ плотскихъ надеждахъ на Мессію, превращалось въ желаніе быть больше другихъ въ Царствѣ Его. И вотъ разсуждая однажды между собою о той участи, какая ихъ ожидаетъ съ открытіемъ Христова Царства, они стали спорить между собою: кто изъ нихъ больше въ Царствѣ Небесномъ? Это не укрылось отъ всевѣдущаго Господа, и Онъ, вопросомъ о предметѣ ихъ разсужденій, вызвалъ ихъ на признаніе, что они вели честолюбивый и властолюбивый споръ о первенствѣ. Тогда Господь сказалъ: «кто хочетъ быть первымъ, будетъ изъ всѣхъ послѣднимъ и всѣмъ слугою». Послѣ этого Господь поставилъ среди Апостоловъ дитя и, обнявъ его, сказалъ имъ: «истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное. Итакъ, кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ Царствѣ Небесномъ. Кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, говорилъ Онъ имъ далѣе, тотъ Меня принимаетъ» (Матѳ. XVIII, 1—6. Марк. IX, 33—37).

Итакъ изъ всего этого Апостолы должны были научиться, что хотя они и будутъ первыми людьми въ Царствѣ Небесномъ, но должны будутъ вести себя въ отношеніи къ прочимъ членамъ Царства Божія совсѣмъ въ иномъ духѣ, нежели какъ вели себя тогдашніе учители и руководители народа Іудейскаго—книжники и фарисеи: они должны были не властвовать надъ христіанами, обращая всѣхъ въ услуженіе себѣ, а служить имъ. И чѣмъ меньше членъ Царства Христова, тѣмъ большею заботливостью должно окружать его, такъ что дѣти, еще не пріобрѣтшіе дѣлами вѣры и любви никакихъ заслугъ предъ Богомъ и лишь только простосердечно вѣрующіе во Христа, должны составлять предметъ самаго отеческаго благопопеченія Апостоловъ, какъ главныхъ учителей и руководителей въ Церкви Христовой. Апостолы, споря о первенствѣ, сравнивали себя съ прочими послѣдователями Христа, менѣе близкими къ Нему, и съ маловѣрными, сейчасъ еще робкими исповѣдниками Его, не всегда за Нимъ слѣдовавшими, а лишь время отъ времени; сравнивали себя съ ними и такъ высоко ставили себя въ сравненіи особенно съ послѣдними, что, быть можетъ, не считали ихъ и достойными пока быть членами Царства Христова. Господь же указываетъ имъ, что дѣти по духу, какъ и дѣти въ собственномъ смыслѣ, должны пользоваться самою теплою ихъ любовью и самымъ заботливымъ вниманіемъ. Когда такъ поня-

ли Апостолы урокъ Христа, Іоаннъ вспомнилъ, что они не всегда поступали согласно съ этимъ Его ученіемъ: «Учитель?» сказалъ онъ, «мы видѣли человѣка, который именемъ Твоимъ изгоняетъ бѣсовъ, а не ходитъ за нами; и запретили ему, потому что не ходитъ за нами».

Если читатель припомнитъ случай, бывшій съ Іисусомъ Навиномъ, о которомъ мы выше разсказали, то онъ легко примѣтитъ, что случай этотъ по существу одинаковъ съ тѣмъ, что повѣдалъ Іисусу Христу Іоаннъ объ Апостолахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ недоразумѣніе было относительно пользованія даромъ Божественнымъ—тамъ пророчествовать, здѣсь изгонять бѣсовъ; недоразумѣніе возникло въ томъ и другомъ случаѣ отъ того, что даромъ Божественнымъ пользовались люди, которые, повидимому, не имѣли на то права; причина, по которой не хотѣли признавать за ними этого права, по существу точно также одинакова въ обоихъ случаяхъ: въ первомъ случаѣ она состояла въ томъ, что пророчествовавшіе не явились предъ скинію, оставались въ стану, и такимъ образомъ пророчествовали вдали отъ Моусея и, повидимому, независимо отъ него; во второмъ—та, что тайный послѣдователь Христа не слѣдовалъ за Нимъ вмѣстѣ съ Апостолами, что подавало поводъ думать, что онъ изгоняетъ бѣсовъ, своевольно пользуясь чудодѣйственнымъ именемъ Іисуса Христа. А отсюда должно заключать, что и неразумная ревность о славѣ Іисуса Христа была точно также у Апостоловъ, какъ у Іисуса Навина была таковая же ревность о славѣ Моусея. Послѣ этого сравненія уже не трудно понять истинный смыслъ разсматриваемаго изрѣченія.

У Іисуса Христа было много послѣдователей, которые всѣ носили общее имя «учениковъ». Однакоже не всѣхъ ихъ Господь одинаково приблизилъ къ Себѣ и не всѣхъ дарилъ одинаковымъ довѣріемъ; лишь двѣнадцать человѣкъ Онъ избралъ изъ числа многихъ Своихъ учениковъ, чтобы ввести во внутреннѣйшее общеніе съ Собою. Этихъто учениковъ, названныхъ Имъ Апостолами, Онъ преимущественно облекъ властью творить чудеса именемъ Его, чтобы подкрѣплять ими проповѣдь Свою о наступленіи временъ Мессіи. Высоко цѣня довѣріе Христово, дарованное Имъ полномочіе творить чудеса, Апостолы являли безконечную преданность Христу. А преданность Христу при тогдашнихъ обстоятельствахъ вѣрующій могъ свидѣтельствовать всего яснѣе именно постоянствомъ слѣдованія за Нимъ, ибо Господь былъ ненавидимъ и гонимъ властями Іудейскими и вліятельными въ іудействѣ лицами—книжниками и фарисеями. Поэтому для нихъ непонятно было, какъ это можетъ кто либо не слѣдовать вмѣстѣ съ ними за Христомъ, и въ то же время пользоваться властью именемъ Его изгонять бѣсовъ, творить чудо и притомъ, по ихъ понятіямъ, величайшее (Лук. X, 17). А между тѣмъ, ходя по городамъ и селеніямъ съ проповѣдью о приближеніи Царства Небеснаго, они встрѣтили именно такого человѣка. Какъ же они могли отнестись къ нему? Плотской смыслъ тогдашняго іудейства и особенно духъ нетерпимости, столь свойственный фарисейству, тотчасъ отразился на нихъ при этомъ случаѣ. Изъ повода, по которому Іоаннъ передалъ Іисусу Христу объ этомъ случаѣ, можно усматривать, что Апостолы видѣли въ этомъ чудотворцѣ вѣрующаго во Спасителя. Но что онъ не слѣдовалъ вмѣстѣ съ ними за Христомъ, этого они не могли терпѣть; душевная настроенность ихъ въ этомъ

случаѣ требовала, чтобы подобные вѣрующіе во Христа были одинаковы съ ними во внѣшнемъ выраженіи своей вѣры; иначе ихъ чистосердечная, хотя и не совсѣмъ разумная, ревность о вѣрѣ оскорблялась, и они думали, что выразятъ особенную ревность о Христѣ, если запретятъ изгонять бѣсовъ именемъ Его человѣку, не слѣдовавшему за Нимъ.

А между тѣмъ этотъ человѣкъ, изгонявшій бѣсовъ именемъ Іисуса Христа, очевидно, былъ вѣрующій въ Него, хотя еще и нетвердый исповѣдникъ Его. Нетвердость его вѣры видна изъ того, что онъ не имѣлъ мужества слѣдовать за Христомъ; значительная же сила его вѣры свидѣтельствуется тѣмъ, что онъ удостоился отъ Христа такого высокаго дара, котораго Господь лишалъ иногда, въ частныхъ случаяхъ, и самихъ Апостоловъ (Матѳ. XVII, 14 и т. д.). Это былъ, слѣдовательно, тайный ученикъ или послѣдователь Христа, подобно Никодиму (Іоан. III) невѣдомый людямъ, но видимый всевѣдущимъ и вездѣприсущимъ Господомъ; не слѣдуя внѣшне за Христомъ, онъ однако былъ тѣсно связанъ съ Нимъ чисто духовными узами. Но такъ какъ все-таки вѣра его далека была отъ совершенства и даже болѣе—была нетверда, то очевидно, что онъ находился въ такомъ духовномъ состояніи, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ могъ сдѣлаться мужественнымъ исповѣдникомъ Христа, въ случаѣ же трудныхъ испытаній вѣры, напротивъ, совсѣмъ могъ уклониться отъ Него. Вѣра его нуждалась въ питаніи, въ средствахъ для своего укрѣпленія и развитія. Одно изъ такихъ средствъ и даровалъ ему всемилостивый Господь, сообщивъ его вѣрѣ силу совершать чудеса именемъ Его; постоянно исцѣляя бѣсноватыхъ именемъ Христа, онъ болѣе и болѣе долженъ былъ укрѣпляться въ вѣрѣ въ Спасителя и Господа. Но вотъ встрѣчается онъ съ Апостолами, и они запрещаютъ ему изгонять бѣсовъ именемъ Іисуса Христа на томъ основаніи, что онъ внѣшне не слѣдуетъ вмѣстѣ съ ними за Господомъ: это было испытаніемъ для его слабой вѣры и быть можетъ испытаніемъ великимъ, труднымъ. Кто знаетъ, смогъ ли бы онъ перенести это испытаніе? Требованія внѣшняго послѣдованія за Христомъ, какъ необходимаго условія, чтобы имѣть право пользоваться именемъ Его для совершенія чудесъ, онъ не могъ понять; онъ видѣлъ только суровость, строгость въ отношеніи къ себѣ первѣйшихъ учениковъ Того, въ Кого онъ вѣровалъ и, по общей всѣмъ людямъ грѣховности, могъ раздражиться этимъ; а отнятіе власти творить чудеса именемъ Христа могло ослабить и вѣру его въ спасительность этого имени. Послѣ этого должно быть понятно для насъ, почему Іисусъ Христосъ на разсказъ Іоанна о запрещеніи Апостолами тайному ученику Его изгонять бѣсовъ именемъ Его,—разсказъ въ которомъ слышался вопросъ: «справедливо ли мы поступили?»—отвѣтилъ: «не запрещайте ему; ибо никто, сотворившій чудо именемъ Моимъ, не можетъ вскорѣ злословить Меня; ибо кто не противъ васъ, тотъ за васъ. И кто напоитъ васъ чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы; истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему жерновный камень на шею, и бросили его въ море». Есть различныя степени вѣры во Христа, но каждый получитъ за вѣру свою награду отъ Господа. Бываютъ лица, проявляющія лишь сочувствіе къ христіанской вѣрѣ тѣмъ,

что подаютъ путнику-христіанину чашу воды и именно потому, что онъ—христіанинъ; но и такія лица будутъ вознаграждены отъ Господа. Творящій же чудеса именемъ Іисуса Христа тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что онъ стоитъ на значительной ступени вѣры; онъ не только сейчасъ не противникъ Христа, но даже и въ будущемъ, несомнѣнно, онъ не вскорѣ перейдетъ въ лагерь враговъ Его, какъ-бы много искушеній къ тому ни пришлось пережить ему. Однакоже онъ можетъ сдѣлаться противникомъ Христа, и потому съ нимъ нужно обходиться особенно осмотрительно и осторожно, чтобы не положить препонъ его вѣрѣ, не соблазнить его къ отпаденію отъ Христа, что̀ было бы величайшимъ грѣхомъ и навлекло бы на соблазнителя тягчайшее наказаніе. А для этого нужно снизойти къ сравнительно низкой степени вѣры его и пока не требовать отъ него того, чего онъ не можетъ сдѣлать по своему духовному несовершенству; хотя онъ и не совершаетъ подвиговъ вѣры, какихъ справедливо требовать отъ совершенныхъ, но все-таки онъ не противникъ Христу; онъ не совершаетъ ихъ потому, что не въ силахъ совершить ихъ, а потому нужно быть снисходительнымъ къ нему въ этомъ отношеніи.

Изъ этихъ двухъ разсмотрѣнныхъ нами, сходныхъ фактовъ, ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго, всякій можетъ усмотрѣть, какъ глубоко истинно и справедливо дѣйствуетъ наша Русская Православная Церковь, когда она не отталкиваетъ отъ себя всѣхъ безъ различія неразумныхъ приверженцевъ старины, но тѣхъ изъ нихъ, которые послушны ученію вѣры, ею преподаваемому, и ея пастырскому водительству, пріемлетъ въ нѣдра свои, дозволяя имъ особенности во *внѣшнихъ* формахъ религіозно-церковной жизни, неимѣющихъ существеннаго значенія въ дѣлѣ вѣры (Душеп. Чт. 1880 г., ч. II, стр. 26—35).

О самоочищеніи и самоотверженіи (Марк. IX, 49).

(Еписк. Θеофана.)

Всякъ огнемъ осолится, и всяка жертва солію осолится. Предъ этимъ говорилъ Господь о томъ, что должно быть готовымъ на всякаго рода пожертвованія и на всякія дѣла самоотверженія, лишь бы устоять на добромъ пути. Хоть бы жертвы эти были дороги намъ, какъ глазъ, или необходимы какъ правая рука,—надо принесть ихъ, не задумываясь; ибо если пожалѣешь принесть такую жертву, а вслѣдствіе того увлечешься съ праваго пути на неправый, то принужденъ будешь въ будущей жизни страдать вѣчно. Итакъ принеси жертву,—болѣзненную и скорбную *здѣсь*, чтобы избѣжать мученій *тамъ*. Безъ огненнаго очищенія здѣсь нельзя быть спасену отъ огня вѣчнаго. Всякій, желающій быть спасеннымъ, долженъ быть осоленъ огнемъ, пройти огненное очищеніе. Всѣ мы, по закону сотворенія, должны принесть себя въ жертву Богу; но всякій изъ насъ нечистъ. Надо, значитъ, очистить себя, чтобы изъ насъ составилась жертва, пріятная Богу. Но стань себя очищать, отрывать страсти отъ души,—будетъ больно, какъ отъ обожженія огнемъ. Это дѣйствіе внутренняго самоочищенія похоже на дѣйствіе огня, очищающаго металлъ. Металлъ безчувственъ. Если бъ дать ему чувство, то онъ и очищеніе и жженіе чувствовалъ бы современно; это самое происходитъ и въ самоочищающемся человѣкѣ. Пройдя это дѣйствіе, онъ бываетъ какъ-бы весь пережженъ огнемъ. Очистительный огонь проходитъ по всѣмъ частямъ его, какъ соль проникаетъ осоляемое тѣло. И только тотъ, кто под-

вергается сему дѣйствію, бываетъ настоящею Богоугодною жертвою; потому и необходимо всякому быть осолену огнемъ, подобно тому, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ всякая жертва осолялась прежде принесенія ея во всесожженіе (стр. 468. Мысли на каждый день).

Василія Великаго на 50 ст. IX гл. Марка.

Что̀ значитъ та соль, которую повелѣлъ имѣть Господь, сказавъ: *имѣйте соль въ себѣ, и миръ имѣйте между собою* (Марк. IX, 50), и о которой Апостолъ говоритъ: *слово ваше, да бываетъ всегда во благодати, солію растворено* (Колосян. IV, 6)?

Здѣсь мысль видна изъ того, что поставлено въ связи съ каждымъ изъ сихъ мѣстъ. Ибо изъ словъ Господа научаемся не подавать никакого предлога къ разрыву и раздору другъ съ другомъ, всегда же въ союзѣ мира соблюдать себя къ единенію духа; а изъ словъ Апостола, кто помнитъ сказавшаго: *снѣстся ли хлѣбъ безъ соли? или есть вкусъ во тщихъ словесѣхъ* (Іов. VI, 6)? тотъ научится распоряжаться словомъ *къ созданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ* (Ефес. IV, 29), пользуясь удобствомъ времени и благообразіемъ порядка, чтобъ слушающіе сдѣлались болѣе благопокорными (Тв. св. оо., т. IX. Тв. Василія Великаго, ч. V, стр. 344).

Сущность и духъ церковной анаѳемы.

(*Никанора, архіепископа Херсонскаго.*)

Аще братъ твой и Церковь преслушаетъ,—буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь (Матѳ. XVIII, 17). Изъ ученія Іисуса Христа о томъ, какъ поступать съ тѣми, отъ кого происходятъ соблазны, истекаетъ учрежденіе анаѳемы въ Православной Церкви. Вотъ какъ слѣдуетъ поступать съ соблазнителями, по заповѣди Самого Христа.—Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, станетъ соблазнять тебя неправымъ ученіемъ, неправыми мыслями, развращающимъ словомъ, погибельнымъ примѣромъ,—ты поступи такъ: если братъ твой, твой единовѣрный, согрѣшитъ противъ тебя, согрѣшитъ противъ вашего единовѣрія, мыслью, словомъ или дѣломъ, обойдись съ нимъ осторожно, благоразумно и терпѣливо обличи его наединѣ между тобою и имъ однимъ. Если онъ послушаетъ тебя, то ты пріобрѣлъ брата твоего, сберегъ твоего единовѣрца для тебя, для твоей Церкви и для Бога.—Если же тебя одного не послушаетъ, то, чтобы не потерять его, своего брата, своего единовѣрца, для тебя, для твоей церкви и для Бога,—возьми съ собою еще одного или двухъ свидѣтелей—единовѣрцевъ и обличи его предъ этими свидѣтелями, чтобы они подкрѣпили твое слово, дабы подтвердилось слово устами двухъ или трехъ свидѣтелей. Если же не послушаетъ и ихъ и будетъ упорствовать въ своемъ невѣріи или еретическомъ мнѣніи,—повѣдай Церкви и ея предстоятелямъ. Если же братъ твой, твой единовѣрный, не послушаетъ и Церкви, то пусть онъ будетъ для тебя, какъ язычникъ и мытарь. Пусть онъ будетъ чужой для тебя, перестанетъ считаться твоимъ братомъ, твоимъ единовѣрцемъ, членомъ одной для васъ истинной Церкви Божіей. Вотъ заповѣдь Самого Христа объ анаѳемѣ. Вотъ ея значеніе и назначеніе! Вотъ ея происхожденіе отъ Самого Христа, Который однакоже говоритъ о Себѣ: «научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ».

Анаѳема есть учрежденіе кроткое, но и грозное, какъ кротокъ, но и грозенъ Самъ Христосъ, ея Учредитель.

И во-первыхъ, анаѳема значитъ не проклятіе. Этотъ смыслъ проклятія приданъ анаѳемѣ уже только впослѣдствіи, и приданъ по недоразумѣнію, по раз-

драженію человѣческихъ сердецъ, по удаленію нѣкоторыхъ отъ духа Христова, по непониманію смысла и духа словъ Христовыхъ.

Не подумайте однакоже, что приговоръ анаѳемы будетъ для анаѳемы незначителенъ. Нѣтъ. Есть таинственная связь между благорасположеніемъ людей и милостію Божіею къ человѣку. Непрощенный, неразрѣшенный, связанный на землѣ, онъ предстанетъ и въ горній міръ непрощеннымъ, неразрѣшеннымъ, связаннымъ въ своемъ грѣхѣ. «Аминь бо глаголю вамъ», подтверждаетъ сіе соображеніе Самъ Господь: «что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ».

Утверждаемъ далѣе, что Господь Іисусъ Христосъ завѣщалъ анаѳему только для грѣховъ ума, для грѣховъ противъ истины, для грѣховъ противъ Святаго Духа, но не противъ грѣховъ собственно воли, не противъ грѣхопаденій, покрываемыхъ покаяніемъ, но только противъ грѣховъ упорства и ожесточенія. Это видно изъ того, что тутъ же сряду выступилъ святый Апостолъ Петръ и предлагаетъ Господу вопросъ: «Господи! Если я обличу согрѣшающаго брата, и онъ покается, сколько же разъ долженъ я прощать моему брату», согрѣшающему противъ меня? «довольно ли до семи разъ»? Іисусъ же говоритъ ему: «не говорю тебѣ: до семи разъ, но до седмижды семидесяти разъ», т. е. прощай безъ конца, потому что и Отецъ Небесный, Котораго мы оскорбляемъ безпредѣльно, прощаетъ намъ по безпредѣльному Своему милосердію.

Обратите вниманіе. Потому-то и Церковь изрекаетъ анаѳему почти исключительно на прегрѣшенія ума, а не воли, на грѣхи упорства, но не грѣхопаденія; анаѳема не разбойникамъ, не ворамъ, не преступникамъ разнаго рода. Но анаѳема отвергающимъ бытіе Божіе, искупленіе, безсмертіе, будущій судъ и т. п. Отчего это? Что тяжелѣе? Что гибельнѣе? Что преступнѣе?

Тяжелѣе, преступнѣе, пагубнѣе грѣхи ума.—Грѣхи же воли неизбѣжны; всѣ мы въ беззаконіяхъ зачинаемся, во грѣсѣхъ рождаемся, и грѣшимъ ежечасно.—Пусть я разбойникъ, душегубецъ, грабитель, гнѣздилище многихъ и тяжкихъ преступленій. Но повергаюсь я въ прахъ предъ милосердіемъ Божіимъ и вопію гласомъ разбойника на крестѣ: «помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ». Ей! И для нашего покаянія возможенъ милосердый гласъ Господа, на крестѣ распятаго за грѣшниковъ: «аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раи». Пусть мнѣ стыдно и страшно взглянуть въ глаза людямъ. Я повергаюсь предъ всѣми въ прахъ: попирайте меня стопами, но простите меня грѣшнаго, отпустите, разрѣшите. И рабы Христовы простятъ: по заповѣди Христовой, обязаны простить. Сказано: прощай твоему брату, согрѣшающему противъ тебя и кающемуся, не семь разъ въ день, но до седмижды семидесяти разъ; прощай безъ мѣры, безъ числа и конца. Прощай даже заблужденія ума, недоразумѣнія, невѣдѣніе въ вѣрѣ, предубѣжденія и суевѣрія, если они не упорны, если люди, какъ дѣти, колеблются вѣтромъ разныхъ лжеученій. Ни одна христіанская душа не есть вмѣстилище непогрѣшимой всецерковной вселенской истины. Всякая болѣе или менѣе погрѣшаетъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но если кто сѣетъ ложь упорно какъ самъ діаволъ, отецъ лжи, сѣетъ, какъ человѣкоубійца, для человѣка убійства, для убійства душъ; если кто возстаетъ противъ утвержденной Христомъ, Его Апостолами, всею Вселенскою Церковію, всѣми возвышеннѣйшими умами христіанскаго чело-

вергается сему дѣйствію, бываетъ настоящею Богоугодною жертвою; потому и необходимо всякому быть осолену огнемъ, подобно тому, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ всякая жертва осолялась прежде принесенія ея во всесожженіе (стр. 463. Мысли на каждый день).

Василія Великаго на 50 ст. IX гл. Марка.

Что̀ значитъ та соль, которую повелѣлъ имѣть Господь, сказавъ: *имѣйте соль въ себѣ, и миръ имѣйте между собою* (Марк. IX, 50), и о которой Апостолъ говоритъ: *слово ваше, да бываетъ всегда во благодати, солію растворено* (Колосян. IV, 6)?

Здѣсь мысль видна изъ того, что поставлено въ связи съ каждымъ изъ сихъ мѣстъ. Ибо изъ словъ Господа научаемся не подавать никакого предлога къ разрыву и раздору другъ съ другомъ, всегда же въ союзѣ мира соблюдать себя къ единенію духа; а изъ словъ Апостола, кто помнитъ сказавшаго: *снѣстся ли хлѣбъ безъ соли? или есть вкусъ во тщихъ словесѣхъ* (Іов. VI, 6)? тотъ научится распоряжаться словомъ *къ созданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ* (Ефес. IV, 29), пользуясь удобствомъ времени и благообразіемъ порядка, чтобъ слушающіе сдѣлались болѣе благопокорными (Тв. св. оо., т. IX. Тв. Василія Великаго, ч. V, стр. 344).

Сущность и духъ церковной анаѳемы.

(*Никанора, архіепископа Херсонскаго.*)

Аще братъ твой и Церковь преслушаетъ,—буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь (Матѳ. XVIII, 17). Изъ ученія Іисуса Христа о томъ, какъ поступать съ тѣми, отъ кого происходятъ соблазны, истекаетъ учрежденіе анаѳемы въ Православной Церкви. Вотъ какъ слѣдуетъ поступать съ соблазнителями, по заповѣди Самого Христа.—Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, станетъ соблазнять тебя неправымъ ученіемъ, неправыми мыслями, развращающимъ словомъ, погибельнымъ примѣромъ,—ты поступи такъ: если братъ твой, твой единовѣрный, согрѣшитъ противъ тебя, согрѣшитъ противъ вашего единовѣрія, мыслью, словомъ или дѣломъ, обойдись съ нимъ осторожно, благоразумно и терпѣливо обличи его наединѣ между тобою и имъ однимъ. Если онъ послушаетъ тебя, то ты пріобрѣлъ брата твоего, сберегъ твоего единовѣрца для тебя, для твоей Церкви и для Бога.—Если же тебя одного не послушаетъ, то, чтобы не потерять его, своего брата, своего единовѣрца, для тебя, для твоей церкви и для Бога,—возьми съ собою еще одного или двухъ свидѣтелей—единовѣрцевъ и обличи его предъ этими свидѣтелями, чтобы они подкрѣпили твое слово, дабы подтвердилось слово устами двухъ или трехъ свидѣтелей. Если же не послушаетъ и ихъ и будетъ упорствовать въ своемъ невѣріи или еретическомъ мнѣніи,—повѣдай Церкви и ея предстоятелямъ. Если же братъ твой, твой единовѣрный, не послушаетъ и Церкви, то пусть онъ будетъ для тебя, какъ язычникъ и мытарь. Пусть онъ будетъ чужой для тебя, перестанетъ считаться твоимъ братомъ, твоимъ единовѣрцемъ, членомъ одной для васъ истинной Церкви Божіей. Вотъ заповѣдь Самого Христа объ анаѳемѣ. Вотъ ея значеніе и назначеніе! Вотъ ея происхожденіе отъ Самого Христа, Который однакоже говоритъ о Себѣ: «научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ».

Анаѳема есть учрежденіе кроткое, но и грозное, какъ кротокъ, но и грозенъ Самъ Христосъ, ея Учредитель.

И во-первыхъ, анаѳема значитъ не проклятіе. Этотъ смыслъ проклятія приданъ анаѳемѣ уже только впослѣдствіи, и приданъ по недоразумѣнію, по раз-

драженію человѣческихъ сердецъ, по удаленію нѣкоторыхъ отъ духа Христова, по непониманію смысла и духа словъ Христовыхъ.

Не подумайте однакоже, что приговоръ анаѳемы будетъ для анаѳемы незначителенъ. Нѣтъ. Есть таинственная связь между благорасположеніемъ людей и милостію Божіею къ человѣку. Непрощенный, неразрѣшенный, связанный на землѣ, онъ предстанетъ и въ горній міръ непрощеннымъ, неразрѣшеннымъ, связаннымъ въ своемъ грѣхѣ. «Аминь бо глаголю вамъ», подтверждаетъ сіе соображеніе Самъ Господь: «что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ».

Утверждаемъ далѣе, что Господь Іисусъ Христосъ завѣщалъ анаѳему только для грѣховъ ума, для грѣховъ противъ истины, для грѣховъ противъ Святаго Духа, но не противъ грѣховъ собственно воли, не противъ грѣхопаденій, покрываемыхъ покаяніемъ, но только противъ грѣховъ упорства и ожесточенія. Это видно изъ того, что тутъ же сряду выступилъ святый Апостолъ Петръ и предлагаетъ Господу вопросъ: «Господи! Если я обличу согрѣшающаго брата, и онъ покается, сколько же разъ долженъ я прощать моему брату», согрѣшающему противъ меня? «довольно ли до семи разъ»? Іисусъ же говоритъ ему: «не говорю тебѣ: до семи разъ, но до седмижды семидесяти разъ», т. е. прощай безъ конца, потому что и Отецъ Небесный, Котораго мы оскорбляемъ безпредѣльно, прощаетъ намъ по безпредѣльному Своему милосердію.

Обратите вниманіе. Потому-то и Церковь изрекаетъ анаѳему почти исключительно на прегрѣшенія ума, а не воли, на грѣхи упорства, но не грѣхопаденія; анаѳема не разбойникамъ, не ворамъ, не преступникамъ разнаго рода. Но анаѳема отвергающимъ бытіе Божіе, искупленіе, безсмертіе, будущій судъ и т. п. Отчего это? Что тяжелѣе? Что гибельнѣе? Что преступнѣе?

Тяжелѣе, преступнѣе, пагубнѣе грѣхи ума.—Грѣхи же воли нензбѣжны; всѣ мы въ беззаконіяхъ зачинаемся, во грѣсѣхъ рождаемся, и грѣшимъ ежечасно.—Пусть я разбойникъ, душегубецъ, грабитель, гнѣздилище многихъ и тяжкихъ преступленій. Но повергаюсь я въ прахъ предъ милосердіемъ Божіимъ и вопію гласомъ разбойника на крестѣ: «помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ». Ей! И для нашего покаянія возможенъ милосердый гласъ Господа, на крестѣ распятаго за грѣшниковъ: «аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раи». Пусть мнѣ стыдно и страшно взглянуть въ глаза людямъ. Я повергаюсь предъ всѣми въ прахъ: попирайте меня стопами, но простите меня грѣшнаго, отпустите, разрѣшите. И рабы Христовы простятъ: по заповѣди Христовой, обязаны простить. Сказано: прощай твоему брату, согрѣшающему противъ тебя и кающемуся, не семь разъ въ день, но до седмижды семидесяти разъ; прощай безъ мѣры, безъ числа и конца. Прощай даже заблужденія ума, недоразумѣнія, невѣдѣніе въ вѣрѣ, предубѣжденія и суевѣрія, если они не упорны, если люди, какъ дѣти, колеблются вѣтромъ разныхъ лжеученій. Ни одна христіанская душа не есть вмѣстилище непогрѣшимой всецерковной вселенской истины. Всякая болѣе или менѣе погрѣшаетъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но если кто сѣетъ ложь упорно какъ самъ діаволъ, отецъ лжи, сѣетъ, какъ человѣкоубійца, для человѣка убійства, для убійства душъ; если кто возстаетъ противъ утвержденной Христомъ, Его Апостолами, всею Вселенскою Церковію, всѣми возвышеннѣйшими умами христіанскаго чело-

вѣчества истины; если кто не пріемлетъ Царство Божіе, какъ кроткое и смиренное дитя, но гордо отвергаетъ его, какъ ожестѣлый врагъ истины,— о! такой творитъ грѣхъ противъ Духа Святаго! И сей грѣхъ, если не очищается покаяніемъ, не отпустится человѣку ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Такой грѣхъ второе распинаетъ Сына Божія, и для такого грѣха уже не обрѣтается другой искупительной жертвы. Такой грѣхъ подрываетъ самыя основы Церкви Божіей, и она какъ живое тѣло, защищая саму себя, испускаетъ вопль боли своего материнскаго сердца: анаѳема! (Прав. Обозр. 1885 г. I, стр. 453—455. 457—458.)

О томъ же, Амвросія, архіеп. Харьковскаго.

Мы не погрѣшимъ, если силу и смыслъ анаѳемы, изрекаемой Православной Церковію вреднымъ и неисправимымъ ея членамъ, выразимъ въ двухъ словахъ: «оставьте насъ». Вы (обратимся къ непокорнымъ членамъ Церкви) не вѣруете, какъ Господь повелѣлъ намъ вѣровать, вы пренебрегаете Его святыми заповѣдями, вы уничижаете Его святую благодать, вы издѣваетесь надъ уставами Его Церкви, которую Онъ создалъ, которую такъ любитъ, которую обѣщалъ хранить до конца міра, въ которой положилъ всѣ сокровища Своихъ искупительныхъ заслугъ; вы вносите въ эту Церковь свои разрушительныя воззрѣнія и ученія, вы глумитесь надъ церковными чиноположеніями, обрядами и обычаями; для васъ ничто въ Церкви не свято, ничто не дорого, вамъ ничего не нужно,— «оставьте насъ». Мы готовы быть въ мирѣ съ вами, какъ со всѣми согражданами, невѣдающими вѣры и закона Христова; мы можемъ быть и сосѣдями вашими, и сослуживцами, и сотрудниками въ дѣлахъ общежитія, но не въ единомысліи относительно предметовъ вѣры, не въ общеніи молитвъ и таинствъ, не въ союзѣ любви духовной, не въ раздѣленіи съ вами нашихъ надеждъ и упованій,—«оставьте насъ». Вы стали *язычниками*, отреклись отъ чистоты и полноты вѣры Христовой; вы по жизни стали для насъ тѣмъ, чѣмъ были *мытари* для древнихъ Евреевъ; мы такъ и понимаемъ васъ, какъ Господь повелѣлъ намъ васъ разумѣть: *буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь*. На это ваша свободная воля — быть тѣмъ, чѣмъ вы желаете, а наша обязанность смотрѣть на васъ и относиться къ вамъ такъ, какъ намъ повелѣно отъ Господа Іисуса Христа, въ Котораго мы вѣруемъ и отъ Котораго ожидаемъ вѣчнаго спасенія (Вѣра и Разумъ. 1886, январь. Изъ слова въ нед. Православія, стр. 279—280).

О важности единодушной молитвы (Матѳ. XVIII, 19).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Аминь глаголю вамъ, глаголетъ Христосъ Спаситель, *яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будетъ има отъ Отца Моего, Иже на небесѣхъ*. Что̀ значитъ, что двумъ обѣщаетъ Онъ сіе, а не одному?—Хощетъ вразумить насъ чрезъ сіе, что въ молитвѣ единодушное усердіе многихъ увеличиваетъ силу каждаго и всѣхъ. Уразумѣйте же и убѣдите себя, коль великую помощь предпріемлемому дѣлу обрѣсти можете, если столь многіе, какъ-бы едино и душею и сердцемъ, *совѣщаете о вещи, еяже просите отъ Отца Небеснаго*. И согласно съ симъ разумѣніемъ, просите Его единодушно, да даруетъ каждому изъ васъ свѣтъ усмотрѣть истинно полезное для общества, рѣшимость избрать оное, твердость держаться разумно избран-

наго, проницательность, чтобы не обмануться ложными видами, благонамѣренность, чтобы не увлечься пристрастіемъ или своекорыстіемъ, ревность къ общему благу, чтобы не вздремать въ лѣности тогда, какъ отечество обыкновеннаго требуетъ бодрствованія и дѣятельности (Изъ бесѣды предъ молебствіемъ и присягою Московскаго Дворянства. Ч. III, стр. 388.)

Василія Великаго на 20 ст. XVIII гл.

Поелику Господь сказалъ: *идѣже еста два, или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII, 20); то какъ можемъ удостоиться сего?

Собравшіеся въ чье либо имя, безъ сомнѣнія, должны знать намѣреніе собравшаго, и расположить себя сообразно съ онымъ, чтобы обрѣсти благодать благоугожденія, и не подпасть осужденію за злонамѣренность и нерадѣніе. Ибо званные кѣмъ-нибудь, если у звавшаго предположена цѣль—жать, готовятъ себя къ этому, и если у него цѣль—строить домъ, приготовляются къ постройкѣ дома; такъ и мы, призванные Господомъ, должны помнить, что говоритъ Апостолъ: *молю васъ азъ юзникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ неже звани бысте, со всякимъ смиреномудріемъ и кротостію, съ долготерпѣніемъ, терпяще другъ другу любовію, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира. Едино тѣло и единъ духъ, якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего* (Ефес. IV, 1—4). Яснѣе же все сіе представляетъ намъ Господь, въ обѣтованіи одному сказавъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Поэтому какъ у сего бываетъ обитель вслѣдствіе соблюденія имъ заповѣдей, такъ Господь пребываетъ посреди двоихъ, или троихъ, если сообразуемся съ волею Его. А собравшіеся недостойно и не по волѣ Господней, хотя, повидимому, собрались вмѣстѣ во имя Господне, услышатъ: *что Мя зовете: Господи, Господи! и не творите яже глаголю* (Лук. VI, 46)? (Тв. св. оо., т. IX, Тв. Василія Великаго ч. V, стр. 321—322.)

Изъясненіе притчи о неблагодарномъ должникѣ (Матѳ. XVIII, 21—35).

(Дмитрія, архіеп. Волынскаго.)

Въ одно время, когда Господь бесѣдовалъ о томъ, какъ надобно поступать, когда согрѣшитъ предъ нами въ чемъ либо братъ нашъ, Апостолъ Петръ, слушая поученіе Господне о прощеніи брату своему согрѣшеній его, спросилъ: *Господи, коль краты, аще согрѣшитъ въ мя братъ мой, и отпущу ли ему до седмь кратъ?* Господь отвѣчалъ ему: *не глаголю ти до седмь кратъ, но до седмдесятъ кратъ седмерицею*, т. е. сколько бы разъ ни согрѣшилъ предъ тобою братъ твой, должно прощать ему всегда; тѣмъ паче никогда и ни въ какомъ случаѣ не должно мстить ему. Въ объясненіе и подтвержденіе этой заповѣди Онъ сказалъ притчу, т. е. изобразилъ ученіе Свое въ примѣрѣ одного неоплатнаго должника, который былъ уже прощенъ и помилованъ, но за жестокость къ собрату своему преданъ опять жестокому мученію,—чтобы намъ легче было видѣть, что бываетъ съ тѣми, которые не прощаютъ своимъ ближнимъ согрѣшенія ихъ, и удобнѣе понять, что будетъ въ подобномъ случаѣ и съ нами.

Уподобися Царствіе Божіе человѣку царю, такъ началъ Господь Свою притчу. Т. е. Царство Божіе во многомъ похоже на земныя царства человѣческія,—безъ сомнѣнія, потому, что оно есть первообразъ всѣхъ царствъ

человѣческихъ, и послѣднія тѣмъ лучше и совершеннѣе, чѣмъ ближе уподобляются первому. Царствіе Божіе есть Святая Церковь Христова, нынѣ воинствующая на земли, но потомъ имѣющая явиться Церковію торжествующею и славною, вѣчно блаженнымъ Царствомъ Бога и Христа Его. Какъ въ царствахъ земныхъ есть царь и есть подданные, такъ и въ Царствѣ Божіемъ есть Царь и Глава—Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Которому *дадеся всякая власть на небеси и на земли*, Который посему есть *Царь царемъ и Господь господемъ*, *Емуже подобаетъ царствовати, дондеже положитъ враги Своя подножіе ногама Своима*. Есть и подданные,—это мы, вѣрующіе въ Господа Іисуса Христа, созданные Имъ изъ персти земной, искупленные Его честною Кровію отъ вѣчной погибели и за то обязавшіеся, при крещеніи во имя Его, вѣровать въ Него, какъ единаго истиннаго Бога со Отцемъ и Святымъ Духомъ, любить Его отъ всего сердца своего и отъ всея души своея, почитать и поклоняться Ему, какъ Господу, Владыкѣ и Творцу своему, повиноваться и служить Ему со всѣмъ усердіемъ и ревностью во всѣ дни жизни своей. Въ царствахъ земныхъ есть законы и постановленія, которыми опредѣляется кругъ и указуется порядокъ дѣйствій и отношеній всѣхъ подданныхъ и между собою взаимно и къ предержащей власти царя. Точнымъ и усернымъ исполненіемъ сихъ законовъ подданные снискиваютъ благоволеніе царя своего, а нарушеніемъ и преступленіемъ ихъ навлекаютъ на себя его гнѣвъ и наказаніе.

И въ Царствѣ Божіемъ есть священная Богоданная книга Завѣта, которая, открывая намъ волю Божію, излагая святыя и животворныя заповѣди Господни, научаетъ тому, какъ намъ вести себя и въ отношеніи къ Царю своему, Господу Іисусу Христу, и къ ближнимъ нашимъ, членамъ того же благодатнаго Царства, чтобы заслужить милость и благоволеніе Царя царствующихъ и не подвергнуться Его гнѣву и наказанію.

Уподобися Царствіе Божіе человѣку царю, иже восхотѣ стязатися о словеси съ рабы своими. Въ царствахъ земныхъ царь требуетъ по временамъ отчета отъ своихъ подданныхъ въ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей и въ совершеніи порученныхъ имъ дѣлъ. Такъ и въ Царствѣ Божіемъ Господь востребуетъ отъ насъ отчета во всѣхъ помыслахъ и желаніяхъ, словахъ и дѣлахъ нашихъ. Для сего Онъ предуставилъ отъ вѣка страшный и славный день суда и воздаянія, *и всѣмъ намъ подобаетъ явитися предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо яже съ тѣломъ содѣла или блага или зла.* Но и прежде этого страшнаго суда Господь потребуетъ отъ насъ отчета по смерти нашей, когда душа наша, разлучившись съ тѣломъ, явится въ мірѣ духовъ, когда по дѣламъ ея суждено ей будетъ или во свѣтлостяхъ святыхъ или же въ мрачной темницѣ духовъ ожидать послѣдняго суда Божія, послѣдняго опредѣленія участи своей на всю вѣчность Подданные земнаго царя не знаютъ напередъ, въ какое именно время имъ приведется давать отчетъ предъ царемъ своимъ, ибо это зависитъ отъ воли царя, *иже восхотѣ*—самъ, безъ всякаго сторонняго побужденія—*стязатися о словеси съ рабы своими:* тѣмъ паче во всякое время долженъ быть готовъ къ отчету рабъ Христовъ, ибо не вѣдаетъ, *въ оньже часъ Господь его пріидетъ.*

Наченшу же Ему стязатися, приведоша къ Нему единаго должника тмою талантъ. Не воздавая должной дани

царю, не исполняя своихъ обязанностей, не дѣлая того, чего требуетъ воля царя, подданный становится должникомъ предъ нимъ, и чѣмъ долѣе поступаетъ такимъ образомъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ и увеличивается его долгъ. Несчастный, о которомъ говорится въ притчѣ, былъ долженъ тмою талантовъ,—сумма, по древнему счету, чрезвычайно большая, долгъ совершенно неоплатный. Такъ и подданный Царя Небеснаго, гражданинъ благодатнаго Царства Христова, если не исполняетъ того, чего требуетъ отъ него законъ Божій, становится должникомъ предъ Богомъ, и чѣмъ долѣе живетъ во грѣхахъ, тѣмъ неоплатнѣе становится его долгъ. И кто изъ насъ можетъ думать, что онъ менѣе долженъ предъ правосудіемъ Божіимъ, нежели сей, упоминаемый въ притчѣ, должникъ предъ царемъ своимъ? Кто не долженъ примѣнить къ себѣ того суда, какой произнесъ надъ нимъ царь?

Не имущу же ему воздати. И что̀ воздалъ бы сей несчастный царю своему? Гдѣ нашелъ и чѣмъ пріобрѣлъ бы такое сокровище, которое равнялось бы тмѣ талантовъ? Несравненно болѣе великъ и потому совершенно неоплатенъ долгъ каждаго грѣшника предъ правосудіемъ Божіимъ. Что̀ бы онъ ни сдѣлалъ потомъ добраго, никогда не сдѣлаетъ больше того, что̀ обязанъ былъ сдѣлать по закону Божію; а грѣхъ все остается и останется навсегда грѣхомъ, долгъ останется долгомъ — невознаградимымъ ничѣмъ, и уплатить долга грѣховнаго нѣтъ у насъ ни возможности, ни средства.

Не имущу же ему воздати, повелѣ и Господь его продати и жену его и чада, и вся, елика имѣяше, и отдати, т. е. повелѣлъ лишить его всего имущества и отдать въ вѣчное рабство со всѣмъ его потомствомъ. Такъ и земные владыки не терпятъ и не могутъ терпѣть такихъ подданныхъ, которые, не исполняя своихъ обязанностей, оставаясь праздными тунеядцами, бременятъ собою общество—тѣмъ паче такихъ, которые, нарушая законы общественные, вредятъ всему обществу. Можетъ ли же быть терпимъ въ Царствѣ Божіемъ человѣкъ, который своими грѣхами и беззаконіями, своевольнымъ преступленіемъ заповѣдей Творца своего и Господа, сколько оскорбляетъ Его отеческую любовь и правду, столько же омрачаетъ собою свѣтлое Царство Божіе, вредитъ всему христіанскому обществу, внося въ него соблазны и развращеніе? Посему-то правосудіе Божіе лишаетъ грѣшника всѣхъ духовныхъ сокровищъ, которыми любовь Божія ущедрила человѣка, созданнаго по образу Божію и возсозданнаго во Христѣ на дѣла благая, отчуждаетъ его отъ наслѣдія жизни вѣчной и предаетъ рабству діавола и собственныхъ страстей его.

Но, по безконечной любви и милосердію Отца Небеснаго, намъ дарована возможность обрѣтать оправданіе и спасеніе въ Іисусѣ Христѣ, Единородномъ Сынѣ Божіемъ, Который *искупилъ отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятвою.* Намъ должно только съ живою вѣрою и искреннимъ раскаяніемъ и твердою надеждою обратиться къ милосердію Божію, какъ обратился помянутый въ притчѣ должникъ къ милосердію царя своего.

Падъ убо рабъ той, кланяшеся ему, глаголя: потерпи на мнѣ, и вся ти воздамъ. Для неоплатнаго должника нѣтъ другаго средства избавленія, какъ прибѣгнуть къ милосердію заимодавца; для безотвѣтнаго преступника нѣтъ другаго прибѣжища, кромѣ молитвы о помилованіи. Такъ и поступаетъ несчастный должникъ: онъ падаетъ къ

ногамъ господина своего, проситъ его снисхожденія и милости, умоляетъ его: *потерпи на мнѣ.* Такъ надобно поступать и намъ грѣшнымъ, если желаемъ избѣжать достойной казни по грѣхамъ нашимъ. Каждый грѣхъ ужасенъ первѣе всего тѣмъ, что оскорбляетъ величіе и святость Божію, Его безконечную любовь и правду; нарушаетъ законъ, которымъ держится весь порядокъ міра нравственнаго, возмущаетъ миръ и покой Царства Божія. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ сдѣлать ничего для удовлетворенія правдѣ Божіей, умиротворенія Царства Божія, для возстановленія попраннаго нами закона міра нравственнаго, для заглажденія безпорядковъ, вносимыхъ грѣхами нашими въ міръ Божій. Одинъ Господь Іисусъ Христосъ Своими страданіями за грѣхи наши, Своею крестною смертію и воскресеніемъ могъ совершить все сіе, *умиротворивъ всяческая Кровію креста Своего, аще земная, аще ли небесная.* Посему одна только живая вѣра въ Господа Іисуса Христа, пострадавшаго за грѣхи наши, одно живое упованіе на силу крестной смерти Его, одно искреннее раскаяніе во грѣхахъ своихъ, одна молитва сердца сокрушеннаго и смиреннаго могутъ снять съ насъ эту тяжкую вину грѣховъ нашихъ и оправдать насъ туне благодатію Христовою.

Несчастный должникъ обѣщаетъ царю уплатить долгъ свой: *потерпи на мнѣ, и вся ти воздамъ.* Очевидно, что это для него невозможно. Этимъ обѣщаніемъ онъ хочетъ только выразить свою готовность употребить съ своей стороны все, чтобы впередъ не только не увеличивать долга, но заглаждать по возможности и прежніе долги. И это необходимое условіе для каждаго кающагося и ищущаго оправданія и помилованія грѣшника. Безъ твердаго намѣренія престать отъ грѣха навсегда, не оскорблять величія Божія новыми беззаконіями, не возбуждать на себя гнѣва Божія новымъ преступленіемъ Его святыхъ и животворныхъ заповѣдей, покаяніе наше было бы неискренне, обращеніе къ Богу—лживое, молитва о прощеніи и помилованіи—недостойная милости. Съ другой стороны, если мы не можемъ ничего сдѣлать къ удовлетворенію правосудію Божію за грѣхи свои, то можемъ переносить, со смиреніемъ и покорностью волѣ Божіей, многоразличныя скорби и бѣдствія жизни, какъ праведное наказаніе за грѣхи наши. Для сего-то и заповѣдуется намъ взять крестъ свой и идти во слѣдъ Господа Іисуса Христа.

Изшедъ же рабъ той, обрѣте единаго отъ клевретовъ своихъ, иже бѣ долженъ ему стомъ пѣнязь (сумма весьма малая, а въ сравненіи съ тмою талантовъ совершенно почти ничтожная), *и емъ его давляше, глаголя: отдаждь ми, имже ми еси долженъ.* Не такъ ли поступаемъ и мы, когда помилованные Отцемъ Небеснымъ во Христѣ Іисусѣ, оправданные туне благодатію Божіею отъ безмѣрнаго множества грѣховъ нашихъ предъ Богомъ, гнѣваемся и злобствуемъ и за малыя оскорбленія, причиненныя собратомъ нашимъ, преслѣдуемъ и язвимъ его всѣми средствами, готовы мстить ему до самой смерти, не находимъ довольно словъ, чтобы выразить свою обиду, чтобы очернить и обвинить обидѣвшаго? А забываемъ о томъ, сколько разъ и какъ тяжко сами оскорбляемъ и словомъ и дѣломъ, и какъ злосчастна была бы наша участь, если бы всѣ когда либо оскорбленные нами захотѣли мстить намъ такимъ же образомъ.

Падъ же клеврет той на нозѣ его, молящеи его, глаголя: потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти. Казалось бы, какъ

не вспомнить при этомъ жестокосердому рабу, что онъ и самъ былъ теперь же въ положеніи неоплатнаго должника не предъ равнымъ себѣ рабомъ, а предъ Самимъ Царемъ своимъ Господомъ, но былъ помилованъ и прощенъ? Но злопамятство и любомщеніе заглушаютъ въ человѣкѣ всѣ чувства человѣческія и дѣлаютъ его звѣремъ. *Онъ же не хотяше, но ведъ, всади его въ темницу, дондеже воздастъ должное.* Т. е. за малый долгъ подвергъ его тому же самому наказанію, на которое осужденъ былъ самъ за цѣлую тму талантовъ, и отъ котораго избавленъ туне, по единому милосердію Царя своего.

Но такая безчеловѣчная жестокость раба лукаваго къ несчастному своему собрату тотчасъ сдѣлалась извѣстною царю. *Видѣвше же клеврети его бывшая, сжалишася зѣло, и пришедше возвѣстиша господину своему вся бывшая.* Такъ, и наши взаимные поступки другъ съ другомъ, и наши памятозлобные помыслы и чувства вѣдомы Сердцевѣдцу Богу. Святые Ангелы, неотступные приставники наши, съ болѣзнію и прискорбіемъ видя жестокость нашу другъ къ другу, возвѣщаютъ о томъ предъ лицемъ Отца Небеснаго. И не только злое дѣло любомщенія, но ни одинъ злобный помыслъ на брата своего, ни одно гнѣвливое и злостное движеніе сердца не утаится отъ всевидящаго ока Божія, и никто и ничто не сокроетъ насъ отъ Его карающаго гнѣва.

Тогда призвавъ его господинъ его, глагола ему: рабе лукавый, весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ: не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета своего, якоже и азъ тя помиловахъ? Не подобаше ли—изъ одной благодарности къ помиловавшему, изъ чувства радости о помилованіи, изъ состраданія къ бѣдному собрату своему, изъ одного даже житейскаго благоразумія, чтобы дать ему возможность и время уплатить долгъ свой? Несравненно виновнѣе предъ Отцемъ Небеснымъ мы, когда не прощаемъ другъ другу взаимныхъ оскорбленій и обидъ,—чѣмъ большее явлено надъ нами человѣколюбіе и милосердіе Божіе. Кто по жестокосердію своему не исполняетъ и этой не трудной заповѣди, тотъ самъ осуждаетъ себя на ту казнь, которая постигла жестокосердаго раба.

И прогнѣвався Господь его, предаде его мучителемъ, дондеже воздастъ весь долгъ свой. Т. е. за жестокость къ собрату опредѣлилъ взыскать съ него и тотъ долгъ, который былъ уже прощенъ, предать его вѣчному рабству и мученію.

Тако — заключаетъ Господь Свою притчу,—*и Отецъ Мой Небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшенія ихъ. Тако сотворитъ*, т. е. отвергнетъ отъ лица Своего и предастъ вѣчному мученію. Таковъ вѣчный и непреложный законъ правды! Таково неизбѣжное слѣдствіе жестокосердія къ ближнему! Ибо можетъ ли человѣкъ раздражительный и любомстительный быть въ Царствѣ Божіемъ, которое есть царство любви, мира и радости о Дусѣ Святѣ? (Православн. Обозр. 1876 г., т. III, стр. 642—649. 651—653.)

Библіографическій указатель къ XVIII гл. Еванг. Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) *Свят. Василія Великаго* о смиренномудріи, что такое и какъ пріобрѣтается? ч. IV. 319—321. V. 308—309. 423.

2) *Свят. Григорія Богослова* о смиренномудріи, кто имѣетъ оное, ч. III. 151.

3) *Св. Ефрема Сирина* о смиренномудріи. Тв., ч. III. 639, ч. II. 206.

4) *Преподобнаго Исаака Сирина* о смиренномудріи. Черты сей добродѣтели. 298, 299. 306 — 311. 336. 341. Въ чемъ состоитъ истинное и совершенное смиренномудріе? 341—343. Отношеніе между смиренномудріемъ и безмолвіемъ 308. 309. Признакъ смиренномудрія. 235. 455. Степени 341.

5) *Св. Василія Великаго* о соблазнѣ. Что̀ значитъ соблазнять? и какъ остеречься сего? ч. V. 244—247. Правила о предотвращеніи соблазновъ, ч. III. 401—404.

6) *Св. Ефрема Сирина* о томъ, что не должно соблазнять ближняго, и о правой жизни. 47.

7) *Св. Іоанна Златоустаго.* Бесѣда на Матѳ. XVIII, 13 — 14. Христіанское Чтеніе 1839 г. IV. 10—26.

8) *Блаж. Ѳеофилакта.* Изъясненіе Евангелія въ 11 нед. по Пятид. (Матѳ. XVIII, 23—35. Воскресное Чт., г. X. 190—192.

9) *Св. Іоанна Златоустаго.* Бесѣда на Матѳ. XVIII, 32 — 33. Воскресное Чтеніе, г. XVI. 169—171.

10) Марк. IX, 40. *Преподобнаго Исидора Пелусіота* на слова: *иже нѣсть на ны, по насъ есть*, ч. II. 75.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

11) Ст. 3. Подражаніе дѣтямъ. Христіанское Чт. 1831 г., ч. 42. 173 — 208. Тамъ же 1851 г. II. 463—478.

12) Подражаніе дѣтямъ. Воскресное Чт., г. XXVIII. I. 464—473. 491—498.

13) *Прот. Нечаева.* Въ какихъ отношеніяхъ взрослые должны подражать дѣтямъ? Душеп. Чт. 1869 г. III. 298—302.

14) *Гизо.* Іисусъ Христосъ и дѣти. Прав. Обозр. 1865 г. XVI. 250—256.

15) Мысли еп. Ѳеофана на нѣкоторыя мѣста изъ XVIII гл. Матѳея. Домашн. Бес. 1871 г. Вып. 29. 32. 34.

16) Ст. 6. Жерновъ осельскій. Библ. п. сл. Воскресное Чтеніе 1875 г. I. 192.

17) Ст. 7. Соблазнъ. Христ. Чт. 1854 г. I. 528—540.

18) Ст. 10. *Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ.* Воскресное Чтеніе, г. IX. 272. 277.

19) Ст. 10. Разсужденіе объ Ангелѣ Хранителѣ на тотъ же ст. Христіанское Чтеніе 1823 г. XI. 301.

20) Ст. 10. Ангелъ Хранитель. Воскресное Чтеніе, г. II. 168—170.

21) Ст. 10—18. *А. В.* Евангельское чтеніе въ 1 недѣлю Великаго поста. Воскресное Чтеніе, г. XXV. 1154.

22) *А. Воскресенскаго.* О церковномъ судѣ. Душеп. Чт. 1869 г., ч. I. 341—349.

23) *Свящ. Предтеченскаго.* Прощеніе обидъ. Духовная Бесѣда 1873 г. I. 142—144. 148—150.

24) *А. Ф.* О прощеніи обидъ. Христ. Чт. 1862 г., ч. II. 298—312.

25) *Епископа Ѳеофана* о прощеніи обидъ. Дом. Бес. 1873 г. 1076—1077.

26) *М. Григорія.* Побудительныя причины къ прощенію обижающимъ насъ (Матѳ. XVIII, 32—33). Духовн. Бес. 1858 г. III. 69—75.

27) Объ обязанностяхъ христіанина по ученію Евангельскихъ притчей. Воскресное Чтеніе, г. XXXIV. I. 348—351.

28) Ст. 23—35. Притча о милостивомъ царѣ. Воскресное Чтеніе 1882 г. 173—175.

29) Ст. 23—35. Изъясненіе Евангелія Воскреснаго. Воскресное Чтеніе, г. III. 181, г. XXV. № 19. 511—517.

30) Ст. 23 — 35. Бесѣда священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ. Руков. для сел. паст. 1865 г. III. 5—7.

31) Ст. 23 — 35. Два должника. Евангельская притча. Прав. Собес. 1861 г. III. 67—85.

32) Лук. IX, 50. Воскресное Чтеніе, г. VII. 232.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

33) На Евангеліе Матѳ. гл. XVIII. Ст. 7. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О соблазнахъ. II. 45. 50. 54.

34) Ст. 23—35. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* Бесѣда на притчу о немилосердомъ рабѣ. Волын. Еп. Вѣд. 1876 г. № 18.

35) *Леонтія, архіепископа Варшавскаго.* Изъясненіе той же притчи. I. 57—58.

36) Ст. 20. *Филарета, митроп. Московскаго.* Объ обѣтованіи христіанской соборной молитвы и исполненіи его надъ первенствующею Церковію Апостольскою. IV. 463—464.

37) Ст. 33. *Филарета, митроп. Московскаго.* Изложеніе и приложеніе притчи о прощеніи согрѣшающихъ. IV. 57—61.

38) Ст. 35. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О прощеніи обидъ. I. 319—328.

Ветхозавѣтный праздникъ кущей.

Воспоминаніе великихъ благодѣяній, явленныхъ Богомъ Израилю, освящено было въ ветхозавѣтной церкви тремя великими праздниками: чудесное исшествіе изъ Египта—праздникомъ Пасхи, Синайское Законодательство—праздникомъ Пятьдесятницы, наконецъ, четыредесятилѣтнее странствованіе въ пустынѣ, исполненное знаменій и чудесъ—праздникомъ Кущей. Этотъ послѣдній, по словамъ Филона, величайшій изъ великихъ праздниковъ, по своей торжественности, извѣстенъ былъ даже языческимъ писателямъ, которые, впрочемъ, ошибались въ значеніи его, и въ празднованіи Богу Израилеву думали видѣть свое, языческое празднество. По установленію Божественному, праздникъ Кущей долженъ былъ продолжаться восемь дней, начиная съ 15 дня мѣсяца Тисри (октября). Въ теченіе всего этого времени, весь Израиль оставлялъ жилища свои и проводилъ дни и ночи въ кущахъ, нарочно устрояемыхъ изъ древесныхъ вѣтвей. По намѣренію Божію, праздникъ Кущей долженъ былъ возводить мысли Израиля ко временамъ предковъ и не только напоминать ему водительство Божіе въ пустынѣ, но и служить выраженіемъ благодарности къ Богу за благопріятную жатву. Кромѣ того, по мнѣнію нѣкоторыхъ, съ праздникомъ Кущей соединяли еще воспоминаніе перваго, по исходѣ изъ Египта, ополченія, сдѣланнаго у Сокхоѳа, при которомъ Израильтяне въ первый разъ раскинули кущи свои, и воспоминаніе поставленія и освященія скиніи въ пустыни, которое совпадало съ симъ праздникомъ.

Торжество праздника Кущей простиралось и на религіозную, и на домашнюю жизнь Евреевъ. Какъ въ одинъ изъ трехъ великихъ праздниковъ, въ которые, по закону, всякій мужескій полъ долженъ былъ являться въ храмъ предъ Господомъ (Исаія XXIII, 17)—въ праздникъ Кущей народъ стекался отвсюду въ Іерусалимъ, тѣмъ охотнѣе, что около этого времени оканчивались всѣ работы полевыя. Іерусалимъ и окрестности его представляли тогда величественную картину множества зеленѣющихъ кущей, раскинутыхъ по стогнамъ города, горѣ Елеонской и окрестнымъ возвышенностямъ. Народъ, съ ваіями въ рукахъ и восклицаніемъ: *Осанна*, восходилъ въ храмъ предъ Господа, гдѣ ежедневно многочисленныя жертвы возносимы были отъ имени всего Израиля; ибо, въ праздникъ Кущей, законъ повелѣвалъ возносить отъ всего сонма жертвъ гораздо болѣе, нежели во всѣ другіе праздники. Самый олтарь жертвенный въ это время украшали ваіями,—можетъ быть, въ память того, что Самъ Господь, во время странствованія Израиля въ пустыни, *бѣ ходя въ обиталищи, въ кущи* (2 Царств. VII, 6). Вокругъ его, ежедневно, совершали

родъ священной процессіи, въ которой всѣ участвовавшіе, держа въ рукахъ пуки изъ пальмовыхъ, ивовыхъ и миртовыхъ вѣтвей, восклицали: *Осанна!* отчего и самый праздникъ иногда называли: *великое Осанна;* а въ седьмой день его, олтарь обходили седмижды. Обрядъ сей вѣроятно напоминалъ чудесное взятіе Іерихона при Іисусѣ Навинѣ.

Другіе священные обряды, совершаемые въ храмѣ, еще болѣе возвышали торжество праздника: то были, такъ называемыя: возліяніе воды на жертвенникъ и возжженіе елея во храмѣ, въ притворѣ женъ. Еврейскіе учители первый изъ обрядовъ возводятъ ко временамъ Моусея и причисляютъ къ устнымъ заповѣдямъ его, но безъ всякаго основанія. Примѣръ Давида возлившаго при одномъ случаѣ воду въ жертву Господу (2 Царств. XXIII, 16), тоже не можетъ доказывать существованія сего обряда въ его время. Впрочемъ, можно думать, что во времена пророка Исаіи его уже совершали и что, примѣняясь къ нему, пророкъ таинственно говорилъ: *почерпите воду съ веселіемъ отъ источникъ спасенія* (Исаія XII, 3). Во времена Іисуса Христа онъ состоялъ въ томъ, что одинъ изъ священниковъ, въ сопровожденіи множества народа, исходилъ изъ храма къ источнику Силоамскому и, наполнивъ золотой сосудъ водою его, вносилъ ее, при звукѣ трубъ и пѣніи псалмовъ аллилуйныхъ (Псал. CXII — CXVII), чрезъ врата водные, во храмъ и возливалъ на олтарь въ жертву Богу. Обрядъ этотъ совершался ежедневно, въ теченіе первыхъ семи дней праздника, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣлъ цѣлью испросить у Бога обильный дождь, столь необходимый въ Палестинѣ для осенних посѣвовъ. На сей-то обрядъ таинственно указывая Спаситель *въ послѣдній великій день праздника стояше и звааше глаголя: аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ: вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. VII, 2, 37—38).

Другой замѣчательный обрядъ праздника Кущей состоялъ въ возжженіи свѣтильниковъ въ храмѣ, въ притворѣ женъ—ежедневно, по окончаніи вечерней жертвы. Для сего уготовляли тамъ четыре большіе свѣтильника, изъ коихъ каждый вмѣщалъ въ себѣ большое количество елея, такъ что, по словамъ раввиновъ, свѣтъ отъ нихъ разливался на весь Іерусалимъ. Левиты, стоя на ступеняхъ притвора, пѣли при этомъ псалмы степеней (Псал. CXIX—CXXXIII), а вельможи съ факелами въ рукахъ обходили вокругъ свѣтильниковъ въ священномъ ликованіи. Въ древности, царь, сидя на простой деревянной скамьѣ въ томъ же притворѣ женъ, читалъ народу нѣкоторые отрывки изъ Второзаконія, какъ повелѣлъ Моусей (Второзак. XXXI, 10). Но это совершалось только въ одни субботные годы.

Церковное торжество праздника Кущей отражалось и на домашней жизни Еврея. Не смотря на значительное охлажденіе воздуха въ мѣсяцѣ Тисри, каждый считалъ обязанностью проводить ночи и бо́льшую часть дня, — по закону въ кущи и, какъ символъ радости, носить въ рукахъ ваія *и плодъ древа красенъ* (по всей вѣроятности гранатъ) (Левит. XXIII, 40). Въ кущахъ учреждаемы были и тѣ вечери, которыя законъ предписывалъ по случаю принесенія десятинъ отъ жатвы, плодовъ, животныхъ и т. п., и на которыя повелѣвалъ приглашать не только родныхъ и друзей, но рабовъ и рабынь, левитовъ, вдовъ, сиротъ, странниковъ, и проч. (Второзак. XII, 11—12). Тамъ же читали законъ, воспоминали исторію

предковъ и пѣли псалмы Богу Израилеву; вообще, праздникъ Кущей отличался такою торжественностью, что многіе обряды его вошли въ народный обычай и употреблялись для выраженія народнаго восторга при какихъ либо радостныхъ событіяхъ. Такъ, народъ встрѣчалъ съ ваіями и восклицаніями: *Осанна*, Александра Великаго при входѣ его въ Іерусалимъ; такъ встрѣченъ былъ Агриппа, и наконецъ, Спаситель міра при торжественномъ вшествіи Его въ Іерусалимъ (Воскр. Чт., XI, стр. 297—299).

Къ повѣствованію Евангелиста Луки объ отшествіи Господа съ нѣкоторыми изъ учениковъ въ Іерусалимъ на праздникъ Кущей (IX, 51) чрезъ Самарію (IX, 52—62).

Не вѣсте, коего духа есте вы (Лук. IX, 55).

Сердцевѣдецъ обличаетъ учениковъ, хотѣвшихъ низвесть огнь съ неба на жителей, непринявшихъ къ себѣ Господа, въ незнаніи самихъ себя. Онъ какъ-бы такъ говоритъ имъ: «вы не знаете, какой въ васъ духъ, и несообразно съ нимъ говорите и мыслите. Духъ въ васъ духъ Моего ученія Евангельскаго и Моей любви, желающей всѣмъ спасенія; а вы хотите погубить цѣлое селеніе. Духъ, который въ васъ, есть огнь, но огнь животворящій; а вы ищете огня пожигающаго и убивающаго». *Не вѣсте, коего духа есте вы.*

Такое незнаніе самихъ себя бываетъ и у насъ. Случается, что люди, имѣя прекрасныя свойства ума и сердца, и изучившіе правила жизни, въ минуты омраченія душевнаго дѣйствуютъ несогласно съ самими собою и противъ правилъ своихъ. Такъ противорѣчитъ самъ себѣ тотъ благовоспитанный юноша, который минутно увлекается примѣромъ буйныхъ сверстниковъ своихъ и раздѣляетъ съ ними пагубное невоздержаніе, а послѣ самъ осуждаетъ себя и горько оплакиваетъ свое паденіе. Онъ дѣйствовалъ, забывъ себя самого, забывъ всѣ добрыя правила, внушенныя ему родителями и наставниками.

Это—заблужденія ума и сердца минутныя, и они нерѣдко бываютъ весьма гибельны. Что сказать о тѣхъ заблужденіяхъ, которыя обращаются въ навыкъ, дѣлаются постоянно порокомъ? Это тоже незнаніе своего духа, но уже совсѣмъ другаго рода. Омраченный страстью до того, что дѣлается постояннымъ рабомъ ея, не познаетъ уже своего погибельнаго состоянія и думаетъ, что онъ на пути правомъ. Но ему тоже можно сказать: ты не знаешь, несчастный, по какому духу дѣйствуешь. Духъ, омрачившій тебя,—это духъ тьмы, духъ злой, погибельный! Если бъ ты зналъ это, если бъ можно было хотя на минуту выйти тебѣ изъ грѣховнаго рабства твоего, ты самъ ужаснулся бы самого себя и возненавидѣлъ пагубную страсть твою, которую теперь такъ любишь! *Но сіе скрыся отъ очію твоею* (Лук. XIX, 42), *омрачися неразумное сердце твое* (Тимоѳ. I, 21)!

Христіанинъ, *всяцѣмъ храненіемъ блюди сердце твое* (Притч. IV, 23); не позволяй ему не только надолго, но, если можно, и на минуту омрачиться духомъ страсти. Когда, въ какомъ либо сильномъ движеніи чувства, ты хочешь что либо сказать или сдѣлать, спрашивай самъ себя: какого ты духа? и твой поступокъ будетъ ли согласенъ съ духомъ вѣры и любви христіанской?—Если бъ такъ, во свѣтѣ ученія Евангельскаго, мы всегда разсматривали самихъ себя, если бъ научились *познавать Духа Божія и духа лестча* (1 Іоан. IV, 2), и были всегда вѣрны первому, то и не было бы у насъ заблужденій грѣховныхъ; живя духомъ,

мы и ходили бы по духу, а не по плоти; имѣя званіе сыновъ Божіихъ, не дѣйствовали бы, какъ рабы и невольники. *И аще быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Коринѳ. XI, 29). (Воскр. Чт., г. XIX, стр. 180.)

Дополнительными статьями могутъ быть:

1) На ст. 53. *Блаж. Іеронима:* что значитъ сказанное: *и не пріяша Его, яко мище Его бѣ грядуще въ Іерусалимъ.* Тв. II. 612—615. О томъ же въ письмѣ къ Аспазіи. Хр. Чт. 1846 г. IV. 226 — 230. 2) На тотъ же стихъ. *Прот. М. Боюсловскаго:* о причинахъ ненависти міра къ истиннымъ послѣдователямъ Христовымъ. Духовная Бесѣда 1859 г. VII. 195—206. 3) На ст. 55. *Прот. Дебольскаго:* Невѣдѣніе Духа Христова. Стран. 1865 г., авг., 80.

Іисусъ Христосъ на праздникѣ Кущей (VII гл. Ев. Іоанна).

Ст. 1—2. Болѣе года Іисусъ пробылъ въ Галилеѣ, не заходя въ Іудею, потому что Іудеи хотѣли убить Его. Въ праздникъ Кущей, около полугода послѣ происшествія при озерѣ Тиверіадскомъ, описанномъ въ шестой главѣ (ибо то было до Пасхи, раннею весною, а праздникъ кущей совершается осенью), Іисусъ опять приходитъ въ Іерусалимъ.

Ст. 3—5. Передъ праздникомъ Кущей братья Іисуса уговариваютъ Его идти въ Іерусалимъ. Привыкнувъ смотрѣть на Него, какъ на близкаго себѣ родственника, они тогда еще не вѣровали въ Него. Имъ трудно было мыслить, что Іисусъ не такой же человѣкъ, какъ и они, а великій пророкъ или даже Мессія. Съ другой стороны, они были свидѣтелями Его чудесъ и видѣли вліяніе Его ученія на народъ. Все это приводило ихъ въ смущеніе: они не знали, что думать о Іисусѣ. Понуждая Его теперь идти въ Іерусалимъ, они надѣялись, что если Онъ дѣйствительно Мессія, то это въ Іерусалимѣ окончательно выяснится, и они такимъ образомъ будутъ, наконецъ, выведены изъ томящаго ихъ недоумѣнія.

Ст. 6—8. Іисусъ отвѣчаетъ имъ, что не пойдетъ еще на сей праздникъ, потому что Его время не исполнилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Онъ объясняетъ братьямъ, почему міръ Его ненавидитъ: Онъ обличаетъ зло міра, а это людямъ непріятно, ибо они не желаютъ слышать, что дѣла ихъ злы.

Ст. 9—14. Іисусъ не сказалъ, что не пойдетъ въ Іерусалимъ, а только что Онъ *не пойдетъ еще на сей праздникъ*. Идти на праздникъ значило участвовать въ паломничествѣ, т. е. шествовать со всѣмъ народомъ и совершать въ самомъ Іерусалимѣ разные подготовительные къ празднику публичные обряды. При этомъ Іисусъ постоянно находился бы на виду, и начальники, желавшіе Его смерти, легко могли бы найти удобное время и мѣсто, чтобы схватить Его. Даже при совершенно неожиданномъ появленіи Іисуса въ храмѣ они послали слугъ схватить Его, какъ повѣствуетъ Евангелистъ.

Въ срединѣ праздника Іисусъ пришелъ въ Іерусалимъ—какъ-бы тайно,— т. е. не вмѣстѣ съ другими паломниками, и сталъ учить во храмѣ.

Между тѣмъ народъ, собравшійся сюда изъ другихъ странъ и городовъ, уже ожидалъ Его. И много было толковъ о Немъ: одни говорили, что Онъ добръ, а другіе говорили: нѣтъ, но обольщаетъ народъ. Впрочемъ, явно не смѣли высказывать своихъ мнѣній, боясь Іудеевъ. (Апостолы, пришедши въ Іерусалимъ ранѣе Господа, могли быть очевидцами этого.) Опытъ краткаго изъ-

ясненія на Ев. Іоанна. Тернера, стр. 83—84).

Ст. 15. Явиться учителемъ во храмѣ, или въ училищѣ, которое помѣщалось въ зданіяхъ храма, не всякій могъ, кто бы хотѣлъ. По правиламъ раввинскимъ надлежало быть напередъ нѣсколько лѣтъ въ званіи Талмидъ (ученика), потомъ въ званіи Хаберъ (товарища) при какомъ-нибудь раввинѣ, чтобы такимъ образомъ получить власть, какъ тогда говорили, ἐξουσίαν λαμβάνειν. И Хаберъ могъ изъяснять изрѣченія другихъ, а когда становился самъ раввиномъ, тогда уже могъ и самъ учить.— Іудеи, зная, что Іисусъ ни въ какой школѣ, ни у какого раввина не учился, дивились, какъ Онъ могъ выступить съ ученіемъ во храмѣ. (*Вѣсть Писанія* означаетъ ученость вообще и по характеру учености раввинскую, въ особенности умѣнье изъяснять Писанія.)

Ст. 16—19. Въ отвѣтъ на такія мысли Господь говорилъ, что и ученіе Его и право ученія Онъ не усвоялъ Себѣ, но оно отъ Пославшаго Его. Что Его ученіе не свое вымышленное, это можетъ узнать каждый, кто хочетъ творить волю Божію, по внутреннему опыту. Что право ученія не самоприсвоенное, объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ и то, что Онъ Себѣ не ищетъ славы, но Пославшему Его; слѣдовательно Ему можно вѣрить. И проникая въ ихъ мысли, зная, что они хотятъ противопоставить словамъ Его нарушеніе закона Божія—по ихъ мнѣнію въ исцѣленіи разслабленнаго—обращаетъ этотъ упрекъ противъ нихъ самихъ, указывая, какъ на ближайшее доказательство сего противленія закону, на то, что они ищутъ Его жизни.

Ст. 20—24. Уловленные въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, Іудеи съ наглостью и негодованіемъ возражаютъ Ему: «не бѣсъ ли въ Тебѣ? кто хочетъ убить Тебя?»—Однакоже Господь продолжалъ еще болѣе раскрывать несправедливость, съ какою они представляли исцѣленіе разслабленнаго въ субботу нарушеніемъ покоя субботы, и заключилъ: «не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ». Смотрите на то, изъ какого намѣренія проистекало это дѣйствіе—исцѣленіе.

Ст. 25—27. Слыша такой разговоръ между Іисусомъ и Іудеями и видя, какъ тѣ самые, которые прежде горячо вступались за нарушеніе субботы и искали жизни Нарушителя ея, теперь отступаются отъ своихъ мыслей, нѣкоторые Іерусалимляне подумали было уже, что объ Іисусѣ перемѣнили мнѣніе самые начальники Іудейскіе и признаютъ Его за Христа. Съ своей стороны и сами они готовы бы признать Его такимъ; но не всѣмъ ли извѣстно, думали они, откуда происходитъ Онъ? (Жителю столицы вѣры и народа—Назаретъ даетъ Мессію!) А Мессія долженъ явиться не такъ. Сердце ихъ было на сторонѣ Іисуса, а умъ или точнѣе предразсудки, неправильное толкованіе ученія пророковъ о Мессіи и недостаточное разумѣніе Самого Спасителя—противъ Него. (Пророки говорили о недовѣдомости вѣчнаго происхожденія Мессіи, какъ Сына Божія; народъ относилъ это ко временному, не думая, какъ съ этимъ согласить мысль о томъ, что Мессія долженъ быть сыномъ Давида и родиться въ Виѳлеемѣ?)

Ст. 28—29. Видя искренность расположенія въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сомнѣвающихся, Господь не оставилъ ихъ колебаться въ недоумѣніяхъ, но вмѣстѣ далъ пробный камень для испытанія сего расположенія. Онъ сказалъ: «вы думаете, что уже знаете Меня, когда знаете, Кто Я и откуда Я? Но знать Меня такъ еще не зна-

чить вполнѣ Меня знать. Кто изъ васъ знаетъ другое отечество Мое? Того, Кто послалъ Меня? Вотъ если бы вы знали Его, какъ должно знать, тогда бы могли сказать, что и Меня знаете». Этимъ заключилъ Господь Свои наставленія въ первый день Своего явленія въ Іерусалимѣ.

Ст. 30—32. Слова сіи произвели различное дѣйствіе: одни изъ слушателей Его, которымъ, при ихъ просвѣщеніи и высокомъ мнѣніи о нихъ въ народѣ, нелегко было сознаться въ такомъ невѣдѣніи самаго существеннаго и неохотно было уступить первенство Іисусу (можетъ быть тѣ самые, которые искали Его жизни и прежде), услышавъ снова такія объявленія о Себѣ Іисуса, старались схватить Его и, вѣроятно, представить синедріону. Но Господь скрылся отъ нихъ.—Въ то же время другіе, зная о всѣхъ чудесахъ, какія Онъ совершалъ доселѣ, готовы были дать полную вѣру Его словамъ о Себѣ и говорили: можно ли болѣе ожидать чудесъ отъ Мессіи? Такимъ образомъ народные толки объ Іисусѣ, возбужденные въ началѣ праздника, послѣ появленія Самого Іисуса еще болѣе усилились, такъ что члены синедріона признали за нужное принять для укрощенія ихъ свои, достойныя ихъ, мѣры; они поручили нѣкоторымъ схватить Іисуса не теперь именно, а какъ-нибудь на праздникѣ.

Ст. 33—34. Узнавъ объ этомъ, Господь въ угрозу безумной злобѣ объявилъ Своимъ гонителямъ: «еще надобно быть Мнѣ съ вами и пойду къ Пославшему Меня. Будете искать Меня (въ нуждѣ, въ бѣдствіяхъ возбудится желаніе Избавителя, Мессіи); но гдѣ буду (тогда) Я, вы туда не можете придти».

Ст. 35—36. Перетолковывая сіи слова по своему, чтобы вывести изъ нихъ новое обвиненіе, ослѣпленные невѣріемъ и злобою Іудеи съ насмѣшливою наглостью говорили: не хочетъ ли Онъ идти въ Еллинское разсѣяніе (къ язычникамъ) и учить Еллиновъ,—что мы не можемъ найти Его? У насъ Ему нѣтъ успѣха! (Можетъ быть, поводъ къ такому толкованію словъ Іисуса злобные враги взяли какъ вообще изъ кроткаго обращенія Его съ язычниками, такъ и изъ Его путешествій по окрестностямъ Галилеи языческой, недавно Имъ совершенныхъ).

Ст. 37—39. Въ такомъ положеніи дѣла оставались до послѣдняго, самаго торжественнаго дня праздника. Праздникъ сей, напоминавшій успокоеніе народа въ землѣ обѣтованія отъ трудовъ странствованія, былъ праздникомъ вмѣстѣ закона, поелику тогда наиболѣе занимались чтеніемъ его, и у пророка Захаріи (XIV, 16) онъ символически означалъ время собранія въ Іерусалимѣ всѣхъ народовъ на поклоненіе Богу истинному. Въ послѣдній день сего праздника по обычаю совершалось символическое возліяніе воды изъ источника Силоамскаго (на эту воду есть указаніе въ той же главѣ Захаріи и у Іезекіиля), протекавшаго подъ горою храма, при пѣніи изъ пророка Исаіи: *жаждущіи, пріидите на воду* (XII, 9).

Вѣроятно, по примѣненію къ сему значенію праздника и дѣйствію, и Господь, явившись въ этотъ день снова въ собраніе народа, произнесъ: «кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей. И сравнивая Самого Себя съ храмомъ, изъ-подъ котораго течетъ вода, прилагаетъ это сравненіе и къ вѣрующимъ въ Него. Какъ Онъ источаетъ воду живую, такъ и вѣрующіе во имя Его, получивъ Духа, не только будутъ имѣть эту воду въ себѣ, въ своемъ сердцѣ, но и изливать другимъ, распространяя всюду свѣтъ Богопознанія (Изъ 46 ст. видно, что проповѣдь была обширная).

Ст. 40—46. Голосъ Божественный умолкъ. Начались опять сужденія и споры объ Іисусѣ. Одни видѣли въ Немъ пророка, другіе Самого Мессію, но въ то же время одни говорили, что Мессіи, какъ сына Давидова, надобно ждать не изъ Галилеи, а изъ Іудеи, именно изъ Виелеема; другіе говорили, что изъ Галилеи даже и пророковъ не бывало (52). Были даже такіе, которые изъявляли желаніе схватить Его. Но и служители храма, на которыхъ сіе возложено было отъ синедріона, возвратились, по окончаніи праздника, безъ успѣха, объявивъ, что они не могли взять Его, потому что ни одинъ человѣкъ никогда не говорилъ такъ, какъ Сей Человѣкъ.

Ст. 47—53. Наконецъ, въ самомъ синедріонѣ при разсужденіи по сему случаю оказалось раздѣленіе, которое еще болѣе должно было вооружить противъ Іисуса враговъ Его. Съ негодованіемъ выслушавъ донесеніе посланныхъ, они отвѣчали имъ: «неужели и вы прельстились? Да увѣровалъ ли въ Него кто изъ начальниковъ или изъ фарисеевъ? Въ Него вѣруетъ одинъ народъ. Но этотъ народъ невѣжда въ законѣ,—проклятъ они». Въ это время Никодимъ осмѣлился было замѣтить членамъ синедріона, что несправедливо они поступаютъ, заключая такъ свое сужденіе о Человѣкѣ, Котораго дѣла хорошо не знаютъ и не выслушали.— «Да чего и разыскивать? Изъ Галилеи никакого пророка не бывало», отвѣчали ему прочіе, забывъ въ помраченіи ума своего, что оттуда были Илія, Іона и можетъ быть даже Наумъ. И ему замѣтили съ насмѣшкою: не изъ Галилеи ли самъ ты, что такъ вступаешься за Галилеянина. Такимъ образомъ, не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла, положили отлучать отъ синагоги каждаго, кто призналъ Іисуса Мессіею (IX, 22). (Евангельская исторія Горскаго, стр. 245—250).

Аще кто хощетъ волю Божію творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть (Іоан. VII, 17).

Вотъ важное правило для священной критики и герменевтики! Если хочешь познать истину Божественнаго Писанія, будь исполненъ истиннымъ желаніемъ волю Божію творить. Съ предметами Божественными не такъ поступать должно, какъ съ человѣческими: послѣдніе мы напередъ уразумѣваемъ, а потомъ любимъ; а первые прежде возлюбить должно, а потомъ уразумѣть.

Такъ вельможѣ царицы Ефіопской, читавшему, но неразумѣвшему пророка Исаію, подано разумѣніе за то именно, что сердце его уже готово было не на слушаніе только слова Божія, но и на послушаніе ономy. Такъ Корнилій сотникъ удостоился высшаго руководства въ истинѣ потому, что былъ *благоговѣинъ и бояйся Бога со всѣмъ домомъ своимъ, творяй милостыни многи людемъ и моляйся Богу всегда* (Дѣян. X, 2).

Но не такъ хотѣли знать Писанія книжники и фарисеи; они искали славы своей, а не Божіей; хвалясь въ законѣ, преступленіемъ закона Бога безчествовали (Римлян. II, 22); и потому *одебелѣ сердце людій сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очы свои смѣжиша, да не како увидятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ* (Дѣян. XXVIII, 27). Не потому ли и нынѣ нѣкоторые или совсѣмъ отвергаютъ ученіе Евангельское, или превратно изъясняютъ оное, что нѣтъ у нихъ искренняго желанія волю Божію творить, а есть одно желаніе— все дѣлать по своему и славить себя самихъ? Впрочемъ это Евангельское правило для истиннаго уразумѣнія

Св. Писаній безъ труда соглашается съ правиломъ и обыкновенной критики человѣческой. Не требуется ли у всѣхъ безпристрастіе въ читающемъ, если хочетъ онъ правильно судить о писателѣ? Безпристрастіе необходимо и при чтеніи слова Божія. Но какъ здѣсь ученіе направлено противъ всего страстнаго, ветхаго человѣка нашего, и ведетъ насъ къ жизни человѣка новаго, то и понятно, почему требуется къ уразумѣнію сего ученія безпристрастіе особенное, то есть возможное возвышеніе надъ всѣми страстями естественными, сильное, искреннее желаніе спасенія и вслѣдствіе того—молитва сердца къ Богу. Замѣтимъ, что Спаситель требовалъ хотѣнія исполнить волю Божію, но еще не самаго исполненія сей воли,—потому что говорилъ о первоначальномъ познаніи истины Слова Божія. Посему и плотскій Іудей, и грубый язычникъ, и всякій грѣшникъ могутъ познать, гдѣ и какой путь спасенія, среди всѣхъ извѣстныхъ путей въ мірѣ, если только всѣмъ сердцемъ возжелаютъ волю Божію творити. Но что̀ нужно тому, кто уже знаетъ путь спасенія? Для дальнѣйшихъ успѣховъ ему мало одного *хотѣнія*, а нужно самое вѣрное и тщательное исполненіе воли Божіей. Высшее разумѣніе истины обѣщано высшей добродѣтели. Кто болѣе и болѣе очищаетъ свое сердце и исполняется любовію къ Господу, тотъ и дѣлается способнымъ созерцать тайны Божіи. *Имѣяй заповѣди Моя*, говоритъ Господь, *и соблюдаяй ихъ, той естъ любяй Мя: а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. XIV, 21). (Воскр. Чт., г. X, стр. 307—308.)

Рѣки живой воды.

(*Свящ. В. Нечаева.*)

«*Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ. Вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы. Сіе же рече о Дусѣ, Егоже хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его*» (Іоан. VII, 37—39). Воззваніе къ жаждущимъ и обѣтованіе о рѣкахъ воды живой Господь Іисусъ произнесъ въ Іерусалимскомъ храмѣ въ послѣдній день (7-й) праздника Кущей. Въ словахъ, содержащихъ это воззваніе и обѣтованіе, идетъ рѣчь о благодати Святаго Духа, даруемой чрезъ Христа вѣрующимъ въ Него, и чрезъ истинно вѣрующихъ изливающейся на другихъ. Дѣйствіе благодати Святаго Духа на людей чрезъ вѣрующихъ во Христа, представленное подъ образомъ истеченія рѣкъ изъ чрева ихъ, имѣло открыться, по объясненію Евангелиста Іоанна, собственно по торжественномъ сошествіи на вѣрующихъ Святаго Духа, которое должно послѣдовать съ прославленіемъ Христа чрезъ вознесеніе Его на небо (Іоан. VII, 29, 40). Но дѣйствіе благодати Святаго Духа чрезъ Самого Христа началось во время земной жизни Его, ибо во время сей жизни обильно изливалась благодать изъ устъ Его (Псал. XLIV, 3), и ей дивились люди, слушавшіе Его (Лук. IV, 22), а иные отъ полноты въ Немъ благодати сами преисполнялись благодатію, принимали отъ общенія съ Нимъ благодать на благодать (Іоан. I, 16), которая изъ нѣдръ Его, какъ изъ переполненнаго сосуда, изливалась на нихъ.

Для того, чтобы понять, почему Іисусъ Христосъ употребилъ образъ воды для изображенія дѣйствій благодати, надобно имѣть въ виду особенный обрядъ, который совершаемъ былъ въ праздникъ

Кущей. Каждое утро въ продолженіе семи дней праздника Кущей одинъ изъ главныхъ священниковъ спускался съ священной горы храма и у подошвы ея черпалъ золотою чашею воду изъ Силоамскаго источника, и съ этою водою, держа чашу поверхъ головы, возвращался въ храмъ, окруженный толпами ликующихъ богомольцевъ, при звукахъ священныхъ трубъ и пѣснопѣній. Обрядъ оканчивался тѣмъ, что священникъ, пришедши съ зачерпнутою водою въ храмъ, возливалъ ее на жертвенникъ, какъ благодарственную жертву. Этотъ обрядъ установленъ былъ въ позднѣйшія впрочемъ времена, въ память чудеснаго изведенія Моисеемъ воды изъ камня для утоленія жажды странствовавшихъ въ пустынѣ Евреевъ. Но какъ всѣ ветхозавѣтныя событія имѣли прообразовательный характеръ въ отношеніи ко Христу и Его Церкви, такъ и это чудо прообразовало Христа и по вѣрѣ въ Него подаемую намъ благодать Святаго Духа. Апостолъ Павелъ, объясняя ветхозавѣтныя событія въ прообразовательномъ смыслѣ, прямо говоритъ, что Евреи, когда пили воду изъ камня, «пили изъ духовнаго послѣдующаго камня, камень же былъ Христосъ» (1 Коринѳ. X, 4). Сіе-то прообразовательное значеніе ветхозавѣтнаго чуда надъ камнемъ имѣлъ въ виду Самъ Господь Іисусъ, когда при видѣ праздничнаго обряда, установленнаго въ воспоминаніе этого чуда, сказалъ Іудеямъ, бывшимъ свидѣтелями обряда: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ*. Какъ-бы такъ сказалъ Онъ: «взирая на обрядъ, не событіе только, давно случившееся, воспоминайте, но вмѣстѣ прозирайте въ духовный смыслъ событія. Знайте, что камень, давшій воду, это Я. Чудесно изведенною изъ камня водою утолена была одна чувственная жажда, но кромѣ чувственной жажды, чувственныхъ потребностей, есть еще жажда и потребности духовныя. Ихъ могу удовлетворить вполнѣ только Я. Итакъ приступите ко Мнѣ всѣ, у кого есть такая жажда, и Я утоляю ее». Что же это за духовная жажда, или духовныя потребности, удовлетворить которыя обѣщаетъ Христосъ Спаситель? Это жажда или потребность истины для ума, потребность правды для воли, потребность блаженства для чувства. Никто изъ земнородныхъ, въ комъ только пробудились эти потребности, не можетъ сказать, что одними собственными силами и средствами онъ можетъ достигнуть удовлетворенія ихъ, т. е. освободиться отъ заблужденій и невѣжества особенно въ духовныхъ вещахъ, избавиться отъ грѣха и найти душевный покой прочный и невозмутимый. Силы человѣка для сего крайне недостаточны, какъ показываетъ исторія и личный опытъ каждаго. Одинъ Христосъ можетъ дать то, чего никто изъ людей дать не можетъ. Только у Него есть чудесная вода, которая утоляетъ духовную жажду человѣка. Что же это за вода? Это благодать Святаго Духа. Какъ естественная вода утоляетъ тѣлесную жажду, освѣжаетъ насъ и укрѣпляетъ, такъ и благодать Святаго Духа, даруемая вѣрующимъ во Христа, утоляетъ жажду истины, наставляя ихъ касательно всего, что нужно знать для спасенія души (Іоан. XIV, 26. 1 Іоан. II, 20), ибо Духъ Святый есть Духъ истины;—укрѣпляетъ ихъ волю на борьбу съ искушеніями, ибо Духъ Святый есть Духъ крѣпости,—освящаетъ насъ (Римл. I, 4) и низводитъ въ сердца наши миръ и радость (Римлян. XIV, 17), превосходящіе всякое разумѣніе. Средства для привлеченія благодати Святаго Духа извѣстны: это чтеніе Слова Божія, изглаголаннаго Духомъ Святымъ и вѣчно въ немъ глаголющаго въ наше наставленіе, освященіе и утѣшеніе,—общеніе

таинствъ, ибо всѣ они суть проводники многообразной благодати Святаго Духа— и молитва, о которой Христосъ изрекъ ясное обѣтованіе, что Отецъ Небесный дастъ Духа Святаго просящимъ у Него (Лук. XI, 13). Вотъ живые, неизсякаемые родники той духовной воды, къ питію которой Христосъ Спаситель приглашаетъ всѣхъ жаждущихъ! Въ Немъ Самомъ—полнота благодати (Іоан. I, 14) по самому человѣчеству Его, и потому какъ при земной жизни Его она, обильно изливаясь изъ устъ Его, напоила духовно жаждущихъ и утоляла ихъ жажду, такъ доселѣ она всѣмъ даруется во Христѣ Іисусѣ (1 Коринѳ. I, 4. Ефес. II, 7), по вѣрѣ въ Него, по неложному Его обѣтованію пребывать съ вѣрующими во вся дни до скончанія вѣка. Пусть теперь каждый съ дерзновеніемъ вѣры приступаетъ ко Христу, и изъ помянутыхъ источниковъ благодати утоляетъ свою духовную жажду.

Но сего мало. Вода благодати Святаго Духа, даруемая чрезъ Христа вѣрующимъ, не въ нихъ только утоляетъ духовную жажду, но чрезъ нихъ распространяетъ свое спасительное дѣйствіе на другихъ. Наполняя все существо истинно вѣрующихъ, она, словно неудержимая рѣка, проторгается сквозь нихъ и пролагаетъ себѣ путь къ душамъ другихъ людей,—чрезъ однихъ утоляетъ духовную жажду другихъ. «Кто вѣруетъ въМеня*(и вѣрою привлекаетъ благодать)* говоритъ Христосъ, у того, какъ сказано въ Писаніи (Исаія XII, 3. Іоил. III, 18), изъ чрева *(изъ сердца)* потекутъ рѣки воды живой», т. е. воды благодати. Куда же потекутъ? На души другихъ людей для утоленія духовной жажды. И кто не видитъ исполненія сего обѣтованія въ Духоносныхъ Апостолахъ, пріявшихъ обильные дары благодати Святаго Духа въ день Пятидесятницы, и ея животворными струями напоившихъ всю вселенную? Кто не видитъ исполненія того же обѣтованія въ святыхъ исповѣдникахъ и мученикахъ, которые благодатію терпѣнія и радости среди многообразныхъ и лютыхъ мукъ побѣждали мучителей и привлекали ко Христу тысячи язычниковъ, такъ что многіе изъ нихъ, приходившіе на мѣсто мученій рабовъ Христовыхъ, какъ на зрѣлище, тутъ же объявляли себя христіанами и изъ ряда зрителей вступали въ ряды мучениковъ? Кто не видитъ исполненія того же обѣтованія въ преподобныхъ мужахъ и женахъ, благодатію равноангельскаго житія возбуждавшихъ во многихъ раскаяніе въ грѣхахъ и обращавшихъ на путь истины и правды тѣхъ, которые до тѣхъ поръ погрязали въ безднѣ нечестія и разврата? И не только при жизни своей всѣ подобные избранники Божіи благотворно, силою данной имъ благодати, дѣйствовали на людей,—они и по смерти не перестаютъ быть проводниками той же благодати чрезъ святыя свои мощи, чрезъ письменныя сказанія и устныя преданія объ ихъ жизни и подвигахъ, чрезъ оставшіеся послѣ нихъ памятники ихъ подвижничества,—напр. чрезъ вериги, одежды и т. п. (Душепол. Чт. 1873 г., ч. II, стр. 425—429.)

Вопросы и отвѣты на тотъ же текстъ.

(Блаженнаго Августина.)

Что̀ значатъ слова Евангелиста: «не былъ еще Духъ данъ, потому что Іисусъ не былъ еще прославленъ? «Какъ не было еще Духа въ людяхъ святыхъ, когда о Самомъ Господѣ новорожденномъ читаемъ въ Евангеліи, что Духомъ Святымъ позналъ Его Сумеонъ, познала и Анна—вдова пророчица, позналъ самъ Іоаннъ, Его крестившій; Духомъ же Святымъ исполненный Захарія многое

изрекъ; Духа Святаго пріяла и Марія, чтобы зачать Господа? Не другаго Духа имѣли и пророки, предвозвѣстившіе пришествіе Христово. Но будущему времени предоставленъ былъ таковъ образъ даянія, какого прежде не было видно: о семъ-то здѣсь и говорится. Ибо прежде нигдѣ не читаемъ, чтобъ люди собравшись и получивъ Святаго Духа, говорили языками всѣхъ народовъ. Сего Духа послалъ Онъ свыше въ день Пятидесятницы. И мы увѣрены, что всякій изъ насъ и нынѣ получаетъ сего Духа; только кто какой мѣры сосудъ приноситъ къ источнику, такой и наполняетъ. Если же, скажутъ, Духъ сей получается и нынѣ, то почему никто не говоритъ языками всѣхъ народовъ? Потому, что уже сама Церковь говоритъ языками всѣхъ народовъ, означая тѣмъ то, что, распространяясь по народамъ, она будетъ говорить языками всѣхъ. Кто не въ сей Церкви, тотъ и нынѣ не получаетъ Святаго Духа. А ты, скажешь, говоришь ли всѣми языками? Точно говорю, потому что всякій языкъ есть мой, то есть, принадлежитъ тому тѣлу, коего я членъ. Церковь, распространенная по народамъ, говоритъ всѣми языками. Церковь есть тѣло Христово; въ семъ тѣлѣ ты членъ; а когда ты членъ того тѣла, которое говоритъ всѣми языками, то вѣруй, что и ты говоришь всѣми языками.

Итакъ получили и мы Святаго Духа, если любимъ Церковь, если связуемся любовію, если имѣемъ имя каѳолическое и вѣру. Вѣримъ, что сколько кто любитъ Церковь Христову, столько имѣетъ Святаго Духа. Имѣй любовь, и будешь имѣть все. А что любовь принадлежитъ Святому Духу, внимай о томъ слову Апостола: *любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ, даннымъ въ насъ* (Римлян. V, 5).

Почему же сего Духа, коимъ излита любовь Божія въ сердца наши, Господь благоволилъ даровать по Своемъ воскресеніи? Что̀ симъ означилъ? Господь не блага сего міра обѣщалъ намъ, когда сказалъ: «вѣруяй въ Мя пріидетъ и да піетъ, и рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы». Обѣщалъ жизнь вѣчную, гдѣ нѣтъ мѣста никакой боязни, никакому смущенію, откуда не прейдемъ, гдѣ не умремъ, гдѣ не оплакиваютъ покойниковъ и не ожидаютъ наслѣдниковъ. Вотъ что̀ обѣщалъ Онъ любящимъ, любовію Святаго Духа пламенѣющимъ, а потому и благоволилъ даровать Духа только по Своемъ прославленіи: да явимъ въ своемъ тѣлѣ жизнь, которой теперь не имѣемъ, а ожидаемъ въ воскресеніи (Воскр. Чт., ч. VII, стр. 37—39).

Библіографическій указатель къ VII гл. Ев. Іоанна.

1) *Покровскаго.* Праздникъ Кущей. Воскресное Чтеніе 1881 г. 400—403.

2) Ст. 7. Мысли еп. Ѳеофана. 137.

3) Ст. 14. *Абіе въ преполовеніе взыде Іисусъ въ церковь.* Воскресное Чт., г. II. 27—33.

4) Ст. 23. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О лицемѣріи и зависти, какъ причинахъ возстанія Іудеевъ противъ Іисуса Христа, и о пагубныхъ слѣдствіяхъ этихъ пороковъ. I. 184—189.

5) Ст. 24. *Его же.* О томъ, что̀ значитъ *не судите на лица, но судъ правый*, и о нашихъ судахъ. IV. 82—86.

6) Ст. 37—38. Духовная жажда. Воскресное Чт., г. IX. 250—252; г. XIV. 187—192, г. XXI. 45—48; г. XXIII. 79—82. 1872 г. I. 386—398.

7) Ст. 37. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О средствахъ къ утоленію духовной жажды. II. 335—340. О преимуществахъ водъ благо-

дати Христовой предъ цѣлебными естественными водами. II. 17—21.

8) Ст. 37. *Иліодора, архіеп. Курскаго.* О необходимости благодатныхъ даровъ Духа Святаго въ нашей жизни. 144—151.

9) Ст. 38—39. *Св. Кирилла Александрійскаго.* О ниспосланіи и дарованіи вѣрующимъ Святаго Духа. Воскресное Чт., г. VI. 59—61.

10) Ст. 46. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ Учитель. Христ. Чт. 1852 г. I. 377—391.

11) *Свящ. Д. Соколова* на тотъ же стихъ. Сила и дѣйственность слова Христова: *николиже есть тако глаголалъ человѣкъ, якоже Сей.* Духовн. Бес. 1860 г. II. 393—408.

Анализъ VIII главы Евангелиста Іоанна. Прощеніе падшей женщины и рѣчь послѣ сего (1—59).

Для постепеннаго подготовленія Своихъ слушателей Спаситель раскрываетъ передъ ними то одну, то другую сторону Божественной тайны. Указавъ въ шестой главѣ на значеніе вѣры, какъ на органъ воспріятія Бога, Онъ затѣмъ переходитъ къ раскрытію Своего Божественнаго естества, Своего Мессіанскаго достоинства, спасительнаго значенія Своихъ страданій и смерти для вѣрующихъ и, наконецъ, ясно указываетъ на Свое предвѣчное существованіе словами: «прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь!»

Въ началѣ восьмой главы (1 — 11) помѣщенъ отдѣльный разсказъ о женщинѣ, взятой въ прелюбодѣяніи. Подобно тому, какъ и впослѣдствіи Іудеи искушали Іисуса вопросомъ: слѣдуетъ ли платить дань кесарю? и въ настоящемъ случаѣ они намѣревались поставить Его въ безвыходное положеніе, чтобы тѣмъ погубить Его въ глазахъ народа. Дѣйствительно, если бы Онъ рѣшилъ, что слѣдуетъ помиловать женщину, то Онъ нарушилъ бы прямое постановленіе закона (Левит. XX, 10); а если бы Онъ рѣшилъ по закону, то Ему пришлось бы нарушить ту основную черту, которая до сихъ поръ проникала всѣ Его дѣйствія—милость и состраданіе къ грѣшникамъ. Враги Его были увѣрены въ Его гибели, потому что положеніе Его казалось безвыходнымъ и уже торжествовали внутренне побѣду. Между тѣмъ случилось самое для нихъ неожиданное; не нарушивъ закона и не измѣнивъ Своему обычному милосердію, Іисусъ ихъ же самихъ принудилъ, такъ сказать, осудить самихъ себя.

Евангелистъ описываетъ, какъ Іисусъ склонившись писалъ перстомъ на землѣ. Спаситель былъ очевидно до того глубоко возмущенъ въ душѣ столь внезапно поставленнымъ передъ Нимъ грѣхомъ, что Ему было даже непріятно смотрѣть въ лицо вошедшимъ. Какъ Сердцевѣдецъ, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо понималъ, что обвинителями руководило совсѣмъ не чувство отвращенія къ грѣшному дѣйствію обвиняемой, а собственно грѣховное желаніе воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы погубить Его. Ихъ внутреннее сердечное грѣховное настроеніе было гораздо хуже того явнаго грѣха, въ которомъ они пришли обвинять женщину. Вотъ почему Христосъ ограничился словами: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый брось на нее камень», и эти слова поразили ихъ совѣсть такимъ тяжелымъ ударомъ, что они пришли въ совершенное смущеніе и, ничего не отвѣчая, одинъ за другимъ стали уходить.

Послѣ разсказа объ этомъ происшествіи, Евангелистъ опять обращается къ изложенію дальнѣйшаго ученія Спасителя.

Ст. 12. Іисусъ продолжаетъ сравненіями разъяснять народу Свое значеніе, называя Себя свѣтомъ міра. Всѣ употребляемыя Имъ сравненія: хлѣбъ, живая вода, свѣтъ міра, имѣютъ переносное духовное значеніе. Онъ есть духовная пища для спасенія людей, Его слова насыщаютъ алчущихъ, утоляютъ жажду ищущихъ истины, Онъ освѣщаетъ міръ, показывая ему путь ко спасенію.

Но всѣ эти сравненія имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и примѣнительное образное значеніе. Рѣчь Его происходила во время праздника Кущей, который совершался въ воспоминаніе странствованія Іудеевъ въ пустынѣ. Вотъ почему и хлѣбъ, и вода, и свѣтъ напоминаютъ происшествія, совершившіяся во время этого странствованія. Моусей далъ Іудеямъ манну, Іудеи ѣли ее и все же умирали, но тотъ, кто будетъ питаться хлѣбомъ, который дастъ ему Христосъ, не умретъ во вѣкъ. Моусей далъ имъ воду изъ скалы, но всѣ пившіе эту воду, возжаждали опять, тѣ же, которые утолятъ жажду свою живою водою, даруемою Спасителемъ, не только не будутъ сами болѣе жаждать, но будутъ даже въ состояніи утолять жажду другихъ. Во время странствованія въ пустынѣ огненный столпъ освѣщалъ народу путь, но его дѣйствіе было только временное и ограниченное; Іисусъ же есть свѣтъ міра непрестанный, который, какъ сказано въ первой главѣ Евангелія отъ Іоанна, просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ, и который во время всей жизни человѣка можетъ служить ему путеводителемъ. Благодаря этому свѣту, нѣтъ болѣе тьмы для сердца вѣрующихъ людей, если они только устремляютъ духовный взоръ на Спасителя (Тернера, стр. 87—91).

Ст. 13. Фарисеи осмѣливаются возражать Ему, что свидѣтельство Его о Самомъ Себѣ потому самому не есть истинно, что Онъ Самъ о Себѣ свидѣтельствуетъ.

Ст. 14—18. «Не правда, отвѣчалъ Господь, Мое свидѣтельство можетъ быть истиннымъ даже и въ этомъ случаѣ; потому что кто, кромѣ Меня, на землѣ хорошо знаетъ, откуда Я пришелъ и куда Я иду? Вы того не знаете, вы судите обо Мнѣ только по плоти, по наружности, по тому, какъ видите. Ужъ лучше бы вамъ не судить Меня или обо Мнѣ, какъ и Я не сужу васъ. — Впрочемъ, это не значитъ того, чтобы Я боялся, что судъ Мой можетъ быть также ошибоченъ, какъ и вашъ. Нѣтъ, судъ Мой истиненъ; ибо Я не одинъ сужу, со Мною судитъ Отецъ. Если же вы хотите судить Меня, то вамъ прилично было бы выслушать свидѣтелей Моихъ. Законъ вашъ требуетъ двухъ или трехъ свидѣтелей: Я представляю вамъ двоихъ. Первый свидѣтель Я Самъ» (здѣсь ясно отличается Божественная природа Іисуса, свидѣтельствующая о томъ, что совершается чрезъ посредство человѣческой Его природы), «вторый — Мой Отецъ».

Ст. 19. «Гдѣ этотъ Твой свидѣтель, спросили Его,—Отецъ Твой? «Конечно, вы объ этомъ не спрашивали бы Меня, отвѣчалъ Господь, если бы вы правильно понимали Меня. Если бы вы имѣли свѣтлое око духовное, то увидѣли бы Отца во Мнѣ; но у васъ нѣтъ этого. И потому вы не знаете ни Меня, ни Отца».

Ст. 20. Онъ говорилъ это въ самомъ томъ храмѣ, котораго начальники приказывали схватить Его,—однакожъ никто не осмѣлился захватить Его.

Ст. 21. Послѣ этой бесѣды,—можетъ быть сбираясь снова оставить Іерусалимъ, какъ небезопасный до извѣстнаго времени, или по крайней мѣрѣ прощаясь съ множествомъ народа, который начи-

налъ уже расходиться съ окончаніемъ праздника, и съ многими намѣреваясь говорить въ послѣдній разъ,—Онъ явился еще въ мѣсто общаго народнаго собранія во храмъ (VIII, 59), въ день субботы (IX, 14), и въ слухъ всѣхъ повторилъ прежнюю угрозу: «смотрите Я отхожу—вы будете искать Меня, но не найдете,—умрете во грѣхѣ вашемъ». (Это грѣхъ нераскаяннаго богоубійства.) «А безъ Меня не надѣйтесь и придти туда, куда Я иду» (къ Отцу Небесному.)

Ст. 22. Наглые Іудеи превращали смыслъ словъ Его. Развѣ убьетъ Онъ Самъ Себя,—что мы не можемъ придти туда, куда Онъ пойдетъ послѣ этого? Ужъ конечно тогда за Нимъ не пойдемъ—на смерть.

Ст. 23—24. «Нѣтъ, не это, отвѣчалъ Спаситель, а вотъ что̀ причиною, что вы не можете придти, куда Я иду. Я отъ вышнихъ, а вы отъ нижнихъ. Это разстояніе неизмѣримо. Еще можно было бы вамъ имѣть доступъ и къ вышнему—вѣрою; но въ васъ вѣры нѣтъ. И потому-то Я сказалъ, что вы умрете во грѣхѣ вашемъ, не придете, куда Я иду».

Ст. 25. Кто же Ты, называющій Себя отъ вышнихъ? спросили Его Іудеи съ презрительною насмѣшкою.

«Я то, что̀ вамъ говорилъ о Себѣ изъ начала» (въ первое посѣщеніе Іерусалима въ самомъ храмѣ,—назвавъ сей храмъ домомъ Отца Своего; слѣдовательно Себя Сыномъ Божіимъ).

Ст. 26—29. «Но Мнѣ много пришлось бы говорить о васъ и судить васъ, если бы Я сталъ говорить о васъ все, что̀ думаю и знаю о васъ. Оставимъ это. Истиненъ Пославшій Меня: Онъ доскажетъ вамъ и обо Мнѣ и о васъ самихъ (чрезъ Духа, Который, пришедши обличитъ о правдѣ и о грѣхѣ). Вы узнаете отъ Него, что Я говорю не отъ Себя, но говорю то, что̀ Я слышалъ, что̀ знаю отъ Него.—Скажу еще опредѣленнѣе: когда вознесете Сына Человѣческаго, тогда узнаете, что это Я, что Я Тотъ самый, за Котораго Себя объявлялъ,—и что̀ Я ничего не дѣлаю отъ Себя; но какъ научилъ Меня Отецъ Мой, такъ и говорю».

Ст. 30. Эта, повидимому, прощальная бесѣда на многихъ доселѣ нерѣшительныхъ произвела сильное впечатлѣніе. Опасаясь въ самомъ дѣлѣ потерять Его навсегда, они объявили, что вѣруютъ въ Него. По всему видно, что ихъ привлекала къ Іисусу не вѣра въ истиннаго избавителя рода человѣческаго отъ грѣховъ, но одна надежда найти въ Немъ царя сильнаго, земнаго. Эта необыкновенность и неустрашимость Іисуса, съ какою Онъ говорилъ и дѣйствовалъ въ самой столицѣ, обольщала ихъ.

Ст. 31—32. Господь, повидимому, готовъ былъ принять ихъ въ число Своихъ послѣдователей. Только призналъ за нужное дать имъ приличное наставленіе. «Если вы хотите, говорилъ Онъ имъ, быть истинными Моими учениками» (Онъ видѣлъ, что здѣсь не было искренняго желанія) «то пребудьте же въ словѣ Моемъ, т. е. слушайтесь Меня, не выходите изъ предѣловъ Моихъ наставленій, внутренно, душею вашею соединитесь съ словомъ Моимъ. И тогда познаете вы истину, потому что слово Мое есть истина: истина освободитъ васъ» (т. е. тогда настанетъ, совершится всецѣлое избавленіе, или искупленіе ваше).

Ст. 33—36. Какъ свободитъ? спросили Его тогда новообращенные. Да развѣ мы рабы? Мы—сѣмя Авраамово. Мы не были рабами никому и никогда. Слова эти такъ больно кольнули нѣкоторыхъ, можетъ быть, изъ Зилотовъ, что они готовы были возстать противъ Іисуса, въ Котораго недавно увѣровали. «Правда ли то, что вы не были рабами?—отвѣчалъ имъ Господь. Да всякій

творящій грѣхъ уже есть рабъ,—рабъ грѣха. Такъ и вы рабы, рабы грѣха. И отъ сего-то рабства Я хочу освободить васъ. Вы—сѣмя Авраамле, но у Авраама былъ не одинъ Исаакъ, но и Измаилъ, сынъ рабыни. По настоящему своему состоянію—состоянію рабства вы не болѣе значите, какъ и сынъ Авраамовъ отъ рабыни, а этотъ сынъ былъ изгнанъ изъ дома отеческаго; и вамъ угрожаетъ то же. Мнѣ не хочется, чтобъ и съ вами то же случилось. Потому Я, какъ истинный Сынъ въ дому Отца Моего, имѣя право давать свободу, и предлагаю вамъ, обѣщаю вамъ—дать вамъ свободу, чтобы вы, какъ свободные, какъ истинные дѣти Авраамовы и Божіи, могли оставаться всегда въ дому Отца Моего».

Ст. 37—38. Замѣчая усиливающееся изступленіе, Онъ продолжалъ: «вы называете себя сѣменемъ Авраамовымъ, но посмотрите, такія ли въ васъ расположенія, какія въ Авраамѣ? Сынъ обыкновенно носитъ на себѣ отпечатокъ отца. Во Мнѣ въ Моихъ словахъ и дѣйствіяхъ можно узнать Моего Отца. Но въ вашихъ словахъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ можно ли найти отца? Я говорю вамъ слова Отца; но слово Мое въ васъ не вмѣщается; вы готовы убить Меня: это не показываетъ ли, что ваши расположенія происходятъ совершенно изъ инаго источника, нежели слова Мои? Не показываетъ ли въ васъ дѣтей инаго отца?»

Ст. 39—40. Да какъ же, возразили Ему Іудеи: отецъ нашъ Авраамъ.—«Если бы дѣйствительно, отвѣчалъ имъ Господь, вы были дѣти Авраамовы, т. е. не по плоти только, то и дѣла Авраамовы дѣлали бы. Но вы ищете убить Меня, человѣка, сказавшаго вамъ истину, которую слышалъ отъ Бога:—Авраамъ такъ не дѣлалъ. Отсюда видно, что дѣла ваши показываютъ въ васъ дѣтей инаго отца».

Ст. 41. Іудеи увидѣли, что Господь говоритъ не о плотскомъ происхожденіи отъ Авраама. Хорошо. Однакоже и духовное наше рожденіе ничѣмъ не запятнано. По вѣрѣ въ Бога мы происходимъ отъ Бога, мы не отъ любодѣянія рождены.

Ст. 42—45. «Нѣтъ, сказалъ Господь. Нельзя сказать, чтобы отецъ вашъ былъ Богъ. Если бы вы были дѣти Его, то вы любили бы Меня, понимали бы языкъ Мой,—по крайней мѣрѣ могли бы охотно слушать слова Мои; потому что Я происхожу отъ того же Отца. Но въ васъ этого нѣтъ. А такъ какъ вы оказываете сопротивленіе истинѣ, не ненамѣренное только, но и намѣренное, то это состояніе вашего духа обличаетъ въ васъ дѣтей противника истины, діавола, который въ истинѣ не стоитъ. Ваши убійственные замыслы противъ Меня служатъ новымъ доказательствомъ вашего происхожденія отъ него: онъ человѣкоубійца отъ начала».

Ст. 46—47. «Итакъ одно изъ двухъ: или Я не говорю истины, но кто обличитъ Меня въ неправдѣ?—или вы не отъ Бога. Иначе бы мы понимали другъ друга».

Ст. 48. На такой ясный выводъ Іудеи ничѣмъ не могли болѣе отвѣчать, кромѣ ругательствъ. Самарянинъ Ты (еретикъ Ты),—бѣсъ въ Тебѣ!

Ст. 49—50. «Нѣтъ, бѣса во Мнѣ нѣтъ, кротко возразилъ Господь. А въ вашемъ отзывѣ только открывается новое доказательство того, что вы не отъ Бога. Я чту Бога, а вы не хотите воздать чести, но еще наносите безчестіе Тому, Кто чтитъ Бога. Впрочемъ Я не ищу съ васъ Своего безчестія. За Меня есть Кому искать и судить васъ».

Ст. 51. И Господь оставилъ тонъ обличенія, а сталъ говорить имъ о великомъ обѣтованіи блаженнаго безсмертія всякому, кто будетъ сохранять слово

Его, которое принялъ отъ Него съ вѣрою (31). «Кто сохранитъ слово Мое, сказалъ Онъ, обращаясь къ началу Своей бесѣды съ новоувѣровавшими, тотъ не вкуситъ смерти во вѣкъ».

Ст. 52—53. Но раздраженные противъ Него, повидимому, еще менѣе могли принимать такія слова: теперь-то узнали мы, что бѣсъ въ Тебѣ. Авраамъ умеръ, пророки умерли, а Ты не только Самому Себѣ готовъ приписать безсмертіе, но и всякому, кто сохранитъ слово Твое. Чѣмъ Ты Себя дѣлаешь?

Ст. 54—55. Съ Божественнымъ величіемъ Іисусъ отвѣчалъ: «Я не выдаю Себя за то, что̀ Я не есмь, но Я не могу отречься отъ того, что̀ Я есмь. Я не присвояю Себѣ никакой славы, но слава Моя отъ Отца,—отъ Того Самаго, Котораго вы называете Своимъ Богомъ. Но и если бы Я поставилъ Себя въ отношеніи къ Нему съ вами наравнѣ, то былъ бы противникъ истинѣ, какъ и вы.

Ст. 56. Итакъ могу Я сказать, что (не только выше Я пророковъ и самого Авраама, но) Авраамъ, котораго вы называете отцемъ своимъ, радъ былъ видѣть день Мой (времена Мои). И прибавлю: онъ видѣлъ день Мой (видѣлъ то, чего такъ сильно желали видѣть и другіе святые мужи, и не видали), и возрадовался.

Ст. 57. Въ упорствѣ невѣрія, съ насмѣшкою отвергая эти слова о радости Авраама видѣть день Христовъ, они готовы были сказать Ему: развѣ бы Ты Самъ радъ былъ видѣть Авраама? Но гдѣ и Тебѣ видѣть его, когда Тебѣ нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ!

Ст. 58—59. На эти слова злобы и хуленія Сынъ Божій отвѣчалъ: Я есмь прежде, чѣмъ Авраамъ былъ,—и, ожесточенные въ своемъ невѣріи, мнимые Его послѣдователи подняли было камни, чтобы побить Его какъ богохульника; но Онъ прошелъ среди нихъ невредимо (Ев. Исторія Горскаго, стр. 251—256).

Иже есть безъ грѣха въ васъ, первый верзи камень на ню (Іоан. VIII, 7).

Тогда какъ книжники и фарисеи, прикрываясь праведностью отъ закона, горделиво отталкивали отъ общества вѣрующихъ мытарей и грѣшниковъ и не только *затворяли предъ* ними *Царствіе Небесное* (Матѳ. XXIII, 13), но и, при первомъ случаѣ, готовы были обрушить на нихъ тяжесть закона, *Пришедшій призвати не праведныя, но грѣшныя на покаяніе*, съ заботливостію добраго пастыря, оставляющаго на горахъ девяносто девять овецъ и ищущаго единой заблудшей, кротостію и Божественнымъ снисхожденіемъ къ грѣшникамъ старался пробудить въ нихъ чувство покаянія, отвратить ихъ отъ пути погибельнаго и поставить на путь добродѣтели. Такъ поступилъ Онъ, когда фарисеи привели къ Нему грѣшницу и *глаголаша Ему: Учителю, сія жена ята есть нынѣ въ прелюбодѣяніи, въ законѣ же намъ Моусей повелѣ таковыя каменіемъ побивати. Ты же что глаголеши? Сіе же рѣша искушающе Его* (Іоан. VIII, 4—5). Лукавые совопросники знали, то есть, милосердіе Спасителя къ грѣшникамъ, еще не совсѣмъ погрязшимъ въ глубинѣ беззаконія, и думали, что Онъ дастъ имъ наилучшій поводъ къ всенародному обвиненію Его въ нарушеніи закона Моусеева.

Іисусъ Христосъ сначала ничего не отвѣчалъ имъ, и только, *долу преклонься перстомъ писаше на земли, не слагая имъ:* молчаніе, исполненное Божественной мудрости и снисходительности къ самимъ обвинителямъ! Чрезъ него Спаситель хотѣлъ дать имъ время оглянуться на самихъ себя и размыслить, чего и по какимъ побужденіямъ они такъ настоятельно требовали отъ Него. Но фа-

рисеи не уразумѣли сего знаменательнаго молчанія и только *прильжаху вопрошающе Его*. Тогда Христосъ поразилъ громовымъ отвѣтомъ: *иже есть безъ грѣха въ васъ, первый верзи камень на ню. Они же*, говоритъ Евангелистъ, *совѣстію обличаемы, исхождаху единъ по единому, наченше отъ старецъ до послѣднихъ, и оста единъ Іисусъ и жена посредѣ сущи. Восклонься же Іисусъ, рече:.. Ни кій же ли тебе осуди? Она же рече: никтоже, Господи: рече же ей Іисусъ: ни Азъ тебе осуждаю, иди и отселѣ ктому не согрѣшай.* Такъ, Божественною мудростію и снисхожденіемъ Своимъ, Іисусъ Христосъ не только спасъ жизнь несчастной женщинѣ и указалъ ей на отверстый еще для нея путь покаянія, но и фарисеямъ не подалъ повода обличить Его въ ослабленіи силы закона.

Слова Іисуса Христа къ фарисеямъ: *иже есть безъ грѣха въ васъ, первый верзи камень на ню*, должны обратить на себя особенное вниманіе всякаго христіанина, потому что онѣ могутъ имѣть обширное приложеніе въ жизни его и не должны быть понимаемы безъ ограниченія: иначе порокъ найдетъ въ нихъ орудіе къ отстраненію отъ себя всякаго обличенія и наказанія. Онѣ совсѣмъ не значатъ того, что человѣкъ грѣшный не имѣетъ права наказывать другаго, грѣшнаго же; потому что правитель въ государствѣ, судья въ судѣ, отецъ въ семействѣ, начальникъ въ кругу подчиненныхъ, господинъ въ домѣ, могутъ и должны наказывать подчиненныхъ своихъ за проступки, хотя сами они тоже не изъяты отъ грѣха; только никому изъ христіанъ, въ общественной ли то, частной ли жизни, не должны дѣлать этого съ внутреннимъ превозношеніемъ, съ цѣлью выказать свою праведность, отличиться ревностью въ глазахъ другихъ, съ онымъ фарисейскимъ: *нѣсмь якоже прочіи человѣцы* (Лук. XVIII, 11), тѣмъ менѣе дѣлать безъ всякой снисходительности, съ какимъ-то самоуслажденіемъ и нечистовою радостью.

Сіи-то недостатки, между прочимъ, провидѣлъ Спаситель и въ ревности фарисеевъ къ наказанію преступной жены. Они хотѣли, независимо отъ главной цѣли своей, злого умысла противъ Спасителя, выказать еще себя предъ народомъ, въ противоположность съ Нимъ (по ихъ понятіямъ другомъ мытарей и грѣшниковъ), ревнителями закона; и хотя, можетъ быть, были преступнѣе ея, однако чрезъ наказаніе грѣшницы, желали явить въ себѣ строгихъ блюстителей чистоты. Посрамивъ Божественною мудростію тайный умыселъ ихъ противъ Себя, Спаситель хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспрепятствовать и самому лукавому способу совершить неправо дѣло правды и сказалъ: *иже есть въ васъ безъ грѣха, первый верзи камень на ню;* слова, которыя, напоминая имъ собственную грѣховность ихъ, наилучшимъ образомъ вели къ подавленію въ нихъ лукаваго желанія отличиться своею нравственностью въ глазахъ народа. Собственно, какъ верховный Законодатель, Спаситель имѣлъ власть смягчить строгость закона; но, поняли ли бы и, главное, признали бы ее лукавые совопросники? Поэтому, Онъ утаилъ въ Себѣ это высокое достоинство; и только простымъ и мудрымъ отвѣтомъ, намекавшимъ на лукавое побужденіе ихъ къ наказанію преступницы, связалъ у нихъ, такъ сказать, руки и заставилъ ихъ отступить отъ своего намѣренія.

Итакъ, сознаніе собственной грѣховности не отнимаетъ права наказывать проступки другихъ ни у кого изъ *Божіихъ слугъ, носящихъ*, по выраженію Апостола, *мечь въ отмщеніе злое творящимъ* (Римлян. XIII, 4); но только это сознаніе должно устранять всякую ложную, чрезмѣрную ревность къ нака-

занію виновныхъ, происходящую отъ самомнѣнія ли то, или же изъ духовной гордости, ставящей себя превыше наказываемаго, или же изъ другихъ, еще худшихъ, побужденій; потому что, какъ-бы благовидною ни казалась эта ревность, она ложна во многихъ отношеніяхъ.

Проступки ближняго ни въ какомъ случаѣ и никому не даютъ повода ставить себя выше согрѣшившаго, по той причинѣ, что всегда остается еще недознаннымъ и неизвѣстнымъ, дѣйствительно ли онъ на самомъ дѣлѣ виновнѣе преслѣдующаго грѣхъ. Положимъ, въ семъ послѣднемъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ; незамѣтно грубыхъ, и, такъ сказать осязательныхъ преступленій; за то, быть можетъ, есть, и есть не мало пороковъ внутреннихъ, тонкихъ, духовныхъ. Одинъ изъ такихъ, чисто духовныхъ грѣховъ, какъ напримѣръ, кичливое самомнѣніе, противленіе Духу Святому и истинѣ, неблагодарность къ Богу, ненависть и проч. не тяжелѣе ли на вѣсахъ правды Божіей всякаго плотскаго, чувственнаго грѣха? Діаволы, какъ извѣстно, не совершаютъ грубыхъ чувственныхъ грѣховъ; тѣмъ не менѣе, они грѣшнѣе всякаго грѣшника.

Еще безотвѣтнѣе предъ Богомъ та ревность къ наказанію согрѣшившаго собрата, пружиною которой служитъ мнѣніе (иногда едва замѣтное для насъ самихъ) о своей самоправедности, или о томъ, что не помощи Божіей, но своимъ силамъ и собственной непоколебимости въ добрѣ, мы обязаны тѣмъ, что изъяты отъ грѣховъ, которые, потому, не терпимъ и преслѣдуемъ въ другихъ: *нѣсмь якоже прочіи человѣцы!* Этимъ нравственнымъ тщеславіемъ водились и фарисеи, крѣпко почивавшіе на своей праведности, и потому, съ такимъ довольствомъ уловившіе грѣшницу и съ такимъ рвеніемъ представившіе ее на осужденіе; тщеславіе жалкое! *Ибо, что имаши, егоже нѣси пріялъ? Аще же пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемъ?* (1 Коринѳ. IV, 7.) Ты чувствуешь себя (если только точно чувствуешь) свободнымъ отъ грѣховъ, которые такъ поражаютъ тебя въ ближнемъ твоемъ, и, вслѣдствіе сего преслѣдуешь ихъ? Но думаешь ли, что ты не ниспалъ бы до тѣхъ же самыхъ грѣховъ, если бы помощь Божія оставила тебя?... На какой высотѣ праведности стоялъ Давидъ и какъ стремительно и глубоко ниспалъ, потомъ, вдругъ! Блаженный Августинъ справедливо замѣчаетъ, что «нѣтъ ни одного грѣха въ ближнемъ нашемъ, такого, котораго не могъ бы сдѣлать и всякій другой человѣкъ, если отступитъ отъ него Правитель, Который сотворилъ его. «Это-то, между прочимъ, налагаетъ обязанность, напримѣръ на посвятившихъ себя чистотѣ и дѣвству, при видѣ безпорядочной жизни ближняго, никогда не отзываться о немъ съ какимъ-нибудь горделивымъ отвращеніемъ, или горечью, въ основѣ которыхъ всегда скрывается мысль, что сами они себя считаютъ неспособными ниспасть до той же степени; далѣе, на характеры мирные и спокойные, не судить строго о раздражительныхъ и гнѣвливыхъ; на людей, проводящихъ жизнь въ молитвѣ и воздержаніи, не отзываться съ пренебреженіемъ о людяхъ невоздержныхъ и ведущихъ жизнь свѣтскую, разсѣянную; потому что если есть различіе въ поступкахъ тѣхъ или другихъ лицъ, то оно происходитъ не изъ заслуги первыхъ, не изъ ихъ нравственной непоколебимости, но есть даръ благодати Божіей.

Бываютъ, наконецъ, случаи, когда ревность къ наказанію согрѣшившаго собрата, принимаетъ видъ какого-то неистоваго довольства, и, въ сущности своей, есть не иное что, какъ ненависть

къ нему: состояніе, ничѣмъ неизвиняемое. Ибо, пока человѣкъ живъ, для него всегда существуетъ возможность раскаяться, и самая любовь христіанская требуетъ не отнимать у него ни времени, ни способовъ къ сему, какъ подтвердилъ сіе высокимъ примѣромъ Своимъ Спаситель въ дѣлѣ грѣшницы, приведенной на судъ къ Нему. Посему-то нѣкоторые христіанскіе правители, проникнутые духомъ своей любви, стараются употреблять наказанія, болѣе исправительныя, съ цѣлью обратить и вразумить согрѣшившаго; потому что настоящая жизнь, вообще, не есть время окончательныхъ разсчетовъ и наказаній. Если уже безопасность общественная неотложно требуетъ какихъ либо крайнихъ мѣръ, то съ какимъ болѣзненнымъ чувствомъ, неохотою рѣшаются они на это!

Вообще, слова Іисуса Христа: *иже есть безъ грѣха въ васъ, первый верзи камень на ню*, должны имѣть обширное приложеніе какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни христіанина и смирять въ немъ всякую горечь, досаду и стремительность къ осужденію, или наказанію согрѣшившаго собрата. Насъ раздражаютъ и возставляютъ противъ себя чужіе проступки и грѣхи. Для насъ оскорбительны и невыносимы несправедливые отзывы и рѣчи другихъ о насъ?... Но будемъ справедливы и размыслимъ прежде всего, нѣтъ ли въ насъ тѣхъ же самыхъ, или имъ подобныхъ грѣховъ, и не суть ли эти проступки ближнихъ нашихъ и эти несправедливые отзывы о насъ тайное, но справедливое возмездіе за подобныя же мнѣнія и поступки наши? Если только совѣсть сколько-нибудь зазираетъ намъ въ семъ, то, вмѣсто того, чтобы повергать на согрѣшившаго собрата камень осужденія, повторимъ для себя въ тайнѣ сердецъ нашихъ слова Спасителя: *иже есть безъ грѣха въ васъ, первый верзи камень на ню!* (Воскр. Чт., г. XXIII, стр. 302—304.)

О неосужденіи грѣшницы (Іоан. VIII, 11).

(*Прот. Базарова.*)

И Я не осуждаю тебя. Но здѣсь мы съ трепетомъ и изумленіемъ спрашиваемъ самихъ себя: что же значитъ это слово: не осуждаю? Не есть ли это подрывъ нравственности, когда на явный грѣхъ произносится такой оправдательный приговоръ и при томъ изъ устъ воплощенной Правды? Мы бы еще смиренно поняли силу любви Божіей, если бы изъ устъ Спасителя произнесено было при этомъ случаѣ слово прощенія. Мы вспомнили бы при этомъ, какъ Іисусъ Христосъ при другомъ случаѣ сказалъ, что Сынъ Человѣческій имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи (Марк. XI, 10). Но здѣсь прямо и ясно сказано: «и Я тебя не осуждаю!» И какое странное сопоставленіе въ устахъ Небеснаго Учителя Себя съ коварными книжниками: они тебя не осудили, и Я тебя не осуждаю!

Но это только отвѣтъ на хитросплетенную задачу. Возраженіе состояло въ томъ: Моисей повелѣлъ въ законѣ побивать камнями преступницу, пойманную на самомъ дѣлѣ; но съ водвореніемъ Римскаго владычества въ Палестинѣ право смертной казни было отнято у Іудеевъ. Теперь Іисусъ Христосъ долженъ былъ, по настоянію книжниковъ, рѣшить вопросъ: кого онѣ должны были болѣе слушаться—Моисея, какъ ихъ народнаго законодателя, или Римскаго императора, ихъ завоевателя и притѣснителя? Этотъ хитросплетенный вопросъ былъ разрѣшенъ Іисусомъ Христомъ не по формѣ, но по существу. Онъ обращенъ былъ Имъ въ вопросъ совѣсти, и тогда только, какъ вопрошатели, не выдержавъ этого испы-

танія, удалились, оставивъ одну женщину предъ Іисусомъ Христомъ, Онъ снова поднимаетъ вопросъ по формѣ, и спросивъ напередъ: гдѣ твои обвинители? прибавляетъ: никто не осудилъ тебя?—разумѣя при этомъ назначенную въ законѣ казнь. Тогда и Я не осуждаю тебя на эту казнь.

Между тѣмъ собственно судъ надъ преступницей еще не былъ оконченъ. Она и послѣ этихъ словъ еще стояла передъ Судьею, пока Онъ не произнесъ Свое «поди»! Это въ судебной практикѣ называется освобожденіемъ обвиняемаго, оправдательнымъ приговоромъ. Но въ устахъ Праведнаго Судіи этотъ отпускъ на свободу не ограничился однимъ только объявленіемъ оправданія, но весьма важнымъ опредѣленіемъ всего поведенія виновной. «Поди—и впредь не грѣши»! Въ этихъ послѣднихъ словахъ выражена вся суть морали и настоящая цѣль закона. Грѣхъ, какъ паденіе, бываетъ часто случайностью, въ которой воля запутывается окружающими ее обстоятельствами. Нарушеніе закона въ такомъ случаѣ, даже при извѣстности ожидаемой за то кары, совершается помимо яснаго сознанія самого дѣла, и только послѣ совершившагося факта человѣкъ становится въ безвыходное положеніе, въ которомъ онъ сознаетъ свою вину и не видитъ болѣе возможности поправить дѣло, сдѣлать совершенный поступокъ не содѣланнымъ. Если бы въ такую минуту не послѣдовало помощи свыше, грѣшнику не оставалось бы ничего, кромѣ отчаянія. Нерѣдко иной потому только и повергается въ бездну зла и порока, что онъ пропустилъ ту благопріятную минуту, когда помощь свыше готова еще была удержать его на краю погибели. Услышать всепрощеніе среди мятежнаго сознанія своей виновности значитъ то же самое, что среди агоніи смерти быть воззваннымъ снова къ жизни. И въ томъ и другомъ случаѣ нужна Божественная сила, предъ которою одинаково склоняются какъ законы физическіе, такъ и нравственные. Что̀ легче: сказать ли разслабленному: прощаются тебѣ грѣхи? или сказать: встань, возьми одръ твой и ходи (Марк. XI, 9). Для этого дѣйствительно нужна Божеская сила, и одинъ только Богъ могъ сказать: если будутъ грѣхи ваши, какъ багряница, то сдѣлаются бѣлыми, какъ снѣгъ; если будутъ красны, какъ пурпуръ, сдѣлаются, какъ бѣлая волна» (Исход. I, 18). Но такому измѣненію нравственнаго состоянія должно предшествовать со стороны человѣка раскаяніе. «Покайтесь»! было первымъ словомъ проповѣди Спасителя на землѣ. Въ исторіи грѣшницы предъ судомъ Христовымъ мы не видимъ этого самоосужденія съ ея стороны, за которымъ послѣдовало милосердое разрѣшеніе отъ грѣха въ словѣ: «поди»! Но для раскаянія, какъ вопля души о помилованіи, не нужно словъ, какъ для усиленной молитвы не требуется воплей. Когда Израильтяне находились на берегу моря, а сзади ихъ наступалъ фараонъ со своимъ войскомъ, готовый потопить ихъ въ морской безднѣ, Моисей не произнесъ ни одного отчаяннаго вопля ко Господу о помощи, и однако Богъ говоритъ ему: «что ты вопіешь ко Мнѣ»? (Исход. XIV.) Не есть ли это доказательство, что вопли души безъ словъ и звуковъ слышнѣе Богу, чѣмъ всѣ тѣ «многоглаголанія» людей, думающихъ, что во многоглаголаніи-то своемъ они и будутъ услышаны (Матѳ. VI, 7). Женщина-грѣшница также стояла молча предъ Іисусомъ. Но что̀ происходило въ душѣ ея въ тѣ двѣ торжественныя минуты молчанія, когда Онъ наклонившись писалъ перстомъ на землѣ, объ этомъ можетъ знать только Богъ, да

ея совѣсть. Разбойникъ на крестѣ произнесъ по крайней мѣрѣ одно слово покаянной вѣры, но, конечно, одно слово не спасло бы его, если бы этому слову не предшествовало въ душѣ его цѣлое море раскаянія. Какъ относительно коротко, даже мгновенно, бываетъ раскаяніе за цѣлую жизнь, не одинъ изъ насъ испыталъ на себѣ, находясь въ опасности лишиться жизни. Здѣсь въ одно мгновеніе пролетаетъ въ нашемъ сознаніи цѣлый рядъ жизненныхъ событій, и мы дѣлаемся мгновенно другими, отвергая отъ себя все, пройденное грѣховно, и облекаясь въ новаго человѣка. Такъ бываетъ и съ каждымъ возрожденнымъ благодатію.

Великое слово: «поди и впредь не грѣши»! даетъ намъ ясное и полное понятіе о цѣломъ домостроительствѣ нашего спасенія. Когда Спаситель нашъ испуская послѣдній вздохъ на крестѣ, произнесъ Свое: «совершилось»! Онъ сказалъ намъ этимъ то же: «поди и впредь не грѣши»! Въ мірѣ нравственномъ видимо есть такіе же законы бытія, какъ и въ природѣ вещественной. Какъ здѣсь мастеръ починяетъ попортившуюся вещь и отдаетъ ее на прежнее употребленіе, какъ искусный лѣкарь поправляетъ испорченное здоровье и даетъ наставленіе своему выздоровѣвшему паціенту—наставленіе беречься впредь отъ всего, могущаго повредить его здоровью, такъ и Богъ, Своею мощною силою возстановляя нашу нравственность, говоритъ намъ: «поди и впредь не грѣши!» На крестѣ, въ торжественную минуту нашего полнаго искупленія, совершилось великое дѣло нашего возрожденія, и затѣмъ настала новая жизнь, новое Царство Божіе на землѣ. Казалось бы, что теперь нѣтъ болѣе опасности человѣку заблуждаться снова своимъ разумомъ до впаденія въ первое искушеніе—въ покушеніе быть самому Богомъ. Но, къ сожалѣнію и скорби, человѣкъ и возрожденный остался со своимъ эгоизмомъ, такъ охотно уступающимъ влеченію страстей. Правда, въ вѣрующемъ, пока онъ не отпадаетъ снова отъ Бога, живетъ одна мысль смиреннаго сознанія, выражающаяся въ словахъ молитвы: «Господи, аще и согрѣшихъ, но не отступихъ отъ Тебе»! Но искушенія, но заблужденія, но увлеченія остаются сильными побужденіями воли, падающей на каждомъ шагу. Здѣсь не довольно одной борьбы, которая во всякомъ случаѣ бываетъ утомительна. Здѣсь нужно лѣченіе. Это лѣченіе намъ преподано въ таинствѣ покаянія. Здѣсь снимаются съ насъ и бремя самаго грѣха и страхъ отвѣтственности за грѣхъ. Но сила и этого спасительнаго учрежденія лежитъ въ тѣхъ же словахъ Спасителя къ женщинѣ-грѣшницѣ: «поди—и впредь не грѣши»! (Стран. 1880 г. II, май стр. 37—51.)

Аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки (Іоан. VIII, 51).

Смерть бываетъ различныхъ родовъ: когда надежды насъ обманываютъ, когда наши планы разрушаются и не исполняются любимѣйшія желанія, когда вмѣсто радостей и мира удѣлъ нашъ составляютъ скорби и страданія; тогда земная жизнь представляется намъ пространнымъ гробомъ, въ которомъ нѣтъ ни свѣта, ни теплоты для души нашей. Но кто позналъ Бога во Христѣ и соблюдаетъ слово Его, для того нѣтъ такой смерти. Онъ вѣритъ и потому любитъ, любитъ и потому надѣется, надѣется, и потому терпитъ и смиряется. Мысль о всеблагомъ Создателѣ услаждаетъ и побѣждаетъ всякую скорбь; я думалъ такъ, говоритъ онъ, но Ты, Отецъ Небесный, знаешь лучше, что для меня хорошо; и потому вознесусь я сердцемъ надъ

страданіями земными и устремлю взоры свои въ страну вѣчнаго мира.

Когда свѣтъ вѣры, а съ нимъ свѣтъ истины погасаетъ въ насъ, когда заблужденіе распространяетъ надъ нами свой мракъ, и мы не знаемъ: откуда мы, для чего и куда ведетъ нашъ путь? тогда все мрачно вокругъ насъ; смертная тьма повсюду и нѣтъ отрадной звѣзды, которая освѣщала бы путь нашей жизни. Но кто проникнутъ ученіемъ Іисуса Христа, для того нѣтъ подобной смерти. Тотъ знаетъ, откуда исшелъ и для чего живетъ,—знаетъ, гдѣ его высочайшая цѣль и куда постоянно долженъ идти человѣкъ. И чѣмъ далѣе идетъ онъ по пути спасенія, тѣмъ свѣтлѣе и отраднѣе дѣлается для него все въ мірѣ. *Господь свѣтильникъ путямъ его и свѣтъ стезямъ его.* На Него онъ надѣется, и въ Немъ обрѣтаетъ истину и счастіе.

Когда мы не любимъ добродѣтели и слушаемъ закона Божія, когда мы подавляемъ движенія нашей совѣсти и заглушаемъ ея голосъ, когда мы погрязаемъ во грѣхѣ и стремимся въ бездну погибели,—это самая ужасная смерть совѣсти, потому что разъединяетъ насъ съ Богомъ и ведетъ къ вѣчной смерти. Кто позналъ Бога во Христѣ и живо проникнутъ этимъ познаніемъ, для того нѣтъ этой смерти. Онъ помнитъ слово Господне: *пріидите ко Мнѣ, вси труждающіеся, и Азъ упокою вы,* и священное таинство покаянія служитъ для него неизсякаемымъ источникомъ Божественнаго милосердія, въ которомъ онъ можетъ снова обрѣсти часть въ заслугахъ Искупителя. Ибо всѣмъ дарованъ Сынъ, дабы всѣ въ Сынѣ обрѣли Отца, а въ Отцѣ вѣчное спасеніе.

Есть, наконецъ, смерть тѣлесная, когда нашъ день склонится къ вечеру. Тогда улетятъ суетныя радости міра и откроется мрачная темница гроба, въ которомъ истлѣетъ тѣлесная природа наша. Но кто позналъ Бога во Христѣ, для того эта смерть не есть смерть, а переходъ къ жизни лучшей; освобожденіе отъ тѣхъ оковъ, которыя связываютъ духъ его, возвращеніе въ домъ отеческій и начало совершенства, которое должно быть единственною цѣлью нашей жизни. *Азъ живу,* сказалъ Воскресшій, и *вы живи будете* (Воскр. Чт., г. XXIV, стр. 67—68).

Библіографическій указатель къ VIII гл. Ев. Іоанна.

1) Мысли *епископа Θеофана* на ст. 12. 139; на ст. 24. 337; на ст. 25. 141—143; на ст. 45. 144; на ст. 59. 146.

2) Ст. 12. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О вліяніи христіанскаго ученія на благосостояніе государства. II. 217.

3) Духовная гордость. Христіанское Чт. 1824 г. XV. 198—214.

4) Ст. 31—32. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* О значеніи и сущности истинной свободы. II. 63—65.

5) Ст. 36. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О христіанской свободѣ. IV. 67.

6) Ст. 44. *Еп. Никодима.* О діаволѣ. Воскресное Чтеніе, г. XXI. 308—313.

7) Ст. 46. *С. И. П.* Безгрѣшность Господа Іисуса Христа, какъ доказательство Его Богочеловѣческой природы. Душеп. Чтеніе 1878 г. II. 255—286.

8) Ст. 56. *Филарета, митроп. Московскаго.* О провидѣніи Авраамомъ воскресенія Господня. Чт. въ Общ. 1873 г. іюнь. 734—737.

9) *И. Корсунскаго.* Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завѣта. Авраамъ по новозавѣтному толкованію. Чт. въ Общ. 1880 г. II сент. 189—200.

10) Ст. 45—59. *Св. Григорія Двоеслова.* О достоинствѣ и личной высокости Іисуса Христа. Бес. на Ев. въ р. п. архим. Климента. Кн. I. 176—185.

Исцѣленіе слѣпорожденнаго (Іоан. IX, 1—41).

На третьемъ году Своего общественнаго служенія, Господь Іисусъ Христосъ въ одинъ изъ субботнихъ дней, проходя подлѣ зданія храма, гдѣ обыкновенно сидѣли увѣчные разнаго рода и просили милостыни, увидѣлъ человѣка слѣпого отъ рожденія: «*и мимо идый видѣ человѣка слѣпа отъ рождества* (1)». Особенное вниманіе, съ какимъ вѣроятно Спаситель посмотрѣлъ на слѣпца заняло учениковъ Его, и они спросили: «*Равви! кто согрѣши, сей ли, или родители его, яко слѣпъ родися?* (2.)» Въ своемъ вопросѣ ученики замѣчаютъ, что сидѣвшій предъ ними слѣпецъ слѣпымъ и родился: это они могли узнать или изъ возгласовъ слѣпца, или же отъ кого-нибудь сторонняго. Дилемма, заключавшаяся въ вопросѣ ихъ, предполагаетъ, что они считали то и другое свое предположеніе возможнымъ. Они были, во-первыхъ, совершенно вправѣ почесть слѣпоту этого человѣка наказаніемъ за грѣхи его родителей. Въ книгѣ Исходъ (XX, 5, ср. Второзак. V, 9. Іерем. XXXII, 18) они читали, что Богъ наказываетъ дѣтей за грѣхи родителей до третьяго и четвертаго рода, а на основаніи строгаго Іудейскаго ученія о возмездіи они также увѣрены были, что всякое земное несчастіе, всякое зло, постигающее человѣка, имѣетъ послѣднее свое основаніе въ грѣхѣ, будетъ ли это собственный его грѣхъ, или чужой. Въ основаніи этого ученія лежитъ глубокая истина. Въ семействѣ господствуетъ внутреннѣйшее, духовное общеніе добра и зла; счастіе или несчастіе, какъ мы нерѣдко видимъ въ жизни, переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ. Но какъ же, во-вторыхъ, ученики могли почесть слѣпоту этого человѣка слѣдствіемъ его собственныхъ грѣховъ, когда по ихъ же словамъ онъ слѣпымъ родился? Вопросъ этотъ рѣшаютъ различнымъ образомъ. Основательнѣе другихъ думаютъ тѣ, которые толкуютъ, что ученики при вопросѣ своемъ имѣли въ виду Божественное предвѣдѣніе будущихъ грѣховъ этого человѣка и сообразно съ этимъ предвареніе (anticipatio) наказанія его. У нихъ при этомъ могла предноситься въ умѣ исторія Исава, надъ которымъ отяготѣлъ уже приговоръ, когда онъ находился еще въ матерней утробѣ (Быт. XXV, 23), хотя Исавъ—уже впослѣдствіи презрѣніемъ права первородства и продажею его совершилъ грѣхъ, за который объявлено наказаніе (ср. Римлян. IX, 11 и 9). Богъ предвидитъ злое, какъ свободное дѣйствіе человѣка, не желая конечно совершенія его, и такъ какъ всякое земное наказаніе заключаетъ въ себѣ и возмездіе и переходъ къ освобожденію отъ него, то Онъ и посылаетъ наказаніе прежде грѣха, чтобъ ослабить грѣхъ въ его совершеніи, и тѣмъ сильнѣе возбудить чувство раскаянія.

Іисусъ Христосъ отрицаетъ объ указанныя въ вопросѣ причины слѣпоты; причина эта, говоритъ Онъ, не заключается ни въ собственныхъ грѣхахъ слѣпого, ни въ грѣхахъ его родителей. Къ словамъ: *ни сей согрѣши, ни родителя его*, нужно слѣдовательно присовокупить, «чтобы онъ ради этого родился слѣпымъ»; потому что Спаситель здѣсь говоритъ конечно не о совершенной безгрѣшности слѣпаго и его родителей. Не входя въ изслѣдованіе причины, Іисусъ Христосъ указываетъ цѣль слѣпоты этого человѣка, именно показать Его Божественную спасительную силу. Ученики должны имѣть только въ виду это предназначеніе, которое Онъ тотчасъ исполнитъ, и вопросъ о причинѣ слѣпоты разрѣшится самъ собою. *Да явятся дѣла Божія на немъ* (3). Іисусъ Хри-

стосъ хотѣлъ этимъ сказать не то, что этотъ человѣкъ родился слѣпымъ единственно для той цѣли, чтобы на немъ явились дѣла Божіи, но что это несчастіе, это зло, какъ уже существующее, должно теперь по волѣ Божіей служить къ тому, чтобы въ немъ черезъ Христа открылся, явилъ Свою силу Богъ. Слѣдовательно не исключается, что это зло могло служить и для другихъ цѣлей. Дѣла Божіи—это дѣла, совершенныя Богомъ чрезъ Христа и въ этомъ случаѣ—чудесное исцѣленіе слѣпорожденнаго.

Въ виду Своего близкаго отшествія изъ міра, Іисусъ Христосъ говоритъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя, дондеже день есть: пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати* (4). Спаситель сравниваетъ здѣсь продолженіе Своей земной дѣятельности со днемъ, временемъ труда для людей, а смерть Свою съ ночью, временемъ покоя, и хочетъ сказать: «Мнѣ нужно пользоваться всякимъ представляющимся случаемъ для совершенія порученныхъ Мнѣ Богомъ дѣлъ и для засвидѣтельствованія, что Я посланникъ Божій». Можетъ быть, Онъ также хотѣлъ напередъ оправдать этимъ и то, что предпринимаетъ исцѣленіе въ субботу. *Егда въ мірѣ есмь*, т. е. находясь въ мірѣ, *свѣтъ есмь міру* (5). Іисусъ Христосъ называетъ здѣсь Себя «свѣтомъ міру», имѣя въ виду предстоящее исцѣленіе слѣпорожденнаго. Этимъ предварительнымъ замѣчаніемъ Онъ хочетъ поставить Своихъ слушателей на надлежащую точку зрѣнія, съ которой они должны смотрѣть на имѣвшее послѣдовать чудо. Чудеса Господа имѣли своею цѣлью не только засвидѣтельствовать Его Божественное посланничество, но и вмѣстѣ съ тѣмъ служить внѣшними символами Его внутренней духовной дѣятельности и какъ-бы объясненіемъ Его ученія. Христосъ училъ, что Онъ есть духовный свѣтъ міру (VIII, 18), и внѣшнимъ образомъ засвидѣтельствовалъ это тѣмъ, что возвращалъ физическое зрѣніе тѣлесно слѣпымъ. Онъ сказалъ: «отпускаются твои грѣхи» (Матѳ. IX, 2), и чтобы показать, что Онъ имѣетъ власть очищать и отъ духовной проказы грѣха, сказалъ прокаженному тѣлесно: «хочу, очистись» (Матѳ. VIII, 3). Онъ называлъ Себя въ духовномъ смыслѣ жизнію и воскресеніемъ (XI, 25)—и воскресилъ изъ гроба умершаго Лазаря (XI, 43 и д.); Онъ называлъ Себя хлѣбомъ жизни (VI, 32), —и насытилъ тысячи нѣсколькими хлѣбами (VI, 11 и д.).

Сія рекъ, плюну на землю, и сотвори бреніе отъ плюновенія и помаза очи бреніемъ слѣпому. И рече ему: иди, умыйся въ купѣли Силоамстѣ, еже сказается: посланъ. Иде убо, и умыся, и пріиде видя (6—7). Еврейское имя Силоамъ Евангелистъ переводитъ словомъ: «посланный», и находитъ въ этомъ названіи купели прообразовательное значеніе, но не въ отношеніи къ Мессіи, какъ посланнику Божію, а въ отношеніи къ слѣпому, который былъ посланъ въ купель; данное прежде названіе этой купели, по мнѣнію Евангелиста, было пророчествомъ на посольство слѣпаго къ этой купели и на совершившееся чудо. Силоамскій источникъ на южной сторонѣ храмовой горы вытекалъ изъ известковыхъ скалъ и, по свидѣтельству Іосифа Флавія, въ долинѣ образовалъ собою водоемъ, купель, мѣсто для купанья, названное Силоамъ (Неем. III, 15). Спаситель здѣсь, какъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ, употребилъ внѣшній знакъ или средство для обнаруженія Своей чудотворящей силы. Помазаніе очей бреніемъ изъ плюновенія и вода были физическими знаками, посредствомъ которыхъ Онъ передалъ и

сообщилъ слѣпому чудотворную силу, также какъ и въ Церкви Христовой сообщеніе Его благодати происходитъ посредствомъ внѣшнихъ знаковъ. Господь употребилъ здѣсь эти внѣшнія средства главнымъ образомъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы возбудить довѣріе въ слѣпомъ и такимъ образомъ приготовить его къ вѣрѣ.

Далѣе Евангелистъ повѣствуетъ, какое впечатлѣніе произвело это исцѣленіе. Наглядность изображенія приводитъ къ предположенію, что святый Іоаннъ весь ходъ происшествія узналъ изъ устъ самого исцѣленнаго. *Сосѣди же и иже бяху видѣли его прежде, яко слѣпъ бѣ, глаголаху: не сей ли есть сѣдяй и проситъ?* Итакъ какъ мнѣнія поэтому раздѣлились, *овіи глаголаху, яко сей есть, иніи же глаголаху, яко подобенъ ему есть*, то исцѣленный самъ открыто объявляетъ: *азъ есмь*. И будучи спрошенъ: *како ти отверзостася очи?* онъ вкратцѣ разсказываетъ ходъ дѣла: *человѣкъ нарицаемый Іисусъ брѣніе сотвори и помаза очи мои, и рече ми: иди въ купѣль Силоамлю, и умыйся! Шедъ же и умывся, прозрѣхъ* (11). Судя потому, какъ исцѣленный говоритъ здѣсь объ Іисусѣ Христѣ, очевидно, что молва о Немъ, какъ о Мессіи, еще не достигла до него. Нельзя съ точностью опредѣлить, по какимъ побужденіямъ сосѣди и знакомые исцѣленнаго привели его къ фарисеямъ, были ли у нихъ какія-нибудь злобныя намѣренія, или они просто хотѣли узнать мнѣнія начальства касательно такого небывалаго явленія. Формальность дальнѣйшаго разслѣдованія показываетъ, что оно происходило передъ судомъ. Замѣчаніе Евангелиста (14), что исцѣленіе произошло въ субботу, сдѣлано имъ не для того, чтобы представить основаніе, почему сосѣди и знакомые исцѣленнаго привели его къ фарисеямъ, но потому, что это обстоятельство нѣкоторыми изъ фарисеевъ (16) выставлено было, чтобы подорвать значеніе чуда.—*Паки же вопрошаху его и фарисее, како прозрѣ?* (15).—«*Паки*», именно послѣ вопросовъ сосѣдей (10) фарисеи возобновили этотъ вопросъ, такъ какъ надѣялись, что исцѣленный будетъ говорить согласно ихъ желаніямъ. Но онъ остается при прежнемъ отвѣтѣ и говоритъ: *брѣніе положи мнѣ на очи, и умыхся, и вижду*. Какъ правдолюбивый человѣкъ, онъ точно говоритъ только то, что̀ самъ онъ чувствовалъ; поэтому онъ и не упоминаетъ о плюновеніи.—*Глаголаху убо отъ фарисей нѣцыи: нѣсть Сей отъ Бога Человѣкъ, яко субботу не хранитъ: овіи глаголаху: како можетъ человѣкъ грѣшенъ сицева знаменія творити?—И распря бѣ въ нихъ* (16). Многіе изъ фарисеевъ въ своей мелочности доходили до того, что считали непозволительнымъ въ субботу мазать слѣпому глазныя вѣки, хотя это и считалось полезнымъ для больныхъ глазъ. Подобнаго рода законники были и здѣсь. Другіе, напротивъ, справедливо заключали: если Іисусъ дѣйствительно нарушилъ субботу, то Онъ грѣшникъ; если же Онъ грѣшникъ, то у Него не было бы Божественной помощи, необходимой для совершенія чуда. Но Онъ совершилъ чудо, слѣдовательно и т. д. И такъ какъ мнѣнія судей были различны, то для нихъ важно было узнать собственное мнѣніе исцѣленнаго. Поэтому они обращаются къ нему съ вопросомъ: *ты что глаголеши о Немъ, яко отверзе очи твои? Онъ же рече, яко пророкъ есть* (17).

Поелику же исцѣленный не обинуясь объявилъ Іисуса Христа пророкомъ, то Іудеи, т. е. тѣ изъ фарисеевъ, которые больше всего были враждебны къ Іисусу, вообразили себѣ, что исцѣ-

ленный согласился съ Іисусомъ распространять ложное, по ихъ мнѣнію, чудо, и приказали позвать родителей исцѣленнаго: *не яша убо вѣры Іудее о немъ, яко слѣпъ бѣ и прозрѣ, дондеже возгласиша родителей того прозрѣвшаго* (18). Изъ слова «*дондеже*» не слѣдуетъ, что послѣ они повѣрили; напротивъ, изъ того, что они и послѣ оставались также враждебны, видно, что они не вѣрили, чтобы исцѣленный былъ слѣпъ отъ рожденія.

И вопросиша ихъ (родителей), *глаголюще: сей ли есть сынъ вашъ, егоже вы глаголете, яко слѣпъ родися? Како убо нынѣ видитъ* (19)? Вопросъ, предложенный родителямъ исцѣленнаго, былъ собственно троякій: вашъ ли это сынъ? Слѣпымъ ли онъ, какъ вы утверждаете, родился? Какъ онъ прозрѣлъ?— Родители отвѣчаютъ на оба первые вопроса: *вѣмы, яко сей есть сынъ нашъ и яко слѣпъ родися.* За отвѣтомъ же на третій вопросъ они предлагаютъ обратиться къ своему сыну, который уже самъ возрастенъ и лучше всего можетъ отвѣтить на ихъ вопросъ: *како же нынѣ видитъ, не вѣмы, или Кто отверзе ему очи, мы не вѣмы: самъ возрастъ имать, самого вопросите, самъ о себѣ да глаголетъ* (21). Къ этому Евангелистъ присоединяетъ замѣчаніе: *сія рекоша родителя его, яко бояшася Жидовъ. Уже бо бяху сложилися Жидове, да аще кто Его исповѣстъ Христа, отлученъ отъ сонмища будетъ. Сего ради родителя его рекоша, яко возрастъ имать, самого вопросите* (22—23).

Слова, съ которыми Іудеи обратились снова къ исцѣленному: «*даждь славу Богу*», составляли клятвенную формулу (Іис. Нав. IV, 7, 19. 2 Эздр. IX, 8). Богу воздается слава и честь, когда въ данномъ случаѣ Его единаго признаютъ непогрѣшимымъ Судьею. Но въ устахъ Іудеевъ эта формула была совершеннымъ лицемѣріемъ: они хотѣли показаться, что они первѣе и главнѣе всего заботятся о славѣ Божіей. Говоря далѣе: *мы* (съ своей стороны) *вѣмы, яко Человѣкъ Сей грѣшенъ есть,* они влагаютъ исцѣленному въ уста отвѣтъ, какой желали бы они слышать отъ него. Они хотятъ, чтобы онъ призналъ, что Іисусъ не совершилъ чуда, такъ какъ Онъ, будучи грѣшнымъ человѣкомъ, и не могъ совершить его. Съ своей стороны они давно уже составили свое сужденіе объ Іисусѣ и теперь стараются только своимъ авторитетомъ ободрить исцѣленнаго. Но онъ отвѣчаетъ имъ: *аще грѣшенъ есть, не вѣмъ: едино вѣмъ, яко слѣпъ бѣхъ, нынѣ же вижу* (25). Таковъ былъ отвѣтъ этого прямаго, здравомыслящаго человѣка, который твердо стоялъ въ томъ, что̀ зналъ. Съ благоразумною сдержанностью онъ разсказываетъ о случившемся, но не рѣшается произносить сужденіе объ Іисусѣ.

Не достигши своей цѣли довести исцѣленнаго до отрицанія чуда, Іудеи, чтобы запутать его, возвращаются снова (15) къ вопросу о томъ, какъ произошло исцѣленіе. Они спрашиваютъ его: *что сотвори тебѣ? како отверзе очи твои* (26)? Исцѣленный отвѣчаетъ: *рекохъ вамъ уже, и не слышасте*, т. е. не повѣрили; *что паки хощете слышати? Еда и вы ученицы Его хощете быти?* Отвѣтъ этотъ совершенно психологическій. Когда простой необразованный человѣкъ замѣчаетъ, что къ нему пристаютъ съ хитрыми насмѣшливыми вопросами о такихъ предметахъ, въ которыхъ онъ вполнѣ убѣжденъ, и приступаютъ только для того, чтобы запутать его, тогда онъ становится строптивъ, грубъ и язвителенъ.

Простодушная смѣлость необразованнаго человѣка въ отношеніи къ высокообразованнымъ людямъ воспламенила

ярость фарисеевъ. Его слова: *еда и вы ученицы Его хощете быти?* они возвращаютъ ему назадъ: *ты ученикъ еси Того,* съ оттѣнкомъ презрѣнія въ послѣднемъ словѣ. Осмѣянные фарисеи думали, что этими словами они бранятъ исцѣленнаго и въ слѣпотѣ своей не видѣли, что говорятъ ему самую лучшую похвалу. Съ гордостью они присовокупляютъ: *мы же Моусеови есмы ученицы. Мы вѣмы, яко Моусеови глаголa Богъ* (и поэтому мы его ученики); *Сего же не вѣмы, откуда есть,* т. е. кѣмъ Онъ посланъ.

Страстное увлеченіе судей дѣлаетъ исцѣленнаго теперь еще смѣлѣе въ своемъ исповѣданіи. Онъ говоритъ: *о семъ бо* (при этомъ-то) *дивно есть, яко вы не вѣсте, откуду есть, и отверзе очи мои.* Вы—ученые люди и должны бы это знать. *Вѣмъ же* (т. е. общеизвѣстная истина), *яко грѣшники Богъ не послушаетъ; но аще кто Богочтецъ есть и волю Его творитъ, того послушаетъ. Отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рожденному: аще не бы Сей отъ Бога, не могъ бы творити ничесоже* (т. е. такихъ чудныхъ дѣлъ). Какъ логически доказываетъ здѣсь простой, безъ предзанятыхъ мыслей, человѣкъ: чудо свидѣтельствуетъ, что Богъ слушаетъ молитвы того, кто совершаетъ чудо, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказываетъ, что чудотворецъ есть посланный Божій. Исцѣленіе слѣпорожденнаго есть чудо; и такъ какъ это чудо совершилъ Іисусъ, то значитъ Онъ посланъ Богомъ.

Высокомѣрные фарисеи не могли слушать такой убѣдительности въ доказательствахъ простаго необразованнаго человѣка; ожесточеніе ихъ довело ихъ до неприличной брани: *во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши?* —*И изгнаша его вонъ* (34). Они объявляютъ его человѣкомъ вполнѣ испорченнымъ и никуда негоднымъ и отлучаютъ его отъ синагоги, какъ объясняютъ толковники слова: *изгнаша его вонъ.* Судя по тому, что фарисеи рѣшились отлучать отъ синагоги всякаго, кто только будетъ исповѣдывать Іисуса Христа (22), нельзя представить, чтобы ожесточенные фарисеи оставили ненаказаннымъ такого смѣлаго приверженца Іисусова. (Въ 35 стихѣ также указывается на значительное наказаніе).

При исцѣленіи слѣпорожденнаго Іисусъ Христосъ, не побуждая его къ вѣрѣ, предоставилъ его сначала тому впечатлѣнію, какое произвело на него исцѣленіе. Когда же испытана была уже твердость исцѣленнаго и мерцающая его вѣра только укрѣпилась вслѣдствіе нападеній фарисеевъ, Спаситель хотѣлъ привести его къ болѣе глубокому познанію Себя, какъ Сына Божія, безъ чего и вѣра исцѣленнаго въ чудо не могла принести никакой пользы. *Услыша Іисусъ, яко изгнаша его вонъ: и обрѣтъ его, рече ему: ты вѣруеши ли въ Сына Божія,* т. е. въ Мессію? Если онъ хочетъ исцѣлиться отъ духовной своей слѣпоты, то долженъ сначала вѣровать во Христа, какъ Спасителя. Исцѣленный отвѣчаетъ: *и Кто есть, Господи, да вѣрую въ Него?* Онъ предчувствуетъ смыслъ вопроса предложеннаго Іисусомъ Христомъ, и поэтому съ такою живостью чувства схватился за него. «*И видѣлъ еси Его,* говоритъ Іисусъ Христосъ, *и Глаголяй съ тобою, Той есть*». *Видѣлъ* относится не ко времени чуда, такъ какъ тогда слѣпой не видѣлъ Іисуса, и отъ Силоама онъ не возвращался къ Нему,—но къ настоящей встрѣчѣ, такъ что здѣсь прошедшая форма глагола имѣетъ значеніе формы настоящаго времени. Исцѣленный исповѣдуетъ теперь свою вѣру словами: *вѣрую, Господи!* и поклонившись Ему, призналъ въ Немъ Сы-

на Божія, *и поклонися Ему*. Такимъ образомъ онъ прозрѣлъ теперь и духовно.

Искренняя вѣра исцѣленнаго, котораго Іисусъ Христосъ видитъ поверженнымъ у ногъ Своихъ, въ противоположность гордому упорству фарисеевъ, подала Ему поводъ сказать: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да не видящіи видятъ, а видящіи слѣпи будутъ* (39). Слова Спасителя: *на судъ пріидохъ* значатъ: необходимое слѣдствіе Моего пришествія въ міръ есть раздѣленіе людей на вѣрующихъ и невѣрующихъ. *Видящіи*—это тѣ, которые сами считали себя видящими и разумными и поэтому не чувствовали потребности въ высшей истинѣ во Христѣ; это тѣ «мудрые міра сего», о которыхъ говоритъ Апостолъ Павелъ, что для нихъ ученіе о крестѣ юродство есть (1 Коринѳ. I, 18 и д.) Въ противоположность имъ *невидящіи*—это смиренные, нищіе духомъ (Матѳ. V, 3).

Присутствовавшіе при этомъ фарисеи только на половину поняли слова Іисуса Христа; безъ всякаго сомнѣнія они понимали, что Онъ говоритъ о духовномъ видѣніи и о духовной слѣпотѣ, но не замѣтили, что Онъ причисляетъ ихъ къ видящимъ; напротивъ, они думали, что Онъ относитъ къ числу невидящихъ. Гордые своимъ значеніемъ руководителей народа, они поэтому спрашиваютъ: *еда и мы слѣпи есмы?* Іисусъ Христосъ отвѣтствуетъ: *аще бысте слѣпи были*, т. е. если бы не имѣли никакой внутренней способности, какъ-бы органовъ, къ воспріятію въ себя духовнаго свѣта, который явился во Мнѣ, «*не бысте имѣли грѣха*», ваше невѣріе было бы извинительно. *Нынѣ же глаголете, яко видимъ*, считаете слѣдовательно себя видящими, знатоками Божественной истины; вслѣдствіе этого произошло то, что *грѣхъ вашъ пребываетъ*. Они не находятся въ совершенной слѣпотѣ; у нихъ есть откровеніе Божіе въ совѣсти и въ Ветхомъ Завѣтѣ; это откровеніе могло и должно было привесть ихъ къ высшему откровенію Божію во Христѣ. Но въ своей горделивой тьмѣ они считаютъ себя совершенно видящими, и потому не имѣютъ никакого стремленія къ высшему просвѣщенію; поэтому они не вѣруютъ во Христа, а упорствуютъ въ невѣріи, которое есть грѣхъ по преимуществу (Руков. для сел. паст. 1868 г., ч. III, № 42, стр. 197—207).

Просвѣщеніе слѣпорожденнаго—образъ просвѣщенія язычниковъ.

(Св. Кирилла Александрійскаго.)

Іисусъ Христосъ, исходя изъ храма Іудейскаго, усматриваетъ слѣпаго, и безъ всякаго напоминанія, безъ всякой просьбы, добровольно приступаетъ къ исцѣленію сего человѣка. Такъ, безъ всякаго прошенія и со стороны язычниковъ, Богъ, по естеству благій, по одной Своей волѣ умилосердился надъ ними. Исцѣленіе слѣпаго совершается въ субботу. Это изображаетъ намъ то послѣднее время, т. е. время настоящаго вѣка, въ которое Спаситель возсіялъ язычникамъ; ибо суббота есть конецъ седмицы (Іоан. IX, 6—7). Почему, спросятъ, Господь, могшій все совершить однимъ словомъ, и безъ всякаго труда соединяетъ плюновеніе съ землею, а потомъ, помазавъ очи слѣпому, предписываетъ ему нѣкоторый трудъ,—*иди*, говоритъ, *умыйся въ купѣли Силоамстѣ?* Помазывая бреніемъ очи, восполняетъ въ природѣ ихъ то, чего въ нихъ не доставало, и тѣмъ показываетъ, что Онъ есть тотъ самый, Который образовалъ насъ изначала, и есть Творецъ и Зиждитель всего. Притомъ это указываетъ и на то, что язычники не могли иначе отрясти свою слѣпоту и созерцать Божественный и святый

свѣтъ, т. е. воспринять познаніе Святой и единосущной Троицы, какъ содѣлавшись причастными святой Плоти Іисуса Христа, омывши очернявшій ихъ грѣхъ и совлекши власть діавола,—посредствомъ святаго крещенія. Самое значеніе *Силоама—посланъ* указываетъ на Единороднаго Сына Божія, посланнаго къ намъ Отцемъ для потребленія грѣха и для ниспроверженія гордой власти діавола. Слѣпой тотчасъ отходитъ для омовенія, исполняя повелѣніе немедленно. Это изображаетъ благопокорность язычниковъ, о которыхъ написано: *уготованію сердца ихъ внятъ ухо Твое* (Псал. IX, 31). Ибо опытъ показываетъ что Іудеи жестоки сердцемъ, а язычники склонны къ повиновенію.—Помазанный бреніемъ и омовенный тотчасъ отлагаетъ слѣпоту, и возвращается видя. Изъ сего познаемъ, какое благо вѣра и какъ могущественна она къ пріобрѣтенію Божественной благодати, а, напротивъ, какъ опасно имѣть сомнѣніе и двоедушіе (Іоан. IX, 10—11). Исцѣленный слѣпецъ послѣ ясно показываетъ и проповѣдуетъ Іудеямъ силу и могущество Спасителя.

Такъ обращенные язычники, получивъ просвѣщеніе отъ Спасителя нашего Іисуса Христа, дѣлаются наставниками въ вѣрѣ для самихъ Израильтянъ (Іоан. IX, 34). Но, дерзнувъ обличить невѣріе и злобу фарисеевъ, исцѣленный не только терпитъ поношеніе, но и изгоняется вонъ. Вотъ изображеніе того, какъ презираютъ Іудеи язычниковъ. Такимъ же образомъ они изгоняютъ и отвергаютъ тѣхъ, кои проповѣдуютъ имъ слово о Христѣ (Іоан. IX, 35). Господь изгнаннаго обрѣтаетъ Самъ и научаетъ тайнамъ. Такъ пріемлетъ Онъ въ попеченіе Свое тѣхъ, кои готовы защищать Его и за вѣру въ Него предаютъ себя опасностямъ!—При семъ предлагаетъ вопросъ (изгнанному), чтобы получить отъ него согласіе. Такъ и у насъ, тѣхъ, кои приступаютъ къ Божественному крещенію, прежде спрашиваютъ—вѣруютъ ли они? и когда исповѣдаютъ вѣру, сподобляютъ ихъ благодати. Вопрошаетъ же не просто: хочешь ли вѣровать? но присовокупляетъ и то, въ кого вѣровать,—*вѣруеши ли въ Сына Божія*, т. е. Бога, содѣлавшагося человѣкомъ? Такимъ образомъ таинство о Христѣ становится полнымъ (Іоан. IX, 38). Исцѣленный былъ скоръ въ исповѣданіи вѣры и явленіи благочестія. Какъ скоро Сынъ Божій открылъ Себя ему, онъ поклонился Іисусу Христу, какъ Богу, хотя и видѣлъ Его во плоти, неимѣющаго славы, приличной Богу. Примѣтимъ здѣсь, какъ это поклоненіе изображаетъ намъ то Богопочтеніе духовное, къ коему приведены язычники посредствомъ вѣры. Израиль обыкновенно чтилъ Господа всяческихъ жертвоприношеніемъ воловъ и другихъ животныхъ, а также куреніемъ ѳиміама; но увѣровавшіе изъ язычниковъ оставили сей путь служенія и вступили на другой, на путь служенія духовнаго (Изъ толкованій святаго Кирилла на Евангеліе Іоанна. Сокращенно).

Святаго Исидора Пелусіота на 2 ст.

Апостолы, какъ ученики премудрости и любители истины, видя, что Спаситель внимательно смотритъ на слѣпого, какъ-бы вызываетъ ихъ на вопросъ, предлагаютъ Ему два общеизвѣстныя ученія, надъ изслѣдованіемъ которыхъ трудились люди. Поелику Еллины утверждали, что согрѣшила душа, и въ наказаніе за это послана въ тѣло, а Іудеи признавали, что грѣхи предковъ переходятъ на потомковъ, по написанному: *грѣхи отцевъ на чада до третьяго и четвертаго рода* (Второзак. V, 9), то ученики, какъ Вѣдущему все прежде рожденія, говорили Господу:

кто согрѣши, сей ли, какъ говорятъ Еллины, *или родителя его,* какъ говорятъ Іудеи, *яко слѣпъ родися?* Истина же не темный, не уклончивый, не загадочный дала отвѣтъ, но прямой, превосходящій всякую ясность; потому что отринула то и другое, сказавъ: *ни сей согрѣши* (ибо могъ ли согрѣшить до рожденія)? *ни родителя его,* очевидно въ томъ, *яко слѣпъ родися,* такъ какъ отвѣтъ сдѣланъ на вопросъ. Хотя вѣроятно, что они согрѣшили и дѣйствительно были грѣшны, но и при семъ не они виновны въ несчастіи. Для чего же *слѣпъ родися? Да явятся дѣла Божія на немъ,* то есть, природа допустила недостатокъ, чтобы проповѣданъ былъ Художникъ (Тв. св. оо., т. XXXV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. II, стр. 51).

Объ особенномъ способѣ исцѣленія Іисусомъ Христомъ слѣпорожденнаго.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Въ Евангеліи повѣствуется о томъ, какимъ образомъ Спаситель нашъ даровалъ зрѣніе слѣпому отъ рожденія, употребивъ для этого броніе отъ плюновенія и умовеніе въ купели Силоамской.

Дивно сіе чудо, а притомъ и способъ чудодѣйствія примѣчателенъ, и возбуждаетъ размышленіе.

Хотя мы не можемъ испытать глубинъ премудрости Божіей, однако и то справедливо, что имѣемъ повелѣніе *испытывать Писанія;* и, какъ говоритъ святый Златоустъ (на Іоан. Бесѣд. 57), *кто хощетъ отъ чтенія какую-нибудь пользу получить, тотъ ни малыхъ глаголовъ опускати не долженъ.* Что же значатъ глаголы: *плюну на землю, и сотвори броніе отъ плюновенія, и помаза очи броніемъ слѣпому;* и потомъ: *иди, умыйся въ купѣли Силоамстѣ* (Іоан. XI, 6—7)? Для чего въ другихъ случаяхъ Господь исцѣлялъ словомъ, иногда прикосновеніемъ; а теперь употребляетъ еще постороннія вещества, земную персть и воду? Для чего не одну персть, и не одну воду, но и ту, и другую?

Во-первыхъ, вѣроятно, для того, чтобы возбудить, испытать и явить вѣру исцѣляемаго, потребную для исцѣленія и назидательную для насъ. Такъ поступалъ Онъ и въ другихъ случаяхъ. Для чего, напримѣръ, вопросилъ разслабленнаго? *хощеши ли цѣлъ быти?* Не вѣдалъ ли, по всевѣдѣнію, что хочетъ? И просто, не понятно ли, что разслабленному хочется быть здоровымъ? Слѣдовательно, не для того, чтобы узнать, но чтобы упадшій отъ безпомощности въ безнадежность духъ восподнять, чтобы вѣру возбудить, и тѣмъ положить начало исцѣленію. Подобно и слѣпому, положивъ броніе на очи, далъ ощутить Свое человѣколюбіе и снисхожденіе къ нищему, возбудилъ въ немъ довѣріе и надежду; и потому, когда вслѣдъ за симъ послалъ его къ купели Силоамской, слѣпой не усомнился отъ того, что броніе не оказало никакого дѣйствія, не подумалъ, что и вода Силоамская не болѣе обѣщаетъ, но пошелъ безпрекословно, и такимъ образомъ сдѣлалъ дѣло вѣры.

Во-вторыхъ, броніе отъ плюновенія и Силоамъ употреблены были Господомъ, вѣроятно, для того, чтобы чудодѣйствію, къ затмѣнію котораго усилія Іудейскаго сонмища Онъ провидѣлъ, пріобрѣсти многихъ свидѣтелей. Сколько постороннихъ глазъ обратилъ на себя слѣпецъ, когда шелъ къ купели въ страшномъ видѣ, съ помазанными броніемъ глазами, сколько глазъ при самой купели, во время самого прозрѣнія, и при возвращеніи съ глазами, уже видящими! Всѣ, видящіе сіе знали что вода Силоамская не даетъ зрѣнія, а пыль съ дороги еще менѣе; слѣдственно всѣ узнали въ прозрѣніи слѣпорожденнаго Божественное чудо.

Въ-третьихъ, есть, вѣроятно, въ вещественныхъ знаменіяхъ чудодѣйствія Христова и еще,—скажу опять словами святаго Златоуста,—*великій и во глубинѣ сокровенный разумъ*. Земная персть, которую взялъ Іисусъ и сотворилъ бреніе слѣпому, не говорила ли о Немъ Іудеямъ: узнайте въ Немъ того первоначальнаго и верховнаго чудотворца, Который, по сказанію древнѣйшей изъ вашихъ священныхъ книгъ, взялъ земную персть и сотворилъ человѣка? *Силоамъ, еже сказается, посланъ*, то есть, котораго наименованіе означаетъ *посланника*,—Силоамъ, который передалъ слѣпому зрѣніе, посланное отъ Іисуса, не говорилъ ли о Немъ Іудеямъ: узнайте въ Немъ *Посланника* Божія, Котораго я предвѣщалъ вамъ издавна моимъ до сихъ поръ неразгаданнымъ и теперь только разгаданнымъ именемъ?

О томъ, какъ Господь дорожилъ временемъ Своей жизни. Первое объясненіе ст. 4. Его же.

Сего довольно о сокровенномъ разумѣ глаголовъ и знаменій Евангельскихъ. Возьмемъ изъ того же повѣствованія Евангельскаго болѣе открытое изрѣченіе Господне, которое можетъ ввести насъ въ размышленія, болѣе близкія къ руководству и управленію нашей жизни.

Мнѣ, сказалъ Господь предъ исцѣленіемъ слѣпорожденнаго, *подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя, дондеже есть: пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати*. Сынъ Божій всевластный всесвободный провозглашаетъ Свою обязанность дѣлать дѣла Отца Своего Небеснаго ради спасенія человѣковъ, и Свою покорность сей обязанности; Онъ какъ-бы побуждаетъ Себя къ дѣланію неотлагательному, пока есть время, дондеже день есть. Для чего это?—Безъ сомнѣнія, для того, чтобы намъ дать примѣръ и наставленіе уважать наши обязанности, смиренно покоряться имъ, исполнять ихъ ревностно и безъ отлагательства.

Чтобы глубже ощутить силу сего наставленія и примѣнить оное къ нашей жизни, обратимъ вниманіе, во-первыхъ, на то обстоятельство, что Господь подвизаетъ Себя къ дѣланію, по случаю мимоходно встрѣченному. *Мимоидый*, сказуетъ Евангелистъ, *видѣ человѣка слѣпа отъ рождества*. Слѣпой нищій сидѣлъ на дорогѣ: Господь Іисусъ проходилъ мимо. Не видно, чтобы слѣпой призывалъ Его, или просилъ о исцѣленіи. Не было, повидимому, причины останавливаться; не было нужды дѣйствовать. Но Господь Іисусъ останавливается и говоритъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати*. Почему такъ? Потому, что благость побуждаетъ; потому, что человѣколюбіе требуетъ; потому, что есть случай сдѣлать доброе дѣло; потому, что добраго дѣла, которое можно сдѣлать въ нынѣшній день и теперешній часъ, не должно отлагать до другаго; потому, что случай къ добру можетъ пройти, и съ утраченнымъ случаемъ утратилось бы добро, которому онъ благопріятствовалъ.

Другое примѣчательное обстоятельство Господня изрѣченія о спасительномъ дѣланіи есть то, что Онъ симъ изрѣченіемъ пресѣкъ любознательный разговоръ и поспѣшилъ къ дѣлу исцѣленія. При видѣ слѣпорожденнаго, ученики вопросили Господа: *сей согрѣши или родителя его, да слѣпъ родися?* Вопросъ, повидимому, достойный обстоятельнаго разрѣшенія; поелику клонился къ познанію путей Промысла. Но Господь немногими словами отвергъ догадки человѣческія: *ни сей согрѣши, ни родителя его;* и еще съ болѣе усиленною краткостью указалъ путь Божій; *да явятся дѣла Божія на немъ*. От-

вѣтъ сей подавалъ случай къ новому вопросу: для чего же онъ терпѣлъ слѣпоту прежде, нежели явились на немъ дѣла Божіи? Но Господь не допустилъ продолжаться состязанію и тотчасъ присовокупилъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя*, и приступилъ къ исцѣленію слѣпорожденнаго. Сей быстрый переходъ отъ любознательной бесѣды къ спасительному дѣлу весьма замѣчателенъ. Онъ говорилъ Апостоламъ: не должно коснѣть въ испытаніи сокровеннаго, когда надлежитъ дѣлать полезное; не испытаніе судебъ нужно несчастному, а помощь; слѣпорожденный самъ оправдаетъ судьбу свою, когда прозритъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ за кратковременное лишеніе свѣта видимаго получитъ блаженное просвѣщеніе вѣчнымъ Божественнымъ свѣтомъ; Христосъ явился не удовлетворять любопытствующихъ, но спасать погибающихъ; да будетъ менѣе словъ, но болѣе дѣла: *Мнѣ подобаетъ дѣлати*.

Еще назидательнѣе для насъ обстоятельство изрѣченія Господня о спасительномъ дѣланіи заключается въ томъ, что Онъ подвигнулъ Себя къ дѣланію, не смотря на предвидимыя затрудненія со стороны человѣковъ. Извѣстно, что Іудеи *гоняху Іисуса и искаху Его убити* (Іоан. V, 16) за совершеніе исцѣленія въ день субботній, по тогдашнему времени праздничный, признавая сіе нарушеніемъ святости праздника; хотя не трудно понять, что если день святится воспоминаніемъ прошедшихъ благодѣяній Божіихъ; то кольми паче святится онъ настоящимъ чудеснымъ благодѣяніемъ Божіимъ. Сіе неблагопріятное послѣдствіе, безъ сомнѣнія было предъ очами всевѣдѣнія Іисусова, когда Онъ приступалъ къ исцѣленію слѣпорожденнаго: и, кажется, почему бы не отложить дѣла до слѣдующаго дня, чтобы не дано было повода къ прекословію и клеветѣ? Такое разсужденіе благоразумныхъ было бы почтенно у сыновъ человѣческихъ; но его не приняла премудрость Сына Божія. Она учитъ насъ, что дѣлъ, возложенныхъ на насъ Богомъ, нельзя отлагать въ угодность человѣкамъ; что должно исполнять оныя неукоснительно и неуклонно, пока есть благовременность. *Подобаетъ дѣлати, дондеже день есть* (Изъ слова на освященіе храма въ Московской глазной больницѣ. Т. II-й, стр. 106—108).

Второе изъясненіе ст. 4, его же.

Мнѣ подобаетъ дѣлати, дондеже день есть; пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати. О, Господи! Тебѣ ли поспѣшать и беречь какой-нибудь день;—Тебѣ ли, сотворившему всѣ дни и имѣющему цѣлую вѣчность для Твоихъ чудныхъ дѣлъ? Что̀ за день, въ который Ты хочешь вмѣстить дѣла Твои? Что̀ за ночь, которая можетъ угрожать Твоему дню? Господь изъясняетъ Свою притчу, когда говоритъ: егда въ мірѣ есмь, Свѣтъ есмь міру. Препятствіе солнца опредѣляетъ день естественный: видимое на земли присутствіе солнца правды, Бога явльшагося во плоти, опредѣляетъ благодатный день особеннаго дѣланія. Нощь послѣ сего дня есть время страданія и смерти Христовой. О, нощь, въ которую подлинно никтоже можетъ дѣлати! Въ продолженіе земнаго дня Христова, не только Христосъ, но и Апостолы Его подъ руководствомъ сего Великаго Дѣлателя дѣлали многое, Они увѣровали въ Него, послѣдовали за Нимъ, проповѣдывали, исцѣляли: все сіе пресѣклось, когда наступила грозная ночь, до новаго дня воскресенія Христова. Ночь, егда никтоже можетъ дѣлати. Какъ сильно бурная ночь сія колебала вѣру, наса-

жденную Господомъ Іисусомъ въ сердцахъ учениковъ Его! Такъ недалеко уже было отъ того, чтобы сатана, который просилъ сѣять ихъ, яко пшеницу, разсѣялъ ихъ въ конецъ, и чтобы дѣло спасенія, содѣваемое посреди земли на крестѣ, въ то же самое время разрушено было въ душахъ избранныхъ для распространенія онаго. Чтобы не допустить сего, много надлежало предварительно сдѣлать Спасителю нашему, глубоко положить основаніе вѣры въ первыхъ ученикахъ Своихъ и сильно укрѣпить то ученіемъ, то чудесами, то Своею всемощною молитвою. Имѣя все сіе предъ очами Своего всевѣдѣнія, Онъ, какъ-бы дорожа временемъ и поспѣшая, говоритъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя, дондеже день есть* (Изъ слова по освященіи устроеннаго при Московской глазной больницѣ храма Христа Спасителя отверзающаго очи слѣпому. Ч. XI, стр. 108).

Изъясненіе и нравственное приложеніе словъ Іисуса Христа: на судъ Азъ въ міръ пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ (39).

Слѣпота и видѣніе, видѣніе и слѣпота—повидимому, эти два качества совершенно противоположны и несовмѣстимы въ одномъ существѣ. Между тѣмъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинный Учитель истины, увѣряетъ насъ, что совмѣщеніе сихъ качествъ въ одномъ человѣкѣ возможно, и что оно дѣйствительно бывало и бываетъ между людьми. Евангельская исторія во многихъ мѣстахъ представляетъ намъ или собственныя свидѣтельства Іисуса Христа о нѣкоторыхъ людяхъ, кои имѣли очи и не видѣли, даже имѣли уши и не слышали, или указываетъ самые примѣры такихъ людей, которые вовсе лишены были чувства зрѣнія тѣлеснаго и духовнаго, и между тѣмъ и сами многое видѣли и другимъ многое показывали.

Изъ многочисленныхъ примѣровъ подобнаго рода Евангельская исторія представляетъ одинъ, болѣе другихъ разительный и назидательный. На пути Іисусъ Христосъ встрѣчаетъ человѣка слѣпорожденнаго. На вопросъ учениковъ: чей грѣхъ—самого ли слѣпорожденнаго, или его родителей былъ причиною природной слѣпоты его, Онъ отвѣтствуетъ, что здѣсь не было ни того, ни другаго, а допущено такое видимое несчастіе единственно съ тою цѣлью, чтобы на слѣпорожденномъ дѣла Божіи явились. И въ доказательство того, что Онъ именно долженъ явить надъ слѣпцомъ эти дѣла Божія, Онъ бреніемъ помазуетъ очи слѣпому, велитъ умыться въ купели Силоамской;—повеленное сдѣлано, и слѣпорожденный является предъ очи всѣхъ зрящимъ.

Но такое чудесное прозрѣніе слѣпца было причиною ослѣпленія, или лучше сказать, было поводомъ къ обнаруженію духовной слѣпоты фарисеевъ. Въ то время, какъ у слѣпорожденнаго, съ отверстіемъ тѣлесныхъ очей, отверзлись и очи духовныя, въ то время, какъ онъ, получивъ прозрѣніе, въ благодарность своему Просвѣтителю, готовъ былъ засвидѣтельствовать свою живую и несомнѣнную вѣру въ Него, тѣ самые, кои почитали себя вождями слѣпыхъ, свѣтомъ для сущихъ во тьмѣ, показали, какая тьма покрываетъ ихъ умственныя и сердечныя очи. Необыкновенная яркость свѣта, возблиставшаго такъ величественно изъ совершеннаго надъ слѣпорожденнымъ чуда, кажется, совершенно ослѣпила суемудрыхъ фарисеевъ. Они рѣшаются идти противъ истины, но не знаютъ, какъ и по какому пути идти противъ ней; хотятъ дѣйствовать для ослабленія или уничтоженія возни-

кающей вѣры въ Божественнаго Чудотворца, но очи ихъ смежились, и они невольно дѣйствуютъ сами противъ себя. Они употребляютъ всѣ хитрости, самыя тонкія, все искусство, можно сказать, самое сатанинское, чтобы увѣрить другихъ и самого слѣпорожденнаго въ томъ, что совершенное надъ нимъ чудо не есть истинное чудо, и что Совершившій его есть льстецъ и обманщикъ. То неоднократно допрашиваютъ они исцѣленнаго слѣпца: кто и какъ исцѣлилъ его; то допытываются отъ родителей его: точно ли онъ сынъ ихъ; то силятся увѣрить прозрѣвшаго, что Даровавшій ему зрѣніе грѣшникъ, и не можетъ и не могъ сотворить надъ нимъ чуда. Но при всѣхъ козняхъ и усиліяхъ духа лести и отца лжи, дѣйствовавшаго въ фарисеяхъ, и при всей простотѣ защищенія со стороны исцѣленнаго слѣпца, ложные судіи остались посрамленными, истина восторжествовала; исцѣленный слѣпецъ на вопросъ Исцѣлившаго: вѣруетъ ли онъ въ Него,—отъ полноты простаго, дѣтскаго сердца воскликнулъ: *вѣрую, Господи, и поклонися Ему.*

Не спѣшите же называть несчастными, а паче не спѣшите презирать тѣхъ, кои, повидимому, стоятъ на самой низшей степени просвѣщенія умственнаго, кои едва иногда обнаруживаютъ нѣкій смыслъ и разумъ, кои не ходятъ во свѣтѣ наукъ и многоразличныхъ знаній человѣческихъ, а ходятъ и дѣйствуютъ въ простотѣ ума и сердца ихъ. Не спѣшите, съ другой стороны, почитать и себя существами самыми блаженными потому только, что вы идете путемъ вѣдѣнія, стяжали такія или другія познанія, успѣли въ такой или другой наукѣ или искусствѣ. Все это принесетъ вамъ истинную пользу, доведетъ васъ до истиннаго блаженства только тогда, когда предметъ познаній вашихъ важенъ и существенно необходимъ для спасенія души вашей, когда съ образованіемъ ума вы преимущественно старались соединить просвѣщеніе и исправленіе собственнаго сердца, когда пріобрѣтенныя познанія употребляли и употребите не противъ истины, а за истину, не для защищенія лжи и обмана, а для обличенія и опроверженія сихъ ужасныхъ исчадій духа злобы и когда, наконецъ, пріобрѣтенныя познанія передадите другимъ братіямъ вашимъ о Господѣ, передайте въ той чистотѣ и истинѣ, въ какой вы сами оныя приняли; а главное, когда пріобрѣтенныя познанія будутъ оставаться не въ одномъ вашемъ умѣ, а проявляться въ жизни и дѣятельности вашей. Иначе дѣйствующаго, съ иною цѣлью пріобрѣтающаго познанія ожидаетъ тяжкое и строгое истязаніе отъ правосуднаго и нелицепріятнаго Раздаятеля талантовъ. *Рабъ, вѣдѣвый волю господина своего*, говоритъ Самъ Господь, *и не сотворивый по волѣ Его біенъ будетъ много: тогда какъ невѣдѣвый и сотворивый достойная ранамъ біенъ будетъ мало* (Воскр. Чт., г. IX, стр. 84—86).

Библіографическій указатель къ IX гл. Ев. Іоанна.

Святоотеческія толкованія:

1) *Св. Іоанна Златоустаго.* Изъ бесѣды на Евангеліе о слѣпомъ. Воскресное Чтеніе, г. XVI. 47—49.

2) *Св. Аѳанасія Александрійскаго* о слѣпорожденномъ. Христ. Чт. 1826 г. III. 150.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ, Словахъ и Бесѣдахъ.

3) Исцѣленіе слѣпорожденнаго (1 — 34). Христ. Чт. 1839 г. II. 295—305.

4) *Прот. Ключарева.* Евангельское повѣ-

ствованіе объ исцѣленіи слѣпорожденнаго. Душ. Чт. 1863 г. III. 254—255.

5) *Еп. Евсевія.* Слово въ нед. о слѣпомъ. Воскресное Чтеніе, г. XV. 46—51.

6) Ст. 2. Размышленіе изъ воскреснаго Евангелія о бѣдствіяхъ человѣчества. Воскресное Чтеніе, г. II. 51—53.

7) На тотъ же ст. Христіанскій взглядъ на бѣдствія и страданія сей жизни. Воскресное Чтеніе, г. X.

8) Ст. 2—3. *Ѳоменко.* Отчего несчастная доля достается въ удѣлъ многимъ людямъ? Воскресное Чтеніе 1883 г. 211—213.

9) Ст. 3. *Ни сей согрѣшилъ, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ.* Воскресное Чтеніе, г. XV. 54—56, г. IX. 48, г. XVIII. 59.

10) Ст. 5. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* Іисусъ Христосъ есть свѣтъ для всего человѣчества. II. 351—353.

11) Ст. 7. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* Размышленіе о духовной слѣпотѣ. I. 30—31.

12) *Свящ. А. Покровскаго.* Слѣпота тѣлесная и слѣпота духовная. Духовная Бес. 1864 г. XXI. 113—118.

13) *Свящ. Ѳ. Б.* Объ умственной и грѣховной слѣпотѣ (1—7). Воскресное Чтеніе 1876 г. 1. 289.

14) Слѣпота тѣлесная и слѣпота душевная. Воскресное Чтеніе, г. XV. 51—54.

15) Ст. 7. *Иде и умыся, и пріиде видя.* Духовная Бесѣда 1862 г. XV. 441—553.

16) Къ тому же ст. Купель Силоамская. Воскресное Чтеніе, г. III. 55—56.

17) Ст. 10. *Архіеп. Никанора.* Объ исцѣленіи слѣпорожденнаго въ поученіи. Стран. 1887 г., т. II. 476—489.

18) Ст. 13—34. Споръ вѣры съ невѣріемъ. Воскресное Чтеніе, г. I. 48—51.

19) Мысли о томъ же еп. Ѳеофана. 152.

20) Ст. 31. *Вѣмы, яко грѣшника Богъ не послушаетъ: но аще кто Богочтецъ есть и волю Его творитъ, того послушаетъ.* Воскресное Чтеніе, г. XIII. 57—59.

21) Ст. 35. Вопросъ изъ Евангелія въ недѣлю о слѣпомъ. Воскресное Чтеніе, г. V. 42—44.

22) Ст. 35, 38. Воскресное Чт., г. XXIII. 56—58.

23) Ст. 39. Мысли еп. Ѳеофана. 148.

Бесѣда Іисуса Христа о добромъ пастырѣ (Іоан. X, 1—21).

Въ связи съ словами, которыя Господь сказалъ къ фарисеямъ по поводу исцѣленія слѣпорожденнаго, непосредственно слѣдуетъ притча о добромъ пастырѣ (X, 1—18). Господь только что сказалъ (IX, 39), что Онъ пришелъ на судъ въ міръ, чтобы невидящіе видѣли, а считающіе себя видящими были слѣпы. Фарисеи же считали себя зрѣлыми руководителями и пастырями народа и были однако самолюбиво гордыми руководителями слѣпыхъ. Поэтому Іисусъ Христосъ съ торжественною важностію (аминь аминь) представляетъ имъ здѣсь образъ истиннаго пастыря. Хотя Евангелистъ далѣе (6) ясно замѣчаетъ, что фарисеи не поняли этихъ словъ Іисуса Христа, но тѣмъ не менѣе приточный образъ былъ самъ по себѣ не непонятенъ, такъ какъ онъ встрѣчается въ Ветхомъ Завѣтѣ (ср. Іерем. XXIII, 1 и д. Іезек. XXXIV. Зах. XI, 4 и д.), и Іудеи своихъ двухъ великихъ мужей, Моусея и Давида, обыкновенно называли «добрыми пастырями».

Аминь, аминь глаголю вамъ: не входяй дверми во дворъ овчій, но прелазя, инудѣ, той татъ есть и разбойникъ. А входяй дверми пастырь есть овцамъ, а не татъ и не разбойникъ (1—2). «Дворъ овчій» на востокѣ ничто иное, какъ большое мѣсто, огороженное стѣною, куда пастухъ загонялъ вечеромъ свое стадо. Предъ дверью въ него въ ночное время находился помощникъ пастуха (дверникъ ст. 3), вооруженный большою палкою, или какимъ-нибудь орудіемъ, для предохраненія и защиты отъ разбойниковъ и дикихъ звѣрей. «Дворъ овчій» служитъ образомъ Царства Христова на земли, или Церкви

Его, которая также ограждена и заключена отъ остальнаго міра. Овцы—это истинно вѣрующіе члены этого Царства (ср. Псал. LXXVI, 21; XCIV, 7; XCIX, 3); верховный Пастырь и Господь стада есть Христосъ, и законные пастыри суть Его преемники. При этомъ съ перваго раза можетъ представиться страннымъ, что Іисусъ Христосъ называетъ Себя и «добрымъ Пастыремъ» (11) и «дверью во дворъ овчій» (7). Но при внимательномъ взглядѣ на дѣло, странность такого двоякаго названія сама собою исчезаетъ. Іисусъ Христосъ былъ Учителемъ истины и въ этомъ Своемъ качествѣ былъ добрымъ Пастыремъ, руководившимъ, питавшимъ и охранявшимъ вѣрующихъ. Но Онъ, какъ Божественное Слово, былъ также самая истина. Онъ Самъ былъ предметомъ Своего ученія; и какъ истина по преимуществу, Онъ есть дверь, которою человѣкъ входитъ въ Его Царство.

Сему дверникъ отверзаетъ, и овцы гласъ Его слышатъ, и Своя овцы глашаетъ по имени, и изгонитъ ихъ. И егда Своя овцы изженетъ, предъ ними ходитъ, и овцы по немъ идутъ, яко вѣдятъ гласъ Его. По чуждемъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа (3—5). Чтобы объяснить смыслъ всего этого, нужно знать, что на востокѣ по нѣсколько стадъ загоняется на ночь въ одинъ общій загонъ. По утру приходятъ пастухи каждаго стада, придверникъ отворяетъ дверь каждому изъ нихъ; они входятъ въ загонъ, и всѣ овцы слышатъ ихъ зовъ, какъ знакомый имъ голосъ. Своихъ же овецъ каждый пастухъ зоветъ каждую по имени, выводитъ ихъ изъ загона, идетъ впереди и ведетъ на пастбище.

Выраженіе *притча* (6)—по Гречески παροιμία (отъ οἶμος—путь, стезя)—означаетъ всякую рѣчь, удаляющуюся отъ обыкновеннаго образа выраженія. Здѣсь это слово стоитъ въ значеніи аллегоріи.—Хотя слушателямъ и извѣстенъ былъ вообще образъ пастыря и стада, однако отношеніе его къ новому Царству Божію и значеніе частностей оставалось для нихъ загадочнымъ: *они же не разумѣша, что бяше, яже глаголаше имъ*. Поэтому дальше слѣдуетъ надлежащее объясненіе аллегоріи.

Аминь аминь глаголю вамъ, яко Азъ есмь дверь овцамъ (7). Выраженіе *дверь овцамъ* имѣетъ двоякій смыслъ: оно можетъ значить: «дверь для овецъ», слѣдовательно дверь, которою овцы входятъ въ загонъ, и «дверь къ овцамъ». Христосъ, какъ истина, есть дверь, которою люди вѣрою входятъ въ Церковь, и Онъ же есть дверь, которою истинные учители и предстоятели Церкви входятъ къ овцамъ, получая отъ Него свое полномочіе. И такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ истинныхъ пастыряхъ, то нужно принимать это выраженіе въ послѣднемъ смыслѣ.

Вси, елико ихъ пріиде прежде Мене, татіе суть и разбойницы: но не послушаша ихъ овцы (8). Трудно здѣсь объяснить слова: *вси* и *прежде Мене*. Представляется, что будто Іисусъ Христосъ всѣхъ бывшихъ до Него учителей, и слѣдовательно и ветхозавѣтныхъ пророковъ, признаетъ ворами и разбойниками. Поэтому гностики и манихеи и ссылались главнымъ образомъ на это мѣсто, когда отвергали Ветхій Завѣтъ. Иные слово *прежде* (πρό) принимаютъ въ смыслѣ *вмѣсто* (αντί); но и при этомъ будетъ та же самая мысль. Иные, наконецъ, *прежде* понимаютъ въ значеніе *безъ* (χωρίς), и это единственно вѣрное толкованіе. Правда πρό нигдѣ не употребляется какъ подобозначущее слову χωρίς; но предложеніе, къ которому принадлежитъ *прежде*, заключаетъ

въ себѣ понятіе *безъ:* «всѣ, сколько ихъ предъ Мною, т. е. прежде чѣмъ Я пришелъ», и съ тѣмъ вмѣстѣ «безъ Меня приходили». Только здѣсь пришествіе нужно относить не къ явленію Его, въ качествѣ учителя во время Его общественнаго служенія, и не ко времени воплощенія Его, но къ духовному Его пришествію и дѣйствію, какъ Божественнаго Слова, въ сердцахъ людей. Такимъ образомъ кто являлся учителемъ народа, прежее чѣмъ Слово призвало Его и приготовило къ учительству, тотъ явился безъ Него, и потому есть ложный учитель. Таково въ сущности толкованіе этихъ словъ блаженнаго Іеронима и Августина. — Подъ овцами нужно разумѣть здѣсь истинно вѣрующихъ народа Божія.

Азъ есмь дверь: Мною аще кто внидетъ, спасется, и внидетъ и изыдетъ, и пажить обрящетъ (9). Нѣкоторые толковники относятъ эти слова къ овцамъ и подъ дверью разумѣютъ дверь для овецъ. Другіе относятъ ихъ къ пастырямъ и овцамъ вмѣстѣ, такъ какъ и истинный пастырь въ своемъ отношеніи къ Самому Христу есть также овца. Но неосновательно допускать такое смѣшеніе образа. По контексту подлежащее здѣсь пастырь; на это указываетъ уже единственное число слова *кто*. Такимъ образомъ дверь здѣсь разумѣется, какъ и въ стихѣ 7, дверь къ овцамъ.—*Мною:* черезъ Него, единственную дверь, долженъ происходить входъ къ овцамъ. *Спасется*—въ аллегоріи отъ воровъ и разбойниковъ защищенъ будетъ; въ собственномъ смыслѣ спасенъ будетъ отъ вѣчной погибели, достигнетъ спасенія (ср. I Коринѳ. III, 15. I Тимоѳ. IV, 16). *Входитъ и исходитъ* въ аллегоріи значитъ безпрепятственный входъ въ ограду и выходъ изъ нея во главѣ стада, во время ежедневныхъ выводовъ стада на пастбище; безъ аллегоріи: безпрепятственное и успѣшное исполненіе пастырскаго служенія. *Пажить обрящетъ* именно для стада; внѣ аллегоріи это значитъ: онъ удовлетворитъ духовнымъ потребностямъ ввѣренныхъ ему людей.

Татъ, не входящій дверью, *не приходитъ, развѣ да украдетъ и убіетъ и погубитъ: Азъ пріидохъ, да животъ имутъ и лишше имутъ* (10).—*Да животъ имутъ* и т. д. стоитъ въ противоположность къ выраженію: *да... убіетъ и погубитъ* и проч., и означаетъ слѣдовательно въ образѣ: чтобы овцы не были побиты, не погибли, но имѣли богатую пажить. Этимъ Господь хочетъ сказать,—незаконный учитель заботится только о своей воровской выгодѣ, во вредъ ввѣрившихся ему; но Я, напротивъ, имѣю въ виду только вѣчное благо людей, и пришелъ даровать богатое обиліе духовныхъ благъ.

Іисусъ Христосъ въ только что приведенныхъ словахъ Своихъ противоставляетъ татю не только законныхъ пастырей (какъ въ ст. 1 и 9), но и Себя Самого... Этимъ Онъ сдѣлалъ переходъ къ другому примѣненію образа, по которому Онъ изображается не только дверью, но и самымъ истиннымъ пастыремъ въ противоположность наемнику: *Азъ есмь пастырь добрый. Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (11).

Два раза передъ словомъ καλὸς—*добрый* повторенный членъ даетъ этому прилагательному особенное значеніе, такъ что здѣсь *добрый* значитъ то же, что и истинный: истинный пастырь, исполняющій свое назначеніе. Во Христѣ осуществленъ идеалъ пастыря, какъ онъ начертанъ въ Ветхомъ Завѣтѣ (Псал. XXII. Исаія XL, 11. Іерем. XI, 11). Идеалъ же добраго пастыря требуетъ, чтобы пастырь, въ случаѣ угрожающей опасности, готовъ былъ

пожертвовать своею жизнью для защищенія своихъ овецъ; это первый признакъ истиннаго пастыря.—Въ словахъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы*, заключается намекъ Іисуса Христа на Свою уже приближающуюся смерть, на которую Онъ шелъ изъ любви къ Своимъ послѣдователямъ.

А наемникъ, иже нѣсть пастырь, емуже не суть овцы, видитъ волка грядуща: и оставляетъ овцы, и бѣгаетъ: и волкъ расхититъ ихъ и распудитъ овцы, т. е. стадо (12). Наемникъ въ противоположность доброму истинному пастырю есть тотъ, кто только ради платы, слѣдовательно только изъ своекорыстія становится учителемъ и руководителемъ народа. Для него овцы не свои, поэтому онъ не принимаетъ участія ни въ ихъ радости, ни въ ихъ горѣ, какъ принимаетъ хозяинъ. Правда, овцы свои въ высшемъ смыслѣ слова для одного только добраго пастыря, для Христа; но «кто входитъ дверью», тотъ и самъ становится такимъ добрымъ пастыремъ, и овцы знаютъ и любятъ его, какъ посланника Христова (2 Коринѳ. V, 20), и Онъ между ними, какъ Самъ Господь его и учитель. Подъ волкомъ сначала разумѣется діаволъ, потомъ его пособники, злые люди, еретики (ср. Дѣян. XX, 29), тѣ самые, которые въ стихѣ 1-мъ названы ворами и разбойниками, или вообще всякая отвнѣ грозящая Церкви опасность.—Затѣмъ въ стихѣ 13-мъ дѣлается объясненіе такого поведенія: *а наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ есть, и не радитъ объ овцахъ*, у него нѣтъ внутренней, готовой на самопожертвованіе, любви.

Азъ есмь пастырь добрый, и знаю Моя, и знаютъ Мя Моя, якоже знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца, и душу Мою полагаю за овцы (14—15). Второй признакъ добраго пастыря составляетъ знаніе своихъ овецъ, имѣющее свой первообразъ въ знаніи, какое существуетъ между Отцемъ и Сыномъ. Какъ въ Божествѣ Отецъ существенно знаетъ Сына и Сынъ Отца, и оба Они находятся во внутреннѣйшемъ общеніи жизни и любви, Отецъ отъ вѣка предназначилъ Сына Искупителемъ и Пастыремъ стада, и Сынъ знаетъ, что все, къ чему вѣчная любовь предопредѣлила и послала въ міръ, служитъ къ прославленію Отца и блаженству Его тварей, такъ и между Христомъ и Его стадомъ—вѣрующими должно быть такое же отношеніе; и въ связи съ такимъ внутреннимъ отношеніемъ Христа къ вѣрующимъ находится Его самоотверженная любовь, которая здѣсь поэтому еще разъ выставляется на видъ: *и душу Мою полагаю за овцы.* Настоящая форма глагола *полагаю* выражаетъ близкое, несомнѣнное будущее.

Мысль о Своей крестной смерти напомнила, такъ сказать, Іисусу Христу и о томъ, какъ плоды этой Его смерти распространятся и на язычниковъ: *и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя подобаетъ Ми привести, и гласъ Мой услышатъ, и будетъ едино стадо и единъ пастырь* (16). Подъ *другими овцами* нужно разумѣть язычниковъ, которые имѣли увѣровать во Христа, и которыхъ Господь напередъ уже называетъ здѣсь Своими овцами. Конечно, и язычники въ извѣстномъ смыслѣ всегда составляли Его собственность, такъ какъ Онъ сотворилъ ихъ (I, 3), такъ какъ Отецъ обѣщалъ ихъ Ему въ вѣчное наслѣдіе (Псал. II, 8), и такъ какъ Онъ Своею крестною смертію искупилъ всѣхъ людей (ср. XI, 52); однако они были не изъ Его двора, и поэтому не были Его собственными овцами. Подъ *дворомъ* здѣсь сначала нужно разумѣть ветхозавѣтную Іудейскую теократію, насколько она съ новозавѣтною Церковью со-

ставляетъ единство. Существуетъ одинъ только дворъ, Царство Искупителя, начавшееся тотчасъ послѣ перваго грѣхопаденія и имѣющее продолжаться до конца міра. Язычники не принадлежали къ этому двору, потому что они, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, отчуждены были отъ общества Израильскаго, чужды завѣтовъ обѣтованія, не имѣли надеждъ и были безбожники въ мірѣ (Ефес. II, 14 и д. Колос. II, 15), дабы всѣ Іудеи и язычники образовали собою одно стадо съ единымъ истиннымъ пастыремъ Христомъ.

Сего ради Мя Отецъ Мой любитъ, яко Азъ душу Мою полагаю, да паки пріиму ю. Никтоже возметъ ю отъ Мене, но Азъ полагаю ю о Себѣ. Область имамъ положити ю, и область имамъ паки пріяти ю: сію заповѣдь пріяхъ отъ Отца Моего (17—18). Эти слова тѣсно связываются со сказанными выше словами въ 15 стихѣ. Іисусъ Христосъ Свою крестную смерть, благоплодныя слѣдствія которой Онъ указалъ уже (16), изображаетъ здѣсь по ея внутреннимъ свойствамъ. Она служитъ: 1) основаніемъ любви Отца къ Сыну, слѣдовательно есть Богопріятное дѣло. Правда, любовь Отца къ единосущному Ему Сыну имѣетъ свой первый, вѣчный источникъ въ единствѣ Божественнаго существа, но и добровольная смерть Сына для искупленія человѣчества есть также основаніе любви Отца къ Сыну. 2) Крестная смерть Іисуса Христа была вполнѣ дѣломъ Его свободы; никакая человѣческая сила не могла предать Его смерти, если бы Онъ Самъ не возжелалъ ее. Но эту Свою свободу Господь употребляетъ только по заповѣди Своего Отца.

Распря же паки бысть во Іудеехъ за словеса сія (19). Слѣдствіемъ этой рѣчи, какъ и предыдущихъ словъ Господа (9, 16), была, съ одной стороны, усилившаяся ненависть ко Христу, высказавшаяся въ ругательствахъ, а съ другой — усилившееся убѣжденіе, что въ словахъ и дѣйствіяхъ Іисуса Христа свидѣтельствуетъ себя высшая сила. Одни говорили: *бѣса имать и неистовъ есть, что Его послушаете?* Другіе же: *сіи глаголи не суть бѣснующагося: еда можетъ бѣсъ слѣпымъ очи отверсти?* (20—21.) Упорное противодѣйствіе людей Божественной истинѣ всегда оканчивается тѣмъ, что дѣйствіе Святаго Духа они приписываютъ злой силѣ и такимъ образомъ совершаютъ грѣхъ противъ Святаго Духа, который не простится имъ ни въ сей, ни въ будущей жизни (Матѳ. XII, 24, 31. Марк. III, 29). (Руков. для сел. паст. 1868 г. № 42, стр. 208—215.)

Святаго Исидора Пелусіота на ст. 8-й.

Сіе: *вси, елико ихъ пріиде, прежде Мене, татіе суть и разбойницы,* сказано не о пророкахъ и не о законѣ (какъ хотѣлось бы отвергающимъ Ветхій Завѣтъ, которымъ руководились къ вѣрѣ и мы увѣровавшіе, послушавъ Христа, и въ томъ и другомъ указующаго на Писанія, какъ о Немъ свидѣтельствующія), но о лжепророкахъ, о которыхъ Самъ Онъ сказалъ: *не посылахъ* ихъ, *а они течаху* (Іерем. XXIII, 21). Ибо не сказалъ: всѣ, сколько ихъ послано, но: *елико ихъ пріиде;* пророки же были посылаемы. Моусею сказано было: *гряди, да пошлю тя* во Египетъ (Исход. III, 10); и Исаія слышалъ *глаголюща* Бога: *кого пошлю, и кто пойдетъ къ людемъ симъ?* и сказалъ: *се азъ: пошли мя* (Исаія VI, 8). А лжепророки и усиливавшіеся стать начальниками и предстоятелями, каковы были Ѳевда, Іуда Галилеянинъ (Дѣян. V, 36—37) и Египтянинъ, предводитель *сикарей* (XXI, 38), не были посылаемы, но, чтобы себя показать, сами себя

поставивъ, и домогаясь права начальствовать, убѣгали изъ дома. Что̀ о нихъ сказано Господомъ, явствуетъ изъ послѣдующихъ словъ. Ибо говоритъ: *татъ не приходитъ, развѣ да убіетъ и украдетъ и погубитъ* (Іоан. X, 10); потому что всѣ, которые послушались ихъ, вознамѣрившись исказить истину, были умерщвлены и погибли совершенно, угаснувъ скорѣе промчавшагося слова (Тв. св. оо., т. XXXV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. II, стр. 170—171).

Василія Великаго на ст. 11—13-й.

Узнай, кто пастырь—наемникъ и кто Пастырь добрый? Самъ толкуетъ: *пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы. А наемникъ, иже нѣстъ пастырь, емуже не суть овцы своя, нерадитъ, егда видитъ волка грядуща* (Іоан. X, 11—13).

Здѣсь Церковь спрашиваетъ: если Господь—Пастырь, то кто же—пастырь наемникъ? Не діаволъ ли? И если діаволъ—пастырь наемникъ, кто волкъ? Конечно, волкъ есть діаволъ,—этотъ дикій, хищный, коварный звѣрь, этотъ общій всѣхъ врагъ. Поэтому пастырь наемникъ пусть имѣетъ собственное свое именованіе. Пастырями — наемниками Господь назвалъ тѣхъ, къ кому тогда обращалъ рѣчь. И теперь есть (лучше бы ихъ не было), есть усвояющіе себѣ наименованіе наемниковъ. Тогда разумѣлись архіереи и фарисеи, и весь этотъ Іудейскій расколъ. Ихъ назвалъ пастырями наемниками,—ихъ, не ради истины, но ради собственной корысти пріявшихъ на себя власть пастырства, которые изъ суетнаго лицемѣрія молятся, чтобъ поѣдать хлѣбъ вдовицъ и сиротъ (Матѳ. XXIII, 14), тѣ наемники, которые раболѣпствуютъ нуждѣ, гоняются за настоящимъ, не имѣютъ въ виду будущаго, тѣ наемники, а не пастыри (Тв. св. оо., т. VIII, ч. 4, стр. 372).

Его же на 16-й ст.

Говоря: *и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего* (Іоан. X, 16), Господь разумѣетъ тѣхъ, которые изъ язычниковъ предопредѣлены ко спасенію, и показываетъ, что у Него есть собственный Свой дворъ, кромѣ двора Іудеевъ. Посему надобно поклоняться Богу не внѣ святаго двора сего, но находясь внутри его, чтобы, оставаясь внѣ и увеселяясь внѣшнимъ, не потерять и права быть во дворѣ Господнемъ. Ибо многіе по наружности стоятъ на молитвѣ, но не суть во дворѣ, потому что мысль ихъ носится тамъ и здѣсь, и умъ развлеченъ суетою заботы. Но подъ дворомъ, въ смыслѣ болѣе возвышенномъ, можно еще разумѣть небесную обитель. Посему, которые здѣсь *насаждени въ дому Господни*, что есть Церковь Бога живаго, тѣ и тамъ, *во дворѣхъ Бога нашего процвѣтутъ* (Псал. IX, 14). А кто боготворитъ чрево, или славу, или серебро, или другое что̀, предпочитаемое имъ всему прочему, тотъ *не покланяется Господу*, тотъ не *во дворъ святѣмъ*, хотя бы и казался достойнымъ видимыхъ собраній (Тв. св. оо., т. V, ч. I, стр. 232).

Вопросъ и отвѣтъ къ тому же стиху.

Вопросъ. Извѣстныя слова Іисуса Христа: «*и будетъ едино стадо и единъ пастырь*», къ какому времени относятся: къ вѣку настоящему, или грядущему? Если къ первому, то онѣ не состоятся, потому что даже предъ самою кончиною міра не будетъ единаго стада, а, напротивъ, будетъ раздѣленіе Христовыхъ и антихристовыхъ;

если къ послѣднему, то и тогда будетъ еще стадо отверженныхъ, только безъ пастыря; если же тѣ слова относятся просто къ стаду вѣрныхъ, то это стадо и теперь есть.

Отвѣтъ. Вся сила этого вопроса держится на томъ, что въ немъ слова Христовы: *и будетъ едино стадо и единъ Пастырь*, берутся не въ общей связи рѣчи, а отрывочно, и произвольно предполагается въ нихъ такой смыслъ, будто никогда ужъ не будетъ никакого раздѣленія между Христовыми и не Христовыми, а всѣ люди составятъ единое нераздѣльное стадо единаго Божественнаго Пастыря — Христа. Связь рѣчи никакъ не допускаетъ такого смысла приведенныхъ Христовыхъ словъ. Прочитаемъ эти слова въ общемъ составѣ рѣчи Христовой. Господь, сказавъ, что Онъ знаетъ Своихъ (овецъ), и онѣ знаютъ Его, и что Онъ душу Свою полагаетъ за овецъ, продолжаетъ: *и иныя овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести, и гласъ Мой услышатъ: и будетъ едино стадо, и единъ Пастырь* (Іоан. X, 14—16). Ясно, что, по мысли Христовой, *будетъ едино стадо,* объемлющее въ своемъ единствѣ не только уже послушныхъ Христову гласу и знающихъ Христа—овецъ *отъ двора сего,* среди котораго Христосъ тогда находился и который былъ именно дворъ дома Израилева, Богоизбранный Еврейскій народъ,—но и иныхъ еще овецъ, которыя *не суть отъ двора сего,* которыя, слѣдовательно принадлежатъ другимъ народамъ, самою своею (языческою) національностью отдѣленнымъ отъ Божія народа, и однако также узнаютъ Христа и окажутся послушными Христову гласу. Сказать то же короче: *будетъ едино стадо* вѣрующихъ во Христа — безразлично какъ изъ Іудеевъ, такъ и изъ язычниковъ, и равно или одинаково надъ всѣми вѣрующими, безъ различія національностей, будетъ *единъ Пастырь*—Самъ Христосъ. Исполненіе этого началось и продолжается съ самаго того времени, какъ Христосъ душу Свою положилъ равно за Іудеевъ и язычниковъ, и по воскресеніи вознесся на небо, какъ Вѣчно-живый Ходатай предъ Отцемъ за все человѣчество, и ниспослалъ Святаго Духа, изливающаго любовь Божію равно на всѣхъ вѣрующихъ изъ всякихъ національностей и усвояющаго Христа безразлично всѣмъ, подъ общимъ же для всѣхъ условіемъ,—вѣры. Предложившему вышеприведенный вопросъ о единомъ стадѣ и единомъ Пастырѣ, можетъ быть, покажется нашъ отвѣтъ не довольно многозначительнымъ, подобно какъ ему показалось какъ будто недостаточнымъ разумѣть подъ стадомъ Христовымъ просто стадо вѣрныхъ. Но мы просимъ его вспомнить, что призваніе въ Христово стадо, безразлично или на общихъ правахъ вѣры, Іудеевъ и язычниковъ, требовало перемѣны всего ветхозавѣтнаго церковнаго порядка, продолжавшагося цѣлыя тысячелѣтія, и составляло великую тайну для тогдашняго времени, съ открытіемъ которой, по объясненію Апостола Павла, раскрывалась и предъ самыми небожителями недовѣдомая дотолѣ «многоразличная премудрость Божія» (Ефес. III, 3—10). Слова Христовы: *и будетъ едино стадо* и проч., разумѣли о собраніи въ одно общее Христово стадо, съ вѣрующими Іудеями, и вѣрующихъ изъ язычниковъ—и святые отцы. (Вопросы Верцеліуса и отвѣты на нихъ. Душеп. Чт. 1868 г. т. IX, ч. III, стр. 258—260.)

Библіографическій указатель къ X гл. Ев. Іоанна.

1) Ст. 1—17. *С. С—каго.* Бес. священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ. Руков. для с. п. 1865 г. III. 483—484.

2) *Прот. Нечаева.* Притча Спасителя о пастырѣ. Душеп. Чт. 1863 г. II. 341—366.

3) Ст. 3—4. *Иліодора, архіеп. Курскаго.* О благости Іисуса Христа, какъ пастыря. 1—9.

4) Ст. 3—6. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Объ условіяхъ и обстоятельствахъ современнаго пастырства. I. 369—389.

5) Почему епископы и священники называются пастырями, а христіане овцами? *Св. Тихона Воронежскаго.* Руков. для сел. п. 1868 г. № 50, дек. 538—539.

6) Ст. 10. Жизнь будущаго вѣка. Христ. Чт. 1857 г. I. 321—333.

7) Ст. 11. Пастырь добрый. Воскресное Чт., ч. XIV. 347—349.

8) Ст. 11—17. *Св. Григорія Двоеслова.* Бес. на слова: *Азъ есмь пастырь добрый* и т. д. Христ. Чт. 1839 г. II. 374—384.

9) Ст. 12. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О наемникахъ и волкахъ, и о томъ, что невѣжество, пороки и гордость—главныя причины нападенія людей на христіанство, отвращающихъ отъ него и другихъ. III. 375—384.

10) Ст. 14. *Азъ есмь пастырь добрый и знаю Моя, и знаютъ Мя Моя.* Благоговѣйныя размышленія христіанина на каждый день мѣсяца. Духовная Бес. 1875 г. I. 172—174.

11) Ст. 18. О воскресеніи, какъ доказательствѣ Божественности Іисуса Христа. Воскресное Чт., ч. XIV.

Іисусъ Христосъ въ Виѳаніи въ домѣ Марѳы и Маріи. Изъясненіе Евангелія отъ Луки X, 38—42.

(Евсевія Могилевскаго.)

Когда проходилъ Іисусъ Христосъ по разнымъ странамъ и селеніямъ Іудеи, сопутствуемый Своими учениками и проповѣдуя Евангеліе Царствія, однажды «пришелъ Онъ въ нѣкое селеніе». Это селеніе была Виѳанія (Іоан. XI, 1), лежащая недалеко отъ Іерусалима, за горою Елеонскою.

Жена же нѣкая именемъ Марѳа пріятъ Его въ домъ свой. Женщина, именемъ Марѳа, приняла Господа Іисуса въ домъ свой, или какъ владѣтельница дома, или какъ старшая въ семействѣ, или какъ принявшая на себя попеченіе о домѣ и объ исполненіи обязанности страннопріимства. Марѳа приняла Господа въ домъ свой, какъ великаго Странника; ибо Іисусъ Христосъ, путешествуя съ Евангельскою проповѣдью по разнымъ странамъ, не имѣлъ гдѣ главу приклонить (Матѳ. VIII, 20), получая содержаніе для Себя и учениковъ Своихъ отъ усердія благотворителей (Лук. VIII, 3. Іоан. XII, 6). И въ настоящемъ случаѣ Марѳа приняла Господа, надобно полагать, вмѣстѣ съ Его учениками: это можно видѣть какъ изъ того, что Господь обыкновенно ходилъ вмѣстѣ со Своими учениками, такъ и изъ того, что принятіе или угощеніе Его стоило Марѳѣ большихъ заботъ. Не упоминается объ ученикахъ Господа, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, конечно потому, что Онъ былъ главный Гость и Глава странствующаго общества. Но Марѳа приняла Іисуса Христа не какъ простаго странника; она, какъ показываетъ Евангельская исторія, вѣровала въ Господа и питала къ Нему благоговѣйную любовь.

И сестра ей бѣ нарицаемая Маріа, яже и сѣдши при ногу Іисусову, слышаше слово Его (39). «У Марѳы была сестра, именемъ Марія, которая сѣла у ногъ Іисуса и слушала слово Его». У Марѳы былъ и братъ, по имени Лазарь (Іоан. XI, 2), о которомъ здѣсь не упоминается, вѣроятно по той же или подобной причинѣ, по которой не говорится и объ ученикахъ Господа, вмѣ-

стѣ съ Нимъ вошедшихъ въ домъ Марѳы: повѣствованіе говоритъ о дѣлахъ Марѳы и Маріи, потому о нихъ только и упоминается; а Лазарь, можно полагать, былъ въ числѣ слушающихъ Господа вмѣстѣ съ Его учениками, или не было его дома.

«Марія сѣла у ногъ Іисуса и слушала слово Его». Марѳа исполняла внѣшнее служеніе Господу, принявъ Его въ домъ свой; а Марія, наряду съ учениками Господа, слухъ и мысли свои обращаетъ къ спасительному ученію Его. Предоставивъ Марѳѣ заботиться объ угощеніи великаго Гостя съ Его спутниками, Марія вся предалась слушанію Божественнаго ученія и не хотѣла отойти отъ Іисуса, чтобы не прекратить или не прервать слушанія небесныхъ истинъ, возвѣщаемыхъ Господомъ. Что же дѣлаетъ въ это время Марѳа?

Марѳа же молвяше о мнозѣ службѣ: ставши же рече: Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити? рцы убо ей, да ми поможетъ (40). «Марѳа же заботилась о большомъ угощеніи». Марѳа, принявши Господа въ домъ свой, вся была занята попеченіемъ о томъ, чтобы, какъ можно лучше, угостить великаго Посѣтителя и спутниковъ Его. Какъ Марія вся была занята слушаніемъ спасительнаго ученія, исходившаго изъ устъ Божественнаго Учителя; такъ Марѳа предалась исполненію долга страннопріимства. Но Марѳа видѣла, что ея рукъ недостаетъ для того, чтобы все исполнить по ея желанію,— чтобы приготовить достойное угощеніе по ея мысли. Можетъ быть, она приглашала на помощь и Марію; но эта не хотѣла оставить бесѣдующаго Учителя; сладость словъ Его удерживала Марію у ногъ Іисусовыхъ. На что же рѣшается Марѳа?

«Подошедши къ Іисусу, она сказала: Господи! или Тебѣ нужды нѣтъ, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мнѣ». Какъ Марѳа ни старалась сама исполнить все нужное, по ея мысли, для приличнаго угощенія гостей; но видѣла, что не успѣваетъ, а Марія не отходитъ отъ Іисуса; потому обращается съ простосердечнымъ довѣріемъ къ Іисусу и проситъ Его сказать Маріи, чтобы помогла заботамъ ея о приготовленіи нужнаго для угощенія, надѣясь, что Марія, по слову Іисуса, поможетъ ей.

Что̀ представляется намъ въ поступкахъ Марѳы и Маріи? Борьба добродѣтелей. Марѳа заботится исполнить обязанность страннопріимства; а Марія жаждетъ слушать ученіе Господа, вся преданная попеченію о спасеніи. Марѳа, стараясь исполнить свою добродѣтель въ совершенствѣ, хочетъ и Марію привлечь къ своему дѣлу; а Марія, дорожа сокровищемъ небеснаго ученія, и ради вспомоществованія сестрѣ, не хочетъ отойти отъ Іисуса. Обѣ сестры показываютъ крѣпкую любовь къ Іисусу и стараются выразить эту любовь предъ Господомъ, только каждая по своему: Марѳа приготовленіемъ большаго угощенія, а Марія полнымъ вниманіемъ къ Его Божественному ученію. Обѣ показываютъ искреннюю преданность и довѣріе къ Господу, и взаимную любовь между собою; только довѣрчивая преданность могла такъ говорить: «Господи! или Тебѣ нужды нѣтъ, что сестра моя одну меня оставила служить?» И только увѣренность въ любви Маріи позволяла Марѳѣ говорить такъ великому Учителю о сестрѣ своей, безъ опасенія оскорбить ее. Безъ сомнѣнія, и Марія позволила себѣ всецѣло предаться слушанію спасительной бесѣды Господа потому, что увѣрена

была въ любви Марѳы, надѣялась, что она и за нее исполнитъ долгъ гостепріимства; и любовь къ Господу и довѣренность къ Его благости увѣряли ее въ томъ, что она не оскорбитъ Его своею видимою беззаботностью о приготовленіи угощенія. Поступки Марѳы и Маріи показываютъ, что онѣ уже не въ первый разъ принимаютъ Іисуса Христа въ своемъ домѣ.

Что же Господь сказалъ на слова Марѳы?

Отвѣщавъ же Іисусъ, рече ей: Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнозѣ (41): *едино же есть на потребу, Марія же благую часть избра, яже не отъимется отъ нея* (42). «Іисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: Марѳа! Марѳа! ты заботишься и суетишься о многомъ; а одно только нужно. Марія же избрала благую часть, которая не отнимется у ней». Въ словахъ Господа раскрывается снисходительная любовь и мудрая попечительность Учителя. Марѳа! Марѳа! Въ двухъ словахъ ясно выражается и любовь къ Марѳѣ, и участіе въ положеніи Марѳы. «Ты заботишься и суетишься о многомъ; а одно только нужно». Не обличаетъ Господь Марѳу, но, раскрывая качество ея добродѣтели, обращаетъ взоръ ея къ высшему благу, и въ примѣрѣ Маріи указываетъ ей путь къ достиженію этого блага, говоря: «Марія же избрала благую часть, которая не отнимется у ней». Какъ-бы такъ говоритъ Господь: Марѳа! Марѳа! ты заботишься о многомъ, ты стараешься приготовить то и другое; но въ этомъ нѣтъ необходимости; потому напрасно ты много заботишься. Скажу тебѣ: одно только необходимо. А что это такое? Посмотри на Марію: она заботится о томъ, что всего нужнѣе для человѣка: она избрала благую часть, внимая спасительному ученію и заботясь о своемъ спасеніи. А спасеніе—такое благо, которое пребудетъ съ нею и въ этой жизни и въ будущей нескончаемой. Такъ Господь показалъ Марѳѣ, что хотя она дѣлаетъ доброе дѣло, заботясь о странноприимствѣ, но важнѣе и необходимѣе того—внимать спасительному ученію и заботиться о своемъ спасеніи.

Едино есть на потребу. Одно только нужно, или одно всего необходимѣе для человѣка; объ одномъ болѣе всего должны мы заботиться, именно о томъ, чтобы, внимая Божественному ученію, всегда искать своего спасенія. Эту истину Господь раскрывалъ и при другихъ случаяхъ. Такъ говорилъ: *ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33). *Кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ.* «Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ» (Матѳ. XVI, 26)? (Бесѣды на воскр. и праздн. Ев., ч. I, стр. 483—492.)

О житейскомъ попеченіи, какъ препятствіи къ благодатному посѣщенію Божію.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Бысть же ходящимъ имъ, и Самъ вниде въ весь нѣкую: жена же нѣкая именемъ Марѳа пріятъ Его въ домъ свой (Лук. X, 38). Евангельское повѣствованіе о Марѳѣ, пріявшей Господа въ домъ свой, къ вразумленію нашему показываетъ, что наиболѣе препятствуетъ благодатному посѣщенію Божію попеченіе житейское или привязанность къ земному.

Марѳа уже не искала только, или желала посѣщенія Христова, но и получила оное. *Пріятъ Его въ домъ свой.* Она приняла Его съ благоговѣніемъ, ибо и Господомъ нарекла Его, и отъ Него просила повелѣнія сестрѣ своей,

будучи властна сама распоряжать въ домѣ своемъ. *Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави?— Рцы убо ей.*—Марѳа приняла Господа съ усердіемъ, ибо тщательно готовилась угостить Его, какъ поступилъ и Авраамъ во время бывшаго ему посѣщенія Господня. *Марѳа же молвяше о мнозѣ службѣ.* Не располагаетъ ли сіе думать, что приняла она Христа достойно и благоугодно Ему?—Не спѣшите мнѣніемъ рѣшительнымъ. Подождите суда Христова. Что же глаголетъ Господь?—Не одобряетъ пріема, который дѣлала Ему Марѳа, и даруетъ преимущественное благословеніе Маріи, на которую Марѳа жаловалась. Что сему причиною? Въ чемъ укорить можно Марѳу? Она укорена въ житейскомъ попеченіи. *Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнозѣ.*

Если такимъ образомъ уже принятому благодатному посѣщенію повредило житейское попеченіе и болѣе или менѣе похитило плодъ онаго,—не больше ли еще можетъ оно препятствовать и вредить тѣмъ, которые только еще начинаютъ искать Бога и благодати Его?

При внимательномъ разсмотрѣніи Евангельскаго повѣствованія можно различить нѣкоторыя особенныя дѣйствія, которыми житейское попеченіе препятствуетъ человѣку благоугождать Ему и пріобрѣтать благодать Его или сохранить пріобрѣтенную. Оно развлекаетъ и смущаетъ. Отумануваетъ око ума въ усмотрѣніи свѣта истины. Обезсиливаетъ волю въ избраніи лучшаго.

Житейское попеченіе развлекаетъ и смущаетъ. — Посмотрите на Марѳу. Христосъ въ ея домѣ,—Тотъ, для Котораго множество народа бѣгало по селеніямъ и по пустынямъ, чтобы увидѣть Его, чтобы услышать слово Его,—Тотъ, Котораго *мнози пророцы и царіе восхотѣша видѣти, и не видѣша* (Лук. X, 24),—Тотъ, Котораго *день* знакомый уже съ Божественными посѣщеніями *Авраамъ радъ былъ видѣти*, и когда *увидѣлъ* только издалека, *возрадовался* (Іоан. VIII, 56), искомый, вожделѣнный для Марѳы близокъ, видимъ, слышимъ. Что же Марѳа? радуется ли о Немъ? Наслаждается ли Его лицезрѣніемъ и слышаніемъ глаголовъ Его?—Сомнительно. У нея иное занятіе, иныя мысли и чувствованія. Она думаетъ и заботится о мукѣ и елеѣ, о хлѣбѣ и рыбахъ. Божественнаго Учителя истины, Подателя благодати, почти нѣтъ для нея: *Марѳа же молвяше о мнозѣ службѣ.* Негодованіе на сестру, нераздѣляющую сей заботы, обращаетъ, наконецъ, ее ко Господу, но и у Него ищетъ она помощи для того только чтобы увеличить заботу и развлеченіе и вовлечь въ то же другихъ. *Ставши же рече: Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити? Рцы убо ей, да ми поможетъ.*

Житейское попеченіе отумануваетъ умъ предъ свѣтомъ истины и благодати. — Такое затмѣніе ума Господь обличаетъ въ Марѳѣ, когда сказуетъ ей, что *едино есть на потребу.* Какъ прежде сего вразумленія не уразумѣла она, сама собою, сей истины, если не глубоко,—по крайней мѣрѣ въ простомъ и открытомъ значеніи словъ? Положимъ, что не вдругъ она могла возвыситься къ постиженію того, какимъ образомъ единое на потребу есть Богъ, и Его слово, и Его Царствіе. Но пріявъ Христа въ домъ свой, и слѣдственно имѣя о Немъ нѣкоторое познаніе предварительно, какъ не поняла она, что нарицающій Себя хлѣбомъ животнымъ, призывающій къ Себѣ жаждущихъ, не тѣмъ благоугождается, чтобы Ему въ изобиліи предлагали брашно гиблющее, но развѣ тѣмъ, чтобы отъ Него пріимали брашно негиблющее, воду живую,

слово истины и спасенія?—Нѣтъ! не поняла сего пекущаяся о многѣ:—не поняла по тому самому, что пеклась о многѣ; потому что привыкла житейскимъ заниматься, о житейскомъ заботиться, какъ свинецъ, отягчала крило ума и не допускала возвыситься къ разумѣнію духовному.

Житейское попеченіе обезсиливаетъ волю въ избраніи лучшаго. — *Марія благую часть избра*, глаголетъ Спаситель. Избрала же она то, чтобы, *сѣдши при ногу Іисусову, слышати слово Его.* Какъ не избрала и другая сестра сей благой части? Развѣ не желала она приближаться ко Іисусу? Но сіе желаніе оказалось въ ней еще прежде, нежели въ Маріи, когда *Марѳа пріятъ Его въ домъ свой.* Почему же одно сѣмя неодинаково возросло и принесло плодъ?—Потому, что въ сердцѣ Маріи оно росло свободно, а въ сердцѣ Марѳы заглушали оное плевелы житейскаго попеченія. *Молвяше о многъ службѣ.* Волею духа стремилась она къ Господу и привлекла Его къ себѣ; но склонностью къ житейскому отвлекалась отъ духовнаго Ему благоугожденія къ тѣлесному служенію, и не достигла близости къ Нему благодатной (изъ слова въ день Успенія Пресвятыя Богородицы. Т. I-й, стр. 200—202).

Притча о Самарянинѣ, сказанная по отшествіи Господа въ Галилею (Лук. X, 25—37).

Одинъ законникъ спрашивалъ Христа о средствахъ къ пріобрѣтенію жизни вѣчной. Христосъ, обративъ его вниманіе на предписанія закона, заставилъ его самого искать тамъ отвѣта на вопросъ свой: законникъ сослался на двѣ главныя заповѣди — о любви къ Богу и любви къ ближнимъ, но затѣмъ снова предложилъ вопросъ о томъ, кто нашъ ближній. Чтобы дать способъ къ разрѣшенію сего вопроса, Спаситель разсказалъ въ притчѣ законнику о томъ, какъ одинъ путешественникъ (сколько можно судить по ходу цѣлой притчи—изъ Евреевъ) попался разбойникамъ на дорогѣ изъ Іерусалима въ Іерихонъ, былъ ограбленъ ими, израненъ и брошенъ на дорогѣ; какъ потомъ путешествовавшіе тою же дорогою священникъ и левитъ прошли мимо него, не обнаруживъ участія, а одинъ изъ Самарянъ, увидѣвъ его положеніе, сжалился надъ бѣдствующимъ и употребилъ всѣ способы къ его облегченію и врачеванію. Окончивъ Свой разсказъ, Спаситель предложилъ законнику высказать свое мнѣніе о томъ, кто изъ названныхъ трехъ лицъ оказался ближнимъ для пострадавшаго отъ разбойниковъ; и когда тотъ долженъ былъ по самому ходу дѣла указать на Самарянина, Спаситель сказалъ ему: «иди, и ты такъ же поступай».

Не будемъ касаться таинственнаго смысла этой притчи, который усвояется ей иногда у святыхъ отцевъ — толкователей Писанія и даже въ нашихъ службахъ церковныхъ, когда подъ видомъ пострадавшаго отъ разбойниковъ представляютъ человѣка вообще, въ его настоящемъ бѣдственномъ положеніи, подъ именемъ священника и левита разумѣютъ—весь ветхій законъ съ его служеніемъ, бывшій не въ состояніи доставить человѣку всю необходимую помощь, а подъ именемъ Самарянина—Самого Христа Спасителя, Который намъ подалъ животворное врачество святыхъ таинствъ и въ Себѣ Самомъ сосредоточилъ для насъ драгоцѣнное сокровище двухъ завѣтовъ — Ветхаго и Новаго. Не станемъ также и ослаблять значеніе подобнаго изъясненія—въ той мысли, что частный случай, поставленный въ предметѣ притчи, дѣйствительно напоминаетъ собою о томъ различіи,

которое имѣютъ между собою времена ветхозавѣтныя и новозавѣтныя по своему отношенію къ послѣднимъ цѣлямъ нашего спасенія. Но мы остановимъ въ настоящее время свое вниманіе на томъ, что̀ составляло ближайшую и непосредственную цѣль притчи.

Притча имѣла цѣлью — показать законнику, кого считать нужно ближнимъ своимъ. Законоучитель этотъ былъ не тотъ, о которомъ говорится въ Евангеліи (Матѳ. XXII, 35 — 46). Тотъ искалъ узнать, какая изъ заповѣдей больше всѣхъ въ законѣ, а этотъ самъ съ перваго же раза указалъ на главную обязанность любви къ Богу и ближнему. Значитъ, онъ былъ разумнѣе того въ пониманіи существенныхъ требованій закона. Но, съ другой стороны, здѣсь же—въ его вопросѣ: *кто есть ближній мой?* отразилось колеблющееся мнѣніе тогдашняго большинства на счетъ прямого разрѣшенія сего вопроса, склонявшееся главнымъ образомъ въ пользу исключительныхъ симпатій единоплеменности и единовѣрія. Притча даетъ съ рѣшительностью понять, что ближніе наши суть—всѣ люди безъ различія.

Если бы указанныя въ притчѣ лица были представлены въ обратномъ отношеніи между собою, — напримѣръ— Самаряниномъ былъ бы пострадавшій отъ разбойниковъ, а Іудеянину выпало бъ на долю оказать ему пособіе свое; то настоящій смыслъ отвѣта, даннаго законнику, не могъ бы быть еще понятенъ. Тогда законникъ могъ бы отозваться, что Іудеянинъ поступилъ не по прямому предписанію своей обязанности, переступилъ черту закона,—и, пожалуй, осудилъ бы его. Но что̀ онъ долженъ былъ сказать теперь, видя благотворительный поступокъ со стороны Самарянина?.. Законоучитель не могъ не признать Самарянина ближнимъ Іудеянина; потому что тотъ самъ обращался съ этимъ послѣднимъ, какъ ближній его, и оказалъ ему такую милость, которой можно ожидать только отъ братской любви къ ближнему, и послѣ которой называть Самарянина человѣкомъ чуждымъ или же не стоющимъ вниманія было бы оскорбительно для самаго обыкновеннаго чувства гуманности. А если та́къ, то преграда разногласій, внѣшней разнородности и родовой вражды падаетъ предъ требованіемъ братскаго сочувствія, — и для самого Іудеянина тутъ обратно, также какъ потомъ и для каждаго изъ насъ, возникаетъ очевидная обязанность относиться съ чувствомъ любви ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, какъ своимъ ближнимъ. Ка́къ же выполнять это и выражать вовнѣ? Совершать дѣла благотворительности всюду, гдѣ представляется къ нимъ вызовъ и возможность, и гдѣ дается непосредственное побужденіе для человѣческихъ чувствъ сострадательности и доброжелательства. Будемъ только слѣдовать этому правилу, тогда само сердце укажетъ, гдѣ нашъ ближній,—тогда мы узнаемъ на опытѣ, что̀ такое и самая любовь къ ближнимъ. Въ чемъ состоятъ разнообразныя дѣла истинной благотворительности, и какъ онѣ въ частныхъ случаяхъ должны соразмѣряться и согласоваться съ цѣлой совокупностью внушеній совѣсти и закона Божія — это другой уже вопросъ (Воскресное Чтеніе, т. XXV, ч. II, стр. 887—890).

Святаго Амвросія Медіоланскаго изъясненіе 30 ст. X главы Ев. отъ Луки.

Человѣкъ нѣкій схождаше отъ Іерусалима во Іерихонъ и въ разбойники впаде (Лук. X, 30).

Подъ Іерихономъ разумѣется міръ, въ который изгнанный изъ рая, т. е. изъ небеснаго (онаго) Іерусалима, Адамъ по паденіи своемъ шелъ, бывъ прину-

жденъ переселиться изъ страны благословеній въ землю проклятія: не мѣсто перемѣнивъ, но измѣнивъ образъ жизни; ибо Адамъ по паденіи сдѣлался не тѣмъ уже, чѣмъ онъ былъ до паденія, когда онъ наслаждался совершеннымъ блаженствомъ; онъ впалъ въ грѣхъ — *въ разбойники впаде*. Если бы онъ не преступилъ заповѣди Божіей, то бы на него не напали разбойники. Эти разбойники суть не другіе кто, какъ ангелы тьмы, часто преобразующіеся въ Ангеловъ свѣта, въ которомъ они не могли пребывать. Они прежде всего снимаютъ одежду благодати, а потомъ наносятъ раны. Если бы мы сохранили это благодатное одѣяніе, то не претерпѣли бы никакого пораженія отъ этихъ духовныхъ разбойниковъ. Итакъ будемъ беречься этого обнаженія; извѣстно, что Адамъ былъ обнаженъ, т. е. преступивъ заповѣдь Божію, лишился небесной помощи, и лишившись одѣянія вѣры, смертельно раненъ, а въ немъ и весь родъ человѣческій: эти тяжкія раны исцѣлилъ небесный Самарянинъ, Который, по милосердію, не презрѣлъ впавшаго въ разбойники человѣка, мимо котораго прошли священникъ и левитъ. Здѣсь не оставимъ безъ замѣчанія таинственнаго знаменованія этого имени. Самарянинъ значитъ стража. Это тотъ стражъ, о которомъ сказано: *храняй младенцы Господь* (Псал. CXIV, 5). Это Тотъ Самарянинъ, о Которомъ сказано: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небеси Сынъ Человѣческій, сый на небеси* (Іоан. III, 13). Онъ уврачевалъ человѣка полуживаго, котораго никто не могъ прежде Его исцѣлить; такъ Онъ исцѣлилъ жену кровоточивую, которая все свое имѣніе раздала врачамъ, но не получила никакой пользы (Воскр. Чт., г. X, стр. 205 — 206).

«Иди, и ты твори такожде» (Лук. X, 37).

(*Филарета, митрополита Московскаго.*)

Нѣкто шелъ отъ Іерусалима къ Іерихону. На него напали разбойники, обнажили его, изранили, оставили едва живаго. Проходившіе тою дорогою священникъ и левитъ видѣли его и прошли мимо. Но проходившій Самарянинъ, увидѣвъ его, сжалился, перевязалъ его раны, возливая на нихъ елей и вино, посадилъ его на животное, на которомъ ѣхалъ самъ, привезъ его въ гостинницу, продолжалъ и здѣсь пещись о немъ, а отходя поручилъ продолжать сіе попеченіе гостиннику, которому и далъ на сіе два сребренника, обѣщаясь заплатить и то, что̀ сверхъ сего издержано будетъ. Христосъ Спаситель, заставивъ совопросника признать въ лицѣ и дѣйствіи Самарянина разрѣшеніе вопроса, кто есть ближній, и исполненіе заповѣди о любви къ ближнему, сказалъ наконецъ: «та́къ поступай и ты». *Иди, и ты твори такожде.*

Посмотримъ, ка́къ должно намъ поступать, чтобъ исполнить повелѣніе Господне: *иди, и ты твори такожде.* Какъ поступилъ Самарянинъ, когда нашелъ на дорогѣ ограбленнаго, израненнаго, полумертваго? *Видѣвъ его, милосердова.* Не сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ: «это Іерусалимлянинъ, одинъ изъ тѣхъ, которые не прикасаются Самаряномъ (Іоан. IV, 9); что̀ жалѣть о тѣхъ, которые насъ презираютъ?» Нѣтъ, въ страждущемъ онъ не хотѣлъ видѣть человѣка чуждаго, или непріязненнаго, но видѣлъ только человѣка и почувствовалъ жалость; страданія ближняго отозвались въ его сердцѣ.

Иди, и ты твори такожде. Не проходи мимо бѣдствующаго и страждущаго безъ вниманія, не смотри на него холоднымъ окомъ; не скажи: онъ не

изъ тѣхъ, которые возбуждаютъ сочувствіе. Онъ человѣкъ; и онъ страждетъ; чего болѣе для побужденія твоего сочувствія? Не случается ли, что когда предъ глазами нашими ножъ врача дѣйствуетъ надъ тѣломъ больнаго, для насъ посторонняго, сердце наше невольно стѣсняется? Видишь ли, что ты невольно, природно, какъ-бы тѣлесно сострадателенъ, — какъ же тебѣ не быть сострадательному душевно, свободно, разсудительно?

Что еще сдѣлалъ со впадшимъ въ разбойники сострадательный Самарянинъ? *Приступль, обяза струпы его, возливая масло и вино.* Не остановился на одной мысли о жалкомъ положеніи, на одномъ чувствованіи состраданія къ нему; но немедленно приступилъ къ дѣлу, чтобы оказать помощь, какая страждущему потребна, какая со стороны сострадущаго возможна.

Иди, и ты твори такожде. Не довольствуйся мыслью, почувствованіемъ, словомъ, гдѣ нужно и возможно дѣло. Хорошо, если у тебя не каменное сердце; то не хорошо, если у тебя сухая скорченная рука, непростирающаяся и неотверзающаяся для нищаго. *Аще братъ или сестра,* говоритъ Апостолъ, *наги будутъ и лишени будутъ дневныя пищи; речетъ же имъ кто: идите съ миромъ, грѣйтеся и насыщайтеся, не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго: кая польза?* (Іаков. II, 15—16.) *Чадца моя,* взываетъ другой Апостолъ, *не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною* (1 Іоан. III, 18).

Что еще сдѣлалъ сострадательный Самарянинъ? *Всадивъ его на свой скотъ, приведе его въ гостинницу и прильжа ему.* Здѣсь достойно примѣчанія то обстоятельство, что Самарянинъ имѣлъ одно только животное, на которомъ ѣхалъ самъ, и не имѣлъ другаго, которое могъ бы предоставить немощному. Итакъ, онъ рѣшился лишить себя того, въ чемъ нуждался ближній. *Всадивъ на свой скотъ,* онъ велъ немощнаго въ гостинницу; а самъ шелъ пѣшкомъ, не смотря на то, что былъ утомленъ, оказывая помощь страждущему.

Иди, и ты твори такожде. Угодную Богу добродѣтель творишь ты, когда служишь ближнему тѣмъ, въ чемъ у тебя избытокъ, въ чемъ ты не нуждаешься, если притомъ дѣлаешь сіе съ любовью къ Богу, заповѣдавшему благотвореніе, съ любовью къ ближнему, терпящему нужду. Но если ты лишаешь себя пріятности, удобства, покоя, чтобы утѣшить и успокоить ближняго, уменьшаешь нужное для тебя, чтобы помочь нуждѣ ближняго, то ты проходишь подвигъ, который можетъ привести къ вѣнцу; сѣешь сѣмя, которое способно принести обильную жатву благословеній и воздаяній.

Наконецъ, сострадательный Самарянинъ, *изъемъ два сребренника, даде гостиннику,* для продолженія попеченій о пострадавшемъ отъ разбойниковъ, обѣщая и болѣе впредь, по мѣрѣ потребности. Благодѣтельный путешественникъ могъ подумать, что уже довольно сдѣлалъ для несчастнаго, когда съ трудомъ избавилъ его отъ безпомощнаго страданія и смерти, доставилъ въ безопасное мѣсто, ходилъ за нимъ на ночлегѣ, и что за симъ, при необходимости продолжать путешествіе, надобно предоставить его человѣколюбію другихъ. Но иное говорила сердцу истинная любовь къ ближнему: не будь равнодушенъ къ завтрашнему дню того, кому сострадалъ вчера; не оставляй добраго дѣла неоконченнымъ; не довольствуйся цвѣтомъ, когда можешь достигнуть плода. И Самарянинъ устрояетъ и обезпечиваетъ призрѣніе несчастнаго до тѣхъ поръ, какъ онъ съ возстановленными силами получитъ возможность устроять самъ свое благосостояніе.

Иди, и ты твори такожде. Если ближнему нужно, если тебѣ возможно только одно временное дѣло милосердія, или только участіе въ ономъ,—сдѣлавъ потребное и возможное, ты исполнилъ должное. Но если ближнему нужна и съ твоей стороны возможна продолжаемая помощь,—не допусти, чтобы твоя любовь къ ближнему было короче его несчастія.

Особенно тѣ, которые по доброму изволенію и обѣту принимаютъ на себя упражненія въ какомъ либо родѣ дѣлъ милосердія, никогда не должны забывать, что обѣтъ никого не вяжетъ по неволѣ, но что связавшій себя обѣтомъ добровольно не можетъ расторгнуть его безвинно, и что, по слову Господню, *никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи* (Лук. IX, 62).

Библіографическій указатель къ X гл. Ев. Луки.

СВЯТООТЕЧЕСКІЯ ТОЛКОВАНІЯ:

1) 1—10. *Св. Григорія Двоеслова.* Объ обязанностяхъ епископовъ, кн. I. 150—176.

2) Ст. 29. *Преп. Исидора Пелусіота* на слова: *онъ же, хотя оправдитися самъ, рече: и кто есть ближній мой?* ч. 3. 28—29.

НОВѢЙШІЯ ТОЛКОВАНІЯ

въ духовныхъ журналахъ:

3) Ст. 1. Соборъ Святыхъ 70 Апостоловъ. Воскр. Чт., г. XVI. 406—410.

4) Ст. 4; XI, 43; XX, 46. Древнія привѣтствія. Руков. для сел. п. 1867 г. III. 383—395.

5) Ст. 7. Матѳ. X, 10. Соотношеніе между трудомъ и вознагражденіемъ. Филологическое толкованіе текста въ статьѣ Волкова: Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстаго. Прав. Собес. 1886 г. II. 352—353.

6) Ст. 11, 21—22, 42. Мысли еп. Ѳеофана. Домашняя Бес. 1871 г. и Мысли на каждый день года. 377. 434. 381. 286.

7) Ст. 17. Возлюбиши Господа твоего, яко самъ себе. Воскр. Чт., г. XXXIII. II. 169—177, г. XX. 320.

8) Ст. 18. Падшіе духи. Воскр. Чт., г. IX. 321—323.

9) Ст. 20. Христіанское утѣшеніе. Хр. Чт. 1834 г. I. 101—109.

10) Ст. 16—21. Душеп. Чт. 1860 г. III. 303—318.

11) Ст. 25. Воскр. Чт., г. XVIII. 312. Что мнѣ дѣлать? Тамъ же. 1886 г. № 36. 556—571.

12) Ст. 25—37. *Свящ. А. Смирнова.* Притча о милосердомъ Самарянинѣ. Душеп. Чт. 1873 г. III, окт. 182—187.

13) Св. земля и Евангельскія притчи. Воскр. Чт. 1880 г. № 20. 214—218.

14) Притча о милосердомъ Самарянинѣ (25—37). Духовная Бес. 1874 г. № 45.

15) Ст. 25—28. Бесѣда въ нед. 25 по Пятид. Воскр. Чт., г. XI. 320—325.

16) На ст. 29. Хр. Чт. 1830 г. XXXVIII. 232.

17) Бесѣда священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ. Руков. для сел. п. 1865. III. 3—5.

18) Ст. 30—37. Притча о любви къ ближнимъ (30—37). Христ. Чт. 1838. III. 193—206.

19) Ст. 25—37. Объ обязанностяхъ христіанина по ученію притчей Господа нашего Іисуса Христа. Воскр. Чт., г. XXXIV. I. 221—227.

20) Ст. 33—35. Нѣсколько словъ христіанскихъ мірянина къ мірянамъ. Воскр. Чт. 1874 г. II. 102—105.

21) Ст. 33—35. Поучительные уроки изъ примѣра сострадательнаго Самарянина. Воскресное Чт., г. XX. 310—314.

22) Ст. 33—35. Гостинница. Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1874 г. II. 207.

23) Ст. 37. *Еп. Макарія* о благотворительности. Стран. 1878 г. III. 80—85.

24) Ст. 38. Марѳа, сестра Лазаря. Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1876 г. II. 206.

25) Ст. 38—42. Почему въ Богородичные праздники читается на литургіи Евангеліе о Марѳѣ и Маріи. Воскр. Чт. 1873 г. I. 63.

26) Письмо о Евангеліи, читаемомъ на литургіи въ Богородичные праздники. Духовная Бес. 1858 г. III. 162—166. (2 изд.

27) Ст. 41—42. *А. Гулянницкаго.* Размышленіе о человѣческихъ заботахъ *(Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнозѣ. Едино же есть на потребу).* Воскр. Чт. XXV. 295.

28) Попеченіе о земномъ, временномъ. Воскр. Чт. 1879 г. 443—449.

29) Ст. 42. О единомъ на потребу. Христ. Чт. 1827 г. XXV. 352—354. 1830 г. XXXVIII. 223.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

30) Ст. 20. *Филарета, митроп. Московскаго.* Объ истинномъ основаніи обычая праздновать день своего имени и о томъ, чтобы радость объ имени, праведная и святая по своему предмету, была также праведна и свята по своему образу и дѣйствіямъ. II. 402—406.

31) Ст. 20. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О значеніи именъ православныхъ. II. 208.

32) Ст. 21. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О простотѣ и искренности вѣры дѣтей въ сравненіи съ современнымъ невѣріемъ ученыхъ. Слово въ нед. 26 по Пятид.

33) Ст. 23. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О благомъ употребленіи зрѣнія. I. 119.

34) Ст. 25. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Объ отношеніи современнаго общества къ вопросу о вѣчной жизни. III. 363—371.

35) Ст. 25—37. *Его же.* Черты милосердаго Самарянина. II. 212—218. Изъясненіе притчи о милосердомъ Самарянинѣ въ приложеніи къ воспитанію дѣтей въ школѣ. III. 374—387.

36) Ст. 37. *Филарета, митроп. Московскаго.* О таинственномъ знаменованіи притчи о милосердомъ Самарянинѣ. V. 184—185.

37) Ст. 37. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Полученіе жизни вѣчной возможно подъ условіемъ только милосердія и сострадательности къ ближнимъ. I. 542—549.

38) Ст. 38 и дал. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Іисусъ Христосъ въ гостяхъ въ домѣ Марѳы. II. 157—160.

39) *Иліодора, архіеп. Курскаго.* О томъ же. 167—176.

40) Ст. 39. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О необходимыхъ условіяхъ къ достойному пріятію слова Божія III. 139—144.

41) Ст. 41. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго. О единомъ на потребу,* Слово въ день Покрова Пресвятой Богородицы.

42) Ст. 42. *Григорія, архіеп. Кіевскаго. О единомъ на потребу, и о благой части.* II. 167—173.

43) Ст. 42 *Филарета, митрополита Московскаго. О единомъ на потребу,* которое составляетъ всегдашнюю, существенную нужду человѣка и есть Царствіе Божіе или благодатное съ Богомъ соединеніе. I. 278—280.

44) Ст. 42. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* О преимуществахъ христіанскаго образованія сердца предъ изученіемъ многоразличныхъ наукъ. II. 138—141.

Обличеніе фарисеевъ и законниковъ, и враждебные ихъ замыслы на Іисуса Христа (Лук. XI, 37—41, 43, 45—46, 52—54; XII, 1.

Когда Іисусъ Христосъ училъ народъ, попросилъ Его одинъ фарисей къ себѣ отобѣдать. Онъ пришелъ и возлегъ. Фарисей съ удивленіемъ замѣтилъ, что Онъ не умылъ сперва рукъ предъ обѣдомъ. Но Господь сказалъ ему: «вотъ вы, фарисеи, внѣшность чаши и блюда очищаете, а что̀ у васъ въ нихъ, то пріобрѣтено хищеніемъ и нечистыми средствами. Безразсудные! не долженъ ли тотъ, кто вычистилъ внѣшнее, позаботиться сдѣлать чистымъ и внутреннее? Впрочемъ, обратите, что̀ у васъ есть, въ милостыню, тогда все у васъ чисто будетъ. Но горе, вамъ, фарисеямъ, что любите первыя мѣста въ синагогахъ и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ!»—На это кто-то изъ законниковъ сказалъ Ему: «Учитель! говоря такимъ образомъ Ты и насъ обижаешь». Но Онъ сказалъ: «и вамъ, законникамъ, горе, что обременяете людей тяжестями неудобоносимыми, а сами и однимъ пальцемъ своимъ не дотрогиваетесь до нихъ. Горе вамъ,

законникамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія; сами не вошли, и помѣшали тѣмъ, кто хотѣлъ войти».

Когда Онъ это говорилъ имъ, книжники и фарисеи начали сильно приступать къ Нему, вынуждая у Него отвѣты на многое, подыскиваясь подъ Нимъ и стараясь уловить что-нибудь изъ устъ Его, въ чемъ бы обвинить Его. Между тѣмъ, когда собрались многія тысячи народа, такъ что тѣснили другъ друга, Онъ началъ говорить прежде ученикамъ Своимъ: «берегитесь закваски фарисейской,—именно лицемѣрія».

Святаго Василія Великаго на 41 ст. XI гл. Ев. отъ Луки.

Поелику Господь сказалъ: *обаче отъ сущихъ дадите милостыню: и се вся чиста вамъ;* то ужели, сколько кто ни грѣшилъ, чрезъ милостыню находитъ очищеніе всего?

Самая связь предыдущаго объясняетъ сказанное. Ибо, прежде сказавъ: *очищаете внѣшняя стклянницы и блюда, внутреннее же ваше полно грабленія есть и лукавства* (39), потомъ присовокупилъ: *обаче отъ сущихъ дадите милостыню: и се вся чиста вамъ вся;* т. е. все то, въ чемъ грѣшимъ и лукавствуемъ, грабя и лихоимствуя. Сіе же выражаетъ и Закхей, говоря: *се полъ имѣнія моего дамъ нищимъ: и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею* (Лук. XIX, 8). Посему всѣ подобные грѣхи, которые могутъ быть заглаждены и за которые можно воздать чѣмъ либо въ нѣсколько кратъ бо́льшимъ, очищаются симъ способомъ. И сей, говорю, способъ не самъ по себѣ достаточенъ къ очищенію, но предварительно имѣетъ нужду въ Божіемъ милосердіи и въ Крови Христовой, которою *имамы избавленіе* и отъ всѣхъ другихъ грѣховъ (Ефес. I, 7), творя за всякій грѣхъ *плоды достойны покаянія* (Лук. III, 8). (Тв. св. оо., л. IX. Тв. св. Василія Вел., ч. V, стр. 349—350.)

Отказъ Іисуса Христа по вопросу о раздѣлѣ наслѣдства (Лук. XII, 13—15).

(*Берсье.*)

Тогда кто-то изъ народа сказалъ Іисусу: «Учитель, скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство». Онъ же сказалъ человѣку тому: «кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?» При этомъ сказалъ имъ: «смотрите, берегитесь любостяжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія» (Лук. XII, 13—15). Почему Іисусъ Христосъ отказывается вмѣшаться въ споръ о наслѣдствѣ? На это обыкновенно дается такое объясненіе: «Іисусъ Христосъ заботится только о вѣчномъ благѣ душъ, а всѣ остальные людскіе интересы вполнѣ чужды Ему». Это объясненіе вполнѣ заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что оно исходитъ изъ устъ людей, считающихъ себя наиболѣе передовыми въ духовномъ смыслѣ, но оно односторонне. Правда, Іисусъ Христосъ выше всего ставитъ спасеніе и благо души, но не слѣдуетъ забывать, что Его милосердіе охватываетъ человѣка во всей его цѣлости. Я бы могъ представить много доказательствъ этому изъ Его изрѣченій, но есть нѣчто еще болѣе значительное, чѣмъ отдѣльные тексты,—это отношеніе Іисуса Христа къ тѣмъ страданіямъ и несправедливостямъ, которыя Онъ встрѣчаетъ. Благородное негодованіе, охватывающее Его при видѣ неправды, глубокая жалость, проявляющаяся ко всѣмъ сирымъ и обездоленнымъ, постоянная заботливость о страданіяхъ тѣлесныхъ, многочисленныя чудеса для облегченія людей, терзаемыхъ болѣзнью или голодомъ, несравненная нѣжность, звучащая во всякомъ

Его словѣ и проникающая до сихъ поръ бальзамомъ дивнаго утѣшенія въ сердца всѣхъ удрученныхъ—вотъ что̀ слѣдуетъ вычеркнуть изъ Евангелія, если видѣть въ немъ лишь исключительный суровый аскетизмъ. Но вычеркнуть это—значитъ уничтожить все Евангеліе. Итакъ надобно искать другой причины, почему Іисусъ Христосъ отказывается вмѣшаться въ споръ двухъ братьевъ. Въ чемъ же эти причины?

Вліять на людей и перевоспитывать ихъ можно двумя способами: внѣшнимъ и внутреннимъ. Первый состоитъ въ обнародованіи правилъ, въ установленіи законовъ, въ правительственныхъ распоряженіяхъ, въ рѣшеніяхъ всѣхъ нравственныхъ и политическихъ вопросовъ на основаніи извѣстныхъ положеній. Второй имѣетъ цѣлью перемѣну сердца и воли. Изъ этихъ двухъ способовъ Іисусъ Христосъ выбралъ второй; Онъ остался ему непоколебимо вѣренъ и этого одного довольно, чтобы доказать Божественность Его посланничества и вѣчное значеніе Его дѣла.

Но предположимъ на минуту, что Онъ избралъ бы первый способъ, и посмотримъ, къ какимъ слѣдствіямъ приведетъ это. Это рѣшеніе не измѣнило бы ничуть сердца этихъ двухъ братьевъ. Если они были несправедливы и завистливы, то они остались бы тѣми же и послѣ произнесенія рѣшенія. Предполагая, что они подчинятся приговору, мы получимъ въ результатѣ только практическое разрѣшеніе вопроса по гражданскому праву—вотъ и все. А справедливость и милосердіе были бы удовлетворены только въ томъ случаѣ, если бы братья прониклись ученіемъ Іисуса Христа, и сами бы полюбовно раздѣлили между собою наслѣдство. Вотъ въ чемъ бы заключалось истинное торжество, и Христосъ хочетъ достигнуть именно его.

Но это еще не все. Допустимъ, Іисусъ Христосъ вмѣсто того, чтобы быть спасителемъ и воспитателемъ души человѣческой, становится судьею надъ земными благами. Разъ Онъ вступилъ на этотъ путь, Ему нельзя бы было сойти съ него; разъ Онъ постановилъ непогрѣшимое рѣшеніе на предложенный Ему вопросъ, необходимо, чтобы Онъ рѣшалъ и всѣ остальные вопросы, которые, будьте увѣрены, не замедлили бы предложить Ему. Справедливо ли, что Евреи подчиняются игу Римлянъ? Справедливо ли, что фарисеи занимаютъ господствующее положеніе въ Израилѣ? Справедливо ли, что законъ не защищаетъ бѣдныхъ отъ притѣсненій богатыхъ? Справедливо ли, что существуетъ рабство? И вотъ по всѣмъ этимъ вопросамъ Іисусу Христу придется произнести приговоры въ качествѣ Верховнаго Судіи; Ему придется обличить всѣ несправедливости и всю ложь общественнаго строя, осудить или уничтожить... Но подумали ли вы объ этомъ? Вѣдь это значитъ провозгласить необузданную всемірную междоусобицу. Это значитъ свергнуть всѣ несправедливыя власти, произвести всеобщую революцію, а такъ какъ ярость защиты всегда возрастаетъ съ яростью нападенія,—это значитъ произвести ужасную войну и залить кровавымъ потопомъ все человѣчество. Вотъ крайнія логическія слѣдствія того положенія, въ которое сталъ бы Іисусъ Христосъ, сойдя съ пути Своей духовной миссіи, чтобы стать соціальнымъ судьей и реформаторомъ. Но не думайте, чтобы этою цѣною Онъ переродилъ міръ. Какъ спорящіе о наслѣдствѣ братья, выслушавъ изъ устъ Христа самое праведное рѣшеніе, остались бы тѣми же, что и прежде, точно также и міръ, увидавъ разоблаченіе всѣхъ несправедливостей и попытавшись утопить ихъ въ крови,

вышелъ бы изъ этой борьбы болѣе ненавидящимъ, гнѣвнымъ и развращеннымъ, чѣмъ прежде. Въ самомъ дѣлѣ, для перерожденія общества недостаточно перевернуть его вверхъ дномъ, какъ недостаточно вспахать поле, чтобы сдѣлать его плодороднымъ. Для этого нужно нѣчто иное: общество, какъ и почва, нуждается въ новыхъ сѣменахъ, на немъ слѣдуетъ посѣять новыя начала жизни. Іисусъ Христосъ былъ сѣятелемъ: это сравненіе часто приводится Имъ Самимъ и прекрасно обрисовываетъ оригинальность и новизну Его дѣла. Онъ не навязываетъ истины путемъ насилія или какого либо принужденія. Онъ влагаетъ ее въ сердца,—тамъ должна она прозябнуть,—медленное прозябаніе, тягостное совершенствованіе, но оно мало-по-малу передѣлаетъ міръ. Такимъ образомъ Евангеліе, вмѣсто того, чтобы дать обществу новое государственное устройство или новые законы, заложило въ основы этого общества, т. е. въ глубину души человѣческой, принципы правды и любви, заставляющіе людей бодрствовать, потрясающіе ихъ эгоизмъ и подрывающіе въ корнѣ всѣ несправедливости;—тѣ принципы, которые вызовутъ всѣ будущія преобразованія, какъ они уже вызвали всѣ бывшія.

Многіе удивляются, что Іисусъ Христосъ и Его Апостолы не возставали ни противъ древняго рабства съ его возмутительной безнравственностью, ни противъ законовъ, порабощавшихъ жену и дѣтей мужу, ни противъ общественнаго неравенства, тяготѣвшаго надъ бѣдными, ни противъ деспотизма правительства, угнетавшаго міръ. Но нападать и проповѣдывать возстаніе было бы очень легко; совсѣмъ иное дѣло—дѣло новое, Божественное—отвергнуть борьбу силой противъ силы, зломъ противъ зла и смѣло пытаться преодолѣть зло добромъ и разсчитывать на побѣду, влагая въ сердца чувства правды и милосердія, чтобы оттуда онѣ перешли и въ законы, и въ общественную жизнь; совсѣмъ иное дѣло уготовить Богу грядущее этой обильной жатвы и умереть, поливши своею кровью борозды, въ которыхъ прозябаетъ это сѣмя.

Вотъ причина, почему Іисусъ Христосъ такъ категорически отказывается вмѣшаться въ споръ между двумя братьями. Теперь слѣдуетъ вывести отсюда одно непосредственное, очень близко касающееся современной жизни слѣдствіе.

Каковы должны быть отношенія христіанской религіи къ политикѣ? Если Іисусъ Христосъ отказался быть посредникомъ въ правовомъ вопросѣ о наслѣдствѣ, должны ли мы и можемъ ли хотя отчасти примѣшивать религію къ области политики?

Изъ исторіи мы видимъ, что ни одно вліяніе не *было* такъ сильно въ сферѣ политики, какъ вліяніе религіи. Религія создаетъ характеръ народовъ, опредѣляетъ ихъ судьбы; это можно наблюдать во всѣ времена. Хотя поверхностные наблюдатели воображаютъ, что религія теперь не имѣетъ значенія, но легко показать, что въ основѣ всѣхъ великихъ вопросовъ, волнующихъ міръ въ настоящее время: во Франціи, въ Ирландіи, въ Италіи, въ Испаніи, на Востокѣ, всюду лежитъ вопросъ религіозный. Заниматься политикой, не принимая въ разсчетъ религіи—безумное предпріятіе. Что можно сказать объ архитекторѣ, который сталъ бы возводить зданіе, не обращая вниманія ни на климатъ, ни на перемѣны температуры, ни на атмосферическія условія? Религія—это атмосфера души, и безумно поступаетъ тотъ, кто думаетъ основать нѣчто устойчивое, не принимая въ разсчетъ религіи.

Чѣмъ больше та или иная форма христіанской религіи приближается къ духу ученія Іисуса Христа, тѣмъ болѣе свободны, могущественны и счастливы исповѣдающіе ее народы; наоборотъ, чѣмъ болѣе искажено въ вѣроисповѣданіи Христово ученіе, тѣмъ ближе стоятъ къ анархіи принявшіе его народы. Но весь вопросъ въ томъ: при какихъ условіяхъ христіанская религія можетъ спасать народы? Я отвѣчаю: дѣйствуя, подобно Христу, вполнѣ духовнымъ образомъ, освобождая души, проповѣдуя имъ справедливость, праведность, любовь, и при этихъ-то условіяхъ поразительно осуществляются слова Священнаго Писанія: «ищите прежде всего Царствія Божія и правды его, и все остальное приложится вамъ». Но если Церковь сочтетъ эту роль слишкомъ скромной для себя, если она захочетъ выступать на политическое поприще, если она послушаетъ призыва партій, если она забудетъ примѣръ Учителя и мѣшается въ то, во что̀ отказался вмѣшаться Христосъ, то она унизитъ свое достоинство и погубитъ свое дѣло. Не слѣдуетъ ставить Евангеліе подъ знамя политической партіи, какъ бы ни была она либеральна. Евангеліе стоитъ выше всѣхъ партій, оно обращается ко всѣмъ и всѣмъ равно проповѣдуетъ справедливость и милосердіе. Его нельзя подчинить вліянію какой бы то ни было политической системы. Будемъ имѣть, какъ граждане, свои убѣжденія по ежедневно возникающимъ общественнымъ вопросамъ, но воздержимся отъ отожествленія ихъ съ Евангеліемъ. Церковь—это святилище, всѣхъ объединяющее, это—горнее мѣсто, куда стекаются люди, чтобы вздохнуть чистымъ воздухомъ правды, милосердія и взаимной любви; у ея двери нужно откинуть всякіе помыслы о политическихъ системахъ, чтобы думать лишь о томъ, что̀ истинно и вѣчно. Въ ней всякій чувствуетъ себя грѣшнымъ, преступнымъ, и предъ мольбой къ Господу о прощеніи должны замолкнуть всѣ разъединяющія воспоминанія. Вотъ чѣмъ по меньшей мѣрѣ должна быть Церковь.

Сказанное можетъ относиться и къ экономическимъ вопросамъ; даже сюда еще ближе относятся слова Спасителя. Вотъ передъ Іисусомъ Христомъ стоятъ два брата и просятъ Его рѣшить, кому должно принадлежать наслѣдство. Одинъ братъ—это классъ собственниковъ, другой—толпа пролетаріевъ. Первый говоритъ Ему: «обезпечь мнѣ мое владѣніе, водвори порядокъ и усмири безумныя страсти». Другой говоритъ: «Ты, бывшій Самъ бѣднымъ, стань на сторону бѣдняковъ и доставь имъ торжество справедливости». И вотъ я какъ будто слышу отвѣтъ Учителя на эту горячую мольбу: «о люди! Кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?»

И на самомъ дѣлѣ, Христосъ не можетъ быть ни за тѣхъ, ни за другихъ, ибо Онъ равно за всѣхъ! *Одни хотятъ, чтобы* Онъ сталъ на сторону богатыхъ. На этомъ условіи они, конечно, окажутъ поддержку Церкви уже по одному тому, что она станетъ тогда, по извѣстному грубому выраженію, сторожемъ ихъ денежныхъ сундуковъ. Они видятъ въ христіанской религіи оплотъ противъ революціи и ради этого поддерживаютъ и распространяютъ ее, можетъ быть даже не вѣруя въ нее. Оставаясь въ глубинѣ души скептиками, они склоняются предъ Іисусомъ Христомъ, лишь бы только Онъ принялъ ихъ интересы подъ Свою святую охрану, Но Онъ не желаетъ этого. Почему? Да потому, что за правами и имуществомъ богатыхъ часто кроется много несправедливостей, и Онъ, Святой и Праведный, не можетъ освятить ихъ Своей

Божественною властью. И мы, Его ученики, не можемъ согласиться помѣстить подъ охрану Евангелія,—блага общаго всѣмъ людямъ,—частные интересы какой либо партіи или класса. Мы думаемъ, что принимать современный общественный порядокъ такъ, какъ онъ есть, не желая горячо его улучшенія подъ вліяніемъ милосердія и справедливости, значитъ быть безсердечными, значитъ отречься отъ духа Іисуса Христа. Долженъ быть извѣстный минимумъ вещныхъ благъ, которыми слѣдуетъ обладать каждому человѣку. Между тѣмъ существуютъ такія жизненныя положенія, гдѣ это возможно лишь чудомъ. Есть степень нищеты, при которой неизбѣжно утрачивается всякое чувство человѣческаго достоинства. На нашихъ фабрикахъ допускается такое смѣшеніе половъ, которое убиваетъ стыдъ и оскверняетъ душу; въ подавляющей, тягостной работѣ дѣтей, осужденныхъ быть какими-то вертящими машинами, лежитъ непреодолимое препятствіе къ ихъ нравственному развитію, а въ трудѣ по воскреснымъ днямъ заключается смерть всякой вѣрѣ и религіи. Было бы несправедливо слагать теперь на одинъ классъ собственниковъ всю отвѣтственность въ этихъ вопіющихъ бѣдствіяхъ, являющихся на самомъ дѣлѣ столько же продуктомъ времени, обстоятельствъ и ошибокъ предшествовавшихъ поколѣній, но еще болѣе несправедливо и безбожно признать эти бѣдствія неизбѣжными и требовать отъ Іисуса Христа, чтобы Онъ освятилъ и обезпечилъ навсегда преимущества имущихъ классовъ при этихъ условіяхъ. Нѣтъ, Іисусъ Христосъ не сдѣлаетъ этого. Напротивъ, Онъ пробудитъ въ ихъ совѣсти тайное безпокойство, Онъ напомнитъ имъ, что они лишь хранители ввѣреннаго имъ богатства, встревожитъ ихъ мыслью объ отвѣтственности, налагаемой ихъ положеніемъ, Онъ смутитъ ихъ эгоизмъ, вызвавъ въ нихъ сознаніе чрезмѣрной неравноправности, отдѣляющей ихъ отъ другихъ людей. Подъ этимъ вліяніемъ они вспомнятъ, что ихъ неотложный долгъ состоитъ именно въ томъ, чтобы уменьшить это разстояніе, поднять падшихъ, поддержать ихъ достоинство, обезпечить имъ средства къ существованію, просвѣтить ихъ умы, видѣть въ нихъ разумно-нравственныя существа, своихъ товарищей, а не рабовъ, пріобщить ихъ насколько возможно къ общему дѣлу и никогда не только не противиться, но горячо содѣйствовать тѣмъ реформамъ, которыя дѣлаютъ многихъ участниками благъ, составлявшихъ прежде привиллегію единицъ. Вотъ о чемъ должно напоминать Евангеліе.

Другіе желаютъ, чтобы Іисусъ Христосъ сталъ на сторону неимущихъ и закрѣпилъ за ними ихъ долю наслѣдства. Но Онъ не сдѣлаетъ этого, потому что, если бы Онъ даже Господней властью и присудилъ каждому равную часть имущества, — это рѣшеніе имѣло бы значеніе лишь на сегодня, а на завтра равенство неизбѣжно бы нарушилось. Дѣйствительно, намъ еще неизвѣстно рѣшеніе этой соціальной задачи, а люди воображающіе, что они отыскали его — или мечтатели, или обманщики. Я уже сказалъ, что у каждаго человѣка есть одно право, обладаніе которымъ мы должны предоставить всѣмъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ,—это право жить, спасая душу свою. Вполнѣ законно, чтобы на ряду съ этимъ правомъ каждому человѣку были открыты всѣ пути къ достиженію другихъ правъ, но кто идетъ дальше этого, кто требуетъ во имя Христа равенства владѣнія и пользованія, тотъ обманываетъ и лжетъ. Есть равенство справедливое, а именно ра-

венство въ общихъ правахъ и предъ закономъ, но развѣ возможно полное равенство внѣ этой области? Развѣ природа создала насъ равными по талантамъ, по здоровью, по нравственной и физической силѣ и по всякаго рода способностямъ? Развѣ имущественное равенство, установленное сегодня закономъ, можетъ просуществовать до завтра безъ самыхъ тягостныхъ притѣсненій? Поэтому напрасно было бы придти къ Іисусу Христу и сказать Ему: «Господи, скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мной наслѣдство». На эту, повидимому справедливую, просьбу Іисусъ Христосъ ничего не отвѣтитъ.

Онъ ничего не отвѣтитъ, потому что Его задача выше. Она состоитъ въ томъ, чтобы сблизить во взаимномъ уваженіи и любви тѣхъ, кого раздѣляютъ ихъ интересы.

Теперь, выяснивъ эту причину отказа Іисуса Христа и поучительный смыслъ, заключающійся въ немъ, разберемъ наставленіе, данное Имъ двумъ братьямъ, пришедшимъ просить Его посредничества: «смотрите, берегитесь любостяжанія, ибо отъ обилія имѣнія не зависитъ жизнь человѣка».

Это наставленіе отнюдь не представляетъ собою общей фразы. Христосъ читалъ въ душѣ всѣхъ, къ кому обращался съ рѣчью, и тамъ увидѣлъ Онъ истинную причину распри ихъ. Этой причиной было корыстолюбіе. Есть два рода корыстолюбія: корыстолюбіе лица владѣющаго и корыстолюбіе лица завидующаго; не одинаковыя въ глазахъ людей, они равны предъ Богомъ.

Іисусъ Христосъ не осуждаетъ трудолюбиваго владѣльца; Онъ осуждаетъ того, кто видитъ жизнь свою въ благахъ міра сего, все равно, обладаетъ онъ ими, или нѣтъ, потому что у бѣдняка тоже можетъ быть завистливое корыстолюбіе, какъ у богача скупое корыстолюбіе. Въ свѣтѣ называютъ корыстолюбіемъ только скареднаго скрягу, но Слово Божіе судитъ глубже. Оно замѣчаетъ корыстолюбіе во всѣхъ его проявленіяхъ и клеймитъ ихъ всѣ одинаково.

Что цѣнятъ въ деньгахъ молодой человѣкъ и свѣтская женщина? Возможность внѣшней пышности, шумной разсѣянной жизни и легкихъ удовольствій. Что цѣнитъ въ деньгахъ зрѣлый человѣкъ? Возможность добыть посредствомъ ихъ могущество и вліяніе; онѣ служатъ подмостками его честолюбію. А старикъ, сознающій уже, что для него нѣтъ честолюбія, старикъ съ замкнутымъ и очерствѣвшимъ сердцемъ, котораго нельзя тронуть никакими воззваніями, представляетъ собой отвратительное зрѣлище любви къ деньгамъ ради самыхъ денегъ. Но, по ученію Писанія, во всѣхъ этихъ привлекательныхъ или отталкивающихъ, расточительныхъ или скаредныхъ формахъ корыстолюбія кроется одно и то же идолопоклонство. Будетъ ли идолъ изящнымъ или гнуснымъ, онъ все-таки остается идоломъ, и всѣ корыстолюбцы сходятся въ одномъ общемъ стремленіи видѣть жизнь свою въ своемъ имуществѣ. Но истинная жизнь заключается не въ этомъ. Истинная жизнь прежде всего въ душѣ, а не въ обладаемыхъ благахъ. Дайте невѣждѣ богатѣйшую въ мірѣ библіотеку, посадите больнаго за самый роскошный обѣдъ, окружите истощенное, высохшее, пресыщенное сердце самыми чистыми и нѣжными наслажденіями чувства, и вы получите осязательнѣйшее доказательство, что жизнь заключается не въ обладаемыхъ благахъ. О, сколько разъ мы видимъ скорбь и терзаніе духа въ домахъ, гдѣ богатство сосредоточило весь свой

блескъ, сколько видимъ ранъ сердца, нанесенныхъ взаимной невѣрностью, сколько разъ видимъ старика отца, сходящаго въ могилу изъ-за неблагодарности сына, сколько разъ встрѣчаемъ пресыщенность, отвращеніе къ жизни и даже неспособность наслаждаться ею! Недаромъ уже давно замѣченъ тотъ фактъ, что самоубійцы чаще встрѣчаются между богатыми, чѣмъ между бѣдными.

Да, въ судьбахъ человѣческихъ гораздо больше равенства, чѣмъ мы полагаемъ. Богатство не спасетъ отъ болѣзни и не возвратитъ матери умершаго сына. Есть такія сердечныя и душевныя скорби, которыя ни въ чемъ не уступятъ самой ужасной нищетѣ.

А что сами мы помыслимъ объ истинной жизни, о той жизни, которая должна будетъ перейти въ вѣчную жизнь, если мы перенесемся мысленно къ тому торжественному часу, когда намъ придется отдать отчетъ въ нашемъ существованіи, когда всѣ наши дѣйствія будутъ взвѣшены на вѣсахъ Непогрѣшимаго Верховнаго Судіи? Тогда и жестокій богачъ, и свѣтская женщина услышатъ ужасный приговоръ: «вы искали свою жизнь въ благахъ міра сего, и вотъ вамъ слѣдствія вашего эгоизма и суетности». Да, этотъ часъ пробьетъ для всѣхъ насъ черезъ десять лѣтъ, черезъ пять лѣтъ, можетъ быть завтра, и всѣ заклятія, всѣ сопротивленія, всѣ насмѣшки не замедлятъ его прихода, какъ крикъ, или хохотъ безразсудныхъ смѣльчаковъ, уносимыхъ быстриной водопада, не задержитъ ихъ отъ паденія въ бездну.

Нѣтъ, жизнь заключается въ иномъ! Она въ прощеніи Бога, она въ примиреніи съ Нимъ, она въ единеніи съ Іисусомъ Христомъ, въ познаніи Его, въ вѣрѣ въ Него и въ любви къ Нему, Спасителю душъ.

Вы, сердца, обманутыя міромъ, испившія кубокъ наслажденій и нашедшія на днѣ его ѣдкую горечь, и вы, озлобленныя сердца, которымъ было отказано въ мірскихъ утѣхахъ, вы—бѣдняки или богачи, счастливые или обездоленные—обладаете ли вы истинной жизнью? Считаете ли вы Бога—Отцемъ, Христа—Спасителемъ, вѣчную жизнь—блаженною дѣйствительностью, наслѣдствомъ, которое никто не можетъ похитить? Вотъ истинный источникъ жизни, вотъ счастье, предъ которымъ все остальное призракъ и суета, вотъ благо, обладаніе которымъ и въ скорби, страданіи и смерти открываетъ надежду, радость и блаженство. Счастливъ тотъ, кто, лишась всего, чему такъ завидуетъ, на что такъ падокъ міръ, обладаетъ твердымъ прибѣжищемъ въ любви къ Іисусу Христу, съ Которымъ никто не разъединитъ его. Счастливъ тотъ, кто обладаетъ Царствомъ Господнимъ на землѣ въ униженіи, въ нищетѣ, въ угнетеніи, но несомнѣнно нѣкогда будетъ наслаждаться Царствомъ Господнимъ на небеси, въ безконечной славѣ и вѣчномъ блаженствѣ съ Іисусомъ Христомъ (Прав. Обозр. 1888 г., февр. 319—334).

Избранныя мѣста изъ святыхъ отцевъ въ изъясненіе Евангелія отъ Луки (XII, 16—21).

Ст. 16—18. *Человѣку нѣкоему богату угобзися нива, и мысляше въ себѣ, глаголя: что сотворю; яко не имамъ гдѣ собрати плодовъ моихъ?* и проч.

Богачъ старается распространить свои сокровищницы, желая наслаждаться только настоящимъ. Онъ не взираетъ къ жизни будущей, не возводитъ очей къ Богу, у него нѣтъ никакой любви къ бѣднымъ, ни заботы о нихъ, даже не думаетъ онъ о славѣ,

какую могъ бы заслужить благодѣяніями. Но говоритъ: *разорю житницы моя* (изъ Кирилла Александрійскаго).

Такому скажу я: и хорошо ты дѣлаешь; ибо житницы нечестія точно достойны разрушенія. Бѣднякъ! разрушь самъ своими руками то, что̀ худо создано тобою. Разори житницы, отъ которыхъ никто не порадовался, никто не возвратился съ прибылью. Уничтожь весь домъ, въ которомъ хранится сребролюбіе: сломай кровлю, раскинь стѣны, и открой свѣту хлѣбныя зерна; освободи изъ-подъ стражи твои скованныя богатства; восторжествуй надъ темнымъ жилищемъ нечестивой мамоны. *Разорю житницы моя, и большія созижду.* А когда и ихъ наполнишь хлѣбомъ, что̀ еще замыслишь? Ужели опять разоришь и созиждешь? Не безразсудно ли та́къ мучить себя безъ конца, созидать и опять разорять? Если хочешь, имѣешь гдѣ полагать хлѣбъ твой—чрево бѣдныхъ. Сокровиществуй *себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ* (Матѳ. VI, 20). Но, скажешь, тогда буду давать, когда наполню новыя житницы. Ты обѣщаешь себѣ долгую жизнь: смотри, чтобъ конецъ, назначенный твоей жизни, не постигъ тебя внезапно.—И что̀ препятствуетъ подавать нынѣ? Не всегда ли есть убогіе? Не полны ли твои житницы? Не готова ли мзда отъ Господа? Не явна ли заповѣдь? Вотъ одинъ истаеваетъ отъ голода, другой цѣпенѣетъ отъ холода, инаго истязуютъ за долги; а ты откладываешь милостыню на завтра?—Ты избѣгаешь встрѣчи съ бѣдными, чтобъ не принудили тебя что-нибудь выпустить изъ рукъ твоихъ. Одно умѣешь говорить: «не имѣю, не дамъ, потому что самъ я бѣденъ». Ты точно бѣденъ, во всемъ нуждаешься. Бѣденъ ты человѣколюбіемъ, бѣденъ вѣрою, бѣденъ упованіемъ. Потому и совѣтую тебѣ: сдѣлай участниками хлѣба, какой имѣешь, братій твоихъ. Завтра, можетъ быть, онъ испортится. Дай требующему теперь. Это самое худшее корыстолюбіе — не давать убогому того, что̀ легко подвергается порчѣ (Василій Велик. въ словѣ 1 на корыстолюбцевъ).

Для чего ты богатъ, а другой бѣденъ? Конечно, для того, чтобъ ты за благотворительность, за вѣрное распоряженіе имѣніемъ получилъ награду, а другой пріялъ мзду за терпѣніе. А ты думаешь, что никому не вредишь, когда, захватывая все ненасытнымъ корыстолюбіемъ, столько людей лишаешь благъ? Кто корыстолюбецъ? Тотъ, который не довольствуется малымъ, тѣмъ, что̀ для него должно быть достаточнымъ. Кто общественный тать? Тотъ, кто похищаетъ чужое. Ка́къ же ты не корыстолюбецъ? Ка́къ не тать, когда то, что̀ получилъ въ распоряженіе и для раздаянія, присвоиваешь?—Псалмопѣвецъ говоритъ: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Псал. LXI, 11). А ты текущее задерживаешь и заграждаешь ему выходъ (Тотъ же).

Ст. 19. *И реку души моей: душе, имаши многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселися.*

Но богачъ, которому суждено скоро оставить эту жизнь, что̀ предпринимаетъ? Что̀ говоритъ?—*душе, имаши многа блага, лежаща на лѣта многа*, и проч. О, глупѣйшія слова! О, безуміе необыкновенное! Что̀ другое сказалъ бы ты, если бъ имѣлъ скотскую душу? Такъ ли ты скотенъ, такъ ли мало знаешь, какія блага души, когда подаешь ей пищу плоти? Если душа добродѣтельна, исполнена дѣлами благими, если Богу угодна, тогда имѣетъ она блага многа, и такою душей могъ бы

ты веселиться и наслаждаться. А когда мудрствуешь земное, и Богъ для тебя чрево, когда во всемъ водишься пожеланіями плотскими, то рѣчь твоя происходитъ не отъ ума, а отъ чрева (Тотъ же).

Ст. 20. *Рече же ему Богъ: въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе: а яже уготовалъ еси, кому будутъ?*

Говоритъ какъ-бы такъ: то, что̀ собрано тобою, кому ты приготовилъ? Если для себя самого, то вотъ истязатели предъ тобою, которые не позволятъ тебѣ насладиться приготовленнымъ. Если кому либо другому, то все неизвѣстно—*кому будутъ?* Можетъ быть, достанутся тому, кто тебя ненавидитъ, и онъ посмѣется надъ тобою; если же достанется ближнимъ твоимъ, они будутъ хулить твою звѣрскую жестокость. На такое безуміе и такую суетность указываетъ Псалмопѣвецъ, когда говоритъ: *обаче всяческая суета всякъ человѣкъ живый: — сокровиществуетъ, и не вѣстъ, кому соберетъ я* (Псал. XXXVIII, 6—7). (писатель неозначенъ.)

Какъ не безуменъ тотъ, кто не знаетъ, что предѣлъ жизни нашей во власти Божіей, и никто не можетъ ни продолжить, ни опредѣлить теченія своей жизни? Замѣть это слово: *истяжутъ*. Ибо Ангелы, какъ жестокіе истязатели податей, истяжутъ душу твою, противъ воли твоей, хотя бы ты, по безмѣрному пристрастію къ жизни настоящей, и противился тому. Отъ праведника не истязуется душа, а онъ самъ, съ радостью и торжествуя, предаетъ ее Богу, Отцу духовъ, и не боится смерти; потому что тѣло для него тягость, а Онъ слагаетъ его охотно. А грѣшникъ, подчиняя душу тѣлу, при чрезмѣрной любви къ плоти дѣлаетъ и душу плотью, и хочетъ, чтобъ душа была нераздѣльна съ тѣломъ.—*Праведныхъ души въ руцѣ Божіей* (Премудр. III, 1).—Душа (грѣшника) истязуется *въ нощи;* ибо не озаряетъ ее свѣтъ Богопознанія, но живя въ ночи сребролюбія, имъ помраченная, она объемлется смертью (Θеофилактъ).

Ст. 21. *Тако собирая себѣ, а не въ Бога богатѣя.*

Безумный (богачъ) въ самую минуту замысловъ своихъ восхищается отъ сей жизни. Если бъ собиралъ онъ для бѣдныхъ и для Бога, то этого съ нимъ не случилось бы. Потщимся же богатѣть въ Бога, то есть, на Него возложимъ надежду; пусть Онъ владѣетъ нашимъ богатствомъ и его хранилищами, будемъ называть имѣніе Божіимъ, а не нашимъ. И если оно Божіе, не будемъ отнимать его у Бога. Богатѣть въ Бога значитъ вѣрить, что если я и все раздамъ, и самъ себя изжду, то не потерплю недостатка ни въ чемъ нужномъ. Сокровищница моя Богъ: я открою и возьму необходимое для меня, все, что̀ мнѣ будетъ нужно (Θеофилактъ). (Воскр. Чт., ч. XXIV, стр. 345—347.)

Что значитъ богатѣть въ Бога.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Тако собирая себѣ, а не въ Бога богатѣя (Лук. XII, 21). Что̀ значитъ: *богатѣть въ Бога?* Правило сіе, по первому виду, не такъ ясно, какъ противоположная ему неправильность—*собирать себѣ*. Собираютъ себѣ въ житницу, въ кладовую, въ пазуху; но какъ богатѣть въ Бога, Который не беретъ земного, вещественнаго богатства къ Себѣ на небо, и не имѣетъ въ ономъ нужды?

Для кратчайшаго изъясненія правила: *богатѣть въ Бога*, скорѣе всего можно указать на близкій примѣръ. Богу во храмъ, на его созиданіе или на обновленіе, или на содержаніе его

въ потребномъ благоустройствѣ и въ приличномъ благолѣпіи, иной приноситъ часть богатства своего, а иной посвящаетъ безкорыстный трудъ, который есть также собственность, нерѣдко высоко цѣнимая между людьми, и первоначальное богатство, посредствомъ котораго дѣлаются богатыми небогатые. Что жъ, отдающіе такимъ образомъ свое богатство и свой трудъ Богу, бѣднѣютъ ли, или *богатѣютъ?* Словомъ Господнимъ говорю: богатѣютъ, какъ потому, что симъ образомъ благословляется прочее ихъ богатство, честно пріобрѣтенное, и благонамѣренный трудъ, такъ и потому, что принесенное ими не перестаетъ быть ихъ достояніемъ, поелику Богу присвоять оное не нужно, не теряется, поелику похитить у Бога не можно, а сохраняется въ невредимой предъ очами Божіими цѣлости, для ихъ будущаго воздаянія. Вотъ одинъ изъ способовъ *богатѣть въ Бога.*

Другой способъ *богатѣть въ Бога* Самъ Іисусъ Христосъ излагаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *продадите имѣнія ваша и дадите милостыню, сотворите себѣ влагалища неветшающа, сокровище неоскудѣемо на небесѣхъ* (Лук. XII, 33). Если мысль твоя не успокоивается на одномъ простомъ довѣріи къ вѣрному и непогрѣшительному слову и желаетъ еще объясненія, какъ можетъ поданное тобою нищему очутиться въ сокровищницѣ небесной: и сіе изъясняетъ тебѣ Господь другимъ Своимъ изрѣченіемъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 40). На сіи слова, написанныя въ Евангеліи, ты можешь смотрѣть, какъ на заемное письмо, которымъ Господь призналъ Себя должнымъ тебѣ во всемъ, что ты подалъ, или что благотворительно сдѣлалъ нуждающемуся ближнему. Обладатель міра, безъ сомнѣнія, не имѣлъ нужды въ семъ ничтожномъ займѣ, не только для Себя, но и для тѣхъ, для которыхъ дѣлаетъ оный; но такова дивная благость Его, что Онъ уничижаетъ Себя до образа должника твоего, чтобы привлечь тебя къ благотворенію и чрезъ благотвореніе къ блаженству; Онъ занимаетъ у тебя бездѣлицы, прахъ, тлѣнъ, которое ты называешь земными благами, чтобы имѣть случай, безъ оскорбленія Своего правосудія, платить тебѣ истиннымъ благомъ, нетлѣніемъ, блаженствомъ, съ такою лихвою, которой ты никогда исчислить не возможешь (Изъ слова въ недѣлю 26-ю по Пятидесятницѣ, т. I, стр. 121—123).

Къ притчѣ о Евангельскомъ богачѣ.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Въ какомъ состояніи находится послѣ смерти душа человѣка, предававшагося чувственнымъ удовольствіямъ при жизни? Если бы намъ и не было сказано, что за гробомъ есть адская бездна и геенскій огнь, угрожающіе тѣмъ, которые въ земной жизни не построили себѣ лѣствицы къ небу, то, по самымъ свойствамъ души нашей и по ея опытамъ въ земной жизни, мы могли бы заключить, какъ опасно пройти въ міръ духовъ, безъ духовнаго приготовленія, съ однѣми привычками и пристрастіями къ земному и чувственному. Душа въ томъ находитъ удовольствіе и въ томъ живетъ, къ чему прилѣпились умъ и воля: лишеніе сего есть для нея гладъ, скорбь, страданіе, смерть. Отторженіе же ума и воли отъ одного предмета и прилѣпленіе къ другому, по порядку природы, не совершается мгновенно. Посему со всякою душею, которая съ однѣми привычками и пристрастіями земными, безъ духовнаго приготовленія, чрезъ смерть

очутится въ мірѣ духовъ, естественно должно происходить подобное тому, что̀ произошло съ описаннымъ въ Евангеліи богачемъ, который, поелику до смерти занимался только тѣмъ, чтобы услаждать свой языкъ ястіемъ и питіемъ, то и по смерти не нашелъ у себя высшей мысли и лучшаго желанія, какъ чтобы прохладить свой языкъ, но также не нашелъ и желаемой капли воды. Пришельствующая въ незнакомый духовный міръ душа мечтаетъ о привычныхъ земныхъ занятіяхъ; жаждетъ привычныхъ чувственныхъ удовольствій; но ихъ тамъ нѣтъ. Напротивъ того, тамъ есть возвышеннѣйшіе предметы созерцанія, чистѣйшіе источники радости и блаженства; но они чужды ея уму и волѣ. Что̀ же для нея остается? Ея внутренняя пустота, гладъ, скорбь, страданіе, что̀ и составляетъ ея смерть (Изъ слова въ день Успенія Божіей Матери. Т. III-й, стр. 50).

Мудрость жизни (Лук. XII, 35).

(*Изъ Виге.*)

Да будутъ чресла ваши препоясаны и свѣтильники горящи. Слова Спасителя, взятыя въ ихъ буквальномъ смыслѣ, представляютъ намъ людей, которымъ каждую минуту можетъ предстоять нужда отшествія, — людей, которыхъ каждую минуту можетъ застигнуть мракъ. Приподнимите, говорится первымъ, и соберите подъ вашимъ поясомъ длинныя складки вашихъ влекущихся по землѣ одеждъ на тотъ конецъ, чтобы, когда настанетъ время идти, ничто не задержало вашего отшествія, ничто не дѣлало его слишкомъ труднымъ, ничто не стѣсняло или не замедляло шаговъ вашихъ. А вы, говорится другимъ, зажгите теперь же, въ ожиданіи часа, когда померкнетъ день, свѣтильникъ, коего пламя разсѣваетъ или услаждаетъ печальную темноту ночи.

Въ смыслѣ духовномъ тѣ же самыя слова обращены ко всѣмъ людямъ, и они значатъ: принимайте необходимыя мѣры къ тому, чтобы съ наступленіемъ минуты отшествія ничто не воспрепятствовало вамъ отправиться, и при томъ отправиться совершенно свободно и съ полнѣйшею рѣшимостью, чтобы идти туда, куда угодно будетъ Богу, чтобы вы шли, и запасайте себѣ напередъ утѣшеніе, сильное поддержать васъ во всѣхъ скорбяхъ вашихъ. Ибо мракъ, о которомъ говорится въ семъ изрѣченіи Христовомъ, не есть мракъ невѣдѣнія, заблужденія или сомнѣнія, но мракъ печали и унынія, и Христосъ Спаситель противополагаетъ здѣсь свѣтильникъ радости тьмѣ несчастія.

Увѣщаніе это для первыхъ учениковъ, для Апостоловъ въ особенности, имѣло исключительное значеніе. Кому наиболѣе, если не имъ, надлежало имѣть чресла препоясанными и свѣтильники горящими? Они были призваны Промысломъ полагать среди самыхъ ожесточенныхъ противодѣйствій, при самыхъ невообразимыхъ препятствіяхъ, основы Церкви Христовой. Они посылались безоружные на завоеваніе міра; они шли туда, по слову Самого Спасителя, какъ овцы посреди волковъ. Будущее для нихъ было темно; они различали ясно сквозь мракъ его только кресты, насажденные всюду. «*Вы будете имѣть скорби*»—вотъ первое обѣщаніе, данное имъ ихъ Учителемъ. Малѣйшею изъ сихъ скорбей было оставить, подобно Аврааму, свой родъ и отечество; еще болѣе тяжкимъ было оставаться въ нѣдрѣ отечества и семьи, неизбѣжно ненавидѣвшихъ ихъ, потому что они любили Христа. Какъ-бы то ни было, они подчинились велѣнію и вла-

сти Своего Учителя и Господа; они знали, что слуга не выше своего господина, что міръ будетъ поступать съ ними такъ же, какъ онъ поступалъ съ ихъ Учителемъ, что съ пораженіемъ пастыря будутъ разсѣяны и овцы, и Апостолъ Петръ изъ устъ Самого Спасителя принялъ это возвѣщеніе, приложимое ко всѣмъ Апостоламъ: «*поведутъ тебя, куда не хочешь*» (Іоан. XXI, 18). Чѣмъ были бы первые христіане, гдѣ была бы теперь Церковь Христова, если бы Петръ и другіе Апостолы не вняли сему увѣщанію Христову: «да будутъ чресла ваши препоясаны и свѣтильники горящи?!» (Прав. Обозр. 1882 г. II, стр. 419—422.)

Мысли еп. Ѳеофана о томъ же.

Да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣтильницы горящи. Надо быть готовымъ на всякій часъ: не знать, когда придетъ Господь или для послѣдняго суда, или для взятія тебя отсюда, что̀ для тебя все равно. Смерть все рѣшаетъ; за нею итогъ жизни; и что̀ стяжешь, тѣмъ и довольствуйся всю вѣчность. Доброе стяжалъ—блага участь твоя; злое—зла. Это такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что ты существуешь. И рѣшиться все это можетъ сію же минуту,—вотъ въ эту самую, въ которую ты читаешь эти строки, и затѣмъ всему конецъ; наложится печать на твое бытіе, которой никто уже снять не сможетъ. Есть о чемъ подумать!... Но надивиться нельзя, какъ мало объ этомъ думается. Что̀ за тайна дѣется надъ нами! Всѣ мы знаемъ, что вотъ—вотъ смерть, что избѣжать ее нельзя, а между тѣмъ совсѣмъ почти никто объ ней не думаетъ, а она придетъ внезапно и схватитъ. И то еще... когда даже схватываетъ смертельная болѣзнь, все не думается, что конецъ пришелъ. Пусть рѣшатъ это психологи съ ученой стороны; съ нравственной же нельзя не видѣть здѣсь непонятнаго самопрельщенія, чуждаго только внимающимъ себѣ (Мысли на каждый день года, стр. 444).

Василія Великаго на ст. 46, XII гл. Луки.

Огорчившіе Духа Святаго лукавствомъ начинаній своихъ, или ничего не пріобрѣтшіе къ данному, будутъ лишены того, что̀ получили, и благодать отдается другимъ, или, какъ говоритъ одинъ изъ Евангелистовъ, они будутъ *растесаны* совершенно, подъ растесаніемъ разумѣя конечное отчужденіе отъ Духа. Ибо не тѣло дѣлится на части, чтобы одна часть была предана наказанію, а другая освобождена; потому что походитъ на баснь и недостойно праведнаго Судіи предположеніе, что подвергается наказанію одною половиною, кто согрѣшилъ весь. Также и душа разсѣкается пополамъ, потому что она вся и всецѣло приняла грѣховное мудрованіе и содѣйствовала тѣлу во злѣ. Напротивъ того, растесаніе сіе, какъ сказалъ я, отчужденіе навсегда души отъ Духа. Ибо нынѣ Духъ, хотя не имѣетъ общенія съ недостойными, однакоже, повидимому, сопребываетъ нѣкоторымъ образомъ съ тѣми, которые запечатлѣны однажды, ожидая ихъ спасенія по обращеніи; а тогда совершенно отсѣчется отъ души, поругавшей Его благодать. Посему *нѣсть во адѣ* исповѣдающійся и *въ смерти поминаяй* Бога (Псал. VI, 6), потому что тамъ не сопребываетъ уже помощь Духа. Какъ же можно представить, чтобы судъ совершился безъ Святаго Духа, между тѣмъ какъ Слово показываетъ, что Онъ есть и награда праведныхъ, когда вмѣсто залога дано будетъ совершенное, и что первое осужденіе грѣшниковъ будетъ состоять въ

томъ, что отнимется у нихъ все, что̀ почитаютъ себя имѣющими (ч. III, гл. 16, стр. 293—294).

Вопросъ и отвѣтъ Василія Великаго на 47—48 ст. XII гл. отъ Луки.

Вопросъ 267. Если одинъ біенъ будетъ *много*, а другой *мало* (Лук. XII, 47—48); то почему же иные говорятъ, что нѣтъ конца мученію?

Отвѣтъ. Что̀ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Богодухновеннаго Писанія сказано, повидимому, обоюдно и прикровенно, то уясняется сказаннымъ открыто въ другихъ мѣстахъ. И Господь то рѣшительно говоритъ, что *идутъ сіи въ муку вѣчную* (Матѳ. XXV, 46), то отсылаетъ иныхъ *во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (41), а въ другомъ мѣстѣ именуетъ *геенну огненную*, и присовокупляетъ: *идѣже червь ихъ не умираетъ, и огнь ихъ не угасаетъ* (Марк. IX, 47—48), и еще древле о нѣкоторыхъ предрекъ чрезъ пророка, что *червь ихъ не скончается, и огнь ихъ не угаснетъ* (Исаія LXVI, 24): потому, если при такомъ числѣ подобныхъ свидѣтельствъ, находящихся во многихъ мѣстахъ Богодухновеннаго Писанія, многіе еще, какъ-бы забывъ о всѣхъ подобныхъ изрѣченіяхъ и опредѣленіяхъ Господнихъ, обѣщаютъ себѣ конецъ мученію, чтобы свободнѣе отваживаться на грѣхъ; то сіе, конечно, есть одна изъ козней діавольскихъ. Ибо если будетъ когда-нибудь конецъ вѣчному мученію, то и вѣчная жизнь, безъ сомнѣнія, должна имѣть конецъ. А если не смѣемъ думать сего о жизни, то какое основаніе—полагать конецъ вѣчному мученію? И мученію и жизни равно придается одно слово вѣчный. Сказано: *идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.* А согласившись въ этомъ, надобно знать, что выраженія: *біенъ будетъ много*, и *біенъ будетъ мало*, означаютъ не конецъ, а разность мученія. Ибо, если Богъ есть праведный Судія не только добрыхъ, но и порочныхъ, воздающій каждому по дѣламъ его, то иной можетъ быть достойнымъ огня неугасимаго, но или слабѣйшаго, или болѣе пожигающаго, другой — червя неумирающаго, но опять или сноснѣе, или нестерпимѣе причиняющаго боль, по достоинству каждаго, и иной—геенны, въ которой, безъ сомнѣнія, есть разные роды мученій, и другой—тьмы кромѣшной, гдѣ одинъ доведенъ только до плача, а другой, отъ усиленныхъ мученій, и до скрежета зубовъ. Самая тьма кромѣшная, безъ сомнѣнія, показываетъ, что есть въ ней нѣчто и внутреннее. И сказанное въ Притчахъ: *во днѣ ада* (Притч. IX, 18) даетъ разумѣть, что нѣкоторые хотя во адѣ, но не *во днѣ ада*, терпятъ легчайшее мученіе. Это можно и нынѣ отличать въ тѣлесныхъ страданіяхъ. Ибо одинъ боленъ лихорадкою съ припадками и другими недугами, другой чувствуетъ только лихорадку, и то не въ равной степени съ другимъ; иной же не имѣетъ лихорадки, а страждетъ болью въ какомъ либо членѣ, и то опять болѣе или менѣе другаго. Но и это *много*, и *мало*,—сказано Господомъ по обыкновенному словоупотребленію, какъ и иное сему подобное. Ибо знаемъ, что подобный образъ рѣчи употребляется часто о страждущихъ однимъ какимъ-нибудь недугомъ, напримѣръ, когда говоримъ о человѣкѣ, который боленъ только лихорадкою, или чувствуетъ боль въ глазу, дивясь, сколько онъ потерпѣлъ, или какія вынесъ нужды. Почему опять повторяю, что *много* и *мало* быть битымъ означаетъ не продолженіе или скончаніе времени, но разность наказанія (ч. V, стр. 345—347).

О томъ, что Господь горѣлъ желаніемъ потерпѣть страданія за спасеніе людей (Лук. XII, 49).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Огня пріидохъ вовргщи на землю, глаголетъ Спаситель, *и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII, 49). То есть, какъ желалъ бы Я, чтобы онъ уже горѣлъ! Что̀ жъ это за огнь, столь вожделѣнный Пришедшему спасти человѣка? Безъ сомнѣнія, не огнь разрушающій, но огнь оживляющій, огнь духа, ввергаемый въ землю сердца, который, по выраженію пророка, *разваряетъ и очищаетъ, яко сребро и яко злато, и очиститъ сыны Левіины, то есть, сыновъ сердца: и проліетъ я, яко злато и яко сребро, и будутъ Господеви приносяще жертву* духовную *въ правдѣ* (Малахія III, 3). Сей Божественный огнь, которымъ Іисусъ Христосъ такъ желалъ воспламенить сердца человѣковъ, горѣлъ уже тогда въ собственномъ Его сердцѣ, какъ своемъ источникѣ, какъ то̀ обнаруживаютъ непосредственно за вышеприведенными слѣдующія слова Его: *крещеніемъ же имамъ креститися*, то есть, крестнымъ страданіемъ; *и како удержуся, дондеже скончаются* (50)! То есть, какъ Я томлюсь, доколѣ сіе совершится! Что̀ значитъ сіе томленіе, какъ не то, что Его сердце горѣло желаніемъ страданія и крестной смерти, дабы сею жертвою умилостивить Бога Отца и совершить спасеніе человѣковъ? (Изъ Бесѣды о благочестивомъ усердіи. Ч. XI, стр. 307.)

Блаженнаго Августина поученіе изъ словъ Евангельскихъ (Лук. XII, 56—59).

Мы слышали въ Евангеліи, какъ Господь обличаетъ тѣхъ, которые лице неба распознавать умѣютъ, но не умѣютъ найти времени вѣры для приближающагося Царствія Небеснаго. Это сказано Іудеямъ; но слово Господа дошло и до насъ. Самъ Онъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, началъ благовѣстіе Свое та́къ: *покайтеся: приближися бо Царствіе Небесное* (Матѳ. IV, 17). Тѣми же словами началъ проповѣдь и Іоаннъ Креститель, Предтеча Его. И вотъ теперь Господь обличаетъ тѣхъ, кои не хотятъ покаяться въ виду приближающагося Царства Небеснаго. *Царство сіе*, какъ Онъ Самъ сказалъ, *не пріидетъ со усмотреніемъ* (Лук. XVII, 20). Оно, говоритъ Господь, *внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 21). Воспользуемся же благоразумно увѣщаніемъ Учителя, чтобъ не потерять времени милости Спасителя, которое дотолѣ даетъ мѣсто покаянію, пока не наступитъ время воздаянію. Ибо для того и щадитъ Господь человѣка, чтобы сей обратился, и чтобъ никто не подпалъ осужденію. Богъ знаетъ, когда придти концу вѣка; а теперь время вѣры. Застанетъ ли насъ здѣсь конецъ вѣка, не знаю;—быть можетъ и не застанетъ. Но это время къ каждому изъ насъ близко, потому что мы смертны. Среди опасностей мы ходимъ. Итакъ послушаемъ Господа и сотворимъ въ самихъ себѣ то̀, что̀ Онъ заповѣдалъ. Разсмотримъ, кто такой тотъ *соперникъ*, отъ котораго предостерегаетъ насъ: *егда грядеши*, говоритъ, *съ соперникомъ твоимъ ко князю, на пути потщися избыти отъ него: да не когда привлечетъ тебе къ судіи, и судія тя предастъ слузѣ, а слуга всадитъ тя въ темницу,—не изыдеши оттуду, дондеже и послѣдню мѣдницу воздаси.* Кто этотъ соперникъ? Если діаволъ, то мы уже освобождены отъ него. Нѣтъ, не это соперникъ, на котораго указываетъ намъ Господь. Безъ труда найдемъ мы сего соперника, если сравнимъ слова двухъ Евангелистовъ о томъ же предметѣ.

Ибо одинъ сказалъ: *егда грядеши съ соперникомъ твоимъ ко князю, на пути потщися избыти отъ него*; а другой о томъ же говоритъ такъ: *буди увѣщаваяся* (соглашаясь) *съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ;* прочее одинаково у обоихъ: *да не предастъ тебе соперникъ судіи, и предастъ судія слузѣ тя, и въ темницу вверженъ будеши.* Оба Евангелиста сходно между собою изложили слово Господне. У одного сказано: *потщися избыти отъ него на пути:* у другаго: *буди увѣщаваяся*, соглашайся. То есть, ты не можешь избыть отъ него, если не согласишься, не примиришься съ нимъ. Что же? можетъ ли быть это діаволъ, съ которымъ должно христіанину помириться?

Поищемъ же сего соперника, съ которымъ должно намъ помириться, да не предастъ насъ судьѣ, а судья слугѣ; поищемъ его, и примиримся съ нимъ. Если ты грѣшишь, соперникъ твой есть слово Божіе. Напримѣръ тебѣ угодно напиваться, а слово Божіе говоритъ: не упивайся. Ты хочешь зрѣлищъ и пустословія; оно тебѣ запрещаетъ. Хочешь прелюбодѣйствовать, оно говоритъ тебѣ: не прелюбы сотвори. Въ какихъ бы то ни было грѣхахъ хочешь исполнять свою волю: оно запрещаетъ. Такимъ образомъ это соперникъ волѣ твоей, пока не сдѣлается совершителемъ твоего спасенія. О, сколь благъ этотъ соперникъ, какъ благотворенъ намъ! Не ищетъ онъ нашей воли, а ищетъ нашей пользы. Онъ соперникъ намъ, пока мы сами враги себѣ самимъ. Доколѣ ты врагъ себѣ, дотолѣ врагъ для тебя слово Божіе; но будь себѣ другомъ, и ты будешь съ нимъ въ мирѣ. Оно говоритъ: *не убій;* послушайся, и ты примирился. *Не укради;* послушайся, и ты примирился. *Не прелюбы сотвори;* послушайся, и ты примирился. *Не лжесвидѣтельствуй;* послушайся, и ты примирился. *Не пожелай жены искренняго твоего;* послушайся, и ты примирился. *Не пожелай елика ближняго твоего*; послушайся, и ты примирился. Во всемъ этомъ ты согласился съ твоимъ соперникомъ, и потерялъ ли что? Не только не потерялъ, но пріобрѣлъ и самого себя, когда ты погибалъ.

Путь—это жизнь настоящая; если примиримся съ нимъ, если согласимся со словомъ Божіимъ, то, по совершеніи пути, не убоимся ни судіи, ни слуги, ни темницы. Когда совершается путь? Не у всѣхъ въ одно время. У каждаго свой часъ, когда кончаетъ путь. Путь—это, говоримъ, жизнь настоящая; ты кончилъ жизнь, кончилъ путь. Мы шли; и жить, значитъ проходить. Или думаете, проходитъ одно время, а мы стоимъ? Не возможно. Какъ время проходитъ, такъ и мы, и годы наши не столько приходятъ, сколько уходятъ. То великое заблужденіе, когда говорятъ: «этотъ отрокъ еще мало разумѣетъ, но прибавится ему лѣтъ, и будетъ умнымъ». Разсмотри, что ты говоришь. Ты сказалъ—прибавится: я покажу тебѣ, что не прибавится, а убавится. И послушай, какъ легко доказать сіе. Представимъ, что мы отъ рожденія отрока знаемъ число лѣтъ его жизни, что напримѣръ, по лучшей мѣрѣ, проживетъ онъ восемьдесятъ лѣтъ, достигнетъ старости. Итакъ напиши—восемьдесятъ лѣтъ. Теперь, когда онъ прожилъ одинъ годъ, сколько остается у тебя въ суммѣ? Восемьдесятъ безъ одного. Прожилъ десять; остается семьдесятъ. Прожилъ двадцать; осталось шестьдесятъ. Годы точно приходили, но какъ? Приходятъ, чтобы уходить. Не приходятъ они для того, чтобы стоять съ нами; но проходятъ чрезъ насъ, проходя стираютъ насъ и дѣ-

лаютъ болѣе и болѣе слабыми. Таковъ путь, по которому идемъ.

Что же на немъ будемъ дѣлать съ онымъ соперникомъ, т. е. словомъ Божіимъ? Примирись съ нимъ. Ибо ты не знаешь, когда окончится путь. А по окончаніи его тебѣ предстоитъ судія, и слуга, и темница. Но пребудь въ добромъ согласіи съ твоимъ соперникомъ, будь въ мирѣ съ нимъ; тогда вмѣсто судіи найдемъ Отца, вмѣсто жестокаго слуги, Ангела, несущаго тебя въ лоно Авраама, вмѣсто темницы рай. Такъ скоро все измѣнишь на пути, когда примиришься съ твоимъ соперникомъ (Воскр. Чт., г. XII, стр. 311—313).

Василія Великаго на 58 ст. XII гл. Луки.

Господь говоритъ: *егда бо грядеши съ соперникомъ твоимъ ко князю, на пути даждь дѣланіе избыти отъ него, да не како привлечетъ тебе къ судіи, и судія предастъ тя слузѣ, и слуга всадитъ тя въ темницу* (Лук. XII, 58). Возьми здѣсь во вниманіе соперника и путь, потомъ князя, которому подчиненъ соперникъ твой. Путь—это жизнь наша; а соперникъ—это сила намъ противоборная, преслѣдующая жизнь, изобрѣтающая всѣ способы совратить насъ съ пути, ведущаго къ Богу; и князь—это князь міра сего, о которомъ Господь сказалъ: *нынѣ грядетъ князь міра сего и во Мнѣ не обрящетъ ничесоже* (Іоан. XIV, 30). Но ничего не обрѣлъ въ Господѣ, потому что Онъ *грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть въ устѣхъ Его* (1 Петр. II, 22); не обрѣлъ въ Господѣ, *искушенномъ по всяческимъ по подобію, развѣ грѣха* (Евр. IV, 15). Когда же обрѣтетъ въ насъ многое, привлекши многими путами своихъ грѣховъ, какими связали мы сами себя, предастъ Судіи. А Судія, Которому *Отецъ даде судъ весь* (Іоан. IV, 15), пріявъ насъ, обличенныхъ *врагомъ и мытникомъ* во многихъ винахъ, *предастъ слузѣ*, который приставленъ при наказаніяхъ; *и онъ всадитъ* насъ *въ темницу*, то есть, въ мѣсто мученія, взыскивая съ насъ и подвергая насъ тяжкимъ бичеваніямъ за самыя малыя прегрѣшенія, которыя мы ставили ни во что. Посему-то Господь совѣтуетъ, пока мы въ пути еще съ противникомъ, позаботиться о томъ, чтобы избавиться отъ него, то-есть, дѣлать все служащее къ избавленію отъ врага, а не дожидаться, когда будемъ приведены, когда наступитъ послѣдній часъ, въ который, занявшись нами, произведетъ изслѣдованіе князь, и если въ жизни нашей найдетъ много своего, предастъ насъ Судіи, обличая и не позволяя отреченій, но напоминая и о мѣстѣ, гдѣ содѣлали мы грѣхъ, потому что онъ былъ вмѣстѣ съ нами и содѣйствовалъ намъ въ худомъ, и о томъ, какъ производили его, и съ какимъ расположеніемъ мы грѣшили. Итакъ, пока мы властны въ дѣлахъ своихъ, постараемся избавиться отъ соперника! (Ч. II, стр. 152—153. Тв. св. оо., т. V.)

Библіографическій указатель къ XII гл. Ев. Луки.

святоотеческія толкованія:

1) Ст. 35. *Преп. Исидора Пелус.* на слова: *да будутъ чресла ваша препоясана,* ч. I. 196—197, ч. III. 129.

2) Ст. 35—40. *Св. Григорія Двоеслова.* О цѣломудріи и добрыхъ дѣлахъ. Кн. I. 114—123.

новѣйшія толкованія *въ духовныхъ журналахъ.*

3) Ст. 1. Лицемѣріе. Душеп. Чт. 1861 г. III. 422—444.

4) Ст. 8—9. Воскр. Чт., ч. XXIV. 177.

5) Ст. 12—14. *Берсье.* Евангельскій образецъ. Отношенія Іисуса Христа къ политико-общественнымъ дѣламъ. Стран. 1878 г. II. 111—128.

6) Ст. 15. Воскр. Чт., ч. IV. 245.

7) Ст. 16—19. Объ обязанностяхъ христіанина по ученію Евангельскихъ притчей. Притча о сластолюбивомъ богачѣ. Воскр. Чт., ч. XXXIV. 354—356.

8) Ст. 20. Страшный приговоръ. Духовн. Бес. 1870 г. II. 273—277.

9) Ст. 20. Безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя. Кому же достанется то, что ты заготовилъ. Христ. Чт. 1823 г. XI. 180.

10) Ст. 16—21. *Діак. Д. Державина.* Евангельское чтеніе въ 26-ю нед. по Пятидес. Воскр. Чт., ч. XXXIII. II. 768—773.

11) *А. В.* Евангельское чтеніе въ 26-ю нед. по Пятидес. Воскр. Чт., ч. XXV. 911—916. Мысль Евангельскаго богача. Тамъ же. 917—927.

12) Бесѣда священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ. Руков. для сел. паст. 1865 г. III. 11—13.

13) Евангельскій богачъ. Хр. Чт. 1837 г. III. 86.

14) Ст. 30—31. Царство Божіе и мірскія блага. Воскр. Чт., ч. XXVI. II. 738—744.

15) Ст. 32 и 37. Благоговѣйныя размышленія христіанина на каждый день мѣсяца. Духовн. Бес. 1875 г., т. I. 187—188. 270—272.

16) Ст. 42—49. Бесѣда священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ. Руков. д. с. п. 1865 г. III. 477—482.

17) Ст. 48. *Емуже дано много, много взыщется отъ него.* Воскр. Чт., г. XXIII. 314—316.

18) Мысли еп. Ѳеофана на XII гл. Луки. Дом. Бес. 1871 г. и Мысли на каждый день года. Ст. 1. 397; ст. 5. 399; ст. 14. 404; ст. 21. 424; ст. 35. 444; ст. 42—48. 406.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

19) Ст. 15. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* О томъ, почему жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія имѣнія его. IV. 124—141.

20) Ст. 15—21. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣда на притчу о Евангельскомъ богачѣ. II. 128.

21) Ст. 16—21. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Что значитъ богатѣть въ Бога. II. 225—229. О томъ, что несоотвѣтствіе между нравственными качествами и внѣшнимъ положеніемъ людей не противорѣчитъ свойствамъ Божіимъ, и что правда Божія не попирается благоуспѣшною дѣятельностью нечестивцевъ и бѣдственною жизнью людей добродѣтельныхъ. III. 415—433.

22) *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Бесѣда о сластолюбивомъ и немилосердомъ богачѣ. 300—306.

23) Ст. 32. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Объ обѣтованіи Царства Небеснаго Апостоламъ и о Церкви Христовой,—матери для каждаго христіанина. III. 449—456.

24) Ст. 49—50. *Филарета, митроп. Московскаго.* Горячность духа къ Богу—качество преимущественно вожделѣнное. III. 191—192.

Пріидоша нѣцыи повѣдающе Іисусу о Галилеяхъ, ихже кровь Пилатъ смѣси съ жертвами ихъ (Лук. XIII, 1).

Въ 27 году по Рождествѣ Христовомъ отъ Римскаго правительства назначенъ былъ прокураторомъ Іудеи Пилатъ, названный Понтіемъ, или Понтійскимъ потому, какъ нѣкоторые полагаютъ, что предъ тѣмъ временемъ онъ былъ правителемъ острова Понтіи, именуемаго нынѣ Понзою, на западной сторонѣ Неаполитанскаго королевства. Съ ненавистью къ религіи и обычаямъ Іудейскимъ Пилатъ прибылъ къ Іеру-

салиму въ сопровожденіи войска, призваннаго имъ изъ Кесаріи и имѣвшаго на знаменахъ своихъ изображеніе Римскаго императора. Іудеи не впустили его въ городъ, боясь осквернить его языческимъ изображеніемъ, и мужественно противостали воинамъ прокуратора. Пилатъ принужденъ былъ уступить упорству народа и мирно вошелъ въ Іерусалимъ. Но этотъ опытъ не сдѣлалъ его благоразумнѣйшимъ. По свидѣтельству Іосифа Флавія, онъ объявилъ свои притязанія на сокровища храма и требовалъ ихъ на преднамѣреваемое построеніе водопроводовъ; но Іудеи воспротивились этому требованію, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были убиты. Пилатъ довершилъ несогласіе, возникшее между нимъ и народомъ, когда повелѣлъ поставить въ храмѣ Іерусалимскомъ статую императора и потребовалъ, чтобы священники Іудейскіе приносили предъ нею жертвы. Въ это время находились въ оградѣ храма многіе Галилеяне, пришедшіе туда для жертвоприношенія. Они сильно возстали противъ предпринятаго Пилатомъ осквернения дома Божія и за свое сопротивленіе, по приказанію его, были умерщвлены воинами, при чемъ кровь убіенныхъ смѣшалась съ кровью закланныхъ ими жертвенныхъ животныхъ. Объ этомъ-то происшествіи разсказывали Спасителю нѣкоторые изъ послѣдователей Его въ то время, когда Онъ проповѣдывалъ Свое ученіе народу, и разсказомъ своимъ подали Ему случай произнести грозное опредѣленіе Божіе о погибели нераскаянныхъ грѣшниковъ, и вслѣдъ затѣмъ сказать притчу о безплодной смоковницѣ (Лук. XIII, 2—9). (Воскр. Чт., г. XX, стр. 204.)

Историческій урокъ изъ словъ Іисуса Христа въ 4—5 ст. XIII гл. Луки.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Въ Іерусалимѣ упала Силоамская башня и своимъ паденіемъ убила восемнадцать человѣкъ. Указавъ на сіе происшествіе, Христосъ Спаситель извлекъ изъ него слѣдующее разсужденіе: *они осьмнадесяте, на нихже паде столпъ Силоамскій и поби ихъ, мните ли, яко тіи должнѣйши бяху паче всѣхъ живущихъ во Іерусалимѣ? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете.* Сей примѣръ ведетъ къ общему заключенію, что въ общественномъ бѣдственномъ происшествіи, для неразумѣющихъ случайномъ и непонятномъ, разумѣющіе и вѣрующіе должны видѣть прещеніе суда Божія, которое нѣкоторыхъ поражаетъ, а всѣмъ должникамъ правосудія Божія, то есть, грѣшникамъ, угрожаетъ, чтобы возбудить ихъ къ покаянію и предохранить отъ дальнѣйшаго наказанія и даже погибели (Изъ бесѣды предъ благодарственнымъ молебствіемъ по прекращеніи губительной болѣзни. Т. 3-й, стр. 212).

На притчу о смоковницѣ (Лук. XIII, 6—9).

Смоковницу имяше нѣкій въ винограді своемъ всажденну: и прііде искя плода на ней (6). Значеніе сей притчи Спасителя легко понять: смоковница есть человѣкъ, а господинъ винограда—Творецъ нашъ.

Итакъ Творецъ не напрасно поставилъ насъ въ вертоградѣ міра! Онъ призвалъ насъ къ жизни, Онъ отечески хранитъ и питаетъ насъ для того, чтобы мы возрастали здѣсь для вѣчности и принесли плоды во время свое!—Плодовъ ждетъ отъ насъ Господь и Владыка живота нашего!

Пусть же теперь каждый станетъ предъ самимъ собою, какъ господинъ винограда предъ смоковницей, и вопроситъ себя о плодахъ!—Вотъ уже прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ мы живемъ въ вертоградѣ Господнемъ; вотъ уже приближается то время, когда намъ должно будетъ явиться предъ лице нелицепріятнаго Судіи и дать Ему отчетъ въ своей жизни! Но гдѣ плоды наши? Гдѣ доказательство того, что мы жили здѣсь не напрасно,—что мы умѣли цѣнить благодѣянія и милости Господни, такъ щедро изливаемыя на насъ?

Я, говоритъ одинъ, я обработалъ поле, изобрѣлъ промыселъ, упрочилъ свое благосостояніе, пріобрѣлъ семейство, воспиталъ дѣтей... Хорошо! Но здѣсь еще не видно плодовъ, желанныхъ Господомъ. Это показываетъ только, что ты жилъ и дѣйствовалъ. Но къ доброй ли цѣли направлялъ свои дѣйствія, пріобрѣлъ ли что̀ для вѣчности и спасенія души своей,—еще неизвѣстно. Итакъ подобныя дѣйствія твои, любезный собратъ, суть только листья, которые не останутся до весны вѣчной,—листья, которые нѣкоторое время будутъ расти и зеленѣть, но потомъ опадутъ и увянутъ на вѣки!

Я, говоритъ другой, позналъ искусства и науки, я обогатилъ міръ полезными изобрѣтеніями, просвѣтилъ себя и другихъ познаніемъ истины... Можетъ быть, это плоды желанные Господомъ? Нѣтъ, это еще только цвѣты, а не плоды! Это цвѣты, изъ коихъ могъ произойти прекрасный плодъ, если бы они не опали преждевременно отъ бури страстей нашихъ, или не были испорчены ядомъ самолюбивыхъ желаній. Что̀ пользы отъ нашего знанія, если оно не привело насъ къ теплой вѣрѣ въ Спасителя и животворной любви къ Нему? Что̀ пользы отъ нашей учености, нашихъ изобрѣтеній, если все это дѣлается для славы земной, для счастія людей временнаго, а не вѣчнаго?

Вотъ истинные плоды: если вы непрестанно заботились о спасеніи душъ своихъ, заботились о томъ, чтобы сдѣлаться добрѣе и благочестивѣе; если вы одѣвали нагихъ, питали алчущихъ, поили жаждущихъ, посѣщали вдовъ и сиротъ, споспѣшествовали добру, водворяли миръ и согласіе, направляли заблуждающихъ на путь истинный,—если вы волю Божію сдѣлали высочайшею, единственною цѣлью своихъ стремленій.—Есть ли такіе плоды на нашей смоковницѣ?... Господи, *остави ю и се лѣто, дондеже окопаю окрестъ ея и осыплю гноемъ: и аще убо сотворитъ плодъ: аще ли же ни, во грядущее посѣчеши ю!* (Воскр. Чт., г. XVII, стр. 389—390.)

Святаго Амвросія Медіоланскаго на 7-й ст.

Се третіе лѣто, отнелиже прихожду ища плода на смоковницѣ сей, и не обрѣтаю: посѣцы ю убо, вскую и землю упражняетъ (Лук. XIII, 7).

Господь приходилъ къ Аврааму, приходилъ къ Моисею, приходилъ и къ Маріи, т. е. Онъ являлся въ прообразованіяхъ, въ законѣ и, наконецъ, явился во плоти. Каждое Его пришествіе было спасительно для насъ. Онъ есть очищеніе, освященіе и оправданіе наше. Обрѣзаніе очищало, законъ освящалъ, и благодать оправдываетъ. Онъ единъ совершилъ все, и въ Немъ единомъ совершилось все. Но какъ кромѣ боящагося Господа никто не можетъ очиститься; кромѣ чистаго отъ грѣха, никто не можетъ принять закона; кромѣ исполняющаго законъ никто не можетъ сподобиться благодати, то Іудеи не могли очиститься, потому что исполняли обрядъ обрѣзанія не духовнаго,

а только плотскаго; не могли освятиться потому, что не понимали сущности закона, понимая его въ смыслѣ только буквальномъ, а не духовномъ, а законъ духовенъ (Римлян. VII, 14); не могли оправдаться, потому что не приносили истиннаго покаянія въ своихъ грѣхахъ, а потому и не могли сподобиться благодати.

Слѣдовательно синагога никакихъ не имѣла плодовъ, и потому достойна была посѣченія. Но благій Вертоградарь, желая насадить Церковь Свою и намѣреваясь послать къ язычникамъ Апостоловъ, а Самъ рѣшившись обращать Іудеевъ, запретилъ посѣкать ее, надѣясь, что народъ Іудейскій получитъ спасеніе чрезъ увѣровавшихъ язычниковъ (Воскр. Чт., г. X, стр. 206).

Святаго Григорія Богослова на 8-й ст.

Если братъ въ первый разъ воспротивился, потерпи великодушно; если во второй, не теряй надежды,—еще есть время къ уврачеванію; если и въ третій разъ, то будь человѣколюбивымъ земледѣлателемъ, еще упроси господина не посѣкать и не подвергать своему гнѣву безплодную и безполезную смоковницу, но позаботиться о ней и *осыпать ее гноемъ* (Лук. XIII, 8), то есть доставить ей врачеваніе исповѣди, обнаруженія постыдныхъ дѣлъ и опозоренной жизни. Кто знаетъ, перемѣнится ли она, принесетъ ли плоды и напитаетъ ли Іисуса, возвращающагося изъ Виѳаніи? Потерпи дѣйствительное или кажущееся тебѣ зловоніе брата своего—ты, который помазанъ духовнымъ мvромъ, составленнымъ по мvроварному художеству, чтобы сообщить брату свое благоуханіе. Грѣхъ—не такой ядъ ехидны, отъ котораго тотчасъ по уязвленіи постигаетъ мучительная боль или самая смерть, такъ что тебѣ извинительно было бы бѣжать отъ звѣря или убить его. Напротивъ того, если можешь, уврачуй брата; а если нѣтъ, по крайней мѣрѣ самъ не подвергнешься опасности сколько-нибудь участвовать съ нимъ въ его порочности. Болѣзнь брата есть какой-то непріятный смрадъ, и его можетъ быть прогонитъ превозмогающее твое благовоніе (стр. 160—161).

Господи, остави ю и сѐ лѣто (ст. 8).

«У одного хозяина была въ виноградникѣ смоковница. Хозяинъ пришелъ поискать на ней плода и не нашелъ. И сказалъ онъ садовнику: вотъ я третій годъ прихожу искать плода на этой смоковницѣ, и не нахожу: сруби ее, чтобъ она не занимала попусту мѣста. Но тотъ отвѣчалъ: оставь ее, хозяинъ, и на этотъ годъ; я ее окопаю и обложу навозомъ, не принесетъ ли плода: когда жъ не принесетъ, тогда и срубишь!»

По смыслу притчи, хозяинъ виноградника есть Богъ; самый виноградникъ есть Его Церковь; а смоковница—каждая душа, каждый изъ насъ, я и ты, благочестивый читатель! И приходитъ Господь въ виноградникъ Свой искать плода на Своихъ смоковницахъ;—приходитъ въ разныя мгновенія, болѣе или менѣе для насъ замѣтныя; и въ болѣе замѣтныя изъ нихъ, безъ сомнѣнія, и мы должны отвѣчать Его приходу наибольшимъ своимъ вниманіемъ. Таковъ для насъ Новый Годъ! Ахъ, духовный виноградникъ и духовныя смоковницы! Чтò еще надлежало бы Господу для насъ сдѣлать, чего бы Онъ еще не сдѣлалъ? Онъ вскопалъ Свой виноградникъ и очистилъ его отъ каменьевъ—устранилъ и далъ намъ силы устранять всякія препятствія къ нашему спасенію, и посадилъ въ немъ лозы отличныя—далъ намъ высокихъ вождей и руководителей, учителей и

наставниковъ, и построилъ среди его башню — Церковь, всегдашнее прибѣжище, защиту и упокоеніе для душъ, ищущихъ спасенія, и вытесалъ въ немъ точило—учредилъ благодатныя таинства крещенія, причащенія, покаянія, и под., источающія намъ Божественную благодать Святаго Духа, и надѣялся, что виноградникъ принесетъ Ему грозды, что смоковницы порадуютъ Его своими плодами. Что же, радуемъ ли мы Господа плодами, какихъ Онъ отъ насъ имѣетъ все право ожидать, и мы имѣемъ всю возможность Ему принести? Ибо что еще могъ бы Онъ сдѣлать для насъ, чего бы еще для насъ Онъ не сдѣлалъ, даровавъ намъ Самого Единороднаго Сына Своего, Іисуса Христа, *да всякъ, вѣруяй въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный;* да прилѣпится каждая душа, какъ вѣтвь, къ сей Божественнѣй лозѣ, и держась на ней, питаясь кровью ея, сотворитъ плодъ многъ?—Столь внятный глаголъ времени, какъ Новый Годъ, долженъ каждаго изъ насъ заставить подумать о себѣ, не есть ли онъ та самая смоковница, къ которой Господь нынѣ приходитъ уже третій годъ искать на ней плода: что жъ, если его не находитъ? Что, если уже говоритъ садовнику: сруби ее? Что, если оставляетъ ее на наступающее лѣто единственно по ходатайству Іисуса Христа, и то только до будущаго года?—Но притча не доказываетъ, уважилъ ли, и вполнѣ ли уважилъ, хозяинъ совѣтъ или просьбу садовника. Не можемъ ли думать, что въ разсужденіи иныхъ изъ насъ, можетъ быть, милосердіе нашего Ходатая принято, и сіи счастливцы оставляются и на наступающій годъ; а въ разсужденіе другихъ взяло перевѣсъ Божіе правосудіе, и сѣкира суда небеснаго уже поднесена къ дереву безплодному, къ смоковницѣ, уже третій годъ не приносящей плода? Кто жъ тѣ и другіе?—намъ неизвѣстно.

Будемъ же особенно внимательны къ себѣ, переступая изъ переходящаго года въ новый!

Господи, остави ю, ту или другую изъ насъ смоковницу, и *на се лѣто,* если только наши грѣхи не препобѣждаютъ Твоея благости! (Христ. Чт. 1841 г., ч. I, стр. 141—144.)

Выборъ изъ отцевъ въ изъясненіе Евангелія объ исцѣленіи скорченной (Лук. XIII, 10—17).

Ст. 10. *Бяше* (Іисусъ Христосъ) *уча на единомъ отъ сонмищъ въ субботу.*

Учитъ не сокровенно, а въ синагогахъ, съ дерзновеніемъ, не боясь ничего; ничего не проповѣдаетъ и ничего не уставляетъ противнаго закону Моисееву; въ субботу же потому, что въ это время Іудеи занимались закономъ (Златоустъ).

Ст. 11—14. *И се жена бѣ имущи духъ недуженъ лѣтъ осмьнадесять, и бѣ сляка, и не могущи восклонитися отнюдь,* и проч.

Но начальникъ неблагодарной синагоги, когда увидѣлъ, что женщину влекущую свои разслабленные члены, не могущую стоять на ногахъ прямо, а ползающую по землѣ на чревѣ, Христосъ помиловалъ, воздвигъ однимъ прикосновеніемъ руки, и она стала ходить по человѣчески прямо, и даже возвѣщать величія Божіи, не могъ безъ негодованія смотрѣть на это освобожденіе отъ недуга. Жегомый славою Господа, онъ исполняется зависти, осуждаетъ чудо и, отпуская народъ, укоряетъ Господа, обличившаго его лицемѣріе; хочетъ показать себя негодующимъ за оскверненіе субботы, и потому убѣждаетъ, чтобы народъ смотрѣлъ на чудеса Господни и имъ дивился не въ субботу, а въ другіе дни, т. е., когда

бываетъ разсѣянъ и занятъ своими дѣлами; и это для того, чтобъ онъ не увѣровалъ. Но скажи намъ, рабъ зависти, какое дѣло запретилъ законъ, когда повелѣлъ тебѣ воздержаться отъ дѣла работнаго въ субботу? То ли, которое производится словомъ и устами? Если такъ, то перестань въ субботу ѣсть, пить, говорить и пѣть. А если не станешь и это дѣлать, не станешь читать и законъ, то на что̀ тебѣ и суббота? Законъ запретилъ дѣло работное; а такое ли дѣло—словомъ воздвигнуть сляченную женщину? Если это уврачеваніе женщины назовешь ты трудомъ, то и ты также трудишься, когда обвиняешь врачеваніе (Кириллъ Александрійскій).

Ст. 15—17. *Отвѣща убо ему Господь и рече: лицемѣре, кождо васъ въ субботу не отрѣшаетъ ли своего вола или осла отъ яслей, и ведъ напаяетъ?* и проч.

Справедливо называетъ начальника синагоги лицемѣромъ; ибо онъ показывалъ себя хранителемъ закона, а внутренно былъ хитрецъ и завистникъ. Не потому негодуетъ, что нарушается суббота, а потому, что прославляется Христосъ (Златоустъ).

Подобны сляченной женѣ были нѣкогда язычники, вошедшіе въ Церковь Христову. Они согбенны были подъ бременемъ грѣховъ, не могли ходить прямо, преклонялись предъ идолами,—*преклонися человѣкъ и смирися мужъ*, какъ жалуется Исаія (II, 9).

Жена согбенна была, какъ животное четвероногое, стала орудіемъ діавола, имѣла духа недужнаго, не могла обращать лице къ небу, не могла ходить прямо, какъ свойственно тварямъ разумнымъ, и ползала *осмьнадесять* лѣтъ. Подобно сему язычники недуговали, не имѣя упованія на *осьмой* будущій вѣкъ, и силы къ исполненію *десяти* заповѣдей. Но Христосъ исцѣляетъ ихъ; они престаютъ пресмыкаться по землѣ, научаются ходить прямо, когда Онъ простираетъ къ нимъ руку помощи. Начальникъ синагоги, то есть строгій наблюдатель закона, негодуетъ, желая, чтобъ и язычники жили по буквѣ закона, а не по духу Евангельскому. Но онъ замолчалъ, когда услышалъ, что Самъ Христосъ постановленіями Моусеевыми, какъ водою, поилъ Іудеевъ на подобіе вола, а прозелитовъ или пришельцевъ, какъ осла,—называя водою сіи постановленія въ отличіе отъ Евангелія, которое подобно вину, веселящему сердце (имя писателя неизвѣстно).

Всякій связывается узами грѣховъ своихъ. Вяжетъ насъ узами обольщеніе плоти; узы для насъ сребролюбіе, узы піянство, узы похотѣнія, узы—гордость. Есть и узы діавола, который связываетъ насъ узами беззаконій; таковы узы блуда и прелюбодѣйства, узы вѣроломства, когда отвергаются Христа, узы невѣрности, когда измѣняютъ и брату, узы жестокости, когда убиваютъ иногда подобнаго себѣ и сотоварища. Сими узами связанный склоняется такъ, что не можетъ возвысить души своей, не можетъ поднять взоры ума своего къ небу, если Господь не скажетъ ему: отпущенъ ты отъ недуга твоего, и даромъ Своего благословенія не воздвигнетъ его (Амвросій на посл. 118 сл. 8). (Воскр. Чт., ч. XXIV, стр. 355—356.)

О томъ, что безплодная смоковница и скорченная женщина суть два образа одной и той же испорченности рода человѣческаго.

(Григорія Двоеслова.)

Смоковницу нѣкій имяше въ виноградѣ своемъ всаждену: и пріиде ища плода на ней, и не обрѣте. Что̀ озна-

чаетъ смоковничное дерево, если не природу человѣческую? Что̀ образно означаетъ скорченная женщина, если не ту же природу? Эта женщина и насаждена хорошо, какъ смоковница, и сотворена хорошо, какъ женщина; но по собственной винѣ добровольно падшая, она не имѣетъ ни плода дѣлъ, ни состоянія прямоты. Потому что, по волѣ падая во грѣхъ, такъ какъ не хотѣла принести плода послушанія, она лишилась состоянія прямоты. Созданная по подобію Божію, она, не устоявъ въ своемъ достоинствѣ, презрѣла и сохраненіемъ того, чѣмъ была насаждена или сотворена. Господинъ виноградника приходитъ три раза; потому что искалъ природу рода человѣческаго прежде закона, подъ закономъ и подъ благодатію, ожидая, увѣщавая и посѣщая.

Рече же къ винареви: се третіе лѣто, отнелиже прихожду ища плода на смоковницѣ сей, и не обрѣтаю. Приходилъ прежде закона; потому что чрезъ естественный разумъ давалъ знать, что каждый, по примѣру Его, долженъ дѣлать въ отношеніи къ ближнему. Приходилъ въ законѣ, потому что училъ заповѣдями. Приходилъ послѣ закона благодатію, потому что ясно показалъ присутствіе любви Своей. Но не смотря на то, Онъ жалуется, что не нашелъ плода въ три лѣта; потому что душъ нѣкоторыхъ нечестивцевъ ни вдохновенный естественный законъ не исправляетъ, ни заповѣди не научаютъ, ни чудеса воплощенія Его не обращаютъ. Но что̀ выражается чрезъ виноградаря, если не порядокъ предстоятелей? Они, начальствуя въ Церкви, именно имѣютъ попеченіе о виноградникѣ Господнемъ. Ибо сего виноградника первымъ виноградаремъ былъ Апостолъ Петръ. За нимъ слѣдуемъ мы, недостойные, сколько трудимся для наученія вашего, въ ученіи, молитвѣ, въ обличеніи.

Но съ великимъ уже страхомъ надобно слушать то, что̀ говорится виноградарю о безплодномъ деревѣ: *посѣцы ю убо, вскую и землю упражняетъ?* Каждый по мѣрѣ своей, насколько занимаетъ мѣста въ настоящей жизни, если не приноситъ плода добраго дѣланія, занимаетъ землю, какъ безплодное дерево; потому что на томъ мѣстѣ, на которомъ стоитъ, не даетъ возможности дѣйствовать другимъ. Но въ семъ вѣкѣ всякій сильный, если не имѣетъ плода добраго дѣланія, препятствуетъ и другимъ (имѣть); потому что находящіеся подъ его властью стѣсняются примѣромъ его нечестія, какъ бы тѣнью его развращенія. Если наверху стоитъ безплодное дерево, то внизу земля лежитъ бесплодною. Сверху безплоднаго дерева отбрасывается густая тѣнь и никакъ не дозволяетъ солнечнымъ лучамъ проникать до земли; потому что, когда всѣ подчиненные развратнаго покровителя видятъ развратные примѣры, тогда и сами, оставаясь безплодными, лишаются свѣта истины. И будучи стѣснены тѣнью, они не принимаютъ теплоты солнечной; потому что остаются холодными къ Богу съ той стороны, съ которой въ этомъ вѣкѣ худо имъ покровительствуютъ. Но съ этого всякаго развращеннаго и сильнаго Богъ уже почти не взыскиваетъ. Ибо послѣ того, какъ онъ потерялся, надобно только спрашивать, для чего онъ и другихъ стѣсняетъ?—По этому господинъ того же виноградника хорошо говоритъ: *вскую и землю упражняетъ?* Потому что землю занимаетъ тотъ, кто обременяетъ чужія души; землю занимаетъ тотъ, кто занимаемое имъ мѣсто не оправдываетъ добрыми дѣлами.

Но не смотря на то, нашъ долгъ—молиться за таковыхъ. Ибо послушаемъ, что̀ говоритъ виноградарь: *Господи, остави ю и се лѣто, дондеже окопаю*

окрестъ ея. Что̀ значитъ *окопать* смоковницу, если не обличать безплодныя души? Ибо всякое окопаніе бываетъ снизу. И обличеніе, показывая душу ей самой, именно унижаетъ. И такъ, сколько разъ мы обличаемъ кого либо за грѣхъ его, столько разъ, по обязанности воздѣлыванія, мы какъ-бы окапываемъ безплодное дерево. Но послушаемъ, что̀ говорится послѣ окопанія: *и осыплю гноемъ.* Что̀ значитъ *гной* (навозъ), если не памятованіе о грѣхахъ? Ибо грѣхи называются пометомъ плоти. Поэтому и чрезъ пророка говорится: *согнили рабочіе скоты въ пометѣ своемъ* (Іоил. I, 17). Потому что согнить рабочимъ скотамъ въ пометѣ своемъ значитъ—окончить жизнь всѣмъ плотскимъ (людямъ) въ удовлетвореніи похоти. И такъ, сколько разъ мы обличаемъ плотскую душу за грѣхи ея, сколько разъ приводимъ на память прежде содѣянные пороки; столько разъ мы какъ-бы навозомъ облагаемъ безплодное дерево, дабы она (душа) приводила на память содѣянные грѣхи и какъ-бы отъ навоза тучнѣла для благодати сокрушенія. Навозъ кладется къ корню дерева, когда размышленіе производитъ въ памяти сознаніе въ своемъ нечестіи. И когда душа чрезъ раскаяніе возбуждается къ слезамъ и преобразуется для благодати добраго дѣланія; когда корень сердца, какъ-бы чрезъ прикосновеніе къ нему навоза, обновляется къ плодоносію добра, тогда она рыдаетъ о томъ, что припоминаетъ изъ содѣяннаго ею, отвращается отъ самой себя, какова она была по воспоминанію; принимаетъ рѣшительное намѣреніе вопреки себѣ и воспламеняетъ духъ къ лучшему. Итакъ отъ навоза дерево оживаетъ къ плодоприношенію; потому что отъ размышленія о грѣхѣ душа возстановляется къ добрымъ дѣламъ.—Впрочемъ, много есть такихъ, которые слушаютъ обличеніе, брань, и однакожъ не хотятъ обратиться къ покаянію и, будучи безплодными для Бога, въ этомъ вѣкѣ зеленѣютъ. Но послушаемъ, что̀ уходчикъ за смоковницею присовокупляетъ: *аще убо сотворитъ плодъ: аще ли же ни, во грядущее посѣчеши ю.* Потому что, кто здѣсь не хочетъ принимать сочности для плодоприношенія отъ брани, тотъ дѣйствительно упадаетъ туда, откуда уже не можетъ встать чрезъ покаяніе; и будетъ посѣченъ въ будущемъ, хотя здѣсь безъ плода кажется стоящимъ съ зеленью.

Бяше же уча на единомъ отъ сонмищъ въ субботу: и се жена бѣ имущи духъ недуженъ лѣтъ осмнадесять. Человѣкъ сотворенъ въ шестой день (Быт. I, 27) и въ тотъ же шестой день закончены всѣ дѣла Господни. Но число шесть, помноженное на три, даетъ восемнадцать. Итакъ, поелику человѣкъ, сотворенный въ шестой день, не захотѣлъ имѣть дѣлъ совершенныхъ, но прежде закона, подъ закономъ и въ началѣ благодати былъ слабъ, то онъ былъ осмнадцатилѣтнею скорченною женщиною. *И бѣ сляка и не могущи восклонитися отнюдь.* Всякій грѣшникъ, помышляющій о земномъ, не ищущій небеснаго, не можетъ смотрѣть вверхъ; потому что, предаваясь низшимъ пожеланіямъ, онъ уклоняется отъ прямоты ума своего и всегда видитъ только то, о чемъ помышляетъ.—Обратитесь къ сердцамъ своимъ, всегда надзирайте, что̀ вы ежечасно содержите въ своихъ помышленіяхъ. Одинъ помышляетъ о почестяхъ, другой о деньгахъ, третій о добычахъ. Все это нанизу; и когда умъ въ этомъ запутывается, тогда онъ уклоняется отъ прямоты своего положенія. А поелику онъ не поднимается осѣненію небеснаго, то никакъ не можетъ смотрѣть вверхъ, какъ скорченная женщина.

Далѣе слѣдуетъ: *видѣвъ же ю Іисусъ, приласи и рече ей: жено, отпущена еси отъ недуга твоего. И возложи на ню руцѣ: абіе простреся.* Подозвалъ и выпрямилъ, потому что просвѣтилъ и помогъ. Онъ призываетъ, но не выпрямляетъ, когда мы, хотя и просвѣщаемся благодатію Его, но не можемъ получить помощи, по мѣрѣ заслугъ нашихъ. Ибо мы большею частью видимъ, что̀ надобно дѣлать, но на дѣлѣ не исполняемъ того. Усиливаемся,— и оказываемся слабыми. Сужденіе ума видитъ прямоту, но предъ нимъ изнемогаетъ сила въ исполненіи, именно потому, что отъ наказанія грѣха происходитъ, что хотя по дару (благодати) можетъ быть видимо добро, но видимое удаляется отъ него по заслугѣ. Ибо привычная виновность связываетъ душу такъ, что сія не можетъ подняться до прямоты. Усиливается и падаетъ; потому что, гдѣ добровольно пробыла долго, туда по принужденію падаетъ, хотя бы не хотѣла. Объ этой нашей скорченности въ образѣ рода человѣческаго хорошо говорится чрезъ Псалмопѣвца: *пострадахъ и слякохся до конца* (Псал. XXXVIII, 7). Ибо размысливъ, что человѣкъ созданъ былъ для созерцанія вышняго свѣта, но за грѣхи изгнанный вонъ, носитъ мракъ въ душѣ своей, вышняго не желаетъ, стремится къ низшему, небеснаго отнюдь не хочетъ, въ душѣ обноситъ всегда земное, онъ скорбѣлъ всегда о томъ, что замѣтилъ въ родѣ человѣческомъ и отъ себя самого воскликнулъ, говоря: *пострадахъ и слякохся до конца.* Ибо человѣкъ, теряющій созерцаніе небеснаго, если бы сталъ помышлять только о необходимомъ для плоти, то пострадалъ бы и былъ скорченъ, однакоже былъ бы скорченъ *не до конца.* Итакъ тотъ, кого отъ высшихъ помысловъ не только необходимость отвлекаетъ, но и самое непозволенное удовольствіе удаляетъ, не только есть скорченный, но скорченный *до конца.* Поэтому другой пророкъ о нечистыхъ духахъ говоритъ: *иже рекоша душѣ твоей, преклонися, да минемъ* (Исаія LI, 23). Потому что душа стоитъ прямо, когда желаетъ вышняго и отнюдь не преклоняется къ нижнему. Но злые духи, когда видятъ ее стоящею въ своей прямотѣ, не могутъ перейти чрезъ нее. Ибо перешествіе ихъ значитъ внушеніе ей нечистыхъ пожеланій. Поэтому они и говорятъ: *преклонися, да минемъ*; потому что, если душа сама себя не унижаетъ до низкихъ пожеланій, то ихъ злоба никакой не имѣетъ силы надъ нею; и они не могутъ перейти чрезъ ту, которой боятся, какъ холодной къ нимъ отъ вниманія къ высшему (Бесѣды на Евангелія въ переводѣ архим. Климента. Кн. II. Бес. 31, стр. 138—145).

Исцѣленіе скорченной (Лук. XIII, 10—13).

(Прот. Нечаева.)

Въ одной изъ синагогъ, уча въ субботу, Христосъ увидѣлъ женщину, которая, по дѣйствію духа злобы, была скорчена, не могла разогнуться и стоять прямо. Господь попустилъ злому духу наслать на нее эту болѣзнь подобно тому, какъ попустилъ ему поступить съ Іовомъ (Іов. I, 12; II, 6—7). Она находилась въ такомъ состояніи восемнадцать лѣтъ. Господь Іисусъ подозвалъ ее къ Себѣ и исцѣлилъ ее словами: «ты освобождаешься отъ недуга своего»,—съ возложеніемъ на нее рукъ. Она тотчасъ выпрямилась и стала славить Бога (Лук. XIII, 10—13). Плачевно положеніе скорченнаго человѣка, лишеннаго возможности прямо стоять и ходить, и къ верху смотрѣть. Словно это не человѣкъ, а четвероногое жи-

вотное. Не менѣе жалко состояніе души, грѣхами доведенной до скотоподобія. Скотъ знаетъ одни физическія потребности: ѣсть, пить, спать, двигаться, родотворить. Есть и люди, которые забываютъ, что они—люди,—и живутъ поскотски, благо жизни поставляютъ въ удовлетвореніи однихъ чувственныхъ потребностей,—въ ѣдѣ и питіи, въ снѣ, также въ свѣтскихъ развлеченіяхъ, не всегда невинныхъ. Можно сказать, что скотоподобные люди даже хуже скотовъ: эти знаютъ мѣру и время, а тѣ—нѣтъ. Скотъ сытъ, и больше не ѣстъ, по утоленіи жажды не пьетъ. Но люди пьютъ и ѣдятъ и по удовлетвореніи чувства голода и жажды,—собственно для услажденія гортани. Скоты въ извѣстное время удовлетворяютъ побужденіе къ родотворенію. Люди скотоподобные не ограничиваютъ себя въ этомъ отношеніи никакимъ временемъ.— Бѣдная душа, доведшая себя до подобнаго состоянія или по слабости воли, или, быть можетъ, по убѣжденію, что по самой природѣ человѣкъ почти не отличается отъ прочихъ животныхъ, что потому виды человѣка не должны простираться дальше земныхъ удобствъ и наслажденій,—пойми твое униженіе, пойми, что плотоугодники, забывающіе о Богѣ, суть игралище той же злой силы, которая 18 годовъ держала въ своихъ оковахъ скорченную женщину, лишивъ ее возможности поднимать взоры къ небу, не дай этой злой силѣ до конца ругаться надъ тобою, поспѣши вырваться изъ ея оковъ, вспомни, что ты создана не для земли, а для неба, ибо украшена образомъ и подобіемъ Божіимъ и по самой природѣ сродна съ Творцемъ; принеси Ему раскаяніе въ томъ, что съ высоты Богоподобія ты ниспала до скотоподобія, и «припади къ ногамъ Іисуса съ мольбою, дабы Онъ исправилъ тебя, и ты могла ходить прямо по стезямъ Господнимъ» и прославлять Бога, какъ славила Его исцѣленная отъ корчи жена (Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія въ Вел. канонѣ св. Андрея Критскаго. Душ. Чт. 1880 г., ч. III, стр. 466—467).

Библіографическій указатель къ XIII гл. Ев. Луки.

1) Ст. 1—9. *С. Соллертинскаго.* Толкованіе извѣстія о Галилеянахъ, убитыхъ Пилатомъ, въ связи въ 56—57 ст. XII гл. Луки. Пастырство Христа Спасителя. 132—136.

2) Ст. 1—4. Мысли еп. Ѳеофана на каждый день года. 409.

3) Ст. 1—4. Покайтеся. Христ. Чт. 1825 г. XVIII. 330—379.

4) Ст. 6. *Препод. Исидора Пелусіота* на слова: *смоковницу имяше нѣкій въ виноградѣ своемъ.* Ч. I. 181—182.

5) *Платона, митроп. Кіевскаго.* Бесѣда о безплодной смоковницѣ. Воскр. Чт. 1884 г. 1—6.

6) Ст. 6—7. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Смыслъ притчи о безплодной смоковницѣ. Слова. II. 330—331. V. 345—351.

7) Ст. 12—13. *Его же.* Объ исцѣленіи скорченной женщины, о причинѣ ея болѣзни и о томъ, что грѣхъ есть источникъ всѣхъ нашихъ болѣзней. I. 593—597.

8) Ст. 10—17. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣда объ исцѣленіи скорченной женщины. IV. 137.

9) Ст. 10—17. *Архіеп. Иліодора.* Бесѣда. Воскр. Чт., г. VIII. 306—309.

10) Ст. 10—17. Объясненіе воскресныхъ Евангелій. Евангеліе въ 27 нед. по Пятид. Руков. для сел. паст. 1867 г. III. 654—659.

11) Ст. 16—21. Евангеліе въ 26 нед. по Пятид. 511—516. 396—398. Руков. для с. п. 1867 г. III.

12) *Евсевія, еп. Могилевскаго.* Бес. въ двадцать шестую нед. по Пятид. (16—21) и двадцать седьмую нед. См. Бес. на воскр. и праздн. Ев., ч. II. 97 и 108.

13) Ст. 33. Отвѣтъ на вопросъ Верцеліуса. Душ. Чт. 1869 г. 1 апр. 114—115. Изв. и зам.

Прибытіе Господа въ Іерусалимъ на праздникъ обновленія храма и рѣчь тамъ (Іоан. X, 22—39). **Удаленіе Его на Іорданъ въ Перею (и въ Галилею)** (40—42).

Толкованіе святаго Златоустаго на ст. 22—42.

Быша обновленія во Іерусалимѣхъ, и зима бѣ. То былъ великій и общественный праздникъ. Это былъ день, въ который построенъ былъ храмъ, послѣ того какъ Іудеи возвратились изъ продолжительнаго Персидскаго плѣна, и который они совершали со всею торжественностью. На праздникъ пришелъ и Христосъ. Ибо, когда приближались Его страданія, Онъ уже часто приходилъ въ Іудею. Итакъ Іудеи обступили Его и спрашивали: *доколѣ души наша вземлеши? аще Ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся.* Что они обступили Его и говорили: *доколѣ души наши вземлеши?*—это, повидимому, происходило изъ нѣкоторой любви и ревности къ ученію; между тѣмъ намѣреніе, съ которымъ спрашивали, было злое и коварное. Поелику дѣла Его не подвергались злословію и укору, то пытались уловить Его словами, превращая смыслъ сказаннаго; умножали вопросы, надѣясь сбить Его въ словахъ, и, не могши обвинить Его ни въ какомъ дѣлѣ, думали въ словахъ найти какой либо къ тому поводъ; посему и говорили: *рцы намъ.* Поелику же безумно было требовать свидѣтельства на словахъ, когда самыя дѣла говорили; то слушай, какъ Онъ отвѣтствуетъ имъ, давая разумѣть, что они требовали словъ понапрасну, не для наученія, и показывая, что Онъ уже далъ имъ свидѣтельство, которое яснѣе словъ, т. е. дѣла. Онъ говоритъ: *рѣхъ вамъ, и не вѣруете: дѣла, яже Азъ творю о имени Отца Моего, та свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (25).

Такъ какъ они притворно говорили, что повѣрятъ одному слову, тогда какъ не повѣрили столь многимъ и великимъ дѣламъ, то какъ словамъ повѣрите? Вопросъ ихъ былъ излишенъ. *Рѣхъ вамъ,* говоритъ, но *вы не вѣруете Мнѣ: нѣсте бо отъ овецъ Моихъ* (26). Ибо Я исполнилъ все, что требуется отъ Меня, и что должно сдѣлать Пастырю; если же вы не послѣдуете Мнѣ, это не потому, чтобы Я не былъ Пастырь, но потому, что вы—не Мои овцы. *Ибо овцы Моя гласа Моего слушаютъ и по Мнѣ грядутъ* (27), *и Азъ животъ вѣчный дамъ имъ, и не погибнутъ во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея* (28). Поелику *Отецъ, Иже даде Мнѣ, болій всѣхъ есть: и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца Моего* (29). *Азъ и Отецъ едино есма* (30). Смотри, какъ Онъ, обличая, убѣждаетъ ихъ послѣдовать Ему. Вы не слушаете Меня, говоритъ; ибо вы не овцы; но кто послѣдуетъ, тѣ принадлежатъ къ стаду овецъ. Онъ говорилъ сіе для того, чтобы они поревновали сдѣлаться овцами. Потомъ сказывая, чего они достигнутъ, поощряетъ ихъ, чтобы пробудить въ нихъ желаніе. «Что же? По могуществу Отца никто не можетъ похитить; а Ты Самъ не можешь, безсиленъ сохранить ихъ»? Никакъ. Чтобы ты не подумалъ, что Самъ Онъ безсиленъ, но что овцы обезопасены могуществомъ Отца, Онъ присовокупилъ: *Азъ и Отецъ едино есма.* Какъ-бы такъ Онъ говорилъ: Я не потому сказалъ, что никто не похититъ ихъ у Отца, чтобы Я Самъ не имѣлъ силы сохранить овецъ: *Азъ и Отецъ едино есма.* Онъ говоритъ здѣсь о могуществѣ, о которомъ вся эта рѣчь у Него. Если одна и та же сила, то ясно, что одно и то же существо (οὐσία). Іудеи дѣлали многое, строили козни, отлучали отъ синагоги; Онъ говоритъ, что все

это дѣлали они понапрасну и попусту; ибо овцы въ рукѣ Отца Моего. Далѣе, показывая, что рука одна, называетъ ее то—Своею, то рукою Отца. Когда же слышишь: «рука», то не разумѣй ничего чувственнаго, но—силу, власть (ἐξουσίαν). Если же никто не восхититъ потому, что Отецъ сдѣлалъ Его сильнымъ; то излишне было потомъ говорить: *Азъ и Отецъ едино есма.* Ибо если бы Сынъ былъ меньше, то слова сіи были бы слишкомъ дерзновенны; ибо онѣ показываютъ не иное что̀, какъ равную степень могущества. Такъ это поняли и Іудеи и начали бросать въ Него камнями, не смотря на то, Онъ не отвергъ такого ихъ мнѣнія и понятія. Но если бы они поняли неправильно, то надлежало бы поправить ихъ и сказать: что̀ вы это дѣлаете? Я сказалъ это не въ томъ смыслѣ, чтобы усвоить Себѣ такую же силу, какая у Отца. Напротивъ, не смотря на ихъ неистовство, Онъ подтверждаетъ и доказываетъ такое ихъ понятіе. Не оправдывается въ томъ, что̀ сказалъ, какъ-бы сказалъ неправильно; но обвиняетъ ихъ, что они не имѣли о Немъ надлежащаго понятія. Ибо когда они говорили: *о добрѣ дѣлѣ каменіе не мещемъ на Тя, но о хулѣ, яко Ты человѣкъ сый, творишъ Себе Бога* (33); то слушай, что̀ Онъ говоритъ имъ: *аще оныхъ рече писаніе боговъ, къ нимже слово Божіе бысть, како вы глаголете, яко хулу глаголю, зане рѣхъ: Сынъ Божій есмь* (35—36)? Слова Его значатъ слѣдующее: если тѣ, кои получили это по благодати, не виновны въ томъ, что называютъ себя богами; какъ же Тотъ, Кто имѣетъ сіе по природѣ (φύσει), подлежитъ законному осужденію? Однакожъ Онъ не такъ говорилъ; но доказывалъ сіе послѣ, сперва смягчивъ слово и сказавъ: *Егоже Отецъ святи и посла;* и когда уже укротился гнѣвъ ихъ, представилъ ясное доказательство. Для того, чтобы слово Его было принято, Онъ говорилъ слабѣе; но, наконецъ, возводитъ оное къ высшему, говоря такъ: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имате Ми вѣры* (37); *аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте* (38). Видишь, какъ Онъ доказываетъ сказанное, что Онъ ни почему не меньше Отца, но по всему равенъ Ему? Ибо, поелику существа (οὐσία) Его нельзя видѣть, то Онъ беретъ доказательство отъ равенства и тождества дѣлъ. Чему же мы должны вѣровать? *Яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ.* Ибо Я не иное что̀, какъ что̀ Отецъ, будучи Сынъ; и Онъ не иное что̀, какъ что̀ Я, будучи Отецъ; и Кто знаетъ Меня, тотъ знаетъ Отца и разумѣетъ Сына. Но если бы сила была меньше, то и знаніе было бы ложно. Ибо нельзя узнать ни сущности (οὐσίαν) чрезъ сущность, ни силы чрезъ силу, какъ скорота, или другая неодинаковы (ἄλλην δι' ἄλλης).

Искаху убо паки яти Его: и изыде отъ рукъ ихъ. И иде паки на онъ полъ Іордана, идѣже бѣ Іоаннъ прежде крестя, и пребысть ту. И мнози пріидоша къ Нему и глаголаху, яко Іоаннъ убо знаменія не сотвори ни единаго: вся же, елика рече Іоаннъ о Семъ, истинна бяху (39—41). Сказавъ что-нибудь великое и высокое, Іисусъ тотчасъ уходилъ, давая мѣсто гнѣву Іудеевъ, чтобы онъ въ отсутствіи Его укротился и утишился. Такъ сдѣлалъ Онъ и здѣсь. Но для чего Евангелистъ упоминаетъ еще о мѣстѣ? Дабы ты зналъ, что Онъ пошелъ туда для того, чтобы напомнить Іудеямъ то, что тамъ Іоаннъ дѣлалъ и говорилъ, и что̀ о Немъ свидѣтельствовалъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только пришли они туда, тотчасъ вспомнили объ Іоаннѣ; по сему-то и говорили, что Іоаннъ не сотворилъ ни

одного знаменія. Иначе какъ-бы это относилось къ дѣлу? Но когда привелъ имъ на память мѣсто Іоанново, то они вспомнили и о свидѣтельствѣ его. Смотри, какіе неопровержимые дѣлаютъ они силлогизмы: Іоаннъ, говорятъ, не сотворилъ ни одного знаменія, а Сей творитъ; изъ чего уже явно превосходство Его. Итакъ ежели мы вѣрили тому, который не сотворилъ ни одного знаменія, то тѣмъ болѣе мы должны вѣрить Сему. Потомъ, поелику Іоаннъ свидѣтельствовалъ и потому что не сдѣлалъ ни одного знаменія, не былъ почтенъ недостойнымъ того, чтобы свидѣтельствовать; то присовокупляютъ: «хотя онъ не сотворилъ ни одного знаменія, однакожъ все, что̀ говорилъ о Христѣ, истинно». Такъ уже не Христосъ является достойнымъ вѣры ради свидѣтельства Іоаннова, но Іоаннъ ради дѣлъ Христовыхъ. *И мнози вѣроваша въ Него ту* (42). Ибо многое ихъ къ тому убѣждало. Тутъ вспомнили о словахъ, сказанныхъ Іоанномъ, въ которыхъ Онъ называлъ Іисуса *крѣпимъ себя, свѣтомъ, жизнію, истиною* и прочее; вспомнили и о гласѣ, бывшемъ свыше, о Духѣ, явившемся въ видѣ голубя и всѣмъ показавшемъ Іисуса. Къ сему присовокупилось доказательство отъ чудесъ, коими еще болѣе убѣждались. Ибо, говорили, если надлежало вѣрить Іоанну, то Сему наипаче. Если тому вѣрили безъ знаменій; то тѣмъ болѣе Сему, о Которомъ тотъ свидѣтельствовалъ и Который Самъ о Себѣ свидѣтельствуетъ знаменіями (Христ. Чт. 1838 г., ч. III, стр. 282—295).

Истинные пастыри Церкви и истинныя овцы ея.

(Филарета, митроп. Московскаго.)

Овцы Моя гласа Моего слушаютъ (Іоан. X, 27), говоритъ Іисусъ Христосъ. Итакъ свойство истинныхъ овецъ есть слушать своего пастыря. Подлинно, если овцы не будутъ слушать пастыря, сіе будетъ то же, какъ-бы совсѣмъ не было надъ ними пастыря. Оглашаетъ ли онъ звукомъ свирѣли, взываетъ ли гласомъ устъ, возноситъ ли жезлъ, все сіе не принесетъ пользы и спасенія овцамъ, если онѣ удаляясь не видятъ и не слышатъ, или, упорствуя, не слушаютъ, или, не бывъ пріучены, не внимаютъ. Овца, не слушающая пастыря, есть вѣрная добыча хищнаго звѣря. Разрѣшимъ притчу. Христіане суть овцы пажити Христовой. Пастырь, Котораго они должны слушать, первоначально и существенно есть Самъ Іисусъ Христосъ, а по Немъ и тѣ, кто бы ни были они, которые видимо представляютъ Его невидимое пастырство и дѣйствуютъ ввѣренною отъ Него властію; ибо Онъ, какъ говоритъ Апостолъ, *далъ есть* Церкви *пастыри и учители къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія* (Ефес. IV, 11—12), и чтобы узнавали данныхъ отъ Него, Онъ поставилъ признакъ: *входяй дверьми пастырь есть овцамъ* (Іоан. X, 2), то есть вступающій въ сіе служеніе посредствомъ благодатнаго избранія; и чтобы сихъ служебныхъ пастырей слушали, какъ бы Самого верховнаго. Онъ провозгласилъ, что слушать ихъ и Его слова есть едино: *слушаяй васъ Мене слушаетъ* (Лук. X, 16). Дворъ овчій и духовная пажить, гдѣ слышимъ гласъ пастыря, гдѣ пища и спасеніе овецъ, есть Церковь. Гласъ пастыря есть молитва, ученіе, тайнодѣйствіе, управленіе, совѣтъ душеполезный. Если люди называющіе себя христіанами, оставивъ Церковь, блуждаютъ по дебрямъ расколовъ, *влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Ефес. IV, 14); если вмѣсто истиннаго пастыря, входя-

щаго дверьми, слушаютъ *прелазящихъ инудь* (Іоан. X, 1), которые, по суду Пастыреначальника, *татіе суть и разбойницы*; или если, и не отлучаясь отъ Церкви явно, не прилѣпляются однакожъ къ ней искреннимъ послушнымъ сердцемъ; нерадятъ слушать пастыря молящаго, учащаго, тайнодѣйствующаго; не ищутъ духовнаго совѣта; мечтаютъ по невѣжеству и гордости, что они сами себя могутъ пасти и спасти; таковые и подобные имъ, поелику не слушаютъ истиннаго пастыря, то и не суть истинныя овцы; уклоняясь отъ послушанія истинному и спасительному гласу Пастыреначальника, они непримѣтно идутъ на встрѣчу льву, который, *рыкая, ходитъ искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8. (Чт. въ Общ. 1872 г., янв., стр. 65—66).

Св. Исидора Пелусіота на ст. 29-й. Никто не восхититъ ихъ отъ руки Его.

Если написано: *никтоже восхититъ отъ руки Отца Моего,* то почему же многіе погибаютъ?—Отвѣчаю на сіе: *никтоже можетъ восхитити* изъ непобѣдимой и непреодолимой десницы тѣхъ, которые правою вѣрою и доблестною жизнью пріуготовили себя къ тому, чтобы быть собственностью сей десницы. Но можетъ иной обольстить, то есть никто не возможетъ отвлечь насильно и самоуправно, но иной возможетъ обмануть лжеумствованіями и обольщеніями. Зависитъ же это не отъ десницы непреодолимой, но отъ безпечности людей, одаренныхъ свободою, и погибель постигаетъ, не по немощи Хранителя, но по легкомыслію охраняемыхъ (Тв. Исидора Пелусіота, ч. II, стр. 172. Тв. св. оо., т. XXXV).

Библіографическій указатель къ X гл. Ев. Іоанна (ст. 22—39).

1) Ст. 22. Обновленіе. Библ. п. сл. Воскр. Чт. 1878 г. 53—62.

2) Ст. 22. *Филарета, митроп. Московскаго.* О происхожденіи и послѣдовательномъ образованіи обычая и чина священныхъ обновленій. IV. 68—71.

3) Ст. 22—39. *С. Соллертинскаго.* Толкованіе на бесѣду Іисуса Христа въ праздникъ обновленія. Смыслъ и характеръ вопроса, предложеннаго Іисусу Христу Іудеями, и свидѣтельство Іисуса Христа о Своемъ единосущіи съ Богомъ Отцемъ. Пастырство Христа Спасителя. 137—148.

4) Ст. 26—27. 36. Мысли *еп. Θеофана* на каждый день года. 148.

5) Ст. 30. *Преп. Исидора Пелусіота* на слова: *Азъ и Отецъ едино есма,* ч. I. 93.

Іисусъ на пути въ Іерусалимъ.

Рѣчь по поводу вопроса о числѣ спасающихся (Лук. XIII, 22—30).

Послѣ праздника обновленія Іисусъ проходилъ города и селенія Галилейскія, вездѣ уча и исцѣляя. Теперь Онъ снова направилъ Свой путь въ Іерусалимъ.

Путешествіе это происходило весьма медленно, такъ какъ Іисусъ во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проходилъ, проповѣдывалъ Евангеліе. Онъ проходилъ чрезъ Самарію (Лук. XVII, 11). Евангелистъ Іоаннъ не упоминаетъ объ этомъ путешествіи. Изъ этого повѣствованія вытекаетъ, что Христосъ послѣ праздника кущей не выходилъ изъ Іерусалима, но оставался до праздника обновленія храма. Однако молчаніе его объ этомъ нисколько не противорѣчитъ ясному и обстоятельному повѣствованію Луки.

Одинъ изъ сопровождавшихъ Его учениковъ спросилъ Его: «Господи! неужели мало спасающихся?» Изъ повѣствованія Евангелиста не видно историческаго повода, по какому былъ предложенъ этотъ вопросъ.

Можно думать, что этотъ вопросъ вызванъ былъ результатами, какими сопровождались первые опыты проповѣди двѣнадцати (или семидесяти). Они немного обрѣли въ Израилѣ сыновъ мира, принявшихъ привѣтствіе и проповѣдь ихъ; большею частью имъ приходилось отрясать прахъ отъ ногъ своихъ и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ опытовъ естественно могъ родиться вопросъ, которымъ начинается этотъ отдѣлъ. Быть можетъ также, вопросъ этотъ былъ высказанъ вслѣдствіе строгихъ требованій, какія Іисусъ въ послѣднихъ Своихъ бесѣдахъ представлялъ Своимъ истиннымъ послѣдователямъ. Вопрошавшій сомнѣвался, многіе ли въ состояніи исполнить эти требованія.

Вопрошавшій не былъ какой-нибудь легкомысленный насмѣшникъ, потому что Іисусъ въ Своемъ отвѣтѣ почитаетъ его способнымъ къ подвигу. Но онъ не былъ также изъ числа людей, серьезно заботившихся о спасеніи, потому что Іисусъ отвѣчалъ ему строго и рѣзко. Это, какъ кажется, былъ человѣкъ поверхностный, довольный другими и самимъ собой. Поэтому Іисусъ отвѣчалъ ему и прочимъ ученикамъ: «подвизайтесь войти сквозь тѣсныя врата; ибо, сказываю вамъ, многіе поищутъ войти и не возмогутъ». Этими словами Онъ направлялъ ихъ отъ безполезныхъ вопросовъ къ подвигу о спасеніи своей души. Недостаточно *желать* только спасенія, необходимъ строгій *подвигъ*, т. е. сосредоточеніе всѣхъ мыслей, напряженіе всѣхъ силъ къ одной цѣли и устойчивость до конца.

Мысли еп. Ѳеофана на ст. 24—30.

Подвизайтеся внити сквозь тѣсная врата. Тѣсныя врата—жизнь не по своей волѣ, не по своимъ желаніямъ, не въ угоду себѣ; широкія врата—жизнь по всѣмъ движеніямъ и стремленіямъ страстнаго сердца, безъ малѣйшаго себѣ отказа въ чемъ либо. Такимъ образомъ врата въ Царствіе—самостѣсненіе. Стѣсняй себя во всемъ,—и это будетъ то же, что̀ напряженіе или упоръ въ дверь, чтобъ отворить ее и протѣсниться сквозь нее. Какъ и чѣмъ себя стѣснять? Заповѣдями Божіими, противоположными страстнымъ движеніямъ сердца. Когда начинаешь сердиться на кого, вспомни заповѣдь Господа: *не гнѣвайтеся всяко,* и стѣсни тѣмъ сердце свое. Когда придутъ блудныя движенія, приведи на мысль запрещеніе даже и смотрѣть на жену съ вожделѣніемъ, и стѣсни тѣмъ свое похотѣніе. Когда захочется осудить кого, вспомни слово Господа, что этимъ ты дѣлаешь Судію Небеснаго неумолимымъ въ отношеніи къ тебѣ и стѣсни тѣмъ свою заносчивость. Такъ въ отношеніи и ко всякому порочному движенію. Собери противъ каждаго изъ нихъ изрѣченія Божественнаго Писанія, и держи ихъ въ памяти. Какъ только выйдетъ изъ сердца какое либо дурное желаніе, ты тотчасъ вяжи его направленнымъ противъ него изрѣченіемъ; или напередъ обвяжи всѣ свои желанія и помышленія Божественными словесами, и ходи въ нихъ: будешь будто въ узахъ. Но въ этихъ узахъ—свобода, или свободный путь въ Царствіе Божіе.

Іисусъ Христосъ продолжалъ: «когда хозяинъ дома встанетъ и затворитъ двери, тогда вы, стоя внѣ, станете стучать въ двери и говорить: Господи, Господи, отвори намъ; но Онъ скажетъ вамъ въ отвѣтъ: не знаю васъ, откуда

вы. Тогда станете говорить: мы ѣли и пили предъ Тобой, и на улицахъ нашихъ училъ Ты. Но Онъ скажетъ: говорю вамъ: не знаю васъ, откуда вы; отойдите отъ Меня, всѣ дѣлатели неправды. Тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ, когда увидите Авраама, Исаака и Іакова, и всѣхъ пророковъ въ Царствіи Божіемъ, а себя изгоняемыми вонъ». Тѣ, которые могутъ хвалиться только внѣшнимъ обращеніемъ съ Нимъ, что они принадлежатъ къ *одному* съ Нимъ народу, часто находились вблизи Его и даже слѣдовали за Нимъ, но въ сердцѣ оставались чуждыми Ему, будутъ исключены изъ Царствія Божія. Напротивъ, даже язычники изъ всѣхъ странъ свѣта будутъ участвовать въ Царствѣ Божіемъ. Вообще будетъ иначе, чѣмъ изображаютъ это себѣ люди. Тѣ, которыхъ считали послѣдними, будутъ первыми, и тѣ, которые считали себя первыми, въ Царствѣ Божіемъ будутъ послѣдними, или совершенно будутъ исключены изъ него («и пріидутъ отъ востока и запада, и сѣвера и юга, и возлягутъ въ Царствіи Божіемъ. И вотъ, есть послѣдніе, которые будутъ первыми, и есть первые, которые будутъ послѣдними»). (Мысли на каждый день года, стр. 454).

Вопросъ и отвѣтъ Василія Великаго къ ст. 26—27.

Кто тѣ, которые говорятъ: *ядохомъ предъ Тобою и пихомъ*, и получаютъ въ отвѣтъ: *не вѣмъ васъ* (Лук. XIII, 26—27)?

Можетъ быть, тѣ, которыхъ описалъ Апостолъ, примѣнительно къ собственному своему лицу сказавъ: *аще языки человѣческими глаголю и Ангельскими* и пр. *и аще имамъ весь разумъ, и всю вѣру, и аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, ни кая польза ми есть* (1 Коринѳ. XIII, 1—3). Наученъ же сему Апостолъ отъ Господа, Который сказалъ о нѣкоторыхъ: *творятъ, яко да видими будутъ человѣки: аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою* (Матѳ. VI, 1—2). Ибо дѣлаемое не изъ любви къ Богу, но ради похвалы отъ людей, каково бы оно ни было, находитъ себѣ не похвалу за Богочестіе, но осужденіе за человѣкоугодіе или за самоугодіе, или за упорство, или зависть, или за какую подобную вину. Поэтому Господь все подобное называетъ дѣломъ неправды, когда сказавшимъ: *ядохомъ предъ Тобою* и пр. говоритъ: *отступите отъ Мене, вси дѣлатели неправды*. И какъ же не дѣлатели неправды тѣ, которые злоупотребляютъ дарами Божіими на снисканіе своихъ собственныхъ удовольствій? Таковы, напримѣръ, были тѣ, о которыхъ Апостолъ говоритъ: *нѣсмы бо, якоже мнози, нечисто проповѣдающіи слово Божіе* (2 Коринѳ. II, 17); и еще: *непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе* (1 Тимоѳ. VI, 5), и многое сему подобное. Отъ всего этого чистымъ себя показалъ тотъ же Апостолъ, когда говоритъ: *не аки человѣкомъ угождающе, но Богу искушающему сердца наша. Никогда же бо въ словеси ласканія быхомъ къ вамъ, якоже вѣсте: ниже въ винѣ лихоиманія, Богъ свидѣтель: ни ищуще отъ человѣкъ славы, ни отъ васъ, ни отъ инѣхъ* (1 Солун. II, 4—6). (Тв. св. оо., т. IX. Тв. св. Василія Вел., ч. V, стр. 357—358).

Отвѣтъ сказавшимъ Іисусу Христу о злоумышленіяхъ противъ Него Ирода и скорбь объ Іерусалимѣ (Лук. XIII, 31—35).

Въ тотъ же день нѣкоторые фарисеи, подъ видомъ дружбы, пришли къ Іисусу и сказали Ему: «выйди и удались отсюда, ибо Иродъ хочетъ убить

Тебя». Іисусъ много причинялъ безпокойствъ и заботъ правителю Галилеи и Переи, такъ какъ впечатлѣніе, производимое Іисусомъ на народъ, было очень велико. Боясь народа, Иродъ не рѣшился наложить рукъ на Іисуса и убить Его, и намѣренно распустилъ слухъ, что хочетъ схватить Іисуса, чтобъ этимъ устрашить Его и заставить уйти изъ Галилеи. Фарисеи, которые также желали удаленія Іисуса, охотно сдѣлались орудіями коварнаго царя. Подъ видомъ лицемѣрной службы они воспользовались этимъ слухомъ, чтобы избавиться отъ тягостнаго присутствія врага своего.

Что Иродъ дѣйствительно былъ виновникомъ этой молвы, а не сами фарисеи сочинили ее, видно изъ того, что Іисусъ называетъ Ирода хитрою *лисицею*. А что фарисеи не изъ дружбы къ Господу принесли Ему это извѣстіе, доказываетъ строгая, обличительная къ нимъ рѣчь Іисуса.

Іисусъ далъ имъ царскій, но вмѣстѣ и горестный для Іерусалима, отвѣтъ. Они должны были пойти назадъ къ хитрому, лицемѣрному Ироду и сказать ему, что Онъ не удалится, но будетъ продолжать Свои чудесныя исцѣленія, пока наступитъ Его часъ, который уже близокъ. Онъ, конечно, спустя нѣсколько времени уйдетъ отсюда, но не изъ страха предъ Иродомъ, котораго Онъ нисколько ни боится, потому что Онъ приметъ смерть не отъ Ирода, но въ Іерусалимѣ, который одинъ имѣетъ печальное преимущество убивать пророковъ. «Пойдите, скажите этой лисицѣ: се изгоняю бѣсовъ и совершаю исцѣленія сегодня и завтра, и въ третій день кончу. А впрочемъ Мнѣ должно ходить сегодня, завтра и въ послѣдующій день, потому что не бываетъ, чтобы пророкъ погибъ внѣ Іерусалима».

Слова эти могутъ показаться странными, такъ какъ *не всѣ* пророки дѣйствительно умерщвлены были въ Іерусалимѣ. Даже Іоаннъ Креститель, котораго Христосъ называетъ величайшимъ между пророками, нашелъ смерть въ другомъ мѣстѣ. Этими словами Іисусъ хотѣлъ изобразить страсть господствующей партіи и развращенной столицы къ преслѣдованію свидѣтелей истины. Здѣсь всѣ преслѣдованія противъ пророковъ имѣли свое истинное начало, хотя приводились къ концу и въ другихъ мѣстахъ. Самъ Іоаннъ Креститель потерпѣлъ смерть не столько отъ ненависти къ нему Иродіады, сколько отъ господствующей партіи, которая только дѣйствовала чрезъ Иродіаду на царя. Послѣднія слова отзываются жгучей ироніей противъ глубоко развращеннаго города. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и горькая печаль отверженной любви высказывается въ этихъ словахъ и тотчасъ переходитъ въ грустный голосъ, при строгихъ угрозахъ, хотя и съ утѣшительными обѣщаніями.

«Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! сколько разъ Я хотѣлъ собрать чадъ твоихъ, какъ птица птенцевъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли! Се, оставляется домъ вашъ пустъ. Сказываю же вамъ, что вы не увидите Меня, пока не придетъ время, когда скажете: благословенъ грядый во имя Господне!»

Мысли еп. Ѳеофана на ст. 35.

Се оставляется домъ вашъ пустъ, сказалъ Господь объ Іерусалимѣ. Значитъ, есть мѣра долготерпѣнію Божію. Милосердіе Божіе вѣчно бы готово терпѣть, ожидая добра, но что̀ дѣлать, когда мы доходимъ до такого разстройства, что не къ чему и рукъ приложить? Потому и бросаютъ насъ. Та́къ будетъ и въ вѣчности. Все говорятъ:

милосердіе Божіе не попуститъ вѣчнаго отверженія. Да оно и не хочетъ того; но что̀ дѣлать съ тѣми, которые преисполнены зла, а исправиться не хотятъ? Они сами себя ставятъ за предѣлами милости Божіей, и оставляются тамъ потому, что не хотятъ выйти оттуда. Спириты придумали множество рожденій, какъ средство къ перечищенію грѣшниковъ. Но осквернившійся грѣхами въ одно рожденіе можетъ явиться такимъ же и въ десяти другихъ, а затѣмъ и безъ конца. Какъ есть прогрессъ въ добрѣ, такъ есть прогрессъ и въ злѣ. Мы видимъ на землѣ ожесточенныхъ во злѣ; такими же они могутъ остаться и внѣ земли, а потомъ и навсегда. Когда придетъ всему конецъ,—а ему придти неизбѣжно,—куда дѣвать этихъ ожесточившихся во злѣ? Ужъ, конечно, куда-нибудь внѣ области свѣтлой, опредѣленной для потрудившихся надъ собой, въ очищеніи своихъ нечистотъ. Вотъ и адъ! Неисправившіеся при лучшихъ обстоятельствахъ исправятся ли при худшихъ? А если же нѣтъ, то вотъ и вѣчный адъ! Не Богъ виновникъ ада и вѣчныхъ въ немъ мученій, а сами грѣшники. Не будь нераскаянныхъ грѣшниковъ, и ада не будетъ. Господь очень желаетъ, чтобъ не было грѣшниковъ, затѣмъ и на землю приходилъ. Если Онъ желаетъ безгрѣшности; то, значитъ, желаетъ и того, чтобы никто не попалъ въ вѣчныя мѹки. Все дѣло за нами. Давайте же сговоримся, и уничтожимъ адъ безгрѣшностью. Господь будетъ радъ тому; Онъ и открылъ объ адѣ для того, чтобы всякій поостерегся попасть туда (Мысли на каждый день года, стр. 410).

Іисусъ на вечери у начальника фарисеевъ (Лук. XIV, 1—15).

Въ другую субботу одинъ начальникъ фарисеевъ позвалъ къ себѣ Іисуса на вечерю. Фарисеи наблюдали за Нимъ, чтобъ открыть предлогъ къ нападенію на Него и обвиненію Его. Предлогъ и былъ, да они не рѣшились воспользоваться имъ. Тамъ былъ человѣкъ, страдавшій водяною болѣзнью. Іисусъ хотѣлъ исцѣлить его. Можетъ быть, сами противники нарочно привели его сюда, чтобы подать поводъ Іисусу къ законопреступному, по ихъ мнѣнію, дѣйствію. Іисусъ напередъ зналъ что они думали, и отвѣчалъ имъ на мысли ихъ сердца, предложивъ имъ вопросъ: «позволительно ли врачевать въ субботу»? Но они молчали, потому что не могли и не хотѣли отвѣчать. Господь прикоснулся къ больному, исцѣлилъ и отпустилъ его. Потомъ обратился къ нимъ со словами: «если у кого изъ васъ оселъ или волъ упадетъ въ колодезь,—не тотчасъ ли вытащите его и въ субботу»? На этотъ вопросъ они не могли Ему дать никакого отвѣта, потому что они для соблюденія своихъ выгодъ очень часто, безъ дальнѣйшаго размышленія, преступали законъ субботы. Они не могли сдѣлать Іисусу никакого упрека за то, что Онъ по Своему милосердію и любви помогъ больному, но и не хотѣли отдать Ему справедливости. Поэтому-то они и молчали.

Началась вечеря. Фарисеи поспѣшали, сколько возможно скорѣе, занять высшія мѣста. Іисусъ смѣло и откровенно сталъ порицать странное ихъ честолюбіе и сказалъ имъ: «когда ты кѣмъ будешь позванъ на бракъ, не садись на первое мѣсто, чтобы не случился кто изъ званныхъ имъ почетнѣе тебя; и звавшій тебя и его, подошедши, не сказалъ бы

тебѣ: уступи ему мѣсто; и тогда со стыдомъ долженъ будешь занять послѣднее мѣсто. Но когда званъ будешь, пришедъ садись на послѣднее мѣсто, чтобы звавшій тебя подошедъ сказалъ: другъ! пересядь выше; тогда будетъ тебѣ честь предъ сидящими съ тобою». Этими словами Іисусъ не думалъ давать обыкновенное правило благоразумія, которымъ порочный человѣкъ могъ бы злоупотреблять для удовлетворенія своему честолюбію. Это была, какъ замѣчаетъ Евангелистъ Лука, притча, и касалась главнымъ образомъ внутренняго расположенія сердца, которое въ такихъ внѣшностяхъ ищетъ своего удовлетворенія. Поэтому Іисусъ закончилъ словами: «ибо всякій, возвышающій самъ себя, униженъ будетъ; и унижающій себя возвышается».

Эта рѣчь относилась къ гостямъ. Теперь Іисусъ обратился къ хозяину. Іисусъ замѣтилъ, что онъ пригласилъ только друзей и братьевъ, родственниковъ и богатыхъ сосѣдей. Больного, котораго Іисусъ исцѣлилъ предъ обѣдомъ, никто не пригласилъ остаться обѣдать. У него были всѣ знатные и богатые люди, и бывшій больной тутъ былъ не у мѣста. Іисусъ не хотѣлъ оставить этого безъ Своего замѣчанія. Поэтому Онъ сказалъ хозяину: «когда дѣлаешь обѣдъ или ужинъ, не зови друзей своихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни сосѣдей богатыхъ, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получилъ ты воздаянія. Но когда дѣлаешь пиръ,—зови нищихъ, хромыхъ, увѣчныхъ, слѣпыхъ; и блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ; ибо воздается въ воскресеніи праведныхъ». Этими словами Онъ не запрещаетъ звать къ себѣ друзей и родственниковъ, но предохраняетъ отъ своекорыстія, которое и въ гостепріимствѣ разсчитывало найти свою выгоду. Нужно больше благодѣтельствовать тѣмъ, которые не могутъ намъ отплачивать: такія благодѣянія вознаграждены будутъ въ воскресеніе праведныхъ.

Слова Іисуса: «блаженъ ты будешь», вызвали у одного изъ гостей восклицаніе: «блаженъ, кто вкуситъ хлѣба въ Царствіи Божіемъ»! Быть можетъ, онъ замѣтилъ, какъ Іисусъ къ каждому обстоятельству обѣда прилагалъ духовный смыслъ, и хотѣлъ самъ попытаться сдѣлать подобное. Быть можетъ, ему было тяжело отъ проповѣди Іисуса, Который каждому изъ присутствовавшихъ воздавалъ должное. Онъ хотѣлъ направить разговоръ на болѣе пріятный предметъ, который бы не оскорблялъ никого изъ присутствовавшихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его восклицаніи звучала самоувѣренность, что онъ, какъ Израильтянинъ и фарисей, имѣетъ несомнѣнно право на участіе въ Царствіи Божіи. Потому Господь употребилъ слова этого человѣка къ дальнѣйшему продолженію Своей увѣщательной рѣчи въ притчѣ о великой вечери.

Мысли еп. Θеофана на ст. 8-й.

Когда званъ будешь куда, не садись на первое мѣсто. Обобщивъ это, получимъ: всегда и вездѣ держись послѣднѣйшей части. Въ этомъ простомъ правилѣ сокращенно выражено все богатое содержаніе смиренія. Возьми его, сядь и разсмотри всѣ возможные случаи твоей жизни, и напередъ избери себѣ во всѣхъ ихъ послѣднюю часть. Это послѣднее будетъ практика смиренія, которое отъ внѣшнихъ дѣлъ мало-помалу перейдетъ внутрь и положитъ тамъ осадку смиренія, какъ основу. Время возраститъ это сѣмя среди той же практики, и смиреніе преисполнитъ, наконецъ, всю душу и тѣло, и всѣ внѣшнія дѣла. Что жъ будетъ? А то,

что величіе нравственное будетъ сіять на челѣ твоемъ и привлекать всеобщее уваженіе; и исполнится надъ тобою: *всякъ возносяйся смирится: смиряяйся же вознесется.* Но не это имѣй въ виду, практикуясь въ смиреніи, а само смиреніе. Оно само съ собою приноситъ въ душу ублажающее благонастроеніе. Куда придетъ смиреніе, тамъ всѣ внутреннія тревоги прекращаются, и всѣ внѣшнія невзгоды не производятъ поразительныхъ впечатлѣній. Какъ волна, не встрѣчая препятствія, безъ шума и удара, разливается въ безбрежномъ морѣ; такъ внѣшнія и внутреннія скорби не ударяютъ въ смиренную душу, а проносятся, какъ-бы поверхъ, не оставляя слѣда. Это, такъ сказать, житейское преимущество смиреннаго; а какой свыше свѣтъ осѣняетъ его, какія утѣшенія посылаются, какая широта свобододѣйствія открывается!... Поистинѣ, смиреніе одно совмѣщаетъ все... (Мысли на каждый день года, стр. 465).

Избранныя мѣста изъ отцевъ въ изъясненіе притчи о вечери великій (Лук. XIV, 16—24).

Ст. 16 и 17. *Человѣкъ нѣкій сотвори вечерю велію и зва многи: и посла раба своего въ годъ вечери, рещи званнымъ: грядите, яко уже готова суть вся.*

Здѣсь спроситъ любознательный изслѣдователь вещей: почему это приглашеніе не на обѣдъ, а на вечерю, также—кто посланный звать на вечерю, кто приглашающій, кто приглашенные и презрѣвшіе приглашеніе? Подъ именемъ человѣка, устроившаго вечерю велію, разумѣется Богъ Отецъ. Онъ, Творецъ всего и Господь славы, сотворилъ вечерю велію, т. е., учредилъ всеобщее, во всемъ мірѣ, торжество для домостроительства Христова. Называется же этотъ праздникъ вечерею потому, что Сынъ Божій явился намъ въ послѣдніе дни и какъ-бы къ западу вѣка. Въ это время подъялъ смерть насъ ради, предложилъ намъ Плоть Свою въ пищу, сей хлѣбъ съ небесе, дающій животъ міру.—Посланный Отцемъ и названный рабомъ есть Самъ Христосъ; ибо Онъ, будучи Богъ по естеству и истинный Сынъ Божій, пріявъ зракъ раба, истощилъ Себя. Когда посланъ? Въ часъ вечери. Не въ началѣ вѣка сего естественнымъ рожденіемъ Своимъ сошелъ съ неба Единородный Сынъ Божій, но во времена послѣднія. Какія же слова приглашающаго? *Грядите, яко уже готова суть вся.* Приготовилъ Богъ и Отецъ во Христѣ превосходные дары міру—отпущеніе грѣховъ, общеніе Духа Святаго, благодать усыновленія, Царство Небесное. Ко всему этому Христосъ Господь словомъ Евангельскимъ приглашалъ всѣхъ, а прежде прочихъ Израиля (Кирилла Александрійскаго).

Ст. 18—20. *И начаша вкупѣ отрицатися вси. Первый рече ему: село купихъ, и имамъ нужду изыти и видѣти е: молютися, имѣй мя отреченна* и проч.

Такъ Богъ чрезъ Сына Своего, Ходатая нашего, приглашаетъ Іудеевъ на Свою вечерю и высокой чести сподобляетъ ихъ; а они не идутъ и вымышляютъ причины на то—пары воловъ, поля и женъ. Но какъ ни кажутся ихъ извиненія основательными, мы познаемъ здѣсь, что ничего нѣтъ столь необходимаго, что̀ бы не ниже было благъ духовныхъ. Приглашены же они не теперь, а прежде многихъ вѣковъ. *Посла,* говоритъ, *раба своего рещи званнымъ,* что̀ увеличиваетъ ихъ преступленіе. Они еще пророками званы были, а напослѣдокъ Самимъ Сыномъ. И къ чему приглашаетъ? Къ трудамъ, скорбямъ?

Никакъ, а къ веселію; но и это не обращаетъ ихъ (Златоустъ на Матѳ. гл. XXII).

Это были любители не Бога, а удовольствій и предметовъ земныхъ:—на удовольствія указывается именемъ жены, а поле и пары воловъ—знакъ пристрастія къ богатству. Такимъ образомъ исключаются здѣсь всѣ тѣ, которые Божественному званію предпочитаютъ удовольствія сей жизни, т. е. богатство, торговлю и бракъ. По другому изъясненію, удостоенные перваго званія—суть Іудеи. Они-то, извиняя себя предлогомъ занятій большихъ, отвергли званіе. Ибо презрѣли благодать Евангельскую, какъ-бы потому, что имѣли поля, т. е. обильныя чтенія Писанія, имѣли воловъ для оранія—пророковъ, и наслаждались сожительствомъ Премудрости, какъ жены (Евсевій).

Тотъ купилъ село (поле), кто по причинѣ мудрости мірской (ибо село есть міръ) не пріемлетъ сверхъестественнаго таинства; ибо *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже суть Божія* (1 Коринѳ. II, 14). Пять паръ воловъ купилъ тотъ, кто пять силъ душевныхъ худо связалъ съ тѣлесными, не удерживаетъ стремленія послѣднихъ первыми, и во зло употребляя силы свои, теряетъ свое спасеніе. А тотъ, кто поялъ жену, означаетъ того, кто пристрастенъ къ плоти, какъ къ женѣ, а потому отвращается истиннаго и постояннаго блага (Кириллъ Александрійскій).

Ст. 21—22. *И пришедъ рабъ той повѣда господину своему сія. Тогда разгнѣвася дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутія и стогны града, и нищія и бѣдныя, и слѣпыя и хромыя введи сѣмо.*

Хотя Богъ Отецъ и прежде зналъ, что Іудеи, призванные къ Евангелію, будутъ вымышлять извиненія; но чтобы не оставить имъ никакого предлога къ безстыдному извиненію, послалъ къ нимъ Единороднаго Сына Своего, носящаго образъ раба. Такъ Онъ и заграждаетъ уста имъ и научаетъ насъ, что мы должны исполнить все, что̀ нужно, хотя бы не было намъ отъ того никакой выгоды. Когда же они не были достойны, вмѣсто ихъ призываются язычники. Ибо сначала пришелъ Господь къ Іудеямъ: изъ нихъ избралъ Онъ Матерь Себѣ, отъ нихъ родился по плоти, и Самъ говоритъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Матѳ. XV, 24). Послѣ креста, когда хотѣлъ вознестись на небо, хотя повелѣлъ учить всѣ народы, но назначилъ напередъ проповѣдать Іудеямъ: *пріимете*, говоритъ, *силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидѣтели, во Іерусалимѣ же и по всей Іудеи и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли* (Дѣян. I, 8). (Златоустъ на Матѳ.).

Итакъ домовладыка разгнѣвался, сказано, на вельможъ Іудейскихъ за то, что они презрѣли оную вечерю велію, и на мѣсто ихъ позваны тѣ, которые больны и отвержены, лежали на улицахъ и переулкахъ, то есть, тѣ, кои въ народѣ Іудейскомъ почитались немощнѣйшими, имѣли умъ до того времени храмлющій, помраченный большою тьмою, но вскорѣ, вѣрою во Христа, содѣлались здравыми и крѣпкими. Принявъ внутрь себя Божественный свѣтъ, они научились ходить по стезямъ правымъ. А что весьма многіе изъ Іудейскаго простаго народа увѣровали, это всякій можетъ познать, если прочтетъ Дѣянія святыхъ Апостоловъ. Тамъ видимъ, какъ отъ проповѣди Петра сперва увѣровали три тысячи, потомъ пять тысячъ, и опять великое множество. Да и Самъ Господь училъ, какъ словомъ, такъ и чудесами, народъ простой, и

очень многіе изъ сего народа увѣровали въ Него, за что и подвергались проклятію отъ фарисеевъ (Кириллъ Александрійскій).

Ст. 22—24. *И рече рабъ: Господи, бысть, якоже повелѣлъ еси, и еще мѣсто есть! и рече господинъ къ рабу: изыди на пути и халуги, и убѣди внити, да наполнится домъ мой. Глаголю бо вамъ, яко ни единъ мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ моея вечери: мнози бо суть звани, мало же избранныхъ.*

Вотъ, послѣ того какъ вѣрою приведены Израильтяне, былъ призванъ и народъ языческій. Призванные изъ язычниковъ и пришедшіе на вечерю были очень грубы, одичавшіе, какъ тѣ, которые рождены и воспитаны внѣ городовъ, безъ всякаго образованія. Ибо не имѣли никакихъ добрыхъ законовъ и обычаевъ, но подобно скотамъ жили въ великой тьмѣ умственной, какъ безумные. Къ нимъ-то учредитель вечери посылаетъ на общественныя дороги и изгороди звать ихъ на вечерю, и не только звать просто, но и понудить (Кирилла Александрійскаго).

Итакъ первые позваны Іудеи, которые и презрѣли благодать призыванія; потомъ язычники и иноплеменники, слѣпотствующіе по уму, хромые и глухіе, и они тотчасъ повиновались. Бывшіе на распутіяхъ и стогнахъ значатъ тѣхъ, кои ходили по пространному пути разврата, безъ ученія и постановленій. Наконецъ прочіе, которые позваны съ отдаленныхъ путей и изгородей, суть души, бывшія во адѣ, которымъ Самъ Спаситель, по отложеніи тѣла, проповѣдалъ. Перенесись теперь мыслью къ Царству Небесному, котораго ожидаемъ, представь себѣ ту великую вечерю, на которой будутъ возлежать, вмѣстѣ съ Ангелами, души блаженныхъ и будутъ питаться хлѣбомъ Ангельскимъ, когда собственно, и такъ, какъ прилично Богу, исполнится это слово Писанія, *хлѣбъ Ангельскій яде человѣкъ* (Псал. LXXVII, 25). А хлѣбъ этотъ есть слово Божіе, питающее нѣкіимъ чуднымъ образомъ души и Ангеловъ, какъ научаетъ Самъ Господь: *Азъ есмь*, говоритъ, *хлѣбъ сходяй съ небесе* и дающій животъ человѣкамъ (Іоан. VI, 51). *Блажени убо алчущіе и жаждущіе правды: яко насытятся*, когда удостоятся оной вечери царской, вкушая хлѣбъ жизни и пія ту чашу веселія, о которой предъ страданіемъ сказалъ Спаситель: *не имамъ пити отнынѣ отъ сего плода лознаго, до дне того, егда е пію съ вами ново во Царствіи Отца Моего* (Матѳ. XXVI, 29).—Тогда души святыхъ причастятся вина новаго отъ плода оной Лозы истинной, которой Самъ Богъ и Отецъ всяческихъ есть дѣлатель, и отъ которой подастъ плодъ новый достойнымъ (Евсевій).

Если мы не захотимъ явиться достойными онаго званія, то причиною этого будемъ мы, а не Богъ, насъ призывающій и намъ дѣлающій честь. Онъ съ Своей стороны все совершилъ, а мы нашими осквернеными одеждами, т. е. нашими дѣлами безстыдными, нанося безчестіе какъ Ему, такъ и присутствующимъ, и самой вечери, по справедливости изгоняемся.—Но да не дерзнетъ никто изъ призванныхъ поступить подобнымъ образомъ, чтобы не услышать оный гласъ: *яко ни единъ мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ моея вечери*. Для того и написано это прежде событій, чтобы угрозы Писанія не исполнились на насъ самымъ дѣломъ, чтобъ не постигло насъ оное безчестіе и наказаніе, но да послужатъ сіи угрозы къ наставленію и исправленію нашему, и каждый изъ насъ въ одеждѣ свѣтлой приступитъ къ небесной ве-

чери. Да сподобитъ Господь всѣхъ насъ наслаждаться сею вечерію (Тотъ же). (Воскр. Чт., г. XXIV, стр. 373—376.)

Притча о званныхъ на вечерю (Лук. XIV, 16—24).

Человѣкъ нѣкій сотвори вечерю велію и зва многи: и посла раба своего въ годъ вечери рещи званнымъ: грядите, яко уже готова суть вся.

Подъ именемъ человѣка *нѣкоего* здѣсь разумѣется Отецъ нашъ Небесный; подъ образомъ вечери представляется Царство Небесное или блаженная жизнь въ единеніи съ Богомъ; а рабъ, посланный созывать на вечерю, есть ни кто иной, какъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пріявшій *зракъ раба* для искупленія насъ отъ рабства грѣховнаго и смерти.

Царство Небесное уготовано намъ *отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV, 34); но до времени оно заключено было отъ людей. Когда приспѣло время исполненія предвѣчнаго совѣта Божія о спасеніи человѣка, тогда воплотившійся Сынъ Божій возвѣстилъ людямъ о пр͡иближеніи Царства Небеснаго (Матѳ. IV, 17). Сіе-то время и означается въ притчѣ *годомъ*, то есть, порою *вечери*.

Итакъ слова: *грядите, яко уже готова суть вся*, означаютъ то же, что̀: *покайтеся и вѣруйте во Евангеліе яко исполнися время и приближися Царствіе Божіе* (Марк. I, 15). Это—сладчайшая проповѣдь Евангелія, возвѣщающаго намъ о концѣ грѣховнаго рабства нашего, о всецѣломъ обновленіи естества нашего во Христѣ Іисусѣ и о вѣчномъ примиреніи нашемъ съ Богомъ. *Грядите:* то есть, вѣруйте въ Сына Божія, пришедшаго спасти человѣка Кровію Своею; возлюбите всѣмъ сердцемъ вашимъ, послѣдуйте Его ученію и примѣру, соблюдите Его заповѣди и не уклоняйтесь отъ указаннаго и устроеннаго Имъ пути къ Царствію Божію. *Уже готова суть вся.* Для вѣрующихъ въ Сына Божія и соблюдающихъ слово Его все готово у Отца Небеснаго. Готово совершенное прощеніе грѣховъ и благоволеніе Отчее. Готова неизрѣченная слава. Готово вѣчное, нескончаемое, неизглаголанное блаженство.

Казалось бы, какъ не послушать сего сладчайшаго гласа, какъ не воскликнуть на оный званному: *готово* сердце мое, Боже, готово (Псал. CVII, 2)? Однакоже не та́къ отвѣчаютъ на сіе званные: *и начаша вкупѣ отрицатися вси.*

Первый рече: село купихъ, и имамъ нужду изыти и видѣти е: молютися, имѣй мя отреченна. И другій рече: супруговъ воловъ купихъ пять, и гряду искусити ихъ: молю тя, имѣй мя отреченна. И другій рече: жену поихъ, и сего ради не могу пріити. Хотя сіи званные представляютъ, повидимому, различныя отреченія своего отъ вечери; однако главное чувство, побуждающее ихъ къ такому недостойному поступку, одно, именно: пристрастіе къ земнымъ и мнимымъ благамъ міра.

Первый званный отрицается отъ вечери по причинѣ нуждъ житейскихъ. «Я купилъ поле», говоритъ онъ звавшему, «и мнѣ нужно тотчасъ же идти и посмотрѣть, каково оно». Подобнымъ образомъ многіе отрицаются и отъ вѣчной вечери Христовой, отъ Царствія Небеснаго. «Время ли», говоритъ, или помышляетъ иной въ сердцѣ своемъ, «время ли мнѣ заняться надлежащимъ приготовленіемъ къ будущей жизни, когда нужды житейскія обдержатъ меня и заботы о насущномъ хлѣбѣ не позволяютъ иногда и подумать о чемъ либо другомъ»? Не другое ли что̀ кроется въ сердцѣ нашемъ,

когда мы говоримъ, что нужды житейскія уклоняютъ насъ отъ пути къ Царствію Божію?—Немного нужно человѣку для того, чтобъ удовлетворить необходимымъ тѣлеснымъ потребностямъ своимъ. *Имѣюще пищу и одѣяніе сими довольни будемъ,* — заповѣдуетъ святый Апостолъ (1 Тимоѳ. VI, 8). Итакъ, намъ надлежало бы тѣмъ и ограничить всѣ попеченія земныя, чтобъ имѣть насущный хлѣбъ и необходимое одѣяніе. Но такъ ли бываетъ на дѣлѣ? Какъ скоро существенныя потребности наши удовлетворяются, то уменьшаются ли у насъ заботы и попеченія житейскія? Никакъ. Кто пересталъ быть бѣднымъ, тотъ желаетъ быть богатымъ; у кого обезпечено пропитаніе, тотъ ищетъ пріятностей жизни и озабоченъ этимъ столько же, сколько бѣдный снисканіемъ насущнаго хлѣба. При довольствѣ и даже избыткѣ вещей, потребныхъ для тѣлесной жизни, у человѣка раждаются другія желанія, которыя бываютъ также сильны, также неотступны, какъ самыя первыя потребности пищи и питія. А это что̀ показываетъ? То, что не нужды житейскія уклоняютъ насъ отъ пути къ Царствію Божію, а пристрастіе къ земнымъ вещамъ. Отвѣтъ другаго званнаго еще болѣе утверждаетъ сію печальную истину.

И другій рече: супруг волов купихъ пять, и гряду искусити их: молю тя, имѣй мя отреченна. И сей званный уклоняется отъ вечери по той же причинѣ, по какой уклонился отъ нея и первый: онъ также сотворилъ куплю. Но поелику изъ его же словъ видно, что онъ человѣкъ не бѣдный; то что̀ другое, кромѣ любостяжанія, могло побудить его къ отреченію отъ благодѣтельнаго призванія? И такъ здѣсь пагубное чувство сіе обнаруживается яснѣе; но человѣкъ привыкаетъ щадить его и тѣмъ укрѣпляетъ его въ сердцѣ своемъ, а чѣмъ болѣе оно укрѣпляется въ насъ, тѣмъ кажется естественнѣе и правѣе. Сіе яснѣе увидимъ, когда послѣдуемъ далѣе за притчею Всевѣдущаго Учителя нашего.

И другій рече: жену поях, и сего ради не могу пріити. Въ этомъ отвѣтѣ, кромѣ неправды, примѣчается еще дерзость и упорство званнаго. Прежніе хотя отрицались отъ вечери, но по крайней мѣрѣ чувствовали, какъ замѣтно, неправоту своего поступка и старались какъ-бы извиниться въ своей неблагодарности. Каждый изъ нихъ говорилъ: *молю тя, имѣй мя отреченна.* А сей отвѣчаетъ прямо: *не могу пріити,* какъ будто причина его отреченія такъ важна и удовлетворительна, что ему нѣтъ нужды даже ни въ какомъ извиненіи. *Жену поях, и сего ради не могу пріити.* Почему же не можетъ? Потому ли, что не хочетъ предпочесть званную вечерю своей домашней вечери и домашнему удовольствію, или боится огорчить жену свою, или считаетъ неприличнымъ изыти изъ дому въ такихъ обстоятельствахъ? Но то ли, другое ли, или и все вмѣстѣ,—это не что иное, какъ самые ничтожные предлоги къ отреченію отъ великой вечери.— Такъ, однакоже, многіе отрицаются отъ вечери небесной. Сластолюбіе, человѣкоугодіе и рабство предъ обычаями міра не только удаляютъ человѣка отъ пути къ Царствію Небесному, но и внушаютъ ему нечестивую мысль, что онъ поступаетъ право. Сластолюбивый человѣкъ, привыкшій покоряться своей страсти, говоритъ въ оправданіе свое: я не могу идти вопреки естественнымъ побужденіямъ своимъ и спорить съ собственною природою; посему уступаю влеченіямъ плоти и сердца своего. Нужно ли опровергать такія сужденія, которыя ничѣмъ

не разнятся отъ влеченія безсловесныхъ, управляемыхъ природными побужденіями? — Человѣкоугодникъ говоритъ: я желалъ бы идти путемъ христіанскаго благочестія; но мои отношенія къ людямъ часто заставляютъ меня по необходимости уклоняться отъ сего пути; ибо если не буду обращать вниманія на мнѣнія людей и на ихъ требованія отъ меня, то могу поставить себя въ непріязненныя отношенія ко многимъ и тѣмъ погубить свое благосостояніе. Наконецъ, рабъ мірскихъ обычаевъ и суетнаго приличія разсуждаетъ: я долженъ по неволѣ жить такъ, какъ живутъ другіе, чтобы не показаться страннымъ и не сдѣлаться притчею въ народѣ; а такъ какъ обычаи общественной жизни не всегда согласны съ заповѣдями Евангелія и уставами Церкви, то и бываю въ необходимости, слѣдуя первымъ, отступать отъ послѣднихъ.—Но что говоритъ Господь Искупитель нашъ? *Иже аще постыдится Мене и словесъ Моихъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми* (Марк. VIII, 38).

Тогда разгнѣвався домовладыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутія и стогны града, и нищія и бѣдныя и слѣпыя и хромыя введи сюмо. И рече рабъ: господи, бысть якоже повелѣлъ еси, и еще мѣсто есть. И рече господинъ къ рабу: изыди на пути и халуги, и убѣди внити, да наполнится домъ мой. Глаголю бо вамъ, яко ни единъ мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ моея вечери: мнози бо суть звани, мало же избранныхъ.— Вотъ и приговоръ недостойнымъ званнымъ! Отрицаясь отъ вечери, они, можетъ быть, не думали и не хотѣли навсегда лишиться благоволенія Домовладыки и отказаться отъ надежды быть нѣкогда въ числѣ избранныхъ Его; но имъ изрекается: *ни единъ мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ моея вечери!*—И мы, какъ ни живемъ, а все надѣемся, что не будемъ осуждены за наше пристрастіе къ міру на вѣчное отверженіе отъ лица Божія. Мы не хранимъ заповѣдей Евангельскихъ, но не сомнѣваемся относить къ себѣ Евангельскія обѣтованія, уповая ложно на одно свое званіе христіанъ, не оправдываемое дѣлами, и видя, что многіе другіе живутъ одинаково съ нами. У Господа Бога нѣтъ лицепріятія и неправды; кромѣ достойныхъ никто не обрѣтется на Его вечери. Когда отрицаются званные, Онъ призываетъ къ Себѣ другихъ; такъ Онъ призвалъ нѣкогда язычниковъ на мѣсто Іудеевъ. Такъ и нынѣ, отвергая однихъ по суду правды, призываетъ другихъ по милосердію. Домъ Его исполнится; на вечери Его не будетъ мѣстъ праздныхъ; но—сіе можетъ совершиться и безъ насъ, если мы сами не поревнуемъ быть въ дому Божіемъ (Воскр. Чт., г. XVI, стр. 360—364).

Наставленія о самоотверженіи
(Лук. XIV, 25—33).

Неизвѣстно, что фарисей и его гости возражали на эту притчу, которая, конечно, не очень пришлась имъ по вкусу. Обѣдъ кончился. Іисусъ идетъ далѣе Своимъ путемъ. Толпа народа, стоявшая на дворѣ и, можетъ быть, ожидавшая Его, пристала къ Нему. Они какъ-бы хотѣли принять зовъ въ Царствіе Божіе и шествовать къ нему, какъ подобало. Если бы Іисусъ желалъ одного только стеченія къ Себѣ народа, Онъ могъ бы радоваться этой толпѣ. Но Онъ желалъ, напротивъ, имѣть вѣрныхъ и надежныхъ учениковъ. Онъ зналъ, что у народа, слѣдовавшаго за Нимъ, недостаетъ надлежащей рѣшимости. Поэтому Онъ предо-

стерегалъ ихъ отъ поспѣшнаго и необдуманнаго предпріятія и сказалъ имъ: «если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а при томъ и самой жизни своей; тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ. И кто не несетъ креста своего и идетъ за Мною, не можетъ быть Моимъ ученикомъ». Этими словами Онъ требовалъ самоотверженія и отреченія отъ міра, готовности къ перенесенію всякихъ страданій ради Его, рѣшительнаго разрыва со своими желаніями и склонностями, которыя не направлены къ одной святой цѣли. Поэтому, кто хочетъ слѣдовать зову Господа, долженъ напередъ серьезно размыслить самъ съ собой, дѣйствительно ли онъ въ состояніи принести жертву самоотверженія, которая требуется отъ него на служеніе Христу, подобно тому какъ человѣкъ, предпринимающій постройку большого зданія, сосчитываетъ напередъ издержки и свои средства, или какъ предпринимающій рѣшительную войну прежде всего соображается со своими военными силами.

Изъясненіе словъ Іисуса Христа о ненависти къ роднымъ изъ любви къ Богу (Лук. XIV, 26—33).

(*Прот. Ляпидевскаго.*)

Если кто приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и самой жизни своей: тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ (Лук. XIV, 26). Есть христіане, которыхъ смущаютъ сіи слова Спасителя. Какъ можно, спрашиваютъ они, питать ненависть къ родителямъ вопреки и долгу и врожденному чувству, побуждающему любить ихъ? Что̀ за противуестественная ненависть? Зачѣмъ она нужна послѣдователю Христову?

Подлинно, нельзя бы было безъ смущенія слышать сіи слова Спасителя, если бы въ нихъ точно былъ тотъ смыслъ, который вопрошающіе въ нихъ видятъ. Іисусъ Христосъ Самъ неоднократно подтверждалъ важность заповѣди: чти отца твоего и матерь (Матѳ. XIX, 19). Онъ даже упрекалъ фарисеевъ за то, что они, за внесеніе извѣстной суммы на потребности храма, увольняли дѣтей отъ ея исполненія и тѣмъ разрушали ее (Матѳ. V, 3—7). Онъ заповѣдывалъ любить враговъ: зачѣмъ же требуетъ ненавидѣть родителей? Уже потому, что не можетъ противорѣчить Себѣ Христосъ, вѣрный и истинный во всѣхъ словесѣхъ Своихъ, должно думать, что подающія поводъ къ недоумѣніямъ слова Спасителя имѣютъ совсѣмъ не тотъ безусловный смыслъ, который недоумѣвающіе видятъ въ нихъ. Въ какомъ же именно смыслѣ должно понимать сіи слова?

Прежде всего надобно обратить вниманіе, когда и кому слова сіи были сказаны. Іисуса Христа, когда Онъ училъ, нерѣдко окружали тысячи народа. Но въ этомъ многолюдствѣ Сердцевѣдецъ видѣлъ множество такихъ, которыхъ привлекали къ Нему слава чудесъ Его и надежда земнаго счастія,— вовсе не думавшихъ, что послѣдованіе новому ученію можетъ быть сопряжено съ потерями и жертвами. Чтобы вывести ихъ изъ заблужденія и тотчасъ отдѣлить истинныхъ послѣдователей отъ ложныхъ, Іисусъ Христосъ прямо открываетъ имъ будущность, ихъ ожидающую. *Думаете ли,* говоритъ Онъ, *что Я пришелъ дать миръ землѣ? нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться: трое противъ двухъ и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца, мать противъ дочери и дочь*

противъ матери: свекровь противъ невѣстки и невѣстка противъ свекрови своей (Лук. XII, 51—53).

Такъ и въ настоящемъ случаѣ Евангеліе повѣствуетъ, что, когда шло за Іисусомъ Христомъ множество народа, Онъ обратился къ нему и сказалъ: *если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и самой жизни своей: тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ*. Для чего это нужно?—Нужду эту Спаситель Самъ сейчасъ же и объясняетъ притчами. *Кто изъ васъ, желая построить башню, не сядетъ прежде и не вычислитъ издержекъ, имѣетъ ли онъ, что нужно для совершенія ея, дабы, когда положитъ основаніе и не возможетъ совершить, всѣ видящіе не стали смѣяться надъ нимъ, говоря: этотъ человѣкъ началъ строить и не могъ кончить! Или какой царь, идя на войну противъ другаго царя, не сядетъ, и не посовѣтуется прежде, силенъ ли онъ съ десятью тысячами противустать идущему на него съ двадцатью тысячами? Иначе, пока тотъ еще далеко, онъ пошлетъ къ нему посольство просить о мирѣ* (Лук. XIV, 28—32). Итакъ что жъ всѣмъ этимъ внушаетъ Спаситель? То, чтобы послѣдованіе Ему не считали дѣломъ легкимъ,—что потребуются жертвы очень важныя,—что надобно будетъ разорвать связи самыя близкія,—надобно будетъ приготовиться къ борьбѣ на жизнь и смерть,—что враги будутъ не извнѣ, возстанутъ чада на родителей, родители на чада;—враги человѣку домашніе его,—надобно быть ко всему готову, на все рѣшиться. Иначе лучше совсѣмъ не начинать дѣла. Слѣдовательно, какихъ же требуетъ ненавидѣть родителей? Всѣхъ ли вообще и непремѣнно? Конечно нѣтъ; зачѣмъ ненавидѣть родителей христіанскихъ? Они идутъ однимъ съ нами путемъ и не только не останавливаютъ, но еще руководятъ въ слѣдованіи за Іисусомъ Христомъ. Очевидно, разумѣются тѣ родители, которые препятствуютъ ученію Евангельскому, становятся между нами и Іисусомъ Христомъ и въ то время, какъ Онъ отверзаетъ намъ двери рая, влекутъ въ адъ къ діаволу. Повелѣваетъ, говоритъ святый Златоустъ, не просто возненавидѣть; ибо это совершенно противузаконно; но если кто изъ нихъ скажетъ, чтобы ты любилъ его болѣе, нежели Меня, то въ семъ случаѣ возненавидь его.

Но говорятъ еще: зачѣмъ же ненавидѣть и въ такомъ случаѣ? Не лучше ли молиться за родителей, даже нечестивыхъ? Зачѣмъ эта ненависть, столь противная для добраго сердца? Спаситель Самъ объяснилъ, какъ понимать слово: ненависть—сказавъ послѣ приведенной притчи о строющейся башнѣ и царѣ, готовящемся къ войнѣ: *такъ всякій изъ васъ, кто не отрѣшится отъ всего, что имѣетъ, не можетъ быть Моимъ ученикомъ* (Лук. XIV, 33). Слѣдовательно слово *ненавидѣть* имѣетъ тотъ же смыслъ, что и слово *отрѣшиться*, т. е. не быть привязаннымъ,—оставить. Этого уже и довольно для благонамѣренной любознательности, тѣмъ болѣе, что и другіе Евангелисты въ такихъ же выраженіяхъ передаютъ подобное мѣсто. Но если кто и за всѣмъ тѣмъ продолжаетъ спрашивать, зачѣмъ Іисусъ Христосъ употребилъ именно это слово: *ненавидѣть*, почему съ перваго раза не сказалъ: *оставитъ* родителей, или *отрѣшиться* отъ родителей тому скажемъ, что Спаситель иногда, требовалъ еще болѣе важнаго, требовалъ погибели, да еще чего? погибели души. Вотъ это мѣсто: *иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю* (Марк. VIII, 36, слич. XII, 2).

Что̀ жъ? назовете ли Іисуса Христа губителемъ душъ? Нѣтъ, Онъ все остается Спасителемъ и въ этомъ случаѣ столько же, какъ и всегда. Не видите ли, что въ сихъ же словахъ, почти рядомъ со словомъ погибель, стоитъ слово *спасеніе*,—что погубить требуется для того, чтобы вѣрнѣе спасти,—что погубить душу значитъ только уничтожить въ ней всѣ привязанности, всѣ дурныя страсти, которыя препятствуютъ ей приблизиться къ Богу, источнику жизни и спасенія. То же надобно сказать и объ ненависти къ родителямъ. Напрасно боятся этой ненависти; она еще не злоба. Ненависть христіанина не обнаруживается въ тѣхъ разрушительныхъ явленіяхъ, которыя сопровождаютъ ненависть, внушаемую духомъ міра; она разрушаетъ только злое, но спасаетъ доброе. Если, по несчастью, христіанинъ долженъ будетъ возненавидѣть родителей, это значитъ, что онъ будетъ въ нихъ ненавидѣть только враговъ Христовыхъ, и притомъ до тѣхъ поръ, пока они остаются ими. Онъ будетъ противиться ихъ незаконнымъ повелѣніямъ, — можетъ быть и обличитъ ихъ, можетъ быть и удалится и скроется отъ нихъ изъ любви къ Іисусу Христу, Котораго они не любятъ; но въ то же время не опуститъ возможныхъ и приличныхъ способовъ обратить ихъ на путь истинный и не усумнится молиться о спасеніи душъ ихъ о вразумленіи и просвѣщеніи ихъ свыше, особенно когда ихъ вражда къ Іисусу Христу есть слѣдствіе какихъ-нибудь заблужденій и предразсудковъ, вражда безсознательная, нелѣпая, и, ужъ повѣрьте, гдѣ дѣло дойдетъ до лишеній, до страданій, до потерь, всѣ они останутся на сторонѣ ненавидящаго, а не того, котораго христіанинъ будетъ ненавидѣть. Страдать будетъ онъ,—это любимая доля христіанина въ сей жизни; и первое страданіе, которое онъ испытаетъ, состоитъ въ томъ, чтобы отказаться отъ любви къ родителямъ вопреки побужденіямъ своего сердца. Всего лучше можно видѣть ненависть христіанина въ жизни святыхъ и особенно мучениковъ. Они ненавидѣли міръ, но за него молились, его просвѣщали. Они сражались съ гонителями христіанства, сражались до крови,—посрамляли и побѣждали ихъ, и въ то же время оставались кроткими какъ агнцы. Такъ чувства христіанина отличаются отъ чувствъ міра, хотя и носятъ одно названіе: онъ и радуется съ трепетомъ, и въ плачѣ находитъ утѣшеніе; и смиреніемъ возносится, и въ ненависти любитъ (Душеп. Чтеніе 1862 г., ч. I, стр. 33—39).

О совмѣстности ненависти къ роднымъ съ любовію къ нимъ въ благоразуміи христіанскомъ (Лук. XIV, 25—33).

(Григорія Двоеслова.)

Можетъ быть противорѣчащимъ то, какимъ образомъ заповѣдуется ненависть къ родителямъ и близкимъ родственникамъ намъ, которымъ дана заповѣдь любить даже враговъ? И дѣйствительно, Истина о женѣ говоритъ: *еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Матѳ. XIX, 6). И Павелъ говоритъ: *мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби Церковь* (Ефес. V, 25). Вотъ ученикъ повелѣваетъ любить жену, тогда какъ Учитель говоритъ: *кто не возненавидитъ жену, не можетъ Мой быти ученикъ*. Неужели одно возвѣщаетъ Судія, а о другомъ вѣщаетъ Проповѣдникъ? Или мы можемъ вмѣстѣ и ненавидѣть, и любить? Но если мы вникнемъ въ силу заповѣди, то можемъ дѣлать то и другое чрезъ раздѣленіе, такъ что будемъ любить тѣхъ, которые близки къ намъ, и ненавидя и бѣгая, не будемъ знать

тѣхъ, которые враждебны намъ на пути Божіемъ. Ибо какъ-бы чрезъ ненависть любятъ того, кого не слушаютъ мудрствующаго по плоти, когда онъ внушаетъ намъ нечестіе. Но чтобы показать, что Господь производитъ эту ненависть къ ближнимъ не отъ расположенія душевнаго, а отъ любви, Онъ тотчасъ присовокупилъ, говоря: *еще же и душу свою*. Итакъ намъ заповѣдуется ненависть къ ближнимъ и къ душѣ своей. Слѣдовательно, тотъ любя долженъ ненавидѣть ближняго, кто ненавидитъ его такъ, какъ самого себя. Ибо мы ненавидимъ душу свою тогда, когда не послѣдуемъ ея пожеланіямъ, когда боремся съ ея услажденіями. Итакъ она какъ-бы чрезъ ненависть бываетъ любима, когда, будучи презрѣна, направляется къ лучшему. Именно такъ должны мы выражать свою ненависть къ ближнимъ, чтобъ и любить въ нихъ то, чѣмъ они суть, и ненавидѣть то, чѣмъ они препятствуютъ намъ на пути Божіемъ.

Извѣстно, что когда Павелъ шелъ въ Іерусалимъ, тогда пророкъ Агавъ взялъ его поясъ и связалъ имъ себѣ руки и ноги, говоря: *мужа, егоже есть поясъ сей, тако свяжутъ его во Іерусалимѣ* (Дѣян. XXI, 11). Что же говорилъ тотъ, кто совершенно ненавидѣлъ душу свою? *Азъ не точію связанъ быти хощу, но умрети во Іерусалимѣ готовъ есмь за имя Господа Іисуса* (13); *ниже имамъ душу свою честну себѣ* (Дѣян. XX, 24). Вотъ какъ (Апостолъ) любя ненавидѣлъ и ненавидя любилъ свою душу, которую желалъ предать смерти за Іисуса, чтобы воскресить ее къ жизни отъ смерти грѣха. Итакъ это понятіе о ненависти къ себѣ самимъ перенесемъ на ненависть къ ближнему. Надобно любить каждаго въ этомъ мірѣ, не исключая и врага; но на пути Божіемъ не надобно любить врага, хотя бы онъ былъ и родственникъ. Ибо, кто сильно желаетъ вѣчнаго, тотъ долженъ быть на томъ пути Божіемъ, на который вступаетъ, безъ отца, безъ матери, безъ жены, безъ дѣтей, безъ родныхъ, безъ себя самого, чтобы тѣмъ вѣрнѣе знать Бога, чѣмъ менѣе помнитъ о комъ либо въ дѣлѣ благоугожденія Ему. Ибо много значитъ, когда плотскія страсти разсѣеваютъ вниманіе ума и затмѣваютъ его проницательность; но мы не терпимъ отъ нихъ вреда, если держимъ ихъ въ стѣснительномъ положеніи. Итакъ надобно любить ближнихъ; любовь должна быть простираема на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ: однакоже ради этой любви не должно уклоняться отъ любви къ Богу.

Но какъ должно выражать эту самую ненависть души, Истина объясняетъ далѣе, говоря: *иже не носитъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, не можетъ Мой быти ученикъ*. Потому что крестъ называется отъ *крестованія*. И мы носимъ крестъ Господень двумя способами: или умерщвляя плоть воздержаніемъ, или считая крайность ближняго своею собственною, по сочувствію. Ибо тотъ, кто выражаетъ скорбь о чуждой крайности, тотъ носитъ крестъ въ душѣ. Но надобно знать, что есть люди, которые употребляютъ воздержаніе плоти не ради Бога, а ради тщеславія. И есть много такихъ, которые выражаютъ сочувствіе къ ближнему не по духу, а по плоти, для того, чтобы содѣйствовать ему не въ добродѣтели, но какъ-бы въ виновности. Итакъ эти люди, хотя и кажутся несущими крестъ, однакоже не слѣдуютъ за Господомъ. Поэтому та же самая Истина справедливо говоритъ: *иже не носитъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, не можетъ Мой быти ученикъ*. Ибо нести крестъ и идти вслѣдъ

за Господомъ значитъ или умерщвлять плоть воздержаніемъ, или проявлять сочувствіе къ ближнему, по желанію вѣчной цѣли. Но кто показываетъ это ради временной цѣли, тотъ хотя и носитъ крестъ, но отказывается идти вслѣдъ за Господомъ.

Но поелику даны высокія заповѣди, то тотчасъ присовокупляется сравненіе отъ устрояемой высоты, когда говорится: *кто бо отъ васъ, хотяй столбъ создати, не прежде ли сѣдъ разчетъ имѣніе, аще имать, еже есть на совершеніе: да не, когда положитъ основаніе и не возможетъ совершити, вси видящіи начнутъ ругатися ему, глаголюще, яко сей человѣкъ начатъ здати, и не можетъ совершити.* Мы должны напередъ обдумывать все, что̀ дѣлаемъ. Ибо вотъ, по слову Истины, тотъ, кто строитъ башню, напередъ готовитъ сумму на построеніе. Итакъ, если мы желаемъ построить столпъ смиренія, то должны напередъ приготовить себя къ непріятностямъ вѣка сего. Но между земнымъ и небеснымъ строеніемъ различіе состоитъ въ томъ, что земное строеніе устрояется собираніемъ издержекъ, а небесное строеніе—раздаяніемъ имущества.

Но поелику сравненіе сдѣлано отъ постройки зданія, то теперь присовокупляется подобіе отъ меньшаго къ большему, чтобы можно было отъ меньшихъ вещей заключать къ бо́льшимъ. Ибо далѣе слѣдуетъ: *или кій царь идый ко иному царю снитися съ нимъ на брань, не сѣдъ ли прежде совѣщаваетъ, аще силенъ естъ срѣсти съ десятію тысящъ грядущаго со двѣмадесять тысящами нань: аще ли же ни, еще далече ему сущу, моленіеославъ, молится о смиреніи.* Царь противъ царя, равный противъ равнаго, идетъ на войну и однакожъ, если сознается, что онъ не можетъ противостоять, то отправляетъ посольство и проситъ мира. Итакъ какими слезами должны испрашивать себѣ пощады мы, которые на ономъ страшномъ испытаніи явимся на судъ съ Царемъ своимъ, неравные съ равнымъ, но которыхъ и состояніе, и слабость, и все, отъ чего зависимъ, являютъ низшими?

Но быть можетъ, мы виновность въ зломъ дѣланіи очистили и все внѣшнее нечестіе устранили отъ себя; но ужели этого намъ достаточно для того, чтобы дать отчетъ въ нашемъ помышленіи? Ибо съ двадцатью тысячами называется идущимъ тотъ, противъ котораго недостаточенъ идущій съ десятью тысячами. Потому что десять тысячъ къ двадцати относятся та́къ же, ка́къ единица къ двумъ. А мы, если и много успѣваемъ, то едва сохраняемъ въ порядкѣ только внѣшнія дѣла наши. Ибо хотя похоть плоти и умерщвлена уже, но изъ сердца еще съ корнемъ не вырвана. А Тотъ, Кто грядетъ на судъ, судитъ вмѣстѣ, какъ внѣшнее, такъ равно и внутреннее, разбираетъ дѣла, равно какъ и помышленія. Итакъ, грядетъ съ двумя противъ одного Тотъ, Кто будетъ вмѣстѣ за дѣла и помышленія судить насъ, едва приготовленныхъ одними дѣлами. Итакъ, братіе, что̀ надобно дѣлать намъ, если не то, что, видя невозможность устоять съ одинаковымъ войскомъ противъ Его двойного, послать къ Нему, еще далеко находящемуся, посольство и просить о дарованіи мира? Ибо далеко находящимся называется Тотъ, Кто еще не является присутствующимъ на судѣ. Пошлемъ къ Нему посольство—слезы наши, дѣла милосердія, возложимъ на олтарь Его жертвы умилостивленія, сознаемся, что мы не можемъ на судѣ стязаться съ Нимъ, помыслимъ о могуществѣ Его и будемъ умолять о дарованіи намъ мира. Вотъ въ чемъ со-

стоитъ наше посольство, которое умилостивляетъ грядущаго Царя. Подумайте, братіе, какъ благоснисходительно то, что Могущій стѣснить насъ Своимъ пришествіемъ медлитъ этимъ пришествіемъ. Пошлемъ къ Нему, какъ сказали мы, посольство со слезами, дарами и священными жертвами. Ибо единожды принесенная ради нашего очищенія жертва святаго алтаря со слезами и умиленіемъ души умоляетъ за насъ; потому что Тотъ, Кто Самъ Собою воскресши отъ мертвыхъ уже не умираетъ, чрезъ нее доселѣ еще страдаетъ за насъ въ Своемъ Таинствѣ. Ибо сколько разъ мы приносимъ Ему жертву страданія Его, столько разъ возобновляемъ страданіе Его для себя, ради очищенія нашего. (Бесѣды на Евангелія въ перев. Климента архим. Кн. 2. Бес. XXXVII, стр. 249—258.)

Вопросъ и отвѣтъ Василія Великаго къ ст. 33.

Чему научить хочетъ насъ Господь примѣрами, послѣ которыхъ присовокупляетъ: *тако убо всякъ отъ васъ, иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ?* (Лук. XIV, 33.) Ибо если хотяй *столпъ создати, или снитися со инымъ царемъ*, долженъ приготовиться или къ созиданію, или къ войнѣ, и когда онъ не въ состояніи, можно ему или въ самомъ началѣ не класть и основанія, или просить о мирѣ, то и возжелавшій стать ученикомъ Господнимъ не долженъ ли отречься, а когда примѣчаетъ, что ему трудно на это рѣшиться, позволительно ли ему съ самаго начала не дѣлаться ученикомъ Господнимъ?

Цѣль у Господа въ этихъ примѣрахъ не та, чтобы отдать на волю, стать или не стать ученикомъ Господнимъ, но та, чтобы показать невозможность благоугодить Богу среди душевныхъ развлеченій, при которыхъ душа подвергается опасности быть уловленною кознями діавольскими и оказывается достойною поруганія и смѣха за недовершеніе того, чего, повидимому, домогалась. Пророкъ, молясь, чтобы не потерпѣть сего, сказалъ: *да не когда порадуютмися врази мои: и внегда подвижатися ногамъ моимъ, на мя велерѣчеваша* (Псал. XXXVII, 17). (Тв. св. оо., т. IX. Тв. Василія Великаго, ч. V, стр. 343).

Мысли епископа Θеофана на ст. 34.

Добро естъ соль: аще же соль обуяетъ, чимъ осолится? Соль—ученики Господа, которые, преподавая Его наставленія людямъ, истребляли нравственную въ нихъ гнилость. Если такое преподаваніе назовемъ просвѣщеніемъ, то и титло соли должно тоже перейти на это послѣднее. Затѣмъ все изрѣченіе будетъ въ такомъ видѣ: добро есть просвѣщеніе, но если просвѣщеніе обуяетъ, то къ чему оно гоже? Брось его!... Просвѣщеніе дѣйствуетъ, какъ соль, когда оно исполнено началъ и элементовъ ученія Господня, когда само состоитъ въ ученичествѣ у Господа; а коль скоро оно отступаетъ отъ этого направленія, и вмѣсто уроковъ Господнихъ, усвояетъ себѣ чуждыя ученія, тогда оно обуеваетъ само и становится непотребнымъ, само заражается гнилостью заблужденія и лжи и начинаетъ дѣйствовать уже не цѣлительно, а заразительно. Исторія подтвердила и подтверждаетъ это повсюдными опытами. Отчего же никто не внимаетъ опыту? Врагъ на всѣхъ наводитъ мракъ, и всѣмъ думается, что то и свѣтло, когда въ ученіяхъ держатся подальше отъ ученія Господня (Мысли на каждый день года, стр. 417).

Библіографическій указатель къ XIV гл. Ев. Луки.

1) *Св. Григорія Двоеслова.* О призываніи на вечерю и объ отказывающихся отъ нея подъ разными предлогами. Кн. II. 222—247.

2) Евангельская вечеря. Воскр. Чт., г. III. 331—334.

3) Евангеліе въ нед. 28. Руковод. для с. п. 1867 г. III. 659—663.

4) Притча о гостяхъ, званыхъ на вечерю. Христ. Чт. 1836 г. III. 304—315.

5) Брачная вечеря. Прав. Собес. 1860 г. II. 291.

6) *Еп. Хрисанва.* Евангельская притча о званыхъ на вечерю. Стран. 1877 г. I. 220—225.

7) *Евсевія, еп. Могилевскаго.* Бес. въ нед. 28 по Пятидесятницѣ. Бес. на воскресн. и праздн. Ев., ч. II. 118.

8) *А. В.* Евангельское чтеніе въ 28 нед. В. Ч. XXV. 931.

9) Ст. 10. Воскр. Чт., г. X, 429—430.

10) Ст. 14. *Арсенія, м. Кіевскаго.* О томъ, что̀ препятствуетъ людямъ вступить въ число избранныхъ Божіихъ. Слова, т. II. 1—9.

11) Ст. 16. Воскр. Чт., г. I. 239.

12) Ст. 18. *Филарета Черниговскаго.* Каковы отговорки нашего времени отъ званія Божія. Бес. 11. 137.

13) Ст. 18. *Филарета, м. Московскаго.* О плодахъ вѣры и невѣрія. Слова. I. 289—293.

14) Ст. 18. Поучительные уроки изъ притчи о званыхъ на вечерю. Воскр. Чт., г. XX, 339—342.

15) Ст. 18. *И начаша вкупѣ отрицатися вси.* Христ. Чт. 1883 г. IV. 193—208.

16) *Молютися, имѣй мя отреченна* (18). Духовн. Бес. 1870 г. I, № 1, 12—16.

17) Ст. 24. *Много званыхъ, но мало избранныхъ.* Духовн. Бес. 1870. II, № 49.

18) Мысли *еп. Θеофана* на тотъ же ст. 445.

19) Ст. 26. Душеп. Чт. 1862 г. I, 33 — 39.

20) Ст. 27. Что̀ значитъ нести крестъ свой. Воскр. Чт. 1887 г. 577—585.

Значеніе притчи о заблудшей овцѣ (Лук. XV, 4—7).

(Прот. Нечаева.)

Въ этой притчѣ Господь Іисусъ выразилъ ту мысль, что грѣшникъ кающійся дороже Ему гордыхъ праведниковъ, и что Онъ пришелъ привести не этихъ праведниковъ, а грѣшниковъ къ покаянію. Для нагляднаго выраженія этой мысли, Господь въ сказанной притчѣ представляетъ Себя подъ образомъ пастыря, который, потерявъ изъ сотни своихъ овецъ одну, ушедшую изъ стада, бросаетъ въ пустынѣ 99, ищетъ ее и, если найдетъ (Матѳ. XVIII, 13), беретъ ее съ радостью на плеча и, пришедши домой, къ участію своей радости о найденной овцѣ приглашаетъ друзей и сосѣдей. «*Глаголю вамъ,* заключаетъ притчу Спаситель, *яко тако радость будетъ на небеси о единѣмъ грѣшницѣ кающемся, нежели о девяти десятихъ и девяти праведникахъ, иже не требуютъ покаянія*», т. е. о мнимыхъ праведникахъ, самодовольно почитающихъ себя не нуждающимися въ покаяніи (Лук. XV, 7).— Всѣ черты притчи глубоко трогательны. Овца заблудшая и обрѣтенная—образъ грѣшника, взысканнаго благодатію и спасеннаго. И какой выразительный образъ! Овца, убѣжавшая изъ стада, скрывшаяся отъ надзора пастуха, есть самое жалкое животное. Она подвергается опасности попасть туда, гдѣ нѣтъ ни корма, ни воды, затеряться въ непроходимой лѣсной чащѣ, или въ трущобѣ, и сдѣлаться добычею хищнаго звѣря. Подобно сему и душа, удалившаяся отъ Господа, источника истины и благодати, есть несчастное существо: она обрекаетъ себя на жертву всякаго рода заблужденіямъ, подвергается владычеству страстей, терзающихъ своихъ рабовъ пуще лютаго звѣря, дѣлается легкою добычею духовнаго льва—діавола, всюду ищу-

щаго, кого бы поглотить.—Но чѣмъ жалче положеніе души, удалившейся отъ Господа и блуждающей по распутіямъ грѣха, тѣмъ трогательнѣе попеченіе о ней Господа. Подобно пастуху, который, замѣтивъ пропажу одной овцы, оставляетъ свое стадо и идетъ искать заблудшую, милосердый Пастырь душъ тщится спасти отъ погибели падшую душу. Онъ преклонилъ небеса, гдѣ служатъ Ему тьмы вѣрныхъ Ему овецъ,—святыхъ Ангеловъ,—сошелъ на землю для того, чтобы обрѣсть заблудшую овцу—родъ человѣческій. Сего мало,—Онъ и по совершеніи дѣла искупленія крестною смертію, воскресеніемъ и вознесеніемъ на небо, продолжаетъ съ высоты святыя Своея призирать на каждаго грѣшника, удалившагося отъ указанныхъ ему путей спасенія.—Какія же Онъ употребляетъ средства, чтобы спасти грѣшную душу, блуждающую на путяхъ погибели? Онъ зоветъ ее къ Себѣ то крѣпкимъ, то иногда грознымъ голосомъ. Онъ старается внушить ей, какъ опасно ея положеніе, чрезъ совѣсть, чрезъ писанное слово Свое, чрезъ пастырей Церкви, чрезъ бесѣды людей, опытныхъ въ духовной жизни, чрезъ обстоятельства жизни,—благопріятныя, располагающія къ благодарности Богу, или неблагопріятныя, располагающія къ смиренію и покаянію.—Какъ поступаетъ небесный Пастырь съ душею, откликнувшеюся на Его зовъ? Въ притчѣ о заблудшей овцѣ сказано, что пастырь, если найдетъ ее, беретъ ее, на свои плечи съ радостью. Овца отъ долгаго блужданія утомилась и не въ состояніи слѣдовать за пастухомъ,—и вотъ онъ самъ несетъ ее домой. Подобно сему поступаетъ Господь, когда обрѣтаетъ заблудшую душу. Она обнаружила уже готовность идти за Пастыремъ, ей нужно теперь начать подвиги покаянія. Но на первыхъ порахъ для ней трудны эти подвиги, не легко вдругъ разстаться съ прежнею жизнью въ удаленіи отъ Бога и отъ духовнаго стада. И вотъ милосердый Пастырь облегчаетъ ей этотъ трудъ Своею укрѣпляющею благодатію. Призывая къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ грѣховною ношею, Онъ обѣщаетъ упокоить ихъ. И Его обѣщаніе не ложно. Стоитъ только грѣшнику остановиться на пути грѣха и погибели и сдѣлать первый шагъ назадъ,—и ему готова помощь въ дальнѣйшемъ движеніи. Онъ уже не одинъ пойдетъ по новому пути, а съ Христомъ—Пастыремъ; будетъ претыкаться и падать,—Христосъ будетъ брать его на Свои рамена, ободрять и утѣшать его, посылать въ его сердце умиленіе и радость въ молитвѣ, благословлять побѣдою надъ искушеніями, дѣлать нечувствительными для него даже внѣшнія страданія.—Въ притчѣ о заблудшей овцѣ сказано, что пастырь, нашедши ее, не только самъ радуется о ней, и при томъ болѣе, чѣмъ о девяносто девяти не заблудившихся, но приглашаетъ еще друзей и сосѣдей раздѣлить съ нимъ радость. Но если такъ радуются на землѣ по случаю отысканія безсловесной твари, то не наипаче ли радуются по случаю обрѣтенія и спасенія заблудшаго разумнаго существа? Радуется о немъ Пастырь душъ, а съ Нимъ не могутъ не радоваться Его друзья и сосѣди,—небожители, присно близъ Него живущіе на небесахъ. Любящимъ свойственно принимать къ сердцу все, что̀ радуетъ и огорчаетъ любимаго. Кто же больше небожителей любитъ Господа? Могутъ ли они не радоваться по самой любви къ заблудшему и потомъ обрѣтенному любовью Господа грѣшнику? Только злымъ, какъ современные Христу, враждовавшіе противъ Него, книжники и фарисеи, свойственно относиться безучастно къ

судьбѣ ближняго, добрымъ же и святымъ свойственно радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими. Но почему же на небесахъ радуются больше объ одномъ покаявшемся грѣшникѣ, чѣмъ о девяносто девяти праведникахъ? Не справедливѣе ли за нихъ больше радоваться? Но какіе эти праведники разумѣются въ притчѣ? Это, по словамъ притчи, не имѣющіе нужды въ покаяніи. Истинные ли они праведники? Нѣтъ,—истинные праведники, пока живутъ на землѣ, всегда имѣютъ и чувствуютъ нужду въ покаяніи. Нѣтъ ни одного праведника, который бы сознавалъ себя чуждымъ грѣха. Безгрѣшныхъ на землѣ нѣтъ. Стало быть, девяносто девять праведниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ притчѣ, суть мнимые, фальшивые праведники, гордые сознаніемъ, будто въ нравственномъ отношеніи они несравненно лучше прочихъ, будто своими дѣлами они вполнѣ заслужили благоволеніе Божіе. Имъ ли чувствовать нужду въ покаяніи? О такихъ праведникахъ не радоваться, а скорбѣть остается. Они далеки отъ спасенія, потому что далеки отъ покаянія. Скорѣе раскается величайшій грѣшникъ, самою крайностью своихъ грѣховныхъ безобразій приводимый къ сознанію своей виновности, чѣмъ они (Душеп. Чт. 1881 г., стр. 497—503).

Значеніе притчи о драхмѣ (Лук. XV, 8—10).

Драхма—это небольшая серебряная монета въ 15 копѣекъ, съ царскимъ на ней изображеніемъ. У одной женщины было 10 драхмъ. Одну изъ нихъ она затеряла. Сумма небольшая, но женщинѣ жалко лишиться ея. И вотъ она зажигаетъ свѣчу, мететъ комнату и тщательно ищетъ въ сору затерянную мелкую монету, пока не найдетъ ее. Ей удается отыскать; она радуется и созываетъ подругъ и сосѣдокъ, чтобы съ ними подѣлиться своею радостью. Такъ, говорю вамъ,—заключаетъ притчу Господь,—бываетъ радость у Ангеловъ Божіихъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся.—Цѣль притчи одинакова съ цѣлью притчи о заблудшей овцѣ. Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ дорого предъ Богомъ и Ангелами обращеніе грѣшника, и почему Господь такъ заботится о грѣшникахъ. Подъ образомъ женщины, потерявшей и нашедшей драхму, представляется Самъ Господь Іисусъ, съ материнскою заботливостью взыскующій погибающую душу. Подъ драхмою, украшенною изображеніемъ царя, разумѣется душа, украшенная образомъ и подобіемъ Божіимъ и черезъ то по самой природѣ возвышенная предъ всѣми земными тварями. Какъ носитель образа Бога Вседержителя, человѣкъ поставленъ царемъ и владыкою надъ ними: ему отдана во власть вся земля, со всѣми земными тварями. Но человѣкъ не сохранилъ своего достоинства. Самоугодіе и страсти помрачили въ немъ черты образа Божія, и тотъ, кто по силѣ напечатлѣннаго въ немъ образа Божія умаленъ не многимъ чѣмъ предъ Ангелами, уподобился скотамъ несмысленнымъ. Скотъ знаетъ одни физическія потребности,—онъ не имѣетъ разума, чтобы разумѣть Творца,—не имѣетъ духовнаго чувства, чтобы умиляться при видѣ дѣлъ Божіихъ, возвѣщающихъ совершенства Его, напечатлѣнныя въ твореніи,—не имѣетъ совѣсти, чтобы отличать добро отъ зла, и потому, если убьетъ человѣка, не пойметъ, что это злодѣяніе. До подобнаго состоянія доходили или по крайней мѣрѣ близки были къ нему люди, жившіе плотскою жизнью, такъ что было въ исторіи человѣчества время, когда Самъ Господь назвалъ ихъ плотію по отсут-

ствію въ нихъ признаковъ духовной жизни (Быт. VI, 3). Самая религія у большей части языческихъ народовъ носила плотской характеръ, требуя отъ людей однихъ тѣлесныхъ дѣйствій благочестія. Человѣкъ погибалъ, но Господь сжалился надъ Своимъ созданіемъ, ниспадшимъ съ высоты Богоподобія до скотоподобія, все же однако не утратившимъ человѣческой природы. Образъ Божій затмился въ душѣ человѣка, какъ затмѣвается изображеніе на запачканной и потертой монетѣ, но еще не уничтожился. И вотъ, Самъ Единородный Сынъ Бога Отца, сый Сіяніе славы Его и точный образъ существа Его, для обновленія образа Божія въ человѣкѣ снисходитъ съ неба на землю, и взыскуетъ погибающее созданіе съ такою же заботливостію, съ какою женщина отыскиваетъ потерянную драхму. Для обрѣтенія духовной драхмы Онъ не жалѣетъ никакихъ усилій и жертвъ,—даже Кровь Свою проливаетъ за нее на крестѣ. Но прежде чѣмъ принести эту безконечной цѣны жертву, Онъ подобно женщинѣ, ищущей со свѣчею драхму, вноситъ свѣтъ Своего ученія въ ту духовную тьму заблужденій и пороковъ, въ которой погружена была душа. Она отпала отъ истины, составляющей необходимую черту образа Божія, состоящаго въ праведности и святости истины (Ефес. IV, 24). И вотъ Господь, возстановляя въ человѣкѣ первоначальный образъ, озаряетъ его свѣтомъ истины. Онъ проповѣдуетъ ее во все время общественнаго Своего служенія, но еще до вступленія Его въ это служеніе Ему предшествуетъ съ проповѣдью покаянія и свѣтомъ ея приготовляетъ къ принятію Его людей, ходившихъ во мракѣ лжи и пороковъ, святый Іоаннъ Предтеча: онъ былъ поистинѣ свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ среди этого мрака (Іоан. V, 35) и яркостью своего свѣта разрѣжалъ этотъ мракъ и указывалъ имъ путь къ выходу изъ него. Крестная смерть Спасителя, сходившаго даже, когда тѣло Его лежало во гробѣ, со Своею душею во адъ для обрѣтенія погруженной во глубинѣ Его драхмы, увѣнчала дѣло спасенія человѣка: ради этой искупительной смерти дарованы человѣку всѣ благодатныя силы и средства для обновленія его по образу Создавшаго его и для избавленія отъ вѣчной погибели.

Значеніе притчи о блудномъ сынѣ.

По какому случаю и съ какимъ намѣреніемъ произнесъ Господь притчу сію? *Бяху,* повѣствуетъ Евангелистъ Лука, *приближающеся къ Нему вси мытаріе и грѣшницы послушати Его: и роптаху фарисее и книжницы,* для которыхъ было странно и казалось даже преступленіемъ, *яко Сей грѣшники пріемлетъ и съ ними ястъ* (Лук. XV, 1—2).

Къ симъ-то гордымъ законникамъ и мнимымъ праведникамъ Господь произнесъ, во-первыхъ, притчу объ овцѣ погибшей и потомъ обрѣтенной пастыремъ, во-вторыхъ—притчу о потерянной и также найденной драхмѣ, а наконецъ и притчу о блудномъ сынѣ. Кто не видитъ, что всѣ притчи сіи имѣютъ одну главную цѣль—показать, какъ драгоцѣнно предъ очами небесной любви спасеніе грѣшниковъ? Господь какъ-бы защищаетъ мытарей и грѣшниковъ кающихся отъ холоднаго презрѣнія фарисейскаго; Онъ показываетъ, что всѣ они—кающіеся состоятъ подъ Его милосердымъ покровительствомъ и всѣмъ имъ отверзты объятія безконечной любви Божіей. Посему въ притчѣ о блудномъ сынѣ нельзя не узнать исторію грѣшника, обращающагося къ Богу. Изображеніе такъ живо, такъ естественно, что всякій, сознающій ви-

новность свою предъ Богомъ, не можетъ безъ глубокаго чувства и воздыханія повторить слова блуднаго сына: *колико наемниковъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю?* О, если бы также каждый далъ въ сердцѣ своемъ все пространство чувству покаянія! сердце его вѣрно излилось бы въ сихъ же словахъ блуднаго сына: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой!*— Кто же, послѣ сего, будетъ упоминаемый въ притчѣ сынъ старшій, всегда живущій въ дому отца и, повидимому, столь много ревнующій о чести отца своего? Онъ хвалится своею вѣрностью и заслугами предъ отцемъ: *се толико лѣтъ*, говоритъ, *работаю тебѣ, и николиже заповѣди твоя преступихъ*; а брата своего съ жестокостью укоряетъ, и готовъ отогнать отъ дому родительскаго. Кто же это, какъ не фарисей, хвалившійся своею праведностью, а мытарей и грѣшниковъ почитавшій совершенно погибшими, недостойными никакого милосердія?

Итакъ притча о блудномъ сынѣ долженствовала принесть величайшее утѣшеніе мытарямъ и грѣшникамъ, приближавшимся ко Спасителю, а вмѣстѣ вразумить и смирить гордыхъ фарисеевъ, осуждавшихъ милосердіе Господа къ грѣшникамъ. Но нельзя ли находить въ сей притчѣ еще обширнѣйшаго значенія? Въ двухъ сынахъ, здѣсь описанныхъ, нѣкоторые видятъ также образъ двухъ частей рода человѣческаго—Іудеевъ и язычниковъ. И дѣйствительно, въ исторіи блуднаго сына можно усматривать исторію язычества.

Было время, когда весь родъ человѣческій составлялъ одно великое семейство, которое на одномъ языкѣ прославляло единаго Отца Бога.

Что заставило многихъ отдѣлиться отъ истинно вѣрующихъ? Страсти, напримѣръ гордость при столпотвореніи Вавилонскомъ, плотоугодіе, корыстолюбіе и духъ преобладанія при Авраамѣ и Моусеѣ. Но отдѣлившійся отъ достоянія Божія, блудный сынъ остался ли безъ всякихъ средствъ для жизни духовной? Нѣтъ, удалившись отъ дома праотцевъ, народы унесли съ собою не только законъ Божій въ сердцѣ, но и многія священныя преданія; только всѣ сіи сокровища скоро были утрачены, или были употреблены во зло,—преданія смѣшаны съ вымыслами развращеннаго сердца, законъ Божій затмился въ душахъ, и такимъ образомъ не умедлилъ явиться у язычниковъ ужасный голодъ—гладъ не хлѣба, а истиннаго слова Божія. Что жъ дѣлаютъ они при такой скудости средствъ благодатныхъ? Прилѣпляются къ чуждому властелину, чтобъ чѣмъ-нибудь напитать духъ свой.—Этотъ властелинъ былъ діаволъ, а рожцы, коими питались язычники, было то ложное откровеніе, какое далъ онъ имъ, и которое довело ихъ до состоянія скотскаго. Чувствовали ли они это свое бѣдствіе? По крайней мѣрѣ, нѣкоторые умнѣйшіе язычники чувствовали, видѣли нелѣпость идолопоклонства и старались замѣнить религію системами философскими, кои казались имъ болѣе питательными для духа. Наконецъ—это особенно замѣтно около временъ Христовыхъ, — возбуждается въ народахъ весьма сильное, почти всеобщее желаніе и ожиданіе лучшаго. Тогда-то многіе изъ язычниковъ, многіе даже города и цѣлые народы языческіе, по гласу проповѣдниковъ Евангелія, совершенно познаютъ свою бѣдность и обращаются къ Отцу; тогда торжественно пріемлется въ отеческій домъ блудный сынъ, тогда оживаетъ мертвый, обрѣтается погибшій,—язычники дѣлаются избраннымъ народомъ Божіимъ, *царскимъ священіемъ, языкомъ святымъ,*

людьми обновленія—иже иногда не людіе, нынѣ же людіе Божіи, иже не помиловани, нынѣ же помиловани (1 Петр. II, 9—10).

Что̀ жъ тогда дѣлаетъ старшій сынъ Израиль? Въ самомъ началѣ обращенія язычниковъ, не только необращенные Іудеи смотрѣли на христіанъ изъ язычниковъ окомъ враждебнымъ, но и обращенные не хотѣли признавать ихъ своими братьями (Дѣян. XI, 2—3).—*Разгнѣвався* старшій сынъ *и не хотяше внити.* Вотъ изображеніе нынѣшняго состоянія Израиля! Зараженный древнимъ предразсудкомъ,—думая, что ему одному принадлежитъ Царство Божіе, онъ гнѣвается на всѣхъ вѣрующихъ, гнѣвается какъ-бы на Самого Отца Небеснаго, зовущаго къ Себѣ всѣхъ, и не хочетъ внити въ Царство Христово.—*Отецъ же его изшедъ моляше его.* Это моленіе, это убѣжденіе Отца продолжается доселѣ; но какъ мало оно дѣйствуетъ въ сердцахъ ожесточенныхъ! — Будетъ однако время, какъ увѣряетъ Апостолъ Павелъ, когда и этотъ сынъ послушаетъ Отца, соединится съ братомъ своимъ. *Пріидетъ отъ Сіона Избавляяй и отвратитъ нечестіе отъ Іакова* (Римлян. XI, 26). (Воскр. Чт., г. VIII, стр. 433—434).

Значеніе притчи о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 11 и дал.)

(Выборъ изъ святыхъ отцевъ).

Подъ именемъ *Отца* въ притчѣ разумѣютъ вообще Бога, Который хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити, а нѣкоторые Самого Іисуса Христа, Богочеловѣка, Который въ самомъ началѣ проповѣди призывалъ всѣхъ къ покаянію, Который и нынѣ, хотя мы удаляемся отъ Него, не престаетъ призывать насъ: *обратитеся,* говоритъ, *сынове отступившіи* (Іерем. III, 13). Въ образѣ *двухъ сыновъ,* старшаго и меньшаго, одни видятъ народъ Іудейскій и народы языческіе, а другіе въ лицѣ перваго сына находятъ изображеніе тѣхъ праведниковъ, которые исполняли законъ какъ фарисеи и книжники, а въ лицѣ втораго—обращающихся грѣшниковъ.

Имѣніе, которое раздѣлилъ Отецъ сыновьямъ Своимъ, значитъ, какъ свободную волю и другія естественныя силы, употребляемыя грѣшниками во зло, такъ и благодатныя силы и самыя добродѣтели, которыя всѣ теряетъ тотъ, кто, не имѣя твердости въ благочестіи, увлекается силою своихъ страстей и похотей. Отецъ Небесный всѣмъ подаетъ необходимые для насъ дары Свои, какъ въ порядкѣ естественномъ,—ибо *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія,* такъ и благодатномъ, предлагая всѣмъ средства спасенія.

Что̀ значитъ отшествіе младшаго сына *на страну далече?* Это—удаленіе отъ Бога, или оставленіе прямаго пути спасенія, это—своеволіе и забвеніе нашихъ обязанностей къ Богу. «Удаляемся отъ Бога не мѣстомъ, говоритъ святый Златоустъ, но дѣлами. Ибо первое невозможно, какъ сказано у пророка: *камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу!* (Псал. XXXVIII, 7.) Но грѣхи наши разлучаютъ насъ отъ Бога».

Въ удаленіи отъ дому отеческаго, по расточеніи всего имущества, блудный сынъ терпитъ страшный *голодъ* и другія бѣдствія. Это указываетъ на крайнее, безпомощное состояніе того, кто предалъ себя своеволіемъ рабству діавола. Что̀ такое *рожцы,* пища скотская, которыми желалъ насытиться развратный юноша? По изъясненію святаго Кирилла (Александрійскаго), это лживыя ученія у язычниковъ, которыми они думали замѣнить потерянное ими ученіе вѣры истинное; это также плот-

скія удовольствія, которыя не насыщаютъ душу, а только раздражаютъ и мучатъ.

Кого разумѣть подъ именемъ *наемниковъ и рабовъ* Отца? *Рабы,* говоритъ святый Максимъ, тѣ изъ вѣрныхъ, которые, побуждаемые страхомъ наказаній, соблюдаютъ заповѣди Господни, а *наемники*—это дѣлатели, въ ожиданіи обѣщанныхъ благъ переносящіе *тяготу дне* и зной, т. е. всѣ искушенія и бѣдствія. Отъ тѣхъ и другихъ отличаются *сыны,* которые не по страху угрозъ и не по ожиданію наградъ, но по врожденному стремленію къ добру, постоянно обращены къ Богу, и никогда не оставляютъ Его.

Отецъ Самъ течетъ на встрѣчу сыну, нападаетъ на выю его и лобзаетъ его.—«Дивное дѣло! восклицаетъ святый Златоустъ. Отецъ предваряетъ прошеніе сына и самъ срѣтаетъ его. Такъ-то милосердіе Божіе ожидаетъ и предваряетъ наше покаяніе!»

Согрѣшихъ на небо, говоритъ кающійся. Противъ неба согрѣшаетъ тотъ, кто презираетъ блага небесныя, предпочитая имъ земныя удовольствія (слова Тита, еп. Бострійскаго).

«Что же Отецъ?» говоритъ Златоустъ. «Ничего на это не отвѣчалъ, а обратилъ рѣчь къ служителямъ. Какое значеніе этой загадки! Кающійся много молится, но не получая отвѣта словеснаго, видитъ милосердіе на самомъ дѣлѣ».

Облеченіе раскаявшагося сына въ одежду *первую,* подаяніе перстня на руку его и сапоговъ на ноги, потомъ приготовленіе пира — все это вообще есть изображеніе торжества у Бога и ангеловъ Его при обращеніи грѣшника. Это показываетъ, что грѣшникъ чрезъ покаяніе возвращается не только въ прежнее состояніе, но еще въ лучшее. Въ частности, подъ именемъ *одежды первой* разумѣется благодать Божія, какую получаемъ во святомъ крещеніи, т. е. вмѣсто бани возрожденія, Богъ чрезъ покаяніе даруетъ намъ также возрожденіе, и слезы покаянія очищаютъ всѣ наши скверны. Сверхъ одежды дается перстень: это — знакъ печати Духа, или воспріятіе образа и подобія Божія; это также залогъ благъ небесныхъ. Даются сапоги на ноги, да обратившійся смѣло попираетъ главу змія и да будетъ всегда готовъ возвѣщать Евангеліе мира. (Такъ изъясняютъ Астерій, еп. Амасійскій, и Григорій Нисскій.)

Что значитъ *телецъ упитанный?* Это Самъ Христосъ, говоритъ святый Кириллъ, Который называется непорочнымъ Агнцемъ, вземлющимъ грѣхи міра, и *тельцемъ*—потому, что принялъ животную плоть (хотя исполнилъ ее свѣтлостію Божества); и называется тельцемъ *упитаннымъ* (уготованнымъ), ибо таинство воплощенія для возстановленія міра было предопредѣлено, и Христосъ преданъ въ жертву, которой причащаются всѣ воскресающіе отъ смерти грѣховной.

Притча, наконецъ, представляетъ старшаго сына ропщущимъ на отца за то, что онъ съ такою радостью и почестью принялъ младшаго сына, расточившаго все имѣніе, ему данное. Это, по ученію Златоуста, приточное изъясненіе того, какъ велика честь, которой удостоивается грѣшникъ покаявшійся: она такъ велика, что можетъ быть предметомъ зависти для тѣхъ, которые не имѣютъ нужды въ покаяніи. По мнѣнію святаго Максима, Господь, разумѣя въ лицѣ младшаго сына мытарей и любодѣицъ, а подъ образомъ старшаго — фарисеевъ, почитающихъ себя праведными, какъ-бы такъ говоритъ къ послѣднимъ: пусть вы поистинѣ праведные и не преступили ни одной заповѣди; но ужели не должно прини-

мать тѣхъ, которые обращаются отъ грѣховъ? Словомъ, притча научаетъ тому, что не должно презирать грѣшниковъ, и направлена противъ фарисеевъ, которые обвиняли Іисуса Христа за то благоволеніе, какое оказывалъ Онъ мытарямъ.

Итакъ пусть кто либо негодуетъ на то, что ты (кающійся) такъ легко и скоро получаешь прощеніе; Самъ Отецъ защититъ тебя и скажетъ: *возрадоватися подобаше, яко братъ твой сей мертвъ бѣ, и оживе, изгибълъ бѣ, и обрѣтеся* (слова Василія Великаго.)

Но подражай блудному сыну и въ томъ, что онъ, возвратясь къ отцу, болѣе не отходилъ отъ него, а навсегда остался въ дому его. Носи только ту одежду, которую Онъ далъ тебѣ; ибо что̀ кромѣ истины познается, то заблужденіе, а не знаніе. Храни также перстень, какъ печать противъ діавола, и сапоги, да не повредитъ тебѣ змій и не низвержетъ тебя на землю. Послѣ покаянія, возлюби благочестіе. Ты имѣешь Евангельскую радость; пребывай въ ней, и наслаждайся дарами. Питайся Тельцемъ, за тебя закланнымъ, и пиршествуй духовно послѣ того, какъ ты умершій прежде воскрешенъ Его смертію и воскресеніемъ (Титъ, еп. Бострійскій). (Воскр. Чт., г. XXIV, стр. 481—483.)

Кого представляетъ сія притча подъ образомъ отца? — Бога, въ отношеніи къ человѣкамъ. Какъ сынъ имѣетъ жизнь отъ отца, по рожденію, такъ всякій человѣкъ имѣетъ бытіе и жизнь отъ Бога, по сотворенію. Какъ сынъ, при отцѣ, все, что̀ имѣетъ, имѣетъ отъ отца; такъ всякій человѣкъ, все, что̀ имѣетъ, первоначально имѣетъ отъ Бога.

Значеніе притчи о блудномъ сынѣ.

(Филарета, митроп. Московскаго).

Кого изображаетъ притча въ лицѣ и дѣйствіяхъ младшаго сына?—Человѣка грѣшника. Въ какихъ бы ни былъ лѣтахъ возраста, незрѣлъ духовнымъ возрастомъ, неосновательнъ, легкомысленъ тотъ сынъ, который не понимаетъ счастія быть близъ сердца добраго отца, подъ мирнымъ кровомъ дома его, и хочетъ удалиться безъ нужды, для того только, чтобы жить по своей волѣ. Подобно сему всегда незрѣлъ духовнымъ возрастомъ, неосновательнъ, легкомысленъ грѣшникъ, который не хочетъ признать блаженства быть съ Богомъ посредствомъ вѣры, молитвы, любви, *жить въ помощи Вышняго, въ кровъ Бога Небеснаго* (Псал. XC, 1), и удаляется отъ воли Божіей чистой, святой, блаженнотворной, въ свою волю плотскую, нечистую, и посему самому уже несчастную.

Что̀ значитъ въ притчѣ взятіе и присвоеніе младшимъ сыномъ своей части отеческаго имѣнія? — Симъ изображено начало грѣховнаго состоянія, когда человѣкъ, на то, что̀ имѣетъ отъ Отца Небеснаго, и отъ Его Провидѣнія, перестаетъ взирать, какъ на дары Божіи, а начинаетъ смотрѣть, какъ на свою собственность, и съ самоуслажденіемъ думаетъ: это моя способность, мое знаніе, мое искусство, мой подвигъ, моя заслуга, мое достоинство, мое богатство; а за симъ естественно послѣдуетъ то, что данныя ему блага онъ и употреблять будетъ только для себя, а не для Бога.

Что̀ значитъ удаленіе младшаго сына отъ отца и дома его въ чужую дальнюю страну?—Удаленіе грѣшника отъ Бога. Какъ онъ удаляется?—Очевидно не движеніемъ мѣстнымъ, потому что

Богъ вездѣсущъ, но мыслію, волею, поступками нравственными.

Что̀ даетъ разумѣть притча, когда говоритъ, что младшій сынъ на чужой сторонѣ жилъ распутно и расточилъ имѣніе?—Частью симъ она буквально изображаетъ жизнь нѣкоторыхъ грѣшниковъ. О всѣхъ же вообще грѣшникахъ притча даетъ разумѣть, что они, перенося свою любовь отъ предметовъ духовныхъ и святыхъ къ чувственнымъ и грѣховнымъ, и къ симъ прилѣпляясь мыслями, желаніями, дѣлами, чрезъ сіе прелюбодѣйствуютъ отъ любви Божіей. Сластолюбивый расточаетъ сокровище здравія. Гордый непримѣтно расточаетъ злато душевныхъ силъ, даже до лишенія ума.

Что̀ значитъ въ притчѣ голодъ въ чужой странѣ, постигшій и удалившагося туда отъ дома отеческаго сына?—Симъ означается то, что въ мірѣ грѣховномъ человѣкъ грѣшникъ только на краткое время можетъ находить услажденіе чувственное; но вскорѣ ощущаетъ гладъ душевный, потому что грѣховный міръ предлагаетъ только тлѣнныя, скоро исчезающія услажденія, но душа человѣческая нетлѣнная нетлѣнной и пищи требуетъ.

Кто житель страны, который послалъ несчастнаго сына пасти свиней?—Это діаволъ. Когда грѣховныя желанія закоснѣніемъ и привычкою усиливаются и умножаются, а средства удовлетворенія ихъ оскудѣваютъ, и самое удовлетвореніе наскучиваетъ, тогда настаетъ для грѣшника мучительный, неутолимый гладъ, и симъ искуситель пользуется, чтобы рѣшительнѣе *уловить его въ свою волю* (2 Тимоѳ. II, 26) и заставить голоднаго пасти свиней, то есть, непрестанно питать чувственныя скотскія похоти, и въ то же время чувствовать ихъ низость, грубость и неудовлетворительность.

Изобразивъ крайнее бѣдствіе грѣшника, притча показываетъ далѣе, ка́къ можетъ онъ *возникнуть отъ діавольскія сѣти* и освободиться отъ порабощенія грѣху.

Заблуждшій сынъ пришелъ въ себя. Это—начало обращенія грѣшника къ Богу. Прежде блуждалъ онъ мыслями и желаніями внѣ себя, по предметамъ своихъ страстей и похотей, и, когда скучалъ отъ ихъ неудовлетворительности, въ нихъ же искалъ для себя новыхъ обаяній. Счастливо для него крайнее бѣдствіе внѣ, которое обращаетъ его внутрь. Вошедъ въ себя, онъ яснѣе сознаетъ, чего требуетъ душа его, и какъ многаго ей недостаетъ: воспоминаетъ Отца Небеснаго, и блага, которыхъ лишился чрезъ удаленіе отъ Него; и рѣшается возвратиться къ Нему, то есть, оставить жизнь грѣховную и жить по заповѣдямъ Божіимъ.

Заблуждшій, но раскаявающійся сынъ не имѣетъ уже притязанія на достоинство и права сына и хочетъ довольствоваться состояніемъ наемника въ домѣ отца. Симъ изображаетъ притча смиреніе кающагося грѣшника.

Заблуждшій сынъ, какъ скоро вразумилъ себя о потребности обращенія, дѣйствительно пошелъ и приблизился къ отцу. Чрезъ сіе учитъ притча, что доброе намѣреніе тогда спасительно, когда неуклонно и нелѣностно приводится въ исполненіе.

Отецъ встрѣчаетъ и ущедряетъ возвращающагося отъ заблужденія сына. Это свѣтлый образъ дивнаго человѣколюбія Божія къ кающемуся грѣшнику.

Отецъ издали усматриваетъ возвращающагося недостойнаго сына и идетъ на встрѣчу ему. Богъ провидитъ обращеніе грѣшника и срѣтаетъ его предваряющею благодатію.

Еще только въ сердцѣ несетъ сынъ

вообновляемую покорность отцу, какъ отецъ уже обнимаетъ его и цѣлуетъ. Какъ скоро въ сердцѣ полагаетъ грѣшникъ рѣшительное намѣреніе творить волю Божію; Богъ уже начинаетъ являть ему Свою близость и знаменія Своего милосердія и любви.

Едва сынъ успѣлъ изрещи свое покаяніе и самоотверженіе: *согрѣшихъ: нѣсмь достоинъ;* какъ отецъ, не допуская его нарещись наемникомъ, даруетъ ему сыновнюю свѣтлую одежду, перстень и обувь. Какъ скоро грѣшникъ въ смиренномъ покаяніи произноситъ на себя осужденіе, Богъ тайно на небесахъ, и на земли чрезъ служителя таинства изрекаетъ ему прощеніе; утверждаетъ его въ чувствѣ смиренной преданности, устраняя отъ него чувство наемника, работающаго только ради воздаянія; облекаетъ его въ сыновнюю свѣтлую одежду оправданія Христова; даруетъ ему обрученіе Духа; даетъ его ногамъ готовность тещи по пути правды и спасенія.

Отецъ ради погибшаго и обрѣтеннаго сына заклалъ тельца упитаннаго. Богъ ради погибшаго и взысканнаго имъ грѣшника предалъ Сына Своего въ жертву спасенія и въ пищу жизни и веселія небеснаго.

Не одинъ отецъ, но и домъ исполняется радости о погибшемъ и обрѣтенномъ сынѣ. *Радость бываетъ на небесѣхъ о грѣшницѣ кающемся* (Лук. XV, 10).

Говорить ли теперь о старшемъ сынѣ, который былъ благоразуменъ, когда не пожелалъ оставить домъ отца своего, но не такимъ явился, когда изъ радости отца извлекъ свою досаду, когда въ спасеніи погибшаго брата нашелъ свою обиду? Говорить ли о людяхъ, которые хвалятся, что никогда не уклонялись отъ воли Божіей и отъ заповѣдей Божіихъ, но которые прекословятъ волѣ Божіей, милующей грѣшника, осуждаютъ оправдываемаго Богомъ, и высоко цѣня свое исполненіе обязанностей, какъ заслугу и право на воздаяніе, обнаруживаютъ не сыновній, а наемническій духъ? Таковы были древніе фарисеи, которые и въ домъ отеческій,—въ Церковь Христову не хотѣли войти, негодуя на то, что Христосъ *пріемлетъ грѣшниковъ* (изъ бесѣды въ недѣлю Блуднаго сына. Т. III-й. Стр. 24—26).

Назидательный урокъ для юноши изъ притчи о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 12).

И рече юнѣйшій отцу: отче, даждь ми достойную часть имѣнія. Въ притчѣ о блудномъ сынѣ заключается самый поучительный урокъ для юноши.

Въ самомъ дѣлѣ, въ блудномъ сынѣ мы видимъ полный характеръ вѣтренной юности: легкомысліе, необдуманность, страсть къ независимости, словомъ—все, чѣмъ обыкновенно отличается бо́льшая часть юношей. Юнѣйшій сынъ возрасталъ въ домѣ родительскомъ. Достигши юношескихъ лѣтъ, т. е. того времени, когда человѣкъ начинаетъ разсуждать, онъ уже возмечталъ, что родительскій домъ для него тѣсенъ. Ему казалось непріятнымъ жить подъ руководствомъ отца и надзоромъ матери, ему хотѣлось подражать своимъ товарищамъ, предававшимся шумнымъ удовольствіямъ свѣта. «Я, разсуждаетъ онъ, наслѣдникъ богатаго имѣнія. Не лучше ли будетъ, если я теперь же получу часть свою? Я, могу распорядиться богатствомъ иначе, нежели какъ распоряжается отецъ. Я постараюсь извлечь пользу изъ имѣнія; я постараюсь купить на него множество удовольствій и прослыву богатымъ и знатнымъ!» И легкомысленный юноша увлекся обманчивымъ блескомъ удовольствій свѣта и рѣшился свергнуть

съ себя иго послушанія, рѣшился удалиться изъ дома родительскаго.

Не подобныя ли побужденія заставляютъ многихъ и нынѣ оставлять, если не домъ родителей земныхъ, то домъ Отца Небеснаго, то есть выходить изъ повиновенія Святой Церкви?

Иго Христово для незрѣлыхъ умовъ кажется труднымъ, и заповѣди Его тяжкими. Они думаютъ, что нѣтъ особенной нужды соблюдать то, что повелѣваетъ намъ Богъ и Его Святая Церковь. Можно служить, имъ кажется, Богу и не отказываться отъ служенія міру. «Мы, говорятъ они, уже довольно крѣпки для того, чтобы противостать гибельнымъ искушеніямъ и соблазнамъ. Мы можемъ и сами твердо держаться истины и здраваго ученія. Дайте же намъ насладиться тѣми преимуществами, коими одарена природа наша! Дайте намъ усовершить свой разумъ многосторонними свѣдѣніями! Предоставьте намъ самимъ укрѣпить свою волю среди искушеній и соблазновъ! И пусть чувство наше самымъ опытомъ убѣдится въ гнусности порока!»—Такія желанія чѣмъ лучше той необдуманной просьбы, какую произнесъ юнѣйшій сынъ отцу: *отче! даждь ми достойную часть имѣнія?*

И вотъ, легкомысленный юноша перестаетъ внимать заповѣдямъ и внушеніямъ Святой Церкви. Перестаетъ заниматься словомъ Божіимъ и ученіемъ святыхъ отцевъ, а приклоняетъ слухъ свой къ мудрованіямъ лжеименныхъ учителей и убиваетъ въ этихъ занятіяхъ самые лучшіе часы своей жизни. Рѣже начинаетъ посѣщать храмы Божіи, или стоитъ въ нихъ невнимательно, разсѣянно. Не находитъ возможности прилежно заниматься благочестіемъ и упражняться въ добродѣтели; потому что бо́льшая часть времени употребляется на посѣщеніе зрѣлищъ, общественныхъ увеселеній и т. п. Словомъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе предается міру, и, наконецъ, отходитъ *на страну далече.*

Къ чему же приводитъ такое удаленіе отъ Святой Церкви? Къ тому же, къ чему привело блуднаго сына удаленіе изъ дома родительскаго. Легкомысленные юноши очень скоро истрачиваютъ прекрасныя силы и способности души и тѣла и губятъ все, что было сдѣлано ими добраго для времени и вѣчности. А между тѣмъ является *гладъ крѣпкій на странѣ той;* является пустота и недовольство,—необходимыя слѣдствія шумныхъ удовольствій; является жажда наслажденій, которая еще болѣе усиливается отъ удовлетворенія порочныхъ страстей и, наконецъ, дѣлается неутолимою. И какъ часто бываетъ, что несчастный міролюбецъ, для удовлетворенія своихъ страстей, прибѣгаетъ къ занятіямъ низкимъ и постыднымъ, которыя не приводятъ его въ себя какъ блуднаго сына и не возвращаютъ на путь спасенія, а довершаютъ его погибель, временную и вѣчную! (Воскр. Чт., г. XIV, стр. 431—432.)

Старшій братъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 25—32).

(Изъ тв. блаж. Іеронима.)

Ст. 25—26. *Бѣ же сынъ его старшій на селѣ.* Доселѣ шло въ притчѣ разсужденіе о лицѣ младшаго сына, подъ которымъ должно разумѣть мытарей и грѣшниковъ, призываемыхъ Господомъ къ покаянію; въ таинственномъ же смыслѣ здѣсь пророчествуется о будущемъ призваніи язычниковъ. Теперь рѣчь переходитъ къ сыну старшему. Многіе относятъ ее къ лицу вообще всякаго святаго, другіе собственно къ Іудеямъ. Въ отношеніи къ святымъ истолкованіе не трудно, если

принять во вниманіе слова: *никогдаже заповѣди твоя преступихъ;* но не согласно со свойствами святаго то, что онъ завидуетъ обращенію брата. А что же касается до Іудеевъ, то хотя зависть о спасеніи брата совершенно въ ихъ духѣ, но не приложимо къ нимъ то, что говоритъ о всегдашнемъ соблюденіи заповѣди отчей (изъ Воскресн. Чтенія. Годъ XXVII. Часть II, стр. 1141).

Бѣ же сынъ его старшій на селѣ, потѣя отъ труда въ земныхъ заботахъ, далеко удаленный отъ благодати Святаго Духа и отчаго совѣта. Это—тотъ, который говоритъ: *село купихъ, и имамъ нужду изыти и видѣти е: и молютися, имѣй мя отреченна* (Лук. XIV, 18). Это—тотъ, который купилъ пять супругъ воловъ, и подъ тяжестью закона наслаждается чувственными удовольствіями. Это—тотъ, который, взявъ жену, не можетъ придти на бракъ, и ставъ плотію, никакъ не можетъ соединиться съ духомъ. Старшему сыну соотвѣтствуютъ въ другой притчѣ работники, посылаемые въ виноградникъ въ первый, третій, шестой, девятый часы, то есть по разновременнымъ призывамъ, и негодующіе за то, что съ ними сравнены въ платѣ работники одиннадцатаго часа.

И яко грядый приближися къ дому, слыша пѣніе и лики. И призвавъ единаго отъ отрокъ, вопрошаше, что убо сія суть. И нынѣ Израиль спрашиваетъ, почему радуется Богъ при принятіи язычниковъ; но отягченный завистью не можетъ узнать отеческой воли.

Ст. 27. *Онъ же рече ему, яко братъ твой пріиде, и закла отецъ твой тельца упитанна, яко здрава его пріятъ.* Причиной радости служитъ провозглашаемое на сей землѣ во славу Божію спасеніе язычниковъ, спасеніе грѣшниковъ: радуются Ангелы, готова къ радости и вся тварь: объ одномъ только Израилѣ говорится:

Ст. 28. *Разгнѣвався же, и не хотяше внити.* Гнѣвается, что въ его отсутствіе былъ принятъ братъ; гнѣвается, что живъ тотъ, кого онъ считалъ погибшимъ; и теперь стоитъ за дверями Израиль, и теперь, когда ученики слушаютъ Евангеліе въ церкви, мать его и братья стоятъ за дверями, ища его (Матѳ. XII)!

Отецъ же его изшедъ моляше его. Какъ благой и милостивый, отецъ проситъ сына принять участіе въ домашней радости: проситъ Отецъ чрезъ Апостоловъ; проситъ чрезъ проповѣдниковъ Евангелія.—Павелъ говоритъ объ этомъ: *молимъ по Христѣ, примиритеся съ Богомъ* (2 Коринѳ. V, 20). И въ другомъ мѣстѣ: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е и недостойны творите сами себе вѣчному животу, се обращаемся во языки* (Дѣян. XIII, 46).

Ст. 29—30. *Онъ же отвѣщавъ рече отцу: се толико лѣтъ работаю тебѣ.* Отецъ милостиво молитъ о согласіи, а онъ, слѣдуя правдѣ законной, не покоряется правдѣ Божіей. Но какая же правда болѣе той правды Божіей, которая прощаетъ кающихся, принимаетъ возвратившагося сына? *Се толико лѣтъ работаю тебѣ, и николиже заповѣди твоя преступихъ;* какъ будто не было преступленіемъ заповѣди то самое, что онъ завидовалъ спасенію другаго, что хвалился правдою предъ Богомъ, когда никто предъ Нимъ не чистъ. Ибо кто можетъ самодовольно признать себя обладателемъ чистаго сердца, хотя бы и одинъ день былъ житія его на землѣ? Давидъ исповѣдуетъ: *въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Псал. L, 7). И въ другомъ мѣстѣ: *аще беззаконія назриши, Господи, кто постоитъ*

(Псал. CXXIX, 3)? А упоминаемый въ притчѣ старшій сынъ говоритъ, что никогда не преступалъ заповѣди, тогда какъ столько разъ предаваемъ былъ плѣненію за идолослуженіе! *Се толико лѣтъ работаю тебѣ, и николиже заповѣди твоя преступихъ.* Относительно сего говоритъ Апостолъ Павелъ: *что убо речемъ? яко языцы не гонящіи правду, постигоша правду, правду же, яже отъ вѣры. Израиль же гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже: чесо ради? Зане не отъ вѣры, но отъ дѣлъ закона* (Римлян. IX, 30—31). Такимъ образомъ и о старшемъ сынѣ можно сказать, что онъ, по выраженію Апостола, обращался безъ преткновенія въ области правды, яже отъ закона: хотя мнѣ кажется, что Іудей больше тщеславится, чѣмъ говоритъ истину, подобно тому фарисею, который говорилъ: *Боже, хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмь якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь* (Лук. XVIII, 11).

Спрашиваю тебя: не видишь ли ты, что тоже самое, что̀ фарисей сказалъ о мытарѣ, старшій братъ говорилъ о младшемъ: *сей изъядый имѣніе твое съ любодѣйцами?* На слова сына: *николиже заповѣди твоя преступихъ,* отецъ ничего не отвѣчаетъ; не утверждаетъ, истинно ли сказанное сыномъ, но укрощаетъ гнѣвъ его другимъ способомъ: *чадо, ты всегда со мною еси.* Не сказалъ: ты говоришь правду, ты дѣлалъ все, что̀ я повелѣвалъ; но говоритъ: *ты всегда со мною еси,*—со мною посредствомъ закона, которому ты подчиненъ; со мною, когда познаешь меня въ плѣненіяхъ; со мною не потому, что соблюдаешь мои заповѣди, но потому, что я не позволилъ тебѣ отойти въ далекую сторону; со мною, наконецъ, потому, что я сказалъ Давиду: *аще оставятъ сынове его законъ Мой и въ судьбахъ Моихъ не пойдутъ: аще оправданія Моя осквернятъ и заповѣдей Моихъ не сохранятъ, посѣщу жезломъ беззаконія ихъ и ранами неправды ихъ, милость же Мою не разорю отъ нихъ* (Псал. LXXXVIII, 31 и слѣд.). По этому свидѣтельству оказывается ложнымъ то, чѣмъ хвалится старшій сынъ; поелику въ судьбахъ Божіихъ онъ не ходилъ и заповѣдей Его не исполнялъ. Какимъ же образомъ, не соблюдая заповѣди, онъ, по словамъ притчи, всегда былъ съ отцемъ? потому, что послѣ грѣховъ, онъ былъ посѣщаемъ жезломъ, а посѣщенному не отказывалось въ милосердіи. Не должно также удивляться, что осмѣлился стать предъ отцемъ тотъ, который могъ завидовать брату; въ день суда нѣкоторые солгутъ еще безстыднѣе, сказавъ: «не въ Твое ли имя мы ѣли и пили, дѣлали многія чудеса и изгоняли демоновъ (Матѳ. VII, 22)? Что̀ же значитъ: *вся моя твоя суть,* будетъ изъяснено подробно въ своемъ мѣстѣ.

И мнѣ николиже далъ еси козляте, да со други своими возвеселимся быхъ. Столько, говоритъ Израиль, пролито крови, столько тысячъ людей убито, и никто изъ нихъ не сталъ искупителемъ ради нашего спасенія. Самъ Іосія, угодившій предъ лицемъ Твоимъ (4 Царств. XXIII), и въ недавнее время Маккавеи, сражавшіеся за Твое наслѣдіе, нечестиво были умерщвлены мечами враговъ, и ничья кровь не возвратила намъ свободы. Вотъ и доселѣ мы подлежимъ Римской власти: ни пророкъ, ни священникъ, ни праведникъ какой либо не приносился въ жертву за насъ. А за блуднаго сына, то есть, за язычниковъ, за грѣшниковъ пролита кровь славнѣйшая паче всей твари. И тогда какъ заслужившимъ Ты не далъ и малаго, не заслужившимъ далъ гораздо

больше. *Мнѣ николиже далъ еси козляте, да со други своими возвеселился бых*ъ. Напрасно говоришь такъ, Израиль: скажи лучше: «дабы я возвеселился съ Тобою». Развѣ для тебя можетъ быть какое-нибудь иное удовольствіе, если Отецъ не празднуетъ съ тобою пира? Научись, по крайней мѣрѣ, изъ настоящаго примѣра. Когда возвратился младшій сынъ, радуются и отецъ и отроки. *Станемъ ѣсть,* говоритъ отецъ, *и веселитьс*я; а не сказано: *ѣшьте и веселитесь.* Но ты, по той склонности душевной, по которой завидуешь брату, по которой удаляешься отъ лицезрѣнія Отца и всегда пребываешь на полѣ, ты и теперь хочешь пировать безъ Него. *Николиже далъ еси козляте.* Никогда отецъ не дастъ въ даръ худшаго: заколотъ теленокъ, войди, ѣшь съ братомъ. Зачѣмъ просишь козленка ты, для котораго готовъ агнецъ? И чтобы ты не притворялся, будто не знаешь, что агнецъ готовъ, Іоаннъ указалъ тебѣ его въ пустынѣ: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. I, 29). И отецъ, какъ милостивый и принимающій раскаяніе, проситъ тебя ѣсть тельца, не закалая козла, который стоитъ ошую. Но въ концѣ вѣка ты самъ заколешь для себя козла, антихриста, и съ друзьями своими, нечистыми духами, напитаешься его плотію, во исполненіе пророчества: *ты сокрушилъ еси главу зміеву: далъ еси того брашно людемъ Евіопскимъ* (Псал. LXXIII, 15).

Егда же сынъ твой сей, изъядый твое имѣніе съ любодѣйцами, пріиде, заклалъ еси ему тельца питомаго. Сознаетъ и теперь Израиль, что былъ закланъ телецъ питомый: знаютъ, что пришелъ Христосъ, но мучатся завистью и не хотятъ спасенія безъ погибели брата.

Ст. 31. *Онъ же рече: чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть.* Называетъ сыномъ, хотя тотъ и не хочетъ войти. Но какимъ образомъ все Божіе принадлежитъ Іудеямъ? Неужели и Ангелы, престолы, господства и прочія силы? Очевидно, что подъ всѣмъ должно разумѣть законъ, пророковъ, Божественныя рѣчи. Все это Богъ далъ Іудеямъ, чтобы они поучались въ законѣ Его день и ночь. По герменевтическимъ правиламъ слово *все* должно быть понимаемо въ отношеніи не къ цѣлому, а къ большей части, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ изрѣченіи: *вси уклонишася, вкупѣ неключими быша* (Псал. XIII). И въ другомъ мѣстѣ: *вси, елико ихъ пріиде прежде Мене, татіе и разбойницы* (Іоан. X, 8). И Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: *всѣмъ бых*ъ *вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Коринѳ. IX, 22), и къ Филиппійцамъ: *вси бо своихъ си ищутъ, а не яже Христа Іисуса* (Филиппис. II, 21). Впрочемъ, должно вѣрить, что никогда ни въ чемъ не получалъ отказа тотъ, котораго приглашаютъ вкусить тельца.

Ст. 32. *Возвеселити же ся и возрадовати подобаше, яко братъ твой сей мертвъ бѣ, и оживе: и изгибль бѣ, и обрѣтеся.* Итакъ, будемъ надѣяться, что и мы, сдѣлавшись мертвыми чрезъ прегрѣшенія, можемъ ожить чрезъ покаяніе. Въ настоящей притчѣ находится самъ сынъ, подобно тому, какъ въ прежнихъ притчахъ приносится назадъ заблудшая овца и обрѣтается потерянная драхма. Всѣ три притчи заключаются одинаковымъ окончаніемъ *изгибль бѣ и обрѣтеся,* чтобы посредствомъ различныхъ уподобленій мы уразумѣли одну и ту же мысль о принятіи грѣшниковъ (изъ Тв. блаженнаго Іеронима въ Русскомъ переводѣ, т. I, стр. 91—97).

Старшій сынъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ.

(*Филарета, архіеп. Черниговскаго.*)

Послѣднюю часть притчи о блудномъ сынѣ составляетъ исторія старшаго сына (Лук. XV, 25—32).

Въ этой исторіи изображенъ грѣшникъ особаго рода, грѣшникъ самонадѣянный, грѣшникъ, обольщенный мечтами о свой приличной, честной жизни. Отношеніе его къ Отцу Небесному дополняетъ эту печальную картину, печальную тѣмъ болѣе, что самъ грѣшникъ не понимаетъ ея значенія. Евангельское изображеніе такого грѣшника, грѣшника скрытнаго, должно быть изучаемо нами съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ безъ того легко ли намъ узнавать его?

Бѣ же сынъ его старѣй на селѣ: и яко грядый приближися къ дому, слыша пѣніе и лики: и призвавъ единаго отъ отрокъ, вопрошаше, что убо сія суть (25—26). Если старшій сынъ отца трудился на полѣ,—это служитъ къ чести его. Но вотъ что̀ не подаетъ доброй мысли о немъ: отчего добрый отецъ не послалъ за нимъ при пріемѣ младшаго брата его? Отчего тогда, какъ созваны всѣ слуги дѣлить радость о найденномъ сынѣ, не приглашенъ къ тому же старшій сынъ? Вѣрно, сынъ не хотѣлъ поступать та́къ, ка́къ хотѣлъ отецъ, а ка́къ самъ онъ хотѣлъ, и его оставили при его волѣ. Такая мысль о немъ оправдывается послѣдующими поступками его. Вотъ онъ, возвращаясь съ поля, едва подошелъ къ дому, какъ показалъ, въ какихъ расположеніяхъ былъ онъ къ дому. Услышавъ, что въ домѣ отца его веселятся, онъ вмѣсто того, чтобы съ сердечною простотою идти въ домъ радующагося отца, останавливается и спрашиваетъ: что̀ это такое? Онъ изумленъ тѣмъ, что безъ него веселятся. Какъ будто въ домѣ отца помимо его воли, помимо его рѣшенія, ничему не должно быть. Какъ будто отецъ его не въ правѣ веселиться безъ него! И отъ кого же узнаетъ онъ о происходящемъ въ дому? Отъ отца? Нѣтъ, онъ вызываетъ одного изъ слугъ. Какъ это неприлично! Не прилично тѣмъ болѣе, что подъ рядъ съ гордостью является низость.

Онъ же рече ему, яко братъ твой пріиде: и закла отецъ твой тельца упитанна, яко здрава его пріятъ (27). Слуга говоритъ о дѣлѣ, какъ оно есть. Видно, что этотъ слуга былъ добрый, простосердечный. А какъ много есть слугъ другого разряда! Слуга добраго господина не только говоритъ правду, но говоритъ съ добрымъ намѣреніемъ. Братъ твой пріиде, отецъ здрава его пріятъ, говоритъ слуга. Эти слова высказываютъ не только правду, но и доброе намѣреніе—успокоить смущенную душу молодого господина.

Разгнѣвався же, и не хотяше внити (28). За что̀ разгнѣвался? Чѣмъ та́къ оскорбленъ? Ему сказали отрадную правду, а онъ разгнѣвался. Безчувственный братъ! Дикая душа его волнуется страстями дикими,—завистью, гордостью! Онъ терзается тѣмъ, что веселятся въ честь другого, въ гнѣвѣ за то, что оказываютъ любовь другому. Онъ считаетъ униженнымъ себя отъ того, что обращено вниманіе на другого.

Отецъ же его исшедъ моляше. «Какой добрый, какой кроткій отецъ, восклицаетъ блаженный Іеронимъ! Онъ упрашиваетъ сына принять участіе въ домашней радости». Да, рѣдко можно найти такого отца между отцами христіанскими, людьми благодатствованными, но никогда между людьми обыкновенными. Эта кроткая любовь—любовь небесная. Она выходитъ на встрѣчу къ

грѣшнику, стараясь привлечь его къ себѣ, она знаетъ его строптивый духъ и, не смотря на то, дышетъ на него кротостью и ласкою, нѣжностью сердобольною и снисходительною.

Онъ же, отвѣщавъ, рече ему: се толико лѣтъ работаю тебѣ и николиже заповѣди твоя преступихъ, и мнѣ николиже далъ еси козляте, да со други своими возвеселился бихъ (29). Не смягчился строптивый сынъ словами небесной любви, а лишь раздражился ими. И начинаетъ счетъ съ отцемъ—счетъ, которымъ онъ думалъ обвинить отца, тогда какъ каждое слово его—улика ему самому. *Се толико лѣтъ работаю тебѣ!* Что же особеннаго, если сынъ трудился въ домѣ отца? Ужели же добрый сынъ имѣетъ право только гулять и терять время въ праздности? Ужели тотъ, кому трудъ въ тягость, человѣкъ порядочный? Нѣтъ, болѣе чѣмъ слугу, праздность унижаетъ дѣтей добраго отца. *Николиже заповѣди твоя преступихъ.* А какъ будто тотъ и добрый сынъ, который нарушаетъ волю отца. *Николиже заповѣди твоя преступихъ.* Но правда ли это? Какъ же могло случиться, что этотъ почтительный сынъ такъ глухъ даже къ мольбамъ нѣжнаго отца? Какъ могло случиться, что сынъ, почтительный къ отцу, такъ холоденъ и жестокъ къ брату? *Аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложъ есть* (1 Іоан. IV, 20). *Глаголяй себѣ во свѣтѣ быти, а брата своего ненавидяй, во тьмѣ есть доселѣ* (1 Іоан. II, 9). Таково ученіе небесной истины! *И николиже далъ еси козляте.* Какъ? добрый сынъ считается съ отцомъ? Добрый сынъ требуетъ платы отъ отца за любовь къ отцу? Сынъ ли это? Нѣтъ, это наемникъ, а не сынъ. Ахъ! сынъ потерялъ любовь сыновнюю, живя въ домѣ отца. Не хуже ли онъ брата, растерявшаго ту же любовь вдали отъ отца? *Да со други моими веселился бихъ.* Вотъ и еще отличіе добраго сына! Въ томъ, что живетъ онъ вмѣстѣ съ добрымъ отцомъ не находитъ онъ радости;—не находитъ онъ радости и въ выполненіи заповѣдей отца, тогда какъ они доброму сыну слаще меда и дороже камней драгоцѣнныхъ (Псал. XVIII, 11). Онъ ищетъ другихъ радостей, другихъ друзей. Что жъ это за друзья его? Конечно, если бы похожи они были на добраго отца его, то не замѣняли бы они отца въ его душѣ. Жажда веселостей, которою томится онъ въ домѣ добродѣтельнаго отца, показываетъ, что ищетъ онъ друзей грѣха, веселостей распутства. Чѣмъ же онъ разнится отъ младшаго брата блуднаго? Развѣ тѣмъ только, что выставляетъ изъ себя человѣка жизни приличной, поведенія не позорнаго.

Егда же сынъ твой сей, изъядый твое имѣніе съ любодѣйцами, пріиде, заклалъ еси ему тельца питомаго (30). Домогаясь выставить, какъ можно рѣзче, несправедливость отца, строптивый сынъ указываетъ ему на отношеніе его къ брату.

Егда же сынъ твой сей пріиде. Не называетъ и брата братомъ; онъ такъ презираетъ его, что считаетъ за оскорбленіе для себя называться братомъ его. Такова гордость! *Сынъ твой пріиде*—стрѣла злости въ сердце отцу. «Ты, говоритъ онъ, хочешь этого распутнаго признать сыномъ своимъ; пусть онъ *сынъ твой*, любуйся имъ, только я не знаю такого брата. Тогда какъ прожилъ онъ твое имѣніе съ блудницами, ты принимаешь его такъ, какъ не былъ я никогда принятъ тобою, это—твое дѣло!» Какая злость въ сердцѣ гордомъ! Забыто уваженіе къ отцу, забыта любовь къ брату, снисходительность къ брату. Мало и того: гордость не

только безпощадна къ извѣстнымъ слабостямъ брата; она выдумываетъ для него слабости. Съ чего этотъ милый братецъ говоритъ о братѣ: промоталъ имѣніе съ блудницами? Откуда онъ узналъ это? Добрый слуга, встрѣтившій его, не говорилъ ему ничего подобнаго. Ахъ! какъ часто бываетъ, что люди, будучи сами худы, худое думаютъ и о другихъ! Будучи сами расположены къ тому, чтобы дѣлать то или другое грязное дѣло, переносятъ грязь и на другихъ.

Кто не узнаетъ въ этомъ гордомъ братѣ Іудейскихъ фарисеевъ и книжниковъ—представителей самонадѣянности, нерѣдко блистательной по наружной жизни, но отвратительной по сердечнымъ расположеніямъ? Гордыхъ людей дѣло мечтать о себѣ, что они, не какъ другіе люди, не грабители, не обидчики, не прелюбодѣи, а люди жизни строгой (Лук. XVIII, 11). Они не простятъ брату ни одного проступка, тотчасъ замѣтятъ въ глазу его сучекъ, а у себя не видятъ и бревна. Они похожи на гроба окрашенные, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты (Матѳ. XXIII, 27).

Онъ же рече ему: чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя—твоя суть (31). Фарисейская гордость сама осудила себя, когда только открылась въ словахъ. Любовь небесная не судитъ ее, а дружески вразумляетъ и пристыживаетъ ее. *Чадо!* Сколько нѣжности въ этомъ словѣ! И какой отецъ говоритъ это слово? Отецъ, осыпанный грубостями сына. Какъ терпѣлива любовь отца! Сынъ ниразу не назвалъ отца своего отцомъ, а отецъ говоритъ: *чадо!* Какъ сильно это слово, при всемъ томъ, что мягко? Оно такъ сильно, какъ никакое черствое слово! Оно такъ прямо идетъ къ сердцу сына. Оно говоритъ ему: сынъ мой! говоришь ли ты со мною, какъ сынъ? Ахъ! приди въ себя.

Чадо, ты всегда со мною еси и вся моя—твоя суть. Ты не имѣешь причинъ жаловаться на мои отношенія къ тебѣ. Не смотря на твои не сыновнія расположенія ко мнѣ, которыя ты самъ обнаружилъ теперь и которыя мнѣ были извѣстны, любовь отца всегда была открыта для тебя. Какъ же тебѣ желать *козляте?* Какъ тебѣ искать любви у друзей, кромѣ любви отца? Ужели какія-нибудь мои блага дороже тебѣ, чѣмъ самъ я? Впрочемъ, *вся моя твоя суть.* Все, что̀ принадлежитъ мнѣ, принадлежитъ тебѣ, лишь только оставайся сыномъ моимъ, и все это конечно стоитъ больше, чѣмъ могли бы стоить твои труды.

Возвеселити же ся и возрадовати подобаше, яко братъ твой сей мертвъ бѣ, и оживе: изгибль бѣ, и обрѣтеся (32). Если братъ дорогъ сердцу брата, то возвращеніе его, потеряннаго, конечно, должно быть предметомъ радости для брата. И если братъ не радуется о здоровьѣ брата, если счастіе погибавшаго брата оскорбляетъ, терзаетъ брата, то въ такомъ братѣ нѣтъ души братской, онъ убилъ въ себѣ чувства брата, онъ оскорбилъ, унизилъ, обидѣлъ жестоко не брата, но себя самого.

Добрый отецъ препирался съ строптивостью сына! Чудная борьба любви съ самолюбіемъ гордымъ! Родители! Вотъ какъ должны вы обходиться съ худыми дѣтьми! Наставники и пастыри! Вотъ съ какимъ терпѣніемъ надобно вамъ выполнять свое дѣло. Во-первыхъ, виновность наставляемыхъ вами не должна васъ останавливать въ исполненіи вашей обязанности къ нимъ. Какъ-бы много худого ни видѣли вы въ нихъ, вы должны учить ихъ доброму, должны наставлять ихъ словомъ Евангельскимъ.

Ваше дѣло сѣять сѣмя: сѣйте, не теряя времени въ праздности. Что̀ выйдетъ изъ того? Взойдетъ ли что̀ изъ посѣяннаго вами? Не безпокойтесь о томъ: будущность не въ вашихъ рукахъ, въ вашемъ распоряженіи настоящее. Вы можете только желать, чтобы взошло посѣянное; молитесь же Тому, Кто посылаетъ благотворную влагу и тепло плодотворное. Далѣе посмотрите на Евангельскаго отца: вызвала ли строптивость сына хотя одно жестокое слово изъ его сердца? Нѣтъ, Евангельскій отецъ тѣмъ больше оказываетъ нѣжной кротости сыну, чѣмъ больше грубостей выказываетъ сынъ: поступайте и вы та́къ. Вы любите дѣтей? Поступайте же, ка́къ поступаетъ любовь, которая терпѣлива. Грубость и брань въ отвѣтъ на грубость только раздражаетъ грубаго. Если нѣжность отца не всегда можетъ смягчить злое сердце сына, то злость и шумъ столько же могутъ утишать его, сколько масло пламень. Будьте благоразумны по крайней мѣрѣ для успѣха въ своемъ дѣлѣ. Будьте кротки, хотя бы для того, чтобы не уничижать себя предъ дѣтьми злыми. Если они замѣтятъ злость вашу, если замѣтятъ неумѣренность или несправедливость гнѣва вашего,—чѣмъ вы будете въ глазахъ ихъ? Только злыми, только несправедливыми начальниками, но ничуть не родителями. «Рабъ Господа не долженъ ссориться, говоритъ Апостолъ о христіанскомъ учителѣ; но долженъ быть привѣтливъ ко всѣмъ, учителенъ, незлобивъ, съ кротостью долженъ онъ наставлять противниковъ, не дастъ ли имъ Богъ обращенія къ истинѣ» (2 Тимоѳ. II, 24—25). (Воскр. Чт., г. XXVI, ч. II, стр. 1057—1064.)

Библіографическій указатель къ XV гл. Ев. Луки.

Святоотеческія толкованія.

1) Ст. 1—10. *Св. Григорія Богослова.* Изъ Бесѣды въ 3 нед. по Пятид. Христіан. Чт. 1870 г. IV. 186—203.

2) *Св. Григорія Двоеслова.* О взысканіи погибшаго рода человѣческаго Спасителемъ міра (1—10). Кн. II. 179—209.

3) Ст. 11—32. *Св. Іоанна Златоуста.* Изъясненіе притчи о блудномъ сынѣ. Воскр. Чт., г. XIII. 479—480.

4) *Св. Амвросія Медіоланскаго.* Изъясненіе притчи о блудномъ сынѣ. Воскр. Чт., г. XIV. 417—421.

5) *Блаж. Іеронима.* Письмо къ Дамасу о двухъ сыновьяхъ. Твор. блаж. Іеронима, т. I. 77—100.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

6) Вопросы Верцеліуса (о радости и скорби Ангеловъ ст. 7) и отвѣты на нихъ. Душеп. Чт. 1870 г. I. 219—220.

7) *Филарета, архіеп. Харьковскаго.* Бесѣды на притчу о блудномъ сынѣ. Воскр. Чт., г. XIX. 459. 469. 502. 532.

8) *Анатолія архіеп.* Бесѣда въ нед. блуднаго сына. Воскр. Чт., г. XVIII. 408—412.

9) Синаксарь въ нед. о блудномъ сынѣ. Воскр. Чт., г. XII, 437—438.

10) *Бѣлюстина.* Загубленная жизнь (11—32). Воскр. Чт., г. XXXII. II. 1205.

11) Блудный сынъ. Воскр. Чт., г. I. 355. 348.

12) Притча о блудномъ сынѣ. Воскр. Чт. г. II. 389—398; XV, 419.

13) *А. В.* Евангельское чтеніе въ нед. блуднаго сына. Воскр. Чт., г. XXV, 1071—1076.

14) Путь удаленія грѣшника отъ Бога и обращенія его къ Богу, указанный въ притчѣ о блудномъ сынѣ (11 — 21). Воскр. Чт., г. XXII. 472—479.

15) Блудный сынъ (11 — 24). Христ. Чт. 1822 г. VII. 42—65.

16) Притча о блудномъ сынѣ. Христ. Чт. 1854 г. I. 95—125.

17) *М. Ш.* Отпаденіе человѣка отъ Бога и его возвращеніе къ Богу (11—32). Духовн.

Бес. 1859 г. V. 149—162; 191—203; 300—315; 346—363; 399—402.

18) Блудный сынъ. Евангельская притча. Прав. Собес. 1861 г. I. 284—305. 57—77.

19) Объ обязанностяхъ христіанина по ученію Евангельскихъ притчей. Воскр. Чт., г. XXXIV. I. 294—299.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

20) Ст. 11—32. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Безпредѣльное милосердіе Отца Небеснаго, изображенное въ притчѣ о блудномъ сынѣ, не можетъ служить оправданіемъ для откладывающихъ свое покаяніе и исправленіе жизни. I. 60. 67.

21) Ст. 15—32. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Четыре бесѣды на притчу о блудномъ сынѣ. III. 30. 34. 38. 51.

22) Ст. 15—32. *Никанора, еп. Уфимскаго.* Объ отношеніи притчи о блудномъ сынѣ къ роду христіанскому и къ нашему времени. 50—59.

Притча о невѣрномъ управителѣ (Лук. XVI, 1—13).

1. Поводъ, по коему притча сказана.

Болѣе года протекло, какъ Спасителемъ избраны были изъ среды Своихъ послѣдователей двѣнадцать Апостоловъ; слѣдственно, болѣе года было, какъ Іуда носилъ небольшую корвану съ деньгами, принадлежавшими ученикамъ, завѣдывая ею, конечно, безконтрольно. Отзывъ объ Іудѣ Евангелиста Іоанна, предъ наступленіемъ послѣдней Пасхи (XII, 6), заставляетъ думать, что поползновеніе къ утайкѣ открылось въ несчастномъ ученикѣ вскорѣ по приставленіи его къ денежному ящику. Господь не могъ не знать сего и не желать исправить ученика, уклонившагося отъ своего долга. Въ видахъ сего, давно, быть можетъ, выжидаемъ былъ случай сдѣлать внушеніе Іудѣ, но такъ, чтобы оглашеніемъ тайны не унизить и еще болѣе не ожесточить его. Наконецъ, случай представился.

Однажды, Іисусъ Христосъ былъ на вечери, въ домѣ одного начальника фарисеевъ, и говорилъ тамъ разныя нравоученія, примѣнительно къ обстоятельствамъ времени и лицъ. Толпа народа, вѣроятно, уже ожидала Его, и потому, лишь только вышелъ Онъ изъ дома, обступила Его и пошла за Нимъ (Лук. XIV, 25). Въ ней, по обыкновенію, находились фарисеи и книжники, какъ всегдашніе наблюдатели Его словъ и дѣлъ, а затѣмъ—и всякаго рода грѣшники, между коими особенно видны были мытари. Мысль объ Іудѣ, всегда близкая любящему сердцу Богочеловѣка, теперь съ появленіемъ послѣднихъ возбудилась въ Немъ живѣе и съ особенною силою. Лучшаго случая къ вразумленію ученика невѣрнаго, безъ обнаруженія его невѣрности, не могло быть. Личностью, хотя и собирательною, присоединявшихся мытарей — приставниковъ тоже неправедныхъ—вполнѣ прикрывалась личность Іуды. Вслѣдствіе сего, Спаситель начинаетъ говорить о признакахъ или условіяхъ истиннаго послѣдованія за Нимъ, не смотря на то, что объ этомъ предметѣ, незадолго передъ симъ уже было говорено (1). Ученіе это было предложено сначала прямо, открыто, а потомъ, въ двухъ небольшихъ иносказаніяхъ, и заключено такъ: *тако убо*

(1) Іисусъ Христосъ въ первый разъ училъ о самоотверженіи и крестоношеніи, будучи въ Кесаріи Филипповой, за нѣсколько дней до Преображенія (Лук. IX, 23—27); во второй же разъ предлагаетъ это ученіе послѣ Преображенія, уже по пути въ Іудею (Лук. IX, 51).

всякъ отъ васъ иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ» (XIV, 33). Судя по такому выводу, сказанному въ концѣ притчи о царѣ, идущемъ на войну (31—32), уже можно было предугадывать, что Іисусъ Христосъ, повторяя ученіе объ отреченіи отъ всего мірскаго, намѣревался высказать что-то особенное и важное, что-то вродѣ урока противъ любостяжанія и сребролюбія, тѣмъ паче, что такой урокъ, теперь, при видѣ сборщиковъ податей, былъ весьма благонамѣренъ и кстати, и что не безъ назиданія могли слышать его и всѣ сопровождавшіе Спасителя, не исключая и Апостоловъ, хотя всею силою своею этотъ урокъ долженъ былъ пасть на сердце одного изъ нихъ—Іуды. А что Спаситель, изображая признаки послѣдователей Своихъ, дѣйствительно имѣлъ какое-то особенное намѣреніе, это видно изъ Его воззванія, которымъ возбуждалось всеобщее вниманіе въ слушателяхъ и которое употреблялось въ случаяхъ только особенно важныхъ: *имѣяй уши слышати да слышитъ* (35).

Но въ толпѣ народа при семъ обнаружились особенныя движенія, измѣнившія ходъ начатой рѣчи. Мытари и грѣшники, будучи возбуждены къ вниманію извѣстнымъ для нихъ возглашеніемъ и желая лучше слышать Учителя, стали тѣсниться, стараясь подойти къ Нему какъ можно ближе: *бяху же приближающеся къ Нему вси мытаріе и грѣшницы послушати Его* (XV, 1). Господь не отрѣвалъ ихъ и не останавливалъ. Это возбудило негодованіе въ фарисеяхъ, роптавшихъ, что Учитель до того позволялъ Себѣ сближеніе съ явными грѣшниками, что иногда и ѣлъ съ ними (Лук. XV, 2).

Ропотъ фарисеевъ не отклонилъ Спасителя отъ Его намѣренія относительно предположеннаго внушенія Іудѣ и мытарямъ, а только вызвалъ Его сдѣлать предварительно внушеніе самимъ негодователямъ, чтобы, съ одной стороны, показать имъ безмѣрную благость Отца Небеснаго, а съ другой — вразумить ихъ, какъ дороги въ очахъ милосердія Божія кающіеся грѣшники. Вразумленіе это сдѣлано тремя вводными притчами: о заблудшей овцѣ, о потерянной драхмѣ и о блудномъ сынѣ (XV). Съ окончаніемъ ихъ, Господу благовременно было сдѣлать внушеніе Іудѣ, подъ видомъ урока мытарямъ, или, что то же, начать притчу о приставникѣ. Слушателями притчи, конечно, оставались по прежнему и фарисеи, но они теперь отступили уже на второй планъ. Теперь ихъ мѣсто предъ очами Господа заняли Іуда съ мытарями и Апостолы съ тѣми изъ массы народной, кои выказывали готовность внимать Ему и къ коимъ притча могла имѣть практическое приложеніе. Святый Лука именуетъ ихъ общимъ названіемъ учениковъ Христовыхъ: *глаголаше же ко ученикомъ Своимъ.*

2. Цѣль притчи, различная по различію слушателей.

Что касается до цѣли притчи, то какъ она ни различна, по различію и разнородности слушателей, но довольно понятна. Къ ея уразумѣнію ведетъ самое свойство тѣхъ личностей, которые поименованы нами, какъ слушатели притчи. Святые Апостолы въ то время, конечно, не имѣли ничего; но ихъ будущее служебное поприще не устраняло ихъ отъ соприкосновенія съ благами міра. Тамъ ожидала ихъ встрѣча лицомъ къ лицу съ серебромъ (Дѣян. VIII, 18), столь ослѣпительнымъ для сыновъ вѣка сего; тамъ надлежало имъ принимать на себя должность какъ-бы приставниковъ имѣній чужихъ, дѣлающихся потомъ общими имъ съ вѣру-

ющими (Дѣян. II, 34—35); тамъ предстояла имъ необходимость дѣлать разные денежные сборы въ пользу бѣднѣйшихъ церквей и распредѣлять ихъ по своему усмотрѣнію (1 Коринѳ. XVI, 34). Все это вѣдомо было прежде ихъ Божественному Наставнику. Его отеческая предусмотрительность не могла оставить Своихъ учениковъ — Своихъ дѣтей—безъ должнаго предостереженія отъ искусительныхъ приражений со стороны мамоны. И вотъ, въ предупрежденіе, чтобъ въ будущихъ проповѣдникахъ Евангелія видимыя блага міра не извратили какъ-нибудь добрыхъ чувствъ и стремленій, не ослабили въ сердцахъ ихъ вѣры и самоотверженія, а что̀ всего гибельнѣе,—чтобъ не сдѣлались для нихъ цѣлью всѣхъ трудовъ и подвиговъ, Іисусъ Христосъ предварительно внушаетъ Апостоламъ, что забота и попеченія о стяжаніяхъ земныхъ несвойственны для нихъ, какъ благовѣстниковъ Царствія Божія, и что служеніе золотому тельцу — этому кумиру міра—ни въ какомъ случаѣ не совмѣстимо съ тѣмъ высокимъ служеніемъ, къ коему они призваны. Іуда, съ одной стороны, какъ ученикъ Христовъ, облеченный властью чудотворенія (Матѳ. X, 8) и, слѣдственно, близкій къ Господу, а съ другой—какъ неправедный приставникъ, обличаемый своею совѣстью, тѣмъ паче не могъ не уразумѣть сего урока и не извлечь изъ него побужденія для себя—оставить преступное попеченіе о земныхъ интересахъ, какъ всецѣло ниспровергавшее въ немъ достоинство Апостола.

Относительно мытарей цѣль притчи еще виднѣе. Чѣмъ необразованнѣе, грубѣе и грѣшнѣе былъ этотъ классъ народа Божія, тѣмъ чаще и дѣйствительнѣе могла пробуждаться въ немъ совѣсть. Слова Христовы къ книжникамъ и фарисеямъ, что мытари упреждаютъ ихъ на пути къ Царствію Божію (Матѳ. XXI, 31), и примѣръ быстраго и рѣшительнаго обращенія ко Христу Закхея (Лук. XIX, 2—10), служатъ ручательствомъ, что въ средѣ сборщиковъ податей, и кромѣ старшины ихъ, всегда много было такихъ, кои, сознавая свою грѣховную жизнь, хотѣли бы выйти изъ грѣховной бездны, но не находили средствъ къ тому; хотѣли бы, для облегченія своей совѣсти, не пожалѣть подъ часъ и своихъ сокровищъ, но недоумѣвали, что̀ можно, да и можно ли что̀ сдѣлать во спасеніе души своей отъ мамона неправды? Понятно, что при такомъ направленіи этихъ людей, которыхъ и самое богатство не спасло отъ презрѣнія со стороны ученой знати Іудейской, но которые, въ то же время, не оставляли случаевъ слышать Слово Божіе и, слѣдственно, думали о благовѣствуемомъ Царствіи и искали пути къ примиренію съ Богомъ, ученіе Христово о томъ, что неправеднымъ богатствомъ можно умилостивить правду Божію и стяжать вѣчные кровы, долженствовало послужить дверію къ выходу изъ того мрака скорби и унынія, въ которомъ томились ихъ души, ища свѣта Божія.

Въ томъ же смыслѣ и съ одинаковою цѣлью притча могла относиться къ толпѣ книжниковъ и фарисеевъ. Спасительное слово Небеснаго Учителя, конечно, и теперь не оказало спасительнаго дѣйствія на огрубѣвшую совѣсть сихъ лживыхъ понимателей и кривотолковъ Царства Мессіи. Духъ надменія и упорства всегда поддерживался въ нихъ лишь пустымъ ханжествомъ и алчностью къ обогащенію, даже до жестокости къ ближнимъ. За всѣмъ тѣмъ, это приточное ученіе о наилучшемъ употребленіи богатства, нажитаго неправдою, и для сего гордаго класса слушателей было необхо-

димо, если не въ томъ отношеніи, чтобъ имъ обратиться ко Господу и исцѣлѣть; то въ томъ, «*да оправдится*» черезъ нихъ «*премудрость отъ чадъ своихъ*» (Матѳ. XI, 19). Безъ него послѣдняя обличительная рѣчь Спасителя къ книжникамъ и фарисеямъ, изложенная въ Евангеліи Матѳея (XXIII, 36), могла бы показаться слишкомъ строгою и грозною.

Наконецъ, не фарисеи,—богатые, но обогащавшіеся, подобно фарисеямъ и мытарямъ, средствами богопротивными, точно такое же могли извлечь для себя назиданіе изъ притчи, какъ и явные грѣшники и мнимые праведники. Что же касается до тѣхъ изъ богачей слушателей, кои пріобрѣтали земныя блага честнымъ трудомъ и воздержною жизнью, то для нихъ притча служила къ Евангельскому милосердію и состраданію относительно бѣдныхъ непрямо, а черезъ выводъ и заключеніе отъ меньшаго къ большему и отъ худшаго къ лучшему. Если и неправедно нажитымъ богатствомъ, черезъ удѣленіе его бѣднымъ и неимущимъ, можно пріобрѣтать вѣчныя обители въ дому Отца Небеснаго, то тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе можно наслѣдовать эти обители и удостоиться блаженнаго возлежанія со Авраамомъ, черезъ раздѣленіе съ немощною убогою братіею богатства, пріобрѣтаемаго благословеннымъ трудолюбіемъ и вообще средствами, одобряемыми закономъ и совѣстью.

3. Конечный предѣлъ притчи и ея нравоученіе.

Заключеніе ученія, имѣющаго не одно, а многія цѣли, не могло быть выражено въ одномъ мѣстѣ и однимъ стихомъ. Это служитъ причиною, что толковники не согласны между собою въ томъ, гдѣ именно настоящій конецъ притчи. Нѣтъ нужды приводить здѣсь эти разныя мнѣнія; но во всякомъ случаѣ не лишне, относительно окончанія притчи, замѣтить слѣдующее.

Наибольшая часть комментаторовъ видятъ конецъ притчи въ 9 стихѣ: «*и Я говорю вамъ: пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобъ они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители*». Надобно признаться, что это не безъ основанія. Приведенный стихъ всего скорѣе можно принять за обыкновенное заключеніе, какъ потому, что онъ, заканчивая собою иносказаніе, содержитъ въ себѣ практическое приложеніе или нравоученіе, прямо выведенное изъ содержанія притчи, такъ и потому, что это нравоученіе и внѣшнею своею формою сходно съ таковыми же нравоученіями во многихъ другихъ притчахъ; таковы, напримѣръ: о царѣ, состязающемся съ своими рабами (Матѳ. XVIII, 35), о человѣкѣ домовитомъ (Матѳ. XX, 16), о десяти дѣвахъ (Матѳ. XXV, 13) и другія, гдѣ краткія нравоученія, по согласному мнѣнію всѣхъ, составляютъ рѣшительный конецъ притчей. За всѣмъ тѣмъ заключеніе 9 стиха не есть вполнѣ окончательное. Оно объемлетъ собою всѣхъ зажиточныхъ людей вообще, всѣхъ фарисеевъ и мытарей, всѣхъ фарисеевъ и простолюдиновъ и—наконецъ Іуду; но оно не имѣетъ ни малѣйшаго примѣненія къ лику прочихъ Апостоловъ и, слѣдственно, во всякомъ случаѣ, есть не болѣе какъ заключеніе частное, необходимо предполагающее таковое же другое. Иначе, притча осталась бы безъ полнаго конца.

Это заключеніе, дѣйствительно, есть, и находится въ трехъ слѣдующихъ затѣмъ стихахъ: «*итакъ, если вы въ неправедномъ богатствѣ не были вѣрны: кто повѣритъ вамъ истинное? И если въ чужомъ не были вѣрны: кто дастъ вамъ вашe? Никакой слуга не можетъ*

служитъ двумъ господамъ: или одного будетъ ненавидѣть, а другаго любить; или одному станетъ упорствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и мамонѣ». Въ немъ содержится прямое приложеніе притчи не только къ Апостоламъ, какъ будущимъ провозвѣстникамъ Царства Христова, но и къ Іудѣ, какъ ученику Христову, уже прельстившемуся блескомъ златицъ и сребренниковъ, но еще не отпадшаго отъ лика Апостольскаго. По внѣшней формѣ, это приложеніе имѣетъ видъ условной энтимемы и можетъ быть выражено такъ: «кто не вѣренъ въ маломъ, тому не повѣрятъ многаго: итакъ, если вы невѣрны будете въ распоряженіи имѣніемъ малымъ и скоропреходящимъ, то не повѣрятъ и не дадутъ вамъ вѣчнаго, истиннаго, многоцѣннаго». Само собой слѣдуетъ, что это заключеніе частное, какъ и быть должно. Нравоученіе, въ немъ содержащееся, до того не всеобъемлюще, до того относится къ однимъ Апостоламъ, что какъ первое (нравоученіе), направленное къ мытарямъ и фарисеямъ не приложимо къ ученикамъ Христовымъ, такъ и это послѣднее рѣшительно неприменимо ни къ кому другому, кромѣ Апостоловъ. Это служитъ базисомъ той мысли, что нельзя, какъ мы видѣли, принять за слушателей притчи ни Апостоловъ однихъ, съ исключеніемъ фарисеевъ и мытарей, ни сихъ послѣднихъ, съ устраненіемъ учениковъ Христовыхъ.

Но и двѣнадцатый стихъ не есть послѣдній терминъ притчи. Должно замѣтить, что на слѣдующій за нимъ 13 стихъ почти всѣ западные толковники смотрятъ, какъ на что-то лишнее, не имѣющее никакой связи съ контекстомъ, такъ что и лучшіе изъ нихъ ничего болѣе не находятъ сказать о немъ, какъ только то, что онъ взятъ изъ Евангелія Матѳея (VI, 24). Между тѣмъ названный стихъ скорѣе необходимъ для полноты заключенія притчи. Обнимая всѣхъ слушателей притчи, безъ отношенія къ нравственной сторонѣ ихъ жизни, а также и къ тому положенію, которое одни изъ нихъ занимали, а другіе готовились занять въ средѣ людской, онъ служитъ объединеніемъ и обобщеніемъ обоихъ предыдущихъ частныхъ заключеній. Мысль его такова: «служеніе двумъ противнымъ началамъ, каковы: Богъ и мамона—не можетъ совмѣститься въ одномъ лицѣ служащемъ». Здѣсь самый краткій и окончательный выводъ и предѣлъ притчи.

Что же касается собственно до порядка, въ коемъ нравственное приложеніе притчи относится ко всему составу слушателей, то его можно опредѣлить такъ. Нравоученіе первѣе всего направлено было къ мытарямъ, какъ потому, что они подали поводъ къ произнесенію притчи въ настоящую минуту, такъ и потому, что они служили прикровеніемъ личности, составлявшей послѣднюю цѣль ея — прикровеніемъ Іуды. При этомъ нельзя отвергать мнѣнія нѣкоторыхъ, что самый образъ изложенія притчи, т. е. образъ сужденій и дѣйствій домоприставника взятъ съ образа мыслей и поступковъ мытарей. Если гдѣ, то въ мытницахъ, или таможняхъ, по преимуществу, могли быть въ употребленіи подобныя сдѣлки, при взиманіи пошлинъ съ товаровъ. Тамъ и количество, и вѣсъ, и мѣра—не масла только и пшеницы, но и всего, что ввозилось и вывозилось, могли быть умаляемы въ видахъ полученія извѣстныхъ за то благодарностей. Затѣмъ, нравоученіе относилось къ фарисеямъ и ко всѣмъ богатымъ. Это нравоученіе находится въ 9-мъ стихѣ.

Далѣе, Спаситель имѣлъ въ виду Іуду, для котораго нарочито притча и была сказана, и который, сдѣлавшись

приставникомъ невѣрнымъ, оставался еще въ числѣ ближайшихъ учениковъ Его. Какъ невѣрный хранитель ковчежца, Іуда не могъ не сознавать, что притча близко касалась его какъ содержаніемъ, такъ и нравоученіемъ, изъ него выведеннымъ. И въ самомъ дѣлѣ, при звукахъ словъ Христовыхъ: «мамона неправды» и «вѣчные кровы», голосъ собственной совѣсти его,—совѣсти, омраченной недугомъ, но еще не утратившей жизненной силы и не огрубѣвшей въ противленіи добру,—этотъ голосъ не могъ не напомнить Іудѣ, что нравоученіе относилось и къ нему, и содержало въ себѣ прямое указаніе, какъ поступить ему съ утаеваемою суммою, чтобъ, покончивъ навсегда съ этою мамоною неправды, возвратить себѣ утраченную вѣчность и спокойствіе духа, удержать вполнѣ достоинство Апостола и пріобрѣсти не временное убѣжище на землѣ, какъ ему думалось, а вѣчныя блага на небѣ.

Но указавъ спасительный выходъ изъ ненормальнаго положенія Іудѣ, какъ блюстителю общественнаго ящика, Господь вслѣдъ за симъ присовокупляетъ и то, что̀ должно относиться къ нему же (Іудѣ), но уже какъ къ благовѣстнику Царствія Божія, побуждая его, въ то же время, и къ неотложному заглажденію невѣрности въ прошедшемъ и къ сохраненію неукоризненной вѣрности въ будущемъ (10). А чтобъ и теперь прикрыть обличаемую невѣрность Іуды, какъ она доселѣ прикрываема была мытарями, Іисусъ Христосъ обращается ко всѣмъ Апостоламъ (11—12), чтобъ, съ другой стороны, оградить и укрѣпить въ нихъ святую вѣрность противу ожидавшихъ ихъ прилоговъ и искушеній, и черезъ то сдѣлать ихъ вполнѣ достойными тѣхъ истинныхъ и многоцѣнныхъ благъ, тѣхъ духовныхъ и благодатныхъ сокровищъ, которыя имъ, по преимуществу, предназначены были какъ-бы въ собственность, и которыми они, въ свое время, имѣли обогатиться «не въ мѣру»; чтобъ, въ свою чреду, обогатить истиннымъ Боговѣдѣніемъ и Богочестіемъ обнищавшее человѣчество.

4. Отличительныя особенности притчи.

Заключая все, что̀ доселѣ было сказано нами, съ цѣлью уяснить подлинный смыслъ притчи, справедливымъ находимъ замѣтить, что «притча о приставникѣ» видимо выдѣляется изъ ряда прочихъ притчей, болѣе или менѣе похожихъ одна на другую, и носитъ на себѣ особый и своеобразный типъ.

Къ этой особенности притчи можно отнести а) то, о чемъ мы частью уже сказали, т. е. что ученіе, здѣсь содержащееся, преслѣдуетъ разныя цѣли, по разнородности слушателей; а потому не могло заключиться, подобно другимъ притчамъ, разомъ и категорически, а требовало, соотвѣтственно разнымъ состояніямъ поучаемыхъ, окончанія постепеннаго, по частямъ, и выраженнаго не однимъ стихомъ, а многими; б) то, что въ основаніе Евангельскаго нравоученія положены дѣйствія человѣка, коего житейская ловкость и догадливость въ устроеніи судьбы своей хотя и похвалены господиномъ притчи; но тѣмъ не менѣе, нравственнаго настроенія души его, обнаружившагося въ поступкѣ явно нечестномъ и несправедливомъ, никто похвалить не можетъ.

Впрочемъ, объ этихъ двухъ особенностяхъ должно сказать, что они какъ ни характеристичны, но вовсе не таковы, чтобъ черезъ нихъ разсматриваемая притча рѣзкою чертою отличалась отъ прочихъ, потому что онѣ, хотя очень не во многихъ, и не обѣ вмѣстѣ, однако встрѣчаются и въ другихъ Евангельскихъ иносказаніяхъ. Такъ, напримѣръ,

многостишное заключеніе мы видимъ въ притчѣ о человѣкѣ домовитомъ, отдавшемъ виноградъ свой дѣлателямъ (Матѳ. XXI, 42—44). Въ притчѣ о томъ, «како подобаетъ молитися и не стужати» (Лук. XVIII, 1—3), представляется судія слишкомъ невысокой набожности, потому что онъ ни Бога не боялся, ни людей не стыдился: за всѣмъ тѣмъ его рѣшеніе положить конецъ докукамъ вдовы—мало того, что служитъ воодушевленіемъ къ непрестанной молитвѣ для всѣхъ избранныхъ Божіихъ, но и основаніемъ того, что Самъ Богъ, преблагій и святой Промыслитель, ставится какъ-бы въ параллель съ судьею, столь недостойнымъ.

Особый типъ этой притчи отразился на самомъ ея изложеніи. Чтобъ ученію, прикрытому иносказаніемъ и имѣющему при томъ разныя цѣли, изъ коихъ однѣ открыты, а другія сокровенны и вѣдомы только для нѣкоторыхъ,—чтобъ такому ученію сообщить, относительно слушавшихъ субъектовъ, наибольшій объемъ и широту, конечно, невозможно было обойтись безъ такихъ словъ и выраженій, которыя, одновременно касаясь разнородныхъ личностей, должны были, примѣнительно къ ихъ неодинаковой нравственной цѣли, содержать въ себѣ и смыслъ неодинаковый. Само собою слѣдуетъ, что такого рода рѣчь, и не иносказательная, не свободна отъ нѣкоторой неопредѣленности въ слогѣ и даже темноты; а эта неопредѣленность, встрѣчаясь и въ содержаніи притчи, и въ самомъ нравоученіи, служитъ въ свою чреду, одною изъ немаловажныхъ причинъ, почему въ трактуемой притчѣ гораздо болѣе усматривается трудностей и недоразумѣній въ отысканіи подлиннаго смысла и значенія, чѣмъ во всѣхъ другихъ.

Коснувшись трудностей въ пониманіи притчи, въ заключеніе неизлишнимъ находимъ присовокупить, что обыкновенныя человѣческія средства и пособія толкованія, конечно, и здѣсь, какъ и вездѣ, благотворны и необходимы; но они одни еще недостаточны къ истолкованію ученія свыше человѣческаго. Просвѣщеніе научное и школьное, какъ-бы ни казалось основательнымъ и обширнымъ, но въ дѣлѣ изъясненія словъ небесной истины дотолѣ не будетъ вполнѣ плодотворно и истинно, доколѣ не соединится съ просвѣщеніемъ опытно-духовнымъ и благодатнымъ. Послѣднее, проистекая изъ непоколебимой вѣры въ Господа Іисуса Христа, какъ «*Сына Бога живаго*» (Іоан. VI, 60) и въ Его глаголы, какъ «*глаголы живота вѣчнаго*» (Іоан. VI, 68), и сопровождаемое жизнью святою и благочестивою, образуется подъ осѣненіемъ «*Духа Божія, испытующаго и глубины Божія*» (1 Коринѳ. II, 10). Такое просвѣщеніе «не обымается» грѣховною тьмою, а, напротивъ, само можетъ разгонять и осіявать всякую тьму (Іоан. I, 5). Въ соединеніи съ нимъ и земная наука, не смотря на свою предѣльность и временность, много, очень много можетъ привнести свѣта въ область истинъ, хотя бы они были и небесны и вѣчны (Духовная Бесѣда 1868 г., т. II, стр. 294—303, 321—325).

Изъясненіе притчи о неправедномъ управителѣ.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

И Азъ вамъ глаголю: сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы (Лук. XVI, 9). Божественный Учитель милосердія не оставляетъ безъ особаго наставленія *приближавшихся послушати Его* (Лук. XV, 1) и такихъ *учениковъ* (Лук. XVI, 1), какъ мытари и грѣшницы, которые какъ въ пріобрѣтеніи, такъ и въ употребленіи бо-

гатства, руководствовались только мірскою мудростью, полагаемою въ томъ, чтобы ловко пріобрѣсть, пожертвовать, только для большей выгоды, обезпечить себя отъ недостатка. Отъ ихъ мудрованія, подобно какъ и прежде въ домѣ угостителя отъ угощенія, заимствуетъ Онъ для нихъ образъ ученія; и предлагаетъ притчу о неправедномъ приставникѣ имѣнія и сопровождаетъ ее наставленіемъ: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы.*

Видно, слышавшіе сіе наставленіе догадались понять оное не въ смыслѣ мірского мудрованія, которому никогда не училъ Божественный Наставникъ, но въ разумѣ чистой духовной мудрости, потому что Наставникъ Сердцевѣдецъ не нашелъ нужнымъ прибавить что либо для огражденія Своего наставленія отъ неправаго истолкованія. Но между христіанами случается слышать вопросы: что̀ значитъ притча о невѣрномъ приставникѣ? что̀ значитъ: *сотворитъ себѣ други отъ мамоны неправды?* Неужели собравшій себѣ богатство неправдою, подавъ милостыню изъ неправедно пріобрѣтеннаго, можетъ тѣмъ приготовить себѣ добрую обитель въ вѣчности?

Полагаю, что надобно устранить сіе недоумѣніе, а для сего нужно яснѣе имѣть въ виду содержаніе притчи.

Нѣкто имѣлъ приставника сельскаго имѣнія; и узнавъ, что онъ расточаетъ ввѣренное, вознамѣрился отнять у него должность и для того потребовалъ у него отчета въ управленіи. Управитель, видя, что долженъ остаться безъ мѣста и безъ содержанія, призвалъ людей, которымъ отъ управляемаго имѣнія хлѣбъ и масло были отпущены въ долгъ и, велѣвъ переписать домовыя записи, съ уменьшеніемъ долга, подарилъ такимъ образомъ одному пятьдесятъ мѣръ масла, другому двадцать мѣръ пшеницы, въ той надеждѣ, что, лишась мѣста и содержанія, изъ благодарности будетъ принятъ ими въ домы ихъ. *И похвали Господь дому строителя неправеднаго, яко мудрѣ сотвори.* Примѣчайте, что неправедный строитель похваленъ не за неправду, которая не можетъ быть предметомъ похвалы, и за которую онъ уже сужденъ прежде и осужденъ на отрѣшеніе отъ должности, но за то, что *мудрѣ сотвори,* что искусно распорядился.

Для правильнаго разумѣнія сей притчи надлежитъ взять въ соображеніе общее правило, что какъ видимый предметъ притчи, по свойству вещей, не во всемъ можетъ быть сходенъ съ предметомъ, означаемымъ притчею, то не все, что̀ принадлежитъ къ повѣствованію притчи, можетъ принадлежать къ ея уподобительному значенію и толкованію. Напримѣръ, въ притчѣ о судіи неправедномъ, *Бога не боящемся и человѣкъ не срамляющемся* (Лук. XVIII, 2), который вдовѣ, долго, ежедневно неотступно просившей защиты, оказываетъ, наконецъ, просимую справедливость, къ уподобительному толкованію принадлежитъ, во-первыхъ, самое имя судіи, во-вторыхъ, послѣдняя часть повѣствованія, и симъ иносказаніемъ означается, что Богъ усердную и неотступную молитву наконецъ пріемлетъ и исполняетъ, а подобныя черты первой части повѣствованія, изображающія судію неправеднымъ, *Бога не боящемся и человѣкъ не срамляющемся,* не принадлежатъ къ уподобительному толкованію притчи, потому что въ сихъ чертахъ являются человѣческія свойства, очевидно, не сообразныя со святостію Судіи Бога. Подобно сему и въ притчѣ о неправедномъ приставникѣ, неправда и невѣрность входятъ только въ повѣствованіе притчи для

его полноты, а къ уподобительному значенію притчи не принадлежатъ, какъ черты, несовмѣстныя съ духомъ ученія Христова.

Истинное же значеніе притчи опредѣляется слѣдующими чертами. Приставникъ управляетъ чужимъ имѣніемъ: подобно сему всякій человѣкъ въ настоящей жизни пользуется богатствомъ и другими дарами Божія творенія и провидѣнія, не какъ независимый обладатель, никому не обязанный отчетомъ, но какъ приставникъ, обязанный отчетомъ Богу, Которому единому первоначально и существенно все принадлежитъ. Приставникъ, наконецъ, долженъ оставить управленіе и дать въ немъ отчетъ: подобно и всякій человѣкъ, съ окончаніемъ земной жизни, долженъ оставить то, чѣмъ распоряжалъ на землѣ, и дать въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ предъ судомъ Божіимъ. Отставляемый приставникъ видитъ, что останется скуднымъ и бездомнымъ: подобно сему преставляемые отъ земной жизни, иные благовременно въ смиренномъ самопознаніи открываютъ, а иные поздно усматриваютъ, что они скудны подвигами и добродѣтелями, что не стяжали довольно вѣры и любви къ Богу, не довольно укрѣпились въ молитвѣ, не совершили достаточныхъ подвиговъ воздержанія и самоотверженія, или страданія за истину, которые отверзли бы для нихъ одну изъ обителей небесныхъ. Что̀ дѣлать бѣдному приставнику? Что̀ дѣлать скудной душѣ?—Приставникъ имѣетъ надежду быть принятъ въ домы тѣхъ, которымъ Онъ отъ избытка ввѣреннаго ему управленія сдѣлалъ одолженіе. Душа, при недостаткѣ совершенства, имѣетъ надежду, что бѣдствующіе и скорбящіе, которымъ она отъ своего земного благосостоянія подавала помощь и утѣшеніе, благодарною молитвою вѣры, помогутъ и ей отворить дверь вѣчнаго крова, которую себѣ отверзаютъ вѣрностью въ подвигѣ терпѣнія.

Конечно, слово притчи ясно показываетъ, что она, употребляя мірское мудрованіе въ подобіе духовной мудрости, отнюдь ихъ не смѣшиваетъ: *сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть.* То-есть: какъ жаль, что чада мудрости мірской имѣютъ довольно искусства, среди самаго разрушенія, темными средствами устроить свое временное благосостояніе, а чада свѣта, ученики мудрости Божественной часто не употребляютъ довольно тщанія, чтобы при ея свѣтѣ, съ ея силою, уравнять и управить свой путь въ вѣчные кровы!

Остается изъяснить выраженіе: *мамоны неправды,* чтобы неясно понимаемыя слова не закрывали чистоты ученія.

У Сиріянъ былъ идолъ, который назывался *мамона* и суевѣрно почитался покровителемъ богатства. Отъ сего и къ самому богатству перенесено то же названіе: *мамона.* Господь, конечно, не безъ причины, вмѣсто простого названія богатства, употребилъ слово *мамона,* въ которомъ съ понятіемъ *богатства* соединяется понятіе *идолослуженія:* и причину сего не иную можно предположить, какъ ту, что хотѣлъ означить не просто богатство, но богатство, съ пристрастіемъ собираемое, съ пристрастіемъ обладаемое, дѣлающееся идоломъ сердца.

Такимъ образомъ опредѣляется смыслъ и цѣлаго выраженія: *мамона неправды.* Это значитъ богатство, которое чрезъ пристрастіе къ нему сдѣлалось неправеднымъ или порочнымъ; ибо въ священномъ языкѣ неправда можетъ означать вообще порокъ, подобно какъ и правда—вообще добродѣтель.

Что̀ же посему значитъ наставленіе: *сотворите себѣ други отъ мамоны не-*

правды? Это значитъ: богатство, которое чрезъ пристрастіе легко становится у васъ мамоною неправды, веществомъ порока, идоломъ, обратите въ доброе стяжаніе чрезъ благотвореніе бѣднымъ, и пріобрѣтите въ нихъ духовныхъ друзей и молитвенниковъ за васъ.

Что̀ касается до тѣхъ богатыхъ, которые не только не свободны отъ неправды пристрастія къ богатству, но и отягчены неправдою злопріобрѣтенія,— они напрасно ищутъ легкаго способа прикрыть свою неправду въ притчѣ о неправедномъ приставникѣ. Но если хотятъ истиннаго, собственно къ нимъ относящагося наставленія, то найдутъ оное въ исторіи мытаря Закхея. Тогда какъ онъ неправду пристрастія къ богатству очищаетъ милостынею; *се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ,* другую, болѣе тяжкую, неправду злопріобрѣтенія заглаждаетъ справедливымъ удовлетвореніемъ обиженныхъ: *аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею* (Лук. XVIV, 8). (Изъ бесѣды о милосердіи къ бѣднымъ. Т. III-й. Стр. 363—365.)

Изъясненіе притчи о неправедномъ приставникѣ (Лук. XVI 1—8).

(*Еп. Θеофана.*)

Приточная исторія (1—8) ясна сама по себѣ. Требуютъ не объясненія, а больше указанія, нѣкоторыя не высказанныя частности, чтобъ само собою обозначилось, что какъ въ приточной исторіи неопредѣлены точныя границы всѣхъ обстоятельствъ, то никакъ не слѣдуетъ иносказательнаго толкованія проводить по всей этой исторіи.

Ст. 1. *Глаголаше же ко ученикомъ Своимъ: человѣкъ нѣкій бѣ богатъ, иже имяше приставника: и той оклеветанъ бысть къ нему яко расточаетъ имѣнія его.*

Когда святый Евангелистъ говоритъ, что Спаситель, поговоривъ къ фарисеямъ и книжникамъ, обратился съ рѣчью къ ученикамъ, то разумѣетъ подъ сими не однихъ 12 Апостоловъ, но всѣхъ, кои собрались слушать Его съ готовностью слѣдовать Его урокамъ. Такихъ всегда было много. Въ Евангеліи отъ Іоанна (VI, 66) говорится, что многіе изъ учениковъ Господа оставили Его и больше за Нимъ не ходили. Стало быть, всѣ ходившіе за Нимъ и внимавшіе Ему—считались учениками Его. Святый Лука въ слушавшихъ Спасителя видитъ цѣлый народъ учениковъ (Лук. VI, 17). Были они и въ эту пору. О мытаряхъ именно говорится, что они приблизились къ Спасителю, чтобъ послушать Его (XV, 1).

Богатый человѣкъ не обозначается никакими особенностями, какъ дѣлается въ слѣдующей притчѣ (19 и д.), потому что не онъ главное лице притчи, а приставникъ. Онъ былъ богатъ на столько, что нужно было приставника. Были ль другіе приставники, не поминается. Дѣло не въ мѣрѣ богатства господина, а въ житейской практичности сыновъ вѣка, которая можетъ быть вполнѣ выражена и въ одномъ примѣрѣ, въ распоряженіи и незначительнымъ имѣніемъ. Приставниками бывали большею частью довѣренные изъ своихъ рабовъ, какой обычай и доселѣ держится на востокѣ. Но приглашались иногда на это мѣсто и свободныя лица, и служили на условіяхъ. Приставникъ притчи, какъ видно, принадлежалъ къ числу свободныхъ; потому что отъ господина, у котораго служилъ, боится не побоевъ, темницы или другаго какого наказанія за худое управленіе имѣніемъ, а только отставки отъ мѣста и изъ-за того бѣдности и нужды.

Приставникъ оклеветанъ, что расточаетъ имѣніе. Слово оклеветанъ (διε-

βλήθη, отъ διαβάλλω, откуда διάβολος—клеветникъ), указываетъ будто на ложный доносъ—клевету; но слово сіе означаетъ и справедливый доносъ. Въ настоящемъ случаѣ доносъ, видимо, былъ правый, оклеветаннымъ же названъ онъ, можетъ быть, потому, что сдѣланъ не открыто, а на ухо. Все теченіе рѣчи показываетъ, что приставникъ былъ виноватъ; и самъ противъ обвиненія господина ничего не говоритъ вѣрно потому, что нечего было сказать.—Расточеніе имѣнія въ отношеніи къ управителю ближе всего значитъ: худо управляетъ, распустилъ имѣніе, ни за чѣмъ не смотритъ, все идетъ не въ прокъ. Не видно, чтобъ онъ корыстовался прежде хозяйскимъ добромъ; иначе, по устраненіи отъ управленія, онъ не долженъ былъ ожидать крайней бѣдности, развѣ только предположить, что корыстуясь все проматывалъ. Прямая мысль—приставникъ оказался такимъ, что отъ его управленія не было пользы ни господину, ни ему самому.

Ст. 2. *И пригласивъ его рече ему: что се слышу о тебѣ? воздаждь отвѣтъ о приставленіи домовнѣмъ: не возможеши бо ктому дому строити.*

Господинъ только услышалъ, и вѣритъ—и на основаніи слуха дѣлаетъ опредѣленіе отставить приставника, неоправдавшаго довѣрія. Вѣрно—вина была такъ очевидна, что нечего было удостовѣряться въ истинѣ ея и наводить справки. Господинъ прямо рѣшаетъ: не можетъ болѣе править домомъ и хозяйствомъ; дай отвѣтъ: не дай объясненіе или оправданіе противъ того, что̀ слышу, а приготовь все къ сдачѣ, сведи счеты и сдай имѣніе, а затѣмъ оставь мой домъ и иди, куда хочешь.

Ст. 3. *Рече же въ себѣ приставникъ дому: что сотворю, яко господь мой отъемлетъ строеніе дому отъ мене? Копати не могу, проситі стыжуся.*

Слово господина было такъ рѣшительно, что не оставляло приставнику никакой надежды удержаться на прежнемъ мѣстѣ. Между тѣмъ онъ не видитъ себя тѣснимымъ, или окруженнымъ надзоромъ: имѣетъ полный просторъ—приготовить отчетность. Этою свободою и воспользовался онъ, чтобъ промыслить о себѣ на будущее время. Открылась крайность его положенія: ему оставалось одно изъ двухъ: или умереть съ голоду, или вести жизнь скорбную и унизительную,—идти въ работники, на поденщину, или просить милостыню. *Копать*, т. е. работать заступомъ въ садахъ, огородахъ и поляхъ,—самый обширный способъ добыванія пропитанія для рабочаго класса на востокѣ,—копать, говоритъ, не могу, или потому что старъ уже, или потому что непривыченъ; *проситі стыжуся*—вѣрно былъ извѣстенъ въ своемъ мѣстѣ.

Ст. 4. *Разумѣхъ, что сотворю.* Догадался, какъ выпутаться, пришла счастливая мысль, исполненіе которой,—нетрудное, и бывшее вполнѣ въ его рукахъ,—обѣщало ему и кровъ, и содержаніе, и защиту. Что̀ именно придумано, не высказывается напередъ; но планъ былъ хорошъ, и приставникъ съ увѣренностью могъ обѣщать себѣ: *да егда отставленъ буду, пріимутъ мя въ домы своя.*

Ст. 5—7. Что̀ придумано, видно уже изъ дѣла, но какъ вздумано, такъ тотчасъ и дѣлается. Планъ приводится въ исполненіе съ поспѣшностью: можетъ быть, времени не было, а, можетъ быть, имѣлось въ виду—нечаянностью одолжительнаго предложенія поразить должниковъ и тѣмъ больше расположить ихъ въ свою пользу. Къ этой же цѣли направлены и вопросы: ты сколько долженъ, а ты сколько? Онъ зналъ, сколько кто долженъ, но хотѣлъ рѣзче выставить одолженіе, говоря какъ-бы такъ: вотъ

какую я дѣлаю тебѣ уступку, а тебѣ вотъ какую. Согласіе на это должниковъ предполагалось, о немъ и рѣчи нѣтъ; потому что дѣйствіе шло въ духѣ ихъ. Ясно, вѣрно, для нихъ было и то, чего ради это дѣлалось, равно какъ для приставника не подлежало сомнѣнію, что онъ не будетъ забытъ. Почему не поминается о секретной какой либо относительно сего сдѣлкѣ. Сущность плана состояла въ томъ, что приставникъ, при сведеніи счетовъ, вздумалъ сдѣлать должникамъ господина своего значительное одолженіе,—скидкою со счетовъ ихъ, у одного 50, а у другаго 20 частей со ста,—чтобъ изъ благодарности они послѣ приняли его въ домы свои. Что̀ значитъ та и другая мѣра, чего ради одному уступлено 50, а другому 20, было ли только два должника или больше,—опредѣленіе этихъ частностей для притчи ничего не значитъ. Имѣлось въ виду только указать, что приставникомъ предположенная цѣль достигнута: онъ умудрился обезпечить себя на будущее.

Ст. 8. *И похвали господь дому строителя неправеднаго, яко мудрѣ сотвори.*

Приставникъ не размножалъ рѣчей не только со сторонними, но и съ самими должниками: все дѣлалось молча, —умственно, какъ математическія выкладки. Ужъ итогъ, слѣдствіе, само дѣло показало, какъ все придумано хорошо. Предположить надобно, что приставникъ оставилъ уже домъ господина и принятъ въ домахъ должниковъ его. Господинъ или догадался, или допытался, почему и какъ это сдѣлано, и похвалилъ приставника, не за неправду, а за то, какъ искусно онъ сумѣлъ обезпечить себя на будущее время, находясь въ такой крайности, и дѣло свое провелъ та́къ, что къ нему пристать нельзя.

«Похвали господь» —κύριος,—относится не къ Господу Спасителю, а къ господину, богатому человѣку. Если допустить, что Спаситель похвалилъ неправеднаго приставника, то вмѣстѣ надо признать, что слова сіи вноситъ святый Евангелистъ. Но этимъ возмутится все сказаніе: исторія приточная останется безъ конца; слова: *яко сыновѣ вѣка сего мудрѣйши сутъ* и проч. —будутъ относиться къ святому Евангелисту,—и чтобъ ихъ отнести къ Спасителю, надо предъ ними прибавить: «говоря», на что̀ никакого нѣтъ основанія. Очевидно, ктому же, что рѣчь, съ 1—13, идетъ непрерывно, въ естественной связи, и должна быть признана исходящею изъ устъ Спасителя — вся въ цѣлости. Слѣдовательно, Онъ же сказалъ: *похвали господь;*—и стало быть не о Себѣ сказалъ, а о томъ уже кого господомъ κύριος—назвалъ въ 3-мъ стихѣ и господиномъ—κύριος (у насъ по-Слав.) въ 5-мъ. Это замѣчаніе нужно для тѣхъ, которые, относя слова: *похвали Господь* къ Спасителю, сами на себя наводятъ смущающее недоумѣніе: какъ похвалилъ Господь неправеднаго? Хвалитъ не Господь, а господинъ (Стран. 1869 г. Апр., 3—15).

Изъясненіе притчи о невѣрномъ управителѣ (Лук. XVI, 8—13).

(Н. Розанова.)

Господинъ не только не требуетъ отъ приставника растраченнаго имъ имущества, не только не подвергаетъ его наказанію за невѣрность, какъ поступаетъ господинъ въ другой Евангельской притчѣ (Матѳ. XVIII, 24—25, 34; XXIV, 48—51; XXV, 26—30), но еще хвалитъ его,— *и похвали Господь дому строителя неправеднаго* (8),— хвалитъ, конечно, не за расточеніе имущества, не за обманъ и вѣроломство, а за его находчивость, за изобрѣтатель-

ность ума, какую онъ показалъ въ своемъ послѣднемъ поступкѣ, за то именно, что онъ *мудрѣ* (φρονίμως) *сотвори* (8). Безпечный къ своей будущности во все время своего управленія, онъ сумѣлъ воспользоваться послѣднею возможностью, чтобы избѣжать тяжкой участи—копать землю или просить милостыню, и поступилъ при этомъ, дѣйствительно, очень мудро, сообразительно: онъ не утаилъ отъ господина своего всего, что̀ роздано имъ было въ долгъ, чтобы тѣмъ удобнѣе скрыть обманъ свой и, въ случаѣ обличенія, не подвергнуться слишкомъ большой отвѣтственности; онъ и не присвоилъ себѣ той части долга, которую простилъ должникамъ: тогда господинъ могъ бы отобрать у него все, что̀ имѣлъ онъ (Матѳ. XVIII, 25), а если бы и не отобралъ, то, во всякомъ случаѣ, такое незначительное имущество, какое онъ оставилъ за должниками (6—7), не надолго бы обезпечило его; между тѣмъ какъ въ рукахъ должниковъ оно было въ безопасности, и должники, обязанные ему признательностью, сдѣлавшись его *друзьями*, могли доставить ему гораздо бо́льшую пользу, чѣмъ какую онъ могъ бы извлечь изъ утаенныхъ имъ остатковъ имущества своего господина. Эту-то сообразительность, независимо отъ ея нравственнаго достоинства, и похвалилъ господинъ въ приставникѣ. Онъ похвалилъ приставника, говоритъ блаженный Августинъ, обращая вниманіе не на вредъ, который онъ причинилъ ему, а на его умъ (ingenium). Такъ мы, когда слышимъ о какомъ-нибудь ловкомъ, остроумномъ, хотя бы и худомъ, поступкѣ, осуждая самый поступокъ, удивляемся изобрѣтательности ума, съ какою онъ совершенъ былъ, и невольно хвалимъ ее, сожалѣя только о томъ, что она направлена была не на хорошее дѣло. Такъ Самъ Спаситель, говоря Своимъ послѣдователямъ: *будите мудри, яко змія* (Матѳ. X, 16),—не злобу и ядовитость змѣи, конечно, представляетъ въ примѣръ вѣрующимъ, отъ которыхъ требуетъ, чтобы они были просты, какъ голуби; но указываетъ на ту мудрость, догадливость и изобрѣтательность, какую змѣи, *мудрѣйшіе изъ всѣхъ звѣрей земныхъ* (Быт. III, 1), обнаруживаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Сказавъ о томъ, что господинъ похвалилъ приставника за его мудрый поступокъ, Господь замѣчаетъ при этомъ, что *сыны вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть* (8).—*Сей вѣкъ* (иначе время, или міръ) по употребленію этого выраженія въ Священномъ Писаніи, въ противоположность будущему вѣку или вѣчности (Іоан. VIII, 35 и др.), означаетъ вообще настоящую земную жизнь, ограничиваемую временными предѣлами и исполненную заботъ, обольщеній и всякаго рода неправды (Матѳ. XIII, 22. Римлян. XII, 2. 1 Коринѳ. II, 6. Галат. I, 4. 2 Тимоѳ. IV, 10 и др.). *Сыны вѣка сего*—это люди, преданные міру, которые нисколько не пекутся о будущемъ вѣкѣ и заботятся только объ удобствахъ настоящей временной жизни. Именемъ *свѣта* въ противоположность *тмѣ вѣка сего* (Ефес. VI, 12. Іоан. III, 19; XII, 46. Дѣян. XXVI, 18), часто въ словѣ Божіемъ называется Самъ *Богъ* (Іоан. VIII, 12. 1 Іоан. I, 5), *свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка* (Іоан. I, 9), *пришедшій въ міръ* (XII, 46) *и давшій намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истинномъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ* (1 Іоан. V, 20). *А сынами свѣта* (Ефес. V, 9. 1 Солун. V, 5) называются люди, просвѣщенные свѣтомъ истиннаго Богопознанія, которые служеніе Богу предпо-

читаютъ служенію міру, и спасеніемъ души своей дорожатъ болѣе, нежели временными удобствами земной жизни. Въ обширномъ смыслѣ такое названіе можетъ относиться, въ подзаконномъ мірѣ, къ Іудеямъ, избранному народу Божію (Второзак. XIV, 1—2. Матѳ. VIII, 10—12), а въ христіанскомъ — ко всѣмъ вообще христіанамъ (Іоан. I, 12. 1 Іоан. III, 1 и др.); въ собственномъ же смыслѣ оно принадлежитъ избраннѣйшимъ изъ христіанъ, сравнительно съ другими людьми, христіанами и нехристіанами, *сынами вѣка сего.*

Въ чемъ же состоитъ та мудрость, которою, по слову Спасителя, сыны вѣка сего превосходятъ сыновъ свѣта? Въ томъ, очевидно, въ чемъ показалъ мудрость свою неправедный приставникъ,—въ заботахъ о своей будущей (временной) судьбѣ и въ изобрѣтеніи средствъ для устройства ея. Сыны вѣка сего, дѣйствительно, обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи много мудрости и могутъ служить примѣромъ для сыновъ свѣта. Сыны свѣта, если глубоко преданы своему высокому званію, не представляютъ такой мудрости въ своихъ житейскихъ дѣлахъ, — ни такихъ заботъ, ни такой находчивости. Многіе изъ нихъ и въ отношеніи къ небесному своему отечеству не представляютъ такой мудрости, какую представляютъ сыны вѣка сего по отношенію къ земной своей жизни,—не представляютъ они (говоря вообще) ни такихъ постоянныхъ, неусыпныхъ заботъ о будущей своей жизни, ни такихъ усилій ума и воли, такой предусмотрительности, изобрѣтательности, разнообразія средствъ къ достиженію своей цѣли и т. п. По общему поврежденію человѣческой природы, и они бываютъ къ худому болѣе склонны, нежели къ доброму,—къ чувственному, очевидному и близкому болѣе чувствительны, нежели къ духовному, отдаленному и неизвѣстному. «Люди, приставляемые къ управленію человѣческими дѣлами», говоритъ блаженный Ѳеофилактъ, «стараются всѣми силами о томъ, чтобы имѣть какое-нибудь утѣшеніе, если будутъ оставлены отъ своей должности. А тѣ, которые удостоиваются званія сыновъ свѣта, т. е. которымъ ввѣряется строеніе духовныхъ дѣлъ, не думаютъ о томъ, какъ-бы послѣ настоящей жизни получить вознагражденіе... При человѣческомъ приставничествѣ мы заботимся о томъ, чтобы имѣть убѣжище, если лишимся должности; а въ дѣлахъ Божескихъ мы не оказываемъ попеченія о томъ, какой дадимъ отчетъ по оставленіи настоящей жизни. Поэтому и называемся неразумными, потому что не размышляемъ о томъ, что̀ полезно намъ послѣ этой жизни».

Но не во всѣхъ отношеніяхъ сыны вѣка сего мудрѣе сыновъ свѣта, а только *въ родѣ своемъ* (εἰς τὴν γενεὰν τὴν ἑαυτῶν). Выраженіе: *въ родѣ своемъ* придано здѣсь какъ-бы для ограниченія похвалы мудрости сыновъ вѣка сего, для опредѣленія ея степени и достоинства. Они мудрѣе сыновъ свѣта, однако не безотносительно, не во всемъ вообще, въ чемъ можетъ и должна проявляться мудрость человѣка, а только въ одномъ отношеніи, въ томъ именно, что они весьма много и съ величайшимъ терпѣніемъ и искусствомъ заботятся о своихъ житейскихъ дѣлахъ, о томъ, что̀ *пѣсть и питъ и во что̀ одѣться. Всѣхъ бо сихъ языцы* (сыны вѣка сего) *ищутъ* (Матѳ. VI, 30—31). Въ этомъ только отношеніи они и превосходятъ сыновъ свѣта, и, только по своей заботливости, а не по предмету ея, могутъ служить примѣромъ для сыновъ свѣта. Въ этомъ только отношеніи и неправедный приставникъ представляется въ образецъ

для вѣрующихъ, а отнюдь не въ томъ, чтобы мы, подобно ему, употребляли неправду для своихъ выгодъ. По мнѣнію блаженнаго Августина, «Господь представляетъ здѣсь доводъ отъ меньшаго къ большему, т. е., если приставникъ такъ тщательно старался объ обезпеченіи своей временной жизни, то тѣмъ болѣе мы должны заботиться о жизни вѣчной. И если онъ, будучи неправеднымъ и исполненнымъ хитрости, получивъ похвалу отъ господина своего за свою заботливость, то гораздо большей похвалы удостоимся мы отъ Господа, когда, поступая праведнымъ образомъ, никому не нанесемъ вреда, а многимъ принесемъ пользу». То же говорятъ святый Кипріанъ, святый Амвросій Медіоланскій, блаженный Іеронимъ, Евѳимій Зигабенъ.

Въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ Спаситель научаетъ Своихъ послѣдователей, какимъ именно образомъ они могутъ подражать мудрости приставника, представленнаго въ притчѣ. *И Азъ глаголю вамъ,* говоритъ онъ, *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды...* (9). *Мамона,* по общему мнѣнію толкователей Писанія, значитъ богатство. Богатство могутъ составлять собою предметы различнаго рода. Но въ настоящемъ мѣстѣ, какъ можно видѣть изъ хода всей рѣчи Спасителя, разумѣется не духовное богатство, а *богатство міра сего* (1 Іоан. III, 17), земныя блага, которыя у людей, обыкновенно, считаются единственнымъ богатствомъ (Лук. XII, 15),—*золото, серебро, драгоцѣнные камни, жемчугъ, виссонъ, порфиръ, шолкъ, багряница и всякое благовонное дерево и всякія издѣлія изъ слоновой кости, изъ дорогихъ деревьевъ, мѣди, желѣза и мрамора.... вино, елей, мука, пшеница* и т. п. (Апокалипс. XVIII, 12—14, 16), все, что, удовлетворяя потребностямъ тѣлесной природы, доставляетъ людямъ наслажденіе въ жизни и питаетъ ихъ похоти. О такомъ именно богатствѣ говорится и въ притчѣ о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 12; XII, 30), и въ притчѣ о неправедномъ приставникѣ (XVI, 1, 6—7), и въ слѣдующей затѣмъ притчѣ о богатомъ человѣкѣ, облачавшемся въ порфиру и виссонъ (19—25). Такъ поняли слова Спасителя и фарисеи, о которыхъ Евангелистъ замѣчаетъ, что они, слушая рѣчь Господа, ругались Ему, потому что были сребролюбивы (φιλάργυροι, ст. 14). *Мамона—богатство* нужно понимать здѣсь въ собственномъ, обыкновенномъ значеніи, а не въ переносномъ.

Выраженіе: *неправда* и, противоположное ему, *правда,* встрѣчающіяся весьма часто въ Св. Писаніи, подобно тому, какъ и названіе богатства, употребляются въ различномъ смыслѣ. *Неправдою* называется все то, что противно святости и волѣ Божіей, что нарушаетъ законы правды или отступаетъ отъ ея требованій. Отсюда *неправдою* называется вообще всякій *грѣхъ и беззаконіе,* или *нечестіе* (1 Іоан. III, 4; V, 17. Лук. XIII, 27, сн. Матѳ. VII, 23. Римлян. I, 18 и мн. др.), а въ частности—*нарушеніе правосудія* (Псал. LXXXI, 2. Лук. XVIII, 6), *справедливости* (Римлян. III, 5; IX, 14), *вѣрности* (Лук. XVI, 8, 10) и т. п. Подъ *неправдою* (ἀδικία) разумѣется все ложное, пустое, суетное, ничтожное и временное, все, что не составляетъ *истины,* которая *одна пребываетъ и возмогаетъ во вѣкъ и живетъ и обладаетъ во вѣкъ вѣка* (2 Ездр. IV, 38). *Неправду* (ἀδικία) составляетъ, наконецъ, по ученію слова Божія, все земное и чувственное, все, что составляетъ принадлежность *ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ* (Ефес. IV, 22—24), и что

не свойственно человѣку обновленному, *служителю новаго завѣта, не письмени, но духа* (2 Коринѳ. III, 6—9), члену благодатнаго *Царства Божія,* которое *нѣсть брашно и питіе* (βρῶσις καὶ πόσις), *но правда* (δικαιοσύνη) *и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Римлян. XIV, 17; сн. 2 Ездр. IV, 37—38. 2 Петр. III, 13. 1 Іоан. II, 29; III, 10. Фил. IV, 6, 8. 1 Тимоѳ. VI, 9—11. 2 Тимоѳ. II, 19, 28. Тит. II, 12).

Богатство въ разсматриваемой нами притчѣ называется *неправеднымъ,* или (какъ объясняютъ изслѣдователи, по свойствамъ Еврейскаго образа рѣчи) богатствомъ *неправды* (μαμῶνα τῆς ἀδικίας, mamona iniquitatis), потому что такимъ именемъ названъ представленный въ притчѣ приставникъ (οἰκονόμος τῆς ἀδικίας, dispensator iniquitatis), и что рѣчь Спасителя ближайшимъ образомъ обращена была къ мытарямъ, грѣшникамъ и фарисеямъ, людямъ неправеднымъ, обладавшимъ богатствами, собранными неправдою. Но и независимо отъ этихъ частныхъ обстоятельствъ, богатство можетъ быть названо неправеднымъ:

1. *По способу пріобрѣтенія,* потому что оно весьма часто пріобрѣтается неправедными, или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ справедливыми, чистыми и безукоризненными средствами, —обманомъ, коварствомъ, хищеніемъ, присвоеніемъ чужой собственности, неправеднымъ ростомъ (Псал. XIV, 5), несправедливыми договорами, нечистыми связями и многими другими подобными способами, которые нерѣдко употребляются при собраніи богатства, если не самими обладателями его, то родителями и предками. Иногда сынъ или наслѣдникъ богача самъ не можетъ знать, какимъ образомъ пріобрѣтено богатство, которымъ обладаетъ онъ, всегда ли и во всемъ собиратели его были совершенно безукоризненны предъ своею совѣстью и предъ судомъ Божіимъ, и если никогда не употребляли неправды при собраніи его, то всегда ли руководились одною строгою правдою. «Хорошо сказано: богатство неправды», замѣчаетъ блаженный *Іеронимъ,* потому что всѣ богатства отъ неправды происходятъ, и если бы одинъ не потерялъ, другой не могъ бы найти. Почему мнѣ кажется весьма вѣрнымъ общеизвѣстное изрѣченіе: богатый или самъ неправеденъ, или наслѣдникъ неправеднаго».

2. Богатство можетъ быть названо *неправеднымъ* и по самой *цѣли* пріобрѣтенія и *по способу употребленія* его. Оно, какъ и всякій Божій даръ, дается намъ отъ Бога для того, чтобы мы употребляли его на добрыя дѣла, во славу Божію, на пользу ближнихъ и во спасеніе своей души. «Богатство дается намъ отъ Бога», говоритъ блаженный Ѳеофилактъ «для того, чтобы мы употребляли его во благо, такъ, какъ Онъ повелѣваетъ. Если же мы не употребляемъ его по волѣ Божіей и злоупотребляемъ имъ въ свою пользу, то дѣлаемся виновными; ибо воля Божія требуетъ, чтобы мы употребляли ввѣренное намъ богатство на пользу ближнихъ, а не въ свое удовольствіе... «Богатство называется неправеднымъ», говоритъ *Евѳимій Зигабенъ,* «потому что неправдою собирается, и потому, что избытокъ его не раздѣляется бѣднымъ».

3. *Неправеднымъ* можетъ быть названо богатство и потому еще, что нерѣдко бываетъ *соблазномъ* для насъ, *поводомъ къ неправдѣ* въ разныхъ отношеніяхъ,—удаляетъ насъ *отъ праваго пути Господня* (Дѣян. XIII, 10. 2 Петр. II, 15) и дѣлаетъ виновными предъ *вѣрнымъ и праведнымъ Судіею* (1 Іоан. I, 9. 2 Тимоѳ. IV, 8). «Прекрасно названо богатство неправедною

мамоною», замѣчаетъ *святый Амвросій Медіоланскій*, потому что любостяжаніе склоняетъ насъ различными соблазнами, чтобы мы служили ему».

4. *Неправеднымъ*, наконецъ, можетъ быть названо внѣшнее богатство и потому, что оно *суетно, непрочно, обманчиво*, что оно удовлетворяетъ только чувственнымъ потребностямъ человѣка, но не доставляетъ никакого удовлетворенія существеннымъ духовнымъ его требованіямъ, почему и самый *богатый* человѣкъ можетъ быть *и жалокъ, и бѣденъ, и нищъ... и нагъ* (Апокалипс. III, 17). *Богатство неправедно*—это тоже, что *брашно гиблющее* (погибающее ἀπολλυμένην, Іоан. VI, 27), *сокровище*, которое *червь и тля тлитъ, и татіе подкапываютъ и крадутъ* (Матѳ. VI, 19), или, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, *богатство погибающее* (ненадежное, неизвѣстное, 1 Тимоѳ. VI, 17). *Блаженный Августинъ*, сказавъ, что выраженіе: *мамона неправды* значитъ богатство, пріобрѣтенное неправедными средствами, говоритъ далѣе: «есть и другое объясненіе — мамона неправды значитъ вообще богатство міра, какое бы то ни было».

Итакъ богатство называется *неправеднымъ*, или *неправдою*, потому что нерѣдко, (какъ у мытарей и фарисеевъ), пріобрѣтается неправедными средствами, не для праведныхъ и святыхъ цѣлей, а для временныхъ, чувственныхъ наслажденій, употребляется только на одни эти наслажденія, служитъ поводомъ ко грѣху и, вообще, питаетъ только одно тѣло, вмѣстѣ съ которымъ истлѣваетъ на землѣ, ничего не доставляя для нашей духовной, истинной и вѣчной жизни. Это послѣднее объясненіе можетъ быть принято преимущественно предъ другими, потому что имѣетъ въ виду всѣ роды земнаго богатства (какъ бы ни было оно пріобрѣтено), и болѣе другихъ соотвѣтствуетъ дальнѣйшимъ словамъ Спасителя.

Приставникъ *мудро поступилъ*, когда часть ввѣреннаго ему имущества передалъ своимъ ближнимъ для того, чтобы, вмѣстѣ съ дружбою, пріобрѣсти у нихъ пріютъ себѣ, по удаленіи отъ своего приставничества. Такъ по заповѣди Господа должны поступать и мы! Имущество свое, которое Господь, верховный Владыка всего, даетъ намъ, какъ Своимъ приставникамъ, и которое нерѣдко въ рукахъ нашихъ становится богатствомъ неправды, мы должны употреблять на пріобрѣтеніе *друзей себѣ*. Но мы должны пріобрѣтать себѣ такихъ друзей, которые, при нашемъ *оскудѣніи*, могли бы принять насъ въ вѣчные кровы. *Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды*, заповѣдуетъ Господь, *да егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы* (9). *Оскудѣете*, т. е. окончите свою жизнь, умрете, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишитесь всякой возможности пользоваться земными богатствами.

Вѣчные кровы (αἰωνία σκηναί)—это тѣ обители, которыя уготованы на небесахъ любящимъ Господа (Іоан. XIV, 2), *лоно Авраамово*, на которомъ находился блаженный Лазарь (Лук. XVI, 22—23), *Царство Небесное, уготованное отъ сложенія міра*, въ которомъ, вмѣстѣ *съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ, возлягутъ всѣ праведники и наслѣдятъ животъ вѣчный* (Матѳ. VIII, 11; XIX, 30; XXV, 34).

Кто же тѣ *друзья*, которые сами обитаютъ и могутъ другимъ давать пріютъ не въ бренныхъ земныхъ жилищахъ, а въ нерукотворенныхъ и вѣчныхъ обителяхъ на небесахъ (Дѣян. XVII, 24. 2 Коринѳ. V, 1), и какимъ образомъ мы можемъ содѣлать ихъ своими друзьями? По общему мнѣнію толкователей Писанія, совершенно со-

гласному съ ученіемъ слова Божія, подъ именемъ друзей разумѣются здѣсь тѣ, которыхъ Самъ Господь удостоиваетъ названія Своихъ *меньшихъ братьевъ* (Матѳ. XXV, 40),—бѣдные земными благами *и богатые вѣрою* (Іаков. II, 5). Ихъ *избралъ Богъ наслѣдниками* Своего Небеснаго Царства, имъ Онъ далъ его какъ-бы въ собственность (Матѳ. V, 2, 10), въ награду за ихъ лишенія и скорби, какимъ они, при живой вѣрѣ и любви къ Богу, подвергаются въ жизни. Удѣляя имъ отъ избытковъ своего имущества на необходимыя ихъ житейскія нужды и помогая имъ такимъ или другимъ способомъ, въ ихъ подвигахъ Богоугожденія, мы дѣлаемъ ихъ чрезъ это своими друзьями; а они, въ вознагражденіе за наше участіе къ нимъ, могутъ ввести насъ съ собою въ уготованное для нихъ вѣчное Царство. «Кто имѣетъ вѣчные кровы, какъ не святые Божіи»? говоритъ блаженный Августинъ. «И кто можетъ быть принятъ ими въ вѣчные кровы, какъ не тѣ, которые помогаютъ и охотно служатъ имъ въ ихъ нуждахъ»?

Не всѣ бѣдные—наслѣдники Царства Небеснаго, не всѣ они и сами войдутъ въ него; да и тѣ, которые войдутъ, не могутъ принимать въ него другихъ, сродниковъ и друзей своихъ, по непосредственной своей силѣ и власти. Но они могутъ возносить за насъ молитвы къ Богу: Господь, по Своей благости, усвояетъ Самому Себѣ тѣ благодѣянія, которыя оказываются меньшимъ Его братьямъ, и Онъ-то приметъ въ вѣчные кровы тѣхъ, которые употребляютъ свое богатство на благотвореніе ближнимъ. Послѣ этого, если въ числѣ требующихъ помощи будутъ люди и недостойные Царства Небеснаго, которые не только не могутъ принять своихъ благодѣтелей въ вѣчные кровы, но не будутъ и молиться за нихъ,—благодѣяніе отъ того не потеряетъ своего достоинства и не лишится заслуженной награды, потому что оно принимается Самимъ Богомъ. И притомъ, какъ узнать, кто можетъ ходатайствовать за насъ предъ Богомъ, и кто не можетъ?

Надобно помнить при этомъ, что дѣла благотворительности тогда только могутъ быть спасительными, когда они соединяются съ другими добрыми дѣлами, съ вѣрою, любовью и покаяніемъ.

Тѣмъ менѣе можно ожидать спасительныхъ плодовъ отъ милостыни въ томъ случаѣ, когда приносятъ ее отъ имущества, пріобрѣтеннаго неправдою, не думая о покаяніи и исправленіи, когда подражаютъ неправедному приставнику не только въ употребленіи имущества, но и въ способѣ пріобрѣтенія его неправдою, въ томъ или другомъ родѣ. По свидѣтельству *блаженнаго Августина*, еще въ его время были люди, которые, ложно понимая притчу о неправедномъ приставникѣ, похищали чужое и, изъ похищеннаго удѣляя нѣсколько бѣднымъ, думали, что они поступаютъ по заповѣди Господа. Они говорили, что выраженіе: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды*, значитъ именно: пріобрѣтать себѣ имущество неправдою и удѣлять изъ него нѣчто нуждающимся. Такое мнѣніе, скажемъ вмѣстѣ съ блаженнымъ Августиномъ, должно быть совершенно отвергнуто, какъ оскорбительное для святости и правосудія Божія. И по нашимъ понятіямъ нельзя одобрить того человѣка, который бы одною рукою подавалъ, а другою бралъ. Господь не принимаетъ и такого дара, который приносится ему прежде примиренія съ ближнимъ, когда *братъ нашъ имать нѣчто на насъ* (Матѳ. V, 23—24); такъ можно ли, не оскорбляя Его величія и святости, думать, что Ему пріятна будетъ жертва, при-

носимая отъ имущества, пріобрѣтеннаго съ явною обидою ближнему,—неправдою, обманомъ, хищеніемъ, насиліемъ, убійствомъ и т. п., будетъ ли то милостыня *меньшимъ Его братьямъ,* или свѣча, поставленная предъ святою Его иконою, или другой какой-нибудь, болѣе или менѣе значительный даръ, принесенный предъ Его алтарь? Если Ананія и Сапфира, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ, подверглись такой строгой казни за то одно, что посвящая свое имущество Богу, утаили нѣкоторую часть цѣны его (Дѣян. V, 1—11); то чего можетъ ожидать себѣ тотъ, кто похищаетъ чужое и только часть его посвящаетъ Богу, оскорбляя Его самымъ посвященіемъ *(кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію или кое общеніе свѣту ко тмѣ*—2 Коринѳ. VI, 14—15)? По Божескимъ и человѣческимъ законамъ для оправданія человѣка, сдѣлавшаго неправду, необходимо совершенное исправленіе сдѣланной неправды, по примѣру Закхея, который говорилъ Господу: *се полъ имѣнія моего дамъ нищимъ: и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею* (Лук. XIX, 8; сн. Исход. XXII, 1—5. 2. Царств. XII, 6). Если похищеннаго нельзя возвратить по принадлежности (по случаю смерти, или неизвѣстности владѣльца), то, съ глубокимъ раскаяніемъ, нужно употребить его на дѣла Богоугодныя. «Доколѣ, такъ или иначе, не возвратится похищенное, дотолѣ и не отпустится грѣхъ».

Не можемъ не привести здѣсь прекраснаго разсужденія *святаго Іоанна Златоуста* изъ его толкованія на повѣствованіе Евангелиста Матѳея о покупкѣ Іудейскими архіереями *села скудельничя въ погребаніе страннымъ,* на деньги, возвращенныя Іудою предателемъ (Матѳ. XXVII, 3—10). «Внимайте вы», говоритъ святой отецъ, «которые убійствами думаете благотворить ближнимъ и принимаете на себя цѣну душъ человѣческихъ. Это милостыни Іудейскія, или, лучше сказать, сатанинскія! Есть, подлинно есть, и нынѣ, такіе, которые, ограбивъ весьма многихъ, считаютъ себя совершенно правыми, если бросятъ (нищимъ) десять или сто златницъ. О сихъ-то пророкъ говоритъ: *и сія яже ненанавидѣхъ, твористе: покрывасте слезами алтарь Господень* (Малах. II, 13). Не хочетъ Христосъ питаться плодами любостяжанія, не пріемлетъ сей пищи. Зачѣмъ ты оскорбляешь Владыку, принося ему нечистое? Лучше презрѣть томимаго гладомъ, нежели кормить такою пищею. То дѣло немилостиваго, а сіе и немилостиваго и обидчика. Лучше ничего не давать, нежели давать чужое. Скажи мнѣ, если бы ты увидѣлъ одного нагаго, а другаго въ одеждѣ, и, раздѣвъ послѣдняго, одѣлъ перваго; то неправда ли, что поступилъ бы неправо? Если же отдавая и все взятое у другаго, ты обижаешь только, а не милуешь; то тогда, когда изъ похищеннаго лишь малѣйшую часть даешь, и называешь это милостынею, какого не заслуживаешь наказанія? Если приносившіе хромое животное подвергались суду, то ты, дѣлая хуже, какого можешь ожидать прощенія? Въ Ветхомъ Завѣтѣ хищникъ возвращавшій самому владѣльцу похищенное, все еще не правъ былъ, и даже тогда едва смывалъ свою вину, когда вчетверо уплачивалъ противъ похищеннаго. Подумай же, какой огонь собираетъ на главу свою тотъ, кто не только похищаетъ, но дѣлаетъ еще насиліе и не возвращаетъ ограбленному, а вмѣсто его отдаетъ другому, и не только вчетверо, но и половины не возвращаетъ, живя притомъ не въ Ветхомъ, а въ Новомъ Завѣтѣ. Онъ собираетъ себѣ тягчайшій гнѣвъ,

если не покается. Думаете ли вы, говорилъ Спаситель, что только тѣ одни грѣшники, на которыхъ упалъ столпъ? *Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. XIII, 3). Итакъ, покаемся», заключаетъ святый отецъ, «и дадимъ милостыню не изъ прибытковъ любостяжанія».

Такимъ образомъ притча о неправедномъ приставникѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить оправданіемъ для любящихъ неправду. Въ ней, не неправдѣ учитъ насъ Господь, въ Которомъ Самомъ *нѣтъ* никакой *неправды* (Іоан. VII, 18), а тому только, чтобы мы, не подражая неправедности приставника, подражали, въ отношеніи къ нашей духовной жизни, житейской его мудрости (8); чтобы, не обращая даровъ Божіихъ въ неправду, изъ самой неправды извлекали правду, *отъ недостойнаго изводили честное* (Іерем. XV, 19), чтобы употребляли свое имущество, *по елику кто имать* (2 Коринѳ. VIII, 12), согласно съ волею Верховнаго Владыки, на пріобрѣтеніе себѣ не временныхъ, земныхъ, а вѣчныхъ, небесныхъ крововъ, и, такимъ образомъ, чрезъ праведное исполненіе своихъ обязанностей въ отношеніи къ временнымъ, малоцѣннымъ вещамъ, показали себя вѣрными приставниками Господа, достойными Его высшихъ милостей (Матѳ. XXV, 15—30. Лук. XIX, 12—26). Поэтому-то Господь и говоритъ далѣе: *вѣрный въ мали и во многъ вѣренъ есть, а неправедный въ мали и во многъ неправеденъ есть* (10).

Вѣрный—тотъ, кто честно и правильно, согласно съ волею высшаго Распорядителя, исполняетъ возложенную на него обязанность,—качество, необходимо требующееся отъ всякаго приставника (1 Коринѳ. IV, 2; сн. Лук. XII, 42—46. Тит. I, 7—9). Обыкновенно приставники испытываются сначала въ порученіяхъ *малыхъ*, по значенію и кругу дѣятельности, и если они окажутся при этомъ испытаніи способными, вѣрными, тогда поручаютъ имъ дѣла болѣе обширныя и важныя. Правда, не всегда можно безошибочно заключить отъ малаго къ большему; въ большемъ больше соблазна, чѣмъ въ маломъ, и потому-то случается иногда, что люди, которые въ маловажныхъ дѣлахъ были вѣрными, въ дѣлахъ болѣе значительныхъ оказываются невѣрными. Но по большей части бываетъ такъ, что, кто оказываетъ себя *вѣрнымъ въ маломъ*, тотъ *вѣренъ* бываетъ и въ большомъ, *во многомъ*; по крайней мѣрѣ такому человѣку можно съ большею довѣренностью поручить болѣе важныя дѣла, чѣмъ тому, кто и въ малыхъ дѣлахъ оказывается *неправеднымъ*, т. е. *невѣрнымъ* (Матѳ. XXIV, 45—51; XXV, 21—30. Лук. XIX, 16—26). Такой человѣкъ, можно безусловно сказать и въ болѣе важныхъ дѣлахъ не будетъ вѣренъ. Если и пустыя незначительныя вещи соблазняютъ его, то можно ли положиться на него въ обстоятельствахъ болѣе важныхъ? И можно ли награждать того высшею довѣренностью, кто заслужилъ не награду, а наказаніе? Кто награждаетъ за неспособность и злоупотребленія, доказанныя на опытѣ? Вотъ почему Господь и внушаетъ Своимъ послѣдователямъ, чтобы они благоразумно и праведно пользовались своимъ *богатствомъ неправды*, — употребляли его именно на дѣла благотворительности, потому что правильное пользованіе имъ служитъ для насъ залогомъ на полученіе *богатства истиннаго*.

Аще убо въ неправеднѣмъ имѣніи (ἐν τῷ ἀδίκῳ μαμωνᾷ) *вѣрни не бысте, во истиннѣмъ кто вамъ вѣру иметъ* (τὸ ἀληθινὸν (т. е. μαμῶνα) τίς ὑμῖν πιστεύσει (11)? *И аще въ чужемъ* (ἐν τῷ ἀλλοτρίῳ

т. е. μαμωνᾷ) *вѣрни не бысте, ваше кто вамъ дастъ* (τὸ ὑμέτερον τίς ὑμῖν δώσει; ст. 12)? Подъ именемъ *неправеднаго* и *чужаго* имѣнія или богатства, очевидно, разумѣется здѣсь то же самое, что̀ выше, въ 9 стихѣ называется *богатствомъ неправды*, т. е. внѣшніе, чувственные предметы, *богатство міра сего* (1 Іоан. III, 17). Оно называется *неправеднымъ*, какъ можно видѣть изъ противоположенія его *богатству истинному*, въ томъ смыслѣ, что оно *не истинно, ложно* (ψευδής), и называется такъ, безъ сомнѣнія, потому, что оно чувственно, обманчиво, временно и тлѣнно, не имѣетъ настоящей цѣны для высокаго и безсмертнаго существа человѣческаго, *созданнаго по Богу, въ правдѣ и преподобіи истины* (Ефес. IV, 21), а обольщаетъ людей только ложнымъ блескомъ. Слѣдовательно названіе богатства *неправеднымъ* или неистиннымъ значитъ въ настоящемъ мѣстѣ то же, что *суетное, ничтожное*.

Чужимъ можетъ быть названо видимое, внѣшнее богатство, потому что оно чуждо нашей разумной, духовной природѣ, принадлежитъ болѣе міру, нежели человѣку; почему человѣкъ, какъ при рожденіи ничего не имѣетъ при себѣ, такъ и при смерти ничего не уноситъ съ собою, оставляя все міру. *Чужимъ* можетъ быть названо всякое богатство и потому, во-вторыхъ, что оно принадлежитъ собственно одному Богу, верховному Владыкѣ всего, а мы пользуемся имъ только какъ приставники. Все, что̀ бы не имѣли мы, все это въ собственномъ смыслѣ, не наше, а Божіе, потому что Богомъ сотворено, Имъ сохраняется и отъ Него подается намъ. *Что имаши, егоже нѣси пріялъ? говоритъ* Апостолъ Павелъ (1 Коринѳ. IV, 7). *Господня земля и все, что наполняетъ, ее, вселенная и всѣ живущіе на ней*, говоритъ Псаломпѣвецъ (Псал. XXIII, 1). «Скажи мнѣ», спрашиваетъ *святый Василій Великій*, «что̀ у тебя собственнаго? Откуда ты взялъ и принесъ съ собою жизнь»? И, показавъ затѣмъ, что имущество дается намъ Богомъ и для того именно, чтобы мы «могли получить мзду» за доброту и вѣрное домостроительство», святый отецъ говоритъ далѣе: «алчущему принадлежитъ хлѣбъ, который ты у себя удерживаешь; обнаженному—одежда, которую хранишь ты въ своихъ кладовыхъ: необутому—обувь, которая гніетъ у тебя; нуждающемуся—серебро, которое зарыто у тебя. Поэтому всѣмъ тѣмъ дѣлаешь ты обиду, кого могъ бы снабдить». «Ты только распорядитель своего имущества», говоритъ *святый Іоаннъ Златоустъ*, «точно также, какъ служитель Церкви, распоряжающійся ея стяжаніемъ. Какъ послѣдній не имѣетъ власти расточать сокровищъ, даруемыхъ въ пользу бѣдныхъ, по своей волѣ и безъ разбора; такъ и ты не можешь расточать своихъ сокровищъ по своей волѣ. Хотя ты получилъ родительское наслѣдство, и такимъ образомъ все имущество, повидимому, твоя собственность; однакожъ помни, что все это принадлежитъ Богу... Онъ для того тебѣ и ввѣрилъ богатство, чтобы ты давалъ другимъ пищу *въ надлежащее время* (Матѳ. XXIV, 45)... Оно принадлежитъ бѣднымъ, а тебѣ только ввѣрено, хотя бы это было наслѣдство отцовское, хотя бы оно пріобрѣтено было собственными трудами... Тебѣ все это далъ Богъ заимообразно для того, чтобы данное ты могъ употребить съ пользою... Богъ далъ тебѣ богатство съ тѣмъ, чтобы ты купилъ имъ небо».

Если подъ именемъ *неправеднаго* и *чужаго* богатства разумѣется богатство чувственное, временное и суетное, чуждое человѣку и по природѣ и по праву обладанія; то подъ именемъ *истиннаго*

и нашего богатства должно разумѣть, въ противоположность первому, богатство духовное, существенно необходимое для человѣка, всегда пребывающее съ нимъ. Богатство это такого рода, однако, что какъ оно ни сродно человѣку, оно не находится въ его собственномъ распоряженіи, а дается ему другими (*кто вамъ вѣру иметъ? кто вамъ дастъ?*). Само собою очевидно, что здѣсь ни въ какомъ отношеніи нельзя разумѣть богатства внѣшняго,—*неправеднаго и чужаго*. Нельзя разумѣть вмѣстѣ съ блаженнымъ Іеронимомъ и нѣкоторыми другими толкователями Писанія, и тѣхъ особенныхъ даровъ Божіихъ, которые сообщены были Апостоламъ и сообщаются другимъ избраннымъ членамъ Церкви, каковы: преподаваніе закона, наставленіе народа, совершеніе общественнаго Богослуженія, попеченіе о вѣрѣ, распространеніе ея, и т. п. Все это—не общіе, существенно необходимые для каждаго и вѣчные дары, а особенные, которые даются только нѣкоторымъ лицамъ, на извѣстное время (1 Коринѳ. XIII, 8—9; XV, 24. Ефес. II, 15. Евр. VII, 12), и не всегда зависятъ отъ нравственнаго достоинства лицъ пріемлющихъ (Матѳ. VII, 21—23. Дѣян. XIX, 15—16 и др.). *Истиннымъ нашимъ богатствомъ*, по всей справедливости, можетъ быть названо богатство правды: а) призваніе насъ къ оправданію и соединенію съ Богомъ (Іоан. XIV, 17, 23; XVII 21. 1 Петр. II, 9); *благодать Господа нашего Іисуса Христа, любовь Бога Отца, общеніе Духа Святаго* (2 Коринѳ. XIII, 13) и тѣ *Божественныя силы*, которыя подаются намъ отъ Бога *къ животу и благочестію* (2 Петр. I, 3); б) всѣ добрыя дѣла наши и плоды духовной жизни: *любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Галат. V, 22. Фил. I, 11. Колос. III. 12. 1 Тимоѳ. VI, 11. 2 Тимоѳ. II, 22); и, наконецъ, в) *входъ въ вѣчное Царство Господа нашего Іисуса Христа и тѣ честныя* (драгоцѣнныя) *и великія обѣтованія* (2 Петр. I, 4, 11), *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку, не взыдоша* (1 Коринѳ. II, 9). Богатство это *наше*—не потому, что оно принадлежитъ намъ, но потому, что оно въ высшей степени сродно нашей природѣ и совершенно необходимо для нея.

Такъ понимаютъ истинное наше богатство и отцы и учители Церкви. «Богатства (внѣшнія) чужды намъ», говоритъ *святый Амвросій*... «Христосъ же нашъ, потому что Онъ есть жизнь». По мнѣнію Василія Великаго, «и добродѣтели можно считать нашимъ достояніемъ потому, что онѣ, будучи тѣсно соединены съ нашею природою, не оставляютъ насъ и утружденныхъ на землѣ, если только мы сами насильно не отгонимъ ихъ введеніемъ худшаго, и предваряютъ насъ на небесахъ, вчиняютъ стяжавшаго ихъ съ Ангелами и вѣчно сіяютъ предъ очами Творца. *Блаженный Августинъ* разумѣетъ здѣсь вообще духовныя и небесныя богатства. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же учитель Церкви говоритъ, что наши богатства тамъ, гдѣ нашъ вѣчный домъ, на небѣ. *Блаженный Ѳеофилактъ* говоритъ: «*наше* составляютъ небесныя и Божественныя блага; тамъ (т. е. на небѣ) наша собственность, потому что человѣкъ сотворенъ по образу Божію. А деньги и имущества чужды, потому что въ нихъ нѣтъ ничего подобнаго ему. Наше достояніе (составляютъ) пользованіе Божественными благами и причастіе Богу». *Евѳимій Зигабенъ* истиннымъ нашимъ богатствомъ называетъ небесныя богатства Царства Божія, которыя вѣчно пребываютъ у того, кто пріобрѣлъ ихъ.

Но кто не вѣренъ въ маломъ, тотъ не можетъ получить и бо́льшаго. Если мы не будемъ вѣрны во внѣшнемъ богатствѣ,—которое такъ ничтожно, такъ мало имѣетъ отношенія къ нашему духовно-разумному и безсмертному существу, что мы по одному этому уже не должны были бы соблазняться и злоупотреблять имъ,—то кто повѣритъ намъ, необходимое для насъ, *истинное* и многоцѣнное богатство? Кто намъ сообщитъ его? Если мы не будемъ вѣрны въ томъ, что̀ чуждо намъ по самой природѣ, что̀ принадлежитъ не намъ, а Богу и ближнимъ, и что̀, слѣдовательно, по праву чужой собственности, должно было бы оставаться въ рукахъ нашихъ совершенно чистымъ отъ всякихъ злоупотребленій, — кто дастъ намъ *наше?* Одинъ Богъ только можетъ сообщить намъ *истинное наше* богатство; но Онъ не дастъ намъ его,—не потому, чтобы опасно было, что мы и тамъ *во мнозѣ* будемъ *неправедны* (19),—неправедные и не войдутъ въ Царство Божіе (1 Коринѳ. VI, 9), но потому, что мы недостойны его. Истинное, небесное богатство дается тѣмъ, которые обладаютъ земнымъ богатствомъ, только тогда, когда они бываютъ вѣрны въ отношеніи къ своему настоящему богатству, когда они, по объясненію святаго Кипріана, бываютъ милостивыми и плодоносными», употребляютъ свое имущество, сообразно съ волею Господа, не на свои собственныя удовольствія, тѣмъ менѣе на удовольствія порочныя, но на пользу ближнихъ и во славу Божію; не зарываютъ даровъ Божіихъ въ землю, подобно тому *лукавому и лѣнивому рабу,* о которомъ говорится въ Евангеліи (Матѳ. XXV, 24—25), не заключаетъ ихъ *въ свои житницы* для того, чтобы самимъ только съ друзьями своими *пѣсть, пить и веселиться* (Лук. XII, 18—19; XVI, 19), но раздѣляютъ ихъ со своими меньшими братьями, отдаютъ ихъ *торжникамъ,* — своимъ ближнимъ, чтобы доставить имъ болѣе средствъ къ угожденію Богу, и вмѣстѣ съ ними, совокупными силами, умножить плоды даровъ Божіихъ. Только при этомъ условіи и можно богатому земными благами получить богатство истинное, небесное (Матѳ. XIX, 16, 21).

А чтобы быть *вѣрными строителями* Господа *и не лишиться мзды своей* (Матѳ. VI, 1; X, 42. Лук. VI, 35), для этого необходимо быть совершенно свободными отъ всякаго пристрастія къ земному богатству. Такъ никто не можетъ *работать и Богу и мамонѣ,* (т. е. богатству) (13), — потому что «Богъ и мамона—два господина различнаго свойства, и даютъ противоположныя приказанія». «Не говори, что служеніе Богу и мамонѣ можетъ быть соединено вмѣстѣ», говоритъ *святый Іоаннъ Златоустъ* въ толкованіи на Евангеліе Матѳея. «Ибо, когда мамона повелѣваетъ похищать чужое, а Богъ повелѣваетъ отдавать и собственное имущество; когда Богъ повелѣваетъ вести жизнь цѣломудренную, а мамона жить блудно; когда мамона повелѣваетъ упиваться и пресыщаться, а Богъ, напротивъ,—обуздывать чрево; когда Богъ повелѣваетъ презирать настоящія мірскія блага, а мамона прилѣпляться къ онымъ;... ка́къ же послѣ сего ты говоришь, что служеніе Богу и мамонѣ можетъ быть соединено вмѣстѣ»? Кто хочетъ служить *и Богу и мамонѣ,* тотъ по необходимости, или, любя Бога и посвящая на угожденіе Ему всѣ свои силы, будетъ пренебрегать житейскими своими выгодами; или, прилѣпившись къ богатству, вознерадитъ о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ Богу, будетъ болѣе *собирать себѣ,* нежели *богатѣть въ Бога* (Матѳ. XIII, 22. Лук. XII, 21; XVI, 25; сн. Филиппис. III, 7—8.

Колос. III, 1—2). (Стран. 1860 г. нояб., стр. 326—349. 351—361.)

Нравственно-филологическое изъясненіе текста притчи о неправедномъ приставникѣ (9—13).

И Азъ вамъ глаголю: сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы (9). Кто суть тѣ благодѣтельные други, коихъ сердца мы должны привлекать къ себѣ? Изъ притчи видно, что сіи други суть вообще тѣ, которые имѣютъ нужду въ нашей помощи (5—7), и нужду такую, что, принимая отъ другихъ милость, никакъ не могутъ оставаться хладнокровными и неблагодарными къ своимъ благодѣтелямъ. Это тѣ несчастные ближніе наши, которые по вся дни и алчутъ и жаждутъ, не имѣютъ нужной одежды, ни надежнаго крова, словомъ: это нищіе. Объ нихъ всегда заботился Господь нашъ, хотя и Самъ не имѣлъ, гдѣ главу подклонить. Ихъ бѣдственную участь повелѣваетъ Онъ облегчать отъ мамоны неправды.

Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды. Слово мамона на Сирскомъ языкѣ значитъ богатство или вообще все то, что составляетъ имущество человѣка; ибо въ томъ же мѣстѣ (11) мамона называется имѣніемъ. Выраженіе: *богатство неправды,* по свойству Еврейскаго языка, значитъ то же, что богатство неправедное. Основываясь на простомъ и обыкновенномъ значеніи сихъ словъ, можно разумѣть здѣсь богатство, неправедно пріобрѣтенное. Самая притча, повидимому, приготовляетъ насъ къ тому же понятію. Впрочемъ, мы не можемъ согласиться на то, чтобы Іисусъ Христосъ говорилъ здѣсь о богатствѣ неправедно пріобрѣтенномъ. Предположимъ, что смыслъ Его изрѣченія такой: неправильнымъ образомъ пріобрѣтшіе богатство должны, по крайней мѣрѣ, сдѣлать правильное изъ него употребленіе. Но Іудеи, къ которымъ первоначально были направлены слова сіи, знали изъ закона, что чужое имущество должно возвратить законному ихъ владѣтелю (Исход. XXII, 3), а благотворить только отъ имѣнія, честными трудами пріобрѣтеннаго. И Господь нашъ не только не хотѣлъ уничтожать столь благодѣтельнаго закона, но еще утверждалъ его, одобривъ поступокъ Закхея, который обѣщалъ обиженнымъ воздать четверицею и отъ собственнаго имущества отдать половину бѣднымъ (Лук. XIX, 8—9). Несообразно и съ понятіемъ о Богѣ, чтобы Онъ могъ требовать отъ людей такой Себѣ жертвы. Онъ святъ, и потому любитъ и одобряетъ только святое, и ненавидитъ все нечистое, неправедное. Онъ знаетъ всѣ сокровенныя движенія сердца человѣческаго, и потому та только добродѣтель Ему пріятна, которая происходитъ отъ чистаго сердца и основана на побужденіяхъ, сообразныхъ съ закономъ. Что же будетъ значить въ глазахъ Его благотворительность отъ неправедно пріобрѣтеннаго богатства? Не значитъ ли это, одною рукою грабить, чтобы другою удѣлить ближнему часть отъ неправедной добычи,—на бѣдствіи одного созидать счастіе другаго? И стоитъ ли это той вѣчной награды, которая обѣщается въ словахъ Господа? Онъ даритъ не Свое, а чужое; даритъ, можетъ быть, тѣхъ самыхъ бѣдныхъ, которыхъ корыстолюбіемъ свелъ до бѣдности. Ибо всякое пріобрѣтеніе, превышающее необходимыя наши потребности, есть похищеніе собственности у тѣхъ, которые лишены необходимаго.

Итакъ, что мы должны разумѣть подъ словами—мамона или богатство неправды? Слово неправедный (ἄδικος), употребленное въ подлинномъ Греческомъ текстѣ,

имѣетъ обширное значеніе, которое опредѣляется смотря по тому, къ лицу ли прилагается, или къ неодушевленной вещи. Если прилагается къ существу разумному, напримѣръ, человѣку, то выражаетъ свойство испорченнаго сердца, злоупотребляющаго своею свободою и избирающаго ложь вмѣсто истины, неправду вмѣсто добродѣтели. Въ семъ смыслѣ приставникъ, упоминаемый въ притчѣ, называется неправеднымъ; потому что онъ располагалъ имуществомъ господина своего не такъ, какъ долженъ располагать имъ экономъ честный, помнящій свою обязанность. Вообще неправеднымъ человѣкомъ называется тотъ, кто не исполняетъ своихъ обязанностей къ Богу и ближнимъ. Если же слово неправедный прилагается къ вещи неодушевленной, какъ напримѣръ, къ богатству или вещамъ, оное составляющимъ, то выражаетъ такое свойство вещи, по которому она бываетъ не такова сама по себѣ, каковою намъ представляется.

Посему богатство неправедное есть то же, что богатство обманчивое, тлѣнное, не соотвѣтствующее своему имени и тѣмъ надеждамъ, какія полагаетъ въ немъ человѣкъ естественный, не могущій проникать въ истинное свойство вещей.

Чтобы увѣриться, точно ли Іисусъ Христосъ соединялъ со Своими словами такое, а не другое понятіе, вникнемъ въ связь Его рѣчи. Въ 11 стихѣ слово неправедный (ἄδικος) противуполагается слову истинный (ἀληθινός): *аще въ неправеднѣмъ имѣніи вѣрни не бысте: во истиннѣмъ кто вамъ вѣру имѣетъ?* Слѣдственно неправедное имѣніе есть имѣніе неистинное, ложное; потому что оно есть чужое: *аще въ чужемъ вѣрни не бысте, ваше кто вамъ дастъ?* (12.) Какъ-бы такъ было сказано: «Богъ даровалъ вамъ земныя сокровища для того, чтобы вы, какъ вѣрные Его приставники, располагали оными сообразно съ волею Господина-Владыки всѣхъ сокровищъ; что же дѣлаетъ тотъ, кто употребляетъ ихъ только для своей роскоши и сладострастія? Посмотрите, какъ хитры сыны вѣка сего. Приставникъ, не имѣющій совсѣмъ честности, расточаетъ имѣніе господина своего не на балы, не на одежды, не на увеселенія, но для пріобрѣтенія себѣ друзей, дабы, пришедши въ немилость у господина, не лишиться дневнаго пропитанія. И Я вамъ говорю: если хотите быть Моими учениками и заслужить довѣренность въ большемъ,—сотворите себѣ други отъ тлѣнныхъ сокровищъ, *продадите имѣнія ваша и дадите милостыню, сотворите влагалища неветшающа, сокровище неоскудѣемо на небесѣхъ, идѣже татъ не приближается, ни моль растлѣваетъ* (Лук. XII, 33). Такое распоряженіе богатствомъ будетъ сообразно съ волею Давшаго вамъ оное. Если же вы и сего малаго порученія не можете исполнить съ надлежащею точностью и вѣрностью; если же не умѣете тлѣннымъ добромъ пользоваться, какъ должно: кто же повѣритъ вамъ богатство истинное, нетлѣнное?

Далѣе Господь говоритъ: *не можете Богу работати и мамонѣ* (13). Въ сихъ словахъ заключается новое доказательство того, что мамона неправды не означаетъ богатства, неправедно пріобрѣтеннаго, но значитъ богатство ложное, обманчивое, недостойное того, чтобы мы къ нему прилѣплялись. Здѣсь ничего не говорится о способѣ пріобрѣтенія, но показывается только невозможность совмѣстить привязанность къ богатству (какъ-бы оно ни было пріобрѣтено) съ истиннымъ служеніемъ Богу. Изъ сего видно, съ какой стороны смотритъ Іисусъ Христосъ на бо-

гатство во всемъ отдѣленіи, и какая цѣль Его притчи о неправедномъ приставникѣ. Онъ имѣетъ въ виду не извѣстный какой-нибудь родъ богатства, а всякое вообще; а потому цѣль какъ притчи, такъ и нравственнаго въ ней приложенія есть та, чтобы внушить Своимъ послѣдователямъ, что желающій быть Его ученикомъ и служителемъ Богу истинному долженъ всѣ мысли свои устремлять туда, гдѣ есть истинное Его сокровище, предметъ всякаго почитанія и любви, то есть на небо; долженъ во всѣхъ вещахъ поступать, какъ прилично вѣрному рабу Божію, и, если течетъ богатство, не привязывать къ нему своего сердца, но употреблять оное, какъ средство къ достиженію богатства истиннаго, небеснаго.

Могутъ, конечно, возразить противъ сего: почему же въ самой притчѣ, изъ которой извлечены упомянутыя слова, нѣтъ такого понятія, которое приготовило бы насъ къ уразумѣнію нравственнаго правила о ложномъ богатствѣ; напротивъ, вся притча ведетъ насъ къ понятію о богатствѣ, неправедно пріобрѣтенномъ? Дѣйствительно, примѣръ приставника можетъ служить основаніемъ для такого возраженія. Но если внимательнѣе разсмотримъ его, то увидимъ, что примѣръ сей не только не опровергаетъ, но еще подтверждаетъ избранное нами значеніе. Приставникъ называется неправеднымъ потому, что не былъ таковъ, какимъ бы ему надлежало быть сообразно желанію и надеждѣ господина и качеству возложенной на него должности. И богатство называется неправеднымъ потому, что не таково само по себѣ, какимъ хотѣлъ бы видѣть его человѣкъ корыстолюбивый. Господинъ, ввѣрившій свои сокровища экономy, не могъ ли надѣяться, что его имѣніе будетъ цѣло? Но онъ обманулся въ своей надеждѣ. Онъ не могъ и примѣтить, что его сокровища расхищены. Вотъ первый признакъ непостоянства благъ земныхъ! Почему экономъ заботился о пріобрѣтеніи себѣ друзей? Онъ зналъ, что его счастіе можетъ перемѣниться. Вотъ второй признакъ суетности земнаго благополучія! Итакъ самая притча ведетъ меня къ понятію о ложномъ, тлѣнномъ богатствѣ.

Въ слѣдующихъ словахъ: *да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы*—представляется плодъ истинной благотворительности, и время, когда благотворитель можетъ наслаждаться онымъ. Погрѣшительно было бы толкованіе, если бы мы, принявъ за образецъ неправеднаго приставника, который заботился о пристанищѣ временномъ, стали изъяснять вѣчные кровы объ убѣжищѣ въ сей жизни. Таковое значеніе было бы безъ всякаго основанія; ибо въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ выраженіе вѣчный кровъ означало бы временное убѣжище. Оно несообразно и съ духомъ ученія Христова; ибо тогда Іисусъ Христосъ внушалъ бы благотворительность, основанную на побужденіяхъ корысти. Но христіанская благотворительность требуетъ, чтобы мы давали бѣднымъ, ничего обратно отъ нихъ не ожидая. Это есть правило Іисуса Христа, которое Онъ внушаетъ намъ повсюду, повелѣвая ожидать награды въ будущей жизни за добродѣтель. То же правило повторяетъ Онъ и въ настоящемъ мѣстѣ.

Въ притчѣ представляется примѣръ, какъ сынъ вѣка сего употреблялъ ввѣренныя ему сокровища, дабы изъ сего примѣра сыны свѣта извлекали для себя правило жизни. Заключеніе оной: *сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть,* ясно открываетъ, чего желаетъ Учитель отъ Своихъ послѣдователей. Онъ желаетъ,

чтобы сыны свѣта были мудрѣе сыновъ вѣка; посему присовокупляетъ: *и Азъ вамъ глаголю: сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы.* Итакъ, что здѣсь должно быть общее у сыновъ свѣта съ сынами вѣка сего, и чѣмъ должны первые превосходить послѣднихъ? Сынъ вѣка сего употреблялъ сокровища для приготовленія себѣ счастія въ будущее время; и сыны свѣта должны употреблять ихъ, какъ средство для пріобрѣтенія благъ будущихъ; тотъ искалъ благосклонности у бѣдныхъ, и сіи должны искать благосклонности также у бѣдныхъ. Вотъ что у нихъ должно быть общее! Но тотъ старался уготовать себѣ пристанище будущее, впрочемъ въ сей жизни, а сіи должны уготовлять себѣ кровъ вѣчный, въ будущей жизни. Вотъ чѣмъ сыны свѣта должны доказать, что они мудрѣе сыновъ вѣка сего! И поелику имъ повелѣвается ожидать награды за благотворительность отъ одного Бога, въ будущей жизни; то изъ сего явствуетъ, что добродѣтель, которой Іисусъ Христосъ требуетъ отъ учениковъ Своихъ, чужда всякой корысти и основывается только на побужденіяхъ вѣры. Итакъ вѣчные кровы, въ словахъ Іисуса Христа, означаютъ Царствіе Божіе, обители Отца Небеснаго, въ которыхъ избранные Его будутъ вѣчно наслаждаться покоемъ и радостью.

Что же могутъ сдѣлать нищіе, облагодѣтельствованные нами? Какъ они пріимутъ насъ въ вѣчные кровы, когда ключъ Давидовъ находится въ рукахъ вѣчнаго Царя, Сына Давидова, и никто не отверзетъ, если Онъ затворитъ? Если ты благотворишь по чистымъ и святымъ побужденіямъ вѣры и любви; если знаешь, сколько сильны бываютъ тѣ благословенія, которыя призываетъ на тебя бѣдный отъ полноты благодарнаго чувства, и тѣ молитвы, въ которыхъ онъ и явно и тайно умоляетъ Іисуса Христа заплатить тебѣ долгъ свой; если вѣришь, что Всевѣдущій видитъ искренность любви твоей къ ближнимъ и не можетъ забыть ни одного случая, когда ты облегчалъ тяжкую участь брата, то для тебя не нужно больше доказательствъ, могутъ ли нищіе уготовать тебѣ мѣсто въ обителяхъ блаженной вѣчности. Та же вѣра, которая побуждаетъ тебя къ милосердію, объяснитъ и то, что говоритъ Учитель милосердія.

Впрочемъ, и для разума нѣтъ здѣсь основательной причины сомнѣваться и прибѣгать къ произвольнымъ догадкамъ. Въ языкѣ священномъ часто приписывается какому-нибудь лицу или вещи такое дѣйствіе, къ произведенію котораго онѣ или служатъ только поводомъ (см. Матѳ. XVI, 34—35), или нѣсколько съ своей стороны способствуютъ (Іоан. XII, 48. 2 Коринѳ. IV, 4. Дѣян. XIII, 46), или, наконецъ, соглашаются на справедливость дѣла, совершаемаго другимъ (1 Коринѳ. VI, 2). Но какимъ образомъ нищіе могутъ способствовать къ принятію насъ въ Царствіе Божіе, это для всякаго понятно. Въ настоящей жизни они доставляютъ намъ удобнѣйшій случай упражнять свою вѣру и укореняться въ любви, — случай доказать нашу покорность Іисусу Христу, Который, дѣйствуя Самъ чрезъ все продолженіе земной жизни, не просилъ у людей помощи для Себя, но, давъ имъ разумѣть, что всегда будетъ бѣдствовать въ лицѣ меньшихъ братій Своихъ, убѣждалъ не оставлять сихъ несчастныхъ, подобно Ему, лишенныхъ на землѣ всѣхъ удовольствій. Въ будущей жизни предъ Судіею міра, оправдывающимъ токмо вѣру и вѣнчающимъ любовь, нищіе, облагодѣтельствованные нами, будутъ живымъ свидѣтельствомъ

нашей вѣры и любви. Въ семъ-то состоитъ споспѣшествованіе ихъ къ нашему блаженству. Время, когда благотворительность должна получить обѣщанную награду, опредѣляется словами: *егда оскудѣете.*

Первая мысль, раждающаяся при чтеніи сихъ словъ, есть такая: когда сами обнищаете, подобно приставнику, у котораго отнято строеніе дома (3). Но какая здѣсь разумѣется скудость? Тѣ, которые не хотятъ согласиться, чтобы въ нравственномъ приложеніи заключалось болѣе понятій, нежели сколько находится ихъ въ притчѣ, разумѣютъ здѣсь лишеніе богатства по какимъ-нибудь непредвидѣннымъ случаямъ, зависящимъ отъ перемѣны обстоятельствъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сіе справедливо; ибо слова приставника: *егда отставленъ буду отъ строенія дому,* поставлены въ соотвѣтствіи со словами: *егда оскудѣете.* Слѣдственно тѣ и другія слова по значенію своему должны быть сходны; приставникъ, отставленный отъ своей должности, лишился прежняго счастія, и христіанину-благотворителю угрожаетъ скудость. Но симъ вопросъ еще не разрѣшается. Разсмотримъ упомянутыя слова въ связи съ цѣлою мыслью, и тогда откроется, о какомъ оскудѣніи говоритъ Іисусъ Христосъ намъ. Въ притчѣ сказано: *да, егда отставленъ буду отъ строенія дому, пріимутъ мя въ домы своя;* въ нравственномъ приложеніи: *да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы.* Здѣсь временному убѣжищу, котораго искалъ приставникъ, противополагаются вѣчные кровы, которыхъ мы должны надѣяться. Слѣдственно смыслъ нравственнаго приложенія нельзя строго ограничивать смысломъ притчи. Если оно имѣетъ смыслъ высшій, то и въ словахъ: *егда оскудѣете,* надобно искать значенія обширнѣйшаго.

Богатый, кто бы онъ ни былъ, по ученію Іисуса Христа, есть только приставникъ, коему на время Богъ поручилъ земныя сокровища. Посему онъ можетъ лишиться своего богатства, подобно приставнику, упоминаемому въ притчѣ, лишиться навсегда, ибо сіе богатство находится въ распоряженіи у человѣка дотолѣ, пока не снята съ него должность приставника. Это послѣдуетъ въ тотъ роковой часъ, когда мы должны будемъ разстаться съ самимъ міромъ и при дверяхъ гроба отдать ему все, чѣмъ въ продолженіи жизни отъ него пользовались. Вотъ на какую нищету указываетъ Господь нашъ, когда говоритъ: *егда оскудѣете.*

Смыслъ всего нравоученія такой: *и Я вамъ говорю: снискивайте себѣ благосклонность бѣдныхъ посредствомъ тлѣнныхъ сокровищъ, дабы они приняли васъ въ вѣчныя обители Отца Небеснаго, когда вамъ нужно будетъ оставить все, что теперь льститъ вашей чувственности»* (Христ. Чт. 1826 г. XXII, стр. 58—82).

Библіографическій указатель къ XVI гл. Ев. Луки.

На притчу о неправедномъ управителѣ (1—13).

1) *Блаж. Іеронима.* Кого должно разумѣть подъ невѣрнымъ приставникомъ, котораго похвалилъ господинъ? См. въ письмѣ къ Аспазіи. Христ. Чт. 1846 г. IV. 230—240. Ср. Тв. блаж. Іеронима въ р. п. т. II. 615—621.

2) *Астерія, еп. Амасійскаго.* Бесѣда объ управителѣ, на котораго донесено было господину, что расточаетъ имѣніе его (1—9). Христ. Чт. 1827 г. XXVII, 9—82.

3) *Еп. Софоніи.* Обозрѣніе и изъясненіе притчи о неправедномъ домоправителѣ. II томъ словъ и рѣчей. Спб. 1876 г.

4) Неправедный приставникъ. Евангельская притча. Правосл. Собес. 1866 г., ч. I. 323—345.

5) Примѣръ неправеднаго приставника (8). Воскр. Чт. 1877 г. I. 65—67.

6) Притча о неправедномъ приставникѣ. Душеп. Чт. 1880 г. I, 167—170.

7) Бесѣда священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ. Смыслъ притчи о невѣрномъ управителѣ. Руков. для сел. паст. 1865 г. III. 13—15.

8) Объ обязанностяхъ христіанина по ученію Евангельскихъ притчей (XVI). Объ употребленіи земныхъ благъ: притча о неправедномъ приставникѣ, о богатомъ и Лазарѣ. Воскр. Чт., г. XXXIV. I. 351—354. 356—358.

9) Ст. 8. *Сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ.* Воскр. Чт., г. XXIV. 206.

10) Ст. 9. Мамона неправды. *Прот. Нечаева.* Душеп. Чт. 1871 г. II. 109—118.

11) Ст. 10. Вѣрность въ маломъ. Воскр. Чт., г. XI. 40—43, г. XXIII. 419.

12) Ст. 10. Внимательность къ частностямъ и кажущимся мелочамъ. Воскр. Чт. 1873 г. II. 17—24; 38—42.

13) Ст. 10. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О вѣрности въ маломъ. Бес. IV. 113.

14) Ст. 12. *Если вы въ чужомъ вѣрны не были, то кто вамъ дастъ ваше.* Христ. Чт. 1821 г. I. 38—39.

15) Ст. 12. *Орды.* Что означаютъ слова Господа: *Аще въ чужомъ вѣрни не бысте* и т. д. Руков. для сел. паст. 1867 г. I. 565—573.

16) Ст. 13. *Св. Іоанна Златоустаго.* О томъ, что не должно имѣть пристрастія къ земнымъ вещамъ. Воскресное. Чт., г. XVII. 87—88.

17) Ст. 1—10, 13. Мысли *еп. Ѳеофана.* Мысли на каждый день года. 420. 476.

Ученіе о нерасторжимости брака и высокомъ достоинствѣ дѣвства (Мат. XIX, 3—12).

(*Св. Григорія Богослова.*)

И приступиша къ Нему фарисее, искушающе Его, и глаголаша: аще достоитъ человѣку по всякой винѣ пустити жену свою (3)? Опять фарисеи искушаютъ, опять читающіе законъ не понимаютъ закона; опять толкователи закона имѣютъ нужду въ новыхъ наставникахъ! Не довольно было саддукеевъ, искушающихъ о воскресеніи, законниковъ, вопрошающихъ о совершенствѣ, иродіанъ—о кинсонѣ, и другихъ—о власти: нѣкто еще и о бракѣ спрашиваетъ Неискушаемаго, спрашиваетъ Того, Кто Самъ Творецъ супружества, Кто отъ первой Причины создалъ весь сей родъ человѣческій.

Онъ же отвѣщавъ, рече имъ: нѣсте ли чли, яко Сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть (4)? Онъ зналъ, какіе вопросы рѣшать и при какихъ заграждать уста вопрошающихъ. Когда спрашиваютъ Его: *коею областію сія твориши* (Лук. XX, 2); тогда, по причинѣ крайняго невѣжества вопрошавшихъ, Самъ вопрошаетъ: *крещеніе Іоанново съ небесе ли бѣ, или отъ человѣкъ* (4)? И обоюдною невозможностью дать отвѣтъ связываетъ вопрошающихъ. Посему и мы, подражая Христу, можемъ иногда заграждать уста любопытнымъ совопросникамъ, а ихъ неумѣстные вопросы рѣшать вопросами же еще болѣе неумѣстными. Ибо мы и сами мудры на пустое (если можно иногда похвалиться дѣлами неразумія). Но когда Христосъ видитъ, что вопросъ требуетъ разсужденія, тогда вопрошающихъ не удостоиваетъ мудрыхъ отвѣтовъ. Онъ говоритъ: вопросъ, предложенный тобою, показываетъ въ тебѣ уваженіе къ цѣломудрію и требуетъ снисходительнаго отвѣта. А касательно цѣломудрія, какъ вижу, многіе имѣютъ неправильное понятіе, да и законъ у нихъ не равенъ и неправи-

ленъ. Ибо почему законъ обуздалъ женскій полъ, а мужескому далъ свободу, и жена, злоумыслившая противъ ложа мужняго, прелюбодѣйствуетъ и подвергается за то строгому преслѣдованію законовъ, а мужъ, прелюбодѣйствующій съ женою, не подлежитъ отвѣтственности? Я не принимаю такого законодательства, не одобряю обычая. Мужья были законодателями; потому и законъ обращенъ противъ женъ; потому и дѣтей отдали подъ власть отцевъ, а слабѣйшій полъ оставленъ въ пренебреженіи. Напротивъ того, Богъ установилъ не такъ; но: *чти отца твоего и матерь твою* (Исход. XX, 12),—вотъ первая заповѣдь, соединенная съ обѣтованіями: *да благо ти будетъ,* и: *иже злословитъ отца или матерь, смертію да умретъ* (Исход. XXI, 16). Видишь, равно и доброе почтилъ и злое наказалъ. Еще: *благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же материя искореняетъ до основанія* (Сирах. III, 9). Видите, какъ равно законодательство. Одинъ Творецъ мужа и жены, одна персть—оба они, одинъ образъ; одинъ для нихъ законъ, одна смерть, одно воскресеніе; одинаково раждаемся отъ мужа и жены; одинъ долгъ обязаны воздавать дѣти родителямъ. Какъ же ты требуешь цѣломудрія, а самъ не соблюдаешь? Взыскиваешь, чего не далъ? Почему, будучи самъ плоть такого же достоинства, не равно законополагаешь? Если ты обращаешь вниманіе на худшее, то жена согрѣшила, согрѣшилъ и Адамъ; змій прельстилъ обоихъ; не оказался одинъ слабѣе, а другой крѣпче. Но возьми во вниманіе лучшее. Обоихъ спасаетъ Христосъ страданіями. За мужа сталъ Онъ плотію, но также и за жену. За мужа умеръ, и жена смертію спасается. Христосъ *отъ сѣмени Давидова* именуется (чѣмъ, можетъ быть думаешь, почтенъ мужъ) но и отъ Дѣвы раждается, — это уже честь женамъ!

И будета оба, сказано, *въ плоть едину* (5); а единая плоть да имѣетъ и одинаковую честь. Павелъ же внушаетъ цѣломудріе и примѣромъ. Какимъ примѣромъ, и какъ? *Тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа и во Церковь* (Ефес. V, 32). Хорошо женѣ—почитать Христа въ лицѣ мужа; хорошо и мужу—не безчестить Церковь въ лицѣ жены. *Жена,* говоритъ онъ, *да боится своего мужа,* потому что боится Христа; но и *мужъ да любитъ свою жену,* потому что и Христосъ любитъ Церковь. Вникнемъ въ слова сіи съ большимъ тщаніемъ. *Мельзи млеко и будетъ масло* (Притч. XXX, 33); изслѣдуй, и можетъ быть найдешь въ нихъ нѣчто болѣе питательное. Мнѣ кажется, что здѣсь слово Божіе не одобряетъ двоеженства; ибо если два Христа, то два и мужа, двѣ и жены; а если одинъ Христосъ, одна глава Церкви; то и плоть одна, а всякая другая да будетъ отринута. А если удерживаетъ отъ втораго брака; то что̀ сказать о третьемъ? Первый есть законъ, вторый—снисхожденіе, третій—беззаконіе. А кто преступаетъ и сей предѣлъ, тотъ подобенъ свиньѣ, и немного имѣетъ примѣровъ такого срама. Хотя законъ даетъ разводъ по всякой винѣ; но Христосъ—не по всякой винѣ, а позволяетъ только разлучаться съ прелюбодѣйцею, все же прочее повелѣваетъ переносить любомудренно, и прелюбодѣйцу отлучаетъ потому, что она повреждаетъ родъ. Касательно же всего прочаго будемъ терпѣливы и любомудренны, или, лучше сказать, будьте терпѣливы и любомудренны—вы, пріявшіе на себя иго брака. Видишь ли, что жена прикрасилась, или подкрасилась,—сотри; или у нея языкъ продерзливый,—уцѣломудрь; или смѣхъ неблагопристойный, — сдѣлай

скромнымъ; или замѣчаешь неумѣренность въ издержкахъ и въ литіи, ограничь; или неблаговременные выходы изъ дома,—положи преграду; или разсѣянный взоръ—исправь; но не отсѣкай, не отлучай отъ себя поспѣшно; ибо неизвѣстно, кто подвергается опасности, отлучающій или отлучаемый. *Источникъ воды*, сказано, *да будетъ тебѣ; твой, и да никтоже чуждъ причастится тебѣ: жребя твоихъ благодатей елень любве да бесѣдуетъ тебѣ* (Притч. V,17—19). Итакъ не будь рѣкой чуждой, и не старайся нравиться другимъ болѣе, нежели женѣ своей. А если стремишься инуду, то и члену своему поставляешь въ законѣ безстыдство. Такъ учитъ Спаситель. Что же фарисеи? Жестоко имъ кажется слово; такъ какъ и все доброе не нравилось, и не нравится, и тогдашнимъ, и нынѣшнимъ фарисеямъ. Ибо фарисеемъ дѣлаетъ не происхожденіе только, но и образъ жизни; такъ Ассиріяниномъ и Египтяниномъ почитаю всякаго, кто произволеніемъ своимъ ставитъ себя съ ними въ одинъ рядъ. Что же фарисеи? Говорятъ:

Аще тако есть вина человѣку съ женою, лучше есть не женитися (10). Теперь только узнаешь ты, фарисей, что *лучше есть не женитися?* А прежде не зналъ, когда видѣлъ вдовство, и сиротство, и безвременную смерть, и рукоплесканія смѣняемыя плачемъ, и гробы подлѣ брачныхъ чертоговъ, и безчадіе, и несчастія отъ дѣтей, и неразрѣшившееся рожденіе, и дѣтей, лишающихся матери при самомъ рожденіи, наконецъ все, что бываетъ при семъ и смѣшнаго и горестнаго; потому что можно здѣсь сказать и то и другое. *Лучше есть женитися;* и я на сіе согласенъ; ибо *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. XIII, 4); но лучше для умѣренныхъ, а не для ненасытныхъ, не для тѣхъ, которые хотятъ оказывать плоти болѣе уваженія, чѣмъ должно. Когда бракъ есть собственно бракъ и супружескій союзъ, и желаніе оставить послѣ себя дѣтей; тогда бракъ хорошъ, ибо умножаетъ число благоугождающихъ Богу. Но когда онъ разжигаетъ грубую плоть, обкладываетъ ее терніемъ, и дѣлается какъ-бы путемъ къ пороку; тогда и я скажу: *лучше есть не женитися.* Бракъ—доброе дѣло; но не могу сказать, чтобы онъ былъ выше дѣвства. Ибо дѣвство не признавалось бы чѣмъ-то высокимъ, если бы не было изъ лучшаго лучшимъ. Да не огорчаются симъ носящіе узы брака! *Повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ* (Дѣян. V, 29). Напротивъ того, дѣвы жены, соединитесь вмѣстѣ, составьте едино о Господѣ и служите другъ другу украшеніемъ! Не было бы и безбрачныхъ, если бы не было брака; ибо откуда бы явился въ свѣтъ и дѣвственникъ? Не былъ бы бракъ честенъ, если бы Богу и жизни не плодоприносилъ дѣвственниковъ. Почитай и ты (дѣвственникъ) матерь свою, отъ которой происходишь; почитай и ты (обязавшійся супружествомъ) происшедшую отъ матери и матерь, хотя она и не мать, но невѣста Христова. Красота видимая не сокрыта; а незримая видима Богу; *вся слава дщере царевы внутрь: ряснымъ златымъ одѣяна, преиспещрена* (Псал. XLIV, 14), то есть и дѣлами, и созерцаніемъ. И вступившая въ бракъ да принадлежитъ Христу; и дѣва да будетъ всецѣло Христова! Одна да не прилѣпляется совершенно къ міру, другая да не будетъ вовсе отъ міра! Что замужней принадлежитъ частію, то дѣвѣ принадлежитъ всецѣло. Ты избрала жизнь Ангельскую, стала въ чинѣ безбрачныхъ; не ниспадай же въ плотское, не ниспадай въ вещественное, не сочетавайся съ веществомъ, тогда какъ ведешь жизнь безбрачную. Блудный

взоръ не охранитъ дѣвства; блудный языкъ вступаетъ въ общеніе съ лукавымъ; ноги, идущія безчинно, обличаютъ болѣзнь, или приводятся въ движеніе болѣзнью. Да будетъ дѣвственною и мысль: да не кружится, да не блуждаетъ, да не носитъ въ себѣ образовъ того, что̀ лукаво (такой образъ есть уже часть любодѣйства); да не созидаетъ въ душѣ ненавистныхъ кумировъ!

Онъ же рече имъ: не вси вмѣщаютъ словесе сего: но имже дано есть (11). Видите ли высоту сей добродѣтели? Она оказывается едва удобовмѣстимою. Да и не выше ли плоти—рожденному отъ плоти не раждать въ плоть? Не Ангельское ли свойство—душѣ, связанной съ плотью, жить не по плоти, и быть выше самой природы? Плоть связала ее съ міромъ, а разумъ возвелъ къ Богу; плоть обременила, а разумъ окрылилъ; плоть заключила въ узы, а любовь разрѣшила ихъ. Всей душею стремись, дѣва, къ Богу! Да не привлекаютъ взоръ взора, смѣхъ—смѣха, краткость обхожденія—ночныхъ сходбищъ, а ночь—погибели! Ибо по́немногу отъемлемое и похищаемое, хотя въ настоящемъ производитъ ущербъ неощутительный, однакоже во послѣдствіи совершенно уничтожаетъ вещь.

Не вси, говоритъ, *вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть.* Когда слышишь: *имже дано*, не впадай отъ сего въ ересь, не вводи различныхъ естествъ: земныхъ, духовныхъ и среднихъ; ибо нѣкоторые держатся превратныхъ мнѣній и думаютъ, что одни по самой природѣ назначены къ совершенной погибели, а другіе—къ спасенію, иные же въ такомъ состояніи поставлены, что собственный произволъ ведетъ ихъ къ худому или къ доброму. И я согласенъ, что одинъ, въ сравненіи съ другимъ, имѣетъ болѣе или менѣе способности; но одной способности не достаточно къ совершенству, и разумъ долженъ возбудить способность, чтобы природа пришла въ дѣятельность, подобно тому какъ камень—пиритъ, если ударяютъ въ него желѣзомъ, самъ дѣлается отъ того желѣзомъ. Когда слышишь: *имже дано есть,* присовокупляй: дано призываемымъ и имѣющимъ къ тому расположеніе; ибо когда слышимъ также: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Римлян. IX, 16), совѣтую тебѣ подразумѣвать то же. Поелику есть люди, такъ высоко думающіе о своихъ заслугахъ, что все приписываютъ себѣ самимъ, а не Тому, Кто ихъ сотворилъ и умудрилъ,—не Подателю благъ; то Слово Божіе учитъ таковыхъ, что нужна Божія помощь и для того, чтобы пожелать добра; тѣмъ паче самое избраніе должнаго есть нѣчто Божественное, даръ Божія человѣколюбія. Ибо надобно, чтобы дѣло спасенія зависѣло какъ отъ насъ, такъ и отъ Бога. Посему сказано: *ни хотящаго*, то-есть ни одного хотящаго, *ни текущаго* только, но и *милующаго Бога.* Потомъ, поелику и самое хотѣніе отъ Бога, то справедливо Апостолъ все приписалъ Богу. Течешь ли, подвизаешься ли; все имѣешь нужду въ Дающемъ вѣнецъ. *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи* его: *и аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегущій его.* (Псал. CXXVI, 1). Знаю, говоритъ онъ, что не отъ легкихъ въ бѣгу зависитъ бѣгъ, не отъ сильныхъ—война, не отъ ратоборцевъ—побѣда, и пристань не во власти искусныхъ пловцовъ; но отъ Бога и побѣду устроить и ладью ввесть въ пристань. Боюсь, чтобы не присоединилась къ сему нелѣпая мысль, будто бы душа имѣла другую жизнь, а потомъ уже соединена съ симъ тѣломъ, и за тамошнюю жизнь одни получаютъ здѣсь даръ пророчества, а другіе, жившіе тамъ худо, осуждаются. Но пое-

лику допустить сіе крайне нелѣпо и несообразно съ ученіемъ Церкви (хотя другіе и забавляются такими ученіями, но намъ забавляться подобными толками не безопасно); то и въ семъ мѣстѣ къ словамъ *имже дано есть*, присовокупляй: то-есть достойнымъ; а то, чтобы стать достойными, не только получили они отъ Отца, но и сами себѣ дали (Тв. св. оо., т. III. Тв. св. Григорія Богослова, ч. III, стр. 217—227).

О томъ же св. Исидора Пелусіота.

Сказанное о дѣвствѣ: *не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть*,— сказано не въ томъ смыслѣ, что дается сіе инымъ по какому-то жребію (въ такомъ случаѣ Богъ не назначилъ бы имъ въ награду Небеснаго Царства), напротивъ того, симъ показывается, что, во-первыхъ, подвизающіеся симъ преестественнымъ подвигомъ имѣютъ нужду въ Божьей помощи; и во-вторыхъ, совѣтъ сей сходитъ съ неба, не закономъ постановляемый, но предлагаемый, въ видѣ увѣщанія; въ-третьихъ, дѣвство дается тѣмъ, которые препобѣдили невоздержаніе, свыше призываютъ содѣйствіе, сохраняютъ драгоцѣнность сію постами и бдѣніями; нерадѣніемъ же и роскошью они предаютъ себя звѣрю. А если бы давалось оно по жребію, то излишнею была бы награда. Не по милости оно дано, но дается желающимъ принять; а кто не хочетъ, тѣмъ никто и не дастъ (Тв. св. оо., т. XXXVI. Тв. Исидора Пелус., ч. III, стр. 80).

Изъясненіе ст. 12, св. Григорія Богослова.

Суть бо скопцы, говоритъ Христосъ, *иже изъ чрева матерня родишася тако: и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ: и суть, иже исказиша сами себе, Царствія ради Небеснаго: могій вмѣстити да вмѣстит* (12). Мнѣ кажется, что слово, уклоняясь отъ тѣлеснаго, посредствомъ тѣлеснаго изображаетъ высшее; ибо мало, даже можетъ быть крайне слабо и не достойно слова было остановить понятіе на тѣлесныхъ только скопцахъ; а мы должны представлять себѣ нѣчто достойное духа. Итакъ одни кажутся отъ природы расположенными къ добру. Когда говорю: отъ природы, не унижаю тѣмъ произволенія, но предполагаю то и другое, и наклонность къ добру, и волю, которая приводитъ въ дѣйствіе естественную наклонность. А другіе таковы, что ихъ очищаетъ ученіе, отсѣкая въ нихъ страсти; и ихъ-то разумѣю подъ скопцами, *иже скопишася отъ человѣкъ*; когда наставническое слово, отдѣляя доброе отъ худаго, и, одно устраняя, а другое предписывая (какъ напримѣръ въ заповѣди: *уклонися отъ зла, и сотвори благо* (Псал. XXXIII, 15), созидаетъ въ нихъ духовное цѣломудріе. Хвалю и сей родъ скопцевъ, даже весьма хвалю какъ наставниковъ, такъ и наставляемыхъ, первыхъ за то, что умѣютъ отсѣкать, а послѣднихъ за то, что еще лучше переносятъ отсѣченіе. *И суть, иже исказиша сами себе Царствія ради Небеснаго.* Иные не имѣли наставниковъ, но сами для себя сдѣлались похвальными наставниками. Не учила тебя матерь, чему должно, не училъ отецъ, ни священникъ, ни епископъ, ни кто либо другой изъ тѣхъ, кому поручено учить, но ты самъ, приведя въ дѣйствіе разумъ, свободною волей воспламенивъ искру добра, исказилъ себя, отсѣкъ корень, истребилъ орудія грѣха, пріобрѣлъ такой навыкъ въ добродѣтели, что для тебя стало почти уже невозможнымъ устремляться къ злу. Посему хвалю и сей родъ скопцовъ, даже еще болѣе нежели другіе роды.

Могій вмѣстити да вмѣститъ. Избери, что̀ угодно: или послѣдуй учителю, или самъ для себя будь учителемъ. Одно только постыдно, если не будутъ отсѣчены страсти; а кѣмъ бы ни были отсѣчены, не полагай въ томъ различія. Ибо и наставникъ есть тварь Божія, и ты отъ Бога. Хотя наставникъ предвосхититъ у тебя честь, хотя добро будетъ собственнымъ твоимъ дѣломъ; въ обоихъ случаяхъ оно одинаково добро: отсѣчемъ только отъ себя страсти, *да не кій корень горести, выспрь прозябаяй, пакость сотворитъ* (Евр. XII, 15), будемъ только послѣдовать образу, станемъ только чтить Первообразъ. Отсѣки тѣлесныя страсти, отсѣки и душевныя; ибо чѣмъ душа честнѣе тѣла, тѣмъ честнѣе очищать душу, нежели тѣло (Тв. св. Григорія Богослова, ч. III, стр. 230—232).

О томъ же св. Іоанна Златоустаго.

Когда Іисусъ Христосъ говоритъ *скопиша себе*, то подъ симъ не разумѣетъ отсѣченія членовъ,—да не будетъ сего! но истребленіе злыхъ помысловъ; ибо отсѣкшій членъ подвергается проклятію, какъ говоритъ Павелъ: *о дабы отсѣчени были развращающіе васъ* (Галат. V, 12)! И весьма справедливо. Ибо таковый поступаетъ подобно человѣкоубійцамъ, содѣйствуетъ тѣмъ, которые унижаютъ твореніе Божіе; отверзаетъ уста манихеевъ, и преступаетъ законъ, подобно тѣмъ изъ язычниковъ, кои отрѣзываютъ члены. Ибо отсѣкать члены первоначально было дѣло діавольское и злоухищреніе сатаны, чтобы чрезъ сіе исказить созданіе Божіе; чтобы нанести вредъ человѣку, созданному Богомъ, и чтобы многіе, вмѣняя все не произволу, но самимъ членамъ, безбоязненно грѣшили, сознавая себя невинными, и такимъ образомъ сугубый причиняли себѣ вредъ какъ отсѣченіемъ членовъ, такъ и противупоставленіемъ препятствій волѣ дѣлать доброе. Подобно сему діаволъ ввелъ и еще другое ложное ученіе о судьбѣ и необходимости, и такимъ образомъ всячески старался уничтожить свободу, дарованную намъ Богомъ, увѣряя, что зло есть слѣдствіе физической природы, и чрезъ сіе разсѣявая многія другія ложныя ученія, хотя и скрытно. Таковы стрѣлы діавольскія! Посему молю, убѣгайте сего преступленія. Кромѣ сего, пожеланія наши отсѣченіемъ членовъ не только не укрощаются, но еще болѣе раздражаются; ибо сѣмя, находящееся въ насъ, другіе имѣетъ источники и другимъ образомъ возбуждается. Одни говорятъ, что оное пожеланіе происходитъ отъ мозга, другіе же—отъ чреслъ; а я говорю, что оно происходитъ не изъ другихъ источниковъ, какъ отъ развращенной воли и невниманія къ помысламъ. Если воля цѣломудренна, то никакого не будетъ вреда отъ естественныхъ движеній. Посему, сказавъ о скопцахъ, какъ о тѣхъ, которые напрасно скопятъ себя, не будучи цѣломудренными въ помыслахъ, такъ и о тѣхъ, кои ради Царства Небеснаго сохраняютъ дѣвство, Іисусъ Христосъ прибавляетъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ.* И такимъ образомъ по неизрѣченной Своей кротости показывая, сколь важно соблюденіе дѣвства, и не заключая его въ необходимыхъ предписаніяхъ закона, Онъ еще болѣе воспламеняетъ въ нихъ любовь къ оному. И этимъ самымъ Онъ показалъ совершенную возможность сей добродѣтели, чтобы тѣмъ сильнѣе возбудить въ волѣ желаніе оной (Бес. Злат. на Ев. Матѳея, ч. II, стр. 65—67).

О томъ же блаж. Ѳеофилакта.

Сутъ бо скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако: и сутъ скопцы,

иже скопишася отъ человѣкъ: и суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствія ради Небеснаго. Могій вмѣстити да вмѣститъ. Подвигъ дѣвства, говоритъ, есть жребій немногихъ. Есть скопцы отъ утробы матерней, то-есть люди, которые по природному сложенію не имѣютъ влеченія къ женамъ; но ихъ цѣломудріе не приноситъ имъ пользы. Есть и такіе, которые оскопляются людьми. Оскопляющіе же сами себя ради Царствія Божія суть не тѣ, которые отрѣзываютъ у себя члены, ибо это преступно, но тѣ, которые воздерживаются. Понимай и такъ: бываетъ скопецъ отъ природы, то-есть, какъ выше сказано, по природному сложенію не склонный къ любострастію. Оскопляемый отъ людей есть тотъ, кто удаляетъ отъ себя разжженіе плотской похоти вслѣдствіе человѣческаго наставленія. Наконецъ, оскопляющій самъ себя есть тотъ, кто не по чужому, а по собственному расположенію, добровольно рѣшился на подвигъ цѣломудрія. Таковый очень хорошъ, потому что онъ независимо отъ другихъ, а самъ произвольно вступаетъ на путь къ Царствію Небесному. Желая же, чтобы мы добровольно подвизались въ добродѣтели (дѣвства), Господь говоритъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ.* Такимъ образомъ Онъ не принуждаетъ къ дѣвству, не возбраняетъ и брака, но дѣвство предпочитается (Благовѣстникъ, ч. I, стр. 233. Изд. Прав. Собес.).

Мысли еп. Ѳеофана о высотѣ дѣвства.

Господь говоритъ, что брачный союзъ первоначально Самъ Богъ благословилъ и вложилъ законъ этотъ въ естество наше; о тѣхъ же, кои хотятъ не жениться, сказалъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ.* Ясно, что хоть и призналъ Онъ бракъ закономъ естественнымъ; но не настолько необходимымъ и неизбѣжнымъ, чтобъ не было мѣста безбрачію. И послѣднее Онъ разрѣшаетъ, но ограждаетъ условіемъ, которое сближаетъ его съ закономъ естества. Скопецъ отъ рожденія—безбраченъ по закону естественному; но и тотъ, кто своимъ произволеніемъ поставляетъ себя въ такое состояніе, въ какомъ естественный скопецъ находится по рожденію безъ участія воли,—становится на одной съ нимъ линіи въ отношеніи къ естественнымъ потребностямъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи какъ первый, такъ и второй—естественные безбрачники. Отчего же духовное скопчество или безбрачіе произвольное считаютъ не естественнымъ? Оттого, что не понимаютъ естества. У нихъ только то и естественно, что̀ естественно тѣлу, а что̀ естественно духу, и что̀ вслѣдствіе воздѣйствія его на тѣло, становится естественнымъ, того они не хотятъ считать естественнымъ. И добро бы это были люди изъ числа матеріалистовъ, а то нѣтъ: поговори съ ними о чемъ-нибудь другомъ, резонно разсуждаютъ (Мысли на каждый день года, стр. 267).

Его же, о нерасторжимости брачнаго союза (Марк. X, 9).

Еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ. Этими словами Господь утверждаетъ неразрывность брака; только одинъ законный поводъ къ разводу указанъ—невѣрность супруговъ; но какъ быть, если откроется что либо подобное? Потерпи. У насъ есть всеобщая заповѣдь—другъ друга тяготы носить; тѣмъ охотнѣе должны исполнять ее взаимно другъ къ другу такія близкія лица, какъ супруги. Нехотѣніе потерпѣть раздуваетъ непріятности, и пустяки возгромождаются въ раздѣляющую стѣну. На что̀ умъ-то данъ? Углаживать жизненный путь. Благоразуміе разведетъ

встрѣтившіяся противности. Не разводятся онѣ отъ недостатка благоразумія житейскаго, а больше отъ нехотѣнія обдумать хорошенько положеніе дѣлъ, и еще больше отъ неимѣнія въ жизни другой цѣли, кромѣ сластей. Прекращаются услажденія,—прекращается и довольство другъ другомъ; дальше и дальше, вотъ и разводъ. Чѣмъ больше опошливаются цѣли жизни, тѣмъ больше учащаются разводы—съ одной стороны, а съ другой—беззаконное временное сожительство. Источникъ же этого зла въ матеріалистическомъ воззрѣніи на міръ и жизнь (тамъ же, стр. 470—471).

Къ притчѣ о богачѣ и Лазарѣ (Лук. XVI, 19—21).

Порфира и виссонъ (Лук. XVI, 19—21).

«Нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ; одѣвался въ порфиру и виссонъ, и каждый день пиршествовалъ блистательно. Былъ также нѣкоторый нищій, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы приходя лизали струпья его» (Лук. XVI, 19—31).

Обиліе нищихъ—дѣло обыкновенное на востокѣ. Въ Сиріи и теперь у воротъ богачей часто можно встрѣтить толпы нищихъ, располагающихся здѣсь въ ожиданіи милостыни отъ входящихъ и выходящихъ изъ дома. Особенно много собирается ихъ въ праздничные дни, когда въ Сиріи приготовляютъ пищу въ большемъ противъ обыкновеннаго количествѣ. Такъ какъ вслѣдствіе жаркаго климата пища не можетъ тамъ долго сохраняться, то остатокъ ея раздается нищимъ. Въ ожиданіи подачи нищіе толпятся у воротъ въ такомъ множествѣ, что запоздавшему приходится воспользоваться развѣ только крошками. На это-то обстоятельство и указываютъ приведенныя слова Евангелія: «и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача», одѣвавшагося въ порфиру и виссонъ.

Порфирою или пурпуромъ называлась матерія блестящаго цвѣта и столь дорогая, что ее носили только знатныя лица и управители. Цвѣтъ пурпура весьма разнообразенъ, онъ бываетъ: блѣднорозовый, или малиновый, фіолетовый или цвѣта запекшейся крови. Пурпуровая краска лучшаго качества привозилась изъ Финикійскаго города Тира и называлась *Тирскою краскою*. Она добывалась изъ двухъ сортовъ раковинъ. Однѣ изъ нихъ назывались buccinum: ихъ находили на скалахъ и утесахъ; другія—purpura или telazia—добывались на днѣ морскомъ. Тирскій пурпуръ цѣнился очень дорого, такъ какъ онъ добывался въ незначительномъ количествѣ, и приготовленіе его соединялось съ большими трудностями. Въ настоящее время эта краска въ продажѣ встрѣчается очень рѣдко. Пурпуровая, голубая и красная краски цѣнились и Евреями очень высоко, потому что матеріи другихъ цвѣтовъ у нихъ почти не употреблялись. Евреи сами не умѣли приготовлять чисто и ярко окрашенныхъ тканей, и потому яркія матеріи, привозимыя къ нимъ изъ другихъ странъ, считались признакомъ роскоши. Римляне добывали пурпуръ темно-краснаго цвѣта изъ особой породы моллюсковъ—каракатицы (octopus или seria). Матеріи, окрашенныя имъ, имѣли яркій цвѣтъ. Другаго употребленія этой краски Римляне не знали. Въ продажѣ матерія этого цвѣта извѣстна была подъ именемъ багряницы. Объ одной изъ продавицъ багряницы упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (XVI, 14). Багряницу носили только цари и вельможи. Предъ крестною смертію Спасителя также одѣли въ багряницу, же-

лая тѣмъ выставить на посмѣяніе народа Того, Кто называлъ Себя «Царемъ Іудейскимъ».

Что̀ касается *виссона*, его носили только богатые и знатные. Бѣдные носили одежду изъ грубаго полотна или другаго матеріала. Богачи же носили рубашку изъ тонкой матеріи, а сверху ея надѣвали пурпуровый плащъ.—Эта-то рубашка и называлась у Евреевъ виссономъ. Іосифъ, живя въ Египтѣ, получилъ такую рубашку или виссонъ, въ даръ отъ фараона. Въ виссонъ одѣвались также Ааронъ, Давидъ, Мардохей. Іосифъ Аримаеейскій «почтенный членъ синедріона», выпросивъ у Пилата позволеніе снять Тѣло Іисуса съ креста, покрылъ его виссономъ.

Вообще, виссонъ—самая тонкая и мягкая ткань, которая съ особеннымъ искусствомъ приготовлялась только въ древнемъ Египтѣ и продавалась чрезвычайно дорого. По мнѣнію нѣкоторыхъ, ее собирали съ какого-то Индійскаго дерева; а по другимъ, выдѣлывали изъ тончайшаго пуху. По-Еврейски «виссонъ» значитъ бѣлизна, но виссонъ былъ не бѣлаго, а пурпуроваго цвѣта и цѣнился на вѣсъ золота. Въ Апокалипсисѣ виссонъ считается въ числѣ драгоцѣнныхъ предметовъ (XVIII, 12, 10). (Воскр. Чт. 1874 г., т. I, стр. 132—133).

Надежда свиданія за гробомъ (Лук. XVI, 26).

(Сергія, архіеп. Курскаго.)

И надъ всѣми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящіи прейти отсюда къ вамъ, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ». Жизнь за гробомъ не есть жизнь уединенная. Тайнозритель Іоаннъ видѣлъ подъ алтаремъ небеснымъ души убіенныхъ за слово Божіе, которымъ дано было успокоиться въ надеждѣ, что ихъ сотрудники и братія дополнятъ ихъ число (Апокалипс. VI, 9, 11). Потомъ видѣлъ онъ еще, что предъ престоломъ и предъ Агнцемъ стояло великое множество людей изъ всѣхъ племенъ, колѣнъ и народовъ, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ. На вопросъ, кто они и откуда пришли, ему объяснено, что они пришли, претерпѣвъ скорби великія, и за сіе нынѣ они предъ престоломъ Божіимъ и служатъ Богу день и ночь (VII, 9 и слѣд.). Самъ Спаситель ученикамъ и всѣмъ вѣрнымъ послѣдователямъ Своимъ обѣщалъ: *поиму вы къ Себѣ. Идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. XIV, 3, 12, 26). Слѣдовательно души, Богу угодившія, по смерти тѣлесной входя въ единеніе съ Нимъ, не разъединены и между собою.

Притчею о богатомъ и Лазарѣ Христосъ вразумляетъ насъ, что для душъ отшедшихъ уготованы въ другомъ мірѣ различныя мѣста, темныя и свѣтлыя, между которыми великая пропасть, и хотящіе перейти изъ однихъ въ другія, изъ худшихъ въ лучшія, не могутъ.

Изъ сихъ наставленій Спасителя слѣдуетъ отнюдь не то, чтобы свиданіе душъ по смерти тѣлесной было невозможно, но то, что ихъ соединеніе, для совмѣстнаго сопребыванія въ другомъ мірѣ, подлежитъ ограниченіямъ; для однихъ не желательно, для другихъ неудободостижимо, а для иныхъ весьма затруднено. Кѣмъ же, или чѣмъ оно бываетъ затруднено? И самими отходящими изъ сей жизни, и остающимися въ живыхъ. Ихъ вѣра и нравы, ихъ образъ жизни и дѣла, ихъ взаимная любовь или ненависть служатъ предуказаніемъ, будутъ ли они вмѣстѣ въ мірѣ загробномъ. Богатый, *во адѣ сый въ мукахъ, узрѣ Авраама издалеча и Лазаря на лонѣ его;* имѣлъ онъ также увѣренность, что увидитъ подлѣ себя

и пять братьевъ своихъ, еще оставшихся на землѣ. Но свиданіе съ Авраамомъ и Лазаремъ было для него безполезно, а переселеніе къ нимъ оказалось невозможно; соединеніе же съ братьями для него самого не желательно, ибо онъ предчувствовалъ, что чрезъ ихъ мученіе увеличится его собственное томленіе; почему, боясь, что придутъ они къ нему, просилъ Авраама послать къ нимъ Лазаря для предостереженія. А многочисленность обителей въ дому Отца Небеснаго означаетъ то, что блаженство вѣчное будетъ въ преизбыткѣ и неистощимо для всѣхъ праведниковъ, отъ вѣка Богу угодившихъ, сколько бы ихъ ни было. Но какъ въ большомъ домѣ хотя и много отдѣленій или комнатъ, члены семейства и домочадцы свободны, чтобы видѣть другъ друга; такъ и въ дому Отца Небеснаго всѣ обители составляютъ нераздѣльное Царство Небесное, и души, въ нихъ водворенныя, единое, соутѣшающееся въ блаженствѣ, общество. Теряютъ тамъ силу узы плотскаго родства и суетныя, земныя привязанности; но нѣтъ сомнѣнія, что люди, здѣсь чистое расположеніе другъ къ другу питавшіе, въ разныхъ подвигахъ добра потрудившіеся, одинаковыя скорби перенесшіе, въ тѣхъ же святыхъ внушеніяхъ вѣры себѣ утѣшеній искавшіе, встрѣтятся въ однихъ и тѣхъ же святыхъ обителяхъ. Нѣкто изъ подвижниковъ заболѣлъ и, ожидая конца себѣ, пригласилъ къ себѣ старца, съ которымъ жилъ въ духовномъ союзѣ. Тотъ, увѣренный, что увидится съ нимъ въ будущей жизни, послалъ ему сказать: «если ты проживешь до субботы, то приду; а если отойдешь, увидимъ другъ друга въ томъ мірѣ».

Итакъ гдѣ и съ кѣмъ быть въ будущей жизни, о томъ надлежитъ заботиться здѣсь на землѣ. Вы *поминайте* прежде отшедшихъ *наставниковъ вашихъ*, вѣруя, что ихъ души въ Царствѣ Небесномъ. *Взирающе на скончаніе* ихъ *жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII, 7). Лишился отецъ добраго и непорочнаго сына, и не оставляетъ желанія, чтобы увидѣть его. «Живи, поучаетъ его святый Златоустъ, живи подобно ему, и ты вскорѣ достигнешь священнаго онаго видѣнія. Помышляй не о томъ, что онъ никогда не возвратится въ домъ твой, но что и самъ ты скоро переселишься къ нему». Плачетъ вдовица о мужѣ умершемъ, который былъ истинный христіанинъ, уважаемый въ обществѣ за многія добродѣтели. Но да слышитъ она, что совѣтуетъ ей святый Василій Великій: «отъ настоящаго обратись душею къ попеченію о будущемъ, чтобы и тебѣ за добрыя дѣла получить одинаковое съ нимъ упокоеніе. «Доколѣ вы на землѣ, пріобрѣтайте себѣ друзей на небѣ, *да егда оскудѣете* въ безпомощный смертный часъ, *пріимутъ вы въ вѣчныя кровы* (Лук. XVI, 9). (Душеп. Чт. 1878 г., I, стр. 322—326.)

Св. Исидора Пелусіота на тотъ же стихъ.

Авраамъ отвѣчалъ, что великая пропасть утвердилась между нимъ и страждущимъ въ мукахъ богачемъ, показывая различіе между праведными и грѣшными. Ибо Авраамъ былъ странноприимецъ и нищелюбивъ, принималъ приходящихъ издалека, а богачъ немилосердно отвращался отъ лежащаго въ язвахъ при вратахъ его. Посему какъ расположенія противоположны, такъ и мѣста переселенія раздѣльны; однимъ—покой, другимъ—мученіе (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. I, стр. 113—114).

Библіографическій указатель къ XVI гл. Ев. Луки (19—31).

Святоотеческія толкованія.

1) *Блаж. Θеофилакта.* Изъясненіе Евангелія въ 22 нед. по Пят. Воскр. Чт., г. X. 281—283.

2) Ст. 19—31. *Св. Григорія Двоеслова* о воздаяніи въ вѣчной жизни за добрыя дѣла и худыя. Бесѣды на Евангелія въ перев. архим. Климента. Кн. II. 312.

3) *Препод. Исидора Пелусіота* о Лазарѣ и богатомъ, ч. III. 22—23; 26—27.

4) Ст. 25. *Св. Амвросія Медіоланскаго.* О томъ, почему нечестивые живутъ въ изобиліи и довольствѣ, а праведныхъ нерѣдко постигаютъ скорби и бѣдствія. Воскр. Чт., г. XIV. 385.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

5) Ст. 19—31. Недѣля 22 по Пятидесятн. Воскр. Чт., г. XXV. 799—807.

6) Ст. 19—31. Бесѣда. Воскр. Чт., г. VI. 251—255.

7) Ст. 19—31. Бесѣда священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ. Руков. для сел. паст. 1865 г. III. 8—11.

8) Ст. 19—31. Мысли еп. Θеофана. 380.

9) Ст. 19—31. *Архіеп. Дмитрія Волынскаго.* Изъ бесѣды въ нед. 22 по Пятидес. о богатомъ и Лазарѣ.

10) Ст. 19—31. *Прот. Помисадова.* О загробной жизни (противъ спиритовъ). Душеп. Чт. 1881 г. I. 175—188.

11) *Свящ. Предтеченскаго.* Жизнь беззаботная. Духовн. Бес. 1874 г. 241—244.

12) Притча о богатомъ и Лазарѣ. Воскр. Чт., г. XVII. 284—288.

13) Богатство и бѣдность. Воскресн. Чт., г. XXXIII. II. 93—97.

14) Ст. 20. Лазарь и богачъ на землѣ. Перев. съ Нѣмецк. Воскр. Чт. 1874 г. I. 49—53; 90—94; 106—110.

15) Ст. 16—22. Притча. Руков. для сел. п. 1864 г. III. 140—145.

16) Ст. 22. *Еписк. Макарія.* За предѣлами жизни. Стран. 1878 г. IV. 181—186.

17) Ст. 25. *Архіеп. Анатолія* на слова: *помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ.* Воскр. Чт., г. XVIII. 281.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

18) *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О Божественномъ откровеніи, какъ вполнѣ вѣрномъ и достаточномъ руководствѣ ко спасенію (противъ спиритовъ). II. 171—176. 177—183. 184—189. Въ чемъ состояла вина богача? III. 339—346.

19) *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Бесѣда на притчу о богачѣ и Лазарѣ. 287—299.

20) Ст. 22. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* О состояніи душъ по смерти. Противъ ученія о чистилищѣ. I. 93—95.

21) Ст. 22. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О томъ, что наша жизнь не оканчивается смертію, и что будущая жизнь состоитъ въ необходимой связи съ настоящею. Бес. въ нед. 22 по Пятид.

22) Ст. 25. *Макарія, еписк. Тамбовскаго.* О томъ, какъ употреблять богатство и переносить бѣдность. II. 120—126.

23) Ст. 31. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О томъ, что невѣріе можетъ оставаться упорнымъ и закоснѣлымъ при самыхъ очевидныхъ и поразительныхъ явленіяхъ присносущей силы Божіей, и что крайнее ослѣпленіе человѣческаго разума есть дѣйствіе темной силы діавольской. Слово въ 22 нед. по Пятид.

24) Ст. 31. *Филарета, митроп. Московскаго.* Назидательные уроки изъ притчи о богачѣ и Лазарѣ. III. 160—165.

Рѣчи о соблазнахъ, примиреніи и силѣ вѣры (Лук. XVII, 1—10).

Ст. 1—2. Насмѣшка фарисеевъ и ихъ корыстолюбіе послужили ближайшимъ поводомъ къ произнесенію притчи о богачѣ и Лазарѣ. Въ виду постояннаго противодѣйствія, которое они оказывали Его дѣлу, и пагубнаго вліянія, которое они оказывали своимъ примѣромъ на народъ, Онъ сказалъ, по уходѣ ихъ, Своимъ ученикамъ: «не возможно не придти соблазнамъ; но горе тому, чрезъ кого они приходятъ. Лучше было бы ему, если бы мельничный жерновъ повѣсили ему на шею и

бросили его въ море, нежели чтобъ онъ соблазнилъ одного изъ малыхъ сихъ». Іисусъ видитъ появленіе соблазновъ съ пришествіемъ Его Царства, видитъ возрастаніе ихъ съ распространеніемъ этого Царства; Онъ представляетъ ихъ Своимъ ученикамъ неизбѣжными спутниками Своей Церкви. Но вмѣстѣ съ этимъ Іисусъ грозитъ горемъ виновникамъ соблазновъ, соблазняющихъ слабыхъ въ вѣрѣ (малыхъ), и указываетъ на наказаніе, которое имъ придется претерпѣть за это. Наказаніе будетъ столь тяжкое и ужасное, что ему можно было бы предпочесть даже позорную и мучительную смерть.

Ст. 3—4. Противъ такихъ соблазновъ Іисусъ Христосъ вооружается со всею силою. Что же касается грѣховъ слабости нашихъ ближнихъ, то мы должны переносить и прощать ихъ съ неустанною любовью. Поэтому Іисусъ продолжаетъ: «наблюдайте за собою. Если же согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, выговори ему; и если покается, прости ему. И если семь разъ въ день согрѣшитъ противъ тебя и семь разъ обратится и скажетъ: каюсь,—прости ему».

Ст. 5—10. Апостолы чувствовали при этихъ словахъ, что *ихъ* вѣра слишкомъ слаба для того, чтобы проявлять такую неустанную любовь. Поэтому они просили Іисуса: «Господи, умножь въ насъ вѣру!» Іисусъ отвѣчалъ имъ: «если бы вы имѣли вѣру съ зерно горчичное и сказали смоковницѣ сей: исторгнись и пересадись въ море, то она послушалась бы васъ». Этими словами Онъ показываетъ имъ, что дѣло заключается не въ *сильной* именно вѣрѣ. Главное дѣло въ томъ, чтобы была *самая* вѣра. Гдѣ она дѣйствительно есть въ душѣ, хотя бы по началу только въ видѣ искорки, тамъ она будетъ возрастать, совершать самое трудное и даже вообще невозможное, будетъ проявлять силу, побѣждающую міръ. Но затѣмъ Онъ вразумляетъ ихъ, что неутомимая любовь и міропобѣждающая вѣра отнюдь не составляютъ заслуги человѣка. Проникая въ сердца Своихъ учениковъ, Онъ увидѣлъ, что сознаніе великихъ и чудесныхъ дѣйствій, которыя Онъ Самъ приписывалъ вѣрѣ, могло бы сдѣлать ихъ слишкомъ самоувѣренными, и что они, быть можетъ, безсознательно для самихъ себя, могли бы приписать эту вѣру себѣ, какъ свое дѣло и свою заслугу. Поэтому Онъ показываетъ имъ, что прекраснѣйшій вѣнецъ и украшеніе вѣры составляетъ *смиреніе,* чуждое самовосхваленія и живущее только сознаніемъ своего недостоинства и благодатію Божіею. Вообще истинная вѣра не знаетъ ничего о какой-то бы ни было заслугѣ. Вѣрность, оказываемая ею, есть не болѣе, какъ долгъ; всякое доброе дѣло, творимое ею, есть милость и благодать Божія. Это Іисусъ Христосъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «кто изъ васъ, имѣя раба пашущаго или пасущаго, по возвращеніи его съ поля, скажетъ ему: пойди скорѣе, садись за столъ? Напротивъ, не скажетъ ли ему: приготовь мнѣ поужинать и, подпоясавшись, служи мнѣ, пока буду ѣсть и пить; и потомъ ѣшь и пей самъ? Станетъ ли онъ благодарить раба сего за то, что онъ исполнилъ приказанное? не думаю. Такъ и вы, когда исполните все, повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы, ничего нестоющіе, потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать».

Св. Амвросія Медіоланскаго на 2 ст. XVII гл. Евангелиста Луки.

Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, запрети ему (Лук. XVII, 2).

Іисусъ Христосъ весьма прилично послѣ изображенія бѣдственнаго состоя-

нія богатаго, предписываетъ заповѣдь, какъ должно поступать съ ближнимъ, который, по содѣяніи проступка, приноситъ раскаяніе, дабы не привести его въ отчаяніе. Въ этомъ случаѣ Онъ предписываетъ самыя благоразумныя мѣры, чтобы, съ одной стороны, послабленіемъ не подать повода къ большему проступку, а съ другой, неумѣстною строгостью не раздражить и не ожесточить сердца; ибо на сей случай такъ говоритъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ* (Матѳ. XVIII, 15). Потому что кроткое обличеніе дѣйствительнѣе строгаго обвиненія; первое можетъ возбудить стыдъ, а послѣднее поселяетъ неудовольствіе и заставляетъ виновнаго скрывать свою вину; покажи, чтобы обличаемый тобою братъ нашелъ въ тебѣ искренняго друга, а не врага: онъ скорѣе согласится послѣдовать совѣтамъ друга, нежели оставить безъ отмщенія обиду врага. Поэтому и Апостолъ сказалъ: *не аки врага имѣйте, но наказуйте, якоже брата* (2 Солун. III, 15). Страхъ ненадолго дѣлаетъ человѣка осторожнымъ, между тѣмъ стыдъ есть самый лучшій наставникъ въ добрѣ. Страхъ удерживаетъ только на короткое время отъ пороковъ и не исправляетъ порочнаго; а стыдъ, напротивъ, можетъ современемъ обратиться въ привычку дѣлать добро (Воскр. Чт., г. X, стр. 205).

Блаженнаго Августина на ст. 3-й.

Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, запрети ему, и аще покается, остави ему (Лук. XVII, 3). Слышанное нами Святое Евангеліе научало насъ отпущенію грѣховъ. Слова: *седмищи на день*, поставлены вмѣсто: сколько бы ни было, и не съ тѣмъ, чтобъ, если братъ твой согрѣшитъ восемь разъ, ты отказалъ ему въ прощеніи. И такъ что значитъ *седмищи?*— Всегда, сколько разъ ни согрѣшитъ и покается. Такъ что въ одномъ псалмѣ сказано: *седмерицею днемъ хвалихъ тя* (Псал. CXVIII, 164); то же въ другомъ псалмѣ выражается словами: *выну* (всегда) *хвала Его во устѣхъ моихъ* (Псал. XXXIII, 2). И очевидна причина, по которой число *семь* поставляется вмѣсто *всегда;* ибо все обращеніе времени составляется изъ продолженія и возврата седми дней. Самъ Богъ Іисусъ Христосъ, о Которомъ Апостолъ Петръ сказалъ: *Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, Иже грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (1 Петр. II, 21—22). Вотъ Онъ Самъ не имѣлъ грѣха, и умеръ за грѣхи наши и пролилъ Кровь Свою во оставленіе грѣховъ. Воспринялъ за насъ то, чѣмъ не былъ долженъ, да насъ избавитъ отъ долговъ. Онъ не долженъ былъ умереть, какъ мы не должны были жить,—почему? потому что были грѣшниками. Какъ для Него смерть, такъ для насъ жизнь не была долгомъ; но въ чемъ не былъ Онъ долженъ, принялъ, и чѣмъ не былъ намъ долженъ, даровалъ. А дабы вы не подумали, что, для отпущенія грѣховъ, много для васъ подражать Христу, внимайте словамъ Апостола: *прощающе другъ другу, якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ: бывайте убо подражатели Богу* (Ефес. IV, 32; V, 1). Это слова Апостола, не мои: *бывайте убо подражатели Богу.* Не слишкомъ ли надменно — подражать Богу? Внимай Апостолу: *бывайте подражатели Богу, яко чада возлюбленная.* Ты называешься чадомъ; какъ же ты хочешь наслѣдства, когда отрицаешься подражанія? Я это сказалъ бы, хотя бы ты совсѣмъ не имѣлъ грѣховъ,

прощеніе коихъ было бъ тебѣ нужно. Теперь же, кто бы ты ни былъ, ты человѣкъ: праведникъ ли ты, ты человѣкъ; мірянинъ ли, ты человѣкъ; монахъ ли, ты человѣкъ; клирикъ ли, ты человѣкъ; епископъ ли, ты человѣкъ; Апостолъ ли, ты человѣкъ. Внимай же слову Апостола: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ* (1 Іоан. I, 8). Вотъ онъ самъ, онъ, Іоаннъ и Евангелистъ, коего Господь Іисусъ Христосъ любилъ паче всѣхъ, кто возлежалъ на персяхъ Его, самъ говоритъ: *аще речемъ,*—не *речете,* сказалъ, *яко грѣха не имате,* но—*аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣстъ въ насъ. Аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша и очиститъ насъ отъ всякія неправды.*

Итакъ требую, чтобъ ты прощалъ, потому что нахожу тебя требующимъ прощенія. Тебя просятъ, прощай; тебя просятъ, и ты будешь просить, чтобъ прощено было тебѣ. Вотъ придетъ время молитвы; и я ловлю тебя въ словахъ, какія ты скажешь. Ты скажешь: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ.* Ты не будешь въ числѣ сыновъ, если не скажешь: *Отче нашъ.* Значитъ, ты скажешь: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ.* Продолжай же: *да святится имя Твое.* Скажи далѣе: *да пріидетъ Царствіе Твое.* Приложи еще: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.* Потомъ смотри, что ты прибавляешь: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.* Гдѣ же твое богатство? Вотъ ты просишь, какъ нищій. Но скажи послѣ сего и то, отъ чего сіе происходитъ. Скажи слѣдующее: *остави намъ долги наша.* Ты дошелъ до словъ моихъ: *остави,* говоришь, *намъ долги наша.* По какому праву? съ какимъ условіемъ? по какому закону? съ какимъ собственноручнымъ завѣреніемъ? *Яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Мало того, что ты не отпускаешь; ты еще и Богу лжешь. Условіе положено; законъ постановленъ: остави, какъ Я оставляю. Значитъ, Онъ не оставляетъ, если ты не оставишь. Остави, какъ Я оставляю. Хочешь, чтобъ оставлено было тебѣ просящему, оставь и ты просящему. Сіи прощенія объявилъ тебѣ Самъ Законовѣдецъ небесный: не обманываетъ тебя; проси, слѣдуя Его небесному гласу; скажи: *остави намъ, якоже и мы оставляемъ,* и поступай такъ, какъ говоришь. Кто лжетъ въ молитвахъ, тотъ лишается милости; кто лжетъ въ молитвахъ,—и теряетъ свое дѣло, и подвергается наказанію. Если кто обманываетъ царя, обличается въ обманѣ, когда онъ приходитъ; а когда ты лжешь въ молитвѣ, то въ самой же молитвѣ обличаешься.

Нельзя пройти онаго стиха, если не выполнимъ, что говоримъ. Ужели можно изгладить оный стихъ изъ нашей молитвы? Ужели хотите оставить: *остави и намъ долги наша,* а слѣдующія слова: *якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ,* изгладить? Не изгладишь, чтобъ тебѣ не быть изглаждену. Итакъ ты говоришь въ молитвѣ: *даждь,* говоришь: *остави,*—дабы получить, чего не имѣешь, и да простится тебѣ, въ чемъ ты согрѣшилъ. Посему и самъ даждь, если хочешь получить, и самъ остави, да оставится тебѣ (Воскр. Чт., г. XII, стр. 267—269. Сокращенно).

Евангельское повѣствованіе объ исцѣленіи Господомъ десяти прокаженныхъ (Лук. XVII, 11—19).

(А. Ключарева.)

Господь Іисусъ Христосъ, идя въ Іерусалимъ къ празднику Пасхи—послѣднему предъ Его страданіями, проходилъ между Самаріею и Галилеею. Когда

входилъ Онъ въ одно селеніе, встрѣтили Его десять человѣкъ прокаженныхъ.

Нельзя видѣть безъ душевнаго страданія и одного, а тѣмъ болѣе десять человѣкъ вмѣстѣ, такихъ больныхъ, каковы прокаженные. Чтобы понять, какъ такое зрѣлище было возмутительно и тяжело для сердца, надобно знать, что̀ такое проказа.

Проказа есть ужасная, опустошительная болѣзнь, обыкновенная въ Египтѣ, Палестинѣ и другихъ жаркихъ странахъ востока. Въ Палестинѣ она особенно сильна была въ древности, и всегда была почитаема величайшимъ бѣдствіемъ, котораго признавали достойнымъ только того, на кого хотѣли призвать небесное отмщеніе, и которое иногда посылаемо было непосредственно отъ Бога, какъ особенно тяжкое наказаніе правды Божіей.

Проказа прилипчива и заразительна. Прикосновеніе къ прокаженному, или къ его одеждѣ, обитаніе съ нимъ въ одномъ домѣ—гибельно для здоровыхъ. Поэтому, какъ больные опасные и притомъ крайне неопрятные, прокаженные въ землѣ Іудейской, по закону Моисееву, были признаваемы нечистыми и изгоняемы изъ общества людей здоровыхъ. Такъ же для сохраненія общественнаго здоровья поступали и поступаютъ съ ними и вездѣ. Это, кромѣ тѣлесныхъ страданій, подвергаетъ прокаженныхъ всякаго рода лишеніямъ и страданіямъ нравственнымъ. Святый Григорій Богословъ та́къ оплакиваетъ бѣдствія прокаженныхъ: «они, лишась тѣлесныхъ членовъ, лишаются вмѣстѣ и способовъ трудиться и помогать себѣ въ своихъ нуждахъ, и притомъ всегда болѣе страшатся усугубленія болѣзни, нежели сколько надѣются выздоровленія, такъ что и надежда, это единственное врачевство для несчастныхъ, почти оставляетъ ихъ безъ помощи. Многіе не хотятъ къ нимъ подойти, не хотятъ посмотрѣть на нихъ, гнушаются ими, какъ чѣмъ-то омерзительнымъ; и это зло, чтобы видѣть себя ненавидимыми за одно только то, что подверглись несчастію, для нихъ тяжелѣе самой болѣзни. Я не могу смотрѣть безъ слезъ на ихъ страданія, и при одномъ воспоминаніи объ оныхъ возмущаюсь духомъ. Эти люди—живые мертвецы, у которыхъ оконечности большей части тѣлесныхъ членовъ—отгнили, люди, которыхъ нельзя почти узнать, кто они были прежде и откуда, или лучше, несчастные останки жившихъ нѣкогда людей, которые, чтобы дать знать о себѣ, сказываютъ о своихъ отцахъ, матеряхъ, братьяхъ и мѣстахъ жительства: «я сынъ такого-то отца, мать у меня такая-то, да и ты нѣкогда былъ мнѣ другъ и знакомый». Это говорятъ они потому, что не имѣютъ уже прежняго вида, по которому бы можно было узнать ихъ. Это люди обсѣченные, у которыхъ нѣтъ ни имущества, ни родства, ни друзей, ни даже тѣла; люди, которые одни изъ всѣхъ и жалѣютъ о себѣ и вмѣстѣ ненавидятъ себя.—Кто нѣжнѣе отца? Кто сердобольнѣе матери? Но для сихъ отверженныхъ заперто и родительское сердце. И отецъ собственнаго своего сына, котораго родилъ, котораго воспиталъ, въ которомъ одномъ чаялъ имѣть око своей жизни, за котораго такъ много и такъ часто молился Богу, сего самаго сына, хотя оплакиваетъ, но гонитъ отъ себя,—оплакиваетъ отъ сердца, гонитъ по неволѣ. А мать, вспоминая му́ки рожденія, съ разрывающимся сердцемъ испускаетъ жалобнѣйшіе вопли и въ слухъ всѣхъ рыдаетъ надъ живымъ, какъ надъ мертвымъ, говоря: «несчастное чадо злополучной матери, отнимаемое у меня лютою бо-

лѣзнью, чадо жалости достойное, чадо мое милое, котораго и узнать я не могу, чадо мое, которое воспитала я для утесовъ, горъ и пустынь! Со звѣрями будетъ жизнь твоя, горный камень—кровъ твой, и только благочестивѣйшіе изъ людей обратятъ на тебя взоры. Прокаженныхъ гонятъ изъ городовъ, гонятъ изъ домовъ, съ площади, съ дорогъ, изъ бесѣдъ, изъ народныхъ собраній, пировъ, и—о горькая участь!—ихъ отгоняютъ и отъ самой воды. Для нихъ не текутъ источники, напаяющіе всѣхъ другихъ; невѣроятнымъ почитаютъ даже то, чтобы и рѣки не могли отъ нихъ заразиться. Потому-то они и скитаются день и ночь,—обнищавшіе, нагіе, безпріютные, показывая прокаженное недугомъ тѣло, пересказывая старую жизнь свою, призывая съ воплемъ Создателя, помогая другъ другу употребленіемъ членовъ, которыхъ у другаго нѣтъ, слагая жалобныя пѣсни, чтобы выпросить кусочекъ хлѣба, или малѣйшую часть чего-нибудь варенаго, или какое-нибудь раздранное рубище для прикрытія себя отъ стыда, или для облегченія боли отъ ранъ».

Такихъ-то несчастныхъ собралось къ Господу десять человѣкъ. Можетъ быть, ихъ соединило общее бѣдствіе, какъ замѣчаетъ святый Григорій Богословъ, и они всегда были вмѣстѣ, чтобы облегчать взаимно страданія другъ друга; а можетъ быть, они собирались изъ разныхъ мѣстъ только для того, чтобы печальнымъ видомъ своихъ разнообразныхъ страданій тронуть сердце Іисуса и общею мольбою испросить себѣ у Него исцѣленіе. Іисуса Христа въ путешествіяхъ Его, кромѣ учениковъ, всегда сопровождала толпа народа. Прокаженные знали законъ, запрещавшій имъ входить въ общество людей здоровыхъ; знали, что народъ питаетъ къ нимъ отвращеніе, что только благочестивѣйшіе изъ людей (какъ говоритъ святый Григорій) приближаются къ нимъ, и только Іисусъ Всемогущій безъ опасенія къ нимъ прикасается. Потому эти несчастные, узнавъ, гдѣ проходилъ Господь, въ виду селенія остановились вдали отъ дороги, и всѣ въ одинъ голосъ закричали Ему: «*Іисусе Наставниче, помилуй ны*»! Какой смыслъ имѣла ихъ общая мольба?... «Воззри и на насъ отверженныхъ, милосердый Учитель и Всемогущій Врачъ неисцѣльно болящихъ! Въ насъ Ты видишь всѣ роды недуговъ, отъ которыхъ исцѣлялъ Ты другихъ. Одна болѣзнь, которую мы носимъ въ себѣ, дѣлаетъ насъ и глухими, и слѣпыми, и хромыми, и разслабленными, и подвергаетъ гніенію прежде смерти. Къ Тебѣ здоровые ведутъ и несутъ больныхъ; мы всѣ больные—и ведемъ къ Тебѣ другъ друга. На другихъ болящихъ обращаетъ Твой взоръ любовь и страданіе ближнихъ; но насъ никто не любитъ; за насъ некому просить. Ты одинъ не отвергаешь прокаженныхъ. Наши язвы и страданія умоляютъ Тебя за насъ; умилосердись надъ нами»!

Господь замѣтилъ прокаженныхъ, но Онъ не дозволилъ имъ приблизиться къ Себѣ, какъ прежде, одному прокаженному, и не исцѣлилъ ихъ мгновенно, какъ того однимъ прикосновеніемъ Своей руки. Онъ отослалъ ихъ къ священникамъ Іудейскимъ, говоря: «*шедше покажитеся священникомъ*». По закону Моусееву, на священникахъ лежала обязанность осматривать заболѣвающихъ проказою, или какою либо другою накожною болѣзнью, похожею на проказу. Если признаки проказы были совершенно ясны, священники тотчасъ объявляли больного нечистымъ и изгоняли изъ общества. Если случай былъ сомнительный, прокаженнаго заключали въ отдѣльное помѣщеніе на семь дней

и потомъ снова осматривали. Заключеніе повторялось, когда болѣзнь не обозначалась ясно; въ противномъ случаѣ, послѣ перваго заключенія рѣшалась судьба больного, то есть, или отпускали его домой, если на немъ опытный глазъ священниковъ не находилъ проказы, или объявляли его нечистымъ. Точно также, когда проказа проходила сама собою, прокаженный опять долженъ былъ явиться къ священникамъ, чтобы они удостовѣрились, точно ли онъ выздоровѣлъ и можетъ ли быть возвращенъ въ домъ свой. Если дѣйствительно было такъ, выздоровѣвшій долженъ былъ совершить постановленный закономъ Моисеевымъ обрядъ очищенія и принести узаконенную жертву Богу. Это послѣднее требованіе закона повелѣлъ Господь Іисусъ Христосъ совершить тому прокаженному, которому Онъ даровалъ исцѣленіе: *шедъ покажися іереови и принеси даръ, егоже повелѣ въ законѣ Моисей, во свидѣтельство имъ;* то есть, хотя ты получилъ исцѣленіе чудеснымъ образомъ, но Тотъ же Богъ даровалъ его тебѣ, Который далъ законъ о прокаженныхъ чрезъ Моисея; иди же, исполни его во свидѣтельство Іудеямъ, что Сынъ Человѣческій пришелъ не разорить законъ, но исполнить.

Но зачѣмъ Господь послалъ къ священникамъ этихъ десять прокаженныхъ прежде, чѣмъ исцѣлилъ ихъ? Первоначальный осмотръ, вѣроятно, ими былъ уже сдѣланъ; потомучто они вели себя какъ прокаженные, объявленные нечистыми, ходили отдѣльно цѣлымъ обществомъ, удалялись отъ людей здоровыхъ. Для втораго свидѣтельствованія имъ не было также причины идти къ священникамъ, потому что они сами видѣли, что они далеки отъ выздоровленія; иначе они не пришли бы къ Спасителю просить исцѣленія и сами поспѣшили бы къ священникамъ, для совершенія обряда очищенія. Что же значатъ слова Господа?—Можетъ быть, были здѣсь и Іудеи, наблюдавшіе за Господомъ, для которыхъ Онъ нашелъ нужнымъ отослать прокаженныхъ къ священникамъ; но кромѣ того, по ходу событія видно, что Господь въ семъ случаѣ поступилъ такъ же, какъ всегда поступалъ, когда хотѣлъ испытать и возвысить вѣру въ людяхъ, просившихъ у Него исцѣленія. Прокаженные показали вѣру во всемогущую силу Іисуса, въ Его благость и милосердіе тѣмъ, что пришли къ Нему просить исцѣленія. Они надѣялись, что Онъ не отвергнетъ ихъ, какъ нечистыхъ; не усумнились въ томъ, что для Него возможно исцѣлить и десять человѣкъ отъ неисцѣльной болѣзни, точно также, какъ одного. Но они просили себѣ у Него только блага временнаго,—уврачеванія тѣла. Конечно, и въ этомъ Господь не отказываетъ просящимъ; Ему пріятно, когда и за этимъ люди къ Нему обращаются. Но этого мало, какъ для истиннаго блага просящихъ, такъ и для Его Божественной любви. Онъ есть Врачъ и Спаситель душъ и тѣлесъ нашихъ; Онъ пришелъ на землю, чтобы возвести насъ къ вѣчной жизни. Потому всякимъ случаемъ, когда нужда и бѣдствіе приводятъ къ Нему человѣка, Онъ пользуется, чтобы привлечь его къ Себѣ, пріобрѣсти его довѣренность и послушаніе и, даровавъ ему просимое благо, пробудить въ немъ чувство благодарности и любви, и чрезъ это чувство ввести его въ духовный союзъ съ Собою и поставить на путь спасенія. Такимъ образомъ вѣру младенческую, пораждаемую внѣшними бѣдствіями и питаемую внѣшними благами, Онъ обращаетъ въ вѣру полную, спасающую.

Въ семъ смыслѣ повелѣніе—идти къ священникамъ, данное Господомъ прокаженнымъ, составляло для нихъ заповѣдь, которая должна была испытать ихъ вѣру. Такъ Господь, намѣреваясь исцѣлить слѣпорожденнаго, прежде послалъ его умыться въ купели Силоамской, хотя это умовеніе не могло само по себѣ имѣть никакой цѣлебной силы. Такъ пророкъ Елисей, желая прежде исцѣленія испытать послушаніе прокаженнаго Неемана Сиріанина, послалъ его семь разъ омыться во Іорданѣ. Слѣпорожденный повиновался Господу, а Нееманъ сначала съ гнѣвомъ возражалъ, что въ его отечествѣ есть рѣки для омовенія лучше Іордана. Такъ и прокаженные могли принять съ вѣрою и послушаніемъ повелѣніе Господа и получить за это не только просимое ими исцѣленіе, но и всѣ дальнѣйшія блага, открытыя вѣрѣ; но могли встрѣтить и сомнѣніемъ, отказаться отъ его исполненія и удалиться отъ Іисуса Христа, не получивъ ничего. Но они послушались и получили награду за свое послушаніе.

И бысть идущимъ имъ, очистишася, говоритъ Евангелистъ. Неизвѣстно, далеко ли отошли прокаженные отъ мѣста встрѣчи съ Господомъ по пути къ Іерусалиму, гдѣ были священники, совершавшіе установленное закономъ служеніе Богу. Но каково было ихъ удивленіе и радость, когда они внезапно во время пути увидѣли каждый на себѣ и другъ на другѣ чудное дѣйствіе силы Господней! Возвращеніе или исправленіе утраченныхъ или поврежденныхъ болѣзнью членовъ, исчезновеніе язвъ, очищеніе лица и другихъ открытыхъ частей тѣла, возвращеніе силъ, сладостное чувство жизни, сопровождающее всегда возстановленіе здоровья,—всѣмъ имъ дали скоро и живо почувствовать милость и всемогущество Іисуса. Они здоровы, они чисты, они возвращены къ жизни и всѣмъ ея радостямъ! Что̀ свойственно было и что̀ надлежало имъ дѣлать послѣ этого? То, чего требовало благоразуміе и справедливость, и чего ожидалъ отъ нихъ Самъ Господь: возвратиться къ Благодѣтелю, открыть предъ Нимъ сердце, преисполненное радости и счастія, посвятить Ему первыя движенія чудесно возстановленной жизни, обѣщать Ему всегдашнюю память объ Его благодѣяніи,—любовь и благоговѣніе къ Нему. Эти чувства Господь принялъ бы отъ всѣхъ ихъ съ благоволеніемъ, озарилъ бы ихъ новымъ свѣтомъ благодати Своей и присоединилъ бы десять новыхъ душъ къ числу спасаемыхъ.

Но только въ одномъ изъ десяти Господь имѣлъ утѣшеніе видѣть ясное пониманіе великости благодѣянія, Имъ оказаннаго, и живое чувство благодарности. *Единъ же отъ нихъ, видѣвъ, яко исцѣлѣ, возвратися, со гласомъ великимъ славя Бога, и паде ницъ при ногу Его, хвалу Ему воздая, и той бѣ Самарянинъ.* Достойный любви и подражанія Самарянинъ! Какъ хорошъ онъ въ своемъ живомъ восторгѣ! Какъ превзошелъ онъ высотою своего духа и благородствомъ сердца Іудеевъ, получившихъ равное съ нимъ благодѣяніе, но скоро забывшихъ своего Благодѣтеля! Увидѣвъ себя исцѣленнымъ, онъ не сталъ колебаться и размышлять о томъ, что̀ ему надобно дѣлать. Приблизившись къ Господу, по своемъ возвращеніи, онъ повергся на землю, припалъ къ ногамъ Его и долго изливалъ предъ Нимъ свое сердце въ словахъ любви и благодаренія. И Господь, безъ сомнѣнія, съ любовію взиралъ на него.

Но, радуясь тому, когда въ сердцахъ человѣческихъ находитъ чувства

вѣры и любви, Господь скорбитъ, когда ихъ не находитъ. Къ чему больше поводовъ подавало настоящее событіе,—къ радости, или къ печали? Судя по человѣчески, больше къ печали. Возвратился къ Нему одинъ, а ушло отъ Него (и можетъ быть навсегда) девять человѣкъ! И съ какою кротостію Господь выражаетъ скорбь Свою! *Не десять ли очистишася, да девять гдѣ?* говоритъ Онъ о неблагодарныхъ. Онъ какъ будто желаетъ знать, гдѣ они, что̀ сталось съ ними, несчастными. Но Онъ знаетъ это по Своему всевѣдѣнію, Онъ видитъ, куда они пошли и что̀ они дѣлаютъ. Почему же Онъ вопрошаетъ о нихъ? Это голосъ любви, сѣтующей объ утратѣ существа любимаго. Такъ мать, утратившая дитя свое, хотя знаетъ, гдѣ оно, и что̀ съ нимъ случилось, но, рыдая, вопрошаетъ: «гдѣ ты, чадо мое милое? Зачѣмъ ты меня оставило»? Для любящаго сердца важно то, что отъ него оторвали предметъ его любви, и оно страдаетъ и зная, и не зная, гдѣ онъ находится. Пища для истинно любящаго—заботиться о любимомъ человѣкѣ, трудиться для него, всѣмъ жертвовать для его счастія и счастіемъ его утѣшаться. Тѣ же свойства имѣетъ и любовь Божественная, которой образомъ служитъ чистая любовь человѣческая. А девять гдѣ? Куда бы они ни пошли, что̀ бы они ни дѣлали, они были достойны слезъ, потому что удалялись отъ Господа. Если въ первыя минуты радости они не вспомнили о Немъ, могутъ ли вспомнить, возвратившись къ прежней жизни, къ плотскимъ радостямъ, суетамъ и заботамъ?

Какъ же могло случиться, что они забылись до такой степени? Объ этомъ какъ-бы съ удивленіемъ вопрошаетъ Самъ Господь: *како не обрѣтошася возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменникъ сей* (какъ же они не возвратились воздать славу Богу, кромѣ сего иноплеменника)? Неблагодарность девяти исцѣленныхъ особенно удивительною представляется отъ того, что они были Іудеи, принадлежали къ избранному народу Божію и къ истинной ветхозавѣтной церкви, тогда какъ оказавшійся благодарнымъ былъ Самарянинъ, Іудеями презираемый.

Толкователи Священнаго Писанія находятъ причины неблагодарности исцѣленныхъ Іудеевъ въ ихъ крайней приверженности къ обрядовому закону, по которой они поспѣшили въ Іерусалимъ принести жертву за свое очищеніе, забывъ о Господѣ, исцѣлившемъ ихъ;—въ ихъ ложныхъ понятіяхъ объ ожидаемомъ ими Мессіи, какъ земномъ царѣ, по которымъ они не могли признать истиннымъ Мессіею смиреннаго Іисуса и, слѣдовательно, оказать Ему должную почесть и благодарность; наконецъ, въ опасеніи, чтобы старѣйшины и книжники Іудейскіе не отлучили ихъ отъ церкви за близкія отношенія къ Іисусу Христу и т. п. Отъ всего этого, говорятъ, былъ свободенъ Самарянинъ, не связанный Іудейскими понятіями и страхомъ старѣйшинъ Іудейскихъ, и, слѣдовательно могъ дѣйствовать по влеченію своего сердца. Но какія бы ни были частныя причины этого чернаго поступка Іудеевъ, для насъ, благочестивый читатель, важна причина общая, лежащая въ основаніи всѣхъ другихъ, которая главнымъ образомъ и ихъ сдѣлала и насъ дѣлаетъ неблагодарными предъ Богомъ, — это развращеніе сердца, ожесточеніе его отъ жизни плотской и грѣховной. Оно дѣлаетъ и умъ нашъ слѣпымъ, такъ что онъ видя не видитъ; оно наполняетъ и жизнь нашу дѣлами черными, такъ что мы часто оказываемся предъ Богомъ грубѣе животныхъ, питающихъ

къ благодѣтелю чувство благодарности, какъ говоритъ и Самъ Господь чрезъ пророка Исаію: «волъ знаетъ хозяина своего, и оселъ ясли господина своего, а Израиль не знаетъ и народъ Мой не разумѣетъ». Такъ какъ въ искренней и глубокой благодарности выражается много прекрасныхъ свойствъ души человѣческой, много высшихъ духовныхъ силъ ею возбуждается, то она представляетъ и много залоговъ вѣрности благодарнаго человѣка Богу—Благодѣтелю и Его святому закону. Мы не знаемъ, что исцѣленный говорилъ Господу, но одно внѣшнее его положеніе уже довольно ясно говоритъ за него: «Ты воскресилъ меня, Учитель; Ты пріобрѣлъ меня; я Твой, повелѣвай мною и дѣлай со мною, что̀ Тебѣ угодно»! Такое расположеніе духа есть полная вѣра, необходимая для спасенія. Надобно думать, что это засвидѣтельствовалъ предъ всѣми и Самъ Господь, сказавъ Самарянину: *востав иди: вѣра твоя спасе тя.* Очевидно, въ сихъ словахъ заключается больше, нежели указаніе на одно исцѣленіе его отъ проказы. Исцѣленіе получили и Іудеи, но Господь не похвалилъ ихъ вѣры, а укорилъ за маловѣріе. «Встань», какъ-бы та́къ говорилъ Господь, «иди въ миръ; вѣра твоя не только пріобрѣла исцѣленіе твоему тѣлу, но и душу твою поставила на путь спасенія, и поведетъ тебя ко спасенію»!

Кромѣ ученія о благодарности, составляющаго главный смыслъ повѣствованія объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ, оно наводитъ насъ и на другія, не менѣе поучительныя мысли. И въ насъ, благочестивый читатель, есть проказа нечистая, заразительная, разъѣдающая члены и составы, проказа души нашей, медленно, но вѣрно убивающая нашу внутреннюю жизнь: — это грѣхъ въ насъ дѣйствующій. За него правда Божія изгоняетъ насъ изъ общества святыхъ и Ангеловъ Божіихъ и заставляетъ блуждать въ безплодной пустынѣ духовнаго мрака, унынія, тоски,—безъ радости и утѣшеній.—Если совѣсть говоритъ намъ, что мы недостойны быть въ свѣтломъ обществѣ здравыхъ духомъ, чистыхъ и счастливыхъ,—недостойны подойти близко къ нашему Господу и Спасителю:—станемъ, подобно прокаженнымъ, вдали отъ Господа, въ чувствахъ самоосужденія, самоуничиженія и смиренія, но воззовемъ отъ сердца громкимъ голосомъ вѣры: *Іисусе Наставниче, помилуй ны!* Или, какъ научаетъ насъ Церковь: «Царю превѣчный, Утѣшителю, Христе, истинный, очисти ны отъ всякія скверны, якоже очистилъ еси десять прокаженныхъ».

Заповѣдь—пойти къ священникамъ, данная прокаженнымъ, и для насъ имѣетъ свой глубокій смыслъ. Священники ветхозавѣтной церкви не исцѣляли прокаженныхъ: — и новозавѣтные сами по себѣ не исцѣляютъ проказы грѣховной, но какъ тѣ осматривали и разбирали прокаженныхъ, такъ и новозавѣтные разбираютъ различныя состоянія грѣшниковъ. Иди, исповѣдуй грѣхи свои священнику, но не по одному внѣшнему обряду, какъ Іудеи, а съ мыслью о Господѣ, даровавшемъ имъ власть вязать и рѣшить, съ благоговѣніемъ къ этой Богодарованной власти и съ послушаніемъ наставленіямъ и руководству духовнаго отца. Послушаніе заповѣди Господней пріобрѣло исцѣленіе десяти прокаженныхъ: послушаніе Божественнымъ постановленіямъ Святой Церкви даруетъ исцѣленіе неисчетнымъ тысячамъ духовно болящихъ отъ всѣхъ видовъ и степеней болѣзни. Но врачеваніе грѣха самовольное, самочинное, соединенное съ гордостью и самонадѣянностью, не принесетъ пользы.

Получивъ исцѣленіе чрезъ святыя таинства покаянія и пріобщенія святаго Тѣла и Крови Христовой,—буди благодаренъ исцѣлившему тебя Іисусу Христу, и веди себя, какъ прилично благодарящему и не забывающему благодѣянія: бойся опять заболѣть прежнею проказою страстей и порочныхъ навыковъ, не предавайся безпечно и невиннымъ удовольствіямъ, но припадай къ ногамъ Іисусовымъ, восхваляй Его милосердіе, утѣшайся Его любовію,—и Онъ укрѣпитъ тебя на твердое и благонадежное шествіе по пути добродѣтели; ты почувствуешь въ сердцѣ своемъ Его Божественный гласъ: *востань, иди: вѣра твоя спасе тя* (Душ. Чт. 1861 г., ч. I, стр. 237—256. 259—263).

Овъ исцѣленіи десяти прокаженныхъ мужей.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Единъ же отъ нихъ, видѣвъ, яко исцѣлѣ, возвратися, со гласомъ великимъ славя Бога (Лук. XVII, 15). Христосъ Спаситель даровалъ здравіе десяти больнымъ проказою. Проказа была болѣзнь тяжкая, часто заразительная, нечистая. По закону Моусееву, прикоснувшійся къ больному проказою признаваемъ былъ нечистымъ, и подвергался обрядамъ очищенія. Можетъ быть, сей законъ постановленъ былъ, какъ средство противъ заразы; а можетъ быть, онъ указывалъ и на происхожденіе проказы отъ нравственной нечистоты. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ въ священныхъ повѣствованіяхъ, что Маріамъ за мятежъ противъ Моусея, Гіезій за корыстный обманъ отъ имени пророка, Озія за святотатственное вторженіе въ священническую должность, мгновенно поражены были проказою. Прокаженные были люди отверженные отъ общества и сопребыванія другихъ людей, почему Евангельскіе десять прокаженныхъ и встрѣтили Господа не въ домѣ, не въ селеніи, но предъ вступленіемъ Его въ селеніе, *входящу Іисусови въ нѣкую весь,* и не смѣя приблизиться, *сташа издалеча.* Вотъ какимъ людямъ не отказалъ Онъ въ благотвореніи!

Требуетъ размышленія и образъ исцѣленія, дарованнаго десяти прокаженнымъ. Когда они воплемъ: *Іисусе Наставниче, помилуй ны,* очевидно просили себѣ исцѣленія,—Онъ не отказалъ имъ въ ономъ, но и не обѣщалъ онаго, а только сказалъ: *шедше покажитеся священникомъ.* Что жъ это значило?—Это было примѣненіе къ Моусееву закону, который повелѣвалъ прокаженному являться къ священнику, для опредѣленія дѣйствительности болѣзни и дѣйствительнаго выздоровленія, и для принесенія за выздоровѣвшаго отъ проказы жертвы очистительной и благодарственной. Итакъ, Христосъ Спаситель, отсылая прокаженныхъ къ священникамъ и въ церковь, чрезъ сіе хотѣлъ, во-первыхъ, уклониться отъ славы человѣческой, потому что исцѣленіе въ семъ случаѣ должно было послѣдовать не при многолюдствѣ, въ виду цѣлаго селенія, но въ уединеніи на пути; во-вторыхъ, побудить ихъ къ исполненію церковныхъ обязанностей и Богослужебныхъ; въ-третьихъ, возвести умы и сердца ихъ къ Богу, дабы въ Немъ видѣли источникъ всякаго блага и благодѣянія, и Ему за все воздавали славу.

Въ числѣ десяти прокаженныхъ удостоенъ былъ чудеснаго исцѣленія *Самарянинъ.* Симъ наименованіемъ означались люди, отпадшіе отъ православія ветхозавѣтной Церкви, совершавшіе Богослуженіе не въ благословенномъ Іерусалимскомъ, а въ иномъ неблагословенномъ храмѣ, отвергавшіе бо́льшую часть пророческихъ писаній, хваливъ-

шіеся, какъ будто священною древностью, колодеземъ, изъ котораго пилъ патріархъ Іаковъ *и скоти его*. Господь обличаетъ ихъ въ незнаніи истинной вѣры: *вы кланяетеся, егоже не вѣсте*. Но и чуждаго Церкви не отчуждилъ Глава Церкви отъ благодѣянія тѣлеснаго: и послѣдствія показываютъ, что благодѣяніе не потеряно. Самарянинъ, конечно, не остался Самаряниномъ когда, по исцѣленіи, къ Обличителю Самарянъ *возвратился, со гласомъ великимъ славя Бога, и паде ницъ при ногу Его, хвалу Ему воздая*.

Изъ числа десяти прокаженныхъ, получившихъ исцѣленіе, оказалось девять неблагодарныхъ. Всевѣдущій Исцѣлитель видѣлъ неблагодарность прежде, нежели совершилъ исцѣленіе: однако не удержался отъ совершенія благотворенія, и по совершеніи не раскаявался. Кротко изъявилъ Онъ удивленіе, не о томъ, что не благодарятъ видимаго благодѣтеля, но о томъ, что не даютъ славы Богу. *Како не обрѣтошася возвращшеся дати славу Богу?*

Неблагодарность есть нечувствіе души неестественное. Въ природѣ, не только человѣка, но и безсловесныхъ, насаждено расположеніе къ благодарности. Левъ, котораго преподобный Герасимъ избавилъ отъ болѣзненнаго страданія, вынувъ у него изъ лапы занозу, ощутилъ къ своему благодѣтелю такую привязанность, что служилъ ему во всю остальную жизнь его, и, по его смерти, отъ печали по немъ умеръ на его могилѣ.—Но что жъ? Если другой поступаетъ не по природѣ,—неужели по сему, ты, сынъ благодати, рѣшишься поступать не по благодати? Неужели удержишь руку твою отъ благотворенія потому, что испыталъ или предвидишь неблагодарность? Вспомни твоего Спасителя, Который хотя видѣлъ предъ Собою девять неблагодарныхъ, противъ одного благодарнаго, не удержался отъ благотворенія всѣмъ (Изъ слова въ недѣлю двадцать девятую. Т. III-й, стр. 13—15).

Отвѣтъ фарисеямъ о времени пришествія Царствія Божія (Лук. XVII, 20—21).

Фарисеи, смотрѣвшіе на себя въ своемъ высокомѣріи, какъ на прирожденныхъ обладателей Царства Божія, предложили однажды Іисусу вопросъ: «когда пріидетъ Царствіе Божіе?» Вмѣсто того, чтобы спрашивать, что имъ слѣдуетъ дѣлать для того, чтобы войти въ это Царство Божіе, они хотѣли знать время его наступленія, послѣ того какъ оно было возвѣщено уже пророками, Іоанномъ Крестителемъ и Самимъ Христомъ. Іисусъ отклонилъ этотъ вопросъ, какъ праздный и безплодный, и вразумилъ ихъ о пришествіи Своего Царства слѣдующими словами: «*не пріидетъ Царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ*, какъ вы представляете себѣ. Оно не придетъ ни въ наружномъ блескѣ и сіяніи, какъ вы ожидаете его, ни съ опредѣленными внѣшними формами, законами, порядками и установленіями. Оно не придетъ такъ, чтобы его можно было наблюдать и разсматривать. *И не скажутъ: вотъ оно здѣсь, или: вотъ тамъ*. Оно не привязано ни къ какому опредѣленному времени и ни къ какому опредѣленному мѣсту: *Ибо вотъ, Царствіе Божіе внутрь васъ есть*. Оно тамъ, гдѣ сердца приносятъ покаяніе и вѣруютъ въ Мое слово. Въ этомъ видѣ оно уже явилось среди васъ.

Воцареніе Господа внутрь насъ (21).

(Еп. Θеофана.)

Царствіе Божіе внутрь васъ есть, сказалъ Господь, научая народъ дѣлу спасенія (Лук. XVII, 21). Если Царствіе Божіе тамъ, гдѣ царствуетъ Богъ,

то искать Царствія Божія, которое внутри насъ есть, значитъ искать того, чтобы Богъ воцарился въ насъ, царствовалъ надъ нами. Все дѣло, слѣдовательно, затѣмъ, чтобы воцарить Господа внутри насъ. Надъ чѣмъ же воцарить? Надъ всѣмъ, что̀ есть въ насъ—надъ мыслями, желаніями, чувствованіями, дѣлами. Всякую силу нашу надо привесть къ подножію престола Его и показать Ему, да царствуетъ Онъ надъ умомъ нашимъ, нашею волею и нашимъ сердцемъ.

Ка́къ это бываетъ и когда?

Богъ есть Царь ума нашего, когда умъ, чрезъ покорность вѣрѣ, усвоивъ себѣ все, сообщенное намъ въ святомъ Откровеніи, думаетъ о единомъ Богѣ, и о всемъ сущемъ и бывающемъ судитъ по Богу. Богъ есть Царь нашей воли и совѣсти, когда, напечатлѣвъ въ себѣ заповѣди Божіи и положивъ ихъ непреложнымъ для себя закономъ, мы ни въ маломъ, ни въ великомъ не позволяемъ себѣ отступать ни на одну іоту отъ сознанной воли Божіей. Богъ есть Богъ сердца нашего, когда, ощутивъ сладость Божественнаго, оно отвергаетъ земныя сласти, и ни въ чемъ земномъ не находя вкуса, все живетъ на небѣ,—тамъ, гдѣ и полагаетъ сокровище свое.

Но Царствіе Божіе отъ внутрь простирается и во внѣ; ибо, когда все сказанное совершится внутрь насъ, тогда и все внѣшнее перестроивается по тому же духу и направленію. По тому же духу начинаютъ дѣйствовать и языкъ, и глаза, и слухъ, и всѣ другія чувства; тѣмъ же духомъ направляется тогда всякое движеніе и всякое дѣйствіе во внѣ, наединѣ, въ семействѣ, на должности, въ обществѣ и во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, словомъ,—тогда во всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни внутренней осязательнымъ правителемъ бываетъ Богъ, что̀ и печатлѣется во вниманіи всѣхъ по слову Господа: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16).

Въ комъ воцарился Богъ внутри, того вы видите участвующимъ во всѣхъ дѣлахъ, къ какимъ обязываетъ его положеніе его въ обществѣ; но въ нихъ онъ только внѣшно, внутренно же весь въ Богѣ, отъ Коего и исходятъ для него мгновенія на всякія дѣла и начинанія, на число ихъ, широту и образъ совершенія. Въ такихъ людяхъ осуществляется именно то, что̀ заповѣдуетъ Апостолъ: *да имущіи жены, яко не имущіи будутъ, и плачущіи якоже не плачущіи, и радующіися, якоже не радующеся, и купующіи, якоже не содержаще, и требующіи міра, яко не требующе.* Такъ-то. Кѣмъ взыскано и обрѣтено Царствіе Божіе, въ томъ бываетъ *Богъ всяческая во всѣхъ*, такъ что, какъ на небѣ почиваетъ Онъ на херувимахъ и серафимахъ, такъ почиваетъ и въ немъ, на всѣхъ силахъ его духа, который и самъ, растворившись въ немъ сознаніемъ и самодѣятельностью, все, и внутренно и внѣшно, направляетъ къ угожденію Ему единому, возлюбивъ Его *всѣмъ сердцемъ, всѣмъ помышленіемъ и всею крѣпостію своею* (Лук. X, 21). (Домашн. Бес. 1872 г., стр. 112—113).

Наставленія ученикамъ о пришествіи Сына Человѣческаго (Лук. XVII, 22—37).

Ст. 22—24. Когда фарисеи ушли, Іисусъ сказалъ ученикамъ Своимъ: *пріидутъ дни, когда пожелаете видѣть хотя одинъ изъ дней Сына Человѣческаго, и не увидите.* «Вы будете желать Меня и обращенія со Мною, желать возвращенія Моего въ вашу среду. Вы будете съ тоскливымъ желаніемъ ожидать

того дня, когда Я опять приду къ вамъ; и ожиданіе ваше не осуществится. Остерегайтесь, чтобы ожиданіе ваше не было обмануто ложными извѣстіями!» *И скажутъ вамъ: вотъ здѣсь, или: вотъ тамъ явился* Іисусъ,—*не ходите и не гоняйтесь. Ибо какъ молнія, сверкнувшая отъ одного края неба, блистаетъ до другаго края неба, такъ будетъ Сынъ Человѣческій въ день Свой.* Этотъ день придетъ, но онъ придетъ иначе, нежели вы думаете. Сынъ Человѣческій во время Своего пришествія будетъ, какъ молнія. Онъ нисходитъ съ неба, и появленіемъ Его озаряется вдругъ все, находящееся на землѣ. Тогда уже невозможно будетъ: «ни здѣсь, ни тамъ, ни теперь, ни послѣ». Онъ будетъ вездѣ, такъ что никому нельзя будетъ отрицать Его явленія.

Ст. 25—30. Но прежде чѣмъ послѣдуетъ это пришествіе Сына Человѣческаго, Ему надлежитъ пострадать и умереть. *Но прежде Ему надлежитъ много пострадать и быть отвержену родомъ симъ.* Когда же Онъ придетъ, то произведетъ надъ врагами Своими скорый и ужасный судъ. *И какъ было во дни Ноя, такъ будетъ и во дни Сына Человѣческаго: ѣли, пили, женились, выходили замужъ до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ; и пришелъ потопъ и погубилъ всѣхъ. Такъ же было и во дни Лота: ѣли, пили, покупали, продавали, садили, строили; но въ день, въ который Лотъ вышелъ изъ Содома, пролился съ неба дождь огненный и сѣрный, и истребилъ всѣхъ. Такъ будетъ и въ тотъ день, когда Сынъ Человѣческій явится.* Судъ Его придетъ быстро и внезапно и страшно поразитъ людей среди ихъ земныхъ помышленій и дѣлъ, среди ихъ плотской беззаботности.

Ст. 31—33. Въ этотъ день только тотъ спасетъ свою душу, кто войдетъ подъ покровительство Божіе, какъ Ной *вошелъ* въ ковчегъ; кто выйдетъ изъ міра и удалится его благъ, какъ Лотъ вышелъ изъ Содома. *Въ тотъ день, кто будетъ на кровлѣ, а вещи его въ домѣ, тотъ не сходи взять ихъ; и кто будетъ на полѣ, также не обращайся назадъ. Вспоминайте жену Лотову. Кто станетъ сберегать душу свою, тотъ погубитъ ее; а кто погубитъ ее, тотъ оживитъ ее.* Поэтому не заботьтесь о земномъ имуществѣ, не безпокойтесь о своей жизни! Старайтесь только о томъ, чтобы спасти свою душу!

Ст. 34—37. Этотъ судъ будетъ такъ рѣшителенъ, что изъ двоихъ, часто находящихся въ ближайшей и тѣснѣйшей связи между собою, одинъ спасется, а другой погибнетъ. *Сказываю вамъ: въ ту ночь будутъ двое на одной постели: одинъ возьмется, а другой оставится. Двѣ будутъ молоть вмѣстѣ: одна возьмется, а другая оставится. Двое будутъ на полѣ: одинъ возмется, а другой оставится.* Пораженные этими словами Іисуса, ученики спрашиваютъ: «гдѣ Господи?» Гдѣ будетъ происходить это? Вѣдь не въ Іерусалимѣ и не у народа Израильскаго? Но Іисусъ отвѣчаетъ имъ поговоркою (Аввак. I, 8): «гдѣ трупъ, тамъ соберутся и орлы». То есть, это совершится прежде всего, конечно, на Іерусалимѣ и на Іудейскомъ народѣ, а подъ конецъ и на всемъ погибшемъ мірѣ. Какъ хищныя птицы слетаются стаями туда, гдѣ лежитъ трупъ, такъ и карающій и истребляющій судъ Божій проявляетъ себя тамъ, гдѣ замерла внутренняя жизнь и началось духовное разложеніе.

Библіографическій указатель къ XVII гл. Ев. Луки.

1) Ст. 1. Мысли еписк. Θеофана. 421.

2) Ст. 3. На слова: *Внемлите себѣ.* Воскр. Чт., г. XVI. 207—209.

3) Ст. 10. Размышленіе на слова: *Тако и вы егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы.* Христ. Чт. 1822 г. VI, 353—354.

4) Ст. 12—19. *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Исцѣленіе десяти прокаженныхъ мужей. Христ. Чт. 1843 г., дек. 390—397.

5) Ст. 17—18. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* О христіанскомъ долгѣ благодарности Богу. I. 108—110.

6) Ст. 17—18. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Объ исцѣленіи 10 прокаженныхъ мужей и о христіанскомъ долгѣ благодарности Богу. I. 631—639.

7) Ст. 17—18. Долгъ благодарности Богу. Воскр. Чт., г. X. 480—482, г. XIII. 472.

8) Ст. 17—18. *Архим. Θеодора.* Евангеліе, читаемое на благодарственныхъ царскихъ молебнахъ. Духовн. Бес. 1859 г. V. 221—241.

9) Ст. 20. Жизнь христіанская въ Богѣ. Христ. Чт. 1823 г. X. 195.

10) Ст. 25. Мысли еписк. Θеофана. 425—427.

11) Ст. 37. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Изъясненіе изрѣченія о *трупѣ* въ приложеніи ко Христу, и *объ орлахъ* въ приложеніи къ избраннымъ Его. Іисусъ Христосъ есть хлѣбъ животный. I. 219—224.

Притча о неправедномъ судьѣ (Лук. XVIII, 1—8).

Іисусъ говорилъ Своимъ ученикамъ о Своемъ пришествіи на судъ и о временныхъ скорбяхъ и бѣдствіяхъ, имѣющихъ посѣтить предъ тѣмъ всю землю, а также и Его учениковъ. Теперь Онъ говоритъ имъ, какъ они должны приготовляться къ этому времени, чтобы встрѣтить его съ мужествомъ и радостью. Это Онъ излагаетъ въ двухъ, слѣдующихъ одна за другою, притчахъ, изъ коихъ первая говоритъ о неустанной, а вторая о смиренной молитвѣ.

Притча о неправедномъ судьѣ. «Въ одномъ городѣ былъ судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. Въ томъ же городѣ была одна вдова; и она, приходя къ нему, говорила: защити меня отъ соперника моего! Но онъ долгое время не хотѣлъ. А послѣ сказалъ самъ въ себѣ: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь; но какъ эта вдова не даетъ мнѣ покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мнѣ». Бѣдная вдова искала помощи и защиты противъ своего обидчика у неправеднаго судьи, который Бога не боялся и людей не стыдился. Судья долго не внималъ ея просьбамъ и жалобамъ. Не смущаемая этимъ, она продолжала постоянно приходить къ судьѣ. Наконецъ, онъ потерялъ терпѣніе. Въ нетерпѣніи и досадѣ, желая избавиться отъ ея докучливыхъ просьбъ, онъ сдается и защищаетъ ее отъ ея обидчика. Затѣмъ Іисусъ даетъ объясненіе. «Слышите, что говоритъ судья неправедный. Богъ ли не защититъ избранныхъ Своихъ, вопіющихъ къ Нему день и ночь, хотя и медлитъ защищать ихъ? Сказываю вамъ, что подастъ имъ защиту вскорѣ». Какая большая разница по отношенію къ ученикамъ Господа! Они имѣютъ дѣло не съ неправеднымъ судьею, но съ правосуднымъ и милосердымъ Богомъ. Они не такъ далеки отъ Него, какъ вдова отъ судьи: они Его избранные, которыхъ Онъ призвалъ и избралъ изъ любви къ Своей славѣ и блаженству ихъ. Часто, кажется, правда, что Онъ не хочетъ услышать сейчасъ же. Но если они будутъ постоянно приходить и не будутъ ослабѣвать въ своихъ молитвахъ, то Онъ услышитъ ихъ и притомъ вскорѣ, скорѣе, нежели они сами будутъ

надѣяться и ожидать. Вѣрующіе узнаютъ это всего яснѣе и разительнѣе во время скорби послѣдняго времени, когда противникъ ихъ будетъ преслѣдовать ихъ жесточе и немилосерднѣе, нежели когда либо. Но,—жалуется Господь,—только немногіе испытаютъ такое славное спасеніе, потому что въ тѣ дни мало вѣры найдено будетъ на землѣ. «Но Сынъ Человѣческій, пришедъ, найдетъ ли вѣру на землѣ»?

Къ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ (XVIII, 10—14).

Моленіе мытарево (13—14).

Мытарь издалеча стоя, не хотяше ни очію возвести на небо, но біяше перси своя, глаголя: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику (XVIII, 13). Почему такое моленіе мытаря было пріятно Богу? Потому, что оно принесено было въ духѣ истиннаго покаянія, съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ.—Все это можно видѣть въ каждой чертѣ сего моленія.

1. Мытарь становится на молитву вдалекѣ отъ святилища. Онъ не почитаетъ себя достойнымъ стать въ ряду прочихъ, а избираетъ мѣсто позади всѣхъ. Пусть другіе идутъ мимо него и указываютъ на него, какъ на извѣстнаго всѣмъ грѣшника. Никто не обвинитъ его болѣе, какъ онъ винитъ самъ себя. Теперь не скрывать грѣхи свои пришелъ онъ, а открыть ихъ предъ Богомъ; и много ли значитъ, если люди будутъ смотрѣть на него, какъ на грѣшника?

2. Кающійся мытарь не смѣетъ взирать на небо и очи преклоняетъ долу. Кого стыдится онъ? Не столько людей, сколько самого себя. Если внѣшнія очи его склонены къ землѣ, то внутреннія погружены во глубину сердца, и здѣсь видятъ все безобразіе и мерзость грѣховъ. Какъ же подняться очамъ его къ небу? Чистота неба еще болѣе откроетъ нечистоты души грѣшника; свѣтъ солнечный не разгонитъ внутренней тьмы его, а еще болѣе дастъ почувствовать ему, какъ далекъ онъ отъ благодатнаго свѣта Божія.—Притомъ, и не подъемля очей къ жилищу славы Божіей, мытарь, сознающій грѣхи свои, чувствуетъ, что онъ весь открытъ предъ всевидящимъ окомъ Божіимъ, сознаетъ даже, что взоръ вѣчной правды и святости теперь особенно остановился на немъ и какъ бы жжетъ душу его; не потому ли кающійся и не смѣетъ поднять очей къ небу, чтобы не встрѣтить ему здѣсь гнѣвнаго взора небеснаго правосудія?—Грѣшникъ, весь занятый чувствомъ грѣховъ своихъ, хотѣлъ бы теперь не видѣть самого себя. Но онъ не можетъ не чувствовать самого себя. Потому

3. Біетъ себя въ грудь. Здѣсь, въ сердцѣ чувствуетъ мытарь мученія своей совѣсти; здѣсь преимущественно отзывается болѣзнь души его. Что жъ? не хочетъ ли онъ внѣшними ударами въ грудь заглушить внутреннюю скорбь свою? Нѣтъ! Онъ хочетъ болѣе сокрушить сердце свое, хочетъ заставить его еще сильнѣе сознать свое бѣдствіе отъ грѣховъ. Такъ свойственно поступать тѣмъ, которые во всей силѣ чувствуютъ свое бѣдственное состояніе и въ этомъ бѣдствіи обвиняютъ однихъ самихъ себя. Это можно было бы почитать даже выраженіемъ отчаянія, если бъ мы не слышали изъ устъ мытаря слѣдующей молитвы:

4. *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику.* Ничѣмъ не извиняетъ себя мытарь; ничѣмъ не умаляетъ тяжести грѣховъ своихъ. Не говоритъ: призри, Боже, на мои слабости, на соблазны и льстивыя искушенія, окружившіе меня въ жизни, среди которыхъ никто не можетъ остаться невиннымъ. Не говоритъ и такъ: помяни, Господи, мои ми-

лостыни и жертвы,—и я, иногда, вмѣстѣ съ другими, совершалъ повелѣнное Твоимъ закономъ. Одно говоритъ: я грѣшникъ,—помилуй меня! Я грѣшникъ,—и только! болѣе ничего не вижу въ себѣ, нѣтъ добраго во мнѣ, нѣтъ ничего, за что̀ бы ожидать мнѣ пощады. Прибѣгаю къ Твоему безконечному милосердію: оно одно можетъ спасти меня. Боже! буди ко мнѣ милостивъ. *По великцѣй милости Твоей помилуй мя, по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконія моя.* Безконечная благость Твоя да побѣдитъ безчисленныя грѣхи мои!

И услышана эта смиренная и искренняя молитва. Открылось, что стоявшій въ отдаленіи отъ святилища сталъ ближе многихъ въ Святому святыхъ; на того, кто не смѣлъ взирать на небо, съ любовію воззрѣло всевидящее око Божіе, и въ того, кто билъ себя въ грудь, сокрушая сердце свое, въ то же время излитъ бальзамъ утѣшенія, врачевство благодати. *И сниде сей оправданъ въ домъ свой.* Не только отпущены грѣхи этому покаявшемуся грѣшнику, но и дарована правда Божія; не только освобожденъ онъ отъ наказанія, но и включенъ въ число наслѣдниковъ Царства Господня. Ибо если Богъ оправдалъ этого мытаря, то не очистился ли онъ отъ всѣхъ грѣховъ? Не прилично ли и о немъ, какъ о Закхеѣ, сказать теперь: *и сей сынъ Авраамль есть?*—Такимъ образомъ смиренному мытарю дарована правда бо́льшая и лучшая, нежели та, какую давалъ или могъ дать самъ себѣ фарисей, хвалившійся дѣлами закона. Если такова сила молитвы мытаревой, то почему, спросятъ, мы, столь часто повторяющіе эту молитву, немного получаемъ отъ нея пользы? Потому, что эту молитву не такъ совершаемъ мы, какъ совершалъ мытарь. Быть можетъ, по наружности, молитва наша такова же, какъ у мытаря; но такова ли она внутренно, та́къ ли совершается въ самыхъ сердцахъ нашихъ, ка́къ совершалась въ его сердцѣ сокрушенномъ и смиренномъ?—Одинъ Богъ видитъ, какъ эта смиренная молитва дѣйствуетъ въ сердцахъ истинно кающихся; Онъ и оправдываетъ ихъ. Богъ же видитъ и то, ка́къ дѣйствуетъ эта молитва въ сердцахъ не хотящихъ разстаться со грѣхами, и отвергаетъ ее, потому что она не одушевляется духомъ истиннаго покаянія. Всего болѣе препятствуетъ успѣху покаянія нашего то, что мы большею частью почитаемъ себя лучшими, нежели каковы на самомъ дѣлѣ, и осуждаемъ не столько себя, сколько другихъ. Замѣтимъ же, что Господь направилъ именно противъ этого недуга нашего притчу Свою: ибо изрекъ ее *ко уповающимъ собою, яко суть праведницы и уничижающимъ прочихъ,* а въ заключеніе ея сказалъ: *всякъ возносяйся смирится, смиряй же себе вознесется* (Воскр. Чт., г. XVIII, стр. 401—402).

Почему молитва фарисея была отринута, а молитва мытаря принята (11—14).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Фарисей ставъ, сице въ себѣ молящеся: Боже, хвалу Тебѣ воздаю.

Кажется, это не худая молитва.

Фарисей *молится въ себѣ,* то есть, внутренно, мысленно, сердечно: это лучше нѣкоторыхъ изъ насъ, которыхъ уста произносятъ молитву, а сердце ея не чувствуетъ, и мысль нерѣдко уклоняется отъ нея къ постороннимъ предметамъ, или, которые слушаютъ церковное чтеніе и пѣніе ухомъ тѣлеснымъ, но не отверзаютъ глубокимъ вниманіемъ слуха внутренняго и не одушевляются духомъ молитвы. По такимъ расположеніямъ надлежитъ опасаться, чтобы намъ не остаться болѣе чуждыми

оправданія, нежели неоправданный фарисей.

Фарисей *воздаетъ хвалу Богу:* и это лучше нѣкоторыхъ изъ насъ, которые въ молитвѣ помышляютъ болѣе о томъ, что̀ нужно имъ, нежели о томъ, что̀ угодно Богу, которые, какъ алчущіе наслѣдія отеческаго, а не любви, дѣти, приходятъ въ домъ Отца Небеснаго, чтобы просить себѣ нужнаго и не нужнаго, полезнаго и не полезнаго, а не для того, чтобы созерцать Его совершенства, чтобы исповѣдывать Его премудрость, благость, провидѣніе, помощь, благодѣянія, чтобы вкушать отъ Его любви и благодати, и приносить Ему свою любовь, благодарность, хвалу и славу.

Фарисей—человѣкъ не безъ подвиговъ и не безъ добрыхъ дѣлъ. *Пощуся,* говоритъ онъ, *двукраты въ субботу, десятину даю всего, елика притяжу.* Поститься два дня въ недѣлю законъ ветхозавѣтной церкви не предписывалъ; это былъ постъ, введенный частнымъ преданіемъ и добровольно принятый фарисеемъ; изъ чего можно заключать, что тѣмъ паче неопустительно наблюдалъ онъ посты законные. Давать десятину, то есть, десятую долю отъ стада, отъ произведеній земли, отъ годоваго дохода церкви, ея служителямъ и нищимъ, предписывалъ законъ, впрочемъ не тщательно исполняемый въ послѣднія времена ветхозавѣтной церкви; фарисей, дававшій десятину отъ всякаго пріобрѣтенія, конечно былъ ревнитель закона лучше многихъ,—и, нельзя не признаться, лучше нѣкоторыхъ изъ насъ, которые не только не налагаютъ на себя добровольныхъ постовъ, но и установленные церковію посты или явно нарушаютъ, или исполняютъ небрежно, изобрѣтая постъ роскошнѣе мясоястія,—которые не только десятой доли отъ своихъ пріобрѣтеній не отдѣляютъ на церковь и на ея служителей, и на нищихъ, но и скудную на сіе долю даютъ не охотно, какъ-бы невольную дань, а не съ радостью, какъ жертву Богу. Повторяю: надлежитъ опасаться, чтобы не остаться намъ болѣе чуждыми оправданія, нежели фарисей неоправданный.

Но ка́къ же онъ не оправданъ?—Тотчасъ увидите.

Фарисей ставъ, сице въ себѣ моляшеся: Боже, хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмь, якоже прочіи человѣцы. Повидимому, онъ хвалитъ Бога; но въ самомъ дѣлѣ превозноситъ самого себя. Хвала Богу служитъ у него только средствомъ выраженія того, какъ онъ доволенъ собою, что онъ лучше другихъ. Посему не трудно понять, можетъ ли его молитва быть угодна Богу: это—кадило, изъ котораго восходитъ не благоуханіе благоговѣнія и умиленія, а смрадъ гордости и тщеславія. Понятно, почему онъ не можетъ быть оправданъ: провозглашая себя лучшимъ другихъ и безпорочнымъ, онъ не только говоритъ, самъ не зная что̀, какъ не сердцевѣдъ, но и очевидно говоритъ неправду; потому что лучше его знающій человѣческую добродѣтель Апостолъ свидѣтельствуетъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣстъ въ насъ* (1 Іоан. I, 8).

Научимся изъ сего, какъ вообще не думать о себѣ высоко, такъ въ особенности не высокомудрствовать въ молитвѣ. Что̀ тебѣ заглядываться на свои ничтожныя добродѣтели, когда надобно созерцать безконечныя совершенства Божіи? Что̀ тебѣ хвалить себя, когда надобно прославлять Бога? Если ты наслаждаешься самъ собою, то конечно душа твоя не возжаждетъ къ Богу; а потому и благодать Его не пріидетъ напоить тебя отъ тука дома Его потокомъ сладости Его.

Фарисей въ молитвѣ не только хвалилъ себя, но и порицалъ другихъ. *Нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь.* Сихъ словъ не оправдаетъ и человѣкъ незлобивый и кроткій,—какъ оправдаетъ ихъ Богъ всеблагій, человѣколюбивый, Котораго *щедроты на всѣхъ дѣлѣхъ Его?* Предъ лицемъ Божіимъ ты умаляешь ближняго, какъ порочнаго, какъ преступника; но Богъ имѣетъ его подъ Своимъ провидѣніемъ и милуетъ: и—такъ, въ твоемъ укоренiи ближняго не скрывается ли дерзновенное укоренiе Самого Бога, Который его милуетъ? И какая тебѣ польза высматривать пороки ближняго? Ты не дѣлаешься святымъ отъ того, что видишь его грѣшнымъ; напротивъ того, твое око, которое Богъ сотворилъ и паки хочетъ сотворить чистымъ, самъ дѣлаешь лукавымъ. Ты ставишь сего мытаря между хищниками и неправедниками; но, можетъ быть, сей низкій въ глазахъ твоихъ Закхей, чрезъ часъ, какимъ-нибудь способомъ, поднимется выше, чтобы узрѣть Христа, и еще чрезъ часъ Христосъ о немъ скажетъ, *яко и сей сынъ Авраамль есть* (Лук. XIX, 9). Какими тогда глазами воззришь на того, котораго теперь порицаешь?

Опасное искушеніе безъ нужды разсматривать недостатки и грѣхи другихъ людей и прельщать себя мыслью, что мы не таковы, какъ они.—Точно, это значитъ прельщать себя. Глумясь надъ пороками ближнихъ, мы нарушаемъ заповѣдь любви къ ближнимъ, оскорбляемъ Бога, ихъ милующаго; оскверняемъ нашъ умъ нечистыми представленіями; подвергаемся опасности быть порицателями невинныхъ и даже будущихъ святыхъ; смрадомъ нечистыхъ воспоминаній растлѣваемъ благоуханіе молитвы; немирною совѣстью восхищаемъ сердце наше отъ восхожденія горѣ; и, конечно, не достигаемъ оправданія отъ Того, Который рекъ: *не судите, да не судими будете.*

Кто избавитъ насъ отъ сего искушенія? Кто намъ покажетъ надежный способъ достигнуть оправданія къ молитвѣ?—Сей мытарь, толико презираемый фарисеемъ. Мытарю поручилъ сіе Христосъ Спаситель въ словѣ притчи.

Мытарь, издалеча стоя, не хотяше ни очію возвести на небо, но біяше перси своя, глаголя: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику. Вотъ молитва, вслѣдствіе которой мытарь сниде *оправданъ въ домъ свой.* Слѣдственно, здѣсь есть и для насъ образецъ молитвы, которая способна достигнуть оправданія.

Мытарь, вошедъ въ церковь, стоитъ вдали, ближе къ дверямъ храма, нежели къ его внутренней святынѣ. Что сдѣламъ мы по сему образцу? Станемъ ли тѣсниться въ притворѣ, оставивъ церковь пустою?—Сіе не было бы сообразно ни съ удобствомъ, ни съ порядкомъ церковнымъ. Кто можетъ, поколику можетъ, да подражаетъ и видимому образцу оправданной мытаревой молитвы: всякій же да тщится постигнуть духъ образа сего и онымъ одушевиться!

Что значитъ мытарево стояніе вдали?—Страхъ Божій предъ святынею Божіею, чувствованіе своего недостоинства. И мы да стяжемъ и да сохранимъ сіи чувствованія!—О Боже святыни и славы! Тотъ, котораго Ты оправдываешь, не дерзаетъ приблизиться къ святынѣ Твоей,—какъ же дерзаю я, достойный тысячекратнаго осужденія, входить во внутренность Твоего святилища, прикасаться къ святынѣ Твоей, которой Ангелы со страхомъ служатъ, приступать къ таинствамъ Твоимъ, въ которыя Ангелы желаютъ проникнуть? Даруй мнѣ страхъ и трепетъ и само-

осужденіе, да не осудитъ меня мое дерзновеніе.

Мытарь не хочетъ и очей возвести на небо. Что сіе значитъ?—Смиреніе. Итакъ, имѣй смиреніе въ молитвѣ: и будешь имѣть молитву оправдывающую.

Мытарь біетъ себя въ перси. Что сіе значитъ?—Сокрушеніе сердца о грѣхахъ и покаяніе. Итакъ имѣй и ты сіи чувствованія.—*Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.*

Что ознаменовалось видимыми образами молитвы мытаревой, то же выражаютъ и слова: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику.* Мытарь не опирается на свои дѣла, подобно фарисею, но уповаетъ на милосердіе Божіе. Съ біеніемъ себя въ перси называя себя грѣшникомъ, онъ чрезъ сіе исповѣдуетъ, что правосудіе Божіе требуетъ добродѣтели и осуждаетъ грѣхъ; что онъ, какъ грѣшникъ, признаетъ себя достойнымъ осужденія и уже чувствуетъ свое осужденіе; что желаетъ избавиться отъ грѣха и вмѣстѣ сознаетъ свое безсиліе избавиться отъ онаго. Когда же вмѣстѣ съ симъ проситъ у Бога милости, не представляя ни права, ни побужденія; то симъ исповѣдуетъ вѣру въ безконечное милосердіе Божіе и въ благодать, по вѣрѣ оправдывающую и спасающую грѣшника, возраждающую и возсозидающую человѣка на дѣла благая, да въ нихъ ходитъ.

Такимъ образомъ, молитва мытаря есть молитва покаянія и смиренія, и, вмѣстѣ, молитва вѣры и упованія. Съ такою молитвою да входимъ въ церковь и да пребываемъ въ ней, да возглаголетъ милосердый Господь и намъ, яко снидемъ оправданы въ домъ свой (изъ слова въ недѣлю мытаря и фарисея. Ч. III, стр. 15—17).

Библіографическій указатель къ XVIII гл. Ев. отъ Луки 1—14 ст.

Въ духовныхъ журналахъ:

1) Ст. 1—8. Неправедный судія. Правосл. Собес. 1866 г. I. 104.

2) Ст. 8. Назидательныя размышленія о недостаткахъ вѣры въ мірѣ. Христіан. Чт. 1827 г. XXV. 119—120.

3) Ст. 10—14. *Блаж. Августина* о мытарѣ и фарисеѣ. Воскр. Чт., г. XII. 431.

4) *Самуила, патріарха Александрійскаго.* Бесѣда о мытарѣ и фарисеѣ. Воскресн. Чт., г. XV. 407—410.

5) *Бѣлюстина.* Фарисейство. Воскр. Чт., г. XXXII. II. 1181—1189.

6) *Протоіерея Нечаева.* Притча о мытарѣ и фарисеѣ. Душеп. Чт. 1861 г. 183—202.

7) *Его же.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Ев. въ Вел. канонѣ св. Андрея Критскаго. Мытарь и фарисей по Евангельской притчѣ. Душеп. Чт. 1881 г. I. 377—383.

8) Евангельское чтеніе въ недѣлю о мытарѣ и фарисеѣ. Воскр. Чт., г. XXV. 1058—1062, ч. II, г. XXVI. II. 1029—1043.

9) Мытари. Воскр. Чт., г. IX. 369—370.

10) Мытари и фарисеи, г. I. 345—348.

11) Фарисей и мытарь. Христ. Чт. 1855 г. I. 48—69.

12) *Діак. Державина.* Мытари и фарисеи. Воскр. Чт., г. XXVIII. II. 917—962.

13) *В. Л.* Кто былъ тотъ мытарь, который молился во храмѣ вмѣстѣ съ фарисеемъ? Руков. для сел. паст. 1878 г. I. 140—153.

14) Объ обязанностяхъ христіанина по ученію Евангельскихъ притчей. Воскр. Чт., г. XXXIV. I. 333—340.

15) Ст. 10. Мытарь. Христ. Чт. 1832 г., ч. 45. 239—251.

16) Ст. 11. *Е. Мегорскаго. Нѣсмь, якоже прочіи человѣцы.* Духовн. Бес. 1874 г. № 6. 97.

17) Ст. 14. Воскр. Чт., г. VIII. 428.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

18) Ст. 9—11. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Противъ самооправданія и униженія другихъ. IV. 161. О неосужденіи ближняго. III. 5.

19) Ст. 10—14. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Смиреніе имѣетъ силу возводить человѣка на нравственную высоту и давать ему высокое положеніе въ мірѣ нравственномъ. II. 46—54. Іудейское, современное Христу, фарисейство, и наше. I. 48—56.

20) *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О религіозныхъ партіяхъ въ Іудейскомъ народѣ во времена Іисуса Христа и о партіяхъ нашего времени. III. 55—67.

21) Ст. 11. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О молитвѣ мытаря и фарисея и о пересудахъ. II. 105—113.

22) *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* Бесѣда на притчу о мытарѣ и фарисеѣ. Волын. Еп. Вѣд. за 1876 г. № 24.

23) *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Объ историческомъ и обще-христіанскомъ значеніи притчи о мытарѣ и фарисеѣ. IV. 55—61.

Дѣти, принесенныя къ Спасителю (Марк. X, 13—16).

Святый Евангелистъ Маркъ говоритъ, что однажды Спаситель «вознегодовалъ». На кого же и за что? Что могло возбудить гнѣвъ Іисуса, Который обыкновенно съ величайшею кротостію и терпѣніемъ переносилъ людскія неправды? Его порочили безчестными именами, Его чудеса приписывали дѣйствію злаго духа, покушались побить Его камнями; выгоняли изъ города, бичевали, пригвоздили ко кресту и злобными насмѣшками усиливали Его крестныя страданія, и все это Онъ переносилъ съ кротостію агнца. Но Онъ «вознегодовалъ», когда увидѣлъ однажды, что нѣкоторые изъ Его учениковъ не допускали къ Нему дѣтей: велика Его любовь къ дѣтямъ, если Онъ «вознегодовалъ» даже на учениковъ Своихъ! И зачѣмъ они не дозволяли дѣтямъ подойти къ своему Господу? Неужели они не видѣли часто, съ какою кротостію и любовію относился Онъ даже къ величайшимъ грѣшникамъ и бѣднякамъ? Да, все это они видѣли, не разъ замѣчали Его нѣжную любовь къ дѣтямъ и всетаки не допускали ихъ къ Іисусу! Увидѣвъ, что ученики удерживаютъ дѣтей, Спаситель велѣлъ поднести ихъ къ Себѣ, взглянулъ на нихъ, и этотъ взглядъ ясно показалъ, какъ сильно Онъ любилъ ихъ. Чѣмъ же дѣти заслужили такую горячую любовь Господа? Отвѣтъ находимъ въ словахъ Спасителя: благословляя ихъ, Онъ указалъ на ихъ высокія достоинства, за которыя Онъ любилъ ихъ и на которыя указываетъ другимъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія. «Пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ, ибо таковыхъ есть Царствіе Божіе». Затѣмъ, обратясь къ окружавшимъ Его, Онъ даетъ въ лицѣ дѣтей наставленіе взрослымъ: «кто не приметъ Царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него». Вотъ за что Онъ любилъ дѣтей—за ихъ кротость, чистоту сердца и непамятозлобіе! Кто не можетъ, подобно младенцу, въ простотѣ сердца и смиреніи принимать ученія о Царствіи Небесномъ, тотъ не войдетъ въ него. «Не препятствуйте же дѣтямъ приходить ко Мнѣ». Значитъ, и малыя дѣти могутъ слѣдовать за Христомъ, какъ и взрослые, могутъ быть Его учениками! Если бы Христосъ доселѣ жилъ на землѣ видимо, тогда легко было бы понять, что значитъ слѣдовать за Нимъ. Но теперь? Какъ можно идти за Нимъ? Іисусъ Христосъ не живетъ теперь на землѣ, какъ прежде, и потому дѣти не могутъ подходить къ Нему, какъ напримѣръ, подходятъ къ своему учителю, т. е. тѣлесными ногами. Но Іисусъ оставилъ намъ Свое ученіе, которымъ можно приблизиться къ Нему. Хотя Онъ живетъ на небѣ, но Духомъ Своимъ и доселѣ

обитаетъ между нами. Посему и малыя дѣти могутъ исполнить Его волю; могутъ идти за Нимъ, если не тѣлесными ногами, то сердцемъ, т. е. могутъ любить Его, вѣровать въ Него, повиноваться и молиться Ему. Какъ горяча можетъ быть дѣтская молитва, какъ пріятенъ Спасителю молитвенный лепетъ и слезы невиннаго дитяти, и какъ скоро Онъ внимаетъ имъ, когда они, стоя на колѣняхъ, скрестивъ рученки, лепечутъ свои молитвы—утромъ или вечеромъ, когда устами ихъ говоритъ непорочное сердце! Святое слово Спасителя можетъ быть для дѣтей лучшею книгою, указывающею путь къ небесному Учителю. Если они читаютъ его со вниманіемъ и принимаютъ съ вѣрою,—значитъ, они слѣдуютъ за Христомъ, своимъ Учителемъ, стараясь подражать Ему въ кротости, смиреніи и любви. Онъ даетъ имъ все доброе, въ чемъ они нуждаются, и спасаетъ ихъ отъ зла, котораго они боятся. Бѣдному дитяти Онъ можетъ дать богатство небесныхъ сокровищъ—Свою благодать. Невѣдущее и неопытное дитя получаетъ отъ Него Духа Святаго, Который научитъ его всему доброму и истинному. Для сиротки Онъ лучше отца и матери и всѣхъ земныхъ друзей. Несомнѣнно одно, мои юные читатели,—что вы не чужды грѣховъ, и если хотите спастись отъ нихъ, идите къ Іисусу—своему небесному Учителю! Онъ спасетъ васъ отъ привязанности и власти грѣха, его преступленія и наказанія за него. Повинуясь волѣ Отца Своего, Онъ умеръ на крестѣ, чтобы спасти всякаго вѣрующаго въ Него. Онъ вашъ искреннѣйшій, богатый, сильнѣйшій и вѣчнолюбящій другъ. Онъ такъ добръ, что *даетъ* вамъ все необходимое, такъ богатъ, что *можетъ* дать все это, такъ силенъ, что можетъ защитить отъ всѣхъ враговъ. Онъ вѣченъ, и Его дружба не имѣетъ конца. Идите же къ Нему! Въ Немъ—счастіе жизни, надежда на покойную смерть и небесное блаженство. Молитесь своему Другу, и Онъ услышитъ васъ: Ангелъ хранитель соберетъ ваши слезы; молитесь не за себя только, но и за тѣхъ, кто воспитываетъ васъ и печется о васъ. Когда Небесный Отецъ призоветъ васъ къ Себѣ, и тамъ—въ небесномъ жилищѣ не забывайте земныхъ родителей. Ваша молитва пріятна Господу, и вы можете тогда умолить Его (Воскр. Чт. 1876 г., т. II, стр. 395—396).

Оставите дѣтей приходити ко Мнѣ и не браните имъ (Лук. XVIII, 16).

Вотъ первое правило христіанской педагогіи. Прежде, чѣмъ заботиться о средствахъ, какъ вести дѣтей къ истинѣ и добру, *не браните имъ,* не будьте сами помѣхой имъ и препоной на пути къ истинѣ и добру. Въ то время, какъ хлопочете объ усовершенствованіи способовъ для умственнаго и нравственнаго развитія, вы, родитель, или наставникъ, можете сдѣлаться сами препятствіемъ къ этому развитію. И когда ваши усилія дать дѣтямъ хорошее воспитаніе поведутъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, которыхъ вы не ожидали, когда вы съ удивленіемъ замѣтите, что свѣжая жатва дѣтскаго сердца приноситъ плевелы вмѣсто пшеницы, которую, казалось, вы сѣяли; всмотритесь, первѣе всего, въ ваши ежедневные и, повидимому, мелочные поступки, не здѣсь ли скрывался тотъ врагъ, который сѣялъ плевелы въ невинныя сердца дѣтей вашихъ. Такъ, вы можете возбранять въ то время, какъ по всей видимости поощряете; можете препятствовать въ то время, какъ, вамъ кажется, вы содѣйствуете.

Когда вы изъясняете вашему юному воспитаннику христіанскій катихизисъ

и внушаете ему, что должно любить Бога болѣе всего, всѣмъ сердцемъ, всею душею и всею мыслію, а между тѣмъ вы не посѣщаете храма Божія, не чтите христіанскихъ праздниковъ, произносите имя Божіе всуе, клянетесь именемъ Божіимъ при самыхъ ничтожныхъ случаяхъ, или, что̀ также бываетъ часто, отдаетесь свѣтскимъ забавамъ и суетности съ увлеченіемъ; вмѣсто храма Божія отправляетесь въ театръ, на гулянье, къ вашимъ знакомымъ,—скажите, какъ поймет̀ъ и приметъ воспитанникъ ваше доброе наставленіе о любви къ Богу? Вы сами загородили входъ этому наставленію въ его сердце. Когда вы изъясняете воспитаннику заповѣдь Божію, которая повелѣваетъ любить ближняго, какъ самого себя, а, между тѣмъ, вы презрительно и жестоко обращаетесь съ вашею прислугою, раздражаетесь и гнѣваетесь на людей при самыхъ незначительныхъ обстоятельствахъ, проходите мимо страждущаго собрата съ холодностью и равнодушіемъ,—скажите, можетъ ли воспитанникъ принять къ сердцу, статься можетъ, очень умныя наставленія?

Такимъ же образомъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Вы внушаете воспитаннику не лгать и быть правдивымъ, а, можетъ быть, въ то же самое время вы послали отказать посѣтителю, подъ предлогомъ отсутствія вашего изъ дому, или мнимой болѣзни. Вы хотите развить въ немъ твердый характеръ и добрую волю, а, между тѣмъ, въ его же глазахъ вы такъ много льстили высшимъ и такъ унижали въ себѣ человѣческое достоинство, такъ часто уклонялись отъ вашего долга, такъ постыдно измѣняли добрыя правила, смотря по лицамъ и обстоятельствамъ, которыя васъ окружаютъ, что вашъ наставляющій голосъ исчезалъ безъ слѣда въ этой пустынѣ вашихъ дѣлъ и вашего поведенія. Вы сѣяли пшеницу сосчитанными зернами, а плевелы бросали широкою горстью. Кто же виноватъ, если сердце воспитанника принесетъ плоды, на которые вы по совѣсти не разсчитывали?

Оставите дѣтей приходити ко Мнѣ, и не браните имъ. Если ваша жизнь будетъ противорѣчить правиламъ, которыя вы хотѣли бы внушить вашимъ воспитанникамъ, то лучше и не беритесь за дѣло воспитанія; потому что эти правила всегда будутъ сокрушаться и, такъ сказать, улетучиваться, пока жизненный и громкій голосъ вашего ежедневнаго поведенія будетъ говорить противное имъ. Вы должны сдѣлаться первѣе всего живымъ закономъ Христовымъ; все ваше поведеніе, всѣ ваши ежедневные и, повидимому, незначительные поступки должны быть яснымъ выраженіемъ одной воли Божіей, чистой любви къ истинѣ, правдѣ и добру. Тогда, и только тогда, дѣло воспитанія дѣтей пойдетъ съ успѣхомъ. Тогда и Христосъ, призвавшій дѣтей къ Царству Небесному, благословитъ ваши труды на пользу человѣчества и для славы имени Божія (Воскр. Чт. Годъ XXIII, стр. 417—419).

Общій смыслъ Евангельскаго повѣствованія о богатомъ юношѣ (Матѳ. XIX, 16—26. Марк. X, 17—27. Лук. XVIII, 18—27).

(*Архимандрита Сильвестра.*)

1. Богатый юноша, спрашивавшій Спасителя, что̀ нужно добраго дѣлать для наслѣдія вѣчной жизни, и затѣмъ, чего онъ, при сохраненіи указанныхъ ему Спасителемъ заповѣдей, еще не докончилъ,—далеко не докончилъ еще того, что̀ требовалось нравственнымъ долгомъ, а стоялъ только на пути къ истинному нравственному совершенству, составляющему предметъ долж-

наго и безусловно обязательнаго для каждаго послѣдователя Христова, равно какъ безусловно необходимаго для наслѣдія вѣчной жизни.

2. Преподанное Спасителемъ богатому юношѣ наставленіе объ отреченіи имъ отъ всего своего имущества было наставленіемъ не о чемъ либо безразличномъ, несущественно-необходимомъ, выполненіе чего могло бы быть для него только дѣломъ сверхдолжнымъ, а напротивъ о томъ, что̀ существенно для него было важно, какъ необходимое условіе къ послѣдованію за Христомъ и достиженію этимъ путемъ христіанскаго нравственнаго совершенства, составляющаго предметъ должнаго и безусловно обязательнаго для каждаго христіанина.

3 Это же самое наставленіе Спасителя, которое было предложено Имъ юношѣ, какъ существенно и безусловно необходимое, при особенномъ его душевномъ настроеніи для нравственнаго самоусовершенствованія, не представляется безусловно обязательнымъ по отношенію къ каждому богатому имущественному человѣку, желающему спасенія; такъ какъ здѣсь не представляется невозможнымъ при извѣстныхъ условіяхъ спастись и войти въ Царствіе Божіе и при имѣніи богатства; хотя при этомъ прямо предполагается и то, что для достиженія этой цѣли лучше и вѣрнѣе было бы совершенно отказаться отъ богатства. Но и съ этой стороны разсматриваемое наставленіе Спасителя, т. е. если кто принимаетъ его на себя не въ силу его безусловной обязательности, а по своему личному расположенію, не представляетъ въ себѣ ничего такого, чего бы выполненіе должно быть отнесено къ дѣйствіямъ не существенно необходимымъ, а сверхдолжнымъ, и потому заключающимъ въ себѣ самихъ особенную заслугу и право на высшую награду. Потому что такое выполненіе служитъ только лучшимъ, болѣе безпрепятственнымъ и надежнымъ средствомъ къ достиженію того нравственнаго совершенства, стремленіе къ которому составляетъ существенный долгъ и обязанность для каждаго,—и въ такой мѣрѣ только цѣнно и получаетъ свою заслугу, въ какой на самомъ дѣлѣ достигается имъ высокая нравственная цѣль, безъ чего оно само по себѣ не имѣло бы никакой цѣны. Къ этому же самому совершенству, по мысли Спасителя, обязаны стремиться и не отрекшіеся отъ своего имущества,—богатые, и хотя на пути къ сей цѣли они естественно должны встрѣчать много большихъ, а иногда и непреодолимыхъ затрудненій, но и они не должны терять надежды на ея достиженіе, полагаясь въ семъ случаѣ не столько на свои силы, сколько на помощь Всесильнаго.

Сводъ святоотеческихъ толкованій на это повѣствованіе, его же.

Такъ какъ древніе толковники въ своихъ изъясненіяхъ повѣствованія Евангелиста Матѳея о богатомъ юношѣ представляютъ ту особенность, что расходятся во взглядѣ своемъ на искренность, правдивость и другія нравственныя свойства души этого юноши,—отъ чего, по этому, долженъ былъ зависѣть тотъ или иной характеръ самаго изъясненія, то, сообразно съ этимъ, мы раздѣлимъ древнихъ толковниковъ вышеозначеннаго мѣста Евангелиста Матѳея на два разряда, изъ коихъ къ первому отнесемъ тѣхъ, кои въ богатомъ юношѣ, вызвавшемъ Спасителя на бесѣду съ нимъ о нравственномъ совершенствѣ, видѣли человѣка, пытливаго, высокомѣрнаго и хвастливаго, а ко второму отнесемъ тѣхъ, которые

въ томъ же юношѣ не предполагали ни хитрости, ни лукавства и обмана, и видѣли искренняго, правдиваго и сравнительно честнаго человѣка. Къ перваго рода толковникамъ должны быть отнесены всѣ извѣстные намъ на западѣ толкователи вышеозначеннаго мѣста Евангелиста Матѳея, каковы были: святый Иларій, святый Амвросій, блаженный Іеронимъ и блаженный Августинъ.

Въ богатомъ юношѣ *святый Иларій* видитъ образъ цѣлаго народа Іудейскаго,—и въ этомъ смыслѣ изъясняетъ весь разсказъ о немъ Евангелиста. Этотъ богатый юноша, или народъ Еврейскій, по изъясненію святаго Иларія, получивъ въ наслѣдіе законъ Моѵсеевъ, до того плѣнился и возгордился этимъ духовно-нравственнымъ богатствомъ, что на немъ одномъ сталъ сосредоточивать всѣ свои надежды и упованія, не желая знать и не предполагая самаго существованія другаго какого либо болѣе лучшаго и совершеннѣйшаго сокровища, какимъ и была вѣра Христова. Но замѣтивъ въ немъ ставшія пробуждаться начатки желанія лучшей и совершеннѣйшей жизни, Христосъ, чтобы вывести его на истинный путь жизни, отсылаетъ къ тому же закону, на который онъ такъ много полагался, съ тѣмъ, чтобы онъ чрезъ сопоставленіе своей жизни со строгими требованіями закона пришелъ къ сознанію своего нравственнаго безсилія и несовершенства, а затѣмъ и потребности вѣры Христовой. Между тѣмъ этотъ, далеко еще не доросшій до полнаго нравственнаго возраста и въ то же время самонадѣянный юноша представляетъ себя совершенно правымъ предъ закономъ, считаетъ себя сохранившимъ всѣ указанныя ему Христомъ заповѣди, задумываясь только надъ тѣмъ, что̀ еще имъ кромѣ этого не сдѣлано, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не сохранилъ и этого. Такъ ему было предписано: *не убій,* а онъ избивалъ пророковъ; *не прелюбы сотвори,* а онъ наносилъ оскорбленіе вѣрѣ и закону и чтилъ чуждыхъ боговъ. Ему также заповѣдано было: *не укради,* а онъ варварскимъ образомъ разорялъ предписанія закона. Заповѣдано было: *не лжесвидѣтельствуй,*—а онъ отвергнулъ воскресеніе Христа изъ мертвыхъ. Повелѣно было чтить отца и матерь, а онъ готовъ былъ отречься отъ родственнаго единенія съ Богомъ Отцемъ и матерію—Церковью. Заповѣдано было ему, наконецъ, любить ближняго своего, какъ самого себя, а онъ готовъ былъ Самого Христа, сдѣлавшагося чрезъ принятіе на Себя плоти нашей ближнимъ нашимъ, предать страданіямъ и смерти. Поэтому-то Христосъ уже прямо предлагаетъ радикальное, долженствующее сопровождаться чувствительною болью, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное и единственное средство для уврачеванія его духовнаго недуга нравственной горделивой самонадѣянности и самохвальства,—и полученія новой, лучшей и совершеннѣйшей жизни. Онъ говоритъ ему: *иди, продай имѣніе твое,* т. е. откажись отъ всего унаслѣдованнаго тобою богатства, заключающагося въ законѣ, и раздай нищимъ, т. е. язычникамъ, которыхъ ты отчуждалъ доселѣ отъ всякаго участія въ этихъ благахъ, какъ не бывшихъ чадами Авраама,—и получишь сокровище на небеси; *и пріиди и слѣдуй за Мною,* т. е. и чрезъ этотъ разумный оборотъ ты получишь въ замѣнъ вмѣсто благъ стихійнаго свойства блага небесныя, что все можетъ быть достигнуто не иначе, какъ если послѣдуешь за Мною. Но богатый юноша, олицетворявшій собою весь народъ Іудейскій, пристрастившійся къ за-

кону, не могъ безъ скорби и подумать о разстояніи съ своимъ богатствомъ, къ которому привязано было сердце его, и потому предпочитая остаться съ нимъ; оставилъ Господа. Посему-то Господь, обращаясь къ Своимъ ученикамъ, сказалъ: *неудобь богатый внидетъ въ Царствіе Небесное... удобье есть велбуду сквозь иглины уши проити, нежели богату въ Царствіе Божіе внити* (Матѳ. XIX, 23—24). Это значитъ то, что въ Царствіе Небесное неудобно войти Іудею, не разстающемуся съ своимъ богатымъ сокровищемъ закона, и что даже язычнику, при его готовности къ повиновенію (похожему на повиновеніе верблюжье), смиренію и терпѣнію, удобнѣе войти въ Царствіе Божіе, путь къ которому тѣсенъ, чѣмъ Іудею, гордящемуся своимъ закономъ и привыкшему ходить по широкимъ путямъ его.

Святый Амвросій Медіоланскій разсказъ о юношѣ изъясняетъ по Евангелисту Лукѣ, въ смыслѣ болѣе нравственномъ, чѣмъ аллегорическомъ. Въ богатомъ юношѣ видитъ онъ знатнаго Іудейскаго законника, только съ одними пытливыми видами обратившагося ко Христу за разрѣшеніемъ вопроса о средствѣ къ наслѣдію вѣчной жизни, въ самомъ же дѣлѣ гордившагося и надмевавшагося своимъ закономъ, въ которомъ одномъ полагалъ найти свое оправданіе, а также фарисейски хвастававшагося всецѣлымъ соблюденіемъ тѣхъ заповѣдей, на которыя указалъ ему Христосъ. Почему, по мнѣнію святаго Амвросія, Христосъ предлагая ему Свое наставленіе объ отреченіи отъ своего имущества, имѣлъ въ виду не что̀ иное, какъ только то, чтобы обличить его высокомѣріе и самохвальство, предложивъ ему то, чего не зналъ онъ и чему не научился изъ ветхаго закона,—заповѣдь о милосердіи. Какъ чуждо было юношѣ расположеніе къ выполненію этой новой для него христіанской заповѣди, онъ обнаружилъ это тѣмъ, что отошелъ отъ Христа со скорбью, не желая разстаться съ своимъ большимъ богатствомъ ради дѣлъ милосердія. Поэтому-то удобнѣе войти въ Царствіе Божіе всякому смиренно сознающему свои грѣхи грѣшнику, чѣмъ надмевающемуся своею законною праведностью Іудею, равно какъ горделивому богачу. Удобнѣе войти смиренному мытарю, чѣмъ гордому фарисею, хвастающемуся своею праведностью, а не знающему и чуждому милосердія.

Блаженный Іеронимъ уже приблизительно къ буквальному смыслу изъясняетъ Евангельскій разсказъ о богатомъ юношѣ. Въ богатомъ юношѣ видитъ онъ человѣка гордаго и расположеннаго къ суетному совопросничеству, который вступилъ въ бесѣду со Христомъ не съ тѣмъ, чтобы чему либо научиться отъ Него, а съ тѣмъ только, чтобы испытать Его,—каковое представленіе о юношѣ блаженный Іеронимъ вѣроятно обосновалъ на подобномъ же замѣчаніи Евангелиста Луки (X, 25) о нѣкоемъ законникѣ, съ которымъ, какъ видно, онъ смѣшиваетъ юношу. Руководимый этимъ представленіемъ о юношѣ, онъ самый вопросъ его: *какія,* послѣдовавшій за наставленіемъ Спасителя: *соблюди* заповѣди, объясняетъ въ смыслѣ лукавой уловки человѣка, прикидывающагося незнающимъ заповѣдей, которыя онъ долженъ былъ очень хорошо знать, и предполагающаго, что Христосъ могъ повелѣть дѣлать что̀ либо противное Богу. Затѣмъ по поводу словъ юноши: *вся сія* (заповѣди) *сохранихъ отъ юности моея* (20), дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «ложь говоритъ юноша. Ибо если онъ

на дѣлѣ исполнялъ предписанное заповѣдями: *возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе,* то отчего бы послѣ того, какъ услышалъ: *иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ,* отошелъ съ печалью, имѣя большое имѣнье»?

21 стихъ блаженный Іеронимъ такъ изъясняетъ: «въ нашей власти заключается то, чтобы захотѣть быть совершенными. А кто захотѣлъ бы быть совершеннымъ, долженъ продать все имѣніе,—не часть его продать, какъ сдѣлалъ Ананія и Сапфира, а все продать, и продавъ, все раздать нищимъ, приготовляя себѣ такимъ образомъ сокровище въ Царствіи Небесномъ. Но этого для совершенства недостаточно, если послѣ презрѣнія богатства не послѣдовать за Спасителемъ, т. е. если, оставивъ злое, не сотворить благаго. Ибо легче пренебречь имуществомъ (sacculus), чѣмъ душевными привязанностями. Многіе изъ оставляющихъ богатство не слѣдуютъ за Господомъ. Слѣдуетъ же за Господомъ тотъ, кто становится подражателемъ Его и идетъ по стопамъ Его. Кто говоритъ о себѣ, что вѣруетъ во Христа, тотъ долженъ и самъ такъ поступать, какъ Онъ поступалъ (Іоан. II, 6)».

Се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебе идохомъ, что убо будетъ намъ (27)? «Большая увѣренность: Петръ былъ рыбарь, богатымъ не былъ, пищу себѣ снискивалъ руками и искусствомъ, и однакожъ съ увѣренностью говоритъ: мы оставили все, Но такъ какъ недостаточно только оставить все, онъ присовокупляетъ то, что составляетъ совершенство: и послѣдовали за Тобою,—сдѣлали то, что Ты повелѣлъ».

Печаль, съ какою юноша оставилъ Господа, была печалью, которая ведетъ къ смерти. Причина же печали зависѣла отъ того, что онъ имѣлъ большое имѣніе, т. е. тѣ тернія и волчцы, которые подавляютъ доброе сѣмя Господне.

Блаженнаго Августина на ст. 21. *Иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ* (Матѳ. XIX, 21). «Кому заповѣдуетъ это Господь? Тому именно богачу, который желалъ получить совѣтъ, какъ наслѣдовать жизнь вѣчную; ибо онъ сказалъ это Господу: что я долженъ сдѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную? Онъ же ему отвѣчаетъ не такъ: если хочешь войти въ жизнь, иди, продай имѣніе твое, а такъ: если хочешь войти въ жизнь, сохрани заповѣди. Только тогда юноша, когда сказалъ, что сохранилъ тѣ изъ заповѣдей, какія были припомнены ему Господомъ, и спросилъ, чего ему еще не достаетъ,—получилъ отвѣтъ: если хочешь быть совершенъ, поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ. А чтобъ онъ не подумалъ, что чрезъ это совершенно потеряетъ то, что много любилъ, (Господь) говоритъ: и будешь имѣть сокровище на небеси. Затѣмъ къ сему присовокупляетъ: и пріиди, слѣдуй за Мною,—дабы кто либо не подумалъ, что могла бы быть какая либо польза отъ того, если бы онъ то исполнилъ, а между тѣмъ за Христомъ не послѣдовалъ. Но между тѣмъ съ печалью отходитъ юноша, который долженъ былъ увидать, въ какой мѣрѣ сохранилъ онъ тѣ заповѣди закона; ибо я думаю, что онъ говорилъ болѣе высокомѣрно, чѣмъ правдиво, утверждая, что сохранилъ (ихъ). Но во всякомъ случаѣ Благій Учитель отличилъ здѣсь заповѣди закона отъ превосходнѣйшаго совершенства, ибо тамъ Онъ сказалъ: если хочешь войти въ жизнь, сохрани заповѣди, здѣсь же (говоритъ): если хочешь быть совершенъ, поди, продай имѣніе твое, и проч.».

«Но совершенство заключается не въ

самой по себѣ нищетѣ, равно какъ само по себѣ богатство не есть несовершенство; совершенство же въ бѣдномъ и богатомъ есть благочестіе, равно какъ несовершенство въ томъ и другомъ есть нечестіе. Нищій Лазарь удостоивается быть Ангелами вознесеннымъ на лоно Авраамово не за свою нищету, а за свое благочестіе; богатый же заслуживаетъ му́ки вѣчныя адскія, но опять не за богатство, а за свое нечестіе. Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, по свидѣтельству Писанія, не малыя имѣли богатства, но вошли въ Царствіе Небесное. И по непреложному обѣтованію Господа, многіе отъ востока и запада возлягутъ съ ними въ Царствіи Небесномъ. Многіе изъ богатыхъ и знатныхъ обоего пола украсились даже вѣнцами мученичества, достигши такимъ образомъ самаго высшаго совершенства въ подражаніи Христу. Потому-то тѣ, которые избрали путь совершенства, продавши все свое имѣніе и милосердо раздавши его, если бы они были и поистинѣ нищими ради Христа и собирали не для себя, а для Христа, не должны судить другихъ слабѣйшихъ членовъ Его, прежде чѣмъ удостоены будутъ чести возсѣдать на судилищныхъ сѣдалищахъ».

Переходимъ къ тому разряду древнихъ толковниковъ, которые, изъясняя Евангельскій разсказъ о богатомъ юношѣ, въ немъ видѣли не лукаваго и высокомѣрнаго, а искренняго и честнаго человѣка, высказывавшаго предъ Спасителемъ свое искреннее желаніе знать, что̀ нужно для наслѣдія вѣчной жизни, и утверждавшаго правду, что имъ сохранены указанныя ему заповѣди закона. Таковы всѣ извѣстнѣйшіе толковники восточные; а именно Климентъ Александрійскій, святый Василій Великій, святый Іоаннъ Златоустъ, Ѳеофилактъ Болгарскій и Евѳимій Зигабенъ.

Климентъ Александрійскій написалъ особую книгу подъ заглавіемъ: какой богачъ спасется, съ тою нарочитою цѣлью, чтобы уяснить подлинный и истинный смыслъ словъ, сказанныхъ Спасителемъ юношѣ относительно богатства, поводомъ къ чему, по его замѣчанію, послужило то, что это Евангельское изрѣченіе многихъ смущало, бывъ понято поверхностно и ошибочно. Это не комментарій, а разсужденіе съ достаточною примѣсью экзегетическаго элемента; но во всякомъ случаѣ для насъ весьма важно встрѣчающееся здѣсь по мѣстамъ изъясненіе главныхъ и существеннѣйшихъ чертъ и мыслей Евангельскаго разсказа о богатомъ юношѣ, особенно если взять во вниманіе то обстоятельство, что оно первоначальнѣе и древнѣе всѣхъ прочихъ изъясненій. Въ какомъ же смыслѣ изъясняетъ его Климентъ?

«Пріятный, конечно, и самый приличный вопросъ» былъ предложенъ (юношею) нашему Спасителю: «предложенъ вопросъ Жизни о жизни, Спасителю о спасеніи, Учителю о главномъ изъ преподаваемыхъ Имъ догматовъ, Истинѣ о истинномъ безсмертіи, Совершенству о совершенномъ успокоеніи, Нетлѣнію о вѣчномъ нетлѣніи; предложенъ вопросъ о томъ, для чего Онъ и нисшелъ на землю, чему наставляетъ, чему учитъ, что̀ даруетъ, — чтобы всѣмъ видно было, что главный предметъ Евангелія—дарованіе жизни вѣчной... Ибо если бы законъ Моисеевъ доставлялъ жизнь вѣчную, то безъ нужды бы приходилъ (на землю) Самъ Спаситель, и страдалъ за насъ, совершивъ все поприще жизни человѣческой отъ рожденія до смерти. Безъ нужды бы и тотъ, кто отъ юности исполнилъ заповѣдь закона, прибѣгалъ еще къ другому за безсмертіемъ... Будучи вполнѣ увѣренъ въ томъ, что въ

немъ ничего не было недостающаго по отношенію къ правдѣ, въ то же время столь же ясно онъ сознаетъ потребность къ жизни, и потому проситъ ее у Того, Кто одинъ и можетъ ее даровать. Въ разсужденіи закона онъ совершенно спокоенъ и смѣлъ, но при всемъ томъ умиленно припадаетъ къ Сыну Божію. Къ Спасителю обращается онъ, какъ стоящій на переходѣ отъ одной вѣры въ другую и какъ чувствующій свое положеніе на зыбкой ладьѣ закона непрочнымъ и опаснымъ».

Іисусъ не обличаетъ его въ томъ, чтобы онъ не исполнилъ всѣхъ предписаній закона, напротивъ, Господь возлюбилъ его, и готовъ обнять за исправность въ соблюденіи тѣхъ правилъ, въ которыхъ былъ воспитанъ,— но для жизни вѣчной находитъ его несовершеннымъ, какъ не исполнившаго того, что̀ есть совершенство. Ты (говоритъ), опытенъ въ дѣлахъ, ведущихъ къ истинной жизни. Хорошо и то; что̀ говорить объ этомъ? Ибо *заповѣдь свята* (Римлян. VII, 12): доселѣ она, какъ пѣстунья, приготовляла чадъ Божіихъ страхомъ и предварительнымъ обученіемъ къ законоположенію и благодати Іисуса Христа (Галат. III, 24). Но *кончина закона Христосъ въ правду всякому вѣрующему* (Римлян. X, 4),—Христосъ, Который уже не рабами насъ содѣлываетъ, какъ рабъ, но чадами Божіими, братіями и сонаслѣдниками Своими, творящими волю Отца. *Аще хощеши совершенъ быти* (говоритъ Господь) (Матѳ. XIX, 21). Итакъ ясно, что человѣкъ сей не былъ совершенъ. Но съ симъ вмѣстѣ Спаситель словами: *аще хощеши,* указалъ и на свободное произволеніе собесѣдовавшей съ Нимъ души. Ибо человѣку, какъ существу свободному, свойственно избирать, а Богу, какъ Господу, давать; но Онъ даетъ только тѣмъ, кто желаетъ, ждетъ и проситъ, чтобы такимъ образомъ спасеніе было и собственнымъ нашимъ дѣломъ... Посему, если хочешь, а не обманываешь себя, стяжи то, чего тебѣ недостаетъ: для тебя остается уже только одно, но такое добро, котораго законъ не даетъ и не можетъ дать, которое есть удѣлъ живущихъ вѣрою.

Но ужели Онъ повелѣваетъ всякому, какъ нѣкоторые полагали, непремѣнно оставить свое имѣнье и бросить богатство? Нѣтъ. Онъ велитъ отрѣшиться душею отъ предразсудочныхъ мнѣній о богатствѣ, отъ пристрастія къ деньгамъ, превращающагося часто въ болѣзнь души, отъ излишнихъ заботъ о пріобрѣтеніи имуществъ, которыя, какъ терніе, подавляютъ въ насъ сѣмя жизни. Не великое и не стоющее уваженія, само по себѣ, дѣло—быть лишену богатства, если это бываетъ по пустому, не изъ видовъ жизни (вѣчной). Иначе и тѣхъ людей, которые ничего не имѣютъ, нуждаясь даже въ насущномъ хлѣбѣ, и нищенски скитаются, по распутіямъ, не вѣдая ни Бога, ни правды Божіей, слѣдовало бы, потому только, что они крайне бѣдны и терпятъ нужду во всемъ, считать блаженнѣйшими, самыми Богоугодными и единственными наслѣдниками жизни вѣчной. Не новость отказаться отъ богатства, или раздать имѣніе бѣднымъ и нищимъ: та́къ поступали и многіе прежде пришествія Спасителя, или по особенной любви и совершенной преданности къ ученымъ занятіямъ и мертвой мудрости, или изъ суетной пустой славы, каковы: Анаксагоры, Демокриты и Кратесы... Что̀ же новаго возвѣщаетъ (Христосъ),—такого, что̀ по истинѣ божественно и животворно въ дѣлѣ спасенія и не было извѣстно

древнимъ? Какой особенный урокъ преподаетъ Сынъ Божій новозданной имъ твари? Конечно, заповѣдуетъ Онъ не то внѣшнее, что исполнялось и прежде, а нѣчто другое, гораздо возвышеннѣйшее и совершеннѣйшее, а именно: Онъ знаменательно внушаетъ намъ совершенно очистить душу отъ страстей и съ корнемъ исторгнуть и выбросить все изъ нея, чуждое ея назначенію. Такое ученіе есть ученіе подлинно приличное вѣрному и вполнѣ достойное Спасителя... Самъ Господь принялъ угощеніе отъ Закхея и Матѳея,—этихъ двухъ мытарей (Лук. V, 29; XIX, 55); и, когда Закхей изъявилъ только готовность удѣлить часть имущества своего бѣднымъ, ему сказано было: *яко днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть.* Такимъ образомъ (Христосъ) одобряетъ пользованіе богатствомъ, и подъ симъ (конечно) условіемъ заповѣдуетъ дѣла милосердія,— утолять жаждущаго, насыщать алчущаго, вводить въ домъ странника, одѣвать нагого. Ибо если никто не можетъ имѣть возможности выполнить этихъ обязанностей безъ достатка, то какъ-бы могъ Господь заповѣдывать одно и воспрещать другое? Не значило ли бы это, что Онъ въ одно и то же время велѣлъ и подавать милостыню бѣднымъ и не подавать, питать ихъ и не питать, быть гостепріимнымъ и не быть?.. Итакъ Господь, уча относительно пользованія внѣшними благами, повелѣваетъ отрекаться въ нихъ не того, что служитъ къ поддержанію жизни, а того, что дѣлаетъ дурное употребленіе изъ нихъ,—т. е. душевныхъ недуговъ и страстей. Въ послѣднемъ смыслѣ богатство для каждаго смертоносно, и если оно погибаетъ,—то къ его спасенію. Освобожденная отъ него, т. е. нищая и чистая душа будетъ болѣе готова предстать предъ Спасителя и услышать Его слова: *пріиди, и ходи вслѣдъ Мене»* (Марк. X, 21).

«*Удобѣе есть вельбуду сквозѣ игличнѣ уши проити, нежели богату въ Царствіе Божіе внити* (Марк. X, 25). Невозможность для богатаго войти въ Царствіе Божіе не въ богатствѣ, а въ томъ, что богатый порабощаетъ Свою душу страстью къ богатству до забвенія Бога. Ученики Спасителя изумились и ужаснулись, услышавши (сказанное) (Марк. X, 26). Отчего? Развѣ они имѣли большія богатства? Но они давно уже оставили и то, что было для нихъ единственно цѣннаго,—недорогія сѣти, уды и рыбачьи лодки. Чего же ужасаясь, они говорятъ: *то кто можетъ спасенъ быти* (Марк. X, 26)? Очевидно, что они, какъ ученики внимательно выслушали, что было сказано Господомъ приточно въ прикровенномъ смыслѣ, и поняли возвышенную Его мысль. Будучи совершенно покойны относительно отреченія ради спасенія отъ имущества, они чувствовали, что еще не вполнѣ отрѣшились отъ страстей и недостатковъ, а потому и были поражены страхомъ, опасаясь въ наслѣдіи жизни вѣчной и за самихъ себя, какъ и за того богача, который имѣлъ большія богатства и былъ душею привязанъ къ созданному. Ихъ ужасъ, слѣдовательно, вызывало то, что если въ числѣ богатыхъ долженъ былъ считаемъ, какъ тотъ, кто имѣетъ богатство, такъ и тотъ, кто отягощенъ страстями; то они могли опасаться лишиться Царствія Небеснаго. Такъ какъ спасеніе предназначено только душамъ свободнымъ отъ страстей и неповиннымъ въ паденіи». «Вотъ почему» блаженный Петръ съ рѣшительностью сказалъ: *се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебе идохомъ* (Матѳ. XIX, 27). Но если бы онъ выражалъ этимъ толь-

ко рѣшимость отказаться отъ одного своего вещественнаго имущества. отъ какихъ-нибудь четырехъ оболовъ; то не значило ли бы это чрезмѣрно тщеславиться и надѣяться на полученіе Царствія Божія въ награду за такое ничтожное пожертвованіе? Если же онъ вмѣстѣ съ этимъ соединялъ ту же высказанную нами мысль, что онъ и другіе послѣдовали по стопамъ Господа, оставивши ветхое имущество души,—духовные ея недуги и пороки; то это было бы то, что̀ достойно неба. Ибо истинный послѣдователь Его есть только тотъ, кто подобно Ему ведетъ жизнь безпорочную и совершенную, и кто, смотря на Него, какъ въ зеркало, и самъ становится во всемъ въ своей жизни подобнымъ Ему.

Заповѣдью Спасителя отреченіе отъ отца и матери и другихъ родныхъ (Марк. X, 29—30) требуется только условно, именно въ томъ случаѣ, если родные стоятъ, какъ враждебное препятствіе на пути ко спасенію. «Богъ міра, Тотъ, Кто поставилъ намъ въ обязанность любить даже враговъ, конечно, не заповѣдуетъ положительно ненависти къ самымъ дорогимъ для насъ людямъ и разрыва съ ними. Если мы обязаны любить и враговъ, то тѣмъ болѣе, разумѣется, тѣхъ, которые по самому естеству намъ близки. И, наоборотъ, можно сказать: если не грѣхъ ненавидѣть родныхъ, то тѣмъ болѣе враговъ. Казалось бы такимъ образомъ, одна заповѣдь подрываетъ другую, но на самомъ дѣлѣ онѣ другъ друга не подрываютъ, и нѣтъ между ними никакого противорѣчія. Однимъ и тѣмъ же чувствомъ, мыслью и правиломъ будетъ руководиться въ выполненіи заповѣди о возненавидѣніи отца и любви врага и тотъ, кто не будетъ мстителенъ по отношенію къ врагу, и тотъ, кто не будетъ любить отца больше Христа. Одною заповѣдью воспрещается ненависть и мстительность, другою же излишнее пристрастіе къ роднымъ, которое могло бы повредить спасенію. Посему, если у кого изъ насъ есть невѣрующій отецъ, или сынъ, или братъ, и если кто либо изъ нихъ препятствуетъ намъ жить по вѣрѣ и достигать жизни на небѣ, то съ нимъ должны прервать единеніе и общеніе,—здѣсь кровная и плотская любовь должна уступить мѣсто духовной нелюбви... Будетъ ли говорить тебѣ богопротивное братъ, или сынъ, или жена, или кто либо другой,—пусть надъ всѣми ими въ лицѣ твоемъ одержитъ побѣду Христосъ, ради тебя подвизавшійся. Такъ можешь относиться и къ богатству, руководясь тою мыслью, что Христосъ собственно не воспрещаетъ владѣть имъ, такъ какъ Господь не завистливъ. Но если замѣтишь, что овладѣваетъ тобою страсть къ нему, лишая тебя самообладанія, тогда оставь его, брось, возненавидь, отрекись и бѣги. И если правое око соблазняетъ тебя, тотчасъ вырви его... Рука ли, нога ли, душа ли соблазняетъ, возненавидь.

Въ своей бесѣдѣ къ обогащающимся, касаясь Евангельскаго богатаго юноши, такъ разсуждаетъ *святый Василій Великій:* «юноша этотъ не одно лицо съ законникомъ, упоминаемымъ у Луки. Послѣдній былъ пытливъ, предлагалъ вопросы въ насмѣшку, а тотъ спрашивалъ здраво, но только принималъ не благопокорно,—ибо не пошелъ бы отъ Господа, скорбя по поводу Его отвѣтовъ, если бы вопросы дѣлалъ Ему презрительно. Почему и нравъ его представляется намъ какою-то смѣсью: по указанію Писанія, частью стоитъ онъ похвалы, а частью весьма жалокъ и находится въ безнадежномъ состояніи. Въ немъ заслуживаетъ похвалу то, что онъ позналъ истиннаго Учителя, и, не оста-

новивъ вниманія на гордости фарисеевъ, на самомнѣніи законниковъ, приписалъ это имя единому, истинному и благому Учителю. Въ немъ хорошо и то, что, повидимому, былъ озабоченъ тѣмъ, какъ наслѣдовать животъ вѣчный. Но прочее,—именно то, что, выслушавъ у истиннаго Учителя спасительные уроки, не написалъ ихъ на сердцѣ своемъ и наставленій Его не привелъ въ исполненіе, но отошелъ съ прискорбіемъ, омраченный страстью богатолюбія,—изобличаетъ въ юношѣ, что воля его не всецѣло обращена была къ истинному благу,—но имѣла въ виду привлекательное для большинства людей; этимъ же обнаруживается неровность и несогласіе съ самимъ собою его нрава. Ты называешь Господа учителемъ, а не дѣлаешь, что̀ должно ученику? Исповѣдуешь благимъ, а пренебрегаешь даруемымъ отъ Него? Между тѣмъ Благій, безъ сомнѣнія, подаетъ блага. Ты спрашиваешь о вѣчной жизни, а на дѣлѣ оказывается, что весь ты преданъ наслажденію жизни настоящей. Въ самомъ дѣлѣ, какое трудное, тяжелое, неудобоносимое слово предложилъ тебѣ Учитель? *Продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ* (Матѳ. XIX, 21). Если бы возложилъ на тебя труды земледѣльческіе, или опасныя предпріятія по торговлѣ, или еще что̀ либо болѣе труднаго, встрѣчающагося для ищущихъ прибытка; тогда естественно было бы опечалиться, огорчившись этимъ повелѣніемъ. Если же такимъ удобнымъ путемъ, не требующимъ ни труда, ни пота, обѣщаетъ тебя сдѣлать наслѣдникомъ вѣчной жизни; то почему не радуешься удобству спасенія, а удаляешься съ болѣзнующею и сѣтующею душею, и дѣлаешь для себя безполезными всѣ прежніе свои труды? Ибо, если ты, какъ говоришь: не убилъ, не прелюбодѣйствовалъ, не укралъ, не свидѣтельствовалъ ни на кого свидѣтельства ложнаго; то стараніе свое объ этомъ самъ для себя дѣлаешь безполезнымъ, не присовокупивъ остальнаго, чрезъ что̀ одно могъ бы ты войти въ Царствіе Божіе. Если бы врачъ обѣщалъ исправить поврежденія въ членахъ, какія у тебя есть отъ природы, или болѣзни; то не благодушно ли выслушалъ бы ты это? Но когда великій Врачъ душъ хочетъ сдѣлать совершеннымъ тебя, у котораго не достаетъ существеннѣйшаго; ты не принимаешь милости, а сѣтуешь, и становишься унылымъ. Мнѣ кажется, что страсть сего юноши и подобныхъ ему походитъ на то, какъ если бы какой путникъ, при сильномъ желаніи увидѣть какой либо городъ, неутомимо дошедши до самаго сего города, потомъ остановился въ какой либо гостинницѣ подъ городскими стѣнами, по лѣности сдѣлать небольшой переходъ, обращая въ ничто предшествовавшій трудъ и лишая возможности видѣть красоты города».

Обращаясь отъ юноши ко всѣмъ вообще привязаннымъ къ богатству, та́къ разсуждаетъ святый отецъ: «знаю многихъ, которые постятся, молятся, воздыхаютъ, являютъ всякаго рода не убыточное благочестіе, но не даютъ ни одного обола тѣснимымъ нуждою. Какая же для нихъ польза отъ прочихъ добродѣтелей? Ихъ не пріемлетъ Царствіе Божіе. Потому и сказано: *удобѣе вельбуду сквозѣ иглиныя уши проити, неже богату въ Царствіе Божіе внити* (Лук. XVIII, 25). Но хотя приговоръ такъ ясенъ и Изрекшій не ложивъ, однакожъ убѣжденныхъ немного. Говорятъ: «ка́къ же будемъ жить, оставивъ все? Какой видъ пріиметъ жизнь, если всѣ станутъ продавать, всѣ отказываться отъ имѣнія». Не спрашивай у меня разумѣнія Владычнихъ заповѣдей; Законодатель знаетъ, какъ и невоз-

можное согласить съ закономъ. Испытывается же сердце твое, какъ-бы на вѣсахъ, куда оно наклоняется, къ истинной ли жизни, или къ настоящимъ наслажденіямъ. Разсуждающіе здраво должны держаться той мысли, что богатство можемъ употреблять, какъ приставники, а не какъ имѣющіе право имъ наслаждаться. И отказывающіеся отъ него должны радоваться, какъ уступающіе чужое, а не огорчаться, какъ лишающіеся собственности. Для чего же скорбишь? Для чего сѣтуешь въ душѣ, слыша: *продаждь имѣніе твое?* «Не продаю имѣнія, (говоришь), не даю нищимъ по причинѣ необходимыхъ нуждъ въ жизни». Слѣдственно, не Господь—твой Учитель: не Евангеліе служитъ правиломъ для твоей жизни, но самъ ты даешь себѣ законы. Смотри же, въ какую опасность впадаешь, разсуждая такъ! Если Господь предписалъ намъ это, какъ необходимое, а ты отвергаешь, какъ невозможное, то не иное утверждаешь, а то, что ты разумнѣе Законодателя».

«Нѣкоторые», говоритъ *Златоустъ*, обвиняютъ сего юношу въ томъ, будто онъ подошелъ къ Іисусу съ хитростью и лукавствомъ, и притомъ съ намѣреніемъ искусить Его. Но я скорѣе согласенъ назвать его сребролюбцемъ и невольникомъ богатства; ибо въ этомъ же самомъ и Іисусъ Христосъ изобличилъ его. Укорять же этого юношу въ лукавствѣ я не намѣренъ, ибо не безопасно быть судіею того, чего мы не знаемъ, и особенно судіею-обличителемъ. Да и Маркъ отдалилъ это подозрѣніе, когда сказалъ объ немъ: *притекъ нѣкій и поклонся на колѣну Ему, вопрошаше Его.* И еще: *Іисусъ же воззрѣвъ нань, возлюби его* (Марк. X, 21). Подлинно, не малое показалъ юноша усердіе, когда сдѣлалъ Іисусу Христу вопросъ извѣстный. Ибо тогда какъ одни приближались къ Іисусу съ намѣреніемъ искусить Его, а другіе по причинѣ своихъ собственныхъ, или чужихъ болѣзней, онъ подходитъ къ Нему и бесѣдуетъ о жизни вѣчной. Тучна была земля и способна къ плодородію; но множество тернія заглушало сѣмое. Ибо смотри, какъ онъ доселѣ готовъ былъ къ выполненію того, что̀ бы ни повелѣлъ Іисусъ Христосъ. «Что̀ мнѣ дѣлать», говоритъ юноша, «чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную?» Вотъ готовность его исполнить повелѣніе Учителя!... Почему, когда Христосъ сказалъ: *аще ли хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди* (Матѳ. XIX, 17), онъ не медля спрашиваетъ: какія? и спрашиваетъ не для того, чтобы искушать Іисуса, нѣтъ, а водясь тѣмъ предположеніемъ, что кромѣ заповѣдей закона есть еще другія (заповѣди), которыя могутъ быть его путеводителями въ жизнь вѣчную. Такъ сильно было желаніе его спастись! Когда же Іисусъ перечислилъ ему заповѣди закона, онъ говоритъ: *вся сія сохранихъ отъ юности моея,* и на этомъ не останавливается, а опять спрашиваетъ: *что есмь еще не докончалъ?* И это самое было знакомъ сильнаго желанія его вѣчнаго спасенія. Ибо не маловажно и то, что онъ не почиталъ себя докончившимъ дѣло своего спасенія, а думалъ, что высказанное имъ Іисусу недостаточно къ полученію желаемаго. Поелику Христосъ намѣревался предписать ему заповѣдь трудную для него, то сначала предлагаетъ награду за исполненіе ея; ибо вотъ слова Его: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди вслѣдъ Мене* (Матѳ. XIX, 21). Видишь ли, какую награду и какіе вѣнцы обѣщаетъ Іисусъ Христосъ за подвигъ сей? Если бы юноша искушалъ Его, то Онъ не

сказалъ бы этого. Но Іисусъ Христосъ, чтобы привлечь юношу къ Себѣ, обѣщаетъ ему великую награду, предоставляетъ все собственной его волѣ, оставляя въ тѣни трудную сторону Своего повелѣнія. Посему, прежде чѣмъ говоритъ о подвигѣ и трудѣ, предлагаетъ юношѣ награду: *аще хощеши совершенъ быти;* и потомъ уже говоритъ: *продаждь имѣніе твое, даждь нищимъ;* далѣе, опять награда: *и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди вслѣдъ Мене,* ибо слѣдовать за Іисусомъ великая награда.—*И имѣти имаши сокровище на небеси.* Рѣчь идетъ о богатствѣ; Іисусъ Христосъ повелѣваетъ юношѣ оставить его, показывая при этомъ, что Онъ не только не отнимаетъ у него богатства, но еще присовокупляетъ къ нему новое, превышающее то, которое повелѣваетъ раздать, — столько превышающее, сколько небо превышаетъ землю, и еще болѣе. Сокровищемъ же обозначилъ превосходство воздаянія, сравнительно съ тѣмъ, что̀ дается, представляя его неизмѣнность и неотъемлемость юношѣ, сколько возможно по-человѣчески. Итакъ недовольно презирать богатство, а надобно еще употреблять его въ пользу нищихъ, и, что̀ особенно важно, послѣдовать за Христомъ, т. е. дѣлать все то, что̀ ни повелѣлъ Онъ,— готовымъ быть на страданія, и даже на смерть. Ибо говоритъ Онъ: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Ми* (Лук. IX, 23). Конечно, заповѣдь проливать кровь свою больше заповѣди оставить свое богатство; однакожъ и исполненіе послѣдней не мало способствуетъ исполненію первой.

«*Слышавъ же юноша слово, отиде скорбя: бѣ бо имѣя стяжанія многа.* Ибо не столько имѣютъ препятствій на пути ко спасенію тѣ, кои имѣютъ малое богатство; сколько тѣ, которые погружены въ его бездну, такъ какъ страсть къ богатству тогда совершенно ими овладѣетъ... Смотри, какую силу и теперь показала эта страсть. Того, кто съ радостью и усердіемъ подошелъ къ Іисусу, такъ помрачила она и такъ отяготила, что когда Христосъ повелѣлъ ему раздать имѣніе свое, онъ не могъ даже дать Ему на это никакого отвѣта и отошелъ отъ него молча, съ поникшимъ лицемъ и печалью. Итакъ теперь очевидно, насколько обширна власть богатства. Хотя бы мы въ извѣстныхъ отношеніяхъ и были добродѣтельны, богатство истребляетъ сіи добродѣтели. Посему справедливо Апостолъ Павелъ назвалъ его корнемъ всѣхъ золъ: *корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (I Тимоѳ. VI, 10), говоритъ онъ.

Что̀ же на это (сказалъ) Христосъ (когда юноша отошелъ)? *Яко неудобъ богатый внидетъ въ Царствіе Небесное* (Матѳ. XIX, 23). Этими словами Христосъ не богатство порицаетъ, а тѣхъ, кои къ нему пристрастились. А если трудно войти въ Царствіе Небесное богатому; то что̀ сказать о любостяжателѣ?... Сказавъ же, что богатому неудобно войти въ Царствіе Небесное, присовокупляетъ, что это и невозможно, не говоря впрочемъ это прямо, а выражая сравненіемъ, взятымъ изъ примѣра верблюда и игольныхъ ушей. Ибо говоритъ: *удобѣе велбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, неже богату въ Царствіе Божіе внити* (Матѳ. XIX, 24). Отсюда видно, что немалая награда ожидаетъ тѣхъ, кои при богатствѣ могутъ жить благоразумно! Почему (Христосъ) такой образъ жизни признаетъ дѣломъ Божіимъ, чтобы показать, что много нужно благодати тому, кто хочетъ такъ жить. Когда же ученики смутились, слыша Его слова, Онъ сказалъ: *у человѣкъ сіе невозможно, у Бога*

же вся возможна (26)... Если хочешь знать, какимъ образомъ и невозможное сдѣлаться возможнымъ можетъ, то слушай. Не для того сказалъ (Христосъ): *у человѣкъ сіе невозможно, у Бога же вся возможна*, чтобы ты ослабѣвалъ въ духѣ и удалялся отъ дѣлъ спасенія, какъ невозможнаго; а для того, чтобы ты, сознавая высокость предмета, тѣмъ скорѣе принялся за дѣло спасенія, и въ сихъ подвигахъ, призвавъ Бога въ помощника себѣ, получилъ жизнь вѣчную. Итакъ какимъ же образомъ невозможное сдѣлается возможнымъ? Если ты откажешься отъ своего имѣнія, раздашь деньги (нищимъ) и оставишь злыя вожделѣнія... Но какъ, скажешь, возможно оставить это? Какъ сразу можетъ освободиться отъ столь сильной страсти къ богатству тотъ, кѣмъ уже она овладѣла? Пусть только положитъ начало раздачѣ имущества (въ пользу бѣдныхъ), и пусть для нихъ отдѣляетъ свои избытки, а съ теченіемъ времени сдѣлаетъ больше и легко пойдетъ впередъ. Итакъ, если вдругъ всего достигнуть для тебя трудно, то не пытайся все получить въ одинъ разъ, но постепенно и мало-по-малу восходи по сей лѣстницѣ, ведущей тебя на небо. Какъ страждущіе горячкою, при умножающейся внутри ихъ острой желчи, если принимаютъ какую либо пищу или питіе, то не только не утоляютъ жажды, а еще сильнѣе разжигаютъ пламень; такъ точно и любостяжатели, по мѣрѣ удовлетворенія своей ненасытимой страсти, которая острѣе самой желчи, болѣе воспламеняютъ ее. И ничто такъ легко не прекращаетъ страсти этой, какъ постепенное ослабленіе желанія корысти, подобно тому какъ малое употребленіе пищи и питья уничтожаетъ вредное дѣйствіе желчи... Знай же, что не умноженіемъ богатства, а истребленіемъ въ себѣ страсти къ нему прекращается зло... Итакъ, дабы не вотще намъ мучить себя, да отвергнемъ постоянно терзающую насъ и никогда не успокоивающуюся любовь къ богатству и, возжелавъ небесныхъ сокровищъ, устремимся къ другой (любви), которая и легче для насъ, и можетъ сдѣлать насъ блаженными. Здѣсь трудъ не великъ, а польза безчисленная ибо, никогда не можетъ лишиться благъ небесныхъ тотъ, кто всегда бодрствуетъ, трезвится, презираетъ земныя блага,—тогда какъ тотъ, кто порабощенъ и совершенно преданъ симъ послѣднимъ, необходимо лишится ихъ».

Θеофилактъ въ своемъ изъясненіи развиваетъ слѣдующія мысли: «не съ цѣлью искушающаго подошелъ юноша къ (Іисусу), а съ намѣреніями желающаго научиться и наслѣдовать жизнь вѣчную». «Нѣкоторые сего юношу осуждаютъ, но на дѣлѣ онъ не таковъ: онъ былъ любитель богатства, но не искуситель. Послушай Евангелиста, (свидѣтельствующаго, что *воззрѣвъ на него, Іисусъ полюбилъ его*. «Приходитъ же онъ къ Іисусу, чтобы научиться тому, какъ получить жизнь, но предполагая и въ ней остаться обладателемъ богатства; ибо никто столько ни жаденъ къ жизни, какъ сребролюбецъ. Онъ такимъ образомъ ожидалъ, что Іисусъ ему укажетъ такой способъ, посредствомъ котораго онъ могъ бы вѣчно наслаждаться обладаніемъ своего богатства». «Почему же отвѣчаетъ ему Іисусъ, говоря: *никтоже благъ...?* Потому что онъ приступилъ къ Нему, какъ къ человѣку и какъ къ одному изъ учителей. Христосъ какъ-бы такъ говоритъ: если ты Меня, какъ учителя, считаешь благимъ, то никакой человѣкъ не благъ сравнительно съ Богомъ; если же ты почитаешь Меня благимъ, какъ Бога, то зачѣмъ Меня называешь учителемъ? Такимъ образомъ этими словами Хри-

стось хотѣлъ выразить ту высшую мысль, что Онъ долженъ быть познаваемъ, какъ Богъ». «Вопрошающаго же Господь отсылаетъ къ заповѣдямъ закона, чтобы не говорили Іудеи, что Онъ законъ презираетъ». «Прежде всего законъ исправляетъ то, въ чемъ мы легко падаемъ... Послѣ же того, какъ юноша сказалъ, что все это сохранилъ онъ отъ юности; Господь предписываетъ ему во главу всего нестяжательность. Вотъ законъ достойный христіанской жизни!» «Что, по словамъ твоимъ, говоритъ (Христосъ юношѣ), ты сохранилъ, сохранилъ по-Іудейски; если же хочешь быть совершеннымъ, т. е. быть Моимъ ученикомъ и христіаниномъ, то иди, продай все, что имѣешь, и все тотчасъ заразъ раздай, ничего не издерживая, для того, чтобы творить Мнѣ непрестанную милостыню». «Ибо если что оставишь у себя, того и будешь рабомъ». «А такъ какъ изъ дающихъ милостыни есть много такихъ, которые при этомъ ведутъ жизнь полную всякаго зла, то говоритъ: и приди, и послѣдуй Мнѣ, то есть: всѣ другія добродѣтели имѣй, или во всемъ иномъ будь Моимъ ученикомъ».

Послѣ того какъ Іисусъ сказалъ, что для жизни вѣчной необходимо отреченіе отъ богатства, юноша, какъ-бы жалѣя о своемъ вопросѣ и отвѣтѣ Христа, отошелъ. Ибо онъ, имѣя большія богатства, имѣлъ большое желаніе непрестанной жизни. Но когда потребовалось отказаться отъ богатства, тогда представилось ему, что за польза въ жизни вѣчной, когда онъ долженъ будетъ остаться нищимъ... Какъ сребролюбцу, (Христосъ) обѣщалъ сокровище небесное; но онъ не тронулся этимъ, потому что былъ рабомъ богатства. Посему, когда услышалъ то, что было ему сказано относительно лишенія имущества, отошелъ печальный, такъ какъ онъ и вѣчной жизни желалъ для того только, чтобы можно было непрестанно наслаждаться богатствомъ. Земля сердца его была глубока и тучна, но тернія богатства заглушили ее».

«Послѣ того какъ богатый былъ пораженъ скорбью, услышавъ о необходимости отвергнуть богатство, по поводу этого Господь вызывающимъ удивленіе образомъ говоритъ о томъ, какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ Царствіе Небесное. Не говоритъ, что имъ невозможно войти, а что только трудно. Ибо богатство прилипаетъ крѣпче смолы, и съ трудомъ разстается съ нимъ тотъ, кѣмъ оно овладѣло. Почему немного спустя (Господь) и указываетъ, какъ это невозможно, говоря: *удобѣе есть велбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, неже богату въ Царствіе Божіе внити* (Лук. XVIII, 25). Ибо совершенно невозможно, чтобы уши игольныя пропустили сквозь себя верблюда, разумѣть ли подъ κάμηλον животное верблюда, или толстую корабельную веревку. Если же удобнѣе верблюду сквозь иглины уши проити, чѣмъ богатому спастися, то ясно, что тогда какъ одно невозможно, другое еще невозможнѣе! Итакъ человѣку, доколѣ онъ богатъ, спастися невозможно. Но у Бога это возможно; ибо Христосъ сказалъ: *сотворите себѣ други отъ мамоны* (богатства) *неправды* (Лук. XVI, 9). Видишь ли, какъ становится возможнымъ, если слушаемъ Бога? У человѣка же невозможно, то есть, невозможно, когда мы мудрствуемъ по-человѣчески. Пока богатый будетъ имѣть самъ излишнее, тогда какъ другіе ничего или необходимаго, не войдетъ въ Царствіе Небесное. А когда все отвергнетъ, тогда и не будетъ богатымъ, и послѣ этого войдетъ. Богатство не зло, но достойны порицанія тѣ, которые его имѣютъ; ибо его не должно имѣть, то

есть, удерживать при себѣ, а должно употреблять на необходимое. Самое наименованіе богатства χρήματα показываетъ, что оно должно служить людямъ на пользу—εἰς χρῆσιν, а не должно быть удерживаемо. Посему-то трудно войти въ Царствіе Божіе тѣмъ, которые его имѣютъ, или запираютъ. Не говори, что такой-то богачъ, раздавая что имѣлъ, спасся. Не какъ богатый онъ спасся, а какъ бывшій нестяжательнымъ, или онъ спасся какъ распорядитель, но не какъ богатый. Ибо иное распорядитель, а иное богатый. Богатый сберегаетъ богатство для себя, а добрый распорядитель смотритъ на него, какъ на ввѣренное ему для другихъ. Итакъ если онъ спасся, то, какъ мы сказали, спасся не какъ богатый, а какъ отвергшійся всего, что имѣлъ, или же воспользовавшійся имъ, какъ добрый распорядитель. Замѣть, что тогда какъ (говорится) богатому невозможно спастись, имѣющему богатство только трудно. Какъ бы такъ сказалъ (Христосъ): кого (во власти имѣетъ богатство, или кто покоряется имъ и служитъ ему, тотъ не спасется; а кто имѣетъ богатство, или его есть господинъ, самъ имѣя его во власти, а не находясь въ его власти, тотъ спасется, только съ трудомъ, вслѣдствіе человѣческой немощи».

Не повелѣваетъ здѣсь Господь раздѣляться съ родными безусловно, а только тогда, когда они препятствуютъ благочестію, подобно тому какъ повелѣваетъ Онъ презирать душу и тѣло вовсе не въ томъ смыслѣ, чтобы кто-нибудь убивалъ себя самого. Останавливаясь на словахъ Апостола Петра: *се мы оставихомъ* вся (Матѳ. XIX, 27). Ѳеофилактъ вотъ что замѣчаетъ. «Хотя представляется, что Петръ не оставилъ что либо большое, такъ какъ былъ бѣдный, но знай, что и онъ много оставилъ. Ибо мы люди еще больше озабочиваемся, имѣя малое, Петръ же оставилъ всякое пристрастіе къ мірскому и плотскую любовь къ родителямъ. Ибо таковыя страсти воюютъ не только противъ богатыхъ, но и противъ бѣдныхъ». «Итакъ позаботься и ты о томъ, чтобы продать имѣніе твое и отдать нищимъ. Имѣніе же у гнѣвливаго—это гнѣвъ, у блудника—блудныя вожделѣнія, у памятозлобнаго же—злоба сердечная. Продай же и это и отдай демонамъ нищимъ и лишеннымъ всякаго добра,—возврати страсти виновникамъ страстей,—и тогда будешь имѣть сокровище, то есть, Христа на небеси твоемъ, то есть, въ возвышеннѣйшей области ума твоего. Ибо небо въ себѣ самомъ имѣетъ тотъ, кто сдѣлался небеснымъ».

Юношу, говоритъ *Евѳимій Зигабенъ*, Лука назвалъ начальникомъ (ἄρχοντα), то есть, Іудейскимъ. Не былъ этотъ юноша, какъ нѣкоторые говорятъ, ни лукавымъ, ни льстивымъ человѣкомъ, иначе бы не полюбилъ его, посмотрѣвъ на него Іисусъ, какъ говоритъ Маркъ. Впрочемъ, хотя онъ былъ добръ и желалъ вѣчной жизни, но терніе сребролюбія заглушало почву его богатой души. Не съ цѣлью искушать Іисуса когда Онъ сказалъ: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди,* спрашивалъ онъ: *какія,* а потому, что предполагалъ, что, кромѣ заповѣдей закона, есть другія, которыя могутъ ввести въ жизнь таковую (вѣчную). Можетъ, кто-нибудь спроситъ: могутъ ли указанныя (Христомъ) заповѣди закона привести къ вѣчной жизни? Ему можемъ отвѣчать, что онѣ могутъ привести, только не къ такой жизни, къ какой приводятъ заповѣди Евангельскія. Ибо жизнь вѣчная должна быть понимаема, какъ наслажденіе небесное, которое различно и многообразно.

Спроситъ кто либо: правду ли говоритъ юноша: *вся сія сохранихъ отъ*

юности моея? (Матѳ. XIX, 20.) Какимъ образомъ могъ любить онъ ближняго, какъ себя самого, когда имѣлъ большое имущество? Раздѣлялъ ли, поэтому, онъ его мало имѣющимъ? или ничего неимѣющимъ? Что̀ нужно сказать на это? То, что и сію также заповѣдь исполнялъ онъ, но настолько, насколько ему тогда было доступно. Онъ любилъ ближняго, какъ самого себя, но въ томъ смыслѣ, что не наносилъ ему никакого вреда, а не въ томъ, чтобы дѣлился съ нимъ своимъ имуществомъ. Ибо это было дѣломъ высокимъ, и высшимъ почвы іудейства.

Чего еще не достаетъ мнѣ (говоритъ юноша)? Что̀ есть необходимаго, чего не имѣю? Это говоря, онъ показывалъ этимъ, что желаетъ большей добродѣтели. Посему-то, какъ говоритъ Маркъ, Іисусъ, взглянувъ на него, полюбилъ его и сказалъ ему: *одного тебѣ недостаетъ* (Марк. X, 21), по словамъ Луки *еще одного тебѣ не достаетъ* (Лук. XVIII, 22). Взглянувъ же на него кротко, полюбилъ его за то, что онъ сильно желалъ спасенія, хотя былъ удерживаемъ тиранскою силою сребролюбія. Что̀ же это, чего недостаетъ ему, чтобы послѣдовать Ему? Вотъ послушай.

Ст. 21. *Рече ему Іисусъ: аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди вслѣдъ Мене.* Такъ какъ то, что̀ онъ имѣлъ, то есть, богатство было препятствіемъ къ тому, чтобы слѣдовать (за Нимъ), то повелѣваетъ продать его и раздать нищимъ. Говоритъ же: если хочешь быть совершенъ, потому что тѣ несовершенны, которые исполняютъ однѣ заповѣди закона, такъ какъ и эти самыя заповѣди были несовершенны по причинѣ немощи Іудеевъ. Сказалъ же: будешь имѣть сокровище съ тою цѣлью, чтобы ободрить и увѣрить сребролюбиваго юношу, что опять можетъ получить сокровище, и притомъ не такое, а лучшее, такъ какъ оно—на небѣ. Сокровищемъ же на небѣ обозначаетъ воздаяніе, предназначенное тамъ достойнымъ за добрыя дѣла. Что̀ же касается словъ: «приди и слѣдуй за Мною», то ими выражаетъ это: поступай по слѣдамъ Моей жизни, слѣдуй Моимъ заповѣдямъ; ибо этого-то тебѣ и недостаетъ, такъ какъ ты исполнилъ одно предписываемое закономъ (τὰ νομικά).

Яко неудобь богатый внидетъ въ Царствіе Небесное... удобѣе есть велбуду сквозѣ иглиныя уши проити, неже богату въ Царствіе Божіе внити. Говоря это, Христосъ не богатство порицаетъ, а рабское служеніе богатству.. Поэтому-то, должно, по Апостолу, свергнуть всякое бремя (Евреямъ XII, 1), и сдѣлаться свободнымъ (отъ него) чрезъ произвольную нищету. Подобное же замѣчаніе дѣлается Зигабеномъ и при изъясненіи словъ: *у человѣкъ сіе невозможно есть, у Бога же вся возможна.* «Сказалъ: людямъ—богатымъ невозможно, то есть, спастись; потому что они накрѣпко скованы узами сребролюбія, и безсильны сами собою освободиться отъ его тиранства. Богъ же не только спасти ихъ можетъ, но и все другое для Него возможно. Спасетъ же ихъ тогда, если они, сами прилагая къ этому стараніе, раздавая богатство бѣднымъ и погашая огнь страсти къ богатству, призовутъ Его къ себѣ въ помощника и защитника своей свободы. Итакъ вся рѣчь (Спасителя) научаетъ, что сребролюбивому спастись невозможно, если только онъ самъ не позаботится о себѣ, и если не будетъ имѣть, какъ сказано, Бога помощникомъ въ освобожденіи отъ своей несчастнѣйшей страсти». (Отвѣтъ православнаго на

схему старо-католиковъ о добрыхъ дѣлахъ. Труды Кіев. Акад. 1875 г., т. I, стр. 51—52. 54—61, 63. 71—72. 167—176. 182—186. 187—194. 198—204. 206—209, 211.)

О нестяжательности (Матѳ. XIX, 20—22).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Рече ему Іисусъ: аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене (Матѳ. XIX, 21). Въ сихъ словахъ мы имѣемъ ученіе о нестяжаніи, преподанное Самимъ Іисусомъ Христомъ.

Случай къ сему подалъ нѣкто, котораго Евангелистъ Матѳей называетъ *юношею,* а Евангелистъ Лука *княземъ,* слѣдственно, человѣкъ не безъ достоинства и не безъ образованія, какъ и слова его показываютъ. Онъ вопросилъ Христа Спасителя: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* (Матѳ. XIX, 20). Господь отвѣтствовалъ, что для сего долженъ онъ соблюсти данныя Богомъ заповѣди десятословія и особенно глубокую и многознаменательную заповѣдь: возлюби ближняго, какъ самого себя. На сіе юноша отозвался, что все сіе исполнилъ съ малолѣтства. Отзывъ, конечно, необдуманный; потому что истинные ревнители исполненія заповѣдей всегда чувствуютъ и признаютъ свои несовершенства и недостатки въ исполненіи оныхъ; а хвалящіеся исполненіемъ заповѣдей обнаруживаютъ чрезъ сіе то, что они недовольно познали себя и силу заповѣдей. Но кроткій Божественный Учитель не благоизволилъ противопоставить слову самохваленія слово обличенія, а указалъ путь совершенства и предоставилъ хвалящемуся самому обличить свое несовершенство дѣломъ. *Рече ему Іисусъ: аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене.* Что же юноша? Можно ли, кажется, не пожелать сдѣлаться совершеннымъ? Можно ли не пожелать слѣдовать за Христомъ, и особенно, когда Онъ Самъ приглашаетъ къ сему?—Но нѣтъ. Юноша не вступаетъ на путь совершенства, не хочетъ идти за Христомъ; жаль ему, что не имѣетъ духа рѣшиться на сіе, однако не рѣшается, отступаетъ вспять: *отъиде скорбя* (XIX, 22). Отчего это такъ? Оттого, что онъ нерасположенъ жить въ совершенномъ нестяжаніи; не хочетъ разстаться съ богатствомъ: *отъиде скорбя: бѣ бо имѣя стяжанія многа.* И вотъ, онъ дѣломъ обличилъ себя въ томъ, что напрасно на словахъ представлялъ себя исполнителемъ заповѣди, повелѣвающей любить ближняго, какъ самого себя. Если бы онъ любилъ ближняго, какъ самого себя, то ему нетрудно и даже пріятно было бы раздаяніемъ своего имѣнія утѣшать и успокоивать любезныхъ ближнихъ, нуждающихся и нищихъ.

Заключенное въ изложенномъ теперь повѣствованіи Евангельскомъ ученіе о нестяжательности, очевидно, есть истинное и спасительное, потому что есть ученіе Божественное, преподанное Іисусомъ Христомъ, Который Самъ есть истина и источникъ спасенія. Не смотря на то, упоминаемый въ Евангеліи юноша, который и самъ признавалъ Іисуса Христа *учителемъ благимъ,* въ примѣненіи ученія Его къ жизни встрѣтилъ затрудненіе, котораго не умѣлъ преодолѣть. Но не найдутся ли подобные сему юношѣ и нынѣ, и между нами?

Не скажутъ ли нѣкоторые, что ученіе о совершенномъ нестяжаніи могло

быть примѣнено только къ ближайшимъ послѣдователямъ Христа Спасителя во время Его земной жизни, когда оскудѣніе пособій естественныхъ легко восполняемо было Его чудодѣйственною силою, что, напротивъ того, ученіе сіе въ общемъ видѣ непримѣнимо къ благоустройству общественной и частной жизни; потому что, если бы всѣ богатые роздали свое имѣніе нищимъ, то и тѣ, которые честнымъ трудомъ въ пользу богатыхъ снискиваютъ себѣ пропитаніе, сдѣлались бы нищими, и весь міръ сдѣлался бы безпомощнымъ?

Сіи недоумѣнія о возможности нестяжательной жизни кажутся основанными на разсужденіи; но сокровенное ихъ основаніе есть маловѣріе и мудрованіе плотское, затмѣвающее духовный свѣтъ.

Вы боитесь, что нестяжательный не возможетъ жить, если не будетъ съ нимъ видимо Христосъ, питающій пятью хлѣбами пять тысячъ человѣкъ? Напрасно. Послѣ времени видимаго пребыванія Христова на земли мы знаемъ многихъ нестяжательныхъ; и не знаемъ ни одного изъ нихъ, который бы вслѣдствіе нестяжанія умеръ отъ голода или наготы. Провидѣніе Божіе было для нихъ, большею частью, невидимымъ, но непрерывнымъ чудомъ къ ихъ сохраненію и снабдѣнію; а иногда, когда они естественнымъ путемъ не могли доставить себѣ пропитанія въ пустынѣ, Ангелъ видимо представлялъ имъ пищу, подобно какъ древле Иліи предъ путемъ въ Хоривъ.

Вы боитесь, что чрезъ распространеніе нестяжанія обнищаетъ весь міръ? Напрасно. Если бы духъ нестяжательности объялъ всѣхъ людей, и богатыхъ, то нищихъ просящихъ осталось бы очень мало; ихъ недостало бы для того, чтобы истощить богатыхъ; и богатые, оставаясь любителями нестяжанія, по своей готовности все отдать нищимъ, остались бы еще богатыми, по недостатку нищихъ, пріемлющихъ расточаемое богатство; міръ нестяжательный былъ бы богаче міра любостяжательнаго.

Можно ожидать, что скажутъ еще нѣкоторые: поелику Спаситель призываетъ къ совершенному нестяжанію тѣхъ, которые *хотятъ быть совершенными*, а мы находимъ себя недостойными имѣть притязаніе на совершенство; то совѣтъ Христовъ о нестяжаніи не относится къ нашему исполненію. Это можемъ и могутъ сказать всѣ до одного. И вслѣдствіе сего слово Христово можетъ остаться совершенно безъ исполненія. Для чего же оно и сказано? Господь не повергаетъ Своего слова на вѣтръ. Духовное сѣмя слова Христова не должно пасть на землю безполезно, а должно, хотя на меньшей части, ея прозябнуть и принести плодъ. Итакъ, благовидная отговорка недостоинствомъ имѣть притязаніе на совершенство не должна воспрепятствовать дѣйствію ученія о совершенствѣ. Если отъ самопознанія и смиренія рождается у тебя помышленіе, что ты недостоинъ имѣть притязаніе на совершенство; то это помышленіе правильное; и оно не должно тебя останавливать или воспрящать на пути ученія Христова, а должно побуждать тебя простираться въ предняя, подвизаться, чтобы какъ-нибудь уменьшить свое недостоинство и сдѣлаться не недостойнымъ спасенія вѣчнаго. На встрѣчу сему стремленію идетъ благодать Божія, и поддержитъ тебя и поведетъ тебя отъ недостоинства къ достоинству, отъ несовершенства къ совершенству, въ легкости ли нестяжанія, если ты чувствуешь тягость стяжанія и искушеніе богатства, или въ бремененошеніи честнаго стяжанія и безпристрастнаго

обладанія, потому что Христосъ Спаситель указалъ нестяжаніе, какъ пособіе къ совершенству, полезное для нѣкоторыхъ, а не какъ необходимое для всѣхъ. *Буди совершенъ* (Быт. XVII, 2), сказалъ Богъ Аврааму, и онъ былъ совершенъ, тогда какъ онъ *бѣ богатъ зѣло* (XIII, 2), но къ богатству непристрастенъ, и, слѣдственно, хранилъ нестяжаніе въ душѣ, обладая стяжаніями въ домѣ (Изъ бесѣды къ братству Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря. Т. III. Стр. 327—329).

Іисусъ Христосъ обѣщаетъ награды Апостоламъ и вообще Своимъ послѣдователямъ (Матѳ. XIX, 27—30. Марк. X, 28—31. Лук. XVIII, 28—30).

Тогда Петръ началъ говорить Ему: «вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобою; что же намъ будетъ?» Іисусъ Христосъ отвѣчалъ: «истинно говорю вамъ: за то, что вы послѣдовали за Мною, въ обновленномъ мірѣ, когда возсядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы Своея, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ» (*воцаритесь со Мною въ обличеніе невѣрія Израильтянъ*). «И всякій, кто оставитъ домъ, или отца или мать, или братьевъ или сестеръ, или жену или дѣтей, или земли ради Меня и Евангелія, или для Царствія Божія, получитъ даже нынѣ, въ настоящее время, и среди гоненій, во сто кратъ болѣе всего того, а въ будущемъ вѣкѣ наслѣдуетъ и жизнь вѣчную. Многіе же изъ первыхъ (*которые мечтали о высшихъ наградахъ*) будутъ послѣдними, и послѣдніе (*которые едва ли думали когда о своемъ достоинствѣ*), будутъ первыми».

Преподобнаго Макарія Египетскаго о томъ, что значитъ сказанное Господомъ: *сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣномъ Израилевома* (Матѳ. XIX, 28)?

Находимъ, что исполнилось сіе на землѣ, послѣ того какъ Господь вознесся на небо; потому что на двѣнадцать Апостоловъ ниспослалъ Онъ Духа Утѣшителя и святую силу, и она, снишедши, осѣнила ихъ и возсѣла на престолахъ разумовъ ихъ. Когда же предстоящіе стали говорить: *яко* сіи *виномъ исполнени суть* (Дѣян. II, 13); тогда Петръ началъ уже *судить* ихъ, говоря объ Іисусѣ: «мужа сильнаго словомъ и знаменіями распяли вы, повѣсивъ на древѣ. И вотъ, творитъ Онъ здѣсь чудеса, расторгаетъ камни гробницъ и воскрешаетъ мертвыхъ. Ибо написано: *въ послѣднія дни излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и пророкутъ сынове ваши и дщери ваша*» (Дѣян. II, 17). И такимъ образомъ многіе оглашены Петромъ и приступили къ покаянію; почему насталъ новый міръ, избранный Богомъ.

Видишь, какъ открылось начало суда. Тамъ открылся новый міръ; ибо здѣсь дана имъ власть возсѣсть и судить въ мірѣ семъ. Правда, что будутъ они возсѣдать и творить судъ въ пришествіе Господне, при воскресеніи мертвыхъ; но сіе же совершается и здѣсь; потому что Духъ Святый возсѣдаетъ на престолахъ разумовъ ихъ. Да и вѣнцы, какіе пріемлютъ христіане въ ономъ вѣкѣ, не суть творенія вещественныя. Кто утверждаетъ послѣднее, тотъ говоритъ худо. Напротивъ того, въ семъ являетъ Себя преобразующійся Духъ. Что говоритъ Апостолъ Павелъ о небесномъ Іерусалимѣ, что онъ *мати всѣмъ намъ* (Галат. IV, 26), то и мы исповѣдуемъ. Въ разсужденіи же одѣянія, какое носятъ на себѣ христіане,

явно, что Самъ Духъ облекаетъ ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, во вѣки. Аминь. (Бес. 6, стр. 82—84.)

О судѣ святыхъ (Матѳ. XIX, 28).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Аминь глаголю вамъ, яко вы шедшіи по Мнѣ въ пакибытіе, егда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома (Матѳ. XIX, 28). Въ семъ изрѣченіи должно замѣчать, во-первыхъ, что судъ святыхъ откроется торжественно въ пакибытіе, во вторичное бытіе человѣковъ, то есть, по воскресеніи мертвыхъ, и слѣдственно, судъ сей будетъ всемірный не только въ отношеніи къ человѣкамъ послѣднихъ временъ, но и въ отношеніи къ роду человѣческому отъ начала временъ до конца ихъ. Во-вторыхъ, что судъ сей откроется торжественно, *егда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы Своея:* но какъ сіе будетъ, по другому изрѣченію Его, тогда, *егда пріидетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Своей и вси святіи Ангели съ Нимъ* (Матѳ. XXV. 31); слѣдственно судъ святыхъ произведенъ будетъ не только предъ родомъ человѣческимъ, но и предъ Ангелами Божіими. Въ-третьихъ, что послѣдователи Христовы сядутъ на престолахъ для суда въ то же время, егда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы Своея; слѣдственно судъ будетъ соединенъ съ Его судомъ: они порознь будутъ орудіями, или подчиненными, частными дѣйствователями Его единаго, всеобщаго и верховнаго суда. Въ-четвертыхъ, что Апостолы *сядутъ на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома:* но какъ за симъ остается еще множество народовъ и племенъ, которые предстанутъ всемірному суду; то можно изъ сего заключать, что кромѣ сихъ двенадесяти судей, и еще многіе судьи должны будутъ явиться. Сіе догадочное заключеніе оказывается ясною и утвержденною истиною въ изрѣченіи Апостола, который говоритъ, что не одни Апостолы, но вообще *святіи міровы имутъ судити.* Пророкъ еще съ большей опредѣленностью сказуетъ, что всѣ святые Божіи безъ изъятія возведены будутъ въ достоинство судей, дабы произвесть судъ надъ языками и людьми, надъ царями и славными ихъ: *сотворити въ нихъ судъ написанъ: сія слава,* то есть, слава быть орудіями, въ семъ судѣ, *будетъ всѣмъ преподобнымъ Его.* Присовокупимъ къ сему свидѣтельство очевидца сего суда; ибо святый Іоаннъ уже видѣлъ его въ откровеніи. *Видѣхъ,* говоритъ онъ, *престолы и сѣдящіи на нихъ, и судъ данъ бысть имъ* (Апокалипс. XX, 4).

Трудно вообразить, какъ произведется одинъ, согласный и не подверженный никакому прекословію, судъ толикаго множества судей надъ еще бо́льшимъ множествомъ подсудимыхъ, по столь многимъ, разнообразнымъ и тонкимъ предметамъ суда, каковы суть всѣ явныя и тайныя дѣла, слова, желанія и помышленія каждаго человѣка въ продолженіи всей его жизни. Въ изъясненіе сего находимъ нѣчто у псалмопѣвца, который говоритъ, что преподобные сотворятъ судъ *написанный,* и у тайновидца, который пишетъ такъ: *и видѣхъ мертвецы малыя и великія стоящя предъ Богомъ, и книги разгнушася: и ина книга отверзеся, яже есть животная: и судъ пріяша мертвецы отъ написанныхъ въ книгахъ, по дѣломъ ихъ* (Апокалипс. XX, 12). Какъ обыкновенно между человѣками употребляется написанный судъ, частью для удобности въ отношеніи къ высшимъ судіямъ, поелику онъ не только слова

и дѣйствія подсудимыхъ, со всѣми ихъ обстоятельствами и подробностями, но и множество въ разныхъ мѣстахъ находящихся свидѣтелей и другихъ доводовъ суднаго дѣла представляетъ въ нѣсколькихъ написанныхъ листахъ; частью для вѣрности, поелику слово сказанное мгновенно скрывается, и можетъ быть пересказано иначе, а слово написанное остается видимымъ и неизмѣннымъ; такъ и судъ святыхъ представляется написаннымъ въ книгахъ, и особенно въ книгѣ жизни, въ ознаменованіе того, что имъ данъ будетъ отъ Верховнаго Судіи способъ такъ же удобно и вѣрно, или, лучше сказать, несравненно удобнѣе и вѣрнѣе, видѣть всю внѣшнюю и внутреннюю жизнь каждаго судимаго ими, нежели какъ обыкновенный судія видитъ поступки подсудимаго въ написанномъ полномъ судномъ дѣлѣ; и что посему судимымъ грѣшникамъ не останется никакого способа не признаться въ томъ, въ чемъ обличатъ и осудятъ ихъ святые. Но кто и когда пишетъ книгу нашей жизни для будущаго суда святыхъ? Думаю, что пишемъ ее мы сами, и пишемъ непрерывно, въ то самое время, когда что̀ дѣлаемъ или говоримъ, желаемъ или помышляемъ; такъ должно быть для того, чтобы мы не имѣли предлога отказаться отъ нея на судѣ и говорить, что въ ней кѣмъ-то когда-то написано, чего мы не знаемъ и чего отъ насъ не было. Но гдѣ лежитъ сія книга?—Кто знаетъ, въ какомъ мѣстѣ хранитъ Судія написанный судъ, доколѣ придетъ время открыть его всенародно? Впрочемъ, надѣюсь, не погрѣшимъ, если скажемъ, что въ сердцѣ каждаго изъ насъ лежитъ книга жизни для будущаго суда нашего,—тамъ, гдѣ не только знающіе Бога и Его законъ и благодать Его, но и язычники *являютъ дѣло законное написано, сосвидѣтельствующей имъ совѣсти, и помыслохъ другъ друга осуждающимъ или оправдывающимъ* (Римлян. XI, 15), ибо сіе внутреннее явленіе ничто иное есть, какъ большее или меньшее открытіе книги жизни, которая, наконецъ, вся отъ начала до конца откроется, и изъ нашей же внутренности освѣтится или свѣтомъ, или пожирающимъ огнемъ, *въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ*. Можно еще сказать, что и въ самомъ тѣлѣ нашемъ, которое подъ покровомъ тлѣннаго уготовляется къ воскресенію, какъ-бы въ нѣкоей книгѣ, мы пишемъ жизнь нашу непримѣтными нынѣ, но явственными для будущаго суда нашего чертами: *каковая донынѣ*, говоритъ святый Макарій, *сокровища внутрь себе стяжала душа, таковая откроются и явятся тогда на тѣлѣ* (Бесѣд. V, 8), можетъ быть, также и на другихъ созданіяхъ Божіихъ;—ибо у тайновидца сказано, что кромѣ особенной книги животной, есть еще книги, которыя должны разгнуться для суда по написанному въ нихъ,—можетъ быть, говорю, и на другихъ созданіяхъ Божіихъ, нами беззаконно употребляемыхъ, оскверняемыхъ, повреждаемыхъ, окажется по частямъ написанный судъ настоящей жизни нашей, напримѣръ, наши грубыя нечистоты на землѣ и водѣ, наши праздныя слова на воздухѣ, слѣды злобы нашей на томъ, что̀ было предметомъ или орудіемъ злобныхъ дѣйствій, улики соблазновъ нашихъ въ тѣхъ, кого мы соблазнили. Такъ не обличенное живыми свидѣтелями братоубійство Каиново написано на землѣ кровью Авеля: и Небесный Судія точно сими кровавыми, не только явственными для прочтенія, но даже говорящими письменами, уличилъ не признавшагося преступника: *глас крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли* (Быт. VI, 16).

Такъ одинъ изъ будущихъ судей Божіихъ ржу золота и серебра предварительно принимаетъ въ качествѣ свидѣтеля противъ сребролюбцевъ: *ржа ихъ*, говоритъ, *въ послушество на васъ будетъ* (Іаков. V, 3). Наконецъ, самая благодать, вселившаяся во святыхъ, которой мы не приняли не по чему другому, какъ по самопроизвольному нерадѣнію или упорству, ихъ вѣра, ихъ подвиги, ихъ добродѣтели, которыя мы долго имѣли предъ очами въ сихъ подобострастныхъ намъ людяхъ, но которымъ не подражали, явясь на день суда въ полномъ свѣтѣ, произведутъ то, что дѣйствіе суда святыхъ само собою окажется надъ нами, посредствомъ совѣсти нашей, подобно какъ Ной, не поставляя судилища, не производя судебнаго изслѣдованія, тою самою вѣрою, которою самъ спасся отъ погибели въ потопѣ, осудилъ невѣровавшій первый міръ. *Вѣрою*, говоритъ Апостолъ, *отвѣтъ пріимъ Ное, о сихъ, яже не у видѣ, обоявся, сотвори ковчегъ во спасеніе дому своего: ею же*, то есть вѣрою, *осуди весь міръ* (Изъ слова въ день пр. Сергія, ч. I, стр. 272—274).

Обѣтованіе Господне оставляющимъ все Царствія ради Небеснаго (Марк. X, 29—30 и парал.), по святоот. толкованіямъ.

(Епископа Θеофана.)

Отвѣщавъ же Іисусъ рече: аминь глаголю вамъ, никтоже есть, иже оставилъ есть домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, Мене ради и Евангелія ради: аще не пріиметъ сторицею нынѣ во время сіе домовъ, и братій и сестръ, и отца, и матере, и чадъ, и селъ, во изгнаніи, и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный (Марк. X, 29—30). Это изрѣченіе Господа трудно къ уразумѣнію только одною стороною. Что оставляющіе все ради Господа въ вѣкъ грядущій получатъ животъ вѣчный, это не требуетъ объясненія. Трудно уразумѣть только, какъ оставившій получитъ оставленное сторицею въ вѣкѣ семъ, во изгнаніи?

Первая мысль, раждающаяся при семъ, есть,—нельзя ли это обѣтованіе изъять изъ вѣка сего? Какъ говорится о семъ у другихъ Евангелистовъ? Нѣтъ ли у нихъ такихъ оборотовъ рѣчи, на основаніи которыхъ все обѣтованіе можно было бы отнести къ будущему вѣку?

Точно обстоятельство, по которому сказано Господомъ затруднительное обѣтованіе, описано, кромѣ святаго Марка, Евангелистами Матѳеемъ и Лукою.—У Евангелиста Матѳея святый Петръ спрашиваетъ: *что убо будетъ намъ* за оставленіе всего? И Господь отвѣчаетъ, что во второе пришествіе вы сядете на 12 престолахъ и будете судить 12 колѣнъ Израилевыхъ. Но и всякій Мене ради оставившій все,—*сторицею пріиметъ* и животъ вѣчный наслѣдитъ (Матѳ. XIX, 27—29). Гдѣ пріиметъ сторицею, не сказано. Но какъ прибавлено: *и* животъ вѣчный наслѣдитъ, конечно, въ вѣкъ грядущій; то сторичное воздаяніе, можно полагать, и здѣсь разумѣется, въ вѣкѣ семъ. Святый Златоустъ, приводя текстъ послѣ словъ: *сторицею пріиметъ*, отъ себя вставляетъ: *въ настоящемъ вѣкѣ*. Только развѣ то, что Апостоламъ ничего не обѣщано (разум. у Евангелиста Матѳея) въ вѣкѣ семъ, можно предполагать, что и въ обѣтованіи всѣмъ другимъ, кромѣ ихъ, все должно относиться тоже къ вѣку грядущему. Но послѣднее обѣтованіе не исключаетъ и Апостоловъ. Рѣчь можетъ имѣть такой видъ: вы сядете на 12 престолахъ, и проч., и кромѣ того, наряду со всѣми

другими, и здѣсь сторицею получите оставленное. Святый Златоустъ говоритъ: «если всѣ прочіе, то тѣмъ болѣе Апостолы должны получить возмездіе,— и тамъ, и въ семъ вѣкѣ». Къ тому же несообразно съ ученіемъ Спасителя въ будущемъ вѣкѣ чаять семейнаго быта, хотя бы то въ лучшемъ и чистѣйшемъ видѣ; ибо тамъ ни женятся, ни посягаютъ, къ чему приготовленіемъ служитъ характеръ благодатно-духовной жизни, въ коей *нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Галат. III, 28).

У святаго Евангелиста Луки (XVIII, 28—29) вопросъ святаго Петра значится, какъ и у Евангелиста Марка; и отвѣтъ Господа сходствуетъ съ отвѣтомъ, замѣченнымъ у Евангелиста Марка, только выраженъ сокращеннѣе. Въ воздаяніе оставившимъ все здѣсь обѣтовано — воспріятіе оставленнаго *множицею, во время сіе,*—и въ вѣкъ грядущій, животъ вѣчный.

Итакъ, по свидѣтельству всѣхъ трехъ Евангелистовъ, оставляющимъ все для Господа и Царствія ради Его, не животъ только вѣчный обѣтованъ, но и въ вѣкѣ семъ, во время сіе, во изгнаніи, воспріятіе того же оставленнаго сторицею или множицею. Спрашивается: какъ это разумѣть?

Исполненія сего обѣтованія въ буквальномъ смыслѣ нечего ожидать, не только теперь, когда всѣ вѣдаютъ, что на дѣлѣ сего не было; но и тогда слышавшіе Господа не могли ожидать, что, оставя все, получатъ обратно сто братьевъ, сестръ, дѣтей, селъ, домовъ. Напротивъ, самый этотъ образъ выраженія всѣмъ давалъ разумѣть, что слова Спасителя не должно понимать буквально. Какъ же ихъ понять?

Надобно замѣтить, что оставленіе всего, о которомъ говоритъ Господь, если судить о немъ по примѣру Апостоловъ, разумѣется произвольное, на которое самъ кто рѣшается ради распространенія Царства Христова, какъ сдѣлали, напримѣръ, святые Тимоѳей и Титъ, и дѣлали многіе другіе. Если же обратить вниманіе на послѣдующія слова Господа о стократномъ воздаяніи,—нынѣ *во изгнаніи,* то подъ нимъ надобно разумѣть оставленіе непроизвольное, когда гонители заставляли увѣровавшихъ оставлять свои семейства, или же свои родные, въ ревности по нечестію своему, лишали ихъ и своей любви и роднаго крова. Какъ лицъ послѣдняго рода было несравненно болѣе, то вѣроятно ихъ болѣе и разумѣлъ Господь, говоря о воздаяніи.

Стократное воздаяніе таковымъ могло быть и было двоякое: 1) видимое, въ лицѣ всѣхъ вѣрующихъ, и 2) невидимое, духовное, въ сердечномъ чувствѣ благобытія.

1. Всѣ вѣрующіе составляли едино, и это единство было не внѣшнее только, но внутреннѣйшее, самое искреннее и сердечное. Духъ любви, крѣпкой, какъ смерть, связывалъ всѣхъ, такъ что каждый всѣхъ считалъ своими, и всѣ каждаго считали своимъ. Степень возраста, духовнаго преспѣянія, духовныхъ дарованій и служеній опредѣляла только оттѣнки сей любви. Сила же ея всѣхъ одинаково проникала. Въ семъ отношеніи вступающій въ общество вѣрующихъ старецъ всѣми принимаемъ былъ, какъ отецъ, и отъ всѣхъ принималъ вѣяніе любви, свойственной дѣтямъ; вступающій юноша отъ всѣхъ старшихъ принималъ знаки и сердцемъ ощущалъ вѣяніе отеческой и материнской любви,—а отъ всѣхъ равныхъ знаки и вѣяніе любви братской и сестринской и под. Такимъ образомъ, если кто, вслѣдствіе вѣры въ Господа, долженъ былъ оставлять своихъ родныхъ, то, вступая въ среду вѣрующихъ, онъ встрѣчалъ столько

родственныхъ любвей, сколько было вѣровавшихъ, сотни, тысячи, десятки тысячъ. Ибо *сторицею* опредѣленно выражаетъ неопредѣленное число, въ смыслѣ — *множицею,* какъ стоитъ у Евангелиста Луки. Далѣе, такъ какъ вѣровавшіе, по силѣ глубокой взаимной любви, ничѣмъ не дѣлились, а все считали общимъ всѣхъ достояніемъ, то для вступавшаго въ среду ихъ домъ всякаго былъ открытъ, и все достояніе каждаго было какъ-бы его собственное, готово на удовлетвореніе его нуждъ. Такимъ образомъ онъ вдругъ становился обладателемъ неисчетнаго числа домовъ, селъ и всякаго достоянія. Такъ разумѣютъ сіе святый Златоустъ, а за нимъ блаженный Ѳеофилактъ и Евѳимій Зигабенъ.

Святый Златоустъ говоритъ, что въ отношеніи къ Апостоламъ это обѣтованіе сбылось такъ: «оставивъ уду и сѣти, они имѣли во власти своей имущество всѣхъ людей, ихъ домы, поля и даже самыя тѣла вѣрующихъ; многіе готовы были даже умереть за нихъ, какъ свидѣтельствуетъ о семъ Павелъ, говоря: *аще бы было мощно, очеса бы ваша извертѣвше, дали бысте ми*» (Галат. IV, 15).

Блаженный Ѳеофилактъ дополняетъ святаго Златоуста: «поелику отъ проповѣди (Евангелія) имѣла возгорѣться брань (между людьми), такъ что дѣти должны были ради благочестія отрекаться отъ отцевъ, то Господь и говоритъ: «кто оставитъ ради Евангелія плотское родство и вообще все плотское, тотъ и въ семъ вѣкѣ получитъ все это во сто кратъ болѣе, и въ будущемъ жизнь вѣчную».—«Вмѣсто отца будетъ онъ имѣть старцевъ церковныхъ, вмѣсто матери—церковныхъ старицъ, вмѣсто жены—всѣхъ вѣрныхъ женъ, не въ брачномъ отношеніи—нѣтъ, но въ отношеніяхъ духовныхъ, въ духовной любви и попеченіи о нихъ».

Тѣ же мысли и у Евѳимія Зигабена. Онъ задаетъ себѣ вопросъ,—какъ можетъ кто за оставленное получить стократное или многократное воздаяніе еще въ вѣкѣ семъ, и отвѣчаетъ: «какъ? Такъ же, какъ получили Апостолы, мученики и всѣ праведные. Ибо смотри, всѣ дома вѣрныхъ были для нихъ открыты; братьями и сестрами стали имъ всѣ святые (мужи) и всѣ святыя (жены), отцами — всѣ отечески полюбившіе ихъ, пекшіеся и болѣзновавшіе о нихъ; ибо въ этомъ существенное свойство отца; матерями—всѣ (жены), такимъ же образомъ расположенныя къ нимъ; женами—всѣ (жены), помогавшія имъ и служившія; ибо въ этомъ дѣло жены; дѣтьми всѣ ученики. Кромѣ того, и все, что имѣли вѣрующіе, имѣли они въ своей власти. И что особенно дивно, все это имѣли они среди гоненій, будучи т. е. гонимы отъ враговъ вѣры.

2. Когда говоритъ Господь: *сторицею пріиметъ;* то необходимо разумѣть, что Онъ обѣщаетъ въ воздаяніе сто домовъ и селъ, сто братьевъ и сестеръ, и проч. Можно и такъ разумѣть, что Господь обѣщаетъ здѣсь во сто кратъ не этого именно, а противъ этого, или въ замѣнъ этого: при чемъ допустима мысль о благахъ другаго рода, т. е., вмѣсто видимыхъ—о невимыхъ, вмѣсто тѣлесныхъ—о духовныхъ. Въ сравненіе будетъ взимаемо въ семъ случаѣ не внѣшне обладаемое благо, а чувство блага, или благобытія, производимое имъ. Союзъ съ родителями и родными, обладаніе домомъ и селами, вообще семейный бытъ, хорошо устроенный, оставляетъ въ сердцѣ чувство блага, или благосостоянія и благобытія. Свободно оставляющій семейство, или невольно изгоняемый изъ него,

Христа ради и Евангелія, предполагается лишаемымъ этого чувства, теряющимъ ощущеніе благобытія, потому истощаемымъ, постоянно болѣзнующимъ и какъ-бы умирающимъ. Спаситель говоритъ, что это не такъ будетъ; но кто оставитъ все *Мене ради и Евангелія,* тотъ постоянно будетъ ощущать въ себѣ такое благобытіе, какое бы ощущалъ, если бъ прежнее его благосостояніе увеличить во сто разъ и болѣе *множицею.* Исторіи мучениковъ представляютъ многократные примѣры выраженія такого чувства. Оно—и очень естественно, по живому общенію ихъ со Христомъ и во Христѣ съ Богомъ. Поелику они сочетавались со Христомъ и въ Него облекались, то принимали въ себя и все богатство Христово. Это было не вмѣненіе, не чаяніе, а обладаніе самымъ дѣломъ. Какое же теперь благосостояніе могло доставить то чувство благобытія, которымъ исполнялось сердце вѣровавшихъ?! Оно-то и дѣлало ихъ способными на всѣ лишенія и на всякаго рода неописанныя страданія. Апостолъ Павелъ говоритъ: и *настоящая, и будущая—вся ваша,* когда *вы Христовы* (1 Коринѳ. III, 32). И еще говоритъ: *вся вмѣняю тщету за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса Господа* (Филиппис. III, 7—8). Все *препобѣждаемъ за Возлюбившаго ны* — и ничто разлучить насъ съ Нимъ не сильно (Римлян. VIII, 37—39). Что именно чувства родственныя возвращались имъ во Христѣ Іисусѣ, въ этомъ Онъ Самъ удостовѣряетъ. Когда передали Ему, что Его ждутъ мать и братья, *внѣ стоящіе,* Онъ сказалъ, что братъ и сестра и мать Ему тотъ, кто исполняетъ волю Отца Небеснаго (Матѳ. XII, 49). Слѣдовательно, обратно и Онъ для сердца вѣровавшихъ и ходившихъ въ волѣ Божіей былъ и есть—и братъ, и сестра, и мать. Онъ одинъ замѣнялъ и замѣняетъ все родство, на столько въ высшей степени, на сколько есть Самъ выше всѣхъ. Сердце, натурально ищущее родственныхъ чувствъ, удовлетворялось, обладая Имъ однимъ,— и сравнивать нельзя, какъ въ высшей степени, чѣмъ прежде. Святый Григорій Великій (Двоесловъ) въ 18 бесѣдѣ на Іезекіиля говоритъ: «сторицею, говоритъ, пріиметъ, потому, что Богъ сдѣлаетъ, что таковый гораздо болѣе будетъ обрадываемъ бѣдностью, или всѣхъ вещей оставленіемъ по любви ко Христу, чѣмъ богатые обрадываемы всѣмъ своимъ богатствомъ и всѣми своими угодіями. И это самымъ дѣломъ ощущаютъ тѣ, кои ради Христа оставляютъ все свое».

Іеронимъ блаженный тоже разумѣетъ здѣсь сторичное воздаяніе не видимыми благами, а духовными благами, т. е., миромъ сердечнымъ, радостью духа, утѣшеніемъ неизглаголаннымъ, и другими дарами благодати, которыми преисполнялъ души ихъ Богъ, и которые превосходятъ всѣ земныя блага и радости гораздо болѣе, чѣмъ сто превосходитъ единицу.

Блаженный Ѳеофилактъ похоже на это толкуетъ полученіе съ избыткомъ оставленнаго еще въ нынѣшнемъ вѣкѣ: «это надобно разумѣть», говоритъ онъ, «о дарованіяхъ духовныхъ, которыя несравненно выше земныхъ и служатъ залогомъ будущихъ благъ».

Святый Амвросій на CXVIII псаломъ въ 8-й осмерицѣ говоритъ: «чья часть есть Богъ, тотъ всего есть обладатель. Вмѣсто полей (оставленныхъ) онъ самъ есть поле, приносящее плодъ негибнущій во вѣки. Вмѣсто домовъ (оставленныхъ) онъ самъ есть драгоцѣннѣйшее жилище и храмъ Бога. Что̀ выше и драгоцѣннѣе Бога? Это такая часть, съ которою никакіе земные участки

сравниться не могутъ. Что̀ величественнѣе сего небеснаго Гостя? Что̀ ублажительнѣе сего обладанія Божественнаго? (Стран. 1869 г., іюнь, стр. 89—95).

О томъ, какъ обѣтованіе Господа оставляющимъ все ради Царствія Божія исполняется и во время сіе (Лук. XVIII, 29—30).

Аминь глаголю вамъ, яко никто же есть, иже оставитъ домъ, или родители, или братію, или сестры, или жену, или чада, Царствія ради Божія, иже не пріиметъ множицею во время сіе, и въ вѣкъ грядущій, животъ вѣчный (Лук. XVIII, 29—30). Одинъ богатый гражданинъ Константинопольскій, призвавъ своего сына и указавъ ему на свои богатства, сказалъ: что̀ хочешь, чтобъ я оставилъ тебѣ: это ли богатство, или Христа? Достойный сынъ Христолюбиваго отца, зная всю тщету земнаго имѣнія, отвѣчалъ, что онъ избралъ Христа. Послѣ сего отецъ раздалъ все имѣніе нищимъ, такъ что сынъ, оставшись по смерти отца безъ всякаго наслѣдства, принужденъ былъ скитаться и терпѣть бѣдность, не теряя впрочемъ надежды своей на Господа. И Господь, обѣщавшій и *во время сіе* вознаграждать жертвующихъ Ему имѣніемъ и сродниками, вскорѣ послалъ богатѣйшую награду благочестивому юношѣ. Въ томъ же Константинополѣ жилъ другой богатый и знаменитый мужъ, имѣвшій единородную дочь. Посовѣтовавшись съ благочестивою супругою своею, онъ положилъ не выдавать дочери въ замужество, кому бы то ни было, по одному богатству жениха, а отдать ее человѣку благочестивому, хотя бы и бѣдному. И такъ, помолившись Богу, родители рѣшились избрать женихомъ дочери того, кого перваго увидятъ входящимъ въ церковь. По устроенію Промысла случилось, что первый вошелъ въ церковь тотъ Христолюбивый юноша, который предпочелъ Господа всему имѣнію богатаго отца своего. Такимъ образомъ потерявшій имѣніе и родителей нашелъ себѣ добрую жену, а съ нею богатѣйшее имѣніе и новыхъ родителей (Воскр. Чт., г. II, стр. 421).

Библіографическій указатель къ XIX гл. Ев. Матѳея и парал.

На ученіе о нерасторжимости брака и высокомъ достоинствѣ дѣвства (Матѳ. XIX, 1—12. Марк. X, 1—12).

1) Дѣвство, бракъ и вдовство, по ученію святаго Амфилохія Иконійскаго. Воскр. Чт. 1884 г. 81—83.

2) Таинство брака. Тамъ же. 805—809.

3) Бракъ и его нерасторжимость (ст. 3; Марк. X, 11—12). Воскр. Чт., г. XXVIII, II, 675—686).

4) *Смирнова.* Сущность и значеніе христіанскаго брака. Воскресн. Чт. 1880 г. 226—232.

5) Христіанскій бракъ, какъ таинство Православной Церкви, его свойства и значеніе. Воскр. Чт. 1885 г. 641—650. 657—664.

6) О блудѣ, какъ смертномъ грѣхѣ. Тамъ же. 598—605.

7) *Прот. Ѳаворова.* О христіанской нравственности. Бракъ. Супруги. Тр. Кіев. Д. Ак. 1880 г. I. 100—113.

8) *Ѳ. Надеждина.* Христіанскій бракъ и его значеніе, особенно для женщины. Стран. 1872 г., т. IV, 168—209.

9) *И. Б.* Нерасторжимость брака. Руков. для с. п. I. 419—430.

10) Христіанское воззрѣніе на бракъ и современные толки о семейномъ и обществ. положеніи женщины. Хр. Чт. 1867 г., ч. II, 3—39.

11) *Т. Барсова.* О послѣдствіяхъ расторженія брака по случаю прелюбодѣянія. Христ. Чт. 1882 г., ч. I. 799—842. Законъ о разводѣ. 801—807.

12) Ст. 12. *Х. О.* Каженики и скопцы по писанію и толкованію св. Іоанна Златоустаго. Руков. для с. п. 1869 г. I. 427—431.

13) *І. П—скаго.* О нерасторжимости брака. Душ. Чт. 1884 г. Авг. 447—451.

Благословеніе дѣтей.

14) Матѳ. XIX, 13—15. Марк. X, 13—16. Еврейскія дѣти. Воскр. Чт., г. XXXII. II. 1199.

15) Библейскія дѣти. Воскр. Чт. 1876 г. II. 395.

16) Марк. X, 13—17. Мысли еп. Ѳеофана. 471—473.

17) Лук. XVIII, 17. Мысли его. 429.

Отвѣтъ богатому юношѣ.

18) Матѳ. XIX, 16. *И се единъ нѣкій приступль, рече Іисусу.* Воскр. Чт., г. XXIV, 199—203.

19) Матѳ. XIX, 16—26. Марк. X, 17—27. Лук. XVIII, 18—27. О богатомъ юношѣ. Воскр. Чт., г. III. 353—357.

20) Матѳ. XIX, 16—26. Изъясненіе дневнаго Евангелія. Воскр. Чт., г. I. 165—167, г. XXV, 531—538.

21) Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ 12 недѣлю по Пятид., блаж. Іеронима. Воскр. Чт., г. XVIII. 185.

22) Ст. 16—30. *Бѣлюстина.* Заповѣди не тяжки. Воскр. Чт., г. XXXII. I. 573.

23) Матѳ. XIX, 16—26. Лук. XIII, 18—27. *Святаго Іоанна Златоустаго.* Изъясненіе Евангелія о богатомъ юношѣ. Толков. на Еванг. Матѳ. Бес. 64. Ср. Воскр. Чт., г. XVI, 179—181.

24) *А. Гусева.* Евангельскіе совѣты и ихъ отношеніе къ положительнымъ требованіямъ Евангелія Христова. Христ. Чт. 1873 г. III. 387—424.

25) О Евангельскихъ совѣтахъ. Воскр. Чт., г. XI. 393—397.

26) Матѳ. XIX, 21—22. Любимые кумиры. Прав. Обозр. 1871 г. I. 186—195.

27) Ст. 21. Воскр. Чт., г. XXIII. 197.

28) Ст. 23—25. Воскр. Чт., г. VII. 138, г. XVIII. 226.

29) Ст. 24. Изъясненіе (Зеппомъ) изрѣченія: легче верблюду пройти сквозь игольные уши. Христ. Чт. 1874 г. III. 240.

30) Ст. 25. Веельзевулъ. Библ. поп. сл. Воскр. Чт. 1874 г. I. 367.

31) Ст. 27. Жизнь по смерти. Воскр. Чт., г. XXXII, I. 257—268. 321—332, г. XIV. 484.

32) Марк. X, 17—31. *Климента Александрійскаго.* Объясненіе см. въ ст. О томъ, какой богачъ спасется. Христ. Чт. 1846 г. III. 15—17.

33) Лук. XVIII, 27. *Еп. Макарія.* Спасительная сила Божіей благодати. Стран. 1878 г. III. 309—314.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

34) Ст. 14. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О томъ, что приближеніе ко Христу и благословеніе Христово спасительно и необходимо для дѣтей всѣхъ временъ и народовъ, и что забота о томъ лежитъ на семьѣ и школѣ. III. 388—398.

35) Ст. 16. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О похвальныхъ качествахъ богатаго юноши и о томъ, что соблюденіе заповѣдей есть общій для всѣхъ путь къ жизни вѣчной. Слово въ 12-ю нед. по Пятидесятницѣ.

36) Ст. 16. *Филарета, митроп. Московскаго.* О важности, значеніи и употребленіи правила: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди.* IV. 335—339.

37) Ст. 17. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О томъ, почему Господь не благоволилъ принять привѣтствія Іудеянина, и о празднословіи въ нашихъ привѣтствіяхъ вообще. I. 335—344.

38) Ст. 21. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* О богатомъ Евангельскомъ юношѣ и вольной нищетѣ вообще. I. 68—70.

39) Ст. 22. *Филарета, митроп. Московскаго.* О пагубныхъ слѣдствіяхъ пристрастія къ земнымъ благамъ, при самыхъ добрыхъ расположеніяхъ души, и о вольной нищетѣ. III. 176—180.

40) Ст. 16—26. *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Бесѣда въ нед. 12 по Пятидесятницѣ. 278—286.

41) На Евангеліе Луки, XVIII, 18—29. *Филарета, архіепископа Черниговскаго.* Бесѣда о богатомъ князѣ. II. 142.

42) Ст. 22. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О томъ, что у христіанства съ соціализмомъ нѣтъ ничего общаго во взглядѣ на собственность, что они совершенно одно другому противоположны, и потому соціализмъ есть гибельное заблужденіе. III. 24—41.

43) Ст. 38. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О томъ, что наше благополучіе зависитъ частію отъ насъ самихъ, а болѣе отъ Бога, къ Которому мы должны прибѣгать за помощію непрестанно. I. 615—622.

Притчею о работникахъ въ виноградникѣ за неравные труды получившихъ равную плату, Іисусъ Христосъ изобличаетъ худое свойство тѣхъ, которые трудятся для Царствія Небеснаго изъ-за наградъ (Матѳ. XX, 1—16).

Въ Царствѣ Небесномъ произойдетъ то же, что̀ случилось у одного хозяина. Рано по утру онъ вышелъ нанять работниковъ въ виноградникъ свой. Договорившись съ работниками заплатить имъ по динарію въ день, послалъ ихъ въ виноградникъ свой. Вышедши около третьяго часа, увидѣлъ, что на торгу стоятъ еще ненанятые работники. Онъ сказалъ: ступайте и вы въ виноградникъ; и что̀ будетъ слѣдовать, я заплачу вамъ. Они пошли. Опять вышедши около шестаго и девятаго часа, тоже сдѣлалъ. Наконецъ, вышедши около одиннадцатаго часа, опять нашелъ, что стоятъ работники, и говоритъ имъ: что это вы простояли цѣлый день безъ дѣла? Отвѣчаютъ ему: никто насъ не нанялъ. Говоритъ имъ: подите и вы въ виноградникъ; и что̀ будетъ слѣдовать, получите:—Вотъ насталъ вечеръ. Господинъ виноградника говоритъ своему управителю: позови работниковъ, и расплачивайся съ ними, начиная отъ послѣднихъ до первыхъ. И пришедши нанятые около одиннадцатаго часа, получили по динарію. Пришедши же первые, надѣялись, что они получатъ больше; но и они получили по динарію. И получивши, стали роптать на хозяина и говорили: эти послѣдніе работали только часъ, а ты сравнялъ ихъ съ нами, между тѣмъ какъ мы томились цѣлый день и терпѣли зной. Въ отвѣтъ на это онъ сказалъ одному изъ нихъ: другъ! я тебя не обижаю. Не за динарій ли ты со мною договорился? Возьми свое и ступай. А я хочу и этому послѣднему дать то же, что̀ и тебѣ. Развѣ я не властенъ располагать своею собственностью, какъ хочу? Отъ того ли твой глазъ завистливъ, что я добръ? Такимъ образомъ будутъ послѣдніе первыми, и первые послѣдними; потому что много званныхъ, но мало (оказалось) избранныхъ.

Хозяинъ въ этой притчѣ означаетъ Отца Небеснаго, виноградный садъ—Церковь, работники, призываемые въ виноградный садъ,—людей, призываемыхъ ко спасенію; часы — первый, третій, шестой...—времена, въ которыя Богъ призывалъ людей ко спасенію. Такимъ образомъ значеніе этой притчи будетъ таково: Богъ Отецъ, заботясь о спасеніи людей, еще очень рано, со времени Адама, сталъ призывать людей ко спасенію. Какъ заботливый хозяинъ, думающій о лучшемъ устройствѣ своего хозяйства, Онъ выходилъ въ первомъ часу, означающемъ у Евреевъ еще только восходъ солнца; въ третьемъ, шестомъ, девятомъ и даже одиннадцатомъ, означающемъ время уже предъ самымъ заходомъ солнца, для призванія дѣлателей въ свой виноградникъ. Выходъ въ первомъ часу можетъ означать призваніе, сдѣланное еще нашимъ прародителямъ въ раю; выходъ въ третьемъ—призваніе, дѣланное людямъ предъ потопомъ чрезъ Ноя, выходъ въ шестомъ и девятомъ—призваніе бывшее чрезъ Іудеевъ и пророковъ, въ разныя времена ихъ жизни; наконецъ, выходъ въ одиннадцатомъ, послѣднемъ часу дня, означаетъ призваніе, сдѣланное напослѣдокъ чрезъ Самого Іисуса Христа. Во всѣ эти времена Господь Богъ находилъ усердныхъ дѣлателей, послушныхъ рабовъ Своему слову, и посылалъ ихъ для труда въ Свой виноградникъ, Свою Церковь, насажденную въ мірѣ подобно виноградному саду. Когда наступитъ вечеръ, означающій конецъ міра, Господь Богъ позоветъ Своихъ дѣлателей для вознагражденія

за ихъ труды, и усердныхъ изъ нихъ, тѣхъ, которые по первому зову слушались Его голоса и вступали въ Его Церковь, Онъ наградитъ одинаково, трудились ли они цѣлый день, или цѣлую жизнь, или вступили въ Его Церковь въ позднюю пору жизни. Такъ Онъ поступитъ потому, что въ Его глазахъ имѣютъ цѣну и достоинство не то число лѣтъ, которое мы трудимся; не то множество дѣлъ, которыя мы совершаемъ, но то усердіе, съ которымъ мы дѣлаемъ, та любовь, которую мы высказываемъ къ Нему, исполняя Его заповѣди. Иной въ одну минуту можетъ сдѣлать больше, чѣмъ другой во всю свою жизнь. Такъ разбойникъ на крестѣ въ одну минуту успѣлъ заявить такую вѣру въ Господа нашего, что былъ причисленъ къ раю; Закхей мытарь также въ одну минуту, когда зашелъ къ нему Господь на домъ, обѣщалъ цѣлую половину своего имѣнія раздать бѣднымъ (Лук. XIX, 8). Людей, обращающихся съ такою искреннею вѣрою, съ такою горячею любовью, Господь принимаетъ даже въ послѣдній часъ ихъ жизни и равно вознаграждаетъ съ тѣми, которые трудились всю жизнь, но, можетъ быть, ни разу не заявили ни горячей любви, ни пламеннаго усердія къ Нему.

Мысли епископа Ѳеофана.

Въ притчѣ о наемникахъ и тотъ, кому одинъ только часъ работать пришлось, былъ одинаково вознагражденъ домовладыкою. Часы дня въ этой притчѣ,—образъ теченія жизни нашей. Одиннадцатый часъ—послѣднее время сей жизни. Господь показываетъ, что и тѣ, которые до этого срока дожили, не работая Ему, могутъ начать работать и угодить Ему не меньше другихъ. Нечего, слѣдовательно, отговариваться старостью и отчаяваться, полагая, что уже не къ чему начинать. Начинай, не робѣя; милостивъ Господь; все тебѣ дастъ, что̀ и другимъ, и по чину благодати *здѣсь*, и по закону правды *тамъ*. Только усердіемъ побольше разгорись, и посокрушеннѣе поскорби о нерадѣніи, въ которомъ проведена вся почти жизнь. Скажешь: тамъ позвалъ хозяинъ, пусть и меня позоветъ Господь. А развѣ не зоветъ? Не слышишь развѣ въ церкви гласа Господня: *пріидите ко Мнѣ, вси,* и Апостольскаго призванія: *во Христѣ молимъ, яко Богу молящу нами: примиритеся съ Богомъ* (Мысли на каждый день года, стр. 243).

Виѳанія.

Виѳанія, весь Марѳы и Маріи, гдѣ такъ часто находилъ гостепріимный кровъ и встрѣчалъ самую нѣжную заботливость Господь нашъ Іисусъ Христосъ, не имѣвшій гдѣ главу подклонити, есть небольшое селеніе, лежащее при подошвѣ Елеона, съ юго-восточной его стороны. Оно носитъ теперь названіе: *Лазарія,* и отстоитъ отъ Іерусалима *яко на пятьнадесятъ стадій,* или на три четверти часа ровной ѣзды, если измѣрять пространство по восточному обыкновенію. Главный путь изъ Іерусалима въ Виѳанію и теперь тотъ же самый, который былъ во времена Евангельскихъ событій; по нему, при воплѣ отроковъ: *осанна Сыну Давидову,* торжественно взошелъ изъ Виѳаніи въ Іерусалимъ кроткій Царь дщери Сіона. При посѣщеніи Виѳаніи, овладѣваетъ странникомъ чувство, совершенно противуположное тому, какое раждается при взглядѣ на Іерусалимъ, коль скоро слѣдить мысленно связь событій Евангельскихъ. Виѳанія едва ли не единственный уголокъ на всей землѣ, освященной стопами Господа, гдѣ Онъ ни отъ кого и никогда не встрѣчалъ оскорбленія, и гдѣ всегда находилъ только привѣтливость, радушіе, усердіе, любовь.

И всемилосердый Господь, выну прославляющій славящихъ Его, прославилъ и гостепріимный кровъ и самую весь воскрешеніемъ Лазаря. Вотъ событіе, коего величіе не потеряетъ ничего отъ тысящелѣтій, коего слава прошла въ концы міра и—не по однимъ народамъ христіанскимъ, и коего вѣковой свидѣтель, вертепъ, принадлежитъ Виѳаніи!...

Вертепъ этотъ находится вблизи отъ дому Лазаря, на берегу небольшаго оврага, изрытаго водой во время періодическихъ дождей Палестины. Надъ входомъ въ него существуетъ незначительная постройка изъ большихъ камней, принадлежавшихъ нѣкогда, быть можетъ, самому дому Лазаря; влѣво отъ входа стоитъ небольшая мечеть. Поклонники, желающіе видѣть, если не самое смертное ложе воскресшаго Лазаря, по крайней мѣрѣ преддверіе къ нему, гдѣ стоя Спаситель нашъ воззвалъ: *Лазаре, гряди вонъ!*—обыкновенно предъ входомъ возжигаютъ свѣчи, и трепетной стопой спускаются въ глубь мрачнаго вертепа, по изсѣченнымъ въ скалѣ ступенямъ, тѣмъ самымъ, по которымъ, какъ говоритъ преданіе, нисходилъ и Господь нашъ для умерщвленія смерти въ ея гнѣздилищѣ. Эта тѣсная и непрямая лѣстница приводитъ въ небольшое четыреугольное преддверіе пещеры могильной. Въ этомъ покоѣ, очень тѣсномъ для церкви, но не стѣсняющемъ благочестивыхъ чтителей воскресшаго Праведника, на восточной сторонѣ, въ боку изсѣченъ низкій каменный престолъ, на которомъ прежде, въ день праздника, совершалась Божественная Литургія. Легко

представить, какъ умилительно тутъ чтеніе, приличное празднику, Святаго Евангелія! Нынѣ, въ день воскресенія Лазаря, служится кѣмъ либо изъ архіереевъ Литургія на Елеонѣ, а оттуда отправляются уже въ преддверіе гробовой пещеры Лазаря служить молебны. На помостѣ этого преддверія, съ лѣвой стороны, и есть узкое отверстіе самой могильной пещеры. Съ молитвой на устахъ спускаешься въ него по разрушеннымъ ступенямъ. Ни прямо, ни даже наклонившись нельзя входить въ него, но надобно пасть ницъ и ползти нѣсколько болѣе сажени, чтобъ стать во мракѣ пещеры, *идѣже бѣ умерый лежа.* Нельзя высказать чувства, которое раждается здѣсь, при живомъ представленіи столь необычайнаго пробужденія отъ сна смертнаго, которое испыталъ другъ Господа. *Гряди вонъ*— прогремѣло въ его слухѣ, но куда? Лучъ свѣта и въ самомалѣйшемъ мерцаніи не брежжетъ въ пещерѣ... Только свѣтлый хранитель могъ поставить его у отверстія пещеры; только колебаніе воздуха отъ великаго гласа Господа могло вразумить его, что это отверстіе— путь къ ожидающему его Господу, трепетнымъ сестрамъ, къ жизни подъ теплыми лучами солнца... И обвязанный по рукамъ и ногамъ преклоняется къ этому отверстію и, если можно сказать, выплываетъ изъ бездны тлѣнія къ стопамъ Господа, Источника жизни. *Разрѣшите его и оставите ити,* вѣщалъ кроткій гласъ Спасителя, и Лазарь, разрѣшенный отъ веригъ смертныхъ, еще долго ходилъ по сушѣ и морю, доколѣ тотъ же гласъ, который вызвалъ его изъ гроба на землю, не воззвалъ его отъ земли къ небеси.— Есть другая гробница, которая хранитъ святые останки Лазаря. На островѣ Кипрѣ, въ городѣ *Ларнаки*, подъ помостомъ алтаря великолѣпной церкви во имя святаго Лазаря, есть вертепъ съ гробомъ друга Христова, святаго пастыря церкви Кипрскія. Благочестивый поклонникъ оставляетъ свой корабль и спѣшитъ къ недальному берегу для поклоненія сей святынѣ. И Кипріоты, свято чтущіе память Пастыря первенствующей своей церкви, каждогодно. въ большомъ количествѣ, оставляютъ на время святыню земли своей и усердно спѣшатъ ко гробу Господа и ко гробу друга Его—къ гробамъ, въ которыхъ столь ясно совершилось окончательное торжество надъ смертію.

Въ Виѳаніи погребальная пещера Лазаря довольно велика; она болѣе каждой изъ погребальныхъ пещеръ царскихъ, взятой порознь. Надобно полагать, что она назначалась для цѣлаго семейства. Самое ложе смерти Лазаря— направо отъ входа въ пещеру, на восточной ея сторонѣ; но какъ жаль, что къ мраморной плитѣ его не прикасаются уста поклонника! Сыны лжевѣрія оградили это ложе отъ пещеры каменной стѣной и изъ своей мечети сдѣлали другой ходъ къ нему. Другихъ гробовъ нѣтъ въ пещерѣ; смерть, однажды здѣсь посрамленная, не смѣла уже болѣе привлекать сюда своихъ новыхъ жертвъ.

Благочестивое преданіе указываетъ въ Виѳаніи и другія священныя мѣста. Вблизи отъ гроба Лазаря показываются небольшіе остатки дома его, на которыхъ святою Еленою былъ построенъ монастырь, одна часть котораго находится въ развалинахъ, а другая занята мечетью. Выше дома Лазаря на скатѣ горы видны значительныя развалины Римско-католическаго аббатства, основаннаго во имя святой Маріи Магдалины на мѣстѣ дома ея. Она оставила родной Магдалъ, доселѣ находящійся на берегу моря Тиверіадскаго, и поселилась среди добрыхъ жителей

Виѳаніи, въ обществѣ сестеръ Лазаря, для того, чтобы чаще утѣшаться бесѣдою учениковъ Господа, чаще плакать на Голгоѳѣ, лобызать гробъ Воскресшаго и имѣть непосредственное общеніе съ церковію Сіонскою. Кромѣ этихъ развалинъ, на концѣ Виѳаніи, по пути изъ нея къ Іерусалиму, показываются незначительные остатки церкви, построенной древле на мѣстѣ дома Симона прокаженнаго (Воскр. Чт., г. XVI, стр. 525—528).

О воскрешеніи Лазаря, св. Ефрема Сирина.

Премудрый избралъ и воскресилъ трехъ мертвецовъ трехъ различныхъ возрастовъ,—отроковицу, юношу и мужа, въ преобразованіе родовъ древнихъ, среднихъ и послѣднихъ. Онъ хотѣлъ увѣрить въ единомъ воскресеніи всего рода отъ Адама и до конца, и воскресеніемъ близкихъ мертвецовъ подалъ великую надежду и отдаленнымъ. Древнихъ мертвецовъ представилъ Онъ въ Лазарѣ, среднихъ—въ юношѣ, послѣднихъ—въ отроковицѣ, и всѣмъ проповѣдалъ единое воскресеніе.

Не кого либо изъ минувшихъ временъ и поколѣній воззвалъ Онъ къ жизни предъ невѣрнымъ народомъ, быть свидѣтелемъ воскресенія, но Лазаря изъ Виѳаніи, котораго и мѣсто жительства и домъ были извѣстны, у котораго и сестры были живы, и сродники находились близко. Во дни горькаго рыданія и сильнаго сѣтованія друзей объ умершемъ, когда противоборствующая истинѣ синагога разсуждала еще о событіи смерти его, когда въ сонмахъ Іудеевъ раздавался еще вопль плачущихъ о немъ, когда другъ другу передавали всѣ вѣсть о смерти Лазаря, когда скорбь о немъ еще не уменьшилась, и слухъ о смерти его еще не умолкъ, когда сходились всѣ утѣшать сестеръ о братѣ, когда извѣстіе о его смерти содѣлалось несомнѣннымъ, и погребеніе извѣстно стало многимъ, когда въ домѣ умершаго совершался еще плачъ, и оплакивали его знакомые; тогда приходитъ воскреситель Господь явить Свое могущество, и не только Лазаря, но и всѣхъ утвердить въ упованіи. Въ одномъ мертвецѣ далъ всему міру прообразованіе воскресенія, и въ области мертвыхъ водрузилъ знаменіе жизни. Сперва попустилъ тлѣнію коснуться умершаго, и потомъ приходитъ воздвигнуть его, чтобы возсмердѣніе его увѣрило въ смерти, а возвращеніе къ жизни—въ общемъ воскресеніи.

Умершій три дня въ странѣ смерти оставался невредимымъ, и въ четвертый день погрузился въ море тлѣнія. Смерть вела его три поприща, и когда прошелъ ихъ,—на четвертомъ поприщѣ, какъ послѣднемъ, заключила его въ бездну истлѣвающихъ. Іисусъ медлилъ, пока Лазарь не нисшелъ до конца преисподней, чтобы извлечь его изъ самой глубины рва и препобѣдить тлѣніе смерти. Смерть взяла и предала разрушенію погребеннаго; положилъ на него червь уста свои, тлѣнію предалась плоть его. Погрузился онъ въ ровѣ умершихъ, погрязъ въ шеолѣ погребенныхъ, отнесенъ и ввержен въ океанъ истлѣвающихъ. Вѣтръ смерти низринулъ его въ бездну разрушенія, чтобы и истлѣвающихъ въ шеолѣ возвеселило явленное имъ воскресеніе. Іисусъ попустилъ ему пасть во глубину смерти и въ ней погрязнуть, чтобы туда нисшелъ воскрешающій гласъ Его, и наступилъ на главу ада. Смерть похитила Лазаря изъ обители живыхъ, ввела его въ свою твердыню, заключила крѣпкія врата свои, и надѣялась, что не будутъ они отворены; но Іисусъ медлилъ и дозволилъ тлѣнію овладѣть плотію, чтобы зловоніе отъ мер-

твеца ясно свидѣтельствовало о воскресеніи его. Всевѣдущій извѣщалъ учениковъ Своихъ: «*Лазарь другъ нашъ успе*». Тѣмъ, что сказалъ прежде, нежели пришелъ туда, показалъ Онъ Свое всемогущество, а тѣмъ, что умедлилъ, пока не началъ смердѣть умершій, увеличилъ чудо воскресенія.

Отроковицу въ домѣ возвратилъ къ жизни и отдалъ отцу ея; юношу воскресилъ, когда несли его ко гробу; а Лазаря оставилъ въ темницѣ гроба, пока не сталъ предаваться тлѣнію, чтобы въ жилище крѣпкаго проникъ гласъ Его и воскресилъ умершаго. Въ домѣ, на пути и изъ гроба возвращалъ Онъ умершихъ къ жизни, чтобы на всей дорогѣ смерти поставить путемѣрія, по всей стезѣ умершихъ разсѣять надежду жизни, и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ ея явить воскресеніе. Для того медлилъ, когда умеръ Лазарь другъ Его, чтобы, когда до конца пройдетъ путь смерти, оттуда воззвать его къ жизни. Жизнеподатель по слѣдамъ смерти шествовалъ за нею путемъ ея владычества, и весь путь ея отъ начала до конца оросилъ воскресеніемъ. «*Лазарь другъ нашъ умре, и радуюся, яко не бѣхъ тамо*». Извѣстно Ему было, что Лазарь предавался уже тлѣнію и медлилъ воззвать его къ жизни.

Когда смерть три дня держала уже мертвеца во власти своей, и въ четвертый день черви начинали разрушать его образъ; тогда Жизнеподатель пришелъ съ учениками Своими въ весь умершаго и предавшихъ его погребенію спрашивалъ: «*гдѣ положисте его*»? Конечно, къ ухищреніямъ даетъ сіе поводъ дерзкимъ совопросникамъ; но яснѣе—солнца, что не имѣлъ Онъ нужды спрашивать. А тѣмъ, что сказалъ: «*гдѣ положисте его*»? хотѣлъ подтвердить, что Лазарь дѣйствительно былъ погребенъ. Спросилъ не о томъ, гдѣ гробъ? но—гдѣ они положили мертвеца? Зналъ упорство Іудеевъ, съ какимъ отрицали славныя дѣла Его и связалъ Своимъ вопросомъ: гдѣ положили умершаго? Не о томъ спросилъ: гдѣ положенъ, или погребенъ Лазарь? но—«*гдѣ положисте его?*» Покажите Мнѣ это вы сами, невѣрующіе.

Сынъ не менѣе Отца потому, что вопрошалъ о гробѣ. Слезами Своими надъ Лазаремъ увѣрялъ Онъ въ Своемъ человѣчествѣ. Плакалъ и проливалъ Онъ потъ; но потъ и слезы свойственны человѣческому Его естеству, и не унижаютъ Его предъ Отцемъ, потому что и Онъ—воскреситель мертвыхъ, какъ и Отецъ. Онъ плакалъ, чтобы увѣрить въ Своемъ человѣчествѣ; воззвалъ къ жизни мертвеца, чтобы показать Свое всемогущество. Вопрошалъ, чтобы связать невѣрующихъ; молился, чтобы изъявить Свое согласіе съ Отцемъ. И вся молитва на гробѣ не унижаетъ Его предъ Отцемъ. Изъ того самаго, что̀ сказалъ Онъ молясь, можемъ разумѣть, что не имѣлъ Онъ нужды въ молитвѣ: «*народа ради стоящаго окрестъ Азъ рѣхъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси*» (42). Симъ врачевалъ Онъ духъ предстоящаго народа, потому что немощенъ былъ духъ людей сихъ, и явно сомнѣвались они въ томъ, что Іисусъ есть Сынъ Всевышняго. Для того всѣ дѣла Свои восписывалъ Отцу, чтобы показать, что не хищеніемъ Онъ—Господь и Животворитель.

Вопросилъ Онъ и пошелъ ко гробу Лазаря, какъ слышали мы о семъ, и увидѣлъ крѣпкій градъ смерти, гдѣ тысячи мертвецовъ. Высоки стѣны сего царства мертвыхъ, никто изъ живыхъ не могъ перейти чрезъ нихъ; врата тьмы заключены для всѣхъ мертвецовъ; крѣпкіе наложены запоры, чтобы никто

изъ вошедшихъ не могъ выйти вонъ. Полонъ погребенныхъ мертвецовъ этотъ великій градъ; неодолима сія твердыня смерти; нѣтъ туда доступа воскресенію. Тысячи умершихъ входятъ, и не выходитъ ни одинъ. Смерть увѣрена, что никакой исполинъ не овладѣетъ ея областью. И слово о жизни—далеко отъ сего града заключенныхъ; плѣнники изъ всѣхъ поколѣній тѣснятся въ чертогахъ смерти. Связанные, заключенные, пребываютъ они во тьмѣ. Но вдругъ при безднѣ, полной узниковъ, предстало воскресеніе; какъ скоро Господь извелъ изъ нея одного,—подалъ тѣмъ надежду всѣмъ.

И сей умершій погруженъ былъ въ глубину всѣхъ мертвецовъ, опутанъ плѣнницами смерти, заключенъ въ обитель погребенныхъ, осужденъ на безмолвіе, низринутъ въ многоскорбный шеолъ, по рукамъ и по ногамъ связанъ путами и узами смерти, и его составъ обращался въ прахъ, и его плоть издавала зловоніе, и смрадъ его тлѣнія ощутителенъ былъ всѣмъ погребавшимъ его. Сестры оплакивали умершаго и тлѣнію предававшагося брата; множество Іудеевъ собралось утѣшать сестеръ его.

И тогда Іисусъ повелѣлъ отвалить камень отъ двери гроба. И сіе сдѣлано Имъ по неизслѣдимой Его премудрости. Для того невѣрующимъ Іудеямъ дозволилъ отверзть гробъ, чтобы, отваливъ камень отъ гроба, поражены они были вонею смерти. И смрадъ отъ мертвеца для того поразилъ ихъ, по отнятіи камня отъ гроба, чтобы, когда зловоніе оставалось еще на одеждахъ ихъ, увидѣли они чудо воскресенія.

Спаситель сталъ у гроба, и содрогнулась мрачная обитель мертвыхъ, поколебались стѣны наполненнаго мертвыми тѣлами города, близки стали къ паденію его твердыни. Расторглись крѣпкія забрала, отверзлись высокіе врата, сокрушились всѣ запоры, въ содроганіе пришли обитатели его. Коснулся гласъ воскресенія—и пали стѣны. Рыканіе юнаго льва раздалось въ шеолѣ,—и ужасомъ объята была смерть. Прекрасный елень наступилъ на нору змія,—и онъ предался бѣгству. Небесный орелъ огласилъ крикомъ своимъ гнѣздо ястребовъ,—и они разсѣялись. Смерть услышала новый голосъ жизни, возгремѣвшій у вратъ ея, и поспѣшила расторгнуть узы и освободить заключенныхъ, выпустила изъ рукъ своихъ узниковъ, не удерживая идущихъ вонъ. Нисшелъ Вышній съ высоты Своей, чтобы отъ Него люди пріяли воскресеніе, отнялъ владычество у смерти, чтобы воцарилось надъ ними воскресеніе,—и пораженная ужасомъ смерть дала свободу всему множеству своихъ плѣнниковъ.

Но слышитъ она гласъ Іисусовъ не: грядите, но: гряди. «*Лазаре, гряди вонъ*», сказалъ Іисусъ. Слово къ одному только относилось и не касалось всѣхъ; одного только воскрешало, но посредствомъ его одного утверждалась надежда на день общаго воскресенія. Если бы вмѣсто: «*гряди вонъ*», сказалъ Іисусъ: грядите вонъ,—все множество умершихъ вышло бы изъ гробовъ вмѣстѣ съ Лазаремъ. Но Онъ отличилъ Свое возглашеніе; потому что требовалъ одного Лазаря, воскресеніе же всѣхъ прочихъ соблюдалъ на конецъ временъ. Если бы и теперь восхотѣлъ воззвать не: «*гряди*», но: грядите; то не одинъ вышелъ бы Лазарь, но явились бы всѣ умершіе. Для того возгласилъ Онъ иначе, и изъ многихъ воззвалъ одного, чтобы и прочіе своимъ воскресеніемъ не упредили послѣднія времена, когда опредѣлено имъ воскреснуть. Гласъ воскресенія возбудилъ и воздвигъ распростертаго мертвеца. Явственно названъ онъ собственнымъ своимъ именемъ, потому что дол-

женъ былъ выйти одинъ. Скименъ львовъ отъ Іуды огласилъ рыканіемъ юдоль мертвыхъ,—и гласъ Его вторгся въ сонмъ мертвецовъ, поялъ и извелъ единаго, кто угоденъ былъ Ему. По гласу Его возсталъ умершій, и узы шеола не удержали его. Повѣяло дыханіе жизни,—и воздвигся мертвецъ. Сказано: «*Лазаре, гряди вонъ*»,—и онъ выходитъ; вмѣстѣ съ словомъ послѣдовало дѣло. По гласу предстало воскресеніе, и возстаніе мертвеца не замедлилось. Дыханіе воскресенія изъяло его изъ среды всѣхъ умершихъ. Едва только повѣяло на него дыханіе повелѣнія, какъ возсталъ онъ изъ гроба, и даже связанный. Связаны были ноги его, но онъ пошелъ правильными и скорыми шагами, прежде нежели ноги освобождены отъ обвязанія. «*Разрѣшите его, и оставите ити*». Видишь, что вышелъ онъ изъ гроба, когда не былъ еще разрѣшенъ, но связанный, увитый, съ покрытымъ лицемъ, шествовалъ не колеблясь. Жизнеподатель разрѣшилъ его отъ смерти, но не отъ связывающихъ его укроевъ; чтобы тѣ же руки, которыя обвивали мертваго при погребеніи, разрѣшили его, и не поругались (Тв., ч. V, стр. 125—130. 132—135).

Воскрешеніе праведнаго Лазаря.

(*Архим. Іосифа.*)

Чрезъ воскрешеніе праведнаго Лазаря изъ мертвыхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, прежде Своихъ страданій крестныхъ, явилъ Себя побѣдителемъ смерти и увѣрилъ насъ въ дѣйствительности общаго нашего воскресенія. Торжественно воспоминая это чудо, Святая Церковь влагаетъ въ наши уста слѣдующее пѣснопѣніе: «общее воскресеніе прежде Своея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвигль еси Лазаря, Христе Боже; тѣмъ же и мы, яко строцы, побѣды знаменіе носяще, Тебѣ, Побѣдителю смерти, вопіемъ: осанна въ вышнихъ! благословенъ грядый во имя Господне!»

Указанная Церковью мысль воскрешенія Лазаря получаетъ особенную убѣдительность и трогательность отъ нѣкоторыхъ частностей этого событія, записанныхъ въ Евангеліи; коснемся ихъ со вниманіемъ и сочувствіемъ.

Упоминая о смерти, премудрый сынъ Сираховъ не могъ удержать скорбнаго чувства, которое невольно возникаетъ въ нашемъ сердцѣ при одномъ воспоминаніи о смерти: *о смерте, коль горька твоя память!* (Сирах. IV, 1). Горько даже вспоминать о смерти; а видѣть ее надъ близкими сердцу? или самого себя представлять на мѣстѣ умершихъ?... Мы какъ-бы присмотрѣлись къ этому явленію; отъ частаго повторенія въ разныхъ мѣстахъ оно представляется чѣмъ-то обыкновеннымъ. Но вникните, вдумайтесь въ сущность сего, повидимому, обыкновеннаго явленія,—примите его къ сердцу; и внутреннее сотрясеніе вашего существа, какъ-бы отъ электрическаго удара, дастъ вамъ знать, что оно противно нашей природѣ и слишкомъ возмутительно, а потому настоятельно требуетъ самаго рѣшительнаго объясненія и утѣшенія. Беремъ въ примѣръ одно семейство изъ тысячи: вотъ оно съ плачемъ окружило одръ умершаго своего члена, который за нѣсколько минутъ бесѣдовалъ съ нимъ. Не успѣвъ оплакать разлуку съ душею почившаго, нужно проститься и съ самымъ тѣломъ его: съ воплемъ полагаютъ его во гробъ, провожаютъ на кладбище, опускаютъ въ мрачную могилу,—наконецъ—верхъ испытанія—должно бросить горсть земли на этотъ дорогой для сердца гробъ и зарыть его навсегда въ землѣ... О, сколько здѣсь самыхъ горькихъ слезъ, самыхъ тяжелыхъ ощущеній! Кто же можетъ осу-

шить эти слезы? Гдѣ найти для нихъ самое дѣйствительное утѣшеніе? Должно испытать подобную скорбь, чтобы сознать необходимость въ утѣшеніи; нужно получить это утѣшеніе, чтобы почтить полнымъ довѣріемъ тотъ источникъ, изъ котораго оно проистекаетъ.

Приди сюда, мудрость человѣческая; скажи намъ съ полнымъ убѣжденіемъ послѣднее свое слово при этой свѣжей могилѣ. Въ дни спокойной жизни нашей ты умѣешь увлекать и развлекать насъ; такъ ли ты могущественна въ часы настоящей скорби нашей и слезъ?

«Нечего теперь скорбѣть: все уже кончено», говоритъ намъ безучастно, гробовымъ равнодушіемъ матеріалистъ, не признающій нашего безсмертія, не ожидающій воскресенія мертвыхъ. Какъ? Неужели этотъ человѣкъ, съ которымъ наша душа была въ такомъ общеніи уничтожился? Неужели все, что̀ мы въ немъ уважали отъ всей души своей, станетъ однимъ прахомъ и тлѣніемъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, теперь все кончено, и мы, не надѣясь на свиданіе съ умершимъ, должны остаться при одномъ воспоминаніи о немъ и при этомъ ужасномъ сожалѣніи? Въ такомъ случаѣ эта могила есть конецъ всѣмъ стремленіямъ человѣка къ счастію, есть горькая насмѣшка надъ его желаніемъ безконечной истины и добра; для чего же онъ и является въ міръ? Нѣтъ! нѣтъ! Наше сердце, какъ оно ни поражено скорбью, отвращается отъ подобныхъ словъ; отъ нихъ вѣетъ могильнымъ холодомъ, въ нихъ скрывается грубое оскорбленіе самыхъ дорогихъ привязанностей человѣческой природы, самыхъ священныхъ чаяній нашего сердца. И въ обыкновенное время грустно читать убійственные выводы матеріалистовъ, позволяющихъ иногда судить о такихъ предметахъ, которые стоятъ выше ихъ точки зрѣнія; а предъ гробомъ, въ минуты тяжкой боли сердца?... Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ мыслителей, не желающихъ видѣть ничего, кромѣ матеріи, отвергая безсмертіе *лица,* допускаютъ безсмертіе *рода.* Но и это мудрствованіе также пусто и также безотрадно. Какое намъ утѣшеніе отъ общаго или родового безсмертія, котораго мы не будемъ сознавать? Безсмертіе въ томъ только случаѣ и будетъ имѣть для насъ значеніе, когда оно будетъ *личнымъ* достояніемъ каждаго изъ насъ, когда мы за гробомъ будемъ чувствовать продолженіе личнаго своего существованія.

Другіе мыслители, болѣе внимательные къ сущности и стремленіямъ человѣческой природы, объявляютъ, что душа каждаго человѣка въ отдѣльности, какъ существо простое, духовное, не можетъ раздѣляться на части и уничтожаться,—что она жаждетъ безсмертія, стремится къ безконечному. «Не смотря на тысячи доказательствъ нашей смертности, говоритъ одинъ писатель, намъ все думается, что мы не смертны. Когда другіе умираютъ, намъ какъ будто не вѣрится, что и мы когда-нибудь умремъ. Отчего же это? Оттого, что мы въ самомъ дѣлѣ не умремъ. Дѣйствительно, мы безсмертны, мы будемъ жить вѣчно. Разрушится наша храмина, истлѣетъ наше тѣло, но душа не истлѣетъ и не разрушится; ей истлѣть невозможно, въ ней разрушаться нечему: она духъ, она частей не имѣетъ. Оттого-то и при самой смерти естественно намъ думать, что мы не умремъ; вѣдь думаетъ не тѣло смертное, а безсмертная душа». Подобныя увѣренія довольно утѣшительны; съ немалымъ услажденіемъ можно слушать ихъ и читать въ книгахъ. Но такъ ли они сильны при видѣ умер-

шихъ, при невольно возникающихъ сомнѣніяхъ,—это еще вопросъ, и вопросъ очень настоятельный. Вполнѣ ли вы увѣрены, что дѣйствительно существуетъ душа умершаго, когда ничто уже видимо не подтверждаетъ этого, ни взглядъ, ни улыбка, ни даръ слова, ни слеза? и гдѣ она существуетъ? На чемъ основаны ваши убѣжденія и ваши увѣренія?—«На вѣроятностяхъ разума, который имѣетъ достаточно данныхъ для своихъ заключеній»,—отвѣчаютъ. Итакъ мы должны довольствоваться одними, быть можетъ, *вѣроятностями* и *предположеніями,* тогда какъ смерть поражаетъ насъ страшною дѣйствительностью? Тутъ чувствуется необходимость въ личной провѣркѣ этихъ предположеній, или въ высшемъ, Божественномъ подтвержденіи. При видѣ смерти необходимо слово жизни, которое бы могло не только указывать, но и освѣщать страну загробнаго міра. Безъ Іисуса Христа для насъ мрачна каждая могила; безъ Его живого слова никакія соображенія, какъ-бы они ни были основательны, не могутъ окончательно увѣрить насъ въ безсмертіи умершихъ; безъ Его всемощной благодати мы, подобно Марѳѣ и Маріи, безутѣшно должны скорбѣть и плакать объ умирающихъ. Подтвержденіе сихъ мыслей представляетъ намъ Евангельская исторія воскрешенія Лазаря.

Могила, скрывшая тѣло умершаго Лазаря, казалась мрачною для сестеръ его до тѣхъ поръ, пока не явился къ ней Іисусъ Христосъ. Скорбь Марѳы и Маріи о смерти брата была такъ велика, что *многи отъ Іудей приходили къ нимъ, да утѣшатъ ихъ о братѣ* (Іоан. XI, 19). Къ довершенію ихъ скорби служило то, что Спаситель во время столь печальнаго событія, постигшаго домъ Виѳанскихъ друзей Его, отсутствовалъ отъ нихъ и не рѣшился поспѣшить въ Виѳанію, когда возвѣстили Ему о тяжкой болѣзни Лазаря. Взирая на Іисуса Христа, какъ на Спасителя всѣхъ людей, не погрѣшимъ, если въ такомъ поступкѣ Его, кромѣ ближайшихъ, частныхъ цѣлей укажемъ болѣе общую: не хотѣлъ ли Онъ чрезъ это видимо представить, что смерть не только Лазаря, но и всѣхъ потомковъ Адама, можетъ случаться только по причинѣ удаленія человѣческаго рода отъ Бога, какъ-бы въ отсутствіи Его отъ насъ? Скорбная жалоба Марѳы и Маріи: «Господи, если бъ Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ нашъ», въ примѣненіи ко всему человѣчеству, можетъ быть выражена такъ: «Господи, если бъ мы пребыли въ общеніи съ Тобою, насъ не поражала бы смерть. Ты создалъ насъ *въ неистлѣніи,* даровалъ намъ древо жизни; но мы удалились отъ Тебя, и лишенные возможности питаться плодами древа жизни, подвергаемся смерти».

Но благодареніе, вѣчное благодареніе Господу! Въ тѣ минуты, какъ скорбь наша доходитъ до высшей степени, Онъ является на помощь. Всмотримся въ Божественный ликъ Его предъ могилою Лазаря, вслушаемся въ слова Его и вникнемъ въ значеніе чуда, совершеннаго Имъ: тутъ мы найдемъ все то, чего такъ проситъ душа наша во время скорби объ умершихъ.

Въ тяжкомъ горѣ много значитъ живое и сердечное участіе ближнихъ; оно раздѣляетъ и какъ-бы снимаетъ эту тяжесть. Кто жъ лучше могъ знать такое устройство человѣческой природы, какъ не Тотъ, Кто творилъ ее и теперь благоволилъ воспринять на Себя? Видя плачущихъ сестеръ умершаго Лазаря, Христосъ Спаситель, по замѣчанію Евангелиста, *возмутися Самъ и прослезися* (35). Святыя и высоко отрадныя слезы не только для Марѳы и для Маріи, но и для всѣхъ насъ, имѣющихъ несчастіе

оплакивать своихъ мертвецовъ! Онѣ служатъ яснѣйшимъ выраженіемъ души вполнѣ знающей немощь естества нашего и до конца возлюбившей насъ. Мы видимъ здѣсь не холоднаго мыслителя, который безучастно можетъ относиться къ самымъ глубокимъ страданіямъ человѣческаго сердца; нѣтъ! предъ нами Сердцевѣдецъ, благоволившій содѣлаться намъ братомъ и другомъ. Понятна и близка Ему скорбь сестеръ Лазаря; но предъ Его всевидящими взорами не скрыты и слезы всего человѣчества, возмущающагося видомъ смерти. А какой, въ самомъ дѣлѣ, поразительный вопль составляютъ всѣ рыданія и стоны—отъ смерти Авелевой до послѣдней трубы! Слезы, текущія по пречистымъ ланитамъ Іисуса Христа,—это наши слезы, это слезы всего человѣчества! Смотря на нихъ, очевидцы говорили: *вижды, како любляше его* (Лазаря); мы же, при свѣтѣ ученія Христова, можемъ теперь, въ утѣшеніе другъ друга, сказать: «*вижды,* какъ Онъ возлюбилъ человѣческій родъ, подпавшій грѣху и смерти! *вижды,* какъ Онъ снимаетъ съ насъ тяжелый крестъ, истесанный нами въ раю преступленіемъ заповѣди Божіей»! Скорбному сердцу становится легче; если еще не перестаютъ искриться у насъ слезы, то развѣ для бо́льшаго просвѣтлѣнія очесъ сердца:

«Съ души, какъ бремя, скатится,
Сомнѣнье далеко.
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко!»

Первое слово, сказанное Христомъ Спасителемъ плачущей сестрѣ Лазаря, было: *воскреснетъ братъ твой* (23). Съ такою силою непререкаемой истины могъ возвѣщать о воскресеніи умершихъ только Тотъ, Кто пришелъ на землю съ того свѣта возвѣстить намъ *истину* (Іоан. XVIII, 37) и въ то же время имѣетъ власть надъ жизнію и смертію. Важно для скорбной души одно свидѣтельство, вполнѣ достовѣрное, о несомнѣнности загробной жизни. Подобно Васко-де-Гамо и Колумбу, мы плывемъ по жизненному морю къ новой, неизвѣданной странѣ съ нѣкоторою увѣренностью въ ея существованіи; но подобно имъ не можемъ не возмущаться и не колебаться среди вопля житейской суеты и треволненія страстей. Можемъ вообразить, съ какою радостью эти мореплаватели приняли бы дорогую вѣсточку, которая бы долетѣла до нихъ впередъ и заранѣе объявила: «не отчаявайтесь! предметъ вашихъ стремленій не мечта воображенія; онъ существуетъ на самомъ дѣлѣ; скоро вы увидите желанную страну своими глазами и въ избыткѣ радости воскликните: берегъ! берегъ!» Такую вѣсть относительно загробнаго міра сообщилъ всему міру Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *сшедый съ небесе.* Предваряя нашъ личный опытъ, Онъ непререкаемо увѣрилъ насъ, что смерть не прекращаетъ нашего существованія, что мы воскреснемъ для новой жизни въ новой странѣ. Это увѣреніе тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на насъ, чѣмъ болѣе небесный Вѣстникъ щадитъ наши колебанія и смущенія, очень естественныя въ нашемъ положеніи.

Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте, говоритъ намъ Спаситель, усугубляя Свои увѣренія. *Въ дому Отца Моего, обители многи сутъ* (Іоан. XIV, 1). *Аминь, аминь, глаголю вамъ: яко слушаяй словесе Моего и вѣруяй Пославшему Мя имать животъ вѣчный: и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ* (V, 24).

Сѣнь смертная такъ страшна сама по себѣ, что вступающему въ нее какъ будто мало однихъ *словесныхъ* увѣреній; онъ жаждетъ увѣреній въ своемъ вос-

кресеніи *фактическихъ*, столь же дѣйствительныхъ, какъ самая смерть. И нашъ Божественный Вѣстникъ воскресенія, какъ начальникъ жизни и смерти, имѣющій ключи неба и ада, могъ представить и такія увѣренія. Возвѣстивъ, что Лазарь непремѣнно воскреснетъ, Іисусъ Христосъ въ то же время указалъ на Себя, какъ на живой и дѣйствительный источникъ воскресенія мертвыхъ: *Азъ есмь воскрешеніе и животъ: вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ* (XI, 25). Вслѣдъ за симъ Христосъ воскрешаетъ Лазаря и чрезъ то подтверждаетъ мысль, что Онъ дѣйствительно не только достовѣрный свидѣтель будущаго воскресенія, но самый Даровательего всѣмъ вѣрующимъ. Только люди ожесточенные, или сожженные совѣстію не убѣдились этимъ чудомъ, столь ясно доказывающимъ Божественную власть Христа Спасителя. Но въ комъ хоть сколько-нибудь было искренности и здраваго смысла, тѣ всѣ одинаково поняли значеніе этого чуда: *мнози отъ Іудей пришедшіи къ Маріи, и видѣвше, яже сотвори Іисусъ, вѣроваша въ Него* (45). Тѣмъ болѣе должны вѣровать въ Христа Спасителя и признавать Его виновникомъ нашего воскресенія—мы, знающіе болѣе поразительное чудо, нежели воскрешеніе Лазаря. На зарѣ одного дня, лучшаго изъ всѣхъ со времени грѣхопаденія человѣка, камень отваленъ былъ отъ гроба, изъ коего, какъ изъ чертога, вышелъ Побѣдитель смерти, Христосъ Богъ нашъ. Возможны ли болѣе дѣйствительныя доказательства, что воскресившій Лазаря и послѣ Самъ воскресшій отъ гроба силою Своего Божества есть *воскрешеніе и животъ* всего человѣчества? Тутъ фактъ историческій, неопровержимый; на него стоитъ только указать, чтобы видѣть несомнѣнность нашего воскресенія, какъ необходимое слѣдствіе. Такъ дѣйствительно и указываетъ на него святый Апостолъ Павелъ въ утѣшеніе наше, чтобы мы не скорбѣли, *якоже и прочіи не имущіи упованія. Аще бо вѣруемъ*, говоритъ онъ, *яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Солунян. IV, 14). *Аще Христосъ проповѣдуется яко изъ мертвыхъ воста, како глаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресеніе мертвыхъ нѣсть* (1 Коринѳ. XV, 12)? Смерть и воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа имѣютъ тѣснѣйшую связь съ нашею смертью и съ нашимъ воскресеніемъ. Безъ нашей смерти Господу не было бы нужды умирать; безъ Его смерти и воскресенія мы навсегда остались бы мертвыми. Но послѣ воскресенія Христова наше воскресеніе необходимо; Господь умеръ и воскресъ для насъ, для нашего воскресенія.

Для истинно вѣрующихъ и живущихъ по вѣрѣ эта истина понятна не столько въ теоріи, сколько въ самой жизни. Животворная сила воскресенія Христова обнаруживаетъ себя и въ силѣ религіозныхъ убѣжденій и въ твердости нравственныхъ правилъ, какими бываютъ проникнуты люди, *совершенно уповающіе* на Христа Спасителя и *вкусившіе силы грядущаго вѣка* (Евреям. VI, 5). Это—опять фактическое подтвержденіе истины воскресенія мертвыхъ, заявленное въ церковной исторіи цѣлымъ облакомъ свидѣтелей и не престающее повторяться предъ нашими глазами. Взгляните на истинно вѣрующихъ христіанъ въ послѣднія минуты жизни. О, съ какимъ умиленіемъ лобызаютъ они, сладостныя слова Евангелія и прижимаютъ къ своимъ персямъ святой крестъ Господень—знаменіе нашего искупленія! Съ какимъ благоговѣніемъ принимаютъ залогъ безсмертія—святѣйшее таинство Тѣла и Крови Христовыхъ! Не смущайтесь видомъ слезъ, обильно текущихъ

по ихъ ланитамъ; это—выраженіе притрепетныхъ чувствъ, столь естественныхъ при вступленіи въ новую страну жизни, къ сонму святыхъ Ангеловъ и праведныхъ душъ, и къ Судіи всѣхъ Богу. Кто изъ насъ не пожелаетъ лучше плакать такими слезами при видѣ умершихъ и предъ собственною своею кончиною, чтобы только ощущать въ себѣ внутреннее утѣшеніе и радость, нежели оставаться съ холоднымъ равнодушіемъ, но безъ всякой отрады и успокоенія за вѣчную свою участь? (Духовн. Бес. 1862 г., т. XV, стр. 305—315.)

О скорби и слезахъ Іисуса Христа предъ воскрешеніемъ Лазаря (Іоан. XI, 33—35).

(*Св. Василія Великаго.*)

О томъ, что Господь плакалъ о Лазарѣ и о городѣ, можемъ сказать, что Онъ и вкушалъ и пилъ, не Самъ имѣя въ томъ нужду, но тебѣ оставляя мѣру и предѣлъ необходимыхъ ощущеній души. Такъ Онъ и плакалъ, чтобы исправить излишнюю чувствительность и малодушіе склонныхъ къ сѣтованію и слезамъ. Ибо какъ все прочее, такъ и плачъ требуетъ соразмѣрности съ разумомъ касательно того, о комъ, сколько, когда и какъ должно проливать слезы. А что слезы Господни пролиты не по страстному движенію, а для нашего наученія, сіе видно изъ сказаннаго: *Лазарь, другъ нашъ, успе: но иду, да возбужу его* (Іоан. XI, 11). Кто изъ насъ оплакиваетъ уснувшаго друга, о которомъ надѣется, что онъ въ скоромъ времени пробудится отъ сна? *Лазаре, гряди вонъ* (43), и мертвый ожилъ, связанный сталъ ходить. Чудо въ самомъ дѣлѣ имѣть ноги связанными погребальными пеленами и не встрѣчать въ томъ препятствія къ движенію! Здѣсь укрѣпляющее было сильнѣе препятствующаго. Почему же, намѣреваясь совершить это, призналъ настоящій случай достойнымъ слезъ? Не явно ли, что, во всемъ поддерживая нашу немощь, въ нѣкоторую мѣру и предѣлы заключилъ необходимыя страстныя движенія, предотвращая несострадательность, потому что это звѣронравно, и не дозволяя предаваться скорби и проливать много слезъ, потому что это малодушно? Посему, проливъ слезы надъ другомъ, и Самъ показалъ общительность человѣческой природы и насъ освободилъ отъ излишествъ въ томъ и другомъ, вразумивъ, чтобы мы и не разслабѣвали въ страстныхъ движеніяхъ, и не съ безчувственностью скорби встрѣчали. Какъ Господь въ Себѣ давалъ мѣсто алканію, по разложеніи въ Немъ твердой пищи, допускалъ въ Себѣ жажду, по истребленіи въ тѣлѣ влажности, и утруждался отъ чрезмѣрнаго напряженія мышцъ и жилъ во время путешествія, между тѣмъ не Божество утомлялось трудомъ, но тѣло принимало въ себя естественно слѣдующія одна за другою перемѣны; такъ допустилъ и слезы, дозволивъ произойти естественной для плоти перемѣнѣ (Тв. св. оо., т. VIII. Тв. Василія Великаго, ч. IV, стр. 54—56).

Архіепископа Иннокентія.

Ст. 33—35. *Іисусъ убо, яко видѣ ю плачущуся и пришедшыя съ нею Іудеи плачущя, запрети духу, и возмутися Самъ. И рече: гдѣ положисте его? Глаголаша Ему: Господи! приди и виждь. Прослезися Іисусъ.* Слово Греческое ἐνεβριμήσατο означаетъ возмущеніе какъ отъ печали, такъ равно и отъ неудовольствія. Въ Іисусѣ Христѣ могло родиться много *печальныхъ и непріятныхъ чувствованій,* хотя Онъ и былъ увѣренъ въ Своемъ могуществѣ. *Печальныхъ:* ибо другъ

Его былъ мертвъ; сестры его рыдаютъ неутѣшно; Іудеи, сопровождающіе ихъ, также плачутъ; при такомъ зрѣлищѣ чувствительному человѣку нельзя не прослезиться: слезы въ такомъ случаѣ текутъ невольно, по естественной симпатіи. *Непріятныхъ:* ибо среди людей, кои должны были вѣрить Ему несомнѣнно, Онъ находитъ невѣрующихъ, кои плачутъ неутѣшно. Даже тайная радость въ Іисусѣ Христѣ, что Онъ скоро отретъ слезы печальныхъ сестеръ, въ смѣшеніи съ печальными чувствами, могла произвесть слезы (см. Быт. XLI, 1—2).

Филарета, архіеп. Черниговскаго.

Ст. 33—35. *Іисусъ убо яко видѣ ю плачущуся и пришедшыя съ нею Іудеи плачущя, запрети духу и возмутися Самъ.* Ἐνεβριμήσατο τῷ πνεύματι καὶ ἐτάραξεν Ἑαυτόν; ἐνεβριμήσατο—или вознегодовалъ, или заскорбѣлъ. Допуская первое значеніе, думали, что Іисусъ не доволенъ былъ или невѣріемъ Іудеевъ (Ѳеодоръ Мопсуестскій, Леонтій), или смущеніемъ души своей (Златоустъ, Аполлинарій, Евѳимій). Но это не оправдывается связью рѣчи. Древніе переводы (Коптскій и Арабскій): «опечалился въ душѣ и возмутился Самъ». Облеченный человѣческою природою со всѣми ея свойствами, за исключеніемъ грѣха, Іисусъ, увидѣвъ Марію плачущую и другихъ плачущихъ, заскорбѣлъ духомъ и возмутился: такова любовь Его къ бѣдному человѣчеству! Спросивъ: «гдѣ положили его»? и выслушавъ отвѣтъ: «Господи! пойди и посмотри», Іисусъ «заплакалъ, и по любви къ умершему и по мысли о грѣхѣ, нанесшемъ столько бѣдъ людямъ. Взглядъ на невѣріе, взглядъ на увеличившійся плачъ при приближеніи ко гробу вызываютъ снова скорбь. «Для чего Евангелистъ тщательно и не разъ замѣчаетъ, что Онъ плакалъ? Для того, чтобы ты зналъ, что Онъ истинно облеченъ былъ нашимъ естествомъ» (Златоустъ). «Опять запрещаетъ чувству, дабы научились мы, что Онъ былъ человѣкъ, безъ измѣненія, какъ мы» (Оригенъ).

Священника Буткевича.

Чего плакалъ Спаситель у гроба Лазаря?—«Іисусъ, когда увидѣлъ плачущую Марію и пришедшихъ съ нею Іудеевъ плачущихъ, говоритъ Евангелистъ, Самъ воскорбѣлъ духомъ и возмутился». Итакъ слезы Христа Евангелистъ поставляетъ въ связь не только съ слезами Маріи, но и съ слезами «пришедшихъ съ нею Іудеевъ». Слѣдовательно Іисусъ «прослезился» не о потерѣ только Лазаря, о чемъ плакала Марія, но и о томъ, о чемъ плакали всѣ окружавшіе Его. Это былъ плачъ не единичный, а всеобщій,—плачъ всего падшаго человѣчества. Это былъ плачъ, выжатый глубокою скорбью не о потерѣ отдѣльнаго человѣка, а о потерѣ всего падшаго человѣчества. Это былъ плачъ предъ тѣмъ могуществомъ, предъ тою силою, которою начала обладать смерть со времени паденія первозданнаго Адама. Іисусъ плакалъ слезами Адама и всего потомства его. Онъ плакалъ, потому что видѣлъ, что и воскрешеніе Лазаря не сотретъ жала смерти, не отыметъ у ада побѣды. Онъ плакалъ потому, что для побѣжденія смерти Ему Самому надлежало опуститься въ самую глубь ея. Слезы, пролитыя въ Виѳаніи, впадаютъ въ одинъ ручей съ слезами, пролитыми въ саду Геѳсиманіи. И ихъ не понять сухому скептическому разсудку Евангельскихъ критиковъ; они понятны только одному сердцу истинно вѣрующаго христіанина. За него онѣ пролиты; ему онѣ и принадлежатъ.

Филарета Черниговскаго по вопросу о томъ, почему первые три Евангелиста не упоминаютъ о воскрешеніи Лазаря.

Оканчивая разсмотрѣніе повѣствованія Іоаннова о воскресеніи Лазаря и послѣдствіяхъ чуда и не находя ни слова объ этомъ великомъ событіи у прочихъ Евангелистовъ, останавливаемся на вопросѣ: почему другіе Евангелисты не говорятъ о воскрешеніи Лазаря? Нѣкоторые (Ольсгаузенъ и др.) думали, что прочіе Евангелисты умолчали объ этомъ событіи изъ опасенія возбудить ненависть синедріона противъ Лазаря и его сестеръ. Но по воскресеніи Христа Іисуса всѣ ученики Его, въ томъ числѣ и Лазарь, уже не боялись открыто свидѣтельствовать о дѣлахъ Христа Іисуса, и синедріонъ, при множествѣ свидѣтелей Виѳанскаго чуда, вписавшихся въ число учениковъ Іисуса, конечно увѣрился, что прежнее рѣшеніе его о Лазарѣ очень неудобно приводить въ исполненіе. Иные (Кинель) говорятъ, что три Евангелиста сочли излишнею исторію воскрешенія Лазаря, послѣ того, какъ разсказали о воскрешеніи дочери Іаировой (Матѳ. IX, 18. Марк. V, 22. Лук. VIII, 41) и юноши Наинскаго (Лук. VII, 11). Правда, неумно настаивать на томъ, что при выборѣ происшествій для своей исторіи Евангелисты не были осмотрительны, не остерегались излишества. Но такъ какъ они же разсказываютъ о множествѣ случаевъ исцѣленія больныхъ; то видно, что кромѣ опасенія излишествъ у нихъ была еще въ виду особая мысль, располагавшая повѣствованіемъ ихъ. Что это была за мысль? Три Евангелиста, какъ видно по содержанію Евангелій, занимались событіями, происходившими за предѣлами Іудеи, и только съ исторіи страданій Спасителя переходятъ они въ Іудею, разсказывая, какъ введеніе въ исторію страданій входъ Іисуса въ Іерусалимъ. Вотъ отчего у нихъ нѣтъ исторіи воскрешенія Лазаря (Ученіе Евангелиста Іоанна о Словѣ, стр. 220).

Пророченіе Каіафы (Іоан. XI, 47—51).

Слухъ о воскрешеніи Іисусомъ Христомъ Лазаря, въ присутствіи многочисленнаго народа, поразилъ ужасомъ членовъ Іудейскаго синедріона; отъ страха и смущенія они не знали, на что рѣшиться и что предпринять. «*Видите,* говорили они одинъ другому: *яко никаяже польза есть* (отъ мѣръ предпринятыхъ доселѣ): *се міръ по Немъ идетъ* (Іоан. XII, 19). Нашимъ свидѣтельствамъ о пренебреженіи Имъ закона Моусеева, о нарушеніи субботы и неуваженіи къ храму не внимаютъ; нашимъ увѣреніямъ о сообщеніи Его съ веельзевуломъ, силою котораго Онъ творитъ чудеса, никто не хочетъ вѣрить. Народъ слушаетъ не насъ, истинныхъ вождей и блюстителей закона, но Его, пророка изъ Галилеи! Между тѣмъ, такое состояніе людей опасно, и не должно продолжаться. Римляне, владыки Іудеи, могутъ узнать, что толпы народа слѣдуютъ за Іисусомъ, могутъ счесть это за возмущеніе и обратить въ предлогъ и къ разоренію храма, и къ уничтоженію политическаго бытія нашего народа. И такъ, что же предпринять въ этихъ обстоятельствахъ? *Что сотворимъ?* (Іоан. XI, 47.)

Какою злобою и ненавистью ко Христу ни дышали члены синедріона, однако, вдали отъ слуха народнаго, среди тайныхъ совѣщаній своихъ, они не скрывали отъ себя и не имѣли безстыдства отрицать чудодѣйственную силу Его: *что сотворимъ,* говорили они, *яко Человѣкъ Сей многа знаменія творитъ* (Іоан. XI, 47), то есть они почти увѣрены въ истинѣ и святости

служенія Іисусъ Христова, видѣли, хотя и неохотно, что съ Нимъ пребываетъ Богъ, и однакоже, чѣмъ оканчиваютъ свое совѣщаніе! *Единъ же нѣкто отъ нихъ Каіафа, архіерей сый лѣту тому, рече имъ: вы не вѣсте ничесоже, ни помышляете, яко уне есть намъ, да единъ человѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ* (Іоан. XI, 49—50).

Каіафа полагаетъ, такимъ образомъ, сущность дѣла внѣ всякаго вопроса, и даже укоряетъ сочленовъ своихъ въ колебаніи и рѣшимости. Сопоставлять съ угрожающею отъ Римлянъ опасностью невинность Господа, Его святую жизнь, чудеса, даже страхъ суда Божія за пролитіе невинной крови праведника, по его мнѣнію, есть крайнее неразуміе и недальновидность. Какъ же поступить? Надобно, чтобы Іисусъ Христосъ палъ жертвою за спасеніе народа! Но если Онъ пророкъ и посланникъ Божій, если Онъ такъ давно и пламенно ожидаемый Мессія, то ужели Онъ долженъ погибнуть, ужели и Имъ должно пожертвовать? Не скорѣе ли должно бояться Бога, нежели Римлянъ? Не должно ли ожидать, что Онъ не укоснитъ отмщеніемъ за пролитіе невинной крови Праведника, Котораго чудеса нельзя отрицать? Но эти причины, по мнѣнію Каіафы, второстепенны, даже, можетъ быть, менѣе еще. Онѣ основываются на духовныхъ началахъ, на совѣстливости и страхѣ Божіемъ; а люди съ такимъ образомъ мыслей, какъ Каіафа, не отступаютъ предъ ними; поэтому надобно, чтобы Іисусъ Христосъ умеръ. Пророкъ ли Онъ, или не пророкъ, Мессія ли, или не Мессія, Сынъ ли Божій, или нѣтъ,— это все равно; надобно только отклонить опасность отъ Римлянъ, а страхъ суда Божія за пролитіе крови Праведника не надобно принимать въ расчетъ. Всѣ члены синедріона, какъ извѣстно, согласились съ этимъ мнѣніемъ первосвященника, и Іисусъ Христосъ осужденъ на смерть!

Но въ то время, какъ князи людстіи совѣщавали такимъ образомъ *злое на Господа и на Христа Его* (Псал. II, 2), Господь, по предреченію пророка, *посмѣвался* (3) сей *церкви лукавнующихъ*, а злобные замыслы ихъ обращалъ къ выполненію святыхъ цѣлей Своего промышленія. Тѣ, которые такъ нагло считали себя теперь распорядителями жизни Господа, на самомъ дѣлѣ были не иное что, какъ дерзкіе рабы, за лукавыми замыслами которыхъ Онъ Самъ наблюдалъ, не дозволяя выйти имъ изъ извѣстныхъ и Имъ отъ вѣка предначертанныхъ границъ. Хотя устами Каіафы двигала очевидно злоба и холодная жестокость, однако языкъ первосвященника, невѣдомо для него самого, вѣщалъ въ ту минуту всему міру, какъ-бы по вдохновенію, предстоящее совершеніе одной изъ величайшихъ Божіихъ тайнъ. *Сего же о себе не рече,* говоритъ Евангелистъ, *но архіерей сый лѣту тому пророче, яко хотяше Іисусъ умрети за люди* (Іоан. XI, 51). Каіафа произнесъ это опредѣленіе по осѣненію свыше, какъ нѣкогда Валаамъ, и вслѣдствіе наитія дара пророчества, который, происходя отъ Бога, по тому самому не заключалъ въ себѣ ничего злого и преступнаго; только страсти, обладавшія первосвященникомъ, истолковавъ это откровеніе по своему, потемнили и исказили въ душѣ его истинный смыслъ пророчества. Богъ открылъ Каіафѣ, что смерть Іисуса Христа будетъ спасительна для всѣхъ, но это откровеніе, какъ не внушало, такъ и не обязывало его стремиться къ погубленію Праведника, не смотря на Его невинность и чудеса: все это Каіафа привнесъ отъ *злаго со-*

кровища сердца своего (Лук. VI, 45), потому что для сердца испорченнаго нѣтъ ничего легче, какъ злоупотреблять самыми святыми истинами, обращать ихъ въ орудіе страстей своихъ, искажать и извращать ихъ смыслъ прибавками и объясненіями по прихоти преобладающей страсти. Посему ничего нѣтъ необходимѣе для истиннаго христіанина, какъ молиться къ Отцу свѣтовъ, чтобы Онъ не допускалъ страстямъ потемнять въ насъ разумѣніе воли Его, всегда *благой и совершенной* (Римлян. XII, 2), и превращать этотъ, сіяющій въ насъ свѣтъ, во тьму и ослѣпленіе, къ вящшему осужденію нашему. *Блюди,* остерегаетъ насъ слово Божіе, *еда свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть* (Лук. XI, 35)! (Воскр. Чт., г. XXII, стр. 574—576.)

Распоряженіе синедріона объ открытіи убѣжища Іисусова. Удаленіе Господа въ Ефраимъ (Іоан. XI, 54—57).

Между тѣмъ Іисусъ Христосъ уже не ходилъ между Іудеями открыто. Изъ Виѳаніи Онъ пошелъ въ небольшой городокъ Ефраимъ, лежавшій близъ пустыни, неподалеку отъ Іерихона, и тамъ укрывался съ Своими учениками.

Пасха была близко. Многіе изъ окрестностей пустыни Іерихонской пришли уже въ Іерусалимъ, чтобы приготовиться къ достойному празднованію Пасхи. Стали искать Іисуса; разговоры о Немъ не умолкали и во храмѣ; спрашивали другъ друга: «какъ вы думаете? не придетъ ли Онъ на праздникъ?»

Между тѣмъ отъ членовъ синедріона уже отдано было повелѣніе объявить, если кто узнаетъ, гдѣ Онъ,—чтобы взять Его.

Библіографическій указатель къ XI гл. Ев. Іоанна.

1) *Св. Андрея Критскаго.* Бесѣда на четырехдневнаго Лазаря. Христ. Чт. 1826 г. XXII. 5—39.

2) *Св. Ефрема Сирина.* Воскрешеніе Лазаря, какъ удостовѣреніе въ общемъ всѣхъ воскресеніи. Тв. св. Ефрема Сир., ч. VI. 109—11. Тв. св. оо., т. XVIII. М. 1851 г.

3) *Евсевія, архіепископа Могилевскаго.* Бесѣда въ субботу святаго и праведнаго Лазаря (1—45). Бес. на воскр. и праздн. Ев., ч. II. 418.

4) Ст. 11. *Филарета, митроп. Московскаго.* Почему смерть называется успеніемъ. V. 132—134.

5) Ст. 11. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О томъ, что Господь любитъ Своихъ друзей, но любовь сія не дѣлаетъ ихъ неприкосновенными ни для какой скорби и искушенія. III. 265—268.

6) *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О воскрешеніи Лазаря (изъ богословскихъ лекцій). Стран. 1868 г. IX. 1—8.

7) Ст. 25. Благоговѣйныя размышленія христіанина на каждый день мѣсяца. Духовн. Бес. 1875 г., т. I. 249—250.

8) Ст. 26. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Праведный человѣкъ не умираетъ, а переходитъ отъ смерти въ животъ. III. 536—554.

9) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія. Воскресеніе умершихъ. Душеп. Чт. 1881 г. I. 96—102.

10) Ст. 35. Слезы Іисуса Христа при гробѣ Лазаря. Христ. Чт. 1832 г., ч. 45. 340—353.

11) Мысли *епископа Ѳеофана* на ст. 43 и 47. Мысли на каждый день. 99. 153.

Путешествіе Господа изъ Ефраима черезъ Іерихонъ въ Іерусалимъ на послѣднюю, во время Его общественнаго служенія, Пасху.

На пути въ Іерусалимъ Іисусъ Христосъ говоритъ ученикамъ Своимъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ, смерти и воскресеніи (Марк. X, 32—34. Лук. XVIII, 31—34. Матѳ. XX, 17—19).

Въ Евангеліи (Марк. X, 32—45 и парал.) говорится о путешествіи Іисуса Христа съ 12 Апостолами въ Іерусалимъ предъ праздникомъ Пасхи. «Когда были они на пути, восходя въ Іерусалимъ,—Іисусъ шелъ впереди ихъ, а они ужасались, и, слѣдуя за Нимъ, были въ страхѣ. Подозвавъ двѣнадцать, Онъ опять началъ имъ говорить о томъ, что будетъ съ Нимъ. «Вотъ мы восходимъ въ Іерусалимъ, и Сынъ Человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и книжникамъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его язычникамъ, и поругаются надъ Нимъ, и будутъ бить Его, и оплюютъ Его, и убьютъ Его; а въ третій день воскреснетъ!» —Какъ показываетъ Евангельская исторія, эта истина не безызвѣстна была уже Апостоламъ. Спаситель неоднократно говорилъ имъ объ отличіи Своего Царства отъ обыкновеннаго царства земного и не разъ напоминалъ имъ, что Сыну Человѣческому подобаетъ пострадати и убіену быти и въ третій день воскреснути (Марк. VIII, 31; IX, 31). Но ученики или *ужасахуся о словесѣхъ Его,* или же съ недоумѣніемъ замѣчали: *Господи, не имать быти Тебѣ сіе.* Такъ какъ теперь уже приближалось время исполненія этого предсказанія, то Спаситель благоволилъ еще разъ возвѣстить ученикамъ о томъ, что̀ случится съ Нимъ,—возвѣстить для того, чтобы они не подумали, при видѣ страданій и смерти своего Господа, что это случилось нечаянно, и не предались бы такимъ образомъ неутѣшной скорби и отчаянію. Но души Апостоловъ, еще неочищенныя благодатію Духа Святаго, по прежнему не поняли надлежащимъ образомъ словъ своего Учителя.

Мысли еп. Ѳеофана на ст. 34, XVIII гл. Луки.

Господь сказалъ ученикамъ о страданіи Своемъ, но они ничего не уразумѣли изъ сказаннаго: *и бѣ глаголъ сей сокровенъ отъ нихъ.* А послѣ *не судили, что вѣдѣти вѣрующимъ, точію Іисуса Христа, и Сего распята.* Не пришло время, они ничего не понимали въ тайнѣ сей; а пришло оно,—поняли и всѣмъ преподали и разъяснили. Это и со всѣми бываетъ, да не въ отношеніи только къ сей тайнѣ, но и ко всякой другой. Непонятное въ началѣ современемъ становится понятнымъ; словно лучъ свѣта входитъ въ сознаніе и уясняетъ то, что̀ было прежде темнымъ. Кто жъ это разъясняетъ? Самъ Господь, благодать Духа,

живущая въ вѣрующихъ, Ангелъ-хранитель,—только ужъ никакъ не самъ человѣкъ. Онъ тутъ пріемникъ, а не производитель. При всемъ томъ, иное остается непонятнымъ на цѣлую жизнь, и не для частныхъ только лицъ, но и для всего человѣчества. Человѣкъ окруженъ непонятностями: иныя разъясняются ему въ теченіи жизни, а иныя оставляются до другой жизни; тамъ узрится. И это даже для Богопросвѣщенныхъ умовъ. Отчего же не открывается теперь? Оттого, что иное невмѣстимо,—стало быть, нечего и говорить о немъ; иное не сказывается по врачебнымъ цѣлямъ, т. е. было бы вредно знать преждевременно. Въ другой жизни многое разъяснится, но откроются другіе предметы и другія тайны. Сотворенному уму никогда не избыть тайнъ непостижимыхъ. Умъ бунтуетъ противъ этихъ узъ; но бунтуй не бунтуй, а узъ таинственности не разорвешь. Смирись же, гордый умъ, подъ крѣпкую руку Божію, и вѣруй! (Мысли на каждый день года, стр. 430.)

Отвѣтъ на просьбу сыновей Зеведеевыхъ (Матѳ. XX, 20—28. Марк. X, 35—45).

Два сына Зеведеева, Іаковъ и Іоаннъ, коихъ Господь удостоилъ быть свидѣтелями Своего славнаго преображенія, начали предаваться честолюбивымъ помысламъ. Думая вѣроятно, что Іисусъ Христосъ шелъ въ Іерусалимъ для устроенія земнаго царства, они стали просить Его, чтобъ Онъ позволилъ имъ сѣсть одному одесную, а другому ошую Себя. Евангелистъ Матѳей замѣчаетъ даже, что вмѣстѣ съ ними ходатайствовала объ этомъ предъ Спасителемъ и мать ихъ (XX, 20). *Не вѣста, чесо просита,* отвѣчаетъ имъ Спаситель. «Вы думаете, что Царство Мое земное, и престолы, о коихъ Я говорилъ, суть престолы мірскіе; но Царство Мое не отъ міра сего, и престолъ Мой небесный. Вы хотите предсѣдательствовать въ Моемъ Царствѣ; но прежде испытайте себя: рѣшитесь ли вы умереть крестною смертію, какъ Я? Въ состояніи ли вы столько страдать, сколько Я буду страдать? При томъ же, это первенство дается не по дружбѣ или лицепріятію, но по истиннымъ заслугамъ: оно будетъ дано тѣмъ, «*имже уготовася отъ Отца Моего*» (Матѳ. XX, 23).—Когда услышали о желаніи сыновъ Зеведеевыхъ прочіе Апостолы, то выразили свое неудовольствіе противъ Іакова и Іоанна: *и начаша,* сказано, *негодовати;* т. е. обнаружили духъ превозношенія и зависти. И вотъ Спаситель подзываетъ прочихъ учениковъ къ Себѣ и говоритъ: «кто хочетъ быть между вами бо́льшимъ, тотъ долженъ сдѣлаться слугою другихъ; и кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабъ. Примѣръ вы должны брать съ Меня, Который не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить другимъ и дать душу Свою для искупленія многихъ». — Эти слова, обращенныя ко всѣмъ Апостоламъ, ясно показывали, что смиренномудріе и любовь суть добродѣтели, неразлучныя и необходимыя для желающаго быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ. Кто истинно любитъ ближняго, тотъ старается уступить другому первенство; а напротивъ—кто ищетъ первенства, въ томъ нѣтъ любви къ ближнему (Воскр. Чт., гл. XXV, стр. 1253—1255).

Св. Василія Великаго на сказанное въ 23 ст. XX гл. Матѳея: нѣсть Мое дати, но имже уготовася.

Если Сынъ не Господь суда, чтобы однихъ облагодѣтельствовать, а другихъ наказать; то какъ же Онъ гово-

ритъ: *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 22)? И въ другомъ мѣстѣ: *власть имать Сынъ Человѣческій отпущати на земли грѣхи* (Марк. II, 10)? И еще: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXVIII, 18). А Петру сказалъ: *дамъ ти ключи Царства Небеснаго* (Матѳ. XVI, 19), и ученикамъ: *аминь глаголю вамъ, вы шедшіи по Мнѣ, въ пакибытіе, сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обьманадесяте колѣнома Израилевома* (Матѳ. XIX, 28). Поэтому вопросъ рѣшается на основаніи самого Писанія, потому что и Спаситель сказалъ: *и тогда воздастъ комуждо по дѣяніемъ его* (Матѳ. XVI, 27), и въ другомъ мѣстѣ: *изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда* (Іоан. V, 29); а также и Апостолъ: *всѣмъ бо намъ явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2 Коринѳ. V, 10). Посему отъ пріемлющихъ зависитъ содѣлать себя достойными сѣдѣнія одесную, или ошую Господа, а не отъ Того, Кто можетъ дать сіе, хотя бы и несправедливо было прошеніе (Тв. св. оо., т. VII. Тв. Василія Великаго, ч. III, стр. 177).

О томъ же св. Исидора Пелусіота.

Господь отрекается исполнить просьбу матери сыновъ Зеведеевыхъ не потому, что исполненіе было невозможно (для Него возможно все, чего Онъ восхощетъ); напротивъ того отвергаетъ, потому что исполненіе было неприлично. *Рцы,* говоритъ она, *да сядета сія оба сына моя, единъ одесную Тебе, а единъ ошую Тебе во Царствіи Твоемъ* (Матѳ. XX, 21). Правдивый же Мздовоздаятель объясняющимъ нѣсколько дѣло отвѣтомъ уцѣломудриваетъ просившую неприличнаго. *Нѣсть Мое дати* просящимъ просто, а не воздать въ награду трудящимся. Ибо несвойственно правдивому Судіи презрѣть проливающихъ потъ и наградить лѣнивыхъ. Посему, если желаютъ сего сѣдѣнія, то не неизвѣстны имъ подвиги, въ награду за которые оно уготовано подвизавшимся законно (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. I, стр. 92).

О просьбѣ сыновей Зеведея (Марк. X, 37—38).

(*Филарета, митроп. Московскаго.*)

Она же рѣста Ему: даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошую Тебе, сядева во славѣ Твоей. Іисусъ же рече има: не вѣста, чесо просита (Марк. X, 37). Случай, какого не надлежало, повидимому, ожидать, представляется намъ въ сихъ словахъ Евангелія. Лучшіе ученики наилучшаго изъ учителей, предъ самымъ окончаніемъ обученія, оказываются незнающими! Извѣстно, что двѣнадцать учениковъ, иначе называемые Апостолами, избраны Божественнымъ Учителемъ Іисусомъ Христомъ, преимущественно предъ тысящами явныхъ и тайныхъ учениковъ Его. Можно примѣчать, что Іаковъ и Іоаннъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, между самыми двѣнадцатью учениками были особенно избранные; ибо имъ, и кромѣ ихъ одному Петру, оказалъ Онъ ту высокую довѣренность, что допустилъ ихъ быть свидѣтелями Своего славнаго Преображенія на Ѳаворѣ и Своего тяжкаго подвига въ саду Геѳсиманскомъ. Около трехъ лѣтъ сіи счастливые ученики почти неразлучно пребывали съ единственнымъ своимъ Учителемъ, слушая отъ Него глаголы жизни вѣчной. Приближалась минута, когда Онъ скажетъ имъ: *вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (Іоан.

XV, 15). И такіе ученики, и въ такое время, не знаютъ, что̀ говорятъ! *Не вѣста, чесо просита.*

Что̀ же при такомъ просвѣщеніи повергло ихъ въ такое невѣдѣніе?—Желаніе быть выше другихъ, и быть почти равными Тому, Который превыше всего. *Даждь намъ, да единъ одесную Тебе и единъ ошую Тебе, сядева во славѣ Твоей.*

Не уничижимъ сихъ ближайшихъ послѣдователей Христовыхъ за то, что и они претыкались на пути своемъ, когда еще сошествіе Святаго Духа не озарило ихъ свѣтомъ незаходимымъ и не укрѣпило силою непобѣдимою. Но видя, какъ иногда самый *свѣтъ міра* (Матѳ. V, 14) подверженъ былъ затмѣнію, самые *столпы* (Галат. II, 9) Церкви колебались, помыслимъ, какъ нужно намъ бодрствовать надъ собою и непрестанно взывать о свѣтѣ и силѣ къ Отцу свѣтовъ и Господу силъ. *Мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Коринѳ. X, 12).

Апостолъ Павелъ, говоря о грѣхопаденіяхъ и наказаніяхъ Евреевъ, при образованіи изъ нихъ народа Божія подъ руководствомъ Моисея, замѣчаетъ, что *сія вся образи прилучахуся онѣмъ: писана жебыша въ наученіе наше* (1 Коринѳ. X, 11). Подобно сему и объ искушеніяхъ первыхъ послѣдователей Христовыхъ, въ которыя влекла ихъ испорченная въ Адамѣ природа человѣка и въ которыя неисповѣдимый, но всегда премудрый и благій Промыслъ попускалъ имъ впадать въ то время, когда надлежало образоваться изъ нихъ новому народу Божію, можно сказать, что все сіе случилось съ ними, какъ образъ или примѣръ для послѣдующихъ за ними, и описано въ Евангеліи, для наставленія нашего. Такъ, приключеніе Іакова и Іоанна, которые домогались первыхъ мѣстъ предъ Апостолами, научаетъ насъ познавать и отвращать искушеніе, которое заключается *въ желаніи быть выше другихъ.*

Во-первыхъ, сіе желаніе побудило ихъ къ домогательству странному и нимало несообразному съ обстоятельствами, въ которыхъ они находились. *Даждь намъ,* говорили они Іисусу Христу, *даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошую Тебе, сядева во славѣ Твоей.* Но время ли было говорить сіе? Предъ симъ самымъ говорилъ имъ Іисусъ Христосъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ Человѣческій преданъ будетъ архіереомъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть и предадятъ Его языкомъ и поругаются Ему* (Марк. X, 33). И вскорѣ надлежало исполниться сему предсказанію. Какая же несообразность! Онъ идетъ на мѣсто поруганія и смерти; а они хотятъ дѣлить между собою первыя мѣста во славѣ Его. Настаетъ время подвига; а они просятъ вѣнца. Надлежало бы просить вѣры, чтобы не быть ни первыми, ни послѣдними въ оставленіи Господа своего, когда Онъ преданъ будетъ; а они предлагаютъ странное требованіе, быть ближе всѣхъ къ Тому, Котораго вскорѣ оставятъ! Не такія же ли запутанности, въ разныхъ видахъ, представляетъ и нынѣ желаніе превознести себя надъ другими?

Во-вторыхъ, желаніе превозношенія обнаружило въ Іаковѣ и Іоаннѣ тотъ недостатокъ, что они не довольно вникали въ самихъ себя, въ свои способности и въ свое внутреннее состояніе. Ибо въ семъ сокровенно обличаетъ ихъ Господь, когда вопрошаетъ притчею: *можета ли пити чашу, юже Азъ пію, и крещеніемъ, имже Азъ крещаюся, креститися* (Марк. X, 38)? Сія чаша Христова есть та самая, о которой Онъ молился въ саду Геѳсиманскомъ: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXVI,

39); то есть, чаша страданія и смерти. Сіе крещеніе Христово есть крещеніе кровію, проліянною на крестѣ. Слѣдственно вопросъ, предложенный Іакову, вводитъ ихъ въ испытаніе самихъ себя, способны ли они участвовать въ страданіяхъ и крестѣ Христовомъ. И хотя они, совершенно или несовершенно выразумѣвъ сіе, провозгласили себя способными, что̀, повидимому, призналъ и Господь, когда сказалъ имъ: *чашу убо юже Азъ пію, испіета: и крещеніемъ, имже Азъ крещаюся, креститася* (Марк. X, 39); но послѣдующія событія показываютъ, что Господь обѣщалъ имъ только на будущее время даръ участія въ Его страданіяхъ, что̀ и совершилось наконецъ усѣченіемъ Іакова и заточеніемъ Іоанна; въ самое же то время, когда они такъ рѣшительно утверждали, что могутъ пить чашу Христову, они весьма далеки были отъ сей возможности; ибо когда Іисусъ Христосъ предъ сею чашею стоялъ на молитвѣ, они не могли и единаго часа пребыть съ Нимъ въ бдѣніи; а когда Іудеи возложили на Него руки; тогда они вмѣстѣ съ прочими, *оставльше Его, бѣжаша* (Марк. XIV, 50). Таковое незнаніе себя и мѣры своихъ силъ и способностей есть обыкновенный недостатокъ людей, коими обладаетъ желаніе превозношенія.

Въ-третьихъ, желаніе превозношенія, воздѣйствовавъ въ Іаковѣ и Іоаннѣ, сопровождалось нарушеніемъ мира между Апостолами. *И слышавше десять начаша негодовати о Іаковѣ и Іоаннѣ* (Марк. X, 41). Евангельская исторія не изъясняетъ, какого рода было сіе негодованіе: огорчились ли Апостолы неблаговременнымъ стуженіемъ Учителю своему о преимуществахъ во славѣ, когда Онъ приготовлялся и приготовлялъ ихъ ко вступленію въ трудное поприще креста; оскорблялись ли несправедливостью, которая обнаружилась въ томъ, что изъ двѣнадцати, которые равнымъ образомъ оставили все для Іисуса и пребыли съ Нимъ въ напастяхъ Его, и которымъ потому всѣмъ обѣщаны двенадесять престоловъ въ Царствіи Его, двое хотятъ восхитить нѣкую особенную степень славы; или, наконецъ, и въ прочихъ десяти дѣйствовалъ тотъ же духъ превозношенія, такъ какъ нѣкоторые, повидимому, могли представить свои особенныя права на предпочтеніе прочимъ, какъ напримѣръ другой Іаковъ то, что онъ былъ сродникъ Господень по плоти, Андрей то, что онъ первый рѣшился послѣдовать Іисусу (ибо и въ одномъ и томъ же подвигѣ важнѣе подать первый примѣръ, нежели послѣдовать примѣру другихъ),—Петръ то, что онъ первый исповѣдалъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ. Но какъ-бы то ни было, довольно ясно въ наставленіе наше написано въ сей исторіи то, что между Апостолами никогда не видно было взаимнаго негодованія, доколѣ не являлось между ними желаніе первенства; но какъ скоро возникло сіе желаніе, вслѣдъ за нимъ открылось и взаимное негодованіе. Сіе значитъ, что ближайшее порожденіе духа превозношенія и честолюбія есть духъ несогласія и раздора.

Пріимемъ или къ исцѣленію, или къ предохраненію нашему отъ духа честолюбія и тѣ врачевства, которыми врачевалъ оный Врачъ душъ и тѣлесъ въ ученикахъ Своихъ.

Іисусъ, призвавъ ихъ, глагола имъ: вѣсте, яко мнящіися владѣти языки сооодолѣваютъ имъ, и велицыи ихъ обладаютъ ими. Не такожде будетъ въ васъ (Марк. X, 42). Первымъ врачевствомъ противъ духа превозношенія и преобладанія должна быть мысль, что это есть духъ, свойственный язычникамъ. Это ихъ несчастіе, что они плѣняются славою человѣческою, потому

что не знаютъ славы Божіей; усиливаются превознести себя на земли; потому что не имѣютъ упованія взыти на небо.

Но какъ же должны поступать христіане? Божественный Наставникъ нашъ продолжаетъ: *иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга* (43). Желаешь ли превосходства и совершенства? старайся преимущественно и совершенно служить благу ближнихъ. Если ты уже выше другихъ по твоему званію; тѣмъ болѣе старайся служить благу ихъ, чтобы ты не былъ ниже своего званія; но если ты и ниже другихъ; также ревностно старайся служить благу ихъ, и тогда никто здравомыслящій не скажетъ, что ты въ низкомъ состояніи; поелику и высочайшая земная власть, по понятію христіанскому, не иное что̀ есть, какъ *Божій слуга во благое* (Римлян. XIII, 4). (Изъ слова въ недѣлю 5-ю Великаго поста. Т. I, стр. 134—137).

ИЖЕ АЩЕ ХОЩЕТЪ ВЪ ВАСЪ ВЯЩШІЙ БЫТИ, ДА БУДЕТЪ ВАМЪ СЛУГА: И ИЖЕ АЩЕ ХОЩЕТЪ ВЪ ВАСЪ БЫТИ СТАРѢЙ, ДА БУДЕТЪ ВСѢМЪ РАБЪ (Марк. X, 43—44).

Почему? потому что не естественно, чтобы слабое и немощное служило сильному и могущественному, высшее поддерживалось низшимъ. Естественнѣе наоборотъ, чтобы сильное подавало помощь слабому, низшее поддерживалось высшимъ. Не тварь служитъ Творцу; но щедродательная десница Творца подаетъ всѣмъ *и жизнь, и дыханіе, и вся;* твари остается только принимать съ благодарѣніемъ и употреблять во благо всякій даръ, нисходящій свыше отъ Отца свѣтовъ. Самъ Господь славы пришелъ въ міръ, *не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою избавленіе за многихъ.* Искупленнымъ Имъ остается только пользоваться Его благодатію, возмогать Его крѣпостію, укрѣпляться Его силою. Вотъ высочайшій образъ исполненія закона Евангельскаго! Смотрите, какъ точно исполняется законъ сей и въ великомъ мірѣ Божіемъ? Не земля служитъ солнцу, но солнце согрѣваетъ и освѣщаетъ землю, не ожидая воздаянія отъ ней. Не рожденія земли питаютъ ее; но земля питаетъ милліоны тварей, кои возвращаютъ ей только прахъ! Тотъ же законъ долженъ быть во всей силѣ и въ мірѣ нравственномъ, въ которомъ Ангели *сильніи крѣпостію* охотно бываютъ *служебными духами, въ служеніе посылаемыми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе человѣковъ.* Потому-то *мы сильніи* непремѣнно *должны немощи немощныхъ носити и не себѣ угождати* (Воскр. чт., г. VI, стр. 440).

О предсказаніи Господа нашего Іисуса Христа о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, и объ исцѣленіи Іерихонскаго слѣпца по Евангелисту Лукѣ (XVIII, 31—44).

(Св. Григорія Двоеслова.)

Искупитель нашъ, предвидя, что души учениковъ возмутятся отъ страданій Его, задолго предсказываетъ имъ, какъ о страданіи Своемъ, такъ и о славѣ воскресенія Своего, для того, чтобы они, когда увидятъ Его по предсказанію умирающимъ, не сомнѣвались и въ томъ, что Онъ воскреснетъ. Но какъ ученики, еще плотяные, никакъ не могли понять словъ тайны; то Онъ приступаетъ къ совершенію чуда. Предъ ихъ глазами слѣпецъ получаетъ прозрѣніе для того, чтобы небесныя дѣла укрѣпили въ вѣрѣ тѣхъ, которые не понимали словъ небесной тайны. Но чудеса Господа и Спасителя нашего надобно понимать такъ, чтобъ и въ истину событій ихъ вѣровать, и, сверхъ того, разумѣть, что онѣ внушаютъ намъ

нѣчто особенное своимъ значеніемъ. Ибо дѣла Его могуществомъ указываютъ на одно, а таинственностью говорятъ о другомъ. Вотъ по исторіи мы не знаемъ, кто былъ этотъ слѣпецъ, но знаемъ кого онъ таинственно представляетъ. Слѣпецъ есть родъ человѣческій, который, въ лицѣ прародителя, бывъ изгнанъ изъ рая сладости, не имѣя понятія о ясности свѣта вышняго, страдаетъ во тьмѣ своего осужденія; но явленіемъ Искупителя просвѣщается до того, что начинаетъ видѣть и желать радости внутренняго свѣта и на пути къ жизни обращается къ доброй дѣятельности.

Замѣчательно, что слѣпецъ, по сказанію, получаетъ прозрѣніе тогда, когда Іисусъ приближался къ Іерихону. Ибо Іерихонъ означаетъ луну, а луна на священномъ языкѣ служитъ образомъ немощей плоти; потому что, когда она въ мѣсячномъ своемъ теченіи убываетъ, тогда служитъ образомъ нашей смерти. Итакъ, когда Спаситель нашъ приближается къ Іерихону, тогда слѣпецъ получаетъ прозрѣніе; это значитъ, что когда Божество пріемлетъ на Себя немощь нашей плоти, тогда родъ человѣческій воспріемлетъ потерянный имъ свѣтъ. Ибо по скольку Богъ терпитъ человѣческое, по стольку человѣкъ получаетъ силы къ Божественному. Этотъ слѣпецъ, по Писанію, сидѣлъ именно при пути и просилъ милостыню; а сама Истина говоритъ: *Азъ есмь путь* (Іоан. XIV, 6). Итакъ тотъ слѣпецъ, кто не имѣетъ понятія о ясности свѣта вѣчнаго; но если онъ уже вѣруетъ въ Искупителя, то сидитъ при пути; если же вѣруетъ, но не хочетъ просить о дарованіи ему свѣта вѣчнаго и не молится, то онъ слѣпецъ, хотя и сидящій при пути, но не просящій милостыни. А если кто и увѣровалъ, и позналъ слѣпоту души своей, и молится о дарованіи ему свѣта истины, то онъ—слѣпецъ, сидящій при пути и просящій милостыни. Итакъ, кто сознаетъ мракъ слѣпоты своей, кто имѣетъ понятіе о томъ свѣтѣ вѣчности, котораго нѣтъ у него, тотъ сердечно вопіетъ и умиленно взываетъ: *Іисусе, Сыне Давидовъ, помилуй мя.* Но послушаемъ, что слѣдуетъ за воплями слѣпца. *И предыдущіи прещаху ему, да молчитъ.*

Что же значатъ эти *предыдущіи* грядущему Іисусу, если не шумъ плотскихъ пожеланій и мятежъ пороковъ, которые, до приближенія къ нашей душѣ Іисуса, разсѣеваютъ умъ нашъ своими искушеніями и на молитвѣ останавливаютъ сердечные вопли? Ибо часто, когда мы, послѣ содѣянныхъ грѣховъ, желаемъ обратиться къ Господу, когда усиливаемся вымолить у Него прощеніе въ этихъ самыхъ, содѣянныхъ нами, грѣхахъ; тогда приближаются къ душѣ образы содѣянныхъ преступленій, притупляютъ остроту нашего ума, духъ приводятъ въ смятеніе и не даютъ простора голосу нашей молитвы.—*Итакъ предыдущіи прещаху ему, да молчитъ;* потому что прежде, нежели Іисусъ приблизится къ душѣ, преступленія, содѣянныя нами, отпечатлѣваясь въ нашемъ воображеніи своими образами, смущаютъ насъ во время самой молитвы.

Но послушаемъ, что сдѣлалъ напереворъ этому тотъ слѣпецъ, который желалъ прозрѣнія. Сказано: *онъ же паче множае вопіяше: Сыне Давидовъ, помилуй мя.* Вотъ болѣе и болѣе вопіетъ тотъ, кого толпа заставляетъ молчать; такъ, чѣмъ болѣе стѣсняетъ насъ тягостный шумъ плотскихъ помысловъ, тѣмъ пламеннѣе и настойчивѣе мы должны быть въ молитвѣ. Этотъ шумъ препятствуетъ намъ вопіять, такъ какъ и на молитвѣ большею частью мы страдаемъ отъ воображенія грѣховъ нашихъ.

Но именно, тѣмъ громче надобно возвышать голосъ сердца, чѣмъ сильнѣе встрѣчаетъ, онъ препятствія, доколѣ онъ не превыситъ шума нетерпимыхъ помысловъ и своимъ напряженіемъ и неотступностью достигнетъ святого слуха Господня.

Но когда мы въ своей молитвѣ дѣлаемъ напряженіе, тогда въ умѣ напечатлѣваемъ образъ мимоходящаго Іисуса. Поэтому въ Евангеліи далѣе сказано: *ставъ же Іисусъ, повелѣ привести его къ Себѣ*.—Вотъ останавливается Тотъ, Кто прежде проходилъ мимо; такъ, когда мы во время молитвы слышимъ еще шумъ мечтаній, тогда чувствуемъ, что Іисусъ какъ-бы *мимоходитъ*. Когда же мы въ молитвѣ дѣлаемъ особенное усиліе, тогда Іисусъ останавливается, чтобы возстановить въ насъ свѣтъ; тогда Богъ водворяется въ сердцѣ, и потерянный свѣтъ возвращается къ намъ.

Впрочемъ, въ этомъ событіи Господь внушаетъ намъ и еще нѣчто иное, что съ пользою можемъ мы разумѣть о человѣчествѣ и Божествѣ Его. Ибо вопль слѣпца услышалъ Іисусъ мимоходящій, а чудо прозрѣнія совершилъ остановившись. Мимоходить свойственно человѣчеству, и стоять—Божеству. По человѣчеству, Онъ родился, возрасталъ, умеръ, воскресъ, переходилъ изъ мѣста въ мѣсто. И такъ какъ въ Божествѣ нѣтъ измѣняемости, а *мимоходить* значитъ то же, что и измѣняться; то это *мимохожденіе* было именно по плоти, а не по Божеству. Но по Божеству Ему свойственно всегда стоять; потому что Онъ вездѣсущъ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Итакъ вопіющаго слѣпца слышитъ Іисусъ *мимоходящій*, а прозрѣніе даруетъ *стоящій;* потому что по человѣчеству Своему, Онъ, сочувствуя, сжалился надъ воплями слѣпоты нашей; но свѣтъ благодати проливаетъ на насъ силою Божества Своего.

И замѣчательно, что Онъ говоритъ подошедшему слѣпцу: *что хощеши, да ти сотворю*. Неужели Тотъ, Кто могъ даровать прозрѣніе, не зналъ, чего хотѣлъ слѣпецъ? Но Онъ хочетъ, чтобы мы просили, хотя Самъ напередъ знаетъ, чего мы будемъ просить и что даровать намъ по нашему прошенію. Онъ заповѣдуетъ намъ непрестанно молиться, и не смотря на то, говоритъ: *вѣстъ бо Отецъ вашъ, ихже требуете, прежде прошенія вашего* (Матѳ. VI, 8). Слѣдовательно за нужное признаетъ, чтобы мы просили Его, для того, чтобы возбудить сердце къ молитвѣ. Поэтому и слѣпецъ тотчасъ присовокупилъ: *Господи, да прозрю*. Вотъ слѣпецъ проситъ у Господа не злата, но прозрѣнія, потому что онъ, хотя и можетъ имѣть что либо, но безъ прозрѣнія не можетъ видѣть того, что имѣетъ. Итакъ, будемъ просить того свѣта, который можемъ видѣть съ одними только Ангелами, который не имѣетъ ни начала, ни конца. Къ этому свѣту служитъ путемъ вѣра. Поэтому и слѣпцу, при дарованіи прозрѣнія, справедливо дается тотчасъ отвѣтъ: *прозри, вѣра твоя спасе тя*. Но на это плотской помыслъ возражаетъ: какимъ образомъ могу я просить духовнаго свѣта, котораго не могутъ видѣть? Откуда могу я получить свѣдѣніе, что есть такой свѣтъ, который не сіяетъ для очей тѣлесныхъ?—Такому помыслу каждый можетъ отвѣчать кратко; потому что и то самое, что онъ ощущаетъ, ощущаетъ нетѣломъ, а душею. Никто не видитъ души своей; и однакоже никто не сомнѣвается, что онъ имѣетъ душу, которой не видитъ. Ибо душа невидимо управляетъ видимымъ тѣломъ. Если же это невидимое отдѣляется, то тотчасъ падаетъ и видимое, которое видимо сто-

яло. И такъ, если въ сей видимой жизни существо оживляется невидимымъ; то есть ли мѣсто сомнѣнію въ бытіи жизни невидимой? Но послушаемъ, что̀ сдѣлано для вопіющаго слѣпца, или что̀ сдѣлалъ самъ онъ. Сказано далѣе: *и абіе прозрѣ и во слѣдъ Его идяше.* Видитъ и послѣдуетъ тотъ, кто дѣлаетъ добро, которое понимаетъ. Видитъ же, но не послѣдуетъ тотъ, кто, хотя и понимаетъ добро, но нерадитъ о дѣланіи добра. И такъ, если мы уже сознаемъ слѣпоту нашего странствованія, если мы, вѣруя въ таинство нашего Искупителя, сидимъ уже при пути; если ежедневно молясь просимъ у нашего Зиждителя свѣта; если, видя разумомъ этотъ самый свѣтъ, мы послѣ слѣпоты уже прозрѣли, то дѣлами послѣдуемъ за Іисусомъ, Котораго видимъ умомъ. Будемъ внимательно смотрѣть, куда Онъ шествуетъ, и въ послѣдованіи держаться стези Его. Ибо Іисусу послѣдуетъ тотъ, кто подражаетъ Ему. Посему Онъ и говоритъ: *гряди по Мнѣ и остави мертвымъ погребсти мертвецы* (Матѳ. XVII, 22). Послѣдовать значитъ подражать. Поэтому Онъ опять увѣщаваетъ, говоря: *аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ* (Іоан. XIII, 26). И такъ размыслимъ, куда Онъ шествуетъ, чтобы служить Ему въ нашемъ послѣдованіи. Вотъ Онъ, Господь и Создатель Ангеловъ, желая принять естество наше, которое создалъ, нисходитъ во утробу Дѣвы. Родиться въ семъ мірѣ отъ богатыхъ не благоизволилъ, а избираетъ родителей бѣдныхъ. Поэтому не доставало даже агнца, котораго надобно было (по закону) принести въ жертву за Него, а приноситъ Матерь въ жертву *два горличища, или два птенца голубина* (Лук. II, 24). Не благоизволилъ также быть счастливымъ въ этомъ мірѣ, но переносилъ безчестія и посмѣянія; претерпѣлъ оплеванія, біенія, заушенія, терновый вѣнецъ и крестъ. И какъ мы лишились внутренней радости чрезъ услажденіе вещами тѣлесными; то Онъ показываетъ, съ какою горечью она должна быть возвращаема. И такъ, что̀ долженъ человѣкъ претерпѣть за себя, если Богъ столько претерпѣлъ за людей? — Посему, кто уже вѣруетъ во Христа, но еще держится корыстолюбія, гордится почестями, воспламеняется ненавистью, оскверняется нечистотою похоти, желаетъ въ мірѣ счастія; тотъ небрежетъ о послѣдованіи Христу, въ Котораго вѣруетъ. Ибо тотъ, которому Вождь указуетъ путь скорби, если желаетъ радостей и наслажденій, идетъ другимъ путемъ (Бесѣды на Евангелія въ перев. архим. Климента. Кн. I Бес. II, стр. 17—25).

Исцѣленіе Іерихонскаго слѣпца (Лук. XVIII, 35—43).

Чудо это совершилось такимъ образомъ: «Господь Іисусъ Христосъ подходилъ къ Іерихону. При дорогѣ, по которой шелъ Господь, сидѣлъ слѣпецъ и просилъ милостыни. Услышавъ шумъ проходящаго мимо народа, который слѣдовалъ за Господомъ, слѣпецъ спросилъ: «что̀ это такое значитъ? Что̀ это за движеніе?» Ему сказали, что Іисусъ Назорей идетъ. Тогда онъ закричалъ: «Іисусъ Сынъ Давидовъ, помилуй меня?» Шедшіе впереди унимали его, чтобы онъ молчалъ; но онъ еще громче кричалъ: «Сынъ Давидовъ, помилуй меня». Іисусъ остановившись велѣлъ привесть его къ Себѣ; и, когда тотъ подошелъ къ Нему, спросилъ его: «чего ты хочешь отъ Меня»? Слѣпецъ сказалъ: «Господи, хочу, чтобы прозрѣть мнѣ». Іисусъ сказалъ ему: «прозри; вѣра твоя спасла тебя». И онъ тотчасъ прозрѣлъ и пошелъ за Нимъ, славя Бога. Весь народъ, видя сіе, воздалъ хвалу Богу».

Святые Евангелисты Матѳей и Маркъ разсказываютъ объ этомъ чудесномъ событіи, повидимому, нѣсколько иначе. Святый Евангелистъ Матѳей говоритъ, что Господь при выходѣ изъ Іерихона исцѣлилъ двухъ слѣпцовъ, сидѣвшихъ при дорогѣ, которые услышавъ, что Господь со множествомъ народа проходитъ мимо ихъ, начали взывать къ Нему: Господи, Сынъ Давидовъ! помилуй насъ (Матѳ. XX, 29—30). Евангелистъ Маркъ говоритъ объ одномъ только слѣпцѣ, исцѣленномъ Господомъ также при выходѣ изъ Іерихона (Марк. X, 46), и самаго слѣпца называетъ по имени; между тѣмъ святый Евангелистъ Лука повѣствуетъ объ исцѣленіи Господомъ слѣпого при входѣ въ Іерихонъ. Затѣмъ всѣ три Евангелиста согласно повѣствуютъ о дальнѣйшемъ путешествіи Господа въ Іерусалимъ для торжественнаго входа въ него. Но подобная разность въ сказаніи святыхъ Евангелистовъ удобно примиряется тѣмъ, что святые Маркъ и Лука повѣствуютъ о различныхъ слѣпцахъ, исцѣленныхъ Господомъ, изъ коихъ одного Господь исцѣлилъ (Лук.) при входѣ въ Іерихонъ, другаго (Марк.) при выходѣ изъ Іерихона; а Евангелистъ Матѳей оба эти случая соединяетъ въ одинъ, потому что то и другое чудо, вѣроятно, произошло совершенно одинаковымъ образомъ.

Въ разсказанномъ чудѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе вѣра слѣпца. Онъ не видѣлъ Божественнаго лица Господа, не былъ свидѣтелемъ ни одного изъ совершенныхъ Господомъ чудесъ, и если что̀ зналъ о Господѣ, то зналъ только по слуху, а слухъ всегда не то, что̀ видѣніе. Между тѣмъ этотъ самый слѣпецъ, какъ только услышалъ, что Іисусъ Назарянинъ (та́къ всѣ называли Господа) проходитъ мимо его, тотчасъ исповѣдуетъ Его не простымъ учителемъ или чудотворцемъ (каковымъ признавало Господа большинство), но обѣтованнымъ Мессіею—Царемъ Израилевымъ. Назвавъ Господа Сыномъ Давидовымъ, слѣпецъ вслухъ всѣхъ возвѣстилъ, кто этотъ Іисусъ Назорей, потому что обѣтованный Мессія, по предсказаніямъ пророковъ, долженъ произойти изъ поколѣнія Давидова, и потому имя Сына Давидова приличествовало только Мессіи и прямо указывало на Него. Такое открытое указаніе на Мессію въ Лицѣ Господа, вѣроятно, и было причиною, что народъ запретилъ называть такъ Іисуса. Но слѣпецъ повиновался не приказанію народа, а своему внутреннему убѣжденію, и восклицалъ еще громче: Сынъ Давидовъ, помилуй меня! Немного опытовъ подобной вѣры встрѣчается въ Евангельскихъ сказаніяхъ, немного даже между послѣдователями Господа было такихъ лицъ, которые, подобно слѣпцу, такъ прямо, такъ открыто признавали Его Мессіею—Богомъ. За то и Господь не оставилъ безъ Своего вниманія столь искренней вѣры, столь открытаго исповѣданія: Онъ внялъ воплю страдальца и, подозвавъ его къ Себѣ, отверзъ ему очи.

Впрочемъ, не вдругъ Господь совершилъ исцѣленіе слѣпого. Господь прежде всего спросилъ его, чего онъ хочетъ? Вопросъ повидимому излишній. Неужели Господь не зналъ, чего слѣпцу нужно? Нѣтъ, Господь зналъ,—но даннымъ вопросомъ Онъ вызывалъ у слѣпца полное сознаніе тяжести своего положенія и всю силу желанія прозрѣть. Съ другой стороны, слѣпецъ открытымъ признаніемъ слѣпоты своей, выраженнымъ въ желаніи прозрѣть, засвидѣтельствовалъ о всемъ величіи чуда, совершеннаго надъ нимъ. Послѣ того какъ слѣпецъ самъ объявилъ себя лишеннымъ зрѣнія, нельзя было не видѣть

дѣйствительнаго чуда въ возвращеніи ему зрѣнія, и всѣ свидѣтели сего событія дѣйствительно признали его чудомъ; потому, вмѣстѣ съ исцѣленнымъ слѣпцомъ, прославили Бога. Наконецъ и для того спросилъ Господь слѣпца, чего онъ хочетъ, чтобы показать предъ всѣми величіе его вѣры во всемогущую помощь Божію и высокое нравственное настроеніе души его. Слѣпецъ получилъ то именно, чего желалъ, а отсюда само собою становится ясно, какъ велика была душа его, какъ высоко было нравственное его достоинство. Слѣпецъ, по своему нравственному состоянію, былъ достоинъ милосердія Господа, потому и получилъ просимое. «Вѣра твоя спасла тебя», сказалъ ему Самъ Господь. И облагодѣтельствованный слѣпецъ съ своей стороны не остался неблагодарнымъ предъ своимъ Благодѣтелемъ; онъ прославилъ Бога за столь великую милость и пошелъ вслѣдъ за своимъ Спасителемъ.

Настроеніе души слѣпца въ тяжкомъ положеніи слѣпоты и поведеніе его по прозрѣніи, для насъ, часто страждущихъ слѣпотою душевною, должны быть весьма поучительны. Безотрадное положеніе не повергло слѣпца въ отчаяніе, онъ не палъ духомъ въ своемъ плачевномъ состояніи, не ропталъ на Бога за свою горькую долю; напротивъ, слѣпота тѣлесная, какъ показалъ опытъ, постепенно просвѣтляла духовное его зрѣніе, возвышала его вѣру во всемогущую силу Божію, къ помощи которой и обратился онъ въ лицѣ обѣтованнаго Мессіи—Царя Израилева. Пусть примѣръ слѣпца научитъ и насъ во всѣхъ горестяхъ, во всѣхъ злоключеніяхъ обращаться съ пламенною молитвою къ Богу и отъ Него единаго ожидать себѣ помощи; только пусть и въ нашей душѣ пребудетъ такая же твердая надежда на всемогущую помощь Божію и такое же твердое исповѣданіе Господа, какія обнаружилъ въ себѣ Іерихонскій слѣпецъ. Съ другой стороны слѣпецъ не остался неблагодарнымъ къ Господу за свое исцѣленіе, но прославилъ Бога и послѣдовалъ за своимъ Избавителемъ. Пусть и наши сердца исполняются благодарностью къ Богу, когда Онъ по неизрѣченной благости ущедритъ насъ тѣмъ или другимъ благомъ; пусть и для насъ каждое благодѣяніе Божіе будетъ самымъ сильнымъ побужденіемъ неуклонно слѣдовать по стопамъ Христовымъ; тогда и другіе, видя благодѣющую на насъ десницу Божію, вмѣстѣ съ нами прославятъ Щедродавца Бога (Воскр. Чт., г. XXV, стр. 1019—1023).

Библіографическій указатель къ XX гл. Ев. Матѳея и парал.

1) Ст. 1—16. *Св. Григорія Богослова.* Притча о трудившихся въ виноградникѣ и ея объясненіе, ч. III. 291—292.

2) *Св. Григорія Двоеслова* о дѣятеляхъ въ виноградникѣ Христовомъ. Кн. I. 186.

3) Ст. 23. Бесѣда *св. Іоанна Златоуста.* Христ. Чт. 1845 г. II. 181—206.

4) Ст. 1—15. Бесѣда священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ. Руков. для с. п. 1865 г. II. 158—161.

5) Ст. 1—15. Недовольство. Христ. Чт. 1831 г., ч. XLII. 209—229.

6) Притча о домохозяинѣ. Воскр. Чт. 1882 г. 181—182.

7) Дѣлатели, нанятые въ различные часы дня. Прав. Собес. 1861 г. III. 394—412.

8) Ст. 6. Воскр. Чт., г. XIII. 520.

9) Ст. 17—19. Предсказаніе Господа о Своемъ страданіи. Воскр. Чт., г. XXIII. 542.

10) Ст. 20. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Слова и Бес. IV. 97.

11) Воздаяніе въ трехъ сферахъ жизни. Воскр. Чт. 1877 г. II. 406.

12) Ст. 28—34. Мысли еп. Ѳеофана на каждый день года. 245. 276.

13) На Ев. Марка X, 32—45. *Блаж. Ѳеофилакта.* Изъясненіе Евангелія въ 5 нед. Великаго поста. Воскр. Чт., г. X. 477—478.

14) *Евсевія Могилевскаго.* Бесѣда въ 5 нед. Вел. поста. Бес. на воскр. и праздн. Ев., ч. II. 403.

15) Евангельское чтеніе въ 5 нед. Великаго поста. Воскр. Чт., г. XXV. 1253—1255.

16) Ст. 33—37. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* О просьбѣ сыновей Зеведея и честолюбіи вообще: объ источникахъ его и дѣйствіяхъ, въ которыхъ оно обнаруживается. Слова. 50—57.

17) Ст. 33—37. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О гордости, какъ самомъ главномъ и хитромъ домашнемъ врагѣ, и о средствахъ въ борьбѣ съ нимъ. Слово въ 5 нед. поста.

18) Ст. 35—45. *Не вѣста, чесо проситa.* Воскр. Чт., г. XVIII. 482—486.

19) Ст. 35—45. *Н. Елеонскаго.* Чт. въ Общ. 1873 г., дек. 642—648.

20) Ст. 35—45. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бес. III. 80.

21) Ст. 43—45. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* О христіанскомъ характерѣ дѣятельности лицъ, поставленныхъ выше другихъ и надъ другими по преимуществамъ чести и власти. Слов. I. 183—184. 186—187.

22) Ст. 40. Воскр. Чт., г. IX. 465.

23) Ст. 43. Воскр. Чт., г. IX. 464.

24) Ст. 43. *Свящ. П. Красовскаго.* О христіанскомъ служеніи ближнимъ. Воскр. Чт. 1873 г. I. 241—244.

25) Ст. 46. *Вартимей.* Библ. пок. сл. Воскр. Чт. 1874 г. I. 350—351. Духовн. Бес. 1864 г. XXII. № 48. 468—471.

26) На Ев. Луки XVIII, 31—33. Шествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ на страданіе. Воскр. Чт. 1876 г. I. 177—183.

27) Ст. 35—43. *Архіеп. Иліодора.* Бесѣда въ нед. 31 по Пятидес. Воскр. Чт., г. VII, 359—362.

28) Ст. 35—43. *Архіеп. Евсевія.* Бес. въ нед. 31 по Пятидес. Бес. на воскр. и праздн. Ев., ч. II. 278.

29) Ст. 35—43. Евангельское чтеніе въ нед. 31 по Пятидес. Воскр. Чт., г. XXV. II. 1019—1023.

30) Ст. 38. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О томъ, что наше благополучіе зависитъ частью отъ насъ самихъ, а болѣе отъ Бога, къ Которому мы и должны прибѣгать за помощію непрестанно. Слова и Бес. I. 615—622.

31) Ст. 42. Воскр. Чт., г. IV. 75.

Избранныя мѣста изъ отцевъ на Евангеліе о Закхеѣ (Лук. XIX, 1—10).

Ст. 1—2. *Вшедъ* (Іисусъ) *прохождаше Іерихонъ. И се мужъ нарицаемый Закхей, и сый бѣ старѣй мытаремъ, и той бѣ богатъ.*

Іисусъ Навинъ опустошилъ нѣкогда Іерихонъ войною и побіеніемъ, а теперь истинный Іисусъ (т. е. Спаситель) пришествіемъ Своимъ приноситъ ему исцѣленіе. Здѣсь просвѣщенъ слѣпой, увѣровалъ народъ, всякій языкъ прославилъ Іисуса, и всякое око узрѣло Наставника истины и спасенія.— Что̀ за должность мытаря? Это—родъ хищенія, которое не подлежитъ наказанію; это—безстыдный видъ корыстолюбія, торговля, которой нѣтъ опредѣленнаго предмета и названія, это—крайнее нечестіе. Посему-то Христосъ вездѣ приводитъ любодѣйцъ и мытарей, какъ примѣры величайшихъ грѣшниковъ. Таковъ недугъ, которымъ страдалъ Закхей, когда еще не приступалъ къ Іисусу, недугъ худшій слѣпоты Іерихонскаго слѣпца; ибо этотъ недуговалъ тѣломъ, а тотъ душей (Астерій).

Ст. 3. *И искаше видѣти Іисуса, кто есть: и не можаше отъ народа, яко возрастомъ малъ бѣ.*

Кто смотритъ на Іисуса, не можетъ закоснѣвать во грѣхахъ. Закхей сильно желалъ насладиться сладкимъ и спа-

сительнымъ лицезрѣніемъ Господа; но были два препятствія къ тому; ибо замедляла его толпа и людей, а болѣе грѣховъ. Онъ былъ малъ возрастомъ не только тѣлеснымъ, но и духовнымъ (Титъ).

Ст. 4—6. *И предитекъ возлѣзе на ягодичину, да видитъ, яко хотяше мимо ея ити. И яко пріиде на мѣсто, воззрѣвъ Іисусъ, видѣ его и рече къ нему: Закхее, потщався слѣзи: днесь бо въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти. И потщався слѣзе, и пріятъ Его радуяся.*

Христосъ воззрѣлъ на Закхея очами Божества, и, какъ Спаситель всѣхъ людей, являетъ ему Свое благоволеніе и человѣколюбіе, возбуждаетъ въ немъ довѣренность къ Себѣ и говоритъ: *потщався слѣзи* (Кириллъ Александрійскій).

Закхей желалъ только видѣть Его, а Христосъ заходитъ къ нему, и видя сердце его, ускоряетъ Свой приходъ. Какъ наилучшій ловецъ, Господь тростію слова низводитъ душу съ дерева, привлекаетъ Закхея, какъ птенца, взявъ его за крыла ума его, и начальникъ мытарей прилѣпляется ко Христу.

Такъ уловленъ былъ и знаменитый оный Давидъ, который говоритъ: *прильпе душа моя по Тебѣ* (Псал. LXII, 9); о томъ и Апостолъ пишетъ: *прильпляйся Господеви единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Коринѳ. VI, 17). Уловляя такимъ образомъ Закхея, Господь, низводя его съ дерева, говоритъ: *днесь въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти*, т. е. не столько во внѣшнемъ, сколько во внутреннемъ или душевномъ его жилищѣ (Златоустъ).

Ст. 7—8. *И видѣвше вси роптаху, глаголюще: яко ко грѣшну мужу внѣде витати. Ставъ же Закхей, рече ко Господу: се полъ имѣнія моего, Господи, даю нищимъ: и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею.*

Смотри на чудо. Еще не учился, и повинуется, еще не слышалъ наставленія, и исполняетъ; ибо Спаситель ничего еще не заповѣдалъ о милостынѣ и о любви къ бѣднымъ, но молча просвѣщалъ. Какъ солнце, вливаясь лучами въ домъ, вноситъ свѣтъ, такъ Спаситель лучами правды прогналъ тьму нечестія. *Свѣтъ во тмѣ свѣтится.* Посему-то Закхей, стоя при дверяхъ, сказалъ: *се полъ имѣнія моего даю нищимъ.*—Прекрасныя слова! Они побѣждаютъ природу, или лучше, навыкъ, который есть другая природа.

Примѣть здѣсь, что богатство Закхея собрано не отъ одной неправды, а и отъ имѣній наслѣдственныхъ. Ибо если бъ оно было отъ одной неправды, то какъ могъ бы онъ возвратить (похищенное) вчетверо? (Златоустъ.)

Вотъ какъ для пришествія Христова Закхей украсилъ домъ свой. Не побѣжалъ къ сосѣдямъ просить столовъ и сѣдалищъ изъ слоновой кости, не вынесъ изъ сокровенныхъ покоевъ Лакоонскіе покровы для столовъ, но украсилъ домъ тѣмъ, что всего пріятнѣе Христу. Что же это? *Полъ имѣнія моего даю нищимъ, и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею.* Украсимъ такъ и мы наши домы, чтобы удостоиться намъ принять Христа.—Господь, для добродѣтели обитателя, не гнушается входить въ самыя худшія хижины. Но въ домы нечестивыхъ никогда не войдетъ, хотя бы они устланы были золотыми коврами (Златоустъ).

Совлечемся и мы грѣховъ, подобно Закхею. Ибо какъ въ болѣзняхъ и ранахъ, если прежде не остановить истеченія, напрасно будешь прикладывать врачебныя средства, такъ и мы, если не удержимся отъ корыстолюбія, хотя

бы и милостыню подавали, ничего не сдѣлаемъ добраго. Корыстолюбіе все портитъ и обращаетъ въ худшее. Престанемъ же похищать, и тогда будемъ раздавать милостыни. Ибо если бы падающаго одинъ возвышалъ, какъ милостыня, а другой тянулъ бы его на землю, какъ корыстолюбіе, то такое сраженіе противныхъ силъ разрывало бы человѣка. Итакъ, чтобъ съ нами сего не случилось, да не влечетъ насъ къ землѣ корыстолюбіе, и да не оставляетъ милостыня: такъ содѣлаемся мы легкими и возлетимъ (Златоустъ).

Ст. 9—10. *Рече же къ нему Іисусъ: яко днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть. Пріиде бо Сынъ Человѣчь взыскати и спасти погибшаго.*

Смотри: вотъ прежде, нежели творилъ Закхей дѣла Авраамова, называлъ его (Христосъ) не сыномъ Авраамовымъ, а Закхеемъ; когда же совершилъ дѣла патріарха, являя отложеніе неправды и любовь къ нищимъ, тогда сказалъ: *яко и сей сынъ Авраамль есть* (Златоустъ).

Какъ онъ отъ Авраама, когда происходилъ изъ Іерихона, города Хананейскаго?—Вѣрно то, что если бъ онъ и не былъ по плоти сынъ Авраама, но теперь, когда обратился ко Христу, по нравамъ и дѣламъ, содѣлался и познанъ былъ съ бо́льшимъ правомъ сынъ Авраамовъ, нежели кто другой, происшедшій отъ чреслъ Авраама (Астерій).

Ягодичина (смоковница) означаетъ покаяніе, толпа народа—страсти. Итакъ тотъ, кто возвысится надъ страстями посредствомъ покаянія, тотъ въ себѣ самомъ узритъ Іисуса и будетъ познанъ Іисусомъ, пріиметъ Его какъ гостя у себя, получитъ спасеніе и содѣлается сыномъ Авраама (Anonymus).

И онъ (Закхей) вышелъ (подобно Аврааму) отъ земли своей и изъ сродства своего и изъ дому отца своего. Ибо самое лучшее исхожденіе — это возвышеніе надъ всѣми плотскими удовольствіями, которыя можно назвать *землею;* это удаленіе отъ услажденія предметами чувственными, которыя означаются именемъ *сродства;* это измѣненіе жизни развращенной, беззаконной въ жизнь добродѣтельную, что̀ и есть какъ-бы *исхожденіе изъ дому* отеческаго (Василія Вел. на Ис. 17). (Воскр. Чт., г. XXIV, стр. 457—459.)

Закхей мытарь (Лук. XIX, 1—10).

(Свящ. М. Предтеченскаго.)

Едва разнеслась молва, что Іисусъ Христосъ приближается къ Іерихону, какъ весь народъ устремился встрѣчать Его, всѣ желали хотя взглянуть на великаго Чудотворца. Между прочимъ, жилъ тогда въ Іерихонѣ одинъ богатый человѣкъ, начальникъ надъ сборщиками податей, Закхей по имени. Ему также хотѣлось видѣть Господа; но какъ онъ былъ не великъ ростомъ, а Іисуса Христа сопровождала огромная толпа народа, то онъ никакъ не могъ удовлетворить своему желанію. Наконецъ, онъ забѣжалъ впередъ и влѣзъ на дерево, стоявшее при дорогѣ, по которой надлежало проходить Господу. Когда Господь подошелъ къ дереву, Онъ устремилъ взоръ Свой на начальника мытарей и воззвалъ: «Закхей, слѣзь скорѣе; сегодня Мнѣ надобно быть у тебя въ домѣ». Закхей тотчасъ же слѣзъ и съ неизъяснимою радостью повелъ къ себѣ Небеснаго Гостя. Видя это, народъ сталъ роптать на Іисуса Христа, зачѣмъ Онъ пошелъ къ грѣшнику, — потому что мытарей въ тѣ времена считали грѣшниками; но Закхей, желая показать предъ всѣми, что онъ дорожитъ посѣщеніемъ

Господа, сталъ предъ Нимъ и сказалъ: «Господи! половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и, если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо». На что Господь отвѣтствовалъ: «нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авраама. Ибо Сынъ Человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшаго».

Такимъ образомъ изъ всѣхъ жителей Іерихона, изъ всѣхъ встрѣчавшихъ и сопровождавшихъ Господа, одинъ только Закхей осчастливленъ былъ Его посѣщеніемъ. Почему? спрашивается. Развѣ не было въ Іерихонѣ людей, достойныхъ такого же счастія? Или: если Господь потому благоволилъ посѣтить Закхея, что желалъ спасти его, то неужели въ Іерихонѣ не было людей, для которыхъ также необходимо было спасеніе?

Господь потому, безъ сомнѣнія, посѣтилъ Закхея, что тотъ больше другихъ выказалъ къ Нему усердія и любви,—потому спасъ Закхея, что тотъ сознавалъ свои грѣхи, чувствовалъ нужду въ спасеніи, что для него возможно было спасеніе, что отчасти онъ и заслуживалъ, чтобы получить спасеніе, хоть и самъ считалъ себя и другіе считали его человѣкомъ грѣшнымъ.

Іудеи презирали и ненавидѣли мытарей частью потому, что они собирали по́дати на ненавистное имъ языческое Римское правительство, частью потому, что, собирая законныя по́дати, они нерѣдко притѣсняли народъ и въ свою пользу. Могло быть, что и Закхей до своего обращенія не всегда честно исполнялъ возложенныя на него обязанности (8); за то какъ онъ пламенно возжелалъ видѣть Господа, когда узналъ, что Онъ приближается къ Іерихону, и какъ притомъ было велико его смиреніе! Онъ не только пошелъ вмѣстѣ съ другими встрѣчать Господа Іисуса Христа, но сталъ изыскивать всѣ возможные способы, чтобы видѣть Его, чтобы насладиться Его лицезрѣніемъ, и когда его пламенное желаніе не удовлетворялось, не потерялъ надежды, а шелъ впередъ и влѣзъ наконецъ на дерево при дорогѣ, по которой надлежало проходить Господу, чтобъ хотя отсюда безпрепятственно разсмотрѣть Его. Притомъ онъ и не думалъ, чтобы Господь удостоилъ его Своимъ посѣщеніемъ, потому что считалъ себя недостойнымъ такого счастья. Что́ жъ удивительнаго, что Господь Самъ призрѣлъ на смиреннаго мытаря и пожелалъ спасти его?

Ка́къ потомъ принялъ Закхей Господа? Мало того, что онъ съ торжествомъ ввелъ Его въ свой домъ и радовался, какъ только можно радоваться нежданно посѣтившему его великому счастью,—онъ выразилъ радость свою самоотверженіемъ на пользу ближнихъ. Богатый человѣкъ,—онъ половину имѣнія своего обѣщалъ отдать нищимъ, а тѣхъ, кого обидѣлъ, рѣшился вознаградить вчетверо. Не видно ли отсюда, что онъ любилъ Господа, благоговѣлъ предъ Нимъ, что онъ любилъ и ближнихъ своихъ по любви ко Господу, что въ душѣ онъ былъ человѣкъ добрый, что для него возможно было спасеніе?

Каковы были другіе жители Іерихона, встрѣчавшіе и сопровождавшіе Господа—неизвѣстно. По всей вѣроятности, были между ними люди благочестивые, которые впослѣдствіи, увѣровавъ въ Іисуса Христа, получили спасеніе. Но что́ это значитъ, что большинство ихъ роптало на Господа за то, что Онъ вошелъ въ домъ Закхея, котораго они считали грѣшникомъ? Не значитъ ли, что они много думали о себѣ, что они ждали къ себѣ благоволенія Господа, въ надеждѣ на свою

праведность, что они склонны были подмѣчать грѣхи ближнихъ, судить и презирать ихъ? А развѣ для такихъ людей возможно спасеніе?

Господь *хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись* (1 Тимоѳ. II, 4), для того Онъ и пришелъ въ міръ, для того и страдалъ и умеръ на крестѣ, чтобы *взыскать и спасти погибшее* (Лук. XIX, 10); но спасаются только тѣ, которые сами сознаютъ нужду въ спасеніи, которые видятъ свои грѣхи, и подобно Закхею, смиряютъ себя предъ Господомъ. Иначе: какъ Онъ проститъ грѣхи, когда мы не каемся въ нихъ искренно? Какъ посѣтитъ насъ Своею милостью, когда мы не хотимъ Его милости, когда, будучи грѣшниками, много думаемъ о себѣ, о своихъ заслугахъ, о своихъ добродѣтеляхъ? *Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать* (Іаков. IV, 5).

Господь всѣмъ хочетъ спасенія,—но спасаются только тѣ, которые сами ищутъ спасенія и, подобно Закхею, стараются преобѣждать всѣ трудности, какія бы ни предстояли на пути къ нему. Иначе, за что̀ Господь будетъ спасать насъ? Если и простыя житейскія блага не безъ трудовъ нами пріобрѣтаются; то справедливо ли даровать намъ вѣчныя блага безъ всякихъ усилій съ нашей стороны? *Просите, и дано будетъ вамъ: ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворяютъ* (Матѳ. VII, 18).

Господь всѣмъ хочетъ спасенія, но спасаются только тѣ, которые, вѣруя въ Него, смиряясь предъ Нимъ, вѣру свою оправдываютъ отъ дѣлъ, которые сами милостивы къ другимъ людямъ, сами, подобно Закхею, готовы благотворить и благотворятъ ближнимъ своимъ. Иначе, какъ мы будемъ свидѣтельствовать вѣру свою въ Господа и чѣмъ возблагодаримъ Его за свое спасеніе? *Бога никто никогда не видѣлъ.* Посему *кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ* (1 Іоан. IV, 12, 20). *Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва. И бѣсы вѣруютъ и трепещутъ* (Іаков. II, 19—20).

Какіе же нравственные уроки преподаетъ намъ Евангельское повѣствованіе о Закхеѣ?—Нужно смиряться предъ Господомъ,—и Онъ вознесетъ насъ въ свое время. Нужно искать Его,—и Онъ Самъ воззоветъ насъ и къ намъ пріидетъ и обитель сотворитъ въ насъ самихъ (Іоан. XIV, 23). Нужно, наконецъ, стараться спасать другихъ, чѣмъ и какъ кто можетъ, и Господь спасетъ насъ, какъ-бы ни близка была къ намъ погибель; потому что Онъ *пришелъ взыскать и спасти погибшее* (Духовн. Бес. 1871 г. № 2-й, стр. 17—20).

Закхей мытарь.

(Прот. А. Лебедева.)

Закхей былъ старѣйшиною мытарей и человѣкъ богатый. «*И се мужъ нарицаемый Закхей; и сей бѣ старѣй мытаремъ, и той бѣ богатъ* (Лук. XIX, 2). Какъ мытарь, Закхей, конечно, не отличался отъ другихъ ни мягкостью сердца, ни снисходительностью къ нуждамъ и бѣдности, ни справедливостью и честностью въ своихъ требованіяхъ. Напротивъ, въ самомъ старѣйшинствѣ его надъ мытарями можно усматривать еще то, что онъ, держась на мѣстѣ исправнымъ взносомъ сбираемыхъ податей, превосходилъ другихъ особеннымъ искусствомъ вымогательства и несносходительностью, отчего не только не имѣлъ

какихъ-нибудь недоимокъ за собою, но и пріобрѣлъ состояніе. «*И той бѣ богатъ*». Богатство обольщало его и грозило ему гибелью. И недаромъ Евангелистъ въ этомъ повѣствованіи о Закхеѣ напоминаетъ какъ о старѣйшинствѣ его, такъ и о богатствѣ!

Къ обыденному сознанію человѣка ближе всего матеріальная его природа съ своими требованіями и удовлетвореніями, съ своими непріятностями и радостями,—ближе, чѣмъ природа духовная, по своей ощутительности и по тому самому, что еще до раскрытія полнаго сознанія, онъ привыкаетъ чувствовать сперва законныя требованія своей тѣлесной природы, и удовольствіе отъ удовлетворенія имъ, а потомъ потребности искусственныя и незаконныя, которыя съ ихъ удовлетвореніемъ принимаютъ силу привычки.—Гораздо скорѣе и сильнѣе человѣкъ почувствуетъ голодъ тѣла, чѣмъ алчбу духовную; тревожнѣе для него разстройство какого-нибудь тѣлеснаго органа, напримѣръ руки, ноги или желудка,—чѣмъ разстройство духа, напримѣръ преобладаніе въ душѣ какой-нибудь отдѣльной силы, воображенія, сердца, разсудка; ближе и обольстительнѣе услажденіе грѣховное, чѣмъ борьба и побѣда надъ собою, которая требуетъ иногда очень долгаго и утомительнаго труда. Оттого, обладая всѣми средствами къ удовлетворенію нуждъ и къ доставленію радостей тѣлесной природы особенно съ раннихъ лѣтъ, большинство людей скорѣе всего можетъ остановить и дѣйствительно останавливаетъ свое вниманіе на матеріальной сторонѣ своей жизни, и забыть, или по крайней мѣрѣ оставить неразвитыми духовныя свои влеченія, возбужденіе которыхъ требуетъ труда, обѣщающаго награду, можетъ быть, еще въ отдаленномъ будущемъ. Естественно, богатство для такого человѣка дѣлается необходимымъ. Онъ привязывается къ нему всей душой, такъ ли, какъ къ средству своей спокойной и самодовольной жизни, или какъ къ предмету своего тщеславія и самонадѣянности. Въ этомъ смыслѣ мы принимаемъ слова Спасителя: *удобѣе есть велбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, неже богату въ Царствіе Божіе внити*» (Матѳ. XIX, 24). Оттого-то и богатый юноша, бывшій уже на пути ко спасенію и приблизившійся ко Христу, отошелъ отъ Него—источника радости—съ скорбью: жалко было ему разстаться съ своимъ богатствомъ.

Легко могло случиться и съ богатымъ Закхеемъ, что, привязавшись всею душею къ богатству, онъ, если еще не усыпилъ, то впослѣдствіи усыпилъ бы всѣ чистыя духовныя движенія; тѣмъ болѣе, что душѣ его уже сродна была неправда; слѣдовательно, увлеченіе непосредственностью, чувственностью жизни, уже началось,—самослуженіе и самодовольство овладѣвало имъ. Поэтому странно, непонятно, какъ могло пробудиться въ его душѣ спасительное желаніе видѣть Іисуса? Но нужно знать его природу, душевныя его свойства, чтобы отвѣтить прямо и удовлетворительно на этотъ вопросъ. Изъ всего повѣствованія о немъ, изъ его старанія проникнуть сквозь толпу къ Іисусу,—изъ его забѣганія и изъ влѣзанія на дерево видно, что онъ имѣлъ дѣтски-простую и живую натуру. Онъ могъ дѣлать зло по увлеченію, по примѣру, по обыкновенію, или лучше всего безотчетно. Такъ дѣйствуютъ подобныя личности, потому что жизнь поставила ихъ на этотъ путь, и они, утвердившись на немъ, безъ всякой мысли, стали дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствовали предшественники ихъ, какъ поступаютъ и всѣ

ихъ окружающіе;—«не мы первые, не мы послѣдніе», «не нами началось, не нами и кончится», обыкновенно говорятъ такіе люди. Въ нихъ никогда нѣтъ и не можетъ быть упорнаго оправданія, основываемаго на лживыхъ соображеніяхъ ума, или явнаго противленія истинѣ. Въ нихъ есть, напротивъ, даже сѣмена добра, нравственныя понятія о долгѣ и объ обязанностяхъ, бываютъ и чистыя движенія къ добру; только эти сѣмена не приносятъ плода,—эти понятія безъ спасительныхъ послѣдствій, эти движенія безъ силы,—подобно движеніямъ молодыхъ, еще неоперившихся птенцовъ, которые, не смотря на свои усилія, не могутъ подняться надъ землею и совершить легкій и быстрый полетъ. Потому эти простыя, непосредственныя натуры увлекаются и неправдой, пока не проникъ въ нихъ свѣтъ разумѣнія, освѣщающій путь ихъ жизни, пока не получили они такого возбужденія, которое заставило бы ихъ вдругъ очнуться и стряхнуть съ себя эту безпечность и невнимательность къ себѣ. Таковъ именно и былъ Закхей. Онъ не имѣлъ привязанности къ богатству съ упорною силою, подавляющею въ душѣ всякое живое движеніе. Въ сердцѣ его былъ уголокъ, въ которомъ тлѣла и готова была вспыхнуть искра спасенія, въ которомъ хранилась вѣра въ Мессію и надежда на Его скорое и спасительное пришествіе. Правда, эта вѣра по своему безсилію, а отчасти и по плотскому своему характеру, не могла возбуждать его къ исправленію своей жизни, и отъ ожиданія Мессіи онъ не дѣлался честнѣе; однако эта дѣтски-простая душа по самой природѣ своей не могла не чувствовать неловкости своего положенія и несоотвѣтствія его съ всеобщими ожиданіями Мессіи. Не могъ онъ, конечно, самъ собою выйти изъ своего положенія, загладить свои неправды дѣлами любви и милосердія; но довольно съ него было и того, если онъ хотѣлъ сдѣлать это,—довольно, если съ боязливымъ опасеніемъ ждалъ Мессію. Въ этой-то готовности и нашелъ его Господь.

Уже неоднократно слышалъ Закхей о явленіи дивнаго Пророка во Израили, но не имѣя силъ отрѣшиться отъ обыденной жизни, онъ все оставался въ своемъ городѣ и наконецъ подвигнулъ самую спасающую любовь Единороднаго приблизиться къ нему. Узнавъ о приходѣ Іисуса въ Іерихонъ, Закхей идетъ къ Нему на встрѣчу, подходитъ къ толпѣ, окружавшей Іисуса; старается проникнуть чрезъ нее, но не могши видѣть Его по причинѣ своей малорослости, забѣгаетъ впередъ и, истинно какъ дитя, не смотря на свое старѣйшинство, взлѣзаетъ на дерево. Такое и такъ просто и дѣтски выразившееся желаніе, очевидно, было движеніемъ не любопытства, а именно вѣры, ибо направлялось къ тому, чтобы узнать Іисуса, сблизиться съ Нимъ. «*И той искаше видѣти Іисуса, кто есть*»?—онъ думалъ, то есть, не этотъ ли пророкъ, не этотъ ли учитель есть Мессія.—И съ такимъ нетерпѣливымъ желаніемъ посмотрѣть на великаго Чудотворца сидѣлъ на *ягодичинѣ* и ожидалъ, пока будетъ Онъ проходить мимо его. Ищущій *взыскати погибшаго* Спаситель, зная готовность Закхееву къ принятію Его благодати и спасенія, идетъ мимо смоковницы, и, обративъ къ нему Свой животворный взоръ, проливающій свѣтъ въ его душу, говоритъ,—*и воззрѣвъ Іисусъ, видѣ его и рече къ нему* и проч. Какое кроткое Божественное лицо! Какіе любвеобильные, говорящіе прямо душѣ, взоры! Какая тихая, но проникающая въ сердце рѣчь! И какое притомъ вышеестественное знаменіе! Ему уже извѣстно

и имя, и домъ, и все. *Закхее, потщався слези, днесь бо въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти.*

Нельзя вполнѣ постигнуть всего, что̀ должно было произойти въ душѣ Закхея отъ животворныхъ словъ Господа. Вспомнимъ еще гораздо прежде бывшее подобное обстоятельство. Вѣра Наѳанаила во Іисуса, закрываемая предразсудкомъ: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти?* раскрылась во всей силѣ отъ словъ Господа, въ которыхъ выразилось такое же всевѣдѣніе, именно, что Онъ видѣлъ Наѳанаила подъ смоковницею и узрѣлъ готовность его вступить въ число учениковъ Своихъ. *И глагола ему Іисусъ: зане рѣхъ ти, яко подъ смоковницею видѣхъ тя, веруеши, большаа сихъ узриши* (Іоан. I, 50). Несомнѣнно и здѣсь то обстоятельство, что желаніе Закхея узрѣть Господа и обратно-милосердое воззрѣніе Господа на Закхея, снисхожденіе къ нему и Божеское всевѣдѣніе оправдали ожиданія и надежды, съ которыми мытарь шелъ видѣть Іисуса,—не этотъ ли, то есть, Пророкъ и есть Христосъ, а потому онъ съ радостью принимаетъ узнаннаго Мессію. *И потщався слезе, и пріятъ Его радуяся.* Вотъ и первый духовный плодъ вѣры—радость! Та́къ оправдалась вѣра.

Затѣмъ должно было разрѣшиться въ богатомъ мытарѣ и внутреннее недовольство самимъ собою. Евангелистъ не показываетъ, о чемъ Господь бесѣдовалъ и что̀ дѣлалъ въ домѣ мытаря, не вводитъ насъ туда Своимъ описаніемъ, но говоритъ, и конечно не безъ цѣли, о томъ впечатлѣніи, какое произведено было на народъ вступленіемъ Іисуса подъ кровъ грѣшнаго мужа, какимъ считали мытаря: *и видѣвше вси роптаху* на Іисуса, *глаголюще, яко ко грѣшну мужу вниде витати,*—а вслѣдъ затѣмъ изображаетъ полную рѣшимость Закхея исправиться и загладить прежнія преступленія. Надобно согласиться, что этотъ народный ропотъ и эта рѣшимость были въ причинной между собою связи. Ропотомъ пробужденъ былъ голосъ совѣсти грѣшника. Чувствуя его справедливость, мытарь не могъ не обвинять себя въ оскорбленіи и немилосердомъ обхожденіи съ этимъ самымъ народомъ, и такимъ образомъ, въ чувствѣ раскаянія, отчасти какъ-бы опасался, какъ-бы Господь не внялъ этому ропоту и не осудилъ его, а потому поспѣшилъ принести умилостивительную жертву за прежнія беззаконія. *Ставъ же Закхей рече ко Господу: се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ, и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею.* Т. е., какъ-бы та́къ говорилъ Закхей: «вотъ, Господи, народъ ропщетъ на Тебя, что Ты благоволилъ войти въ домъ мужа грѣшнаго. Правда, я великій грѣшникъ, и достоинъ всеобщаго отвращенія. Но вижу, что Ты, милосердый Сердцевѣдче, не на лице зришь, но прозираешь въ сердца; такъ прости же меня и сдѣлай достойнымъ Твоего снисхожденія, сними съ меня бремя неправеднаго стяжанія и народной укоризны, и пріими отъ меня жертву любви,—благослови меня половину имѣнія отдать нищимъ и обиженныхъ вознаградить вчетверо». Замѣчательно здѣсь выраженіе Евангелиста: *ставъ же рече.* Это какъ-бы намекъ на нѣкотораго рода сдержанность; т. е. Закхей какъ-бы давно уже хотѣлъ сказать Господу объ этой своей рѣшимости,—раскаяніе, какъ-бы съ самой минуты вступленія Господа въ домъ, готово было изникнуть изъ устъ его, рѣшимость исправленія отъ радости такого посѣщенія и отъ живаго слова Божія, изливающагося въ бесѣдѣ изъ устъ Спасителя,—какъ-бы мало-по-малу возрастала, крѣпилась и, наконецъ, объяла все его существо,

такъ что онъ не могъ больше сдерживать ихъ, всталъ предъ Господомъ и началъ говорить: *се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ, и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею.* Замѣчательно здѣсь и то, что удостоенный милостиваго призрѣнія и снисхожденія Господня, Закхей не отказывается отъ проходимаго имъ званія, можетъ быть, и потому, что оно-то и привлекло къ нему Господа. Далѣе, онъ обѣщается отдать нищимъ только половину своего имѣнія, а не все. Этимъ, конечно, онъ показалъ не привязанность къ богатству, а, напротивъ, свободное свое отношеніе къ нему. Богатство не мѣшало и не мѣшаетъ ему въ дѣлѣ спасенія; половина ли имѣнія сохранится у него или все, это для него было безразлично, лишь бы загражденны были его неправды. И Господь одобряетъ сію жертву богатаго мытаря. *Днесь спасеніе дому сему бысть,* говоритъ Господь, *зане и сей сынъ Авраамль есть. Пріиде бо Сынъ Человѣческій взыскати и спасти погибшаго.* Такъ взысканъ и спасенъ погибавшій сынъ Авраама! (Изъ статьи: о Евангельскихъ мытаряхъ. Стран. 1865 г. февр., стр. 51—56.)

Притча о господинѣ, отправившемся въ путь для пріятія царства, и о розданныхъ имъ минахъ (Лук. XIX, 11—28).

Такъ какъ Іисусъ Христосъ былъ близко Іерусалима; то и полагали, что Онъ объявитъ Себя Царемъ, и давно ожидаемое Царствіе Божіе откроется. По этому случаю Онъ сказалъ притчу: «Одинъ человѣкъ высокаго рода отправился въ дальнюю страну, чтобы получить себѣ царство и потомъ возвратиться. Призвавъ же десять рабовъ своихъ, далъ имъ десять минъ и сказалъ имъ: «употребляйте ихъ въ оборотъ до моего возвращенія. Между тѣмъ граждане его ненавидѣли его и послали вслѣдъ за нимъ посольство объявить,—мы не хотимъ, чтобы онъ царствовалъ надъ нами.—Не смотря на это, онъ получилъ царство. И когда возвратился, то велѣлъ позвать къ себѣ тѣхъ рабовъ, которымъ давалъ деньги, чтобы узнать, кто что пріобрѣлъ. Пришелъ первый и сказалъ: «Государь! мина твоя принесла десять минъ». И сказалъ ему: «хорошо, добрый слуга, за то, что ты оказался вѣрнымъ въ маломъ, будь начальникомъ надъ десятью городами». Пришелъ второй и сказалъ: «Государь! мина твоя пріобрѣла пять минъ». Сказалъ также и ему: «и ты будь надъ пятью городами». Пришелъ еще одинъ и сказалъ: «господинъ! вотъ мина твоя, которую я сберегалъ, завернувъ въ платокъ. Потому что я боялся тебя, зная, что ты человѣкъ жестокій: берешь, чего не клалъ, и жнешь, чего не сѣялъ». На это говоритъ ему: твоими же словами я произведу надъ тобою судъ, злой рабъ! Зналъ ты, что я человѣкъ жестокій, беру, чего не клалъ, и жну, чего не сѣялъ,—почему же ты не отдалъ серебра моего въ оборотъ, чтобы я возвратившись могъ получить его съ прибылью?» И предстоящимъ приказалъ: «возьмите отъ него мину и дайте тому, у кого десять минъ». Ему сказали: «Государь! у него уже десять минъ. «На это онъ отвѣчалъ: «я вамъ сказываю, всякому у кого есть *(потому что есть усердіе и способность),* дано будетъ, а у того, у котораго нѣтъ *(ни усердія, ни способности),* отберутъ и то, что у него есть. А между тѣмъ враговъ моихъ, именно которые не хотѣли, чтобы я царствовалъ надъ ними, приведите сюда и избейте передъ мною!»

У Іудейскаго историка Іосифа Флавія есть сказаніе, что, по смерти Иро-

да, сынъ и наслѣдникъ его Архелай отправлялся къ императору Августу въ Римъ, чтобы отъ него получить утвержденіе въ царскомъ достоинствѣ, и что отъ гражданъ Іерусалима послано было къ Августу пятьдесятъ человѣкъ просить, чтобы онъ не назначалъ надъ ними Архелая царемъ. Значитъ, Іисусъ Христосъ подъ видомъ притчи разсказалъ дѣйствительное событіе, случившееся въ Его младенчество.

Значеніе притчи.

Господинъ знатнаго рода, это—Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ; отправленіе Его въ дальнюю страну для полученія царства означаетъ вознесеніе Его на небо для полученія власти надъ всѣмъ небеснымъ, земнымъ и преисподнимъ въ образѣ человѣческомъ (потому что, какъ Богъ, Онъ всегда надъ всѣмъ имѣлъ полную власть); слуги, которымъ Онъ раздалъ Свои дары, при отправленіи въ дальнюю сторону, это всѣ увѣровавшіе въ Него и послѣдовавшіе Его ученію; граждане, не хотѣвшіе признать Его царемъ,—это прежде всего Іудеи, Имъ учимые и наставляемые, а затѣмъ всѣ люди, слушающіе проповѣдь Его ученія и Ему не слѣдующіе, не вѣрующіе въ Него. Такимъ образомъ смыслъ всей притчи будетъ такой. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, возносясь на небо, для того, какъ Онъ Самъ говоритъ, чтобы приготовить тамъ намъ мѣсто и опять придти и взять насъ къ Себѣ (Іоан. XIV, 2—3), оставилъ намъ Свое небесное ученіе, Свою Святую Церковь и дары Святаго Духа, съ тѣмъ, чтобы мы употребляли ихъ съ пользою, болѣе и болѣе дѣлались честными и добрыми, болѣе и болѣе преуспѣвали въ исполненіи тѣхъ заповѣдей, которыя Онъ намъ хранить заповѣдалъ. Когда Евангеліе Царствія Небеснаго будетъ проповѣдано по всей вселенной, и всѣ люди услышатъ о Немъ, тогда Онъ опять придетъ (Матѳ. XXIV, 14), чтобы взять къ Себѣ тѣхъ, которые повѣрили Его ученію и сдѣлались Его послѣдователями. И тѣмъ изъ нихъ, которые такъ пользовались Его ученіемъ, такъ употребляли установленныя Имъ святыя таинства, что годъ отъ году дѣлались честнѣе и добрѣе, годъ отъ году преуспѣвали въ любви къ Богу и людямъ, Онъ воздастъ бо́льшую награду, смотря по ихъ усердію. Кто больше изъ нихъ потрудился, тотъ получитъ бо́льшую награду; но кто сдѣлалъ и не такъ много, и тотъ не будетъ лишенъ Его награды, хотя награда эта будетъ и меньше награды перваго, потрудившагося больше. Одному, говоритъ, дастъ десять городовъ во владѣніе, а другому—пять. Тому же, который не старался сдѣлать полезнаго приложенія для своей жизни изъ Его ученія и Церкви, который довольствовался только тѣмъ, что получилъ имя христіанина, а жилъ не лучше язычника, тому не предоставитъ никакой награды; мало того, отниметъ у него и то благоволеніе и милость, которыми онъ пользовался до этого времени, лишитъ права быть и считаться въ Его Царствѣ, а дары, данные ему, предоставитъ другому, умѣвшему ими воспользоваться. Тѣхъ же, которые вовсе не захотѣли слушать Его и внимать Его ученію, не захотѣли признать въ Немъ Сына Божія, Онъ предастъ казни. Таковъ судъ будетъ на невѣрныхъ и недобрыхъ христіанъ вообще.

Святаго Василія Великаго на притчу о десяти минахъ.

Господь въ притчѣ о десяти минахъ говоритъ: *человѣкъ добра рода иде на страну далече, пріяти себѣ царство и возвратитися.* Потомъ, сказавъ о

десяти минахъ, которыя далъ десяти *рабамъ куплю дѣяти*, присовокупилъ: *и граждане его ненавидяху его и послаша вслѣдъ его послы, глаголюще: не хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами* (Лук. XIX, 12—14). *Человѣкъ добраго рода*—это не имѣющій общенія по роду ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ Бога, Который превыше всѣхъ. Какъ людьми добраго рода называемъ Происходящихъ отъ царской крови, такъ истинно *добра рода* Тотъ, Кто имѣетъ бытіе сущности Отчей. И Спаситель можетъ быть названъ *человѣкомъ добра рода*. Ибо Господь не только по Божеству разумѣемый есть *добра* рода, какъ по естеству имѣющій въ Себѣ чистоту, простоту и неподмѣсность; но и по человѣчеству, конечно, есть родъ отъ сѣмени Давидова по плоти. Онъ идетъ *на страну далече*, отстоящую не столько мѣстомъ, сколько состояніемъ дѣлъ. Ибо одинъ и тотъ же Богъ и близокъ къ каждому изъ насъ, когда добрыя дѣла дѣлаютъ насъ Своими Ему; и далече отъ насъ, когда чрезъ приближеніе къ погибели сами себя удаляемъ отъ Него. Сей-то *добра рода человѣкъ*, увидя, что въ мірѣ царствуетъ грѣхъ, что міръ подпалъ жестокому мучительству врага, и сжалившись надъ безначаліемъ, согласился царствовать надъ нами. *Подобаетъ бо Ему царствовати, дондеже положитъ враги Своя подъ ногама Своима* (1 Коринѳ. XV, 25). Посему, когда пришелъ Онъ въ сіе надземное мѣсто, на страну далече сущую отъ Бога, чтобы *пріяти царство* надъ язычниками, по сказанному въ псалмѣ: *проси отъ Мене, и дамъ Ти языки достояніе Твое* (Псал. II, 8); тогда подвластные князю вѣка сего, не только люди, но и силы, подъ его начальствомъ воюющія, не приняли царства Его. Но поелику Онъ давалъ заповѣди, назначалъ имъ дѣла ихъ, повелѣвалъ не въ праздности пребывать, а требовалъ отъ нихъ дѣлъ; то *послаша послы вслѣдъ Его*, отрицаясь имѣть Его Царемъ. Посему кто эти послы, какъ не виновники смерти Спасителя, думавшіе, что крестомъ пресѣкутъ царствованіе Его надъ міромъ, говорившіе Пилату: *не пиши, яко Царь Іудейскій, но яко Самъ рече: Царь есмь Іудейскій* (Іоан. XIX, 21)? Впрочемъ, лукавство препятствующихъ хотя ихъ осудило, однакоже не положило преграды домостроительству. Ибо, овладѣвъ царствомъ и одѣливъ рабовъ по достоинству дѣланія каждаго изъ нихъ, повелѣлъ *пригласити ихъ, да увѣсть, какову куплю суть сотворили*. И первому, *придѣлавшему десять мнасъ*, далъ *область надъ десятью градовъ*; второму же, пріобрѣтшему *пять мнасъ*, говоритъ *буди надъ пятію градовъ*. А у того, который мину свою завязалъ *въ убрусъ*, не пуская въ оборотъ, велѣлъ отнять ее. Когда же распорядился касательно Іудеевъ (ибо *время*, говоритъ, *начати судъ отъ дому Божія*, 1 Петр. IV, 17); тогда и враговъ, отрекшихся отъ Его Царства, приказалъ привести на среду *и изсѣчь* (Лук. XIX, 15—27). (Ч. II, стр. 375—376. Тв. св. оо., т. V).

Его же на ст. 23.

Что̀ значитъ этотъ торжническій столъ, на который тебѣ, какъ говоритъ Господь, надлежало отдать серебро (Лук. XIX, 23)?

Притчи не останавливаютъ своихъ разсужденій на одномъ взятомъ въ нихъ образѣ, но пролагаютъ уму путь къ предмету разсужденія. Посему, какъ въ обычаѣ отдавать торжникамъ серебро для приращенія (ибо, какъ узналъ я въ Александріи, есть люди, которые берутъ серебро и дѣлаютъ съ нимъ это), такъ и пріявшій какую бы то ни было благодать необходимо долженъ

передать ее имѣющему въ ней потребность, или сдѣлать съ нею то же, что̀ у Апостола сказано объ ученіи: *сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити* (2 Тимоѳ. II, 2). Ибо сіе можетъ быть не съ однимъ ученіемъ только, но и со всякимъ дѣломъ; потому что одни имѣютъ только къ нему способность, а другіе пріобрѣли уже опытность распоряжаться симъ дѣломъ (Тв. св. оо., т. V. Тв. Василія Великаго, ч. V, стр. 336).

Мысли еп. Ѳеофана.

Притча о десяти мнасахъ изображаетъ всю исторію человѣчества до второго пришествія Христова. Господь говоритъ въ ней о Себѣ, что Онъ идетъ чрезъ страданія, смерть и воскресеніе, къ Отцу Небесному принять царство надъ человѣчествомъ, которое все есть Его родовое достояніе. Оставшіеся на землѣ дѣлятся на двѣ половины: на рабовъ, поработившихъ себя Господу чрезъ послушаніе вѣрѣ и на не хотящихъ имѣть Его Царемъ и работать Ему, ради невѣрія своего. Тѣмъ, которые приступаютъ ко Господу вѣрою, съ готовностью работать Ему, даются дары Святаго Духа въ святыхъ таинствахъ: это *мнасъ*,—и каждый вѣрующій получаетъ его на служеніе въ кругу вѣрующихъ. Когда всѣ изъ рода человѣческаго, способные покоряться Богу, покорятся Ему; тогда Онъ снова придетъ, какъ пріявшій царство. Первымъ дѣломъ Его будетъ разсудить рабовъ, кто что̀ пріобрѣлъ данною благодатію, а потомъ послѣдуетъ судъ и надъ тѣми, которые не захотѣли имѣть Его Царемъ, то есть, или не вѣровали, или отпали отъ вѣры. Напечатлѣй эти истины въ умѣ своемъ, и не отводи отъ нихъ вниманія; ибо тогда будетъ рѣшеніе, которому уже не жди перемѣны. Бѣгай невѣрія, но и вѣруй не праздно, а приноси и плоды вѣры. *Обрѣтши тебя вѣрнымъ вмалѣ Господь и надъ многимъ тебя поставитъ* (Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ, стр. 432).

Библіографическій указатель къ XIX гл. Ев. отъ Луки.

Въ духовныхъ журналахъ:

1) Ст. 1—10. *Блаж. Августина.* Слово о Закхеѣ. Воскр. Чт., г. XI. 455—457.

2) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія въ Великомъ канонѣ святаго Андрея Критскаго. Душеп. Чт. 1881 г. I. Мартъ. 369. Закхей.

3) *Бѣлюстина.* Искренность обращенія. Воскр. Чт., г. XXXII. II. 1157—1164.

4) Евангельское чтеніе въ недѣлю 39 по Пятид. (Лук. XIX, 1—10). Воскр. Чт., г. XXV; 1035—1041.

5) Любопытство Закхея. Воскр. Чт., г. III. 411—412.

6) Праведный Закхей. Воскр. Чт., г. XV. 397—398.

7) Ст. 6. Природа и благодать. Воскр. Чт. 1877 г. II. 292—295.

8) Ст. 7. Предостереженіе отъ осужденія. Христ. Чт. 1834 г. I. 320—328.

9) Ст. 10. *Пріиде Сынъ Человѣчъ взыскати и спасти погибшаю.* Воскр. Чт., г. III. 303; г. VI. 275—276; г. XVII. 405—407.

10) Ст. 11—28. Объ обязанностяхъ христіанина по ученію Евангельской притчи о 10 минахъ. Воскр. Чт., г. XXXIV. I. 270.

11) Бесѣда священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ (12—17). Руков. для с. п. 1865 г. II. 153—155.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

12) Ст. 1—10. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣда о Закхеѣ.

13) Ст. 1—10. *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Бесѣда въ нед. Закхея. 315—325.

14) Ст. 1—10. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Исторія Закхея и ея назидательный смыслъ. IV. 44—50.

15) Ст. 1—10. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* О томъ, что и теперь ищущіе Господа могутъ найти и увидѣть Его. I. 121—124.

16) Ст. 5. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О способахъ призыванія грѣшника къ покаянію благодатію Божіею. Слово въ нед. 32 по Пятидесятницѣ.

Вечеря въ Виѳаніи (Іоан. XII, 1—11).

Прежде шести дній Пасхи, говоритъ Евангелистъ, *пріиде Іисусъ въ Виѳанію.* Виѳанія—селеніе, отстоявшее отъ Іерусалима на полчаса пути. Тамъ жило благочестивое семейство Марѳы, Маріи и брата ихъ Лазаря, котораго Іисусъ незадолго предъ симъ воскресилъ изъ мертвыхъ, уже четыре дня лежавшаго во гробѣ. Поэтому Евангелистъ и присовокупляетъ: *идѣже бѣ Лазарь умерый, егоже воскреси отъ мертвыхъ.*

Сотвориша Ему вечерю ту. Тамъ приготовили Ему ужинъ.

И Марѳа служаше. Лазарь же единъ бѣ отъ возлежащихъ. Это показываетъ, что вечеря была въ домѣ Марѳы и Маріи. Марѳа служила. Видно, это было ея добродѣтелью оказывать услуги, заботиться объ угощеніи, какъ это свойство ея изображено Евангелистомъ Лукою: *Марѳа молвяше о мнозѣ службѣ* (Лук. X, 40). А Лазарь былъ одинъ изъ возлежащихъ за вечерею съ Іисусомъ. Онъ былъ теперь предметомъ общаго вниманія, какъ гость этой жизни, недавно всесильнымъ словомъ Господа Іисуса возвращенный изъ области мертвыхъ. По этому вниманію къ Лазарю и Евангелистъ о немъ упоминаетъ, какъ о возлежавшемъ съ Іисусомъ, не упомянувъ ни о комъ другомъ изъ возлежащихъ (Евсевій Могилевскій).

Марія же пріемши литру мѵра нарда пистика многоцѣнна, помаза ноздѣ Іисусовъ и отре власы своими ноздѣ Его: храмина же исполнися отъ вони масти благовонныя. «Марія же, взявъ фунтъ нардоваго, чистаго, драгоцѣннаго мѵра, помазала ноги Его и отерла волосами своими ноги Его; и домъ исполнился благоуханіемъ отъ мѵра».

Нардъ — ароматическое растеніе (Пѣсн. Пѣсн. IV, 13) разводимое въ южной Индіи. Изъ корней его выжималось масло, самое превосходное изъ ароматическихъ жидкостей, и составляло предметъ роскоши. Наилучшимъ образомъ приготовляли эту ароматическую жидкость въ Малоазійскомъ городѣ Тарсѣ. Нардъ πιστικός, отъ πιστίς,— нардъ вѣрный, неподдѣльный, по Арабскому переводу, «чистый нардъ». Цѣльный чистый нардъ былъ *многоцѣнный,* цѣнился очень дорого. По оцѣнкѣ Іуды за Маріинъ сосудъ нарда можно было выручить 300 динаріевъ, по нашему счету, до 60 рублей.—У древнихъ предъ вечерею мыли ноги и иногда намащали масломъ; особенно обязаны были оказывать эту услугу дѣти родителямъ; у Аристофана читается: «дочь первая омыла меня и намастила ноги» (Филаретъ Черниговскій).

Марія стала мазать мѵромъ ноги Его и отирать волосами своими. Эта Марія, какъ явно изъ обстоятельствъ, была сестра Марѳы и Лазаря. О ней упоминаютъ Евангелисты Матѳей и Маркъ. Но о другой Маріи повѣствуетъ Евангелистъ Лука, которая также помазала

мѵромъ ноги Іисусовы. Марія, упоминаемая святымъ Лукою, жила въ другой странѣ, въ Галилеѣ, въ городѣ Наинѣ (Лук. VII, 11, 37), и показала свое усердіе къ Іисусу, когда Онъ былъ въ домѣ нѣкоего фарисея Симона. Та Марія была грѣшница и помазала ноги Іисусу, выражая чувство сокрушенія о своихъ грѣхахъ, и, по вѣрѣ своей получивъ отпущеніе грѣховъ, пошла съ мироѵъ (39—50); а Марія въ Виѳаніи, помазавшая мѵромъ ноги Іисусовы, была благочестивая женщина и прежде настоящаго случая получила похвалу отъ Іисуса: *Маріа благую часть избра, яже не отъиметсѧ отъ нея* (Лук. X, 42). Избравшая благую часть понимала достоинство Христа Спасителя; потому и тогда, какъ Господь былъ въ домѣ ихъ, и Марѳа много заботилась объ угощеніи Господа, Марія, оставивъ все и сѣдши у ногъ Его, слушала слово Его. А теперь, когда Господь такъ много утѣшилъ ихъ, воскресивъ брата ихъ Лазаря, Марія, безъ сомнѣнія, несравненно болѣе прежняго благоговѣла къ Іисусу и не знала, чѣмъ довольно выразить свою признательность и преданность къ Нему; поэтому рѣшилась почтить Его тѣмъ, чѣмъ могла, не считая потерею употребить драгоцѣнное мѵро, для выраженія своего почтенія и преданности къ Учителю и Господу, воскресившему ея брата.

Глаголаше же единъ отъ ученикъ Его, Іуда Симоновъ Искаріотскій, иже хотѧше Его предати: чесо ради мѵро сіе не продано бысть на трехъ стѫхъ пѫнязь и дано нищимъ? Сіе же рече, не яко о нищихъ печашеся, но яко тать бѣ, и ковчежецъ имѣяше и вметаемая ношаше.

Іуда поднялъ голосъ противъ добраго и Богоугоднаго дѣла Маріи, говоря: «для чего бы не продать это мѵро за триста динаріевъ и не раздать ихъ нищимъ»? Такое сужденіе—повидимому благовидное, основанное на любви къ ближнимъ. Но Іуда такъ говорилъ по недоброму намѣренію, которое обличаетъ Евангелистъ Іоаннъ, говоря: «сказалъ же сіе не потому, чтобы заботился о нищихъ, но потому, что былъ татъ. Онъ же имѣлъ денежный ящикъ и носилъ, что̀ туда опускали». Ношеніе ящика было послушаніемъ для пользы братства; потому что Іисусъ съ Своими учениками не отвергалъ доброхотнаго подаянія, и когда не было хлѣба, покупали его (Іоан. IV, 8). Но это послушаніе для Іуды служило поводомъ къ воровству.

Рече же Іисусъ: не дѣйте ея: да въ день погребенія Моего соблюдетъ е. Нищія бо всегда имате съ собою, Мене же не всегда имате. Іисусъ же сказалъ: оставьте ее; она это сберегла на день погребенія Моего. Ибо нищихъ всегда будете имѣть съ собою, а Меня не всегда имѣть будете».

Марія помазала ноги Іисуса единственно по своему усердію и высокому уваженію къ Іисусу. Когда сталъ Іуда осуждать ея поступокъ, какъ необдуманный, она молчала. Она дѣлала, что̀ внушало ей благоговѣніе къ великому Учителю и Благодѣтелю, и не боялась укоризнъ, равно какъ и не ожидала похвалъ. Іуда, по злому расположенію души своей, началъ осуждать ее; но Іисусъ, какъ вѣдающій тайны сердечныя и всѣмъ премудро управляющій, восхваливъ дѣло Маріи, далъ ему высокое знаменованіе. Какъ-бы такъ говорилъ Господь: «всему свое время, нищимъ можно всегда дѣлать добро, а Мнѣ не всегда; ибо недолго буду съ вами. Марія помазаніемъ приготовила Меня къ погребенію». Іудеи, по древнему восточному обыкновенію, тѣла умершихъ намащали

ароматами, какъ и тѣло Іисусово жены мироносицы хотѣли почтить исполненіемъ сего обряда, когда носили ароматы ко гробу Іисусову. И помазанію, какое совершила Марія, Іисусъ Христосъ даетъ значеніе того же погребальнаго намащенія (Евсевій Могилевскій).

«Нищихъ всегда имѣете съ собою и когда захотите, можете имъ благотворить». Спаситель, говоря это, имѣетъ въ виду слова закона Божія. Господь говорилъ въ законѣ: «поелику нищіе всегда будутъ среди земли твоей, то повелѣваю тебѣ,—отверзай руку твою брату твоему, бѣдному твоему и нищему твоему на землѣ твоей» (Второзак. XV, 11). Повторяя слова закона, Спаситель одобряетъ заботу добрыхъ учениковъ о нищихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ останавливаетъ вниманіе ихъ особенно на словахъ закона: «нищихъ всегда имѣете съ собою». Это урокъ для всѣхъ мечтателей—филантроповъ, для всѣхъ сенъ-симонистовъ и коммунистовъ и въ частности для тѣхъ изъ нихъ, которые безпощадно осуждаютъ за приношенія храмамъ. Всѣмъ имъ говорится: *нищія всегда имате съ собою.* Пусть не мечтаютъ о величіи филантропіи своей: бѣдность, болѣзни, бѣды всегда останутся между людьми. Отчего? Оттого, что людямъ не сдѣлать проклятой земли Эдемскимъ садомъ. Все, что могутъ дѣлать для смягченія скорбей жизни земной, пусть дѣлаютъ. Но при этомъ, прежде всего пусть смиряютъ въ себѣ своекорыстіе, которое такъ нерѣдко, какъ Іуда, хлопочетъ о бѣдныхъ только для своего кармана или для суетной извѣстности; пусть не увеличиваютъ несчастія другихъ мечтами пріятными для страстей, и вредными какъ для нихъ, такъ и для цѣлыхъ обществъ. Никогда не надобно забывать, что какъ Богъ выше всего, такъ прежде всего, нужны дѣла для прославленія имени Его (Филаретъ Черниговскій).

Разумѣ же народъ многъ отъ Іудей, яко ту есть: и пріидоша не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ, егоже воскреси отъ мертвыхъ. Приближался праздникъ Пасхи. Народъ со всѣхъ сторонъ собирался въ Іерусалимъ, не только изъ странъ Іудейскихъ и Галилейскихъ, но изъ-за предѣловъ Палестины, такъ какъ Іудеи были разсѣяны въ разныхъ странахъ за предѣлами земли обѣтованной. Народъ собирался въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, потому что Іудеи не могли праздновать Пасху ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ храма Іерусалимскаго. Къ этой Пасхѣ и Господь шелъ въ Іерусалимъ, чтобы окончить дѣло Своего служенія; чтобы, въ исполненіе древнихъ пророчествъ и преобразованій, принести Себя въ жертву за грѣхи міра. Когда Іисусъ отъ Іерихона шествовалъ къ Іерусалиму, Ему сопутствовало множество народа, шедшаго также въ Іерусалимъ. Но Іисусъ остановился въ Виѳаніи, гдѣ приготовили Ему вечерю. Въ Іерусалимѣ стало извѣстно, что Іисусъ въ Виѳаніи, гдѣ Онъ остановился на ночь. Народъ, слышавшій объ Іисусѣ, какъ великомъ Учителѣ и Чудотворцѣ, Который недавно воскресилъ уже четыре дня лежавшаго во гробѣ Лазаря, устремился въ Виѳанію. Многіе изъ народа, безъ сомнѣнія, еще никогда не видали Іисуса. Были даже язычники (Іоан. XII, 20). Всѣ желали видѣть Іисуса и Лазаря, котораго воскресилъ Онъ.

Совѣщаша же архіерее, да и Лазаря убіютъ. Яко мнози его ради ибяху отъ Іудеи и вѣроваху во Іисуса.

Уже въ то время, какъ Іисусъ воскресилъ Лазаря, нѣкоторые изъ Іудеевъ

сказали фарисеямъ, что̀ сдѣлалъ Іисусъ, и первосвященники съ фарисеями на совѣщаніи положили убить Іисуса (Іоан. XI, 53). Но Іисусъ удалился и не ходилъ между Іудеями явно (54). А первосвященники и фарисеи дали повелѣніе,— если кто узнаетъ, гдѣ Онъ будетъ, то объявилъ бы, чтобы взять Его. Вотъ теперь молва разнеслась, что Іисусъ въ Виѳаніи; что туда стремится народъ чтобы видѣть Іисуса и Лазаря, котораго воскресилъ Онъ. Это движеніе народа снова собрало первосвященниковъ на совѣтъ. Видѣли они, что вниманіе народа особенно привлекаетъ воскресшій Лазарь, потому къ прежнему опредѣленію—убить Іисуса недобрые совѣтники присовокупили еще новое, то есть чтобы вмѣстѣ съ Іисусомъ убить и Лазаря; потому что ради его многіе изъ Іудеевъ приходили туда и вѣровали во Іисуса (Евсевій Могилевскій).

«Пусть вы хотите убить Христа за то, что Онъ нарушалъ субботы, что творилъ Себя равнымъ Богу, изъ-за Римлянъ, какъ говорите вы.—Но въ чемъ вы можете обвинить Лазаря? Ужели въ томъ вина его, что получилъ благодѣяніе? Видишь, какъ кровожадны желанія ихъ! Много чудесъ сотворилъ Христосъ; но ни одно не возбудило въ нихъ такой ярости, ни чудо надъ разслабленнымъ, ни чудо надъ слѣпымъ. — Это потому, что чудо надъ Лазаремъ изумительнѣе другихъ и было послѣ тѣхъ. Совсѣмъ невѣроятно было видѣть, что четвородневный мертвецъ ходитъ и говоритъ. А прекрасное было дѣло для праздника къ (религіозному) торжеству присоединить убійство. — При томъ же въ тѣхъ случаяхъ они думали обвинить Христа въ нарушеніи субботы и тѣмъ отклонить отъ Него народъ; а здѣсь ни въ чемъ не могли обвинить Его и потому злоумышляютъ противъ того, кого Онъ воскресилъ. Здѣсь не могли они сказать и того, будто противится Отцу, потому что молитва Его заграждала имъ уста» (Златоустъ).

Вечеря въ Виѳаніи, описанная Евангелистомъ Іоанномъ, одна ли и та же съ вечерею въ домѣ Симона прокаженнаго, о которой разсказываютъ Евангелисты Матѳей и Маркъ?

Эта вечеря, которую описываетъ здѣсь Евангелистъ, отлична отъ подобной вечери, бывшей въ Виѳаніи же, предъ послѣдней же Пасхой, и описанной первыми двумя Евангелистами (Матѳ. XXVI, 6 и дал. Марк. XIV, 3 и дал. Такъ принимаетъ сіе Православная Церковь, что весьма ясно выражено въ синаксарѣ въ страстную среду и въ службахъ страстной недѣли (ср. Златоуста и Ѳеофилакта). При видимомъ сходствѣ описанія вечери Виѳанской у Іоанна и первыхъ трехъ Евангелистовъ,—сходствѣ, объясняющемся сходствомъ самыхъ описываемыхъ событій, въ самомъ текстѣ есть указаніе, что описываются разныя событія, только сходныя. По Іоанну вечеря была *за шесть дней до Пасхи,* по Матѳею и Марку—*за два;* по Іоанну помазала Господа сестра Лазаря Марія, по первымъ двумъ—нѣкоторая женщина (по преданію—та же грѣшница, которая еще задолго ранѣе помазала Господа въ Галилеѣ, въ домѣ Симона фарисея (Лук. VII, 36 и дал.); по Іоанну Марія помазала ноги Іисуса, по первымъ Евангелистамъ голову; по Іоанну вечеря была въ домѣ Лазаря, по Матѳею и Марку—въ домѣ Симона прокаженнаго; по Іоанну только Іуда сдѣлалъ замѣчаніе Маріи, по первымъ двумъ и другіе ученики. Эти разности такъ значительны, что указываютъ на разность самыхъ событій, только—поелику сходны самыя событія—сходно у Евангелистовъ и описаніе ихъ.—Вѣроятно ли повтореніе

происшествія чрезъ такое краткое время—отъ субботы до среды? Невѣроятнаго нѣтъ ничего, тѣмъ болѣе, что и побужденія къ помазанію Господа женами у той и другой были различныя: сестра Лазаря сдѣлала это изъ чувства глубочайшей благодарности за воскрешеніе брата ея, а другая жена—по влеченію болѣе безкорыстнаго чувства, почему и обѣщается ей награда бо́льшая, чѣмъ той (синаксарь въ великую среду), и вообще препятствій принимать то и другое помазаніе за различныя—нѣтъ. Можетъ возбудить недоумѣніе только то, ка́къ случилось, что—по обличеніи Господомъ Іуды за упрекъ его Маріи на первой вечерѣ—черезъ немного дней, на подобной вечерѣ, при подобномъ событіи, и другіе ученики выразили подобный Іудину упрекъ женщинѣ? Но побужденіе у нихъ было другое, чѣмъ у Іуды (ср. Златоуста и Ѳеофилакта); притомъ въ эти немногіе дни такъ много случилось и такого важнаго, что вечеря у Лазаря могла нѣсколько забыться; потомъ, можетъ быть, и на сей разъ они увлеклись лукавымъ подстрекательствомъ Іуды; и наконецъ—они были еще тогда несовершенны. По внѣшнему сходству упрека, сдѣланнаго Іудою Маріи и другими учениками—другой женщинѣ, и отвѣтъ Господа на этотъ упрекъ въ сущности одинаковъ, но о послѣдней женѣ Господь сказалъ болѣе, чѣмъ о Маріи. Итакъ надобно принять, что Господь, по сказаніямъ всѣхъ Евангелистовъ, въ продолженіе Своего общественнаго служенія былъ помазанъ на вечеряхъ трижды: одинъ разъ еще среди Своего общественнаго служенія въ какомъ-то Галилейскомъ городѣ, въ домѣ Симона фарисея, женою явно грѣшницею (Лук. VII, 37 и дал.); другой разъ—Маріею, сестрою Лазаря, за шесть дней до Пасхи въ Виѳаніи въ своемъ домѣ (Іоан. XII, 3 и дал.); третій разъ—въ Виѳаніи же въ дому Симона прокаженнаго (вѣроятно одно лице съ Симономъ фарисеемъ (Лук. VII, 36 и дал.) за два дня до Пасхи женщиною—тою же по преданію бывшею явно-грѣшницею, которая и прежде помазала Его въ домѣ Симона фарисея (Толковое Евангеліе Михаила).

Страстная седмица.

О входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ (Матѳ. XXI, 1—5).

(*Святаго Іоанна Златоустаго.*)

И егда приближишася во Іерусалимъ и пріидоша въ Виѳсфагію къ горѣ Елеонстѣй, тогда Іисусъ посла два ученика, глаголя има: идита въ весь, яже прямо вама: и абіе обрящета осля привязано, и жребя съ нимъ: отрѣшивша приведита Ми: и аще вама кто речетъ что, речета, яко Господь ею требуетъ: абіе же послетъ я. Сіе же все бысть, да сбудется реченное пророкомъ (Захаріею), *глаголющимъ: рцыте дщери Сіоновѣ: се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, и всѣдъ на осля и жребя сына подъяремнича* (Матѳ. XXI, 1—5). Часто и прежде сего Іисусъ Христосъ входилъ въ Іерусалимъ, но никогда не входилъ съ такою славою. Почему же такъ? Потому что тогда было еще начало строительства Его, и Самъ Онъ не былъ столько извѣстенъ, при томъ и время страданій еще не было близко. Посему Онъ жилъ, не отличаясь ничѣмъ отъ прочихъ, и по большей части скрывалъ Себя; иначе Его явленіе не было бы столь удивительно и только бы возбудило въ Іудеяхъ большой гнѣвъ. Когда же Онъ показалъ уже много опытовъ Своей силы, и крестъ былъ уже при дверяхъ, тогда болѣе и болѣе прославляется, и время отъ времени съ большею извѣстностью дѣлаетъ все, что могло воспламенить ихъ. Конечно, это возможно было и съ самаго начала, но было бы не нужно и безполезно. А ты размысли со мною, сколько здѣсь чудесъ, и сколько исполнилось пророчествъ? Іисусъ Христосъ сказалъ: *обрящета осля;*—и тутъ же предрекъ, что никто не будетъ препятствовать, но лишь услышатъ, замолчатъ.

Сего событія не должно почитать маловажнымъ. Что заставило сихъ бѣдныхъ людей, можетъ быть, земледѣльцевъ, безъ всякаго противорѣчія отдать свою собственность? И—что я говорю, безъ противорѣчія? Нѣтъ—даже и не спрашивая, или спросивъ, замолчать и уступить? Если они ничего не сказали, когда уводили ихъ скотъ, или, если и сказали что либо, но услышавъ, что Господь его требуетъ,—уступили безъ всякаго противорѣчія; то и другое равно удивительно, тѣмъ болѣе, что не видѣли Его Самого, а только учениковъ. Симъ самымъ Іисусъ Христосъ даетъ разумѣть, что Онъ могъ воспрепятствовать жестоковыйнымъ Іудеямъ, когда они пришли схватить Его, и сдѣлать ихъ безгласными, но только не захотѣлъ сдѣлать сего.

Съ другой стороны, Онъ научаетъ симъ учениковъ и всякаго, безъ противорѣчія жертвовать всѣмъ, что бы Онъ ни потребовалъ, даже самою душею; ибо если и незнакомые Ему повиновались Его требованію, то тѣмъ болѣе они должны жертвовать Ему всѣмъ. Далѣе—Іисусъ Христосъ исполнилъ здѣсь слова пророка Захарія, который сказалъ, что Царь будетъ сидѣть на осляти. Возсѣдъ на осля, Онъ исполнилъ сіе послѣднее пророчество, и въ то же время, прообразуя Своими дѣйствіями будущее, далъ другое пророчество. Какимъ же образомъ? Онъ предвозвѣстилъ симъ призваніе нечистыхъ язычниковъ, т. е., что Онъ въ нихъ почіетъ, что они пріидутъ къ Нему и за Нимъ послѣдуютъ. Впрочемъ, Іисусъ Христосъ, по моему мнѣнію, не по сей только причинѣ благоволилъ возсѣсть на осля; но и для того, чтобы подать намъ правило жизни, вездѣ поставляя намъ за правило удовлетворять только крайнимъ нуждамъ. Такъ и теперь, если бы случилось, что кто-нибудь по немощи имѣлъ нужду въ животныхъ, то Господь Іисусъ Христосъ и въ семъ случаѣ сдѣлалъ ограниченіе, показывая, что не на коняхъ, не на мулахъ надобно мчаться, но должно довольствоваться осломъ и не простираться далѣе необходимаго. При томъ нельзя не видѣть, какъ сбывается пророчество и словами и самымъ дѣломъ? *Се Царь твой грядетъ кротокъ, всѣдъ на осля и жребя юна.* Не на колесницѣ ѣдетъ, какъ обыкновенно поступаютъ другіе цари, не требуетъ дани, не наводитъ Собою страха, не имѣетъ копьеносцевъ, но и здѣсь показываетъ величайшую кротость. Спроси у Іудея: былъ ли какой-нибудь царь, который бы на осляти въѣзжалъ въ Іерусалимъ? онъ ни объ одномъ тебѣ сего не скажетъ, какъ только о Немъ. Но Онъ, какъ я выше сказалъ, дѣлалъ сіе въ предзнаменованіе будущаго. Здѣсь чрезъ осленка означается Церковь и народъ новый, который былъ нѣкогда нечистъ, но послѣ того какъ возсѣлъ на немъ Іисусъ Христосъ, сдѣлался чистымъ. Замѣть же, какая точность во всемъ прообразованіи. Ученики отвязываютъ подъяремниковъ: и Іудей, и мы призваны въ новоблагодатную Церковь чрезъ Апостоловъ. Наша блаженная и славная участь и въ Іудеяхъ возбудила ревность; оселъ идетъ позади осленка. И дѣйствительно, послѣ того какъ Іисусъ Христосъ усвоитъ Себѣ язычниковъ, тогда и Іудеи по своей ревности пріидутъ къ Нему, что ясно показываетъ Апостолъ Павелъ, говоря: *яко ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть, дондеже исполненіе языковъ внидетъ: и тако весь Израиль спасется.* Итакъ изъ сказаннаго видно, что это было пророчество. Видно отсюда и то, что Апостолы приведутъ язычниковъ безъ труда. И дѣйствительно, какъ никто не препятствовалъ Апостоламъ, когда они повели оныхъ животныхъ; такъ никто не могъ остановить ихъ въ призваніи язычниковъ, когда они уловляли ихъ проповѣдью. Далѣе, Христосъ садится не на нагого осленка, но на покрытаго одеждами Апостоловъ: это значитъ, что Апостолы, принимая что либо отъ усердія язычниковъ, и свое все отдаютъ имъ, какъ говоритъ Павелъ: *азъ же въ сладостъ ижду̀иву, и ижду̀ивенъ буду по душахъ вашихъ* (2 Коринѳ. XII, 15). Но обрати вниманіе и на послушаніе осленка, какъ онъ, вовсе необученный и не знавъ еще узды, не помчался быстро, пошелъ тихо и спокойно. И это служило предзнаменованіемъ будущаго, выражая покорность язычниковъ и скорую ихъ перемѣну къ благоустроенной жизни (Воскр. Чт., г. X, стр. 485).

О входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ. Изъясненіе пророчества и таинства сего дня (Матѳ. XXI, 4—5).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Сіе же все бысть, да сбудется реченное пророкомъ, глаголющимъ: рцыте дщери Сіоновѣ: се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, и всѣдъ на осля и жребя, сына подъяремнича (Матѳ. XXI, 4—5). Два предмета можно здѣсь разсматривать: дивное событіе пророчества, и новое пророчество событія.

Если бы еще и не открыто было событіе пророчества Захаріина,—по самому сему пророчеству можно примѣчать, что имъ обѣщается дивное событіе. Кто бы могъ ожидать, чтобы какой-нибудь царь въ царственный городъ торжественнымъ шествіемъ вступилъ на юномъ жребяти, рожденномъ отъ подъяремныя ослицы? И если бы кто явился въ такомъ видѣ съ именемъ царя,—можно ли было думать, что его примутъ съ искреннимъ веселіемъ и торжественными восклицаніями, а не съ посмѣяніемъ или пренебреженіемъ? Издревле цари побѣдоносные шествовали на коняхъ; мирные вельможи, по простотѣ древнихъ обычаевъ, путешествовали, правда, на ослицахъ; но на осля, рожденное *отъ подъяремныя,* то есть, отъ работной, носящей тяжести ослицы, и притомъ на осля юное, необученное, не отвыкшее отъ матери, царю возсѣсть свойственно ли, вѣроятно ли было? Какъ же пришло на мысль Захаріи предсказывать торжественное шествіе и срѣтеніе Царя, *всѣдшаго на подъяремника и жребца юна?* Какъ могло исполниться такое предсказаніе? И то и другое не могло быть иначе, какъ необыкновеннымъ, отъ Бога устроеннымъ образомъ. По сей необычайности предсказываемаго дѣйствія, самые Іудеи признаютъ издревле донынѣ, что пророчество Захаріи о кроткомъ Царѣ относится къ Мессіи, или иначе ко Христу, хотя не узнаютъ Его бѣдные въ кроткомъ Іисусѣ.

Но если въ самомъ пророчествѣ Захаріи уже можно усматривать необычайность событія, имъ возвѣщаемаго, то внимательное разсматриваніе самаго событія еще болѣе можетъ открыть чудеснаго и прямо Божественнаго.

Когда какому царю надлежитъ торжественно вступить въ царственный городъ,—торжественность сія составляется посредствомъ предварительныхъ распоряженій и приготовленій. Но ничего такого не находимъ у Господа нашего, до самаго дня,—почти до самаго часа, царскаго вшествія Его въ Іерусалимъ. Вчера Онъ вечерялъ въ Виѳаніи, гдѣ воскресилъ Лазаря; и при помазаніи ногъ Его мvромъ, говорилъ о предварительныхъ распоряженіяхъ не къ воцаренію, а къ погребенію Своему. Было тамъ не мало народа, но *не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ* (Іоан. XII, 9). Сегодня поутру идетъ Онъ въ Іерусалимъ, сопровождаемый учениками, также какъ и въ другіе дни. *Идяше преди,* пишетъ святый Лука, *восходя во Іерусалимъ* (Лук. XIX, 28). Нѣтъ никакихъ приготовленій. Никто не думаетъ о Его воцареніи. *Сихъ же не разумѣша ученицы Его прежде* (Іоан. XII, 16). Внезапно сіе начинается и вдругъ совершается. *И бысть.* Не доходя до Виѳсфагіи, недалеко уже и отъ самаго Іерусалима, даетъ Онъ неожиданное повелѣніе: *и бысть, яко приближися въ Виѳсфагію и Виѳанію, къ горѣ нарицаемѣй Елеонъ, посла два ученикъ Своихъ, глаголя: идита въ прямую весь: и въ нюже входяща обрящета жребя привязано, на неже никтоже николиже отъ человѣкъ всѣде* (Лук. XIX, 29—30),—по другому Евангелисту обстоя-

тельнѣе: *осля привязано и жребя съ нимъ* (Матѳ. XXI, 2). Примѣчайте внимательно, какъ поистинѣ Божественно дѣйствуетъ Божественный Царь нашъ. Онъ видитъ пророчество; видитъ близкую минуту, когда ему надлежитъ исполниться; но еще нѣтъ орудій къ исполненію онаго. Онъ взираетъ не тѣлеснымъ окомъ Своимъ, но Своимъ всевѣдѣніемъ, и потребное тотчасъ обрѣтается. *Абіе обрящета осля привязано и жребя съ нимъ.* Чудесно, какъ найдено сіе орудіе, но и то не менѣе чудесно, какъ оно взято. *Отрѣшивша, приведита Ми,* глаголетъ Онъ двумъ ученикамъ. Господи!—могли бы сказать посылаемые,—какъ можно сіе сдѣлать,—отрѣшить чужое осля, неизвѣстнымъ посланникамъ, и вести, куда не знаетъ хозяинъ? Подлинно, сіе могло затруднить Апостоловъ; подлинно, видимая несбыточность повелѣваемаго могла сопровождаться непослушаніемъ посылаемыхъ, если въ другомъ случаѣ встрѣченное ими затрудненіе сопровождалось и бѣгствомъ и отреченіемъ отъ Господа; и тогда бы дѣло разрушилось, и пророчество не исполнилось. Но и здѣсь Божественное вѣдѣніе Царя нашего провидѣло готовность посылаемыхъ, а Божественная власть Его надъ сердцами укрѣпила ихъ противъ всякаго сомнѣнія. То же вѣдѣніе провидѣло вопросъ хозяина осляти: *почто отрѣшаета?* Та же власть надъ сердцами предварительно дала на сіе, повидимому, нимало неубѣдительный для незнакомаго, но на самомъ дѣлѣ непреоборимымъ оказавшійся отвѣтъ: *Господь требуетъ* (Лук. XIX, 31). И посланные взяли и привели осля, не зная чье; и хозяинъ осляти отдалъ его, не зная, кому и на что. Между тѣмъ народъ многъ, не царски созванный, но *пришедый въ праздникъ* (Іоан. XII, 12), не по гласу проповѣдника, но по славѣ воскресенія Лазарева, исходитъ въ срѣтеніе Іисусу; и, объятый внезапнымъ восторгомъ, вмѣсто приготовленныхъ украшеній, постилаетъ Ему ризы, вмѣсто царскихъ знаменій и оружія, вземлетъ вѣтви древесныя; предшествуетъ, послѣдуетъ, восклицаетъ кроткому Царю, безъ всякой царской пышности несомому спокойно ослятемъ, котораго никакая человѣческая рука не пріобучала до сей минуты ни къ какому бремени. Какъ произошли всѣ сіи нечаянности?—поистинѣ, сіе все бысть, да *сбудется реченное пророкомъ.* Сбылось несбыточное, дабы ясно было видно, что дѣйствуетъ Тотъ, у Котораго *не изнеможетъ всякъ глаголъ* (Лук. I, 37).

Изощримъ взоръ и увидимъ въ самомъ событіи новое пророчество еще болѣе дивнаго событія.

Входъ Господень въ Іерусалимъ не есть простое изъявленіе настоящаго, но паче пророчество и предзнаменованіе будущаго воцаренія Его. Царство Его не есть сей Іерусалимъ, который вскорѣ разрушатъ, или земля Іудейская, которую вскорѣ опустошатъ и поработятъ, но Церковь, которой и *врата адова не одолѣютъ* (Матѳ. XVI, 18). Осля и жребя, на которомъ Онъ возсѣдаетъ для царскаго Своего шествія, означаютъ два рода людей, надъ которыми Онъ пришелъ духовно царствовать,—Іудеевъ и язычниковъ. Осля подъяремное есть образъ Іудеевъ, долго носившихъ на выяхъ своихъ иго закона, *иго, егоже*—признается лучшій изъ нихъ—*ни отцы наша, ни мы возмогохомъ понести* (Дѣян. XV, 10), и которое поэтому нужно было перемѣнить на иго Христа благое и бремя Его легкое. Жребя необученное знаменуетъ язычниковъ, неукрощенныхъ ученіемъ, не знающихъ закона. Апостолы безпрепятственно берутъ жребя и осля;

то есть, Апостолы, не смотря на препятствія, покоряютъ Царствію Христову Іудеевъ и язычниковъ. Господь возсѣдаетъ на жребя; осля за нимъ послѣдуетъ; то есть, сперва покоряются Царствію Христову большею частью язычники, а когда предопредѣленные изъ язычниковъ войдутъ въ полноту Церкви, тогда и оставшіеся Іудеи обратятся и постигнутъ ихъ. Необученное жребя благочинно несетъ на себѣ Царя; то есть, невѣжественные и своевольные прежде язычники вскорѣ образуются ученіемъ и заповѣдями Христовыми. Ризы постилаютъ Царю; то есть, совершенные послѣдователи Христовы все свое отдаютъ Ему. Дѣти пріемлютъ и славословятъ Царя, то есть, сердца дѣтскія по простотѣ и искренности, пріемлютъ Христа вѣрою, прославляютъ Его любовью (т. I, 1848 г., стр. 22—25).

О значеніи входа Господня въ Іерусалимъ.

(Иннокентія Херсонскаго.)

Обозрѣвая служеніе Іисуса Христа, припоминая, какъ Онъ поступалъ до сего времени, какъ тщательно уклонялся всѣхъ случаевъ, гдѣ усердіе народа могло дойти до необдуманныхъ дѣйствій въ Его пользу; какъ часто самимъ послѣдователямъ и ученикамъ Своимъ запрещалъ объявлять всенародно, что Онъ есть всѣми ожидаемый Царь Израилевъ; какъ наконецъ постоянно отвергалъ всякую земную почесть, отдалялъ всѣ поводы къ той мысли, что Онъ имѣетъ какіе либо виды на престолъ Своихъ праотцевъ по плоти; припоминая, говорю, все это и взирая на Іисуса Христа въ продолженіи настоящаго дня, иной можетъ подумать, что Имъ принятъ теперь какъ-бы другой, противуположный образъ дѣйствія, что Онъ намѣренъ, сообразно всеобщимъ ожиданіямъ, дѣйствительно явить Себя видимымъ Царемъ Израиля и возстановить престолъ Давида, хотя не въ такомъ плотскомъ видѣ, какъ то воображали многіе изъ Іудеевъ. Между тѣмъ Божественный Учитель истины оставался непреложно тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде; и торжественный входъ Его во Іерусалимъ совершенъ съ полною увѣренностью, что чрезъ нѣсколько дней въ семъ же Іерусалимѣ Его осудятъ на смерть, предадутъ язычникамъ и пригвоздятъ ко кресту, какъ величайшаго преступника. Что же послѣ сего была за цѣль столь необыкновеннаго поступка? Для чего допущено Богочеловѣкомъ, чтобы предъ самымъ страданіемъ и смертію возданъ былъ Ему нѣкій видъ царственной почести, отъ коей Онъ такъ постоянно уклонялся во время Своего служенія? Подобнымъ снисхожденіемъ Его къ патріотическому восторгу народа, искавшаго видѣть въ Немъ возстановителя престола Давидова, не могла ли даже питаться въ народѣ мечтательная надежда земнаго царства Мессіи, которую Онъ старался искоренять столь ревностно? Самымъ врагамъ Іисусовымъ не давалось ли чрезъ сіе благовиднаго предлога обвинять Его въ какихъ либо земныхъ замыслахъ? — Вопросы сіи, занимавшіе еще святаго Златоуста, тѣмъ паче должны остановить на себѣ наше размышленіе, что вшествіе Іисуса Христа во Іерусалимъ не разъ подвергалось превратнымъ толкамъ враговъ христіанства.

Евангелисты Матѳей и Іоаннъ, повѣствуя о входѣ въ Іерусалимъ, замѣчаютъ, что событіе сіе послѣдовало вслѣдствіе предсказанія пророка о таковомъ вшествіи во Іерусалимъ Мессіи. Посему на вышеприведенные вопросы можно бы отвѣчать (какъ и отвѣчали нѣкоторые), что Спаситель, Который еще Своему Пред-

течѣ благоволилъ сказать, что Ему надобно *исполнить всякую правду,* и по воскресеніи ученикамъ Своимъ объявилъ, что на Немъ надлежало исполниться всему, писанному о Немъ Моисеемъ и пророками, восхотѣлъ исполнить и пророчество о входѣ Своемъ во Іерусалимъ, и притомъ — буквально, дабы тѣ изъ Іудеевъ, кои знали и понимали сіе пророчество, (а такіе были) не имѣли права сказать, что на Немъ сего не исполнилось. Но такимъ отвѣтомъ дѣло было бы рѣшено только въ половину; потому что выраженія Евангелистовъ: *да сбудется реченное пророкомъ, да исполнится Писаніе* и проч., означаютъ не причину событія, а указаніе на пророчество о событіи; такъ какъ и вообще Мессія имѣлъ сдѣлать то или другое не потому, что пророки представляли Его поступающимъ такимъ или другимъ образомъ; а, напротивъ, пророки изображали Его въ томъ или другомъ видѣ потому, что Ему надлежало по другимъ причинамъ имѣть сей, а не другой видъ. Посему полнаго отвѣта на вопросъ о цѣли торжественнаго вшествія Іисусова въ Іерусалимъ должно искать не въ предсказаніи, которое само зависѣло отъ событія, а въ существѣ и обстоятельствахъ самаго событія.

И дѣйствительно, обращая вниманіе на служеніе Іисуса Христа, и особенно на Его отношеніе къ народу Іудейскому, не трудно примѣтить, что такое событіе, какъ торжественное вшествіе въ Іерусалимъ, было нужно, и именно предъ Его страданіемъ.

Іисусъ Христосъ пришелъ на землю, какъ Спаситель всего рода человѣческаго; но пришелъ яко Мессія, обѣщанный предварительно народу Іудейскому и имѣющій среди его явиться міру. Какъ обѣтованный Израилю Мессія, возвѣщенъ Онъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи при самомъ Его зачатіи, а при рожденіи — пастырямъ Виѳлеемскимъ; какъ обѣтованный Израилю Мессія, указанъ Онъ Іоанну Крестителю, а Іоанномъ—народу; какъ обѣтованный Израилю Мессія, Онъ училъ, творилъ чудеса, обличалъ, пророчествовалъ и проч. Кто изъ Іудеевъ былъ внимателенъ къ ученію Іисуса Христа и Его дѣяніямъ и судилъ безпристрастно,—тотъ давно могъ признать Его въ своемъ сердцѣ Мессіею, хотя бы и не слыхалъ торжественнаго объявленія объ Его достоинствѣ. Но для большей части народа требовалось, чтобы Онъ Самъ всенародно объявилъ Себя Мессіею, предвозвѣщеннымъ пророками; въ народѣ господствовало даже мнѣніе, что Мессія откроется хотя внезапно, впрочемъ такъ торжественно, что о приходѣ Его узнаютъ всѣ Іудеи во всѣхъ концахъ свѣта. Въ семъ ожиданіи, конечно, было не безъ мечтательности; но было нѣчто и совершенно справедливое, основанное на предсказаніяхъ пророковъ, и на самомъ существѣ дѣла; ибо явленію такого великаго и необыкновеннаго лица, какъ Мессія, по необходимости надлежало придти во всеобщую извѣстность.

Но сего-то самаго и не было еще сдѣлано доселѣ. Іисусъ Христосъ не только не именовалъ Самъ Себя прямо Мессіею, но часто даже ученикамъ Своимъ запрещалъ называть Себя предъ народомъ этимъ именемъ, поступая въ семъ случаѣ по плану Своей Божественной премудрости. Посему нѣкоторые, съ истиннымъ или притворнымъ усердіемъ говорили Ему громко: «*доколѣ души наши вземлеши?* (долго ли Тебѣ держать насъ въ недоумѣніи?) *Аще Ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся* (скажи намъ прямо). Для удовлетворенія всѣмъ симъ нуждамъ, для отклоненія всѣхъ недоумѣній, Сыну

Человѣческому надлежало явиться дщери Сіоновой въ полномъ видѣ Царя кроткаго, дабы она, отвергнувъ въ Немъ Жениха своего, не могла сказать, что отвергла Его по невѣдѣнію. И вотъ въ семъ-то самомъ и состояла главная цѣль настоящаго торжественнаго входа Іисусова въ Іерусалимъ! Это было для всѣхъ Іудеевъ всенароднымъ объявленіемъ, что Іисусъ Христосъ есть ихъ истинный Мессія. Неоспоримымъ доказательствомъ сего служатъ собственныя слова Его, произнесенныя Имъ предъ вратами Іерусалима: «о, если бы ты хотя въ сей день твой уразумѣлъ, что̀ служитъ къ спасенію твоему!» Выраженіе: *день сей твой* показываетъ чрезвычайную важность настоящаго событія для народа Іудейскаго, ту важность, которую мы сейчасъ усвоили ему. Дѣйствительно, *днемъ симъ*, съ отверженіемъ Мессіи, навсегда была рѣшена судьба народа Израильскаго. Въ такомъ случаѣ подлинно, если бы ученики умолкли, то заговорили бы самые камни. Такъ время было важно и невознаградимо!

Не трудно усмотрѣть, почему такому всенародному объявленію, что Іисусъ Христосъ есть Мессія, надлежало послѣдовать не прежде, какъ при самомъ концѣ Его служенія. Непремѣннымъ слѣдствіемъ его со стороны синедріона имѣло быть если не принятіе за Мессію, то рѣшительное преслѣдованіе Іисуса Христа и Его смерть; но смерть прежде сего была бы безвременна, потому что еще не было положено прочное основаніе Царству Божію на земли, для учрежденія коего сошелъ на землю Сынъ Божій. Съ другой стороны, если бы Іисусъ Христосъ, объявивъ Себя Мессіею, и слѣдовательно по понятіямъ народа Царемъ Израиля, оставался на землѣ долѣе, то народъ Іудейскій, вѣроятно, не удержался бы отъ безпокойныхъ движеній и произвелъ бы, во имя пришедшаго Мессіи, возстаніе противу Римлянъ. Теперь краткость времени, протекшаго до страданій Іисуса Христа, не позволила мечтательности народной дойти до подобной крайности, а крестъ Его рѣшительно полагалъ конецъ въ послѣдователяхъ Его всѣмъ подобнаго рода замысламъ. Независимо отъ сего, нельзя не примѣтить, что для входа во Іерусалимъ избранъ былъ, и конечно не безъ особеннаго намѣренія, тотъ самый день (10 марта), въ который въ каждомъ семействѣ избирали агнца, имѣвшаго служить Пасхою. Кто видѣлъ въ агнцѣ пасхальномъ не одинъ припоминательный знакъ прошедшаго благодѣянія Божія, оказаннаго праотцамъ Іудеевъ въ Египтѣ, но и прообразованіе великаго Агнца Божія, имѣвшаго придти для искупленія грѣховъ всего міра (а такіе люди были),—для того такое совпаденіе времени долженствовало быть весьма поучительно. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Своего входа во Іерусалимъ, остальные дни до Своей смерти Іисусъ Христосъ обращался между народомъ не иначе, какъ жертва, видимо обреченная на закланіе: дни сіи проведены были и Имъ Самимъ и врагами Его именно въ приготовленіи къ Его смерти.

Что̀ касается до самаго образа вшествія во Іерусалимъ и его подробностей, то въ семъ отношеніи, явно, поступлено въ сообразность древнему пророчеству, и поступлено съ величайшею мудростію. Не смотря на нѣкоторую, по сей причинѣ, неизбѣжную торжественность, все было предусмотрѣно такъ, чтобы исполненіе пророчества не послужило пищею для народной мечтательности о земномъ царствѣ Мессіи. Между почитателями Іисуса Христа было не мало людей важныхъ и богатыхъ, которые, по одному слову Его,

могли бы доставить Ему все, нужное для того, чтобы явиться дщери Сіоновой въ величіи Царя Израилева. Но Онъ не дѣлаетъ сего; является всему Іерусалиму съ обычною для Него простотою, смиреніемъ, даже убожествомъ. Его именуютъ Царемъ Израилевымъ; Ему поютъ: *осанна;* предъ Нимъ сыплютъ вѣтви, постилаютъ одежды,—почести, выражающія величайшую любовь, искренность и силу усердія;—но гдѣ торжественная колесница? гдѣ вооруженные слуги? гдѣ царскія украшенія?—Все это замѣнено двѣнадцатью учениками, столь же убогими, какъ и Учитель, ослицею и осленкомъ, взятыми на время у другихъ!... Самый послѣдній изъ владѣльцевъ никогда не являлся въ такой простотѣ и убожествѣ, какъ теперь—Іисусъ! Все, чѣмъ украшался входъ Его, состояло изъ непритворной радости и усердія народа и учениковъ Его, такъ что внимательный наблюдатель уже теперь могъ видѣть ту святую истину, изреченную впослѣдствіи предъ Пилатомъ, что Царство Іисуса Христа не отъ міра сего.

Посему, вслѣдъ за отцами Церкви, можно сказать о семъ торжественномъ входѣ еще гораздо болѣе, а именно, что цѣлью его было между прочимъ и намѣреніе—одушевлявшее всѣ поступки Іисуса,—уничтожить въ умѣ Своихъ соотечественниковъ мечту о земномъ царствѣ Мессіи. Въ самомъ дѣлѣ, мнимымъ основаніемъ сей мечты служили преимущественно тѣ мѣста у пророковъ, гдѣ Мессія описывается какъ Царь. Іисусъ Христосъ всенародно показалъ теперь, какъ можно быть Царемъ—Мессіею, описаннымъ пророками, и въ то же время быть совершенно чуждымъ земнаго владычества. Послѣ сего нѣтъ никакого мѣста той ложной мысли, которая сдѣлалась впослѣдствіи времени такъ всеобщею между Іудеями: то есть, что пророчества о Мессіи, по ихъ рѣзкой противоположности, не иначе можно согласить, какъ допустить двухъ Мессій: одного сильнаго—Царя, Сына Давидова; другаго—безславнаго, страждущаго и умирающаго, отъ колѣна Ефремова. Іисусъ Христосъ, съ нравственно-духовнымъ величіемъ Своимъ, съ Своимъ страданіемъ и смертію, совмѣстилъ въ Себѣ въ семъ случаѣ то, что въ предсказаніяхъ пророковъ о Мессіи казалось земнымъ, частнымъ и мѣстнымъ, именно, чувственное явленіе всему народу Израильскому въ видѣ Царя, ѣдущаго на молодомъ ослѣ, и принятіе отъ Іерусалима всенародныхъ почестей въ качествѣ Сына Давидова.

Если бы, примѣтимъ еще, въ торжественномъ вшествіи Іисуса Христа въ Іерусалимъ заключалось что либо противное существовавшему тогда гражданскому порядку вещей, что либо неблагопріятное для тогдашняго Римскаго правительства, то возможно ли, чтобы Римская стража, всегда строгая, а особенно усугублявшая свою бдительность во время праздниковъ, не обратила никакого вниманія на это шествіе? Но подобнаго вниманія нисколько не обращено.—Возможно ли, чтобы сіе событіе осталось въ совершенной неизвѣстности для игемона Іудейскаго, человѣка подозрительнаго и весьма строгаго, который для поддержанія Римскаго самовластія охотно употреблялъ огонь и желѣзо при самыхъ не важныхъ подозрѣніяхъ? Но Пилатъ, какъ изъ всего видно, нисколько не зналъ, или не заботился о семъ событіи. Не очевидно ли послѣ сего, что, по мнѣнію самой Римской стражи и начальства,—свидѣтельство, сильнѣе коего и нельзя желать,—вшествіе Іисуса Христа во Іерусалимъ не только не заключало въ себѣ ничего не совмѣстнаго съ видами Римлянъ, съ выгодами кесаря, но и не

выходило изъ обыкновеннаго порядка вещей?

Обратимся, наконецъ, къ самимъ врагамъ Іисусовымъ: кто сильнѣе ихъ могъ клеветать на Него? И кто готовѣе былъ на клеветы противу Него всякаго рода? — Однакоже, при всей злобѣ своей, они не осмѣлились поставить Ему въ вину входа Его въ Іерусалимъ ни въ синедріонѣ, ни предъ Пилатомъ: такъ дѣло сіе было чисто, невинно, свято (Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, стр. 102—110).

Торжественный входъ Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ

(Іоан. XII, 12—19. Матѳ. XXI, 1—11, 14—17. Марк. XI, 1—11. Лук. XIX, 29—44).

(Свящ. М. Некрасова.)

Прежде шести дній Пасхи пріиде Іисусъ въ Виѳанію. Такъ святый Евангелистъ Іоаннъ начинаетъ свой разсказъ о входѣ Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ. На этотъ разъ Господь пришелъ сюда изъ небольшого городка Ефраима, лежавшаго на краю дикой и страшной пустыни Сорокадневной. Въ ней три съ половиною года назадъ, Онъ приготовлялъ Себя сорокадневнымъ постомъ къ великому служенію на спасеніе рода человѣческаго: въ эти же мѣста Господь Іисусъ, по воскрешеніи Лазаря, удалился на короткое время до наступленія Своихъ страданій, для приготовленія къ нимъ. Укрѣпивъ Себя молитвенною бесѣдою къ Богу Отцу, Онъ шелъ изъ Ефраима въ Іерусалимъ, какъ Агнецъ на заколеніе ведомый. По пути Онъ зашелъ въ Виѳанію къ друзьямъ Своимъ, которые приготовили для Него вечерю.

Вѣсть о пришествіи Спасителя всегда предваряла Его. Посему, какъ только стало извѣстно, что Онъ въ Виѳаніи, толпы людей устремились туда: люди, видѣвшіе Лазаря, воскресшаго, пожелали видѣть Воскресителя; не видавшіе Лазаря тѣмъ сильнѣе пожелали видѣть и Лазаря и Іисуса. Какъ-бы удовлетворяя общему желанію, Спаситель на другой день пошелъ въ Іерусалимъ. Многочисленныя толпы, пришедшія въ Виѳанію, сопровождали Его; многочисленныя толпы, не успѣвшія прежде придти въ Виѳанію, шли Ему навстрѣчу; у всѣхъ было одно желаніе видѣть Іисуса, пророка изъ Галилеи, Воскресителя Лазаря. Но здѣсь произошло то, что̀ обыкновенно бываетъ, когда множество народа собирается въ одно мѣсто, чтобы видѣть что-нибудь,—почти никто, или только немногіе видятъ. За множествомъ народа Господь былъ видѣнъ только шедшимъ подлѣ Него. Это весьма естественное препятствіе еще болѣе усиливаетъ и безъ того горячее желаніе видѣть Его. Но вотъ Онъ останавливается; безчисленныя толпы группируются около Него; у всѣхъ одинъ вопросъ: что̀ тамъ такое? Что̀ Онъ дѣлаетъ? Не творитъ ли Онъ чуда? Не говоритъ ли рѣчи?

Въ самомъ дѣлѣ, тамъ происходило что-то не совсѣмъ обыкновенное: извѣстно, что Іисусъ Христосъ всегда ходилъ пѣшкомъ, а между тѣмъ Онъ посылаетъ теперь двухъ учениковъ въ близъ лежащее селеніе за осломъ, съ явнымъ намѣреніемъ не идти, а ѣхать въ Іерусалимъ, и это тогда, когда до Іерусалима было такъ близко, всего какихъ-нибудь версты полторы.

«Пойдите, говорилъ Онъ двумъ ученикамъ, въ противолежащее селеніе; вошедши въ него, найдете молодаго осла, привязаннаго, на котораго никто изъ людей никогда не садился; отвяжите его и приведите. И если кто спроситъ васъ: зачѣмъ отвязываете?—скажите ему та́къ: онъ надобенъ Господу. Посланные пошли и нашли,

какъ Онъ сказалъ. Когда же отвязывали молодого осла, хозяева его сказали имъ: зачѣмъ отвязываете осленка? Они отвѣчали: онъ надобенъ Господу. И привели его къ Іисусу и, накинувъ одежды свои на осленка, посадили на него Іисуса» (Лук. XIX, 30—35). Здѣсь не знаешь, чему болѣе удивляться, всевѣдѣнію ли Господа, обнимающему все не только великое, но и малое, или покорности учениковъ и послушанію хозяина осла; одни безпрекословно идутъ исполнять порученіе, если и не невозможное, если и не опасное, то во всякомъ случаѣ странное; а другой по одному слову: *онъ надобенъ Господу,* отдаетъ неизвѣстнымъ людямъ для неизвѣстной цѣли, быть можетъ, все свое состояніе. Не образъ ли это истиннаго послѣдователя Христова, который долженъ оставить все, чтобы слѣдовать за Господомъ?

Когда безчисленныя толпы, такъ горячо желавшія видѣть Іисуса, увидали Его, крикъ восторга невольно вырвался изъ груди тьмочисленнаго народа: *осанна! осанна! благословенъ грядый во имя Господа! Осанна въ вышнихъ!* (т. е. да спасетъ, или да сохранитъ тебя Всевышній.) Въ жару усиливавшагося все болѣе и болѣе восторга, многіе снимали съ себя одежду и постилали по дорогѣ, по которой ѣхалъ Спаситель, другіе рѣзали финиковыя вѣтви и, потрясая ими въ воздухѣ, съ восторгомъ восклицали: *осанна!* Шествіе приняло торжественный, царскій видъ. Такъ дѣйствительно на востокѣ встрѣчали царей; такъ не особенно давно Іудеи встрѣчали Симона вождя *съ хваленіемъ и ваіями* (1 Маккав. XIII, 51); такъ Персы устилали миртами дорогу Ксерксу, при переходѣ его въ Европу... Посему нѣтъ ничего удивительнаго, что тѣ, которые видѣли въ Іисусѣ Мессію, думали, что теперь-то насталъ часъ, когда Онъ откроетъ царство въ Іерусалимѣ, что Онъ затѣмъ туда и идетъ, чтобы сѣсть на престолѣ Давидовомъ и судить языки... Восторгъ ихъ не зналъ границъ; имъ уже чудилось, какъ предъ возлюбленнымъ Мессіею склоняются и цари и царства, и сами они занимаютъ видныя мѣста въ Его царствѣ. Другіе хотя и не признавали въ лицѣ Іисуса Мессію, тѣмъ не менѣе видѣли въ Немъ великаго пророка; они рады были сему случаю, чтобы выразить Ему свое уваженіе и свою благодарность за то добро, котораго такъ много сдѣлалъ Іисусъ изъ Назарета. Наконецъ, третьи (такихъ конечно была бо́льшая часть) были увлечены общею радостью, общимъ восторгомъ: они радовались, торжествовали, громко кричали: *осанна,* сами не давая себѣ отчета въ этомъ. Но то несомнѣнно, что всѣ радовались, радовались искренно, чистосердечно. Увы! это была послѣдняя радость Израиля! Послѣ того въ исторіи этого благословеннаго нѣкогда народа мы слышимъ только стонъ, и плачъ: этотъ стонъ, этотъ плачъ вотъ уже около двухъ тысячъ лѣтъ раздается, а скоро ли онъ кончится?!

По всему было видно, что такое радостное, торжественное настроеніе нравится Сыну Человѣческому. Онъ, не отказавшійся торжествовать скромное брачное торжество въ Канѣ, не могъ не радоваться при видѣ этой всенародной радости. Были, однакоже, люди, которымъ не нравилось это торжество. Смотрите, вотъ приближаются къ нашему Спасителю нѣкоторые люди; они очень озабочены, на лицѣ ихъ тревога, не то испугъ, не то досада. Кто они? Что̀ имъ надо? Богатая одежда показываетъ, что они не принадлежатъ къ простому классу народа. Вотъ они подлѣ Самого Спасителя. Смотрите, какія на нихъ большія хранилища, какія длин-

ныя воскрилія! Это давнишніе враги нашего Спасителя, это фарисеи. Удивительное постоянство! Какъ тѣнь за тѣломъ, такъ они всюду за Іисусомъ: нигдѣ не оставляютъ Его въ покоѣ, всюду слѣдятъ за Нимъ. Послушаемъ, что-то они скажутъ Господу.

Учитель! говорятъ они, вели имъ замолчать, *запрети ученикамъ Своимъ*»; Видите ли, они заботятся объ участи своего народа! Кому неизвѣстны эти народолюбцы? «Смотри, торжество становится слишкомъ шумнымъ, какъ-бы на него не обратили Римляне вниманія». Такъ подъ личиною любви къ отечеству скрываютъ они свою злобу. *Запрети ученикамъ Своимъ*. Но развѣ одни ученики ликуютъ? Торжествуетъ весь народъ; изъ устъ всѣхъ слышится: *осанна!* Что̀ нужды? Фарисеямъ хочется унизить торжество Господа въ своихъ и Его глазахъ. «Вѣдь все это дѣло затѣялъ небольшой кружокъ Твоихъ учениковъ, а за нихъ достанется всему народу». Такъ тѣшится безсильная злоба! Что̀ же Спаситель? *Если они умолкнутъ, то камни возопіютъ*, т.-е. что это событіе предвидѣно и предназначено Промысломъ Божіимъ, что посему никакія усилія человѣческія не могутъ отвратить его; что достоинство Мессіи Онъ такъ ясно доказалъ Своими дѣлами, что никакая злоба не можетъ затмить его. Фарисеи, отличные знатоки Священнаго Писанія, въ чемъ нужно отдать имъ справедливость, не могли при этомъ не вспомнить замѣчательнаго пророчества Захаріи: *скажите дщери Сіоновой: се Царь грядетъ къ тебѣ кроткій, сидя на ослицѣ и молодомъ ослѣ, сынѣ подъяремной* (Захар. IX, 9). Пророчества сего они никогда, ни прежде, ни послѣ не относили къ другому лицу, кромѣ Мессіи. И потому они принуждены были замолчать, затаивъ злобу.

Появленіе злобныхъ фарисеевъ среди ликующаго народа было темнымъ облакомъ на свѣтломъ и ясномъ небѣ. Оно не могло не пробудить скорбныхъ чувствованій, печальныхъ мыслей въ Сынѣ Человѣческомъ. Между тѣмъ шествіе приблизилось къ спуску съ горы Елеонской. Предъ глазами народа открылся весь Іерусалимъ, тотъ Іерусалимъ, при мысли о которомъ трепетало и теперь еще трепещетъ сердце Іудея, Іерусалимъ, котораго никогда не забывалъ и не забываетъ Іудей даже до настоящаго времени, Іерусалимъ, градъ священный, градъ Царя Небеснаго, столь любезный, столь дорогой для Іудея, что онъ клялся имъ, какъ особенною святынею. «Если забуду тебя, Іерусалиме, говорили Іудеи, забудь меня десница моя». Потому, что̀ удивительнаго, если теперь при видѣ Іерусалима народная радость достигла высшей степени, и торжественное: *осанна!* въ виду священнаго города еще громче раздавалось изъ устъ тѣхъ Израильтянъ, которые въ лицѣ Іисуса Христа видѣли Мессію? «Итакъ, вотъ вожделѣннѣйшій моментъ, котораго они съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали, о которомъ такъ горячо молились! Возстани же, Іерусалимъ! Подними главу твою, дщи Сіоня! Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме! Ликуй нынѣ и веселися, Сіоне! Се Царь твой грядетъ! Падетъ гордая преторія! И отъ востока и запада, и сѣвера и юга пріидутъ и поклонятся тебѣ языцы!—Такія, конечно, мысли и чувства волновали ихъ сердце, и отъ избытка сердца уста немолчно восклицали: *осанна*.

Но въ противоположность радостному чувству народа, нашъ Спаситель былъ преисполненъ скорби, и скорбь Его была такъ велика, что, не вмѣщаясь въ сердцѣ, выразилась въ обильныхъ слезахъ. Спаситель плакалъ. Ахъ! могъ ли не

плакать Тотъ, Кто пришелъ спасти погибшее? Предъ Нимъ Іерусалимъ, тотъ Іерусалимъ, о которомъ Онъ прежде сказалъ: *невозможно есть погибнути пророку кромѣ Іерусалима* (Лук. XIII, 33). Итакъ вотъ это гнѣздо фарисеевъ, избившихъ пророковъ и камнемъ побившихъ посланныхъ къ нимъ! Вотъ храмъ, но это уже не домъ молитвы, а вертепъ разбойниковъ! Вотъ домы первосвященниковъ, гдѣ такъ безнаказанно осудятъ Его, и поругаются Ему и осмѣютъ, и оплюютъ Его! Вотъ преторія Пилата, гдѣ, признавши Его невиннымъ, предадутъ на бичеваніе и затѣмъ на пропятіе! Вотъ тѣ улицы, гдѣ Онъ падетъ подъ тяжестью креста! А вотъ наконецъ за городомъ виднѣется ужасная Голгоѳа съ своимъ великимъ крестомъ! Но не собственная участь занимаетъ нашего Господа. Не о Себѣ Онъ плачетъ, а о Іерусалимѣ и дѣтяхъ его. О! если бы эти безмѣрныя страданія послужили во спасеніе всѣмъ людямъ, и первѣе Іудеямъ, сродникамъ Его по плоти! Но этого не будетъ! Предъ Сердцевѣдцемъ будущее, какъ настоящее: Онъ знаетъ, что вмѣсто настоящаго: *осанна!* этотъ же самый народъ неистово будетъ кричать: *распни, распни Его!* Онъ видитъ, какъ этотъ, нѣкогда возлюбленный, народъ отвергается Богомъ, какъ Римскія войска осаждаютъ этотъ самый ликующій теперь Іерусалимъ, какъ рушатся стѣны города; горитъ храмъ, сотни тысячъ Іудеевъ избиваются мечемъ, другія сотни тысячъ отводятся въ плѣнъ въ рудники, и весь Израиль, какъ пыль вѣтромъ, разсѣевается по лицу вселенной и становится притчей и поношеніемъ для всѣхъ народовъ,—видитъ,— и слезы невольно катятся изъ Божественныхъ очей Его! Увы! печальна участь христоубійственнаго народа на сей землѣ. Что же ждетъ его на страшномъ судѣ? Но и этого мало. Взорамъ Его представляется будущая исторія Церкви Его. Ахъ! сколько и тамъ печальнаго! Сколько христіанъ своимъ поведеніемъ безчестятъ Его святое имя? Сколько христіанъ своими дѣлами вторично распинаютъ Сына Божія! Какъ часто честолюбіе первосвященниковъ и книжниковъ раздираетъ Церковь Христову? Какъ часто гордость Пилатовъ попираетъ все святое на землѣ! Могъ ли при семъ не плакать Тотъ, Кто пришелъ пострадать и умереть за спасеніе рода человѣческаго?

Проникнутый до глубины души грядущими бѣдствіями, долженствующими разразиться первѣе всего надъ Іерусалимомъ, Спаситель воскликнулъ: «о! если бы ты хотя въ этотъ день, благопріятствующій тебѣ, понялъ, что̀ служитъ къ благосостоянію твоему! Но это скрыто отъ очей твоихъ! И вотъ, придутъ на тебя дни, когда враги твои поднимутъ насыпь противъ тебя, окружатъ тебя, стѣснятъ тебя со всѣхъ сторонъ, разорятъ тебя до основанія, побьютъ дѣтей твоихъ среди тебя и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ за то, что ты не узналъ времени, въ которое такъ чудно посѣтилъ тебя Богъ»!—Увы! на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель произносилъ эти слова, чрезъ 38 лѣтъ послѣ сего Римляне построили окопы и со всѣхъ сторонъ окружили Іерусалимъ высокимъ валомъ, такъ что нельзя было ни войти въ него, ни выйти изъ него.

Между тѣмъ шествіе приблизилось къ Іерусалиму. Тогда, по выраженію Евангелиста Матѳея, *потрясеся весь градъ*. Оставшіеся въ Іерусалимѣ съ недоумѣніемъ спрашивали: кто это? Въ честь кого устроено это торжество? Это Іисусъ, отвѣчали имъ, Пророкъ, Иже отъ Назарета Галилейскаго. И сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ народа, Іисусъ вошелъ въ храмъ, какъ Господь храма. Здѣсь тотчасъ присту-

пили къ Нему слѣпые и хромые. На этотъ разъ ихъ особенно было много; въ надеждѣ получить большую милостыню отъ усердія богомольцевъ, эти несчастные сходились въ Іерусалимъ на праздники большими толпами; и всѣмъ имъ преподалъ Спаситель исцѣленіе. Эти чудеса не могли не усилить восторга сопровождавшихъ и встрѣчавшихъ Господа. Но тогда дѣти стали повторять во храмѣ восклицанія, слышанныя ими на пути отъ отцевъ, и начали взывать: «*осанна Сыну Давидову*»! первосвященники и книжники закипѣли негодованіемъ и сказали Ему: «слышишь, что̀ они говорятъ»? Іисусъ Христосъ отвѣчалъ: «да! а развѣ вы не читали: *въ устахъ юныхъ и грудныхъ дѣтей Ты приготовилъ Мнѣ хвалебную пѣснь*»?—

Поразительно было продолженіе этихъ словъ въ псалмѣ Давидовомъ; далѣе слѣдовало: *вопреки враждующимъ противъ Тебя, дабы сдѣлать безмолвнымъ врага и мятежника.* Книжники не могли не припомнить про себя этихъ словъ, и они связали имъ уста.

Іисусъ Христосъ, какъ Господь храма, осмотрѣлъ все во храмѣ. Но какъ время было уже позднее, то Онъ оставилъ храмъ и съ двѣнадцатью учениками пошелъ изъ города въ Виѳанію, чтобы провести тамъ ночь (Душеп. Чт. 1875 г. I. Стр. 328. 330—336).

Какой смыслъ соединяли Іудеи съ восклицаніемъ: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне,* и какое значеніе имѣетъ оно въ нашихъ церковныхъ службахъ.

Симъ торжественнымъ восклицаніемъ Іудеи привѣтствовали Спасителя при вступленіи Его въ Іерусалимъ, незадолго до крестной смерти Его. Воспоминанію этого событія Святая Церковь посвятила особое празднество въ такъ называемое Вербное воскресенье. Въ церковной службѣ на сей праздникъ, равно какъ и на Лазареву субботу, многократно повторяется восклицаніе: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне.* То же восклицаніе входитъ въ составъ пѣснопѣнія, которое поется каждый разъ на литургіи вслѣдъ за возгласомъ священнодѣйствующаго объ Ангелахъ, поющихъ, вопіющихъ, взывающихъ и глаголющихъ побѣдную пѣснь. Но чѣмъ многократнѣе и чаще повторяется означенное восклицаніе въ церковныхъ службахъ, тѣмъ нужнѣе знать, въ какомъ смыслѣ оно употреблено Іудеями и употребляется въ церковныхъ службахъ.

Прежде всего надобно замѣтить, что привѣтственныя слова: *осанна въ вышнихъ...* читаются въ CXVII псалмѣ, воспѣвающемъ торжество побѣды надъ врагами. Виновникъ торжества, по изображенію псалма, шествуетъ съ поля брани во храмъ, для принесенія благодарственной жертвы Господу, даровавшему побѣду надъ врагами. Народъ и священники съ восторгомъ встрѣчаютъ грядущаго во храмъ и шумными кликами выражаютъ благожеланія ему и призываютъ на него благословеніе Божіе: *осанна въ вышнихъ*, то есть да благопоспѣшитъ ему Всевышній, *благословенъ грядый во имя Господне,* то есть, какъ теперь, по благословенію Божію получилъ успѣхъ въ борьбѣ со врагами, такъ и впередъ да будетъ во всѣхъ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ благословенъ шествующій въ храмъ Господа для возданія Его святому имени славы и чести.

Трудно съ точностью опредѣлить, какой именно побѣдитель враговъ избраннаго народа изображается въ псалмѣ, но кто бы онъ ни былъ, нѣтъ сомнѣнія, что подъ образомъ его представляется Христосъ, побѣдитель вра-

говъ всего человѣческаго рода: грѣха, смерти и діавола; ибо нѣкоторые стихи сего псалма Самъ Онъ прилагаетъ къ Себѣ. Знали и Іудеи, что псаломъ относится къ Мессіи; по свидѣтельству блаженнаго Іеронима, они употребляли его на ряду съ тѣми молитвами, въ которыхъ просили Бога о пришествіи Мессіи. Но если бы и не знали о такомъ значеніи псалма Іудеи, современные Спасителю, то пальмовыя вѣтви, съ какими они встрѣтили Его при входѣ въ Іерусалимъ, могли привести имъ на память стихи псалма, потому что псаломъ хорошо былъ извѣстенъ имъ; онъ пѣваемъ былъ всѣми въ праздникъ кущей, въ продолженіе котораго народъ носилъ въ рукахъ древесныя вѣтви. Предъ вступленіемъ Спасителя въ Іерусалимъ, возбуждено было всеобщее къ Нему вниманіе чудомъ воскрешенія Лазаря. Враги Спасителя принимали мѣры, чтобы погубить Его и чрезъ то предотвратить взрывъ народнаго усердія къ Нему. Но не смотря на козни враговъ, оно обнаружилось самымъ торжественнымъ образомъ. Народъ устроилъ царскую встрѣчу Спасителю, входящему въ Іерусалимъ. Смиренное вступленіе Господа въ Іерусалимъ истолковано было Іудеями (за исключеніемъ немногихъ истинно вѣровавшихъ въ Него) согласно съ ихъ мечтами о Христѣ, какъ земномъ могущественномъ царѣ. Имъ казалось, что наступила минута освобожденія ихъ отечества отъ власти Римлянъ, что вступающій въ Іерусалимъ Спаситель возстановитъ престолъ Давидовъ, покоритъ ихъ власти всѣ другіе народы и вознесетъ ихъ на высшую степень земного могущества и славы. На самое чудо воскрешенія Лазаря они взирали, какъ на залогъ предстоящихъ Іисусу Христу успѣховъ въ устроеніи земного царства, и этихъ однихъ успѣховъ они желали Ему и ожидали отъ Него. *Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне,* вопіяли они Ему, выражая это именно желаніе и ожиданіе, то есть, да поможетъ Тебѣ Всевышній совершить благополучно переворотъ въ земной судьбѣ Іудейскаго народа, возстановить царство Давидово. Что именно такое, а не другое значеніе имѣло въ устахъ Іудеевъ привѣтственное восклицаніе: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне,* это ясно видно изъ другихъ восклицаній, какія они присоединяли къ сему восклицанію. Благословенно во имя Господа наступающее царство отца нашего Давида (Марк. XI, 10). Благословенъ Царь, грядущій во имя Господне (Лук. XIX, 38). Благословенъ приходящій во имя Господне Царь Израилевъ (Іоан. XII, 13). Осанна (да поможетъ Господь) *Сыну Давидову* (Матѳ. XXI, 9).

Слыша такія восклицанія, Спаситель не могъ не сожалѣть, что Іудеи возлагаютъ на Него несбыточныя, несогласныя съ цѣлью Его пришествія на землю, надежды. Вступая въ Іерусалимъ, Онъ совершенно чуждъ былъ намѣреній, свойственныхъ царю земному, царю завоевателю, какимъ Іудеи хотѣли видѣть Мессію, Сами Іудеи, если бы отложили предзанятыя понятія и мечты, легко могли бы замѣтить, что подобныхъ намѣреній не было у Іисуса Христа. Воинственному царю надлежало бы совершить въѣздъ въ Іерусалимъ на конѣ, животномъ, употреблявшемся на войнѣ, а не на такомъ животномъ, на которомъ имѣли обычай ѣздить лица, отправлявшія мирныя гражданскія должности (на ослѣ), и на которомъ, по самому пророчеству Захаріи, безъ сомнѣнія извѣстному Іудеямъ, долженъ былъ предстать предъ ними Мессія въ образѣ Царя кроткаго, не воинственнаго. Горько было Спасителю, что Іудеи,

торжественно встрѣчая Его, ожидали отъ Него того, чего Онъ не могъ и не хотѣлъ сдѣлать для нихъ. Самыя почести, оказанныя Ему при семъ случаѣ, не радовали Его. Когда, въ сопровожденіи ликующаго народа, сталъ Онъ спускаться съ горы Елеонской къ городу, Онъ не могъ удержаться отъ слезъ, взглянувъ на него. Душа Его возмутилась при мысли о несчастной судьбѣ, ожидающей этотъ городъ и всю страну за то, что Іудеи отринутъ своего Мессію, не захотятъ принять отъ Него то, что̀ Ему надлежало и что̀ Онъ готовъ былъ сдѣлать для ихъ блага. «О если бы ты (Іерусалимъ), говорилъ Онъ со слезами, хотя въ сей день твой, узналъ то, что̀ служитъ къ благосостоянію твоему! Но сіе сокрыто отъ очей твоихъ».

Но, сожалѣя объ ослѣпленіи Своего народа, о несбыточныхъ мечтахъ и ожиданіяхъ, съ какими онъ взиралъ на Него въ эти минуты, Спаситель не уклонился отъ почестей, какими сопровождаемо было Его шествіе въ Іерусалимъ. Напрасно нѣкоторые изъ фарисеевъ предлагали Ему унять восторгъ народа. Онъ отвѣчалъ имъ: Я вамъ сказываю: если они замолчатъ, то камни возопіютъ» (Лук. XIX, 40). Когда Онъ вступилъ въ храмъ и дѣти стали взывать Ему: *осанна Сыну Давидову!* враги Спасителя снова выразили Ему свое недовольство и негодованіе на эти почести, но Онъ сказалъ: «развѣ вы не читали: въ устахъ юныхъ и грудныхъ дѣтей Ты приготовилъ Мнѣ хвалебную пѣснь»? (Матѳ. XXI, 16.) Зачѣмъ, спрашивается, Спаситель принималъ царскія почести и торжественныя въ честь Его восклицанія отъ народа, когда смыслъ, какой соединяемъ былъ народомъ съ этими восклицаніями, не могъ быть Ему пріятенъ?—Спаситель хотѣлъ внушить всѣмъ и каждому, что̀ Онъ дѣйствительно есть Царь, но Царь не земной, что Онъ дѣйствительно пришелъ основать Царство, но Царство не отъ міра сего (Іоан. XVIII, 36), что Онъ есть Царь духовный и пришелъ водворить на землѣ, доселѣ бывшей подъ владычествомъ грѣха и проклятія, Царство правды, мира и радости о Дусѣ Святѣ, иначе Царство благодати. Такимъ образомъ торжественное событіе входа Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ было знаменательно собственно въ духовномъ отношеніи, именно означало духовную власть, какую Спаситель долженствовалъ воспріять надъ міромъ, послѣ крестныхъ страданій и смерти Своей. Вотъ почему это событіе празднуется Святою Церковію съ такою торжественностью. Вотъ почему Святая Церковь въ своихъ службахъ научаетъ насъ многократно повторять въ честь Спасителя тѣ же радостныя восклицанія, какими Іудеи привѣтствовали Его! Но само собою разумѣется, что наша радость при воспоминаніи сего событія должна быть отлична отъ радости Іудеевъ, какую они выражали во время самаго событія. Само собою понятно, что восклицанія: осанна въ вышнихъ, должны имѣть въ устахъ нашихъ свой особый смыслъ, совершенно отличный отъ того, какой они имѣли въ устахъ Іудеевъ. Въ чемъ же состоитъ сіе отличіе?

Іудеи восклицаніемъ: *осанна,* привѣтствовали Спасителя, какъ имѣвшаго, по ихъ мнѣнію, основать земное царство; мы симъ восклицаніемъ привѣтствуемъ Его, какъ Царя духовнаго, владычество Коего открывается собственно въ душахъ вѣрующихъ во имя Его. Іудеи привѣтствовали въ лицѣ Христа будущаго побѣдителя враговъ избраннаго народа и всемірнаго завоевателя, видя залогъ Его будущихъ успѣховъ въ чудѣ воскрешенія Лазаря;

напротивъ мы, яко побѣдителю смерти и ада, вопіемъ Ему *осанна,* и въ воскрешеніи Лазаря видимъ залогъ общаго воскресенія. Іудеи восклицаніемъ: *осанна* испрашивали Христу помощи Всевышняго для одолѣнія предстоящихъ Ему трудностей всемірнаго завоеванія и устроенія земного царства; напротивъ мы, зная, что входъ Спасителя въ Іерусалимъ былъ шествіемъ Его на вольныя страданія и смерть ради нашего спасенія, привѣтствіемъ *осанна* выражаемъ молитвенное желаніе предъ Богомъ Отцемъ, да будутъ сіи страданія и смерть благоспѣшны и спасительны для насъ, да не лишитъ Онъ насъ участія въ плодахъ искупленія, да омоетъ наши грѣхи Кровію Единороднаго Сына Своего и да сподобитъ насъ достигнуть вѣчнаго блаженства. Подобное сему значеніе имѣетъ *осанна* и въ литургіи; такъ какъ въ той части литургіи, гдѣ употребляется это восклицаніе, содержится дѣйственное воспоминаніе страданій и смерти Спасителя. Въ семъ случаѣ мы какъ-бы такъ взываемъ: Боже Отче! Возлюбленный Сынъ Твой, единожды принесши Себя въ жертву за грѣхи наши на крестномъ жертвенникѣ, благоволитъ доселѣ являться на алтаряхъ христіанскихъ въ качествѣ безкровной жертвы. Да будетъ сія жертва, предъ которою мы возносимъ свои молитвы, угодна предъ Тобою, благоспѣши ей Всевышній быть благоплодною для душъ нашихъ, *осанна въ вышнихъ* (Душеп. Чт. 1860 г., ч. I, 289—296).

Почему Іерусалимскіе отроки въ знаніи вѣры оказались болѣе успѣвшими, нежели первосвященники и ученые?

Видѣвше же архіерее и книжницы чудеса, яже сотвори, и отроки зовуща въ церкви и глаголюща: осанна Сыну Давидову, негодовша (Матѳ. XXI, 15).

Какое это странное явленіе въ Іерусалимскомъ храмѣ! Христосъ Царь кроткій и спасающій, входитъ во храмъ, творитъ благодѣтельныя чудеса, даетъ хромымъ хожденіе, слѣпымъ прозрѣніе; и на это негодуютъ. Отроки благоговѣйно привѣствуютъ Его: *осанна сыну Давидову*; и на это негодуютъ. И кто же? Архіереи и книжники, люди, которые, конечно, удобнѣе дѣтей могли узнать Христа и лучше ихъ разсудить, какого благоговѣнія и прославленія Онъ достоинъ.

Какъ могла произойти эта нечаянность, что Іерусалимскіе отроки оказались въ знаніи вѣры болѣе успѣвшими, нежели первосвященники и ученые?— Мысль о Христѣ и ожиданіе пришествія Его, предъ временемъ сего пришествія весьма распространены были не только между православными въ Церкви ветхозавѣтной, но даже и между неправославными. Съ увѣренностію говоритъ Самарянка: *вѣмъ, яко Мессія пріидетъ глаголемый Христосъ: егда Той пріидетъ, возвѣститъ намъ вся* (Іоан. IV, 25). И примѣчательно, что у ней видно понятіе о Христѣ не такъ грубое, какъ у многихъ плотскихъ Іудеевъ: она не представляетъ Его земнымъ царемъ и завоевателемъ, а совершеннѣйшимъ руководителемъ къ истинному Богопознанію и Богопочтенію. Если Самарянка неправославная, имѣвшая, какъ обличалъ ее Господь, пять мужей и еще шестого безъ имени законнаго мужа,—если женщина, которой тѣмъ менѣе удобно было снискивать духовную мудрость, чѣмъ болѣе она предана была чувственности, знала однакоже о Христѣ такъ не мало,—то не болѣе ли знанія о Немъ предполагать должно въ современныхъ ей православныхъ Іудеяхъ, неомраченныхъ преобладающими страстями и пороками? Итакъ Іерусалимскіе отроки могли въ Іерусалимѣ отъ добрыхъ от-

цовъ и матерей слышать то же самое, что̀ говорила на кладезѣ Іаковлевомъ Самарянка: *Мессія пріидетъ, глаголемый Христосъ:—возвѣститъ намъ вся.* И когда они услышали еще, что явился Іисусъ, Который возвѣститъ Царствіе Божіе и тайны Божіи, хотя не безъ притчей, указуетъ пути къ блаженству, призываетъ къ покаянію и прощаетъ грѣхи, требуетъ вѣры и надъ вѣрующими творитъ спасительныя чудеса, исцѣляетъ неизлѣчимыхъ, изгоняетъ злыхъ духовъ, воскрешаетъ мертвыхъ и тѣмъ являетъ въ Себѣ силу Божескую; тогда и дѣтскаго, недозрѣлаго разума, при неомраченномъ страстями сердцѣ, достаточно было, чтобы ожидаемаго, дотолѣ неизвѣстнаго, Христа узнать въ лицѣ Іисуса. Когда же они услышали, что Іисусъ грядетъ въ Іерусалимъ, увидѣли путь къ Іерусалиму и улицы Іерусалима полными народомъ, срѣтающимъ и сопровождающимъ Его съ торжественными восклицаніями; тогда, чтобы удобнѣе принять участіе въ торжествѣ, они устремились во храмъ, еще не занятый народомъ, и здѣсь, устроясь въ особый дѣтскій соборъ и ликъ, возгласили входящему во храмъ Господу: *осанна Сыну Давидову!* Можетъ быть, и нѣкоторые отъ князь, которые *вѣроваша въ Него, но фарисей ради не исповѣдаху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ* (Іоан. XII, 42), отеческою властью послали въ сей соборъ своихъ дѣтей, чтобы хотя чрезъ нихъ облегчить свою совѣсть исповѣданіемъ Христа, съ меньшею опасностью отъ фарисеевъ, отъ строгости которыхъ сихъ исповѣдниковъ защищалъ ихъ дѣтскій возрастъ (Изъ бесѣды на освященіе храма святителя Стефана Пермскаго. т. III-й, стр. 165—167).

Мысли еп. Ѳеофана на плачъ Іисуса Христа объ Іерусалимѣ (Лук. XIX, 38—41).

Народъ взываетъ: *осанна!* а Господь плачетъ. Не совершается ли нѣчто подобное и при нашихъ торжествахъ церковныхъ? Тогда видимость была торжественна; но Господь смотрѣлъ на то, что̀ было въ душахъ невидимо, и видѣлъ его достойнымъ плача. И у насъ видимость на праздникахъ всегда празднественна; но таково ли бываетъ внутреннее всѣхъ настроеніе? Иной не понимаетъ совсѣмъ силы и значенія праздниковъ; иной чутьемъ темно ощущаетъ нѣчто и ясно ничего не видитъ; и развѣ кто-кто и видитъ, и чувствуетъ, и располагается достойно празднеству. Жертвъ праздники наши берутъ много, но сколько изъ нихъ отдѣляется Господу и братіямъ? Или ничего, или самая незначительная малость, все почти беретъ чрево и суетность. Отъ Господа укрыться это не можетъ, и не дивно, если Онъ, говоря по человѣчески, плачетъ, когда мы издаемъ торжественные возгласы. Таковы-то искупленные, оправданные, всыновленные!.... Дали обѣтъ, приняли обязательство—духомъ ходить и похотей плотскихъ не совершать, а тутъ у нихъ что̀ идетъ? Сыны Царствія хуже послѣднихъ рабовъ!.... (стр. 436—437.)

Библіографическій указатель къ повѣствованію о входѣ Іисуса Христа во Іерусалимъ (Матѳ. XXI, 1—17 и парал.).

Святоотеческія толкованія:

1) *Св. Епифанія Кипрскаго.* Бес. въ недѣлю Ваій. Воскр. Чт., г. XV. 495.

2) *Св. Амвросія Медіоланскаго.* Слово въ нед. Ваій. Воскр. Чт., г. IX. 467.

3) Лук. XIX, 42—47. *Св. Григорія Двоеслова* о бѣдствіяхъ Іерусалима, предсказанныхъ ему Спасителемъ. Бес. на Ев. въ перев. Климента, кн. II. 293.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

4) Торжественный входъ Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ. (Объясненіе ученикамъ воскресныхъ школъ). Воскр. Чт., г. XXVIII. II. 1137.

5) Царственный входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Воскр. Чт. 1885 г. 187—192, г. X. 485—488.

6) *Ѳ. Надеждина.* Вшествіе Господне въ Іерусалимъ. Духовн. Бес. 1859 г. VI. 24—34.

7) Входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Духовн. Бес. 1862 г., г. IV. 315—328.

8) Входъ Спасителя въ Іерусалимъ. Христ. Чт. 1852 г. I. 281—291.

9) Ст. 1. *Виѳсфагія.* Библ. полн. сл. Воскр. Чт. 1874 г. II. 46.

10) Ст. 12. Мѣновщики. Библ. полн. сл. Воскр. Чт. 1876 г. II. 320.

11) Ст. 9—15. Осанна. Библ. полн. сл. 1874 г. I. 111.

12) Марк. XI, 1. Виѳанія. Б. п. сл. Воскр. Чт. 1874 г. II. 32.

13) Лук. XIX, 42—44. Плачъ Господа нашего Іисуса Христа объ Іерусалимѣ. Воскр. Чт., г. XIV. 499—501.

14) Ст. 42. *Голубинскаго.* Ложная свобода. Воскр. Чт. 1872 г. II. 306—310.

15) Ст. 43—44. Суды Божіи надъ Іерусалимомъ и Іудеями. Воскр. Чт., г. IV. 17—20.

16) Размышленіе въ недѣлю Ваій. Воскр. Чт. 1886 г. 225—230.

17) Іоан. XII, 1—8. *Гречулевича.* Евангельскія жены, помазавшія Христа Спасителя муромъ. Странн. 1868 г., ч. IX, 9—79.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

18) Матѳ. XXI, 10. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* О духовной слѣпотѣ и непостоянствѣ человѣка. 61—67.

19) Лук. XIX, 41. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О причинѣ слезъ Спасителя при входѣ въ Іерусалимъ. Слово въ нед. 6 поста.

20) *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О томъ, что исторгаетъ у Господа слезы и превращаетъ для Него день всеобщей радости въ день скорби и сѣтованія, и о дняхъ особеннаго посѣщенія Божія въ жизни каждаго человѣка. 398—408.

21) *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Чѣмъ объяснить, что немного спустя послѣ торжественной встрѣчи, какую устроилъ Іудейскій народъ Іисусу Христу, этотъ же самый, повидимому, народъ требуетъ Его на смерть? I. 381—382. Что означало постиланіе Іудеями одеждъ и бросаніе пальмовыхъ вѣтвей? 382—384.

22) *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О плачѣ Іисуса Христа при входѣ въ Іерусалимъ. II. 292—294.

23) *Григорія, архіеп. Казанскаго.* О цѣли нашего бытія на землѣ. II. 414—416.

24) Іоан. XII. 12—19. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* О торжественномъ входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ въ связи съ воскресеніемъ Лазаря (Разсказъ). III. 156—168.

Отъ понедѣльника до вечера среды.

Проклятіе смоковницы (Марк. XI, 12—14. Матѳ. XXI, 18—19).

На другой день поутру Іисусъ Христосъ пошелъ съ учениками изъ Виѳаніи въ городъ и взалкалъ. И увидѣвъ издалека близъ дороги одну смоковницу покрытую листьями, пошелъ, не найдетъ ли чего на ней, но, пришедши къ ней, ничего не нашелъ на ней, кромѣ однихъ листьевъ, хотя, судя по времени, смоквы не могли быть съ нея обобраны. И сказалъ ей: «чтобы отнынѣ никто не вкушалъ отъ тебя, и впредь да не будетъ отъ тебя плода во вѣкъ!»—Всѣ ученики слышали этотъ приговоръ.

О символическомъ и нравственномъ знаменованіи проклятія смоковницы.

Слова Златоустаго.

Для чего проклята смоковница? Для учениковъ,—чтобы ихъ ободрить. Поелику Онъ всегда благодѣтельствовалъ и никого не наказывалъ; между тѣмъ надлежало Ему показать и опытъ Своего правосудія и отмщенія, дабы и ученики и Іудеи узнали, что Онъ хотя и могъ изсушить, подобно смоковницѣ, Своихъ распинателей, однакоже добровольно предаетъ Себя на распятіе, и не изсушаетъ ихъ; то Онъ и не захотѣлъ показать этого надъ человѣками, но явилъ опытъ Своего правосудія надъ растеніемъ (ч. III, стр. 150).

Слова Исидора Пелусіота.

Господь не безъ причины проклялъ смоковницу (не думай сего ненасытимый испытатель Божественнаго), но съ намѣреніемъ показать неблагодарнымъ Іудеямъ, что и для наказанія имѣетъ Онъ достаточную силу. Поелику во всѣхъ чудесахъ Его видѣли, что никому не причиняетъ ничего скорбнаго, то предполагали, что можетъ только благотворить, не имѣетъ власти подвергать злостраданію порочныхъ. Посему примѣромъ существа неодушевленнаго увѣряетъ, что можетъ и наказывать, но не соизволяетъ сего по благости. Итакъ дерево засохло, чтобы устрашить людей. Но соединенъ съ симъ вмѣстѣ и таинственный нѣкій смыслъ, по преданію отъ мудрыхъ старцевъ дошедшій до насъ; а именно, что смоковница есть древо преслушанія: листья ея употреблены были преслушными для своего прикрытія; и человѣколюбиво проклята она Христомъ, чтобы не приносила болѣе плода, послужившаго причиною грѣха. Ибо второе пришествіе Бога будетъ уже не для вочеловѣченія, но для воздаянія каждому за содѣланное имъ (ч. I, стр. 34—35).

Листья безъ плодовъ.

(*Георгія Конисскаго, архіеп. Бѣлорусскаго.*)

На другой день послѣ торжественнаго входа Своего въ Іерусалимъ, Христосъ

Спаситель возвращался туда изъ Виѳаніи, гдѣ имѣлъ ночлегъ въ гостепріимномъ домѣ праведнаго Лазаря, и на пути взалкалъ; *утру*, говоритъ Евангелистъ, *возвращься во градъ, взалка* (Матѳ. XXI, 18). Тотъ, Кто сорокъ дней постился предъ началомъ Евангельской проповѣди, Тотъ, Который говорилъ о Себѣ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дѣло Его* (Іоан. IV, 34),—Сей великій Постникъ—Учитель, теперь, раннимъ утромъ взалкалъ, и, увидѣвъ издалече *смоковницу едину при пути, пріиде къ ней,* чтобы хотя плодами ея утолить алчбу Свою.... Видно, наканунѣ, при встрѣчѣ Его въ Іерусалимѣ, никто не позаботился принять Его въ домъ свой и предложить Ему трапезу.... Но и на смоковницѣ плодовъ не было: *ничто же обрѣте на ней, токмо листвіе едино.* И вотъ, Онъ изрекаетъ судъ Свой надъ безплоднымъ деревомъ: *да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки!* (Матѳ. XXI, 19.)

Приступимъ, во слѣдъ за Христомъ, къ сей безплодной смоковницѣ и подумаемъ: кого она знаменовала въ свое время, и не укрываетъ ли она и насъ подъ своими листьями? Дерево ни разума, ни чувства не имѣетъ, а потому ни закону, ни преступленію не можетъ подлежать. Кого же она изображала? Безъ сомнѣнія, прежде всего сонмище Іудейское, которое только листвіемъ закона, только одними обрядами прикрывалось, а о дѣлахъ закона, о внутреннемъ благочестіи вовсе нерадѣло. Ходили, напримѣръ, Іудеи въ храмъ и приносили тучныя жертвы, и въ то же время враждовали другъ на друга, убивали, обманывали, брали взятки, правды не творили, ворамъ поблажали. Потому-то Богъ и говорилъ имъ чрезъ Исаію пророка: *что Мнѣ множество жертвъ вашихъ? Исполненъ есть всесожженіями: тука агнцевъ и крове юнцовъ и козловъ не хощу.... Не приходите являтися Мнѣ и ходити по двору Моему не приложите!* (I, 11—12.) Хранили Іудеи посты, какъ и фарисей о себѣ сказалъ: *пощуся двакраты въ субботу* (въ недѣлю). Но что̀ это были за посты, Самъ Богъ говоритъ о семъ чрезъ того же пророка: *аще въ судѣхъ и сварѣхъ* (ссорахъ) *поститеся и біете пястьми смиреннаго, вскую Мнѣ поститеся и хощете услышану быти съ воплемъ гласу вашему. Не таковаго поста Азъ избрахъ* (Исаія LVIII, 4—5). Молились фарисеи долгими молитвами, и нерѣдко выходили для того на распутія, дабы видѣлъ ихъ народъ и почиталъ святыми; но эти мнимые святые, вторгаясь въ домы бѣдныхъ вдовицъ, похищали ихъ послѣднее достояніе.... Давали безпрекословно Іудеи и десятины на церковь по закону, даже отъ такихъ ничтожныхъ вещей, какъ огородные овощи, но въ то же время совсѣмъ забывали самое главное въ законѣ: судъ и милость и вѣру! (Матѳ. XXIII, 23.) Наблюдали они и чистоту внѣшнюю въ пищѣ и питіи, показывали себя опрятными, благоговѣйными и благочестивыми, но и эта чистота и наружный видъ благочестія были нечисты въ очахъ Божіихъ, какъ изъяснилъ Спаситель: *горе вамъ книжницы и фарисее, яко очищаете внѣшняя склянницы и блюда, внутрь же есте полны хищенія и неправды.*

Наконецъ, Іудеи созидали гробницы тѣламъ пророческимъ и говорили: о, когда бы мы были во дни отецъ нашихъ,—мы не были бы общниками имъ въ крови пророковъ! А сами между тѣмъ дышали убійствомъ на Самого Христа, и потому Спаситель говорилъ имъ: *сами свидѣтельствуете, яко сынове есте избившихъ пророки,—и вы исполните мѣру отецъ вашихъ!* (Матѳ. XXIII, 30—31.) Такъ Іудеи, державшіе законъ

только на языкѣ, а не въ сердцѣ, были подобны смоковницѣ безплодной, одни только листья на себѣ имѣющей!—

Но пора, братіе, оглянуться намъ и на самихъ себя. Не таковы ли и наши дѣла, какія были у Іудеевъ? Не подобны ли и мы оной безплодной и проклятой смоковницѣ? Ахъ, други мои! И у насъ листьевъ не мало, а плодовъ не видно ни единаго!—Что, какъ не листья, наша молитва, когда приходимъ въ церковь не затѣмъ, чтобы съ кроткимъ мытаремъ вздохнуть и Богу помолиться, а за тѣмъ, чтобы съ гордымъ фарисеемъ повеличаться и похвалиться и притомъ хвалиться не постами и подаяніями на церковь, а новомодными нарядами и убранствами? Что какъ не листья, наша исповѣдь, когда исповѣдающійся не ощущаетъ въ сердцѣ ни страха, ни сожалѣнія, не имѣетъ живой крѣпкой вѣры въ Того, чья Кровь очищаетъ грѣхи, не даетъ ни Богу, ни отцу духовному твердаго обѣщанія отстать отъ грѣховъ, и лишь только выходитъ изъ церкви, какъ тотчасъ же и возвращается на прежнія грѣховныя дѣла?.... Не листья ли,—дрожа и самъ, какъ листъ, сіе говорю,—не листья ли однѣ и самое причащеніе Тѣла и Крови Господней, когда причастившійся, не успѣетъ вкусить Тѣла Сына Божія и обагрить уста свои Его Кровію, тотчасъ же снова измѣняетъ Ему, какъ Іуда: соединяясь со Христомъ, сдѣлавшись съ Нимъ едино тѣло, онъ снова расторгаетъ сей святѣйшій союзъ, прилѣпляясь по прежнему къ міру и плоти?... Одни листья у насъ и самая милостыня и всѣ благотворенія, когда я одною рукою бросаю, а другою отнимаю,—копѣйки даю, а тысячи беру, когда я бѣдныхъ и невинныхъ насущнаго хлѣба лишаю, а тѣхъ, кто льститъ мнѣ, обогащаю,—когда благотворю потерявшимъ честь и совѣсть, а не Богобоязненнымъ,—исполнителямъ воли моей, а не Божіей.... Итакъ и у насъ все одни только листья да листья, а гдѣ же плоды? Или и мы скажемъ, что не пришло еще время смоквамъ, какъ сказалъ Евангелистъ о безплодной смоковницѣ? Но вѣдь мы—не дерево, которое нуждается для приношенія плодовъ въ веснѣ, лѣтѣ и осени.... Для плодоношенія, то есть для исполненія обязанностей нашихъ, намъ дана цѣлая жизнь.... И въ весну юности, и въ лѣто мужества, и въ осень старости мы можемъ и должны приносить Творцу нашему сладкіе плоды добрыхъ дѣлъ. Не препятствуетъ намъ въ томъ и самая зима, не только естественная, но и духовная, то есть, всякія бѣды и скорби. Тогда только окончится для насъ время, удобное для приношенія, когда постигнетъ насъ кончина житія, и предсмертная болѣзнь отниметъ у насъ и разумъ и чувства. Вотъ тогда, и только тогда, хотя бы мы и пожелали, не сможемъ уже ничего сдѣлать Богу угоднаго!....

Хозяинъ ждетъ отъ своего сада плодовъ въ томъ случаѣ, если онъ каждое деревцо прилежно окапывалъ, удобрялъ, отъ бурь и насѣкомыхъ защищалъ, во время засухи поливалъ. Такъ Богъ говорилъ у пророка о ветхозавѣтномъ Израилѣ: *виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ: ограженіемъ оградихъ его и окопахъ и насадихъ лозу избранну, и создахъ столпъ посредѣ его и предточилiе ископахъ: и ждахъ, да сотворитъ гроздіе, и сотвори терніе* (Исаія V, 1—2). Но кто можетъ исчислить всѣ благодѣянія Творца, коими Онъ во всякое время, каждый день и часъ надѣляетъ насъ, ограждая насъ Своею сильною рукою отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, осыпая насъ дарованіями, тѣлу и душѣ благопотребными? Онъ благодѣтельствуетъ намъ, но и отъ насъ ждетъ плодовъ,

а находить только все листья да листья!... Что же, братіе? Ужели мы захотимъ услышать и о себѣ тотъ же приговоръ, какой разгнѣванный Богъ произнесъ нѣкогда ветхозавѣтному винограду Своему—народу Еврейскому праведнымъ судомъ Своимъ? *отниму,* говоритъ Онъ, *отъ винограда ограждение его, и будетъ въ расхищеніе: разорю стѣну, и будетъ въ попраніе: оставлю виноградъ Мой, и къ тому не обрѣзжется, ниже покопается и взыдетъ на немъ, якоже на лядинѣ* (бороздѣ), *терніе: и облакомъ заповѣмъ* (повелю), *еже не одождити на него дождя* (Исаія V, 5—6). Станемъ ли ожидать для себя оной ужасной клятвы, которая изсушила до самого корня безплодную смоковницу, которая разсѣяла Іудеевъ по лицу всей земли, содѣлала ихъ презрѣнными у всѣхъ народовъ и, что еще болѣе ужасно, оставила ихъ пребывать въ невѣріи, по оному приговору Спасителя: *да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки?* О, грозное слово, паче ужаснаго грома и молніи, до самой внутренности души проходящее и сожигающее?...

Не будемъ же подражать беззаконному сонмищу Іудейскому, не станемъ ожидать проклятія Божія на самихъ себя; постараемся быть достойными Божія благословенія,—не листья только, но и плоды добрыхъ дѣлъ принося Дѣлателю душъ нашихъ—Христу Спасителю. Алчетъ Онъ и теперь спасенія нашего,—поспѣшимъ же утолить Его алчбу обильными и сладкими смоквами добрыхъ дѣлъ, чтобы за сіе Онъ благословилъ насъ въ здѣшней жизни изобиліемъ плодовъ земныхъ, а въ блаженной вѣчности сподобилъ вкушать отъ сладостей небесныхъ, уготованныхъ избраннікамъ Его! Аминь.

Мысли еп. Ѳеофана.

Господь осудилъ смоковницу на безплодіе за то, что по виду она такъ была покрыта листьями, что надлежало быть на ней и плодамъ, которыхъ на дѣлѣ, однакожъ, не оказалось. Въ примѣненіи къ жизни христіанской, листья означаютъ внѣшнія дѣла благочестія и внѣшніе подвиги, а плоды—внутреннія расположенія. По закону такъ: первыя должны происходить изъ послѣднихъ; но по снисхожденію къ немощамъ,—крайняя мѣра: послѣднія должны развиваться вмѣстѣ съ первыми. Когда первыя въ силѣ, а послѣднихъ нѣтъ и въ зародышѣ; то отсюда выходитъ ложь жизни, которая выражается такъ: *кажется,* но не быть. Въ началѣ можетъ быть, и не имѣется это несчастное настроеніе въ мысли, а потомъ оно является незамѣтно и установляетъ собою строй жизни. Кто наляжетъ слишкомъ на внѣшность и пристрастится къ ней, у того вниманіе къ сердцу закрывается, чувства духовныя глохнутъ и водворяется холодность. На этой степени жизнь духовная замираетъ; остается видъ благочестія безъ силы его. Поведеніе совнѣ исправно, а внутрь все навыворотъ. Слѣдствіемъ этого—безплодіе духовное: дѣлаются дѣла, но онѣ всѣ—мертвыя (стр. 250—251).

Смоковница, покрытая листьями, была благолѣпна на видъ, но не удостоилась одобренія отъ Господа, потому что не было на ней плодовъ, а плодовъ не было потому, что не было внутренней плодородительной силы. Сколько такихъ смоковницъ бываетъ въ нравственномъ смыслѣ! На видъ все исправно, а внутри ничего нѣтъ. Степенны, честны и все христіанское исполняютъ, а духа жизни о Христѣ Іисусѣ не имѣютъ; отъ того не имѣютъ плодовъ живыхъ, и то, что есть въ нихъ, только кажется пло-

домъ, а не есть. Въ чемъ же духъ жизни о Христѣ Іисусѣ? На это скажемъ: одно въ немъ есть отъ Господа, а другое отъ насъ. Что̀ отъ Господа, то собственно и есть плодородительная духовная сила; а что̀ отъ насъ, то̀ есть только пріемникъ этой силы. О послѣднемъ и позаботься больше. Тутъ корень—чувство, что ты погибающій, и что если не Господь, — погибнешь; отсюда во всю жизнь, при всѣхъ дѣлахъ и трудахъ—сердце сокрушенно и смиренно. Далѣе, какъ преднее безвѣстно, а враговъ много и спотыканіе возможно поминутно, то—страхъ и трепетъ въ содѣваніи спасенія, и непрестанное вопіяніе: «имиже вѣси судьбами, спаси мя». Горе почивающему на чемъ-нибудь, кромѣ Господа; горе и тому, кто трудился для чего-нибудь, кромѣ Господа! Спроси себя трудившійся въ дѣлахъ, которыя считаются Богоугодными, для кого трудишься? Если совѣсть смѣло отвѣтитъ: только для Господа,—добрѣ, а если нѣтъ,—то ты созидаешь домъ на пескѣ. Вотъ нѣсколько указаній о плодородномъ внутреннемъ духѣ. Посему и о прочемъ разумѣвай! (Стр. 321—322.)

Новѣйшее экзегетическое толкованіе священника Буткевича.

При разсмотрѣніи Евангельскихъ повѣствованій о проклятіи смоковницы, мы не должны упускать изъ виду слова Марка: «и видя издалека смоковницу, имѣющую листья» (καὶ ἰδὼν συκῆν μακρόθεν ἔχουσαν φύλλα), а также и указаніе Матѳея на то, что смоковница была покрыта *листьями*. Нужно замѣтить, что Палестинская смоковница прежде всего распускаетъ почки, а затѣмъ уже листья. Когда же листья смоковницы достигли извѣстной величины и извѣстнаго количества, тогда уже можно надѣяться найти на деревѣ по крайней мѣрѣ нѣсколько зрѣлыхъ смоквъ. Вслѣдствіе этого, всю исторію проклятія смоковницы можно представить слѣдующимъ образомъ. Проходя изъ Виѳаніи въ Іерусалимъ, Іисусъ Христосъ почувствовалъ голодъ. Онъ осматривается вокругъ и видитъ вдали (ἀπὸ μακρόθεν) *одну* смоковницу (μίαν ἐπὶ τῆς ὁδοῦ Матѳ. XXI, 19), которая отличалась отъ всѣхъ другихъ смоковницъ, во множествѣ находившихся на томъ пути, тѣмъ, что имѣла уже листья. Въ то время года (т. е. въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля) это было совершенно необыкновеннымъ явленіемъ. Но такъ какъ плоды смоковницъ развиваются раньше листьевъ, ибо листья развиваются только вмѣстѣ съ созрѣніемъ плодовъ, то на деревѣ, покрытомъ листьями, Христосъ очевидно уже могъ ожидать также и смоквъ. Правда, появленіе листьевъ на смоковницѣ было, собственно говоря, слишкомъ раннее и даже преждевременное; тѣмъ не менѣе множество листьевъ давало право ожидать, что на деревѣ есть также и преждевременные или ранніе плоды. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, по Евангельскому разсказу, Іисусъ, увидя смоковницу, покрытую листьями, подошелъ къ ней съ цѣлью найти нѣсколько смоквъ, чтобы утолить Свой голодъ.

На первый взглядъ кажется какъ будто бы страннымъ, какимъ образомъ Іисусъ могъ высказывать Свое негодованіе на дерево, которое не имѣетъ своей воли, а слѣдовательно ни въ чемъ не можетъ быть и отвѣтственнымъ, на дерево, которое возрастилъ Его Небесный Отецъ и облекъ этимъ множествомъ роскошныхъ листьевъ; непонятно, какъ Онъ могъ проклясть это дерево только за то, что оно не могло удовлетворить Его голода и обмануло Его надежду, когда оно само не могло рас-

полагать собою. Чтобы яснѣе понять это загадочное, повидимому, поведеніе Іисуса, мы прежде всего должны бросить взглядъ на ту внутреннюю связь, въ которую поставлено это событіе. Іисусъ Христосъ торжественно, какъ Царь Израилевъ, равно ожидаемый и Іудеями и язычниками, вошелъ въ Іерусалимъ сопровождаемый толпами народа и встрѣчаемый необыкновенными привѣтствіями: «Осанна Сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне»! Затѣмъ Онъ посѣтилъ храмъ Іерусалимскій, «и осмотрѣвъ все» (καὶ περιβλεψάμενος πάντα), вечеромъ возвратился въ Виѳанію (Марк. XI, 11). На слѣдующее утро, снова желая посѣтить Іерусалимъ и храмъ, Іисусъ на пути совершилъ настоящее чудо. Такимъ образомъ проклятіе смоковницы находится въ срединѣ между тѣмъ, что̀ Христосъ уже видѣлъ въ Іерусалимѣ и храмѣ предъ совершеніемъ этого чуда, и тѣмъ, что̀ Ему предстояло еще сдѣлать въ Іерусалимѣ (т. е. очищеніе храма). Отсюда само собой представляется весьма вѣроятнымъ, что это чудесное знаменіе непосредственно относилось къ той послѣдней борьбѣ, которую велъ Христосъ съ односторонними представителями Іудейскаго теократизма. Вотъ почему нельзя отрицать того взгляда многихъ Евангельскихъ толкователей, по которому въ проклятой смоковницѣ нужно видѣть образъ самого Израиля. Къ этому съ одной стороны даетъ поводъ ветхозавѣтная символика, а съ другой—мы имѣемъ основаніе думать, что Самъ Христосъ именно та́къ смотрѣлъ на это чудесное событіе. По вышеуказанному взгляду лучшихъ Евангельскихъ комментаторовъ, это чудесное событіе есть не что̀ иное, какъ дополненіе Божественнымъ дѣйствіемъ того, что̀ раньше Христосъ высказалъ въ притчѣ о смоковницѣ только на словахъ (Лук. XIII, 6—9). Притча о смоковницѣ осталась какъ-бы незаконченною. Христосъ заключилъ ее просьбою виноградаря не срубливать смоковницы еще на одинъ годъ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, хотя въ этомъ году, она принесетъ плодъ. «Господинъ! сказалъ виноградарь, оставь ее еще и на этотъ годъ, пока я окопаю ее и обложу навозомъ, не принесетъ ли она плода; если же нѣтъ, то въ слѣдующій годъ срубишь ее». И вотъ теперь, когда общественное служеніе Іисуса Христа уже почти оканчивалось, когда были употреблены всѣ средства для спасенія и обращенія погибшихъ овецъ дома Израилева, когда почва, на которой росла приточная смоковница, была, какъ только возможно, удобрена,—оканчивался и тотъ годъ, который выпросилъ у Господа виноградарь для своей любимой, но безплодной смоковницы. Отсюда понятно, что̀ такое Евангельское проклятіе смоковницы, и какой оно имѣетъ въ себѣ глубокій смыслъ. Это дѣйствіе символически-пророчественное, указывавшее именно на тотъ судъ, который долженъ былъ совершиться надъ Израилемъ и притомъ совершиться чрезъ тѣхъ, предъ глазами которыхъ было совершено это символически-пророчественное дѣйствіе, и которые вскорѣ сами съ удивленіемъ увидѣли чудесное исполненіе словъ Христовыхъ (т. е. чрезъ учениковъ). Отсюда понятенъ и весь смыслъ этого чудеснаго событія. Смоковница, какъ мы сказали, была образомъ ложнаго Израиля. Христосъ ищетъ на деревѣ плодовъ, потому что на этомъ деревѣ находились уже листья. Хотя еще и для Израиля не наступило времени жатвы (т. е. послѣдняго суда), но та́къ какъ на немъ были признаки плодовъ—листья Божественнаго откровенія (законъ, пророки, жертво-

приношенія, храмъ и различные религіозные Богооткровенные обряды), то отъ него нужно было ожидать и раннихъ плодовъ. Израиль долженъ былъ раньше другихъ народовъ увѣровать въ обѣтованнаго Мессію, потому что онъ раньше другихъ народовъ былъ подготовляемъ къ этому необыкновенными, сверхъестественными, Богооткровенными средствами, какъ и на Евангельской смоковницѣ были листья въ такое время, когда всѣ другія смоковничныя деревья еще не имѣли ихъ. Но Іудейскій народъ упорно отвергъ Ангела завѣта, который шелъ въ свой собственный храмъ; дерево полное листьевъ не имѣло однакожъ плода. Господь «гнѣвается» на смоковницу и проклинаетъ ее, говоря: «да не будетъ же впредь отъ тебя плода во вѣкъ». Вслѣдствіе этого смоковница засыхаетъ, Израильскій народъ, не принесшій плодовъ даже послѣ усерднаго, сверхъестественнаго ухода за нимъ, перестаетъ быть народомъ Божіимъ, народомъ сверхъестественнаго обѣтованія. Смоковничное дерево, проклятое Господомъ, пока не выброшено долой совсѣмъ, не уничтожено: оно еще остается по прежнему при пути, но уже навсегда обречено быть безплоднымъ и засохшимъ; жизненные токи въ немъ прекратились, и само оно стало существовать только какъ нѣмой, историческій памятникъ своей прежней кипучей и небезполезной для проходящихъ жизни. Никто уже на этомъ деревѣ не найдетъ плода, чтобы утолить свой голодъ и бодро дойти до Іерусалима. А не такова ли судьба и Іудейскаго народа? Онъ не уничтоженъ совсѣмъ, онъ остался въ міровой исторіи и даже продолжаетъ существовать еще и теперь, но только какъ грозный, бездушный и безжизненный памятникъ прошлаго; только какъ сухая мумія, взглянувъ на которую, всякій путникъ невольно подумаетъ лишь о томъ, что когда-то и въ ея груди била ключемъ бурная, кипучая жизнь. Не увѣровавъ во Христа, Іудейскій народъ сталъ уже неспособнымъ къ жизни: онъ уже пересталъ носить на себѣ плоды Божественнаго откровенія, а потому и не въ силахъ утолить религіознаго голода ни одного путника, идущаго къ небесному Іерусалиму (стр. 493—497. Жизнь Господа нашего Іисуса Христа).

Іисусъ Христосъ, на замѣчаніе о засохшей смоковницѣ, внушаетъ ученикамъ о силѣ вѣры (Марк. XI, 20—26. Матѳ. XXI, 20—22).

По утру, проходя тѣмъ же путемъ, что и вчера, ученики Іисуса Христа съ изумленіемъ увидали, что смоковница, красовавшаяся листьями, при дорогѣ, засохла до корня. Петръ тотчасъ же обратилъ вниманіе Іисуса Христа на это. «Равви»! сказалъ онъ, «посмотри: смоковница, которую Ты проклялъ, засохла». Іисусъ Христосъ отвѣчалъ на это: «имѣйте вѣру въ Бога. Потому что, истинно говорю вамъ, если будете имѣть вѣру и не усумнитесь, то не только сдѣлаете, что̀ сдѣлано съ смоковницей, но ежели и этой горѣ (Масличной) скажете: поднимись и ввергнись въ море! и не усумнитесь въ сердцѣ своемъ, но повѣрите, что сбудется по словамъ вашимъ,—будетъ, что̀ ни скажете. Потому сказываю вамъ: все, чего вы въ молитвѣ просить будете, вѣрьте, что получите, и будетъ вамъ». Не получите только тогда, когда бы вы захотѣли чудодѣйственную вѣру употребить во вредъ ближнему: «и (потому) когда стоите на молитвѣ, прощайте, если что̀ имѣете на кого, дабы и Отецъ вашъ Небесный простилъ вамъ согрѣшенія ваши. Если же вы не простите людямъ согрѣшеній ихъ

то и Отецъ вашъ Небесный не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ».

Изгнаніе изъ храма торжниковъ (Марк. XI, 15—18. Лук. XIX, 45—48. Матѳ. XXI, 12—13).

«Пришли въ Іерусалимъ. И вошелъ Іисусъ Христосъ въ храмъ Божій и началъ изгонять всѣхъ продающихъ въ немъ и покупающихъ, и опрокинулъ столы мѣновщиковъ (иностранной монеты на священную) и мѣста у продавцевъ голубей, и не позволялъ, чтобы кто проносилъ чрезъ храмъ какую либо постороннюю вещь, и училъ ихъ: «не сказано ли въ Писаніи: *домъ Мой домомъ молитвы наречется для всѣхъ народовъ: а вы сдѣлали его* (шумнымъ торжищемъ беззаконной корысти) *какъ вертепъ разбойниковъ*»? — Услышавши это, книжники, старѣйшины народа и первосвященники (которые, конечно, если не больше, то хотя соизволеніемъ участвовали въ этомъ неумѣстномъ торжищѣ), придумывали, какъ бы погубить Его; но не находили, что̀ бы сдѣлать съ Нимъ. Боялись Его. Онъ началъ учить въ храмѣ; и весь народъ неотступно слушалъ Его и былъ въ восхищеніи отъ ученія Его».

Слова Златоустаго къ ст. 12—13 Матѳея.

Объ изгнаніи изъ храма торжниковъ говоритъ и Іоаннъ, только говоритъ въ началѣ Евангелія, а Матѳей въ концѣ. Посему вѣроятно, что это случилось два раза, и притомъ въ разное время, какъ видно и изъ обстоятельствъ времени и изъ отвѣта Іудеевъ Іисусу. У Іоанна говорится, что это случилось въ самый праздникъ Пасхи, а у Матѳея—задолго до Пасхи. Тамъ говорятъ Іудеи: *кое знаменіе являеши намъ* (Іоан. XI, 18)? а здѣсь молчатъ, хотя Христосъ и укорилъ ихъ,—молчатъ потому, что всѣ уже дивились Ему. Тѣмъ бо́льшаго достойны обвиненія Іудеи, что Христосъ не одинъ разъ дѣлалъ это, а они все еще не переставали торговать въ храмѣ и называли Христа противникомъ Божіимъ, тогда какъ и отсюда должны были видѣть честь, воздаваемую Имъ Отцу, и собственное Его могущество (ч. III, стр. 147).

Мысли еп. Ѳеофана на ст. 46 Луки.

Домъ Мой—домъ молитвы есть. И точно, только войди во храмъ, и ужъ позываетъ тебя на молитву. Все тутъ та́къ расположено и та́къ дѣлается, чтобъ располагать и споспѣшествовать молитвѣ. Посему, если хочешь возгрѣть молитву въ сердцѣ своемъ, ходи чаще въ храмъ Божій. Дома та́къ не помолишься, ка́къ въ храмѣ. Есть такіе, которые и дома тепло молятся, но если дома та́къ, то на сколько выше того въ храмѣ? Но бывая въ храмѣ, не тѣломъ только бывай въ немъ, а болѣе духомъ. Стань, гдѣ потише, и, зря умомъ Господа предъ собою, изливай предъ Нимъ душу свою. Мечтанія разгоняй, заботъ не допускай, и одному дѣлу внимай—дѣлу молитвы. Поднимай тяжелую душу горѣ и дебелость ея разбивай созерцаніемъ вещей Божественныхъ. Если есть что̀ за тобою, сними съ себя покаяніемъ и обѣтомъ исправленія. Если совѣсть не сыта, подбавь дѣлъ самоотверженія и любви. Стоя во храмѣ, заготовляйся и на все время, какъ будешь внѣ храма, не отступать отъ Господа мыслью, а *выну предзрѣть* Его предъ собою, чтобъ не подвиглись стопы твои съ праваго пути на неправый. Отъ этого, когда придешь въ храмъ, тебѣ легче будетъ держать себя въ немъ, ка́къ должно. А отъ достодолжнаго пребыванія въ храмѣ, опять легче будетъ держать тебѣ вниманіе предъ Господомъ, когда будешь внѣ храма... Итакъ пойдетъ

все выше и выше рости твое пребываніе въ Господѣ; а больше этого чего еще желать? (Мысли на каждый день года, стр. 438—439.)

Мысли его же на 13 ст. XXI гл. Матѳея.

Храмъ Мой храмъ молитвы наречется: вы же сотвористе и вертепъ разбойникомъ. Всѣмъ извѣстно, что храмъ требуетъ благоговѣйства, собранности мыслей, углубленнаго Богомыслія и стоянія въ присутствіи Божіемъ,—и однакожъ, кто исполняетъ это? Въ храмъ идутъ съ желаніемъ помолиться, постоять въ немъ немного съ теплымъ усердіемъ; а потомъ мысли начинаютъ бродить, и въ головѣ происходитъ торгъ еще шумнѣе того, какой встрѣтилъ Господь въ храмѣ Іерусалимскомъ. Отчего же такъ? Оттого, что пребываніе въ храмѣ есть отраженіе всей жизни. Какъ живутъ, такъ и въ храмѣ себя держатъ. Храмъ вліяетъ и нѣсколько поддерживаетъ духовныя движенія; но потомъ обычное теченіе духовнаго строя беретъ свое. Потому, если хочешь, чтобъ твое пребываніе во храмѣ было достойнымъ стояніемъ предъ лицемъ Господа, подготовляйся къ тому жизнью обычною; ходи, сколько можешь, въ молитвенномъ настроеніи. Этотъ трудъ доведетъ тебя до того, что и въ храмѣ все время простоишь благоговѣйно. Это же благоговѣйство воодушевитъ тебя на благоговѣйство и въ обычной жизни. Такъ пойдешь все выше и выше. Помоги же, Господи, начинай! (стр. 246—247.)

Примиреніе кажущихся противорѣчій въ повѣствованіяхъ различныхъ Евангелій объ очищеніи храма.

(Свящ. В. С. Маркова.)

Между повѣствованіями святыхъ Матѳея и Марка нельзя не признать нѣкотораго различія, которое состоитъ въ томъ, что по сказанію Евангелія отъ Матѳея выходитъ, что очищеніе храма отъ продающихъ и покупающихъ послѣдовало непосредственно послѣ входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ и на другой день утромъ произошло событіе проклятія смоковницы, на которой Іисусъ Христосъ не нашелъ плода (Матѳ. XXI, 10—19). Между тѣмъ какъ въ Евангеліи отъ Марка говорится, что Іисусъ Христосъ изгналъ изъ храма Іерусалимскаго продающихъ и покупающихъ уже на другой день послѣ Своего входа въ Іерусалимъ, послѣ того какъ Онъ проклялъ смоковницу, на которой не оказалось плода (Марк. XI, 11—17). Изъ этихъ двухъ повѣствованій выводятъ то заключеніе, что они противорѣчатъ одно другому въ опредѣленіи дня очищенія Іисусомъ Христомъ храма отъ торжниковъ.

Но это указаніе противорѣчія въ Евангеліи Матѳея съ Евангеліемъ Марка основывается на неправильномъ пониманіи цѣли и плана повѣствованія Евангелія отъ Матѳея. Для каждаго внимательнаго читателя должно быть понятно, что Евангеліе это имѣетъ по преимуществу прагматическій характеръ. Евангелистъ Матѳей не столько заботится о томъ, чтобы изложить событія въ хронологическомъ порядкѣ, сколько о томъ, чтобы сгруппировать ихъ, (не нарушая, конечно, порядка общаго хода событій) для доказательства предположенной имъ своей мысли. Изъ этого группированія фактовъ сообразно съ извѣстной идеей объясняется то, что, сказавъ о входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ, Евангелистъ Матѳей непосредственно затѣмъ передаетъ и другой фактъ, случившійся въ Іерусалимѣ, именно изгнаніе изъ храма продающихъ и покупающихъ, хотя это событіе случилось уже на другой день, какъ объ этомъ раздѣльно повѣствуетъ

Евангелистъ Маркъ, который излагаетъ событія такъ, какъ они случились по порядку времени. Евангелистъ Матѳей рѣшительно не обращаетъ вниманія на то, произошло ли очищеніе храма въ день входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, или на другой день послѣ него. Сообразно съ своею цѣлью Евангелистъ Матѳей не находитъ нужнымъ подробно говорить о томъ, что Іисусъ Христосъ, вошедши въ Іерусалимъ, въ первый разъ не сдѣлалъ здѣсь ничего особеннаго, но за повѣствованіемъ о вшествіи Іисуса Христа въ Іерусалимъ, онъ передаетъ и замѣчательное дѣло, которое вскорѣ затѣмъ было совершено Іисусомъ Христомъ; а потомъ упомянулъ и о томъ, что послѣ входа Своего въ Іерусалимъ Іисусъ Христосъ пошелъ въ Виѳанію и переночевалъ тамъ, и на другой день утромъ Онъ проклялъ смоковницу. Здѣсь замѣчательно то, что Евангелистъ Матѳей не говоритъ, въ какое именно утро произошло это проклятіе: прежде ли очищенія храма, или послѣ сего, и такимъ образомъ не опредѣляетъ точно самаго дня совершенія этого очищенія, потому что не считаетъ этого важнымъ для своей цѣли, а слѣдовательно и не противорѣчитъ точному опредѣленію времени этого событія, сдѣланному Евангелистомъ Маркомъ. Примѣромъ такой же неопредѣленности Евангелія Матѳея въ хронологическомъ отношеніи можетъ служить 23-й стихъ, слѣдующій за рѣчью Іисуса по поводу изсохшей смоковницы. Евангелистъ Матѳей выражается такимъ образомъ: «когда пришелъ Онъ (Іисусъ) въ храмъ и училъ, приступили къ Нему первосвященники и старѣйшины народа и проч., тогда какъ изъ Евангелія Марка ясно видно, что это случилось уже на третій день послѣ торжественнаго входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Такимъ образомъ различіе въ повѣствованіяхъ Евангелистовъ Матѳея и Марка о событіи очищенія храма заключается не въ противорѣчіи ихъ, но въ образѣ и цѣли изложенія этого событія.

Еще болѣе разностей находятъ въ Евангельскихъ повѣствованіяхъ объ очищеніи храма Іисусомъ Христомъ, когда сравниваютъ сказанія объ этомъ событіи Евангеліе отъ Матѳея съ повѣствованіемъ о томъ же событіи Евангелія отъ Іоанна. Въ Евангеліи отъ Матѳея событіе очищенія храма представляется случившимся предъ послѣднею Пасхою, послѣ торжественнаго входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, незадолго до Его смерти (Матѳ. XXI, 12—15), между тѣмъ какъ Евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что Іисусъ Христосъ изгналъ изъ Іерусалимскаго храма продающихъ и покупающихъ въ первое время Своего общественнаго служенія, когда еще приближалась первая Пасха изъ тѣхъ, которыми обыкновенно измѣряется время Его служенія (Іоан. II, 13—16). Но Іисусъ Христосъ могъ совершить очищеніе храма въ первое время Своего общественнаго служенія, какъ и предъ послѣднею Пасхою. Вступая на поприще Своего общественнаго служенія роду человѣческому, Онъ долженъ былъ явить Себя міру тѣмъ, кѣмъ Онъ былъ на самомъ дѣлѣ, показать Свое Божественное величіе, какъ Сына Божія (снѣдаемаго ревностью о славѣ Божіей). Поэтому при видѣ безчинія въ храмѣ Божіемъ Іисусъ Христосъ, вступая въ общественное служеніе, долженъ былъ показать Свою власть надъ неуважающими святыню, обличить въ невнимательности къ Своему служенію священниковъ и левитовъ, возвыситься предъ ними въ глазахъ народа, показать Себя пророкомъ, вообще пріобрѣсти Себѣ извѣстность посланника неба и такимъ образомъ приготовить вѣру въ Себя, какъ Мессію.

Очищеніе храма повторилось предъ послѣднею Пасхою. Какъ скоро повторилось прежнее нерадѣніе къ святому мѣсту храма, Іисусъ Христосъ имѣлъ прямыя побужденія снова выгнать изъ храма продающихъ и покупающихъ въ немъ. Если Онъ, для показанія Себя небеснымъ посланникомъ, прежде Своего вступленія въ общественное служеніе долженъ былъ съ силою выразить Свой гнѣвъ на безчинствующихъ въ храмѣ, то въ концѣ Своего общественнаго служенія, когда Онъ былъ уже всѣмъ извѣстенъ, какъ великій пророкъ, и когда, съ другой стороны, ненависть враговъ Его достигла высшей степени, Онъ имѣлъ еще болѣе побужденій вооружиться противъ нарушенія благоговѣнія въ храмѣ, чтобы съ одной стороны укрѣпить въ народѣ вѣру въ Себя, а съ другой не подáть повода къ обвиненію въ допущеніи религіозныхъ безпорядковъ. «Какъ Владыка дома, то-есть храма, говоритъ блаженный Ѳеофилактъ Болгарскій, Онъ (Іисусъ Христосъ) выгналъ изъ него торгующихъ, показывая симъ, что все, принадлежащее Отцу, принадлежитъ и Ему. Сдѣлалъ Онъ это и потому, что имѣлъ попеченіе о благолѣпіи храма». Еще бóльшимъ подтвержденіемъ мысли о второмъ очищеніи храма Іисусомъ Христомъ предъ послѣднею Пасхою, какъ событіи особенномъ, отличномъ отъ перваго очищенія предъ первою Пасхою, служитъ то, что въ Евангеліи отъ Матѳея, равно какъ и въ другихъ синоптическихъ Евангеліяхъ, событіе очищенія храма предъ послѣднею Пасхою разсказывается нѣкоторыми особенными подробностями, чѣмъ какъ то же событіе описывается случившимся предъ первою Пасхою въ Евангеліи отъ Іоанна. Можно сказать болѣе: общаго между повѣствованіями объ очищеніи храма въ первую Пасху и въ послѣднюю находится весьма немного, именно то, что Іисусъ Христосъ въ томъ и другомъ случаѣ очистилъ храмъ отъ продающихъ и покупающихъ, остальныя же подробности повѣствованій объ этомъ событіи совершенно различны. По Евангелію Іоанна Іудеи спрашивали о власти, которою Онъ это сдѣлалъ, и Іисусъ отвѣчалъ на это символически: «разрушьте храмъ сей; и Я въ три дня воздвигну его» (Іоан. II, 19); по повѣствованію же Евангелиста Матѳея Іудеи не спрашивали Его о власти, по которой Онъ изгналъ изъ храма продающихъ и покупающихъ,— вѣроятно потому, что они уже знали отвѣтъ Его, данный имъ при первомъ очищеніи храма, а негодовали на Него только за то, что Онъ дозволялъ дѣтямъ восклицать Ему: «осанна Сыну Давидову», на что̀ Іисусъ Христосъ отвѣчалъ имъ словами пророчества: «изъ устъ младенецъ и сущихъ совершилъ еси хвалу» (Матѳ. XXI, 15—16). Это отличіе второго очищенія храма, повѣствуемаго въ Евангеліи Матѳея, отъ перваго, находящагося въ Евангеліи отъ Іоанна, подтверждается и сказаніями Евангелистовъ Марка и Луки, которые описываютъ второе очищеніе храма и также отлично отъ сказанія Евангелиста Іоанна. Въ Евангеліи отъ Марка не упоминается ни о какихъ вопросахъ со стороны Іудеевъ, а говорится только, что книжники и первосвященники искали, какъ-бы погубить Іисуса, но въ то же время боялись Его, потому что весь народъ благоговѣлъ предъ Нимъ, удивлялся ученію Его (Марк. XI, 18), по повѣствованію же Евангелія отъ Луки первосвященники и книжники не тотчасъ послѣ очищенія храма, а уже послѣ, можетъ быть на другой, или даже на третій день, спрашивали Іисуса, какою властію Онъ творилъ это (Лук. XX, 12).

Все это доказываетъ различіе между тѣмъ очищеніемъ храма, о которомъ повѣствуетъ Евангелистъ Матѳей согласно съ прочими синоптиками, и тѣмъ, которое передаетъ Евангелистъ Іоаннъ. Можно даже указать причины, почему Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ только о первомъ очищеніи храма, между тѣмъ какъ Евангелистъ Матѳей (равно какъ Маркъ и Лука)—только о послѣднемъ. Причина этого заключается въ томъ, что Евангелистъ Іоаннъ изображаетъ жизнь Іисуса Христа, начиная съ первой Пасхи, о которой ничего не упоминается въ Евангеліи отъ Матѳея; и такъ какъ Евангелистъ Іоаннъ писалъ свое Евангеліе послѣ всѣхъ другихъ каноническихъ Евангелій, то онъ по преимуществу и излагаетъ тѣ событія, которыя опущены въ другихъ Евангеліяхъ. Итакъ правильное пониманіе повѣствованій объ очищеніи храма, находящихся въ Евангеліяхъ Матѳея и Іоанна, рѣшительно устраняетъ всякія противорѣчія между этими сказаніями, убѣждая насъ въ томъ, что въ дѣйствительности Іисусъ Христосъ дважды изгонялъ изъ храма продающихъ и покупающихъ въ немъ—въ первый разъ предъ первою Пасхою, а во второй—предъ послѣднею (О Евангеліи отъ Матѳея. Прав. Обозр. 1873 г., янв., стр. 25—28. 30—32).

Изложеніе содержанія рѣчи Іисуса Христа по поводу пришествія Еллиновъ и изъясненіе ея (Іоан. XII, 20—36).

(Свящ. М. Некрасова.)

«Изъ пришедшихъ на поклоненіе въ праздникъ были нѣкоторые Еллины». Такъ начинаетъ разсказъ объ этомъ событіи святый Евангелистъ Іоаннъ. «Они подошли къ Филиппу, который былъ изъ Виѳсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господинъ! намъ хочется видѣть Іисуса. Филиппъ идетъ и говоритъ о томъ Андрею; и потомъ Андрей и Филиппъ сказываютъ о томъ Іисусу».

Пришедшіе Еллины были, конечно, изъ числа тѣхъ, которые сознали пустоту языческаго идолослуженія. Это были, по выраженію книги Дѣяній Апостольскихъ (XVII, 4) *чествіи* (чтущіе Бога) Еллины и, принявъ Іудейское вѣрованіе во единаго Творца и Правителя міра, считали долгомъ въ три великіе праздника (Пасхи, Пятидесятницы и поставленія кущей) являться въ Іерусалимъ для принесенія жертвы Іеговѣ. Они назывались прозелитами. Прозелитовъ было два разряда: прозелиты *правды,* которые вполнѣ принимали іудейство, обрѣзывались и пр., и прозелиты *вратъ,* которые, отказавшись отъ язычества, не вполнѣ принимали законъ Моусеевъ, не обрѣзывались. Будучи свидѣтелями торжественнаго входа Христова въ Іерусалимъ, слыша о многочисленныхъ чудесахъ, совершенныхъ Іисусомъ Христомъ, Еллины легко могли подумать, не Тотъ ли это, о Которомъ такъ много говорятъ и Котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждутъ Іудеи, то-есть, не Мессія ли это? И рѣшились обратиться къ Нему за рѣшеніемъ своихъ недоумѣній о Его лицѣ и, быть можетъ, о какомъ либо предметѣ вѣры. Можно думать, что то были прозелиты вратъ. Что не праздное любопытство влекло ихъ къ Іисусу Христу, это видно изъ словъ ихъ: «желаемъ видѣть Іисуса», слово: *видѣть* на языкѣ Священнаго Писанія не значитъ смотрѣть, а знать, дознать, на самомъ дѣлѣ испытать (Лук. II, 26); видѣть же Іисуса, смотрѣть на Него они могли и сами. Еллины не осмѣливаются прямо подойти къ Іисусу Христу, а обращаются сначала къ Филиппу, и Филиппъ счелъ

ихъ просьбу столь важною, что не тотчасъ сказалъ о нихъ Христу, а предварительно посовѣтовался съ Андреемъ, и затѣмъ уже и то не одинъ, какъ-бы не желая принять отвѣтственность на себя одного, а вмѣстѣ съ Андреемъ, доложилъ о нихъ Іисусу Христу!

«Іисусъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ». Евангелистъ не говоритъ, кому сказалъ въ отвѣтъ; нужно думать, что послѣдующія слова относятся какъ къ Еллинамъ, такъ и къ ученикамъ и народу вмѣстѣ, что̀ видно изъ стиховъ 24 и 34 этой же главы. «Пришелъ часъ прославиться Сыну Человѣческому». Пришло время распространять славу Божію между язычниками; Іудеи продолжаютъ упорствовать, а язычники сами идутъ. Прежде Онъ говорилъ Апостоламъ: «на путь языкъ не идите» (Матѳ. X, 5), а теперь наступаетъ часъ, когда нужно проповѣдывать Евангеліе не однимъ Іудеямъ, а и язычникамъ, всему міру. Посему время идти на страданія, чтобы довершить дѣло искупленія рода человѣческаго. Страданія Господа въ Евангеліи называются славою, напримѣръ, *нынѣ прославися Сынъ Человѣческій.*

«Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода». Сравниваетъ Себя съ зерномъ, а Свою смерть и погребеніе съ посѣвомъ пшеницы. Не къ пророкамъ обращается, а къ простому и понятному для всѣхъ явленію природы; потому что предъ Нимъ не одни Іудеи, а и язычники, которые не знали пророковъ. Какъ зерно тогда только приноситъ плодъ, когда умираетъ подъ землею, такъ ученіе и дѣла Его тогда только принесутъ плодъ спасенія, когда Онъ Своими крестными страданіями и смертію принесетъ Богу Отцу искупительную жертву за грѣхи людей. Сими словами Христосъ и ученикамъ и Еллинамъ открываетъ тайну спасающей смерти Своей. Итакъ пусть не смущаются ученики, что Онъ идетъ на смерть, и притомъ тогда, когда стали обращаться къ Нему язычники; вслѣдствіе смерти Его особенно усилится проповѣдь Евангелія и увѣруютъ язычники. Пусть и Еллины оставятъ языческую философію и увѣруютъ въ силу крестныхъ страданій и смерти Сына Божія, и тогда само собою рушатся ихъ сомнѣнія, и душа ихъ найдетъ миръ.

«Любящій душу свою потеряетъ ее; а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную. Кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ: и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ. И кто Мнѣ служитъ, того почтитъ Отецъ Мой». Въ этихъ словахъ Спаситель кратко излагаетъ сущность христіанскаго нравоученія, подобно какъ въ первыхъ изложилъ сущность христіанскаго вѣроученія. Самоотверженіе, простирающееся до готовности не щадить жизни своей за истину, съ надеждою сохранить душу для жизни вѣчной,—вотъ чего требуетъ Іисусъ Христосъ отъ Своихъ послѣдователей. Еллинамъ особенно нужно было напомнить о самоотверженіи; потому что основаніемъ языческой нравственности служило самолюбіе. «Дѣлай другому хорошо, чтобы тебѣ самому было хорошо»—вотъ правило ихъ жизни! Трудна заповѣдь Спасителя; но за то, какъ высока награда за исполненіе ея! Истинный послѣдователь Христовъ будетъ тамъ, гдѣ пребываетъ Самъ Христосъ, т. е. на небѣ—въ вѣчной славѣ: его не только наградитъ, но и почтитъ Отецъ Небесный!

«Душа Моя теперь возмутилась: и что̀ Мнѣ сказать? (это ли?) Отче! избавь Меня отъ часа сего. Но на сей

часъ Я и пришелъ. (Нѣтъ. Вотъ что̀ скажу:) Отче! прославь имя Твое!»

Мысль о предстоящихъ страданіяхъ и смерти приводитъ въ смущеніе душу Сына Человѣческаго. Такъ тяжки эти страданія! Но потому-то они такъ и драгоцѣнны предъ очами правды Божіей. «Та́къ бы не слѣдовало говорить, пишетъ святый Златоустъ, Тому, Кто убѣждаетъ другихъ идти на смерть; но на самомъ дѣлѣ такія слова особенно приличны такому человѣку. Чтобы не сказали, что Ему легко любомудрствовать о смерти, когда Онъ Самъ недоступенъ для человѣческихъ страданій, легко убѣждать насъ, когда Онъ Самъ внѣ опасности, Онъ показываетъ, что и Онъ страшится смерти, и однакоже для пользы другихъ не отказывается умереть. Впрочемъ, это относится къ воспріятому Имъ человѣчеству, а не Божеству. Хотя смерть приводитъ насъ въ трепетъ, какъ-бы та́къ говоритъ Господь, но все же мы не должны избѣгать ея. Вѣдь Я возмущенъ нынѣ, однако не говорю объ избавленіи отъ смерти, потому что надобно переносить то, чему слѣдуетъ быть. Не говорю: избавь Меня отъ часа сего; но что̀? Отче! прослави имя Твое! Хотя смущеніе заставляетъ Меня говорить тѣ слова, но Я говорю противное. Прослави имя Твое, т. е. возведи Меня на крестъ. Этимъ показываетъ, что умираетъ за истину; ибо смерть Свою называетъ славою Божіею»).

«Тогда пришелъ съ неба гласъ: и прославилъ и еще прославлю!»—Прославилъ чудесами, могущественнымъ дѣйствіемъ ученія Его на сердца вѣрующихъ, напримѣръ Апостоловъ (Матѳ. IX, 9. Іоан. VI, 68), слугъ первосвященническихъ (Іоан. VII, 32—40), жены воскликнувшей: блаженно чрево, носившее Тебя (Лук. XI, 27) и проч. И опять прославлю.... даже во время безмѣрнаго униженія, во время самой смерти, особенно же воскресеніемъ, вознесеніемъ на небо, сѣдѣніемъ одесную Мене и чудеснымъ распространеніемъ Евангелія по всей землѣ.

Это—третье свидѣтельство съ неба объ Іисусѣ Христѣ. Первое было при крещеніи, второе при преображеніи, третье теперь. Итакъ въ началѣ общественнаго служенія Іисуса Христа, въ срединѣ и концѣ Самъ Богъ Отецъ свидѣтельствовалъ о Немъ, какъ о Сынѣ Своемъ. На Іорданѣ небесный гласъ былъ слышанъ Іоанномъ Крестителемъ; для него онъ преимущественно и назначался, для укрѣпленія вѣры его, что крещенный Самъ есть дѣйствительно Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра; на Ѳаворѣ гласъ былъ слышанъ тремя избранными учениками, да вѣруютъ, что учитель ихъ—Сынъ Божій, Господь Моисея и Иліи, и да не соблазнятся предлежащимъ Ему крестомъ. Теперь небесный гласъ раздается предъ Іудейскимъ народомъ и первенцами изъ языческаго міра. Самъ Спаситель говоритъ, что гласъ сей для народа. «Не для Меня былъ гласъ сей, но для народа», для опроверженія мнѣнія фарисеевъ, будто Онъ не отъ Бога,—могъ ли быть не отъ Бога Тотъ, о Комъ Самъ Богъ свидѣтельствуетъ?—для того, чтобы если не теперь, по крайней мѣрѣ впослѣдствіи, въ предстоящемъ Господу униженіи видѣли Его славу и побѣду надъ зломъ.

«Нынѣ судъ міру сему».... Міръ, предъ которымъ и надъ которымъ Христосъ произнесъ этотъ судъ—представляли съ одной стороны Іудеи, зараженные фарисействомъ съ своею мнимою святостью, съ другой язычники съ своимъ легкомысліемъ въ дѣлѣ вѣры, съ своею распущенностью въ жизни. Своею смертію, Своимъ прославленіемъ Онъ погубитъ мудрость мудрыхъ и разумъ разумныхъ отвержетъ, покажетъ, что

мудрые міра сего обезумѣли (Римлян. I, 22. 1 Коринѳ. I, 19), что ихъ мудрость есть вражда противъ Бога, есть глупость и нечестіе; что въ ученіи только Христовомъ—свѣтъ и спасеніе для людей. «Нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ». Князь міра—діаволъ, который, чрезъ грѣхопаденіе, получилъ не только доступъ къ людямъ, но и власть надъ ними, какъ надъ своими плѣнниками и рабами (Ефесян. II, 2). Особенно онъ владѣетъ языческимъ міромъ чрезъ идолопоклонство. Онъ-то виновникъ того ослѣпленія и ожесточенія, съ какимъ Іудеи преслѣдуютъ Христа (2 Коринѳ. IV, 4). «Княземъ міра, говоритъ святый Кириллъ, называется не потому, чтобы былъ такимъ по правдѣ, а потому, что обманомъ и хищеніемъ пріобрѣлъ себѣ такую славу, при худобѣ тѣхъ, которые принимаютъ власть его». Итакъ чрезъ грѣхъ діаволъ владѣетъ міромъ. Поелику же Іисусъ Христосъ Своими крестными страданіями и смертію оправдалъ насъ предъ Богомъ во всякомъ грѣхѣ, а Духъ Святый въ таинствахъ усвояетъ намъ праведность, пріобрѣтенную намъ Христомъ; то, очевидно, діаволъ не имѣетъ на насъ никакого права. Онъ изгнанъ будетъ вонъ; владычество его прекратится; идолы будутъ изгнаны вонъ; храмы разрушены; самъ онъ, пораженный во главу, ввержетъ будетъ въ тьму кромѣшную, гдѣ червь неусыпаемый и огнь неугасаемый.

«И когда Я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ. «Словами: когда Я вознесенъ буду отъ земли, говоритъ о вознесеніи на крестъ и чрезъ крестъ о вознесеніи на небо. Когда Я пострадаю и затѣмъ прославлюся, тогда соберу подъ крестъ, какъ подъ знамя побѣдное, всѣхъ Моихъ чтителей. Всѣхъ привлеку, и Іудеевъ и язычниковъ, Грековъ и Римлянъ, варваровъ и Скиѳовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, свободныхъ и рабовъ, образованныхъ и необразованныхъ, философовъ и рыбарей, мущинъ и женщинъ, всѣхъ. «*Привлеку*. Такъ какъ ихъ держитъ тиранъ, и сами по себѣ не могутъ придти (какъ связанные) и освободиться изъ его рукъ, потому что онъ не допускаетъ ихъ, то Я Самъ привлеку ихъ Своею благодатію» (Злат. II, 277). «Чудно это привлеченіе людей, могущественное, и однако не стѣсняющее свободы людей! Слово Апостоловъ быстро несется по языческому міру и вездѣ находитъ души, увлекающіяся и увлекаемыя незримою силою для послѣдованія Христу. Ученіе ихъ не льститъ ни одной страсти, напротивъ объявляетъ войну всѣмъ; однако и страсти замолкаютъ предъ нимъ, и сердца дышатъ только для Христа. Язычество, сильное мірскою властью, употребляетъ всѣ мѣры жестокости, чтобы подавить христіанство; а христіанство влечетъ къ себѣ самыхъ враговъ Его. Ложная философія, въ угоду страстямъ, то придумываетъ клеветы на христіанство, то вводитъ въ него ереси, чтобы обезсилить небесное ученіе; но небесное ученіе одолѣваетъ враговъ своихъ. Люди и народы разнаго образованія, съ разными характерами и привычками, съ разными условіями климатической жизни, признаютъ въ ученіи Галилейскаго учителя счастіе для земли и спасеніе для вѣчности. Съ какою точностью исторія народовъ оправдываетъ пророчество Сына Божія: *вся привлеку къ Себѣ!* (Ученіе о Словѣ. Филарета, архіеп. Черниговскаго, стр. 241).

«Народъ отвѣчалъ Ему: мы слышали изъ закона, что Христосъ пребываетъ во вѣкъ; какъ же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну Человѣческому? Кто этотъ Сынъ Человѣческій?»—Закономъ называютъ не одни книги Моусеевы, а все Священное Пи-

саніе Ветхаго Завѣта. Въ Ветхомъ Завѣтѣ есть поразительныя по ясности мѣста, въ которыхъ говорится, что Мессія придетъ въ униженномъ видѣ, будетъ страдать, умретъ на крестѣ и проч. (LIII, глава пророка Исаіи XXI, псаломъ и др.); но первосвященники и книжники намѣренно, или не намѣренно оставляли эти мѣста безъ всякаго вниманія. Пророчества же о духовномъ Царствѣ Мессіи, каковыхъ также очень много въ Ветхомъ Завѣтѣ, напримѣръ: Исаія X, 7. Даніил. II, 44. Іезек. XXXVII, 20 и друг., они объясняли въ томъ смыслѣ, что Мессія оснуетъ видимое, земное царство. Такимъ-то образомъ эти народные учители затворяли входъ въ Царство Небесное человѣкамъ; сами не входили и другихъ не допускали (Матѳ. XXIII, 13).

«Тогда Іисусъ Христосъ сказалъ имъ: еще на малое время свѣтъ есть съ вами; ходите, пока есть свѣтъ, чтобы не объяла васъ тьма; а ходящій во тьмѣ не знаетъ, куда идетъ. Пока свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта». О какомъ времени говоритъ здѣсь Господь? спрашиваетъ святый Златоустъ. Разумѣетъ ли всю настоящую жизнь, или только время до креста? Я думаю то и другое, потому что, по неизрѣченному Его человѣколюбію, многіе увѣровали въ Него и послѣ креста. А говоритъ Онъ это для того, чтобы возбудить ихъ къ вѣрѣ, что̀ и прежде дѣлалъ» (Іоан. VII, 33). (Злат. 281 стр.). Спаситель какъ-бы такъ говорилъ Іудеямъ: спѣшите пользоваться въ простотѣ сердца тѣмъ, что̀ вы видите и слышите отъ Меня и чрезъ Меня, не увлекаясь сомнѣніями, не предаваясь вопросамъ, не тратя на это времени, котораго остается весьма мало» (Иннокентій. Послѣдніе дни); иначе тьма предубѣжденій и суевѣрій покроетъ васъ; тяжкій грѣхъ Христоубійства темнымъ покрываломъ ляжетъ на духовныя очи ваши; само Священное Писаніе перестанетъ просвѣщать васъ какъ потому, что оно ясно только при вѣрѣ во Христа, такъ и потому, что ваши первосвященники и книжники исказятъ оное, извратятъ смыслъ главнѣйшихъ пророчествъ. «Въ самомъ дѣлѣ чего не дѣлаютъ теперь Іудеи, и однакожъ не знаютъ, что̀ дѣлаютъ, но ходятъ какъ-бы во тьмѣ. Думаютъ, что идутъ по прямому пути, а на самомъ дѣлѣ идутъ противоположнымъ путемъ, соблюдаютъ субботу, хранятъ законъ, наблюдаютъ правила касательно пищи, но не знаютъ, куда идутъ» (Злат. тамъ же). То же самое сими словами Господь внушаетъ и каждому изъ насъ, еще немного времени, и въ послѣдній разъ зайдетъ для тебя это солнце; въ послѣдній разъ Господь позоветъ тебя къ покаянію чрезъ Свою Церковь, и затѣмъ тѣло твое ляжетъ въ могилу, а душа? Если она въ этой жизни не просвѣщала себя единымъ, незаходимымъ, вѣчнымъ свѣтомъ, то удѣлъ ея за гробомъ—вѣчная тьма!

«Сказавъ сіе, Іисусъ отошелъ и скрылся отъ нихъ. Онъ пошелъ въ Виѳанію и тамъ провелъ ночь» (Матѳ. XXI, 17). (Душеп. Чт. 1875 г., ч. I, стр. 337—344.)

О томъ, какіе плоды тотчасъ принесла крестная смерть Спасителя (Іоан. XII, 24).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Аще зерно—такъ говорилъ Іисусъ Христосъ о Себѣ Самомъ— *аще зерно пшенично падъ на земли, не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. XII, 24). О, какъ скоро сіе зерно Божественнаго сѣмени, умирающее на крестѣ, даетъ окрестъ Себя отрасли новыя жизни! Смотрите, какъ еще прежде кончины

Іисуса, на древѣ проклятія, въ устахъ разбойника, процвѣтаетъ молитва: *помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ!* и сей подлинно райскій цвѣтъ въ тотъ же день переносится въ рай Божій. Смотрите, какъ вмѣстѣ съ потрясенною землею и разсѣдшимися камнями, сокрушается каменное дотолѣ сердце язычника и немедленно износитъ зрѣлый плодъ устенъ исповѣдующихся Спасителю: *воистину Божій Сынъ бѣ Сей.* Какимъ непреодолимымъ влеченіемъ, оставившіе Іисуса живаго собираются окрестъ Его креста и гроба! Наипаче же явилась побѣда креста въ Іосифѣ Аримаѳейскомъ. Доколѣ онъ зналъ Іисуса, какъ пророка и чудотворца, онъ не имѣлъ мужества открыть себя Его ученикомъ: *потаенъ страха ради Іудейска* (Іоан. XIX, 38). Но когда узналъ что Іисусъ умеръ смертію осужденнаго, то Вознесенный отъ земли повлекъ его къ Себѣ съ такою силою, что онъ не внялъ ни чести, ни боязни человѣческой, и не поколебался обнаружить даже предъ правительствомъ свое участіе въ Распятомъ: *дерзнувъ, вниде къ Пилату, и проси тѣлесе Іисусова* (Марк. XV, 43). Не тою ли же силою и давно сгнившія въ вертоградѣ смерти зерна показали необычайный плодъ,—и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа? (Изъ слова въ Великій Пятокъ, ч. I, 33.)

Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же стихъ.

Аще зерно пшенично, падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ. Итакъ, если хочешь быть плодоноснымъ,—умри; умри настоящимъ образомъ, чтобы въ сердцѣ носить чувство, что ты умеръ. Какъ мертвый ни на что окружающее не отзывается, такъ дѣлай и ты: хвалятъ,—молчи, и бранятъ,—молчи, и прибыль получишь,—молчи; сытъ,—молчи, и голоденъ,—молчи. Будь таковъ ко всему внѣшнему, внутренно же держи себя тамъ, гдѣ бываетъ всякій умершій,—въ другой жизни, предъ лицемъ Бога всеправеднаго, готовясь услышать послѣдній приговоръ. Какой же, скажете, плодъ отъ этого, когда тутъ все замретъ? Нѣтъ, не замретъ, а явится энергія, да еще какая! Одна минута осталась, скажешь себѣ,—сейчасъ приговоръ; дай поспѣшу сдѣлать что-нибудь,—и сдѣлаешь. Такъ и въ каждую минуту (Мысли на каждый день года, стр. 154).

Изъясненіе и нравственное приложеніе словъ Іисуса Христа. Дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете (Іоан. XII, 36).

Свѣтъ имате, говорится намъ. Это тотъ свѣтъ, о коемъ благовѣствуетъ Евангелистъ: *въ томъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ, свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. I, 4, 9). Было время, когда свѣтъ сей являлся чувственно на земли, животворящимъ словомъ освѣщалъ умы, проникалъ въ самыя жестокія сердца, врачевалъ неисцѣльно болящихъ и воскрешалъ мертвыхъ; было время, когда свѣтъ сей сіялъ на Ѳаворѣ какъ солнце, а на Голгоѳѣ скрываясь отъ очей міра, превращалъ день въ глубокую ночь; сей же свѣтъ озарилъ самыя глубины смерти и ада, заставилъ князя тьмы отказаться отъ своихъ вѣковыхъ плѣнниковъ, и узниковъ тьмы возвелъ въ горнее царство свѣта. Съ тѣхъ поръ, оный свѣтъ болѣе невидимъ для очей тѣлесныхъ; но тѣмъ не менѣе онъ сіяетъ и животворно дѣйствуетъ въ родѣ человѣческомъ. Съ тѣхъ поръ образовалось сильное царство и на земли,—открылось Царство благодати, или тотъ прекрасный вертоградъ Божій, въ коемъ силою солнца духовнаго возрастаютъ, цвѣ-

тутъ и созрѣваютъ для вѣчной жизни безчисленныя души. И въ семъ-то новомъ Царствѣ Божіемъ живемъ мы, просвѣщенные свѣтомъ истины, отрожденные благодатію святаго крещенія, питаемые словомъ Божіимъ и таинствами Святой Церкви.—Словомъ, *тма мимоходитъ, и свѣтъ истинный сей уже сіяетъ* (1 Іоан. II, 8).

Но, дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, говоритъ намъ слово Божіе. До котораго времени будетъ сіять для насъ свѣтъ благодати? До послѣдняго часа здѣшней жизни, а потомъ или переведетъ насъ въ горнее Царство свѣта, или сокроется отъ насъ на вѣки. Какъ велико данное намъ время на земли? Не знаемъ; но какъ-бы ни было велико, прилично и намъ слово Господне, сказанное Іудеямъ: *еще мало свѣтъ въ васъ есть: ходите, да тма васъ не имѣтъ* (Іоан. XII, 35). Ибо что̀ время наше противъ вѣчности? и что̀ оно по себѣ? *Пара бо есть,* говоритъ Апостолъ Іаковъ, *яже вмалѣ является, потомъ же изчезаетъ* (Іаков. IV, 14). — Время спѣшитъ; поспѣшимъ и мы воспользоваться тѣмъ, что̀ дано намъ во времени. Доколѣ свѣтъ у насъ есть, будемъ вѣровать во свѣтъ; будемъ идти неуклонно по пути, по коему онъ ведетъ насъ, будемъ стремиться къ той цѣли, которую показываетъ. *Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія* (2 Коринѳ. VI, 2); *нощь прейде, а день приближися: отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта* (Римлян. XIII, 12); *да не спимъ, якоже и прочіи, но да бодрствуимъ и трезвимся,—оболкшеся въ броня вѣры и любве, и шлемъ упованія спасенія* (1 Солун. V, 6, 8).—Если ты спишь еще, если все еще любишь тьму грѣха, то *востани сняй и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Ефес. V, 14). *Вѣруйте во свѣтъ, да сыно-ве свѣта будете.* Вотъ почему необходимо вѣровать во свѣтъ: иначе нельзя быть никому сыномъ свѣта или всегдашнимъ, блаженнымъ жителемъ Царства Господня. Кто не возлюбитъ свѣта, кто не ввѣритъ ему всего себя, не исполнится имъ, какъ единственною стихіею жизни, ка́къ можетъ навсегда пребывать во свѣтѣ? ка́къ будетъ сыномъ свѣта? А развѣ нужно непремѣнно сыномъ, а не временнымъ только жителемъ или пришельцемъ свѣта?—«Да, непремѣнно нужно, если не хочешь остаться сыномъ тьмы. Всѣ дѣйствія Божіи въ родѣ человѣческомъ, вся экономія спасенія нашего клонятся къ тому, чтобъ отдѣлить навсегда свѣтъ отъ тьмы, произведенной грѣхомъ, и ничего не оставить средняго, общаго между ними. Помысли же: вотъ будетъ нѣкогда совершенное отлученіе свѣта отъ тьмы, въ области свѣта будетъ сіять одно духовное Солнце, *и нощи не будетъ тамо, и не потребуютъ свѣта отъ свѣтильника, ни свѣта солнечнаго* (Апокалипс. XXII, 5).

Думаемъ ли мы, съ своею привязанностью къ дѣламъ тьмы, снести такое сіяніе? способны ли мы жить въ такомъ свѣтѣ? Нѣтъ, не глаза нощныхъ птицъ, а глаза орловъ потребны тому, кто хочетъ жить въ сіяніи солнца незаходимаго. Посему-то всего болѣе желаетъ намъ Апостолъ сихъ очей свѣтоносныхъ или *просвѣщенныхъ очесъ сердца* (Ефес. I, 18). Какія это просвѣщенныя очи сердца? Очи вѣры; ибо, по словамъ того же Апостола *вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. XI, 1), и мы нынѣ должны ходить *вѣрою,* а не *видѣніемъ* (2 Коринѳ. III, 7). (Воскр. Чт., г. IX, стр. 79—80.)

Заключеніе къ исторіи общественнаго служенія Іисуса Христа въ Евангеліи Іоанна (XII, 37—50).

(*Филарета, архіеп. Черниговскаго.*)

Ст. 37—43. Слѣдуютъ замѣчанія Евангелиста о состояніи Іудеевъ. «Сколько чудесъ сотворилъ Онъ предъ ними, и они не вѣровали въ Него; чудеса совершаемы были не тайно, не за глазами представителей іудейства, а въ виду народа, въ виду книжныхъ людей и правителей Іудейскихъ». И однако Іудеи остались невѣрующими. «Да сбудется слово Исаіи пророка... «Да сбудется», сказано вмѣсто словъ: такъ что сбылось слово Исаіи; иначе означается не причина, а послѣдствіе. Пророкъ (LIII, 1) говорилъ: «Господи! кто повѣрилъ слышанному отъ насъ? И кому открылась мышца Господня»? Гордость людей чувственныхъ не хотѣла вѣрить тому, что смиренный рабъ Іеговы, униженный, измученный, былъ Мессія. То же самое—въ исторіи Іисуса. Та же гордость людей, мечтающихъ о земномъ царствѣ, о земной славѣ Іудейскаго народа, отворачивается съ презрѣніемъ отъ Іисуса. Значитъ, пророкъ описывалъ то, что совершается съ Іисусомъ, жалуется на дѣла нечестивой гордости современниковъ Іисусовыхъ. «Потому не могли они вѣровать, продолжаетъ Евангелистъ, что, какъ еще сказалъ Исаія, народъ сей ослѣпилъ глаза свои и окаменилъ сердце свое, да не видятъ глазами и не уразумѣютъ сердцемъ и не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ». Евангелистъ приводитъ слова пророка въ видѣ нѣсколько измѣненномъ, но удерживая точный смыслъ ихъ. Господь говорилъ пророку: «утучни сердце народа сего и загради уши его и закрой глаза его, чтобы онъ глазами своими не видѣлъ» (VI, 10). Пророки иногда являлись, какъ будто дѣлали они то, что совершили сами люди, по испорченности воли своей (Іерем. I, 10; XXXI, 18. Осія VI, 5; Іезек. XLIII, 3). Этимъ выражалось только крайнее отвращеніе Іеговы отъ этихъ нечестивыхъ людей. Златоустъ пишетъ: «что предсказалъ пророкъ, предсказалъ потому, что такъ непремѣнно будетъ... Должно было совершиться, потому что Іудеи неизлѣчимы. Если же и поставлено здѣсь слово «не могли»; но оно тоже значитъ, что «не хотѣли».—Точнѣе сказать: Іудеи не могли вѣровать, потому что, долго злоупотребляя своею свободою, привели себя въ нравственную невозможность вѣровать, невѣріе стало любимымъ началомъ жизни ихъ; также какъ добрые люди долгимъ упражненіемъ въ добрѣ достигаютъ того, что считаютъ невозможнымъ творить тотъ или другой порокъ. При тѣхъ великихъ чудесахъ, какія совершалъ Іисусъ, при томъ чистомъ и высокомъ ученіи, которое преподавалъ Онъ, невѣріе Іудеевъ—явленіе изумительное. Оно останавливало на себѣ вниманіе современниковъ Евангелиста; оно возбуждаетъ вопросы и послѣ Евангелиста. Евангелистъ въ разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ указываетъ на ученіе пророковъ; и они показывали, что Іудеи приведутъ себя въ такое нравственное состояніе, что не будутъ видѣть свѣта. «Сіе сказалъ Исаія, когда видѣлъ славу Его и говорилъ о Немъ». Чью славу видѣлъ? По мнѣнію Златоуста, славу Отца. Нѣтъ. Евангелистъ объясняетъ, почему не вѣрили въ Іисуса, и говоритъ объ Іисусѣ. Значитъ, по словамъ Евангелиста, Исаія видѣлъ славу Іисуса. Въ какомъ же видѣ видѣлъ Его пророкъ? Онъ видѣлъ Іегову, окруженнаго небесными воинствами и восхваляемаго ими и говорилъ съ трепетомъ: «очи мои увидѣли Царя, Іего-

ву воинствъ» (VI, 1—5). Итакъ Евангелистъ даетъ видѣть въ Христѣ Іисусѣ Бога истиннаго. «Впрочемъ, и изъ начальниковъ многіе увѣровали въ Него; но ради фарисеевъ не исповѣдывали»... этимъ точнѣе опредѣляется значеніе сказаннаго объ Іудеяхъ, такъ что слова: «они не увѣровали», получаютъ такой смыслъ: «многіе не увѣровали». Даже изъ начальниковъ многіе были вѣрующими. Сказавъ это, Евангелистъ вводитъ въ душевное состояніе увѣровавшихъ членовъ синедріона; онъ разсказываетъ тайны слабой совѣсти ихъ. «Ради фарисеевъ не исповѣдывали, чтобы не быть отлученными отъ синагоги». Евангелистъ указываетъ ту же болѣзнь въ душахъ этихъ людей, на которую указывалъ Спаситель, когда говорилъ: «какъ вы можете вѣровать, когда другъ отъ друга пріемлете славу, а славы, которая отъ единаго Бога, не ищете»? (Іоан. V, 44.) Синедріонисты и фарисеи хотѣли казаться людьми высокаго полета, а на дѣлѣ были людьми низкими, пресмыкались предъ подобными себѣ людьми пустыми. Члены синедріона Іосифъ и Никодимъ остались вѣрными Спасителю и при крестной смерти Его; они же исповѣдывали Его и предъ синедріономъ (Іоан. VII, 50. Лук. XXIII, 51). Потому строгое замѣчаніе Евангелиста имѣетъ въ виду не ихъ, а другихъ, которые по временамъ также казались вѣрующими, но слишкомъ дорожа мірскими выгодами, остались въ числѣ явныхъ враговъ Іисуса.

Ст. 44—50. Содержаніе наставленій, предложенныхъ Христомъ въ разное время. Такъ какъ нельзя представить примѣра, гдѣ цѣлая рѣчь Спасителя состояла бы изъ повтореній сказаннаго прежде, безъ всякой новой мысли, какъ это видно въ стихахъ 44—50, и такое извлеченіе мыслей изъ поученій Спасителя вполнѣ прилично ученику Христову, то въ стихахъ 44—50 надобно признать продолженіе размышленія Іоаннова. Связь съ предшествовавшимъ такая: словами Христа Іисуса показывается виновность невѣрія Іудеевъ.

Іисусъ же воззва и рече: аористъ κέκραξε καὶ εἶπεν не можетъ значить давнопрошедшаго, но выражаетъ повторявшееся дѣйствіе. Іисусъ возвѣщалъ въ слухъ и говорилъ:

Вѣруяй въ Мя не вѣруетъ въ Мя, но въ Пославшаго Мя. И видяй Мя видитъ Пославшаго Мя. То и другое показываетъ во Христѣ не одну человѣческую личность, которая была бы отдѣльна отъ Божества. Потомъ учитъ, что вѣра переходитъ черезъ Него къ Богу, чрезъ посланнаго къ пославшему, чрезъ Сына къ Отцу. Тѣ же мысли (Іоан. VIII, 19, 42; V, 24, 38). Такъ учили и Апостолы Петръ (1 Петр. I, 21) и Павелъ (Евр. VII, 25). *Видяй,* по слову Евангелиста, тоже, что вѣруяй, а не то, что холодно размышляющій; *видяй*—въ томъ же состояніи, какъ видѣлъ Исаія въ явившемся Господѣ славу Христову (38).

Ст. 46. *Азъ свѣтъ въ міръ пріидохъ, да всякъ вѣруяй въ Мя во тмѣ не пребудетъ.* Мысль предложена была (Іоан. VIII, 12). Только здѣсь въ рѣзкомъ видѣ представлено печальное состояніе человѣка, остающагося безъ вѣры во Христа. Кто остается безъ вѣры въ Іисуса, тотъ останется во тьмѣ, какія бы мѣры ни бралъ онъ выйти изъ тьмы.

Ст. 47—48. *И аще кто услышитъ глаголы Моя и не вѣруетъ: Азъ не сужду ему...* Слыша хулы Іудеевъ на Іисуса, могли смущаться тѣмъ, что Іисусъ Христосъ оставляетъ ихъ ненаказанными. Въ успокоеніе такимъ объясняется, что Сынъ Божій пришелъ спасать міръ, для произнесенія же осужденія міру будетъ свое время. На

это указано было (Іоан. III, 17—18). Особенность здѣсь—состояніе невѣрія. Это не то, что одна небрежность, невниманіе, а то состояніе, когда понимаютъ достоинство наставленія и однако отвергаютъ его съ презрѣніемъ гордымъ, видятъ истину и стараются не допустить ее до души (Евр. III, 12—19).

Ст. 49—50. *Азъ не отъ Себе глаголахъ...* Упорное презрѣніе, оказываемое къ Іисусу Христу, относится и къ Отцу, Котораго порученія исполняетъ Онъ. Объ этомъ говорено было не разъ (Іоан. V, 24, 30; VI, 39—40; VII, 16; VIII, 38). (Ученіе о Словѣ Филарета Черниговскаго, стр. 243—247.)

Отвѣтный вопросъ о происхожденіи крещенія Іоаннова (Матѳ. XXI, 23—27).

(Толкованіе святаго Златоуста.)

Гордые и надменные Іудеи, желая прервать бесѣду съ учениками, подошли къ Нему съ вопросомъ: *коею властію сія твориши?* Поелику Іудеи не могли унизить Его чудесъ, то выставляютъ Ему поступокъ Его въ храмѣ съ торжниками. Подобный вопросъ предложили они и у Евангелиста Іоанна, хотя не тѣми же словами, но въ томъ же смыслѣ. Они тамъ говорятъ: *кое знаменіе являеши намъ, яко сія твориши* (Іоан. XI, 19)? И Христосъ отвѣчалъ имъ: *разорите Церковь сію, и тремя днми воздвигну ю.* А здѣсь Онъ приводитъ ихъ въ крайнее затрудненіе. Откуда очевидно, что случай, описываемый Іоанномъ, былъ въ началѣ служенія Іисуса, когда Онъ только что началъ творить чудеса, а описываемый Матѳеемъ былъ при концѣ Его служенія. Смыслъ вопроса Іудеевъ былъ такой: получилъ ли Ты каѳедру учительскую, или рукоположенъ ли во священника, что выказываешь такую власть? Хотя Христосъ ничего не сдѣлалъ, чтобы показывало гордость, а только установилъ благочиніе во храмѣ; но не имѣя ничего сказать противъ Іисуса, Іудеи и въ этомъ Его укоряютъ. Впрочемъ, по причинѣ чудесъ они не смѣли укорять Его въ то самое время, когда Онъ изгналъ торжниковъ изъ храма, но укоряютъ Его уже послѣ, когда увидѣли Его. Что же Христосъ? Онъ не прямо отвѣчаетъ на ихъ вопросъ, показывая тѣмъ, что они могли знать о Его власти, если бы захотѣли, но Самъ спрашиваетъ ихъ, говоря: *крещеніе Іоанново откуду бѣ, съ небесе ли, или отъ человѣкъ* (Лук. XX, 4)? Но какъ это относится къ дѣлу, спросишь ты? И очень. Ибо если бы они сказали: *съ небесе,* Онъ отвѣчалъ бы имъ: *почто убо не вѣровасте Ему?* Потому что, если бы вѣрили Іоанну, то и не спрашивали бы объ этомъ, такъ какъ объ Немъ говорилъ Іоаннъ: *Емуже нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу Его* (Лук. III, 16). И еще: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. I, 29); и также—*Сей есть Сынъ Божій* (III, 31). И еще: *Грядый свыше надъ всѣми есть:* и опять: *Емуже лопата въ руку Его, и отребитъ гумно Свое.* Почему, если бы Іудеи повѣрили Іоанну, то не трудно было знать имъ, какою властію Христосъ дѣлаетъ это. Поелику же Іудеи съ лукавствомъ отвѣчали Ему: *не вѣмы,* то Христосъ не сказалъ имъ: и Я не знаю, но что же? *ни Азъ вамъ глаголю.* Если бы они въ самомъ дѣлѣ не знали, то надлежало бы научить ихъ; но такъ какъ они поступали лукаво, то Христосъ справедливо ничего не отвѣчалъ имъ. Почему же Іудеи не сказали, что крещеніе Іоанново было отъ человѣковъ?—Боялись народа, сказано. Видишь ли развращенное сердце? Богомъ всюду пренебрегаютъ, а для людей все дѣлаютъ.

Ибо и Іоанна боялись для людей, уважая святаго мужа не для него самого, но для народа; для народа они не хотѣли вѣровать и въ Іисуса Христа, и вотъ гдѣ источникъ всѣхъ золъ для нихъ! (ч. III, стр. 152—154.)

Мысли еп. Ѳеофана о томъ же.

На вопросъ Господа объ Іоаннѣ Предтечѣ, архіереи и старцы думали: такъ ли скажемъ, или такъ, все для насъ невыгодно, а потому рѣшили лучше прикрыться незнаніемъ. Интересъ свой связалъ имъ языкъ и не далъ имъ засвидѣтельствовать истину. Если бы они любили истину больше, чѣмъ себя, была бы иная рѣчь, иное было бы и дѣло. Свой интересъ закрылъ истину и не допустилъ ее до сердца, помѣшалъ образоваться искреннему убѣжденію и сдѣлалъ его равнодушнымъ къ ней. И всегда такъ: эгоистическія стремленія — источные враги истины. Всѣ другіе враги идутъ за ними и дѣйствуютъ чрезъ посредство ихъ. Если разобрать, какъ родились всѣ заблужденія и ереси, то окажется, что всѣхъ ихъ источникъ именно этотъ. На словахъ,—истина, истина; а на дѣлѣ,—мѣшаетъ истина въ томъ и въ томъ отношеніи; надо ее устранить, а поставить на мѣсто ея благопріятную намъ ложь. Отчего, напримѣръ, являются матеріалисты—нигилисты? Оттого, что идея Бога Творца, Промыслителя и Судіи, съ идеею о духовности души, мѣшаетъ имъ шире жить по своимъ наклонностямъ; вотъ и отстраняютъ ее. Что не истина руководитъ нигилистами, это видно изъ ничтожности основаній, на которыхъ они утверждаются: имъ желательно, чтобы было такъ, какъ они думаютъ, и всякій призракъ, отражающій ихъ мысли, выставляется ими, какъ свидѣтель истины. Если бы они отрезвились хоть немного,—тотчасъ бы увидали ложь свою. Но себя жаль, потому и остаются такъ, какъ есть (стр. 252—253).

Притча о послушномъ и непослушномъ сынѣ (Матѳ. XXI, 28—32).

(*Толкованіе святаго Златоуста*).

Далѣе Іисусъ Христосъ говоритъ имъ: *что же ся вамъ мнитъ? Человѣкъ нѣкій имяше два сына, и пришедъ къ первому, рече: чадо, иди днесь, дѣлай въ виноградѣ моемъ. Онъ же отвѣщавъ рече: не хощу: послѣди же раскаявся, иде. И приступль къ другому рече такоже. Онъ же отвѣщавъ рече: азъ, Господи, иду, и не иде. Кій отъ обою сотвори волю отчу? Глаголаша Ему: первый.* Христосъ опять притчами обличаетъ Іудеевъ, намекая какъ на неповиновеніе ихъ, такъ и на покорность отверженныхъ прежде язычниковъ. Ибо здѣсь подъ двумя сыновьями разумѣются язычники и Іудеи. Первые, не давая обѣщанія въ послушаніи и не слышавъ закона, самымъ дѣломъ оказывали послушаніе; а послѣдніе, хотя говорили: *вся, елика рече Богъ, сотворимъ и послушаемъ,* но на самомъ дѣлѣ не оказывали покорности закону. Потому, дабы Іудеи не подумали, что законъ и безъ исполненія приноситъ имъ пользу, Христосъ показываетъ, что это-то самое и осуждаетъ ихъ. Согласно съ этимъ говоритъ и Павелъ: *не слышателіе закона праведни предъ закономъ, но творцы закона сіи оправдятся* (Римлян. II, 13). Потому, чтобы Іудеи осудили сами себя, Спаситель заставляетъ ихъ самихъ произнести приговоръ.

Когда же они, не понимая цѣли притчи, произнесли приговоръ, тогда Онъ уже открываетъ имъ самый смыслъ притчи и говоритъ: *яко мытари и любодѣйцы варяютъ вы въ Царствіи Божіемъ. Пріиде бо къ вамъ Іоаннъ путемъ праведнымъ, и не вѣровасте ему,*

мытари же и любодѣйцы вѣроваша ему: вы же видѣвше не раскаястеся послѣди вѣровати ему (31—32). Если бы Онъ просто сказалъ: блудницы прежде васъ войдутъ въ Царствіе Божіе, то слова Его показались бы имъ тяжкими; но теперь, когда сами они объявили свое мнѣніе, то слова Его для нихъ кажутся не такъ тяжкими. Для сего же Онъ приводитъ и причину, какую же? Іоаннъ, говоритъ Онъ, пришелъ къ вамъ, а не къ нимъ, и притомъ путемъ праведнымъ. Ибо вы не можете обвинить его, какъ человѣка нерадиваго и безполезнаго. Онъ велъ и жизнь неукоризненную и имѣлъ большую попечительность; однакожъ вы и тогда не послушали его. Послѣ этого слѣдуетъ другое осужденіе, т. е. что мытари увѣровали; за симъ еще обвиненіе, именно: вы, и видѣвъ сіе, не одумались послѣ, чтобы повѣрить ему, тогда какъ надлежало вамъ сдѣлать это прежде. А это не заслуживаетъ никакого прощенія. Слово *варяютъ* не потому сказано, что Іудеи послѣдуютъ мытарямъ; но что и они, если захотятъ, могутъ войти въ Царствіе Божіе. Ибо ничто такъ не возбуждаетъ грубыхъ людей, какъ ревность; потому Христосъ всегда говоритъ: послѣдніе будутъ первыми, и первые послѣдними. Для того Христосъ и представляетъ въ примѣръ блудницъ и мытарей, дабы Іудеи возревновали. Ибо грѣхъ блудницъ и грѣхъ мытарей суть грѣхи величайшіе, происходящіе отъ грубой любви, одинъ къ тѣлу, другой къ деньгамъ. Притомъ Христосъ научаетъ, что вѣрить Іоанну значитъ истинно повиноваться закону Божію. Итакъ блудницы входятъ въ Царствіе Божіе не по одной благодати, но и по правдѣ. Ибо входятъ онѣ не какъ уже блудницы, но какъ послушныя и вѣрующія, чистыя и перемѣнившіяся. Обличивъ Іудеевъ во всемъ этомъ, Христосъ, наконецъ, наноситъ имъ самый тяжкій ударъ, говоря: *вы же видѣвше не раскаястеся послѣди вѣровати ему.* Худо не дѣлать добраго въ самомъ началѣ; но еще бо́льшаго осужденія достоинъ тотъ, кто послѣ не исправляется (ч. III, стр. 154—157).

Мысли еп. Ѳеофана.

Въ притчѣ о двухъ сынахъ, второй изъ нихъ проворно сказалъ: *иду, и не иде.* Это образъ всѣхъ скороспѣлыхъ благонамѣреній, которыя привести въ исполненіе недостаетъ потомъ постоянства воли и терпѣнія. Сердце легкое тотчасъ готово на всякое представляющееся ему добро, но нетвердая и нетрудолюбивая воля отказывается отъ дѣланія на первыхъ же порахъ. Эта немощь встрѣчается почти у всѣхъ. Ка́къ же избѣгнуть такой несостоятельности предъ самимъ собою и предъ другими? А вотъ ка́къ: не начинай ничего, не обдумавъ и не разсчитавъ, что на предпринимаемое достанетъ силъ. Та́къ Господь повелѣлъ въ притчѣ о начинающемъ войну и приступающемъ къ построенію дома. Въ чемъ же этотъ разсчетъ? Въ томъ, по сказанію тѣхъ же приточныхъ внушеній Господа, чтобы вооружиться напередъ самоотверженіемъ и терпѣніемъ. Посмотри, есть ли у тебя эти подпоры всѣхъ труженниковъ въ добрѣ,—и если есть, начинай дѣло; а если нѣтъ, то напередъ запасись ими. Если запасешься, то, что̀ ни встрѣтится на пути къ намѣренному, все перетерпишь и преодолѣешь, и начатое доведешь до конца. Разсчетъ не то значитъ, что коль скоро трудновато дѣло,—брось, а то, чтобы воодушевить себя на всякій трудъ. Отсюда будетъ исходить твердость воли и постоянство дѣланія. И не будетъ съ тобою никогда того, чтобы ты сказалъ — иду, а потомъ не пошелъ (стр. 254—255).

Притча о виноградникѣ (Матѳ. XXI, 33—42).

«Одинъ хорошій хозяинъ, говоритъ Спаситель, насадилъ виноградникъ, обнесъ его оградою, выкопалъ въ немъ точило (для собранія ягодъ и выжиманія изъ нихъ сока), построилъ (сторожевую) башню и, отдавъ виноградарямъ, отлучился.

Когда настало время собиранія плодовъ, хозяинъ послалъ къ виноградарямъ своихъ слугъ взять плоды. Но виноградари, схвативши слугъ, инаго прибили, инаго убили, инаго побили камнями. Хозяинъ послалъ другихъ слугъ больше прежняго; но виноградари и съ ними поступили та́къ же, ка́къ съ первыми. Тогда хозяинъ послалъ сына своего, думая въ себѣ: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидѣвши сына, сказали другъ другу: это наслѣдникъ; пойдемъ—убьемъ его и завладѣемъ наслѣдствомъ. И, схвативши его, вывели вонъ изъ виноградника и убили.

«Что̀ сдѣлаетъ хозяинъ съ этими виноградарями, когда придетъ въ виноградникъ свой»? спросилъ Господь Своихъ слушателей. Всѣ отвѣчали ему: злодѣевъ этихъ предастъ злой смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды въ свое время.

«Такъ, заключилъ Спаситель, и отъ васъ отнимется Царство Божіе, и дано будетъ народу, приносящему плоды его».

Эта притча раскрываетъ предъ нами всю судьбу Еврейскаго народа, раскрываетъ всѣ заботы и попеченія Божіи объ этомъ народѣ, и то, какъ онъ, по своему жестокосердію, навлекъ на себя праведный гнѣвъ Божій, тяготѣющій надъ нимъ и до сего времени.

Еврейскій народъ былъ любимы виноградникомъ добраго хозяина — Царя Небеснаго. Еще въ лицѣ праотца Авраама Еврейскій народъ избранъ былъ Богомъ изъ всѣхъ народовъ въ усыновленіе и особенное благоволеніе и попеченіе; ему одному даны были всѣ обѣтованія, или, какъ говоритъ святый Апостолъ Павелъ, *вѣрена бѣша словеса Божіи* (Римлян. III, 2); на него излиты всѣ милости и щедроты Божіи. *Сынъ Мой первенецъ Израиль* (Исход. IV, 22), говорилъ Богъ о народѣ Еврейскомъ чрезъ Моѵсея, и для этого первенца раздѣлялось море, сходила съ неба манна, камень источалъ воду и т. п. *Что аще сотворю винограду Моему, и не сотворихъ ему?* Вотъ въ какихъ чертахъ изображается близость Божія къ народу Еврейскому и попеченіе Божіе о немъ! Самъ Богъ говоритъ, что Онъ все сдѣлалъ для народа Еврейскаго и затѣмъ уже не знаетъ, чего бы не сдѣлалъ для блага его. Наконецъ, отъ этого народа произошелъ Спаситель міра—*свѣтъ во откровеніе языковъ и слава людій Своихъ—Израиля*. Какое преимущество можетъ быть выше этого? Какое благоволеніе Божіе можетъ быть больше того, когда Самъ Сынъ Божій снисшествіе Свое на землю первоначально относилъ ко благу Еврейскаго народа! *Нѣсмъ посланъ*, говоритъ Онъ, *токмо къ овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Матѳ. XV, 24).

Чѣмъ же заплатилъ народъ Еврейскій за такую любовь Божію къ нему, за такое попеченіе, за такія милости Божіи? Самою черною неблагодарностью, жестокосердіемъ и вѣроломствомъ. Вмѣсто плодовъ правды и благочестія, которыхъ требовалъ Богъ отъ Своего виноградника, онъ принесъ *терніе;* народъ Еврейскій попралъ завѣтъ и законъ Божій, осквернилъ себя нечестіемъ и беззаконіями и не разъ предавался идолопоклонству и невѣрію. Самъ Богъ жалуется на неблагодар-

ность и жестокосердіе избраннаго народа Своего: *сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене. Позна волъ стяжавшаго его, и оселъ ясли господина своего: Израиль же Мене не позна и людіе Мои не разумѣша* (Исаія I, 3).

Господь Богъ, видя озлобленіе и развращеніе народа Своего, по неизрѣченному долготерпѣнію Своему, посылалъ къ нему Своихъ рабовъ пророковъ, чтобы они обращали его отъ пути заблужденія на путь истины, научали его служить Богу своему вѣрою и правдою. Но виноградари, т. е. старѣйшины и законоучители народа Еврейскаго, сами будучи развращены и жестокосерды, жестоко поступали и съ посланниками Божіими, которые требовали, какъ отъ нихъ самихъ, такъ и отъ ввѣреннаго смотрѣнію ихъ народа, добрыхъ плодовъ. Рѣдкій изъ пророковъ не былъ гонимъ ими, а многіе, какъ Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Захарія, были преданы насильственной смерти. *Кого изъ пророковъ не изгнаша отцы ваши?* укорялъ своихъ современниковъ Іудеевъ первомученикъ Стефанъ, отъ нихъ же побитый камнями (Дѣян. VII, 52). Въ заключеніе же всего они не устыдились известь вонъ изъ виноградника, т. е. изъ Іерусалима, и распять на крестѣ надежду и утѣху Израилеву, своего Спасителя—Единороднаго Сына Божія. Это было самое ужасное злодѣяніе со стороны народа Еврейскаго и вождей его. Этимъ злодѣяніемъ Іудеи ясно показали, что они стали совершенно недостойны имени избраннаго народа, и что, хотя еще у нихъ были книги закона, храмъ, священники и жертвы (оплотъ, точило, столпъ и дѣлатели), но все это потеряло уже свою цѣль и свое дѣйствіе. Все расположеніе сердца ихъ и вся ихъ жизнь были направлены совершенно не по закону Божію. Справедливо говоритъ святый Апостолъ, обличая Іудеевъ своего времени: *ты, Іудей, въ законѣ хвалишися, и преступленіемъ закона Бога безчествуеши* (Римлян. II, 17, 23). Поэтому какъ нельзя болѣе справедливый приговоръ призвали на себя и на народъ старѣйшины Іудейскіе, когда отвѣтили Господу, что *господинъ виноградника злыхъ виноградарей*—ихъ самихъ—*злѣ погубитъ, и виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ, иже воздадятъ ему плоды во времена своя.* Богъ такъ точно и поступилъ съ народомъ Еврейскимъ. Вскорѣ ихъ столица—Іерусалимъ—разрушена до основанія, наибольшая часть Іудеевъ предана смерти, остальная же до сего времени расточена по всему лицу земли. Такъ отнято отъ Евреевъ Царство Божіе и дано иному языку, творящему плоды его!

Какой это языкъ, избранный Богомъ на мѣсто неблагодарнаго и вѣроломнаго Израиля? Этотъ языкъ, или народъ—мы христіане; мы — новый виноградникъ, насажденный отъ Самого Господа, по слову Его: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. XV, 5). Мы—сыны новаго Израиля; намъ теперь усвоены всѣ достоинства и преимущества Израиля ветхаго и даже—еще бо́льшія преимущества. *Мы*, по словамъ Апостола, *родъ избранъ, царское священіе, люди обновленія* (1 Петр. II, 9); *мы наслѣдницы Божіи, снаслѣдницы же Христу* (Римлян. VIII, 17); *мы храмъ Бога живаго и Духъ Божій живетъ въ насъ* (1 Коринѳ. III, 16). Намъ даны всѣ средства къ тому, чтобы мы могли приносить добрые плоды: *Святая Церковь—столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. III, 15) есть нашъ *оплотъ*, наше огражденіе; животворящая Кровь Іисуса Христа и благодать Святаго Духа какъ изъ *точила* въ Святой Церкви подаются обильно для душъ, *алчущимъ и жаждущимъ правды* (Іоан. VII, 38. Матѳ.

V, 6). Для возращенія плодовъ вѣры и дѣлъ благихъ мы поручены *дѣлателямъ*—пастырямъ и учителямъ, *призваннымъ къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія* (Ефес. IV, 12). Такъ, все намъ дано для того, чтобы мы могли *жить свято и цѣломудренно, отверглись нечестія и мірскихъ похотей,* какъ свойственно сынамъ новаго благодатнаго Царства.

Всѣ указанныя достоинства и преимущества принадлежатъ только тѣмъ изъ насъ, которые живутъ достойно своего высокаго званія. Если же мы однимъ только именемъ отличаемся отъ жестоковыйныхъ Іудеевъ, если только одними устами исповѣдуемъ Христа, а сердцемъ и дѣлами отметаемся отъ Него, если, будучи искуплены крестною смертію Спасителя, вторично распинаемъ Его своимъ вѣроломствомъ, невѣріемъ и неблагодарностію, то не только всѣ осужденія и клятвы, произнесенныя Богомъ на ожесточенныхъ Іудеевъ, падутъ на насъ, но постигнетъ насъ участь еще горшая (Воскр. Чт., г. XXXI, кн. I, стр. 382—387).

Изъясненіе притчи о виноградникѣ (Матѳ. XXI, 33, 43).

(*Иліодора, архіеп. Курскаго.*)

Человѣкъ нѣкій бѣ домовитъ, иже насади виноградъ, и оплотомъ огради его, и ископа въ немъ точило, и созда столпъ, и вдаде и дѣлателемъ, и отъиде (Матѳ. XXI, 33). Кто этотъ домовладыка мудрый и добрый? Это Богъ премудрый, всеблагій, всемогущій, Господь неба и земли, Ангеловъ и человѣковъ, верховный Владыка, Коимъ все во благое устрояется на небѣ и землѣ. На небѣ Имъ устроено Царство славы, на землѣ Царство благодати.

Насади виноградъ. На землѣ насадилъ Онъ виноградъ, т. е. Свою Святую Церковь сперва въ земномъ раѣ,—потомъ среди избраннаго народа, на Сіонѣ, и во всей вселенной.

Оплотомъ огради. Богонасажденный виноградъ, Святая Церковь, не оставленъ безъ особаго промышленія: *огражденъ оплотомъ,* т. е. закономъ, на сердцахъ и на скрижалехъ написаннымъ.

Ископа въ немъ точило, или тиски. Это жертвенникъ, на коемъ проливалась кровь животныхъ, въ очищеніе грѣховъ, по вѣрѣ въ крестную жертву грядущаго Спасителя міра. И *созда столпъ*—это сперва скинія ветхозавѣтная, потомъ храмъ Іерусалимскій, гдѣ долженствовало приноситься поклоненіе истинному Богу и приносилось.

И вдаде и дѣлателемъ, и отъиде. Кто эти дѣлатели! это священники, вожди и начальники церкви Іудейской. Это суть всѣ Іудеи, коихъ Господь избралъ въ наслѣдіе Свое паче всѣхъ языковъ, возвѣстилъ имъ слово истины, далъ законъ, ввѣрилъ тайну искупленія, утѣшилъ обѣтованіями. Поелику Господь не связываетъ произволенія человѣческаго властію Своею и не можетъ нарушить вѣчнаго закона свободы принужденіемъ къ добру, то Онъ и Іудеямъ далъ свободу поступать по произволенію своему. *Отъиде.* Отходитъ Господь отъ дѣлателей винограда, когда не стѣсняетъ свободнаго ихъ произвола въ дѣйствіяхъ ихъ и являетъ долготерпѣніе Свое къ согрѣшающимъ. Посему Іудеямъ оставалось свободно принять заповѣди и обѣтованія, благоугождать Господу правдою нелицемѣрною и непринужденною, приносить покаяніе въ согрѣшеніяхъ, пользуясь долготерпѣніемъ Господнимъ.

Егда приближися время плодовъ, посла рабы Своя къ дѣлателемъ, пріяти плоды его (34). Вотъ и время отчета въ дѣлахъ добрыхъ и злыхъ,—время суда и воздаянія! Такъ *всѣмъ*

время и время всякой вещи подъ небесемъ: время садити и время исторгати насажденное, говоритъ мудрый (Екклес. III, 1). Посему и въ Церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной были уставлены свои сроки для духовнаго сѣянія и плодоприношенія. И когда сіи сроки исполнялись, тогда Небесный Домовладыка посылалъ рабовъ Своихъ къ людямъ пріяти плоды правды,—патріарховъ—во дни Церкви патріархальной, пророковъ—во дни Церкви подзаконной, Апостоловъ и другихъ Богомудрыхъ мужей—во дни Церкви новозавѣтной. Сіи провозвѣстники воли Божіей, суда и милости Его, не только нашли на землѣ мало избранныхъ, но сами подверглись отъ злыхъ дѣлателей, сыновъ вѣка, поношенію, ранамъ и смерти. Злые дѣлатели не только не принесли плодовъ благочестія, но и нанесли оскорбленія рабамъ Господа! *И емше дѣлателе рабовъ его, овааго убо биша, овааго убиша, овааго же каменіемъ побиша. Паки посла ины рабы множайша первыхъ: и сотвориша имъ такоже* (35—36). Таковы были злонравные Іудеи по отношенію къ пророкамъ и Апостоламъ. Такъ много и такъ тяжко и нынѣ страдаютъ рабы Господни—ревнители истины и добродѣтели, отъ сыновъ вѣка сего!

Послѣди же посла къ нимъ сына своего, глаголя: усрамятся сына моего (37). Кто этотъ сынъ посылаемый? Это Единородный Сынъ Отца Небеснаго, Господь нашъ Іисусъ Христосъ по волѣ Отца Небеснаго явившійся во плоти среди Іудеевъ для спасенія міра. Такъ многочастно и многообразно *древле глаголалъ Богъ* сынамъ и дщерямъ ветхозавѣтной Церкви *во пророцѣхъ,* въ послѣдокъ же дней ея возглаголалъ *намъ въ Сынѣ,* говоритъ Апостолъ Павелъ. *Се пріиду* на землю, сказано устами Псалмопѣвца о Христѣ, Спасителѣ міра, *еже сотворити волю Твою, Боже мой, восхотѣхъ и законъ Твой посредѣ чрева моего* (Псал. XXXIX, 7—8). Казалось бы, что появленіе Сына Божія среди народа, Богомъ избраннаго въ наслѣдіе, долженствовало привести Іудеевъ въ разумъ истины, породить въ нихъ чувство стыда и сокрушенія о своемъ нечестіи и призвать на путь вѣры и благочестія. Нѣтъ, при появленіи наслѣдника всяческихъ, Сына Божія, въ коварныхъ сердцахъ книжниковъ и фарисеевъ родилось коварное и злое намѣреніе погубить Его. За что? Не за вину какую либо по закону, а беззаконно, по одной зависти и враждѣ къ Нему, по одному желанію восхитить достояніе Его—власть надъ всею Іудейскою Церковію. *Дѣлатели же, видѣвше сына, рѣша въ себѣ: сей есть наслѣдникъ: пріидите, убіемъ его и удержимъ достояніе его!* Коварные Іудеи! Если Іисусъ Христосъ есть истинный Сынъ Божій, наслѣдникъ въ дому Его; то зачѣмъ посягать не только на достояніе Его, но и на жизнь Его? Если же въ душѣ вашей таится злое намѣреніе погубить Іисуса Христа, Сына Божія; то зачѣмъ коварно языкомъ именуете Его наслѣдникомъ, а въ сердцѣ невѣрномъ питаете злобу и зависть къ Нему? Зачѣмъ языкъ и сердце ваши несогласны между собою? Или лучше, зачѣмъ они согласно обращены на убіеніе Благодѣтеля и Спасителя душъ нашихъ?

И емше его, изведоша вонъ изъ винограда и убиша (39). За злымъ намѣреніемъ послѣдовало злѣйшее дѣйствіе — убіеніе неповиннаго. Іудеи остались упорны въ своемъ невѣріи и нечестіи. Они не устыдились, не убоялись возстать на Господа; они не только отвергли Христа, но погубили Его звѣроправно. Еван-

гельское сказаніе подробно показываетъ, гдѣ, отъ кого и сколько пострадалъ Господь, гдѣ и какъ умеръ; за кого и для чего. Онъ пострадалъ много отъ книжниковъ и фарисеевъ во Іерусалимѣ, распятъ внѣ града Іерусалима на Голгоѳѣ, на крестѣ. *Тѣмже Іисусъ внѣ врать* (града) *пострадати изволилъ* (Евр. XIII, 12). Для чего внѣ града? У злыхъ было и злое намѣреніе къ страданіямъ Богочеловѣка присовокупить вящшее поношеніе, а у Всеблагаго хранилось благое изволеніе принести жертву не за Іудеевъ только, но и за язычниковъ. Пострадати изволилъ Іисусъ внѣ града, да освятитъ Своею Кровію люди, т. е. весь родъ человѣческій. Для того и руки Спасителя на крестѣ простерты, дабы привлечь всѣ народы къ Отцу Небесному.

Егда убо пріидетъ господинъ, что сотворитъ дѣлателемъ тѣмъ? Глаголаша ему: злыхъ злѣ погубитъ и виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ, иже воздадятъ ему плоды во времена своя (40—41). Господинъ винограда—это Богъ правосудный. Пришествіе его—это явленіе правды Его на нераскаянныхъ и нечестивыхъ дѣлателей винограда—книжниковъ и фарисеевъ и всѣхъ враговъ Іисусовыхъ. Господь Богъ не Самъ произноситъ по Своей правдѣ и власти судъ надъ нечестивыми, но первоначально отдаетъ преступленіе на судъ имъ самимъ. Спрашиваетъ: чего достойны злые дѣлатели, посягнувшіе на жизнь Сына Его и Наслѣдника въ дому Его? Отвѣщаютъ: жестокой смерти.—*Злыхъ злѣ погубитъ.* Такъ, осужденіе строго, но вмѣстѣ праведно. За безпредѣльно тяжкое злодѣяніе потребно и тягчайшее наказаніе. Это и сами дѣлатели злые сознаютъ и сами на себя произносятъ праведный приговоръ. Что же будетъ съ виноградомъ? Останется безъ дѣлателей? Предастся на расхищеніе? Нѣтъ, вручень будетъ лучшимъ дѣлателямъ. *И виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ, иже воздадятъ ему плоды во времена своя* (41). *Иные дѣлатели*—это Апостолы и ихъ преемники, пастыри и учители. Это всѣ мудрые и вѣрные рабы Царствія Христова. Сіи дѣлатели принесли плоды въ свое время. Они не только сохранили ввѣренную Святую Церковь, но и распространили оную по всей вселенной,—насадили въ ней вѣру и благочестіе, оградили ее оплотомъ Божественныхъ догматовъ, воздвигли храмы, украсили ее высокими подвигами и христіанскими добродѣтелями, положили здравіе и жизнь во славу ея.

Судъ, какой произнесли злые дѣлатели на самихъ себя, признанъ отъ Господа справедливымъ, подкрѣпленъ словами Псалмопѣвца, утвержденъ собственнымъ судомъ Господнимъ. *Глаголаша имъ Іисусъ: нѣсте ли чли николиже въ писаніихъ? Камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла. Отъ Господа бысть сіе, и есть дивно во очію вашею. Сего ради глаголю вамъ, яко отъимется отъ васъ Царствіе Божіе и дастся языку, творящему плоды его* (42—43). Что это за домъ зиждемый и что за зиждители? Это то же, что виноградъ насаждаемый и дѣлатели винограда,—т. е. церковь и начальники Іудейской церкви, книжники и фарисеи. Кто краеугольный камень, соединяющій двѣ стѣны, но пренебреженный зиждителями? Это Сынъ, убитый дѣлателями винограда—Іудеями, Господь Іисусъ, твердое основаніе положившій церкви изъ Іудеевъ и язычниковъ. И все это носитъ дивную печать мудрости, благости и всемогущества Божія. И все устроилось по судьбамъ Всевышняго: *отъ Господа бысть сіе, и есть дивно во очію вашею.* Цер-

ковь Христова основана на крестѣ Его, украшена дражайшею Кровію Его, утверждена чудесами и знаменіями, распространена по всей вселенной Божественнымъ ученіемъ Его, сохраняется бдительнымъ промысломъ Его и во вѣки силою и дѣйствіемъ Его останется незыблемою и неразрушимою. А врагамъ ея что̀ угрожаетъ, что̀ ожидаетъ ихъ? Отчужденіе отъ Царствія Божія, отъ лица Христова. *Сего ради глаголю вамъ: отъимется отъ васъ Царствіе Божіе и дастся языку, творящему плоды его.* И подлинно, злонравные Іудеи отвержены отъ Царства Божія за небреженіе о краеугольномъ камени, т. е. за невѣріе во Христа, и разсѣяны по лицу земли за нечестіе, а въ Церковь Христову, въ блаженное Его Царство призваны тѣ изъ Іудеевъ и язычниковъ, кои съ вѣрою и любовію приняли Христа, Его крестъ, принесли плоды христіанскихъ добродѣтелей, подвиги высокаго самоотверженія и чистой любви (Христ. Чт. за 1849 г., ч. I, стр. 396—404).

Толкованіе Иннокентія Херсонскаго на 42 и 44 ст.

Ст. 42. *Нѣсте ли чли николиже въ писаніихъ: камень, егоже не въ ряду сотвориша зиждущіи, сей бысть во главу угла.* Слова эти указываютъ на псал. CXVIII, 22. Псаломъ сей содержитъ таинственную пѣснь, коею Давидъ благодаритъ Бога во храмѣ, по низложеніи враговъ своихъ. Государство Іудейское сравнивается здѣсь съ зданіемъ, коего строители суть Саулъ и старѣйшины 12 колѣнъ Израилевыхъ. Камень, ими отверженный, есть Давидъ, коего потомъ Самъ Богъ положилъ во главу угла—сдѣлалъ царемъ и побѣдителемъ. Поелику же Давидъ былъ свыше установленнымъ пророкомъ великаго потомка своего—Мессіи, то многія черты изъ его царствованія и личной судьбы, въ таинственномъ смыслѣ, относятся къ Іисусу Христу (Дѣян. IV, 11. Римлян. IX, 33. Ефес. II, 20. 2 Тимоѳ. II, 19. 1 Петр. II, 7).

Ст. 44. *И падый на камени семъ сокрушится, а на немже падетъ, сотрыетъ и.* Надобно полагать, что Іисусъ Христосъ имѣлъ при семъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ пророчествъ: Исаіи VIII, 14—15; у пророка съ камнемъ святымъ сравнивается Богъ, а нечестивые уподобляются людямъ, кои, будучи поражены страхомъ, бѣгутъ и, претыкаясь о святый камень, падаютъ и разбиваются. Въ настоящемъ случаѣ подъ камнемъ разумѣлъ Іисусъ Себя Самого. Подъ упадающими на сей камень разумѣются тѣ Іудеи, кои, соблазняясь Его уничиженнымъ состояніемъ, не принимали Его ученія. Для таковыхъ покаяніе было легко, и они терпѣли только одно наказаніе—лишеніе благодѣяній. Но были между невѣрующими во Христа и такіе люди, на коихъ самъ камень имѣлъ упасть, чтобы раздавить ихъ; потому что они грѣшили не по слабости и невѣдѣнію, а по злобѣ и буйству; были нераскаянны, а потому недостойны и помилованія. Одно изъ такихъ страшныхъ паденій послѣдовало при разрушеніи Іерусалима (Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, примѣчаніе ко II части, 27 и 28, стр. 493).

Библіографическій указатель къ XXI гл. Евангелія Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) Матѳ. XXI, 22. *Препод. Максима* Исповѣдника. Изъясненіе. Воскр. Чт., г. XI. 259. О проклятіи смоковницы. Тамъ же. 261.

2) Ст. 23. *Св. Іоанна Златоустаго* на слова: *коею властію сія твориши?* Бес. на разныя мѣста Священнаго Писанія, т. II. 93—128.

3) Ст. 33—42. *Блаженнаго Ѳеофилакта.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ 13 нед. по Пятидесятницѣ (33—42). Воскр. Чт., г. X. 206.

4) Ст. 33. *Святаго Дмитрія Ростовскаго. Человѣкъ нѣкій бѣ, иже насади виноградъ.* Воскр. Чт., г. XVIII. 196.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

5) Матѳ. XXI, 18—22. Синаксарь во святый Великій понедѣльникъ объ изсохшей смоковницѣ.

6) Ст. 16. *Голубинскаго.* Правдолюбіе. Воскр. Чт. 1872 г. I. 260—263.

7) Ст. 28—32. Притча о двухъ не одинаковыхъ сынахъ. Христ. Чт. 1885 г. III. 298—313.

8) Ст. 28—32. *Ѳ. Смирнова.* Притчи Іисуса Христа въ нравственно-соціальномъ отношеніи. Притча о двухъ сыновьяхъ. Воскр. Чт. 1892 г. 189—190.

9) Ст. 33—42. *Его жс.* Притча о злыхъ виноградаряхъ. Тамъ же. 197—198.

10) Ст. 33—43. *Прот. Полисадова.* Бесѣда. Стран. 1875 г. IV. 39—51.

11) Ст. 33—44. Изъясненіе воскреснаго Евангелія. Воскр. Чт., г. XVI. 201—203.

12) Притча о злыхъ виноградаряхъ. Воскр. Чт., г. XXXII. I. 593—600, г. XXV. I. 563—564.

13) Притча о виноградаряхъ. Хр. Чт. 1837 г. I. 186—202.

14) Ст. 43. *Свящ. Польскаго.* О современномъ фарисействѣ и саддукействѣ. Стран. 1860 г. I. 46—62.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

15) Матѳ. XXI, 18—19. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Почему и для чего подвергнута проклятію смоковница. Сочин. Общедоступнаго изд. Вольфа. III. 276—280.

16) *Никанора, архіеп. Одесскаго.* Объ изсохшей смоковницѣ. IV. 142.

17) 23—XXII, 1—14. *Его же.* О событіяхъ вторника страстной седмицы: о бесѣдѣ Іисуса Христа съ фарисеями и о значеніи притчей Его: о двухъ сынахъ, злыхъ виноградаряхъ и о бракѣ царскаго сына. IV. 156—164.

18) Ст. 33. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣда на притчу о злыхъ виноградаряхъ. IV. 103.

На XI гл. Марка.

19) *Н. Елеонскаго.* О Евангеліи Марка. Чт. въ Общ. 1873 г. Дек. 648—659.

20) Ст. 12—13. О смоковницахъ. Воскр. Чт. 1873 г. II. 171—172.

21) Ст. 13—20. Мысли еп. Ѳеофана объ изсохшей смоковницѣ. 11.

22) Ст. 30—33. Мысли еп. Ѳеофана. 324.

На XIX гл. Луки.

23) Ст. 46. *Филарета, митроп. Московскаго.* О высокомъ достоинствѣ храма, какъ дома Божія и дома молитвы, и о расположеніяхъ, съ какими должно входить въ него и пребывать въ немъ. II. 414—416.

24) *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О благотворныхъ дѣйствіяхъ молитвы. О силѣ молитвы. Почему молитвы иногда остаются безъ исполненія? О качествахъ и предметахъ молитвы. О молитвѣ за умершихъ. О средствахъ возбужденія и поддержанія молитвы. I. 149—171.

25) Гл. XX, 9—18. Мысли еп. Ѳеофана на притчу о злыхъ виноградаряхъ. 441.

На XII гл. Іоанна.

26) Ст. 24. Природа изъясняетъ намъ и Библію и наше сердце. Христ. Чт. 1822 г. VII. 87—100.

27) Ст. 35—36. *Леонида, еп. Дмитровскаго.* Не медли творить дѣла свѣта. Душеп. Чт. 1873 г. III. 52—55.

28) *А. Некрасова.* Экзегетическія примѣчанія къ XII гл. Іоан. Прав. Собес. 1886 г. I. 97—100.

29) *Григорія, архіеп. Казанскаго.* О прославленіи Іисуса Христа предъ смертію. II. 127—133.

Притча о бракѣ царскаго сына (Матѳ. XXII, 1—14).

Изъясненіе Евангелія въ 14 недѣлю по Пятидесятницѣ.

(*Блаженнаго Іеронима.*)

Уподобися Царствіе Небесное человѣку царю, иже сотвори браки сыну своему.

Этотъ царь, содѣлавшій брачный пиръ для сына своего, есть всемогущій Богъ, Который сдѣлалъ брачный пиръ для Господа нашего Іисуса Христа и Святой Церкви Его, составленной изъ Іудеевъ и язычниковъ.

И посла рабы своя призвати званныя на браки, и не хотяху пріити.

Подъ именемъ рабовъ здѣсь разумѣется, во-первыхъ, Моисей, чрезъ котораго Богъ приглашеннымъ далъ законъ, а потомъ святые пророки, которые призывали Іудеевъ и которыхъ сіи презрѣли.

Паки посла ины рабы, глаголя: рцыте званнымъ: се обѣдъ мой уготовахъ, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: пріидите на браки.

Подъ именемъ этихъ другихъ рабовъ разумѣются святые Апостолы; а подъ именемъ обѣда, тельцовъ и другихъ откормленныхъ животныхъ можно разумѣть или богатство Царя Небеснаго, представляя подъ видомъ чувственныхъ блага духовныя, или величіе ученія, вполнѣ изображающаго намъ волю Божію.

Они же небрегше отъидоша, овъ убо на село свое, овъ же на купли своя: прочіи же емше рабы его, досадиша имъ и убиша ихъ.

Нехотящіе покориться Евангелію, много различаются между собою. Тѣ, кои не хотятъ придти на пиръ по занятію своими дѣлами, не столько виновны, какъ тѣ, кои, презрѣвъ расположеніе къ себѣ царя, оскорбили или убили посланныхъ къ нимъ слугъ. Въ сей притчѣ ке говорится объ убіеніи жениха, а только о презрѣніи, которое показали къ брачному торжеству приглашенные на оное, убивъ посланныхъ звать ихъ.

Слышавъ же царь той, разгнѣвася, иославъ воя своя, погуби убійцы оны и градъ ихъ зажже.

Выше, когда было говорено о приглашеніи на брачный пиръ и о дѣлахъ милосердія Божія, царь названъ человѣкомъ; а здѣсь, когда дѣло идетъ объ отмщеніи, упоминается просто царь, безъ прибавленія имени человѣкъ. Подъ именемъ войска можно разумѣть или лютыхъ ангеловъ, о которыхъ говорится въ LXXVII псалмѣ (49), или Римлянъ, которые, избивъ Іудейскій народъ, подъ предводительствомъ Веспасіана и Тита, сожгли мятежный Іерусалимъ.

Тогда глагола рабомъ своимъ: бракъ убо готовъ есть, званніи же не быша достойни. Идите убо на исходища путій, и елицъхъ аще обрящете, призовите на браки. И изшедше рабы они на распутія, собраша всѣхъ, елицъхъ обрѣтоша, злыхъ же и добрыхъ: и исполнися бракъ возлежащихъ.

Эти призванные на пиръ съ перекрестковъ были язычники, которые дѣйствительно находились не на дорогѣ, а на распутіяхъ. Но спрашивается: какимъ образомъ были между ними и добрые? Это объясняетъ Апостолъ, когда говоритъ, что язычники, исполняющіе законъ по естеству, осуждаютъ Іудеевъ не исполнившихъ закона писаннаго (Римлян. II, 27). Впрочемъ, язычники по сердечнымъ расположеніямъ много разнятся другъ отъ друга: одни изъ нихъ весьма склонны къ порокамъ, а другіе честны и преданы добродѣтели.

Вшедъ же царь видѣти возлежащихъ, видѣ ту человѣка, не облченна въ одѣяніе брачное, и глагола ему: друже, како вшелъ еси сюда, не имый одѣянія брачна? Онъ же умолча.

Подъ этимъ вшествіемъ царя въ храмину пиршества, для осмотра пировавшихъ, разумѣется день суда, когда Господь откроетъ дѣла и подвиги каждаго изъ людей; а подъ именемъ человѣка, не имѣвшаго одѣянія брачнаго, разумѣются совокупно всѣ злые, чуждые дѣлъ, предписываемыхъ закономъ и Евангеліемъ, которыя составляютъ одѣяніе новаго человѣка. Если кто изъ именующихся христіаниномъ явится въ день суда не въ брачномъ одѣяніи, т. е. съ дѣлами небеснаго человѣка, но въ оскверненной ризѣ, т. е. въ рубищахъ ветхаго человѣка, тому Господь скажетъ *друже, како вшелъ еси сѣмо?* Называется другомъ потому, что былъ приглашенъ на пиръ, и обличается въ безстыдствѣ, потому что скверною одеждою нанесъ безчестіе святому торжеству брачному. Сказано, что этотъ человѣкъ умолчалъ: это значитъ, что тогда нельзя будетъ ни раскаяться въ грѣхахъ, ни запереться при свидѣтельствѣ всего міра.

Тогда речетъ царь слугамъ: связавше ему руцѣ и нозѣ, возмите его и вверзите во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ.

Связаніе рукъ и ногъ, также плачь и скрежетъ зубовъ, можно почитать указаніемъ на истину воскресенія тѣлъ; но можно видѣть въ связаніи рукъ и ногъ у грѣшниковъ то значеніе, что руки перестанутъ тамъ производить злое, а ноги устремляться на пролитіе крови. Плачъ же и скрежетъ зубовъ упомянуты для того, чтобы дать понятіе о тяжести мученій адскихъ.

Мнози бо суть звани, мало же избранныхъ.

Сими словами Господь заключилъ сію притчу, какъ и притчу о виноградаряхъ, дабы показать, что въ притчахъ сихъ мы должны обращать вниманіе не на начало, а на конецъ (Воскр. Чт., г. XVIII, стр. 203—205).

Изъ слова Симеона Новаго Богослова на слова Евангелія: *уподобися Царствіе Небесное человѣку царю, иже сотвори браки сыну своему и посла рабы своя призвати званныя* и проч.

(Матѳ. XXII, 2 и д.).

Кого здѣсь называетъ царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ? Никого иного, какъ Самого Бога и Отца Своего. И для кого другого сотворилъ Отецъ браки, кромѣ Единороднаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа? Какого же царя дщерь благоволилъ Владыка всяческихъ и Господь избрать въ невѣсту Сыну Своему? Изъ насъ людей каждый, собираясь женить своего сына, со всѣмъ вниманіемъ высматриваетъ ему въ невѣсты дочь какого-нибудь болѣе знатнаго и болѣе богатаго, чѣмъ самъ онъ. Но Богъ кого найдетъ хоть бы сколько-нибудь равнымъ Себѣ, чтобы дочь его взять въ невѣсты Сыну Своему? О семъ Царѣ говорится у пророковъ, что Онъ *содержай кругъ земли, и живущія на ней аки пруги* (Исаія XL, 22), *Богъ вѣчный, Богъ устроивый концы земли* —(28), *и на ничесомже утвердивый столпы ея* (Іов. XXXVIII, 6), *призираяй на землю и творяй ю трястися* (Псал. CIII, 32). Итакъ такой Царь чью дочь взялъ въ невѣсты и сотворилъ браки Сыну Своему? Узнаете, чью. Но безмѣрное снисхожденіе Божіе дѣлаетъ меня изступленнымъ. Хочу сказать и трепещу. Но опять воодушевляясь благостію Его, пріемлю смѣлость и говорю, что взялъ Онъ дочь человѣка, согрѣшившаго предъ Нимъ, сотворившаго блудъ и убійство, т. е. взялъ въ невѣсты дочь блудника и убійцы. Видишь ли благость и снисхожденіе неизрѣченное и несравненное? Видишь ли презѣльное человѣколюбіе? Видишь ли море любви и благостыни? Послѣ сего всякій, считающій себя великимъ, пусть научится изъ того, что̀ я говорю, смиренномудр-

ствовать и никого никогда не презирать, хотя бы онъ былъ царь, величайшій всѣхъ другихъ царей, или вельможа, знатнѣйшій всѣхъ другихъ вельможъ, или богачъ, богатѣйшій всѣхъ богачей. Пусть взираетъ онъ на владыку и единаго Вседержителя, живущаго во свѣтѣ неприступномъ и неизрѣченномъ,—на Него, говорю, пусть смотритъ, какъ Онъ снизошелъ много, что благоволилъ взять дочь блудника и убійцы въ невѣсты Единородному Сыну Своему, невидимому, непостижимому, неизслѣдимому, Содѣтелю и Творцу всяческихъ, тебя ради и твоего спасенія. Но кто сей блудникъ и убійца, коего дочь избралъ Богъ въ невѣсты Ему? Давидъ, сынъ Іессеевъ, убившій Урію и соблудившій съ женою его. Его-то дочь, говорю, Марію, пренепорочную, чистую и пречистую Дѣву взялъ Онъ въ невѣсты. Я называю Ее пренепорочною и пречистою, сравнивая ее съ нами человѣками, рабами Ея; но сравнивая ее съ Женихомъ Ея и Отцемъ Его, называю Ее человѣкомъ, какъ и всѣ люди, только святою и пресвятою паче всѣхъ людей, непорочною и чистѣйшею изъ всѣхъ родовъ.

Итакъ Ее, Дѣву Марію, взялъ Онъ въ невѣсты и сотворилъ браки Сыну Своему. Какимъ образомъ? Слушай повнимательнѣе. Отецъ Господа нашего Іисуса Христа послалъ съ высоты небесной одного изъ рабовъ Своихъ Гавріила Архангела сказать Дѣвѣ: радуйся! Онъ тотчасъ сошелъ на землю и содѣлался служителемъ таинства, говоря Дѣвѣ: радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою! И со словомъ симъ во утробу Дѣвы вошло все ѵпостасное единосущное и совѣчное Отцу Слово Богъ, и чрезъ наитіе и содѣйствіе единосущнаго Ему Духа воспріяло плоть отъ непорочныхъ и чистыхъ кровей Ея, сдѣлавшись совершеннымъ человѣкомъ съ тѣломъ и душею. И се неизрѣченное сочетаніе! Се таинственный бракъ Божій! Такъ совершился новозавѣтный союзъ Бога съ человѣками: Онъ принялъ плоть и даровалъ Божество. Самъ пресущественный, преестественный Богъ несліянно соединился съ тлѣннымъ и бѣднымъ естествомъ и существомъ нашимъ человѣческимъ. Зачала Дѣва и предивно родила о двухъ естествахъ, Божествѣ и человѣчествѣ, единаго Сына, совершеннаго Бога и совершеннаго человѣка, Господа нашего Іисуса Христа, Который ни дѣвства Матери Своей не нарушилъ, ни отъ нѣдръ Отца Своего не отлучился.

Впрочемъ, руководясь словами Святаго Евангелія, мы можемъ помыслить при семъ и сказать и нѣчто иное, что таинственно всегда бываетъ со всѣми сынами свѣта. Ибо по какой причинѣ не сказано: сотвори бракъ сыну своему, а—*браки?* По какой? По той, что такой же точно бракъ бываетъ и съ каждымъ вѣрнымъ сыномъ дня. Богъ и съ нами сочетавается пречистымъ и пренепорочнымъ бракомъ и производитъ въ насъ нѣкое таинство, высшее всякой человѣческой силы. Что же такое есть это, производимое Имъ въ насъ? Послушай съ вниманіемъ, да уразумѣешь. Послѣ того какъ Сынъ Божій и Богъ, вошедъ во утробу Пресвятыя Дѣвы и воспріявъ отъ Нея человѣческое естество, и содѣлавшись человѣкомъ, родился отъ Нея, какъ мы сказали, совершеннымъ человѣкомъ и совершеннымъ Богомъ, будучи одинъ и тотъ же Богъ и человѣкъ несліянно,—послѣ сего, коль скоро и мы человѣки вѣруемъ въ Сына Божія и Сына Приснодѣвы и Богородицы Маріи, и вѣруя пріемлемъ вѣрно въ сердца свои слово о семъ и устно сіе исповѣдуемъ, каясь при семъ отъ всей души во всѣхъ прежнихъ грѣхахъ своихъ, тотчасъ Сей Богъ Слово

Отчее входитъ и въ насъ, какъ и во утробу Приснодѣвы: мы пріемлемъ Его, и Онъ бываетъ въ насъ, какъ сѣмя. Слыша о семъ страшномъ таинствѣ, ужасайся, но пріими слово о немъ съ вѣрою и убѣжденіемъ. Такъ зачинаемъ Его и мы, не тѣлесно, какъ зачала Дѣва и Богородица Марія, но духовно, однакоже существенно. Мы имѣемъ въ душахъ своихъ Того Самого, Котораго зачала и пренепорочная Дѣва. И какъ Пресвятыя Дѣвы не опалилъ огнь Божества, такъ какъ Она была пренепорочна; такъ и насъ не опаляетъ Онъ, когда имѣемъ сердца свои чистыми и непорочными, но бываетъ въ насъ небесною росою, источникомъ воды живыя, потокомъ жизни вѣчной. Что мы подобнымъ образомъ пріемлемъ непокровенный огнь Божества, объ этомъ послушай, какъ говоритъ Самъ Господь: *огня пріидохъ воврещи на землю* (Лук. XII, 49). Какой это другой огнь, кромѣ единосущнаго по Божеству Духа, съ Коимъ вмѣстѣ входитъ въ насъ и созерцается и Сынъ со Отцемъ? Но поелику Сынъ Божій и Богъ воплотился уже однажды отъ Дѣвы и родился отъ Нея тѣлесно, паче слова и разума, и невозможно Ему опять воплощаться и раждаться тѣлесно въ каждомъ изъ насъ; то что̀ Онъ творитъ? Ту самую пренепорочную плоть, которую принялъ Онъ отъ Пречистой Маріи Богородицы и въ коей отъ Нея родился, преподаетъ намъ въ таинствѣ, и вкушая ее, мы имѣемъ внутрь себя, разумѣется каждый достойно причащающійся, всего воплощеннаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія и Сына Дѣвы, пренепорочныя Маріи, сѣдящаго одесную Бога и Отца, по слову Его же Самого: *ядый Мою Плоть и піяй Мою Кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. VI, 56). Вселяясь же въ насъ, Онъ не познается сущимъ въ насъ тѣлесно, яко плодъ чрева, какъ былъ въ Пресвятой Дѣвѣ, но есть безтѣлесно въ насъ, и соединяется съ существомъ и естествомъ нашимъ неизрѣченно, и насъ обоготворяетъ, такъ какъ мы содѣлываемся сотѣлесниками Ему, бывая плоть отъ плоти Его и кость отъ костей Его.

Вотъ таинство браковъ, кои сотворилъ Богъ и Отецъ равночестному, единосущному и соприсносущному единородному Сыну Своему и звалъ на него многихъ. Онъ послалъ рабовъ Своихъ звать званныхъ на браки, но они не хотѣли пойти. Кто же были эти посланные? Пророки. А кто позванные? Евреи. Они и тогда, и съ самаго начала были позваны, но не хотѣли слушать звавшихъ. Тогда послалъ, говоритъ Евангеліе, Царь Отецъ другихъ рабовъ, говоря: *рцѣте званнымъ: се обѣдъ мой уготовахъ, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: пріидите на браки. Они же небрегше отъидоша, овъ убо на село свое, овъ же на купли своя, прочіи же емше рабовъ его, досадиша имъ и убиша ихъ* (Матѳ. XXII, 4—6). Кого же называетъ здѣсь Господь вторыми рабами посланными? Святыхъ Апостоловъ Своихъ. А обѣдъ какой это? Небесное Царствіе, которое уготовалъ Богъ отъ сложенія міра для званныхъ и приходящихъ на него по собственному произволенію. Юнцами же и упитанными кого называетъ Онъ? Самого Сына Приснодѣвы и Бога, Который есть телецъ упитанный отъ сложенія міра, на сіе опредѣленный, на то т.-е., чтобъ быть приносиму въ жертву и быть снѣдаему. Онъ же есть и юнецъ, яко по силѣ своей непобѣдимый. Названъ же Онъ здѣсь юнцами во множественномъ числѣ, потому что святая Плоть Его раздѣляется на многія частицы, изъ которыхъ каждая есть опять весь Христосъ. Онъ столько силенъ, что побѣждаетъ всѣхъ враговъ тѣхъ, кои прича-

щаются Его, и имъ самимъ даетъ силу побѣждать міръ и область чадомъ Божіимъ быти. Называется еще и единолѣтнимъ агнцемъ Онъ, всенепорочный Агнецъ Божій, яко всесовершеннѣйшій, каковымъ былъ. Онъ носитъ крестъ, какъ роги, которымъ (крестомъ) далъ Онъ и смертоносный ударъ врагу нашему діаволу, когда на немъ распяли Его и убили Евреи.

Другими рабами, какъ я сказалъ, называетъ здѣсь Господь святыхъ Апостоловъ, которыхъ послалъ Онъ созывать проповѣдью, заповѣдавъ имъ на путь языковъ не идти и во градъ Самарійскій не входить, но идти паче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, т.-е. къ Евреямъ; но они и Апостоловъ не приняли, а иныхъ изъ нихъ поносили и били, иныхъ же совсѣмъ убивали, изъ числа которыхъ есть и первомученикъ Стефанъ. *И слышавъ о семъ царь той, разгнѣвася, и пославъ воя своя, погуби убійцы оны, и градъ ихъ зажже* (7). Убійцами называетъ Господь нечестивыхъ Евреевъ, которыхъ Онъ побилъ, уничтожилъ и опустошилъ посредствомъ Римскихъ воиновъ. Ибо и злые называются Божіими воинами, когда посылаются для наказанія другихъ злыхъ, какъ говоритъ пророкъ Давидъ: *посла на ня гнѣвъ ярости Своея, ярость и гнѣвъ и скорбь, посланіе ангелы лютыми* (Псал. LXXVII, 49). *Тогда,* наконецъ, *глагола царь рабомъ своимъ: бракъ уже готовъ есть, званніи же не быша достойни. Идите убо на исходища путій, и елицыхъ аще обрящете, призовите на браки* (8—9). Видишь ли послѣдовательность и порядокъ вещей? Видишь ли точность притчи?—*Тогда глагола:* когда это? Когда Евреи, позванные въ Царство Небесное, не только не восхотѣли слушать ихъ, но поносили и убивали. Тогда уже послалъ Онъ ихъ во весь міръ ко всѣмъ языкамъ. *И изшедше,* говоритъ далѣе притча, *раби они на распутія, собраша всѣхъ, елицыхъ обрѣтоша, злыхъ же и добрыхъ: и исполнися бракъ возлежащихъ* (10). Апостолы обошли всю вселенную, проповѣдуя слово Божіе, и собрали во единство вѣры и Боговѣдѣнія всѣхъ тѣхъ, которые послушались ихъ и которые были злы, но преложились отъ злыхъ дѣлъ своихъ и сдѣлались добрыми. *Вшедъ же царь видѣти возлежащихъ, видѣ ту человѣка не облечена во одѣяніе брачное: и глагола ему: друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна? Онъ же умолча. Тогда рече царь слугамъ: связавше ему руцѣ и ноздѣ, возмите его и вверзите во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ. Мнози бо суть званни, мало же избранныхъ* (11—14). Видишь, что говоритъ Господь? Что на браки собираются тѣ, кои прелагаются отъ зла и дѣлаются добрыми и добродѣтельными; тѣ же, которые имѣютъ на себѣ какое либо лукавство или зло, хотя и входятъ на браки, но извергаются и изгоняются со стыдомъ Ангелами, которые здѣсь называются слугами. Тѣ, которые остались сѣдящими за трапезою, суть святые. Впрочемъ, я знаю нѣкоторыхъ, которые думаютъ, что подъ неимущимъ одѣянія брачнаго здѣсь нужно разумѣть тѣхъ, которые осквернили тѣла свои блудами, прелюбодѣяніями и убійствами; но это не такъ. Всякій, оскверненный какою бы то ни было страстью и грѣховною склонностью, не имѣетъ одѣянія брачнаго. И что это справедливо, послушай, что говоритъ святый Павелъ: *не льстите себе, ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы* (которые называются и идолослужителями), *ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы* (но скажу и отъ себя, ни тѣ, которые имѣютъ ненависть или за-

вить къ какому либо брату), *Царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Коринѳ. VI, 9—10) и не имѣютъ части и мѣста на брачномъ торжествѣ Господа нашего Іисуса Христа. Видишь, какъ всякая страсть и всякій грѣхъ оскверняютъ одежду души нашей и изгоняютъ насъ изъ Царства Небеснаго? (Душеп. Чт. 1878 г., ч. III, стр. 385—389. 392—395.)

О вопросѣ фарисеевъ: *достойно ли есть дати кинсонъ кесареви,* и отвѣтѣ Іисуса Христа (Матѳ. XXII, 15—22).

(Филарета, митроп. Московскаго.)

Фарисеи, завидуя славѣ Господа Іисуса, и будучи раздражены обличеніями отъ Него и неблагопріятными для нихъ предсказаніями, рѣшились погубить Его, и общимъ совѣщаніемъ изобрѣли для сего средство. *Фарисее,* пишетъ святый Евангелистъ Матѳей, *совѣтъ восприяша, яко да обольстятъ Его словомъ* (XXII, 15). А святый Лука дополняетъ: *да имутъ Его въ словеси, во еже предати Его начальству и области игемоновѣ* (XX, 20).

Сличимъ сіе начало предпріятія съ окончаніемъ, намѣреніе съ послѣдствіемъ, и усмотримъ надъ безобразіемъ дѣлъ человѣческихъ величественный образъ дѣйствующаго Провидѣнія Божія, которое искусно задуманныя, но неблагонамѣренныя предпріятія обращаетъ въ стыдъ изобрѣтателямъ и даже изъ зла производитъ благо. Фарисеи думали, какъ сѣтью, хитрымъ и лицемѣрнымъ словомъ, уловить Іисуса и неизбѣжно влещи въ погибель; но покушеніе кончилось тѣмъ, что Его словомъ обнаружена ихъ слабость и посрамлено ихъ невѣжество. Исконный врагъ рода человѣческаго думалъ чрезъ нихъ погубить Христа и разрушить едва только полагаемое основаніе Церкви Христовой; но вмѣсто того далъ только Христу случай провозгласить ученіе, на вѣки утверждающее союзъ между Церковію и государствомъ, благопріятный для спокойствія Церкви, существенно важный для блага и прочности государства.

Хитрость и неблагонамѣренность фарисеевъ прежде словъ открывается въ лицахъ посланниковъ ихъ ко Христу. *Посылаютъ къ Нему ученики своя со иродіаны.* А почему же не пошли къ Нему сами?—Безъ сомнѣнія, по тому разсчету, что, въ случаѣ успѣшнаго дѣйствованія чрезъ учениковъ, насладятся успѣхомъ такъ же, какъ бы сами дѣйствовали; а въ случаѣ неудачи, пусть лучше на лице учениковъ падетъ стыдъ, а учители останутся въ сторонѣ. Но для чего посылаютъ не однихъ учениковъ своихъ, а присоединяютъ къ нимъ иродіанъ?—Здѣсь-то и является искусство злоумышленія. Когда Іудея, прежде независимая, покорена была Римлянами, тогда непріятная, по причинѣ новаго и чуждаго владычества, обязанность платить подать Римскому кесарю сдѣлала для многихъ занимательнымъ вопросъ: *достойно ли есть дати кинсонъ кесареви, или ни?* Иродіане и фарисеи были о семъ противоположныхъ мнѣній. Иродіане, заимствовавшіе наименованіе отъ Ирода, который получилъ свою власть отъ кесаря Римскаго, утверждали, что должно платить подать кесарю, и противниковъ сего мнѣнія почитали мятежниками. Напротивъ того фарисеи, согласно съ зилотами, мнимыми *ревнителями* закона Божія, полагали, что Іудеи, какъ народъ Божій, должны, въ отличіе отъ языческихъ народовъ, платить одну только дань Богу, въ Его храмъ по полусиклю съ души, какъ предписано въ законѣ Моисеевомъ, и что платить подать Римскому кесарю, идолопоклоннику, значитъ оскорблять истиннаго Бога. Какъ же сіи люди, противоборныхъ между собою мнѣній,

соединяются теперь, чтобы дѣйствовать заодно?—Они отлагаютъ на время свою вражду, чтобы общими силами сдѣлать зло ненавистному тѣмъ и другимъ Учителю истины. Вотъ ихъ разсчетъ. Если Онъ скажетъ, что *достойно есть дати кинсонъ* Римскому кесарю, то фарисеи провозгласятъ, что Онъ измѣнилъ народу Божію и Богу, и такимъ образомъ опровергнутъ въ лицѣ Его достоинство посланника Божія и вѣру къ Нему народа. Если же скажетъ: *не достойно есть дати кинсонъ* кесарю, то иродіане донесутъ на Него Римскому правителю, какъ на мятежника, и подвергнутъ Его суду смертному. Не правда ли, что сѣть крѣпко связана и ловко разставлена, *да имутъ Его въ словеси?*

Какъ приманка для привлеченія въ сѣть, положенъ вопросъ: *достойно ли есть дати кинсонъ кесареви?* Но Тотъ, Кого хотятъ уловить, видитъ не только приманку, но и скрытую за ней сѣть, не только вопросъ, но и сердца и намѣренія вопрошающихъ. Чтобы положить осязательное основаніе рѣшенію вопроса, Онъ требуетъ *златицу кинсонную,* монету, которую надлежитъ употребить для уплаты по́дати, и, на взаимный вопросъ: *чій образъ сей и написаніе?* получивъ неизбѣжный отвѣтъ, что это—изображеніе и надписаніе кесаревы, и слѣдственно право его на монету очевидно, произноситъ рѣшеніе, которое расторгаетъ сѣть и въ то же время уловляетъ самихъ ловителей: *воздадите убо кесарева кесареви, а Божія Богови.* На что́ теперь пожалуется ревность фарисеевъ? Сказано: *воздадите Божія Богови?*—Что́ донесутъ игемону иродіане? Сказано: *воздадите кесарева кесареви.* Тѣмъ и другимъ должно быть стыдно, что предлагали, какъ будто необычайно трудный, такой вопросъ, который разрѣшается однимъ взглядомъ на монету.

Но фарисеямъ и иродіанамъ стыдъ, а всему міру спасительное поученіе.

Особеннаго примѣчанія достойно, что, хотя вопросъ фарисеями предложенъ былъ только объ обязанности къ кесарю, и хотя сей вопросъ указаніемъ на кинсонъ и заповѣдію: *воздадите кесарева кесареви,* разрѣшается достаточно и непобѣдимо,—Господь однако симъ не удовлетворился, но простеръ Свой отвѣтъ за предѣлъ вопроса и непосредственно присовокупилъ другую заповѣдь: *и Божія Богови,* означая симъ союзъ обѣихъ заповѣдей и неполноту первой безъ послѣдней. Подобно сему, и въ другихъ случаяхъ, слово Божіе обязанность къ царю непосредственно соединяетъ съ обязанностію къ Богу. Такъ говоритъ ветхозавѣтный мудрецъ: *бойся Бога, сыне, и царя* (Притч. XXIV, 21). Такъ и Апостолъ Петръ: *Бога бойтеся, царя чтите* (1 Петр. II, 17). (Изъ слова въ день восшествія на престолъ Государя Императора. Т. III, стр. 222—224.)

Отвѣтъ саддукеямъ о воскресеніи мертвыхъ (Матѳ. XXII, 23—33. Марк. XII, 18—27. Лук. XX, 27—39).

(Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.)

Посрамленные отвѣтомъ Іисуса Христа фарисеи и иродіане удалились. Для саддукеевъ показалось обстоятельство сіе благопріятнымъ случаемъ испытать и свои силы, дабы побѣдою надъ Іисусомъ Христомъ унизить вмѣстѣ и гордость фарисеевъ, кои были всегдашними ихъ соперниками и врагами. Можетъ быть, хотѣли даже извѣдать, не одобритъ ли Іисусъ Христосъ, такъ злобно оскорбленный фарисеями,—ученія ихъ секты, и не покажетъ ли Себя благосклоннымъ къ саддукейству, въ каковомъ случаѣ имъ надлежало бы уже измѣнить свою ненависть къ Нему на пріязнь, по крайней мѣрѣ пріостано-

вить дальнѣйшее преслѣдованіе. Такую надежду могли основывать между прочимъ на томъ, что Іисусъ Христосъ, постоянно обличая фарисеевъ, рѣже и менѣе говорилъ противъ саддукеевъ. Какую бы впрочемъ цѣль не имѣли саддукеи, только искушеніе ихъ уже не заключало въ себѣ личной опасности для Іисуса Христа: хотѣли сразиться одною ученостью. Предметъ для состязанія взятъ былъ тотъ самый, который непрестанно обращался въ спорѣ между фарисеями и саддукеями—воскресеніе мертвыхъ. Іисусъ Христосъ постоянно и всенародно училъ, что души человѣческія безсмертны и что всѣ умершіе должны нѣкогда воскреснуть. Для опроверженія сей истины, саддукеи выбрали самое сильное изъ своихъ возраженій, которое, вѣроятно, почиталось неотразимымъ въ ихъ спорахъ съ фарисеями. Потомъ, какъ люди, не имѣющіе никакихъ тайныхъ и опасныхъ для Іисуса Христа видовъ, приступили къ дѣлу прямо.

«Учитель! Моусей сказалъ: ежели кто умретъ, не имѣя дѣтей, то братъ его долженъ взять за себя жену его и возставить племя брата своего. Вслѣдствіе сего закона случилось вотъ что: было седмь братьевъ: первый, женясь, умеръ и, не имѣя дѣтей, оставилъ жену брату своему; другой, взявъ ее, также умеръ бездѣтнымъ; подобнымъ образомъ умеръ третій и четвертый,—даже до седьмаго. Наконецъ, послѣ всѣхъ, умерла и жена. Спрашивается, (продолжалъ саддукей:) котораго изъ семи мужей будетъ она женою въ то время, когда всѣ воскреснутъ? Всѣ семеро, (прибавилъ онъ,) имѣли ее».

Къ чему идетъ дѣло и для чего предложенъ странный случай съ женою—надлежало доразумѣть. Такъ обыкновенно поступали раввины въ своихъ состязаніяхъ, указывая на какой либо примѣръ, дѣлая одни намеки и не употребляя раздѣльныхъ умозаключеній и выводовъ, къ коимъ житель востока не можетъ привыкнуть. По нашему образу изъясненія мыслей, сила возраженія саддукейскаго состояла въ слѣдующемъ: «въ книгахъ Моусеевыхъ не только нѣтъ никакого доказательства безсмертія душъ, но еще есть нѣчто такое, что совершенно противорѣчитъ ученію о воскресеніи мертвыхъ; именно—законъ касательно ужичества. Ежели мертвые воскреснутъ, (какъ учатъ фарисеи и Ты); то жена, представленная въ примѣръ, должна по закону ужичества принадлежать или всѣмъ седьми мужьямъ, или никому, что равно нелѣпо; но таковаго нелѣпаго закона (каковымъ оказывается законъ ужичества въ отношеніи къ безсмертію) Моусей, мудрѣйшій, Богодухновенный законодатель, дать не могъ; слѣдовательно, по ученію Моусея, нѣтъ воскресенія мертвыхъ, и мы, не принимая ученія о безсмертіи, совершенно правы». Умствованіе, повидимому, не безъ силы: только имъ предполагалась недоказанная и ложная мысль, что чувственный союзъ супружества остается въ силѣ и по воскресеніи мертвыхъ, въ будущей жизни, между тѣми лицами, кои были супругами въ настоящей жизни. И фарисеи не всѣ допускали послѣднее мнѣніе, а Іисусъ Христосъ не одобрялъ ни того, ни другаго. Тѣмъ удобнѣе было отвѣчать на софизмъ.

Не отъ того ли именно, сказалъ Господь саддукеямъ, и происходитъ ваше заблужденіе, что вы не знаете истиннаго смысла Писаній и не имѣете правильнаго понятія о всемогуществѣ Божіемъ?—Самый образъ мыслей вашихъ о состояніи будущей жизни нелѣпъ и ложенъ. Жениться, выходить замужъ есть принадлежность только настоящей жизни, въ которой господствуетъ чув-

ственность. Но тамъ нѣтъ ничего чувственнаго; а потому нѣтъ и брака. Сыны воскресенія будутъ сынами не плотскими, а Божіими; ихъ состояніе подобно состоянію Ангеловъ.

Замѣчанія сего уже было достаточно для посрамленія саддукеевъ; потому что имъ совершенно опровергалось возраженіе саддукейское и съ его основаніемъ. Но, Господь, вѣроятно, видѣлъ возможность вывести нѣкоторыхъ саддукеевъ изъ ихъ заблужденія: посему не удовольствовался однимъ опроверженіемъ возраженія, а присовокупилъ съ Своей стороны весьма убѣдительное доказательство безсмертія.

Столь же несправедливо, продолжалъ Онъ, думаете вы, что въ законѣ Моусеевомъ нѣтъ ничего о воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни. Развѣ вы никогда не читали тѣхъ мѣстъ, гдѣ описывается явленіе Бога Моусею? Какъ тамъ называетъ Себя Богъ? «Азъ есмь, говоритъ Онъ, Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ, Богъ Іаковлевъ. Но Богъ не есть Богъ мертвыхъ, а живыхъ; посему у Него всѣ живы».

Саддукеи молчали. Доказательство, приведенное Іисусомъ Христомъ, кромѣ неожиданности (у саддукеевъ почиталось за несомнѣнное, что въ книгахъ Моусея нѣтъ подобныхъ указаній на безсмертіе) отличалось глубокостью и духовностью смысла, невиданною въ умствованіяхъ раввиновъ, большею частью мелочныхъ и слабыхъ. Каждый невольно чувствовалъ, что Богъ дѣйствительно не назвалъ бы Себя Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, если бы сіи святые мужи вовсе перестали существовать. Нѣкоторые изъ саддукеевъ выразили свое одобреніе даже въ слухъ народа, который тѣмъ болѣе радовался, что торжество Іисуса надъ саддукеями казалось Ему собственнымъ торжествомъ (Послѣдніе дни жизни Іисуса Христа, стр. 145—147).

Отвѣтъ законнику на вопросъ о заповѣдяхъ (Матѳ. XXII, 35—46).

Въ числѣ другихъ совопросниковъ явился къ Іисусу Христу одинъ «законникъ» или законоучитель, искушая Его и спрашивая: которая изъ заповѣдей больше всѣхъ въ законѣ? Человѣкъ этотъ, какъ можно судить по самому его названію, принадлежалъ къ разряду лицъ, отличавшихся особеннымъ знаніемъ закона и принимавшихъ на себя обязанность быть его толкователемъ.

Вопросъ, предложенный законникомъ Спасителю, былъ одинъ изъ главныхъ вопросовъ, занимавшихъ въ ту пору Іудейское общество, и служилъ выраженіемъ тогдашняго настроенія умовъ. Когда, подъ вліяніемъ секты фарисейской, развилось въ народѣ преувеличенное понятіе о важности внѣшнихъ обрядовыхъ дѣлъ закона, и вмѣстѣ съ этимъ началъ между ними изсякать духъ истиннаго Богоугожденія; тогда они, вмѣсто того, чтобы подъ руководствомъ, Богодареннаго закона идти путемъ предположенной для него цѣли—путемъ покаянной вѣры и любви къ Богу, и самымъ опытомъ извѣдать его главныя и существенныя требованія, стали вдаваться въ излишнія и скрупулезныя разсужденія о томъ, какія заповѣди въ законѣ имѣютъ больше важности, какія меньше, и среди ихъ выискивать главную заповѣдь, чтобъ на ея исполненіи успокоить надежду своей праведности. Мнѣнія были различны, и по самому направленію, принятому Іудеями, естественно, склонялись болѣе ко внѣшнимъ и формальнымъ предписаніямъ закона; напримѣръ существовало у многихъ то мнѣніе, что заповѣдь о жертвахъ, какъ такомъ дѣлѣ, которое исключительно совершается въ честь Іеговы и составляетъ именно первую заповѣдь закона; считались так-

же въ числѣ главныхъ заповѣдей другія правила обрядности,—законъ о храненіи субботы, объ обрѣзаніи, и т. п. Конечно, при этихъ разсужденіяхъ одни старались выказать свое превосходство надъ другими въ пониманіи закона, и святая воля Божія дѣлалась вслѣдствіе того, предметомъ человѣческаго совопросничества и состязанія; между тѣмъ подобные споры не могли не приводить въ недоумѣніе и истинныхъ ревнителей закона. Такимъ образомъ, отчасти—чтобы найти удовлетвореніе недоумѣнію, отчасти—чтобы извѣдать мысль Іисуса, законоучитель обращается къ Нему съ своимъ вопросомъ.

Посмотримъ теперь, какой данъ ему Спасителемъ отвѣтъ. Въ другомъ случаѣ, т. е. если бы вопросъ былъ обращенъ не къ такому важному лицу;—это обстоятельство могло бы не заслуживать особеннаго вниманія; но тутъ Самъ Начальникъ вѣры и Совершитель спасенія даетъ Свой отзывъ на вопросъ, дѣйствительно важный по своему общему содержанію. Что же отвѣчалъ Спаситель? *Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всею мыслію твоею* (47): это, говоритъ, есть первая и наибольшая заповѣдь. Но вслѣдъ затѣмъ Онъ присоединяетъ къ ней другую—подобную: *возлюбиши искренняго,* т. е. ближняго *твоего, яко самъ себе,*—(39), и въ заключеніе прибавилъ, что въ сихъ двухъ заповѣдяхъ состоитъ весь законъ и пророки,—то есть сущность всего ученія закона и пророковъ. Такимъ образомъ Спаситель указалъ не только первую и бо́льшую заповѣдь закона, но и общее существенное содержаніе его заповѣдей, обнимающее собою всѣ сіи послѣднія безъ исключенія. Все это, по смыслу Его словъ, заключается *въ любви,* которая, сосредоточиваясь въ любви къ Богу, проявляется потомъ любовью къ ближнимъ. Изъ этого видимъ, что Спаситель поставляетъ духъ и существо закона выше его внѣшнихъ предписаній, и какъ Провозвѣстникъ благодати новаго завѣта, который пишется на скрижаляхъ сердца, указываетъ для человѣка высоту нравственнаго совершенства въ его внутренней жизни—въ чувствѣ сердца и вообще въ проявленіяхъ духовной жизни. Впрочемъ, Онъ не опускаетъ здѣсь изъ виду положительныхъ требованій закона, и словъ Его нельзя назвать какимъ либо уклоненіемъ отъ прямого отвѣта на предложенный вопросъ: обѣ указанныя заповѣди приведены Имъ изъ того же древняго закона и еще прежде высказаны у Моисея въ разныхъ мѣстахъ (Второзак. VI, 5. Левит. XIX, 18). Тутъ показывается, что и ветхій законъ не составляетъ существенной противоположности съ Новымъ Завѣтомъ и въ коренныхъ основаніяхъ своихъ имѣлъ одну и ту же окончательную для человѣка цѣль—утвердить въ его душѣ внутреннее общеніе съ Богомъ и обратить это для него въ предметъ первой потребности.

Но гдѣ же прямой отвѣтъ на вопросъ законника, когда Спаситель говоритъ сначала объ одной заповѣди, но тутъ же указываетъ на двѣ, и въ заключеніе ту и другую изъ нихъ вмѣстѣ поставляетъ основаніемъ закона и пророковъ? Которую изъ нихъ нужно считать главною, и одну ли ее нужно признавать такою? Будемъ точнѣе держаться собственныхъ же словъ Спасителя. Когда Онъ приводитъ заповѣдь о любви къ Богу и говоритъ, что это есть первая и бо́льшая заповѣдь въ законѣ; то значитъ, та́къ и нужно понимать ее. На нее даже нельзя смотрѣть иначе, судя по самому содержанію сей заповѣди и по самой формѣ ея изложенія. Человѣку вмѣняется въ обязанность—лю-

бить Господа Бога своего *всѣмъ* сердцемъ своимъ, *всею* душею, *всею* мыслію. Можно объяснять различнымъ образомъ эти выраженія; такъ, напримѣръ, подъ «сердцемъ» можно разумѣть душевную способность чувствованій, или, какъ другіе понимаютъ, стремленій подъ «душею» способность живыхъ ощущеній, или же вообще духовную силу жизни и дѣятельности, подъ «мыслію» умственную силу человѣка. Но во всякомъ случаѣ выходитъ то общее замѣчаніе, что любовь къ Богу должна царствовать надъ всѣмъ, что̀ есть въ душѣ человѣка, занимать его собою ежечасно и ежеминутно: остается ли тутъ мѣсто для другой какой либо сторонней любви? Послѣ сего можно развѣ только удивляться тому, какимъ образомъ законникъ, спрашивавшій Іисуса, и другіе не сознавали всего значенія этой обязанности. Единственное на это объясненіе мы находимъ въ томъ вышеуказанномъ обстоятельствѣ, что они слишкомъ отдалялись отъ внутренняго духа служенія Богу и всю нравственную дѣятельность свою сосредоточивали на дѣлахъ внѣшности, а потому здѣсь только и видѣли для себя правило жизни.

Но почему Спаситель приводитъ потомъ другую заповѣдь закона, считая Свой отвѣтъ какъ-бы неоконченнымъ? Онъ говоритъ, что вторая заповѣдь подобна первой: у Іудеевъ были очень извращены и сужены понятія о любви къ ближнимъ, которую они ограничивали пріязнью къ единоплеменникамъ, и то болѣе внѣшнею, чѣмъ внутреннею; теперь Христосъ внушаетъ законнику должное понятіе о томъ, какъ важна священная обязанность любви къ ближнимъ и какого требуетъ къ себѣ вниманія. Заповѣдь о любви къ ближнимъ подобна первой, потому что какъ и первая, сосредоточиваетъ вниманіе человѣка не во внѣшнихъ—условленныхъ отношеніяхъ приличія или какихъ бы то ни было житейскихъ формъ, которыя часто бываютъ сухи и холодны, безъ содержанія, а во внутреннемъ чувствѣ благорасположенности; требуетъ отъ человѣка такихъ же чувствъ безкорыстія и самоотверженія, какъ та; наконецъ нераздѣльно съ нею соединена при самомъ исполненіи. Только истинная любовь къ ближнимъ въ человѣкѣ можетъ подáть твердое и несомнѣнное свидѣтельство о томъ, что онъ любитъ Бога, потому что здѣсь человѣкъ имѣетъ самое живое и близкое къ Нему поприще для развитія и выраженія собственной любви къ Богу. *Не любяй брата своего, егоже видѣ,* говоритъ Апостолъ Іоаннъ, *Бога егоже не видѣ, како можетъ любити?* (1 Іоан. IV, 20.) По смыслу Апостольскаго замѣчанія выходитъ, что если любовь человѣка не обнаруживается надлежащимъ образомъ въ отношеніи къ собратіямъ Его, то значитъ она и вовсе не существуетъ у него въ дѣйствительности и не имѣетъ для себя соотвѣтственнаго упражненія. Въ отношеніи къ христіанину замѣчаніе Апостола тѣмъ болѣе имѣетъ примѣненія, что христіанская любовь къ ближнимъ существуетъ *ради Бога* и держится на единствѣ общей вѣры и благодати искупленія: христіанинъ, любя общаго Отца всѣхъ, любитъ потому и каждаго, *рожденнаго отъ Него* (1 Іоан. V, 1); также точно любитъ онъ и всѣхъ людей, какъ предметъ Божественной любви.—Это въ особенности и соединяетъ обѣ заповѣди тѣснымъ союзомъ, не нарушая господствующаго значенія одной изъ нихъ и въ то же время въ обоихъ вмѣстѣ сосредоточивая успѣхъ человѣческаго усовершенія.

Заповѣдь закона говоритъ, что человѣкъ долженъ любить ближняго, какъ самого себя. А ка́къ обыкновенно выражается у насъ любовь къ самимъ

себѣ? Не однимъ только словомъ или случайнымъ возбужденіемъ внутренняго чувства,—но всегда вмѣстѣ и дѣломъ: мы находимся постоянно въ движеніи и дѣятельности, заботясь о своемъ благосостояніи. Значитъ, и въ отношеніи къ ближнимъ своимъ человѣкъ долженъ быть исполненъ такой же дѣятельной благожелательности и готовности служить ихъ пользамъ.

Когда потомъ снова собрались фарисеи, Спаситель съ Своей стороны предложилъ имъ вопросъ, который долженъ былъ обличить несостоятельность ихъ понятій о личномъ достоинствѣ Мессіи. Іисусъ Христосъ, давая имъ частыя и очень убѣдительныя увѣренія въ томъ, что Онъ есть истинный Мессія, въ то же время неоднократно свидѣтельствовалъ о Себѣ, какъ о Сынѣ Божіемъ; но это послѣднее обстоятельство, вмѣсто того чтобы усилить въ нихъ вѣру въ посланнаго Богомъ Спасителя, обращалось у нихъ только въ укоръ для Него. Поэтому Онъ теперь относится къ нимъ съ общимъ вопросомъ: «что̀ вы думаете о Христѣ,—чей Онъ сынъ»? Отвѣчаютъ Ему: «Давидовъ» (Матѳ. XXII, 42). Отвѣтъ былъ вѣрный и согласный съ Писаніемъ, но неполный, потому что не говорилъ ничего о Божественномъ достоинствѣ Мессіи, которое они, дѣйствительно, и опускали изъ вниманія. Теперь Спаситель указываетъ имъ на свидѣтельство самого Давида о Мессіи и спрашиваетъ: «ка́къ же Давидъ, по вдохновенію, называетъ Его Господомъ, когда говоритъ: *рече Господь Господеви Моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ*» (43—44. Псал. CIX, 1). Безъ сомнѣнія, фарисеи были очень хорошо убѣждены, что приведенное мѣсто псалмопѣвца относится къ Мессіи, и что имя Господа, которое здѣсь Ему усвояется, указываетъ на Его Божеское величіе; потому что ни слова не могли отвѣтить на предложенный вопросъ, и слѣдовательно самымъ молчаніемъ своимъ признали, что Іисусъ Христосъ, являясь въ качествѣ Мессіи, имѣетъ право присвоять Себѣ величіе и власть Божественную. Какъ бы то ни было,—для насъ, при объясненіи указаннаго псалма, настоящій случай имѣетъ очень большу́ю важность, потому что Самъ Спаситель яснымъ образомъ опредѣляетъ значеніе словъ псалмопѣвца (Воскр. Чт., г. XXV, ч. I, стр. 607—614).

Библіографическій указатель къ XXII гл. Ев. Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) Ст. 2—14. *Блаж. Ѳеофилакта.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ 14 нед. по Пятидесятницѣ. Воскресное Чтеніе, г. X. 215—217.

2) Ст. 1—14. *Св. Григорія Двоеслова.* О приглашеніи на бракъ сына царева. Бес. на Ев. въ перев. архим. Климента, кн. II. 265.

3) Ст. 21. *Св. Исидора Пелусіота.* Что̀ значатъ слова: *кесарева кесареви и Божія Богови*, ч. I. 132.

Новѣйшія

въ духовныхъ журналахъ:

4) Ст. 1—14. *Прот. Нечаева.* Евангельская притча о брачной вечери. Душеп. Чт. 1861 г. III. 99—112.

5) *Шаврова.* Вечеря у царя (Матѳ. XXII, 2—14. Лук. XIV, 16—26). Духовн. Бес. 1861 г. № 15. 397—416.

6) Притча о брачномъ пирѣ и званныхъ на пиръ. Христ. Чт. 1837 г. II. 182—197.

7) Брачная вечеря (Еванг. притча). Прав. Собес. 1860 г. II. 291—305.

8) Притча о званыхъ на бракъ. Руков. для с. п. 1864 г. III. 145—150.

9) Ст. 2—14. Евангельское чтеніе въ 14 нед. по Пятидесятницѣ. Воскр. Чт., г. XXV. № 35. 933—935.

10) Мысли еп. Ѳеофана на 2—14 ст. 297.

11) Ст. 2—14. *Ѳ. Смирнова.* Притчи Іисуса Христа въ нравственно-соціальномъ отношеніи. Притча о царскомъ бракѣ. Воскр. Чт. 1882 г. 197—198.

12) Ст. 14. *Мнози суть звани, мало же избранныхъ.* Воскр. Чт. XXIII. 219—222.

13) Ст. 16. Иродіане. Библ. полн. сл. Воскр. Чт. 1875 г. II. 128.

14) Ст. 17. Кесарь. Библ. полн. сл. Воскр. Чт. 1876 г. I. 272.

15) Ст. 21. *А. Ф. Воздадите кесарева кесареви и Божія Богови.* Христ. Чт. 1868 г., ч. II. 3—18. Воскр. Чт. 1879 г. 357—363.

16) Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же ст. 285.

17) Мысли его же на ст. 30. 256.

18) Ст. 36. *А. С. Кая заповѣдь больши есть въ законѣ Божіемъ?* Руков. для с. п. 1867 г. II. № 31. 429—436.

19) Ст. 35—40. Нѣсколько христіанскихъ словъ мірянина къ мірянамъ. Воскр. Чт. 1874 г. 337—345.

20) Ст. 36—40. Христіанская любовь по ученію Евангельскому. Воскр. Чт. XXXIV г. I. 373—388.

21) О взаимномъ отношеніи любви къ Богу и самоотверженія христіанскаго. Воскр. Чт., г. XXII. 531—535.

22) Ст. 39. *Т. Барсова.* Размышленіе о любви христіанской. Отран. 1863 г. нояб. 100.

23) Мысли еп. Ѳеофана на ст. 35—46. 306.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

24) *Евсевія, еп. Могилевскаго.* Бесѣда въ 14 нед. по Пятидесятницѣ, ч. I. 414.

25) Ст. 2. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Объ историческомъ и общехристіанскомъ значеніи притчи о бракѣ царскаго сына. II. 56—65.

26) Ст. 1—14. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Объ изображеніи Царства Небеснаго въ притчѣ подъ образомъ царской вечери. III. 287—88.

27) Ст. 1—14. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Изъясненіе на притчу о бракѣ царскаго сына. I. 421—427.

28) Ст. 5. *Его же.* О послушаніи голосу Господа, призывающаго насъ къ участію въ Его Небесномъ Царствѣ. I. 429—435.

29) Ст. 12. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Христіан. грѣшникъ неизвинителенъ предъ Богомъ. II. 86.

30) Ст. 20. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О почитаніи иконъ и нерукотвореннаго образа Спасителя, въ связи съ отвѣтомъ Іисуса Христа на вопросъ фарисеевъ: *чій образъ сей и написаніе?* I. 409—411.

31) Ст. 20. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Изображеніе страждущаго Богочеловѣка въ приложеніи къ Нему вопроса: *чій образъ сей и написаніе?* III. 340—347.

32) Ст. 21. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Въ чемъ должно состоять исполненіе словъ: *воздадите кесарева кесареви?* IV. 105—108.

33) Ст. 22. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О неразрывномъ союзѣ между Церковію и государствомъ. I. 114—120. 122—129.

34) Ст. 34. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* Объ истинной любви къ самому себѣ. Слово въ нед. 15-ю по Пятидесятницѣ.

35) Ст. 35—46. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣда о законникѣ. IV. 109.

36) Ст. 37. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О свойствахъ истинной любви къ Богу. II. 67—74.

37) Ст. 20. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* Различіе между христіанскою любовію къ самому себѣ и самолюбіемъ. I. 79.

38) Ст. 42. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Опроверженіе ложныхъ и нечестивыхъ мнѣній о лицѣ Іисуса Христа и о чудесахъ. III. 232—247.

39) Ст. 42. *С. Соллертинскаго.* О вопросѣ Іисуса Христа фарисеямъ: чей сынъ Мессія? (противъ раціоналистовъ.) Пастырство Христа Спасителя. 297—298.

На XII гл. Ев. Марка.

40) Ст. 16. Воскр. Чт., г. I. 194.

41) Ст. 30. *Карла Спуржина.* О первой Евангельской заповѣди. Воскр. Чт., г. XXVIII. II. 869—889.

42) Ст. 30—31. Мысли еп. Ѳеофана. 23.

43) Ст. 33. О любви къ ближнему. Духовн. Бес. 1874 г. № 31.

44) *Н. Елеонскаго.* О Евангеліи Марка. Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1873 г. 660—662.

На XX гл. Ев. Луки.

45) Мысли еп. Ѳеофана на ст. 25. *Кесарева кесареви, Божія Богови.* 442.

46) Мысли его же на ст. 27—40 (о воскресеніи мертвыхъ). 446.

47) Ст. 38. *Богъ нѣсть мертвыхъ, но живыхъ: вси бо Тому живи суть.* Воскр. Чт., г. XIX. 299.

48) Ст. 13—15. *С. Соллертинскаго.* Толкованіе на притчу о злыхъ виноградаряхъ (противъ раціоналистовъ). Пастырство Христа Спасителя. 295—297.

49) Ст. 34—39. *Его же.* Толкованіе словъ Іисуса Христа о воскресеніи мертвыхъ и о загробной жизни (противъ гр. Толстого). Пастырство Христа Спасителя. 144—153.

Обличительная рѣчь противъ фарисеевъ (Матѳ. XXIII, Марк. XII, 38—39. Лук. XX, 45—46).

(Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.)

Довольно спокойный тонъ, съ коимъ книжники, не смотря на посрамленіе свое, продолжали и возобновляли нѣсколько разъ бесѣду, служилъ, повидимому, доказательствомъ, что ненависть ихъ къ Іисусу Христу еще не достигла высшей степени. Между тѣмъ она совершенно созрѣла; и только привычка лицемѣрить дѣлала ее не такъ примѣтною. Господь совершенно видѣлъ сердце враговъ Своихъ, какъ оно грубо и неисправимо; посему, приближаясь къ концу служенія Своего, почелъ за нужное, безъ всякой пощады, обнаружить предъ народомъ низость ихъ характера и поступковъ, дабы предостеречь отъ подражанія имъ простыя души.

Обратившись къ народу, Онъ произнесъ ту обличительную противъ нихъ рѣчь, которой всегда будутъ трепетать лицемѣры.

«На Моусеевомъ сѣдалищѣ (1),—такъ началъ Онъ,—возсѣли книжники и фарисеи: все, что они велятъ вамъ наблюдать, наблюдайте, только по дѣламъ ихъ не поступайте; потому что они сами говорятъ и не дѣлаютъ; связываютъ бремена тяжелыя и неудоносимыя (2) и кладутъ на плеча людямъ, а сами и пальцемъ не хотятъ двинуть ихъ. Всѣ же дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобъ быть видимыми отъ людей; для сего именно расширяютъ свои хранилища (3) и увеличиваютъ воскрылія (4) одеждъ своихъ. Также любятъ первыя мѣста на пиршествахъ и въ синагогахъ;—и чтобы имъ кланялись въ народныхъ собраніяхъ и чтобы звали ихъ: учитель! учитель! — Вы, продолжалъ Господь, обратившись къ ученикамъ, не слѣдуйте сему примѣру; не называйтесь учителями (5); ибо у васъ одинъ Учитель Христосъ, а вы всѣ братія;—и отцомъ (6) себѣ не называйте никого на землѣ (какъ то дѣлаютъ фарисеи); ибо у васъ одинъ Отецъ, Иже на небесѣхъ. Не позволяйте также, подобно имъ, величать себя начальниками (7); потому что у васъ одинъ начальникъ—Христосъ. Большій изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга. Ибо возвышающій себя унизится, а унижающій возвысится».

«Горе вамъ, (воскликнулъ Господь, обратя рѣчь къ форисеямъ), книжники и фарисеи—лицемѣры, что затворяете Царствіе Небесное человѣкамъ и не только сами не входите въ него, но и хотящихъ войти не допускаете. Горе вамъ, книжники, фарисеи — лицемѣры, кои поядаете домы вдовицъ (8) и самую молитву обращаете въ предметъ лицемѣрія, продолжая оную изъ тщеславія: тѣмъ тягчайшее ожидаетъ васъ осужденіе! Горе вамъ, книжники и фарисеи—лицемѣры, кои обходите сушу и море, чтобъ обратить хотя одного въ Іудейство, а обративъ, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ самихъ! Горе вамъ, вожди слѣпые, кои

учите, что если кто клянется храмомъ, то ничего; а если кто поклянется златомъ храма, то непремѣнно долженъ исполнить клятву! Слѣпые и несмысленные! что̀ больше: злато, или храмъ, освящающій злато?—Также учите вы, что если кто поклянется жертвенникомъ, то ничего; а если кто поклянется даромъ, что̀ на жертвенникѣ, тотъ долженъ исполнить клятву. Глупые и слѣпые! Что̀ больше—даръ, или жертвенникъ, освящающій даръ?—Ужели вы не разумѣете, что клянущійся жертвенникомъ, клянется имъ и всѣмъ, что̀ на немъ?—И кто клянется храмомъ, клянется имъ и живущимъ въ немъ? И кто клянется небомъ, клянется престоломъ Божіимъ и Сидящимъ на немъ (9)?—Горе вамъ, книжники и фарисеи—лицемѣры, дающіе десятину со всѣхъ малыхъ растеній (10)—съ мяты, аниса и тмина; между тѣмъ оставляющіе существенное, въ чемъ состоитъ законъ: правосудіе, милость и вѣрность: сіе-то надлежало прежде исполнять, а потомъ уже (если угодно) думать о томъ. Вожди слѣпые, оцѣживающіе комара (11), а поглощающіе верблюда! Горе вамъ, книжники и фарисеи—лицемѣры, кои съ такою заботливостью очищаете внѣшность чашъ и блюдъ (12), между тѣмъ какъ внутренность ваша исполнена хищенія и неправдъ! Фарисей — слѣпецъ! очисти прежде то̀, что̀ въ чашѣ; тогда и внѣшность ея будетъ чиста. Чему уподобить васъ — лицемѣровъ?—Развѣ гробамъ окрашеннымъ, кои снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты (13). Такъ и вы снаружи кажетесь праведными, а внутри полны лицемѣрія и беззаконія! Несчастные! вы строите гробницы пророкамъ (14) и украшаете памятники праведниковъ и говорите: «если бы мы жили во дни отцовъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророческой». Говоря такимъ образомъ, вы сами свидѣтельствуете, что вы сыны людей, кои избили пророковъ. Дополняйте же мѣру преступленій отцовъ вашихъ... Зміи, порожденія ехидны! Какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геенну? Слышите, что Премудрость Божія вѣщаетъ вамъ чрезъ Меня (15): «се я еще пошлю къ нимъ пророковъ и мудрыхъ книжниковъ (16); но изъ нихъ одни будутъ убиты... иные распяты... прочіе преслѣдуемы и биты въ синагогахъ». Такъ вы сдѣлаете все сіе, дабы пришла на васъ кровь пророковъ и посланниковъ Божіихъ, убитыхъ вашими предками,—отъ Авеля праведнаго до Захаріи, сына Варахіина, который (такъ чтите вы храмъ!) умерщвленъ между храмомъ и жертвенникомъ (17). Аминь, аминь глаголю вамъ, яко все сіе пріидетъ на родъ сей, отяготѣетъ надъ настоящимъ поколѣніемъ, надъ вами и чадами вашими... Іерусалимъ, Іерусалимъ!—избивающій пророковъ и каменіемъ побивающій посланныхъ къ тебѣ! Колико-кратъ хотѣлъ Я собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылѣ своя (18), но вы не восхотѣли!—(не восхотѣли!)—Да будетъ же то, чему быть должно!—Се, оставляется домъ вашъ пустъ (19)!... Истинно говорю вамъ, вы не увидите Меня отнынѣ, доколѣ не изыдете во срѣтеніе съ восклицаніемъ: благословенъ грядый во имя Господне! (Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, стр. 151—155.)

Примѣчанія.

1) Выраженіе метафорическое, означающее должность законоучителей, изъяснявшихъ законъ Моусеевъ, и потому бывшихъ какъ бы преемниками Моусея.

2) Законъ обрядовъ, по одной многочисленности ихъ, уже составлялъ иго довольно тяжкое. Фарисеи еще увеличивали сію тяжесть присовокупленіемъ множества преданій, распространеніемъ смысла обрядовыхъ правилъ, внушеніемъ, что нарушеніе малѣйшихъ обрядовъ есть важное преступленіе.

3) *Хранилища*—повязки на лбу и на рукахъ, со словами закона, особенно слѣдующими: Исход. XIII, 1—10, 11—16. Второзак. VI, 4; XV, 13—21. Обыкновеніе носить сіи повязки составилось на основаніи буквальнаго изъясненія нѣкоторыхъ предписаній Моусеевыхъ, напр. Исход. XIII, 9, 16. Второзак. VI, 8; XI, 18. Фарисеи, для показанія особенной набожности, дѣлали сіи хранилища какъ можно больше и шире.

4) *Воскрилія*—снурки синяго цвѣта, предназначеннаго закономъ для одежды священниковъ. Моусей предписалъ, чтобы у каждаго Еврея по концамъ одежды нашитъ былъ синій снурокъ, въ напоминаніе, что весь народъ Еврейскій долженъ быть народомъ священнымъ (Числ. XV, 38. Второзак. XXII, 12). Фарисеи не умѣдлили обратить сіи снурки въ пищу своему лицемѣрію, увеличивая ихъ какъ можно болѣе.

5) Ученики Іисусовы дѣйствительно никогда не выдавали себя за независимыхъ учителей, а только за посланниковъ одного Учителя—Іисуса. Впрочемъ, Господь запретилъ тщеславіе, съ коимъ фарисеи любили называться учителями, а не имя, которое само по себѣ невинно. Апостолъ Павелъ въ одномъ мѣстѣ (1 Тимоѳ. II, 7) называетъ себя учителемъ языковъ, хотя постоянно отзывается о себѣ, какъ о послѣднемъ изъ учениковъ Іисусовыхъ.

6) У Евреевъ начальники школы назывались также отцами, отъ коихъ ученики заимствовали себѣ прозваніе, напримѣръ послѣдователи Шаммая назывались Шаммантами, послѣдователи Гиллела—Гиллелитами. Подобно сему въ церкви Коринѳской начали было одни называться Павловыми другіе Аполлосовыми, иные Кифиными; но Апостолъ Павелъ прекратилъ сей обычай, угрожающій раздѣленіемъ христіанской Церкви на мелкія общества (1 Коринѳ. I. II. сл. III, 4).

7) Καθηγητης — начало вождь. Такъ набожности, становясь распорядителями совѣсти и имущества набожныхъ женщинъ, они заставляли ихъ дѣлать разныя пожертвованія въ свою пользу, даже объявлять себя наслѣдниками ихъ имущества, въ предосужденіе и съ обидою истинныхъ наслѣдниковъ.

9) Фарисеи (у коихъ божба была въ великомъ употребленіи) раздѣляли клятвы на большія непреступныя, и малыя удобопреступныя. Клятва церковными сокровищами и жертвами съ намѣреніемъ отнесена была къ важнѣйшимъ клятвамъ, дабы возвысить въ глазахъ народа важность сихъ вещей и расположить его тѣмъ къ бо́льшимъ пожертвованіямъ въ пользу храма.

10) Закономъ было повелѣно давать десятину отъ полевыхъ и садовыхъ плодовъ (Левит. XXVII, 40. Второзак. XIV, 22); но фарисеи, непринадлежавшіе къ сословію левитовъ, свободному отъ сего закона, чтобы показаться набожнѣе, давали десятую часть и со всѣхъ прочихъ огородныхъ растеній, кои по общему мнѣнію, не подлежали десятинѣ.

11) Пословица Іудейская.

12) Фарисеи, чтобы какъ-нибудь не сдѣлаться нечистыми отъ прикосновенія къ нечистому, съ возможною тщательностью вымывали всѣ, употребляемые для пищи и питія, сосуды. Между тѣмъ чистыя чаши ихъ наполнены были—неправдою, пища, въ нихъ содержащаяся, была плодъ—обмана, хищенія и лицемѣрства!

13) Сравненіе самое сильное и унижающее! Гробы у Евреевъ почитались такъ нечистыми, что одно прикосновеніе къ нимъ уже оскверняло человѣка.

14) Современная исторія Іудейская не представляетъ подобнаго примѣра; но дѣйствіе сіе совершенно въ духѣ фарисеевъ.

15) Слич. Матѳ. XXIII, 34. Лук. XI, 49.

16) Христосъ даетъ здѣсь ученикамъ Своимъ названіе, бывшее въ употребленіи у тогдашнихъ Іудейскихъ учителей. У Евангелиста Луки сказано прямѣе: „пошлю пророковъ и Апостоловъ“ (XI, 49).

17) Въ исторіи Іудейской извѣстны три Захаріи: 1) священникъ, который за обличеніе царя Іоаса, по его повелѣнію, побитъ камнями во храмѣ (2 Паралипом. XXIV, 10),

словамъ Флавія (Bel. Iud. 4. 6. 4), предъ разрушеніемъ Іерусалима, умерщвленъ зилотами во храмѣ. Но сіе событіе случилось спустя довольно времени по вознесеніи Христовомъ. Итакъ о какомъ Захаріи упоминаетъ здѣсь Іисусъ Христосъ?—Вѣроятно, о первомъ, коего убіеніе Іудейскими писателями поставляется одною изъ главныхъ причинъ Божія наказанія, постигшаго народъ Іудейскій при разрушеніи Іерусалима. По обычаю Іудеевъ, Іодай, отецъ Захаріи, могъ имѣть другое имя—Варахіи. Господь указываетъ на два убійства—Авеля и Захаріи, потому что они были примѣчательнѣйшія и составляли первое и послѣднее убіеніе праведниковъ, о коемъ упоминается въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта.

18) Весьма сходное по выраженіямъ и мыслямъ мѣсто находится въ 5 книгѣ Ездры I, 30—33.

19) Если слова сіи относить къ слѣдующему стиху, то смыслъ будетъ таковъ: „Меня болѣе не увидятъ въ семъ храмѣ“. А если относить его къ предыдущему (35—36), и къ слѣдующей главѣ (XXIV, 1—34), то въ нихъ будетъ содержаться предсказаніе о разрушеніи храма. Лучше соединять тотъ и другой смыслъ, такъ какъ они не только не исключаютъ, а скорѣе предполагаютъ себя взаимно (Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа. Примѣч. ко II ч., стр. 495—498).

Мысли еп. Ѳеофана на XXIII гл. Матѳ. ст. 13.

Горе вамъ... яко затворяете Царствіе Небесное предъ человѣки. Это сказано архіереямъ, которые и сами не учатъ народъ спасительному пути, и священниковъ не заставляютъ дѣлать то; сказано и священникамъ, которые оставляютъ народъ въ небреженіи, не заботясь толковать имъ, что̀ нужно для спасенія души. Отъ этого народъ пребываетъ въ слѣпотѣ, и одна часть остается въ увѣренности, что идетъ исправно; другая хоть и замѣчаетъ, что у нея не та́къ дѣло идетъ, но нейдетъ, куда слѣдуетъ, потому что не знаетъ, какъ и куда идти. Отъ этого разныя нелѣпыя понятія въ народѣ; отъ этого находятъ у него пріемъ и раскольники, и молоканы, и хлысты, отъ этого удобно идетъ къ нему и всякое злое ученіе. Священникъ обычно думаетъ, что у него въ приходѣ все исправно,—и хватается за дѣло только тогда, когда это зло ужъ разростается и выходитъ наружу. Но тогда ужъ ничего не подѣлаешь. Священникъ первымъ дѣломъ совѣсти своей долженъ считать—взрослыхъ усовершать въ вѣдѣніи христіанской вѣры, а юное, народившееся поколѣніе, съ первыхъ сознательныхъ лѣтъ, подготовлять, толкуя имъ, что̀ нужно и можно имъ знать, когда и какъ будетъ удобнѣе (Мысли на каждый день года, стр. 260—261).

О личности Захаріи, сына Варахіи (35).

(Прот. Вишнякова.)

Оригенъ, святый Василій Великій, святый Петръ Александрійскій, святый Іоаннъ Златоустъ, святый Епифаній и другіе говорятъ, что Іисусъ Христосъ разумѣлъ здѣсь Захарію—отца Іоанна Крестителя. И дѣйствительно: 1) Спаситель въ указанномъ мѣстѣ (Матѳ. XXIII, 29—36), обличая Іудеевъ за избіеніе прежде бывшихъ пророковъ, приписываетъ эти злодѣянія виновнымъ въ томъ отцамъ ихъ; ихъ же называетъ только сынами убійцъ, сочувствующими дѣламъ своихъ предковъ; а умерщвленіе Захаріи сына Варахіина, приписываетъ прямо тѣмъ людямъ, къ которымъ обращаетъ рѣчь Свою, и представляетъ ихъ самихъ виновниками этого убійства... *Захаріи, сына Варахіина, котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ.* 2) По церковному преданію, отецъ Захаріи—родителя Предтечи—назывался Варахіею (Чет. Мин. сент. 5). Если святый Лука въ мѣстѣ, сходномъ по содержанію съ разбираемымъ мѣстомъ святаго Матѳея, употребляетъ имя Захарій безъ отеческаго его названія (Лук. XI, 51),

то онъ дѣлаетъ то же и при наименованіи отца Предтечи (I, 11). Между тѣмъ святый Матѳей, говоря о томъ же, какъ и святый Лука,—Захаріи, прямо называетъ его—сыномъ Варахіи. Замѣчательно, что святый Матѳей, повѣствовавшій также и объ Іоаннѣ Крестителѣ (III), только разъ, и именно здѣсь (XXIII, 35), назвалъ по имени его родителя. 3) Іисусъ Христосъ, въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ, поставляетъ Захарію въ числѣ пророковъ, и притомъ какъ-бы послѣднимъ изъ предвозвѣстившихъ о пришествіи Спасителя міра и убитыхъ самими Іудеями (см. Дѣян. VII, 52). Святому Захаріи — отцу Предтечи, дѣйствительно приписывается въ Евангеліи даръ пророчества (Лук. I, 65 и слѣд.). Онъ же, по справедливости, можетъ считаться послѣднимъ изъ убитыхъ Іудеями пророковъ; ибо, хотя собственно послѣднимъ ветхозавѣтнымъ пророкомъ называется и есть сынъ Захаріи—Іоаннъ Креститель (Матѳ. XI, 13), но убійцами его были не собственно Іудеи (Матѳ. XXI, 26), а Иродъ Антипа, правитель Галилеи (Матѳ. XIV, 1—12). Слѣдовательно, въ указанномъ изрѣченіи Спасителя неудобно разумѣть другаго какого либо Захарію, напримѣръ Захарію, сына Іодая, умерщвленнаго Іудейскимъ царемъ Іоасомъ въ Іерусалимѣ, *во дворѣ дому Господня,* около 850 г. до Рождества Христова (2 Паралипом. XXIV, 20—21), какъ думаютъ многіе изъ новѣйшихъ толковниковъ Писанія (см. Толковое Евангеліе архимандрита Михаила, т. I, стр. 434). Ибо 1) сынъ Іодая называется *Азаріею.* Хотя у Евреевъ обычно было употребленіе этихъ двухъ именъ одного вмѣсто другаго (2 Паралипом. XXVI, 5—17); но толкованіе, основывающееся только на этомъ обыкновеніи, не можетъ быть твердымъ. 2) Азарія, сынъ Іодая, не былъ въ собственномъ смыслѣ пророкомъ — *прорицателемъ будущаго;* но только вдохновеннымъ обличителемъ тогдашняго нечестія Іоасова. 3) Послѣ Азаріи нечестивые Іудеи умертвили многихъ пророковъ, напримѣръ Исаію (около 720 г.), Амоса, Михея, Іеремію (около 615 г.). И кого отъ пророковъ, по слову первомученика Стефана, *не изгнаша и не убиша жестоковыйные Іудеи* (Дѣян. VII, 52)? Посему, если древній Азарія, сынъ Іодая, есть одно и то же лице съ Захаріею, сыномъ Варахіинымъ, упоминаемымъ въ Евангеліи; то какъ съ этимъ согласить слова Іисуса Христа, Который убіеніе пророковъ со стороны Іудеевъ ограничиваетъ смертію сего самаго Захаріи? Ужели пролитіе невинной крови столькихъ святыхъ, совершенное Іудеями впослѣдствіи времени, Господь не почиталъ за тяжкое преступленіе?—Изъ всего этого удобнѣе заключить, что упоминаемый Спасителемъ Захарія, сынъ Варахіинъ, былъ убитъ не въ древнія времена, а незадолго предъ тѣмъ, такъ сказать, на памяти современниковъ Господа; потому Онъ и обличаетъ убійцъ, какъ совершившихъ злодѣяніе противъ Захаріи недавно, и, повидимому, около того же страшнаго періода времени, когда эти злодѣи имѣли *исполнить мѣру отцевъ своихъ* (Матѳ. XXIII, 32). Нельзя также почитать упоминаемаго въ Евангеліи Захарію за одного изъ двѣнадцати меньшихъ пророковъ, оставившаго каноническую книгу своего имени; потому что этотъ древній пророкъ, по свидѣтельству святаго Епифанія, *скончался мирно,* въ глубокой старости. Еще менѣе можно допустить, будто бы въ словахъ Спасителя указывается на Захарію, сына Варухова, убитаго зилотами среди храма, во время осады Іерусалима Титомъ. Если бы Спаситель говорилъ о какомъ либо

имѣющемъ быть Захаріи, то, сообразно порядку рѣчи, сказалъ бы о немъ: не *егоже убисте,* а егоже *убіете,* подобно тому какъ въ предшествующихъ словахъ сказалъ: *распнете, изженете,* и въ послѣдующихъ,—*пріидутъ вся сія.* И можно ли было ставить въ сравненіе со святыми пророками этого Захарію, сына Варухова, который, по свидѣтельству исторіи, былъ невѣжественный фанатикъ и нисколько не вѣрилъ Евангельской проповѣди? (Святый Великій Пророкъ, Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ, ч. I, примѣч. къ стр. 56—57.)

Изъясненіе 37—39 ст. изъ святаго Златоуста.

Іерусалиме, Іерусалиме! Что̀ значитъ это сугубое воззваніе? Это голосъ милосердія, состраданія и великой любви. Какъ будто предъ любимою женщиною, которую постоянно любили, которая презрѣла любившаго ее, и чрезъ то заслужила наказаніе, Онъ оправдывается тогда, какъ намѣренъ уже былъ поразить казнью. Тоже дѣлаетъ Онъ и чрезъ пророковъ, когда говоритъ: *и рекохъ, обратися ко Мнѣ, и не обратися* (Іерем. III, 7). Сдѣлавъ такое воззваніе къ Іерусалиму, Христосъ исчисляетъ совершенныя имъ убійства: *избивый пророки, и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте* (37)! Не смотря на эти преступленія противъ Него, Онъ говоритъ въ оправданіе Свое, что и всѣмъ этимъ ты не отвратилъ Меня отъ себя и не отклонилъ великаго благоволенія Моего къ тебѣ, но, напротивъ, Я хотѣлъ, и не однажды или два раза, но многократно привлечь тебя. *Колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошь птенцы своя подъ крилѣ, и не восхотѣсте!* Сими словами Онъ показываетъ, что они всегда отдалялись отъ Него по причинѣ грѣховъ; сравненіемъ же изъявляетъ Свою любовь, потому что эта птица горячо любитъ своихъ птенцовъ. Такое сравненіе пророковъ съ крыльями, вездѣ, и въ пѣсни Моисея и въ псалмахъ, означаетъ особенное смотрѣніе и попеченіе. *И не восхотѣсте,* продолжаетъ Онъ: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (38), то есть чуждъ Моего покровительства. Итакъ Самъ Онъ прежде покровительствовалъ имъ, поддерживалъ, хранилъ ихъ, Самъ Онъ и наказываетъ ихъ всегда. И теперь Онъ угрожаетъ казнью, которой они всегда чрезвычайно страшились; ибо она указываетъ на совершенное превращеніе ихъ гражданскаго быта. *Глаголю бо вамъ, яко не имате Мене видѣти отселѣ, дондеже рцете: благословенъ грядый во имя Господне* (39)! И это голосъ любви пламенной, сильно влекущей ихъ не прошедшими только, но и будущими событіями; ибо здѣсь Онъ говоритъ о будущемъ днѣ Своего втораго пришествія. Но что̀? Неужели они съ этого времени не видѣли Его? Говоря—*отселѣ,* Онъ указываетъ не на этотъ самый часъ, но на все время, которое протекло до Его страданія. Поелику они всегда укоряли Его въ томъ, что Онъ богопротивникъ и врагъ Богу, то Онъ и убѣждаетъ ихъ любить Себя тѣмъ, что показываетъ Свое единомысліе съ Отцемъ, Свое присутствіе въ пророкахъ. Поэтому употребляетъ тѣ же самыя слова, какія и пророкъ. Чрезъ это же самое Онъ намекалъ на воскресеніе и указывалъ на второе пришествіе, давая разумѣть самимъ невѣрующимъ, что тогда поклонятся Ему. Но ка́къ Онъ указалъ на это? Предсказывая многое будущее, именно, что пошлетъ пророковъ, что ихъ будутъ убивать въ самыхъ синагогахъ, что

сами они потерпятъ крайнія бѣдствія; что домъ останется пустымъ; что они подвергнутся такимъ ужаснымъ несчастіямъ, какихъ прежде никогда не было. Все это для самыхъ безсмысленныхъ и упорныхъ могло быть яснымъ указаніемъ на Его второе пришествіе. Спросимъ ихъ: не посылалъ ли Онъ къ нимъ пророковъ и мудрыхъ? Не убивали ли они ихъ въ синагогахъ? Не оставленъ ли домъ ихъ пустымъ? Не постигли ли родъ этотъ всѣ наказанія? Все это очевидно, и никто не будетъ спорить. Какъ все это сбылось, такъ сбудется и послѣднее Его предсказаніе, и тогда, безъ сомнѣнія, они покорятся Ему; но это не принесетъ никакой пользы въ оправданіе ихъ, такъ какъ и раскаявающимся тогда по причинѣ политическихъ переворотовъ. Потому, пока есть время, будемъ дѣлать добро (ч. III, стр. 273—274).

Мысли еп. Θеофана на 38 ст.

Сколько милостей явилъ Господь Іерусалиму (т. е. Іудеямъ)! И, наконецъ, таки вынужденъ былъ сказать: *се оставляется домъ вашъ пустъ*. Извѣстно всѣмъ, какія были отъ этого послѣдствія: Іудеи до сихъ поръ бездомны. Не бываетъ ли подобнаго съ душею? Печется объ ней Господь и всячески ее вразумляетъ; покорная идетъ указаннымъ путемъ, а непокорная остается въ своемъ противленіи Божію званію. Но Господь не бросаетъ и ее, а употребляетъ всѣ средства, чтобъ ее вразумить. Возрастаетъ упорство; возрастаетъ и Божіе воздѣйствіе. Но всему мѣра. Душа доходитъ до ожесточенія, и Господь, видя, что уже ничего болѣе сдѣлать съ нею нельзя, оставляетъ ее въ рукахъ паденія своего,—и гибнетъ она, подобно фараону. Вотъ и возьми всякій, кого борютъ страсти, себѣ отсюда урокъ, что нельзя безнаказанно продолжать поблажку до конца. Не пора ли бросить и не по временамъ только себѣ отказывать, а сдѣлать уже рѣшительный поворотъ? Вѣдь никто не можетъ сказать, когда преступитъ границу. Можетъ быть, вотъ—вотъ и конецъ Божію долготерпѣнію (стр. 263—264).

Древнія и новыя толкованія на 39-й.

(*И. Спасскаго.*)

Глаголю бо вамъ, яко не имате Мене видѣти отселѣ, дондеже речете: благословенъ грядый во имя Господне. Нѣкоторые (еп. Михаилъ) относятъ это явленіе ко времени разрушенія Іерусалима и разсѣянія Іудеевъ, когда обнаружившаяся въ величайшихъ бѣдствіяхъ карающая рука Божія должна была, говорятъ, уничтожить всякое сомнѣніе и противодѣйствіе дѣлу Христа и вынудить признаніе Его за Мессію. Другіе же толкователи, какъ Златоустъ, думаютъ, что Господь говорилъ о днѣ Своего втораго пришествія, когда одни добровольно, а другіе невольно воздадутъ славу грядущему на облакахъ небесныхъ. Евѳимій Зигабенъ по поводу разбираемыхъ словъ Христа высказалъ отчасти подобную же мысль. Разсуждая о значеніи словъ: *доколѣ не воскликнете* и пр., онъ спрашиваетъ: когда это они скажутъ? и отвѣчаетъ: добровольно никогда не скажутъ, но неволѣ же во время втораго пришествія Христа, когда Онъ придетъ съ силою и славою многою, и когда признаніе не принесетъ имъ ни малѣйшей пользы. Наконецъ большинство новозавѣтныхъ толковниковъ (Кейль, Вейсъ и проч.) въ стихѣ 39 видятъ указаніе на будущее явленіе Господа въ духѣ, которое будетъ при ожидаемомъ обращеніи Іудеевъ. Это будетъ откровеніе Христа, которое узритъ обратившаяся въ христіанство Іудейская нація и о кото-

ромъ, кромѣ прочихъ мѣстъ Писанія (Пѣсн. Пѣсн. VIII, 8—10. Римлян. XI), въ книгѣ пророка Захаріи, (XII, 10) говорится, какъ объ изобильномъ изліяніи Святаго Духа и на Іудеевъ. Изъ словъ Господа видно, что будетъ радостное явленіе Его, не похожее на второе Его пришествіе, когда *восплачутся вся племена земная* (Матѳ. XXIV, 30). Это—время ихъ будущаго обращенія къ Мессіи, когда потомки тѣхъ, которые кричали: «распни, распни», воспрянувъ отъ вѣковаго заблужденія, примутъ Его съ радостнымъ восклицаніемъ: *благословенъ грядый во имя Господне!* (Душ. Чт. 1889 г., февр., стр. 162—163.)

О двухъ лептахъ вдовицы (Лук. XXI, 1—3).

(*Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.*)

Вышедъ изъ внутреннихъ притворовъ храма, Іисусъ остановился у дверей внѣшняго притвора женщинъ, и, сѣвъ для отдохновенія противъ ящика, въ который богомольцы клали деньги, смотрѣлъ на проходящій народъ. Клали многіе весьма много, иные изъ усердія, а иные (фарисеи) и по тщеславію. Господь безмолвствовалъ. Между тѣмъ подошла къ ящику одна бѣдная вдова и положила двѣ лепты (полушки). По всему видно было, что она отдавала послѣднее. Для людей съ фарисейскимъ чувствомъ такой даръ показался бы нестоющимъ вниманія. Но Господь взиралъ не на деньги, а на сердце дающихъ: поступокъ вдовы былъ для Него многоцѣненъ. Подозвавъ къ Себѣ учениковъ, какъ-бы желая раздѣлить съ ними дорогую находку, Онъ сказалъ имъ: «смотрите, сія бѣдная вдова болѣе всѣхъ положила въ сокровищницу!» Ученики дивились, не понимая сказаннаго. «Прочіе, продолжалъ Господь, клали отъ избытка, а она отъ скудости: тѣ жертвовали храму тѣмъ, безъ чего могутъ обойтись; а она пожертвовала все, что имѣла,—можетъ быть, послѣдній кусокъ хлѣба!» Замѣчаніе, сдѣланное о поступкѣ вдовицы, открываетъ характеръ не только ея, но въ нѣкоторомъ отношеніи Самого Іисуса. Поучительно видѣть, какъ самое отдохновеніе Его употребляемо было въ пользу, и какъ Онъ не оставлялъ безъ вниманія самыхъ обыкновенныхъ случаевъ, коль скоро въ нихъ выражалось что либо поучительное. Не таковы были фарисейскіе учители! Они постоянно занимались маловажными вещами, но, не умѣя извлекать изъ нихъ ничего важнаго, сами сдѣлались странными и жалкими (Послѣдніе дни жизни Іисуса Христа, стр. 157—158).

О томъ же епископа Ѳеофана.

Вдовица положила въ сокровищное хранилище (въ кружку церковную) двѣ лепты (полушки примѣрно); а Господь говоритъ, что она положила больше всѣхъ, хотя другіе клали тогда рублями и десятками рублей. Что же дало перевѣсъ ея лептѣ? Расположеніе, съ какимъ сдѣлано приношеніе. Видишь, какая разность добродѣланія бездушнаго, по обычаю, и добродѣланія съ душею и сердцемъ? Не внѣшняя постановка дѣла даетъ ему цѣну, а внутреннее расположеніе. Отъ сего бываетъ, что дѣло, выдающееся по всѣмъ отношеніямъ, никакой цѣны предъ Богомъ не имѣетъ, а дѣло, незначительное по виду, высокою цѣною оцѣнивается. Что отсюда слѣдуетъ, само собою видно. Но не вздумай кто небречь о внѣшнемъ, замышляя ограничиться однимъ внутреннимъ. Вдовица та не получила бы одобренія, если бъ сказала себѣ: имѣю желаніе положить и я,

да что̀ дѣлать? Только и есть у меня что двѣ лепты. Отдай ихъ, сама не причемъ останусь. Но ка́къ поимѣла желаніе, та́къ и сдѣлала, предавъ животъ свой въ руки Божіи. И если бъ не положила ничего, никто бы ее не осудилъ, ни люди, ни Богъ. Но тогда она не явила бы и такого расположенія, которое ее выдѣлило изъ ряда другихъ и сдѣлало славною во всемъ христіанскомъ мірѣ (Мысли на каждый день года, стр. 24—26).

Библіографическій указатель къ XXIII гл. Ев. Матѳея.

1) Ст. 2. *Препод. Исидора Пелусіота* на сказанное: *на Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣдоша книжницы*, ч. II. 406.

2) Ст. 5. *Его же.* Что̀ значатъ слова: *величаютъ хранилища своя.* Ч. I. 422—423.

3) Объ употребленіи *хранилищъ* и *воскрилій* (5) современными Евреями см. въ ст. Алексѣева: „Жизнь современныхъ Евреевъ". Стран. 1881 г. II. Іюнь. 383—388.

4) О филактеріяхъ. Воскр. Чт. 1874 г. I. 259—260.

5) Ст. 15. Прозелиты или пришельцы. Библ. полн. сл. 1877 г. I. 303—304.

6) Ст. 23 Анисъ. Библ. пол. сл. 1874г. I. 143.

7) Ст. 35. Варахія. Библ. полн. сл. тамъ же 335—336.

8) Ст. 37—39. Евангельское слово о судьбѣ Іерусалима. Воскр. Чт., г. XI. 43—45.

9) Ст. 38. *Препод. Исидора Пелусіота* на слова: *се оставляется домъ вашъ пустъ* Ч. I. 217.

10) *Его же.* Два письма о плѣненіи Іудеевъ. Ч. II. 463—465.

11) О лицемѣріи. Душеп. Чт. 1861 г. III. 422—444.

12) *И. Спасскаго.* Обличительная рѣчь Господа противъ книжниковъ и фарисеевъ. Душеп. Чт. 1889 г. февр. 129—163.

Пророчество Господа нашего Іисуса Христа о разрушеніи Іерусалима и о второмъ пришествіи Своемъ на землю (Матѳ. XXIV. Марк. XIII. Лук. XXI).

За нѣсколько дней предъ крестнымъ страданіемъ Своимъ Іисусъ Христосъ, послѣ грознаго обличенія на фарисеевъ и книжниковъ и послѣ умилительнаго плача о судьбѣ Іерусалима, исходя изъ храма, произнесъ страшный приговоръ на упорныхъ въ невѣріи Іудеевъ: «*се оставляется домъ вашъ пустъ*» (Матѳ. XXIII, 38—39). Потомъ, когда ученики указали Ему на великолѣпіе зданій храма, Онъ сказалъ имъ: «*видите ли вся сія? аминь глаголю вамъ, не имать остати здѣ камень на камени, иже не разорится*» (Матѳ. XXIV, 1—2). Въ сихъ словахъ Спасителя заключалось предреченіе о важнѣйшихъ для всего міра событіяхъ, и потому Апостолы желали узнать по подробнѣе, что̀ будетъ. Исшедши изъ Іерусалима, Іисусъ Христосъ удалился на Елеонскую гору, гдѣ обыкновенно проводилъ ночи въ послѣднее время предъ Своимъ страданіемъ. Со ската горы сей Іерусалимъ видѣнъ былъ весь, а великолѣпный храмъ его стоялъ прямо предъ взорами зрителя. Тамъ-то, приступивши къ Учителю своему, ученики вопросили Его: «*рцы намъ, когда сія будутъ? и что есть знаменіе Твоего пришествія и кончина вѣка?* (3.) И Господь изобразилъ предъ ними грядущее съ такою подробностью, съ какою нужно было открыть его не для однихъ только святыхъ Апостоловъ, но и для всѣхъ вѣрующихъ.

Пророчество Іисуса Христа раздѣляется на двѣ части. Сначала Онъ предрекаетъ судьбу Іерусалима и чадъ его (Матѳ. XXIV, 4—22. Марк. XIII, 5—20. Лук. XXI, 8—24), а потомъ изображаетъ будущее пришествіе Свое на землю, какъ начало Царства славы. (Матѳ. XXIV, 23—31. Марк. XIII, 21—27. Лук. XXI, 25—27). Время разрушенія Іерусалима съ его храмомъ и разсѣяніе народа Іудейскаго сближается съ временемъ преобразованія цѣлаго міра, потому безъ сомнѣнія, что первое происшествіе служитъ образомъ послѣдняго, что предварительный судъ надъ Іудеями предзнаменуетъ окончательный судъ надъ міромъ: то скончались судьбы Церкви ветхозавѣтной, а то совершатся судьбы Церкви новозавѣтной. Связь между сими двумя событіями—неразрывная, и всеобъемлющій взоръ Господа видитъ ихъ какъ-бы на одной картинѣ. Но граница между ними положена въ самомъ же Его пророчествѣ. Одною чертою означаетъ Онъ продолженіе времени между судомъ надъ Іерусалимомъ и судомъ надъ міромъ; но какъ далеко простирается черта сія—неизвѣстно: «*Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, дондележе скончаются времена языкъ*» (Лук. XXI, 24): вотъ разстояніе между пер-

вымъ посѣщеніемъ гнѣва Божія на землю и вторымъ пришествіемъ на нее Сына Божія. Но когда сіе будетъ? Никому, кромѣ Всевѣдущаго, невѣдомо.

Первая часть пророчества перешла для насъ въ исторію, и если бы нужно было кратко изобразить страшную участь Іерусалима и Іудеевъ въ ту эпоху, о которой говорится въ пророчествѣ, то историку оставалось бы только повторить слова Спасителя, перемѣнивъ форму повѣствованія.

Отвѣчая прямо на вопросъ Апостоловъ, Іисусъ Христосъ начинаетъ пророчество описаніемъ признаковъ грядущаго бѣдствія, и такъ какъ здѣсь касается судьбы ихъ и судьбы всего, малаго еще, стада Его послѣдователей, то сначала даетъ разумѣть, что грядущія бѣдствія состоятъ въ тѣсной связи съ христіанствомъ. «*Блюдите, да никтоже васъ прельститъ. Мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ: и многи прельстятъ* (Матѳ. XXIV, 4—5): вотъ первая черта времени грядущаго. По вознесеніи Іисуса Христа на небо, скоро оправдалось это первое предреченіе. Только что начало прозябать сѣмя христіанства, какъ его окружили уже плевелы лжеученія. Симонъ волхвъ, хотѣвшій купить за сребро дары Духа Святаго, объявляетъ себя чуднымъ, указываетъ на себя какъ на Мессію и хочетъ спорить словомъ и дѣломъ съ самими Апостолами. Менандръ, одинъ изъ учениковъ Симона, повторилъ нечестіе своего учителя. Вообще, броженіе умовъ на востокѣ способствовало тамъ распространенію всякой лжи и обмана, лишь бы они проповѣдывались во имя Мессіи. Отвергнувъ истиннаго Христа Спасителя, упорные Іудеи какъ будто старались найти себѣ Мессію, гдѣ бы ни было, и безумно отзывались на призывы обольстителей.

Услышати же имате брани и слышанія бранемъ. Зрите, не ужасайтеся: подобаетъ бо всѣмъ симъ б[illegible]ти: но не тогда есть кончина. Востанетъ бо языкъ на языкъ и царство на царство: и будутъ глади и пагубы, и труси по мѣстомъ. Вся же сія начало болѣзнемъ (Матѳ. XXIV, 6—8. Марк. XIII, 7—8. Лук. XXI, 9—11). Конечно, слова сіи относятся преимущественно къ возстанію Іудеевъ противъ Римлянъ; но самый образъ выраженія показываетъ, что предрекается не одна война народа съ народомъ, а, кромѣ того, неустройства и смятенія повсюду: *услышите брани и слышанія бранемъ*. Этою краткою чертой весьма точно означается характеръ времени предъ разрушеніемъ Іерусалима. Поднявъ оружіе противъ Римлянъ, Іудеи стекались подъ отечественныя знамена свои съ поспѣшностью и необыкновеннымъ усердіемъ; но не было порядка въ этой массѣ народа, хотѣвшаго преобразиться въ подобные Римскимъ легіоны. Скоро оказались раздоры между начальниками Іудейскихъ ополченій, и прежде сраженія со врагами кровь Іудеевъ полилась отъ междоусобій. Въ Галилеѣ Іоаннъ Фискалъ хочетъ оспорить власть у Іосифа. Въ Іерусалимѣ зилоты грабятъ публичную казну, отнимаютъ имущества у богатыхъ, умерщвляютъ лучшихъ соотечественниковъ, и наконецъ призываютъ Идумеевъ въ стѣны Іерусалима для усиленія своей партіи противъ первосвященниковъ, книжниковъ и левитовъ. Въ самомъ храмѣ кровь проливалась и, вмѣсто псалмопѣнія, слышенъ былъ свистъ летающихъ камней и вопли раненыхъ Таковы были нестроенія въ Іудеѣ. На сторонѣ самихъ враговъ Іудеевъ — Римлянъ были въ то самое время не меньшія смятенія. По смерти Нерона, въ полтора года, смѣнились три императора и каждая смѣна со-

провождалась возмущеніемъ войскъ и народа. Въ Іудею, какъ одну изъ Римскихъ провинцій, скоро доходили извѣстія о перемѣнахъ въ Римѣ; посему, слыша обо всемъ этомъ, житель Палестины могъ справедливо помыслить: «вселенная—неспокойна; вездѣ возмущенія, распри, кровопролитія: послѣднія времена!» *Но подобаетъ всѣмъ симъ быти, а не тогда есть кончина.*

Къ безпорядкамъ міра политическаго имѣли присоединиться, по пророчеству, грозныя явленія въ самой природѣ: и это не умедлило исполниться. Еще при императорѣ Клавдіи былъ страшный голодъ почти во всей имперіи, а судя потому, что святый Апостолъ Павелъ во все время своихъ путешествій такъ много заботился о милостынѣ для Іерусалимской братіи, бѣдствіе это особенно долго терпѣли жители Палестины. По мѣстамъ были также землетрясенія, разрушавшія цѣлые города. Язва заходила съ югозапада Римской имперіи и, достигши самаго Рима, произвела повсюду страшныя опустошенія. Кромѣ сихъ знаменій небеснаго гнѣва на землю, надъ Іерусалимомъ Господь явилъ особенныя знаменія близкаго правосудія Своего: цѣлый годъ надъ нимъ видѣлась комета на подобіе меча; въ храмѣ ночью замѣчался свѣтъ дневной; отъ кравы, веденной на жертву въ праздникъ, опрѣсноковъ, родился агнецъ; восточныя врата храма, покрытыя мѣдью, отворились въ полночь сами собою, тогда какъ обыкновенно ихъ съ трудомъ могли отворять двадцать человѣкъ; въ облакахъ представлялись колесницы и войска; въ день Пятидесятницы, при входѣ священниковъ въ храмъ, слышенъ былъ необычайный шумъ и наконецъ раздѣльный гласъ: «прейдемъ отсюда!» Такъ точно исполнилось слово Господне: «*и будутъ глади и пагубы и труси по мѣстомъ, страхованія же и знаменія съ небесе будутъ* (Лук. XXI, 11). Но вся сія еще только «*начало болѣзнемъ*».

Тогда предадятъ вы въ скорби и убіютъ вы: и будете ненавидимы всѣми языки имене Моего ради. И тогда соблазнятся мнози, и другъ друга предадятъ, и возненавидятъ другъ друга. И мнози лжепророцы востанутъ и прельстятъ многія. И за умноженія беззаконія, изсякнетъ любы многихъ. Претерпѣвый же до конца, той спасется. И проповѣстся сіе Евангеліе Царствія по всей вселенней во свидѣтелство всѣмъ языкомъ: и тогда кончина (Матѳ. XXIV, 9—14. Лук. XXI, 12—19. Марк. 9—13). И это все исполнилось еще прежде разрушенія Іерусалима, хотя должно будетъ повториться и, безъ сомнѣнія, въ несравненно большихъ размѣрахъ и предъ кончиною міра. Исторія гоненія на Апостоловъ извѣстна каждому. Они были въ темницахъ и, можно сказать, на первомъ же шагу Евангельской проповѣди подверглись заключенію. Други Божіи содѣлались предметомъ почти всеобщей ненависти и преслѣдованій. Не многимъ изъ нихъ суждено было умереть въ мирѣ; бо́льшая часть изъ нихъ потерпѣли мученія отъ гонителей и умерщвлены прежде разрушенія Іерусалима. О безчисленныхъ соблазнахъ, о предательствѣ и вообще объ оскудѣніи любви свидѣтельствовали сами Апостолы: *внѣ уду брани, внутрь уду боязни,*—восклицалъ Апостолъ Павелъ, *бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды во лжебратіи* и пр. (2 Коринѳ. XI, 26). Равнымъ образомъ свидѣтельствовали они и о лжепророкахъ, вооружаясь противъ нихъ силою слова благодатнаго и ограждая отъ ихъ ле-

сти и коварства вѣрное стадо Христово (2 Петр., Іуд., 2 Коринѳ. XI, 13 и мн. др). Но среди этихъ бѣдствій, среди безчисленныхъ препятствій для проповѣданія вѣры Христовой, Евангеліе Царствія должно было распространяться до предѣловъ міра,—и оно распространилось и восторжествовало надъ всѣми усиліями враговъ своихъ. *Во всю землю изыде вѣщаніе* Апостоловъ *и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Римлян. X, 18), благовѣствованіе проповѣдано было всей твари поднебесной (Колос. I, 25), когда еще издали собиралась гроза надъ Іерусалимомъ и никто еще не могъ предвидѣть страшной участи отверженнаго народа Іудейскаго

Егда убо узрите мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святѣ (иже чтетъ, да разумѣетъ): тогда сущіи во Іудеи да бѣжатъ въ горы: и иже на кровѣ, да не сходитъ взяти, яже въ дому его: и иже на селѣ, да не возвратится вспять взяти ризъ своихъ. Горе же не праздными и доящимъ въ тыя дни. Молитеся же, да не будетъ бѣгство ваше въ зимѣ, ни въ субботу. Будетъ бо тогда скорбь велія, яковаже не бысть отъ начала доселѣ, ниже имать быти. И аще не быша прекратилися дніе оны, не бы убо спаслася всяка плоть: избранныхъ же ради прекратятся дніе оны (Матѳ. XXIV, 15—22. Марк. XIII, 14—20. Лук. XXI, 20—23). Вотъ и кончина, страшная кончина Іерусалима и съ нимъ всего Іудейскаго царства. *Егда узрите мерзость запустѣнія* и пр. или—какъ у Евангелиста Луки—*егда зрите Іерусалимъ обстоимъ вои: тогда разумѣйте, яко приближися запустѣніе ему* (XXI, 20). Не ожидайте никакой перемѣны обстоятельствъ къ лучшему, но пользуйтесь первыми средствами ко спасенію. Враги *объидутъ и объимутъ* Іерусалимъ со всѣхъ сторонъ, какъ пророчествовалъ Господь еще прежде объ этомъ (Лук. XIX, 43); слѣдовательно не останется никакой надежды на спасеніе для тѣхъ, кои не поспѣшатъ удалиться при самомъ приближеніи опасности. Въ самомъ дѣлѣ, Римскія войска, подъ предводительствомъ Тита, такъ облегли городъ, что для осажденныхъ не было никакого средства избѣжать гибели. Тогда-то наступила скорбь, какой не было и не будетъ. «Кто подумаетъ, что это сказано преувеличенно»,—замѣчаетъ святый Златоустъ, «тотъ пусть прочитаетъ сочиненія Іосифа и узнаетъ истину». Такъ состояніе осажденныхъ было ужасно! Страшный голодъ свирѣпствовалъ между многочисленнымъ народомъ, заключеннымъ въ тѣсныхъ стѣнахъ Іерусалима. Скоро весь запасъ хлѣба былъ потребленъ; алчные предались отчаянію и дѣлали страшные безпорядки въ городѣ. Въ каждый день увеличивалось число жертвъ голодной смерти. Иные рѣшались бѣжать тайно изъ города, но отъ мученій голода попадались на мученія крестной смерти. Наконецъ, отчаяніе овладѣло народомъ въ высшей степени, когда узнали, что одна мать приготовила въ пищу себѣ собственное дитя свое. Такова была скорбь, постигшая народъ сей. И если бы не прекратились такіе дни, то не спасся бы никто изъ Іудеевъ. *Но ради избранныхъ*, т. е. ради вѣрующихъ въ Господа Іисуса Христа, *прекратились дніе оны*... Однакожъ городъ разрушенъ былъ до основанія; а отъ великолѣпнаго храма не осталось впослѣдствіи камня на камнѣ.

И плѣнени будутъ во вся языки: и Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ (Лук. XXI, 24). Сія черта пророчества исполняется и доселѣ предъ взорами цѣлаго міра. Іудеи разсѣяны по все-

ленной, Іерусалимъ попирается невѣрными! Были попытки со стороны самихъ Іудеевъ къ возсоединенію всего Израиля, и со стороны христіанъ къ освобожденію города святаго отъ невѣрныхъ; но глаголъ Божій непреложенъ!

Во второй части пророчества изображается второе, славное пришествіе Іисуса Христа на землю.

Тогда аще кто речетъ вамъ и пр. Когда же это?—*Когда скончаются времена языкъ*, т. е. когда войдетъ въ Церковь Христову предопредѣленное число язычниковъ (сравн. Римлян. XI, 25, 36). Тогда-то наступитъ время славнаго пришествія Христова.

Ближайшими признаками его будутъ возстаніе лжепророковъ и лжехристовъ, которые *дадутъ знаменія и чудеса велія, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя* (Матѳ. XXIV, 23—24. Марк. XIII, 21, 23. Сравн. 2 Солун. XI, 9—10), и потомъ страшныя явленія во вселенной: помраченіе солнца и луны и ниспаденіе звѣздъ. На землѣ распространится ужасъ, скорби и смятеніе; ибо силы небесныя подвигнутся (Матѳ. XXIV, 29. Марк. XIII, 24—25. Лук. XXI, 25—26).

И тогда узрятъ знаменіе Сына Человѣческаго, то есть, крестъ, по изъясненію святаго Златоуста; а вслѣдъ затѣмъ и Самого Сына Человѣческаго, грядущаго на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою. Сіе явленіе сколько будетъ торжественно, столько же внезапно и неожиданно,—подобно явленію молніи, исходящей отъ востока и являющейся до запада. По трубному звуку Ангеловъ соберутся избранные отъ четырехъ вѣтровъ, отъ конца до конца вселенныя (Матѳ. XXIV, 27—31. Марк. XIII, 26—27. Лук. XXI, 27). И затѣмъ всемірный судъ!

Въ заключеніе пророчества Іисусъ Христосъ внушаетъ ученикамъ Своимъ особенную бдительность въ ожиданіи сихъ страшныхъ событій. Безъ сомнѣнія, это наставленіе, въ лицѣ Апостоловъ, дано вѣрующимъ всѣхъ вѣковъ и временъ (Воскр. Чт. Годъ XVIII, стр. 494—498).

Пророчество Спасителя о храмѣ, Іерусалимѣ и народѣ Іудейскомъ (Матѳ. XXIV, 2. Лук. XXI, 24).

«*Не видите ли вся сія? аминь глаголю вамъ, не имать остати здѣ камень на камени, иже не разорится* (Матѳ. XXIV, 2). *И падутъ во остріи меча, и плѣнени будутъ во вся языки: и Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ*» (Лук. XXI, 24). Іерусалимскій храмъ, не въ первомъ, а во второмъ своемъ видѣ, который былъ слабымъ подобіемъ перваго,—и въ этомъ видѣ былъ въ свое время однимъ изъ чудесъ міра. Сооруженіе и возстановленіе его стоило государству несмѣтныхъ суммъ. Камни, изъ которыхъ онъ былъ построенъ, имѣли иные до 45 вершковъ длины и состояли изъ чистѣйшаго мрамора. Его кровли были покрыты полированнымъ золотомъ, которое съ такою силою отражало лучи солнца, что ни одна птица, какъ говорили, не могла сѣсть на эту кровлю, потому что не въ состояніи была выносить ослѣпительнаго блеска ея. — Іудеямъ казалось несбыточнымъ, чтобы можно было совершенно уничтожить столь прочное и величественное произведеніе искусства. Они никакъ не могли представить, чтобы нашелся другой дерзкій человѣкъ, подобный Навуходоносору, который бы рѣшился поднять руку на разрушеніе величественной святыни, предмета общаго удивленія и народнаго благоговѣнія. Наконецъ, они выпустили изъ виду разрушеніе перваго храма и привыкли вѣрить, что этотъ храмъ находится подъ особен-

ной защитой Самого Іеговы, Который избралъ его мѣстомъ селенія славы Своей.

Но не прошло и 40 лѣтъ по вознесеніи Іисуса Христа, какъ стѣны храма были сравнены съ землей, и плугъ—въ собственномъ смыслѣ слова—прошелъ по развалинамъ славнаго зданія. Изъ исторіи Іосифа Флавія мы узнаемъ, что во время осады Іерусалима, не только Іудеи, но и самые враги ихъ—Римляне заботились о сохраненіи величественнаго храма; но всѣ усилія ихъ оказались тщетными. «Когда Іерусалимъ былъ взятъ», пишетъ очевидецъ событій, «кроткій Титъ, вопреки совѣту своихъ полководцевъ, хотѣлъ сохранить храмъ для славы имени Римскаго. Но Господь судилъ иначе! Посреди боя Титъ съ военачальниками отправился гасить огонь, показавшійся внутри храма. Но онъ напрасно разсылалъ повелѣнія: раздраженные легіоны не слышали ихъ, или не хотѣли слышать. Титъ устремился въ самую внутренность святилища и надѣялся еще спасти его, потому что пламя охватило внѣшнія стѣны. Онъ окликалъ воиновъ для погашенія пожара и велѣлъ сотнику даже убивать непокорныхъ,—но все напрасно! Ненависть къ Іудеямъ, ожесточеніе въ битвѣ, жажда корысти превозмогли послушаніе Римское. Тотъ самый воинъ, который послѣдовалъ за Титомъ въ горящее преддверіе, непримѣтно положилъ огонь подъ затворы внутреннихъ воротъ, и внезапно вспыхнуло пламя изъ самой средины. Титъ принужденъ былъ удалиться и, вопреки его волѣ, обнялось огнемъ все святилище... Когда все было истреблено, и не было чего щадить въ Іерусалимѣ, тогда и Титъ велѣлъ воинамъ разметать до самыхъ основаній весь городъ и храмъ, сохранивъ только три башни для памяти будущихъ поколѣній. Воины такъ уравняли землю, что нельзя было даже подозрѣвать существованія города».—Отъ этого храма остаются теперь кучи камней, лежащихъ близъ мечети Омара. Одинъ разъ въ годъ позволено Іудеямъ собираться къ этому мѣсту и молиться у священныхъ остатковъ древности. Убѣленные сѣдинами раввины со слезами и раздирающими воплями обнимаютъ эти камни, какъ-бы желая исполнить слова пророка: *благоволиша раби твои каменіе Сіона и персть его ущедрятъ* (Псал. CI, 15).

Что теперь Іерусалимъ! Это былъ нѣкогда обширнѣйшій и многолюднѣйшій городъ, украшенный всѣмъ, что тогда было плодомъ наукъ и искусствъ. Это былъ центръ самой плодородной страны въ свѣтѣ, которой произведенія считались лучшими произведеніями, и которой горы и долины были покрыты садами и дышали температурой всѣхъ поясовъ земли. Тамъ, казалось, сіяло райское солнце и вѣялъ воздухъ Эдема. Но каковъ теперь видъ Палестины и Іерусалима? Плодородія уже нѣтъ, сады уничтожены молніей и землетрясеніями; нивы засохли отъ зноя, или засыпаны пескомъ; отъ величественныхъ зданій остался прахъ и пепелъ, города превратились въ кладбища, жители ни на одну минуту не могутъ почитать себя безопасными отъ нападеній кочующихъ Арабовъ, и страждутъ подъ игомъ мусульманскимъ. Ученые путешественники, посѣщавшіе Палестину, съ величайшею скорбью описываютъ нынѣшнее запустѣніе древней столицы Іудейской. «Если бы я», пишетъ Шатобріанъ, «жилъ тысячу лѣтъ, то никогда не забылъ бы того мѣста въ Палестинѣ, съ котораго я бросилъ первый взоръ на Іерусалимъ. Когда проводникъ мой воскликнулъ: «вотъ святой городъ Іерусалимъ»,—то я не

могъ повѣрить словамъ его. Мнѣ. показалось, что я вижу безобразную массу каменныхъ обломковъ. Пылающее солнце вверху и каменная пустыня внизу напомнили мнѣ пророческія слова Второзаконія: «*и будетъ небо надъ главою твоею мѣдяно, и земля подъ тобою желѣзна. Да дастъ Господь дождь земли твоей прахъ, и персть съ небесе снидетъ на тя* (XXVIII, 23). Ни одинъ ручей, ни одинъ потокъ не пересѣкаютъ страшной пустыни: вокругъ нѣтъ никакихъ признаковъ плодородія; не видно никакихъ обозовъ, приближающихся къ стѣнамъ города. Его зданія—развалины, его площади—кладбища»! «Видя предъ собою», пишетъ нашъ отечественный путешественникъ, «городъ, увѣнчанный куполами и минаретами, обнесенный стѣнами и башнями, вы ищете движенія;—но все пусто! Изрѣдка, кой-гдѣ, медленно шагаетъ обремененный ношею верблюдъ, сопутствуемый полу-нагимъ Арабомъ; изрѣдка мелькнетъ между гробами, какъ привидѣніе, завернутая въ саванъ мусульманка, бесѣдовавшая съ любимымъ прахомъ, или удрученный лѣтами, съ посохомъ въ рукѣ, монахъ сопровождаетъ дальняго поклонника... это запустѣніе, это молчаніе, непрерываемое ни шумомъ листьевъ, ни говоромъ людскимъ—торжественны! Здѣсь и природа, и люди какъ-бы находятся въ безпрестанномъ ожиданіи суднаго дня... И эти сдвинувшіеся съ могилъ своихъ надгробные камни, кажется готовы уже освободить отъ заключенія мертвецовъ своихъ»... (Путешествіе Норова, ч. I, стр. 107).

Послѣ разрушенія Іерусалима и храма, народъ Іудейскій былъ отведенъ въ плѣнъ и разсѣянъ по всему лицу земли.—И въ наше время ни одинъ народъ не представляется до такой степени разсѣяннымъ и угнетеннымъ, какъ Іудеи. Они и доселѣ, такъ сказать, странствуютъ по земному шару, не находя нигдѣ прочнаго пристанища. Въ какой сторонѣ нѣтъ ихъ? Они дышутъ воздухомъ и востока, и запада, и сѣвера и юга; пьютъ воду Темзы, Миссури, Миссисипи, Ганга, Дуная, Рейна, Енисея. Въ каждомъ, сколько-нибудь замѣчательномъ мѣстечкѣ съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера, вы можете слышать голоса ихъ, можете дивиться ихъ суетливости, хитрости, изворотливости.—И замѣчательно, что, не смотря на свой вѣчный плѣнъ, Іудеи до сихъ поръ не теряютъ надежды на избавленіе; они доселѣ ждутъ обѣтованнаго Мессію и всѣ мысли свои устремляютъ къ Іерусалиму, или по крайней мѣрѣ къ долинѣ Іосафатовой, на которой, по ихъ вѣрованію, *Мессія соберетъ вся языки*.—Но напрасно! Божественный судъ видимо тяготѣетъ надъ этимъ народомъ. Благосостояніе его ни въ какія времена разсѣченія не было прочно и безопасно; во всѣ времена Іудеи служили предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія. Такимъ же будетъ состояніе ихъ, по пророчеству Спасителя, еще долго долго, пока не пріидутъ послѣднія судьбы ихъ отъ Господа.

Вся, яже писано, въ наше назиданіе писано. Какое же назиданіе мы выведемъ изъ этого пророчества о разрушеніи Іерусалима и храма?

Исторія прошедшаго времени больше или меньше извѣстна каждому изъ насъ. Припомнимъ, сколько въ этомъ прошедшемъ погребено великаго и славнаго! Со времени паденія перваго человѣка, сколько милліоновъ людей почило вѣчнымъ сномъ; и тѣла ихъ превратились въ землю, изъ которой взяты! Все, что̀ эти милліоны почитали великимъ или малымъ, хорошимъ или худымъ, все, чѣмъ они обладали и чего лишались, о чемъ радовались или плакали,—все это кануло въ вѣчность. Что̀ нынѣ Тиръ,

эта столица коммерческаго міра? Куча песку, на которой рыбаки развѣшиваютъ свои сѣти. Что̀ Римъ, одно имя котораго приводило въ трепетъ отдаленные народы? Развалины прежняго величія; и житель его не скажетъ теперь съ гордостью: «я римскій гражданинъ, пользующійся повсюду вниманіемъ и защитой». Что̀ Аѳины, это око Греціи, это всемірное училище, куда со всѣхъ странъ свѣта стекалось множество для изученія мудрости и изощренія искусства? Малый городокъ, который едва въ состояніи поддержать свои великолѣпныя развалины. Гдѣ Вавилонъ, Пальмира, Ниневія?... *Вся быша отъ персти, и вся въ персть возвратишася* (Екклес. III, 20).

Но тогда какъ гибнутъ дѣла рукъ человѣческихъ, мы должны помнить, что никогда не погибнетъ награда, или наказаніе за наши дѣла.

Не Веспасіанъ и Титъ были главною причиною разрушенія Іерусалима и плѣна народа Іудейскаго, а грѣхи этого народа, не омытые слезами покаянія. *Іерусалиме, Іерусалиме! колькраты восхотѣхъ,* говоритъ Спаситель, *собрати чада твоя, якоже кокошь собираетъ птенцы своя подъ крилѣ, и не восхотѣсте,—се оставляется домъ вашъ пустъ!* Итакъ судъ Божій, тяготѣющій надъ нераскаяннымъ грѣшникомъ,—вотъ истина вѣчная и непремѣнная! Если ты пріобрѣталъ сокровища неправдою и обманомъ, или если ты скрылъ, подобно неключимому рабу, упоминаемому въ Евангеліи; если ты созидалъ свои жилища на развалинахъ, облитыхъ слезами бѣдныхъ и нищихъ; если ты почиталъ всякое средство законнымъ для достиженія цѣлей; если ты предавался удовольствіямъ, забывая нужды ближнихъ,—твой грѣхъ низведетъ на тебя судъ правды небесной, проклятіе на тебя отъ ближнихъ твоихъ низведетъ на тебя, на твое благополучіе, кару съ неба, и надъ тобою совершится временный судъ Божій, чтобы покаяніемъ спасти тебя отъ суда и осужденія вѣчнаго. Такой судъ, такое наказаніе несутъ теперь и Іудеи, на время отверженные Богомъ съ своимъ Іерусалимомъ и храмомъ. Добрыя дѣла,—вотъ что̀ вѣчно! Это такое сокровище, котораго *червь не поядаетъ, тля не тлитъ и татіе не подкопываютъ и не крадутъ* (Матѳ. VI, 20). Богатство преходитъ; но милостыня не остается туне. Слава человѣческая забывается; но благословеніе Божіе пребываетъ во вѣки. Разрушаются надгробные памятники; но слезы любви, которыя падутъ на прахъ твой изъ очей осчастливленныхъ тобою, падутъ не даромъ.

Будемъ помнить, что есть *градъ вѣчный, емуже содѣтель и художникъ Богъ;* что *аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ* (Евр. XI, 10). (Изъ Воскр. Чт., г. XXVI, кн. II, стр. 1329—1334.)

Наставленіе Іисуса Христа о мужествѣ въ вѣдствіяхъ (Матѳ. XXIV, 6).

(*Филарета, митроп. Московскаго*).

Христосъ Спаситель, между прочими изрѣченіями о судьбѣ ветхаго Іерусалима и новой Своей Церкви, указуетъ Своимъ послѣдователямъ на будущія брани и заповѣдуетъ имъ быть мужественными: *услышати же имамы брани и слышанія бранемъ: зрите, не ужасайтеся* (Матѳ. XXIV, 6).

Господь даетъ и причину, почему при видѣ угрожающихъ событій мы не должны быть боязливы, а должны быть мужественны. *Зрите,* говоритъ, *не ужасайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти.* Вотъ слово, изъ котораго не вдругъ можно почерпнуть углубленный въ немъ разумъ. По разсужденію обыкновенному отъ безпокоящаго слышанія можно было

бы найти успокоеніе въ тѣхъ мысляхъ, что угрожающаго не будетъ, по крайней мѣрѣ, вѣроятно, не будетъ, или что оно не коснется тѣхъ, которые видятъ опасность; а мысль, что угрожающее непремѣнно должно послѣдовать, можетъ, повидимому, только увеличить, а не уменьшить страхъ. Но не такъ велитъ разсуждать Христосъ, Божія Премудрость и Божія Истина. *Зрите,* говоритъ, *не ужасайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти.* Если бы событія происходили случайно, то какъ разсудкомъ нельзя поставить предѣлъ угрожающему случаю, такъ нельзя было бы поставить предѣлъ страху. Но когда знаемъ, что событія происходятъ, не какъ случится; что жребій человѣковъ и человѣческихъ обществъ не преданъ неограниченно произволу и страстямъ человѣческимъ; когда помышляемъ, что всѣ явленія на зрѣлищѣ міра, не только благопріятныя, но и могущія потревожить и устрашить, каковы брани и слышанія бранемъ, бываютъ, какъ *подобаетъ быти,* по предусмотрѣнію Божію, подъ невидимымъ управленіемъ Промысла Божія, въ направленіи къ благимъ цѣлямъ Божескаго міроправленія; тогда, хотя бы всѣ народы міра возстали, чтобы устрашить насъ, этотъ страхъ, если уповаемъ на Бога, можетъ быть такъ малъ, какъ малы предъ Богомъ всѣ народы, а они, по слову пророка, *аки капля отъ кади, и яко притяженіе вѣса вмѣнишася* (Исаія XL, 15). Какъ-бы ни велика была сила неправды, она не можетъ разрушить истиннаго блага вѣрующихъ и уповающихъ на Бога,—блага внутренняго и вѣчнаго, и благосостояніе внѣшнее и временное можетъ поколебать не болѣе, какъ сколько попуститъ Богъ; а Онъ попускаетъ, растворяя Свой судъ милосердіемъ, защищая правыхъ и побуждая къ исправленію согрѣшившихъ, дабы потомъ исчерпанную ими мѣру скорбей и лишеній наполнить утѣшеніемъ и воздаяніемъ. Итакъ, храни вѣру, правду, упованіе на Бога, и не будь боязливъ, ввѣряя себя Божію Провидѣнію. Такъ должно понимать и исполнять слово Христово: *зрите, не ужасайтеся, подобаетъ бо симъ всѣмъ быти.*

Умъ пытливый можетъ сказать: какимъ образомъ *подобаетъ быти* и такимъ событіямъ, какъ брани, слышанія бранемъ, бѣдствія, страданія, даже лучшихъ изъ человѣковъ, и это подъ управленіемъ премудраго, праведнаго и благаго Провидѣнія?—Это возраженіе можетъ показаться сильнымъ; но въ самомъ дѣлѣ оно только дерзновенно, потому что чрезъ него земной прахъ покушается возлетѣть на небо, судить Творца и Судію міра и постигнуть тайны Его міроправленія. Подробное изслѣдованіе сего вопроса потребовало бы болѣе времени, нежели мы теперь имѣемъ. Дадимъ совопроснику краткій отвѣтъ. Не слышалъ ли ты, что Христосъ о браняхъ и слышаніяхъ браней, и о бѣдствіяхъ Своихъ послѣдователей сказалъ: *подобаетъ всѣмъ симъ быти?* Можешь ли сомнѣваться въ томъ, что Христосъ есть самая Премудрость, самая Правда, самая Благость? Какъ же можешь сомнѣваться и въ томъ, что если чему по Его предусмотрѣнію, подъ Его владычествомъ, *подобаетъ быти* то непремѣнно бываетъ и будетъ сообразно съ премудростію, правдою и благостію? Можешь сіе усмотрѣть и въ самыхъ событіяхъ, если будешь смотрѣть чистымъ окомъ (Изъ слова въ день рожденія Государя Императора. Т. III, стр. 277—278).

Мысли еп. Ѳеофана на 12 ст. XXIV главы Матѳея.

За умноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ. Любовь уничтожается беззаконіями; чѣмъ больше грѣховъ,

тѣмъ меньше любви. Гдѣ все грѣхи, тамъ не ищи любви. Стало быть, кто взыщетъ распространенія любви и сокращенія не-любви, тотъ долженъ позаботиться объ умаленіи грѣховъ и сокращеніи области грѣхолюбія. Вотъ настоящее начало гуманности! Принявъ его, надо принять и всѣ способы, какими можно противодѣйствовать грѣху. Грѣхи во внѣ суть плодъ внутренней грѣховности. Внутренняя же грѣховность вся коренится на эгоизмѣ съ его исчадіями. Слѣдовательно гуманистамъ надо въ законъ себѣ взять такіе порядки, какими подавляется эгоизмъ; а эгоизмъ сильнѣе всего подавляется недаваніемъ себѣ воли. Не давай себѣ воли, и скоро одолѣешь эгоизмъ. Напротивъ, какія хочешь употребляй средства противъ эгоизма, ничего не сдѣлаешь съ нимъ, если будешь давать свободу волѣ. Отсюда слѣдуетъ, что гдѣ ищутъ волюшки во всемъ, тамъ ищутъ расширенія эгоизма и изсякновенія любви,—ищутъ большáго зла (Мысли на каждый день года. Стр. 305).

Мысли его же на 13 ст.

Претерпѣвый до конца, той спасется. Но не всякій терпящій спасется, а только тотъ, кто терпитъ на пути Господнемъ. На то жизнь эта, чтобы терпѣть, и всякій что-нибудь терпитъ, и терпитъ до самаго конца. Но терпѣніе нейдетъ въ прокъ, если оно не бываетъ ради Господа и Святаго Евангелія Его. Вступи на путь вѣры и заповѣдей Евангельскихъ: поводы къ терпѣнію умножатся, но терпѣніе съ этой минуты начнетъ плодоносить вѣнцы, и то терпѣніе, которое доселѣ было пусто, сдѣлается плодоноснымъ. Какимъ ослѣпленіемъ окружаетъ насъ врагъ, что только то терпѣніе и представляетъ тяжелымъ и невыносимымъ, какое встрѣчаетъ на пути добра, а то, которое самъ онъ налагаетъ на работающихъ страстямъ, представляетъ легкимъ и ничего нестоющимъ, хотя оно тяжелѣе и безотраднѣе того, которое несутъ борющіеся со страстями и противляющіеся врагу! А мы, слѣпые, и не видимъ этого... Трудимся, терпимъ и выбиваемся изъ силъ ради врага, на свою же погибель (стр. 264).

Исидора Пелусіота на 16—18 ст.

Сущіи во Іудеи да бѣжатъ на горы. Утвердившіеся въ благочестіи (сіе означаетъ Іудея) да имѣютъ въ виду вышнее прибѣжище, ограждаясь своимъ исповѣданіемъ. *И иже на кровь, да не сходитъ взяти яже въ дому его* (17). Кто пренебрегъ настоящій свой домъ, попралъ всякое здѣшнее жилище, сталъ высокъ по жизни и изгналъ изъ себя вселявшіяся въ немъ страсти, тотъ да не увлекаетъ за собою ничего такого, ни боязни, ни нерадѣнія, ни тщеславія, ни пристрастія къ богатству: все это есть схожденіе съ высоты. *Иже на селѣ, да не возвратится взяти ризъ своихъ* (18). Кто совлекся ветхаго человѣка и отрѣшился отъ плотскаго, тотъ да облекается въ человѣка новаго, который обновилъ его въ познаніе Божіе и очистилъ отъ тины. Всѣ сіи въ безопасности будутъ отъ онаго великаго злострадалія (ч. I, стр. 133).

Его же на 19 ст.

Горе непраздным и доящимъ въ тыя дни, сказано душамъ, которыя чреваты Божественною любовію, но не осмѣливаются свободно изрѣчь и породить исповѣданіе вѣры въ Бога и твердо стоять за оное, пріобрѣли же дѣтское и несовершенное понятіе о Божіемъ долготерпѣніи и не имѣютъ въ виду твердаго упованія наградъ, но угрозами, или нападеніями, приведены въ разслабленіе, и лишили себя будущаго (ч. I, стр. 134).

Василія Великаго на 20 ст.

Молитеся, да не будетъ бѣгство ваше въ зимѣ, или въ субботу. Поэтому надобно замѣтить, что не сотворилъ Богъ зимы, или непохвальной субботы. Ибо написано: *жатву и весну Ты создалъ еси я* (Псал. LXXIII, 17). А мы въ *зимѣ*, когда владычествуютъ въ насъ плотскія страсти. Посему, такъ надобно разумѣть Евангельское сіе изрѣченіе: да не будетъ бѣгство наше, когда преобладаетъ въ насъ худшее, или когда губимъ жизнь свою въ праздности. Ибо такую мысль внушаетъ оно словомъ *суббота,* чтобы сподобились мы онаго благословенія: *блаженъ рабъ той, егоже, пришедъ господинъ, обрящетъ бдяща* (Матѳ. XXIV, 46). (Ч. II, стр. 3.)

Мысли еп. Ѳеофана на 23 ст.

Аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, или ондѣ, не имите вѣры. Христосъ Господь, Спаситель нашъ, устроивъ на землѣ Святую Церковь, благоволитъ пребывать въ ней, яко Глава ея, Оживитель и Правитель. Здѣ Христосъ,—въ Православной нашей Церкви, и въ другой какой либо нѣтъ Его. И не ищи, не найдешь. Почему, если кто изъ неправославнаго сборища придетъ къ тебѣ и станетъ внушать: у насъ Христосъ, не ими вѣры. Если услышишь отъ кого,—у насъ Апостольская община, и у насъ Христосъ, не ими вѣры. Апостолами основанная Церковь пребываетъ на землѣ; это есть Православная Церковь. И здѣ Христосъ. А та, вчера устроенная община, не можетъ быть Апостольскою,—и въ ней нѣтъ Христа. Если кого услышишь говорящимъ: во мнѣ говоритъ Христосъ, а между тѣмъ Церкви онъ чуждается, пастырей ея знать не хочетъ и таинствами не освящается; не вѣрь ему: въ немъ не Христосъ, а другой духъ, присвоявшій себѣ имя Христа, чтобы отвлекать отъ Христа Господа и отъ Святой Церкви Его. И никому не вѣрь, кто будетъ внушать тебѣ малое что, чуждое Церкви. Всѣхъ такихъ признавай орудіями духовъ лестчихъ и лживыми проповѣдниками лжи (стр. 31).

Епископа Михаила на 28 ст.

Относящіе это изрѣченіе ко второму пришествію Господа въ связи съ предшествующимъ объясняютъ его такъ: «какъ молнія объявляется внезапно и всѣмъ бываетъ видима, такъ и пришествіе Христово (второе) будетъ видимо для всѣхъ живущихъ въ мірѣ... И какъ на мертвый трупъ скоро собираются хищные орлы, такъ и туда, гдѣ явится Христосъ, придутъ всѣ святые, парящіе на высотѣ добродѣтелей, и вознесутся на облака, подобно орламъ. Христосъ иносказательно именуется трупомъ, потому что Онъ умеръ за насъ» (Ѳеофил. ср. Злат., Іерон., Евѳ. Зигаб.). Или такъ: трупъ есть образъ духовно мертвыхъ (ср. VIII, 22. Лук. XVI, 24), которые подлежатъ суду Мессіи и наказанію; и выраженіе—*соберутся орлы* означаетъ то же, что сказано XIII, 41, именно: что Ангелы, которые имѣютъ быть посланы Мессіей, соберутъ изъ Царства Его всѣ соблазны и дѣлающихъ беззаконіе и ввергнутъ ихъ въ печь огненную. Относящіе это изрѣченіе ко времени разрушенія Іерусалима подъ трупомъ разумѣютъ Іерусалимъ и Іудеевъ, а подъ орлами Римлянъ, осадившихъ и взявшихъ городъ, и смыслъ даютъ такой: Господь придетъ для суда надъ преступнымъ городомъ и народомъ и, по Его мановенію таинственному, Римскія войска съ своими побѣдоносными знаменами ринутся, какъ хищные орлы, на мертвый трупъ и растерзаютъ его (Толков. Ев. Михаила).

Знаменіе Сына Человѣческаго (ст. 30).

(*Н. Щеголева.*)

На вопросъ учениковъ о признакахъ и времени втораго пришествія Господня и кончины міра Іисусъ Христосъ, послѣ признаковъ общихъ и отдаленныхъ, которые, хотя будутъ предвѣстниками приближенія времени кончины міра, но не будутъ еще указывать на наступленіе самаго этого времени,—послѣ такихъ признаковъ—указалъ и на такого рода знаменія, которыя будутъ непосредственными и рѣшительными указателями наступленія времени кончины міра и страшнаго суда. Въ числѣ такихъ знаменій указано имѣющее быть предъ кончиною міра *явленіе на небѣ знаменія Сына Человѣческаго* (Матѳ. XXIV, 3—33).

Что̀ это за знаменіе? Изъ чего оно будетъ состоять и какого вида?

Имя—Сынъ Человѣческій, которымъ называлъ Себя Іисусъ Христосъ во все продолженіе земной Своей жизни до крестной смерти, есть *имя обѣщаннаго Мессіи,* взятое изъ пророческаго видѣнія, описаннаго въ главѣ VII, 9—14 книги пророка Даніила, гдѣ изображается, какъ къ Сѣдящему на огненномъ престолѣ Ветхому деньми пришелъ *на облацѣхъ небесныхъ яко Сынъ Человѣчь,* какъ Ему даны были власть и честь и Царство, чтобы всѣ люди, племена и народы повиновались Ему, а власть Его—власть вѣчная, *яже не прейдетъ, и Царство его не разсыплется.* Изъ многихъ пророческихъ именъ обѣтованнаго Мессіи имя Его—Сынъ Человѣческій болѣе всѣхъ распространено было между Еврейскимъ народомъ временъ Іисуса Христа Еврейскимъ вѣроученіемъ, потому что это имя Мессіи болѣе другихъ именъ соотвѣтствовало любимому представленію о Немъ, какъ о великомъ и славномъ царѣ земномъ, тѣмъ болѣе, что книга пророка Даніила написана на Сиро-Халдейскомъ языкѣ, который былъ тогда живымъ языкомъ Еврейскаго общества, тогда какъ древне-Еврейскій языкъ былъ языкомъ церковно-религіознаго ученія въ храмѣ и синагогахъ, и языкомъ мало понятнымъ народу.

При такомъ значеніи и употребленіи имени—Сынъ Человѣческій, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ знаменіемъ Его, о которомъ идетъ рѣчь? Очевидно, что это знаменіе должно имѣть тѣсную связь съ самымъ этимъ именемъ, такъ чтобы въ представленіи объ одномъ необходимо соединялось представленіе и о другомъ. Только подъ этимъ условіемъ была совершенно ясна для учениковъ рѣчь Господа о небесномъ явленіи знаменія Сына Человѣческаго. Посему образа этого знаменія намъ слѣдуетъ искать въ томъ же источникѣ, изъ котораго взято самое имя Сынъ Человѣческій, то есть въ вышеуказанномъ пророческомъ видѣніи пророка Даніила. Какое же знаменіе сопровождаетъ тамъ явленіе Сына Человѣческаго? Прежде, чѣмъ Онъ явился на облацѣхъ небесныхъ и приблизился къ Ветхому деньми за полученіемъ чести, власти и всемірнаго вѣчнаго Царства, у пророка изображается слѣдующая картина видѣнія: «я видѣлъ, что престолы были поставлены». «Ветхій деньми сѣлъ; одежда Его какъ снѣгъ бѣла и волосы на головѣ Его какъ волна чистая; престолъ Его пламень огненный, колеса его огнь горящій. Рѣка огненная струясь выходила отъ него. Тысячи тысячъ служили Ему и миріады миріадъ стояли предъ Нимъ. Судъ сѣлъ и книги раскрылись... Я видѣлъ въ видѣніи ночномъ, и вотъ въ облакахъ небесныхъ шелъ подобный Сыну Человѣческому и дошелъ до Ветхаго деньми и къ Нему былъ приведенъ. И Ему дана была держава» и

проч. Изображенное въ этомъ видѣніи, то есть явленіе на небѣ престоловъ, возсѣданіе на одномъ изъ нихъ Ветхаго деньми или Бога Отца, окруженнаго тьмами темъ Ангеловъ и готоваго творить судъ надъ дѣлами людей и проч., какъ приготовительныя явленія, предшествовавшія появленію на облакахъ Сына Человѣческаго, имѣвшаго получить власть для совершенія самого суда,—всѣ эти явленія и должно признать знаменіемъ Сына Человѣческаго, которое, какъ въ видѣніи пророка Даніила, должно предшествовать появленію Іисуса Христа предъ страшнымъ судомъ на облакахъ небесныхъ. Этотъ порядокъ небесныхъ явленій удерживаетъ и Самъ Іисусъ Христосъ всякій разъ, когда говоритъ о картинѣ страшнаго суда. Такъ, только послѣ явленія знаменія Сына Человѣческаго, люди узрятъ Самого Сына Человѣческаго, грядущаго, какъ у пророка Даніила, на облацѣхъ небесныхъ (Матѳ. XXIV, 30). И въ другомъ мѣстѣ о томъ же страшномъ судѣ Господь говоритъ такъ: *егдаже пріидетъ Сынъ Человѣческій въ славѣ Своей и вси святіи Ангелы съ Нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы Своея* (Матѳ. XXV, 31), то есть появленіе престола славы имѣетъ предшествовать явленію Самого Сына Человѣческаго.

Крестъ Іисуса Христа есть знамя побѣды Его, символъ надежды, основа упованія для вѣрующихъ въ небесную помощь Его въ продолженіе борьбы Церкви, воинствующей на землѣ. Всякое явленіе этого знамени на помощь и утѣшеніе воинствующихъ христіанъ во всякое время имѣетъ свое глубокое значеніе. Но въ послѣдній день міра, когда Господь Іисусъ вступитъ во владычество надъ міромъ въ качествѣ Царя и Судіи, какое тогда дать значеніе образу креста? Тогда Ему подобаютъ аттрибуты не борьбы, а власти, не символы страданій Искупителя, а символы славы и величія (Его) Бога. Послѣдній день міра есть послѣдній день борьбы воинствующей Церкви и первый день торжества ея,—послѣдній день вѣры и упованія и первый день видѣнія и осуществленія уповаемаго. Тогда всѣ земные образы славы Христовой отойдутъ въ область прошедшаго, а откроется для блаженныхъ видѣніе славы Его безъ символовъ, а лицомъ къ лицу (Воскр. Чт. 1883 г. 68—69).

Толкованіе св. Златоуста на 32—34 ст.

Отъ смоковницы же научитеся притчи: егда уже ваія ея будутъ млада, и листвіе прозябнетъ, вѣдите, яко близъ есть жатва. Тако и вы, егда видите сія вся, вѣдите, яко близъ есть при дверехъ (32—33).

Такъ какъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *абіе по скорби днiй тѣхъ солнце померкнетъ, и будетъ кончина,* ученики же Его спросили, когда это будетъ, и желали знать самый день; то Онъ представилъ имъ въ примѣръ смоковницу, показывая симъ, что немного осталось времени, и что скоро будетъ Его пришествіе. И это подтвердилъ Онъ не одною только притчею, но и сими словами: *вѣдите, яко близъ есть при дверехъ.* Вмѣстѣ съ симъ Іисусъ Христосъ пророчествуетъ и о духовномъ лѣтѣ, то есть, о той тишинѣ, которая въ тотъ день настанетъ для праведныхъ послѣ обуревающей ихъ теперь зимы; грѣшникамъ же, напротивъ, предсказываетъ зиму по прошествіи лѣта, что подтвердилъ впослѣдствіи, сказавъ, что день тотъ застанетъ ихъ посреди роскоши и удовольствій. Впрочемъ, Онъ привелъ въ примѣръ смоковницу не столько для означенія времени, ибо могъ бы означить иное и другимъ образомъ, сколько для подтвержденія того, что Его предсказаніе непремѣнно исполнится. Ибо

какъ необходимо быть первому, такъ равно и послѣднему.—Вообще, какъ Самъ Іисусъ Христосъ, когда предсказываетъ будущее, всегда объясняетъ это необходимыми въ природѣ явленіями; такъ и подражающій Ему блаженный Апостолъ Павелъ. Такъ, бесѣдуя о воскресеніи мертвыхъ, Іисусъ Христосъ говоритъ: *аще зерно пшенично падъ на землю не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. XII. 24). И блаженный Апостолъ Павелъ, ученикъ Его, употребляетъ тотъ же примѣръ, разсуждая съ Коринѳянами о воскресеніи: *безумне,* говоритъ онъ, *ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ* (I Коринѳ. XV, 36). Потомъ Іисусъ Христосъ, дабы опять вскорѣ не приступили къ Нему ученики Его съ вопросомъ, когда это случится,—напоминаетъ имъ о приближеніи сего времени: *аминь глаголю вамъ, не мимоидетъ родъ сей, дондеже вся сія будутъ* (34). Что̀ Онъ разумѣлъ подъ словомъ *вся сія?*—То, что̀ случилось съ Іерусалимомъ: войны, голодъ, моръ, землетрясенія, лжехристы, лжепророки, повсемѣстное распространеніе Евангелія, мятежи, раздоры и все, что̀, какъ мы сказали, должно случиться до Его пришествія. Ка́къ же Онъ сказалъ: *не прейдетъ родъ сей?* Здѣсь говорится не о родѣ, тогда жившемъ, но о родѣ вѣрныхъ; ибо родъ означаетъ не только время, но и образъ религіи и жизни. Такъ сказано: *сей родъ ищущихъ Господа* (Псал. XXIII, 6). Сверхъ сего Іисусъ Христосъ прежде сказалъ: *подобаетъ бо всѣмъ симъ быти;* и еще—*проповѣстся Евангеліе сіе.* То же и здѣсь Онъ выражаетъ, говоря, что все сіе непремѣнно сбудется, а родъ вѣрныхъ пребудетъ и не прервется ни отъ одного изъ вышеозначенныхъ бѣдствій. Разрушится Іерусалимъ, и погибнетъ бо́льшая часть Іудеевъ; но ничто не преодолѣетъ сего рода, ни голодъ, ни моръ, ни землетрясеніе, ни ужасы браней, ни лжехристы, ни лжепророки, ни прельстители, ни соблазнители, ни предатели, ни лжебратія, ни другія подобныя симъ искушенія (ч. III, стр. 318—320).

Небо и земля мимоидетъ, словеса же Моя не мимоидутъ (Матѳ. XXIV, 35).

Такъ твердо, повелительно и всемогуще слово Божіе!

Есть оно на вещественныхъ небесахъ, и на нашей землѣ: это повелѣніе творческое, это законы міра. О немъ сказано: *въ вѣкъ, Господи, слово Твое пребываетъ на небеси* (Псал. CXVIII, 89); *повелѣніе положи и не мимоидетъ* (Псал. CXLVIII, 6). Все измѣняется, все преходитъ; а это слово Божіе не измѣнится и не прейдетъ. Земля и небо *погибнутъ, Ты же пребываеши: и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши я, и измѣнятся. Ты же той-жде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (Псал. CI, 27—28). А какъ неизмѣняемъ Богъ, такъ неизмѣняема воля Его, мысль и слово Его. По сему же неизмѣняемому слову, вѣчному повелѣнію и предначертанію творческому и все измѣнится, что̀ преходитъ, все обновится, что̀ состарѣетъ. Силою сего же слова нѣкогда *небеса мимоидутъ, земля, и яже на ней дѣла сгорятъ, и явится новое небо и новая земля* (2 Петр. III, 10, 12).

Но это въ мірѣ физическомъ, гдѣ твари неразумныя не могутъ измѣнить сами ничего какъ въ своемъ состояніи, такъ и въ своихъ законахъ, которымъ повинуются безъ сознанія, по необходимости. Что̀ же сказать о мірѣ нравственномъ, мірѣ существъ разумныхъ и свободныхъ? То же, т. е. что̀ и здѣсь, хотя все измѣняется, и измѣняется при дѣйствіи свободной, измѣнчивой, непостоянной воли мно-

гихъ разумныхъ тварей, слово Божіе, законъ Всесвятаго, не измѣняется, но пребываетъ и пребудетъ во всей своей святости и правдѣ вѣчно.

Таково, говоритъ Господь нашъ, и Мое слово: *словеса Моя не мимо идутъ*. Таковы Его заповѣди, таковъ завѣтъ новый, таково Евангеліе! Изъ нѣдръ вѣчной любви и правды проистекло слово Христово, и ничто ни во времени, ни въ вѣчности не упразднитъ его; ибо это слово Всемогущаго, слово Творца, которое превыше всѣхъ силъ тварныхъ. Падутъ на землѣ царства, разрушатся всѣ памятники мудрости и славы человѣческой; а вѣра Христова не падетъ, Святая Церковь не разрушится. Господь Іисусъ Христосъ восторжествуетъ надъ всѣми врагами Своими. *О имени Іисусовѣ поклонится всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Филиппис. II, 10).

А между тѣмъ, что дѣлаешь ты, мудрость вѣка сего? Не подкапываешь ли ты основанія вѣчнаго, неразрушимаго? Смотри, оно само разрушитъ тебя, какъ и предсказано: *всякъ падый на камени томъ, сокрушится, а на немже падетъ, стреретъ его* (Лук. XX, 18). Что дѣлаете вы всѣ, враги Церкви Христовой? Вы проповѣдуете ученіе не Христово, ученіе, враждебное Евангелію. Но *аще* человѣкъ или *Ангелъ съ небесе благовѣститъ намъ паче благовѣствованнаго Апостолами* Христовыми,—*анаѳема да будетъ* (Галат. I, 8). Вы не боитесь этой анаѳемы? Но Самъ Богъ говоритъ: *погублю премудрость премудрыхъ;* Онъ погубитъ эту премудрость за то, что она не уразумѣла Его (1 Коринѳ. I, 19, 21), за то, что истинную премудрость Божію отвергла и почла безуміемъ. Вы, лжемудрецы, обуяете, вы сами другъ друга назовете безумными, ученія ваши одно другое низвергаютъ и будутъ низвергать, а то ученіе, которое гоните, ученіе Слова Вѣчнаго, будетъ стоять и не поколеблется во вѣки! (Воскр. Чт., г. XXIII, стр. 105—106.)

Св. Василія Великаго на слова 36 ст.: *часа и дня того никтоже вѣсть* (Матѳ. XXIV, 36).

Если Сынъ не имѣетъ вѣдѣнія о всемъ томъ, о чемъ имѣетъ вѣдѣніе Отецъ, то солгалъ Сказавшій: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть* (Іоан. XVI, 15); *якоже Отецъ знаетъ Мя, и Азъ знаю Отца* (Іоан. X, 15). Если же иное дѣло—знать Отца, и иное—знать принадлежащее Отцу; но знать Отца—больше, нежели знать принадлежащее Отцу (потому что всякій больше принадлежащаго ему); то Сынъ зная большее, ибо сказано: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ* (Матѳ. XI, 27), не зналъ бы меньшаго, что̀ не возможно. Итакъ умолчалъ Онъ о времени суда потому только, что не полезно было людямъ слышать о семъ; ибо всегдашнее ожиданіе дѣлаетъ болѣе ревностными въ благочестіи, а знаніе, что до суда еще долго, сдѣлало бы болѣе нерадивыми въ благочестіи, по надеждѣ, что можно спастись, покаявшись впослѣдствіи. Да и возможно ли, чтобы Вѣдавшій все, что̀ будетъ до онаго часа (ибо все сіе сказалъ), не зналъ этого часа? Иначе напрасно и Апостолъ сказалъ: *въ Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колос. II, 3). (Ч. III, стр. 166).

Слово *никто,* повидимому, выражаетъ нѣчто общее, такъ что ни одно лицо не исключается симъ рѣченіемъ. Но не та́къ оно употребляется въ Писаніи, ка́къ мы замѣтили въ изрѣченіи: *никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Марк. X, 18). Ибо Сынъ говоритъ сіе, не исключая тѣмъ Себя изъ есте-

ства Благаго. Но поелику Отецъ есть первое благо, то увѣрены мы, что въ словѣ: *никтоже,* подразумѣвается слово: первый. Подобно изрѣченіе: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ* (Матѳ. XI, 27). Ибо здѣсь не обвиняетъ Духа въ невѣдѣніи, но свидѣтельствуетъ, что въ Отцѣ въ первомъ есть вѣдѣніе Его естества. Такъ, думаю, и сіе: *никтоже вѣсть* (Матѳ. XXIV, 36), сказано потому, что Господь первое вѣдѣніе настоящаго и будущаго приписываетъ Отцу и во всемъ указываетъ на первую причину. Иначе какимъ образомъ изрѣченіе сіе или соотвѣтствуетъ прочимъ свидѣтельствамъ Писанія, или можетъ быть соглашено съ общими нашими понятіями, когда вѣруемъ, что Единородный есть *образъ Бога невидимаго,* образъ же не тѣлеснаго очертанія, но самаго Божества, и величій, представляемыхъ принадлежащими Божіей сущности, образъ силы, образъ премудрости, поколику Христосъ именуется *Божіей силой и Божіей премудростью* (1 Коринѳ. I, 24)? Безъ сомнѣнія же, вѣдѣніе есть часть премудрости, и Сынъ не изображаетъ въ Себѣ всей премудрости, если не достаетъ Ему чего-нибудь. Да и какъ Отецъ Тому, *Имже вѣки сотвори* (Евр. I, 2), не показалъ малѣйшей части вѣковъ, онаго дня и часа? Или какимъ образомъ Творцу всяческихъ недостаетъ вѣдѣнія малѣйшей части сотвореннаго Имъ? Какъ не знаетъ самой кончины Тотъ, Кто говоритъ, что предъ приближеніемъ кончины явятся такія и такія знаменія на небѣ и по мѣстамъ на землѣ? Когда говоритъ: *не тогда кончина* (Матѳ. XXIV, 6), не какъ сомнѣвающійся, но какъ знающій опредѣляетъ время. Притомъ, если вникать благомысленно, то Господь многое говоритъ людямъ отъ Своего человѣчества, напримѣръ: *даждь Ми пити* (Іоан. IV, 7)—слова Господа, выражающія тѣлесную потребность. Впрочемъ, просящій былъ не плоть неодушевленная, но Божество, пріявшее одушевленную плоть. Такъ и теперь, кто приписываетъ невѣдѣніе Пріявшему все на Себя по домостроительству и Преуспѣвающему *премудростью и благодатію у Бога и человѣкъ* (Лук. II, 52), тотъ не уклонится отъ благочестиваго разумѣнія (ч. VII, стр. 166).

Григорія Богослова на 32 ст. XIII главы Марка.

Никто не знаетъ послѣдняго дня или часа, ни Самъ Сынъ, токмо Отецъ (Марк. XIII, 32). Для всякаго явно, что Сынъ знаетъ, какъ Богъ, приписываетъ же Себѣ незнаніе, какъ человѣкъ, поколику только видимое можетъ быть отдѣляемо отъ умопредставляемаго. Такую мысль подаетъ и то, что наименованіе Сына поставлено здѣсь отрѣшенно и безотносительно, то есть безъ присовокупленія: чей Онъ Сынъ, чтобъ разумѣли мы сіе невѣдѣніе въ смыслѣ болѣе сообразномъ съ благочестіемъ и приписывали оное человѣчеству, а не Божеству. И такъ, если достаточно сего объясненія, остановимся на немъ и не будемъ входить въ дальнѣйшія изслѣдованія, а если нѣтъ, представимъ и второе толкованіе. Какъ все прочее, такъ и вѣдѣніе важнѣйшихъ таинъ относи къ Причинѣ изъ уваженія къ Родителю. Но мнѣ кажется, что и тотъ составилъ себѣ не низкое понятіе, кто, съ однимъ изъ нашихъ любослововъ, сталъ бы читать сіе мѣсто такъ: и Сынъ не по иному чему знаетъ день и часъ, какъ потому, что знаетъ Отецъ. Ибо какое изъ сего заключеніе? Поелику знаетъ Отецъ, а посему знаетъ и Сынъ, то явно, что

ни для кого сіе неизвѣстно и непостижимо, кромѣ первой Причины (ч. III, стр. 94—95).

О томъ же Златоустаго (Матѳ. XXIV, 36).

О дни же томъ и часѣ никтоже вѣсть, ни Ангели небесніи, ни Сынъ, токмо Отецъ единъ. Словомъ *ни Ангели* Іисусъ Христосъ научаетъ учениковъ Своихъ, чтобы они не старались узнать того, чего не знаютъ и самые Ангелы. Словомъ *ни Сынъ* возбраняетъ имъ не только знать, но и спрашивать объ оном. Что слова сіи сказаны Имъ съ симъ намѣреніемъ, познай изъ того, что по воскресеніи съ большею силою воспретилъ имъ любопытство, когда замѣтилъ, что они излишне предаются ему. Теперь положилъ многіе и безчисленные признаки, а тогда сказалъ просто: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта* (Дѣян. I, 7). И дабы ученики не сказали: вотъ насъ презираютъ за наше недоумѣніе, и ужели мы того достойны, для сего Онъ и присоединяетъ: *яже Отецъ положи во Своей власти.* Если бы это было не такъ, если бы въ самомъ дѣлѣ Сынъ Божій не зналъ о времени кончины, то когда же бы Онъ узналъ оное?—Вмѣстѣ съ нами?—Но кто станетъ утверждать это? Онъ зналъ Отца такъ, какъ и Отецъ Сына, и ужели не зналъ о послѣднемъ днѣ? Сверхъ сего *Духъ испытуетъ и глубины Божія* (1 Коринѳ. III, 10). А Сынъ будто бы не зналъ и времени суда? Онъ зналъ, какимъ образомъ должно судить, зналъ тайны каждаго; возможно ли же, чтобы Онъ не зналъ того, что менѣе важно? Если *вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть,* то можетъ ли быть, чтобы Онъ не зналъ онаго дня? Ибо если Онъ сотворилъ вѣки, то сотворилъ и времена; если сотворилъ и времена, то, безъ сомнѣнія, сотворилъ и день. Какъ же Ему не знать сего дня, который Онъ сотворилъ? (Бесѣда на Евангеліе Матѳея, ч. III, стр. 321—322.)

Толкованіе на слова: *два будета на селѣ* (Матѳ. XXIV, 40).

(*Ефрема Сирина.*)

Слышалъ ты, *что два будета на селѣ: единъ поемлется, а другій оставляется. Двѣ мелющѣ въ жерновахъ: едина поемлется, и едина оставляется. Двое на кровѣ,* и такъ далѣе. Стоящіе *на кровѣ*—это люди на высотѣ почестей: судіи, правители, цари, властелины. Ибо есть судія праведный и есть судія неправедный; и праведный изъемлется изъ огня, а неправедный оставляется. А находящіеся *на селѣ,* то есть, въ мірѣ семъ, это земледѣльцы, люди необразованные и незначительные по роду и богатству, прославленные и не прославленные, и одни праведные, а другіе неправедные. И праведные поемлются, а неправедные оставляются въ огнѣ. *Мелющія* же—это все множество женъ, а въ частности и души, принявшія на себя рабское иго и окончившія жизнь въ немощи. Ибо есть жены праведныя и неправедныя, есть и рабы праведные и неправедные. Есть и немоществующіе праведные, каковы Іовъ и Лазарь, а также и неправедные, каковы Каинъ и Гіезій. Посему говоритъ: *два будета на одрѣ* (Лук. XVII, 35), означая ихъ немощь. Праведные поемлются, а неправедные оставляются. Какъ поемлются праведные, пусть скажетъ сіе Павелъ: *живущіи* о Господѣ *восхищени будутъ на облацѣхъ на воздухъ и всегда съ Господомъ будутъ* (1 Солун. IV, 17). Какъ оставляются неправедные? Ангелы *соберутъ избранныя отъ четырехъ вѣтръ* (Матѳ. XXIV, 31), а не-

честивыхъ сожгутъ *огнемъ неугасающимъ* (Матѳ. III, 12).

Не предполагай, что неугасимый огнь мученія будетъ отъ дровъ, и что распалять его будутъ какіе либо приставники, какъ думаютъ пустословящіе въ народѣ. Но обрати взоръ на Содомъ и посмотри на пещь, въ которой нѣтъ дровъ. Представь себѣ окаменѣніе жены, и подивись огненному прещенію. Вмѣстѣ были тогда Лотъ и жена и двѣ дочери, но Лотъ съ дочерьми не истребленъ огнемъ, а жена не избѣгла огненнаго прещенія. Судъ Божій предоставилъ каждаго собственному его жребію. Такъ и на судѣ. Праведные поемлются, какъ Лотъ, а неправедные оставляются, какъ жена его (ч. III, стр. 292—293).

Преподовнаго Исидора Пелусіота толкованіе на слова: *въ нощь сію будета двѣ мелющѣ* (Матѳ. XXIV, 41).

Чинами Ангельскими и ликомъ Апостоловъ судятся человѣческія предначертанія, потому что отъ первыхъ отлученъ ихъ предстоятель, а отъ послѣднихъ—предатель. То же самое, какъ найдешь, совершается и нынѣ: одни напрягаютъ силы и пребываютъ во бдѣніи, другіе же разслабѣваютъ отъ лѣности и нерадѣнія; изъ нихъ-то, когда Господь приходитъ во славѣ Своей, одни поемлются, другіе оставляются.

О томъ же.

Въ сказанномъ: будутъ *двѣ мелющѣ* въ одномъ жерновѣ,—*едина поемлется, и едина оставляется*,—подъ жерновомъ разумѣй коловратность настоящей жизни, которая, ни на минуту не останавливаясь, течетъ мимо насъ и со скоростью жернова все измѣняетъ, а подъ двумя мелющими—какъ-бы различіе жизни въ одномъ и томъ же дѣлѣ, или чинѣ, въ подвижничествѣ ли то, или дѣвствѣ, или воздержаніи, или цѣломудріи, или страннолюбіи, или вѣрѣ; такъ какъ многіе посвящаютъ себя на это, но не всѣ съ одинаковымъ намѣреніемъ: одни преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ ради будущаго воздаянія, а другіе добродѣтельны напоказъ. И послѣдніе воспріемлютъ награду свою въ здѣшнихъ похвалахъ и оставляются при жерновѣ, а первые поемлются (ч. I, стр. 167—168).

Мысли еп. Ѳеофана на ст. 42-й.

Бдите, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ (Матѳ. XXIV, 42). Если бъ это помнилось, не было бы и грѣшниковъ; а между тѣмъ, не помнится, хоть и всякій знаетъ, что это несомнѣнно вѣрно. Даже подвижники, самые строгіе, и тѣ не сильны были свободно держать память объ этомъ, а ухитрялись прикрѣплять ее къ сознанію, такъ, чтобъ она не отходила: кто гробъ держалъ въ келліи, кто упрашивалъ сотоварищей своихъ по подвигу спрашивать его о гробѣ и могилѣ, кто держалъ картинки смерти и суда, кто еще какъ. Не касается души смерть, она и не помнитъ ее. Но всячески, не можетъ же не касаться души то, что тотчасъ слѣдуетъ за смертію; ужъ объ этомъ-то она не можетъ не имѣть заботы, такъ какъ тутъ рѣшеніе ея участи на вѣки вѣчные. Отчего жъ этого-то она не помнитъ? сама себя обманываетъ, что не скоро, и что авось какъ-нибудь дѣло пройдетъ не худо для насъ. Горькая! То ужъ несомнѣнно, что которая душа держитъ такія мысли, та нерадива и поблажаетъ себѣ, — такъ какъ же думать, чтобъ дѣло суда прошло для нея благопріятно? Нѣтъ,—надо такъ себя держать, какъ держитъ ученикъ, которому предстоитъ экзаменъ: что ни дѣлаетъ онъ, а экзаменъ нейдетъ изъ

головы; такое памятованіе не дозволяетъ ему и минуты понапрасну тратить, а все время употребляетъ онъ на приготовленіе къ экзамену. Когда бы и намъ такъ настроиться! (стр. 265—267.)

Мысли еп. Θеофана на 6 ст. XXI гл. Луки.

Ученики указывали Господу на красоту зданія и утварей храма; а Онъ сказалъ: *пріидутъ дніе, въ няже не останетъ камень на камени, иже не разорится.* Это подпись всему красному міра сего. На видъ кажется прочно и вѣковѣчно; но день—другой, смотришь, какъ ничего не бывало: и красота увядаетъ, и силы истощаются, и слава меркнетъ, и умы изживаются, и одежда изнашивается. Все въ себѣ самомъ носитъ силу разрушительную, которая не лежитъ, какъ сѣмя неразвитое, а состоитъ въ непрестанномъ дѣйствіи, и все течетъ къ своему концу. *Преходитъ образъ міра сего. Убо образомъ ходитъ человѣкъ, сокровиществуетъ и не вѣсть, кому соберетъ я.* А мы все суетимся, все хлопочемъ, и хлопочемъ, и хлопотамъ нашимъ конца нѣтъ. Встрѣчаемъ кругомъ себя постоянные уроки, а все свое,—словно слѣпы и ничего не видимъ. Да и правду сказать, что слѣпы, или ослѣплены: и себѣ, и ничему окружающему насъ и владѣемому нами, конца не чаемъ. И что еще? Обставившись, какъ намъ представляется, хорошо, увѣрены, что стоимъ твердо, какъ на утесѣ; тогда какъ положеніе наше скорѣе похоже на то, какъ если бы мы стояли на трясинѣ; вотъ-вотъ провалимся. Но не чуемъ этого, и предаемся безпечному наслажденію текущимъ, какъ будто всегда имѣющимъ пребывать. Помолимся же, да откроетъ Господь умныя очи наши, и да узримъ все, не какъ оно кажется, а какъ оно есть (Мысли на каждый день года, стр. 449—450).

Родъ премудрости послѣдователей Іисуса Христа (Лук. XXI, 13—15).

(*Филарета, митрополита Московскаго.*)

Прилучится же вамъ во свидѣтельство. Положите убо на сердцахъ вашихъ, не прежде поучатися отвѣщавати: Азъ бо дамъ вамъ уста и премудрость (Лук. XXI, 13—15). Чтобы трудная встрѣча съ бѣдствіями не сдѣлалась сугубо трудною отъ ихъ нечаянности, Христосъ Спаситель предварилъ объ нихъ Своихъ послѣдователей: *возложатъ на вы руки своя и ижденутъ, предающе на сонмища и темницы, ведомы къ царемъ и владыкамъ, имене Моего ради;* и присовокупилъ: *прилучится же вамъ во свидѣтельство.* То есть, гоненія за вѣру должны привести васъ къ тому, чтобы *засвидѣтельствовать.* О чемъ?—Очевидно, о истинѣ вѣры Христовой, о Божественной силѣ Христовой. Замѣтимъ, что изъ сего изрѣченія Христова древнею Церковію заимствовано наименованіе *свидѣтеля,* для означенія *мученика,* такъ что на Греческомъ языкѣ *мученикъ* не иначе называется, какъ *свидѣтелемъ.* Можно догадаться, что для свидѣтельствованія о Христѣ посреди сонмищъ Іудейскихъ, вооруженныхъ закономъ и преданіями, и предъ лицемъ царей и владыкъ языческихъ, дѣйствующихъ лжемудрованіемъ, лестью, силою и яростью, потребна была не малая мудрость. Но на что догадка?—Сіе видно изъ продолженія слова Христова: *положите убо на сердцахъ вашихъ, не прежде поучатися отвѣщавати: Азъ бо дамъ вамъ уста и премудрость, ейже не возмогутъ противитися или отъяцати вси противляющіися вамъ.* Что Христосъ Спаситель обѣщалъ, то, безъ сомнѣнія, и дѣломъ исполнилъ. Итакъ Онъ муче-

никамъ далъ, и они имѣютъ *премудрость*, побѣдоносную надъ всѣмъ, что̀ ей противоборствуетъ.

Но что̀ за родъ премудрости у мучениковъ? Какой составъ ея? Ка́къ опредѣлить ее?—Книга Премудрости изображаетъ премудрость слѣдующими главными чертами: *цѣломудрію и разуму учитъ, правдѣ и мужеству, ихже потребнѣе ничтоже есть въ житіи человѣкомъ* (Премудр. VIII, 7). И вотъ черты премудрости, которыя прекрасно и величественно свѣтятъ въ словахъ, дѣяніяхъ и страданіяхъ мучениковъ христіанскихъ.

Не высокій ли *разумъ* или благоразсужденіе является у нихъ, когда они, вопреки наслѣдственнымъ предразсудкамъ, уразумѣли нелѣпость многобожія, познали единаго истиннаго Бога, усмотрѣли неудовлетворительность внѣшняго Іудейскаго закона, открыли потребность благодати Христовой и ея Божественную силу и дѣйствительность?

Ка́къ совершенно ихъ *цѣломудріе* или воздержаніе, когда они отреклись не только отъ всѣхъ страстныхъ чувственныхъ удовольствій, но большею частью и отъ невинныхъ; и не только не искали удовольствій, но рѣшались на жесточайшія страданія, чтобы сохранить чистыми мысль, совѣсть, сердце, душу и тѣло!

Какъ строга ихъ правда или праведность, когда словомъ: «я не христіанинъ», или даже однимъ молчаніемъ, они могли бы избавиться отъ страданій и смерти, но они не хотѣли ослабить правды ниже словомъ, ниже молчаніемъ; или когда, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, которому вложили въ руку ѳиміамъ и насильно наднесли ее на языческій алтарь, допустилъ жечь сію руку, но не разжалъ перстовъ, чтобы ѳиміамъ не упалъ на алтарь, что̀ удовлетворило бы истязателей и избавило бы его отъ мученія;—или, когда, перенося несправедливыя и жестокія оскорбленія, лишенія, истязанія, не только не помышляли они объ отмщеніи, но и оказывали гражданской и государственной власти гонителей точное повиновеніе во всемъ, что̀ не противно закону Божію и нравственному!

Какъ величественно ихъ мужество, когда язычество сражалось съ ними угрозами, хуленіями, бичами, разными орудіями пытки, огнемъ, раскаленнымъ желѣзомъ, кипящимъ масломъ, мечемъ, но побѣда доставалась никого не уязвляющему оружію вѣры и любви Божіей и терпѣнія;—когда, напримѣръ, святый Лаврентій, лежа однимъ бокомъ на раскаленной сковрадѣ, сказалъ мучителямъ: «сожжено; оборотите на другой бокъ»;—или когда святый Іаковъ Персіанинъ, которому отсѣкали члены одинъ за другимъ, при отсѣченіи каждаго члена произносилъ славословіе Богу, какъ свойственно побѣдителю!

Жребій мученичества не для всѣхъ; но мученическая мудрость не для однихъ мучениковъ. Она спасла и прославила ихъ и свѣтитъ всѣмъ на пути истины и спасенія (Изъ слова въ храмѣ святой мученицы Татіаны, при Московскомъ университетѣ, (т. III-й, стр. 96—98).

Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша (Лук. XXI, 19).

Совѣтъ ли это, или повелѣніе?—Ка́къ примешь: совѣтъ, если захочешь слушать охотно, съ любовью; повелѣніе, когда имѣешь слухъ слабый и тугой. Впрочемъ, совѣтъ ли это, повелѣніе ли, только это непремѣнно должно выполнить.

«Стяжать душу?... Но развѣ мы безъ души».

Видно что та́къ! у каждаго изъ насъ есть душа, но не такая, какой быть

должно. Истинной души человѣческой во многихъ нѣтъ. Есть ли душа у завоевателя, когда онъ, для удовлетворенія пустымъ видамъ своей гордости, проливаетъ рѣки крови, предаетъ огню города и села? Есть ли душа у скупца, который, имѣя у себя милліоны, проходитъ мимо больного нищаго, не подавъ ему ни копѣйки? Какая душа у сластолюбца, когда онъ, предавшись скотскимъ удовольствіямъ, сдѣлался весь плотію и кровію?

Итакъ, надобно стяжать душу, то есть, пріобрѣсти ее и купить.

Но развѣ душа продается? гдѣ, у кого и какъ?—

Собственно въ одномъ мѣстѣ, у Бога. Онъ одинъ можетъ дать намъ сердце новое, умъ новый и новую душу. Почему тѣ, кои стяжали душу, и называются *новою тварію, созданною по Богѣ въ правдѣ и преподобіи истины, созданными во Христѣ на дѣла благая.*

У одного Бога можно стяжать душу;—но чтобы намъ удобнѣе было стяжевать ее, когда только захотимъ, то Господь открылъ намъ возможность къ тому по разнымъ, ближайшимъ къ намъ, мѣстамъ. Душу стяжевать можно вездѣ: во храмѣ и на торжищѣ, въ больницѣ и темницахъ, изъ рукъ пастырей и нищихъ, изъ рукъ друзей и враговъ нашихъ.

Поступать въ семъ случаѣ, какъ показываетъ выраженіе Спасителя, надобно подобно тому, какъ мы поступаемъ въ пріобрѣтеніи земныхъ сокровищъ.

Какъ поступаетъ желающій обогатиться?—Онъ не тратитъ напрасно времени; одно у него на умѣ и сердцѣ: какъ-бы пріобрѣсти что-нибудь. Благопріятные случаи къ тому, времена и мѣста ему всѣ извѣстны; и онъ не пропуститъ ни одного.

Подобно сему должно поступать и въ стяжаніи души. Ты узналъ, что тамъ-то живетъ безпомощное семейство; спѣши туда съ помощью: тамъ можно пріобрѣсти душу; тебя обидѣли напрасно, чувствительно; не мсти, а воздай любовью,—этимъ стяжешь свою душу. Такимъ образомъ нынѣ пріобрѣтешь одну, завтра другую добродѣтель; а добродѣтели суть члены, изъ коихъ составляется истинный образъ души человѣческой.

Все это, явно, требуетъ терпѣнія. Безъ терпѣнія нельзя разбогатѣть и въ земномъ отношеніи, кольми паче въ духовномъ. Чѣмъ выше вещь, тѣмъ дороже; а чѣмъ дороже, тѣмъ труднѣе пріобрѣтается. Поелику же душа дороже всего міра, то—*въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша!*—(Воскр. Чт., г. I, стр. 295—296.)

Толкованіе на XXI гл. 24 ст. Луки.

(Леонтія, архіеп. Варшавскаго.)

Господь сказалъ: *Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ* (Лук. XXI, 24). Вотъ гдѣ заключается и рѣшается дальнѣйшая судьба Іерусалима и вообще Святой земли! Долго она находилась и теперь давно находится подъ владычествомъ мусульманъ, поклонниковъ Магомета. Христіанскіе государи заботились объ освобожденіи святаго града и всей Палестины отъ владычества невѣрныхъ, отъ ига мусульманскаго; но заботы ихъ, надежды ихъ не оправдались. Такъ называемые крестоносцы завоевали Святую Землю, но христіанское царство Іерусалимское недолго устояло и пало предъ оружіемъ Турокъ, какъ-бы въ доказательство, что царства земныя созидаются и разрушаются не по расчетамъ человѣческимъ, а по волѣ Божіей. Западные крестоносцы, подъ знаменемъ Римскаго

католицизма, оказались по своимъ дѣйствіямъ недостойными обладать Святою Землею, желая искоренить тамъ древнее Православіе, которое хранится тамъ неповрежденнымъ, при окружающемъ его невѣріи и нечестіи, впродолженіе вѣковъ въ чистотѣ. Неоднократно и Россія желала освобожденія христіанъ отъ владычества Турецкаго; неоднократные походы Русскихъ воиновъ со временъ Петра I не достигли вполнѣ цѣли, хотя время отъ времени ослабляли силу мусульманскую. Еще недавно, около 12 лѣтъ тому назадъ, Русскіе стояли, можно сказать, у самыхъ вратъ Константинополя, центра Турецкаго владычества и, кажется, могли безпрепятственно достигнуть прекращенія власти, тяжелой для христіанскаго сердца. Но вышло иное, противъ ожиданій человѣческихъ. Объясняйте это, какъ хотите,—а вѣрно одно: *не у пріиде часъ* (Іоан. II, 4), назначенный Промысломъ Божіимъ для освобожденія дорогой всѣмъ христіанамъ земли. Доколѣ же, Господи? Когда настанетъ этотъ часъ? Отвѣтъ готовъ ясный: *дондеже скончаются времена языкъ* (Лук. XXI, 24), т. е. когда войдетъ въ Царство Христово полное число язычниковъ (Римлян. XI, 25 и д.). Когда же? Это извѣстно единому Богу. Намъ остается только благоговѣть предъ судьбами Божіими и въ терпѣніи ожидать исполненія Божественныхъ предопредѣленій, для насъ недовѣдомыхъ, скоро ли, или еще нескоро онѣ исполнятся (изъ слова въ нед. Ваій. Слова и рѣчи, т. I, стр. 204—205).

О значеніи скорбей въ жизни человѣка (Лук. XXI, 31).

Егда узрите сія бывающа, вѣдите, яко близъ есть Царствіе Божіе (Лук. XXI, 31). Представивъ картину бѣдствій, имѣющихъ постигнуть родъ человѣческій предъ концемъ міра, Спаситель заключаетъ: *егда узрите сія бывающа, вѣдите, яко близъ есть Царствіе Божіе.* Не тѣ ли же признаки приближенія Царствія Божія и къ каждому человѣку въ частности, еще прежде предсказаннаго Спасителемъ времени? Бѣдствія и страданія, на кои такъ мадушно иногда смотритъ человѣкъ, не возвѣщаютъ ли душѣ о скоромъ воцареніи въ ней Христа Спасителя, если только она, подобно мудрымъ дѣвамъ, встрѣтитъ Его, надлежащимъ образомъ приготовленная? По большей части скорби, и самыя тяжкія, поражаютъ тѣхъ, въ коихъ Господь находитъ довольно силъ къ перенесенію ихъ и много добрыхъ дѣлъ, достойныхъ того богатаго воздаянія, какое всегда слѣдуетъ за испытаніемъ. Съ другой стороны, и діаволъ, предвидя скорое уничтоженіе своей власти надъ душею испытываемаго любовію Божіею, устремляетъ на нее всѣ свои стрѣлы, какъ устремитъ ихъ нѣкогда, въ послѣдніе дни міра, со всею яростью и ожесточеніемъ на остатокъ избранныхъ Божіихъ. И чѣмъ мужественнѣе душа будетъ стоять во искушеніи, тѣмъ ближе помощь свыше. Итакъ не должно ли назвать жалкимъ ослѣпленіемъ, что многіе изъ насъ не только не переносятъ терпѣливо постигающихъ несчастій, но еще ропщутъ на правосудіе и милосердіе Божіе? Нѣмымъ, но сильнымъ обличеніемъ для нихъ въ семъ случаѣ должна служить самая внѣшняя природа. Ибо и въ ней послѣ бурь и непогодъ всего естественнѣе ожидать ясныхъ дней, благораствореннаго воздуха, полнаго, торжественнаго веселія природы. И душа, послѣ скорбныхъ ощущеній, свѣтлѣетъ, умягчается, и чрезъ то дѣлается способнѣе къ сильнѣйшимъ впечатлѣніямъ радости. Тоже бываетъ и въ жизни благодатной. Радость спасенія не имѣ-

ла бы такого усладительнаго дѣйствія на душу, если бы она не была предварена и уготована тернистымъ путемъ искушеній. Итакъ, егда узрите тяготу несчастій, обрушившихся на васъ, вѣдите, яко близъ къ вамъ Царствіе Божіе! (Воскр. Чт., г. XI, стр. 100.)

Противъ невоздержанія (Лук. XXI, 34).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той (Лук. XXI, 34). Если настоящее назначеніе пищи и питія есть поддержаніе и возобновленіе тѣлеснаго состава, который непримѣтнымъ образомъ непрестанно снѣдаетъ тлѣніе; а вкусъ пищѣ и пріятность питію даны, какъ средства для сей цѣли; то каждый кусокъ пищи, сверхъ утоленія голода, снѣдаемый для вкуса, есть доля объяденія; каждый глотокъ питія, послѣ угашенія жажды и послѣ ободренія силъ, употребляемый для пріятности, принадлежитъ къ чашѣ піянства.

Что же суть наши столы, на которыхъ трудно перечесть различные роды пищи, трудно угадать ихъ составъ; трудно упомнить названія различныхъ родовъ питія? Не хитросплетенныя ли сѣти, которыя мы разставляемъ другъ другу, чтобы уловить въ объяденіе, хотя иногда очень тонкое, и въ піянство, хотя повидимому трезвое? И не примѣтишь, какъ перейдешь отъ ядѣнія къ объяденію, какъ простое употребленіе питія превратится въ піянство. Надобно прилежно смотрѣть за собою. Внемлите себѣ.

Восклонись, несчастный поклонникъ чрева, и если ты не можешь вдругъ выше себя вознести глазъ твоихъ, стань прямо предъ зеркаломъ и посмотри, не написанъ ли на самомъ тебѣ законъ противъ раболѣпства чреву? Не видишь ли, что выше чрева твоего есть грудь, въ которой живетъ сердце, желающее добра, чувствующее любовь; что надъ нею еще возвышается глава, въ которой царствуетъ умъ, созерцающій истину, разумъ мыслящій о вѣроятностяхъ; что подъ тою и другою, какъ-бы подъ небомъ и землею адъ, низвержено темное чрево, не умѣющее ни мыслить, ни желать? Много ли нужно проницанія, чтобы примѣтить, что оно не владычествовать должно надъ высшими областями, но быть въ служеніи, въ порабощеніи, въ презрѣніи? Если, напротивъ, ты стараешься болѣе и болѣе угождать чреву въ томъ, чего оно слѣпо требуетъ, для него желаешь, для него вымышляешь; то берегись, чтобы оно не сдѣлалось сильнѣе и выше головы, и своею безобразною тяжестью не стало стѣснять и подавлять благороднѣйшихъ дѣйствій ума и сердца. *Внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ.*

Подъ именемъ *сердца* Господь разумѣетъ вообще *внутренность* человѣка, что можно видѣть изъ Его собственнаго другого изрѣченія, въ которомъ Онъ сіи слова соединяетъ, изъясняя одно другимъ: *извнутрь бо,* глаголетъ, *отъ сердца человѣка исходятъ помышленія злая.* Итакъ, подъ именемъ сердца, какъ внутренности вообще, въ изрѣченіи Господнемъ разумѣть должно духовныя силы человѣка съ ихъ дѣйствіями и совершенствами, въ особенности разумъ, силу хотѣть и способность познавать. Смотрите, на что, наконецъ, можетъ обрушиться подавляющая тяжесть пресыщеннаго чрева. *Внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша.*

Пресыщеніемъ отягченное чрево, какъ

гиря, виситъ подъ крилами духа и тянетъ его къ землѣ, такъ что при всѣхъ усиліяхъ онъ болѣе бьется о землю, нежели возлетаетъ къ небу.

Ужаснымъ бѣдствіемъ угрожаетъ Господь чревоугодникамъ. *Найдетъ,* говоритъ, *на вы внезапу день той.* Какой день?—День, котораго только малый образъ, только предвѣщаніе показано было въ грозный день Содома,—день, который угрожаетъ не одному, или нѣсколькимъ роскошнымъ и сладострастнымъ городамъ, но цѣлой вселенной, который заставитъ *издыхать человѣковъ отъ страха и чаянія грядущихъ на вселенную.* Господь неоднократно внушаетъ намъ, что сей страшный день особенно нечаянно постигнетъ тѣхъ, которые преданы невоздержанію, роскоши, попеченію о выгодностяхъ и пріятностяхъ жизни. *Якоже бо,* говоритъ, *бѣху во дни прежде потопа, ядущи и піюще, женящеся и посягающе, до негоже дне внидѣ Ное въ ковчегъ: и не увѣдѣша, дондеже пріиде вода и взятъ вся: тако будетъ и пришествіе Сына Человѣческаго* (Матѳ. XXIV, 38—39). И еще говоритъ: *якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, піяху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: въ оньже день изыде Лотъ отъ Содомлянъ, одожди камыкъ горящь и огнь съ небесе и погуби вся: по томуже будетъ и въ день, въ оньже Сынъ Человѣческій явится* (Лук. XVII, 28, 30).

Поистинѣ, людямъ, которыхъ гортань отверзается не для того, чтобы воспѣвать славу Божію, или изрекать предъ Богомъ желанія сердца, но для того, чтобы, подобно гробу, поглощать и обращать въ тлѣніе все, что̀ лучшаго живетъ и растетъ на землѣ; которые проводятъ половину жизни въ трудѣ обременять свое чрево, а другую въ трудѣ влачить сіе бремя; у которыхъ вино волнуетъ кровь и отуманиваетъ голову:—гдѣ имъ помышлять о дѣлахъ небесныхъ, прозирать въ сокровенныя судьбы Божіи, вникать въ словеса пророческія, примѣчать знаменія временъ, стоять на стражѣ въ ожиданіи грядущаго Царствія Божія, которое совсѣмъ не про нихъ; поелику оно *не есть брашно и питіе?* (Изъ слова на сырной недѣлѣ, т. II-й, стр. 242—244.)

Мысли еп. Ѳеофана о томъ же.

Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той. *День той,* то есть, послѣдній день міра или каждаго изъ насъ приходитъ, какъ тать, и захватываетъ, какъ сѣть; потому и предписываетъ Господь: *бдите убо на всяко время молящеся.* А такъ какъ сытость и многозаботливость—первые враги бдѣнія и молитвы, то напередъ еще указано, чтобъ не допускать себя до отяжелѣнія пищею, питьемъ и печальми житейскими. Кто поѣлъ, попилъ, повеселился,—спать, выспался и опять за тоже,—у того какому быть бдѣнію? Кто и день и ночь занятъ однимъ житейскимъ, тому до молитвы ли? «Что-жъ, скажешь, дѣлать? Безъ пищи нельзя, и ее надо добыть. Вотъ и забота». Да Господь не сказалъ: не работай, не ѣшь, не пей, а *да не отягчатся* сердце ваше этимъ. Руками работай, а сердце держи свободнымъ; ѣсть—ѣшь, но не обременяй себя пищею; и вина выпей, когда нужно, но не допускай до возмущенія головы и сердца. Раздѣли внѣшнее твое отъ внутренняго, и послѣднее поставь дѣломъ жизни твоей, а первое придѣлкомъ; тамъ будь вниманіемъ и сердцемъ, а здѣсь только тѣломъ, руками, ногами и

глазами: *бди на всякое время молящеся,* да сподобишься небоязненно стать *предъ Сыномъ Человѣческимъ*. Чтобы сподобиться этого, надо здѣсь еще, въ жизни своей, установиться предъ Господомъ, а для сего одно средство—бодренная молитва въ сердцѣ, совершаемая умомъ. Кто такъ настроится—на того не найдетъ *день той* внезапно (Мысли на каждый день года, стр. 450—451).

Библіографическій указатель къ XXIV гл. Ев. Матѳея и парал.).

Святоотеческія толкованія:

1) *Св. Аѳанасія Александрійскаго.* О кончинѣ міра и пришествіи антихриста. Христ. Чт. 1828 г. XXXI. 115.

2) *Его же.* О второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа. Христ. Чт. 1832 г. XIV. 197. 1837 г. I. 237.

3) *Св. Кирилла Іерусалимскаго.* О кончинѣ міра и страшномъ судѣ. Воскр. Чт., г. XIII. 487—488.

4) *Препод. Нила Сорскаго.* О памятованіи страшнаго суда (Матѳ. XXIV, 29—32; XXV, 31...) Воскр. Чт., г. XVII. 433—435.

5) *Препод. Ефрема Сирина.* О второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа. Тв., ч. I. М. 1858 г. 332. О томъ же, ч. II. 356. 379, ч. III. 222. 229. 237.

6) *Блаж. Іеронима.* Какое значеніе имѣютъ слова: *горе не празднымъ и доящимъ въ тыя дни* (19—20). Тв. блаж. Іеронима въ Русск. перев., т. II. 610—612. О томъ же см. въ письмѣ къ Аспазіи. Христ. Чт. 1846 г. IV. 221—226.

7) *Препод. Исидора Пелусіота.* Что значатъ слова: *идѣже трупъ, тамъ соберутся орли* (28)? ч. I. 166.

8) *Его же. О двухъ мелющихъ* (41). Тамъ же. 167—168.

9) *Его же* на сказанное въ Писаніи: кто есть вѣрный рабъ и мудрый (45)? ч. II. 210—211; ч. III. 55—58.

Новѣйшія толкованія:

10) Талмудическій разсказъ о разореніи Іерусалима. Духовн. Бес. 1870 г. I. № 9, 10, 11, 12.

11) Разрушеніе Іерусалима и Іудейскаго царства, какъ доказательство Божественности христіанской религіи. Воскр. Чт., г. V. 170.

12) Ст. 24. *Архіеп. Иннокентія. Востанутъ лжехристи и дадятъ знаменія велія и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя.* Домашн. Бес. 1864 г. Вып. XX. 469—470.

13) Ст. 38—39. *И. Н.* Состояніе нравственной безпечности. Воскр. Чт., г. XXVI. II. 876—878.

14) Ст. 45—51. *С. С—каго.* Бесѣда священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ. Руков. для сел. п. 1865 г. III. 477—482.

15) *И. Красавицкаго.* Духовная дремота и сонъ при ожиданіи втораго пришествія Господня. Стран. 1865 г. Февр. 54.

16) *А. Серафимова.* Смыслъ Евангельскихъ и Апостольскихъ изрѣченій о близости кончины міра и воскресенія мертвыхъ. Руков. для сел. п. 1865 г. III. 197—212. 232—243.

17) *М. Шаврова.* Ожиданіе втораго пришествія во времена Апостоловъ. Духовн. Бес. 1860 г. IX. 161—184.

18) Послѣдняя судьба міра. Труд. Кіев. Д. Ак. 1869 г. IV. 143—164.

19) Елеонъ. Воскр. Чт., г. XVII. 61—65.

20) Къ ст. 43. Какъ Іудеи дѣлили день и ночь. Воскр. Чт. 1874 г. I. 117.

На XIII гл. Евангелиста Марка.

21) *Н. Елеонскаго.* Пророчественная рѣчь Іисуса Христа о разрушеніи Іерусалима и о кончинѣ міра (изъ ст. о Ев. Марка). Чт. въ Общ. люб. духовн. просв. 1873 г. Дек. 662—665.

22) Ст. 32. *Препод. Исидора Пелусіота* на слова: *о дни же томъ и часѣ никтоже вѣсть.* Ч. I. 79—80.

23) Ст. 32. *С. Соллертинскаго.* Экзегетическое толкованіе въ книгѣ пастырство Христа Спасителя. 293—294.

24) Ст. 33—37. Мысли *еп. Ѳеофана.* 34.

На XXI н. Евангелиста Луки.

25) Ст. 1—3. *Препод. Исидора Пелусіота* о ввергнувшей двѣ лепты, ч. III. 105—106.

26) Ст. 1. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О приношеніяхъ въ храмъ и о чувствахъ, которыя должны соединяться съ ними. IV. 529—536.

27) Ст. 17. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О причинахъ ненависти міра къ истиннымъ послѣдователямъ Христовымъ. Слово въ день святыхъ Апостоловъ Петра и Павла.

28) Ст. 17, 19. Мысли еп. Ѳеофана. 448—449.

29) Ст. 19. Назидательныя размышленія. Христ. Чт. 1827 г. XXV. 241—243.

30) Ст. 25—32. *Св. Григорія Двоеслова* о значеніяхъ кончины міра. Бес. на Евангелія въ перев. архим. Климента. I. 7.

31) Ст. 9—19. *Св. Григорія Двоеслова* о бѣдствіяхъ предъ кончиною міра. Тамъ же кн. II. 209.

32) Ст. 33. *А. В—а.* Вѣковѣчная сила ученія Іисуса Христа. Перев. съ Франц. Воскр. Чт. 1882 г. 365—368.

Притча о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ (Матѳ. XXV, 1—13).

Изъясненіе святаго Ефрема Сирина.

Пришествіе Жениха означаетъ день будущаго Христова пришествія; вышедшія во срѣтеніе дѣвы означаютъ всѣхъ достигшихъ конца.

Сонъ значитъ, что всѣ почившіе равны; смерть уравниваетъ всѣхъ, подвергая одинаковому тлѣнію.

Вопль, бывшій въ полунощи, пробудившій дѣвъ,—это гласъ воскресенія, который возгремитъ при концѣ и воскреситъ насъ.

Вопль былъ въ полунощи; это значитъ, что въ полночь придетъ Женихъ обручиться съ нами, какъ обыкновенно женихи ночью поемлютъ обрученныхъ своихъ.

И мудрыя и юродивыя востали вмѣстѣ, симъ показывается всякому, что востанутъ всѣ.

Пятью свѣтильниками, въ которыхъ оскудѣлъ елей, изображаются тѣ, которые скудны были милосердіемъ; и поелику сами не были милостивы,—не будутъ они помилованы на будущемъ судѣ.

Мудрыя не хотѣли продать елея юродивымъ; это ясно показываетъ намъ, что тамъ—не мѣсто молитвѣ о щедротахъ.

Сказанное въ отвѣтъ мудрыми: *еда како не достанетъ и намъ и вамъ*—даетъ разумѣть, что здѣшніе труды наши весьма малы въ сравненіи съ тамошнимъ воздаяніемъ.

Юродивыхъ посылаютъ купить елея, если только можно найти его; это показываетъ, что въ странѣ той получатъ помилованіе одни тѣ, которые сами были милостивы.

Женихъ пришелъ до возвращенія отшедшихъ; это показываетъ наше невѣдѣніе; ибо не знаемъ, когда пріидетъ Онъ.

Мудрыя вошли съ Женихомъ, и заключена за ними дверь; это—праведники, которые входятъ и упокоеваются въ мирной пристани.

Юродивыя остались за дверьми царства; это грѣшники, которые оставляются на землѣ, чтобы могли еще оправдаться.

Написано, что юродивыя взывали: «Господи, Господи нашъ!»—это выражаетъ надежду, что и согрѣшившихъ щедроты Божіи помилуютъ, можетъ быть, ради трудовъ ихъ; и потому самому, что осуждены они еще безъ изслѣдованія, могутъ надѣяться, что Милосердый не презритъ, можетъ быть, добрыхъ ихъ дѣлъ.

Женихъ на вопль ихъ отвѣчалъ имъ: *не вѣмъ*: это показываетъ, что Господь не пріемлетъ такой любви, которая не

соединена съ милосердіемъ къ Его возлюбленнымъ.

Не вѣмъ васъ—не знаю, кто вы, сказалъ Господь нашъ юродивымъ дѣвамъ;—это значитъ, что несовершенно то благоизволеніе, въ которомъ нѣтъ милосердія къ нуждающимся.

Дверь заключена для тѣхъ, которые остались внѣ и не вошли съ Женихомъ; это—горнее небо, которое, по Божію мановенію, будетъ заключено, какъ скоро войдутъ туда добрые.

Сіе мановеніе есть огнь, который искуситъ добрыхъ и злыхъ и пламенемъ любви Божіей разлучитъ праведниковъ съ нечестивыми.

Велико будетъ раздѣленіе между тѣми и другими, неизмѣримо разстояніе между высотою и глубиною.

Горняя обитель праведниковъ будетъ неизмѣримо выше всякой высоты, и глубина, куда низринутся грѣшники, будетъ глубже всякой глубины.

Зрѣлище свѣта прекраснѣе всякой красоты, и зрѣлище человѣка, отверженнаго Женихомъ, гнуснѣе всего, что̀ ни есть гнуснаго.

Ничто не сравнится съ славою сыновъ свѣта, и нѣтъ ничего подобнаго мраку сыновъ тьмы.

Свѣтлость и тьма да научатъ каждаго, какими дѣлами должно заниматься въ теченіе здѣшней жизни (Тв., ч. IV, стр. 600—602).

Въ чемъ состоитъ истинная мудрость? (Матѳ. XXV, 1—13.)

(*Филарета, Митроп. Московскаго.*)

Извѣстна вамъ Евангельская притча о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ. Она возбуждаетъ къ мудрости не какихъ либо избранныхъ подвижниковъ знанія, но всѣхъ насъ. И мудрыя и юродивыя дѣвы имѣли свѣтильники и свѣтъ. Чѣмъ же отличались и преимуществовали мудрыя? Тѣмъ, что сверхъ того имѣли елей въ сосудахъ для поддержанія свѣта. Свѣтъ свѣтильника есть знаніе ума; елей въ сосудѣ—любовь къ добру въ сердцѣ. Когда, по истощеніи временъ, отверзутся двери вѣчности и явится небесный Женихъ,—свѣтъ земного знанія угаснетъ вмѣстѣ съ земною жизнью и съ истлѣніемъ свѣтильни, то есть, преходящихъ предметовъ знанія. Но душа мудрая, которая благовременно наполняла свой духовный сосудъ живою и дѣятельною любовью, во-первыхъ, къ верховному добру, къ Богу и Христу, а послѣдовательно и ко всякому добру, помощью сего духовнаго елея воспламеняетъ и украшаетъ свой свѣтильникъ небеснымъ, неугасающимъ свѣтомъ, съ которымъ некоснѣющею и вѣрною стопою идетъ въ срѣтеніе Божественнаго Жениха Христа и пріемлется въ чертогъ вѣчной радости.

Любите свѣтъ; но не забывайте и елея, которымъ онъ питается. Любите знаніе и мудрость; но не забывайте и добродѣтели, которою живетъ мудрость и которая даже есть самая мудрость, какъ учитъ многоиспытанный мудрецъ Іовъ: *се благочестіе есть премудрость, а еже удалятися отъ зла, есть вѣдѣніе* (Іов. XXVIII, 28). (Изъ слова въ день тезоименитства Государя Императора. Т. III, стр. 233—234.)

Значеніе притчи о десяти дѣвахъ.

(*Еп. Θеофана.*)

Святый Макарій такъ изображаетъ смыслъ притчи: «мудрыя пять дѣвъ трезвясь, поспѣшивъ къ необычайному для своего естества, взявъ елей въ сосудѣ сердца своего, то есть, подаваемую свыше благодать Духа, возмогли войти съ Женихомъ въ небесный чертогъ. Другія же юродивыя дѣвы, оставшіяся при собственномъ своемъ естествѣ, не трезвились, не постарались, пока были еще во плоти, взять въ со-

суды свои елей радости, но, по нерадѣнію или по самомнѣнію о своей праведности, предались какъ-бы сну; за это и недопущены въ чертогъ царства, не возмогши благоугодить небесному Жениху. Удерживаясь мірскими узами и земною какъ-бы любовію, не посвятили онѣ небесному Жениху всей любви своей и приверженности и не принесли съ собою елея. А души, взыскавшія необычайно для естества святыни Духа, всею своею любовію привязаны къ Господу, съ Нимъ ходятъ, отъ всего отвращаясь, къ Нему устремляютъ молитвы и помышленія, за что и сподобились пріять елей небесной благодати. Души же, оставшіяся въ естествѣ своемъ, по землѣ пресмыкаются помысломъ, о землѣ помышляютъ, и умъ ихъ на землѣ имѣетъ жительство. Сами о себѣ думаютъ онѣ, что принадлежатъ Жениху и украшены плотскими оправданіями, но, не пріявъ елея радости, не возродились онѣ Духомъ свыше» (Мысли на каждый день года, стр. 137).

Притча о талантахъ (Матѳ. XXV, 14—30).

Изъясненіе блаженнаго Іеронима.

Человѣкъ нѣкій отходя, призва своя рабы и предаде имъ имѣніе свое, и овому убо даде пять талантъ, овому же два, овому же единъ, комуждо противу силы его, и отъиде абіе.

Этотъ, предавшій своимъ рабамъ имѣніе свое, человѣкъ есть Іисусъ Христосъ, Который, предъ вознесеніемъ Своимъ къ Отцу, предалъ Евангельское ученіе Своимъ Апостоламъ и соразмѣряетъ дарованія съ силами пріемлющихъ. А что въ наградѣ Онъ сравнялъ пріобрѣтшаго два таланта съ пріобрѣтшимъ десять; то это потому, что Господь цѣнитъ не количество добрыхъ дѣлъ нашихъ, но усердіе, съ коимъ мы дѣлаемъ оныя. Подъ именемъ пяти, двухъ и одного таланта надобно разумѣть или разные дары благодати, которые Господь сообщилъ намъ, или подъ именемъ первыхъ—наши пять чувствъ, подъ именемъ вторыхъ—разумѣніе и дѣла, а подъ именемъ третьяго—разумъ, коимъ мы отличаемся отъ животныхъ.

Шедъ же пріемый пять талантъ дѣла въ нихъ и сотвори другія пять талантъ; т. е. посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ пріобрѣлъ познаніе о небесныхъ предметахъ, уразумѣвъ изъ разсматриванія тварей свойства Творца, изъ разсматриванія тѣлесныхъ, видимыхъ и временныхъ—предметы духовные, невидимые и вѣчные.

Такожде и иже два, пріобрѣте и той другая два.

Подобнымъ образомъ и сей, что узналъ, по мѣрѣ силъ, изъ закона, усугубилъ чрезъ Евангеліе или уразумѣлъ, что дѣла и вѣдѣніе настоящей жизни суть прообразы будущаго блаженства.

Пріемый же единъ, шедъ вкопа его въ землю и скры сребро господина своего.

Непотребный же рабъ презрѣлъ заповѣди Господни, потому что былъ преданъ земнымъ дѣламъ и мірскимъ удовольствіямъ. У Евангелиста Луки говорится, что онъ, сребро господина положа въ убрусѣ (Лук. XIX, 20), т. е. живя сладострастно и роскошно, содѣлалъ безплоднымъ ученіе Господа.

По мнозѣ же времени пріиде господинъ рабъ тѣхъ и стязася съ ними о словеси.

Много времени пройдетъ между вознесеніемъ Господнимъ и днемъ втораго Его пришествія. Но если самые Апостолы дадутъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ, то что будетъ съ нами?

И приступль пять талантъ пріемый, принесе другія пять талантъ, глаголя: господи, пять талантъ ми еси предалъ, се другія пять талантъ

пріобрѣтохъ ими. Рече же ему господь его: добрѣ, рабе благій и вѣрный: о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость господа твоего. Приступль же и иже два таланта пріемый, рече: господи, два таланта ми еси предалъ: се другая два таланта пріобрѣтохъ има. Рече же ему господь его: добрѣ, рабе, благій и вѣрный: о малѣ былъ еси мнѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость господа твоего.

Надобно замѣтить, что блага настоящей жизни, какъ-бы они ни казались велики и многочисленны, въ сравненіи съ благами будущими малозначительны. Господинъ обоимъ симъ рабамъ сказалъ одно: вниди въ радость господа твоего, т. е. получи то, чего око не видало, ухо не слыхало, и что̀ не восходило на сердце человѣку. Для вѣрнаго раба болѣе сей, не можетъ быть другой награды, потому что быть съ Господомъ и видѣть радость Господа Самого есть самая высшая награда.

Приступль же и пріемый единъ таланть, рече: господи, вѣдяхъ тя, яко жестокъ еси человѣкъ, жнеши, идѣже не сѣялъ еси, и собираеши, идѣже не расточилъ еси. И убоявся, шедъ скрыхъ талантъ твой въ земли: и се имаши твое.

Справедливо Давидъ молилъ Господа *не уклонить сердце* его *въ словеса лукавствія непщевати вины о грѣсѣхъ* (Псал. CXL, 4). Ибо что̀ сдѣлалъ этотъ рабъ, думая оправдать свою лѣность и небреженіе? Впалъ въ гордость. Ему просто надобно бы было признаться въ своемъ нерадѣніи и просить господина о помилованіи; но онъ сталъ клеветать на него и доказывать, что благоразумно сдѣлалъ, скрывъ сребро своего господина, побоявшись, чтобы оно не пропало, если пустится въ оборотъ.

Отвѣщавъ же господь его рече ему: лукавый рабе и лѣнивый, вѣдѣлъ еси, яко жну, идѣже не сѣяхъ, и собираю, идѣже не расточихъ. Подобаше убо тебѣ вдати сребро мое торжникомъ: и пришедъ азъ взялъ бых̀ свое съ лихвою. Возьмите убо отъ него талантъ и дадите имущему десять талантъ.

Итакъ сему рабу обратилось въ вину то самое, чѣмъ онъ думалъ оправдаться. Господь назвалъ его лукавымъ рабомъ, потому что онъ клеветалъ на Господа; лѣнивымъ, потому что не хотѣлъ усугубить даннаго ему таланта. «Если ты зналъ, говоритъ ему, мою жестокость и что я чужое взыскиваю и жну тамъ гдѣ не сѣялъ; то это самое должно было убѣдить тебя въ томъ, что я тѣмъ строже взыскалъ бы свое, если бы ты отдалъ сребро мое торжникамъ». Подъ именемъ сребра здѣсь разумѣется Евангельское ученіе, какъ это видно изъ словъ псалмопѣвца, который словеса Господни называетъ сребромъ разжженнымъ, искушеннымъ и очищеннымъ седмерицею (Псал. XI, 7); а подъ именемъ торговцевъ разумѣются или учители церковные, пресвитеры и епископы, которымъ Апостолы заповѣдали учить народъ, или всѣ вѣрующіе, которые могутъ это сребро Господне умножить и возвратить съ прибылью, исполнивъ самымъ дѣломъ то, чему научены. Взятый отъ лѣниваго раба талантъ отдается представившему десять талантовъ. Это показываетъ, что бо́льшую награду заслуживаетъ болѣе трудившійся. Та́къ и Апостолъ говоритъ: *пріемлющіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тимоѳ. V, 7).

Имущему всегда дано будетъ, отъ неимущаго же, и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него.

Эти слова значатъ, что люди, имѣющіе отъ природы отличныя дарованія, лишаются естественнаго блага, если они лѣнивы, нерадѣтельностью повреждаютъ

свои дарованія, и обѣщанная имъ награда переходитъ къ такимъ людямъ, кои хотя меньшія въ сравненіи съ ними получили отъ природы дарованія, но естественный недостатокъ вознаградили трудомъ и стараніемъ.

Можно ихъ итакъ понимать: человѣкъ, имѣющій вѣру и усердіе благоугодить Господу, получаетъ отъ Господа и силы самымъ дѣломъ исполнять свое желаніе; а кто не имѣетъ вѣры, тотъ и прочія добродѣтели, какія, повидимому, имѣлъ по естеству, потеряетъ.

И неключимаго раба вверзите во тму кромѣшную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ. Господь есть свѣтъ; посему, кто посылается прочь отъ Него, тотъ лишается свѣта (Воскр. Чт., г. XVIII, стр. 221—223).

Вопросъ и отвѣтъ Василія Великаго на 15 ст.

Что̀ такое талантъ, и ка́къ намъ пріумножать его? (Матѳ. XXV, 15.)

Думаю, что притча сказана о всякомъ дарѣ Божіемъ, чтобы всякій, какую бы благодать отъ Бога получать ни удостоился, пріумножалъ ее, обращая въ благодѣяніе и въ пользу многихъ; потому что никто не лишенъ части въ Божіей благодати (ч. V, стр. 336).

Святаго Ефрема Сирина на слова: «*имущему дано будетъ и преизбудетъ*».

Написано: *имущему дано будетъ и преизбудетъ: отъ неимущаго же, и еже мнится имѣти, взято будетъ отъ него* (Матѳ. XXV, 29). *Что убо речемъ? Еда неправда у Бога? да не будетъ* (Римлян. IX, 14).

Выслушай на сіе притчу. Въ нѣкоторой сторонѣ былъ владѣтель дома, у котораго были два раба и три пары воловъ; и онъ далъ одному рабу двѣ пары воловъ, а другому одну, и сказалъ имъ: «пойдите, работайте, пока не приду къ вамъ». Получившій двѣ пары пошелъ, работалъ на волахъ, и самъ весьма разбогатѣлъ и воловъ откормилъ на удивленіе. А получившій одну пару пошелъ, привязалъ воловъ къ яслямъ, и вовсе ни на что̀ не употреблялъ ихъ, самъ же легъ и уснулъ. Потомъ приходитъ господинъ рабовъ тѣхъ посмотрѣть на работы ихъ.

И увидѣвъ работу и прибытокъ получившаго двѣ пары, благословилъ его. Послѣ того приходитъ и къ другому рабу и находитъ его спящимъ, а воловъ привязанными къ яслямъ и истомленными отъ голода и жажды. И когда господинъ раба сего увидѣлъ, что онъ ничего не дѣлалъ, а волы истомлены, тогда сказалъ самъ въ себѣ: «если оставлю воловъ своихъ у этого лѣниваго раба, погубитъ онъ ихъ; поэтому отниму у него воловъ своихъ и отдамъ хорошо работавшему и радѣвшему о дѣлѣ своемъ»: *имущему бо вездѣ дано будетъ, и преизбудетъ: отъ неимущаго же, и еже мнится имѣти, взято будетъ отъ него.*

И Господь также говоритъ: «Я, по благости, призвалъ его и далъ ему возможность, чтобы, дѣлая доброе, пріобрѣлъ онъ жизнь вѣчную: онъ же уничижилъ Меня; за то и самъ будетъ лишенъ чести». *И человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 13). *И не восхотѣ благословенія, и удалится отъ него* (Псал. CVIII, 17). За что̀ же именно? За то, что *не восхотѣ разумѣти, еже ублажити. Беззаконіе помысли на ложи своемъ: предста всякому пути неблагу, о злобѣ же не негодова* (Псал. XXXV, 4—5). *Еда неправда у Бога? да не будетъ.* (Тв. св. Ефрема Сирина. М. 1859 г., ч. II, стр. 199—200.)

Значеніе притчи о талантахъ.

(*Филарета, митроп. Московскаго.*)

Человѣкъ нѣкій, отходя призва своя рабы и предаде имъ имѣніе свое: и овому убо даде пять талантъ, овому же два, овому же единъ, комуждо противу силы его (Матѳ. XXV, 14—15). Продолженіе извѣстно: получившіе болѣе полученное умножили дѣланіемъ и оборотомъ и пріобрѣли новое благоволеніе господина своего; а получившій одинъ талантъ закопалъ его въ землю, и за лукавство и лѣность лишился послѣдняго и подвергся тяжкому осужденію. *Человѣкъ* въ сей притчѣ означаетъ Бога Творца и Промыслителя, Который *рабамъ* Своимъ, то есть, всѣмъ человѣкамъ даетъ различные дары, естественные и благодатные, внутренніе и внѣшніе, въ особенности же Богочеловѣка Христа, Который, *отходя* отъ земли на небо, *восшедъ на высоту, даде даянія человѣкомъ* (Ефес. IV, 18), какъ-то: дары Святаго Духа, Евангеліе, таинства и вообще *вся Божественныя силы яже къ животу и благочестію* (2 Петр. I, 3). Сіи различные таланты даются намъ, по притчѣ, *комуждо противу силы его,* а по изъясненію Апостола, *по мѣрѣ дарованія Христова,* то есть, вполнѣ удовлетворительно для потребностей нашей жизни, которыя предвѣдѣніе Божіе опредѣляетъ, а щедрота Его наполняетъ. Смотрите же. Правда, что все зависитъ отъ дарованныхъ талантовъ, безъ которыхъ рабы какъ были, такъ и остались бы ни съ чѣмъ. Но не одно полученіе талантовъ, а дѣланіе и приращеніе вводитъ въ радость Господа. И удивительно, что тѣ, которые болѣе имѣютъ, болѣе стараются пріобрѣтать; а получившій менѣе совсѣмъ не старается. Не указываетъ ли сіе на насъ, которые часто говоримъ, что мы не Апостолы, не святые, не праведные, не имѣемъ ихъ благодати, и тѣмъ думаемъ извинить у себя недостатокъ подвиговъ и добродѣтелей? Не тоже ли это, какъ если бы мы сказали: пусть получившіе пять или два таланта трудятся, чтобъ пріобрѣсть другіе пять или два; мы получили одинъ, и потому намъ позволительно меньше заботиться; довольно, если возвратимъ полученный. Но Божественный Раздаятель не попуститъ, чтобы даръ Его былъ расточенъ безвозмездно и чтобы подъ личиною немощи укрылись лукавство и лѣность, но, наконецъ, отыметъ пренебреженный даръ и неключимому рабу оставитъ только тьму кромѣшную (изъ Слова въ день рожденія Государя, т. II-й, стр. 153—154.)

Мысли еп. Ѳеофана о томъ же.

Притча о талантахъ даетъ мысль, что жизнь есть время торга. Надо, значитъ, спѣшить воспользоваться этимъ временемъ, какъ на торгу всякій спѣшитъ выторговать, что̀ можетъ. Хоть только лапти кто привезъ, или лыко, и тотъ не сидитъ сложа руки, но ухищряется зазвать покупателей, чтобъ продать свое и купить потомъ себѣ нужное. Изъ получившихъ отъ Господа жизнь никто не можетъ сказать, что у него нѣтъ ни одного таланта: всякій имѣетъ что-нибудь, да не одно еще: всякому, стало быть, есть чѣмъ торговать и дѣлать прибытокъ. Не озирайся по сторонамъ и не считай, что̀ получили другіе, а къ себѣ присмотрись хорошенько и поточнѣе опредѣли, что̀ въ тебѣ есть и что̀ можешь пріобрѣсть на то, что̀ имѣешь, и потомъ дѣйствуй по этому плану безъ лѣности. На судѣ не будутъ спрашивать, почему не пріобрѣлъ ты десять талантовъ, когда имѣлъ только одинъ, и даже не спросятъ, почему ты на свой одинъ талантъ пріобрѣлъ только одинъ, а скажутъ: что

ты пріобрѣлъ—талантъ, полталанта, или десятую часть его? И награда будетъ не потому, что̀ ты получилъ, а потому, что̀ пріобрѣлъ. Ничѣмъ нельзя будетъ оправдаться—ни не знатностью. ни бѣдностью, ни необразованностью. Когда этого не дано, и спроса о томъ не будетъ. Но у тебя были руки и ноги: скажи же, спросятъ, что̀ ты пріобрѣлъ ими? Былъ языкъ: что̀ имъ пріобрѣлъ? Такъ-то на судѣ Божіемъ уравнивается неравенство земныхъ состояній (стр. 318).

Жизнь по закону внѣшняго долга и по закону нравственности христіанской (Матѳ. XXV, 24—25).

(Д. Богольпова.)

Приступль же и пріемый единъ талантъ, рече: Господи! вѣдяхъ тя, яко жестокъ еси человѣкъ, жнеши, идѣже не сѣялъ еси, и собираеши, идѣже не расточилъ еси: и убоявся, шедъ скрыхъ талантъ твой въ земли: и се имаши твое (Матѳ. XXV, 24—25). Однажды Іисусъ Христосъ предложилъ ученикамъ Своимъ слѣдующую притчу:

Нѣкоторый человѣкъ, богатый собственникъ, отправляясь въ чужую далекую страну, призвалъ къ себѣ рабовъ своихъ и вручилъ одному пять талантовъ серебра, другому два, третьему одинъ, съ тѣмъ, чтобы они во время его отсутствія торговали на его счетъ, а потомъ, когда онъ возвратился въ домъ свой, отдали ему какъ довѣренный имъ капиталъ, и извѣстное количество процентовъ на него. Раздавъ рабамъ, каждому сообразно съ его силами, деньги, господинъ удалился. По долгомъ же времени онъ возвратился и потребовалъ отъ рабовъ своихъ отчета. И вотъ оказалось, что первые два раба, изъ которыхъ одинъ получилъ пять, а другой два таланта, пріумножили довѣренный имъ капиталъ вдвое. И такъ какъ они оба оказались усердными одинаково, вѣрными и трудолюбивыми, то и услышали они отъ господина своего одинаковое слово похвалы и награжденія: имъ обоимъ за вѣрность въ маломъ обѣщано довѣріе во многомъ и, кромѣ того, даровано участіе въ радости господина своего, такъ что они теперь будутъ въ домѣ его не столько рабами, сколько друзьями и членами его семейства. Но когда пришелъ отдавать отчетъ получившій одинъ талантъ, то онъ сказалъ господину своему: «господинъ! я зналъ тебя, что человѣкъ ты жестокій, жнешь, гдѣ не сѣялъ, и собираешь, гдѣ не разсыпалъ, и убоявшись, пошелъ и скрылъ талантъ твой въ землѣ: вотъ тебѣ твое». Очевидны были ложь и клевета, придуманныя въ оправданіе себя лукавою лестью, а потому господинъ обличилъ клеветника его же собственными словами: «лукавый рабъ и лѣнивый! ты зналъ, что я жну, гдѣ не сѣялъ, и собираю, гдѣ не разсыпалъ. Посему надлежало тебѣ отдать сребро мое торгующимъ, и я пришедъ получилъ бы мое съ прибылью». Обличенный въ своемъ лукавствѣ, лѣнивый рабъ былъ подвергнутъ строгому наказанію: на мѣсто довѣрія во многомъ, что̀ было обѣщано рабамъ вѣрнымъ, онъ лишенъ былъ и того таланта, которымъ и доселѣ обладалъ; на мѣсто участія въ радости господина своего, къ чему призваны были рабы вѣрные, онъ совсѣмъ былъ лишенъ свѣтлаго и теплаго крова и выброшенъ былъ во тьму кромѣшную на холодъ и сырость уличную (Матѳ. XXV, 14—30).

Въ этой притчѣ человѣкъ, отправившійся въ далекую страну и потомъ по долгомъ времени возвратившійся въ домъ свой, есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который, по окончаніи искупительнаго дѣла на землѣ, вознесся на небо къ Богу Отцу, въ концѣ же вре-

менъ имѣетъ снова придти на землю для суда надъ живыми и мертвыми; рабы же, получившіе каждый въ свою мѣру таланты отъ господина своего, суть вѣрующіе во Христа. Таланты, получаемые вѣрующими отъ Господа, многоразличны; подъ ними разумѣется все то, что человѣкъ отъ природы имѣетъ и что въ жизни получаетъ отъ преуспѣянія въ добромъ: природныя силы и способности, какъ духовныя, такъ и тѣлесныя; благодатные дары Духа Святаго, сообщаемые каждому вѣрующему въ таинствахъ для укрѣпленія его естественныхъ способностей и силъ; положеніе въ обществѣ, богатство, просвѣщеніе и вообще все то, что помогаетъ человѣку съ бо́льшимъ совершенствомъ проявлять свое нравственное существо. Не всѣ вѣрующіе получаютъ отъ Бога одни и тѣ же таланты, такъ какъ не всѣ имѣютъ въ жизни одинаковое призваніе и назначеніе. Равнымъ образомъ не всѣ въ одинаковой мѣрѣ одаряются Богомъ одними и тѣми же талантами: одному дается болѣе, другому менѣе; но каждому дается *по его силѣ*. А посему ты, получившій одинъ талантъ, не сѣтуй, какъ-бы обиженный природой и забытый Богомъ,—помни, что премудрый и всемогущій Раздаятель даровъ вещественныхъ и духовныхъ лучше тебя знаетъ, какая мѣра даровъ по силѣ тебѣ, сколько ты можешь употреблять на дѣло съ пользою для себя и для другихъ. Довѣрившись міроправящему Промыслу, ты вмѣсто безплоднаго и часто лукаваго сѣтованія, все вниманіе свое утверди на томъ, что именно отъ тебя требуется сообразно съ даннымъ тебѣ талантомъ; ибо это особенно должно быть не забыто тобою: получившій одинъ талантъ рабъ признанъ отъ господина своего способнымъ къ пріумноженію довѣреннаго ему капитала и призванъ къ отчету въ успѣхахъ своего дѣланія точно такъ же, какъ и получившій пять талантовъ.

Кто же этотъ рабъ лѣнивый и лукавый? Бываютъ рабы, которые, подобно неправедному домоправителю одной изъ притчей Христовыхъ (Лук. XVI), расточаютъ ввѣренное имъ отъ Господа имущество, употребляя его не на пользу, а во вредъ себѣ и ближнимъ; бываютъ еще рабы, которые, подобно блудному сыну другой Христовой притчи (Лук. XV), живутъ распутно и убиваютъ тѣмъ въ себѣ совершенно силы духовныя и разоряютъ свое матеріальное состояніе. Все это такіе великіе пороки, зло возросло здѣсь до такихъ большихъ размѣровъ, что предъ сознаніемъ каждаго сразу выдаетъ себя въ своемъ дѣйствительномъ достоинствѣ. Даже сами этого рода несчастные произнесутъ надъ собой справедливый приговоръ, если милосердый Господь дастъ имъ «придти въ себя», и они при этомъ испытаютъ страхъ и трепетъ при мысли предстать нѣкогда предъ лице нелицепріятнаго Судіи Бога. Но не таковъ рабъ лѣнивый и лукавый: какъ вы видите, онъ считаетъ себя правымъ предъ своимъ господиномъ и даже не трепещетъ держать предъ нимъ дерзкій отвѣтъ. И это очевидно потому, что, по его сужденію, онъ не растратилъ и не терялъ ввѣреннаго ему таланта, а, напротивъ, тщательно сохранилъ его,—онъ скрылъ его въ землѣ.

Итакъ прежде всего онъ *скрылъ* талантъ свой: онъ, слѣдовательно, не употребилъ даннаго ему таланта въ дѣло, на пользу себѣ и ближнимъ и во славу Божію; имѣя, напримѣръ, матеріальный достатокъ, не благотворилъ ближнимъ; обладая значительною силою ума, не воспользовался имъ для пріумноженія своихъ знаній; обладая знаніемъ, не

сдѣлалъ изъ него приложенія къ просвѣщенію невѣдущихъ и къ защитѣ истины отъ ея враговъ. Но скрывъ талантъ свой въ землѣ, онъ *сохранилъ* его въ цѣлости: онъ не расточилъ его, какъ неправедный домоправитель, и не потерялъ его, какъ блудный сынъ; ни въ какихъ крупныхъ порокахъ совѣсть его не обличаетъ. Замѣчательно еще и то, что онъ сохранилъ свой талантъ, зарывъ его въ *землю,* а не завернувъ его въ *платокъ,* какъ сдѣлалъ это негодный рабъ притчи Христовой о десяти минахъ (Лук. XIX, 20): это показываетъ, что онъ сохранилъ талантъ свой самымъ обдуманнымъ, осторожнымъ способомъ. Итакъ, мало того, что онъ не страдаетъ нравственною распущенностью; онъ даже въ чемъ-то являетъ стараніе, рачительность, исправность, подъ которою въ особенности и укрывается очевидно лѣность его въ отношеніи къ данному ему таланту. Въ чемъ же? Въ домѣ господина своего онъ имѣлъ, конечно, и нѣкоторыя другія обязанности, кромѣ той особенной, какая возлагалась на него ввѣреннымъ ему талантомъ. Въ отношеніи къ этимъ-то обычнымъ обязанностямъ своего положенія, можно думать, онъ и былъ вполнѣ исправнымъ рабомъ.

Если мы соединимъ всѣ указанныя черты лѣниваго и лукаваго раба въ одинъ образъ и приложимъ его къ той нравственной средѣ, въ которой намъ приходится жить и дѣйствовать, то намъ не трудно будетъ угадать, какой разрядъ людей обличаетъ Спаситель въ образѣ лѣниваго раба притчи о талантахъ. Это люди, отличающіеся иногда строгою правильностью внѣшняго благоповеденія, но въ то же время не имѣющіе внутри себя, въ душѣ своей, никакихъ возвышенныхъ стремленій, не полагающіе себѣ въ жизни никакихъ задачъ, болѣе высокихъ и широкихъ, нежели отправленіе своихъ прямыхъ, непосредственныхъ обязанностей: точное исполненіе послѣднихъ, это для нихъ идеалъ нравственнаго совершенства. Это люди, быть можетъ, и безъ крупныхъ пороковъ, но за то и безъ какихъ-нибудь положительныхъ добродѣтелей; они, пожалуй, и не обижаютъ ближнихъ, но за то и не благотворятъ имъ. Въ возрастѣ, призывающемъ человѣка къ дѣятельности общественной, такіе люди стремятся всячески освободить себя отъ нея и ограничиваютъ кругъ своихъ нравственныхъ обязанностей дѣлами нравственности индивидуальной; если же обстоятельства поставятъ ихъ на службу общественную, они не идутъ далѣе строго формальнаго отношенія къ дѣлу. Общее же между всѣми такого рода рабами остается то, что всѣ они всячески избѣгаютъ трудовъ и подвиговъ, которыхъ можно избѣжать, но которые однако необходимы, неизбѣжны, если хотятъ полученные отъ Бога таланты развить и усовершить, давая имъ болѣе и болѣе широкое употребленіе и приложеніе. Страхъ, который только и побуждаетъ ихъ къ дѣятельности, конечно, не можетъ внушить имъ болѣе широкой дѣятельности, кромѣ той, какая необходима, чтобы не быть наказанными.

Нѣтъ, христіанская нравственность требуетъ отъ насъ во всякомъ дѣлѣ именно добровольности, съ которой неразрывно соединено исполненіе всякой своей обязанности болѣе совершенное, нежели сколько требуетъ отъ насъ внѣшній долгъ. Недостаточно сохранять ввѣренные отъ Бога таланты,— надобно пріумножать ихъ, какъ-бы малозначительна ни была мѣра ихъ, и только въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы можемъ надѣяться получить отъ Господа похвалу и одобреніе себѣ и призывъ къ участію въ радости Его Бо-

жественно-славной жизни. Законъ христіанской нравственности есть совершенный законъ свободы (Іаков. I, 25),— онъ не полагаетъ границъ нашимъ силамъ и средствамъ для добра ни въ ихъ развитіи, ни въ ихъ проявленіи, ни въ ихъ приложеніи. «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный» (Матѳ. V, 48),—вотъ идеалъ духовнаго совершенства, стремиться къ достиженію котораго призванъ христіанинъ. Можно ли самодовольно успокоиться, стремясь къ этому идеалу, на какой либо ступени нравственнаго совершенства (Лук. XVII, 7—10)? Законъ христіанской нравственности есть законъ духа сыноположенія, а не духа рабской боязни (Римлян. VIII, 15), и какъ таковой—онъ есть законъ внутренній, написанный на сердцахъ нашихъ, а не заключенный въ письмени, въ формѣ извѣстнаго числа предписаній (2 Коринѳ. III, 6); поэтому онъ требуетъ отъ насъ каждый разъ стремиться стать выше, выйти за предѣлы тѣхъ обязанностей, которыя прямо предписываются, и неисполненіе которыхъ влечетъ за собою кару правосудія; онъ требуетъ отъ насъ внутренняго, сердечнаго отношенія къ дѣламъ своихъ обязанностей, а не внѣшне-формальной исправности только; онъ требуетъ отъ насъ каждый разъ добровольныхъ трудовъ и подвиговъ, которые составляютъ необходимую принадлежность христіанскаго духа сыноположенія Богу и братства человѣчеству. Святый Апостолъ Павелъ, Апостольскіе подвиги котораго представляютъ едва досягаемый образецъ христіански-нравственнаго геройства, не удовлетворялся однако этими подвигами, а стремился еще къ большему: имѣя право отъ проповѣди жить, онъ однако проповѣдывалъ безмездно, чтобы совершать сверхъ обязательное и тѣмъ снискать себѣ похвалу отъ Бога. «Если я благовѣствую, говоритъ онъ, то нечѣмъ мнѣ хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ, если не благовѣствую. Ибо если дѣлаю это добровольно, то буду имѣть награду, а если недобровольно, то исполняю только ввѣренное мнѣ служеніе. За что же мнѣ награда? За то, что, проповѣдуя Евангеліе, благовѣствую о Христѣ безмездно, не пользуясь моею властію въ благовѣствованіи» (1 Коринѳ. IX, 16—18). Это слово и дѣло Апостольское намъ слѣдуетъ тверже помнить и чаще вспоминать, чтобы дѣйствительно направлять жизнь свою по нравственному христіанскому закону (Прав. Обозр. 1873 г., т. III, стр. 602—607. 612—613).

Изображеніе страшнаго суда Господня (Матѳ. XXV, 31—46).

Егда пріидетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Своей, такъ началъ Господь изображеніе страшнаго суда, *и вси святіи Ангели съ Нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы Своея.* Таковъ будетъ видъ Судіи, имѣющаго придти въ послѣдній день міра. Приходилъ Сынъ Божій на землю въ смиренномъ образѣ раба для спасенія человѣковъ, для призванія къ покаянію заблудшихъ; тогда пріидетъ Онъ во славѣ Своей для изнесенія послѣдняго суда надъ родомъ человѣческимъ. Мы видѣли Его на землѣ не имущимъ гдѣ главу приклонити, гонимымъ, страждущимъ, распинаемымъ; тогда узримъ Его сѣдящимъ на престолѣ славы Своей, окруженнымъ тьмами темъ Ангеловъ и Архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ. Такъ мы узримъ тогда Законодателя, ревнующаго о святости законовъ Своихъ, которые грѣшники нарушаютъ съ такимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ узримъ Сердцевѣдца, Которому извѣ-

стны всѣ не только дѣла, но и мысли и желанія наши, Который провидитъ всѣ помышленія наши издалеча; узримъ Судію нелицепріятнаго, Который воздастъ каждому по дѣломъ его и по начинаніямъ сердца. Страшенъ будетъ видъ сей для земнородныхъ; многіе *рекутъ* тогда *горамъ: падите на ны, и холмамъ: покрыйте ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ и отъ гнѣва Агнча, яко пріиде день великій гнѣва Его, и кто можетъ стати?*

Напротивъ того, свѣтелъ и радостенъ будетъ день сей для истинныхъ послѣдователей Христовыхъ: *радуемся и веселимся,* скажутъ они, *и дадимъ славу Ему, яко пріиде бракъ Агнчій.*

Вмѣстѣ съ Судіею явятся на судъ и свидѣтели: *и вси святіи Ангели съ Нимъ,* тѣ святые Ангелы, которые теперь *посылаются въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе,* которые пребываютъ съ нами безотлучно во все время жизни нашей отъ рожденія до смерти, видятъ всѣ дѣла наши, слышатъ всѣ слова наши и наблюдаютъ тайныя помышленія сердца нашего. Свидѣтели вѣрные, неподкупные! Ничто не утаится отъ ихъ взора, все будетъ представлено на судъ.

Предъ симъ-то Судіею, при сихъ свидѣтеляхъ, предстанетъ на судъ человѣчество: *и соберутся предъ Нимъ вси языцы,* всѣ отъ перваго человѣка и до послѣднихъ людей, коихъ страшный день Господень постигнетъ живыми!

Различіе временъ и мѣстъ, племенъ и языковъ, возрастовъ и состояній прейдетъ: для всѣхъ будетъ одинъ судъ; ибо законъ, по которому судимы будутъ люди, для всѣхъ одинъ. Судія и Законодатель одинъ. Отъ всѣхъ взыщется одинъ отвѣтъ,—отъ мудраго и невѣжды, отъ пустынника и гражданина, отъ богатаго и бѣднаго, отъ христіанина послѣднихъ временъ, какъ отъ первыхъ учениковъ Христовыхъ. Какъ жилъ и дѣйствовалъ,—по закону Божію, или по видамъ самолюбія и влеченію страстей? Воспользовался ли всѣми, предоставленными каждому средствами ко спасенію? Вотъ о чемъ истязаны будутъ всѣ и каждый. *И соберутся предъ Нимъ вси языцы.*

На семъ-то всеобщемъ соборѣ всего человѣчества, предъ лицемъ страшнаго Судіи и святыхъ Ангеловъ Его, предстанемъ и мы съ тобою, благочестивый читатель, предстанемъ такими, какими обрящетъ насъ страшный часъ смертный. И отъ насъ, вмѣстѣ со всѣми, взыщетъ отчета въ нашей жизни праведный Судія міра. И, во-первыхъ, откроетъ всѣ дѣла и слова, мысли и чувства наши, отъ перваго движенія младенческаго до послѣдняго вздоха смертнаго. Теперь все прошедшее, сокрываясь отъ глазъ, мало-по-малу изглаждается въ нашей памяти, все покрывается какъ-бы пеленою, сквозь которую едва усматриваетъ что либо наше око. Но все то пишется въ книгѣ живота, ничто не исчезаетъ, ничто не забыто предъ очами всевѣдущаго Судіи; и въ страшный часъ суда все-таки оживетъ въ нашей совѣсти; прошедшее сдѣлается настоящимъ, — и очамъ нашимъ представится полная картина нашей жизни, внѣшней и внутренней. Приведутся на память заблужденія дѣтства, о коихъ мы давно забыли, и если иногда воспоминаемъ, то подъ преступнымъ названіемъ невинныхъ шалостей,—буйные порывы юности, кои давно ускользнули изъ нашей памяти, или, что̀ хуже всего, припоминаются съ какимъ-то самодовольствомъ и наслажденіемъ,—пороки мужества и старости; предстанутъ очамъ нашимъ всѣ грѣховныя дѣйствія, со всѣми ихъ послѣдствіями и плодами,—

всѣ праздныя слова, кои, исчезая въ воздухѣ, казались намъ какъ-бы не сущими; откроется и тайная исторія сердца нашего, которая едва извѣстна намъ самимъ,—студныя пожеланія, нечистые помыслы, праздныя мечтанія—все обнаружится предъ всевидящимъ окомъ Божіимъ. Мало того, отъ насъ взыщется отчетъ не только въ томъ, что сдѣлали, но и въ томъ, чего не сдѣлали, когда могли и должны были сдѣлать. Намъ приведутся на память безчисленные случаи къ добродѣтели, которые предоставляла намъ благость Божія, но которые опущены нами легкомысленно; нашъ совѣтъ могъ предупредить преступленіе, но мы не взяли на себя труда дать его въ свое время; нашъ голосъ могъ защитить истину, но мы побоялись сильнаго, или увлеклись лестнымъ ожиданіемъ и молчали; наше благодѣяніе могло спасти бѣдность отъ порока, но мы не хотѣли отказать своей прихоти. Намъ даровано было столько даровъ естественныхъ и благодатныхъ, которые остались безъ пользы и плода;—открытъ былъ путь спасенія, по которому мы не шли;—дарованы святыя таинства, которыми мы не пользовались. Все это, что кажется намъ теперь невиннымъ, въ чемъ не почитали нужнымъ раскаяваться, представится на судѣ въ обвиненіе наше; во всемъ томъ взыщетъ отъ насъ отчета праведный Судія міра. Взыщетъ отчета и въ грѣхахъ ближнихъ нашихъ, которыхъ мы были причиною, и которые потому самому вмѣнятся намъ. Предстанутъ очамъ нашимъ невинныя души, соблазненныя нашимъ примѣромъ, увлеченныя нашимъ совѣтомъ, растлѣнныя нашими рѣчами. Іисусъ Христосъ, искупившій ихъ Своею Кровію, востребуетъ ихъ отъ рукъ нашихъ: *гдѣ есть Авель, братъ твой?* спроситъ Онъ и насъ, какъ спрашивалъ перваго братоубійцу, *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ.* Испытаетъ, наконецъ, и самыя добродѣтели наши, откроетъ источникъ ихъ въ нашемъ сердцѣ, обнаружитъ побужденія, изведетъ на свѣтъ преднамѣренія и цѣли,—и онѣ предстанутъ очамъ нашимъ, какъ есть, осквернены нечистыми побужденіями, честолюбивыми видами, своекорыстными цѣлями.

За симъ испытаніемъ совѣсти и откровеніемъ дѣлъ каждаго послѣдуетъ отлученіе грѣшниковъ отъ праведниковъ: *и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ.* Нынѣ въ Церкви Божіей, какъ на нивѣ, растутъ вкупѣ плевелы и пшеница. Кто истинно добръ и кто притворенъ, мы не знаемъ: отъ того скрытый порокъ избѣгаетъ заслуженнаго посрамленія и безчестія, а неизвѣстная добродѣтель лишается должной чести и хвалы. Въ день страшнаго суда Божія все откроется въ настоящемъ видѣ, сдѣлается яснымъ и очевиднымъ для всякаго; Судія міра обнаружитъ, изведетъ на свѣтъ тайны сердецъ, такъ что не трудно будетъ различить овцы отъ козлищъ! О, какой стыдъ и срамъ обыметъ тогда грѣшную душу! Слабости и пороки, тщательно скрываемые теперь, обнажатся предъ цѣлымъ свѣтомъ, предъ лицемъ неба и земли, предъ соборомъ Ангеловъ и человѣковъ. Теперь умѣемъ хорошо принаровляться къ обстоятельствамъ, перемѣнять мысли, склонности и характеръ по духу тѣхъ, коимъ стараемся угодить: день суда Божія обнаружитъ всякую хитрость и притворство, и знавшіе насъ узрятъ и ужаснутся.

Теперь умѣемъ казаться друзьями человѣчества, ревнителями правды, безкорыстными исполнителями долга,

доброжелательными друзьями, даже имѣющими образъ благочестія и святыни; но Сердцевѣдецъ откроетъ предъ всѣми наше сердце,—и въ немъ съ ужасомъ увидятъ всѣ зависть и своекорыстіе, любочестіе и гордость. О, что̀ будетъ съ нами въ сей великій и страшный день откровенія таинъ сердечныхъ! Но день стыда и посрамленія нечестивыхъ будетъ днемъ торжества и радости для праведниковъ.

Тогда-то узритъ небо и земля, что праведника поруганнаго, презрѣннаго въ жизни, скитающагося въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ, не *бѣ* достоинъ весь міръ; тогда праведные, отдѣлившись отъ нечестивыхъ, просвѣтятся, яко солнце, *восхищени будутъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣхъ. И разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ.*

И поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. Въ настоящей жизни, при всеобщемъ смѣшеніи зла съ добромъ, порокъ нерѣдко предвосхищаетъ честь у добродѣтели; люди благочестивые и добродѣтельные часто занимаютъ низшія степени жизни общественной, а порочные являются на верху почестей и достоинствъ. День суда Божія положитъ конецъ симъ безпорядкамъ. Праведный Судія міра не будетъ разбирать породы и достоинства, различать благороднаго отъ худороднаго—не приметъ въ уваженіе узы родства и дружбы; отдѣлитъ только пшеницу отъ плевелъ, добродѣтель отъ порока: *и поставитъ овцы одесную Себе, козлища ошуюю.* Добродѣтельный отецъ станетъ одесную, порочный сынъ ошуюю; добродѣтельный супругъ въ ликѣ праведныхъ, порочная супруга—въ сонмѣ грѣшниковъ; бѣдный Лазарь, котораго не удостоивали и взоромъ, явится на лонѣ Авраамовомъ, а гордый богачъ, окруженный ласкателями, — на мѣстѣ мученія; дикій, недавно просвѣщенный вѣрою во Христа, займетъ мѣсто между избранными, а рожденный въ христіанствѣ останется между отверженными; простолюдинъ возлетитъ на облацѣхъ небесныхъ, а недостойный служитель алтаря покроется срамомъ и стыдомъ; мудрый книжникъ будетъ изгнанъ въ страну грѣшныхъ, а простой умомъ—посажденъ на престолѣ. Такъ всѣ скорби обыдутъ души грѣшниковъ, и всѣ радости возвеселятъ сердце праведниковъ! Но радостнѣе всего для праведниковъ и ужаснѣе всего для грѣшниковъ будетъ послѣдній приговоръ, который изречетъ Судія міра, который и теперь нельзя читать или слышать безъ трепета и умиленія.

Тогда речетъ Царь сущимъ одесную Его: пріидите, благословенніи Отца Моего:—грѣшники вмѣняли васъ ни во что̀, почитали отребіемъ міра, ненавидѣли и оскорбляли, отвращались и презирали; но Отецъ Мой Небесный запечатлѣетъ васъ Своимъ благословеніемъ: *пріидите, благословенніи Отца Моего.* На землѣ вы не имѣли, гдѣ главу приклонити, во всю жизнь ради Меня терпѣли, страдали, бѣдствовали, сѣяли слезами и болѣзнью; въ воздаяніе за то Я отъ вѣчности уготовалъ для васъ Царство на небѣ: *пріидите, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ сложенія міра.* Здѣсь обрѣтете вы искомое упокоеніе, здѣсь отымется всякая слеза отъ очію вашею, здѣсь срѣтитъ васъ вѣчная радость, счастіе и блаженство! *Тогда речетъ и сущимъ ошуюю Его: идите отъ Мене, проклятіи;* Я звалъ васъ гласомъ любви и милосердія, и вы не слушали; угрожалъ страхомъ суда и наказанія, вы посмѣялись надъ угрозами; осыпалъ васъ дарами и благодѣяніями, но вы остались неблагодарны; посѣщалъ бѣд-

ствіями и скорбями, но вы не очувствовались и не обратились; Я отдалъ самую Плоть и Кровь Мою для избавленія и спасенія вашего, и вы вмѣнили ее ни во что; *убо и Азъ погибели вашей посмѣюся,—идите отъ Мене.* Вы были въ славѣ и почтеніи между человѣками; но правда Отца Моего запечатлѣла васъ печатью проклятія, *идите отъ Мене, проклятіи.* За наслажденіе тлѣнными благами, за кратковременныя удовольствія плоти вы промѣняли вѣчное Царствіе, которое обѣщалъ Я всѣмъ; но есть возмездіе вамъ—огнь вѣчный, уготованный діаволу,—*идите во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его.*

И идутъ сіи, заключаетъ Господь слово Свое о судѣ, *въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.*— Му́ка вѣчная! животъ вѣчный! Какія грозныя и утѣшительныя, страшныя и вожделѣнныя слова; но ка́къ мало они дѣйствуютъ нынѣ на сердце многихъ и многихъ! Боже мой! Кто ослѣпляетъ та́къ сердце и умъ христіанъ, вѣрующихъ въ жизнь вѣчную, что могутъ съ равнодушіемъ и безпечностью слушать, мыслить и говорить о вѣчности?.. (Воскр. Чт., г. VIII, стр. 441—445.)

О повужденіяхъ къ дѣламъ человѣколюбія въ рѣчи Іисуса Христа о страшномъ судѣ (Матѳ. XXV, 40).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Христосъ Спаситель въ Своемъ Божественномъ ученіи предлагаетъ намъ сильныя убѣжденія къ дѣламъ человѣколюбія и хощетъ возбудить въ насъ глубокое чувство человѣколюбія.

Чтобы подвигнуть насъ на дѣла человѣколюбія, Онъ отъемлетъ часть завѣсы, закрывающей отъ насъ будущее; приближаетъ къ нашему созерцанію дальній послѣдній день міра; являетъ Себя на престолѣ славы судіею всего рода человѣческаго; даетъ намъ предварительно услышать имѣющее быть провозглашеннымъ торжественно, въ слухъ всего міра, въ слухъ времени и вѣчности, рѣшительное опредѣленіе суда Его: *пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV, 34). Кто сіи, достигшіе столь счастливаго рѣшенія величайшаго суднаго дѣла? Кто сіи, благословенные Отца Небеснаго, вводимые въ наслѣдіе Царствія вѣчнаго?—Это человѣколюбивые. Чѣмъ такъ сильно доказали они свое право на обладаніе небеснымъ наслѣдіемъ? Какими подвигами сдѣлали себя достойными столь высокой награды?—Дѣлами человѣколюбія: они напитали алчущихъ, напоили жаждущихъ, одѣли нагихъ, посѣтили болящихъ и заключенныхъ въ темницѣ. И поелику имъ трудно было бы повѣрить, что за такія невеликія дѣла можно получить столь великое воздаяніе; то Царь Судія объявляетъ, что бѣдствующіе человѣки суть Его меньшіе братія и что служащіе имъ служатъ Ему Самому; и симъ объявленіемъ даетъ новое сильное побужденіе къ дѣламъ человѣколюбія, необычайно возвышая ихъ достоинство.

Углубите мысль вашу въ слово Судіи міра: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.* Если вы творите добро несчастному, потому что видите въ немъ жалкое существо; то вы дѣлаете дѣло естественнаго сочувствія. Если благотворите бѣдствующему потому, что видите въ немъ соестественнаго вамъ человѣка и сознаете обязанность творить ближнему то, чего желали бы вы себѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ; то вы дѣлаете дѣло, свободно и нравственно доброе. Но чтобы ваше благотворительное дѣло было духовно добрее,

достойное Христа, вы должны видѣть въ бѣдствующемъ *меньшаго брата* Его, который по сему качеству достоинъ духовной любви и духовнаго уваженія, кто бы онъ ни былъ по своему внѣшнему положенію. При такомъ воззрѣніи сердце христіанина конечно скажетъ ему: поелику благости Христа Бога обязанъ ты бытіемъ, жизнью, достоинствомъ человѣка, откровеніемъ благодати и прощенія грѣховъ, благами временными, надеждою благъ вѣчныхъ, и поелику за безчисленныя благодѣянія ты ничего не можешь принести ничего не требующему; то какое для тебя счастіе, что твою благодарность и любовь ко Христу можешь ознаменовать на томъ, котораго Онъ называетъ Своимъ меньшимъ братомъ! Поелику для тебя Христосъ отъ превыспренняго небеснаго престола нисшелъ на землю и даже до ада; провелъ на земли тягостную человѣческую жизнь, пострадалъ и умеръ,—ты ли не снидешь къ *меньшому брату* Его, въ какую бы глубину бѣдствія и уничиженія ни былъ онъ поверженъ? Не усладительно ли для тебя будетъ, не только твоимъ избыткомъ наполнить его лишеніе, но и понести самому лишеніе для него, и пострадать самому, чтобы облегчить его страданія?

Что такія духовныя расположенія преимущественно предъ вещественностью дѣлъ возвышаютъ цѣнность христіанскихъ благотвореній, что по такимъ расположеніямъ и чаша студеной воды становится достойною небеснаго воздаянія, что такихъ расположеній требуетъ отъ благотворящихъ Судія міра, сіе можно усмотрѣть между прочимъ изъ того, что Онъ опредѣляетъ небесную награду за посѣщеніе больныхъ, отдѣляя ихъ отъ страждущихъ лишеніемъ вещественныхъ потребностей, отъ алчущихъ и нагихъ. Если такимъ образомъ вы обязаны посѣтить больного, нетребующаго отъ васъ вещественной помощи, а только тяготимаго безсиліемъ, болью, скукою болѣзненнаго бѣдствія; то что же можете вы принести къ одру его, какъ развѣ христіанскую любовь, сердечное состраданіе, искреннее слово утѣшенія Христова? (изъ бесѣды предъ обѣтомъ нѣкоторыхъ сердобольныхъ вдовъ и при напутствіи избранныхъ для попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, т. III, стр. 336—337.)

О вѣчныхъ мученіяхъ (Матѳ. XXV, 41).

(Филарета, митроп. Московскаго.)

Идите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его (Матѳ. XXV, 41). Богъ осудитъ злыхъ, поелику любитъ добрыхъ; Милосердый судитъ нераскаянныхъ, потому что милуетъ кающихся. И для чего иначе возвѣщаетъ Онъ погибель отверженныхъ, если не для того, что не хочетъ ничьей погибели? Посему за нѣсколько еще вѣковъ даетъ намъ услышать послѣднее проклятіе на шуюю страну, дабы заблаговременно спастись бѣгствомъ на десную.

Блаженъ, кто слушаетъ сіе проклятіе, не уклоняясь отъ намѣренія любви Божіей! Тогда и проклятіе рождаетъ благословеніе. Мы должны внимать ему сердцемъ и умомъ, а не слухомъ. Должны познавать въ немъ ужасъ состоянія отверженныхъ: не ждать для ясности самаго опыта.

Итакъ праведный Судія лишитъ осужденныхъ права и возможности наслаждаться Его лицезрѣніемъ: *идите отъ Мене, проклятіи*. Сію великую потерю не льзя довольно чувствовать неиспытавшимъ высокаго блаженства—видѣть Бога! Когда мы видимъ совершенное произведеніе ума человѣческаго, порываемся любопытствомъ видѣть творца

когда слышимъ о достохвальныхъ человѣколюбивыхъ дѣяніяхъ, наши взоры желали бы почить на груди, въ коей бьется сердце столь доброе; когда внемлемъ славѣ сильныхъ земли, наше воображеніе устремляется въ мѣста ихъ пребыванія, и мы почитаемъ себя счастливыми, если можемъ поставить себя предъ ними. Впрочемъ, видя лице мудреца, еще не видятъ его мудрости; взирая на добродѣтельнаго, не видятъ добродѣтели; обозрѣвая великолѣпіе, окружающее сильныхъ, не видятъ того сильнаго духа, который проходитъ и движетъ огромные члены государственнаго тѣла. Тѣлесный взоръ объемлетъ только, но видѣть Бога—конечно уже не симъ бреннымъ окомъ—есть созерцать (по возможности ограниченной твари) и Его премудрость—и озаряться новымъ свѣтомъ познанія, и Его благость—и исполняться отъ нея любви и радости безсмертныя, и Его величіе—и возвышаться до блаженства чистѣйшихъ духовъ.

Если не ослѣпленный страстями, не омраченный предразсудками разумъ находитъ удовольствіе, разсматривая слѣды Божества въ царствѣ природы; если вѣрующая душа погружается въ восторгахъ, проходя мысленно чудесные пути благодати въ ея таинственномъ царствѣ, то что̀ долженъ чувствовать тотъ, кто, оставя сіи неотдаленныя области Вседержителя, проникъ бы во внутренность державы Его, вступилъ бы въ Его безсмертный градъ, ощутилъ бы всюду и окрестъ себя и въ себѣ Его славное присутствіе?

Если мы любимъ слушать, какъ сіи видимыя небеса въ безмолвіи *повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 2), малѣйшее насѣкомое возвѣщаетъ величіе Творца; то, что, если бы въ небесахъ небесъ, вмѣсто сіянія мертвыхъ тѣлъ, мы узрѣли свѣтъ безсмертныхъ духовъ,—вняли бы немолчному ихъ славословію,—соединили бы съ хоромъ ихъ наши гласы, научились бы, изливая, такъ сказать, хвалы въ Бога, почерпать изъ Бога неизсякаемую радость?..

Судите посему, сколько теряетъ тотъ, кто лишается права видѣть Бога? Мы, не видя Его нынѣ по грубости нашихъ чувствъ и естественной немощи, сколько отъ того терпимъ! Какая тьма въ разумѣ! Какая пустота въ сердцѣ! Какой гладъ въ желаніи! Но какой ужасной крайности достигнутъ сіи бѣдствія, когда они будутъ не слабостью нашею, но безконечными слѣдствіями гнѣва Божія, когда сіи случайности существа нашего перейдутъ въ самую природу!... Совокупить тысящу геенну, восклицаетъ Златоустъ, это отнюдь не такъ тяжко, какъ быть извержену отъ славы, быть ненавидиму Богомъ!

Наказаніе осужденныхъ на страшномъ судѣ не состоитъ въ одномъ лишеніи благъ и лицезрѣнія Божія, но въ дѣйствительномъ перенесеніи золъ. Судія посылаетъ ихъ въ огнь.

Такъ угодно будетъ строгому правосудію, чтобы человѣкъ весь былъ подверженъ дѣйствію его мщенія, такъ какъ онъ весь предавался дѣйствію беззаконія. Такое же различіе полагаетъ оно въ наказаніяхъ, какое мы производимъ во грѣхахъ. Изъ нихъ одни рождаются въ душѣ и чрезъ нее порабощаютъ себѣ тѣлесныя силы, какова есть гордость, или злоба; другіе совершаются въ тѣлѣ и оскверняютъ душу, чрезъ участіе котораго она пріемлетъ услажденіе, какъ напримѣръ роскошь и сластолюбіе. Такъ отчужденіе отъ Бога, угрызающее воспоминаніемъ непорядковъ жизни, совершенное отчаяніе, суть казни, снѣдающія душу, и потолику простираются на тѣло, поколику сіе соединено съ нею. Огнь есть вещественное мученіе, которое терзаетъ тѣло и чрезъ него проходитъ въ душу.

И посему напрасно изъясняютъ сей огнь дѣйствіемъ совѣсти; напрасно вопрошаютъ: какія это мученія? какой это огнь, который бы могъ дѣйствовать на безсмертнаго человѣка? Но развѣ предѣлы разумѣнія человѣческаго должны быть предѣлами Божія всемогущества? Кто можетъ сіе тлѣнное *облещи въ нетлѣніе* (1 Коринѳ. XV, 44, 53) и сдѣлать тѣло духовнымъ, Тому трудно ли приготовить столь тонкій и проницательный огнь, чтобы также былъ ощущаемъ смертнымъ составомъ, какъ нынѣшній огнь нынѣшнимъ тѣломъ. Кто хочетъ подробно знать свойство однихъ мученій, тотъ пусть изъяснитъ мнѣ прежде въ точности блаженство небесное. Но если бывшій на третьемъ небѣ не описалъ того, что̀ тамъ уготовано любящимъ Бога, и признался, что это совсѣмъ невозможно постигнуть человѣку болѣе или менѣе плотскому; то можетъ ли равно представить себѣ свойство ужасныхъ послѣднихъ дѣйствій гнѣва Божія тотъ, кто не нисходилъ въ преисподняя?

Мы можемъ, и довольно для насъ знать только то, что гнѣвъ сей безконеченъ: *идите во огнь вѣчный,* глаголетъ Вѣчный Судія.

Тщетно нѣкоторые, для смягченія сей страшной угрозы, прибѣгаютъ къ милосердію Божію. Но какое милосердіе для тѣхъ, кои съ непреодолимымъ упорствомъ отвергаютъ милосердіе? Богъ есть единое, безконечное благо; уклоненіе отъ Него единое безконечное зло. Богъ создалъ человѣка для Себя; грѣхопаденіе удалило человѣка отъ Бога; милосердіе паки открыло путь соединиться съ Нимъ. Кто не слѣдуетъ по сему пути, тотъ, по закону правосудія, остается подверженнымъ вѣчному злу, какъ необходимому слѣдствію удаленія отъ Бога.

Поздно будетъ искать сего пути во мракахъ ада. Путь къ безсмертію лежитъ въ юдоли смертной жизни. Здѣсь можно имѣть свѣтильникъ, дабы найти его и безопасно продолжать по нему шествіе. Смерть для каждаго человѣка, а послѣдній судъ для всего рода человѣческаго, отверзаетъ дверь судьбы. Мудрыя дѣвы входятъ на бракъ жениха безсмертнаго, буіи же изгоняются. Чтобы получить помилованіе, должно принести покаяніе. Но кто можетъ принять за чистое раскаяніе вопль, исторгаемый му́ками? Чѣмъ тягостнѣе сіи му́ки, тѣмъ менѣе способно сердце имѣть другія чувствованія, нежели чувство лютѣйшей скорби. Оно едино подавляетъ всѣ мысли и желанія отчаяніемъ. Итакъ смертный! доколѣ ты носишь смертное тѣло и вмѣстѣ съ нимъ подлежишь перемѣнамъ, ты можешь содѣлаться лучше или хуже. Но когда сложишь съ себя одежду тлѣнія и смертности, тогда останется въ тебѣ или безсмертное чувство добра, или безсмертное чувство зла. Ни на тебѣ не родится новыхъ безбожниковъ, *ниже во адъ кто исповѣстся Господеви* (Псал. VI, 6). (Чт. въ Общ. 1876 г. II, стр. 469.)

Адскія мученія.

Еп. Θеофана.

Есть люди, которые не вѣрятъ, что будетъ огонь, червь, скрежетъ зубовъ и другія тѣлесныя мученія въ адѣ, ожидающія грѣшниковъ. Хорошо,—а если будутъ? Кто вѣритъ этому, тотъ ровно ничего не теряетъ, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ не было такихъ мученій; а кто не вѣритъ, тотъ будетъ пораженъ горькимъ, но позднимъ раскаяніемъ, когда придется испытывать то, что̀ такъ легкомысленно отвергалъ онъ на землѣ. Допустимъ, впрочемъ, этого не будетъ; но вѣдь нельзя же отвергать, что душа, по разлученіи съ тѣломъ, останется живою, чувствующею, сознающею себя, и

что страсти, которымъ поблажала она здѣсь, перейдутъ съ нею и въ ту жизнь. Если такъ, то одного этого будетъ достаточно, чтобы составить самый мучительный адъ. Страсти, которыми жила здѣсь душа, будутъ жечь и точить ее, какъ огонь и червь, и терзать ее непрерывными и неотвратимыми мученіями.

Страсти не суть какія либо легкія помышленія или пожеланія, которыя являются и потомъ исчезаютъ, не оставляя по себѣ слѣда: это сильныя стремленія, внутреннѣйшія настроенія порочнаго сердца. Они глубоко входятъ въ естество души, и долгимъ властвованіемъ надъ нами и привычнымъ удовлетвореніемъ ихъ до такой степени сродняются съ нею, что составляютъ, наконецъ, какъ-бы ея природу. Ихъ не выбросишь такъ легко, какъ легко выбрасывается соръ или сметается пыль. Но такъ какъ они не естественны душѣ, а входятъ въ нее по грѣхолюбію нашему, то, по причинѣ этой самой неестественности своей, и будутъ томить и жечь душу. Это все тоже, какъ если бы кто принялъ ядъ. Ядъ этотъ жжетъ и терзаетъ тѣло, потому что противенъ устройству его; или, какъ если бы кто посадилъ змѣю въ себя, и она, оставаясь живою, грызла бы его внутренности. Такъ и страсти, какъ ядъ и змѣя, принятыя внутрь, будутъ грызть и терзать ее; и рада бы была она выбросить ихъ изъ себя, да не сможетъ, потому что онѣ сроднились, срослись съ нею, а спасательныхъ средствъ исцѣленія, предлагаемыхъ здѣсь Святою Церковію въ покаяніи и исповѣди, тогда не будетъ. Ну, и мучься, и терзайся ими непрерывно и нестерпимо, нося внутри себя адскій огонь, вѣчно палящій и никогда не угасающій.

Употребимъ еще сравненіе. Въ числѣ пытокъ были и такія: накормятъ чѣмъ либо соленымъ, да и запрутъ, не давая пить. Какое мучительное терзаніе испытывалъ такой несчастный! Но кто же жжетъ и мучитъ его? Со внѣ—никто. Онъ въ самомъ себѣ носитъ мучительное жженіе: не чѣмъ утолить жажду, жажда и снѣдаетъ его. Такъ и страсти: это, вѣдь, внутреннія жажданія, разжиганія, вожделѣнія души грѣхолюбивой; удовлетворишь ихъ,—онѣ замолчатъ на время, а потомъ опять, еще съ большею силою, требуютъ себѣ удовлетворенія и не даютъ покоя, пока не получатъ его. На томъ же свѣтѣ не чѣмъ будетъ удовлетворять ихъ, потому что всѣ предметы страстей—предметы земные. Сами они останутся въ душѣ и будутъ требовать себѣ удовлетворенія; а такъ какъ удовлетворить ихъ не чѣмъ, то жажда будетъ все сильнѣе и томительнѣй. И чѣмъ будетъ болѣе жить душа, тѣмъ болѣе будетъ томиться и терзаться не удовлетворимыми страстями; непрекращаемая мука эта все будетъ расти и расти, и конца не будетъ этому возрастанію и усиленію. Вотъ и адъ! Зависть—червь, гнѣвъ и ярость—огонь, ненависть—скрежетъ зубовъ, похоть—тьма кромѣшная. Этотъ адъ начинается еще здѣсь; ибо кто изъ людей страстныхъ наслаждается покоемъ? Только страсти не всю свою мучительность обнаруживаютъ здѣсь надъ душою: тѣло и общежитіе отводятъ удары ихъ; а тамъ этого не будетъ. Онѣ со всею яростію нападутъ тогда на душу. «Наконецъ, въ тѣлѣ семъ, говоритъ авва Дороѳей, душа получаетъ облегченіе отъ страстей своихъ и нѣкоторое утѣшеніе: человѣкъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, бесѣдуетъ, ходитъ съ любезными друзьями своими; а когда душа выйдетъ изъ тѣла, она остается одна съ своими страстями, и потому всегда мучится ими. Какъ страдающій горячкою стра-

дѣлывать добрыя въ себѣ расположенія, чтобы найти ихъ тамъ; ибо что человѣкъ имѣетъ здѣсь, то исходитъ съ нимъ отсюда, и то же будетъ имѣть онъ тамъ» (Дом. Бес. 1873 г., стр. 996—997).

Библіографическій указатель къ XXV гл. Ев. Матѳея.

Святоотеческія толкованія.

1) *Препод. Исидора Пелусіота* о 10 дѣвахъ, ч. I. 168.

2) *Св. Григорія Двоеслова* о мудрости и глупости вѣрующихъ. Бес. на Ев. въ перев. Климента. I. 102.

3) *Блаж. Ѳеофилакта Болгарскаго.* Изъясненіе притчи о талантахъ. Воскр. Чт., г. VIII. 203, г. X. 230—231.

4) *Препод. Исидора Пелусіота* на притчу о талантахъ, ч. I, 169; ч. II, 379; ч. III, 10, 92—93.

5) *Св. Григорія Двоеслова.* О христіанской дѣятельности сообразно съ дарованными отъ Бога способностями. Бес. на Ев. въ Русск. перев. архим. Климента, кн. I. 71—81.

6) Ст. 31. Толкованіе *св. Іоанна Златоустаго.* Воскр. Чт., г. XVI. 230—232.

7) Ст. 31—46. *Блаженнаго Ѳеофилакта.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ недѣлю мясопустную. Воскр. Чт., г. XIV. 425.

8) *Св. Іоанна Златоустаго.* О несомнѣнности воздаянія праведникамъ и грѣшникамъ въ будущей жизни. Воскр. Чт., г. XVIII. 417—419, г. XXI. 417—420.

9) *Его же* о будущемъ судѣ. Воскр. Чт., г. XIII. 437.

10) *Его же* о вѣчности мученій. Воскр. Чт., г. III. 289—291. Будутъ ли вѣчныя мученія за гробомъ? Воскр. Чт. 1880 г. № 8. 65—68.

11) *Блаженнаго Ѳеодорита.* О второмъ пришествіи Бога и Спасителя нашего. Воскр. Чт., г. VIII. 439.

12) *Препод. Максима Исповѣдника.* О будущей жизни праведныхъ. Воскр. Чт., г. XI. 111—112.

13) *Препод. Ефрема Сирина.* Размышленіе о страшномъ судѣ. Тв., ч. III. М. 1859 г. 580.

14) Ст. 33. *Препод. Исидора Пелусіота* на слова: *и поставитъ овцы одесную Себя, а козлища ошую,* ч. I. 169—170.

15) *Св. Василія Великаго.* Неизбѣжность общаго суда, ч. VI. 130. 131. Пришествіе Господа на судъ будетъ вдругъ въ цѣлой вселенной, ч. III. 447. Судъ Христовъ надъ каждымъ будетъ различенъ, ч. I. 201. 202. Въ день суда откроются всѣ грѣхи человѣческіе, ч. I. 357; ч. XI. 70. Человѣкъ самъ увидитъ ихъ 157. Всегда должно имѣть память и страхъ суда Божія, ч. I. 302, ч. VI. 311. 312.

16) *Св. Григорія Богослова.* Судъ послѣдній—страшенъ, а еще болѣе праведенъ. Тв., ч. II. 55. 56. На немъ потребуется отъ насъ отчетъ за все время жизни, ч. II. 295. На судѣ Божіемъ цѣнятся дѣла наши сообразно съ родомъ жизни каждаго, ч. III. 290. Мысль о судѣ Божіемъ должна возбуждать къ слезамъ и печали о грѣхахъ, ч. IV. 327.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

17) Ст. 1—13. Дѣвы мудрыя и нерадивыя. Прав. Собес. 1862 г. III. 224.

18) Ст. 1—30. Объ обязанностяхъ христіанина по ученію Евангельскихъ притчей. О 10 дѣвахъ и талантахъ. Воскр. Чт., г. XXXIV. I. 266—271.

19) Бесѣда священника съ дѣтьми о Евангельскихъ притчахъ. Притча о 10 дѣвахъ. Руков. для с. п. 1865 г. III. 474—477.

20) Ст. 14—30. Тамъ же. II. 155—158.

21) Таланты. Прав. Собес. 1862 г. III. 87.

22) Притча о талантахъ. Христ. Чт. 1835 г. IV. 292—310.

23) О талантахъ. Воскр. Чт., г. XXV. № 24. 639—648 (синаксарь во св. Велик. понед.).

24) Поучительныя истины Евангелія въ недѣлю 16 по Пятидесятницѣ. Воскр. Чт., г. III. 227—229.

25) Ст. 24. Воскр. Чт., г. X. 160.

26) Ст. 30. Рабы лѣнивые и лукавые. Воскр. Чт., г. XXXII. I. 1229.

27) *Аванасія, архіеп. Казанскаго.* О будущемъ осужденіи грѣшниковъ. Душеп. Чт. 1869 г. I. 145—180.

28) *Митроп. Григорія.* Страшный судъ. Духовн. Бес. 1859 г. V. 177—190.

29) *Свящ. Пантелеимонова.* Бесѣда о страшномъ судѣ. Стран. 1860 г. Февраль. 125—129.

30) *А. Заіоскина.* Послѣдній судъ. Дом. Бес. 1860 г. Вып. VII. 101—109.

31) *Свящ. А. Быстрицкаго.* Послѣдній день міра. Душеп. Чт. 1862 г. II. 107—135.

32) *Бѣлюстина.* Будетъ воздаяніе. Воскр. Чт., г. XXXII. II. 1229.

33) *С. П. О.* Чтеніе съ дѣтьми Евангелія о страшномъ судѣ Христовомъ. Воскр. Чт., г. XXXI. II. 874—880.

34) *А. Гуляницкаго.* Нѣсколько мыслей о будущей жизни, страшномъ судѣ и картинахъ сего суда. Воскр. Чт., г. XXV. № 43. 2002.

35) О послѣднемъ судѣ Христовомъ. Воскр. Чт., г. XXIV. 493—494.

36) Размышленіе о страшномъ судѣ Христовомъ. Воскр. Чт., г. V. 425—428.

37) Страшный судъ. Воскр. Чт. 1884 г. 97—100.

38) Страшный судъ. Христ. Чт. 1857 г. 80—100.

39) Ст. 34—35. Воскр. Чт., г. III. 336.

40) Ст. 40. Воскр. Чт., г. II. 490. г. IX. 277; г. XVI. 319.

41) Ст. 45. *Архіеп. Иннокентія. И идутъ сіи въ муку вѣчную.* Домашн. Бес. 1864 г. Вып. XLVI. 933—934.

42) *Прот. И. М. Богословскаго-Платонова.* Размышленіе о вѣчности. Прав. Обозр. 1871 г. I. 110—119.

43) О вѣчности мученій. Прибавл. къ Тв. св. оо. 1856 г., ч. XV. 610.

44) Письма къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ вѣры и жизни. (О вѣчности мученій.) Душеп. Чт. 1880 г., ч. I. 31—49.

45) Вѣчность адскихъ мученій. Воскр. Чт. 1884 г. 253—256.

46) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія въ Великомъ канонѣ святаго Андрея Критскаго. Страшный судъ. Душеп. Чт. 1881 г. III. 102—115.

47) Ст. 46. Блаженство праведниковъ на небѣ. Воскр. Чт., г. XVIII. 424—426.

48) Могутъ ли злые духи покаяться? Воскр. Чт. XVI. 117—119.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

49) Ст. 1—4. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* О мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ. 325—326.

50) Ст. 4. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Изъясненіе притчи о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ и нравственное приложеніе: о необходимости вѣры во Христа и добрыхъ дѣлъ для спасенія. III. 433—439.

51) Ст. 8. *Никанора архіеп. Херсонскаго.* Оправданіе нашего законоучительства отъ укоровъ въ схоластицизмѣ со стороны свѣтскаго общества. I. 281—303.

52) Ст. 14—30. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Доказательства той истины, что Богъ есть дѣйствительный Раздаятель силъ и способностей и положеній человѣческихъ, и что Онъ потребуетъ нѣкогда отъ всѣхъ людей отчета въ употребленіи даровъ Божіихъ (противъ невѣрующихъ въ бытіе Божіе и будущую жизнь. III. 260—272). Разрѣшеніе вопроса о равенствѣ и неравенствѣ людей на основаніи притчи о талантахъ. III. 273—285.

53) Ст. 14—15. *Филарета, митроп. Московскаго.* Не одно полученіе талантовъ, а дѣланіе и приращеніе вводитъ въ радость Господа. IV. 259—261.

54) Ст. 21. *Его же. Вѣрный о малѣ поставляется надъ многими.* Кто имѣетъ полное право называться вѣрнымъ? IV. 18—22.

55) Ст. 31—32. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О страшномъ судѣ. II. 122—130.

56) *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* Изображеніе страшнаго суда. Волынск. Еп. Вѣд. 1877 г. № 9.

57) *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Почему окончательный судъ надъ человѣкомъ совершается не тотчасъ послѣ его смерти, и почему послѣдній судъ называется страшнымъ? III. 79—89.

58) *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О страшномъ судѣ. III. 9.

59) Ст. 32—33. *Филарета, митроп. Московскаго.* Объ отличительныхъ качествахъ десныхъ предстоятелей суда Христова. IV. 463—464.

60) Ст. 34—40. *Его же.* О благословеніи Божіемъ благотворителямъ. III. 60—65.

61) Ст. 35—40. *Его же.* Можетъ ли быть чистое человѣколюбіе безъ чистой вѣры. IV. 125.

62) 31—46. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Почему дѣла милосердія на страшномъ судѣ поставлены выше всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. I. 71—72.

63) Ст. 35. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* Почему дѣла благотворительности высоко цѣнятся Богомъ? I. 135—136.

64) Ст. 35—36. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О побужденіяхъ и характерѣ христіанской благотворительности. IV. 360—371. О христіанской обязанности посѣщать заключенныхъ въ темницѣ и неосновательности отговорокъ со стороны не исполняющихъ ее. V. 209—217.

65) *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О томъ, что Христосъ невидимо присутствуетъ съ заключенными въ темницахъ и грѣшниковъ призываетъ къ покаянію, а невинныхъ испытываетъ въ вѣрѣ. Слово, сказанное въ церкви тюремнаго замка.

Вечеръ Среды.

Вечеря въ Виѳаніи, въ домѣ Симона (Матѳ. XXVI, 6—13. Марк. XIV, 3—9).

Послѣ произнесенныхъ рѣчей, въ Виѳаніи для Господа устроили вечерю.

И когда былъ Онъ въ Виѳаніи въ домѣ Симона прокаженнаго и возлежалъ,—приступила къ Нему женщина съ алавастровымъ сосудомъ мура драгоцѣннаго; и разбивъ сосудъ, возливала Ему сіе муро на голову. Увидѣвъ сіе, ученики Его и нѣкоторые другіе вознегодовали и говорили между собою: «къ чему такая трата мура? Ибо можно было бы продать это муро за большую цѣну,—болѣе, нежели за триста динаріевъ, и раздать нищимъ». И роптали на нее.

Но Господь Іисусъ, уразумѣвъ сіе, сказалъ имъ: «что вы смущаете женщину! Оставьте ее. Она доброе дѣло сдѣлала для Меня. Ибо нищихъ вы всегда имѣете съ собою и, когда захотите, можете имъ благотворить; а Меня не всегда имѣете. Она сдѣлала, что могла. Возліявъ муро сіе на тѣло Мое, она приготовила Меня къ погребенію. Истинно, истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ въ память ея и о томъ, что она сдѣлала».

Іоанна Златоустаго. О негодованіи учениковъ на поступокъ жены, помазавшей Іисуса Христа муромъ (Матѳ. XXVI, 8—9).

Видѣвше же ученицы Его, негодоваша, глаголюще: чесо ради гибель сія бысть? можаше бо сіе муро продано быти на мнозѣ и датися нищимъ. Разумѣвъ же Іисусъ, рече имъ: что труждаете жену? дѣло бо добро содѣла о Мнѣ. Всегда бо нищія имате съ собою, Мене же не всегда имате. Откуда родилась въ ученикахъ такая мысль? Они слышали, какъ Учитель говорилъ: *милости хощу, а не жертвы* (Осія VI, 6); и порицалъ Іудеевъ за то, что они оставляли важнѣйшее, *судъ и милость и вѣру;* какъ на горѣ разсуждалъ съ ними о милостынѣ,—и изъ всего этого выводили заключеніе и разсуждали другъ съ другомъ: если Онъ не принимаетъ всесожженій и древняго Богослуженія, то тѣмъ менѣе пріиметъ помазаніе елеемъ. Такъ думали ученики. Но Іисусъ, видя мысли жены, попускаетъ ей приблизиться, и какъ благоговѣніе ея было велико и усердіе неизрѣченно; то Онъ, по величайшему снисхожденію Своему, позволилъ ей излить муро на главу Свою. Если Онъ не отрекся содѣлаться человѣкомъ, носимъ быть во чревѣ, питаться млекомъ, то чему удивляться;

если и сего не отвергаетъ? Какъ Отецъ Его принималъ куреніе и дымъ, такъ и Онъ принялъ блудницу, пріемля ея расположеніе. Но для чего Іисусъ не просто сказалъ: *доброе дѣло сдѣлала;* а сказалъ прежде: *что труждаете жену?* Для того, дабы они знали, что не надобно требовать съ самаго начала высокихъ дѣлъ отъ немощныхъ людей. Для сего-то и разсматриваетъ дѣло, не просто, каково оно само въ себѣ, но по отношенію къ лицу жены. Если бы Онъ давалъ законъ, то не упомянулъ бы о женѣ. Но дабы ты зналъ, что для нея это сказано съ тою цѣлью, чтобы ученики не истребили возникающей ея вѣры, но еще болѣе возбудили; для сего Онъ говоритъ вышеупомянутыя слова, научая насъ тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили къ большему совершенству доброе дѣло, кѣмъ бы оно ни было сдѣлано, и не требовали полнаго совершенства въ самомъ его началѣ. Что Христосъ и Самъ желалъ того, чего желали ученики, это видно изъ того, что Онъ повелѣлъ носить денежный ящикъ, хотя и не имѣлъ, гдѣ главу преклонить. Но теперь не время было исправить поступокъ, а только принять его. Какъ прежде сего поступка жены Онъ не произнесъ бы такого мнѣнія, если бы кто спросилъ Его, такъ послѣ онаго поступка имѣетъ въ виду только то, чтобы жена не приведена была въ смущеніе отъ порицанія учениковъ, но удалилась отъ Него, сдѣлавшись усерднѣе и лучше чрезъ служеніе Ему. Ибо послѣ изліянія елея порицаніе ихъ было уже неумѣстно. Если и ты увидишь, что кто-нибудь сдѣлалъ и приноситъ священные сосуды, или заботится о другомъ какомъ-нибудь украшеніи церковномъ; какъ-то—объ украшеніи стѣнъ и пола, то не позволяй продавать или истреблять то, что̀ сдѣлано, дабы не ослабить его усердія. Если же кто скажетъ объ этомъ прежде, нежели сдѣлаетъ, то вели раздать нищимъ (Бес. на Евангеліе Матѳея, ч. III, стр. 375—376. 378—379).

О таинственномъ значеніи возліянія мура на главу Христову.

Аминь глаголю вамъ: идѣже аще проповѣстся Евангеліе сіе во всемъ мірѣ, и еже сотвори сія, глаголано будетъ въ память ея (Марк. XIV, 9). Значитъ весьма замѣчательно и важно это дѣло благочестивой жены, возліявшей на главу Господню многоцѣнное муро. Самому Господу угодно, чтобы оно было извѣстно всѣмъ и составляло часть Его Евангелія. Обратимъ же вниманіе на внутреннее значеніе этого дѣла вѣры и любви.

Пріиде жена имущи алавастръ мура нарднаго пистикія многоцѣнна, и сокрушши алавастръ, возливаше Ему на главу. Кто была сія жена,—Марія ли сестра Лазарева (Іоан. XII, 3), или другая подобная ей по вѣрѣ и усердію къ Спасителю, для насъ знать это въ настоящемъ случаѣ не важно; важно то въ особенности, что эта жена одобрена была Господомъ, хотя и осуждена другими. Важно то, что Господь далъ высокое значеніе этому изліянію мура: *возліявши бо сія,* говоритъ, *муро на тѣло Мое, на погребеніе Мя сотвори,* т. е. приготовила тѣло Господа на смерть и погребеніе. Если же смерть и погребеніе Спасителя міра составляютъ тайну высочайшую, то и приготовленіе къ нимъ не должно ли имѣть также свою таинственность священную?

Чтобы уразумѣть таинственное священнодѣйствіе жены, представимъ себѣ *Агнца Божія, вземлющаго грѣхи всего міра,* Единороднаго Сына Божія. Вотъ Онъ, *полный благодати и истины, отъ*

исполненія Коего мы всѣ пріемлемъ благодать возблагодать (Іоан. I, 14, 16), *не въ мѣру пріявши Духа* (Іоан. III, 34), *помазанный елеемъ радости, паче причастникъ Своихъ* (Псал. XLIV, 8), давно обрекъ Себя на жертву крестную для того, чтобы, по принесеніи пресвятаго Тѣла Своего на жертвенникѣ крестномъ, разлить, какъ муро, благодать Свою на всѣхъ вѣрующихъ и любящихъ Его. И сего-то Божественнаго мура изліяніе образовало то изліяніе мура драгоцѣннаго, которое совершила благочестивая жена въ Виѳаніи. Она сокрушаетъ алавастръ свой въ знаменіе того, что и живоносному Тѣлу Господню надлежало быть сокрушену на крестѣ для изліянія всеочистительной Крови и всеосвящающей благодати. Муро возливается на главу Спасителя, почему? потому что глава сія есть *злато избранно,—очи ея яко голубицы на исполненіихъ водъ,—ланиты, аки фіалы аромать прозябающія благовоніе,—устнѣ кріны каплющіи смирну полну* (Пѣсн. V, 11, 13); т. е. муро вещественное изливается на главу, точащую муро духовное, Божественное. Вся храмина исполнилась благовонія отъ изліяннаго мура. Не такъ ли исполнилось благовонія благодатнаго все человѣчество послѣ того, какъ сокрушился Божественный алавастръ мура крестною смертію? Вотъ еще при самомъ крестѣ ощущаетъ это благовоніе разбойникъ, и вѣрою и покаяніемъ переводится къ благовоніямъ рая небеснаго; здѣсь же одинъ изъ распинателей — Лонгинъ сотникъ измѣняется вонею мура Божественнаго въ исповѣдника Христова и вопіетъ: *воистину Божій Сынъ бѣ Сей* (Матѳ. XXVII, 34). Силу святаго благоуханія почувствовалъ и народъ; *ибо вси*, сказано, *пришедшіи на позоръ сей, видяще бывающая, біюще перси своя возвращахуся* (Лук. XXIII, 48). Воня того же мура привлекаетъ къ Господу, уже умершему, Іосифа и Никодима, прежде тайныхъ чтителей Его. Что̀ сказать о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ? *Воня разума Христова*, говоритъ Апостолъ, *является во всякомъ мѣстѣ* (2 Коринѳ. II, 12). Воня мура Христова отгоняетъ зловоніе невѣрія и мертвый запахъ беззаконій въ цѣлыхъ народахъ и повсюду являетъ жизнь новую, произращая прекрасный садъ добродѣтелей, достойныхъ неба.

Таково, полагаемъ, значеніе мура изліяннаго на главу Господню; это прообразовательное указаніе на тайну спасенія нашего, и оно достойно благочестиваго вниманія. Были многія приготовленія къ смерти и погребенію Спасителя. Таково крещеніе, когда для насъ погружался Господь въ Іорданѣ, какъ Агнецъ, омываемый предъ жертвоприношеніемъ,—таково Преображеніе, когда и среди свѣта Божественнаго бесѣдовалъ Онъ съ пророками о *исходѣ Своемъ*, —таково и торжественное шествіе въ Іерусалимъ, какъ веденіе Агнца на всенародное закланіе,—и все это занимаетъ достойное мѣсто въ Евангеліи, какъ благовѣстіе нашего мира и спасенія. Все это устроено было чрезвычайнымъ промысломъ Божіимъ, все заключалось въ предвѣчномъ планѣ искупленія. Сюда безъ сомнѣнія, относится и тотъ гласъ небесный, который слышанъ былъ народомъ незадолго предъ страданіемъ Господа въ отвѣтъ на молитву Его: *Отче, прослави имя Твое!—Пріиде же гласъ съ небесе: и прославихъ и паки прославлю* (Іоан. XII, 28). Не должно ли цѣнить подобнымъ образомъ дѣло мироносицы, хотя оно, повидимому, совершено безъ всякаго предварительнаго размышленія—въ простотѣ вѣры и любви? Такъ! И здѣсь Духъ Божій дѣйствовалъ: Онъ наставилъ жену, Онъ и расположилъ въ ея священнодѣйствіи

все такъ, чтобы оно достойно было своего предмета и своей цѣли.

Замѣтимъ, наконецъ, и то наставленіе, какое преподаетъ намъ здѣсь Духъ Божій. Примѣръ мироносицы показываетъ, что Господу нашему все то весьма угодно, чѣмъ мы себя и другихъ возбуждаемъ къ воспоминанію спасительной смерти Его. Пріятно, значитъ, Господу, когда съ вѣрою изображаемъ мы на себѣ крестное знаменіе, или въ веществѣ выражаемъ оное и почитаемъ; когда благоговѣйно размышляемъ о неизрѣченной любви Его къ намъ, явленной на крестѣ, и когда молимся предъ крестомъ Его; благоугодно особенно то, если изображаемъ крестъ Господа въ самихъ себѣ, когда распинаемъ плоть свою со страстьми и похотьми и когда терпимъ скорби благодушно, сраспинаясь такимъ образомъ Христу.—Это наше мyро приносимое Господу (Воскр. Чт., г. XV, стр. 510—512).

Заговоръ синедріона и предательскій замыселъ Іуды (Матѳ. XXVI, 3—4, 14—16. Марк. XIV, 1—2, 10—11. Лук. XXII, 1—6).

Приближался праздникъ опрѣсноковъ, называвшійся Пасхою. Первосвященники и книжники собрались вмѣстѣ во дворѣ первосвященника Каіафы и совѣтовались, какимъ образомъ захватить Іисуса? Наконецъ, они рѣшили взять Его хитростью и убить Его. Но чтобы народъ, стекавшійся въ Іерусалимъ къ празднику Пасхи въ огромномъ количествѣ, не вступился за Него и не произошло бы возмущенія, враги Іисуса Христа рѣшили взять Его не въ праздникъ, тайно отъ народа. Неожиданный случай помогъ имъ скоро исполнить свое намѣреніе.—Одинъ изъ учениковъ Христовыхъ, изъ числа Его двѣнадцати Апостоловъ, Іуда Искаріотскій (урожденецъ города Каріота), зная ихъ злыя намѣренія относительно Его Учителя, рѣшился воспользоваться этимъ для удовлетворенія своей страсти къ деньгамъ. Онъ пришелъ къ первосвященникамъ во время ихъ совѣщанія и спросилъ ихъ: «что вы дадите мнѣ, если я вамъ предамъ Іисуса?» Они предложили ему тридцать серебренниковъ.—Это была, по закону, цѣна раба. Іуда согласился на эту сдѣлку и съ этихъ поръ искалъ удобнаго случая предать Іисуса Христа въ руки враговъ Его.

Сравненіе Евангельскихъ сказаній объ этомъ событіи и экзегетическія примѣчанія.

М. Муретова.

Въ то время, какъ члены великаго синедріона, рѣшивъ, во что бы то ни стало взять Іисуса и послѣ праздника Пасхи предать Его смерти, были озабочены исполненіемъ своего намѣренія,—одинъ человѣкъ неожиданно измѣнилъ ихъ планъ и ускорилъ развязку. То былъ Іуда, по прозванію Искаріотъ, изъ числа двѣнадцати приближеннѣйшихъ учениковъ Господа.

«Тогда, такъ повѣствуетъ святый Матѳей, одинъ изъ двѣнадцати, называемый Іуда Искаріотъ, пошелъ къ первосвященникамъ и сказалъ: что хотите дать мнѣ, и я вамъ предамъ Его? Они же поставили ему тридцать серебренниковъ. И съ того времени искалъ удобнаго случая, чтобы Его предать» (Матѳ. XXVI, 14—16). Маркъ разсказываетъ фактъ въ общемъ согласно съ Матѳеемъ; но въ частностяхъ есть и нѣкоторыя особенности. «И пошелъ, говоритъ онъ, Іуда Искаріотъ, одинъ изъ двѣнадцати, къ первосвященникамъ, чтобы Его предать имъ. Они же услышавъ обрадовались и обѣщали ему дать денегъ. И искалъ, какъ-бы въ удобное время предать Его» (Марк. XIV, 10—11). Маркъ не говоритъ, что самъ Іуда, и при томъ

прежде всего, потребовалъ отъ синедріонистовъ денежной награды: Іуда пошелъ къ первосвященникамъ для того, чтобы предать Господа, деньги же были обѣщаны Іудѣ первосвященниками. Кромѣ того, Маркъ не указываетъ точно, какая сумма была обѣщана Іудѣ за его злодѣйство; онъ говоритъ вообще, что Іудѣ обѣщали дать денегъ. Лука передаетъ дѣло такъ: «вошелъ сатана въ Іуду, называемаго Искаріотомъ, бывшаго изъ числа двѣнадцати. Онъ пошелъ и уговорился съ первосвященниками и начальниками о томъ, какъ имъ предать Его. Они обрадовались и положили дать ему денегъ. И онъ согласился и искалъ удобнаго случая предать Его имъ безъ народа» (Лук. XXII, 3—6). Какъ и Маркъ, и Лука не говоритъ, что Іуда самъ напередъ потребовалъ денежной награды; прямою и непосредственною цѣлью его тайнаго появленія предъ священниками было предать Іисуса; деньги же предложены Іудѣ послѣ уговора о преданіи Господа, и Искаріотъ только согласился ихъ взять. Далѣе, если Матѳей, повидимому, указываетъ на сребренники, какъ на главную причину поступка Іудина, а Маркъ вообще ничего не говоритъ о мотивахъ измѣны, то Лука, согласно съ Іоанномъ (XIII, 2, 27), прямо и выразительно указываетъ на сатану, который вошелъ въ Іуду. Наконецъ, согласно съ Маркомъ, Лука не указываетъ точно, сколько сребренниковъ получилъ Іуда, но говоритъ вообще о денежной наградѣ, данной предателю отъ синедріона.

Что же до Іоанна, то онъ совсѣмъ умалчиваетъ объ этихъ предварительныхъ переговорахъ Іуды съ синедріономъ. Онъ упоминаетъ только о послѣднемъ появленіи Іуды предъ первосвященниками за отрядомъ служителей, съ которыми предатель тотчасъ же отправился въ Геѳсиманскую рощу для взятія Іисуса (Іоан. XIII, 26—30; XVIII, 3). На этомъ основаніи нѣкоторые критики отрицаютъ достовѣрность синоптическихъ извѣстій, утверждая, что мысль и рѣшеніе предать Іисуса впервые возникли въ Іудѣ только на тайной вечерѣ. Но не говоря уже о томъ, что синоптическія извѣстія болѣе соотвѣтствуютъ исторической естественности дѣла, — и въ четвертомъ Евангеліи ясно предполагаются предварительные уговоры Іуды съ синедріономъ — ранѣе тайной вечери. На это указываютъ слова Господа къ Іудѣ: «что дѣлаешь, дѣлай скорѣе» (Іоан. XIII, 27); то же самое приходится заключать изъ замѣтки, которою Евангелистъ начинаетъ описаніе тайной вечери: «когда діаволъ уже вложилъ Іудѣ мысль предать Его» (XIII, 2); наконецъ, несвойственныя Іоанну краткость и общность разсказа о преданіи Господа несомнѣнно предполагаютъ въ читателяхъ знакомство съ болѣе подробными синоптическими извѣстіями объ этомъ (ср. XVIII, 3).

Къ сдѣланному текстуальному сравненію Евангельскихъ повѣствованій присоединимъ нѣсколько экзегетическихъ замѣчаній.

Предателемъ, по извѣстію всѣхъ Евангелистовъ, былъ одинъ изъ двѣнадцати Іуда, по прозванію Искаріотъ, — въ Греческой рукописи Ἰσκαριώτης, Ἰσκαριώθ, Σκαριώτ, Σκαριώτης, ὁ ἀπὸ Καριώτου, лат. Carioth, Cariothes и др. Значеніе этого прозванія спорно. Одни придаютъ ему вещественный смыслъ и видятъ въ немъ указаніе или на характеръ Іуды, или же на его измѣну. Другіе ученые (большинство) принимаютъ прозваніе «Искаріотъ» въ географическомъ значеніи и видятъ въ немъ указаніе на мѣсто рожденія Іуды, производя слово Ἰσκαριώθ отъ Евр. «isch — мужъ и собственнаго «kerijoth» городъ въ колѣнѣ Іудиномъ на сѣверной границѣ его, нынѣшній Куріутъ. Въ такомъ случаѣ это прозва-

ніе будетъ означать: «человѣкъ изъ (города) Каріотъ, Каріотянинъ».

Въ пользу этого производства говорятъ слѣдующія основанія: а) аналогія съ подобными же Еврейскими прозваніями: isch-jeruschalim — человѣкъ изъ Іерусалима, Ἰστοβος, Евр. isch-tob — мужъ изъ земли (или города) Товъ; б) правописаніе въ нѣкоторыхъ рукописяхъ безъ начальнаго слова isch—Καριώτης. Καριώθ и лат. Karioth, т. е. просто Каріотянинъ вмѣсто «человѣкъ изъ Каріотъ»; в) въ нѣкоторыхъ Греческихъ рукописяхъ это названіе передается словами: «ὁ ἀπὸ τοῦ Καριώθ» буквальный переводъ Еврейскаго isch-kerjoth—кто изъ Каріотъ, Каріотянинъ;» г) наконецъ, только при географическомъ значеніи этого названія возможно объяснить, что въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ оно прилагается и къ отцу Іуды—Симону. Такимъ образомъ изъ двѣнадцати Галилейскихъ учениковъ Іисуса одинъ Іуда былъ Іудеянинъ (Дѣян. II, 7), откуда весьма легко объясняется, почему за нимъ однимъ въ обществѣ Іисусовомъ утвердилось именно географическое прозвище, по мѣсту происхожденія.

По извѣстію синоптиковъ предварительный переговоръ Іуды съ первосвященниками происходилъ послѣ того засѣданія синедріона, на которомъ было окончательно постановлено казнить Іисуса (Матѳ. XXVI, 2—6 и парал.) и которое было за два дня до Пасхи, слѣдовательно послѣ 12-го или 13-го Низана,—и ранѣе того утра, когда Господь послалъ изъ Виѳаніи двухъ учениковъ въ Іерусалимъ для приготовленія пасхальной вечери, слѣдовательно ранѣе 13-го или 14-го Низана. Такимъ образомъ переговоры Іуды съ синедріономъ о преданіи Господа могли происходить только въ ночь: или между 12 или 13 Низана, если послѣднюю вечерю Господа относить на 13-е Низана, или же между 13-мъ и 14-мъ Низана, если 14 Низана признать пасхальную вечерю, что вѣроятнѣе. На ночное время указываютъ Матѳей и Маркъ, если разсказываютъ о преданіи вслѣдъ за Виѳанскою вечерею въ домѣ Симона прокаженнаго. Ночнаго мрака требовало и само дѣло. Іуда шелъ уговориться съ первосвященниками о тайномъ захватѣ Іисуса. Для этого требовалась крайняя осторожность; днемъ, при многочисленномъ стеченіи народа въ храмѣ, Іуду могли бы замѣтить входящимъ и выходящимъ изъ первосвященническаго дома—и тогда его коварный замыселъ остался бы безъ успѣха.

По извѣстіямъ Матѳея и Марка, Іуда явился съ своимъ предложеніемъ прямо къ первосвященникамъ. Подъ этими послѣдними всего естественнѣе разумѣть первосвященника Каіафу и экспервосвященника Анана. Но трудно понять, какимъ образомъ обыкновенный Іудей изъ низкаго сословія могъ имѣть такой легкій и скорый доступъ и притомъ въ столь неурочное время къ верховнымъ представителямъ Еврейскаго народа. Кромѣ того, множественное ἀρχιερεῖς, договоръ съ Іудою, измѣненіе первоначальнаго приговора синедріона относительно казни Іисуса и пр., все это даетъ видѣть, что предложеніе Іуды обсуждалось не одними первосвященниками и притомъ домашнимъ образомъ, но оффиціально, и если не всѣми, то наиболѣе вліятельными членами великаго синедріона. Какъ объяснить это экстренное собраніе синедріонистовъ въ ночное время? Разъясненіе находимъ у Евангелиста Луки въ замѣткѣ, что Іуда явился къ первосвященникамъ и начальникамъ—στρατηγοῖς. Что это за стратеги? Въ 52-мъ стихѣ той же главы они называются στρατηγοὶ τοῦ ἱεροῦ начальники храма. Въ Дѣян. IV, 1 ὁ στρα-

τηγὸς стоитъ рядомъ съ ἱερεῖς; въ V, 24, 26 онъ представляется важнымъ въ Іудейской администраціи лицемъ; ему принадлежитъ судебная власть, въ его распоряженіи находятся слуги, онъ стоитъ въ близкой связи съ синедріономъ; у Іосифа Флавія одинъ стратегъ по имени Ананъ вмѣстѣ съ первосвященникомъ Ананіей отсылаются Кодратомъ въ Римъ, какъ самыя знатныя лица изъ Іудеевъ. У того же писателя находимъ указаніе, что стратегъ былъ однимъ изъ первосвященниковъ (т. е. изъ священниковъ, которые были членами великаго синедріона); ему принадлежитъ главный надзоръ за дворомъ храма; онъ же имѣлъ у себя ключи отъ мѣдныхъ воротъ храма. Въ талмудѣ онъ называется «княземъ горы храма» (т. е. Сіона) и распоряжается храмовыми стражами. Но кажется и начальники каждой отдѣльной стражи назывались также στρατιγοὶ или ἄρχοντες (Дѣян. XVI, 20, 22, 38) и въ этомъ значеніи всего естественнѣе принимать это названіе въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Стратеги жили при храмѣ—въ особенныхъ пристройкахъ, точно также какъ и первосвященники и члены великаго синедріона. Итакъ подъ прикрытіемъ ночнаго мрака, когда Виѳанія покоилась мирнымъ сномъ, Іуда, вѣроятно чрезъ Масличную гору, пробирался въ Іерусалимъ ко храму съ своимъ коварнымъ замысломъ—тайно выдать Іисуса первосвященникамъ. Въ обычное время ворота храма, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, запирались послѣ вечерней жертвы. Но на праздникъ Пасхи дворъ храма открывался для народа до полуночи. Безъ всякихъ затрудненій предатель проникъ во дворъ храма и чрезъ храмовую стражу могъ потребовать свиданія съ первосвященникомъ. Слуги, находившіеся въ непосредственномъ вѣдѣніи стратега, вѣроятно доложили сначала своему начальнику, который не замедлилъ снестись съ первосвященниками: дѣло было серьёзное и неотложное. Такъ въ короткое время могли собраться нѣсколько членовъ синедріона и во главѣ съ первосвященниками Каіафою и Ананомъ составить экстренное засѣданіе. Іуда былъ потребованъ на аудіенцію. По извѣстію Марка и Луки, радость освѣтила лица синедріонистовъ, когда они узнали цѣль тайнаго появленія предъ ними Іуды. И естественно: предложеніе Искаріота какъ нельзя болѣе согласовалось съ собственнымъ планомъ синедріонистовъ и облегчало его исполненіе,—при содѣйствіи Іуды достигалось самое главное и вмѣстѣ самое трудное—взятіе Іисуса безъ шума и свидѣтелей.

Уговорившись съ Іудою относительно времени и мѣста взятія Іисуса, синедріонисты—по Матеею—постановили ἔστησαν (ср. Дѣян. XVIII, 31), или какъ Лука, согласно рѣшили: (συνέθεντο) выдать предателю денежную награду и притомъ, по извѣстію Матеея, въ количествѣ тридцати сребренниковъ. Въ виду ἐπηγγείλαντο—«обѣщали дать ему денегъ» Марка нужно полагать, что въ этомъ засѣданіи синедріона было постановлено только выдать награду предателю, но сребренники получены были Іудою послѣ—въ ночь преданія Господа. Ἀργύρεον, Евр. Sekel, сребренникъ былъ первоначально единицею вѣса вообще и въ частности серебра, также золота и другихъ металловъ; но впослѣдствіи это названіе было усвоено серебряной монетѣ, которая употреблялась у Евреевъ временъ Христа при сборѣ податей, въ торговыхъ операціяхъ и другихъ случаяхъ, какъ денежная единица—подобно Англійскому фунту или нашему рублю. Вѣсъ сикля, а равно и стоимость его измѣнялась въ разныя эпохи, поэтому можно сдѣлать только приблизительное опредѣленіе ихъ. Съ древнихъ временъ

у Евреевъ различались два сикля: обыкновенный и священный; первый стоилъ вдвое менѣе втораго. Сикль священный (sekelkedosch), какъ чеканная серебряная монета, былъ введенъ у Евреевъ при Симонѣ около 143 года до Р. Х. (1 Макк. XV, 6). Нѣсколько экземпляровъ этой монеты сохранилось до нашего времени; она имѣетъ круглую форму съ изображеніемъ пальмы, или чаши, или расцвѣтшаго жезла—и надписью: «Ieruschalim—kedosch—святый Іерусалимъ» и «sekel-jesrael—сикль Израилевъ». На позднѣйшихъ экземплярахъ встрѣчаются и Греческія надписи. Приблизительный вѣсъ и стоимость сикля равняется 272 Французскимъ гранамъ. Изъ XXVII, 6 Матѳ. съ несомнѣнностью открывается, что Евангелистъ разумѣетъ священный сикль, а не полусикль обыкновенный.—Такимъ образомъ за свое злодѣйство Іуда получилъ около 90 франковъ или 18—20 рублей серебромъ.

Сумма эта въ Ветхомъ Завѣтѣ назначается за раба убитаго воломъ (Исход. XX, 32); у пророка Захаріи 30 сребренниковъ упоминаются въ качествѣ презрѣнной и ничтожной суммы, которою неблагодарный народъ Израильскій оцѣниваетъ попеченіе о немъ Іеговы (Захар. XI, 12—13); у пророка Осіи этою суммою опредѣляется цѣна распутной женщины (Осія XIV, 2); у раввиновъ она является, такъ сказать, спеціальною цѣною каждаго раба безъ различія пола и возраста.—Вообще оцѣнка въ 30 сребренниковъ въ глазахъ Еврея временъ Христа служила символомъ ничтожества и выражала презрѣніе къ тому, кто ею оцѣнивался: это—цѣна грошевая, рабская. Вѣроятно какой-нибудь остроумный синедріонистъ думалъ, въ этой презрѣнной цѣнѣ найти средство отмстить ничтожному Галилеянину, дерзавшему колебать высокій авторитетъ представителей Еврейской книжности и учености. Этими 30 сиклями хотѣли выразить пренебреженіе къ лжемессіи, какъ человѣку, который стоитъ не болѣе любаго раба. Предатель, какъ извѣщаетъ Лука, согласился, (ἐξωμολογήσε) и взялъ эти жалкіе гроши. Но если злоехидная и спѣсивая ученость синедріонистовъ этими 30 сребренниками думала отмстить Іисусу, то промыслъ нашелъ средство дать этой цѣнѣ другое значеніе: именно въ этой-то презрѣнной суммѣ буквально исполнилось старинное пророчество Захаріи о 30 сребренникахъ, коими неблагодарный народъ оцѣнилъ отеческое попеченіе о немъ Іеговы: «и сказалъ имъ Іегова: если угодно вамъ, дайте Мнѣ плату Мою; если же нѣтъ, не давайте. И они отвѣсили Мнѣ въ уплату тридцать сребренниковъ. И сказалъ Господь (пророку): брось ихъ въ церковное хранилище.... высокая цѣна какою они оцѣнили Меня!... и взялъ я тридцать сребренниковъ и бросилъ ихъ въ домъ Господень для горшечника» (Захар. XI, 12—13). Если за попеченія о себѣ Отца неблагодарный Израиль платитъ рабскою цѣною, что тоже удивительнаго, если и Сынъ удостоивается только тридцати сребренниковъ? (Прав. Обозр. 1883 г., т. III, стр. 37—40. 43—47.)

Гнусность сердца предателя Іуды.

(Митрополита Григорія.)

Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый Іуда Искаріотскій, къ архіереомъ, рече: что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его (Матѳ. XXVI, 14—15).

Іуда, предатель нашего Господа, весьма примѣчателенъ въ исторіи дурныхъ людей, и стоитъ того, чтобъ обратить на него вниманіе. Ни мудрость, ни святость жизни, ни многоразличныя благодѣянія нашего Господа Іисуса Хри-

ста не произвели спасительнаго дѣйствія на Іуду. Онъ никогда не былъ привязанъ къ Господу сердечною любовью, и оставался при Немъ не по чему иному, какъ только по корысти.

Главная страсть Іуды была корыстолюбіе, родившееся, вѣроятно, оттого, что у него находился денежный мѣшокъ, принадлежавшій нашему Господу съ Его учениками. Корыстолюбіе наконецъ взяло надъ нимъ такую силу, что онъ не стыдился красть изъ общаго мѣшка, и бралъ себѣ даже и то, что̀ назначалось въ милостыню бѣднымъ. Когда же онъ увидѣлъ, что ему отъ Іисуса Христа нельзя ждать никакихъ временныхъ выгодъ, то охладѣлъ къ Нему до того, что даже тридцать сребренниковъ могли расположить его сдѣлаться Его предателемъ. Корыстолюбіе подавило въ Іудѣ всѣ добрыя чувствованія; онъ не устыдился даже самъ предложить злобнымъ и крайне злонамѣреннымъ Еврейскимъ архіереямъ услугу предать имъ своего Учителя и Господа. За пасхальною вечерею совѣсть сильно обличала Іуду въ преднамѣренномъ имъ предательствѣ: однакожъ онъ, слыша слова Господа къ Своимъ ученикамъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя* (Матѳ. XXVI, 21), смѣло, въ слухъ своихъ собратій, спрашивалъ: *еда азъ есмь, Господи* (Матѳ. XXVI, 22)? Боль, какую Іисусъ Христосъ произвелъ въ немъ обличеніемъ его въ предательствѣ, онъ сильно чувствовалъ. Глубокая скорбь Іисуса Христа о томъ, что Онъ предается однимъ изъ Своихъ учениковъ, именно Іудою, не согрѣла и не смягчила Іудина сердца, хотя онъ ясно видѣлъ ее: Іуда не способенъ былъ къ состраданію. Чѣмъ яснѣе Іуда видѣлъ, что узнаютъ его предательство, тѣмъ сильнѣе побуждало это его къ скорѣйшему исполненію предательства. Потерявъ все уваженіе и всю привязанность къ своему Учителю и Господу, Іуда исполнилъ предпринятое имъ злое дѣло въ самомъ присутствіи своего Учителя. Онъ не только издали указалъ воинамъ своего Господа, но подошелъ къ Нему Самому, обнялъ Его, поцѣловалъ Его. Предательство самое безстыдное! Ка́къ понять такое отвратительное предательство? Ка́къ понять, что ученикъ предалъ своего Учителя людямъ худымъ, явно злобнымъ и злонамѣреннымъ,—Учителя благороднѣйшаго, совершенно безпорочнаго, преисполненнаго любви и доброжелательства,—Учителя, Который такъ часто всѣмъ являлъ силу Своего всемогущества и вѣдѣнія, принадлежащаго только Богу? Ка́къ понять, что этотъ ученикъ самъ подошелъ къ своему Учителю съ людьми, которые должны были связать и взять Его,—подошелъ и поцѣловалъ Его? Не теряйтесь въ догадкахъ. Какъ никакой плотской человѣкъ не можетъ понять побужденій человѣка духовнаго и святаго; такъ никакой безпорочный и святой человѣкъ не можетъ понять побужденій человѣка вполнѣ нечестиваго; потому что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ человѣкѣ живетъ и дѣйствуетъ сила, высшая человѣческой: въ первомъ—Духъ Святый во второмъ—сатана. Ка́къ первый живетъ въ состояніи вышеестественномъ, та́къ не въ естественномъ состояніи живетъ и второй. Объ Іудѣ ясно сказано: *и по хлѣбѣ вниде въ онь* (въ Іуду) *сатана* (Іоан. XIII, 27). До сего времени въ Іудѣ былъ еще нѣкоторый стыдъ, и онъ таился; но съ сего времени онъ началъ поступать совершенно безстыдно, ка́къ не поступаетъ ни одинъ человѣкъ, ежели бы сатана не взялъ его подъ свою полную власть. А сатана всегда беретъ подъ свою полную власть человѣка—въ его главной страсти. Доко́лѣ человѣкъ еще не весь предался своей главной страсти, и посему

еще не потерялъ своей совѣсти, и не впустилъ сатаны въ свое сердце, до тѣхъ поръ въ немъ всегда есть еще нѣкоторый стыдъ и нѣкоторое дѣйствіе стыда. А доколѣ въ человѣкѣ есть хотя нѣсколько стыда, до тѣхъ поръ онъ не можетъ дѣлать зла безъ нѣкоторой внутренней борьбы, и дѣлаетъ зло робко, дѣлаетъ тайно отъ другихъ, особенно отнюдь не дѣлаетъ въ присутствіи благороднаго человѣка, и нерѣдко желалъ бы скрыть дѣлаемое имъ зло даже отъ себя самого. Но когда онъ предается своей любимой страсти вполнѣ, тогда становится совершенно другимъ человѣкомъ; тогда отъ того, отъ чего онъ отступалъ съ ужасомъ, уже не отступаетъ, привыкъ къ тому, и наконецъ дѣлаетъ то съ непостижимымъ безстыдствомъ (Изъ слова во святую Великую Среду. Духовн. Бес. 1858 г., т. I, стр. 284—286).

Библіографическій указатель къ XXVI гл. Ев. Матѳ. (3—16 ст.) и парал.

1) Ст. 6—13. Марк. XIV, 3—9. *Прот. Гречулевича.* Евангельскія жены, помазавшія Христа Спасителя мѵромъ. Стран. 1868 г. IX. 9—79.

2) Ст. 14—16. *Препод. Исидора Пелусіота.* Объ Іудѣ предателѣ, ч. I. 39 и 394.

3) *Муретова.* Іуда предатель. Прав. Обозр. 1883 г. III. 37—82.

4) Ст. 17—30. 14—16. *Св. Іоанна Златоуста.* Бесѣда о предательствѣ Іуды, о Пасхѣ... Христ. Чт. 1824 г. XIV. 3—29.

5) Марк. XIV, 3. Алавастръ. Воскр. Чт. 1872 г. I. 80.

6) *Н. Елеонскаго.* О Евангеліи Марка XIV гл. Чт. въ Общ. 1873 г. Дек. 665.

Великій Четвертокъ.

Соглашеніе Евангельскихъ сказаній о Пасхѣ, которую совершилъ Іисусъ Христосъ въ навечеріи Своей крестной смерти (Матѳ. XXVI, 17—20. Марк. XIV, 12—18. Лук. XXII, 7—16. Іоан. XII, 1; XVIII, 28; XIX, 31).

Опредѣленныя свидѣтельства трехъ Евангелистовъ—святаго Матѳея, святаго Марка и святаго Луки, поставляютъ внѣ всякаго сомнѣнія то, что Іисусъ Христосъ, наканунѣ Своей крестной смерти, совершилъ съ Своими учениками Пасху, предписанную въ законѣ Моисеевомъ, узаконеннымъ образомъ и въ положенное время, т. е. въ 14-й день мѣсяца Нисана, въ четвертокъ. Но не смотря на то, многіе писатели высказывали свои сомнѣнія какъ относительно того, въ какой именно день совершилъ Іисусъ Христосъ Свою послѣднюю на землѣ Пасху, такъ и относительно того, законную ли, Іудейскую ли Пасху тогда Онъ совершилъ. Поводъ къ сомнѣніямъ находили въ тѣхъ мѣстахъ Евангелія Іоанна, въ которыхъ говорится, что въ эту Пасху Іудеи ѣли агнца пасхальнаго въ пятницу, въ день смерти Іисуса Христа. Возникавшія, вслѣдствіе такихъ недоумѣній, мнѣнія о послѣдней Пасхѣ Іисуса Христа весьма разнообразны. Такъ, *во-первыхъ*, одни утверждали, что Іисусъ Христосъ на послѣдней Своей вечери съ учениками совершилъ Пасху законную, Іудейскую, и именно: Оригенъ, Епифаній Кипрскій, Протерій, патріархъ Александрійскій, Іоаннъ Златоустъ, Титъ, епископъ города Боцры (IV вѣка), Кириллъ Александрійскій, Софроній, патріархъ Іерусалимскій, Іоаннъ Дамаскинъ, Михаилъ Керулларій, патріархъ Константинопольскій, Ѳеофилактъ Болгарскій, Евѳимій Зигабенъ, и т. д.; напротивъ другіе полагали, что Іисусъ Христосъ на послѣдней вечери не совершалъ пасхи законной, т. е. не вкушалъ пасхальнаго агнца, а именно: Аполлинарій епископъ Іерапольскій (II вѣка), Климентъ Александрійскій, Ипполитъ Римскій, Викторъ Антіохійскій, составитель «хроники пасхальной» (VII вѣка), Никита Стифатъ, Петръ, патріархъ Антіохійскій, Кіевскіе митрополиты Леонтій и Іоаннъ (XI вѣка); *во-вторыхъ:* одни думали, что Іисусъ Христосъ совершилъ пасху—14 числа мѣсяца Нисана, какъ напримѣръ Евсевій Кесарійскій, Протерій и пр., — другіе доказывали, что — 13 числа, напримѣръ Климентъ Александрійскій, Ипполитъ Римскій, Златоустъ, Кириллъ Александрійскій, Евѳимій Зигабенъ и др.,—а другіе замѣчали только, что Христосъ совершилъ Пасху ранѣе всѣхъ однимъ днемъ, не говоря какого числа, напримѣръ Епифаній Кипрскій. Такое разнообразіе мнѣній уже указываетъ на затрудненія въ соглашеніи различныхъ сказаній

Евангелистовъ объ одномъ и томъ же событіи. Какимъ же образомъ согласить выраженія Евангелиста Іоанна о послѣдней Пасхѣ Іисуса Христа съ свидѣтельствами трехъ прочихъ Евангелистовъ, нимало не измѣняя смысла ни тѣхъ, ни другихъ?

Снесемъ мѣста Евангелій, гдѣ говорится о совершеніи послѣдней Пасхи Іисусомъ Христомъ.

Вотъ что повѣствуетъ Евангелистъ Матѳей (1): «въ первый день опрѣсночный приступили ученики къ Іисусу и сказали Ему: гдѣ велишь намъ приготовить Тебѣ Пасху? Онъ сказалъ: подите въ городъ къ такому-то и скажите ему: Учитель говоритъ: время Мое близко; у тебя совершу Пасху съ учениками Моими. Ученики сдѣлали, какъ повелѣлъ имъ Іисусъ; и приготовили Пасху. Когда же насталъ вечеръ, Онъ возлегъ съ двѣнадцатью учениками» (Матѳ. XXVI, 17—20).

Евангелистъ Маркъ говоритъ такъ: «въ первый день опрѣсноковъ, когда закалали пасхальнаго *агнца,* говорятъ Ему ученики Его: гдѣ хочешь ѣсть Пасху? Мы пойдемъ и приготовимъ. И посылаетъ двухъ изъ учениковъ Своихъ и говоритъ имъ: пойдите въ городъ; и встрѣтится вамъ человѣкъ, несущій кувшинъ воды; послѣдуйте за нимъ. И куда онъ войдетъ, скажите хозяину дома того: Учитель говоритъ: гдѣ комната, въ которой бы Мнѣ ѣсть Пасху съ учениками Моими? И онъ покажетъ вамъ горницу большую, устланную, готовую (2); тамъ приготовьте намъ. И пошли ученики Его и пришли въ городъ и нашли, какъ сказалъ имъ, и приготовили Пасху (3). По наступленіи вечери, Онъ приходитъ съ двѣнадцатью. И когда они возлежали и ѣли, Іисусъ сказалъ: истинно говорю вамъ: одинъ изъ васъ, ядущій со Мною, предастъ Меня» (Марк. XIV, 12—18).

Евангелистъ Лука излагаетъ дѣло слѣдующимъ образомъ: «насталъ день опрѣсноковъ, въ который надлежало закалать (4) пасхальнаго *агнца.* И послалъ *Іисусъ* Петра и Іоанна, сказавъ: пойдите, приготовьте намъ ѣсть Пасху. Они же сказали Ему: гдѣ велишь намъ приготовить? Онъ сказалъ имъ: вотъ, при входѣ вашемъ въ городъ, встрѣтится съ вами человѣкъ, несущій кувшинъ воды; пойдите за нимъ въ домъ, въ который войдетъ онъ, и скажите хозяину дома: Учитель говоритъ тебѣ: гдѣ комната, въ которой бы Мнѣ ѣсть Пасху съ учениками Моими? И онъ покажетъ вамъ горницу большую, устланную; тамъ приготовьте. Они по-

---

(1) Замѣтить должно, что въ Евангеліи, когда говорится о праздникѣ *семидневномъ*, то обыкновенно 15-й день Нисана называется *первымъ днемъ опрѣсночнымъ*, а когда объ *осьмидневномъ*, то называется такъ 14-й день мѣсяца; вечеромъ въ этотъ день начиналось уже пасхальное употребленіе прѣснаго хлѣба.

(2) Т. е. столовую комнату, убранную коврами для возлежанія, по восточному обычаю. Такія комнаты у древнихъ находились обыкновенно въ верхнемъ этажѣ дома; и слово ἀνώγαιον, здѣсь употребленное, иногда означаетъ также и верхній этажъ

(3) „И приготовили пасху, т. е. заготовили агнца пасхальнаго, прѣсный хлѣбъ и предписанныя для пасхи травы или плоды.

(4) Греческое слово θύειν означаетъ и *жертву приносить*, и *закалать*. Священники закалали агнцевъ, приносимыхъ въ жертву Богу, прежде нежели были съѣдаемы агнцы пасхальные по домамъ. Но когда оба эти дѣйствія—и жертвоприношеніе агнцевъ въ храмѣ, и вкушеніе агнцевъ въ домахъ,—обозначаются однимъ и тѣмъ же выраженіемъ: *закалать пасхальнаго агнца*, то легко принять одно за другое, тогда какъ они совершенно различны—и по времени, и по мѣсту, и по значенію своему.

шли и нашли, какъ сказалъ имъ, и приготовили Пасху. И когда насталъ часъ, Онъ возлегъ и двѣнадцать Апостоловъ съ Нимъ. И сказалъ имъ: очень желалъ Я ѣсть съ вами пасху сію, прежде страданія Моего. Ибо сказываю вамъ, что уже не буду ѣсть ее, пока она не совершится въ Царствіи Божіемъ» (Лук. XXII, 7—16).

Эти мѣста ясны и не допускаютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Іисусъ Христосъ въ послѣдній годъ Своей земной жизни, наканунѣ Своей крестной смерти, съ двѣнадцатью учениками Своими вкушалъ агнца пасхальнаго, предписаннаго закономъ и въ узаконенное время.

Между тѣмъ нѣкоторыя мѣста въ Евангеліи Іоанна показываютъ, что Іудеи въ тотъ годъ ѣли агнца пасхальнаго въ пятницу, въ день смерти Іисуса Христа, и такимъ образомъ представляютъ затрудненія къ рѣшенію вопроса.

Во-первыхъ, такое затрудненіе представляется въ слѣдующемъ мѣстѣ: «за шесть дней до Пасхи пришелъ Іисусъ въ Виѳанію, гдѣ былъ Лазарь, умершій, котораго Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ» (Іоан. XII, 1). Это случилось, вѣроятно, въ субботу (въ послѣдній день недѣли), потому что вшествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ въ слѣдующій затѣмъ день совершилось, по преданію, въ первый день недѣли (соотвѣтствующій нашему воскресенью). Такимъ образомъ выходитъ, что Пасха Іудейская была тогда въ пятницу, а не въ четвергъ, въ который совершилъ ее Іисусъ Христосъ. Но здѣсь затрудненіе легко можетъ быть устранено. Если Евангелистъ въ этомъ мѣстѣ опредѣляетъ время по общеупотребительному у Іудеевъ способу, то онъ совмѣщаетъ въ своемъ счисленіи субботу—день, когда пришелъ Спаситель въ Виѳанію, и четвергъ наканунѣ Пасхи, т. е. то самое навечеріе Пасхи, когда агнецъ пасхальный былъ вкушаемъ Іисусомъ Христомъ и Его учениками. Ибо извѣстно, что и это навечеріе Пасхи, и самый праздникъ, который начинался въ слѣдующій день, у Іудеевъ были одинаково называемы *Пасхою*. Слѣдовательно выраженіе Евангелиста Іоанна: «*за шесть дній до Пасхи*», равно прилагается и къ четвергу и къ пятницѣ, и потому не даетъ еще основанія къ рѣшительнымъ заключеніямъ.—Упомянутое сейчасъ двоякое употребленіе слова *пасха* уничтожаетъ другое затрудненіе, которое можно извлечь изъ другаго мѣста Евангелія Іоанна, гдѣ онъ вечеръ четверга не называетъ еще Пасхою, а выражается объ немъ такъ: «*предъ праздникомъ Пасхи*» (Іоан. XIII, 1).

Во-вторыхъ, слѣдующія два мѣста того же Евангелія святаго Іоанна, по своей трудности, несравненно болѣе важны: первое: «отъ Каіафы повели Іисуса въ преторію. Было утро; и они не вошли въ преторію, чтобы не оскверниться, но чтобы *можно было ѣсть* пасху» (Іоан. XVIII, 28); второе: «такъ какъ *тогда* была пятница, то Іудеи (1), дабы не оставить тѣлъ на крестѣ въ субботу, ибо та суббота была великій день, просили Пилата, чтобы перебить у нихъ голени, и снять ихъ» (Іоан. XIX, 31). Здѣсь прямо говорится, что Іудеи въ этотъ годъ праздновали Пасху, т. е. ѣли агнца пасхальнаго, вечеромъ въ пятницу.—Чтобы устранить затрудненіе въ первомъ изъ этихъ мѣстъ, говорятъ, что подъ Пасхою, которую гонители

(1) Т. е. первосвященники и старѣйшины.

Іисуса готовились ѣсть въ пятницу, разумѣется не агнецъ пасхальный (уже съѣденный въ четвергъ), но то мясо, которое оставалось отъ жертвъ, принесенныхъ во время празднества въ храмѣ. Правда, въ Священномъ Писаніи эти приношенія также называются *пасхою;* но едва ли можно согласиться, что первосвященники и старѣйшины для того, чтобы можно было имъ ѣсть именно остатки отъ принесенныхъ жертвъ, не захотѣли войти въ преторію изъ опасенія осквернить, если бы только самое празднованіе Пасхи дозволяло имъ это. Безъ твердыхъ доказательствъ нельзя придавать такую важность этимъ остаткамъ отъ жертвоприношеній, о которыхъ мы сейчасъ сказали.—Во второмъ мѣстѣ день смерти Іисуса Христа названъ *пятницею предъ Пасхою* (слич. Іоан. XIX, 14), т. е. кануномъ субботы или *днемъ приготовленія* (παρασκεβή). Говорятъ, что каждая пятница называлась *днемъ приготовленія* (παρασκεβή) по отношенію къ слѣдующей субботѣ. Можетъ быть, хотя мы нигдѣ не находимъ на это доказательствъ. Но пусть было такъ. Все же мы не можемъ повѣрить, чтобы *днемъ приготовленія* назывался первый день праздника Пасхи, когда онъ приходился въ пятницу. Ибо первый день великаго праздника долженъ былъ считаться самымъ торжественнымъ днемъ цѣлаго года. Но эта пятница, въ приведенномъ мѣстѣ, очевидно, стоитъ въ тѣни;—о ней упоминается, какъ о *днѣ приготовленія*, а о слѣдующей субботѣ сказано: *«та суббота была великій день»*. Почему она была выше, торжественнѣе, чѣмъ другія субботы? Потому, что эта суббота была недѣля Пасхи. Но если эта суббота получила свою торжественность отъ праздника, то первый день праздника, конечно, былъ еще торжественнѣе, еще важнѣе этой субботы.

Разбирая указанныя затрудненія, нѣкоторые писатели утверждали, что именно разсматриваемая пятница и была 14-й день мѣсяца Нисана. Потому-то, думали они, первосвященники и старѣйшины не хотѣли входить въ преторію, чтобы можно было имъ ѣсть агнца пасхальнаго вечеромъ. Господь нашъ, говорили они, не вкушалъ истиннаго агнца пасхальнаго, предписаннаго закономъ, но совершилъ только вечерю въ память этого агнца, ибо Онъ предвидѣлъ, что вечеромъ будетъ взятъ врагами, и что поэтому Ему невозможно будетъ вкушать агнца пасхальнаго по закону.

Защитники этого мнѣнія, чтобы усилить свои доказательства, употребляли еще аналогіи. Прилично было, говорили они, Спасителю нашему, Первообразу прообразовательныхъ агнцевъ, котораго святый Апостолъ Павелъ называетъ агнцемъ пасхальнымъ, закланнымъ отъ насъ (1 Корине. V, 7), умереть въ тотъ самый часъ, когда былъ закалаемъ прообразовательный агнецъ пасхальный. Конечно, аналогіи ничего не доказываютъ; но когда онѣ такъ поразительны, какъ выставленная теперь, то придаютъ нѣкоторую силу мнѣніямъ, особенно, когда говорится о Пасхѣ, которая была богата символами.

Кромѣ того, ссылаются на новѣйшія астрономическія вычисленія, по которымъ 14-е число мѣсяца Нисана было въ пятницу въ 33-мъ году нашего лѣтосчисленія, а этотъ годъ многими хронологами признается за дѣйствительный годъ смерти нашего Спасителя; тогда какъ по другимъ вычисленіямъ, 14-е число мѣсяца Нисана разсматриваемаго года приходилось въ четвергъ.—Какъ-бы то ни было, мы не имѣемъ никакого основанія думать, что Іудеи были хорошіе астрономы и могли дѣлать сложныя астрономическія вы-

численія съ такою точностью, до какой не только тогда, но даже нынѣ, можно достигнуть съ большимъ трудомъ. Извѣстно, какъ трудно было христіанамъ, даже въ то время, когда, подъ правленіемъ христіанскихъ императоровъ, всѣ пособія науки находились въ ихъ распоряженіи, — опредѣлить въ каждый годъ, по правиламъ астрономическимъ, тотъ день, въ который надлежало праздновать христіанскую Пасху. И мы впали бы въ большія ошибки, если бы стали судить объ астрономическихъ свѣдѣніяхъ Іудеевъ по удивительной точности ихъ юбилейнаго періода, которая давала ихъ хронологіи такую степень вѣрности, какой не имѣетъ даже хронологія Григоріанская. Юбилейный періодъ ихъ установленъ былъ Моусеемъ, по откровенію Божію: онъ былъ результатомъ такихъ соображеній, которыхъ Іудеи не знали. Они такъ мало упражнялись въ астрономическихъ знаніяхъ, что, если вѣрить раввинамъ, каждый мѣсяцъ подстерегали на горахъ явленіе новой луны, для точнѣйшаго опредѣленія своихъ праздниковъ; этотъ методъ часто конечно поставлялъ ихъ свѣдѣнія въ зависимость отъ облаковъ и тумановъ.—Такимъ образомъ астрономическія вычисленія въ разсматриваемомъ вопросѣ не могутъ быть приняты во вниманіе, по невозможности приложить ихъ къ дѣлу съ какою-нибудь достовѣрностью.

Весьма многіе свидѣтели, и свидѣтели достовѣрнѣйшіе, отцы и учители Церкви, какъ Греческіе, такъ и Латинскіе, о которыхъ мы упомянули выше, говорятъ о праздникѣ, совершенномъ Іисусомъ Христомъ наканунѣ Своей смерти, какъ о пасхѣ законной, которую Онъ праздновалъ въ опредѣленное закономъ время и предписаннымъ образомъ. И какъ иначе объяснить столь ясныя свидѣтельства трехъ Евангелистовъ? Правда, Господь нашъ «очень желалъ ѣсть эту пасху съ Своими учениками» (Лук. XXII, 15) потому, что хотѣлъ въ эту вечерю установить святое таинство евхаристіи; но, говоря Своимъ ученикамъ такъ просто и съ такою любовію о приготовленіи пасхи для Него, Онъ, конечно, разумѣлъ того пасхальнаго агнца, который естественно представлялся уму Апостоловъ, о которомъ Онъ говорилъ имъ и въ прежніе годы, котораго ѣли они каждый годъ и котораго ѣсть пришло время и въ этотъ годъ.

Чтобы слова Евангелиста Іоанна согласить съ повѣствованіями прочихъ Евангелистовъ, надлежало бы, по общеизвѣстнымъ строгимъ правиламъ герменевтики, изъяснять слова его—одного словами прочихъ трехъ; но какъ у трехъ прочихъ Евангелистовъ не выражено опредѣленно, въ какой *именно* день ѣли пасхальнаго агнца Іудеи, то, нимало не извращая яснаго смысла ихъ повѣствованій и свидѣтельствъ почтенной древности, можно остановиться на изъясненіи тѣхъ толкователей, которые утверждаютъ, что Іисусъ Христосъ вкушалъ агнца пасхальнаго со Своими учениками вечеромъ, въ четвергъ, въ 14-й день Нисана, и слѣдовательно въ узаконенное время и предписаннымъ въ законѣ образомъ,—что первосвященники и фарисеи ѣли агнца въ слѣдующій день, т. е. въ пятницу, 15 числа,—и что, вѣроятно, бо́льшая часть Іудеевъ поступила точно также.

Мнѣніе это поддерживали уже многіе писатели. Но какъ 14-й день Нисана назначенъ былъ закономъ Божіимъ для отправленія пасхальнаго торжества, а 15-й день для перваго торжества *семидневнаго* праздника, то естественно возникаетъ вопросъ: возможно ли, чтобы Іисусъ Христосъ вкушалъ агнца

пасхальнаго въ четвергъ, тогда какъ архіереи и фарисеи ѣли бы его въ пятницу? Нѣкоторые изъ древнихъ учителей Церкви уже отвѣчали на этотъ вопросъ такъ: «они (Іудеи) ѣли ее на другой день и нарушили законъ, чтобы только достигнуть своего желанія—умертвить Его. Не Христосъ преступилъ время Пасхи, а они, на все дерзающіе и поправшіе многіе законы; потому что весьма кипѣли гнѣвомъ, и многократно покушались взять Его, но не могли. Теперь же, захвативъ Его неожиданно, они предпочли оставить пасху, чтобы только удовлетворить своему кровожадному желанію». Это побужденіе отсрочить пасху едва-ли можно допустить во всей строгости. Архіереи и синедріонъ, которые весьма боялись народа, какъ мы видимъ это изъ многихъ мѣстъ Евангелія, не посмѣли бы дѣйствовать такъ рѣшительно, тѣмъ болѣе, что только за нѣсколько дней предъ тѣмъ, когда Іуда предложилъ имъ продать своего Божественнаго Учителя, они перемѣнили прежде принятое ими рѣшеніе —не умерщвлять Іисуса въ продолженіе праздника (Матѳ. XXVI, 5, 14—15). Евангелисты также не прошли бы такимъ рѣшительнымъ молчаніемъ распоряженіе архіереевъ объ отсрочкѣ Пасхи для означенной цѣли.

Есть еще предположеніе, что, по причинѣ многочисленности агнцевъ пасхальныхъ, которыхъ должно было закалать въ преддверіи храма, обитатели Іерусалима и собственно такъ называемой Іудеи, по заведенному обыкновенію, ѣли агнца пасхальнаго, согласно съ закономъ, въ 14-й день мѣсяца Нисана, тогда какъ Галилеяне и всѣ прочіе Израильтяне, пришедшіе изъ иноплеменныхъ странъ, ѣли его въ 13 день вечеромъ. Поэтому-то Іисусъ Христосъ, воспитанный въ Назаретѣ и проводившій бо́льшую часть жизни Своей въ Капернаумѣ, вкушалъ пасху съ Своими учениками, которые всѣ были Галилеяне, въ 13-й день Нисана, сообразуясь такимъ образомъ съ установленіемъ тѣхъ, которые, сидя на сѣдалищѣ Моисеевомъ, ввели это двоякое торжество.

Гораздо болѣе вѣроятно другое мнѣніе, что четвергъ, въ который Іисусъ Христосъ со Своими учениками вкушалъ агнца пасхальнаго, былъ въ 14-й день Нисана, слѣдовательно день, опредѣленный закономъ, но что архіереи и верховный совѣтъ, для того, чтобы двѣ субботы (т. е. пасха и субботній день недѣли), въ которыя обѣ запрещалась всякая работа, не слѣдовали непосредственно одна за другою, перенесли праздникъ пасхи съ пятницы на седьмой день недѣли—на субботу, т. е. съ 15-го числа на 16-е, и такимъ образомъ навечеріе Пасхи, когда ѣли пасхальнаго агнца, пришлось въ пятницу—15-го числа. Іисусъ Христосъ, исполнявшій законъ во всей точности, не принялъ никакого участія въ этомъ нововведеніи. Это объясненіе, кажется, очень просто устраняетъ всѣ затрудненія и поставляетъ слова Евангелиста Іоанна въ совершенномъ согласіи съ словами трехъ Евангелистовъ. Можетъ быть, слѣдующія слова Евангелиста Луки: «насталъ день опрѣсноковъ, въ который надлежало закалать пасхальнаго агнца (Лук. XXII, 7), заключаютъ въ себѣ намекъ на самовольное нововведеніе недостойныхъ князей Израильскихъ. Такимъ образомъ, по этому вѣроятному мнѣнію, Іисусъ Христосъ вкушалъ агнца пасхальнаго, предписаннаго закономъ, въ четвергъ вечеромъ, въ 14-й день Нисана, въ опредѣленное время, и предписаннымъ въ законѣ образомъ; въ чемъ не позволяютъ намъ сомнѣваться свидѣтельства трехъ Евангелистовъ, взятыя вмѣстѣ. Можетъ быть, и другіе

еще, для которыхъ нововведеніе архіереевъ и старѣйшинъ было предметомъ соблазна, ѣли агнца въ тотъ же самый вечеръ. Но сами архіереи и старѣйшины ѣли пасху въ пятницу, 15-го числа, и, вѣроятно, бо́льшая часть Іудеевъ поступила подобно имъ. По соображенію приведенныхъ мѣстъ Евангелія святаго Іоанна съ тѣмъ обстоятельствомъ, что князья народа проводили этотъ день въ дѣятельности—именно занимались судебнымъ допросомъ, гдѣ дѣло шло о жизни или смерти, также переговорами съ язычниками, приготовленіями къ распятію, которому долженъ былъ подвергнуться обвиненный,—по этому соображенію оказывается, что въ тотъ день они еще не праздновали Пасху; потому что если бы они праздновали первый день праздника Пасхи, то не стали бы заниматься никакимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе судомъ и казнью.

Есть еще обстоятельство, которое заставляетъ вѣрить, что первый день праздника Пасхи былъ перенесенъ Іудеями на субботу. Во второй день праздника, т. е., какъ объ этомъ положительно говоритъ Іосифъ Флавій, въ 16-е число Нисана, согласно Божественному установленію, былъ приносимъ въ храмъ первый снопъ ячменя. Считая отъ этого дня, праздникъ Пятидесятницы Іудейской приходился въ пятидесятый день. По общепринятому преданію, этотъ праздникъ въ тотъ годъ былъ въ первый день недѣли (воскресенье), такъ какъ и воскресеніе Іисуса Христа изъ мертвыхъ случилось въ этотъ же день. Но если бы первый снопъ ячменя принесенъ былъ въ седьмой день недѣли (въ субботу), то праздникъ Пятидесятницы долженъ былъ бы падать тоже на седьмой день недѣли—на день субботній. Слѣдовательно вторымъ днемъ праздника въ томъ году у Іудеевъ была не суббота (16-е число), а первый день недѣли (17-е число), первымъ днемъ праздника—суббота (16-е число), а навечеріемъ Пасхи—пятница (15-е число).

Итакъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, исполнившій весь ветхій законъ, и Свою послѣднюю на землѣ пасху совершилъ законнымъ образомъ и въ установленное время, т. е. въ четвергъ вечеромъ—въ 14-й день Нисана. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не сомнѣваемся, что Спаситель нашъ послѣ того, какъ вкусилъ пасху въ назначенное закономъ время, умеръ на крестѣ въ пятницу, именно въ ту минуту, когда были закалаемы символическіе агнцы (Православн. Собесѣдн. 1861 г., ч. II, стр. 33—56).

О томъ же, діакона Кудрявцева.

Первые три Евангелиста, согласуясь съ Евангелистомъ Іоанномъ въ томъ, что днемъ смерти Господа была пятница (Матѳ. XXVII, 62—64. Марк. XV, 42. Лук. XXIII, 54, ср. Іоан. XIX, 14), не могутъ, повидимому, быть соглашены съ нимъ въ томъ, въ какомъ отношеніи стоялъ этотъ день къ законному празднику того года: былъ ли это день самаго праздника, или день предшествовавшій ему? По повѣствованіямъ первыхъ Евангелистовъ, дѣло какъ будто та́къ представляется, что день смерти Господа былъ и днемъ самаго праздника, слѣдовательно онъ былъ 15-е Нисана, а день вечера былъ, значитъ, не иной какой, какъ 14-е Нисана. По Евангелію же отъ Іоанна дѣло представляется та́къ, что день смерти Господа—пятница—не былъ день самаго праздника, а только день предшествовавшій ему, значитъ—это былъ день 14-е Нисана, а вечеря была, слѣдовательно, 13-е Нисана. Вслѣдствіе этого три первые Евангелиста, начиная говорить о такомъ времяопредѣленіи, формулируютъ его та́къ: или «въ первый день опрѣсночный», какъ Евангелистъ Матѳей, или,

въ первый день опрѣсноковъ, когда закалали пасхальнаго агнца», какъ Евангелистъ Маркъ, или просто: приближался праздникъ опрѣсноковъ, называемый Пасха», какъ Евангелистъ Лука. Послѣдній же Евангелистъ, начиная говорить о такомъ время-опредѣленіи, формулируетъ его значительно иначе. Онъ просто говоритъ, что это было прежде праздника Пасхи: «πρὸ δὲ τῆς ἑορτῆς τοῦ Πάσχα». Разница, конечно, не какая либо догматическая, но, тѣмъ не менѣе, она касается такого пункта, который не можетъ быть не дорогъ сердцу христіанина и который не можетъ не возбудить въ немъ самаго сильнаго желанія устранить такое важное недоумѣніе. Вотъ почему ни для одного изъ кажущихся разногласій не было такъ много попытокъ къ соглашенію, какъ для этого. Но, къ сожалѣнію, многія изъ такихъ попытокъ не только не облегчили, а скорѣе затруднили рѣшеніе вопроса. Между тѣмъ этотъ вопросъ не будетъ представлять ничего особенно труднаго, если мы, руководясь преданіемъ отцевъ Церкви, будемъ смотрѣть на повѣствованія Евангелиста Іоанна, какъ на дополненія къ повѣствованіямъ другихъ Евангелистовъ. Вся трудность окажется только въ томъ, что три первые Евангелиста, не опредѣливъ времени событія, возбудили въ послѣднемъ Евангелистѣ желаніе опредѣлить это время возможно точнѣе и яснѣе. Вслѣдствіе этого, вся разность окажется въ томъ, что первые Евангелисты говорили менѣе опредѣленно, а послѣдній—болѣе. Справедливость такого взгляда откроется тотчасъ, какъ скоро мы внимательно сравнимъ хронологическія указанія первыхъ Евангелистовъ съ хронологическими указаніями послѣдняго. Первое изъ указаній Евангелиста Іоанна заключается въ самомъ началѣ повѣствованія его о вечери. Πρὸ δὲ τῆς ἑορτῆς τοῦ Πάσχα. «Прежде праздника Пасхи». Это указаніе хотя и не принадлежитъ къ числу самыхъ точныхъ, тѣмъ не менѣе оно прямо говоритъ, что вечеря была не 14-е Нисана. Не на праздникъ опрѣсноковъ указываетъ онъ, а на праздникъ Пасхи. Но такъ какъ у Іудеевъ праздникомъ Пасхи назывался собственно тотъ день, въ вечеръ котораго вкушаемъ былъ агнецъ пасхальный, то выраженіе Евангелиста «прежде праздника Пасхи» не иное что̀ можетъ означать, какъ только то, что вечеря была совершена наканунѣ, т. е. 13 числа.

Второе хронологическое указаніе Евангелиста Іоанна гораздо яснѣе, чѣмъ предыдущее. Во время вечери, Господь, обличивъ Іуду въ намѣреніи предательства, говоритъ ему: «*еже твориши, сотвори скоро. Сего же никтоже разумѣ отъ возлежащихъ, къ чесому рече ему. Нѣцыи же мняху, понеже ковчежецъ имяше Іуда, яко глаголетъ ему Іисусъ: купи еже требуемъ на праздникъ* (XIII, 27—29). Выраженіе «на праздникъ», въ сравненіи съ 1 стихомъ этой главы, не иначе можно понять, какъ къ празднику Пасхи. Слѣдовательно, этотъ послѣдній предполагается еще не наступившимъ. Далѣе: если бы эти слова произнесены были на вечери 14-го Нисана, то немыслимое дѣло, чтобы Апостолы пришли къ предположенію о какой либо покупкѣ въ это время даже такихъ предметовъ, какіе раздавались бѣднымъ. Та праздничная ночь, въ которую совершалась пасхальная вечеря, считалась временемъ самымъ священнымъ, и считалось совершенно незаконнымъ въ эту, принадлежавшую субботнему праздничному дню, ночь совершать какую либо покупку. Особенно немыслимо, чтобы отцы семействъ, долженствовавшіе участвовать съ своими домочадцами въ пасхальной вечери,

оставили свои семейства и занимались дѣлами въ лавкахъ. Напротивъ, все это будетъ очень натурально, если мы примемъ, что Апостолы высказанное предположеніе выразили въ ночи съ 13-го на 14-е Нисана. Въ это время, дѣйствительно, купеческій классъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы на другой день пораньше покончить свою дѣятельность, занимался дѣлами долѣе обыкновеннаго.

Третье указаніе Евангелиста на день совершенія пасхальной вечери заключается въ указаніи Евангелистомъ той причины, по которой Іудеи не вошли въ преторъ, находившійся въ домѣ Пилата язычника. Эта причина была та, чтобы имъ не осквернриться, но ѣсть пасху. Здѣсь какъ подъ словомъ «пасха» нельзя понимать семидневную жертвенную пищу, или такъ называемую «хагига», такъ и подъ осквернѣніемъ нельзя понимать того обычнаго осквернѣнія, которое продолжалось до конца дня. Нельзя понимать слово «пасха» въ смыслѣ широкомъ потому, что здѣсь употребленъ членъ: τὸ πάσχα, а по библейскому словоупотребленію членъ употребляется только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится собственно объ агнцѣ пасхальномъ; когда же идетъ дѣло о жертвахъ пасхальныхъ вообще, то членъ опускается (Числ. XXVIII, 19—24. Второзак. XVI, 1—3). Точно также и подъ осквернѣніемъ нельзя понимать того осквернѣнія, которое продолжалось будто бы до конца дня и которое не имѣло будто бы отношенія къ агнцу пасхальному, употребленіе котораго начиналось уже вечеромъ, относящимся къ другому дню. Прежде всего очень невѣроятно то обстоятельство, чтобы Іудеи, находившіеся во время жизни Спасителя въ постоянномъ общеніи съ язычниками, считали такое общеніе вообще нечистымъ. Но если они, какъ сказано здѣсь, опасались осквернѣнія, то это не иначе, какъ только предъ началомъ той важной трапезы, которая предстояла для нихъ вечеромъ. Очевидно, только въ это время они и могли опасаться такихъ ничтожныхъ осквернѣній, какъ общеніе съ язычникомъ. Ко всему этому ученый Моверсъ прибавляетъ, что если бы здѣсь разумѣлся не агнецъ пасхальный, а обычная хагига, то члены синедріона, какъ занимавшіеся въ тотъ день осужденіемъ Іисуса, не могли по законамъ вкушать ее. Онъ ссылается далѣе на талмудъ и говоритъ, что въ 15-е Нисана не было обязательно приносить жертву, и слѣдовательно члены синедріона не могли страшиться лишенія такой пищи, которой въ сущности не могло и быть. Значитъ, нужно необходимо принять, что подъ словомъ «пасха» Евангелистъ понималъ употребленіе агнца пасхальнаго, и опасеніе Іудеевъ было опасеніе лишенія этого послѣдняго.

Самое ясное указаніе Евангелиста на день совершенія вечери заключается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Евангелистъ день распятія Господа называетъ «пятницею» παρασκευὴ τοῦ πάσχα: «Іудеи же, понеже пятокъ бѣ, да не останутъ на крестѣ тѣлеса въ субботу, бѣ бо великъ день тоя субботы». Здѣсь подъ словомъ «пятница» нельзя понимать пятницу праздника Пасхи, но пятницу предъ Пасхою, въ которую вечеромъ должно было вкушать пасхальнаго агнца. Такое пониманіе имѣетъ слѣдующія основанія: 1) хотя слово παρασκευὴ употреблялось иногда для обозначенія дня предъ субботой, но въ Новомъ Завѣтѣ вездѣ, гдѣ только употребляется это слово, вездѣ употребляется для обозначенія покоя предшествовавшаго субботнему дню. Такъ, нельзя понимать παρασκευὴ, какъ день пятницы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Евангелистъ говоритъ, что погребавшіе положили Іисуса въ ближай-

шемъ гробѣ по причинѣ пятницы Іудейской. Точно такое же значеніе имѣетъ это названіе и у другихъ Евангелистовъ (Лук. XXIII, 54. Марк. XV, 42). 2) Если бы слово παρασκευὴ означало день недѣли, то была бы совершенно излишняя приставка τοῦ Πάσχα; въ такомъ случаѣ нужно бы было прибавить не τοῦ Πάσχα, а τοῦ σάββατος, или просто употребить παρασκευὴ безъ всякой приставки. 3) Если бы событіе распятія случилось въ 15-е Нисана, въ самый день праздника, который праздновался въ томъ году въ пятницу, то обозначеніе слѣдовавшей за этимъ днемъ субботы никакъ не могло бы быть такое, какое Евангелистъ ей даетъ. Ее никакъ нельзя бы было назвать великимъ днемъ. Всѣ дни, находившіеся между первымъ и послѣднимъ днемъ праздника, назывались малыми днями. Днемъ же великимъ назывался только первый и послѣдній день праздника. Такое названіе встрѣчается въ самомъ Евангеліи. Такъ, говоря о пребываніи Іисуса на послѣднемъ днѣ праздника кущей, Евангелистъ выражается такъ: «въ послѣдній великій день праздника» (Іоан. VII, 37). Слѣдовательно, съ полною увѣренностью можно принять, что если Евангелистъ называетъ субботу великимъ днемъ, то называетъ потому, что къ обыкновенному празднику субботы присоединился еще другой, именно—праздникъ Пасхи: «*бѣ бо великъ день тоя субботы*». Значитъ, можно принять, что событія распятія происходили въ 14-е Нисана, а послѣдняя вечеря 13-е Нисана.

Если сопоставимъ съ этими точными и опредѣленными данными указанія на день вечери трехъ первыхъ Евангелистовъ, то эти послѣднія не только уступятъ первымъ по своей численности, но и по своей опредѣленности. Указанія Евангелистовъ находятся въ одномъ только мѣстѣ, гдѣ начинаютъ они говорить о вечери, и притомъ такія, которыя и сами по себѣ недовольно опредѣленны, да и въ другихъ мѣстахъ находятъ себѣ противорѣчіе. Говоря о днѣ послѣдней вечери, первые три Евангелиста выражаются такъ: «въ первый день опрѣсноковъ»—τῇ δὲ πρώτῃ τῶν ἀζύμων (Матѳ. XXVI, 17). «Въ первый день опрѣсноковъ, когда закалали пасхальнаго агнца» (καὶ τῇ πρώτῃ ἡμέρᾳ τῶν ἀζύμων, ὅτε τὸ πάσχα ἔθυον Марк. XIV, 12). «Насталъ праздникъ опрѣсноковъ, въ который должно было закалать пасхальнаго агнца» (ἦλθε δὲ ἡ ἡμέρα τῶν ἀζύμων, ἐν ᾗ ἔδει θύεσθαι τὸ πάσχα Лук. XXII, 7). Сопоставляя эти три указанія, нельзя не замѣтить, какъ каждый изъ Евангелистовъ, сознавая недостаточность выраженія своихъ предшественниковъ, старался уяснить другаго. Евангелистъ Матѳей, сказавъ, что вечеря происходила въ день опрѣсноковъ, употребилъ такое выраженіе, которое давало поводъ думать, что она происходила 15-го Нисана, когда начинался собственно праздникъ опрѣсноковъ. Вслѣдствіе этого, Евангелистъ Маркъ счелъ нужнымъ отдалить это время, по крайней мѣрѣ, на день назадъ, и потому прибавилъ: «когда закалали пасхальнаго агнца». Евангелистъ Лука замѣтилъ, что и это отклоненіе, сдѣланное ближайшимъ его предшественникомъ, недостаточно, и потому счелъ нужнымъ еще болѣе ограничить это время и выразился такъ: «пріиде же день опрѣсноковъ», т. е. только приблизился еще. Такимъ образомъ довольно прямо выраженное указаніе перваго Евангелиста было постепенно болѣе и болѣе обобщаемо и, такъ сказать, отклоняемо отъ того смысла, который могъ заключаться въ словахъ перваго Евангелиста. Уже изъ этого постепеннаго уясненія достаточно можно

видѣть, что выраженіе «πρώτη» не имѣетъ въ себѣ опредѣленнаго указанія на какое либо время, но это заключеніе можетъ еще найти для себя поддержку въ словоупотребленіи. Опредѣленное указаніе на первый день недѣли, по изъясненію древнихъ Греческихъ толкователей, никогда не производится чрезъ слово «πρώτη, но всегда, или по большей части, чрезъ слово: «μία. Такъ, сами первые Евангелисты, когда говорили о первомъ днѣ недѣли, къ который Христосъ воскресъ, то употребили слово не«πρώτη», а «μία» (Матѳ. XXVIII, 1. Марк. XVI, 2. Лук. XXIV, 1. Іоан. XX, 1). Слѣдовательно, если три первые Евангелиста употребили, для обозначенія дня вечери, слово «πρώτη, а не «μία», то, очевидно, хотѣли указать на время менѣе опредѣленное. По объясненію святаго Златоуста, блаженнаго Ѳеофилакта и Евѳимія Зигабена, днемъ опрѣсноковъ Евангелисты называютъ день, предшествовавшій празднику опрѣсноковъ, въ который вечеромъ Іудеи должны были ѣсть по закону пасху съ опрѣсноками. Но какъ Іудеи, говорятъ они, имѣли обычай считать дни съ вечера, то и день, предшествовавшій этому дню, они называли первымъ днемъ опрѣсноковъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что указанія первыхъ Евангелистовъ, какъ указанія мало опредѣленныя ни мало не противорѣчатъ точнымъ указаніямъ Евангелиста Іоанна. Такое заключеніе можно подтвердить и другими обстоятельствами. Посылая учениковъ для приготовленія комнаты, гдѣ должна быть вечеря, Господь велитъ имъ сказать такому-то: «*Учитель глаголетъ: время Мое близъ есть: у тебе сотворю пасху со ученики Моими*» (Матѳ. XXVI, 18). Такое заявленіе о близости времени было бы рѣшительно непонятно, если бы Господь хотѣлъ совершить вечерю въ законное для Іудеевъ время. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ было бы достаточно указать только на желаніе учителя совершить пасху, и тотъ, къ кому была обращена рѣчь, вполнѣ бы понялъ, зачѣмъ нужна была такая комната. Есть и еще обстоятельство довольно замѣчательное. Евангелисты Маркъ и Лука говорятъ о возвращеніи съ поля Симона Киринейскаго, которому Іудеи поручили нести крестъ за Іисусомъ. Такое возвращеніе съ поля, очевидно, предполагало занятіе полевыми работами, которое было бы немыслимо, если бы день распятія былъ день праздника, исключающій всякаго рода дѣятельность. Представленное нами сопоставленіе хронологическихъ указаній приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что разногласія между повѣствованіями никакого нѣтъ, что и первые Евангелисты говорятъ о томъ же самомъ днѣ, какъ и Евангелистъ Іоаннъ, только менѣе опредѣленно, чѣмъ этотъ послѣдній.

При этомъ раждается только одинъ вопросъ, рѣшеніе котораго хотя и не относится прямо къ нашему изслѣдованію, но который нельзя пройти молчаніемъ. Вопросъ этотъ состоитъ въ томъ, по какому же случаю Господь Іисусъ совершалъ Пасху ранѣе обыкновеннаго? Изъ всѣхъ рѣшеній этого вопроса самое вѣроятнѣйшее, кажется, то, какое даетъ ученый Гугъ и которое, по его собственнымъ словамъ, было результатомъ его близкаго знакомства съ дѣломъ. Онъ говоритъ, что Іудеи, послѣ плѣна Вавилонскаго, сдѣлавшись много религіознѣе, начали обременять себя обычаями, для которыхъ не было даже указанія въ законѣ Моусея. Такъ, они не довольствовались празднованіемъ тѣхъ дней, которые предписывались Моусеемъ, но хотѣли праздновать даже и тѣ, которые имъ предшествовали. При этомъ онъ ссылается на эдиктъ Авгу-

ста, гдѣ есть уже рѣчь о днях, предшествовавшихъ праздникамъ, и на талмудическія мѣста. Слѣдствіемъ этого, говоритъ онъ, было то, что удаленіе кислыхъ хлѣбовъ предъ Пасхою, особенно въ Галилеѣ, совершалось не только въ день, предшествовавшій празднику, но даже наканунѣ его, т. е. въ 13-е Нисана. На основаніи такого, мало-помалу образовавшагося взгляда на праздники, и въ Іерусалимѣ приготовленіе агнца пасхальнаго не было безусловно необходимымъ только въ четырнадцатый день. По крайней мѣрѣ можно полагать, что это дозволено было въ отношеніи къ Галилеянамъ, болѣе ревновавшимъ о днях предпраздственныхъ. Къ тому же такое дозволеніе могло служить большимъ облегченіемъ для служащихъ въ храмѣ. Закланіе *256,000* агнцевъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, было бы слишкомъ обременительно, если бы не дозволялось Галилеянамъ болѣе раннее употребленіе пасхальныхъ агнцевъ. Очень неудивительно, что Господь воспользовался этимъ обычаемъ Галилеянъ и совершилъ ветхозавѣтную Пасху ранѣе обыкновеннаго, а Самъ, какъ истинный Агнецъ, долженствовавшій замѣнить прообразъ, пострадалъ 14-го Нисана, въ день законнаго празднованія Пасхи (Христ. Чт. 1867 г., т. I, стр. 708—714. 716—720).

Омовеніе ногъ на тайной вечери (Іоан. XIII, 1—17).

(*Берсье.*)

Предъ праздникомъ Пасхи, Іисусъ, зная, что пришелъ часъ Его перейти отъ міра сего къ Отцу, явилъ дѣломъ, что возлюбивъ Своихъ, сущихъ въ мірѣ, до конца возлюбилъ ихъ. И во время вечери, когда діаволъ уже вложилъ въ сердце Іудѣ Симонову Искаріоту предать Его, Іисусъ, зная, что Отецъ все отдалъ въ руки Его, и что Онъ отъ Бога исшелъ и къ Богу отходитъ, всталъ съ вечери, снялъ съ Себя верхнюю одежду, и взявъ полотенце, препоясался. Потомъ влилъ воды въ умывальницу и началъ умывать ноги ученикамъ и отирать полотенцемъ, которымъ былъ препоясанъ. Подходитъ къ Симону Петру, и тотъ говоритъ Ему: «Господи, Тебѣ ли умывать ноги мои?» Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: «что̀ Я дѣлаю теперь, ты не знаешь, а уразумѣешь послѣ». Петръ говоритъ Ему: «не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ». Іисусъ отвѣчалъ ему: «если не умою тебя, не будешь имѣть части со Мною». Симонъ Петръ говоритъ Ему: «Господи! не только ноги мои, но и руки и голову». Іисусъ говоритъ ему: «омытому нужно только ноги умыть, потому что чистъ весь; и вы чисты, но не всѣ». Ибо зналъ Онъ предателя Своего, потому и сказалъ: не всѣ чисты. Когда же умылъ имъ ноги и надѣлъ одежду Свою, то возлегши опять сказалъ имъ: «знаете ли, что̀ Я сдѣлалъ вамъ? Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ и правильно говорите, ибо Я точно то. Итакъ если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ, то и вы должны умывать ноги другъ другу. Ибо Я далъ вамъ примѣръ, чтобы и вы дѣлали то же, что̀ Я сдѣлалъ вамъ. Истинно, истинно говорю вамъ: рабъ не больше господина своего, и посланникъ не больше пославшаго его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете» (Іоан. XIII, 1—17).

«Возлюбивъ Своихъ сущихъ въ мірѣ, Онъ возлюбилъ ихъ до конца». *До конца,* т. е. до послѣдняго часа, когда становится яснымъ, въ чемъ заключается истинный смыслъ жизни, когда все мнимое изглаживается и исчезаетъ; *до конца,* т. е. до момента несказанныхъ страданій, до момента смертной му̀ки на Голгоѳѣ, на томъ крестѣ, гдѣ

видѣлъ Его святый Іоаннъ, преклоняясь предъ милосердіемъ, приносящимъ себя въ жертву за спасеніе людей.

Іисусъ хочетъ еще разъ засвидѣтельствовать эту любовь къ Своимъ ученикамъ дѣломъ, воспоминаніе о которомъ на вѣки запечатлѣется въ ихъ памяти. Въ этомъ дѣйствіи Онъ хочетъ дать образъ той идеи, которая проникла все Его служеніе,—идеи добровольнаго смиренія, ради которой Онъ отдалъ Себя человѣчеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ хочетъ показать Своимъ ученикамъ, заводящимъ споры о первомъ мѣстѣ въ грядущемъ Царствіи, что высшее величіе заключается въ смиреніи. Вотъ почему Онъ снимаетъ съ Себя верхнюю одежду, и какъ рабъ, въ одномъ хитонѣ беретъ полотенце, Самъ опоясывается имъ и опускается на колѣна, чтобы умыть ноги Своимъ ученикамъ.

«Іисусъ, зная, что Отецъ все отдалъ въ руки Его, и что Онъ отъ Бога исшелъ и къ Богу отходитъ, всталъ съ вечери... и началъ умывать ноги ученикамъ»... Какое странное сближеніе! Неужели же Іисусъ Христосъ доходитъ до такой степени смиренія именно потому, что знаетъ, что Онъ отъ Бога исходитъ и къ Богу отходитъ? Да, такъ и должно быть: между этою мыслью и этимъ дѣйствіемъ существуетъ глубокая внутренняя связь. Чѣмъ истинно возвышеннѣе душа человѣка, тѣмъ болѣе доступно ему смиреніе. Какое же значеніе имѣютъ для Іисуса, стоящаго на безмѣрной высотѣ, куда возвела Его воля Отца, всѣ наши жалкія различія въ общественномъ положеніи, наше ложное величіе и наши условные порядки? Какое значеніе въ Его словахъ имѣетъ наше тщеславіе, наше мелкое соперничество, наша борьба себялюбія и гордости? Какое значеніе имѣетъ людское порицаніе или презрѣніе въ глазахъ Того, Кто обладаетъ одобреніемъ Божіимъ? Какое значеніе имѣютъ всѣ земныя униженія для Того, Кто вкусилъ небесной славы?

О, жалкіе поклонники земной славы! Познайте предъ лицемъ колѣнопреклоненнаго Спасителя величіе унижающаго себя милосердія! Воззрите на Него, Господа господствующихъ, исполняющаго обязанность раба, самаго презрѣннаго раба, ибо на Востокѣ самый послѣдній изъ рабовъ умываетъ ноги возлежащихъ за столомъ. Сравните съ этимъ зрѣлищемъ ложное величіе эгоизма, хотя бы и наиболѣе блестящее и прославленное,—какъ оно блѣднѣетъ и умаляется передъ этимъ высокимъ самоотверженіемъ! Вотъ на что захотѣлъ Іисусъ Христосъ указать свѣту, вотъ чего до Него не вѣдалъ древній міръ, не умѣвшій выразить ни на одномъ изъ своихъ языковъ слова «смиреніе». Вспомнимъ, кромѣ того, что, подвергаясь такому униженію, Іисусъ Христосъ возвысилъ человѣчество. Безъ сомнѣнія, и до Него совершались поступки, сходные съ Его поступкомъ; такъ, напримѣръ, въ Индіи Будда—можетъ быть самая благородная и симпатичная личность языческаго міра—дѣлилъ лохмотья и жалкіе одры нищихъ и больныхъ. Но, разсмотрѣвши внимательнѣе его дѣйствія, мы тотчасъ замѣтимъ, что, поступая такимъ образомъ, Будда стремился только выполнить требованія крайняго аскетизма, чтобы очиститься незаслуженными страданіями. Какая разница между такимъ стремленіемъ и чувствомъ, воодушевлявшимъ Іисуса Христа! Съ того дня, когда въ «высокой и устланной горницѣ» Христосъ преклонилъ колѣна, чтобы исполнить обязанность раба,—рабъ возвысился, ибо какъ-бы низко ни ставило его людское презрѣніе, онъ зналъ, что нѣкогда Самъ Спаситель былъ товарищемъ его позора и скорби.

Изумленіе, произведенное этимъ необычайнымъ поступкомъ такъ велико, что Апостолы молчатъ, какъ-бы въ оцѣпенѣніи. Лишь одинъ изъ нихъ не можетъ сдержать охватившаго его волненія, это — Петръ, человѣкъ, легко поддающійся первому впечатлѣнію. Во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ первый нарушаетъ молчаніе. Однажды, когда Апостолы колебались отвѣтить на вопросъ Іисуса Христа, онъ первый воскликнулъ: «Ты—Христосъ, Сынъ Бога живаго»! Въ другой разъ онъ же сказалъ предъ удаляющейся отъ Христа толпой: «Господи! къ кому намъ идти, какъ не къ Тебѣ»?—и на этотъ разъ онъ не можетъ быть молчаливымъ зрителемъ смущающаго его зрѣлища и восклицаетъ: «Господи, Тебѣ ли умывать мои ноги»?

Тогда Іисусъ отвѣчаетъ ему извѣстными словами, столько разъ уже повторявшимися и столько разъ останавливавшими ропотъ, готовый слетѣть съ устъ сомнѣвающихся и колеблющихся. «Что̀ Я дѣлаю теперь, ты не знаешь, а уразумѣешь послѣ». Ты не знаешь! Да и какъ-бы могъ понять это Петръ, мечтавшій о близости царства, готовящагося его Учителю, — Петръ, мысленно созерцавшій, что Іерусалимъ уже покоренъ власти Мессіи побѣдителя, Его враги истреблены, и царство Его утверждается среди народовъ,— Петръ, сердце котораго трепещетъ въ ожиданіи, что вотъ-вотъ черезъ нѣсколько дней осуществятся всѣ его грезы?... Позже онъ пойметъ, позже узнаетъ онъ, что есть иное Царство, кромѣ того, о которомъ онъ мечталъ, иной вѣнецъ, иная побѣда: крестъ покажетъ ему, къ какому торжеству стремился его Учитель, и то униженіе, которое теперь смущаетъ его, станетъ въ его глазахъ вѣчнымъ напоминаніемъ о томъ, что и ему, подобно Учителю, слѣдуетъ искать въ смиреніи свое истинное величіе.

Слова Іисуса Петру относятся также ко всѣмъ намъ, и мы должны уразумѣть ихъ. «Ты не знаешь теперь, что̀ Я дѣлаю», та́къ можетъ сказать Господь каждому, ропщущему на постигающее его несчастіе. Предначертанія Божіи стоятъ выше нашего пониманія; даже въ самомъ жалкомъ существованіи кроются тайны, сбивающія съ толку нашъ бѣдный разумъ. Объясните мнѣ, напримѣръ, почему прерывается прекрасная и полезная жизнь, между тѣмъ какъ столько безполезныхъ существъ остаются влачить свою жалкую жизнь въ страданіи? Объясните мнѣ, почему испытаніе часто обрушивается на самыхъ благочестивыхъ людей и, повидимому, щадитъ тѣхъ, надменность которыхъ оно могло бы смирить своими ударами? Объясните мнѣ все, что̀ кажется намъ роковымъ въ природѣ и исторіи! Почему, напримѣръ, нѣжно любимый ребенокъ, окруженный попеченіями благочестивыхъ родителей, идетъ по пути зла съ того самаго времени, какъ только можетъ располагать самимъ собою, и рано погружается въ пропасть порока, огорчая и даже сводя въ могилу сѣдины старика отца? Объясните мнѣ всѣ несправедливости, всѣ незаслуженныя страданія, объясните мнѣ, почему столько тысячъ существъ осуждены на рожденіе и жизнь среди нищеты и позора! О, мы разсуждаемъ объ этомъ, мы одѣваемъ эти скорби въ жалкіе лохмотья нашей философіи, но развѣ это значитъ найти объясненіе? Да и само Евангеліе—вполнѣ ли объясняетъ оно намъ все это?

И все-таки, склоняя голову передъ неисповѣдимостью путей Господнихъ, мы далеки отъ фатализма; наша покорность—не тупое и нелѣпое преданіе себя на волю рока безъ надежды

и утѣшенія. Боже мой, какъ должно быть ужасно склонять голову передъ слѣпою необходимостью! «Вы здѣсь ровно ничего не подѣлаете», говорятъ намъ въ обычное утѣшеніе свѣтскіе люди и полагаютъ, что убѣдили насъ такой перифразой фаталистическаго принципа. Мы ничего не можемъ сдѣлать! Да развѣ вы не видите, что въ этомъ-то именно и заключается тò, чтò усиливаетъ и раздражаетъ скорбь? Сознавать свое безсиліе, сознавать, что міръ движется по пути роковой необходимости, и природа, сокрушая насъ своими стихійнами силами, не разумнѣе и не отвѣтственнѣе простой машины, безстрастной ко всѣмъ слезнымъ мольбамъ возвратить жизнь человѣку, измолотому въ сцѣпленьи ея зубчатыхъ колесъ! Нечего сказать, хорошо утѣшенье! О, въ тысячу разъ лучше бороться до конца и умереть съ воплемъ гнѣва на устахъ, чѣмъ покориться и жить при такомъ ходѣ вещей! Нѣтъ, мы не фаталисты. Когда, отказываясь понять свою судьбу, мы смиренно склоняемъ голову, то мы преклоняемся предъ волей Отца. Отецъ говоритъ намъ: «чтò Я дѣлаю теперь, ты не знаешь»,—Отецъ, и этого намъ довольно. Чтò удивительнаго въ томъ, что Его намѣренія не согласуются съ нашими? Чтò удивительнаго въ томъ, что мы не можемъ постичь ихъ? Развѣ мы обладаемъ взоромъ Всевышняго или мѣрой Его? Развѣ солдатъ долженъ идти въ битву лишь въ томъ случаѣ, если полководецъ разъяснитъ ему планъ сраженія, или каменщикъ долженъ закладывать стѣну лишь въ томъ случаѣ, когда архитекторъ покажетъ ему чертежъ постройки? Развѣ мы, бренныя существа со взоромъ омраченнымъ грѣхомъ, должны повиноваться только въ томъ случаѣ, если видимъ цѣли путей Предвѣчнаго? Нѣтъ, намъ нужно смиренно преклонить голову и припомнить слова: «чтò Я дѣлаю, не знаешь теперь».

Но если мы не знаемъ этого сегодня, мы можемъ познать это завтра. «Ты уразумѣешь послѣ», сказалъ Іисусъ Христосъ. Эти слова стали уже для насъ истиной, подтверждаемой опытомъ. Сколько темныхъ страницъ нашей жизни стали намъ понятны лишь тогда, когда мы пробѣгали ихъ по истеченіи многихъ лѣтъ, подобно древнимъ гіероглифическимъ надписямъ, остававшимся неразобранными въ теченіе тридцати или сорока столѣтій и вдругъ получившимъ смыслъ, потому что было найдено одно какое-нибудь слово, давшее ключъ къ ихъ разгадкѣ! Вы жаловались на свои неудачи, на несбывшіяся надежды, на разстроенные планы, на испытанія, постигавшія васъ; вы обвиняли свою злую судьбу, вы упрекали, можетъ быть, Бога,—и вотъ во всѣхъ этихъ испытаніяхъ заключалось ваше благо. Этого, конечно, вамъ было достаточно, чтобы смириться и обратиться къ Богу. Вы роптали на то, что Онъ преграждаетъ вамъ пути, на которые съ жаромъ бросались другіе, болѣе счастливые, и вы не вѣдали, что это дѣлалось для того, чтобы направить васъ на единственный путь, могущій васъ спасти и привести ко Господу. Но теперь вы знаете это и вмѣстѣ съ Давидомъ можете сказать: «я заблуждался, пока Ты не поразилъ меня, нынѣ же я соблюдаю слово Твое», теперь вмѣсто жалобы вы творите дѣла милосердія, и ропотъ вашъ перешелъ въ благословеніе.

Послѣднее, окончательное объясненіе будетъ дано намъ за предѣлами этого міра. Богъ оправдаетъ нѣкогда пути Свои, все тайное станетъ явнымъ, и Божественная премудрость возсіяетъ своимъ чистымъ сіяніемъ. Тогда мы

узнаемъ причины всѣхъ этихъ безпорядковъ, смутъ, несправедливостей и торжества зла, смущающихъ нынѣ нашу вѣру. Пусть ночь темна и холодна, но мы видимъ уже, что на горизонтѣ брежжетъ свѣтъ. Свѣтъ! какъ сладостно это слово тому, кого объемлютъ дикіе призраки ночи; свѣтъ — послѣ вѣковой скорби страдающаго въ мрачной борьбѣ человѣчества, свѣтъ послѣ ночной тьмы, въ которой тысячи поколѣній влачатъ свое жалкое и скорбное существованіе, свѣтъ съ его кроткимъ сіяньемъ и благотворнымъ тепломъ, свѣтъ, открывающій нашему взору безграничные горизонты неба, свѣтъ, призывавшійся всѣми праведниками, которыхъ не могла удовлетворить земля, свѣтъ, къ которому обращали свои взоры предъ смертью всѣ провозвѣстники истины,—этотъ свѣтъ озаритъ нѣкогда и насъ своимъ безграничнымъ сіяніемъ!

Но Петръ не внемлетъ тому, что ему говоритъ Учитель; всецѣло поглощенный своей мыслью, онъ упорствуетъ въ своемъ намѣреніи и восклицаетъ: «не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ».

Всѣ мы сказали бы то же, что и Апостолъ Петръ, увлекшись подобнымъ чувствомъ сознанія своей ничтожности. Чтобы онъ допустилъ склониться передъ собой на колѣни своего Учителя,—нѣтъ, это для него невозможно; и сердце и разумъ возмущаются,—онъ никогда не согласится на это. Но это—ложное смиреніе. Истинное смиреніе ученика состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы исполнять волю учителя.

«Не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ»! говоритъ Петръ, и Іисусъ строго отвѣтилъ ему: «если не умою тебя, не будешь имѣть части со Мною». Здѣсь мысль Учителя сразу возносится въ болѣе высшую сферу, какъ это нерѣдко можно замѣтить въ Его бесѣдахъ. До сихъ поръ, умывая ноги Своимъ ученикамъ, Онъ хотѣлъ только дать имъ урокъ смиренія; но сопротивленіе Петра привело Его къ мысли объ иномъ духовномъ омовеніи: объ искупленіи душъ человѣческихъ крестною смертью. «Если не умою тебя»... Всѣ мы должны быть омыты Іисусомъ Христомъ. Вникнемъ въ самихъ себя: настолько ли чиста наша жизнь, чтобы выдержать испытующій взоръ Бога живаго? Можемъ ли мы такъ,—какъ мы есть, взойти на небо Его и причастіемъ Его причаститься? Будемъ помнить, что спасеніе лишь тамъ, гдѣ царствуетъ Божественная правда со всѣми ея правами, гдѣ предлежитъ оправданіе нашей необузданности, гдѣ Божественный Представитель человѣчества освятилъ Своими страданіями законъ праведности. Будемъ помнить, что только въ единеніи посредствомъ вѣры со святою жертвою, принесенной во имя грѣшнаго человѣчества, мы можемъ быть помилованы и очищены: «если Я не умою тебя, не будешь имѣть части со Мною».

Петръ еще не понимаетъ глубокаго смысла этихъ словъ, но того, что онъ слышитъ, довольно, чтобы поразить и устрашить его. И вотъ несдержанный, какъ въ сопротивленіи, такъ и въ раскаяніи, онъ восклицаетъ: «не только ноги, но и руки и голову».

Кто не пойметъ этого вопля сердца его? Вотъ уже три года, какъ онъ слушаетъ слово Его, видитъ дѣла Его и раздѣляетъ мысли Его. Не имѣть съ Нимъ части,—эта мысль ужасаетъ его. Да и куда пойдетъ онъ теперь, узнавъ Іисуса Христа? Что можетъ дать ему міръ вмѣсто того, что онъ нашелъ у Него? Отвѣчайте вы, вѣроломные ученики, далеко отстоящіе теперь отъ Учителя и опускающіеся все ниже и ниже, какъ по наклонной плоскости, на концѣ которой вамъ уже нельзя будетъ во вѣки возвратиться къ Нему,—

отвѣчайте, можетъ ли дать вамъ міръ что либо равнозначущее съ тѣмъ, чѣмъ вы обладали у Іисуса Христа? Какой свѣтъ онъ можетъ дать вамъ, какую радость, какое утѣшеніе, какую любовь? О, вы это прекрасно знаете и никогда объ этомъ не забудете. Если кто пребывалъ въ свѣтѣ Его, если кто видѣлъ небо отверстымъ, если кто вкусилъ этого внутренняго мира и Божественной надежды, если кто позналъ эту ни съ чѣмъ земнымъ несравнимую любовь, если кто проникся въ душѣ этимъ милосердіемъ безъ малѣйшей примѣси себялюбія, то все остальное покажется ему бездушнымъ и ничтожнымъ. Да, понятно восклицаніе Апостола: «Господи, не только ноги, но и руки и голову».

Отвѣтъ Іисуса Христа сначала трудно понять, но тому, кто проникъ въ его смыслъ, ясно, что даже въ Евангеліи немного сравнительно равныхъ ему глубокоотрадныхъ и благотворныхъ словъ. «Омытому нужно только ноги умыть, потому что чистъ весь». Разъяснимъ сравненіе, выраженное нашимъ Спасителемъ, и поучительный смыслъ его скажется самъ собою.

Когда путникъ, утомленный долгой дорогой, задыхающійся, палимый жгучимъ солнцемъ Востока и покрытый ѣдкою пылью пустыни, замѣтитъ при дорогѣ источникъ чистой воды,—тогда онъ ускоряетъ шагъ, прибѣгаетъ на берегъ рѣки, съ наслажденіемъ погружается въ волны ея и выходитъ изъ нихъ уже освѣженнымъ и омытымъ. Омытымъ, да, но едва онъ опять пустится въ путь, какъ пустынная пыль снова загрязнитъ его ноги, и, придя подъ ожидавшую его кровлю, ему слѣдуетъ умыть ихъ, чтобы быть вполнѣ чистымъ. Это—образъ, и заключающаяся въ немъ идея такова.

Когда человѣкъ, идущій обычной мірской стезею и сознающій, какъ зло охватываетъ мало-по-малу все его существо, встрѣтитъ на пути своемъ Бога спасающаго и милующаго, когда онъ устремитъ на Него взоръ, полный вѣры и смиреннаго раскаянія, моля Его о прощеніи, тогда онъ вдругъ почувствуетъ, какъ въ сердце его нисходитъ слово верховной милости; тогда онъ прощенъ, прощенъ вполнѣ, тогда все прошлое его изглаживается, все обновляется, и жизнь его начинается вновь. Самъ Іисусъ Христосъ говоритъ, что ему болѣе ничего не нужно, т. е. что его помилованіе стало дѣйствительно совершившимся фактомъ, не зависящимъ болѣе отъ движеній его сердца, его покаяній и слезъ, что доступъ къ Богу ему открытъ, и что отнынѣ онъ можетъ вступить съ Нимъ въ отношенія, выражаемыя чувствами сыновней довѣрчивости и любви. Но прослѣдите за этимъ прощеннымъ христіаниномъ, ощущающимъ въ душѣ своей такое блаженство, какого не вѣдаютъ сами Ангелы, и изливающимъ у подножія креста сердце свое, переполненное признательностью,—прослѣдите за нимъ: едва ступитъ онъ нѣсколько шаговъ по житейской дорогѣ, какъ грѣхъ уже настигнетъ его. Да, этотъ ненавистный ему грѣхъ еще не разъ постигнетъ его; да, земной прахъ еще не разъ пристанетъ къ стопамъ его. Онъ былъ очищенъ, но для него необходимо, чтобы то самое милосердіе, которое изгладило его прошлые поступки, изо-дня въ день бодрствовало надъ нимъ, отпуская ему его мелкіе грѣхи, колебанія и слабости, отъ которыхъ несвободны даже истинные христіане; ему необходимо, — употребляя сравненіе Іисуса Христа,—чтобы ноги его, касающіяся праха земнаго, были ежедневно умываемы, и тогда онъ будетъ чистъ вполнѣ.

Такова мысль, заключающаяся въ словахъ Спасителя Апостолу Петру, и

въ Евангеліи—это одна изъ наиболѣе утѣшительныхъ мыслей.

«И вы чисты»... Въ ту минуту, какъ Іисусъ произносилъ эти слова, глубоко печальная мысль сжала сердце Его. «И вы чисты», говоритъ Онъ и добавляетъ: «но не всѣ»... Здѣсь былъ Іуда Искаріотъ.

Итакъ въ этотъ послѣдній прощальный часъ задушевныхъ изліяній, въ тотъ часъ, когда Сынъ Человѣческій готовился въ общеніи Своихъ учениковъ къ борьбѣ этой плачевной ночи,—Онъ долженъ былъ сносить присутствіе предателя. Рядомъ съ высшимъ проявленіемъ величайшаго милосердія проявился и духъ зла въ самой отвратительной и ненавистной формѣ. Здѣсь былъ Іуда.

Изъ этого можно вывести слѣдующее: часто приходится встрѣчать христіанъ, поколебавшихся въ вѣрѣ и дошедшихъ чуть не до атеизма, вслѣдствіе соблазновъ, смутъ и расколовъ, удручающихъ Церковь. Если послушать ихъ, то выйдетъ, что Богъ не заботится уже о Своихъ предначертаніяхъ, потому что дозволяетъ злу одерживать такія побѣды. «Кто возвратитъ намъ, восклицаютъ они, Церковь древнихъ дней»? Церковь древнихъ дней! Но гдѣ же искать ее? Конечно не во времена реформаціи, ибо ужасная борьба и великія смуты раздирали ее; и не во времена среднихъ вѣковъ. Или можетъ быть ее слѣдуетъ искать во времена Апостольскія? Но чтобы смотрѣть на Церковь этого времени, какъ на идеалъ Церкви по ея членамъ, слѣдуетъ вычеркнуть всѣ посланія Апостола Павла и забыть о всѣхъ расколахъ и соблазнахъ, раздиравшихъ душу его. Можетъ быть, надо идти еще выше? Хорошо. Вотъ передъ вами Церковь въ томъ видѣ, какъ ее основалъ Самъ Іисусъ Христосъ, Церковь, состоящая изъ избранныхъ и призванныхъ Имъ Самимъ Апостоловъ, однимъ словомъ Церковь тайной вечери. И что же? Среди нея былъ Іуда, Іуда. одинъ изъ двѣнадцати... И тѣмъ не менѣе тамъ былъ Самъ Христосъ, и съ Нимъ спасеніе міра и все его грядущее. По какому же праву вы отчаяваетесь въ нынѣшней Церкви? По какому праву утверждаете вы, что Глава ея покинулъ ее?

Тамъ былъ Іуда... Приходило ли вамъ когда-нибудь на мысль, что Іисусъ Христосъ преклонялъ колѣни предъ Іудой, что Іисусъ Христосъ умывалъ ноги Іудѣ?

Передъ такимъ ужаснымъ зрѣлищемъ невольно помутятся мысли, и невольно воскликнешь: это уже слишкомъ! слишкомъ! О, наше мелочное сердце неспособно постигнуть всю глубину Божественнаго милосердія! Іисусъ Христосъ снизошелъ до этого: Онъ устремилъ на предателя послѣдній взглядъ, послѣдній призывъ нѣмой мольбы и Своими безгрѣшными руками умылъ ему ноги.

Іисусъ оставилъ намъ примѣръ. Мы призваны дѣлать добро всѣмъ, не только тѣмъ, кто насъ любитъ, но и тѣмъ, кто насъ ненавидитъ; не только тѣмъ, кого мы любимъ по чувству симпатіи, но и тѣмъ, кто не нравится намъ, кто противенъ намъ. Какъ тяготитъ насъ эта обязанность, съ какимъ отвращеніемъ мы исполняемъ ее! Идетъ ли дѣло о помощи бѣднымъ,—съ насъ довольно замѣтить въ нихъ какую либо порочную привычку, какую-нибудь хитрость или ложь, чтобы отказаться отъ исполненія долга. Мы не хотимъ даже допустить, что крайняя нищета уничижаетъ душу, что она ведетъ къ тяжкимъ искушеніямъ, и мы сами бы поддались имъ, если бы были подвергнуты такому испытанію. Намъ нужно какихъ-то идеальныхъ бѣдныхъ, нищета которыхъ не уничтожила въ нихъ ни вели-

чія души, ни возвышенности, ни благородства побужденій, чтобы мы пришли къ нимъ на помощь. Вслѣдствіе нашей изнѣженности намъ претитъ прикоснуться къ нравственнымъ язвамъ, и вотъ мы безжалостно прогоняемъ нищихъ жестокимъ и горькимъ словомъ, чтобы не быть фарисеями,—ибо развѣ это не фарисейство—дрожать отъ отвращенія при одномъ прикосновеніи къ мытарю,—будемъ брать примѣръ съ нашего Спасителя, склонявшаго колѣно передъ Іудой.

И это былъ Святой и Праведный, и зло никогда не касалось души Его, а мы... у всѣхъ насъ есть своя тайная повѣсть, повѣсть дурныхъ склонностей, вожделѣній и скрытыхъ страстей. Между тѣми несчастными, которымъ мы должны помогать, и нами разница только въ степени, а не въ существѣ. Кромѣ того, и тамъ мы рѣдко сталкивались съ обдуманнымъ, чернымъ предательствомъ. Мы сами могли бы быть такими же, какъ они, но Богъ сохранилъ насъ отъ этого, вотъ и все. Іисусъ же былъ воплощеніемъ святости, а Іуда... Іуда былъ Іуда.

Когда же научимся мы любить? Когда же мы будемъ милосердны милосердіемъ смиряющимся, всевыносящимъ и уповающимъ? Когда же мы, существующіе лишь по милости Божіей, запечатлѣемъ въ своей памяти, что Господь, Которому мы служимъ, умывалъ ноги Іудѣ?

Іисусъ, окончивъ омовеніе ногъ и обратившись къ Своимъ ученикамъ, сказалъ имъ: «вы называете Меня Учителемъ и Господомъ, и правильно говорите, ибо Я точно то?» Кто не чувствуетъ Божественной власти и силы, звучащей въ этихъ словахъ, кто не видитъ на нихъ печати невыразимаго никакимъ краснорѣчіемъ величія, тотъ никогда не поймётъ—ни что̀ такое красота, ни что̀ такое величіе! «Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ... Итакъ если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ, то и вы должны умывать ноги другъ другу».

Протекли года, измѣнились обычаи; но поучительный примѣръ стоитъ предъ нашими глазами, указывая намъ, что истинное величіе достигается сердобольнымъ униженіемъ... Смиреніе... Какъ легко произнести и какъ трудно выполнить это слово, какъ трудно пренебречь суетной славой, честолюбивыми мечтами, всѣмъ, что̀ велико въ глазахъ людей, но мало и скудно предъ Господомъ, и избрать себѣ иной удѣлъ, можетъ быть даже удѣлъ отреченія и жертвы! Какія усилія, какая побѣда, и какъ все это противорѣчитъ нашимъ обыденнымъ разсудочнымъ умствованіямъ! Да, наше воображеніе можетъ на минуту стремиться къ этому идеалу, но осуществить его, но пойти по этому пути и видѣть въ немъ свое назначеніе и блаженство,—это чудо, недоступное для человѣческой силы, и свершить его можетъ только Богъ. Господи, сверши же его! Боже Всемогущій, осуществи этотъ идеалъ въ сердцахъ нашихъ и просвѣти помраченныя гордостью очи наши чистымъ и Божественнымъ сіяніемъ смиреннаго милосердія. (Прав. Обозр. 1888 г. Мартъ, стр. 435—450.)

Умовеніе ногъ на востокѣ. «*И вы должны умывать ноги другъ другу*» (Іоан. XIII, 14).

Обыкновенную обувь древнихъ восточныхъ народовъ составляли сандаліи—родъ подошвъ изъ толстой, чаще козьей, кожи, или изъ пальмовыхъ листьевъ, прикрѣплявшихся къ ступнѣ ремнями. Дѣлалось это для предохраненія ногъ отъ солнечнаго зноя, до того раскаляющаго песокъ, что путешествіе босыми ногами въ тѣхъ странахъ невозможно. Отсюда понятно,

что умовеніе ногъ на востокѣ составляетъ необходимость, освѣжающее средство. И потому умовеніе ногъ гостю и его спутникамъ считалось и считается первою обязанностью гостепріимства.

Обычай этотъ встрѣчается еще въ глубокой древности. Въ книгѣ Бытія говорится, что Авраамъ, увидя около своей палатки трехъ путниковъ, обратился къ одному изъ нихъ и сказалъ: «Господи, аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою, не мини раба Твоего. Да принесется вода, и омоются ноги ваши, и прохладитеся подъ древомъ» (Быт. XVIII, 3—4).

Когда два Ангела пришли въ Содомъ, увидѣлъ ихъ Лотъ и пригласилъ къ себѣ въ домъ: «се, господіе, уклонитеся въ домъ раба вашего, и почійте, и омыйте ноги ваша» (Быт. XIX, 2). Когда слуга Авраама, отправившійся искать невѣсту для Исаака, стоялъ у колодезя, то Лаванъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ: «вниди, благословенный отъ Господа! И вниде человѣкъ въ домъ, и разсѣдла верблюды, и даде плевы и сѣно верблюдомъ, и воду умыти нозѣ его, и ноги мужемъ, иже бяху съ нимъ» (Быт. XXIV, 31—32).

Припомнимъ исторію Іосифа. Когда братья привезли къ нему Веніамина, онъ пригласилъ ихъ, чрезъ своего домоправителя, обѣдать съ собою: «и введе человѣкъ мужи въ домъ Іосифовъ и принесе воду омыти нозѣ имъ» (Быт. XLIII, 17—24). Несоблюденіе обычая умовенія ногъ считалось признакомъ презрѣнія, невниманія къ гостю и невѣжества хозяина. Когда Спаситель пришелъ въ домъ Симона фарисея, послѣдній не позаботился исполнить эту обязанность гостепріимства. Пока Спаситель сидѣлъ въ домѣ, вошла бѣдная грѣшница. «Ставши позади у ногъ Его и плача, она начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей» (Лук. VII, 38). Зная эту женщину за великую грѣшницу, Симонъ удивлялся, почему Спаситель не прогонитъ ее отъ Себя. Спаситель отвѣчалъ ему: «видишь ли ты сію женщину? Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды Мнѣ на ноги не далъ; а она слезами облила Мнѣ ноги и волосами головы своей отерла» (Лук. VII, 44).

Умовеніе ногъ возлагалось обыкновенно на обязанность прислуги. Но Спаситель, наканунѣ Своей смерти, Самъ умылъ ноги ученикамъ, чтобы показать имъ примѣръ смиренія и всегдашней готовности исполнять самыя незначительныя обязанности любви къ другимъ. «Если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ, то и вы должны умывать ноги другъ другу» (Іоан. XIII, 14).

Этотъ древній обычай соблюдается на востокѣ и донынѣ. Его исполняютъ не только иновѣрцы, но и христіане, живущіе тамъ. Да и мы, живущіе въ другомъ климатѣ, можемъ и должны исполнять его. Ласковое слово и доброе дѣло такое же освѣжительное средство для скорбящаго сердца, какое холодная вода для ногъ усталаго путника (Воскр. Чт. 1874 г., т. I, стр. 155—156).

Преподовнаго Нила подвижника. О умовеніи ногъ Апостоламъ.

Почему Господь только ноги, а не другой какой-нибудь членъ омылъ у учениковъ? Чрезъ это Онъ не ноги отъ нечистоты очистилъ, но сообщилъ Апостоламъ Божественную силу. Поелику змію было сказано: ты будешь блюсти пяту человѣка (Быт. III, 15), то есть, весь образъ жизни; то Господь омылъ ноги учениковъ въ ознаменованіе очищенія духовныхъ ногъ. Почему Онъ и говоритъ: *даю вамъ власть наступати на змію и скорпію и на всю силу вражію* (Лук. X, 19), а Исаія сказалъ: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ,*

благовѣствующихъ благая (Исаія LII, 7). Апостолы Христовы, прошедъ весь міръ, дѣйствительно разрушили діавольскую брань, утвердили всюду миръ и благовѣствовали намъ блага небесныя (кн. I, пис. 80).

Господь касался ногъ Апостольскихъ, дабы укрѣпить земныя и слабыя ноги, имѣющія пройти всю вселенную; брался великій врачъ за пяту, на которую вначалѣ изрѣченъ былъ судъ, дабы не дать господствовать яду духовнаго змія. Посему пята, укрѣпленная прикосновеніемъ рукъ Господнихъ, попрала сатану, соблазнившаго вначалѣ прародителей, и такимъ образомъ исполнилось предсказаніе Деворры пророчицы: *попретъ ею душа моя сильная* (Суд. V, 21), и Давида, который, воспѣвая побѣдную пѣснь, воскликнулъ: *падутъ подъ ногама моима, яко бреніе путій поглажду я* (Псал. XVII, 39, 43). *Се даю вамъ властъ,* сказалъ Господь, *наступати,* чтобы губитель болѣе васъ не попиралъ и не соблазнялъ (кн. I, пис. 81).

Установленіе таинства Евхаристіи.

Вечери существовали уже въ Ветхомъ Завѣтѣ. Это было установленіе того времени, когда Богъ, вѣрный великимъ обѣтованіямъ, даннымъ праотцамъ, сильною рукою освободилъ народъ Свой отъ рабства Египетскаго. Въ ту достопамятную ночь, когда Ангелъ смерти долженъ былъ пройти всю Египетскую страну, поражая первенцевъ Египетскихъ, по повелѣнію Божію, каждый отецъ семейства долженъ былъ со всѣми своими членами вкушать священную вечерю, тогда какъ двери домовъ окропляемы были кровью агнца, мясо котораго было вкушаемо на вечери. Ангелъ истребитель обходилъ всякій домъ, который былъ окропленъ кровью агнца и въ которомъ совершалась пасха—прехожденіе Господа. Праздновавшіе же уже готовы были въ путь и съ жезлами въ рукахъ ожидали призыва къ выходу. То была ночь, въ которую Господь освободилъ Свой плѣнный народъ.

Съ этимъ освобожденіемъ началась новая жизнь для Израильскаго народа, потому что теперь только онъ сталъ народомъ Божіимъ. Потому-то пасхальный мѣсяцъ сталъ первымъ изъ всѣхъ мѣсяцевъ и пасхальная ночь посвящалась ежегодному празднованію, и это соблюдалось съ такою строгостью, что опущеніе празднованія наказывалось отлученіемъ отъ народа Божія. Пасхальная вечеря, которая предшествовала великому избавленію отъ рабства и черезъ совершеніе которой народъ приготовлялся къ великому дѣлу Божію, должна была повторяться каждый годъ въ одно и то же время, въ ту же самую ночь, въ которую совершена въ первый разъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что кровью пасхальнаго агнца не кропились двери, но она возливалась на алтарь Господа, на очистилище. При горящихъ свѣтильникахъ, приготовленный въ путь, съ жезломъ въ рукѣ—такъ народъ Божій долженъ былъ изъ года въ годъ совершать пасхальную вечерю и снѣдать агнца, кровь коего приносилась въ священное мѣсто очищенія для очищенія ихъ душъ. Это, безъ сомнѣнія, была вечеря воспоминанія, но всегдашнее и столь строгое совершеніе ея основывалось на томъ, что позднѣйшіе роды получатъ то, что̀ получилъ древній родъ,—плоть агнца и очищеніе кровью его. И не долженъ ли былъ народъ, празднуя древнее освобожденіе, приготовляться къ новому высшему освобожденію, и совершая пасхальное торжество, въ ночь, въ которую Господь вывелъ нѣкогда его изъ чужой страны, ожидать новаго, болѣе совершеннаго избавленія?

Въ эту-то ночь именно Господь въ послѣдній разъ собралъ вокругъ Себя Своихъ учениковъ, и отъ этого-то торжества освобожденія Израиля всталъ Онъ, чтобы искупить міръ. Минута была самая торжественная, какую только можно представить. Ветхій Завѣтъ ничѣмъ не могъ быть такъ возвеличенъ, какъ тѣмъ, что Господь, сошедшій съ неба дать жизнь міру, еще въ послѣдніе часы Своей земной жизни совершилъ священную вечерю этого завѣта съ Своими учениками, которыхъ Онъ избралъ изъ членовъ этого завѣта быть свѣтомъ міра. Но эти часы, въ которые Ветхій Завѣтъ удостоенъ такой чести, были послѣдніе часы для Него. Наступало время, когда Ветхій Завѣтъ, долженъ былъ уступить мѣсто новому, высшему завѣту, который назначенъ не для одного народа, а для всѣхъ, и не для извѣстнаго времени, а для всѣхъ временъ. Но какъ Ветхій Завѣтъ начался избавленіемъ народа изъ-подъ чужой власти, и какъ Ветхій Завѣтъ основывался на этомъ избавленіи, такъ и Новый Завѣтъ, назначенный для всѣхъ временъ и народовъ, могъ начаться лишь послѣ прославленія Бога въ дѣлѣ несравненно высшаго избавленія. Онъ могъ быть основанъ только на новомъ избавленіи, на искупленіи всего человѣчества, отъ темной власти, которой подпало оно чрезъ грѣхъ.

Часъ этого всеобщаго и вѣчнаго искупленія приближался. Искупитель былъ здѣсь; вѣстники искупленія были при Немъ. Въ послѣдній разъ праздновалъ Онъ съ ними ветхозавѣтную вечерю, которая съ воспоминаніемъ первой пасхальной вечери заключала въ себѣ въ то же время обѣтованіе высшей Пасхи. Время обѣтованій и томительныхъ ожиданій проходило, наступало время исполненія.

Здѣсь совершилось то, что̀ Евангелисты Матѳей, Маркъ, Лука и Апостолъ Павелъ описываютъ такимъ образомъ: «*Господь Іисусъ Христосъ, въ ночь, въ которую былъ преданъ, взялъ хлѣбъ, благодарилъ и преломилъ, и далъ ученикамъ Своимъ, говоря: пріимите и ядите: сіе есть Тѣло Мое, за вы даемое. Сіе творите въ Мое воспоминаніе. Такъ же взялъ Онъ и чашу по вечери, благодарилъ и далъ имъ, говоря: пріимите и пійте отъ нея вси: сія есть Кровь Моя новаго завѣта, за вы изливаемая во оставленіе грѣховъ. Сіе творите въ Мое воспоминаніе*».

Такъ Господь, при совершеніи ветхозавѣтной пасхи, установилъ пасхальную вечерю Новаго Завѣта. Пасхальною жертвою Ветхаго Завѣта былъ избранный агнецъ; пасхальная жертва Новаго Завѣта, Агнецъ Божій въ высшемъ смыслѣ есть Христосъ, Сынъ Божій, Единородный отъ Отца, полный благодати и истины. Кровь ветхозавѣтной пасхальной жертвы имѣла прообразовательно-очищающую силу; она прикрывала прообразовательно грѣхи народа; Кровь новозавѣтной жертвы не прообразовательно, а на самомъ дѣлѣ есть Кровь очищенія для всего міра. Жертва новозавѣтная одна должна была совершить то, на что̀ всѣ другія жертвы, отъ начала міра совершавшіяся, только предуказывали; она должна быть жертвою всѣхъ жертвъ, жертвою въ высочайшемъ, несравненномъ съ другими жертвами смыслѣ, которыя она уничтожала, потому что была ихъ исполненіемъ, истиною. А такъ какъ только истинною жертвою производится истинное очищеніе грѣховъ, истинное искупленіе,—то только на этой жертвѣ, на Крови Христа могъ основываться новый, всеобъемлющій, вѣчный завѣтъ благодати. Въ этомъ смыслѣ Господь сказалъ: *сіе есть Тѣло Мое, за вы даемое, и сія чаша есть новый завѣтъ Моею Кровію, за вы изливаемою во оставленіе грѣховъ.*

Всѣ слова Господа имѣютъ для насъ непреходящее значеніе; но нѣтъ словъ драгоцѣннѣе этихъ. На сколько въ ту минуту могли понимать ихъ ученики Господа,—мы не знаемъ; но съ тѣхъ поръ какъ слова эти исполнились, они стали драгоцѣннымъ сокровищемъ для всего христіанскаго общества; ибо они служатъ всегдашнимъ свидѣтельствомъ, что глубочайшее уничиженіе Сына Божія заключало въ себѣ высочайшую славу, и что смерть Его есть жизнь всего міра.

Однако Господь не ограничился тѣмъ, что такъ торжественно возвѣстилъ Свою смерть и открылъ ея благодатное значеніе Своимъ ученикамъ. Преподавая хлѣбъ и чашу, Онъ установилъ навсегда священную вечерю для Своего общества: «*сіе творите въ Мое воспоминаніе*», прибавилъ Онъ. Что́ совершено въ пасхальную ночь, то совершено не въ воспоминаніе Его, потому что Онъ Самъ лично находился предъ учениками; это было только установленіемъ той вечери, которую должно было совершать общество вѣрующихъ, когда жертва будетъ принесена и Кровь Новаго Завѣта будетъ пролита.

Вечеря Новаго Завѣта, совершенная въ пасхальную ночь Спасителемъ, какъ и ветхозавѣтная вечеря, есть жертвенная вечеря. Когда Израильтянинъ съ своими домашними вкушалъ пасхальнаго агнца, онъ принималъ пасхальную жертву, и черезъ это дѣлался участникомъ въ благословеніи этой жертвы; и когда христіанинъ вкушаетъ Тѣло и Кровь Господа въ священной евхаристической вечери, онъ дѣлается причастникомъ жертвы Голгоѳской съ ея благословенными плодами. Въ первую пасхальную ветхозавѣтную ночь двери домовъ окроплялись кровью агнца, и Ангелъ смерти, истреблявшій первенцевъ Египетскихъ, щадилъ эти дома, проходя мимо. Точно также общество новозавѣтное должно постепенно вкушать Тѣло и Кровь истиннаго Агнца Христа, чтобы избѣжать суда Божія, имѣющаго совершиться надъ грѣшнымъ міромъ. Пренебреженіе ветхозавѣтною пасхою принесло бы смерть,—не тѣмъ ли большее пренебреженіе пасхою новозавѣтною должно принести наказаніе и смерть?

Но древняя пасхальная вечеря пріурочена была къ извѣстному времени,—что̀ показывало ея несовершенство и временное значеніе. Древняя пасхальная вечеря могла быть совершаема только въ пасхальную ночь. Вечеря Новаго Завѣта, святая евхаристія, можетъ быть совершаема во всякое время новозавѣтнымъ обществомъ.

Чудесна вечеря, въ которой Господь даетъ намъ въ пищу Тѣло Свое, распятое за насъ, и Кровь Свою, пролитую на крестѣ; но не менѣе чудесно и таинственно явленіе Сына Божія во плоти и уничиженіе Того, Кто есть вѣчный образъ Божій и сіяніе славы Его, и уничиженіе до смерти крестной. Вся область, до которой возвышаетъ насъ вѣра въ Сына Божія, есть область чуда, и безъ сомнѣнія, Тотъ, Кто Себя Самого принесъ въ жертву за насъ и пролилъ Кровь Свою за наши грѣхи, можетъ, если такова воля Его, питать насъ Своею Плотію и напоять Своею Кровію. А что такова Его воля,—въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, ибо имѣемъ на это повелѣніе Его: «*сіе творите въ Мое воспоминаніе*» (Воскр. Чт. 1879 г., № 13, стр. 140).

О таинствѣ причащенія.

(*Филарета, митроп. Московскаго*).

О непостижимости таинства Тѣла и Крови Христовой и о благотворныхъ дѣйствіяхъ онаго въ вѣрующихъ.

Сіе есть, глаголетъ Господь, *Тѣло Мое, еже за вы ломимое. Сія есть Кровь*

Моя, яже за вы и за многія изливаемая. Какъ пшеница страждетъ въ жерновахъ и подъ рукою хлѣбодѣлателя, и въ разженной пещи, да будетъ хлѣбъ, укрѣпляющій сердце человѣка; какъ кровь грозда страждетъ въ утѣсненіи точила, да будетъ вино, веселящее сердце человѣка; такъ благоволилъ воплощенный Сынъ Божій предать Тѣло Свое на разнообразныя страданія Елеонскія, Іерусалимскія и Голгоѳскія, допустилъ многострадально источить Кровь Свою въ предкрестныхъ и крестныхъ мученіяхъ, дабы въ нихъ уготовать намъ пищу и питіе жизни и врачеванія, безсмертія и блаженства.

Таинство Тѣла и Крови Христовы такъ дивно и непостижимо, что Богомудрые отцы наши, какъ-бы опасаясь за простоту и твердость нашей вѣры, желаютъ какъ-бы нѣкіими подпорами, подкрѣпить ее своими Богомудрыми разсужденіями. *Понеже,* разсуждаетъ святый Іоаннъ Дамаскинъ, *Адамъ сей,* то есть второй Адамъ Іисусъ Христосъ, *духовенъ есть: подобаше и рожденію быти духовному, и пищи таковой же: обаче, поелику сугуби и сложни есмы, то подобаетъ и рожденію быти сугубому и пищи сложной. Сего ради рожденіе убо намъ водою и духомъ, си есть святымъ крещеніемъ, дадеся: пища же есть самый хлѣбъ животный, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ небесе сшедый.* И далѣе, *како будетъ Мнѣ сіе, глаголетъ Святая Дѣва, понеже мужа не знаю? И отвѣщаетъ ей Гавріилъ Архангелъ: Духъ Святый найдетъ на Тя и сила Вышняго осѣнитъ Тя. И ты такожде вопрошаеши нынѣ: како хлѣбъ бываетъ Тѣло Христово, и вино и вода Кровь Христова? И азъ же Тебѣ глаголю: Духъ Святый снисходитъ и сія творитъ паче слова и разума.* Подобно и святый Іоаннъ Златоустъ увѣщаваетъ: *да повинуемся во всемъ Богу и ничтоже вопреки да глаголемъ, аще и сопротивна быти видится нашимъ помысломъ и зрѣніемъ глаголемое: но да будетъ и помысла и зрѣнія нашего истиннѣйшее Его слово. Тако и въ таинствахъ да творимъ, не на предлежащая токмо взирающе, но глаголы Его содержаще, слово бо Его непогрѣшительно, чувство же наше удобъ прельщаемо есть: слово же Его никогдаже измѣняется, чувство же наше часто соблазняется. Егда убо Слово рече: сіе есть Тѣло Мое: и да повинуемся, и да вѣруемъ, и мысленными та да зримъ очима. Ничтоже бо чувственно предаде намъ Христосъ, но чувственными убо вещми, вся же мысленная.*

Поелику назначеніе настоящей нашей жизни таково, что мы должны, какъ изъяснился Апостолъ, *вѣрою ходить, а не видѣніемъ* (2 Коринѳ. V, 7); то и благодатные дары, подаваемые намъ въ пріобщеніи трапезы Господней, благодатное питаніе, врачеваніе, укрѣпленіе, просвѣщеніе, отраженіе зла, нетлѣніе, также наиболѣе вѣрою постигаются и упованіемъ объемлются, превыше видѣнія и ощущенія, хотя, впрочемъ, по мѣрѣ вѣры, по мѣрѣ потребности, по мѣрѣ вниманія, достоинства, чистоты, и въ ощущеніи опытномъ и въ явственномъ дѣйствіи познаются многими многообразно. По многоразличной силѣ Божественной пищи и питія, по многоразличной премудрости и благости Божественнаго Питателя, ощутительный плодъ вкушенія трапезы Господней является вѣрующимъ то неизрѣченною радостью въ сердцѣ, то сладкою тишиною въ душѣ, то свѣтлостью въ умѣ, то глубокимъ миромъ въ совѣсти, то утишеніемъ обуревавшихъ искушеній, то прекращеніемъ страданій душевныхъ и тѣлесныхъ, а иногда и совершеннымъ исцѣленіемъ, то живѣйшимъ ощущеніемъ любви къ Господу, или умноженіемъ ревности

силы къ духовнымъ подвигамъ и добродѣтелямъ. Но каковы бы ни были наши собственные въ сей тайнѣ опыты, скажу паки со святымъ Златоустомъ: *да будетъ и помысла и зрѣнія нашего истиннѣйшее слово Господа нашего.* Послѣ того какъ Онъ рекъ: *ядый Мою Плоть и піяй Мою Кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ: ядый Мою Плоть и піяй Мою Кровь имать животъ вѣчный* (Іоан. VI, 56, 54); какъ дерзнемъ мы, хотя и недостойные причастники Его Плоти и Крови,—какъ дерзнемъ отрицать то, что Онъ въ насъ и мы въ Немъ, и что мы въ Немъ имѣемъ животъ вѣчный, если только сами не удалимся отъ Него, если только сами не повергнемъ себя паки въ смерть грѣховную?

Одно изъ пріятнѣйшихъ удостовѣреній, какъ о необходимости для насъ, такъ и о спасительной благотворности трапезы Господней, имѣемъ мы въ томъ, какъ сильно желалъ ея Самъ Господь нашъ. Ибо, что̀ значатъ слова Его къ Апостоламъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами?* Ветхозавѣтной ли пасхи такъ сильно желаетъ Онъ? Но она до сихъ поръ была обыкновенна, какъ совершаемая ежегодно; а отнынѣ должна совершенно прекратиться, когда прообразованіе должно уступить мѣсто пришедшей истинѣ. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что Онъ пламенно желаетъ пасхи новозавѣтной,—той пасхи, въ которой Самъ Себя приноситъ въ жертву, Самъ Себя предлагаетъ въ пищу. *Желаніемъ*, говоритъ, *возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ*,—послѣ прообразовательной истинную, не только осязаемую, но и созерцаемую, не только вещественную, но духовную и Божественную, не только закланную, но и живую и животворящую, начинаемую прежде мукъ, дабы она была всегдашнею свидѣтельницею предувѣдѣнія и свободнаго пріятія мукъ, но уже заключающую въ себѣ спасительное дѣйствіе креста для всѣхъ временъ, какъ свойственно дѣйствовать вѣчному началу. Желаніемъ любви и милосердія возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами; потому что въ ней запечатлѣвается вся Моя къ вамъ любовь, и вся наша истинная жизнь и блаженство (Изъ слова на память святителя Алексія).

Господь предложилъ намъ Тѣло Свое для питанія всегдашняго и постояннаго.

Пріимите, ядите (Марк. XIV, 22). Не довольно ли было бы сказать: *вкусите,* дабы можно было разумѣть, что довольно вкусить отъ трапезы Господней хотя однажды, или причащаться ея иногда, при особенной нуждѣ, подобно какъ употребляютъ врачевство; ибо трапеза сія и дѣйствительно заключаетъ въ себѣ могущественное врачевство для душъ и тѣлесъ, и могущество его, какъ Божественное, такъ велико, что *аще кто снѣстъ отъ хлѣба сего* и единожды, сего можетъ быть достаточно, *да живъ будетъ во вѣки* (Іоан. VI, 58). Но нѣтъ! Господь предложилъ намъ Тѣло Свое не для единократнаго, или не частнаго и случайнаго употребленія, какъ врачевство, но для питанія постояннаго и всегдашняго: *ядите.* Если бы Тѣло Христово предложено было намъ только какъ врачевство: и тогда надлежало бы намъ самимъ просить позволенія употреблять врачевство сіе чаще, подобно какъ часты наши немощи, особенно душевныя. Но когда Господь даровалъ намъ оное, какъ насущный хлѣбъ, по слову Его: *хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, Плоть Моя есть* (Іоан. VI, 51); то чрезъ сіе самое не только позволилъ, но и повелѣлъ, чтобы мы часто приступали къ Его трапезѣ. Мы не оставляемъ себя надолго безъ хлѣба обыкновеннаго, зная, что иначе ослабѣваютъ наши силы, и жизнь тѣлесная продолжаться не

можетъ: какъ же не боимся мы надолго оставлять себя безъ хлѣба животнаго, небеснаго, Божественнаго? (Изъ слова по освященіи храма Преображенія Господня, что̀ на Ордынкѣ.)

Почему Господь къ словамъ: *пійте отъ нея,* присовокупилъ слово *вси.*

Пійте отъ нея вси (Матѳ. XXVI). Не пропустимъ безъ вниманія малаго слова: *вси;* ибо въ каждой чертѣ слова Божія скрывается свѣтъ, въ каждомъ звукѣ премудрость.—Господь не сказалъ о таинственномъ хлѣбѣ: *пріимите, ядите* вси: и праведно, ибо нѣкоторые не могутъ ясти, напримѣръ младенцы. Но о таинственной чашѣ сказалъ: *пійте отъ нея вси,* и такимъ образомъ устранилъ всякое исключеніе, разумѣется для пребывающихъ въ вѣрѣ и единеніи церковномъ. Примѣчайте же, какъ отступаютъ отъ точности заповѣди Господней тѣ, которые не допускаютъ до святыхъ таинъ младенцевъ и малолѣтнихъ до извѣстнаго возраста; и какъ, напротивъ, вѣрна слову Господню Православная Церковь, когда она и младенцамъ подаетъ святую чашу, *да піютъ отъ нея вси,* даже и тѣ, которые могутъ только *пити,* не имѣя крѣпости, чтобы *ясти.* Еще больше достойно примѣчанія, какъ Господь при первомъ преподаяніи святыя чаши, въ то же время обличаетъ ея отъятіе у народа,—нововведеніе позднихъ вѣковъ. Не знаю, чему здѣсь больше дивиться, многоразличной ли премудрости слова Божія, или дерзости мудрованія человѣческаго противъ яснаго слова Божія. Господь видитъ, что подаваемую Имъ чашу жизни самочиніе захочетъ похитить у меньшихъ братій Его; и предварительно поставляетъ преграду противъ сей дерзости опредѣлительнымъ повелѣніемъ: *пійте отъ нея вси.* Но самочиніе не внемлетъ; нѣтъ, не вси, говоритъ оно, простолюдины не должны причащаться отъ чаши.—Благословимъ Бога, что мы принадлежимъ къ Православной Церкви, которая не причастна сему самопроизвольному мудрствованію, но съ вѣрнымъ послушаніемъ слову Христову всѣмъ вамъ предлагаетъ святую чашу: *пійте отъ нея вси.* Но чѣмъ болѣе утѣшаюсь я вѣрностью, съ которою возлюбленная мать наша Святая Церковь соблюдаетъ законоположительное слово Господа своего, тѣмъ съ большею заботою смотрю на неточность и недѣятельность, съ которою то же слово Господне пріемлютъ многія чада Церкви. Тайная вечеря и здѣсь та же, какъ въ Сіонской горницѣ; тотъ же Господь и нынѣ учреждаетъ ее; вы слышите собственное слово Его чрезъ уста священнодѣйствующаго: *пійте отъ нея вси;* вскорѣ послѣ сего священныя врата отверзаются, является служитель таинства, чтобы пригласить васъ къ исполненію повелѣнія Христова: *пійте отъ нея вси;* онъ зоветъ васъ: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите.* Но вы приступаете ли вси? Долготерпѣливъ Господь!—часто, ни одинъ.—Не смущайтесь много; не укоряя сіе говорю; знаю, что въ васъ это не дерзость самочинія, но недостатокъ дерзновенія въ вѣрѣ; что вы поступаете по обычаю, отъ предковъ принятому, вѣками распространенному; но будьте безпристрастны; сличите вашъ обычай съ заповѣдію Христовой; не можете не признать, что обычай могъ бы точнѣе слѣдовать заповѣди; что можно бы вамъ дѣятельнѣе исполнять слово Христово. Въ начальные вѣка христіанства хожденіе въ воскресные и праздничные дни въ церковь и пріобщеніе святыхъ таинъ составляло для вѣрныхъ одну почти нераздѣльную обязанность, такъ что есть церковныя правила, которыя осуждаютъ *ходящаго въ церковь и исходящаго вонъ безъ святаго причащенія* (Апост. прав. 9.

Антіох. Соб. прав. 2). Вотъ обычай, очевидно, болѣе совершенный, нежели нынѣшній! Что же касается до тѣхъ, которые ниже одинъ разъ въ годъ приступаютъ къ трапезѣ Господней, или совсѣмъ чуждаются ея; судъ ихъ написанъ въ Евангеліи: *аще не снѣсте Плоти Сына Человѣческаго, ни піете Крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. VI, 53).

Не промолчимъ того, что говорятъ обыкновенно въ свое оправданіе рѣдко приступающіе къ святымъ тайнамъ: «мы недостойны; мы не готовы». Мысль сія иногда подлинно происходитъ отъ смиренія, и тогда она, конечно, не вредитъ союзу душъ со Христомъ, подобно какъ сему не повредило смиренное чужденіе Петрово: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи* (Лук. V, 8). Но надлежитъ осматриваться, чтобы подъ благовиднымъ покровомъ имени смиренія не притаилась наша холодность къ вѣрѣ и нерадѣніе о исправленіи жизни. Ты не готовъ: не лѣнись, приготовься. Ты недостоинъ: недостоинъ и ни одинъ человѣкъ обращенія со Всесвятымъ, потому что ни одинъ не безгрѣшенъ, но какъ всякому, такъ и тебѣ предоставлено вѣровать, каяться, исправляться, быть прощену и уповать на благодать Спасителя грѣшниковъ и Взыскателя погибшихъ. Ты говоришь, что недостоинъ: напрасно ты пріемлешь на себя чужую должность; удостоить, или не удостоить тебя таинства, есть долгъ таинодѣйствователя, а не причастника. Ты недостоинъ: согласимся, что это правда. Что же далѣе? Неужели ты хочешь и оставаться недостойнымъ? Если ты безпечно оставляешь себя недостойнымъ общенія со Христомъ на земли,—не подвергаешь ли ты себя явной опасности остаться недостойнымъ общенія съ Нимъ на небеси? Но если ты страшишься сего недостоинства и хочешь отъ него избавиться, то избавишься ли, удаляя себя отъ Христа, отъ Его благодати, отъ Его силы, отъ Его жизни? Не лучше ли, посильно исправляя свое недостоинство, прибѣгать ко Христу въ таинствѣ, чтобы принимать отъ Него помощь и силу къ болѣе совершенному исправленію и преуспѣянію въ благоугожденіи, Богу (Изъ слова при освященіи храма Преображенія Господня, что на Ордынкѣ, ч. II, стр. 49).

Изъ слова преподобнаго Нила Синайскаго на Евангельское изрѣченіе: *иже имать влагалище, да возметъ, такожде и мѣхъ, а иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ ножъ* (Лук. XXII, 36).

Предлагаемое изрѣченіе съ перваго взгляда заключаетъ въ себѣ, кажется, большое противорѣчіе, и противно прочимъ наставленіямъ Господа; но въ смыслѣ возвышенномъ оно, какъ представляетъ полезное для поучаемыхъ, такъ показываетъ благопопечительность Поучающаго, а именно, что наставленія свои душевнымъ возрастамъ, для преспѣянія и усовершенія по мѣрѣ возрастанія, дѣлаетъ Онъ сообразными съ каждымъ состояніемъ. Ибо почему повелѣваетъ теперь взять ножъ тѣмъ, которые научены уже подставлять ланиту ударяющимъ? Почему велитъ продать ризу и купить ножъ тѣмъ, которые, по принятіи ими заповѣди не имѣть двухъ одеждъ, и дѣйствительно имѣли у себя одну, бывшую на нихъ ризу? Должно пріискать рѣшеніе, сообразное тому и другому повелѣнію, и показать, что прямо слѣдуетъ изъ обоихъ заповѣдей, а именно, что новоначальнымъ прилична первая заповѣдь, а совершеннымъ—вторая. Ибо, если и непристойно имѣть обнаженное тѣло, въ смыслѣ буквальномъ; то въ смыслѣ созерца-

тельномъ не только сіе благопристойно, но и крайне полезно. Поэтому, кто защищаетъ буквальный смыслъ сего изрѣченія, тотъ можетъ представляющееся въ немъ затрудненіе устранить такъ: Апостоламъ, приступающимъ еще къ Богочестію, Господь заповѣдалъ нестяжательность, желая, чтобы занимались они только изученіемъ Божественныхъ уроковъ, но и зная, что для несовершенныхъ только опасно пріобрѣтеніе имущества, преуспѣвшимъ и нетерпящимъ уже вреда отъ имущества позволяетъ небоязненно пользоваться имѣніемъ, такъ какъ они не пристрастны уже къ деньгамъ, подобно многимъ другимъ, и не преодолѣваются прелестью сребролюбія, и говоритъ: *егда послахъ вы безъ влагалища и безъ мѣха, еда чесого лишени бысте?* А теперь говорю вамъ: *иже имать влагалище, да возметъ, такожде и мѣхъ* (Лук. XXII, 35). Ибо въ началѣ должно имъ было, не нося ничего при себѣ, извѣдать на опытѣ силу Учителя, которая имъ каждый день безъ ихъ заботъ подавала потребное для тѣла, и даже не это одно, но и сказанное нами незадолго прежде, чтобы, дѣятельно обучившись нестяжательности, пріобрѣли неизмѣняемый къ ней навыкъ, постепенно преуспѣвая въ безпристрастіи къ себѣ самимъ; потому что сребролюбіе погубило многихъ; оно низринуло въ пропасть предательства и Іуду, который привыкъ къ деньгамъ, по причинѣ ввѣреннаго ему для служенія вѣрнымъ *ковчежца* (Іоан. XII, 6).

Но не знаю уже, чѣмъ защитится отстаивающій буквальный смыслъ въ словахъ: *кто имѣетъ ножъ, да возметъ, а кто не имѣетъ, да продастъ ризу и купитъ ножъ;* когда Господь вездѣ требуетъ, чтобы ученики Его были мирны и кротки. Посему посмотримъ, какимъ образомъ это повелѣніе, хотя оно относительно къ тѣлу и въ смыслѣ буквальномъ невозможно, въ духовномъ смыслѣ возможно и полезно. Приближаясь уже къ страданію и готовясь войти на крестъ, какъ по злоумышленію Іудеевъ, такъ и по собственному изволенію ради спасительнаго домостроительства, говоритъ сіе ученикамъ Господь, приготовляя къ борьбѣ съ противящимися истинѣ, но не къ борьбѣ по маловажнымъ предлогамъ предпріемлемой, гдѣ расположеніемъ борющихся управляетъ раздраженіе, а къ состязанію въ подвигѣ, который внушенъ Богомъ по пламенной ревности къ Богочестію. Ибо Господь видѣлъ уже, что безстыдные псы Іудеи съ неистовствомъ возстаютъ противъ Божественнаго ученія и спѣшатъ положить конецъ спасительной проповѣди, а потому, возставляя учениковъ Своихъ на сей подвигъ съ Іудеями, повелѣваетъ имъ отложить прежнюю кротость, вооружась же сильнымъ словомъ идти на обличеніе покушающихся низложить истину. Хотя христіанину прежде всего потребно необходимое одѣяніе, приличное имени его званія, потому что не менѣе одежды украшаютъ христіанина степенная безмятежность духа и нравъ скромный; однакоже во время борьбы съ противниками потребно ему и оружіе слова. Посему, говоритъ Господь, въ то время, когда посылалъ Я васъ учителями къ Израилю, хорошо вы дѣлали, выказывая мирное состояніе духа и такимъ поведеніемъ привлекая непокорныхъ къ послушанію, кротостью доводя ихъ до благопокорности; потому что для убѣжденія дѣйствительнѣе сильнаго слова правая жизнь, въ себѣ самой представляющая знающему оную убѣдительный поводъ признать себя посрамленнымъ. Но поелику по Моемъ воз-

несеніи враги истины нападутъ на нее, то каждый изъ имѣющихъ попеченіе о нравственномъ благоустройствѣ, да отложитъ тщаніе о соблюденіи мира, и да уготовится къ состязанію; ибо нѣтъ никакой несообразности для важнѣйшаго оставить на время менѣе важное, и отложивъ кротость, сдѣлаться воителемъ.

Почему продавшій ризу непремѣнно покупаетъ ножъ, и первой не уничтожая и пріобрѣтая послѣдній. Да и какой покупаетъ онъ ножъ? Тотъ, о которомъ говоритъ Христосъ: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечь* (Матѳ. X, 34), мечемъ называя слово проповѣди. Ибо, какъ ножъ раздѣляетъ сросшееся, и связанное тѣло раздѣляетъ на части, такъ слово проповѣди, вносимое въ домъ, во всякомъ изъ нихъ, соединенныхъ на зло невѣріемъ, отсѣкало другъ отъ друга, отдѣляя сына отъ отца, дочь отъ матери, невѣстку отъ свекрови; разсѣкая самую природу, показывало цѣль Господня повелѣнія, а именно, что для великой пользы и во благо людямъ повелѣлъ Онъ Апостоламъ взять ножъ.

Посему Петръ немедленно отвѣчаетъ, говоря, что два у нихъ ножа, о которыхъ Господь сказалъ, что ихъ достаточно для предлежащаго подвига. Ножи же сіи, какъ говоритъ Апостолъ, суть обличеніе противополагаемаго и утѣшеніе вѣрующихъ. Ибо въ посланіи къ Титу такъ вручаетъ ихъ учителямъ, говоря: *да силенъ будетъ и утѣшати во здравомъ ученіи и противящихся обличати* (Тит. I, 9), чѣмъ и раздѣляетъ слово на два вида; ибо иной видъ—слово ученія къ вѣрнымъ, и иной—слово истины къ врагамъ; и одно есть обличеніе лжи, а другое подтвержденіе истины. А что мечемъ называетъ слово, это явно для всякаго; такъ какъ на памяти у каждаго часто повторяемое изрѣченіе Писанія: *живо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше всякаго меча обоюду остра* (Евр. IV, 12). Тв. св. отц., т. XXXI, стр. 312—316. 321).

Св. Василія Великаго на 36 ст. XXII гл. Лук.

Почему Господь иногда запрещаетъ носить съ собою въ дорогѣ *влагалище и пиру* (Лук. X, 4), а иногда говоритъ: *но нынѣ, иже имать влагалище, да возметъ, такожде и мѣхъ* (πήραν), *а иже не имать, да предастъ ризу свою и купитъ ножъ* (Лук. XXII, 36)?

Сіе объясняетъ Самъ Господь, говоря: *подобаетъ, да скончается о Мнѣ, еже: и со беззаконными вмѣнися* (37). Ибо тотчасъ по исполненіи пророчества о ножѣ говоритъ Петру: *вси бо, пріявшіи ножъ, ножемъ погибнутъ* (Матѳ. XXVI, 52). Посему слова: *но нынѣ, иже имать влагалище, да возметъ*, или: возьметъ (ибо и такъ читается во многихъ спискахъ) суть не повелѣніе, а пророчество предрекающаго Господа, что Апостолы, забывъ Господни дары и законъ, осмѣлятся взяться и за мечи. А что Писаніе часто повелительный образъ рѣчи употребляетъ вмѣсто пророчественнаго, сіе видно и изъ другихъ мѣстъ, каково, напримѣръ, слѣдующее: *да будутъ сынове его сироты* (Псал. CVIII, 9), и: *діаволъ да станетъ одесную его* (6), и другія подобныя мѣста (Тв. св. оо., т. IX. Тв. Василія Великаго, ч. V, стр. 334—335).

Библіографическій указатель къ XXVI гл. Ев. Матѳея и парал.).

Святоотеческія толкованія:

1) *Св. Григорія Богослова:* для чего Пасха новозавѣтная совершена Іисусомъ Христомъ въ горницѣ? ч. IV. 17—18.

2) Ст. 29. Изъясненіе *блаж. Іеронима*, т. II. 567—568.

Новѣйшія толкованія:

3) Ветхозавѣтный праздникъ Пасхи. Воскресное Чт., г. XXV. 11.

4) Пасха. Библ. пол. сл. Воскр. Чтеніе 1877 г. I. 157—160.

5) Послѣдняя вечеря Господа (Матѳ. XXVI, 21—25. Іоан. XIII, 21—24). Христ. Чтеніе 1823 г. X. 316—340.

6) *Д. Хвольсона.* Послѣдняя пасхальная вечеря Іисуса Христа и день Его смерти. Ст. 1. Христ. Чт. 1875 г. II. 430—480. Ст. 2. Христ. Чт. 1877 г. I. 821—870. Ст. 3. Тамъ же, II. 557—610. Ст. 4. Христ. Чт. 1878 г. I. 352—419.

7) *Архим. Виталія (Гречулевича).* Послѣдняя пасхальная вечеря Іисуса Христа и день Его смерти. Стран. 1876 г. IV, нояб. 97—126 и дек. 185—289.

8) *В. Рождественскаго.* Вмѣсто введенія къ ученой полемикѣ. Церковный Вѣстникъ 1877 г. Мартъ № 10.

9) *А. Виталія.* Отвѣтъ на ученую полемику по вопросу о послѣдней пасхальной вечери Іисуса Христа и днѣ Его смерти. Разборъ статей Церковнаго Вѣстника подъ заглавіемъ: Вмѣсто введенія къ ученой полемикѣ. Стран. 1877 г. IV. Нояб. 170—217.

10) *А. Некрасова.* По поводу предложенной профессоромъ Д. А. Хвольсономъ поправки въ чтеніи 17 стиха XXVI гл. Ев. отъ Матѳ. Прав. Собес. 1878 г. II. іюнь. 113—132.

11) *Прот. Горскаго.* Совершилъ ли Господь Іисусъ Христосъ пасху Іудейскую на послѣдней вечери Своей съ учениками? Прибавленіе къ Тв. св. оо. 1853 г., ч. XII. 446—491.

12) *Свящ. М. Богданова.* Вкушалъ ли Іисусъ Христосъ ветхозавѣтную пасху на послѣдней вечери съ учениками. Руков. для с. п. 1861 г. I. 405, 428, 452.

13) О времени празднованія Пасхи. Тамъ же. 1872 г. I. 556—568.

14) *Д. И. Прозоровскаго.* Къ вопросу о времени совершенія Іисусомъ Христомъ послѣдней пасхальной вечери. Стран. 1881 г. I. Апр. 595—610.

15) Рѣшеніе вопроса о времени празднованія Пасхи въ Энциклопедіи Герцога. Чт. въ Общ. 1878 г. III. 5—6 (отд. Библіограф.).

16) *Молчанова.* „Пасхальные споры“ Прав. Обозр. 1880 г. I. 758.

17) „Messe und Pascho Bickel“. M. 1872 г. (О пасхальной вечери Іисуса Христа). Отзывъ въ Тр. Кіев. Дух. Ак. 1872 г. III. 398—402.

18) Евангельское сказаніе о днѣ тайной вечери и смерти Іисуса Христа. Примиреніе разностей. См. книгу *еп. Михаила:* О Евангеліяхъ и Евангельской Исторіи. Гл. V, 254—274.

19) О томъ же въ кн. *Буткевича:* Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. 657—670.

20) *А. Алексѣева.* Объ обрядахъ Еврейской Пасхи. Дом. Бес. 1875 г. Вып. XIV. 440—444.

21) Ст. 25. Равви. Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1877 г. II. 15.

22) Ст. 27. *Филарета, митроп. Московскаго.* О таинствѣ причащенія. IV. 38—40.

23) Ст. 27—28. *Арсенія, митр. Кіевскаго* Противъ ученія Римско-Католической Церкви о причащеніи мірянъ подъ однимъ видомъ хлѣба. II. 419—426.

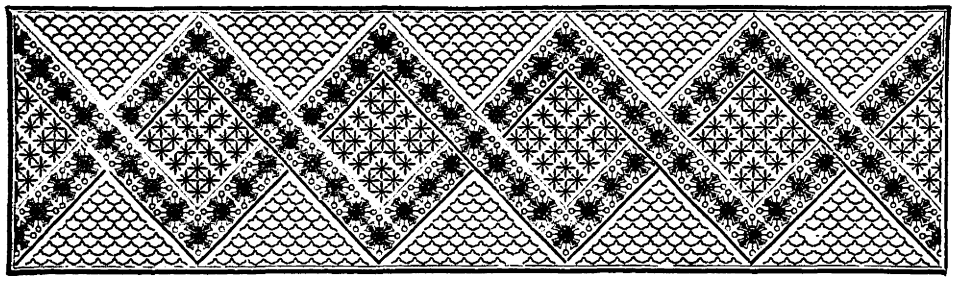
24) Лук. XXII, 32. *И ты нѣкогда обращся утверди братію твою.* Воскр. Чт., ч. XXIII. 549—552.

25) Іоан. XIII, 1—17. Іисусъ Христосъ умываетъ ноги ученикамъ Своимъ и учреждаетъ таинство Тѣла и Крови Своей. (Уничиженное состояніе Іисуса Христа отъ рожденія Его до крестныхъ страданій.) Воскр. Чт. XI. 534—542.

26) *Архіеп. Никанора.* О значеніи Пасхи ветхозавѣтной и новозавѣтной. Поуч. и бес., т. III. 211—219. О событіяхъ Тайной вечери, т. IV. 171—182.

27) Іоан. XIII, 5. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О смиреніи. II. 442—447.

28) *Его же.* Объ умовеніи ногъ и послушаніи Ап. Петра. II. 455.



О послѣдней бесѣдѣ Іисуса Христа съ учениками предъ Его страданіемъ (Іоан. XIII, 31—38; XIV; XV; XVI; XVII).

(*Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.*)

Послѣдняя бесѣда Іисуса Христа съ учениками, сохраненная для насъ святымъ Іоанномъ, составляетъ драгоцѣннѣйшую часть сказаній Евангельскихъ, обнаруживая предъ нами душу и сердце Господа Іисуса въ такія рѣшительныя минуты, съ такихъ важныхъ сторонъ, въ такомъ преизбыткѣ Божественнаго свѣта.—Здѣсь, изъ собственныхъ устъ Его, мы слышимъ тайну Его лица и служенія, символъ Его ученія и обѣтованій, великое начало величайшей Его дѣятельности; видимъ, откуда Онъ и для чего пришелъ, куда и для чего отшелъ, что намѣренъ содѣлать изъ людей, какимъ образомъ соединить небо съ землею, возставить все падшее, облаженствовать всѣхъ сыновъ Адамовыхъ. Первѣе же и паче всего видимъ здѣсь, слышимъ, осязаемъ духомъ превосходящую разумъ любовь Христову, которая распространяется до того, что видимо объемлетъ небо и землю, время и вѣчность.

Какое неподражаемое величіе въ минуты самыя горестныя!—Когда самый добродѣтельный мудрецъ сказалъ бы съ горестью: я преданъ теперь; мнѣ должно умереть! Іисусъ восклицаетъ: *нынѣ прославися Сынъ Человѣческій!* Слушая Его утѣшенія ученикамъ, можно подумать, что завтра ожидаетъ его не крестъ, а престолъ, что на другой день предстоятъ мученія не Ему, а скорбнымъ ученикамъ.

Откуда такое святое мужество?—Оттого, что князь міра *не имѣетъ въ Немъ ничего,* ему принадлежащаго (Іоан. XIV, 30), и что міръ совершенно побѣжденъ (Іоан. XVI, 33); оттого, что Онъ всегда угодное предъ Отцемъ творилъ, и по сему не одинъ, а Отецъ всегда съ Нимъ (Іоан. XVI, 32); оттого, что Онъ область имѣетъ душу Свою положить и паки пріять, и если полагаетъ ее теперь, то о Себѣ, по Своей волѣ (Іоан. X, 18); оттого наконецъ, что говорящій такимъ образомъ есть Тотъ, *Кто имѣлъ славу у Отца, прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5),—есть Слово, бывшее *искони* у Бога, Коимъ все сотворено, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть (Іоан. I, 1—4).

И у Сына Человѣческаго обрѣлось бы столько чистой любви къ ближнимъ, чтобы для спасенія ихъ претерпѣть смерть. Моисей давно уже подалъ примѣръ къ такому самопожертвованію (Исход. XXXII, 32), а Павелъ готовился повторить его (Римлян. IX, 3); но только Сынъ Божій, *Господь съ небесе* (1 Коринѳ. XV, 47), могъ въ навечеріе Своей смерти сказать: *вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте* (Іоан. XIV, 1);—

дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ (Іоан. XVI, 33);—*еже аще что воспросите во имя Мое, Азъ сотворю* (Іоан. XIV, 33); *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. XV, 5); *вѣруяй въ Мя, дѣла, яже сотворихъ, и той сотворитъ, и большa сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12).

Недоумѣнія учениковъ и отвѣты на нихъ прерываютъ нѣкоторымъ образомъ ходъ бесѣды Божественнаго Учителя и замедляютъ ея дѣйствіе на сердце; но истины, кои по причинѣ сихъ недоумѣній, исходятъ изъ устъ Іисуса, такъ важны и драгоцѣнны, — стороны, съ коихъ Онъ вызывается обнаруживать Себя, такъ возвышенны и утѣшительны, что нельзя не благодарить въ душѣ Ѳому за любопытство о пути (Іоан. XIV, 5—7),—Филиппа за желаніе видѣть *Отца* (XIV, 9—12), Іуду не-Искаріотскаго за вопросъ: почему Учитель не хочетъ явиться всему міру? (Іоан. XIV, 22—24).

Цѣль всѣхъ утѣшеній Іисусовыхъ, явно, направлена преимущественно къ тому, чтобы предохранить учениковъ отъ соблазна и отпаденія во время Его крестной разлуки съ ними. Время непродолжительное по теченію часовъ, но чрезвычайно опасное по теченію обстоятельствъ. Сколько предстояло имъ соблазновъ и страховъ! Сколько поводовъ къ нарушенію вѣрности!—Князь міра, побѣжденный крестомъ, безъ сомнѣнія, не оставилъ ни одного средства для уловленія овецъ, разсѣянныхъ смертію Пастыря. И между тѣмъ, въ семъ-то маломъ разсѣянномъ стадѣ было основаніе *для собранія всѣхъ чадъ Божіихъ во едино* (Іоан. XI, 52),—потеря и одного изъ *чадцевъ* любви Іисусовой (Іоан. XIII, 33) была бы весьма чувствительна для блага цѣлаго міра, имѣвшаго быть обращеннымъ отъ тьмы къ свѣту ихъ проповѣдію.

Несмотря однако на великую нужду въ утѣшеніи, надлежало преподать его, не открывая во всей (страшной) очевидности событій, имѣвшихъ послѣдовать наутріе. Святѣйшая тайна всемірнаго искупленія долженствовала быть, нѣкоторымъ образомъ, запечатлѣнною до самаго исполненія своего. Самое усердіе къ Учителю, не свободное отъ предразсудковъ, имѣло нужду быть связаннымъ нѣкоторою неизвѣстностью. Посему завѣса будущаго приподнимается не болѣе, какъ сколько нужно было для того, чтобы предостеречь отъ паденія. Ученики чувствуютъ, что предстоитъ какое-то великое искушеніе, какая-то печальная разлука съ Учителемъ; видятъ себя въ будущемъ сирыми, ненавидимыми, разсѣянными, въ печаляхъ и болѣзняхъ жены раждающей; но видятъ Учителя вскорѣ возвращающимся къ нимъ, приносящаго радость и миръ; видятъ другаго Утѣшителя, приходящаго пребывать съ ними во вѣкъ, научить ихъ всему, обличить во всемъ міръ, ихъ ненавидящій; видятъ опять Самого Учителя, приходящаго со Отцемъ, сотворить у каждаго изъ любящихъ Его Себѣ обитель: все сіе видятъ, говорю, ученики, какъ въ перспективѣ, исполненной такого свѣта, среди коего самые печальные предметы получаютъ трогательный видъ, умиляющій сердце. — Какимъ именно образомъ все это произойдетъ, этого ученики еще не разумѣли. Одно твердо узнали они, что Учитель ихъ *отъ Бога исшелъ*. А это было весьма важно для будущаго. При томъ у нихъ теперь въ рукахъ планъ событій. Когда придетъ время, они вспомнятъ, что имъ было сказано. Предсказаніе отниметъ силу соблазна у предсказаннаго.

Кромѣ сего, послѣдняя бесѣда Богочеловѣка была для учениковъ Его полезна еще *особеннымъ образомъ*. И среди человѣческихъ собесѣдованій, слова могутъ производить дѣйствіе великое, не

будучи понимаемы слышащимъ въ подробности. Можно трогаться, умиляться, измѣняться сердцемъ отъ однихъ чувствъ въ словахъ, не понимая ихъ совершенно. Это замѣчаніе—въ превосходнѣйшей степени,—должно приложить къ послѣдней бесѣдѣ Іисуса. Ею, такъ сказать, навѣянъ былъ на учениковъ духъ мира, терпѣнія: таинственнымъ образомъ умащено сердце для удобнѣйшаго перенесенія самыхъ жестокихъ ударовъ: они не понимали всѣхъ мыслей, но поняли чувство, исполнились духомъ Іисусовымъ, *осязали о Словеси животнѣмъ* (1 Іоан. I, 1).

О послѣдней молитвѣ Іисусовой (Іоан. XVII) дерзновенно и говорить языкомъ человѣческимъ; такъ она всеобъемлюща, величественна. Божественна! Послѣ нея, вѣроятно, Филиппъ не сказалъ бы: *Господи, покажи намъ Отца!* Ибо въ ней для вѣрующаго видѣнъ сей Отецъ болѣе, нежели въ цѣломъ мірѣ. Здѣсьто надлежало Петру сказать: *Господи, глаголы живота вѣчнаго имаши!* (Іоан. VI, 67.) Это—молитва великаго Первосвященника по чину Мелхиседекову, предъ входомъ Его во Святая святыхъ. Кто прочиталъ ее со вниманіемъ хотя одинъ разъ, у того она останется въ сердцѣ на всю жизнь; а кто одушевился духомъ ея, тотъ не можетъ не принадлежать навсегда Іисусу (Воскр. Чт., г. I, стр. 455—458).

Изъясненіе прощальныхъ рѣчей Іисуса Христа къ Своимъ ученикамъ (Іоан. XIII, 31; XVII, 26).

Наступилъ послѣдній часъ, который Іисусъ Христосъ предъ Своими страданіями еще могъ провести въ кругу оставшихся вѣрными Ему, послѣ измѣны Іуды, учениковъ. Въ эти немногія минуты исполненное любви къ возлюбленнымъ ученикамъ сердце Спасителя изливается въ трогательныхъ потрясающихъ душу рѣчахъ. Сначала Іисусъ Христосъ хочетъ въ минуту разставанія утѣшить Своихъ учениковъ обѣщаніемъ послать имъ Святаго Духа и просвѣтить ихъ свыше; потомъ увѣщеваетъ и возбуждаетъ ихъ къ внутреннему единенію съ Нимъ и другъ съ другомъ, вѣрному соблюденію Его заповѣдей, исповѣданію Его имени, не смотря на всѣ, имѣющія послѣдовать поношенія и страданія, и къ полной вѣры молитвѣ къ Богу во имя Его. Вначалѣ рѣчь имѣетъ форму дружеской бесѣды; потомъ она становится все возбужденнѣе и торжественнѣе и заканчивается возвышенною первосвященническою молитвою Іисуса Христа. Этотъ отдѣлъ Евангелія не имѣетъ ничего себѣ подобнаго по возвышенности, торжественности и глубинѣ чувства.

1. Возвѣщеніе Спасителя ученикамъ о Своей смерти и отреченіи Апостола Петра, ст. 31—38.

Едва только уличенный предатель ушелъ отъ пасхальной вечери, и Іисусъ Христосъ остался въ кругу однихъ вѣрныхъ Своихъ учениковъ, встревоженныхъ и возмущенныхъ замѣчаніями Его о предателѣ, какъ тотчасъ же Онъ произнесъ слѣдующія торжественныя слова: *нынѣ прославися Сынъ Человѣческій, и Богъ прославися о Немъ!* (31.) Господь пророчески созерцаетъ уже исполнившимся Свое прославленіе крестною смертію, а также Свое воскресеніе и прославленіе Бога Отца. Въ крестной смерти Христовой открылась любовь, святость и правда Божія; поэтому, крестная смерть Христова была и прославленіемъ Бога во Христѣ. *Аще Богъ прославися о Немъ, и Богъ прославитъ Его въ Себѣ, и абіе прославитъ Его* (32). Богъ вскорѣ (абіе) прославитъ Сына, воскресивъ Его со славою изъ мертвыхъ; и Онъ прославитъ Его

«въ Себѣ», т. е. въ единствѣ съ Собою, чрезъ воспріятіе въ Божественную славу и міроправленіе. Онъ посадитъ Его одесную Себя, *дондеже положитъ вся враги въ подножіе ногъ Своихъ*, т. е. пока доставитъ полную побѣду Своему дѣлу на земли. *Чадца, еще съ вами мало есмь. Взыщете Мене, и якоже рѣхъ Іудеомъ, яко аможе Азъ иду, вы не можете пріити: и вамъ глаголю нынѣ* (33).—«Чадца»—выраженіе глубокой отеческой любви Спасителя къ Своимъ ученикамъ. Не разъ Христосъ говорилъ Іудеямъ: *взыщете Мене, и не обрящете* (см. VII, 34; VIII, 21, 24), но Онъ говорилъ имъ эти слова въ другомъ смыслѣ и съ другою цѣлью. Тамъ Онъ *совершенно* отвергалъ возможность найти Его, придти къ Нему, здѣсь же только—*въ отношеніи къ настоящему времени;* тамъ Господь произносилъ слова эти какъ угрозу, какъ наказаніе, здѣсь же, чтобы тронуть сердца учениковъ и сдѣлать ихъ воспріимчивѣе къ слѣдующей заповѣди. Онъ говоритъ имъ это *нынѣ*, потому что не можетъ долѣе щадить ихъ.

Въ замѣнъ видимаго присутствія Господа съ Своими учениками должна будетъ служить имъ взаимная братская ихъ любовь другъ къ другу; посредствомъ этой любви невидимо во Святомъ Духѣ Онъ отселѣ будетъ пребывать съ ними: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе* (34). Здѣсь останавливаютъ тоже вниманіе слова: «*заповѣдь новую*». Такъ какъ еще въ книгѣ Левитъ XIX, 18 читаемъ: *возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе,* и такъ какъ Самъ Іисусъ Христосъ эту заповѣдь о любви къ ближнему вмѣстѣ съ заповѣдью о любви къ Богу призналъ большею всѣхъ заповѣдей въ законѣ (Матѳ. XXII, 37 и т. д.); то какимъ образомъ Онъ Свою эту заповѣдь о любви могъ назвать *новою?* Въ объясненіи этого толковники расходятся. Одни слово—*новую* (καινὴν) принимаютъ въ значеніи—«превосходную», другіе—«никогда не старѣющуюся», какъ если бы стояло: *всегда новую* (ἀεὶ καινὴν), иные въ смыслѣ—«послѣднюю». Нѣкоторые это выраженіе—*заповѣдь новую* объясняли также еще въ смыслѣ «обновленной заповѣди», или, какъ объяснилъ блаженный Августинъ, «заповѣди, обновляющей человѣка», или же слово—καινὴν замѣняли словомъ καινῶς—*вновь*. Но всѣ эти толкованія произвольны. Ключъ къ единственно вѣрному объясненію словъ—*заповѣдь новую* заключается въ словахъ: *якоже возлюбихъ вы*. Заповѣдь о любви, данная Христомъ, была на столько *нова*, на сколько были *новы побудительныя основанія* любви, *мѣра* требуемой любви и *образецъ* ея. Въ Ветхомъ Завѣтѣ заповѣдано было любить ближняго какъ *самаго себя;* слѣдовательно тамъ мѣрою и нормою любви *къ ближнему* служила любовь *къ самому себѣ*. Кромѣ того, ветхозавѣтная заповѣдь о любви къ ближнему была больше отрицательнаго свойства; требовалось только, какъ вытекаетъ изъ связи рѣчи, не нарушать обязанностей *справедливости*. Наконецъ, заповѣдь эта заключена была въ опредѣленныя границы, относилась только къ единоплеменникамъ и допускала существованіе права возмездія. Но здѣсь Спаситель нашъ нормою любви опредѣляетъ *Свою собственную любовь;* а Его любовь къ людямъ была такого рода, что состояла не только въ исполненіи долга справедливости, но *въ самоотверженіи,* въ готовности на всѣ жертвы за другихъ, слѣдовательно, любовью *болѣе* къ ближнимъ, чѣмъ къ самому себѣ; кромѣ того, любовь Его была *всеобщая*, обнимавшая собою всѣхъ людей, даже Своихъ враговъ. Такимъ образомъ Онъ по пра-

ву могъ *Свою* заповѣдь о любви назвать *новою*. Іисусъ Христосъ въ этомъ случаѣ поступаетъ такъ же, какъ и въ нагорной проповѣди, когда Онъ сказанному древнимъ противопоставляетъ Свои новыя заповѣди. Онъ только что предъ этимъ установилъ таинство евхаристіи и при этомъ Ветхому Завѣту противопоставилъ «Новый Завѣтъ въ Своей Крови», представивъ вѣчно обязательный образецъ самоотверженной любви (ср. 1 Іоан. II, 8; III, 16). Такой любви, какой требуетъ здѣсь Господь, еще никто не видѣлъ въ мірѣ; поэтому, Онъ могъ поставить ее признакомъ Своихъ учениковъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (35). Все первое посланіе Іоанна составляетъ какъ-бы толкованіе этихъ словъ Господа. А что онѣ исполнились, объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія Церкви первыхъ вѣковъ. По свидѣтельству Тертулліана (Апологія гл. 39), язычники обыкновенно говорили: «смотрите, какъ христіане любятъ другъ друга, и какъ они готовы умереть одинъ за другаго».

Вопросъ Апостола Петра: *Господи! камо идеши?* обращаетъ бесѣду на прежде сказанныя слова Спасителя: *Азъ иду, а вы не можете пріити* (33). Апостолъ не понялъ этихъ словъ и желалъ знать, куда это хочетъ идти Учитель его, что онъ не можетъ слѣдовать за Нимъ. Іисусъ Христосъ не отвѣчаетъ прямо на этотъ вопросъ и указываетъ ему на его собственный опытъ въ дальнѣйшемъ будущемъ: *аможе Азъ иду, не можеши нынѣ по Мнѣ ити: послѣди же по Мнѣ идеши* (36). Апостолъ Петръ еще не могъ *теперь* слѣдовать за своимъ Господомъ, такъ какъ по Божественному опредѣленію еще не пришелъ часъ его; онъ долженъ былъ еще укрѣпить своихъ братьевъ и пасти овцы и агнцы Христовы. Этими словами Іисусъ Христосъ указываетъ на будущую мученическую смерть Апостола Петра; но въ этомъ же указаніи заключалось для Апостола и утѣшеніе, которое могло ободрить его, когда скорбь о глубокомъ его паденіи приводила его въ состояніе близкое отчаянію. *Глаголаше Ему Петръ: Господи! почто не могу нынѣ по Тебѣ ити? Душу мою за Тя положу* (37). Слѣдовательно, Петръ и теперь еще не понимаетъ Господа; онъ догадывается только, что Іисусъ Христосъ предпринимаетъ какое-то опасное отшествіе и изъявляетъ готовность положить за Іисуса жизнь свою (ср. 10, 11). Въ послѣднихъ словахъ Петра высказывается, съ одной стороны, горячій и торопливый характеръ его, а съ другой—его горячая, но только слишкомъ много полагающаяся на себя привязанность къ Господу. Чтобы смирить великую его самоувѣренность, Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ вопросомъ, выражавшимъ сомнѣніе: *душу ли твою за Мя положиши?* и затѣмъ предсказываетъ ему близкое его паденіе: *аминь, аминь глаголю тебѣ, не возгласитъ алекторъ, дондеже отвержешися Мене трищи* (38), т. е. прежде чѣмъ наступитъ *третья* ночная стража, начинавшаяся въ полночь съ пѣніемъ пѣтуха и оканчивавшаяся со вторымъ пѣніемъ пѣтуха около трехъ часовъ и поэтому называлась *пѣтлогласіемъ*—ἀλεκτοροφονία (Марк, XIII, 35), ты успѣешь три раза отвергнуться Меня.

2. Объ отшествіи Іисуса Христа ко Отцу и посланіи Утѣшителя (XIV, 1—31).

Предшествующее возвѣщеніе Спасителя ученикамъ о Своемъ близкомъ отшествіи и о томъ, что одинъ изъ среды ихъ отвергнется Его, должно было глубоко потрясти учениковъ. Поэтому Спаситель хочетъ ободрить ихъ и возбудить въ нихъ довѣріе къ Богу и къ

Нему Самому надеждою возсоединенія съ Нимъ у Отца. Онъ утѣшительно взываетъ къ нимъ: *да не смущается сердце ваше! Вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте.* Свое прежнее довѣріе къ Богу вы должны какъ-бы вновь освѣжить довѣріемъ ко Мнѣ, какъ посреднику и ходатаю вашему предъ Богомъ, къ Которому вы должны будете стать въ отношеніе совершенно дѣтскаго довѣрія, вслѣдствіе Моего имѣющаго скоро совершиться искупленія. Съ этимъ возбужденіемъ къ довѣрію Онъ соединяетъ откровеніе надежды на близкое возсоединеніе: *въ дому Отца Моего обители многи суть.* Ученики, слѣдовательно, должны быть убѣждены, что небо, которое здѣсь называется «домомъ Его Отца», довольно велико, чтобы вмѣстить всѣхъ послѣдователей Іисуса Христа; только Онъ долженъ пойти напередъ, чтобы приготовить для нихъ жилища. Въ словахъ: *аще ли же ни, рекль быхъ вамъ* заключается подтвержденіе истины: «это несомнѣнно; вы можете Мнѣ вѣрить; Я бы вамъ сказалъ, если бы было не такъ»; но это подтвержденіе вставлено только мимоходомъ. Слѣдующія затѣмъ слова: *иду уготовати мѣсто вамъ,* представляютъ фактическое доказательство существованія многихъ обителей въ домѣ Его Отца, но вмѣстѣ съ этимъ въ приведенныхъ словахъ заключается и та мысль, что отшествіе Іисуса Христа есть условіе, при которомъ ученики могутъ послѣдовать за Нимъ. *И аще пойду и уготовлю вамъ мѣсто, паки пріиду и поиму вы къ Себѣ: да, идѣже есмь Азъ, и вы будете* (3). Христосъ приготовилъ у Небеснаго Отца мѣсто Своимъ ученикамъ посредствомъ Своей искупительной смерти, которою разрушено средостѣніе между небомъ и землею, посредствомъ Своего воскресенія, въ которомъ Онъ побѣдилъ послѣдняго врага-смерть, и посредствомъ Своего вознесенія на небо, вслѣдствіе котораго Онъ возсѣлъ одесную славы Своего Отца. — *Паки пріиду*—нужно сначала понимать въ смыслѣ невидимаго, внутренняго пришествія Христова во Святомъ Духѣ (ср. ст. 18 и д. XVI, 22 и д.), въ Которомъ заключается всякое общеніе съ Нимъ во времени и вѣчности. Когда Христосъ во Святомъ Духѣ приходитъ къ намъ, тогда, по внутренней сокровенной жизни, мы уже здѣсь, очевидно, находимся во славѣ вмѣстѣ съ Нимъ (Колос. III, 1 и д.); затѣмъ Онъ преобразитъ и наше уничиженное тѣло въ небесное (Филиппис. III, 21). Торжественное же заключеніе этого пришествія Христова будетъ въ явленіи Его на страшный судъ, когда Спаситель явится видимо, чтобы взять къ Себѣ Своихъ послѣдователей и ввести ихъ въ славу Божію. Слѣдовательно, вообще можно сказать, что выраженіе: *паки пріиду,* обнимаетъ собою всѣ дѣла Христовы для спасенія вѣрующихъ, начиная отъ Его воскресенія и оканчивая Его вторымъ пришествіемъ. Господь говоритъ здѣсь къ Апостоламъ, какъ представителямъ всей Церкви.

И аможе Азъ иду, вѣсте, и путь вѣсте. Господь говоритъ объ отшествіи Своемъ ко Отцу, куда должны послѣдовать за Нимъ и ученики Его. Единственный *для нихъ* туда путь, по указанію 6-го стиха,—*Онъ Самъ.* На этотъ путь Онъ нерѣдко уже указывалъ имъ во всѣхъ Своихъ рѣчахъ, гдѣ Онъ изображалъ Себя *органомъ и откровеніемъ* Отца и требовалъ вѣры въ Себя, какъ необходимаго условія ко спасенію (напримѣръ X, 36 и д. VI, 29); слѣдовательно, ученики знали уже путь къ Отцу, по крайней мѣрѣ, могли знать его. Прекрасно по этому случаю замѣчаетъ блаженный Августинъ: «ученики знали, но не знали, что знаютъ». Не-

справедливо нѣкоторые толковники подъ словомъ *путь* разумѣютъ путь страданій и смерти, къ которому *Онъ Самъ* готовъ былъ идти. *Глаголa Ему Ѳома: Господи! не вѣмы, камо идеши, и како можемъ путь вѣдѣти?* На слова Господа, что они знаютъ путь къ мѣсту, куда Онъ теперь идетъ, возражаетъ Апостолъ Ѳома съ тою скептическою откровенностью, какая вездѣ высказывается въ характерѣ этого Апостола (ср. XI, 16; XX, 25); онъ говоритъ, что имъ неизвѣстно *мѣсто,* куда Онъ идетъ; поэтому, они не могутъ знать и пути къ нему.

На вопросъ Ѳомы: *како можемъ путь вѣдѣти?* Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ замѣчательными словами: *Азъ есмь путь и истина и животъ: никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (6). Іисусъ Христосъ есть не только путеводитель, Своимъ ученіемъ и примѣромъ *показывающій* намъ путь къ нашему истинному назначенію, но есть самый путь, и именно потому, что Онъ есть единый посредникъ между Богомъ и человѣчествомъ. Если человѣкъ хочетъ достигнуть предназначенной ему цѣли, то онъ можетъ достигнуть ея только чрезъ Христа, чрезъ Него онъ можетъ только придти ко Отцу. Поэтому, Іисусъ Христосъ въ другомъ мѣстѣ (X, 7) и называлъ Себя *дверью,* какъ теперь называетъ *путемъ.* Но Христосъ есть не только путь къ цѣли, а и самая *цѣль*, такъ какъ Онъ есть *истина и жизнь* по преимуществу. Какъ вѣчное Слово, какъ начало всѣхъ откровеній Божіихъ, Онъ есть истина и жизнь *въ Себѣ,* а посему также и единственный источникъ всякой истины и всякой истинной жизни *для насъ.* Безъ Христа человѣкъ находится въ духовномъ мракѣ и заживо умираетъ. *Аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо.* Іисусъ Христосъ и Богъ Отецъ—едино по Своему Божеству (ср. X, 30). Слѣдовательно, кто истинно *позналъ* Божественное естество во Христѣ, тотъ этимъ самымъ позналъ и *Отца. И отселѣ* (когда Я именно уже прославился) *познасте Его и видѣсте Его.* Здѣсь Спаситель снова представляетъ Свое прославленіе уже совершившимся и указываетъ слѣдствіе Своего прославленія, именно познаніе Своего Отца въ настоящемъ и прошедшемъ.

Апостолъ Филиппъ все еще не понимаетъ словъ Господа. Сознавая, что Іисусъ Христосъ говоритъ о Своемъ Небесномъ Отцѣ, онъ желаетъ *видимаго* явленія Отца, Богоявленія, какъ нѣкогда просилъ этого для себя Моисей (Исход. XXXIII, 18), и какъ ветхозавѣтные пророки (напримѣръ Илія) созерцали Бога. Онъ говоритъ: *Господи! покажи* (пусть явится) *намъ Отца и довлѣетъ намъ,* т. е. и мы этимъ будемъ довольны. Удивляясь этимъ словамъ Филиппа, Іисусъ Христосъ съ горестью говоритъ къ нему: *толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе! Видѣвый Мене видѣ Отца: и како ты глаголеши: покажи намъ Отца?* Какъ-бы такъ Спаситель говоритъ Филиппу: послѣ такого продолжительнаго обращенія со Мною, ты все еще не узналъ Меня, какъ слѣдуетъ! Доселѣ ты не знаешь, что по существу Своему Я—едино со Отцемъ, и что, слѣдовательно, тотъ, кто очами вѣры видитъ во Мнѣ Мое Божественное естество, видитъ также и Отца и, поэтому, не можетъ желать *чувственнаго* явленія Отца. Въ словахъ: *не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть?* также какъ и въ предыдущихъ: *видѣвый Мене видѣ Отца,* ясно выражено, что Господь здѣсь говоритъ не о *нравственномъ* только, но о *существенномъ* Своемъ единеніи со Отцемъ. Выраженія: *Азъ во Отцѣ* и: *Отецъ во*

Мнѣ—не тождесловное повтореніе одного и того же, но въ нихъ, съ одной стороны, выражается постоянное, а съ другой внутреннее существенное взаимодѣйствіе, какое существуетъ между Отцемъ и Сыномъ. Отецъ созерцаетъ Себя и любитъ въ Сынѣ, Своемъ образѣ и сіяніи Своей славы (Евр. I, 3), какъ и Сынъ знаетъ Себя во Отцѣ, какъ Своемъ вѣчномъ первоначалѣ (ср. X, 38). Изъ этого единства Ихъ по существу Господь выводитъ потомъ заключеніе, что все, что̀ Онъ говоритъ и дѣлаетъ, суть слова и дѣла Его Небеснаго Отца: *глаголы, яже Азъ глаголю вамъ, о Себѣ не глаголю.* И въ доказательство того, что Онъ говоритъ не отъ Себя Самого, не по собственному полномочію, Онъ указываетъ на Свои дѣла: *Отецъ же, во Мнѣ пребываяй, Той творитъ дѣла.* Затѣмъ Онъ убѣждаетъ всѣхъ къ вѣрѣ: *вѣруйте Мнѣ, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ: аще ли же ни, за та дѣла вѣру имите Ми* (11). Если они не хотятъ вѣрить Ему по Его словамъ, что Онъ во Отцѣ и Отецъ въ Немъ, то должны вѣрить за Его дѣла, т. е. за Его чудеса, въ которыхъ открывается Его Божественная сила (ср. V, 36; VII, 16 и д. X, 25). Отъ убѣжденія къ вѣрѣ ради Его чудесъ Іисусъ Христосъ переходитъ далѣе къ *чудесамъ* самихъ *учениковъ* посредствомъ вѣры; такъ какъ въ тѣхъ чудесахъ, которыя ученики Его творили послѣ Его отшествія къ Своему Отцу, заключалось еще болѣе убѣдительности къ твердости въ вѣрѣ: *аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и большa сихъ сотворитъ* (12). Здѣсь особенно обращаютъ на себя вниманіе слова: *большa сихъ,* т. е. тѣхъ, *яже Азъ творю.* Подъ этими словами нужно разумѣть не чудеса въ тѣсномъ смыслѣ, а общее выраженіе успѣховъ дальнѣйшей Апостольской дѣятельности. Когда Апостолы въ одинъ день цѣлыя тысячи обращали ко Христу, когда они далеко за предѣлы Палестины распространили основанное Христомъ Божественное царство, когда пріобрѣли побѣду Евангелія надъ іудействомъ и язычествомъ и т. д.; тогда они дѣйствительно производили дѣла, больше поражающія сторонняго зрителя, чѣмъ производилъ Самъ Господь. Книга Дѣяній Апостольскихъ представляетъ самое лучшее толкованіе этихъ словъ. Такую дѣятельность учениковъ Іисусъ Христосъ поставляетъ въ причинной связи, съ одной стороны, съ Своимъ отшествіемъ къ Отцу, а съ другой—съ молитвою учениковъ: *яко Азъ ко Отцу Моему гряду, и еже аще что просите во имя Мое, то сотворю, да прославится Отецъ въ Сынѣ* (13 ст. долженъ быть отдѣляемъ отъ 12-го только запятою). Послѣ совершенія искупленія, послѣ того какъ Христосъ—*Богочеловѣкъ* возсѣлъ одесную Отца и принялъ участіе въ Божественномъ міроправленіи, только послѣ этого Онъ могъ облечь Своихъ учениковъ силою свыше, подáть имъ средства распространять Его Царство, совершать бóльшія дѣла, чѣмъ какія Самъ Онъ совершалъ. Но этой *подающей* дѣятельности со стороны Христа должна соотвѣтствовать и дѣятельность *воспринимающая* со стороны учениковъ; эта воспринимающая дѣятельность и есть *молитва;* ибо молитва есть какъ-бы *дыханіе* души, которымъ человѣкъ вдыхаетъ въ себя небесный благодатный воздухъ. Просить же «во имя Христа» значитъ молиться въ Его смыслѣ и духѣ, какъ Онъ научилъ насъ, молиться съ вѣрою, что только чрезъ Него, ради Его заслугъ даровано намъ будетъ то̀, о чемъ мы молимся,—значитъ, наконецъ, молиться

съ полною преданностью волѣ Небеснаго Отца (ср. XV, 16; XVI, 23). Замѣчательна при этомъ общность выраженія: *и еже аще что просите*—о чемъ бы вы ни попросили. Если мы истинно молимся во имя Христа, то *всегда* получимъ, чего бы мы ни просили. Прославленіе Отца въ Сынѣ—вотъ конечная цѣль, ради которой Христосъ слушаетъ молитвы наши; поэтому и сказано: *да прославится Отецъ въ Сынѣ* (ср. XIII, 31. Римлян. XVI, 25 и д. Филиппис. II, 11). *И аще чесо просите во имя Мое, Азъ сотворю.* Здѣсь Господь еще разъ повторяетъ прежнюю мысль, но съ особеннымъ оттѣнкомъ, что *Онъ* есть при этомъ дѣйствующее лице (*Азъ*).

Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите (15). Доселѣ Господь увѣщевалъ Своихъ учениковъ къ *вѣрѣ* (12) и къ *надеждѣ* (13), теперь же переходитъ къ *любви*. Но эта любовь къ Нему не должна быть однимъ *чувствомъ*, но должна обнаруживаться *силою* въ соблюденіи заповѣдей. Соблюденіе заповѣдей Христовыхъ есть наилучшій пробный камень любви къ Нему. Словомъ *заповѣди* Господь обнимаетъ все Свое откровеніе, все, чему Онъ училъ и что повелѣвалъ творить. «Соблюдать Его заповѣди», слѣдовательно, значитъ тоже, что и «соблюдать Его слово» (VIII, 51), или «пребывать въ Немъ» (XV, 7), т. е. сердцемъ и жизнью пребывать въ внутреннѣйшемъ общеніи съ Нимъ, такъ, чтобы Онъ думалъ въ насъ, говорилъ и дѣйствовалъ. Эта любовь есть основное условіе, при которомъ только и можетъ быть дѣйствительная связь съ Христомъ, а чрезъ Него и со Отцемъ во Святомъ Духѣ: *и Азъ* (съ Своей стороны) *умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины, Егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его: вы же знаете Его, яко въ васъ пребываетъ и въ васъ будетъ* (16—17). Слово Утѣшитель—Παράκλητος, которымъ Господь называетъ Святаго Духа (26), въ Новомъ Завѣтѣ встрѣчается только въ Евангеліи Іоанна (ср. ст. 26; XV, 26; XVI, 7). По этимологіи оно значитъ «заступникъ», особенно предъ судомъ, *адвокатъ*, потомъ вообще значитъ, «помощникъ, совѣтникъ, ходатай, дѣлопроизводитель», и это первоначальное значеніе слова и здѣсь имѣетъ свой смыслъ. Но такъ какъ глаголъ παρακαλεῖν въ Священномъ Писаніи имѣетъ также значеніе «ободрять, утѣшать», то поэтому еще со временъ Оригена и святаго Златоуста слово—Παράκλητος принимается въ смыслѣ «Утѣшителя». Іисусъ Христосъ называетъ Святаго Духа *инымъ*, другимъ Утѣшителемъ, именно *вмѣсто Себя*, такъ какъ Онъ и Самъ былъ Утѣшитель; потому что пока Онъ находился съ Своими учениками, то Самъ былъ ихъ Утѣшителемъ. Поэтому и Христосъ называется также παράκλητος—ходатай въ 1 Іоан. II, 1. Въ этихъ словахъ, съ одной стороны, ясно выражается *личность* Святаго Духа, а съ другой ипостасное Его отличіе отъ Отца и Сына (ср. Матѳ. XXVIII, 19). Если ниже посольство Святаго Духа называется явленіемъ или откровеніемъ Самого Іисуса Христа (21), пребываніемъ Отца и Сына въ человѣкѣ, какъ въ Своемъ жилищѣ (23), и даже новымъ пришествіемъ Іисуса Христа (ст. 18, ср. XVI, 16 и д.), то это нисколько не противорѣчитъ сказанному выше. Ибо какъ Сынъ ничего не говоритъ и не дѣлаетъ Самъ отъ Себя, но живетъ и дѣйствуетъ чрезъ Отца и есть едино со Отцемъ; такъ и Святый Духъ, посылаемый въ міръ Сыномъ и исходящій отъ Отца, дѣйствуетъ въ мірѣ нераздѣльно съ

Ними. Іисусъ Христосъ обѣщаетъ *умолить* Отца, чтобы Онъ послалъ Святаго Духа; ибо Христосъ, какъ Ходатай (1 Іоан. II, 1) нашъ, выпрашиваетъ намъ у Отца всякъ даръ совершенъ, и безъ нашего сознанія въ своихъ грѣхахъ и примиренія во Христѣ, Духъ Святый всегда былъ бы далеко отъ насъ. Въ словахъ: *да будетъ съ вами во вѣкъ,* подается намъ утѣшительная увѣренность, что это обѣтованіе относится не къ однимъ Апостоламъ, но и къ истиннымъ ихъ послѣдователямъ, такъ что, слѣдовательно, доколѣ будетъ существовать міръ, Утѣшитель будетъ пребывать въ Своей Церкви. Этотъ Утѣшитель называется *Духомъ истины,* такъ какъ содѣйствуетъ воспріятію людьми пребывающей во Христѣ истины. Но этого Духа истины не можетъ принять въ себя *міръ,* т. е. погрязшее во грѣхѣ человѣчество, потому что онъ не имѣетъ никакой внутренней воспріемлемости для принятія Его; потому что грѣхъ въ существѣ своемъ есть *ложь;* а съ ложью Духъ *истины* не можетъ обитать вмѣстѣ. Грѣхъ помрачаетъ и затемняетъ духовное зрѣніе, такъ что обремененный грѣхами человѣкъ не можетъ *видѣть и познавать,* т. е. умственно замѣчать пребывающаго и дѣйствующаго въ глубинѣ его души Святаго Духа. Въ противоположность къ міру Господь говоритъ о Своихъ ученикахъ, что они знаютъ Духа, потому что Онъ въ нихъ пребываетъ и въ нихъ будетъ.

Не оставлю васъ сиры. Прежде (XIII, 33) Господь назвалъ Своихъ учениковъ *чадцами,* такъ какъ Онъ есть Отецъ ихъ, возродившій ихъ духовно; сообразно съ этимъ здѣсь Онъ употребляетъ выраженіе: *не оставлю васъ сиротами.* Дальнѣйшія слова Господа: *пріиду къ вамъ,* судя по связи рѣчи, нельзя понимать въ смыслѣ видимаго явленія Христа послѣ Его воскресенія, а также и въ смыслѣ втораго пришествія Его на судъ, но—въ смыслѣ *пришествія Христова во Святомъ Духѣ.* Христосъ со Святымъ Духомъ и въ Святомъ Духѣ приходитъ къ людямъ духовнымъ образомъ и обитаетъ въ нихъ въ живой вѣрѣ и искренней любви. Но полное Его возсоединеніе съ вѣрующими наступитъ, конечно, послѣ втораго пришествія Его (ср. 2 Коринѳ. V, 6).

Еще мало, и міръ ктому не увидитъ Мене, именно тѣлесными очами, *вы же увидите Мя, яко Азъ живу, и вы живи будете.* Послѣ сказаннаго выше, слова: *вы же увидите Мя* нужно относить не къ физическому зрѣнію тѣлесно Воскресшаго, но къ *духовному* видѣнію Его сердцемъ и умомъ. *Азъ живу, и вы живи будете*—имѣетъ такой смыслъ: такъ какъ Я—истинная жизнь, и вы будете участниками этой жизни, то вы и познаете Меня, какъ пребывающее въ васъ и оживляющее васъ начало жизни.

Въ той день (именно, когда Христосъ во Святомъ Духѣ пріидетъ къ нимъ) *уразумѣете вы, яко Азъ во Отцѣ Моемъ и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (20), слѣдовательно, тогда они познаютъ истинное отношеніе Христа ко Отцу и свое отношеніе ко Христу. Они тогда познаютъ, что Христосъ *во Отцѣ,* т. е. едино съ Отцемъ по существу Своему, и что слѣдовательно Онъ—*Богъ,* какъ и Отецъ (ср. X, 38); но они поймутъ также, что и сами находятся въ самой живой связи со Христомъ и почувствуютъ себя членами Христовыми. Но эта живая связь со Христомъ совершается только *въ любви;* пробный же камень любви есть соблюденіе заповѣдей. Поэтому: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдай ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему*

Самъ (21). «Имѣть заповѣди» употреблено здѣсь въ смыслѣ «слушаться заповѣдей, слѣдовать имъ». Слово: *являюся* — естественно, по связи рѣчи, нужно понимать какъ внутреннее откровеніе Христа въ сердцахъ Его учениковъ; а не въ смыслѣ явленій Господа по воскресеніи.

Ученики все еще не могли понять этого внутренняго откровенія, о которомъ говорилъ Спаситель; они все еще думали, что Іисусъ Христосъ прославитъ Себя предъ всѣмъ міромъ въ качествѣ мессіанскаго царя; поэтому Апостолъ Іуда (не Искаріотскій) и спрашиваетъ: *Господи, и что бысть* (что̀ Тебя побуждаетъ? что̀ значитъ?), *яко намъ хощеши явитися, а не мірови?— Отвѣщa Іисусъ и рече ему: аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ Его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ. Не любяй Мя словесъ Моихъ не соблюдаетъ: и слово, еже слышасте, нѣсть Мое, но пославшаго Мя Отца* (22—24). Іисусъ Христосъ не прямо, но косвенно говорилъ о томъ внутреннемъ откровеніи, которое Онъ имѣлъ въ виду. Въ любви, говоритъ Онъ, которая обнаруживается въ соблюденіи заповѣдей (XV, 21), заключается внутренняя, живая связь съ Нимъ, а чрезъ Него и съ Отцемъ. Спаситель говоритъ здѣсь о той связи живой души съ Богомъ и съ Нимъ Самимъ, которую подвижники называли «таинственнымъ соединеніемъ съ Богомъ», и которая не можетъ быть выражена словами и только испытывается облагодатствованными душами. Въ словахъ *обитель у него сотворимъ*, выражается мысль *о постоянномъ* пребываніи Господа вмѣстѣ съ вѣрующею душею. Отецъ и Сынъ подобно путешественнику приходятъ какъ-бы изъ Своего небеснаго отечества (2) и останавливаются на жительство у любящаго Ихъ человѣка (ср. Апокалипс. III, 20): *се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой и отверзаетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ, и той со Мною.* Въ слѣдующемъ (24) стихѣ та же мысль выражается только отрицательно: съ тѣми, которые не любятъ Его словъ, т. е. Его заповѣдей, Онъ не можетъ входить въ эту связь; ибо Его слово, заключающее въ себѣ Его заповѣди, есть слово *Отца* (ср. VII, 16), и, слѣдовательно, они отвергаютъ Самаго Бога.

Обозрѣвая все доселѣ сказанное ученикамъ въ этой рѣчи, Спаситель зналъ, что ученики еще не вполнѣ поняли Его, что нѣчто въ Его рѣчи оставалось для нихъ темнымъ и загадочнымъ. Поэтому Онъ, послѣ небольшой остановки, говоритъ: *сія глаголахъ вамъ въ васъ сый* (находясь еще съ вами), и обѣщаетъ имъ потомъ Святаго Духа, Котораго Отецъ пошлетъ вмѣсто Него *(во имя Мое)* и Который научитъ ихъ всему и напомнитъ все, что̀ Онъ говорилъ имъ: *Утѣшитель же, Духъ Святый, Егоже пошлетъ Отецъ во имя Мое, Той вы научитъ всему и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ* (25—26). Слѣдовательно Утѣшитель будетъ сообщать имъ не новое какое либо ученіе, а разовьетъ только то, что уже въ началахъ своихъ было высказано въ словахъ Іисуса Христа, и такимъ образомъ введетъ ихъ въ обладаніе полною истиною (ср. XVI, 13 и д.); Онъ вѣрно напечатлѣваетъ въ памяти ихъ рѣчи Господа и уяснитъ имъ смыслъ ихъ.

Такимъ образомъ Іисусъ Христосъ покончилъ Свои личныя наставленія ученикамъ и указалъ имъ въ будущемъ на иного Утѣшителя. Далѣе мы читаемъ какъ-бы формальное выраженіе Его *завѣщанія: миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ* (27). Въ словѣ *миръ* (по Еврейски шаломъ—спасеніе, спокойствіе)

Господь обнимаетъ все *спасеніе*, которое Онъ съ неба принесъ на землю, и которое, будучи принято человѣкомъ въ вѣрѣ, производитъ истинный, невозмутимый, внутренній *миръ*. То, чего на востокѣ обыкновенно *желали* при прощаніи (1 Царств. I, 17; XX, 42; XXIX, 5. Марк. V, 34. Ефесян. VI, 22. 1 Петр. V, 14), Іисусъ Христосъ *оставляетъ и подаетъ* Своимъ ученикамъ. Съ Ангельскимъ привѣтствіемъ мира вступилъ Онъ въ міръ (Лук. II, 14), съ завѣщаніемъ мира Онъ и уходитъ изъ міра. Міръ не можетъ дать этого мира, потому что Онъ оторвался отъ первоисточника всякаго мира и спасенія; у него одни только пустыя желанія, обѣщающія власть, почести, богатство и т. д.

Послѣднія слова Господа естественно должны были исполнить сердца учениковъ тяжелою скорбью; поэтому Іисусъ Христосъ вслѣдъ затѣмъ высказываетъ имъ одобреніе: *да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ*, и далѣе представляетъ *основаніе* этому ободренію: *слышасте, яко Азъ рѣхъ вамъ: иду и пріиду къ вамъ. Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко рѣхъ, иду ко Отцу: яко Отецъ Мой болій Мене есть* (28). Здѣсь радость учениковъ поставляется въ зависимости отъ ихъ любви ко Господу. Обыкновенная любовь не хочетъ оставаться безъ любимаго предмета и не можетъ быть въ разлукѣ съ нимъ; но совершенная любовь самоотверженна и радуется только о большемъ счастіи и радости любимаго предмета, и такой любви желаетъ Іисусъ Христосъ отъ Своихъ учениковъ. *Основаніе* же, почему ученики должны радоваться отшествію Его ко Отцу, выражено въ словахъ: *яко Отецъ болій Мене есть*; такъ какъ Отецъ *болій* Его есть, то отшествіе Его ко Отцу должно быть для нихъ предметомъ радости. Здѣсь заключается мысль, что отшествіе Его ко Отцу должно имѣть свои важныя послѣдствія, именно прославленіе и *человѣческой* природы Іисуса Христа. Доколѣ Сынъ Божій вслѣдствіе Своего добровольнаго уничиженія былъ *меньше Отца*, Онъ въ борьбѣ и страданіи стремился къ своему Первоисточнику, и всѣ, которые любили Его, должны были вмѣстѣ съ Нимъ желать Его прославленія. Но это желаніе Его не было у Него своекорыстнымъ; но какъ Онъ ради насъ уничижилъ Самъ Себя, такъ Онъ ради насъ желалъ и прославленія Своего, которое было и нашимъ прославленіемъ. Какъ для *Него* было хорошо идти ко Отцу, такъ и для *учениковъ* (ср. XVI, 6). *И нынѣ* (какъ уже нѣсколько разъ и прежде) *рѣхъ вамъ*, что Я иду ко Отцу, *прежде даже не будетъ, да егда будетъ, вѣру имете*, что Я именно пошелъ ко Отцу (29). Іисусъ Христосъ, такъ часто повторяя это предсказаніе о Своемъ близкомъ отшествіи, хочетъ предохранить ихъ отъ соблазна, какой могло возбуждать въ нихъ глубочайшее на крестѣ Его уничиженіе (ср. XIII, 19; XVI, 4).

Ктому не много глаголю съ вами: грядетъ бо сего міра князь, и во Мнѣ не имать ничесоже (30). Грѣховный *міръ* есть область сатаны, въ которой онъ господствуетъ; въ *Христѣ* же, какъ безгрѣшномъ существѣ, онъ совершенно ничего не имѣетъ такого, что могъ бы назвать своимъ, и поэтому не имѣетъ надъ Нимъ никакой власти. Слѣдовательно, Христосъ, если бы захотѣлъ, могъ бы избѣжать смерти, которая есть плата за грѣхъ. Іисусъ Христосъ говоритъ: «грядетъ міра князь», т. е. въ своихъ орудіяхъ (ср. Лук. XII, 43). Іуда Искаріотскій въ то время сдѣлалъ уже всѣ приготовленія къ исполненію своего діавольскаго плана. Это видѣлъ Господь, и чтобы ясно показать, что Онъ *добровольно* идетъ на смерть, для

откровенія Своей любви къ міру и послушанія Своему Отцу, возбуждаетъ Своихъ учениковъ къ противодѣйствію діавольской силѣ: *но да разумѣетъ міръ, яко люблю Отца, и яко заповѣда Мнѣ Отецъ, тако творю,—востаните, идемъ отсюду* (31). Слова: «востаните, идемъ отсюду» нужно понимать въ смыслѣ востанія отъ трапезы и приготовленія въ путь. И такъ какъ въ 1-мъ стихѣ XVIII-й главы повѣствуется объ исшествіи Іисуса Христа изъ города чрезъ потокъ Кедрскій, то нужно признать, что слѣдующія рѣчи Спаситель произнесъ, стоя въ той же горницѣ, окруженный учениками. Признать же, согласно съ нѣкоторыми толковниками, что рѣчи, заключающіяся въ XV-й и XVI главахъ, и особенно XVII, произнесены *на пути,* значило бы допустить большую психологическую невѣроятность.

3. Притча о виноградной лозѣ и ея вѣтвяхъ (Іоан. XV, 1—11).

По какому внѣшнему поводу Іисусъ Христосъ въ этой Своей рѣчи воспользовался образомъ *виноградной лозы!* толковники въ объясненіи этого расходятся между собою. Но нѣтъ нужды прибѣгать къ натянутымъ догадкамъ. Естественнѣе всего находить этотъ поводъ въ стоявшей еще на столѣ *чашѣ съ виномъ,* которая на этой вечери имѣла такое важное значеніе. Господь въ послѣдній разъ только что пилъ съ учениками Своими *отъ плода лознаго* (Матѳ. XXVI, 29), потомъ Онъ претворилъ вино въ всесвятѣйшую Свою Кровь, предложилъ ее въ питіе ученикамъ и, такимъ образомъ, тѣснѣйшимъ образомъ соединилъ ихъ съ Собою; какъ легко и естественно въ это время могъ представиться Ему образъ виноградной лозы и ея вѣтвей для изображенія внутренней связи вѣрующихъ съ Собою; Апостолъ Павелъ для изображенія той же самой мысли избралъ образъ человѣческаго *тѣла* (Ефес. V, 30. Колос. II, 19; ср. 1 Коринѳ. XII, 12 и д.), что̀ въ притчѣ Спасителя изображаетъ «виноградная лоза», то у Апостола Павла—*голова,* что̀ у Спасителя—«вѣтви», то у Апостола Павла—*члены.* Впрочемъ, въ образѣ, заимствованномъ отъ тѣла, болѣе изображается отношеніе вѣрующихъ *другъ къ другу* при посредствѣ главы, тогда какъ въ образѣ отъ виноградной лозы—болѣе отношенія ко Христу. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Израиль представляемъ былъ подъ образомъ виноградника и виноградной лозы (см. Исаія V, 1 и д. Іерем. II, 31. Іезек. XV, 1 и д. XIX, 10 и д. Псал. LXXIX, 9 и д.).

Азъ есмь лоза истинная, и Отецъ Мой дѣлатель есть (1). Все земное служитъ только образомъ высшаго сверхчувственнаго міра; въ отношеніи виноградной лозы къ своимъ вѣтвямъ образно представляется духовная связь Христа съ вѣрующими. Іисусъ Христосъ есть *истинная,* первообразная виноградная лоза, и Отецъ Его, Который посадилъ Его на землѣ, т. е. по милосердному опредѣленію Котораго Іисусъ Христосъ сталъ человѣкомъ, есть виноградарь.

Въ первомъ этомъ стихѣ названы только *два* члена сравненія; третій членъ: *вы же рождіе* ясно выраженъ въ пятомъ стихѣ, но онъ уже подразумѣвается и въ началѣ. *Всяку розгу, о Мнѣ не творящую плода, изметъ ю, и всяку, творящую плодъ, отребитъ ю, да множайтій плодъ принесетъ* (2). Іисусъ Христосъ описываетъ здѣсь сначала дѣятельность *виноградаря.* Дѣятельность эта двухъ родовъ: *отсѣченіе* безплодныхъ и *очищеніе* плодоносныхъ вѣтвей, чтобы сдѣлать послѣднія болѣе плодородными. Кто посредствомъ вѣры

и крещенія привился, какъ виноградная вѣтвь, къ истинной виноградной лозѣ Христу, и не приноситъ никакихъ плодовъ вѣры и любви, у того Господь отнимаетъ, наконецъ, живительную силу Своей благодати; онъ засыхаетъ и, когда виноградарь очищаетъ виноградныя лозы, т. е. во время суда, совершенно отсѣкается отъ виноградной лозы. Но кто приноситъ плоды добрыхъ дѣлъ, и такимъ образомъ находится въ живомъ общеніи со Христомъ, того Господь очищаетъ все больше и больше, посредствомъ испытаній отрѣзывая наросты порочныхъ склонностей и посредствомъ Своей благодати увеличивая любовь, т. е. внутреннюю жизненную силу, которая потомъ сама собою очищаетъ всѣ маленькія пятна и уничтожаетъ грѣховные наросты.

Въ ободреніе учениковъ Іисусъ Христосъ присовокупляетъ далѣе, что они уже прежде очищены и именно чрезъ слово, которое Онъ говорилъ къ нимъ, и которое будучи принято ими *съ вѣрою,* дѣлается оживляющею, очищающею и преобразовывающею силою: *уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (3). Подъ *словомъ,* нужно разумѣть *все* откровеніе Спасителя (ср. VIII, 43), а не изрѣченіе Господа въ XIII, 10 ст., какъ думаютъ нѣкоторые толковники. Блаженный Августинъ спрашиваетъ: «почему Господь не говоритъ: вы чисты чрезъ крещеніе, которымъ омылись?» и отвѣчаетъ: «потому что и въ водѣ очищаетъ *слово*. Если отнять слово, то что̀ будетъ вода, какъ не вода только? Слово входитъ въ вещество и бываетъ таинство, которое само есть какъ-бы видимое слово. Это самое сказалъ Господь, когда омылъ ноги ученикамъ: *измовенный не требуетъ токмо ногъ умыти, есть бо весь чистъ* (XIII, 10). Откуда приходитъ водѣ эта великая сила, что она, касаясь тѣла, очищаетъ сердце, если не отъ слова, не потому, что оно произносится, но потому, что вѣруютъ ему? Ибо и въ словѣ самомъ есть нѣчто другое, кромѣ исчезающаго звука, есть пребывающая въ немъ сила: *слово вѣры, которое мы проповѣдуемъ,* говоритъ Апостолъ (Римлян. X, 8); этимъ словомъ освящается и крещеніе, такъ что оно можетъ очищать. *Христосъ возлюби Церковь и Себе предаде за ню, да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголѣ* (въ словѣ)» (Ефес. V, 26). Такимъ образомъ очищеніе приписывается отнюдь не преходящему и исчезающему веществу, если не соединяется съ нимъ *слово.*

Такъ какъ ученики вѣрою во Христа уже привились къ Нему и чрезъ это очистились, то теперь нужно было заботиться только о томъ, чтобы они *пребывали* въ Немъ, не отклоняясь отъ жизненнаго общенія съ Нимъ. Поэтому увѣщаніе: *будите во Мнѣ,* именно, какъ виноградная вѣтвь на лозѣ, и *Азъ* (т. е. буду) *въ васъ* (4), подобно виноградной лозѣ, которая не отрывается отъ своихъ вѣтвей, но постоянно проникаетъ ихъ своею жизненною силою. *Якоже рожа не можетъ плода сотворити о себѣ* (т. е. изъ собственной силы), *аще не будетъ на лозѣ: тако и вы* (не можете приносить плодовъ сами по себѣ), *аще во Мнѣ не пребудете.* Слѣдовательно, какъ виноградная вѣтвь только тогда приноситъ плодъ, когда не отдѣлена отъ своей лозы, такъ и человѣкъ можетъ приносить плоды добрыхъ дѣлъ только въ жизненномъ общеніи со Христомъ. Та же самая мысль въ слѣдующемъ стихѣ еще болѣе усиливается и уясняется, чтобы ученики глубже усвоили ее себѣ: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе. И иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ* (т. е. и въ которомъ Я пребываю), *той сотворитъ*

плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Въ послѣднихъ словахъ Господь оставляетъ образную рѣчь. Онъ говоритъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже,* потому что, какъ виноградная вѣтвь, будучи отсѣчена отъ своей лозы, совершенно не можетъ приносить никакихъ плодовъ, такъ и человѣкъ, внѣ общенія со Христомъ, не можетъ совершить ни одного истинно добраго дѣла, имѣющаго заслугу для вѣчности.

Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, изизвержется вонъ, якоже розга, и изсышетъ, и собираютъ ю, и во огнь влагаютъ, и сгараетъ (6). Кто отсѣкъ себя отъ Христа, тоже подобенъ засохшей и выброшенной вѣтви. Кто не утверждается во Христѣ своею вѣрою и любовью, тотъ лишается живительнаго сока благодати Божіей, засыхаетъ духовнымъ образомъ и, наконецъ, совершенно отдѣляется отъ Него и, какъ сухая вѣтвь, бросается въ огонь геенскій. Подлежащее къ словамъ: *собираютъ и во огнь влагаютъ* понятно само собою: въ *образѣ*—слуги виноградаря, а на самомъ *дѣлѣ*—Ангелы (ср. Матѳ. XIII, 41).

Изъ образной рѣчи Господь теперь постепенно переходитъ къ собственной: *аще пребудете во Мнѣ, и глаголы Мои въ васъ пребудутъ, еюже аще хощете, просите, и будетъ вамъ* (7). Слѣдовательно, если человѣкъ пребываетъ въ живѣйшей связи со Христомъ (а онъ во Христѣ пребываетъ, когда съ вѣрою исполняетъ слова Его), то *всѣ* его прошенія исполнены будутъ, *ни въ чемъ* не будетъ ему отказано. *О семъ прославится Отецъ Мой, да плодъ многъ сотворите и будете Мои ученицы* (8). Въ принесеніи учениками плодовъ, какъ естественномъ слѣдствіи пребыванія ихъ съ Нимъ и молитвы ихъ, заключается прославленіе Отца, такъ какъ сила Божія чрезъ Сына становится видимою въ вѣрующихъ. И когда ученики будутъ приносить богатые плоды, тогда они будутъ *собственными* и *истинными* Его учениками.

Якоже возлюби Мя Отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ, будите въ любви Моей! Аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей: якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ и пребываю въ Его любви (9—10). Доселѣ Господь подъ образомъ, заимствованнымъ отъ виноградной лозы и ея вѣтвей, изображалъ внутреннюю связь, въ какой Онъ находился съ учениками Своими. Но уже съ седьмаго стиха Онъ постепенно оставлялъ образную рѣчь. Здѣсь же говоритъ Онъ о той *связи,* которою завязывается и сохраняется это духовное общеніе съ Нимъ. Связь эта есть *любовь,* какою Онъ сначала возлюбилъ ихъ и которая своимъ источникомъ и первообразомъ имѣетъ любовь Отца къ Сыну. Стремленіемъ истинныхъ учениковъ Его должно быть сохраненіе этой Его любви къ нимъ, особенно радостное исполненіе Его заповѣдей, которыя сами по себѣ суть любовь и жизнь, слѣдовательно открытый доступъ любви. Ибо какъ Отецъ живетъ въ Сынѣ, творчески дѣйствуя чрезъ Него, и какъ Сынъ неустанно дѣйствуетъ въ силѣ, такъ и ученикъ тогда только можетъ наслаждаться благословеніемъ любви Іисуса Христа, когда онъ безпрепятственно приноситъ плоды, когда съ радостію дѣлаетъ то, что любовь повелѣваетъ.

Въ словахъ: *сія глаголахъ вамъ, да радость Моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится* (11)—заключается конецъ отдѣла. *Сія*—относится ко всему сказанному отъ 1 до 10 стиха, но особенно относится къ тому, что Господь только что говорилъ о любви.

Сознаніе пребыванія со Христомъ, внутренняго общенія съ Нимъ въ любви и жизни, составляетъ на землѣ единственный источникъ радости и счастія, Христосъ называетъ эту радость *Своею,* какъ называлъ Онъ Своими любовь и миръ, такъ какъ Онъ Самъ наслаждается этою радостью (ср. XVII, 13), и такъ какъ Онъ произведетъ ее въ сердцахъ вѣрующихъ. Такою радостью обладали мученики, мужественно переносившіе страданія и гоненія. Но совершенной полноты своей эта радость во Христѣ достигнетъ въ другой жизни, когда Онъ прославленные члены Свои соединитъ съ Собою внутреннѣйшею связью.

4. Заповѣдь о взаимной любви, основывающейся на любви ко Христу (Іоан. XV, 12—17).

Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы (12). Выше Господь сказалъ (10), что главное условіе пребыванія въ Его любви, а затѣмъ и въ Его радости, составляетъ соблюденіе Его заповѣдей. Но важнѣйшая изъ этихъ заповѣдей есть *любовь къ ближнему* (ср. Римлян. XIII, 10). Это въ собственномъ смыслѣ—*Его* заповѣдь; и въ исполненіи ея Онъ явилъ Себя высочайшимъ примѣромъ и образцомъ. Поэтому: *больше сея любве никтоже имать, да кто душу* (т. е. жизнь) *свою положитъ за други своя* (13). Если Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлян. V, 6 и д. особенно старается выставить на видъ ту мысль, что Христосъ умеръ за насъ, когда мы еще были *грѣшниками* и Его *врагами,* то этимъ, однако, не выражается ли высшая степень любви Іисуса Христа; потому что и тѣхъ, которые нынѣ, будучи объяты Его любовью, сдѣлались Его друзьями, Онъ возлюбилъ, когда они были еще грѣшниками и Его врагами (ср. 1 Іоан. IV, 10).—Послѣ 13-го стиха для полноты мысли, согласно съ древними толковниками, слѣдуетъ прибавить: «какъ Я теперь дѣлаю». Тогда и 14 стихъ будетъ стоять въ прямой съ нимъ связи; поэтому, если и ученики хотятъ принадлежать къ числу тѣхъ, за которыхъ Христосъ предалъ Свою жизнь, то должны дѣлать то, что Онъ заповѣдалъ имъ: *вы други Мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ.*

Чтобы показать ученикамъ, какое высокое *достоинство* заключается въ названія «други», Господь продолжаетъ: *не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его,* т. е. онъ не знаетъ побужденій его дѣйствій. *Васъ же рекохъ други* (именно ст. 14, и Лук. XII, 4); *яко вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (15). Правда, Іисусъ Христосъ прежде не разъ называлъ Своихъ учениковъ «рабами» (XII, 26; XIII, 13. и д.), и Онъ могъ такъ называть ихъ, потому что, какъ Творецъ и Искупитель, Онъ былъ ихъ *Господомъ.* Но Онъ, однако, всегда обращался съ ними какъ съ друзьями, а не какъ съ рабами. Три года они находились въ самомъ близкомъ отношеніи къ Нему. Онъ ихъ училъ и воспитывалъ, ничего не скрывая отъ нихъ: *вся... сказахъ вамъ.* Правда, Онъ говоритъ ниже, что еще многое Онъ имѣетъ сказать имъ, чего они нынѣ не могутъ вмѣстить (XVI, 12), но это было только дальнѣйшее развитіе того, что Онъ уже открылъ имъ. Главное, что касается искупленія, Онъ уже открылъ имъ; все же остальное есть только раскрытіе сего, что Онъ и предоставилъ дѣятельности Святаго Духа.

Начало этой дружбѣ положили не ученики, но Самъ Христосъ: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ и*

положихъ васъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ: да егоже аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ (16). Слѣдовательно, не *они* Его, но Онъ *ихъ* избралъ Своею благодатію и милосердіемъ изъ грѣховнаго міра и *положилъ* ихъ, т. е. какъ виноградныя вѣтви привилъ къ истинной виноградной лозѣ (ст. 1 и д.), чтобы они *шли* («да вы идете») приносили плоды для вѣчности, и чтобы Отецъ услышалъ всѣ ихъ молитвы, которыя они будутъ приносить во имя Его, т. е. въ Его силѣ, въ общеніи съ Нимъ. Въ этихъ словахъ Господа заключается для учениковъ урокъ смиренія и вмѣстѣ великаго утѣшенія: всякій плодъ, который они приносятъ, есть дѣло Насадителя, всякая молитва къ Отцу услышана бываетъ во имя Его. Слова: *положихъ васъ* многіе принимаютъ въ смыслѣ: «Я поставилъ Своими учениками». Дѣйствительно, глаголъ *положить*—τιθέναι употребляется въ значеніи: «поставить на должность» (ср. 1 Коринѳ. XII, 28. 1 Тимоѳ. I, 12 и въдр.м.); но какъ показываетъ слѣдующее выраженіе: «плодъ принесете», здѣсь еще отзывается образъ, заимствованный отъ виноградной лозы.

Такъ какъ Господь теперь хочетъ далѣе говорить о гоненіяхъ, то Онъ въ заключеніе еще разъ выставляетъ на видъ рабскую любовь, которую Онъ предлагаетъ имъ какъ-бы въ вознагражденіе за всѣ бѣдствія, какія готовитъ имъ міръ. *Сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга* (17). *Сія* относится къ сказанному отъ 12—16 ст. (ср. ст. 11). *Цѣль* («да»—ἵνα) и какъ-бы зерно этого есть *взаимная любовь*.

5. О ненависти міра къ ученикамъ Христовымъ (18—XVI, 4).

Аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы: якоже отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ (18—19). Когда ученики испытаютъ ненависть міра и его гоненія, то это не должно удивлять ихъ; при этомъ они должны имѣть въ виду и утѣшаться тѣмъ, что Онъ прежде ихъ испыталъ ненависть міра (ср. 1 Петр. IV, 12 и д.). Объясненіе же этому явленію заключается въ томъ, что въ нихъ, избранникахъ Его, и въ мірѣ дѣйствуютъ два противоположныя начала, которыя естественно сталкиваются, какъ двѣ враждебныя силы. Въ нихъ чрезъ Христа дѣйствуетъ Богъ, въ мірѣ же сатана; поэтому дружба съ міромъ есть вражда съ Богомъ и наоборотъ (ср. 1 Іоан. III, 13; IV, 5). *Пять* разъ повторенное слово *міръ* указываетъ на особенную торжественность рѣчи (ср. III, 17).

Поминайте слово, еже Азъ рѣхъ вамъ: нѣсть рабъ болій господа своего. Аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ: аще слово Мое соблюдоша, и ваше соблюдутъ (20). Чтобы лучше уяснить ученикамъ только что высказанную мысль, Господь ссылается на прежде сказанныя Имъ слова, именно XIII, 16. Какъ тамъ слова: *нѣсть рабъ болій* и проч. должны были напоминать о томъ, что ученикъ и рабъ долженъ охотно переносить всякое уничиженіе и нужду, какую терпитъ его учитель и господинъ; такъ и здѣсь—никакое страданіе, претерпѣнное Господомъ, не должно быть для учениковъ чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, неслыханнымъ (ср. Матѳ. X, 24). Прекрасно замѣчаетъ при этомъ блаженный Августинъ: «откажись быть членомъ тѣла, если не хочешь вмѣстѣ съ главою переносить ненависти міра». Слѣдовательно, если люди преслѣдовали Іисуса Христа, то и ученики Его не могутъ обойтись

безъ преслѣдованій; но если, напротивъ, они принимали и соблюдали слова Христа, то будутъ соблюдать и слова учениковъ Его. Условность рѣчи въ томъ и другомъ случаѣ не опредѣляетъ ученикамъ, что̀ собственно постигнетъ и учениковъ изъ того, что̀ было съ Самимъ Іисусомъ Христомъ. Но ученики достаточно знали изъ опыта, какъ рѣдко принимали люди слово Его; а что и они вообще не встрѣтятъ себѣ со стороны Іудеевъ благопріятнаго пріема, и потому должны ожидать преслѣдованій, достаточно показываетъ слѣдующій 21 стихъ.

Но сія вся творятъ вамъ за имя Мое, яко не вѣдятъ Пославшаго Мя (21). Слѣдовательно, тайная причина того, почему будутъ преслѣдуемы ученики Господа, заключается въ ненависти міра къ *имени*, т. е. къ лицу *Іисуса* Христа. Міръ ничего не хочетъ знать объ Іисусѣ, и самое *имя* Его, предъ которымъ должно, однако, преклониться всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Филиппис. II, 10), противно имъ. И все это потому, что они не знаютъ Бога истиннымъ образомъ. Если бы у нихъ было живое познаніе Бога, то они признали бы и Іисуса Христа посланникомъ Божіимъ, и именно, какъ говорится ниже, Его ученіе и чудеса. Для учениковъ же мысль о томъ, что они страдаютъ ради имени Христова, должна служить утѣшеніемъ и ободреніемъ; и какъ часто они утѣшали себя этою мыслью, показываютъ такія мѣста Писанія, какъ (Дѣян. V, 11; XXI, 13. 2 Коринѳ. XII, 10 и д. Галат. VI, 17. 1 Петр. IV, 12 и д.).

Аще не бых̀ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли: нынѣ же вины (извиненія) *не имутъ о грѣсѣ своемъ* (22). *Ненавидяй Мене и Отца Моего ненавидитъ* (23). Если бы Іисусъ Христосъ спасительное Свое *ученіе*, которое для всякаго простаго и искренняго сердца носитъ само въ себѣ печать истинности и Божественности (ср. VI, 63, 68; VII, 46. Матѳ. VII, 28 и д.), не проповѣдалъ Іудеямъ, то они въ этомъ могли бы еще находить оправданіе своему невѣрію и своей ненависти къ имени Іисуса Христа; они могли бы сказать, что Іисусъ Своею проповѣдью не доказалъ, что Онъ есть обѣщанный Мессія. Но теперь они не имѣютъ извиненія; и въ ненависти ихъ къ Нему, Который Своимъ ученіемъ заявилъ Свое посланничество отъ Бога, заключается вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть къ Богу (ср. V, 23).—Но еще бо́льшая откроется вина невѣрующихъ, если взять во вниманіе *дѣла;* т. е. чудеса, которыя творилъ Іисусъ и въ которыхъ Онъ несомнѣнно явилъ Себя посланникомъ Божіимъ: *аще дѣлъ не бых̀ сотворилъ въ нихъ, ихже инъ никтоже сотвори, грѣха не быша имѣли, нынѣ же и видѣша, и возненавидѣша Мене и Отца Моего* (24). Съ словами: «*ихже инъ никтоже сотвори*» нужно сравнить слова у Матѳея IX, 33, которыя народъ произноситъ послѣ исцѣленія Іисусомъ нѣмаго бѣсноватаго: «никогда не бывало такого явленія (чудеснаго дѣйствія) въ Израилѣ». Чудеса Іисуса Христа въ связи съ высотою Его лица и возвышенностью Его ученія безусловно превосходили все то̀, что̀ было въ этомъ родѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ; по своей *природѣ* и по своему явленію это были *Божественныя* дѣла (ср. V, 36; IX, 3 и д. X, 37; XIV, 10). Поэтому Господь и говоритъ, что въ чудесахъ Его они видѣли и Его Самого, какъ Мессію (X, 25), и вмѣстѣ съ тѣмъ и Отца (XIV, 10). Но все это должно было совершиться, чтобы сбылось сказанное прообразовательно псалмопѣвцемъ о

страждущемъ Мессіи: *но да сбудется слово писанное въ законѣ ихъ: яко возненавидѣша Мя туне* (25). «Въ законѣ ихъ», т. е. въ *томъ* ихъ законѣ, на которомъ они основываются, отъ котораго ожидаютъ спасенія (ср. V, 45; VIII, 17). Слово *законъ* здѣсь, какъ въ X, 34, нужно понимать въ обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ *всего* Ветхаго Завѣта; потому что приведенное заимствовано изъ Псал. LXVIII, 5, или XXXIV, 19.

Егда же пріидетъ Утѣшитель, Егоже Азъ пошлю вамъ отъ Отца (ср. XIV, 18), *Духъ истины* (ср. XIV, 16), *Иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствуетъ о Мнѣ: и вы же свидѣтельствуете, яко искони со Мною есте* (26—27). Сколько утѣшительнаго и ободрительнаго заключалось для Апостоловъ въ этихъ словахъ Господа! *Христосъ,* Господь ихъ и Учитель, пошлетъ имъ Утѣшителя, а Утѣшитель этотъ есть Духъ *истины,* которая хотя и будетъ по временамъ преслѣдуема и угнетаема, но, наконецъ, останется побѣдительницею: Самъ же Духъ исходитъ отъ *Отца,* первоисточника всякой силы и крѣпости. *Внутреннее* свидѣтельство Святаго Духа и *внѣшнее* свидѣтельство учениковъ, очевидцевъ и слушателей Его ученія и чудесъ, короче—свидѣтелей всей Его жизни, убѣдятъ міръ въ Божествѣ Іисуса Христа и Божественности Его ученія. Въ этихъ словахъ утѣшенія Спаситель высказываетъ и призваніе Апостоловъ въ будущемъ, и ихъ положеніе въ отношеніи къ Церкви на землѣ. Для сообщенія каждому вѣрующему благодати и истины, Іисусъ Христосъ хотѣлъ во всей Своей *Богочеловѣческой,* исторической личности продолжаться въ человѣчествѣ. Но для этого нужно было двоякое свидѣтельство, *внутреннее,* Божественное въ сердцѣ человѣка и *внѣшнее* человѣческое. Внѣшнее свидѣтельство представили Апостолы; и свидѣтельство ихъ переходитъ въ Церковь отъ рода въ родъ и будетъ переходить до конца вѣковъ. Поэтому Церковь, будучи устроена на основаніи Апостоловъ, по справедливости, называется *Апостольскою.*

Доселѣ Іисусъ Христосъ говорилъ болѣе общимъ образомъ о борьбѣ, какую невѣрующій міръ уготовляетъ ученикамъ. Теперь Онъ говоритъ имъ опредѣленнѣе о предстоящихъ гоненіяхъ. *Сія глаголахъ вамъ, да не соблазнитеся* (XVI, 1). «*Сія*» обращаетъ рѣчь къ сказанному въ XV, 18—27: «*да не соблазнитеся*», т. е. чтобы не поколебались въ вѣрѣ въ Меня, когда настанутъ преслѣдованія. Ибо, какъ говоритъ святый Григорій: «предвидѣнныя стрѣлы обыкновенно не такъ сильно поражаютъ». *Отъ сонмищъ ижденутъ вы: но* (даже) *пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу* (2). Слово «служба» здѣсь собственно значитъ жертвоприношеніе. У раввиновъ фанатиковъ было правило: «кто проливаетъ кровь нечестиваго, тотъ дѣлаетъ то же, что и приносящій жертву». *И сія творятъ, яко не познаша Отца, ни Мене* (3). *Но,* чтобы не входить далѣе въ частности,—*сія глаголахъ вамъ, да егда пріидетъ часъ, воспомянете сія, яко Азъ рѣхъ вамъ.* Дальнѣйшія слова 4-го стиха: *сихъ же вамъ исперва не рѣхъ,* повидимому, находятся въ противорѣчіи съ сказаннымъ у Матѳ. V, 10 и д. X, 16 и д. Лук. VI, 22 и д. другихъ мѣстъ Евангелія, гдѣ Спаситель уже прежде говорилъ Своимъ ученикамъ о преслѣдованіи ихъ ради Его. Но между всѣми прежними предсказаніями и нынѣшнимъ есть большое различіе. Прежде Онъ дѣлалъ имъ только частныя указанія на счетъ

будущаго, тогда еще отдаленнаго, и ученики, исполненные еще надеждъ на блестящее земное Царство Мессіи, столь же мало понимали эти слова, какъ и предсказанія Іисуса Христа о Своихъ страданіяхъ и смерти. Слушая эти слова, они разумѣли подъ ними тѣ великія затрудненія, какія предстояли имъ, и не принимали этихъ словъ въ буквальномъ, собственномъ смыслѣ. Но теперь все получило другое значеніе; они знали, что Христосъ скоро оставитъ ихъ, и потому Онъ теперь говоритъ имъ съ гораздо большею опредѣленностью, чѣмъ прежде, о томъ, что̀ ихъ постигнетъ. Основаніе же, почему Онъ прежде такъ опредѣленно не говорилъ имъ объ этомъ, указываетъ слѣдующее: *яко съ вами бѣхъ*. Такимъ образомъ, доколѣ Іисусъ Христосъ былъ вмѣстѣ со Своими учениками, всѣ преслѣдованія касались Его, первѣе всего Онъ былъ предметомъ, жертвою ненависти міра. Но когда Онъ крестною смертію взошелъ къ Своему Отцу, тогда на Его мѣсто въ борьбѣ съ міромъ выступили Его ученики, чтобы среди страданій и преслѣдованій доставить побѣду Царству Его.

Побѣда учениковъ надъ міромъ силою Святаго Духа и испытаніе ихъ вѣры (5—33).

Нынѣ же иду къ Пославшему Мя,— и никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши? Но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша (5—6). Послѣ словъ: «нынѣ же иду къ Пославшему Мя», нужно предположить не продолжительное молчаніе. Господь видитъ, что слова Его опечалили учениковъ. Чтобы ободрить и утѣшить ихъ, Онъ побуждаетъ ихъ къ дальнѣйшему изслѣдованію касательно Его отшествія къ Отцу для ихъ блага. Что Апостолы Петръ (XIII, 36) и Ѳома (XIV, 5) уже спрашивали Господа о томъ, куда Онъ идетъ, это не противорѣчитъ послѣднимъ словамъ Іисуса Христа; потому что Господь здѣсь порицаетъ мгновенную ихъ скорбь, которая теперь мѣшаетъ имъ ясно понимать цѣль Его разлуки съ ними. *Но Азъ истину вамъ глаголю: уне есть вамъ, да Азъ иду. Аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ: аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ* (7). Здѣсь Спаситель утѣшаетъ Своихъ учениковъ тѣмъ, что пришествіе Утѣшителя находится въ зависимости отъ Его отшествія къ Отцу. Прежде, чѣмъ Святый Духъ, удалившійся отъ человѣчества вслѣдствіе первороднаго грѣха, снова сойдетъ къ человѣчеству, долженъ напередъ очиститься грѣхъ рода человѣческаго, и человѣчество въ главѣ своей, во Христѣ, должно возродиться, преобразиться. Въ отношеніи же собственно къ ученикамъ отшествіе Спасителя было полезно тѣмъ, что, лишивъ ихъ видимаго Своего присутствія, Господь тѣмъ самымъ очистилъ ихъ вѣру и сдѣлалъ ихъ способными къ воспріятію Своихъ таинъ.

Послѣ этого Спаситель изображаетъ *дѣятельность Святаго Духа* и во 1) въ отношеніи къ *невѣрующему міру* (8—11): *И пришедъ Онъ* (Утѣшитель) *обличитъ міръ о грѣсѣ, и о правдѣ, и о судѣ*. Слѣдовательно, дѣйствіемъ Утѣшителя будетъ *обличеніе* міра, т. е. Онъ такъ будетъ дѣйствовать, такъ убѣждать, что міръ постыдится и посрамится. Три предмета этого обличенія: *грѣхъ, правда и судъ* Господь Самъ объясняетъ, продолжая рѣчь: *о грѣсѣ убо, яко не вѣруютъ въ Мя*. Въ словахъ: «*яко не вѣруютъ въ Мя*» выражается *содержаніе* грѣха: Утѣшитель обличитъ міръ въ грѣхѣ *невѣрія*, въ которомъ онъ сдѣлался виновенъ, не признавъ Іисуса Мессіею и Спасите-

лемъ міра. Святый Духъ Своими дѣйствіями въ Апостолахъ обличилъ міръ въ его невѣріи и продолжаетъ обличать его Своими неоскудѣвающими дѣйствіями въ Церкви. Апостольская и церковная проповѣдь о Христѣ, Искупителѣ и Спасителѣ міра, служитъ для невѣрующаго міра постояннымъ призывнымъ голосомъ, пробуждающимъ его отъ грѣховнаго сна и обвиняющимъ въ невѣріи. Церковь, руководимая Святымъ Духомъ, своею проповѣдью о Христѣ, есть видимая *совѣсть* для невѣрующаго міра, такъ что ему не будетъ никакого извиненія въ своемъ невѣріи. *О правдѣ же, яко ко Отцу Моему гряду, и ктому не видите Мене.* Какъ въ предыдущемъ стихѣ предметомъ *грѣха* былъ міръ, такъ здѣсь предметомъ *правды,* какъ противоположности *грѣху,* есть *Христосъ.* О правдѣ *Христа* Святый Духъ обличитъ міръ отшествіемъ Его ко Отцу Своему и Его невидимостью. Невѣрующій міръ отвергъ и отвергаетъ Іисуса, какъ ложнаго пророка, слѣдовательно, какъ *неправедника* и *грѣшника* (ср. IX, 24), который, по справедливости, преданъ постыдной смерти (ср. XVIII, 30). Но воспріятіе Его на небо, прославленіе Его у Отца, особенно невидимыя, но могущественныя и побѣдоносныя Его дѣйствія въ Церкви посредствомъ Святаго Духа, все больше и больше будутъ обличать и убѣждать міръ, что Іисусъ былъ и есть Праведникъ (ср. 1 Іоан. II, 1, 29; III, 7. 1 Петр. III, 18), Который одинъ можетъ привесть людей къ истинной праведности предъ Богомъ. *О судѣ же, яко князь міра сего осужденъ бысть. Грѣхъ* находитъ свой конецъ, а *правда* свою побѣду въ *судѣ,* который начался съ отшествіемъ Христа къ Отцу и продолжается до конца міра. Въ этомъ *судѣ* Духъ Святый убѣдитъ (обличитъ) міръ, показавъ, что царство сатаны разрушено (ср. XII, 31). И міръ это замѣтитъ по чудесному распространенію Царства Христова на землѣ и по силѣ Его, преобразующей человѣчество. Царство сатаны есть царство лжи, обмана и грѣха; но съ распространеніемъ христіанства должно постепенно исчезнуть. Раздѣленіе между свѣтомъ и тьмою уже, слѣдовательно, наступило, и это раздѣленіе для всѣхъ, кто не ослѣпилъ себя намѣренно, видимо въ Церкви Христовой и будетъ всегда видимымъ до конца вѣковъ.

Дѣятельность Святаго Духа 2) въ отношеніи къ *Апостоламъ и ихъ послѣдователямъ* (12—15). Выше (XV, 15) Іисусъ Христосъ сказалъ: *вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ,* а здѣсь Онъ говоритъ: *еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ.* Но тутъ нѣтъ противорѣчія. Безъ сомнѣнія, Іисусъ Христосъ сообщилъ Апостоламъ Своимъ *всю* Божественную истину, но только какъ-бы въ *зародышѣ.* Но этотъ зародышъ, который Онъ, подобно зерну, посѣялъ въ ихъ сердцѣ, былъ способенъ къ безконечному развитію. Обнять теперь полное развитіе этой единой истины во всемъ ея объемѣ, Апостолы были еще не въ состояніи. Святый Духъ имѣлъ дать имъ способности къ этому. Поэтому и сказано: *егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ васъ на всяку истину* (13). Слѣдовательно, Утѣшитель, Который есть Духъ *истины,* и потому не можетъ заблуждать и вводить въ заблужденіе, все глубже и глубже будетъ вводить ихъ въ область этой единой безконечной истины; подъ Его охраненіемъ положенный Христомъ зародышъ будетъ все больше и больше развиваться до конца вѣковъ. Прекрасно замѣчаетъ по этому поводу святый Иларій: «какъ

нѣкогда Христосъ преуспѣвалъ возрастомъ и премудростію (Лук. II, 52), такъ теперь—Церковь». Подтверждая слова: *Духъ... наставитъ на всяку истину,* Спаситель присовокупляетъ: *не отъ Себе бо глаголати имать,* т. е. Утѣшитель будетъ для васъ не самостоятельнымъ и новымъ началомъ истины, Онъ возвѣститъ вамъ истину, не отличную отъ той, которую въ зародышѣ уже получили вы, но Онъ будетъ только путеводителемъ къ полной и совершенной истинѣ; *но елика аще услышитъ* (именно отъ Отца) *глаголати имать.* Но Онъ будетъ для Апостоловъ не только руководителемъ въ дальнѣйшемъ усвоеніи и развитіи принятой ими отъ Христа истины; Утѣшитель будетъ для нихъ и *пророческимъ* Духомъ, Который откроетъ имъ будущее развитіе и судьбу Церкви: *и грядущее возвѣститъ вамъ,—Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ. Вся, елика имать Отецъ, Моя суть: сего ради рѣхъ, яко отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ* (14—15). Развивая и утверждая на землѣ единую вѣчную истину, происходящую отъ Бога Отца, Святый Духъ этимъ самымъ прославляетъ Христа, укрѣпляетъ въ сердцахъ людей царскую власть Его; потому что истина, которую Святый Духъ возвѣщаетъ, принадлежитъ какъ *Отцу,* такъ и Христу. Христосъ, какъ Сынъ Божій, есть существенный образъ, *Слово* Отца, слѣдовательно, и всякая истина, заключающаяся въ Отцѣ, какъ своемъ первоисточникѣ, обитаетъ и въ Сынѣ, «въ Которомъ», какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, «сокрыты всѣ сокровища премудрости и разума» (Колос. II, 3). Поэтому Духъ Святый получаетъ истину какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына. *Вмалѣ, и къ тому не видите Мене, и паки вмалѣ, и узрите Мя* (16). Подобно тому, какъ и выше (XIV, 19 и д.), Господь и здѣсь въ загадочныхъ и неясныхъ словахъ говоритъ о Своей близкой смерти и будущемъ пришествіи во *Святомъ Духѣ.* «Не видите», относится къ *тѣлесному* зрѣнію, а «узрите»—къ *духовному* видѣнію во Святомъ Духѣ и Его дѣйствіяхъ, но отнюдь не къ созерцанію Іисуса Христа послѣ Его воскресенія и при второмъ Его пришествіи, какъ думали нѣкоторые толковники. Въ словахъ: *яко Азъ иду ко Отцу,* заключается причина сказанному въ обѣихъ частяхъ предыдущаго предложенія. Апостолы скоро не увидятъ уже Его больше тѣлесными глазами, потому что Онъ идетъ къ Отцу и тѣмъ лишаетъ ихъ Своего тѣлеснаго присутствія; потомъ они скоро увидятъ Его духовными очами, также потому что Онъ идетъ ко Отцу, и Его отшествіемъ къ Отцу условливается пришествіе Утѣшителя.

Рѣша же (нѣкоторые) *отъ ученикъ Его къ себѣ: что есть сіе, еже глаголетъ намъ: «вмалѣ, и не видите Мене, и паки вмалѣ, и узрите Мя?» и: «яко Азъ иду ко Отцу?»—Глаголаху убо: что сіе есть, еже глаголетъ, «вмалѣ?» Не вѣмы, что глаголетъ* (17—18) Если вникнуть въ расположеніе духа Апостоловъ въ эти минуты, то легко объяснить непониманіе ихъ словъ Господа. Нѣсколько разъ Іисусъ указывалъ на Свое отшествіе, и это привело учениковъ въ скорбь (ср. ст. 5 и д.), Теперь снова Онъ ясно говоритъ имъ, что еще немного времени они будутъ видѣть Его; но затѣмъ Онъ столь же ясно присовокупляетъ, что они также снова скоро увидятъ Его. Слова эти пробуждаютъ въ нихъ смѣшанное чувство радости и скорби, надежды и страха; они не знаютъ, что̀ и думать. Особенно имъ желалось ближе уразумѣть это «вмалѣ» (μικρόν); потому что Онъ сказалъ: *вмалѣ и узрите Мя.* Если бы

только, думали они, можетъ быть, это «вмалѣ» продолжилось недолго!

Разумѣ же Іисусъ, яко хотяху Его вопрошати, и рече имъ: о семъ ли стязаетеся между собою, яко рѣхъ: вмалѣ и не видите Мене, и паки вмалѣ, и узрите Мя (19). Какъ Сердцевѣдецъ, Іисусъ Христосъ, видя желаніе учениковъ разрѣшить загадочный для нихъ смыслъ Его словъ, предупреждаетъ ихъ вопросъ, съ которымъ они хотѣли обратиться къ Нему, и затѣмъ представляетъ объясненіе 1) касательно словъ: «вмалѣ и не видите Мене, и паки вмалѣ, и узрите Мя» (20—27), потомъ 2) касательно словъ «яко Азъ иду ко Отцу». Впрочемъ, отвѣтъ Господа не вполнѣ разрѣшаетъ для Апостоловъ загадочность Его прежней рѣчи и возбуждалъ только дальнѣйшее раздумье и ожиданіе близкаго, славнаго будущаго. *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко восплачетеся и возрыдаете вы, а міръ возрадуется: вы же печальни будете, но печаль ваша въ радость будетъ* (20). Слѣдовательно, скорбь Апостоловъ о разлукѣ съ Нимъ будетъ очень велика, и тѣмъ больше еще, что нечестивый міръ будетъ тогда думать, что можетъ уже торжествовать свою побѣду надъ Богомъ и Его Сыномъ. Но ихъ скорбь скоро обратится въ радость. Быструю перемѣну скорби на радость, а вмѣстѣ съ тѣмъ то, какъ скорбь ихъ содержитъ въ себѣ зародышъ непреходящей радости, Господь уясняетъ весьма глубокомысленнымъ сравненіемъ: *жена егда раждаетъ, скорбь имать, яко пріиде годъ ея* (т. е. время мученій и страданій); *егда же родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ* (21). Въ послѣднихъ словахъ: «яко родися *человѣкъ* (а не *дитя*)» выражается высокое чувство собственнаго достоинства материнской радости. Образъ *раждающей жены* для изображенія скорби, переходящей въ радость, находится и въ Ветхомъ Завѣтѣ (ср. Исаія XXI, 3; XXVI, 17; XXXVII, 3; LXVI, 7. Осія XIII, 13 и въ др. м.). Затѣмъ представляется и объясненіе сказанному: *и вы же печаль имате убо нынѣ: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ* (22). «*Паки узрю вы*» нужно понимать въ смыслѣ созерцанія въ *Святомъ Духѣ* (ср. XIV, 18: «паки пріиду къ вамъ»). Слѣдовательно, образъ скорби раждающей жены первѣе всего нужно относить къ *Апостоламъ*. Въ нихъ еще не вполнѣ возродился «новый человѣкъ, созданный по Богу въ праведности и святости истины» (Ефес. IV, 24); въ нихъ все еще жилъ ветхій человѣкъ, первый Адамъ; въ нихъ преобладала еще естественная, чувственная любовь. Протекшіе три года близкаго общенія ихъ съ Господомъ были какъ-бы временемъ ихъ беременности, въ которое образовывался въ нихъ новый человѣкъ. Теперь же приближалось время самаго рожденія, исполнившееся въ день Пятидесятницы. Но прежде этого, Спаситель долженъ былъ сначала лишить ихъ видимаго Своего присутствія; Онъ долженъ былъ пострадать и пойти къ Своему Отцу, чтобы послать имъ Святаго Духа—начало духовнаго возрожденія. И это время Его отшествія было для Апостоловъ временемъ мучительныхъ болей рожденія, продолжавшихся до Пятидесятницы. Но за муками рожденія тотчасъ же слѣдовала внутренняя радость въ Святомъ Духѣ, которой не могли уничтожить въ нихъ внѣшнія страданія и преслѣдованія (ср. Филип. II, 17, и д. IV, 4. Римлян. XIV, 17). Сказанное здѣсь Господомъ относительно Апостоловъ касается также и всѣхъ людей вообще. Чтобы зародышъ новаго творенія (ср. 2 Коринѳ. V, 17. Га-

лат. VI, 15), который Богъ вложилъ въ сердца наши Святымъ Духомъ, достигъ полнаго своего развитія, для этого сначала былъ умерщвленъ въ насъ ветхій грѣховный человѣкъ. Но это происходитъ не безъ слезъ раскаянія и не безъ глубокой душевной скорби.

Счастливымъ слѣдствіемъ этого свиданія во Святомъ Духѣ и соединеннаго съ этимъ возрожденія учениковъ будетъ просвѣщеніе ихъ и услышаніе ихъ молитвъ: *и въ той день Мене не вопросите* (больше) *ничесоже*, такъ какъ у васъ не будетъ недостатка въ разумѣніи, поелику Святый Духъ научитъ васъ и объяснитъ вамъ все. *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ* (23). Слѣдовательно, въ состояніи возрожденія они всегда будутъ съ успѣхомъ молиться къ Отцу; все, о чемъ бы они не попросили, дано будетъ имъ, и именно *во имя Христа*, т. е. ради Христа и Его заслугъ. Въ истинно возрожденномъ человѣкѣ живетъ Христосъ; всякое доброе дѣло, какое производитъ такой человѣкъ, есть дѣло Христа, пребывающаго въ немъ. Поэтому, если возрожденный человѣкъ молится въ истинномъ духѣ, то молится не столько онъ самъ, сколько Христосъ въ немъ; молитва же прославленнаго Христа всегда бываетъ услышана Богомъ Отцемъ. *Доселѣ не просисте ничесоже во имя Мое. Просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ* (24). Доселѣ еще ученики не молились какъ возрожденные, или другими словами: Христосъ молился еще не *въ нихъ*, а только *за нихъ;* послѣ они должны молиться сами, и исполненіе ихъ прошеній доставитъ имъ высочайшую радость; на нихъ осуществится утѣшительный образъ раждающей жены въ ея радости послѣ перенесенной скорби.

Сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но пріидетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явѣ о Отцѣ возвѣщу вамъ (25).—«Въ притчахъ» значитъ здѣсь—«въ не собственныхъ, не ясныхъ выраженіяхъ». «Сія» относится къ тому, о чемъ ученики спрашивали (17 и д.), и что Іисусъ Христосъ затѣмъ говорилъ имъ (20 и д.). Все, что Онъ тамъ говорилъ имъ о Своемъ отшествіи и возвращеніи, именно, что Онъ скоро отойдетъ отъ нихъ и, равнымъ образомъ, скоро возвратится къ нимъ и однако пошлетъ имъ иного Утѣшителя, что духовное Его возвращеніе посланіемъ Утѣшителя соединитъ Его съ ними гораздо болѣе тѣсными узами, чѣмъ какими они связаны были съ Нимъ доселѣ,—все это большею частью оставалось для нихъ темнымъ и непонятнымъ. Но когда сойдетъ на нихъ Святый Духъ, тогда исчезнетъ всякая темнота; они вполнѣ поймутъ тогда Божественную истину, которую Онъ возвѣстилъ имъ Духомъ Святымъ. *Въ той день*, именно когда Духъ Святый сойдетъ на васъ, *во имя Мое вопросите, и не глаголю вамъ, яко Азъ умолю Отца о васъ* (26), т. е. тогда Я съ Своей стороны не буду имѣть надобности, какъ было доселѣ, молиться за васъ, но вы сами будете молиться во имя Мое, и Богъ услышитъ ваши молитвы. Основаніе же, почему ваши молитвы будутъ услышаны, слѣдующее: *Самъ бо Отецъ любитъ вы, яко вы Мене возлюбисте и вѣровасте, яко Азъ отъ Бога изыдохъ* (27), т. е. другими словами: потому что Богъ любитъ васъ, какъ вѣрныхъ учениковъ Единороднаго Своего Сына. Кто, слѣдовательно, вѣрою и любовью находится въ живомъ отношеніи со Христомъ, тотъ составляетъ предметъ любви Отца, тотъ, какъ чадо Божіе, можетъ непосредственно приступать въ молитвѣ къ Отцу, и можетъ быть увѣренъ, что мо-

литва его будетъ услышана; потому что онъ всегда молится во имя Христа, нашего вѣчнаго Первосвященника и Ходатая у Отца (ср. Евр. VII, 25; IX, 24. Римлян. VIII, 34). Сначала сказано: *возлюбисте,* а потомъ: *вѣровасте,* потому что вѣра въ Божественное естество Іисуса Христа развивалась у учениковъ мало-по-малу изъ любви къ Нему. *Отъ Бога изыдохъ* нужно понимать въ смыслѣ *Божественнаго* ниспосланія Сына отъ Отца (ср. VIII, 12). Развивая послѣднюю мысль, Іисусъ Христосъ торжественно говоритъ: *изыдохъ отъ Отца и пріидохъ въ міръ: и паки оставляю міръ, и иду ко Отцу* (28). Этимъ Онъ въ заключеніе указываетъ главное содержаніе вѣры въ Него: Христосъ Богъ во времени пришелъ въ міръ, какъ человѣкъ; совершивъ дѣло искупленія, Онъ снова оставилъ міръ и возсѣлъ одесную Своего Отца, чтобы тамъ ходатайствовать за насъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти слова служатъ къ ближайшему объясненію словъ: «яко иду ко Отцу», которыя Господь сказалъ выше (16) ученикамъ Своимъ.

Въ предшествующихъ словахъ Своего Учителя (20—28) ученики думали уже видѣть исполненіе Его обѣтованій, которыя Онъ далъ имъ (23 и 25). И такъ какъ они прежде думали, что не такъ ясно понимаютъ Его, а Іисусъ Христосъ здѣсь представилъ имъ объясненіе, не ожидая ихъ вопросовъ, напротивъ, предупредивъ ихъ Своимъ вопросомъ (19), то они этимъ, по ихъ мнѣнію, совершенно неприкровеннымъ ученіемъ такъ были удивлены, что почувствовали теперь увѣренность, что Онъ все знаетъ, даже сокровенныя ихъ мысли. Они говорятъ: *се нынѣ не обинуяся глаголеши, а притчи ни коеяже не глаголеши. Нынѣ вѣмы, яко вѣси вся, и не требуеши, да кто Тя вопрошаетъ: о семъ вѣруемъ, яко отъ Бога изшелъ еси* (29—30). Въ послѣднихъ словахъ высказывается *утвержденіе, укрѣпленіе* ихъ вѣры во Христа.

Самоувѣренному исповѣданію вѣры учениковъ, Іисусъ Христосъ противопоставляетъ вопросъ, выражающій сомнѣніе въ ихъ вѣрѣ: *нынѣ ли вѣруете?* (31.) Прежде Господь, для ободренія учениковъ, похвалилъ ихъ вѣру (27); но теперь предсказываетъ имъ о бѣгствѣ ихъ, какъ доказательствѣ слабости ихъ вѣры, чтобы они не полагались слишкомъ на самихъ себя: *се грядетъ часъ, и нынѣ пріиде, да разыдетеся кійждо во своя и Мене единаго оставите* (32). Этимъ Господь отчасти противодѣйствуетъ слишкомъ большой робости, а частью слишкомъ большой самоувѣренности учениковъ, такъ какъ то и другое легко могло привести ихъ къ отпаденію отъ вѣры. Въ выраженіи: *разыдетеся* (σκορπισθῆτε) имѣется въ виду образъ *стада,* которое разбѣгается и разсѣевается, когда лишается пастыря. «Во своя»—въ мѣста своего жительства. Исполненіе этого предсказанія см. Матѳ. XXVI, 56. Уясняя слова: и Мене единаго остависте», Господь присовокупляетъ: *и нѣсмь единъ, яко Отецъ со Мною есть* (32). Христосъ говоритъ здѣсь совершенно какъ человѣкъ: когда они оставятъ Его въ опасности, Онъ, однако, не будетъ возмущенъ отъ страха, ибо Онъ знаетъ, что Богъ съ Нимъ и укрѣпляетъ Его.

Сія глаголахъ вамъ, да во Мнѣ (во время скорбей и страданій, въ общеніи со Мною) *миръ имате. Въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (33). «Сія» относится ко всему, что говорилось въ XV и XVI главахъ, такъ какъ сказанное тамъ имѣло цѣлью—возбудить въ ученикахъ вѣру, надежду и любовь. Соединенные со Христомъ въ вѣрѣ и любви, они и на землѣ найдутъ истинное утѣшеніе и истинное

успокоеніе, т. е. истинный *миръ* (ср. XIV, 27). Подобно военачальнику, Онъ предшествуетъ имъ въ побѣдѣ надъ міромъ; поэтому они могутъ быть увѣренными, что они побѣдятъ міръ вѣрою въ Него, *Его* побѣда есть *ихъ* спасеніе. «Міръ» здѣсь тоже значитъ, что и «князь міра сего» (XII, 31; XIV, 30. 1 Іоан. III, 8). Вслѣдъ за этимъ Господь въ торжественной молитвѣ обращается къ Своему Небесному Отцу.

7. Первосвященническая молитва Іисуса Христа (Іоан. XVII, 1—26).

Съ самыхъ древнихъ временъ эту молитву называютъ *первосвященническою* молитвою, потому что Іисусъ Христосъ молится въ ней за Себя (1—5), за Своихъ учениковъ (6—19) и за Свою Церковь (20—26), и посвящаетъ Самого Себя на жертвенную смерть. Обязанность же первосвященника состоитъ въ принесеніи молитвъ къ Богу и посвященіи. Господь *въ слухъ* учениковъ произноситъ эту молитву для возвышенія и утѣшенія ихъ. Мысли въ этой молитвѣ такъ просты и ясны, что безъ труда могутъ быть понимаемы; но при всей своей ясности, они такъ глубоки, что всякая попытка исчерпать ихъ—напрасна. Эта молитва безспорно—самое возвышенное изъ всего, что̀ передаютъ Евангелисты изъ жизни Спасителя.

Евангелистъ торжественно вводитъ въ молитву своего Господа словами: *сія глагола Іисусъ, и возведе очи Свои на небо, и рече*. Видно, молитва эта произвела глубочайшее впечатлѣніе на душу ученика любви. Самая молитва начинается словами: *Отче, пріиде часъ*, именно страданій и смерти (ср. XIII, 1). *Прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя* (ср. XIII, 31 и д.). Іисусъ Христосъ сначала молится о Своемъ прославленіи, т. е. о совершеніи, окончаніи всего великаго, святаго дѣла Его искупленія воскресеніемъ Его изъ мертвыхъ, сѣденіемъ одесную Отца и посланіемъ Святаго Духа,—о прославленіи, которое должно было совершиться чрезъ страданія. Но въ этомъ прославленіи Сына заключалось и прославленіе Отца; потому что прославленіе Іисуса Христа не ограничивалось только однимъ Его лицемъ; предметомъ Его дѣятельности было все человѣчество; высокимъ призваніемъ Его было доставить человѣчеству вѣчную жизнь, просвѣтить его, и тѣмъ прославить Отца. Поэтому и говорится далѣе: *якоже далъ еси Ему власть всякія плоти, да всяко, еже далъ еси Ему, дастъ имъ животъ вѣчный* (2). Ветхозавѣтное выраженіе *всяка плоть*, обозначающее собою все человѣчество, имѣетъ здѣсь нѣкоторую торжественность и совершенно соотвѣтствуетъ общему настроенію молитвы. Въ дальнѣйшихъ словахъ заключается объясненіе словъ: «животъ вѣчный»: *се же есть* (въ томъ состоитъ) *животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси Іисуса Христа* (3). Слѣдовательно вѣчная жизнь которую Сынъ даетъ всѣмъ людямъ *состоитъ* въ познаніи единаго истиннаго Бога и Іисуса Христа, какъ Спасителя міра. Но это познаніе есть не только *средство* къ вѣчной жизни, но и самая *вѣчная жизнь*. Она начинается здѣсь *вѣрою*, какъ личнымъ началомъ и источникомъ всякаго истиннаго познанія Бога и Божественныхъ предметовъ, и окончится нѣкогда *созерцаніемъ*. Поэтому, по справедливости, Богословіе полагаетъ сущность вѣчнаго блаженства въ *созерцаніи Бога*. Слова: «да знаютъ.... *Христа*» представляютъ *содержаніе* познанія и вмѣстѣ съ тѣмъ сущность или зерно *христіанской* вѣры, въ противоположность *языческому* многобожію («единаго истиннаго Бога») и *Іудейскому* невѣрію въ Іисуса Христа,

какъ Мессію («Егоже послалъ еси Іисуса Христа»). *Азъ прославихъ Тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю. И нынѣ прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самаго славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (4—5). Христосъ тѣмъ прославилъ на землѣ Своего Небеснаго Отца, что въ добровольномъ послушаніи совершилъ») искупленіе («дѣло»), которое Отецъ, по милосердной Своей любви, вручилъ Ему. Стоя у цѣли Своей земной дѣятельности, Онъ видитъ это дѣло какъ-бы уже совершившимся («прославихъ... совершихъ» и какъ-бы въ награду за эту жертву послушанія проситъ теперь прославленія и Своей *человѣческой* природы. Какъ вѣчный Сынъ Божій, какъ безплодное Слово, Христосъ отъ вѣка обладалъ Божественною славою; но, какъ человѣкъ, воплотившееся Слово, Онъ на время лишилъ Себя этой славы, *образа Божія* (Филиппис. II, 6), и принялъ образъ раба. Когда же совершилось искупленіе, эта слава должна быть возвращена Ему Отцемъ и сообщена Его человѣчеству, дабы міръ позналъ, что Отецъ благопріятно принялъ Его жертву, и дабы Онъ, облекшись всею силою на небѣ и на землѣ, даровалъ конечную побѣду Своему дѣлу.

Въ дальнѣйшихъ стихахъ (6—8) развиваются прежде сказанныя мысли (2—4). Здѣсь ближе изображается дѣятельность Іисуса Христа между людьми, какъ-бы въ доказательство того, что дѣло, врученное Ему отъ Отца, совершено Имъ. Онъ говоритъ: *явихъ имя Твое,* т. е. Тебя, какъ святаго, праведнаго и благаго и т. д. *человѣкомъ, ихже далъ еси Мнѣ отъ міра,* слѣдовательно, ученикамъ и Апостоламъ, которыхъ Богъ Своею благодатію избралъ изъ среды грѣховнаго міра (ср. XV, 19) и привелъ ко Христу. *Твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси, и слово Твое сохраниша.* Такъ какъ Богъ, по Своимъ вѣчнымъ опредѣленіямъ, избралъ ихъ Себѣ, то они уже принадлежали Ему; потомъ Онъ въ вѣрѣ привелъ ихъ ко Христу, чтобы они сдѣлались участниками искупленія, и они уже засвидѣтельствовали себя твердымъ и вѣрнымъ соблюденіемъ Его слова. *Нынѣ,* послѣ того какъ ихъ вѣра засвидѣтельствована практически, они *разумѣша, яко вся, елика далъ еси Мнѣ, отъ Тебе суть,* т. е. что вся Моя дѣятельность Божественна. Познанія же этого они достигли тѣмъ, что Іисусъ сообщилъ имъ Божественныя истины, а они съ вѣрою приняли ихъ: *яко глаголы, ихже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, и тіи* (съ вѣрою) *пріяша и разумѣша воистинну, яко отъ Тебе изыдохъ, и вѣроваша, яко Ты Мя послалъ еси* (8). Слѣдовательно, вѣрою Его словамъ ученики достигли истиннаго познанія Его Божественнаго происхожденія и убѣжденія въ Его Божественное посланничество. Это похвальное свидѣтельство Іисуса Христа о вѣрѣ учениковъ служитъ введеніемъ къ самой молитвѣ за нихъ; теперь слѣдуетъ и самая молитва: *Азъ о сихъ молю, не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, ихже далъ еси Мнѣ, яко Твои суть. И Моя вся Твоя суть, и Твоя—Моя, и прославихся въ нихъ* (9—10).—Іисусъ Христосъ молится здѣсь исключительно за Своихъ учениковъ, потому что они должны продолжать начатое Имъ дѣло и служить Его посланниками человѣчеству, а для этого имъ необходима была особенная помощь Небеснаго Отца. Подъ *міромъ* нельзя разумѣть всѣхъ тѣхъ, которые еще были тогда невѣрующими; Спаситель подъ «міромъ» разумѣетъ всѣхъ упорствующихъ во грѣхѣ своемъ и невѣріи и, по этому, *никогда* не имѣющихъ придти къ Нему; молиться за нихъ было бы такъ же напрасно, какъ и за *князя міра.* За

тѣхъ же, которые въ будущемъ увѣруютъ въ Него, Господь Самъ молится (20. Лук. XXIII, 34), и намъ заповѣдалъ молиться (Матѳ. V, 44).—*Ихже далъ еси Мнѣ*, т. е. привелъ ко Мнѣ Своею благодатію, *яко Твои суть*, слѣдовательно, Ты Мнѣ могъ дать ихъ. Апостолы и всѣ вѣрующіе принадлежали и принадлежатъ Богу Отцу, потому что Онъ, по Своему вѣчному предвѣдѣнію, предызбралъ ихъ Себѣ (ср. ст. 6). И Отецъ далъ ихъ Ему, потому что ни у Отца, ни у Сына нѣтъ какой-нибудь особенной собственности, и потому всѣ, которыхъ избралъ Себѣ Отецъ, принадлежатъ и Сыну, и наоборотъ; ибо только чрезъ Сына, Богочеловѣка Христа, падшій человѣкъ снова приходитъ ко Отцу. Кто избранъ Отцемъ, въ томъ долженъ первѣе прославиться Сынъ; человѣкъ, прежде чѣмъ въ состояніи будетъ возвратиться къ Отцу, долженъ сдѣлаться образомъ Христа. *И ктому нѣсмь въ мірѣ, и сіи въ мірѣ суть, и Азъ къ Тебѣ гряду.* Доселѣ Самъ Спаситель защищалъ Своихъ учениковъ, былъ подлѣ нихъ видимымъ ихъ Утѣшителемъ; но теперь Онъ разстается съ ними и оставляетъ ихъ въ мірѣ, среди опасностей. Поэтому и молитва: *Отче Святый, соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, якоже и Мы* (11). Слово—*святый* должно здѣсь означать сохраняющую и защищающую отъ *нечистыхъ* вліяній міра силу Божію, которая сдѣлаетъ ихъ безопасными въ борьбѣ.—*Цѣль* этого «соблюди во имя Твое» заключается въ томъ, «да будетъ едино» и т. д., да сохранитъ ихъ Отецъ въ вѣрѣ во имя Его и исповѣданіе Его, дабы они посредствомъ этой общей вѣры и исповѣданія были одно по образу того единства, какое въ Богѣ существуетъ между Отцемъ и Сыномъ. *Егда бѣхъ съ ними въ мірѣ, Азъ соблюдахъ ихъ во имя Твое. Ихже далъ еси Мнѣ, сохранихъ, и никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный, да сбудется Писаніе* (12). Какъ выше (11), такъ и здѣсь Спаситель говоритъ, какъ-бы Его уже не было въ мірѣ, какъ-бы Онъ уже разстался съ Своими учениками: *егда бѣхъ съ ними въ мірѣ...* Доколѣ Іисусъ Христосъ находился съ Своими учениками, Онъ сохранялъ ихъ въ вѣрѣ и исповѣданіи Своего Небеснаго Отца, защищалъ ихъ отъ всѣхъ злыхъ вліяній, какъ вѣрный пастырь защищаетъ и сохраняетъ свое стадо, такъ что ни одинъ изъ нихъ не погибъ (чрезъ отпаденіе).—Въ концѣ молитвы Своей Спаситель вспомнилъ еще о несчастномъ Іудѣ, котораго одного Онъ потерялъ только изъ Своего стада не по Своей, однако, винѣ, но вслѣдствіе невѣрности самого ученика, предсказанной уже въ Ветхомъ Завѣтѣ (Псал. XL, 10, ср. XIII, 8). *Нынѣ же къ Тебѣ гряду*, и *сія* (т. е. эту молитву о Твоей защитѣ ст. 11) *глаголю въ мірѣ, да имутъ радость Мою* (какъ и XV, 11) *исполнену въ себѣ* (13). Сохраненные Отцемъ въ Его имени, въ единствѣ вѣры и любви имѣютъ въ себѣ тотъ миръ, ту внутреннюю радость, которую подастъ только Господь и которой не могутъ отнять у нихъ всѣ страданія и преслѣдованія отъ міра (ср. XVI, 24). *Азъ дахъ имъ слово Твое, и міръ возненавидѣ ихъ, яко не суть отъ міра, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь* (14). Ученики съ вѣрою приняли въ себя Его слово, которое есть и слово Отца и свѣтъ и истина; поэтому и ненавидитъ ихъ міръ, который есть тьма и ложь. И такъ какъ они находятся въ прямой противоположности съ міромъ, то и нуждаются въ особенной Божественной помощи. Поэтому: *не молю, да возмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни* (15). Они не должны быть вполнѣ изъяты

изъ міра, потому что назначеніе ихъ—дѣйствовать въ мірѣ и продолжать дѣло Господа; но Отецъ долженъ сохранить ихъ въ мірѣ отъ зла.

Доселѣ Спаситель выражалъ только *отрицательную* сторону молитвы: да сохранитъ Господь учениковъ отъ враждебныхъ вліяній, отъ міра. Теперь, въ стихѣ 17 Онъ выражаетъ и положительную сторону: да освятитъ и усовершитъ ихъ *въ истинѣ*. Но предъ этимъ Онъ еще разъ повторяетъ сказанное прежде (14): *отъ міра не суть, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь. Святи ихъ во истину Твою* (16—17). Что̀ за истина разумѣется здѣсь, объясняетъ Самъ Господь, присовокупляя: *слово Твое истина есть*. Твое, а не иное чье, слово есть истина. Ка́къ же можно думать, что Ты не исполнишь просимаго освященія? Слѣдовательно, подъ «истиною» Іисусъ Христосъ разумѣетъ слово Своего Небеснаго Отца, возвѣстить которое Онъ пришелъ на землю и которымъ, наконецъ, Онъ Самъ былъ, будучи вѣчнымъ Словомъ Отца. Спаситель молится, чтобы въ этой истинѣ, которую ученики съ вѣрою приняли, и въ которой они находятся, какъ въ своей жизненной стихіи, Богъ *освятилъ* ихъ, т. е. чрезъ Святаго Духа доставилъ имъ просвѣщеніе, силу, мужество, радость и т. д., и все это для ихъ служебнаго дѣйствія. *Якоже Мене послалъ еси въ міръ, и Азъ послахъ ихъ въ міръ* (18). Въ этихъ словахъ заключается *первое побужденіе къ исполненію* прошенія объ освященіи учениковъ. Ученикамъ нужно было освященіе истиною *для ихъ посланничества*, которое они получили первѣе отъ Христа, а потомъ и отъ Отца, какъ начала всякаго истиннаго посланничества, и которое они должны были совершить *уполномочіемъ* отъ Христа. Для этого имъ нужно было высшее освященіе. Далѣе (19) высказывается основаніе, на которомъ утверждается освященіе служенія Апостоловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ содержится *второе побужденіе* къ исполненію прошенія объ освященіи: *и за нихъ Азъ свящу Себе, да и тіи будутъ священи воистину*. Освященіе истиною ученики могли получить только посредствомъ Святаго Духа, Который имѣлъ ввести ихъ въ полную истину (XVI, 13). Но прежде чѣмъ имѣлъ сойти на нихъ Святый Духъ, Христосъ долженъ былъ сначала посвятить Себя за нихъ и Своею крестною смертію очистить грѣхи рода человѣческаго (XVI, 7). Слово—«освященіе» или «посвященіе», употребляемое здѣсь Христомъ, нужно понимать, на основаніи употребленія этого выраженія въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ смыслѣ «жертвы» (Второзак. XV, 19 и д. Суд. XVII, 3. 2 Царств. VIII, 11; ср. Римлян. XV, 16). Жертвою Христа все вѣрующее человѣчество посвящалось въ жертву Богу (ср. Римлян. XII, 1); поэтому прибавлено: *да и тіи будутъ священи во истину*, т. е. чтобы и ученики освящены были *истинно*, въ высшемъ смыслѣ, внутренно, въ противоположность освященіямъ и жертвамъ ветхозавѣтнымъ, имѣвшимъ только прообразовательное значеніе.

Послѣ этого слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ молитва и за всѣхъ вѣрующихъ: *не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя* (20). Господь созерцаетъ предъ Собою всѣхъ вѣрующихъ, которые чрезъ Апостоловъ, посредственно или непосредственно, пріимутъ ученіе о спасеніи. Онъ молился за нихъ: *да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ*, и цѣлью этого единства вѣрующихъ Онъ полагаетъ: *да и міръ вѣру и́метъ, яко Ты Мя послалъ еси* (21). Родъ человѣческій, по мысли Божественной, долженъ составлять какъ внѣшнее, такъ и

внутреннее единство въ любви; но грѣхъ и самолюбіе раздробили его на отдѣльныя части. Христосъ явился въ міръ, чтобы снова возстановить единство въ раздѣленномъ родѣ человѣческомъ. Основаніе, на которомъ утверждается это единство, есть *Святый Духъ*, Духъ любви. Это невидимое единство въ вѣрѣ и любви должно открываться и вовнѣ, и откровеніе этого единства вѣрующихъ должно служить міру постояннымъ фактическимъ доказательствомъ Божественнаго посланничества Христова. *И Азъ* (съ Своей стороны) *славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмы, Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино* (т. е. приведены къ полному единству), *и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси и возлюбилъ еси ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси* (22—23). Подъ словомъ «слава» нѣкоторые разумѣютъ славу Апостольскаго служенія въ ученіи и чудесахъ; другіе же разумѣютъ любовь и думаютъ, что простой смыслъ этого выраженія будетъ такой: «какъ Ты Меня возлюбилъ, такъ Я ихъ; сдѣлай, чтобы и они любили другъ друга». Но то и другое объясненіе не соотвѣтствуетъ связи рѣчи. По связи рѣчи слово: «слава» нужно понимать здѣсь въ смыслѣ *тѣлеснаго прославленія*, которое Небесный Отецъ доставилъ Христу въ Его воскресеніи и которое прославленный Спаситель сообщитъ Своимъ вѣрующимъ. Созерцая будущее, какъ настоящее, Іисусъ Христосъ говоритъ: *дахъ имъ*. У вѣрующихъ эта слава начинается возрожденіемъ, въ которомъ они, какъ живые члены, прививаются тѣлу Христову, продолжается любовью и достойнымъ принятіемъ Тѣла и Крови Христовой и достигнетъ своей полноты въ будущемъ славномъ воскресеніи, когда Христосъ соединитъ съ Собой всѣ Свои прославленные члены. Выраженіе: *Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ* служитъ къ ближайшему опредѣленію прежде сказаннаго: *да будутъ едино* и пр. Единство вѣрующихъ по образу единства, какое находится между Отцемъ и Христомъ (21), осуществляется только вслѣдствіе того, что Христосъ живетъ въ Своихъ вѣрующихъ, а Отецъ во Христѣ, Своемъ вѣчномъ Сынѣ. Словами: *да разумѣетъ міръ* и проч. подкрѣпляется сказанное выше: *да и міръ вѣру имѣетъ* и проч. Изъ единства вѣрующихъ міръ не только долженъ *повѣрить*, но и *познать* Божественное посланничество Христово и внутреннее отношеніе, какое существуетъ между ними и Богомъ, и которое фактически открылось этимъ посланничествомъ. Въ сознаніи Своей Божественной силы, Господь продолжаетъ: *Отче, ихже далъ еси Мнѣ, хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною, да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ, яко возлюбилъ Мя еси прежде сложенія міра* (24). Гдѣ Христосъ—глава, тамъ должны быть и вѣрующіе Его члены; и они должны созерцать Его славу, и, созерцая ее, принимать въ ней участіе,—ту славу, которую Отецъ даровалъ Ему, какъ человѣку, потому что отъ вѣчности предопредѣлилъ Его, человѣка, къ славѣ, слѣдовательно, возлюбилъ. *Яко возлюбилъ Мя* и проч. нужно понимать въ смыслѣ той любви, по которой Іисусъ Христосъ предопредѣленъ въ вѣчномъ совѣтѣ тріипостаснаго Бога къ совершенію спасенія людей и къ прославленію человѣческой Своей природы до обоженія. Въ заключеніе молитвы Іисусъ Христосъ еще разъ выражаетъ предъ Своимъ Отцемъ Свое отношеніе къ міру и къ ученикамъ: *Отче праведный, и міръ Тебе не позна, Азъ же Тя познахъ, и сіи познаша, яко Ты Мя послалъ еси. И сказахъ имъ имя Твое, и скажу (его), да*

любы, ежже Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ (25—26). Іисусъ Христосъ говоритъ здѣсь Своему Небесному Отцу, какъ праведному Отцу, чтобы показать, что Отцу, по Его правдѣ, слѣдуетъ разсудить между Христомъ и вѣрующими въ Него, съ одной стороны, и невѣрующимъ міромъ—съ другой, и что высказанное Имъ желаніе *(хощу да...* ст. 24) не можетъ быть не исполненнымъ.—Міръ не позналъ Отца, потому что не принялъ Единороднаго Сына Божія, Который одинъ могъ показать ему Отца; но Христосъ позналъ Его отъ вѣчности и открылъ Его Своимъ ученикамъ. И хотя они еще не такъ познали Отца, какъ бы слѣдовало, однако они твердо стоятъ въ томъ, что Іисусъ посланъ Богомъ (ср. XVI, 30); отсюда они получатъ свѣтъ, который освѣтитъ имъ всю истину. Въ словахъ: *и скажу,* молитва переходитъ *въ обѣтъ;* Господь говоритъ, что Онъ и впредь будетъ просвѣщать Своихъ учениковъ, именно посредствомъ Утѣшителя (Римлян. V, 5), чтобы любовь Божія и Онъ Самъ (во Святомъ Духѣ, Который есть Духъ любви) пребывали въ нихъ (ср. XIV, 20 и д. Галат. II, 20). Книга Дѣяній Апостольскихъ показываетъ, какъ величественно исполнилось это обѣтованіе. Послѣ этой молитвы, послѣднее слово которой была любовь, Господь вступаетъ на путь страданій, на которомъ Онъ, въ продолженіи немногихъ часовъ, совершаетъ Свое дѣло и восходитъ къ славѣ, которую Онъ имѣлъ у Отца прежде сложенія міра (Руков. для сел. паст. 1868 г. I, стр. 472—490. 543—556. 736—756).

О томъ, какъ понимать слова Іисуса Христа: *въ дому Отца Моего обители многи суть* (Іоан. XIV, 2).

(Св. Ефрема Сирина.)

Многими обителями у Отца Спаситель называетъ мѣры разумѣнія водворяемыхъ въ оной странѣ, разумѣю же тѣ различія и разности, съ какими наслаждаются тамъ, сообразно съ своимъ разумѣніемъ. Ибо Господь наименовалъ многія обители, не по разности мѣстъ, но по степени дарованія. Какъ лучами солнца чувственнаго наслаждается всякій, по мѣрѣ чистоты зрительной силы и впечатлѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника, освѣщающаго одинъ домъ, каждый лучъ бываетъ различенъ, между тѣмъ какъ свѣтъ не дѣлится на многіе свѣтильники; такъ въ будущій вѣкъ всѣ праведные водворяются нераздѣльно, въ единой радости. Но каждый въ своей мѣрѣ озаряется единымъ мысленнымъ солнцемъ и по степени достоинства почерпаетъ радость и веселіе, какъ-бы въ одномъ воздухѣ и мѣстѣ, сѣдалищѣ, созерцаніи и образѣ. И никто не видитъ мѣры и высшаго и низшаго, чтобы, смотря на превосходящую благодать другаго и на свое лишеніе, не имѣть въ этомъ для себя причины къ скорби и безпокойству. Да не будетъ сего тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но всякій, по данной ему благодати, въ своей мѣрѣ веселится внутренно, а по внѣшности у всѣхъ одно созерцаніе и одна радость! Кромѣ сихъ двухъ чиновъ нѣтъ инаго посредствующаго чина, разумѣю же одинъ чинъ горній, а другій дольній; средина же ихъ—сіе разнообразіе въ различіи воздаяній.

А если сіе справедливо, какъ и дѣйствительно справедливо; что̀ безразсуднѣе или безумнѣе, какъ говорить: «довольно для меня избѣжать геенны, а чтобы войти въ Царство, о томъ не забочусь». Избѣжать геенны уже значитъ войти въ Царство, равно какъ лишиться Царствія значитъ идти въ геенну. Писаніе не говоритъ намъ о трехъ странахъ. Но что̀ же говоритъ? *Егда пріидетъ Сынъ Человѣческій во*

славѣ Своей, поставитъ овцы одесную, а козлища ошуюю (Матѳ. XXV, 31, 33). Не сказалъ о трехъ чинахъ, но одинъ чинъ одесную, а другой ошуюю, и отдѣлилъ предѣлы ихъ по селеніямъ ихъ, сказавъ: *идутъ сіи*, т. е., грѣшники, *въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Матѳ. XXV, 46), *и просвѣтятся, яко солнце* (Матѳ. XIII, 43); и еще: *пріидутъ отъ востокъ и западъ, и возлягутъ на лонѣ Авраамовомъ во Царствіи Небеснѣмъ. Сынове же Царствія изгнани будутъ во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ* (Матѳ. VIII, 11—12). (Тв., ч. III, стр. 31).

Блаженнаго Августина о томъ, какъ отшедшій отъ насъ ко Отцу Господь уготовляетъ вѣрнымъ Своимъ овители? (Іоан. XIV, 2—3.)

Господь рекъ: *въ дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ* (Іоан. XIV, 2),—чѣмъ довольно показалъ, что есть уже тамъ многія обители, и нѣтъ нужды какую либо готовить. Но Онъ же глаголетъ: *и аще пойду и уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ Себѣ, да, идѣже есмь Азъ, и вы будете* (тамъ же, ст. 3). Какимъ образомъ Онъ идетъ и готовитъ мѣсто, если уже есть многія обители? Какимъ образомъ онѣ въ дому Отца уже существуютъ, какъ не требующія уготовленія, и еще не существуютъ, потому что должны быть уготовлены? Какъ думать о семъ, если не такъ же, какъ объ изрѣченіи пророка, который называетъ Бога сотворившимъ будущее? Ибо не говоритъ пророкъ: имѣющій сотворить, грядущая, но,—*сотворивый грядущая* (Исаія. XLV, 11). Сотворилъ предопредѣленіемъ, а имѣетъ сотворить совершеніемъ. Такъ и обители уготовалъ и готовитъ, и тѣ же самыя, какія уготовалъ, готовитъ Тотъ, Кто сотворилъ грядущая: уготовилъ предопредѣленіемъ, готовитъ совершеніемъ. Итакъ онѣ уже существуютъ въ предопредѣленіи, а еслибъ не были, то сказалъ бы: пойду и уготовлю, т. е. предназначу. Но какъ ихъ нѣтъ еще въ совершеніи, то говоритъ: *и аще пойду и уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ Себѣ.*

Готовитъ же нѣкоторымъ образомъ обители, обителямъ уготовляя обитателей. Ибо въ словахъ Его: *въ дому Отца Моего обители многи суть*, что̀ будемъ разумѣть подъ именемъ дома Божія, какъ не храмъ Божій? Что̀ же храмъ, спросимъ о томъ Апостола, и онъ скажетъ: *храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Коринѳ. III, 17). Это есть и Царство Божіе, которое Сынъ предастъ Отцу (1 Коринѳ. XV, 24). Это Царство Небесное. Уже и нынѣ это Царствомъ называется, хотя еще созывается. Еще не царствуетъ сіе Царство, но наконецъ будетъ сказано ему: *пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте Царство* (Матѳ. XXV, 34), то есть вы, которые были Царствомъ и не царствовали, пріидите, царствуйте, дабы чѣмъ были въ надеждѣ, могли быть на самомъ дѣлѣ. Итакъ сей домъ Божій, этотъ храмъ Божій, это Царство Божіе и Царство Небесное еще созидается, еще устраивается, готовится, собирается. Въ немъ обители будутъ, потому что еще готовитъ ихъ Господь; въ немъ уже есть онѣ, поелику уже предназначилъ ихъ Господь.

Но какъ это отошелъ Онъ для уготовленія, когда насъ самихъ уготовлялъ; а сего не будетъ, если оставитъ насъ? Уразумѣваю, Господи, какъ могу: Ты конечно, означаешь то, что, дабы уготовились оныя обители, праведникъ дол-

женъ жить вѣрою (Римлян. I, 17). Ибо кто *отходитъ* (странствуетъ) *отъ Господа* (2 Коринѳ. V, 9), имѣетъ нужду жить по вѣрѣ, и вѣрою уготовляется къ видѣнію. *Блажени*, сказано, *чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. V, 8), и еще: *вѣрою очищаетъ сердца ихъ* (Дѣян. XV, 9). А вѣра, коею очищаются сердца имѣющихъ зрѣть Бога, пока они странствуютъ, относится къ тому, чего не видимъ; ибо если видимъ, то нѣтъ вѣры. Вѣрующій собираетъ заслугу, видящій получаетъ награду. Да идетъ убо Господь и уготовитъ мѣсто; да идетъ, чтобы не было видѣнія, да сокроется, чтобъ было вѣрованіе. Ибо уготовляется мѣсто по той мѣрѣ, какъ мы проводимъ жизнь по вѣрѣ. Будемъ желать того, въ кого вѣруемъ, чтобы имѣть, кого желаемъ: желаніе любленія есть уготовленіе селенія (обители). Такъ, Господи, уготовляй, что̀ уготовляешь; ибо Ты уготовляешь насъ Себѣ и Себя намъ, уготовляя мѣсто Себѣ въ насъ и въ Себѣ намъ, какъ и рекъ Ты: *будите во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. XV, 4). Въ томъ будетъ состоять различіе наградъ по различію заслугъ, что одинъ причастенъ Тебя болѣе, другой менѣе; въ этомъ будетъ состоять множество обителей, по разнообразію обитателей, и притомъ всѣхъ тамъ живущихъ вѣчно и блаженствующихъ безконечно (Изъ 68 тракт. на Евангеліе Іоанна, сокращенно).

Не видѣть и однако видѣть (Іоан. XIV, 9; I, 18).

«*Бога не видалъ никто:* Единородный Сынъ, сущій въ нѣдрѣ Отчемъ, Онъ явилъ» (Іоан. I, 18).—«Іисусъ сказалъ (Филиппу): столько времени Я съ вами, и ты не знаешь Меня, Филиппъ? *Видѣвшій Меня видѣлъ Отца;* какъ же ты говоришь: покажи намъ Отца»? (Іоан. XIV, 9.) Нѣкоторые изъ читателей въ приведенныхъ текстахъ могутъ видѣть противорѣчіе. Но при внимательномъ чтеніи ихъ оказывается, что они подтверждаютъ себя взаимно и нисколько не противорѣчатъ одинъ другому. Въ первомъ изъ нихъ содержится объясненіе *невидимости* Божественнаго существа. «*Бога не видалъ никто*». Человѣческія грѣховныя очи не могутъ взирать на Него. Скорѣе они въ состояніи были бы смотрѣть на сіяющее солнце, чѣмъ въ лицо Тому, предъ Кѣмъ даже высшіе чины Ангельскіе закрываютъ свои лица (Исаія VI, 2). «Онъ обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, Котораго никто изъ человѣковъ не видѣлъ и видѣть не можетъ» (1 Тимоѳ. VI, 16). Этой истинѣ учило Іудеевъ все устройство ихъ Богослуженія, особенно же святое святыхъ и завѣса предъ нимъ. Отсюда мы видимъ преимущества откровенія Божія во Христѣ Іисусѣ и чрезъ Христа Іисуса; «Онъ есть Единородный Сынъ, сущій въ нѣдрѣ Отчемъ»; слѣдовательно Онъ одно съ Нимъ и пришелъ отъ Него, чтобы возвѣстить намъ о Самомъ Богѣ, существѣ Его, и открыть Его волю. Изъ словъ перваго текста мы *познаемъ* также и Іисуса Христа въ Его *Божествѣ*, какъ «истиннаго Бога и вѣчную жизнь», но принявшаго на Себя человѣческую плоть и подавшаго намъ возможность познать гораздо яснѣе, чѣмъ прежде когда либо, чрезъ Себя, какъ чрезъ покровъ, собственное существо Божіе.

Совершенно согласны слова перваго текста съ словами втораго, содержащими слова Господа: «видѣвшій Меня видѣлъ Отца». Филиппъ хотѣлъ, чтобы Іисусъ показалъ ему Отца, т. е. онъ желалъ видѣть Самого Бога Отца,—на это Господь Іисусъ отвѣчалъ ему порицаніемъ и вмѣстѣ наставленіемъ. Онъ далъ замѣтить Филиппу, что совершенныя Имъ чудеса, что истины, ко-

торымъ Онъ училъ, равно какъ и всѣ другія доказательства Его Божества, не имѣли доселѣ желаннаго успѣха для полнаго познанія Его. Въ этомъ порицаніе Филиппу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ Господа содержитъ и необходимое ему наставленіе, такъ какъ Онъ здѣсь яснымъ образомъ открылъ Свое Божество и Свое единосущіе съ Отцемъ, говоря, что кто видитъ Сына, видитъ и Отца. Іисусъ Христосъ въ Своемъ человѣческомъ естествѣ есть Слово и посланникъ Отца, и Его существо и воля, Его слова и дѣла суть существо, воля, слова и дѣла Отца; поэтому выраженіе «видѣть Отца» въ лицѣ Іисуса Христа находится въ полномъ согласіи съ словами Евангелиста: «Бога не видалъ никто»; подобное высказывается и въ другихъ мѣстахъ Священнаго Писанія, какъ напримѣръ въ Исходѣ XXXIII, 20. 1 Тимоѳ. VI, 16 и др.

Въ краткихъ словахъ все это можно представить еще яснѣе: такъ какъ мы въ лицѣ Іисуса Христа имѣемъ Самого истиннаго Бога, то въ Немъ мы видимъ и Самого Бога, и такъ какъ Іисусъ Христосъ едино со Отцемъ, то Онъ могъ сказать: «видящій Меня видитъ Отца». Но такъ какъ принятое Имъ на Себя человѣчество прикрывало Его собственное существо и Его полную славу, ибо Онъ былъ Богъ, но «явившійся во плоти», то слѣдовательно въ человѣческомъ лицѣ Его видѣли не существо Бога, какъ Онъ пребываетъ на небѣ, видѣли Бога, но не такъ, какъ могутъ видѣть Его святые; въ лицѣ Спасителя и видѣли Бога, и вмѣстѣ не видѣли, видѣли Бога, но въ прикровенномъ Его величіи. Такъ на горѣ преображенія, гдѣ Іисусъ Христосъ показалъ славу Свою, Апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ иначе видѣли Его, чѣмъ всѣ другіе Апостолы. Такъ выясняется истинность того и другаго текста и ясно представляется полное ихъ согласіе между собою. «Бога никто не видалъ», и однако Его видѣли въ лицѣ Іисуса Христа, только не въ совершенномъ Его небесномъ величіи. Въ полномъ согласіи съ этимъ говоритъ поэтому Іоаннъ: «Слово», Которое не только въ началѣ было у Бога, но и Само было Богъ (Іоан. I, 1), стало плотію и обитало съ нами, и мы *видѣли* славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца« (I, 14).

Познаемъ величіе благости Божіей, открытой намъ въ Іисусѣ Христѣ. Богъ открылъ намъ Себя въ Своихъ дѣлахъ, въ Своемъ словѣ, но полнѣе и совершеннѣе Онъ открылъ намъ Себя во Христѣ Іисусѣ, потому что «во Христѣ былъ Богъ» (2 Коринѳ. V, 19). Мы не только познаемъ чрезъ Него Бога Отца; но и вступаемъ въ общеніе съ Нимъ. И если отвергавшіе Моисея и пророковъ привлекали на себя гнѣвъ Божій, «то сколь тягчайшему, думаете, наказанію повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія», не почитаетъ и отвергаетъ Іисуса Христа (Евр. X, 28—29). «Кто не чтитъ Сына, тотъ не знаетъ и Отца, пославшаго Его» (Іоан. V, 23), и для него нѣтъ прощенія, нѣтъ блаженства; «но нѣкое страшное ожиданіе суда и ярость огня, готоваго пожрать противниковъ» (Евр. X, 27). И такіе противники всѣ невѣрующіе съ своимъ невѣріемъ. «Поэтому не будьте невѣрующими, но вѣрующими (Воскр. Чт. 1876 г., т. I, стр. 260—261).

Св. Василія Великаго на ст. 9, XIV гл.

Видѣвый Мене видѣ Отца: видѣлъ не отпечатлѣніе, не образъ, потому что Божіе естество не допускаетъ въ себѣ сложности, но благость воли, которая созерцается во Отцѣ и въ Сынѣ, какъ нѣчто сопутственное сущности,

подобное и равное ей, лучше же сказать, тождественное съ нею (Тв. св. оо., т. VII. Тв. св. Василія Великаго ч. III, стр. 263).

Его же на ст. 17.

Духъ истины, Егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его, вы же знаете Его, яко въ васъ пребываетъ. Ибо плотскій человѣкъ, у котораго умъ не упражнялся въ созерцаніи, лучше же сказать, весь, какъ въ тинѣ, погребенъ въ плотскомъ мудрованіи, не можетъ воззрѣть на духовный свѣтъ истины. Поэтому міръ, то есть жизнь, порабощенная плотскимъ страстямъ, не пріемлетъ благодати Духа, какъ больной глазъ—свѣта солнечныхъ лучей. А ученикамъ Своимъ, о которыхъ Господь засвидѣтельствовалъ, что они, слѣдуя ученіямъ Его, имѣютъ чистоту жизни, даетъ Онъ и силу быть тайнозрителями и созерцателями Духа. Ибо говоритъ: *уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (Іоан. XV, 3). Посему *міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, вы же знаете Его, яко въ васъ пребываетъ.* Тоже говоритъ и Исаія: *утверждаяй землю, и яже на ней, и даяй дыханіе людемъ, иже на ней, и Духъ ходящимъ на ней* (Исаія XLII, 5). О попирающихъ земное и о ставшихъ выше него свидѣтельствуетъ пророкъ, что они достойны дара Святаго Духа. Посему чѣмъ должно признать Того, Кто невмѣстимъ для міра и созерцаемъ одними святыми, по причинѣ чистоты ихъ сердца? или какія чествованія приличны Ему? (тв. св. оо., т. VII, ч. IX, стр. 315.)

Его же на ст. 28.

Отецъ Мой, болій Мене есть. Большее называется бо́льшимъ или по величинѣ, или по времени, или по достоинству, или по силѣ, или какъ причина. Но нельзя сказать, что Отецъ больше Сына величиною, потому что безтѣлесенъ. Но не больше и по времени; ибо Сынъ—Создатель временъ. Но не больше и по достоинству; ибо не сталъ тѣмъ, чѣмъ прежде не былъ. Не больше и по силѣ; ибо *вся, яже Отецъ творитъ, и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. V, 19). Не больше и какъ причина; потому что одинаково больше Его и насъ если только такая же причина Его, какъ и насъ. Посему, сказанное показываетъ болѣе честь, воздаваемую Сыномъ Отцу, нежели униженіе Сказавшаго.

Притомъ большее не непремѣнное иносущно; ибо говорится, что человѣкъ больше человѣка, конь больше коня. Поэтому хотя и говорится, что Отецъ больше, но не слѣдуетъ изъ сего, что Онъ иной сущности. Вообще же сравненія употребляются между односущными, а не иносущными. Хотя говорится, что человѣкъ больше безсловеснаго, или безсловесное больше бездушнаго, но не собственно; собственно же человѣкъ больше человѣка, и безсловесное больше безсловеснаго. Посему Отецъ единосущенъ Сыну, хотя и говорится, что больше Сына (тв. св. оо., т. VII, ч. III, стр. 165).

Но и другое понятіе заключается въ семъ изрѣченіи. Ибо удивительно ли, что Отца исповѣдалъ бо́льшимъ Себя Тотъ, Кто есть Слово и сталъ плотію, когда показался Онъ умаленнымъ и предъ Ангелами по славѣ, и предъ человѣками по виду? Сказано: *умалилъ еси Его малымъ чимъ отъ Ангелъ* (Псал. VIII, 6); и еще: *а умаленнаго малымъ чимъ отъ Ангелъ* (Евр. II, 9); и: *видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты: но видъ Его уменъ паче всѣхъ человѣкъ* (Исаія LIII, 2—3). Все же сіе претерпѣлъ по великому Своему человѣколюбію къ твари, чтобы погибшую овцу спасти и спасенную пріобщить къ стаду

и шедшаго изъ Іерусалима въ Іерихонъ и *впадшаго въ разбойники* опять ввести здравымъ въ его отечество. Ужели въ укоризну Ему обратитъ еретикъ и ясли, чрезъ которыя Самъ Онъ, будучи безсловеснымъ, воспитанъ Словомъ? Ужели станетъ указывать и на нищету, потому что Сынъ тектоновъ не имѣлъ у Себя и малаго ложа? Потому Сынъ меньше Отца, что ради Тебя сталъ мертвецомъ, чтобы тебя избавить мертвости и содѣлать участникомъ небесной жизни. Поэтому иной обвинитъ и врача за то, что наклоняется къ ранамъ и обоняетъ зловоніе, чтобы уврачевать страждущихъ (Тв. св. оо., т. X, ч. VI).

Азъ есмь лоза, вы же рождіе (Іоан. XV, 5).

Слова сіи усвояютъ намъ что-то великое, но вмѣстѣ указываютъ и всю нашу малость.

Мы въ добрѣ не самостоятельныя деревья и только «рождіе». Пусть помнятъ это тѣ изъ насъ, кои любятъ хвалиться самостоятельностью, благоразуміемъ, добрыми дѣлами, ревностью. Мы не болѣе, какъ вѣтви древняго, испорченнаго древа, и всѣ преимущества, которыми мы хвалимся, не дѣлаютъ насъ свободными отъ грѣха; даже грѣхъ усиливается въ насъ по той мѣрѣ, какъ увеличивается горделивая надежда на свои силы и способности. Мы бываемъ только крѣпкими деревьями въ закоренѣлыхъ предразсудкахъ и грѣховныхъ дѣйствіяхъ; но—въ совершеніи правды, въ христіанскомъ самоотверженіи, въ истинно полезномъ трудѣ—слабымъ рождіемъ. Всѣ мы желаемъ лучшаго; но произвесть это лучшее, сдѣлать самихъ себя лучшими не можемъ.

Мы «рождіе» лозы небесной. Въ этомъ заключается и высокое утѣшеніе для насъ. Какъ лоза виноградная постоянно сообщаетъ свой сокъ своимъ вѣтвямъ, такъ и Господь постоянно сообщаетъ душѣ Свою всеоживляющую силу. Что мы имѣемъ нужду въ этой силѣ, что наша духовная жизнь требуетъ освѣженія и укрѣпленія, это чувствуетъ христіанинъ всегда, особенно же когда вступаетъ въ борьбу съ врагами спасенія своего и хочетъ принесть плоды истинной добродѣтели. И вотъ, Господь предлагаетъ намъ не только Свою помощь, но и Самъ хочетъ вселиться и обитать въ насъ. Подъ видомъ хлѣба предлагаетъ намъ Свою Плоть, подъ видомъ вина Свою Кровь. Небесная лоза чудеснымъ образомъ соединяется съ рождіемъ и вливаетъ въ него свою Божественную жизнь. Цѣлыми потоками изливается эта жизнь въ нашу природу во время настоящей духовной весны, подобно тому какъ обыкновенная виноградная лоза сугубо источаетъ свой сокъ во время весны чувственной.

Но есть и различіе между вѣтвями земной лозы и вѣтвями лозы небесной. Первыя имѣютъ многіе органы, чрезъ которые втекаетъ въ нихъ жизненный сокъ, а у послѣднихъ одинъ органъ—вѣра. Безъ вѣры ни одна капля небесной жизни не войдетъ въ сердце наше. Хотя и оросятся уста, но сердце останется сухимъ, холоднымъ и мертвымъ.

Итакъ, есть ли въ тебѣ этотъ органъ, чрезъ который втекаетъ небесная жизнь въ душу нашу? т. е. есть ли крѣпкая живая вѣра въ Искупителя нашего, Іисуса Христа? Если есть, то благо тебѣ! Причащеніе Божественнаго Тѣла и Крови Христовой послужитъ для тебя источникомъ вѣчной и блаженной жизни духовной; ты самымъ тѣснѣйшимъ образомъ соединишься съ Своимъ Господомъ, и Онъ будетъ во вѣки твоимъ помощникомъ и покровителемъ. —Но что, если вѣра твоя слаба? Если ты приступаешь къ этому страшному таинству, обуреваемый сомнѣніями? Въ такомъ случаѣ

угрожаетъ тебѣ страшная опасность быть всегда отторгнутымъ отъ лозы небесной. И потому постарайся прогнать эту грѣховную тьму. Обратись къ Господу съ пламенной молитвою, и вѣра, крѣпкая и живая вѣра, не замедлитъ явиться въ сердцѣ твоемъ. Самъ Господь, вошедъ въ твою внутренность, усмотритъ ростокъ твоей вѣры, возраститъ его и укрѣпитъ навсегда (Воскр. Чт., г. XXII, стр. 416—417).

Св. Василія Великаго на тотъ же стихъ.

Говорятъ: «если Спаситель—*Лоза*, мы же *рождіе*, и Отецъ дѣлатель; а *рождіе* естественно съ лозою, лоза же не соестественна съ дѣлателемъ, то Сынъ соестественъ съ нами, и мы часть Его. Но Онъ не соестественъ съ Отцемъ, напротивъ того, по всему съ Нимъ инаковъ»! Мы скажемъ имъ, что Спаситель назвалъ насъ рождіемъ не Божества Своего, но плоти Своей, по словамъ Апостола, который сказалъ: мы *тѣло Христово, и уди отъ части* (1 Коринѳ. XII, 27); и еще: *не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша удове Христове суть* (1 Кор. VI, 15)? И въ другомъ мѣстѣ: *яковъ перстный, такови и перстніи: и яковъ небесный, тацы же и небесніи: и якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго* (1 Коринѳ. XV, 48—49). Если *мужу глава Христосъ, глава же Христу Богъ* (1 Коринѳ. XI, 3), а человѣкъ не единосущенъ Христу Богу (потому что не Богъ), но Христосъ единосущенъ Богу (потому что Богъ); то значитъ, что Христосъ не въ томъ же смыслѣ глава мужу, въ какомъ Богъ глава Христу. Ибо природа твари и Творческое Божество не сходятся въ одномъ и томъ же. Поэтому Богъ глава Христу, какъ Отецъ; а Христосъ—наша глава, какъ Творецъ. Ежели есть на то воля Отца, чтобъ мы вѣровали въ Сына Его: *се есть воля Пославшаго Мя, да всякъ видяй Сына и вѣруяй въ Него имать животъ вѣчный* (Іоан. VI, 40); то Сынъ—не Сынъ воли; иначе оказывается, что мы вѣруемъ въ Него, или вмѣстѣ съ Нимъ, или прежде Его (Тв. св. оо., т. VII, ч. III, стр. 169—170).

Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ (Іоан. XVI, 14).

Итакъ Святый Духъ подаетъ христіанамъ не иную, особенную истину, а истину Христову: только человѣческіе учителя предлагаютъ таковое ученіе, которымъ опровергаются мнѣнія учителей предшествующихъ. Божественная истина—одна, нераздѣльна и неизмѣнна.

Онъ Мя прославитъ. Благодать Святаго Духа даруетъ христіанину силы усвоять искупительныя заслуги Іисуса Христа и проразумѣвать Его Божественное ученіе. Самая вѣра въ Іисуса Христа невозможна безъ благодати: *никтоже*, говоритъ Апостолъ, *можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Коринѳ. XII, 3). Посему озареніе и просвѣщеніе отъ Святаго Духа служитъ къ прославленію имени Христова во Святой Церкви, а чрезъ нее и во всемъ человѣчествѣ.

Яко отъ Моего пріиметъ. Слова сіи изъясняетъ Самъ Іисусъ Христосъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть: сего ради рѣхъ, яко отъ Моего пріиметъ* (15). Истина, подаваемая Святымъ Духомъ, есть та же истина Христова, потому что ея источникъ въ тріипостасномъ Богѣ есть одинъ и тотъ же.

Іисусъ Христосъ говоритъ о Своемъ ученіи: *Азъ отъ Себе не глаголахъ: но пославый Мя Отецъ, Той Мнѣ заповѣдь даде, что реку и что возглаголю* (Іоан. XII, 49). То же самое говоритъ

Господь и Спаситель нашъ объ ученіи, которое подаетъ христіанамъ Духъ Святый: *се не отъ Себе глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать* (13). Посему ученіе, исходящее отъ Святаго Духа, не полагаетъ *основанія инаго, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Коринѳ. III, 11). Святый Духъ не основываетъ въ человѣчествѣ иной Церкви, кромѣ Церкви Христовой. Святый Духъ, укрѣпляя и просвѣщая христіанина, только содѣлываетъ его истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ, живымъ членомъ и вѣрнымъ сыномъ Церкви Христовой.

Сообразно съ этимъ, нужно судить о тѣхъ лжеучителяхъ и лжепророкахъ, которые, подъ предлогомъ мнимаго озаренія и просвѣщенія свыше отъ Святаго Духа, проповѣдуютъ новое ученіе, и какъ сами отпадаютъ, такъ и другихъ отторгаютъ отъ общенія съ Церковью Христовой. Эти *лживіи пророцы* являлись еще во времена Апостольскія (1 Петр. II, 1) и соблазняли сердца простодушныхъ христіанъ. Эти *лживіи пророцы* не такъ давно выступали во множествѣ между народами запада и, говоря о непосредственномъ озареніи отъ Святаго Духа, о внутреннемъ ясновидѣніи, объ откровеніи истины въ ихъ собственномъ сердцѣ, расторгли окончательно, и безъ того уже ослабѣвшее, единство Христовой Церкви между поименованными народами: каждый изъ такихъ учителей выдавалъ за откровеніе свыше то, что всходило на его омраченное и испорченное сердце. Изъ предыдущаго видно, что эти лжеучители внемлютъ не Духу истины (Іоан. XV, 13), Который даруетъ Свое благодатное просвѣщеніе только въ Церкви Христовой и для преспѣянія Церкви Христовой; нѣтъ, они внемлютъ, по Апостолу, *духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ* (1 Тимоѳ. IV, 1), потому что и духъ тьмы, который отъ *Бога нѣсть и есть антихристовъ* (1 Іоан. IV, 3), распространяетъ свои темныя откровенія, дабы возмущать свѣтъ истины Христовой. Нѣтъ, тотъ не имѣетъ Святаго Духа истины, *кто инаго учитъ и не приступаетъ къ здравымъ словесемъ Господа нашего Іисуса Христа* (1 Тимоѳ. VI, 3), которыя хранитъ и проповѣдуетъ Святая Церковь Христова. Кто отступаетъ отъ единства Церкви и чистоты ея ученія, тотъ напрасно бы ссылался на внутреннее свидѣтельство объ озареніи свыше; потому-то не только свидѣтельство испорченнаго человѣческаго сердца, но и всякое другое или высшее свидѣтельство ничего не значитъ въ этомъ случаѣ и есть несчастное обольщеніе: *аще мы*, говоритъ Апостолъ, *или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Галат. I, 8).

Возлюбленніи, такъ увѣщаваетъ святый Іоаннъ, *не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ* (1 Іоан. IV, 1). Поистинѣ и въ наше время много лжепророковъ, мнимоозаренныхъ отъ Святаго Духа; чтобы избѣжать искушеній, христіанинъ всячески долженъ держаться общенія со Святою Церковію, въ коей неизмѣнно дѣйствуетъ Духъ Святый, Духъ истины (Воскр. Чт., г. XXII, стр. 81—82).

Св. Василія Великаго на тотъ же ст.

Господь сказалъ о Духѣ Святомъ: *Онъ Мя прославитъ* не какъ тварь, но какъ Духъ *истины*, ясно показывающій въ Себѣ истину; и какъ Духъ премудрости, въ величіи Своемъ открывающій Христа, Божію силу и Божію премудрость. А какъ Утѣшитель, Онъ показываетъ въ Себѣ благость пославшаго Его, Утѣшителя, и въ достоин-

ствѣ Своемъ являетъ величіе Того, отъ Кого исшелъ. Посему есть слава какая-то естественная, какъ слава солнца—свѣтъ; и есть слава какая-то внѣшняя, разсудительно воздаваемая достойнымъ, по свободному произволенію. Но и сія опять двоякая. Ибо сказано: *сынъ славитъ отца, и рабъ господина своего* (Малахія I, 6). Итакъ одна изъ нихъ рабская и воздается тварью; а другая, скажу такъ, домашняя (οἰκειακή), совершается Духомъ. Ибо Господь, какъ о Себѣ сказалъ: *Азъ прославихъ Тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ Мнѣ еси, да сотворю* (Іоан. XVII, 4), такъ и объ Утѣшителѣ говоритъ: *Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ* (Іоан. XVI, 14). И какъ прославляется Сынъ Отцемъ, Который говоритъ: *и прославихъ и паки прославлю* (Іоан. XII, 28): такъ прославляется Духъ, по причинѣ общенія съ Отцемъ и Сыномъ, и по свидѣтельству Единороднаго, Который говоритъ: *всякъ грѣхъ и хула отпустится* вамъ *человѣкомъ: а яже на Духа хула, не отпустится* (Матѳ. XII, 31). (Тв. св. оо., т. VII, ч. III, стр. 301—302.)

О молитвѣ во имя Іисуса Христа (Іоан. XVI, 23—24).

(Филарета, митроп. Московскаго.)

Аминь, аминь глаголю, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Доселѣ не просисте ничесоже во имя Мое: просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ (Іоан. XVI, 23—24). Что̀ такое — *просить во имя Господа Іисуса?*—Просто сіе для простыхъ, искреннихъ и смиренныхъ сердецъ и безъ изслѣдовательнаго объясненія, или понятно для нихъ, или ощутительно. *Миро изліянное* имя Твое (Пѣсн. I, 2), Господи Іисусе! Когда изливается миро,— его благоуханіе распространяется, и не притупленное или не подавленное обоняніе безъ искусства и усилія получаетъ ощущеніе услаждающее и ободряющее. Когда имя Господа Іисуса изливается въ молитвѣ,—отъ него распространяется благоуханіе Святаго Духа; и не отягченное земными пристрастіями сердце, не заглушенное страстями чувство внутреннее, легко и просто пріемлетъ ощущеніе благодати, услаждающее и возвышающее. Такъ вѣрующая душа, въ имени Господа Іисуса, и чрезъ то въ благодати Духа Святаго, приближается къ Отцу Небесному и съ дерзновеніемъ вопіетъ Ему: *Авва Отче;* и съ дѣтскою простотою сказуетъ Ему свои прошенія; и Онъ благопріемлетъ ея прошенія, сопутствуемыя ходатайствомъ Его Единороднаго Сына и Единосущнаго Духа (изъ слова въ день обрѣтенія мощей пр. Сергія IV. 264. Ч. I, стр. 286).

Св. Василія Великаго на 5 ст. XVII гл.

Отче, прослави Мя.

Если Сынъ просилъ у Отца прославленія по Божеству, а не по человѣчеству, то просилъ, чего не имѣлъ, и ложно говорятъ — Евангелистъ: *видѣхомъ славу Его* (Іоан. I, 14), и Апостолъ: *не бы̀ша Господа славы распяли* (1 Коринѳ. II, 8), и Давидъ: *и внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII, 7). По этому просить не пріумноженія славы, но явленія домостроительства (Тв. св. оо., т. VII, ч. III. 170—171).

На 10 ст. XVII гл.

Моя вся Твоя суть, потому что къ Отцу возводится начало созданій, и *Твоя Моя,* потому что отъ Отца пріемлетъ Онъ и то, чтобы стать причиною созиданія, не въ томъ смыслѣ, что

Сынъ въ дѣйствіи пользуется пособіемъ Отца, и что Ему особыми частными приказаніями ввѣряется служеніе каждаго дѣла—это было бы рабственно и чрезмѣрно ниже Божескаго достоинства, но въ томъ смыслѣ, что Слово, исполнившись Отчими благами, отъ Отца возсіявъ, все творитъ по подобію Рождшаго. Ибо если не имѣетъ съ Нимъ разности по сущности, то не будетъ имѣть разности и по могуществу. А у кого сила равная, у тѣхъ непремѣнно и дѣйствованіе равное. Христосъ же *Божія сила и Божія премудрость* (Колос. I, 20). Посему *вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3) и *всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася* (Колос. I, 16), не въ томъ смыслѣ, что Онъ исполняетъ какое-то орудное и рабское служеніе, но въ томъ, что Онъ зиждительно совершаетъ Отчую волю (Тв. св. оо., т. VII, ч. III. 260—261).

Библіографическій указатель къ прощальной бесѣдѣ Іисуса Христа съ учениками (Іоан. XIII, 31—38—XVII гл.).

Святоотеческія толкованія.

1) Гл. XIV, 23—31. *Св. Григорія Двоеслова.* О сошествіи Святаго Духа, кн. II. 117—136.

2) Гл. XV, 12—16. *Св. Григорія Двоеслова.* О христіанской любви, кн. II. 82—96.

3) Гл. XVI, 33. *Препод. Исидора Пелусіота* на слова: *въ мірѣ скорбни будете,* ч. I. 294, ч. III. 48.

4) *Пр. Ефрема Сирина* на тотъ же ст., ч. III. М. 1859 г. 422.

5) Гл. XVI, 8, 11. Изъясненіе *св. Кирилла Александрійскаго.* Воскр. Чт., г. XI. 78—80.

Новѣйшія толкованія:

6) *С. Соллертинскаго.* О прощальной бесѣдѣ Іисуса Христа съ учениками. Подлинность этой части Евангелія Іоанна; толкованіе 1 ст. XIII гл. и слѣдующихъ объ омовеніи ногъ; изложеніе мыслей въ прощальной бесѣдѣ. Пастырство Христа Спасителя. 13—17.

7) Послѣднія бесѣды Господа нашего Іисуса Христа съ учениками. Христ. Чт. 1846 г., ч. II. 95—140.

8) XIV гл. Благоговѣйныя размышленія христіанина на каждый день мѣсяца. Духовн. Бес. 1875 г., ч. I. ст. 2—3. 267—270, ст. 13. 148—149; ст. 14—20. 239—240; ст. 16. 174—176; ст. 18. 185—186; ст. 24. 237—239; ст. 27. 218—219.

9) Гл. XIV, 6. *Златоверховникова. Азъ есмь путь, истина и животъ.* Воскр. Чт. 1880 г. 156—159.

10) Гл. XIV, 7. Мысли еп. Ѳеофана 157.

11) Гл. XIV, 13. *И еже аще что просите отъ отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отецъ въ Сынѣ.* Воскр. Чт. 1884 г. 655—656.

12) Мысли еп. Ѳеофана на тотъ же стихъ 158.

13) Гл. XIV, 27. О мирѣ душевномъ. Хр. Чт. 1827 г. XXVII. 240—242.

14) Гл. XV, 1. Мысли еп. Ѳеофана. 160.

15) Гл. XV, 2. *Всяку розгу, о Мнѣ не творящую плода, изметъ ю, и всяку, творящую плодъ, отребитъ ю, да множайшій плодъ принесетъ.* Воскр. Чт., г. IX. 39—40.

16) Гл. XV, 8—9. Благоговѣйныя размышленія христіанина на каждый день мѣсяца. Духовн. Бес. 1875 г. I. 188—205.

17) Гл. XV, 14. Желаешь ли имѣть друга? Хр. Чт. 1883 г. IV. 341—346.

18) Гл. XVI, 13, 17, 20, 23. Мысли еп. Ѳеофана. 161—165.

19) Благоговѣйныя размышленія христіанина на каждый день мѣсяца. Духовн. Бес. 1875 г., ч. I. Ст. 13—14. 234—236; ст. 16. 251—252; ст. 21—22. 236—237; ст. 33. 151—152.

20) XVII гл. *П. Преображенскаго.* Первосвященническая молитва Іисуса Христа. Стран. 1866 г., г. VII. 26—36. Іюль.

21) Ст. 21—23. Мысли еп. Ѳеофана. 165—166.

22) *Его же* о прощальной бесѣдѣ Іисуса Христа съ учениками. 103—104.

Въ словахъ и Бесѣдахъ:

23) Гл. XIV, 6. *Филарета, митроп. Московскаго.* О потребности воплощенія Сына Божія насъ ради человѣкъ. III. 340—341.

24) Ст. 16. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О сошествіи Святаго Духа на Апостоловъ и о томъ, что и мы отъ самаго крещенія носимъ въ себѣ сокровище благодати Святаго Духа, которое можетъ или обогатить насъ на всю вѣчность, или подвергнуть вѣчнымъ мученіямъ. Слово нед. Пятид.

25) Ст. 21. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Объ обѣтованіи явленія Іисуса Христа любящимъ Его. IV. 431—435.

26) Гл. XV, 18. *Филарета, митроп. Московскаго.* Обличенная Христомъ ненависть міра противъ послѣдователей Его не только была прежде, но продолжается и понынѣ. Вѣдать, что Христосъ былъ міромъ ненавидимъ, утѣшительна для насъ. IV. 449—452.

27) Гл. XVI, 3—11. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О томъ, какъ совершилось и совершается надъ міромъ обличеніе его Духомъ Святымъ *о грѣхѣ, о правдѣ и судѣ.* I. 498—511.

28) Ст. 22. *Филарета, митроп. Московскаго.* Объ обѣтованіи радости, данномъ Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ христіанамъ. III. 84—89.

29) Ст. 23—24. *Его же.* Съ обѣтованіемъ Господа о благоуспѣшности молитвы соединено ученіе о способѣ молитвы и поощреніе къ ней. IV. 263—267.

30) Ст. 28. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Смерть христіанина есть восходъ къ Отцу. II. 343—347.

31) Гл. XVII, 3. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Въ чемъ состоитъ истинное и ко спасенію нашему достаточное познаніе объ Іисусѣ Христѣ I. 228—234.

32) Ст. 3. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О томъ, что для достиженія живота вѣчнаго, требуется знать и содержать не два, а всѣ догматы христіанства, и содержать именно такъ, какъ ихъ содержитъ и преподаетъ Святая Православная Церковь. II. 361—366.

33) Ст. 13. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* О томъ, что благодать Святаго Духа служитъ для насъ источникомъ истинной и высочайшей радости. 112—120.

Страстное шествіе Господа нашего Іисуса Христа отъ Геѳсиманіи до Голгоѳы и беззаконный судъ надъ Нимъ Іудеевъ.

Сводъ Евангельскихъ сказаній.

Около Іерусалима, за долиною Іосафатовою, при подошвѣ горы Елеонской была весь, именуемая Геѳсиманіею. Туда Господь нашъ удалялся изъ Іерусалима на время ночи въ послѣдніе дни предъ страданіемъ Своимъ; тамъ же, въ масличномъ саду, молился Онъ до кроваваго пота предъ самымъ отшествіемъ Своимъ на вольную страсть нашего ради спасенія. Есть преданіе, что Геѳсиманія принадлежала священникамъ и левитамъ, и что въ ней паслись стада жертвенныхъ животныхъ: оттуда же повели на закланіе и Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра.

Послѣ того какъ, по знаку предателя, толпа вооруженныхъ слугъ архіерейскихъ, съ оружіемъ и дрекольми, взяла Господа Іисуса, добровольно предавшаго Себя въ руки враговъ Своихъ, всѣ *ученики оставльше Его бѣжаша,* и Святѣйшаго святыхъ, какъ преступника, повели на судъ первѣе всего къ первосвященику Аннѣ, тестю Каіафы. Надлежало проходить чрезъ потокъ Кедрскій, на которомъ былъ устроенъ небольшой мостъ, и здѣсь, по преданію древности, Іисусъ Христосъ, стертый столпившимся народомъ въ самый потокъ, испилъ отъ струй его, въ утоленіе жажды, возбужденной въ Немъ необыкновенными страданіями, душевными и тѣлесными, и такимъ образомъ буквально исполнилъ пророчество псалмопѣвца: *отъ потока на пути піетъ, сего ради вознесетъ главу* (Псал. CIX). Изъ долины Іосафатовой поднялись на Сіонъ и привели Господа въ домъ первосвященника, находившійся въ этой части города (Іоан. XVIII, 12—14).

Изъ всѣхъ учениковъ только Петръ и Іоаннъ осмѣлились послѣдовать за небеснымъ Учителемъ своимъ, но и то—недолго. Сей послѣдній знаемъ бѣ архіереови, и потому вошелъ во дворъ его, а Петръ остался предъ дверьми. Іоаннъ, желая ввести съ собою Петра, обратился къ придверницѣ, чтобы она пропустила его, и раба *дверница введе Петра*, но тотчасъ же замѣтила ему: *еда и ты ученикъ еси Человѣка Сего?* Какъ ни любилъ Петръ Господа и Учителя своего, но изъ страха отрекся отъ Него: *глагола: нѣсмь* (Іоан. XVIII, 15—17).

Архіерей допрашивалъ Іисуса Христа объ ученіи и ученикахъ Его. *Что Мя вопрошаеши?* отвѣчалъ ему Господь: *вопроси слышавшихъ, что глаголахъ имъ: се сіи вѣдятъ, яже рѣхъ Азъ.* Нече-

стивый рабъ нечестиваго первосвященника почелъ отвѣтъ Господа дерзостію и ударилъ Его по ланитѣ, сказавъ: *тако ли отвѣщаеши архіереови? Аще злѣ глаголахъ*, сказалъ на сіе Спаситель: *свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что Мя біеши?* (Іоан. XVIII, 19—23.)

Рабы и слуги разложили огонь на дворѣ и грѣлись, ибо время было холодное; къ нимъ присталъ и Петръ. Но тутъ узнала его *при свѣтѣ* (Лук. XXII, 56) другая рабыня и замѣтила *сущимъ тамо* (Матѳ. XXVI, 71), что и онъ былъ съ Іисусомъ Назарянином (Марк. XIV, 68). Петръ снова отрекся. *Мимошедшу же яко часу единому, инъ нѣкій* началъ говорить съ увѣренностью, что *воистину и сей съ Нимъ бѣ* (Лук. XXII, 59); это былъ родственникъ тому Малху, которому Петръ *урѣза ухо* въ Геѳсиманіи. *Не азъ ли тя видѣхъ въ вертоградѣ съ Нимъ*, говорилъ онъ Петру (Іоан. XVIII, 26). Другіе подтверждали, что и самый выговоръ его обличаетъ въ немъ Галилеянина (а ученики Христовы были всѣ изъ Галилеи). Тогда Петръ *начатъ ротитися и клятися, яко не вѣмъ Сего Человѣка, Егоже вы глаголете* (Марк. XIV, 71). *И абіе еще глаголющу ему, возгласи пѣтелъ. И обращся Господь воззрѣ на Петра: и помяну Петръ слово Господне, якоже рече ему, яко прежде даже пѣтелъ не возгласитъ, отвержешися Мене трикраты. И исшедъ вонъ плакася горько* (Лук. XXII, 60—62).

Отъ Анны повели Іисуса Христа *связанна* къ Каіафѣ, домъ котораго былъ также на Сіонѣ и—недалеко отъ дома Анны (Іоан. XVIII, 24). Тамъ архіереи и весь сонмъ искали лжесвидѣтельства на Іисуса но не находили. Приступили, наконецъ, два лжесвидѣтеля и стали доказывать, что Онъ хотѣлъ разрушить церковь сію рукотворенную и создать въ три дня иную нерукотворенную; но и тутъ расходились ихъ свидѣтельства (Марк. XIV, 56. Матѳ. XXVI, 61). Что было отвѣчать на такія обвиненія?—Господь молчалъ. *Вставъ архіерей посредѣ, вопроси Іисуса глаголя: не отвѣщаваеши ли ничесоже, что сіи на Тя свидѣтельствуютъ?*—Господь молчалъ. Обвинители, сами чувствуя слабость своихъ обвиненій, рѣшились прибѣгнуть къ послѣднимъ мѣрамъ: съ страшнымъ заклинаніемъ подошелъ архіерей къ Іисусу Христу, говоря: *заклинаю Тя Богомъ живымъ, да речеши намъ, аще Ты еси Христосъ.* Тогда Спаситель открылъ уста Свои, чтобы засвидѣтельствовать истину, и отвѣчалъ: *ты рекъ еси: обаче глаголю вамъ: отселѣ узрите Сына Человѣческаго сѣдяща одесную силы и грядуща на облацѣхъ небесныхъ.* Услышавъ такой отвѣтъ, архіерей растерзалъ ризы свои, забывъ заповѣдь Моусееву о первосвященникѣ: *главы да не откроетъ и ризъ своихъ не раздеретъ* (Левит. XXI, 10). *Что вамъ мнится?* сказалъ онъ потомъ обращаясь къ другимъ судіямъ. *Повиненъ есть смерти!* отвѣчали всѣ единогласно. И судъ былъ рѣшенъ! Судіи до утра отошли на свои ложа, а Господа Іисуса отдали на поруганіе воинамъ и слугамъ (Матѳ. XXVI, 50—66. Марк. XIV, 55—61. Лук. XXII, 63—71).

На другой день утромъ снова собрался совѣтъ обвинителей и рѣшилъ окончательно: предать Господа на пропятіе! Но сего нельзя было сдѣлать безъ приговора Римскаго прокуратора, и потому отправились всѣ, вмѣстѣ съ Обвиняемымъ, къ Пилату (Матѳ. XXVII, 1. Марк. XV, 1. Лук. XXII, 66; XXIII, 1).

Пришедши ко двору Пилата, Іудеи не хотѣли войти въ преторъ (въ судилище *языческое*), *да не осквернятся, но да ядятъ пасху*, и предавъ Іисуса Христа игемону, сами извнѣ клеветали

на Него, будто Онъ возбраняетъ платить дань кесарю и, выдавая Себя за царя Іудейскаго, производитъ возмущеніе въ народѣ. Прокураторъ, вѣроятно, скоро понялъ, въ чемъ собственно состоитъ обвиненіе, и хотѣлъ отдать все дѣло на ихъ собственный судъ; но они отказались судить сами, говоря, что *имъ не достоитъ убити никогоже* (отказываясь судить, произнесли однакожъ напередъ приговоръ свой Подсудимому). Тогда Пилатъ началъ допрашивать Іисуса Христа, точно ли Онъ царь, то есть выдаетъ Себя за царя. Господь съ кротостію и смиреніемъ отвѣчалъ ему, что Онъ воистину царь, но Царство Его не отъ міра сего, и потому нѣтъ у Него ни рабовъ, ни защитниковъ земныхъ,— что Онъ царь, но—духовный, пришедшій возвѣстить истину людямъ, и кто любитъ истину, тотъ и подданный Его Царства. Услышавъ о Царствѣ не земномъ, объ истинѣ, Пилатъ не хотѣлъ заниматься такимъ возвышеннымъ предметомъ. Напитанный, вѣроятно, современнымъ духомъ всеобщаго сомнѣнія (или *скептицизма*), онъ поспѣшилъ отклонить отъ себя разговоръ о вещахъ вышечувственныхъ, какъ нѣчто достойное занимать только посѣтителей школы, и потому, прервавъ отвѣтъ Господа восклицаніемъ: *что есть истина?*—вывелъ Его вновь къ Іудеямъ и объявилъ, что ни одной вины не обрѣтаетъ въ Немъ. Но обвинители съ ожесточеніемъ настаивали *на своемъ*, говоря, что Онъ развращаетъ народъ, уча вездѣ, начиная отъ Галилеи и до Іерусалима.

Слово *Галилея* внушило Пилату пріятную мысль—устранить себя отъ дѣла, въ которомъ ему не хотѣлось участвовать. Развѣ Онъ изъ *Галилеи?* спросилъ Пилатъ у Іудеевъ. Такъ, отвѣчали обвинители. И прокураторъ немедленно послѣ сего отправилъ ихъ съ Обвиняемымъ къ Ироду Галилейскому, бывшему тогда, по случаю праздника, въ Іерусалимѣ. Но Иродъ, не получивъ на вопросы *любопытства* своего никакого отвѣта отъ Господа, только наругался надъ Нимъ и, облекши Его въ бѣлую одежду (вѣроятно, въ знакъ Его невинности и вмѣстѣ поруганія надъ Нимъ, какъ надъ человѣкомъ, не стоющимъ того, чтобы изъ за него возникали такія волненія), снова возвратилъ къ Пилату.

Пилатъ свидѣтельствовался теперь поступкомъ Ирода, что нѣтъ причины осуждать Іисуса Христа на казнь смертную. Посему, если хотятъ, онъ готовъ отпустить Его, во исполненіе ихъ же обычая освобождать кого-нибудь изъ заключенныхъ предъ праздникомъ Пасхи. Но, раздраженные можетъ быть самою медленностью суда, Іудеи завопили: *не Сего, но Варавву!* Варавва же былъ разбойникъ. Повинуясь необходимости, прокураторъ хотѣлъ извѣдать еще одинъ способъ освободить Невиннаго: онъ предалъ Его воинамъ на раны и биченія, и потомъ, всего изъязвленнаго и окровавленнаго, въ терновомъ вѣнцѣ и багряной ризѣ вывелъ снова на террасу (лиѳостротонъ) и сказалъ: *се, Человѣкъ!* «*Возми, возми, распни Его!*» завопили Іудеи, разсвирѣпѣвшіе какъ звѣри при видѣ крови своей жертвы.— «Возьмите же вы и распните Его сами (если уже непремѣнно хотите этого), а я никакой вины не нахожу въ Немъ».

«Мы законъ имѣемъ, и по нашему закону Онъ долженъ умереть, потому что выдалъ Себя за Сына Божія!» Пилатъ опять вошелъ въ преторъ, опять началъ допросъ: *откуда Ты?* Но Господь уже не отвѣчалъ ему. Ибо что можно было сказать на вопросъ сей? Настоящаго отвѣта правитель не захотѣлъ бы слушать.—Мнѣ ли не отвѣчаешь, спросилъ снова Пилатъ, когда въ моихъ рукахъ власть и распять и

отпустить Тебя?—Нѣтъ, отвѣчалъ тогда Господь, *не имаши власти ни единыя на Мною, аще не бы тебѣ дано свыше.* То есть, ты только орудіе (хотя, безъ сомнѣнія, не чисто страдательное), а дѣло совершается по высшему предопредѣленію; посему предатели Мои имѣютъ большій твоего грѣхъ.

Послѣ такого кроткаго и знаменательнаго отвѣта, Пилатъ еще болѣе искалъ отпустить Іисуса; но Іудеи рѣшительно говорили: *аще Сею пустиши, нѣси другъ кесарю,* а это слово страшно было для прокуратора. Итакъ, и внутренній голосъ совѣсти, и порядокъ судопроизводства побуждали Пилата къ дѣлу правому: къ тому же, самая жена его присылала просить за Праведника, устрашенная сновидѣніемъ; но сильнѣе всего было для него, *аще Сего пустиши, нѣси другъ кесарю.* Въ послѣдній разъ Пилатъ вышелъ на лиѳостротонъ и, указывая на Іисуса, сказалъ: *се Царь вашъ!*—«Возми, возми, распни Его»!—закричалъ народъ, еще прежде подущенный архіереями. «Царя ли вашего распну»? «Не имамы царя, токмо кесаря»!—Пилатъ умылъ руки предъ народомъ, говоря: я чистъ отъ крови Праведника Сего,—смотрите вы!—«Кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ!» заключили безумные обвинители.

Тогда предаде Его имъ, да распнется (ср. Матѳ. XXVII, 19—24, 25. Лук. XXIII, 1—25. Іоан. XVIII, 26—40 и XIX, 1—13).

Долго жаждавшіе полной власти надъ Господомъ, Іудеи устремились на Него теперь какъ на добычу, которую боялись упустить изъ рукъ своихъ. Они взяли Божественнаго Страдальца, ввели Его внутрь двора, собрали всю спиру и начали ругаться Ему, кланяясь предъ Нимъ и говоря: радуйся, Царь Іудейскій! И били по главѣ тростью, и плевали на Него (Марк. XV, 16—19). Наконецъ, насытившись звѣрскими истязаніями безконечно долготерпѣливаго и милосердаго Страдальца, мучители возложили на Него крестъ и повели на пропятіе. Шествіе направилось отъ дворца Пилата къ воротамъ, называвшимся *судными,* изъ которыхъ путь шелъ, между прочимъ, къ лобному мѣсту.

Пресвятая Матерь Божія, говоритъ преданіе, услышавъ объ осужденіи на смерть Сына и Господа Своего, устремилась къ Пилату для испрошенія оправданія Ему, но когда прошеніе Ея осталось безъ успѣха, то потекла ближайшею улицею на встрѣчу печальной процессіи; съ Нею былъ и святой Евангелистъ Іоаннъ. Мѣсто встрѣчи сей осталось памятнымъ для христіанъ, и святая Елена построила на немъ церковь, развалины которой видны еще доселѣ.

Скоро Спаситель до того изнемогъ подъ тяжестью креста, что воины опасались, дабы Онъ не умеръ на пути, и потому *задѣли* встрѣтившемуся Симону Киринейскому понести крестъ Его.

Предъ концемъ города срѣтили Господа жены Іерусалимскія и плакали, смотря на невиннаго Страдальца; но, обратившись къ нимъ, Спаситель сказалъ: *не плачитеся о Мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ,* потому что для васъ наступаютъ дни страшнаго суда Божія (Лук. XXIII, 28—31). Прошедши ворота судные, скоро достигли, наконецъ, *Голговы* и тамъ *Господа славы* распяли на крестѣ между двумя злодѣями! (Воскр. Чт., г. XVII, стр. 521—525).

Іисусъ Христосъ въ саду Гѳсиманскомъ.

Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о внутреннемъ состояніи Іисуса Христа и другихъ событіяхъ въ саду Гѳсиманскомъ.

(Діакона Кудрявцева.)

По окончаніи вечери, Господь, по сказаніямъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ, пошелъ въ садъ Гѳсиманскій. Но этимъ однимъ пунктомъ и ограничивается ихъ согласіе; въ изображеніи послѣдующихъ же событій между ними начинается кажущееся разногласіе. Первые три Евангелиста согласно говорятъ, что Господь, по прибытіи въ садъ Гѳсиманскій, началъ скорбѣть, тужить и молиться до кроваваго пота (Матѳ. XXVI, 37—42. Марк. XIV, 33—41. Лук. XXII, 41—45). Между тѣмъ Евангелистъ Іоаннъ не только не передаетъ объ этихъ фактахъ, но даже выставляетъ какъ будто нѣчто противоположное имъ. По его словамъ, Господь радуется, что насталъ, наконецъ, этотъ день, такъ какъ онъ былъ для Него началомъ прославленія. Таково содержаніе всей такъ называемой первосвященнической молитвы, содержащейся въ XVII главѣ. Чтобы такое кажущееся противорѣчіе не могло показаться для кого либо дѣйствительнымъ противорѣчіемъ, мы считаемъ нужнымъ напомнить, что мы много бы очень приняли на себя, если бы взялись судить о душевномъ состояніи такой высочайшей личности, какова личность Богочеловѣка Іисуса. Если мы не въ состояніи бываемъ часто судить о самыхъ простыхъ явленіяхъ душевной жизни и притомъ обыкновенныхъ людей, то можемъ ли мы браться судить о такомъ исключительномъ состояніи, каково состояніе въ минуты предсмертныя, и при томъ такой личности, которая безпримѣрна въ исторіи человѣчества. Слѣдовательно можемъ ли мы сказать, что вотъ это состояніе должно быть, а это не должно? Почему не допустить, что какъ одно было, такъ было и другое. Если мы обратимъ вниманіе на характеръ смерти Господа, то именно къ тому заключенію и придемъ мы, что оба эти состоянія возможны. Если бы смерть Іисуса Христа была только дѣломъ случая, постигшаго Его на пути призванія, то Онъ, конечно, съ такимъ же точно свѣтлымъ взоромъ встрѣтилъ ее, какъ встрѣчали ее потомъ всѣ Его послѣдователи; но смерть Іисуса Христа была нѣчто другое, чѣмъ пожертвованіе въ обыкновенномъ смыслѣ. Въ ней коренилась вся сила расширенія ея Царства; чрезъ нее побѣжденъ князь этого міра; чрезъ нее уничтожена преграда, раздѣлявшая людей съ Богомъ. Но это одна, такъ сказать, свѣтлая сторона, между тѣмъ въ этой смерти есть другая сторона, которая также должна браться во вниманіе. Въ этой смерти сосредоточенъ, такъ сказать, весь тотъ гнѣвъ Божій, который тяготѣлъ надъ грѣшнымъ родомъ человѣческимъ. Христосъ есть Агнецъ Божій, Который взялъ на Себя грѣхи міра (Іоан. I, 29). Онъ рабъ Іеговы, удовлетворяющій Своею смертію правдѣ Божіей. Онъ даетъ душу Свою во избавленіе за многихъ (Матѳ. XX, 28). Онъ есть умилостивительная жертва за наши грѣхи (Римлян. III, 25). Отъ такого двоякаго характера смерти необходимо должно произойти и двоякое предсмертное состояніе. Онъ могъ радоваться, какъ Искупитель міра, дарующій Своею смертію безчисленныя блага роду человѣческому, но вмѣстѣ и скорбѣть, какъ жертва, несущая на Себѣ грѣхи всего міра, скорбѣть за весь родъ человѣческій. Вслѣдствіе всего этого нѣтъ, и не можетъ быть ничего удивительнаго, что

Господь отъ одного состоянія скоро перешелъ въ другое. Въ Своей первосвященнической молитвѣ Ему естественно было восторгнуться духомъ и возблагодарить Бога Отца за то, что Онъ помогъ Ему совершить то дѣло, которое Онъ принялъ на Себя; въ саду же Геѳсиманскомъ, при приближеніи смертнаго часа, Ему естественно было возмутиться духомъ и скорбѣть, скорбѣть не за Себя, а за родъ человѣческій, подвергшійся такой участи. Итакъ, если оба состоянія возможны, то почему не допустить, что Евангелистъ Іоаннъ взялъ одинъ моментъ этого состоянія, именно тотъ, когда Господь благодарилъ Бога Отца, а первые Евангелисты—другой.

Въ повѣствованіи о дальнѣйшихъ событіяхъ въ саду Геѳсиманскомъ Евангелисты, повидимому, сходятся. Всѣ Евангелисты говорятъ о взятіи Господа воинами и объ участіи въ этомъ, главнымъ образомъ, Іуды. Если же ближе всмотрѣться въ эти повѣствованія, то и здѣсь найдемъ довольно значительныя разности. По повѣствованіямъ первыхъ трехъ Евангелистовъ, дѣло представляется въ такомъ видѣ, что Господь взятъ былъ по указанію Іуды, выраженному поцѣлуемъ. По повѣствованію Евангелиста Іоанна, Господь Самъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу, спросилъ: кого они ищутъ? и сказалъ, что это—Онъ (Іоан. XVIII, 2—9, сравн. Матѳ. XXVI, 46—57. Марк. XIV, 43—50. Лук. XXII, 46—53). Но и эти разности только кажущіяся. Если Евангелистъ Іоаннъ и не указалъ прямо тотъ родъ предательства, о которомъ говорятъ первые Евангелисты, то все же онъ далъ замѣтить, что этотъ былъ Ему извѣстенъ, и что онъ для краткости только не говорилъ объ этомъ. Объ Іудѣ предателѣ онъ упоминаетъ два раза: въ первый разъ онъ говоритъ о немъ, что онъ предалъ Господа своимъ указаніемъ того мѣста, гдѣ Учитель его имѣлъ обычай бывать съ учениками; во второй же разъ сказавъ, что Іисусъ Самъ вышелъ на встрѣчу, онъ, внѣ всякой связи рѣчи, замѣчаетъ: «*стоялъ же съ ними* (воинами) *и Іуда предатель Его*» (5). Такое указаніе, поставленное внѣ связи рѣчи, рѣшительно ведетъ къ тому заключенію, что здѣсь Евангелистъ имѣлъ въ виду тотъ второй родъ предательства, о которомъ говорятъ его предшественники. Что же касается замѣчанія Евангелиста, что Господь Самъ выступилъ на встрѣчу и дѣйствіемъ Своего всемогущаго слова поразилъ противниковъ, то это замѣчаніе не только не устраняется первыми Евангелистами, но даже вполнѣ предполагается. Всѣ три Евангелиста говорятъ о томъ, что одинъ изъ учениковъ извлекъ ножъ и ударилъ имъ первосвященническаго раба. Но такой поступокъ былъ бы очень страненъ, если бы мы отдѣлили его отъ приведеннаго выше замѣчанія Евангелиста Іоанна. Было бы въ высшей степени странно, какъ служители, взявъ Іисуса, не взяли вмѣстѣ и Его учениковъ и особенно того, который осмѣлился защищаться. Было бы странно и то, какъ осмѣлился Апостолъ, сознавая свою малочисленность, выступить на защиту и выступить съ такимъ ничтожнымъ оружіемъ, каковъ ножъ. Означенное же замѣчаніе разрѣшаетъ эти недоумѣнія. Какъ скоро допустимъ, что Господь Самъ выступилъ на встрѣчу и поразилъ противниковъ, то, съ одной стороны, понятна будетъ оплошность воиновъ, съ другой—понятенъ будетъ и поступокъ Апостола. Первая будетъ имѣть свою причину во всеобщемъ замѣшательствѣ, второй—въ той смѣлости, какую внушило всемогущество Господа (Христ. Чт. 1867 г., т. I, стр. 722—726).

Гѳѳсиманскій подвигъ Спасителя.

Къ востоку отъ Іерусалима, при подножіи горы Елеонской, находится садъ Гѳѳсиманскій. Нѣсколько старинныхъ масличныхъ деревьевъ и понынѣ сохранились: они обнесены теперь невысокою каменною оградою. Сюда любилъ уединяться Господь нашъ Іисусъ Христосъ съ Своими учениками; здѣсь Онъ часто бесѣдовалъ въ молитвѣ съ Своимъ Небеснымъ Отцемъ; сюда же пришелъ Онъ, возлюбленный Спаситель нашъ, послѣ Тайной вечери, съ Апостолами, въ ночь предъ Своими страданіями.... Для насъ, грѣшныхъ, сады и вертограды служатъ обыкновеннымъ мѣстомъ отдыха и пріятной прогулки; не то былъ садъ Гѳѳсиманскій для нашего Господа.... «Не чистыя струи водъ, говоритъ одинъ благочестивый поклонникъ святыхъ мѣстъ, а потоки кроваваго пота здѣсь источались; не тихое вѣяніе вѣтра, а вздохи и вопли здѣсь слышны были; не съ благоухающими розами, а съ оружіемъ и дреколіями пришли сюда взять Господа нашего злобные враги Его»... И сколько внутреннихъ страданій, сколько душевныхъ мукъ долженъ былъ Онъ вытерпѣть здѣсь, еще прежде чѣмъ взяли Его, прежде чѣмъ начались Его тѣлесныя страданія—тамъ, во дворѣ Анны и Каіафы, въ преторіи Пилата, и наконецъ на Голгоѳѣ, на крестѣ! Да, это была ночь, подобныхъ которой не было и не будетъ, пока міръ стоитъ; это была ночь предсмертныхъ страданій Спасителя міра, страданій самыхъ лютыхъ и невыносимыхъ... Пришедъ на мѣсто, повѣствуютъ святые Евангелисты, Онъ сказалъ ученикамъ Своимъ: «посидите здѣсь, пока Я пойду, помолюсь тамъ». И взялъ съ Собою Петра и Іакова, и Іоанна, и началъ скорбѣть, ужасаться и тосковать... Тогда говоритъ имъ: «душа Моя скорбитъ смертельно; побудьте здѣсь, и бдите со Мною». И отойдя отъ нихъ на такое разстояніе, на какое можно докинуть камень, преклонилъ колѣна, палъ лицемъ на землю и началъ молиться... И было о чемъ скорбѣть и тужить, было отъ чего ужасаться и тосковать! Вѣдь Онъ—Агнецъ Божій, вземляй на Себя грѣхи всего міра; вѣдь всѣ грѣхи человѣческіе, все то, что долженъ былъ претерпѣть весь міръ за свои беззаконія, вся эта тяжесть легла теперь на Него одного!. Тяжекъ и одинъ грѣхъ;—что же когда такихъ грѣховъ больше, чѣмъ песку на берегу морскомъ? Какъ не изнемочь было подъ этою невыносимою тяжестью грѣховной Господу нашему? О, Господи, Господи! Если бы мы грѣшные всегда помнили, чего стоили Тебѣ грѣхи наши, мы навѣрное боялись бы ихъ пуще огня; а то мы никогда о томъ и думать не думаемъ!...

Чѣмъ болѣе усиливалось внутреннее смятеніе духа, тѣмъ прилежнѣе молился Господь: и былъ Онъ въ борѣніи, повѣствуетъ Евангелистъ, и былъ потъ Его какъ капли крови, падающія на землю... «Но кто же, Господи, не нанося Тебѣ ранъ, такъ изранилъ Тебя, что Ты весь обливаешься кровію»? вопрошаетъ святитель Димитрій, и самъ же отвѣчаетъ: «это—любовь, любовь, крѣпкая какъ смерть, къ роду человѣческому... Два чувства боролись въ это время въ святѣйшей душѣ Богочеловѣка- Спасителя нашего: это страхъ и любовь. Страхъ предстоящихъ ужасныхъ мученій за грѣхи всего міра понуждаетъ Его взывать Отцу Небесному: *Отче, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія!* а любовь жаждетъ этой чаши страданій, простираетъ къ ней руку свою и говоритъ: *Отче Мой!.. буди воля Твоя* (Матѳ. XXVI, 39)! Силенъ страхъ, крѣпка любовь, и вотъ эти-то два чувства борются въ Немъ и обливаютъ

Его кровію! Іовъ говоритъ: кто сѣетъ нечестіе, тотъ пожинаетъ печаль; а Ты, кроткій и незлобивый Господи нашъ, Ты не сѣялъ нечестія, а вотъ пожинаешь печаль! Истинно слово Твое: *инъ есть сѣяй и инъ есть жняй;* мы посѣяли грѣхъ, а Ты пожинаешь за насъ болѣзни»...

Въ душевной скорби Іисусъ Христосъ прекращаетъ молитву и идетъ къ тремъ возлюбленнымъ ученикамъ, дабы утѣшить Себя ихъ присутствіемъ и молитвою, но находитъ ихъ спящими отъ печали. Скорбныя чувства, хотя и неясное, но все же томительное ожиданіе близкой разлуки, о которой такъ недавно говорилъ имъ Самъ Господь, усталость послѣ трудовъ цѣлаго дня, все это ослабило ихъ тѣлесныя силы до того, что они были вовсе неспособны теперь къ молитвѣ... «Ты спишь, Симонъ»! сказалъ Господь Апостолу Петру, который за часъ предъ тѣмъ обѣщалъ душу положить за Учителя: «такъ ли не могъ ты и одного часа побдѣть со Мною? бдите и молитесь», обратился Онъ къ пробудившимся другимъ двумъ ученикамъ,—«бдите и молитесь, чтобы не впасть вамъ въ искушеніе. Духъ бодръ, но плоть немощна»!.. Уже самый голосъ Спасителя показывалъ, что эти слова изливаются изъ растерзаннаго печалію сердца! Онъ отошелъ отъ нихъ и опять сталъ молиться, предавая Себя всецѣло въ волю Отца Небеснаго...

Но чрезвычайное смиреніе Богочеловѣка побуждаетъ Его снова идти къ Своимъ друзьямъ, дабы найти Себѣ нѣкую отраду и подкрѣпленіе въ ихъ молитвѣ,—и Онъ опять находитъ ихъ спящими! О, немощная природа человѣческая! Ты и среди томительной скорби склонна скорѣе забыться въ сонномъ разслабленіи, чѣмъ искать укрѣпленія и освѣженія въ сердечной молитвѣ!..

Господу не хотѣлось тревожить ихъ сна: вѣдь еще сколько на завтра предстояло имъ испытать горькихъ тревогъ сердечныхъ,—такъ пусть хоть теперь немного забудутся, немного отдохнутъ, если ужъ не могутъ молиться съ Нимъ... И снова Онъ оставляетъ ихъ, и снова повергается на землю, и еще прилежнѣе молится Онъ, обливаясь потомъ кровавымъ...

Этотъ подвигъ молитвы, эта внутренняя душевная тоска, какую испытывалъ Господь нашъ въ саду Геѳсиманскомъ, это томленіе духа, какое Онъ выносилъ теперь въ Своемъ святѣйшемъ сердцѣ, все это до того ослабило тѣлесныя Его силы, что Его состояніе равнялось мученію человѣка, борющагося со смертію... Нужно было укрѣпить изнеможенную природу человѣческую для предстоящихъ новыхъ страданій, и вотъ, наконецъ, является Ангелъ небесный и укрѣпляетъ Его... Ангелъ укрѣпляетъ Іисуса—укрѣпляетъ Того, Кто Самъ вся носитъ глаголомъ силы Своея! Какая дивная тайна заключается въ этихъ словахъ! Какая воистину непостижимая глубина Божественнаго смиренія Спасителя нашего!... «Я не зналъ бы, говоритъ блаженный Августинъ, какъ велико благодѣяніе и любовь ко мнѣ грѣшному моего Господа и Спасителя, если бы Онъ не обнаружилъ предо мною, чего они стоятъ Ему». И въ самомъ дѣлѣ, если бы мы не знали, какъ Господь нашъ страдалъ въ саду Геѳсиманскомъ, то могли подумать, что страданія для Него не стоили ничего; но тутъ мы видимъ капли кроваваго пота, слышимъ, какъ Онъ умоляетъ Отца, да мимо идетъ отъ Него чаша страданій; и мы знаемъ, какъ горька эта чаша, и благоговѣемъ предъ Тѣмъ, Кто испилъ ее за насъ. «Если и съ нами случится искушеніе, говоритъ одинъ изъ нашихъ архипастырей, станемъ предъ изображеніемъ молящаго-

ся Іисуса, посмотримъ на чашу сходящую свыше, повергнемся въ прахъ предъ Отцемъ Небеснымъ и скажемъ Ему словами Единороднаго Сына Его: да мимо идетъ и отъ насъ чаша сія; однакоже, не какъ мы хощемъ, но какъ Ты: да будетъ воля Твоя! И Отецъ Небесный услышитъ молитву нашу, какъ услышалъ Онъ моленіе Единороднаго, и спокойствіе совѣсти, тишина сердца будетъ для насъ вмѣсто Ангела укрѣпляющаго» (Троицкіе листки 1882 г. № 113).

О значеніи событій въ Геѳсиманскомъ саду.

Страданія Господа открылись въ саду Геѳсиманскомъ; тамъ Онъ *начатъ скорбѣти и тужити*, говоритъ Евангелистъ; и глагола ученикамъ: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Матѳ. XXVI, 36—38). Для чего въ саду? Былъ нѣкогда иной садъ, о коемъ сказано въ Писаніи: *и насади Господь Богъ рай въ Едемѣ на востоцѣхъ. И прозябе Богъ отъ земли всякое древо красное въ видѣніе, и доброе въ снѣдь. И взя Господь Богъ человѣка, егоже созда, и введе его въ рай сладости* (Быт. II, 8; IX, 15). Но этотъ рай сладости потерянъ, и начиная отъ перваго Адама до втораго, никто не входилъ въ оный. Спаситель, молясь въ саду Геѳсиманскомъ, тѣмъ самымъ уже открываетъ нѣкій доступъ въ рай, заключенный грѣхомъ въ продолженіи многихъ тысячъ лѣтъ.

Въ неизъяснимой скорби,—это была плата за временную сладость грѣховъ человѣческихъ,—Спаситель повергается на землю, молясь къ Отцу Своему, и землю орошаетъ потомъ кровавымъ. *Паде на лицы Своемъ, паде на земли* (Матѳ. XXVI, 39. Марк. XIV, 35). Что означаетъ сіе паденіе? Во-первыхъ, безмѣрную тяжесть грѣховъ, кои Господь съ цѣлаго міра подъялъ на рамена Свои, и кои потому какъ-бы невольно преклонили Его землѣ. Во-вторыхъ, мы можемъ видѣть здѣсь образъ милосердія Господа къ грѣшной землѣ. Она была проклята нѣкогда Создателемъ: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ*, сказано Адаму. Теперь Создатель снимаетъ съ нея проклятіе; падая на лице, съ распростертыми руками. Онъ какъ-бы лобызаетъ и объемлетъ ее. Онъ паки дѣлаетъ ее землею живыхъ, землею благословенія. «Земле, земле, восклицаетъ святый Димитрій Ростовскій, внуши слово: Богъ Слово припадаетъ къ тебѣ лицемъ Своимъ, какъ другъ, оплакивая прежнее отпаденіе твое, и теперь снова обнялъ тебя, какъ свою искреннюю, въ лоно Его возвращенную».

Спаситель орошаетъ землю потокомъ кровавымъ; она покрыта была нѣкогда водами потопными; но сіи водѣ, погубивши беззаконниковъ, не смыли беззаконій съ лица ея. Теперь кровавый потъ Господа обновляетъ лице земли. *Бысть потъ Его, яко капли крове, каплющія на землю.* Пала нѣкогда на землю кровь невиннаго Авеля; но она вопіяла на небо объ отмщеніи; падаетъ кровавый потъ Спасителя: но вопіетъ объ отпущеніи и прощеніи (изъ слова въ Великій Пятокъ. Воскр. Чт., г. XIV, стр. 522—523).

Какъ понимать скорбь Господа въ Геѳсиманскомъ саду предъ крестными страданіями (Матѳ. XXVI, 38).

(Филарета, митр. Кіевскаго.)

Поемъ Іисусъ Петра и оба сына Зеведеова, начатъ скорбѣти и тужити. Тогда глагола имъ: прискорбна есть душа Моя до смерти (Матѳ. XXVI, 38). Что за скорбь, которою скорбитъ Помазанный елеемъ радости паче причастникъ Своихъ? Какая непостижимая сила страданій могла объять и проникнуть всю душу Спасителя Христа, тѣснѣйшимъ союзомъ соединенную съ Бо-

жествомъ, безпредѣльно блаженнымъ, или паче самымъ блаженствомъ, никогда неизмѣняемою радостію, и вѣчно текущимъ источникомъ чистой и святой радости для Ангеловъ и человѣковъ? Что̀ за смерть, приведшая Начальника жизни въ содроганіе и ужасъ? Исторія Церкви открываетъ намъ многихъ святыхъ мужей, и даже женъ и юныхъ дѣтей, безтрепетно и съ радостью срѣтавшихъ мученическую за Іисуса Христа кончину; а предъ сею смертію видимъ мы Носящаго всяческая глаголомъ силы Своея въ страхѣ, въ скорби, въ смятеніи!

Здѣсь сокрывается тайна внутренняго креста Искупителя нашего, который долженствовалъ предварить, сопровождать и совершить наружныя страданія и крестъ Его. Іисусъ Христосъ, Ходатай спасенія нашего, пріявъ на Себя бремя грѣховъ всего рода человѣческаго, пріялъ вкупѣ всю тяжесть мстительной правды Божіей за оныя, всѣ скорби и страданія тѣлесныя и душевныя, даже до болѣзней адовыхъ: всѣ смерти, даже до вѣчной. Почему, представляя Себя въ жертву за спасеніе міра, святѣйшая душа Его была вся погружена въ безпредѣльное море скорбей, которое приготовили и долженствовали испить потомки законопреступнаго Адама. Бездна грѣховъ всего человѣчества погружала сердце Его въ бездну болѣзней. Богъ Отецъ зрѣлъ въ возлюбленномъ Сынѣ Своемъ завѣтную главу грѣшниковъ, всего міра грѣхами обложенную: *не Вѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Коринѳ. V, 21). Вмѣсто сладостныхъ ощущеній дѣйствій любви Отчей, сердце Его было растерзано стрѣлами мщенія Праведнаго Судіи. Онъ долженствовалъ испить до послѣдней капли всю чашу гнѣва Божія за грѣхи всѣхъ человѣковъ. Яко Вождю Церкви Своей, Ему надлежало сражаться со всѣмъ адомъ; и Богъ Отецъ въ сей борьбѣ оставилъ Его безпомощнымъ. Оставленіе отъ Бога, Источника жизни есть истинная ужасная смерть. До сей-то смерти скорбѣлъ Іисусъ Христосъ; и въ ужасной борьбѣ человѣческаго естества Его съ сею смертію, могло одержать побѣду точію Божественное Его естество.

Самое совершенство святости Іисуса Христа умножало Его скорби и страданія. Грѣшники, въ омраченіи ума своего, не видятъ всей гнусности и мерзости грѣховъ. Окаменѣлыя сердца ихъ не чувствуютъ тѣхъ мученій, которыя уготованы имъ въ вѣчности. Они обольщаютъ себя призраками счастія и еще находятъ удовольствіе въ самомъ источникѣ мученій—въ грѣхахъ. Богъ, не хотяй смерти грѣшника, но во мнозѣ долготерпѣніи, ведя насъ на покаяніе, скрываетъ отъ насъ бездну золъ, изрытую беззаконіями нашими. А ежели бы грѣхъ открылся человѣку вдругъ во всей наготѣ своей, со всѣми послѣдствіями своими; то ни одно сердце человѣческое не могло бы не умереть отъ стыда и ужаса.

Совершенно святая душа Іисуса Христа, не терпящая никакой скверны, зрѣла всѣ грѣхи всѣхъ человѣковъ во всей наготѣ ихъ. Безпредѣльно нѣжное сердце Его ощущало всю силу мученій, неизбѣжныхъ слѣдствій грѣховъ: сколь убо была велика и безпредѣльна Его скорбь! Она непостижима. Духъ Святый устами пророка Давида изображаетъ ее живыми, но впрочемъ приспособленными къ понятію человѣческому чертами: *одержаша мя болѣзни смертныя, и потоцы беззаконія смятоша мя, болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя сѣти смертныя* (Псал. XVII, 5—6). *Яко вода изліяхся, и разсыпашася вся кости моя: бысть сердце мое яко воскъ таяй посредѣ чрева моего. Изсше яко скудель крѣпость моя, и языкъ мой прильпе къ*

гортани моему (Псал. XXI, 15—16). *Сердце мое смятеся, остави мя сила моя, и свѣтъ очію моею нѣсть со мною* (Псал. XXXVII, 11).

И вотъ причина троекратнаго моленія Іисуса Христа ко Отцу, да мимоидетъ отъ Него чаша сія (Матѳ. XXVI, 39)— моленія съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами (Евр. V, 7), моленія горячайшаго, сильнѣйшаго, болѣзнѣйшаго, каковаго никогда не было во времени и во всю вѣчность не будетъ! Вотъ слабое изображеніе того подвига всей души и всѣхъ членовъ священнѣйшаго тѣла Христова, отъ котораго бысть потъ Его, яко капле крове, каплющія на землю! (Лук. XXII, 44.) Вотъ почему Всемогущій имѣлъ нужду въ помощи Ангела съ небеси укрѣпляющаго Его (43).

Но не въ вертоградѣ Геѳсиманскомъ окончились сіи Божественныя Ходатая нашего скорби. Обремененный безпредѣльными болѣзнями за насъ, постепенно умножающимися, шествовалъ Онъ изъ вертограда въ Іерусалимъ, изъ Іерусалима на Голгоѳу. И какое страдательное шествіе! Душа Его обременена всею тяжестью мстительной правды Божіей за грѣхи всего рода человѣческаго; сердце Его пронзено печалью о разсѣянныхъ ученикахъ Своихъ и о страдающей Матери Своей; рамена Его отягчены древомъ крестнымъ; глава Его вся пронзена терновымъ вѣнцомъ. И гдѣ оканчиваетъ путь свѣтоносной жизни Своей Спаситель міра! На лобномъ мѣстѣ, на мѣстѣ казни злодѣевъ! Чѣмъ платитъ міръ Пришедшему спасти его? Воины совлекаютъ послѣднія Его одежды и мучительнымъ образомъ пригвождаютъ Его ко кресту. Жаждущему спасенія всего міра отказываютъ въ единой каплѣ воды для утоленія смертной жажды Его (Іоан. XXI, 19—20). Какой преступникъ умиралъ когда либо столь болѣзненною смертью?

Премудрый царь Израильскій Соломонъ, изъ состраданія къ человѣчеству, несчастнымъ, осужденнымъ на смерть, повелѣлъ давать пить сладкое, нарочно для сего приготовленное вино, дабы они могли смягчить болѣзнь свою и забыть свое несчастіе (Притч. XXXI, 6—7). Но злоба Іудеевъ, вопреки сему обычаю, жаждущему Спасителю поднесла оцетъ, съ желчью смѣшанный. *Видите, аще есть болѣзнь, якоже болѣзнь сего Мужа болѣзней?* (Плач. Іерем. I, 12.) Отъ преизбытка сей болѣзни, проникнувшей всю душу и тѣло Спасителя нашего, вися на древѣ крестномъ, воззвалъ Онъ гласомъ великимъ: *Боже Мой, Боже Мой! вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. XXVII, 46).

О томъ же.

(*Филарета, митроп. Московскаго.*)

Прискорбна есть душа Моя даже до смерти (Матѳ. XXVI, 38). И молитвенное бесѣдованіе съ единосущнымъ Отцемъ не освобождаетъ Его, а удерживаетъ подъ тяжестью страданія. *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI, 39). *Носящій всяческая глаголомъ силы Своея* имѣетъ теперь нужду *въ укрѣпленіи отъ Ангела* (Лук. XXII, 43).

Можетъ быть, смертная скорбь Іисуса представляется нѣкоторымъ изъ насъ недостойною Безстрастнаго. Да вѣдаютъ они, что сія скорбь не есть дѣйствіе нетерпѣнія человѣческаго, но Божескаго правосудія. Могъ ли Агнецъ, *заколенный отъ сложенія міра* (Апокалипс. XIII, 8); убѣгать Своего жертвенника? Тотъ, *Егоже Отецъ святи и посла въ міръ* (Іоан. X, 36), Тотъ, Который отъ вѣка пріялъ на Себя служеніе примиренія человѣковъ съ Богомъ, могъ ли поколебаться въ дѣлѣ сего служенія единою мыслію о стра-

данія? Если Онъ могъ имѣть какую нетерпѣливость; то развѣ нетерпѣливость совершить наше спасеніе и облаженствовать насъ. *Крещеніемъ имамъ креститися,* говоритъ Онъ, *и како удержуся, дондеже скончаются* (Лук. XII, 50)? Итакъ, если Онъ скорбитъ, то скорбитъ не собственною, но нашею скорбью; если мы видимъ Его *быти въ трудѣ и въ язвѣ отъ Бога, и въ озлобленіи,* то Онъ *грѣхи наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ* (Исаія LIII, 3—4); чаша, которую подаетъ Ему Отецъ Его, есть чаша беззаконій, нами содѣянныхъ, и всѣхъ казней, намъ уготованныхъ, которая потопила бы весь міръ, если бы Онъ единъ не воспріялъ, удержалъ, изсушилъ ее. Она растворена, во-первыхъ, преслушаніемъ Адама, потомъ растлѣніемъ *перваго міра* (Быт. VI, 12. 2 Петр. II, 5), гордостью и нечестіемъ Вавилона, ожесточеніемъ и нераскаянностью Египта, измѣнами Іерусалима, *избившаго пророки и каменіемъ побившаго посланныя къ нему* (Матѳ. XXIII, 37), злостью синагоги, суевѣріями язычества, буйствомъ мудрецовъ, и наконецъ (поелику Искупитель понесъ на Себѣ и будущіе грѣхи міра) соблазнами въ самомъ христіанствѣ; раздѣленіями единаго стада Единаго Пастыря, дерзновенными мудрованіями лжеучителей, оскудѣніемъ вѣры и любви въ Царствѣ вѣры и любви, возрожденіемъ безбожія въ нѣдрахъ самаго благочестія. Присовокупимъ къ сему все то, что мы находимъ въ себѣ и окрестъ себя достойнымъ отвращенія и гнѣва Божія, и также все, что стараемся сокрыть отъ своей совѣсти и подъ ухищреннымъ наименованіемъ *слабостей:*—легкомысліе и законопреступныя утѣхи юности, законснѣніе старости, забвеніе промысла въ счастіи, ропотъ въ несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія послѣ возстанія, безпечность и бездѣйствіе, свойственныя владычеству роскоши, своеволіе вѣка, надменнаго мечтою просвѣщенія: всѣ сіи потоки беззаконія сливались для Іисуса въ единую чашу скорби и страданія; весь адъ устремился на сію небесную душу; и дивно ли, что она была *прискорбна даже до смерти* (изъ слова въ Великій Пятокъ, ч. I, 27).

Смыслъ Геѳсиманской молитвы Іисусовой (Лук. XXII, 41—42).

И поклонъ колѣна (Іисусъ) *моляшеся, глаголя: Отче, аще волиши мимонести чашу сію отъ Мене: обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ* (Лук. XXII, 41—42). Предвѣчный Сынъ Божій, во плоти пришедшій, безъ сомнѣнія, вѣдалъ, что чаша страданій, ради насъ Ему уготованная, не мимоидетъ Его:—Онъ затѣмъ и воплотился, чтобы безцѣнною жертвою страданій Своихъ искупить насъ, проданныхъ подъ грѣхъ. И вотъ однакожъ,—предъ самымъ ихъ началомъ, при самомъ приближеніи,—съ *воплемъ крѣпкимъ и со слезами* (Евр. V, 7) возноситъ Онъ молитву къ Отцу Своему Небесному,—о томъ, чтобы избавилъ Его отъ смерти и освободилъ отъ предстоящихъ мученій... Подвигъ Его усиленный; слово молитвы рѣшительно; что же за смыслъ ея,—что за цѣль, для которой Сыну Божію угодно было обратить въ священное дѣло молитвы этотъ вопль немощи, благоутробно воспринятой Имъ ради насъ?

Все это было дѣломъ любви Его Божественной, спасающей насъ грѣшныхъ. Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, *единъ въдый человѣческаго естества немощь,* прошелъ здѣсь предъ нами одну изъ тѣхъ трудныхъ стезей святаго и Богоугоднаго терпѣнія, на

которой мы сами, бывъ оставлены собственнымъ силамъ, не бывъ научены и вмѣстѣ уполномочены симъ высокимъ образцомъ своего Спасителя, всегда въ самомъ началѣ падали бы паденіемъ бѣдственнымъ и невозвратнымъ.

Среди различныхъ искушеній и напастей жизни, постигающихъ насъ въ наказаніе за грѣхи, для возбужденія къ покаянію, или для нашего испытанія въ добродѣтели, или же для того и другаго совокупно, бываютъ иногда случаи, особенно для насъ трудные и тяжкіе, при которыхъ все существо и самое даже терпѣніе наше, такъ сказать, распинается крестомъ страданія, при одной встрѣчѣ съ которыми душа и тѣло у насъ потрясаются содраганіемъ, и между тѣмъ видимъ, что встрѣча сія бываетъ неминуема. Это верхъ жизненныхъ страданій, на которомъ долженъ открываться верхъ нашего терпѣнія по Бозѣ. Безспорно, что первое здѣсь дѣло, первая забота съ нашей стороны—стараться быть послушными распоряженіямъ воли Божіей; первое желаніе наше тогда должно состоять въ томъ, да будетъ все съ нами такъ, какъ угодно Господу, а не намъ, легко ли будетъ сіе, или неудобоносимо въ величайшей степени, радостно, или скорбно до крайности. Но что дѣлать, когда почувствуемъ, что и сія сыновняя преданность Господу Богу оскудѣваетъ у насъ въ это время, и самое желаніе духа нашего—бодро поставить себя въ подвигъ святаго терпѣнія, падаетъ, оглушенное воплемъ немощной плоти, крѣпко вопіющей противъ горькой для нея необходимости—стать лицемъ къ лицу съ испытаніемъ скорби? Въ сіи-то наипаче минуты можетъ угрожать намъ опасность—въ одно мгновеніе явиться лишенными всѣхъ тѣхъ благихъ плодовъ, какіе, быть можетъ, пріобрѣтены были у насъ долговременными трудами вѣры и терпѣнія. Эта внутренняя мука и туга сердечная, обременяющая душу, скоро можетъ повергнуть ее въ тяжкій сонъ бездѣйственнаго уныніа,—или что хуже—исполнить ее духомъ роптанія, и самый крестъ, намъ посланный, сдѣлать похожимъ на крестъ того неразумнаго разбойника, который хулилъ распятаго съ нимъ Господа, не подражая другому, умолявшему о помилованіи.

И вотъ, любвеобильный Спаситель нашъ, бывъ *искушенъ* ради насъ *по всяческимъ*, по подобію всякихъ съ нами случающихся искушеній, кромѣ *грѣха* (Евр. IV, 15), не оставилъ безъ призрѣнія Своего и этихъ встрѣчающихся намъ испытаній, когда совершенно начинаетъ изнемогать у насъ терпѣніе, и немощь наша подавляетъ собою силу духа, прежде, нежели сія послѣдняя успѣетъ ознаменоваться досточестною борьбою. Вотъ Началосовершитель нашего спасенія—Іисусъ Христосъ, Самъ благоизволилъ довести Свое снисхожденіе къ немощамъ нашимъ до этого крайняго предѣла ихъ на скорбномъ поприщѣ крестныхъ испытаній, чтобы намъ открыть отсюда путь къ восхожденію по стезѣ благодатнаго укрѣпленія. Было и у Него, Спасителя нашего, такое состояніе предъ крестными страданіями, въ которомъ Онъ испыталъ это чувство безпомощности и крайней тяготы сердечной, у насъ такъ скоро обращающееся въ чувство совершенной безнадежности. И Онъ, готовясь въ Своемъ человѣчествѣ понести на крестѣ тяготу грѣховъ,—не Своихъ грѣховъ,—а нашихъ неизмѣримыхъ грѣховъ и беззаконій, *начатъ скорбѣти и тужити*, и говоритъ приближеннымъ ученикамъ Своимъ: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Матѳ. XXVI, 38); тѣмъ самымъ ученикамъ, которыхъ прежде удерживалъ отъ непомѣрнаго

желанія чести указаніемъ на чашу страданій, уготованную для нихъ вмѣстѣ съ Нимъ (Марк. X, 37—38), и предъ которыми теперь Самъ обнаруживаетъ ужасъ и тугу Своего сердца, имѣя близко у Себя предъ очами горькую сію чашу. И симъ уже Онъ прямо показалъ намъ, какъ естественно и неизбѣжно слабой природѣ нашей страшиться и скорбѣть при взглядѣ на бѣды и страданія жизненнаго пути и ужасаться оныхъ трудныхъ подвиговъ, среди которыхъ проходитъ нашъ путь царствія: если испыталъ сіе на Себѣ Праведный изъ праведныхъ и Святый изъ святыхъ, то намъ ли избѣгнуть? А чрезъ это самое, въ Своемъ собственномъ лицѣ Онъ далъ намъ право—не смущаться совѣстью и не считать себя безнадежными въ подобныхъ случаяхъ, а лучше искать средства—управить сердце свое въ силѣ Божіей. И что же,—какое научилъ насъ Онъ давать въ сіи рѣшительныя минуты направленіе этому внутреннему чувству скорби и изнеможенія? Какой указалъ исходъ сему тревожному чувству, когда волнуетъ оно сердце, и подавляя всѣ силы и дѣйствія духа нашего, стремится чѣмъ либо явить себя во внѣ? Какъ указалъ намъ спасать въ это время свою изнеможенную душу отъ ропота, унынія, нетерпѣливости,—спасать свое терпѣніе, готовое исчезнуть? Здѣсь-то особенную важность имѣетъ для насъ все то, что творилъ Господь и Спаситель нашъ, исходя на вольное Свое страданіе. Обратимъ свое вниманіе на это единственное средство, которымъ Самъ Онъ въ то время указалъ поддерживать *бодрость* духа противъ прираженій *плоти немощной* (Матѳ. XXVI, 41),—*на молитву*, и пріиметъ оную собственную молитву Его въ саду Геѳсиманскомъ за образецъ, посредствомъ котораго Онъ положилъ начало сему дѣлу за насъ и для насъ, и отъ котораго обращаясь, внушалъ Апостоламъ Своимъ простираться къ такому же подвигу молитвы:—тогда весьма много уяснится для насъ смыслъ и значеніе молитвы Геѳсиманской. Если христіанинъ почувствуетъ когда, что немощная плоть его неотразимо вопіетъ въ изнеможеніи и скорби, отрекаясь идти путемъ спасительнаго терпѣнія, то пусть онъ въ сіе время, вмѣсто того, чтобы отпасть унынiемъ отъ воли Божіей и пойти противъ Бога внушаемымъ оною плотію ропотомъ,—пусть лучше поспѣшитъ сей самый вопль ея принести лицу Божію, какъ молитву, не опасаясь уже оскорбить симъ Его величества, поелику онъ уполномочивается на это чрезъ примѣръ Сына Божія воплощеннаго. И отъ того самаго, что человѣкъ не со врагомъ Божіимъ сталъ совѣщаться, уклоняясь отъ трудныхъ подвиговъ спасенія, а Самому Богу смиренно повѣдалъ въ молитвѣ слабость разстроенной своей природы, ея смущеніе и нежеланіе понести возлагаемую на нее тяготу, чудныя произойдутъ перемѣны въ душѣ его. Молитва сія сама собою умиротворитъ душу человѣка тишиною смиренія и сладостью любви къ Богу, всегда скоро здѣсь пускающихъ ростки свои, какъ на доброй почвѣ; и тогда христіанинъ самъ возжелаетъ, да будетъ съ нимъ во всякомъ случаѣ не то, чего онъ собственно проситъ, но то, что послано будетъ ему свыше, хотя бъ и вовсе противное его желаніямъ. Тогда, хотя бъ онъ рѣшительно увидѣлъ, что не получаетъ просимаго имъ избавленія отъ скорби и напасти,—во всякомъ случаѣ воскликнетъ и сердцемъ и устами: *обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ, Господи,*—воскликнетъ какъ сынъ наказуемый; какъ Спасителю явился Ангелъ въ саду Геѳсиманскомъ, не замедлитъ и ду-

шѣ христіанина помощь небесная, укрѣпляющая ее понести съ готовностью все, что̀ будетъ на нее возложено.

Не сей ли именно путь восхожденія отъ немощи къ силѣ Божіей открылъ и проложилъ предъ нами Господь и Спаситель нашъ, когда готовясь испить чашу страданій Своихъ, началъ просить Отца Своего Небеснаго—мимо нести отъ Него чашу сію? Обратимъ вниманіе на то, что главный предметъ, къ которому Самъ Онъ тотчасъ же сводитъ молитву Свою, это—да совершится непреложно воля Отца Небеснаго надъ Нимъ, та всесвятая воля Божія, о которой Онъ еще отъ сложенія міра вѣдалъ и въ предвѣчномъ Троичномъ совѣтѣ изрекъ: *се иду сотворити волю Твою, Боже* (Псал. XXXIX, 8—9) сотворить чрезъ крестное жертвоприношеніе *тѣла*, которое *совершилъ* Ему Отецъ въ послѣдняя лѣта (7). И слѣдовательно, что другое какъ не полнѣйшую преданность волѣ сей Онъ являетъ этимъ приношеніемъ объ отмѣненіи предстоящихъ страданій, когда и сіе самое прошеніе заключаетъ въ одну общую молитву: *обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ?* Не то ли именно хотѣлъ Онъ сказать всею молитвою сею: Отче! немощь естества человѣческаго, принятаго Мною по совѣту воли Твоея, вопіетъ къ Тебѣ и проситъ избавленія отъ предстоящихъ мученій:—повергаю предъ Тобою вопль ея и прошу сотворить, да исполнится въ ней непреложно воля Твоя съ силою Моею? И явленіе Ангела укрѣпляющаго, при усиленномъ повтореніи одной и той же молитвы, не было ли прямымъ отвѣтомъ на сію молитву, скоро услышанную, и явнымъ признакомъ того, къ чему она клонилась?

Такъ, если проникнемъ окомъ благоговѣйнымъ, то должны будемъ уразумѣть сердцемъ признательнымъ, что молитва Господа Іисуса въ саду Гѳсиманскомъ, предъ Его страданіями, была молитва глубочайшей преданности и совершеннѣйшаго послушанія волѣ Божіей, молитва, посредствомъ которой Самъ воплощенный Сынъ Божій, какъ Богочеловѣкъ, вознесъ къ престолу Отца Небеснаго стенанія человѣческой немощи нашей въ часъ труднаго испытанія, и тамъ отъ лица нашего принесъ ихъ въ жертву твердому и безропотному послушанію (Воскр. Чт., г. XXIII, стр. 555—559).

Чему поучаетъ насъ моленіе Іисуса Христа въ Гѳсиманіи?

(Филарета, митроп. Московскаго.)

Тогда пріиде съ ними Іисусъ въ весь, нарицаемую Гѳсиманія, и глагола ученикомъ: сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся тамо (Матѳ. XXVI, 36). Въ какія особенныя помышленія и расположенія долженъ вводить насъ образъ Гѳсиманскаго многострадальнаго моленія Іисусъ Христова?

Во-первыхъ, Онъ даетъ намъ руководительныя мысли о молитвѣ уединенной. Когда Господь глаголетъ ученикамъ Своимъ: *яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будетъ има отъ Отца Моего, Иже на небесѣхъ: идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII, 19—20); тогда Онъ показуетъ потребность и пользу молитвы общественной, въ которой соединеніе многихъ подкрѣпляетъ каждаго. Но когда Онъ Самъ, среди Своего великаго служенія спасенію человѣческому, прерывая Свою проповѣдь и Свои чудодѣйствія, *бѣ отходя въ пустыню и молялся* (Лук. V, 16); и когда, наконецъ, приближась къ предѣлу Своего земного поприща, дабы принести Богу Отцу молитву, сколь важную и таинственную

по предмету, столь же трудную по обстоятельствамъ, удалился сперва съ тремя избранными учениками отъ собора прочихъ, а потомъ и отъ трехъ избранныхъ, въ совершенное уединеніе, рекши: *сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся тамо:* тогда показалъ намъ потребность и важность молитвы уединенной, во всевозможномъ удаленіи отъ всего сотвореннаго, погружающей душу въ единое присутствіе Божіе.

Во-вторыхъ, Геѳсиманское моленіе Христово должно вводить насъ въ умилительныя помышленія о глубоко-смиренномъ образѣ моленія Христова. *Поклонь колѣна молящеся* (Лук. XXII, 41). *Паде на лицы Своемъ молящеся* (Матѳ. XXVI, 39). *Паде на земли, и молящеся* (Марк. XIV, 35). Когда подумаешь, что это Единородный Сынъ Божій отъ вѣчности со Отцемъ и Святымъ Духомъ царствующій на пренебесномъ престолѣ, и теперь сего престола не оставившій,—что Онъ, облекшись въ нашу нищету, немощь, низость, повергается въ молитвѣ на землю, чтобы молитвою исходатайствовать намъ спасеніе, а смиреніемъ обличить, загладить и уврачевать нашу гордость; тогда пораженная мысль ищетъ, есть ли въ мірѣ довольно униженное мѣсто, или положеніе, въ которое человѣкъ могъ себя уничижительно повергнуть, дабы ему не слишкомъ стыдно было предъ симъ Божественнымъ уничиженіемъ!

Въ-третьихъ, Геѳсиманія, исполненная духомъ моленія Христова, орошенная кровавымъ пóтомъ Его Богочеловѣческаго молитвеннаго подвига въ навечеріе дня Его распятія, представляетъ благопріятнѣйшее и благонадежнѣйшее мысленное мѣсто молитвы, для сокрушеннаго грѣшника, для возмущаемаго скорбью, тугою, унынiемъ, страхомъ, для боримаго всякимъ искушеніемъ. Ибо тамъ сила всѣхъ возможныхъ искушеній побѣждена силою молитвы Христовой; и сія побѣдоносная сила не прешла, но пребываетъ и пребудетъ, потому что *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки* (Евр. XIII, 8). Отчего Онъ, вступая въ Геѳсиманское поприще, *начатъ скорбѣти и тужити* (Матѳ. XXVI, 37), *ужасатися и тужити* (Марк. XIV, 33)? Отъ предусмотрѣнія ли приближающихся оскорбленій и тѣлесныхъ страданій въ Іерусалимѣ и на Голгоѳѣ? Но Онъ самыя сіи оскорбленія и страданія, не въ соображеніи, а въ самомъ ихъ дѣйствіи, въ продолженіе многихъ часовъ сей же ночи и слѣдующаго дня, предъ синагогою и предъ Пилатомъ, отъ Іудеевъ и отъ язычниковъ, въ Іерусалимѣ и на Голгоѳѣ, переносилъ не изъявляя никакого страха, съ побѣдоносною твердостью, съ высокимъ спокойствіемъ, то съ величіемъ молчанія, то съ словомъ любви и молитвы о другихъ, а не скорби о Себѣ. И если въ одну новую таинственную минуту допустилъ услышаться воплю: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. XXVII, 46), то немедленно покрылъ оный торжественнымъ гласомъ: *совершишася* (Іоан. XIX, 30). Отчего же еще прежде видимыхъ страданій—скорбь, туга, ужасъ, прискорбіе души даже до смерти? Какую горечь, какую тягость заключала въ себѣ сія таинственная чаша, о которой Онъ и молился: *да мимоидетъ,* являя тѣмъ истинное воспріятое человѣчество, не чуждое немощи, хотя чуждое грѣха, и которую въ то же время принималъ по предвѣчной волѣ Отца Своего, глаголя: *не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI, 39)? Увы! это горечь нашихъ грѣховъ, это тягость нашей виновности предъ Богомъ и заслуженныхъ нами казней, которыя всѣ принялъ на Себя *Агнецъ*

Божій, вземляй грѣхи міра (Іоан. I, 29); и такимъ образомъ Онъ скорбѣлъ, тужилъ, ужасался, прискорбенъ былъ душею даже до смерти, не потому, чтобы истощалось Его терпѣніе, но потому, что Своими внутренними страданіями очищалъ Онъ наши внутреннія нечистоты, заглаждалъ нашу виновность, удовлетворялъ раздраженному на насъ правосудію Божію, и вмѣстѣ съ тѣмъ молился о нашемъ помилованіи, прощеніи и спасеніи,—и былъ услышанъ. Такъ изъясняетъ Апостолъ Павелъ Геѳсиманское моленіе Іисуса Христа, когда пишетъ къ Евреямъ, что Онъ *во днехъ плоти Своея, моленія и молитвы къ Могущему спасти Его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами принесъ, и услышанъ бывъ отъ благоговѣйнства* (Евр. V, 7). Какъ услышанъ, не избавленъ отъ смерти крестныя? Услышанъ тѣмъ образомъ, что Ему предоставлено Своею крестною смертію и воскресеніемъ избавить насъ отъ владычества грѣха и смерти вѣчныя. Итакъ не правда ли, что въ Геѳсиманіи сила всѣхъ возможныхъ искушеній побѣждена молитвою Христовою?

И потому, кто бы ты ни былъ немощствующій и бѣдствующій вмѣстѣ со мною братъ мой, если ты уязвляешься печалью грѣха; если стѣсняешься тугою души, не удобно возвышаемой вѣрою, не удобно расширяемой любовью, не благоподвижной на добродѣтель; если поражаешься прискорбіемъ души, простирающимся, повидимому, даже до смерти; не предавайся унынію безнадежному; не дай скорби, тугѣ и страху совсѣмъ одолѣть тебя; собери остатки твоихъ изнемогающихъ силъ, бѣги мысленно на побѣдоносное Геѳсиманское поприще Іисусово;—и тамъ повергнись съ твоими грѣхами, скорбью, тугою, страхомъ отъ разверстыхъ челюстей ада и смерти; и помяни, что горечь твоей чаши уже наибольшею частью испита въ великой чашѣ Христовыхъ страданій; что подъ бремя, на тебѣ тяготѣющее, уже подложилъ Свою облегчающую руку крѣпкій Геѳсиманскій Подвижникъ; что твой Спаситель, совершившій для тебя всецѣлое дѣло твоего спасенія, ожидаетъ отъ тебя только *сообщенія страстей Его,* какое возможно для твоей, хотя немощной, вѣры, любви и благодарности (т. II-й. 1848 г. Изъ слова на освященіе храма Господа нашего Іисуса Христа въ честь и память Геѳсиманскаго моленія Его, стр. 102—104).

О кровавомъ потѣ Христа Спасителя (Экзегетическое толкованіе 44 стиха XXII гл. Луки).

Указаніе Евангелиста Луки на кровавый потъ Іисуса Христа («и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю») нѣкоторые объясняютъ такъ, что съ лица Іисуса падали капли пота, по объему и тяжести только сходныя съ каплями крови, но вовсе не кровавый потъ. Хотя такое объясненіе нисколько не противорѣчитъ Евангельскому тексту: «и былъ потъ Его, какъ капли крови»... но если бы это былъ обыкновенный потъ (а по приведенному объясненію выходитъ такъ, потому что всякій потъ течетъ такими каплями, которыя по своему объему и паденію всегда могутъ быть названы подобными каплямъ крови), то Евангелистъ едва ли и упоминалъ бы особо объ этомъ обстоятельствѣ. Поэтому нельзя не признать справедливымъ мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что Евангелистъ уподобляетъ потъ Іисуса каплямъ крови не по паденію ихъ, не по тяжести, а по формѣ и цвѣту, такъ что его, повидимому, нужно признать кровавымъ потомъ въ собственномъ смыслѣ. Правда, нѣко-

торые утверждаютъ, что кровавый потъ является «только какъ величайшая рѣдкость и какъ симптомъ извѣстныхъ болѣзней». Это подтверждается и многими случаями, о которыхъ повѣствуютъ намъ многіе писатели древности, какъ напримѣръ Аристотель De hist. animal. 3, 19. De partibus animal. 3, 5) Теофрастъ (De sudoribus), Туанусъ (hist. sui temp. lib. 10), Марцеллій Донатъ (De med. hist. mirab. I. 1, 17) Веделіусъ (exerc. medico-philolog. 3, 2. pag. 9) и Бартолинусъ (hypomn. de cruce Christi 4). Но Мольдонатъ (comm. in Matth.) видѣлъ въ Парижѣ кровавый потъ у совершенно здороваго и весьма сильнаго человѣка. Отчего же къ такимъ явленіямъ нельзя отнести и кровавый потъ, лившійся съ лица Іисуса во время Геѳсиманской молитвы? Замѣтимъ, что въ душѣ Іисуса происходила въ это время напряженнѣйшая борьба, сильнѣйшія психическія потрясенія; Веделій же разсказываетъ и о такихъ случаяхъ, когда при сильнѣйшихъ психическихъ потрясеніяхъ (prae aegritudiné animae summa) выступалъ не кровавый потъ, а даже кровавыя слезы (Буткевича, Жизнь Господа нашего Іисуса Христа стр. 686—687).

Изъ бесѣды св. Златоуста на слова: *Отче, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI, 39).

Что значатъ эти слова? *Отче, аще возможно есть*, отклони крестъ. Что говоришь ты? Развѣ Онъ не знаетъ, возможно ли это, или невозможно? Кто можетъ сказать это? Хотя такія выраженія свойственны незнающему, ибо частица *аще* выражаетъ обыкновенно неувѣренность, но не должно останавливаться на словахъ, а нужно обращаться къ мыслямъ и узнавать цѣль говорящаго и причину и время, и сообразивъ все это, находить такимъ образомъ заключающійся въ нихъ смыслъ. Неизрѣченная Премудрость, Тотъ, Который знаетъ Отца такъ, какъ Отецъ знаетъ Сына, какъ могъ не знать этого? Знаніе страданій не больше знанія существа Божія, которое Онъ одинъ точно знаетъ. *Якоже*, говоритъ Онъ, *знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца* (Іоан. X, 15). И что я говорю о единородномъ Сынѣ Божіемъ? И пророки, повидимому, не знали этого, но они точно знали и предсказывали съ великою увѣренностью, что это должно быть, что это непремѣнно будетъ. Если же пророки знали и о крестѣ, и о причинѣ креста, и о томъ, что совершено крестомъ, и о погребеніи, и о воскресеніи, и о вознесеніи, и о предательствѣ, и о судилищѣ, и все это съ точностью описали, то какъ не знаетъ объ этомъ Самъ пославшій ихъ и повелѣвшій возвѣстить это? Кто изъ здравомыслящихъ можетъ сказать это? Видишь ли, что не должно останавливать вниманіе на однихъ словахъ? Здѣсь не только это возбуждаетъ недоумѣніе, но и послѣдующія слова возбуждаютъ еще большее недоумѣніе. Ибо что говоритъ Онъ? *Отче, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія.* Здѣсь представляется, будто Онъ не только не знаетъ, но и отказывается отъ креста. Ибо эти слова значатъ: если можно говорить, то Я хотѣлъ бы не подвергаться распятію на крестѣ и умерщвленію. Но если бы Онъ не хотѣлъ, то развѣ трудно было остановить тѣхъ, которые приступали къ Нему? А теперь, видишь, Онъ Самъ поспѣшаетъ къ этому. Когда приступали къ Нему, Онъ сказалъ: *кого ищете? Отвѣщаша Ему: Іисуса. Глагола имъ: Азъ есмь, и идоша вспять, и падоша на земли* (Іоан. XVIII, 6). Такъ, Онъ сначала ослѣпилъ ихъ и показалъ, что Онъ могъ избѣжать, а потомъ и предалъ Себя, дабы ты зналъ, что Онъ не по необходимости, или принужденію

или насилію приступившихъ подвергся этому, но добровольно, по собственному предъизбранію и желанію и по давнему приготовленію къ этому. Онъ проситъ избавить Его и отъ смерти, показывая Свое человѣчество и немощь природы, которая не можетъ безъ страданія лишиться настоящей жизни. Подлинно, если бы Онъ не говорилъ ничего такого, то еретикъ могъ бы сказать: если Онъ былъ человѣкомъ, то Ему надлежало и испытать свойственное человѣку. Что же именно? То, чтобы, приближаясь къ распятію на крестѣ, страшиться и скорбѣть и не безъ скорби лишиться настоящей жизни; ибо въ природу вложена любовь къ жизни настоящей. Посему Онъ, желая показать Свое истинное облеченіе плотію и удостовѣрить въ истинѣ этого домостроительства, съ великою ясностью обнаруживаетъ Свои страданія. Это одна причина; но есть и другая, не меньше этой. Какая же именно? Онъ хотѣлъ научить насъ молиться, и Самъ молился по человѣчески, не по Божеству: Божество не причастно страданію,—Онъ молился, чтобы научить насъ просить объ избавленіи отъ бѣдствій; но если это будетъ невозможно, то съ любовью принимать угодное Богу. Потому Онъ и сказалъ: *обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты,* не потому, чтобы иная воля Его и иная Отца, но чтобы научить людей, хотя бы они бѣдствовали, хотя бы трепетали, хотя бы угрожала имъ опасность, хотя бы не хотѣлось имъ разставаться съ настоящей жизнью, не смотря на это предпочитать собственной волѣ волю Божію (Бес. на разныя мѣста Священнаго Писанія, т. II, стр. 130, 133—134, 138. 143, 146).

О томъ же Василія Великаго.

Если Сынъ истинно говорилъ: *Отче, аще возможно, да мимоидетъ чаша сія:* то не только обнаруживалъ Свою боязнь и немощь, но и думалъ, что есть нѣчто невозможное и для Отца. Ибо слова: *аще возможно,* показывали сомнѣвающагося, а не увѣреннаго, что Отецъ можетъ спасти Его. Почему же бы Дарующій жизнь и мертвымъ не могъ тѣмъ паче сохранить жизнь живымъ? Для чего Воскресившій Лазаря и многихъ мертвыхъ не даетъ жизни Самъ Себѣ, но проситъ у Отца, со страхомъ говоря: *Отче, аще возможно, да мимо идетъ чаша сія!* И если не по Своей волѣ умеръ, то не смирилъ Себя и не былъ *послушливъ Отцу даже до смерти* (Филиппис. II, 8); то не Самъ Себя предалъ, какъ говоритъ Апостолъ: *давшаго Себе избавленіе по грѣсѣхъ нашихъ* (Галат. I, 4. 1 Тимоѳ. II, 6). Если же умеръ по Своей волѣ, то для чего было нужно говорить: *Отче, аще возможно, да мимоидетъ чаша сія?* Посему слова сіи разумѣть должно не о Немъ, но о тѣхъ, которые имѣли согрѣшить противъ Него, чтобы они не согрѣшили. За нихъ и распятый говоритъ Онъ: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Поэтому сказаннаго по домостроительству не должно принимать за сказанное просто (ч. III, стр. 167—168).

Св. Исидора Пелусіота на слова: *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. XXVI, 41).

Въ сказанномъ Спасителемъ: *бдите и молитеся, да не внидите въ напасть* подразумѣвается: молитеся, чтобы не поглотило васъ искушеніе. А если бы Спаситель сказалъ, что̀ предполагаютъ другіе, именно же: молитесь, чтобы никоимъ образомъ не впасть въ искушеніе, то не имѣло бы сіе смысла; потому что и пророки, и Апостолы, и мужи, наипаче преуспѣвшіе, впадали въ многія и весьма великія искушенія. Напротивъ

того, не впадать въ искушеніе, можетъ быть, и невозможно, не быть же предубѣжденнымъ—возможно. Посему какъ многіе изъ людей, будучи погружены въ невѣжество, въ бѣдахъ бываютъ безутѣшны сердцемъ, такъ управляемые цѣломудреннымъ помысломъ отражаютъ отъ себя бѣды, не только тѣмъ, что переносятъ ихъ мужественно, но тѣмъ, что помышляютъ о вѣнцахъ (ч. I, стр. 338).

Св. Василія Великаго на парал. 40 ст. XXII гл. Лук.

Поелику Господь учитъ молиться, *да не внидете въ напасть* (Лук. XXII, 40); то должно ли молиться и о томъ, чтобы не впадать въ тѣлесныя страданія, и, если кто впадетъ въ нихъ, какъ долженъ переносить?

Господь не различилъ качества напасти, но вообще повелѣлъ: *молитеся, да не впадете въ напасть.* А введенному въ напасть должно просить у Господа съ искушеніемъ и избытія, *яко возмощи понести* (1 Корине. X, 12), чтобы исполнилось надъ нами: *претерпѣвый же до конца, той спасется* (Матѳ. XXIV, 13). (Тв. св. оо., т. IX. Тв. св. Василія Великаго, ч. V, стр. 319).

О томъ же.

(Филарета, митроп. Московскаго).

Сіе наставленіе преподалъ избраннымъ ученикамъ Своимъ Христосъ Спаситель въ послѣднюю ночь житія Своего предъ крестною смертію. Онъ бодрствовалъ и молился, и къ тому же побуждалъ учениковъ Своихъ.

Да не внидете въ напасть, сказалъ Онъ. То есть: вамъ угрожаетъ опасность. Врагъ невидимый и враги видимые приближаются съ отчаянными усиліями, чтобы поразить Главу новосозидаемой Церкви и разрушить ея основаніе. Вашей вѣрѣ предстоитъ трудное испытаніе. Вамъ должно увидѣть вашего Учителя въ узахъ, въ страданіяхъ, на крестѣ, и для себя ожидать подобнаго. Если бдѣніемъ и молитвою укрѣпите вѣру, то пройдете сквозь искушеніе невредимы. А если вздремлете, и въ дремотѣ угаснетъ молитва,—опасность превратится въ дѣйствительное бѣдствіе. *Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть.*

Посему можно думать, что если бы Петръ исполнилъ въ точности наставленіе своего Божественнаго Учителя и укрѣпился въ бдѣніи и молитвѣ, то во время опасности сохранилъ бы спокойную непоколебимость и не перешелъ бы отъ неумѣстнаго дерзновенія къ малодушной робости, не сдѣлалъ бы неразсудительнаго и безполезнаго покушенія ударить ножемъ раба архіереева и не былъ бы доведенъ празднословіемъ рабовъ и рабынь до отреченія отъ Христа. Но онъ вздремалъ, и отъ сего произошли послѣдствія, которыя онъ долженъ былъ оплакивать горько.

Бдѣніе христіанина есть отъятіе отъ естественнаго сна только времени, сколько можно безъ разстройства здоровья и, какъ въ сіе, такъ и во всякое время, возбужденіе души къ Богомыслію, къ молитвѣ, къ наблюденію за движеніями ума, воли, сердца, чувствъ, чтобы оныя непрестанно направляемы были къ истинному и доброму, по волѣ Божіей (изъ бесѣды въ день памяти преподобнаго Сергія, т. III, стр. 113—114).

Поучительная ночь, въ которую Господь Іисусъ Христосъ былъ преданъ.

Евангельская исторія ночи, въ которую Господь нашъ былъ преданъ въ руки грѣшниковъ, представляетъ намъ три весьма различныя явленія: Спаситель бодрствуетъ, скорбитъ и молится Богу Отцу; ученики Его предаются сну, когда бы надлежало бодрствовать и мо-

литься; Іуда и Іудеи бодрствуютъ, тогда какъ лучше бы имъ не бодрствовать и спать. Сіи три явленія, различныя—въ одну и ту же ночь, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, изображаютъ три рода людей, и каждый изъ насъ непремѣнно принадлежитъ къ одному изъ сихъ родовъ.

Исторія необыкновенной ночи, въ которую Господь былъ преданъ, первѣе всего представляетъ намъ состояніе и дѣйствія Спасителя. Пришло опредѣленное время страданія; злоба враговъ созрѣла и начала исполнять свой преступный замыселъ. Господь, совершивъ послѣднюю прощальную вечерю съ Своими учениками, удалился въ уединенное мѣсто и, приготовляясь къ страданіямъ, какимъ благоволилъ предать Свое человѣчество, началъ скорбѣть и тужить: *прискорбна есть душа Моя до смерти,* говорилъ Онъ Своимъ ученикамъ. Что же дѣлаетъ Онъ въ эти минуты предсмертной скорби? Отошедъ немного отъ Своихъ учениковъ, Онъ палъ на лице Свое, молился и говорилъ Богу Отцу Своему: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты.* Трижды съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами (Евр. V, 7) возносилась эта молитва къ Отцу Небесному и всякій разъ оканчивалась полною преданностью Сына волѣ Отца, готовностью на всѣ страданія за грѣшный родъ человѣческій. *Отче Мой, аще не можетъ сія чаша мимо ити отъ Мене, буди воля Твоя!* Трижды прекращалась она, и каждый разъ Господь обращался къ ослабѣвшимъ ученикамъ и пробуждалъ ихъ отъ сна.

Какихъ людей изображаетъ сказаніе о сихъ дѣйствіяхъ и состояніи Спасителя? Тѣхъ немногихъ святыхъ Божіихъ, немногихъ истинныхъ послѣдователей Іисуса распятаго, которые, подражая Ему, проводятъ всю жизнь свою въ скорбяхъ душевныхъ и страданіяхъ тѣлесныхъ, въ произвольныхъ подвигахъ покаянія и самоотверженія. Взирая на Начальника и Совершителя вѣры Іисуса, Который вмѣсто предлежавшей Ему радости претерпѣлъ крестъ, посрамленіе и поруганіе отъ грѣшниковъ, они добродушно подвергаются всѣмъ родамъ посрамленій и поруганій отъ людей нечестивыхъ, сражаются противъ зла до крови, подвизаются противъ грѣха до смерти (Евр. XII, 2—4). Но среди неимовѣрныхъ подвиговъ не ропщутъ на Бога, нимало не отчаяваются, а съ полнымъ дерзновеніемъ и сыновнимъ упованіемъ обращаются въ молитвѣ къ Отцу Небесному, прося у Него благодатной помощи, облегченія и утѣшенія,—и во всякомъ случаѣ, получаютъ ли просимое, или нѣтъ, всецѣло предаютъ себя всеблагой и премудрой волѣ Отца Небеснаго: *Отче Мой, аще не можетъ сія чаша мимо ити отъ Мене, буди воля Твоя.* Наконецъ, у великихъ угодниковъ Божіихъ, не смотря на жесточайшія страданія, достаетъ силъ и времени помогать ближнимъ, вразумлять заблуждающихъ, возбуждать ослабѣвающихъ и утѣшать скорбящихъ. Исполняя обязанности къ Богу, они не нарушаютъ ни одной обязанности къ ближнимъ; строгіе къ себѣ самимъ, они милостивы и снисходительны къ другимъ; страдая сами, желаютъ участвовать въ страданіяхъ своихъ братій.

Исторія ночи, въ которую Господь былъ преданъ, представляетъ другое явленіе, изображающее другой родъ людей. Во время молитвеннаго подвига, бодрствованія и страданія Господа, ученики Его, склоняемые немощною природою, предаются сну, не смотря на убѣжденія Учителя. Сонъ—естественная потребность человѣческой природы, а ночь—законное время для сна;

но есть случаи, когда нужно отказывать сей потребности, когда необходимо проводить цѣлые дни и ночи безъ сна и отдыха для славы Божіей, для блага и утѣшенія страждущихъ братій и ради спасенія души своей. Потому-то и Господь требовалъ отъ Своихъ учениковъ бодрствованія и участія въ страшныя минуты предсмертныхъ Своихъ страданій. Но они, не смотря на всѣ убѣжденія Господа, не возмогли побдѣть съ Нимъ и одного часа; предавались дреманію и почивали тогда, когда приближался часъ преданія Господа и Спасителя ихъ въ руки грѣшниковъ.

Кого изображаетъ это явленіе? Всѣхъ слабыхъ христіанъ, которые иногда всю жизнь свою дѣлаютъ временемъ непробуднаго душевнаго сна, лѣнивы тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать для славы Божіей, для блага братій своихъ и во спасеніе души своей,—слѣдовательно изображаетъ едва ли не бо́льшую часть изъ насъ. Страшное, опасное и не угодное Богу состояніе: *тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною? Вы все спите и почиваете: се приближается часъ, и Сынъ Человѣческій предается въ руки грѣшниковъ* (Матѳ. XXVI, 40, 45). Святая Церковь почти ежедневно въ продолженіе года въ Божественной литургіи воспоминаетъ страданія Господа: слабые христіане такъ равнодушны къ этому святѣйшему Богослуженію, что подъ разными предлогами, ничтожными, присутствуютъ при немъ чрезвычайно рѣдко, нѣсколько разъ въ годъ. Въ алтарѣ христіанскаго храма, во время литургіи, приносится безкровная жертва, совершается тайна, какая не совершается на небѣ, при которой со страхомъ и трепетомъ присутствуютъ святые небожители; а слабые христіане стоятъ во храмѣ безъ всякаго вниманія и благоговѣнія, безъ сердечнаго участія въ общей молитвѣ, какъ будто священнодѣйствіе совершается не для нихъ. Церковь, желая, чтобы мы постоянно имѣли въ мысли и предъ глазами образъ страждущаго Господа, изображаетъ страданія Господа на иконахъ и на стѣнахъ храма, заповѣдуетъ какъ можно чаще осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, совершаетъ воспоминанія о страданіяхъ Господнихъ и поклоненіе честному и животворящему кресту: что́ же безпечные, для которыхъ Господь взошелъ на крестъ? Все напрасно! Слабые христіане рѣдко даже разсматриваютъ изображенія страданій Господнихъ, стыдятся какъ-бы креста Христова, не хотятъ осѣнить своего чела крестнымъ знаменіемъ, какъ подобаетъ православному христіанину, и вообще остаются холодными, равнодушными и безпечными. *И пришедъ,* Господь *обрѣте ихъ паки спящихъ: бѣста бо имъ очи отягощьни* (Матѳ. XXVI, 43). Послѣ Святой Четыредесятницы наступаетъ Страстная Седмица, посвященная воспоминанію страданій и смерти Господа; слабые христіане проводятъ ее еще хуже другихъ седмицъ, и въ извиненіе своей преступной безпечности, указываютъ то на прошедшій долговременный постъ, будто бы утомившій ихъ, то на приближающійся праздникъ Пасхи, къ которому будто нужно приготовить то и другое, а о страждущемъ Спасителѣ вовсе забываютъ, зова въ храмъ Божій не слышатъ, чтенію Евангельской исторіи и пѣснямъ церковнымъ не внимаютъ. Потому и къ нимъ относятся слова Спасителя: *тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною? Вы все спите и почиваете: се приближается часъ, и Сынъ Человѣческій предается въ руки грѣшниковъ.*

Третье явленіе, какое представляетъ

намъ исторія достопамятной ночи, есть явленіе странное и страшное! Іуда предатель и Іудеи распинатели не спятъ въ ночное время, добровольно отказываютъ естественной потребности своей; но не для молитвы и подвиговъ, не для славы Божіей, или пользы ближнихъ, а для удобнѣйшаго исполненія своего коварнаго замысла—умертвить Господа Іисуса, пролить кровь неповинную, совершить неслыханное злодѣяніе, распять Святѣйшаго святыхъ. Подъ предводительствомъ Іуды предателя съ свѣтильниками цѣлая толпа народа ищетъ одного Іисуса, да Его погубятъ, не понимая того, что свѣтильники сіи освѣщали и облегчали путь къ собственной ихъ погибели. О, лучше бы вовсе не было для нихъ этой страшной ночи! Къ нимъ относятся слова премудраго Соломона: *не уснутъ, аще зла не сотворятъ: отыметься сонъ отъ нихъ, и не спятъ* (Притч. IV, 16).

Кого изображаетъ это мрачное явленіе? Тѣхъ немногихъ, которые по дѣламъ своимъ, подобно Іудѣ и распинателямъ, изъ безпечныхъ сдѣлались уже закоренѣлыми и нераскаянными грѣшниками, ожесточенными преступниками, обреченными на погибель. Такихъ людей можно узнать по слѣдующимъ признакамъ. Они любятъ зло безъ стыда и страха; для удобнѣйшаго исполненія злобныхъ замысловъ они готовы на всякую хитрость, и подобно Іудѣ, лобзаніемъ и подъ видомъ дружбы предаютъ своихъ ближнихъ, даже Самого Господа готовы тысячу разъ предать и распять: изъ мелочныхъ своекорыстныхъ расчетовъ согласны продать весь родъ человѣческій, все святое и доброе, за тридцать сребренниковъ, даже за одно пустое и минутное удовольствіе. Объ нихъ сказалъ премудрый: *не уснутъ, аще зла не сотворятъ: отыметься сонъ отъ нихъ и не спятъ. Тіи бо питаются пищею нечестія, виномъ же законопреступнымъ упиваются* (Притч. IV, 16—17). Лучше бы имъ не родиться и не видѣть ни дня, ни ночи.

Вотъ три различныя явленія, случившіяся въ одну и ту же ночь, когда былъ преданъ Господь,—и—вотъ три рода людей, изображаемыхъ сими явленіями (Воскр. Чт., г. VIII, стр. 477—478).

Іуда предатель.

(Архіеп. Иннокентія.)

Іуда—лице съ перваго взгляда ужасное и вмѣстѣ таинственное, состоящее въ какой-то особенной, разительной противоположности съ достопокланяемымъ лицемъ Сына Человѣческаго. Каиниты, конечно, жестоко заблуждали, почитая Іуду за его предательство, совершенное яко бы потому, что онъ одинъ изъ Апостоловъ обладалъ прозрѣніемъ въ тайну спасенія человѣческаго смертію Сына Божія, но несогласно съ истиной поступилъ бы и тотъ, кто захотѣлъ бы видѣть во всей прошедшей жизни бывшаго Апостола одно мрачное и преступное. За противное ручается уже его почти четырехлѣтнее пребываніе съ Іисусомъ, *среди напастей и искушеній* (Лук. XXII, 28), когда многіе другіе оставляли Его (Іоан. VI, 65—71). Такое постоянство достается въ удѣлъ не всякому. Сильное раскаяніе во грѣхѣ, всенародное признаніе въ немъ во храмѣ и торжественное свидѣтельство о невинности осужденнаго уже Іисуса, подвергавшее Іуду многимъ непріятнымъ послѣдствіямъ, такъ же громко свидѣтельствуютъ, что въ душѣ предателя еще была совѣсть, что рука его умѣла не принимать только, а и повергать сребренники. Не присоединись къ раскаянію отчаяніе, встрѣться съ идущимъ изъ храма пре-

дателемъ горькій плачъ Петровъ;—и мы, можетъ быть, увидѣли бы въ Искаріотѣ ревностнѣйшаго провозвѣстника Христа, имъ преданнаго, полагающаго за Него, подобно прочимъ Апостоламъ, душу свою. Все это и многое другое заставляло отцевъ Церкви думать, что душа Іуды не чужда была многихъ добрыхъ чувствованій; почему онъ и былъ принятъ въ Апостолы и причисленъ къ лику двѣнадцати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ Искаріота былъ зародышъ гибельной страсти сребролюбія. То и другое—и похвальная и предосудительная сторона его характера могли равно расположить его слѣдовать за Іисусомъ. Гдѣ болѣе, какъ не въ Его Божественныхъ бесѣдахъ, было пищи для всѣхъ благихъ помысловъ и чувствованій?—При комъ, какъ не при Немъ—Мессіи—Царѣ всего міра, удобнѣе казалось удовлетворить и свою жажду къ серебру?—И вотъ, Искаріотъ въ числѣ учениковъ Іисусовыхъ. Особенныя дарованія, коими обладалъ онъ, вскорѣ отличаютъ его отъ другихъ; и онъ причтенъ къ лику двѣнадцати. Быть не можетъ, чтобы Іисусъ, избравшій Своихъ Апостоловъ послѣ всенощной молитвы, среди собесѣдованій съ Отцемъ, не видѣлъ, что Онъ избираетъ Своего предателя. *Вѣдяше искони, кто есть предаяй Его,*—и однакоже избралъ его! избралъ—да сбудется Писаніе, *яко никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный!* (Іоан. XVII, 12.)

Постоянная, непосредственная близость къ Іисусу—должна была, по свойству сердца человѣческаго, произвести одно изъ двухъ,—или подавить совершенно страсть сребролюбія въ сердцѣ Іуды и сдѣлать его совершенно чистымъ, подобно прочимъ ученикамъ, или произвести въ немъ тайную, постепенно возрастающую скуку отъ святаго общества Іисусова, заставить его, убѣгая свѣта, такъ ярко сіявшаго предъ очами и освѣщавшаго всѣ шаги его, болѣе и болѣе погружаться въ собственную тьму, предаться совершенно страсти. Къ несчастію, надъ Іудою сбылось во всей силѣ послѣднее. Тогда, какъ прочіе ученики, вступивъ въ святое общество Іисусово, оставляли, такъ сказать, свою собственную жизнь и со дня на день болѣе начинали жить Божественною жизнью Учителя;—Іуда остался съ своею гибельною самостоятельностью. Въ его умѣ продолжался мракъ невѣрія; въ его сердцѣ лежалъ ледъ самолюбія; онъ продолжалъ жить собственною жизнью, противоположною жизни Учителя. Средоточіемъ сей противоположности была страсть къ деньгамъ, столь противная духу нищеты и самоотверженія Сына Человѣческаго. Но самый Искаріотовъ ящикъ сдѣлался ковчегомъ завѣта для сребролюбца, изъ котораго сатана давалъ ему свои откровенія;—вся область тьмы обратилась на сію душу, находя въ ней убѣжище и твердыню противъ того, кто пришелъ разрушить дѣла діавола. Когда Сынъ Божій восходилъ отъ одного подвига къ другому, несчастный сынъ погибели ниспадалъ отъ лукавства къ лукавству, отъ измѣны къ измѣнѣ. Все злое тѣмъ глубже внѣдрялось въ душу Іуды, что долженствовало оставаться тайною его совѣсти: со внѣ онъ былъ Апостолъ, и вѣроятно, самый ревностный...

Учитель, безъ сомнѣнія, употреблялъ всѣ средства къ исцѣленію недугующаго ученика. Свидѣтельство тому послѣдняя вечеря. Сколько трогательныхъ и сильныхъ намековъ къ покаянію! Въ Евангеліи Іоанновомъ сохранились и другіе слѣды особеннаго вниманія Іисусова къ состоянію души Іудиной. Но по причинѣ заключенія чувствъ сердца, занятаго страстью, все доброе оставалось на ея поверхности;

не было принято и не могло обращаться въ сокъ и жизнь духовную. Прикосновеніе—самое легкое и дружеское—врачующей руки къ ранѣ производило одно внутреннее содраганіе и боль.

Можетъ быть не разъ Искаріотъ, выводимый изъ терпѣнія своею страстью, подобно другимъ, думалъ оставить Іисуса. Но невидимые узы все еще держали его до предопредѣленнаго времени; внутренній голосъ сильно еще говорилъ за Учителя. Могла говорить въ пользу пребыванія съ Іисусомъ и самая страсть, все еще не терявшая совершенно надежды видѣть Іисуса—Мессію. Іуда, какъ ни тяжело было принуждать себя непрестанно, принуждалъ и оставался.

Послѣднія событія, возбудившія и въ прочихъ ученикахъ чаяніе о близкомъ воцареніи Учителя, въ Іудѣ должны были потрясти всю душу надеждою и страхомъ. «Теперь, думалъ Іуда, не далѣе должна рѣшиться Его,—по крайней мѣрѣ, моя участь! Время подумать рѣшительно о своемъ будущемъ состояніи». Что же слышитъ сребролюбецъ отъ Учителя въ продолженіи всѣхъ послѣднихъ дней? Частыя предсказанія о Его будущихъ страданіяхъ, и—ни—слова—о Его Царствѣ и наградахъ ученикамъ! «Первосвященники и фарисеи собираются для совѣщаній, берутъ мѣры, осуждаютъ насъ на смерть; а мы ходимъ туда и сюда безъ дѣла, проводимъ дни и ночи ни надъ чѣмъ. Прекрасное общество, но оно не по Іудѣ, коему нужно чѣмъ жить. Я не ихъ, и они не мои! Каждый пойдемъ своимъ путемъ»! «Но нельзя ли извлечь, шепталъ демонъ, послѣдней пользы изъ твоего почти четырехлѣтняго пребыванія съ сими людьми? Синедріонъ весьма дорожитъ узнаніемъ мѣстопребыванія Іисусова,—почему не употребить въ свою пользу сего вызова? Указаніе мѣстопребыванія не причинитъ большаго вреда Учителю, а тебѣ послужитъ въ пользу. Посмѣютъ ли стражи наложить руки на Іисуса? Не въ первый разъ имъ возвращаться отъ Него безъ успѣха. Даже, если бы они захватили Его; то, во время праздника, по причинѣ народа, не посмѣютъ причинить Ему ничего худаго; дѣло окончится чѣмъ либо неважнымъ,—по всей вѣроятности—удаленіемъ Іисуса въ Галилею; а ты можешь получить награду и отличить себя въ глазахъ фарисеевъ».

Адская мысль принята, и ученикъ предатель весь занятъ сатаною! Не ищите послѣ сего согласія въ его дѣйствіяхъ; это значило бы искать порядка въ адѣ. Пусть Каіафа не будетъ обѣщать ему ничего болѣе тридцати сребренниковъ;—сребренники сіи покажутся ему горами золота. Вырваться скорѣе изъ рая—обратившагося въ темницу,—кончить, кончить дѣло,—вотъ чего хочетъ душа Іудина,—живущій въ ней діаволъ!

Но дѣло кончено!—Учитель въ рукахъ книжниковъ! Посредствомъ неимовѣрной поспѣшности они успѣваютъ въ продолженіи ночи сдѣлать два собранія, выслушать лжесвидѣтелей, произнести осужденіе, предать осужденнаго Пилату на распятіе. Вѣсти о всѣхъ сихъ событіяхъ, подобно громовымъ ударамъ, отдаются въ душѣ Іудиной. Разродившись предательствомъ, освободившись отъ усильныхъ дѣйствъ сатаны (который теперь достигъ своего въ Іудѣ), душа предателя сдѣлалась теперь какъ-бы праздною и доступною чувству забытаго долга. И какой ужасный голосъ раздается въ пустотѣ сей!—Все доброе, на время забытое, въ тысячѣ видахъ возникаетъ опять, тѣснится въ сердцѣ, подавляетъ, разрываетъ его самою полнотою своею; Іуда одно видитъ, одно

слышитъ: смерть Учителя! Для него нѣтъ болѣе стыда и скрытности, всѣ расчеты, самая страсть исчезла, какъ адское привидѣніе: осталась одна совѣсть съ мученіями! Дружеское участіе въ семъ положеніи какого либо священника, какого либо человѣка, можетъ быть, остановило бы душу, готовую упасть въ адъ. Отъ нѣсколькихъ минутъ зависѣло все. Что же слышитъ самоосужденный предатель?—«Смотри самъ», говорятъ ему съ презрѣніемъ. О, я хорошо вижу, думаетъ онъ въ отчаяніи, чего стоитъ подобное мнѣ чудовище: *око за око, кровь за кровь*, говоритъ самъ законъ; и первое древо служитъ ему орудіемъ казни надъ самимъ собою.

Послѣ сего уже стократъ *унѣе* было, *дабы не родился* ужасно несчастный *человѣкъ сей!*

Но речетъ кто: *аще писано есть пострадати Христу сіе, то чего ради порицаетъ Іуду: Писанія бо сотворилъ есть?*

«Но не тѣмъ изволеніемъ, а отъ лукавства. Аще же не изволеніе его испытывати будеши, то и діавола отъ согрѣшенія свободиши. Но нѣсть сіе, нѣсть. Безчисленныхъ бо достойны суть мукъ и сей и онъ, аще и вселенная спасеся. Не преданіе бо Іудино спасеніе намъ содѣла, но Христова премудрость и Его художества богатство, иныхъ лукавства въ пользу намъ употребляя. Речеши: «аще и Іуда не предалъ бы, инъ не предалъ ли бы?» И что сіе на предложеніе? «Яко аще распятися Христу подобаше, чрезъ нѣкоего подобаше, речеши: аще чрезъ нѣкоего, чрезъ такова человѣка всячески: аще же бы вси были блази, не содѣялся бы смотрѣніе о насъ». Не буди;—Самъ бо Всепремудрый вѣдяше, како устроити полезная намъ, и сему не собывшуся; изобильна бо Его премудрость и непостижима. Сего ради, да не кто возмнитъ, яко служитель смотрѣнія бысть Іуда, окаеваетъ его» (Воскр. Чт., г. II, стр. 512—516).

Какъ согласить виновность Іуды предателя и беззаконныхъ судей Іисуса Христа съ Божественнымъ предопредѣленіемъ объ искупительныхъ страданіяхъ Его (Матѳ. XXVI, 24. Лук. XXIV, 46—47).

(Архимандрита Августина.)

Тако писано есть, говорилъ Самъ необыкновенный Страдалецъ по Своемъ воскресеніи, *и тако подобаше пострадати Христу и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, начеше отъ Іерусалима* (Лук. XXIV, 46—47). Этимъ объясняется многое, что можетъ иногда показаться непонятнымъ при чтеніи или слушаніи Евангельскихъ разсказовъ о страданіяхъ Христовыхъ: напримѣръ то, почему Іисусъ Христосъ такъ легко далъ взять Себя посланному за Нимъ отряду воиновъ, и такъ мало и какъ будто неохотно защищался на судѣ, почему за Него не вступились люди, Имъ облагодѣтельствованные, исцѣленные и воскрешенные,—почему Онъ не сотворилъ ни одного чуда и даже не сказалъ ни одного слова во дворцѣ Ирода, куда привели Его отъ Пилата, тогда какъ Иродъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ Его и того только и ожидалъ, что вотъ Онъ вдругъ сотворитъ предъ нимъ какое либо поразительное чудо, и отъ одного этого, можетъ быть, зависѣло бы Его освобожденіе,—почему Онъ не сошелъ со креста, когда толпа кричала: «сойди съ креста, и мы увѣруемъ въ Тебя», и т. п. На всѣ эти и подобныя имъ недоумѣнія—одинъ отвѣтъ: *тако подобаше пострадати Христу;* Онъ долженъ былъ

пострадать, и именно такъ, какъ пострадалъ.

Но хотя все это такъ должно было быть и иначе не могло быть, однакожъ этимъ нисколько не оправдывается неправда и не извиняется злоба и ненависть ко Христу Его предателей, судей, распинателей. Иногда можно услышать между людьми такого рода сужденіе,—чѣмъ же виноватъ Іуда предатель и за что осуждать его, когда своимъ предательствомъ онъ только исполнилъ предопредѣленіе Божіе о Христѣ, помогъ, такъ сказать, Іисусу Христу совершить то дѣло, для котораго Онъ пришелъ?—А тѣмъ виноватъ Іуда предатель, что 1) живя три съ половиною года съ такимъ кроткимъ, мудрымъ и любовнымъ Учителемъ, онъ не только не проникся любовью и благоговѣніемъ къ Нему, а, напротивъ, еще воспиталъ въ сердцѣ своемъ чувство непріязни и недоброхотства къ Нему,—кто его знаетъ уже, изъ-за чего и за что; 2)—тѣмъ, что прельстился 30 сребренниками, и изъ-за нихъ коварно выдалъ врагамъ если ужъ не любимаго, то, по крайней мѣрѣ, невиннаго и ничѣмъ не обидѣвшаго его Учителя. Отсюда видно, что онъ имѣлъ сердце не доброе, душу низкую; по этимъ-то дурнымъ качествамъ своимъ, а совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобъ исполнить предопредѣленіе Божіе о Христѣ, онъ и совершилъ свой предательскій поступокъ, и за это осуждается. Наконецъ 3) тѣмъ еще виноватъ Іуда, что, сознавъ гнусность своего поступка, онъ не залился слезами покаянія, подобно, напримѣръ, Петру, отвергшемуся и плакавшемуся горько, но поспѣшилъ покончить съ собою самоубійствомъ.—Подобно Іудѣ, виноватъ и Пилатъ, уже тѣмъ однимъ, что сознательно и намѣренно совершилъ судъ неправый, изъ личныхъ видовъ и расчетовъ предалъ на казнь и смерть Того, Кого самъ призналъ невиннымъ праведникомъ,—виноватъ, говоримъ, что бы тамъ ни вышло потомъ послѣ этой казни и смерти. Виноваты и достойны осужденія и эти архіереи и старцы, книжники и фарисеи, рѣшившіеся погубить Іисуса изъ зависти и злобы, но старающіеся придать этому дѣлу видъ законный. Виновата, наконецъ, и эта толпа, по наущенію и подкупу, или только чтобъ прислужиться старшимъ, измышляющая ложныя свидѣтельства, бьющая по ланитамъ, ругающаяся, издѣвающаяся, то-и дѣло кричащая: *распни, распни Его*, предпочитающая разбойника своему высочайшему Благодѣтелю и, наконецъ, съ глупою радостью ведущая и возносящая Его на крестъ. Всѣ эти люди, конечно, сдѣлали то, что должно было совершиться; но не потому они сдѣлали это, что такъ должно было совершиться, а по своимъ низкимъ страстямъ, лукавымъ цѣлямъ, нечистымъ видамъ, мелкимъ расчетамъ. Они дѣйствовали, не имѣя въ виду Божественнаго предопредѣленія, котораго они и не знали и которое исполнили лишь слѣпо и безсознательно, сами не понимая что дѣлаютъ; но все же они дѣйствовали худо, лукаво, несправедливо, безсовѣстно, и за это, за свое лукавство и нечестіе, они и виновны и достойны осужденія. Всеблагій и Премудрый и изъ зла умѣетъ извлекать добро и посредствомъ злобы людской часто достигаетъ Своихъ высочайшихъ спасительныхъ цѣлей; но отъ этого зло нисколько не перестаетъ быть зломъ, не теряетъ своей мерзости въ очахъ Божіихъ и въ понятіяхъ добрыхъ людей и все-таки заслуживаетъ осужденія и наказанія... Итакъ обо всѣхъ этихъ людяхъ, о всемъ этомъ беззаконномъ соборищѣ нечестивыхъ судей, обвинителей и распинателей Іисуса слѣдуетъ сказать то же самое, что сказалъ Онъ Самъ объ

Іудѣ предатель: *Сынъ убо Человѣческій идетъ, якоже есть писано о Немъ, горе же человѣку тому, имже Сынъ Человѣческій предается* (Матѳ. XXVI, 24). Горе и этому беззаконному соборищу, хотя оно своими руками совершило то, что имѣло совершиться со Христомъ по Писаніямъ и было предопредѣлено о Немъ отъ вѣчности (Воскр. Чт. 1872 г., 226—227).

Библіографическій указатель къ XXVI гл. Ев. Матѳея (36—56) и парал.

Въ духовныхъ журналахъ:

1) Ст. 36. Геѳсиманія. Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1874 г. II. 159.

2) Геѳсиманія. Воскр. Чт., г. XVIII. 180—184.

3) Размышленія: Іисусъ Христосъ въ саду Геѳсиманскомъ и проч. Христ. Чт. 1841 г., ч. I. 473—500.

4) Размышленія о скорби Іисуса Христа въ саду Геѳсиманскомъ предъ началомъ Его страданій. Воскр. Чт., г. XXI. 513—515. ч. XI. 542—544.

5) Хаджи-Румъ Москова. Мѣсто моленія о чашѣ. Духовн. Бес. 1860 г. IX, № 38. 70—80.

6) Препод. Исидора Пелусіота объ отреченіи отъ чаши. Ч. I. 170.

7) Лук. XXII, 43—44. Явленіе Ангела Іисусу Христу въ саду. Размышленія: Іисусъ Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду. Христ. Чт. 1841 г. I. 479—484. Моленіе Іисуса Христа въ томъ же саду. Тамъ же 484—491.

8) Матѳ. XXVI, 41. *Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть: духъ убо бодръ, плоть же немощна.* Воскресн. Чт., г. IX. 90—94.

9) Св. Іоанна Златоустаго. Бесѣда о предательствѣ Іуды. Христ. Чт. 1834 г. II. 22—30.

10) Іуда предатель. Христ. Чт. 1855 г. I. 211—221.

11) Матѳ. XXVI, 49. Лобзаніе и предательство Іуды. Размышленія. Христ. Чт. 1841 г. I. 491—500.

12) Іоан. XVIII, 23. Препод. Исидора Пелусіота на слова: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что Мя біеши?* Ч. III. 107.

13) Іисусъ Христосъ предаетъ Себя въ руки враговъ Своихъ.—Уничиженное состояніе Его отъ рожденія до крестной смерти. Воскр. Чт., г. XI. 544.

14) За что книжники и фарисеи возненавидѣли Іисуса Христа? Воскр. Чт., т. XXXII. 1373—1377.

15) Матѳ. XXVI, 53. Легіонъ. Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1876 г. II. 79.

Въ словахъ и бесѣдахъ.

16) Матѳ. XXVI, 37—38. *Никанора, архіепископа Херсонскаго.* О Геѳсиманской скорби Іисуса Христа. IV, 237—239.

17) *Павла, архіепископа Кишиневскаго.* О душевномъ бореніи и скорби Іисуса Христа предъ страданіями и во время страданій. I, 308—315.

18) Ст. 41. *Арсенія, митрополита Кіевскаго.* О необходимости молитвы, какъ ограды отъ напастей, и ея качествахъ. IV, 486—493.

19) Марк. XIV, 38. *Павла, архіепископа Кишиневскаго.* О необходимости бдѣнія и молитвы для побѣжденія искушеній. I, 239—251.

Іисусъ на судѣ у первосвященниковъ (Матѳ. XXVI, 57—75. Марк. XIV, 53—72. Лук. XXII, 54—71. Іоан. XVIII, 12—27).

Іисуса Христа сперва завели по дорогѣ къ тестю и товарищу первосвященника Каіафы, Аннѣ. Этотъ, расчитывая найти въ словахъ Іисуса какое-нибудь основаніе для обвиненія, сталъ разспрашивать Его объ Его ученіи и ученикахъ. — «Я говорилъ публично, отвѣчалъ Іисусъ,—постоянно училъ въ синагогахъ и во храмѣ, куда отовсюду собираются Іудеи; Я ничего не говорилъ втайнѣ: что же ты спрашиваешь Меня? Спроси слышавшихъ, о чемъ Я говорилъ имъ: они очень хорошо знаютъ это». Отвѣтъ обличалъ въ первосвященникѣ отступленіе отъ судебнаго порядка слѣдствія; поэтому одинъ изъ служителей, чтобы подслужиться первосвященнику, ударилъ Іисуса по щекѣ и сказалъ съ искусственнымъ негодованіемъ: «такъ-то ты отвѣчаешь первосвященнику?—Если Я худо сказалъ, то покажи, что худо, кротко возразилъ Іисусъ, а если хорошо, за что же ты бьешь Меня»?

Когда привели Іисуса къ Каіафѣ, здѣсь, не смотря на ночное время, собрался уже почти весь синедріонъ. Когда Іисусъ предсталъ передъ Своихъ судей, смерть Его была уже рѣшена, нужно было только найти благовидное основаніе для приговора. За неимѣніемъ основанія стали вызывать доносчиковъ. Въ желающихъ угодить властямъ не могло быть недостатка: доносчиковъ являлось много; но всѣ ихъ обвиненія были такъ не тверды, такъ очевидно ложны, такъ противорѣчили всѣмъ извѣстному характеру Обвиненнаго, что судьи, при всемъ желаніи своемъ, не могли принять ихъ во вниманіе. Наконецъ явились два доносчика и сказали, указывая на Іисуса: «Онъ говорилъ, что разрушитъ этотъ рукотворенный храмъ и черезъ три дня воздвигнетъ другой не рукотворенный». Это обвиненіе, очевидно, было извлечено изъ предсказанія Іисуса о Своей смерти, о тридневномъ воскресеніи, которое Онъ три года тому назадъ изрекъ, послѣ того какъ враги Его, раздраженные изгнаніемъ изъ храма торговцевъ, потребовали у Него знаменія въ оправданіе такого самовластнаго образа дѣйствія. Но доносчики съ умысломъ исказили слова Іисусовы, чтобы въ нихъ можно было найти посягательство на безопасность храма и религіи. Но и въ этомъ даже видѣ слова Іисусовы могли подáть поводъ къ обвиненію Іисуса въ самохвальствѣ и болѣе ничего, и слѣдовательно отнюдь не могли служить основаніемъ для смертнаго приговора, даже просто для судебнаго изслѣдованія. Іисусъ на это ничтожное обвиненіе, также какъ и на прочія, ничего не отвѣчалъ. Однако первосвященникъ, за неимѣніемъ лучшаго вос-

пользовался этимъ обвиненіемъ и, вставъ съ мѣста, вышелъ на середину, гдѣ стоялъ Обвиненный, и спросилъ Его, едва сдерживая гнѣвъ: «что жъ Ты не отвѣчаешь? Развѣ не слышишь, что они свидѣтельствуютъ противъ Тебя»? Отвѣта не было. Внѣ себя отъ гнѣва первосвященникъ воскликнулъ: «заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ: Ты ли Мессія, Сынъ Божій»? На такой торжественный, именемъ Божіимъ сдѣланный, вопросъ, и притомъ относительно истины, для утвержденія которой Іисусъ и жилъ, Онъ отвѣчалъ: да, и прибавилъ словами пророка Даніила о Мессіи: «отнынѣ (въ послѣдующихъ событіяхъ) вы увидите Сына Человѣческаго, сѣдящаго одесную силы (Божіей) и грядущаго на облакахъ небесныхъ». Не смотря на то, что Іисусъ Христосъ давно оправдалъ такое свидѣтельство о Своемъ Божественномъ достоинствѣ, оно было принято за богохульство. Съ притворно-благочестнымъ ужасомъ первосвященникъ растерзалъ на себѣ одежду и воскликнулъ: «Онъ богохульствуетъ: на что намъ еще свидѣтелей? Вотъ теперь вы слышали Его богохульство, какъ вамъ кажется»?—«Повиненъ смерти»!—воскликнуло все собраніе.

Послѣ приговора отдали Іисуса служителямъ. Буйная толпа вывела Его на дворъ и начала надъ Нимъ ругаться: Его поносили, били, плевали Ему въ лицо; другіе къ побоямъ и оскорбленіямъ присоединили язвительную насмѣшку: закрывъ Ему глаза и ударивъ по щекѣ, спрашивали: «угадай, Мессія, кто Тебя ударилъ»? На всѣ эти оскорбленія Божественный страдалецъ отвѣчалъ безмолвнымъ терпѣніемъ. Такъ прошла ночь. На утро синедріонъ въ полномъ составѣ уже собрался для произнесенія формальнаго приговора. Ввели Іисуса. Еще разъ оффиціально повторили прежній вопросъ: «Ты ли Мессія?—Если Я скажу: да, отвѣчалъ Іисусъ,—вы не повѣрите; если сдѣлаю вамъ вопросы (обличающіе ваше невѣріе), вы не будете отвѣчать Мнѣ и (ни въ какомъ случаѣ) не отпустите Меня. Отнынѣ Сынъ Человѣческій воссядетъ одесную силы Божіей.—«Такъ Ты Сынъ Божій? спросили Его.—Да; отвѣчалъ Іисусъ. «Какое еще нужно намъ свидѣтельство (о Его богохульствѣ)? вскричали судьи; вотъ мы сами слышали изъ устъ Его».

Такъ высшее судилище Іудейское приговорило къ смерти своего Мессію.

Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ у духовной власти.

(Діакона Кудрявцева.)

Изъ сада Геѳсиманскаго Господь, по сказанію всѣхъ четырехъ Евангелистовъ, отведенъ былъ на судъ духовный къ первосвященнику, но такъ какъ первосвященниковъ было въ то время два, одинъ—такъ сказать—заштатный, именно Анна, а другой дѣйствительный, именно Каіафа, то между повѣствованіями Евангелистовъ и открылось кажущееся разногласіе въ опредѣленіи того, къ какому первосвященнику отведенъ былъ Іисусъ первоначально: къ первосвященнику ли Каіафѣ, какъ говорятъ первые Евангелисты, или къ первосвященнику Аннѣ, какъ говоритъ Евангелистъ Іоаннъ? Если мы сопоставимъ эти повѣствованія, то мы скоро примѣтимъ, что повѣствованія первыхъ Евангелистовъ не могутъ исключать повѣствованія Евангелиста Іоанна. Изъ всѣхъ трехъ первыхъ Евангелистовъ, только Евангелистъ Матѳей назвалъ первосвященника Каіафою; что же касается другихъ, то они выражались довольно обще. Евангелистъ Маркъ говоритъ, что Господь отведенъ былъ

просто къ первосвященнику, а Евангелистъ Лука, что онъ отведенъ былъ первоначально къ первосвященнику, а потомъ въ синедріонъ. Значитъ, и первые Евангелисты не говорятъ рѣшительно, что онъ отведенъ былъ къ первосвященнику Каіафѣ, и значитъ, вполнѣ допускаютъ возможность того, что Господь былъ первоначально у первосвященника Анны. Слѣды такого пребыванія особенно можно отыскать у Евангелиста Луки. Онъ говоритъ, что сперва ввели Іисуса въ домъ первосвященника, гдѣ не было суда въ собственномъ смыслѣ, а гдѣ только ругались надъ Нимъ и били Его, а потомъ ввели въ синедріонъ, гдѣ уже собственно начался формальный допросъ. Въ этихъ двухъ изображеніяхъ духовнаго суда нельзя не узнать, съ одной стороны, суда у первосвященника Анны, гдѣ и не могло быть суда въ собственномъ смыслѣ, гдѣ могли дѣйствительно только ругаться надъ Нимъ, и суда у первосвященника Каіафы, который, какъ первосвященникъ лѣта того, собралъ синедріонъ и уже началъ судить формально. За достовѣрность такого пребыванія у первосвященника Анны могутъ ручаться и другія обстоятельства. Такъ какъ Анна былъ тесть Каіафы и такъ какъ онъ былъ первосвященникъ старѣйшій, то нѣтъ ничего удивительнаго, если Каіафа, желая отдать честь своему тестю, приказалъ отправить Іисуса предварительно къ нему. И если бы такого пребыванія у первосвященника Анны не было, то трудно было бы объяснить, что̀ могло побудить писателя Евангелія вставить этотъ новый фактъ и опустить другой, болѣе выгодный для его цѣлей. Допустить, что онъ не зналъ—нельзя; онъ самъ говоритъ, что отъ Анны Господь отведенъ былъ къ Каіафѣ. Допустить, что онъ намѣренно опустилъ—тоже нельзя. Пребываніе у первосвященника Каіафы, гдѣ Господь прямо назвалъ Себя Богомъ, прямо относилось къ той цѣли, какую имѣлъ въ виду Евангелистъ (XX, 31). И такъ, остается предположить, что Евангелистъ опустилъ этотъ фактъ и занялся другимъ, поелику зналъ, что о пребываніи у Каіафы уже извѣстно, а о пребываніи у Анны ничего еще не было сказано. Итакъ, на основаніи сказаннаго, мы можемъ принять, что Господь былъ сперва у первосвященника Анны, а потомъ у первосвященника Каіафы (Христ. Чт. 1867 г., т. I, стр. 726—728).

Искупительное значеніе суда надъ Іисусомъ Христомъ предъ Каіафою и Пилатомъ.

(Прот. Гречулевича.)

Искупительную силу и значеніе суда и осужденія, которому благоволилъ подвергнуться Господь нашъ Іисусъ Христосъ, можно видѣть: 1) изъ прямого *отношенія этого суда къ суду Божію надъ первыми* преступниками—*прародителями* падшаго рода человѣческаго; 2) изъ ученія Святой Церкви, которая *въ различныхъ обстоятельствахъ суда* надъ Іисусомъ Христомъ находитъ таинственный смыслъ, указывая, какъ во всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ выражалось здѣсь совершеніе дѣла искупленія.

1) Въ самомъ дѣлѣ, если сравнимъ судъ Божій надъ падшими человѣками съ этимъ судомъ человѣковъ надъ Возстановителемъ падшаго рода человѣческаго, Сыномъ Божіимъ, то найдемъ ближайшее, такъ сказать, *мздовоздаятельное соотношеніе* между первымъ и послѣднимъ.

И прежде всего, а) что̀ были за *причины*, по которымъ прародители наши оказались *виновными*, а Іисусъ Христосъ *обвиненнымъ?*

И тамъ и здѣсь главною причиною была *зависть. Завистію діаволею смерть вниде въ міръ*. говоритъ премудрый (Премудр. II, 24). Не позавидуй діаволъ блаженству человѣка, онъ не сталъ бы и искушать его въ раю, и наши прародители не оказались бы *виновными*.— По зависти преданъ былъ и Іисусъ Христосъ. *Вѣдяше* Пилатъ, по свидѣтельству Евангелиста, *яко зависти ради предата Его* (Матѳ. XXVII, 18), Іисуса Христа,—Іудеи,—тѣ, которымъ Самъ Господь сказалъ нѣкогда: *вы отца вашего діавола есте и похоти отца вашего хощете творити: онъ человѣкоубійца бѣ искони* (Іоан. VIII, 49).

А затѣмъ, и тамъ и здѣсь, влекли невинныхъ въ погибель коварство, *ложь и клевета*.

Сколько коварства было въ лукавыхъ словахъ древняго змія: *что яко рече Богъ: да не ясте* (Быт. III, 1). Мало ли коварства было и въ словахъ Іудеевъ, предуготовлявшихъ, такъ сказать, осужденіе Іисуса Христа: *рцы намъ: что Ти ся мнитъ? достойно ли есть дати кинсонъ?* и т. п. (Матѳ. XXII, 17—18, ср. XXVI, 4); и на самомъ судѣ: *аще Ты еси Христосъ, Сынъ Божій* (Матѳ. XXVI, 63)?

Гнусная ложь слышалась въ словахъ змія: *не смертію умрете*, и проч. Не менѣе гнусная ложь высказывалась и въ лжесвидѣтельствѣ Іудеевъ на судѣ Каіафы (Быт. III, 4. Матѳ. XXXI, 59)!

Черная *клевета на Бога* слышна въ словахъ діавола: *вѣдяше бо Богъ*. А сколько самой черной клеветы высказано было Іудеями на Господа Іисуса Христа, въ обвиненіяхъ Его предъ Пилатомъ (Быт. III, 5. Лук. XXIII, 2) и проч.!

б) Далѣе, *въ чемъ* сдѣлался *виновенъ* падшій человѣкъ, и въ чемъ *обвиненъ* Іисусъ Христосъ?

Сущность *вины* нашихъ прародителей, нарушившихъ заповѣдь Божію, состояла въ томъ, что они возжелали быть *яко бози, вѣдяще доброе и лукавое*,—присвоить себѣ *царственную власть* надъ самими собою и дѣйствовать по своей волѣ, а не по волѣ Божіей (Быт. III, 5). И Спаситель обвиненъ былъ, хотя и не былъ виновенъ, въ присвоеніи Себѣ званія *Сына Божія*, равнаго Богу (Іоан. XIX, 7), тогда какъ Онъ *не восхищеніемъ непщева бытии равенъ Богу* (Филиппис. II, 6), обвиненъ въ возмущеніи противъ власти и *посягательствѣ на царское достоинство* (Лук. XXIII, 2), тогда какъ то и другое обвиненіе была одна клевета!

в) Обратимъ теперь вниманіе на *свойства и дѣйствія на судѣ лицъ подсудимыхъ*.

Виновные прародители, позванные на судъ Божій, обнаруживаютъ въ немъ всѣ признаки грѣховности, рабскій страхъ, лукавство и т. п. (Быт. III, 10, 12—13). *Обвиняемаго* на судѣ человѣческомъ Іисуса Христа даже виновники Его осужденія—самъ игемонъ Пилатъ, даже предатель Іуда (Матѳ. XXVII, 24, 4), *признаютъ невиннымъ, праведникомъ*.

Виновные прародители на судѣ *молчатъ*, когда бы нужно было говорить—на слова Господа: *гдѣ еси*, и исповѣдать грѣхъ свой,—*и говорятъ*, гдѣ лучше было бы имъ молчать,—когда лукаво оправдываютъ себя и тѣмъ еще болѣе увеличиваютъ вину свою (Быт. III, 29 и слѣд.). Обвиняемый на судѣ Іисусъ Христосъ говоритъ, *егда подобало рещи слово* (Исаія L, 4), когда нужно было исповѣдать истину, или обнаружить заблужденіе, ослѣпленіе враговъ Его; и *молчитъ*, когда требовалось явить Свою невинность, и безъ всякаго оправданія очевидную.

г) Посмотримъ *на участь, какой подсудимые подверглись на судѣ*.

Господь Судія обрекаетъ праматерь на *болѣзни* чадорожденія, и праотца—

на пожатіе *терніи и волчцевъ* отъ той земли, которую долженъ воздѣлывать *въ потѣ* лица (Быт. III, 16—19). Іисусъ Христосъ на судѣ отдаетъ плещи Свои *на болѣзненныя раны* и, послѣ кроваваго *пота* (Лук. XXII, 44), вѣнчается *терніемъ*, выросшимъ *землею, проклятою въ дѣлѣхъ человѣка!*

Осужденныхъ праотцевъ Господь Судія *облекъ въ кожаныя ризы*. Это, съ одной стороны, видимый знакъ порицанія за грѣхъ,—такъ какъ онѣ замѣнили собою райскую одежду невинности, а съ другой—остатокъ царственнаго ихъ величія, такъ какъ кожаная риза—нѣкоторая дань со звѣрей, созданныхъ на службу человѣка—царя (Быт. III, 21). И когда такимъ образомъ вмѣсто райской одежды невинности наши прародители облеклись въ одежды кожаныя, Богъ сказалъ: *се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ, яко Богъ* (*еже разумѣти доброе и лукавое* 22)! И Господь нашъ Искупитель облеченъ былъ на судѣ *въ ризу багряную*—одежду поруганія, а вмѣстѣ и таинственное знаменіе царственнаго Его величія. И когда въ такомъ видѣ, въ такой багряницѣ, изъязвленный, вѣнчанный терніемъ, Онъ представленъ былъ народу,—Пилатъ воскликнулъ: *се человѣкъ* (яко единъ отъ насъ)! *Се, Царь вашъ* (Іоан. XIX, 5, 14)!

Осужденные прародители *осуждены были на смерть* (19). И на Іисуса Христа изреченъ былъ приговоръ: *повиненъ смерти,—долженъ есть умрети* (Матѳ. XXVI, 66. Іоан. XIX, 7).

Врагъ первозданныхъ, вовлекшій ихъ въ бездну *виновности*, пораженъ былъ отъ праведнаго Судіи *проклятіемъ* (Быт. III, 14). «Проклятіе на себя и на свое сѣмя или потомство изрекли и распинатели Іисуса Христа: *кровь Его*, кричали они, *на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѳ. XXVII, 25)!

Но милосердъ Господь и на самомъ дѣйствіи правосудія: *возвѣстивъ бѣдствія*, Онъ въ то же время *и утѣшилъ ихъ надеждою* на избавленіе. *Той* обѣтованный Сынъ Дѣвы *сотретъ главу змія* (Быт. III, 15).—Іисусъ Христосъ терпѣлъ судъ, страданія и уничиженіе; но въ то же время и указывалъ на грядущую славу Свою, на Свою власть судить міръ: *отселѣ узрите Сына Человѣческаго сѣдяща одесную силы и грядуща на облацѣхъ небесныхъ* (Матѳ. XXVI, 64). Видно было, что здѣсь-то, при Его судѣ и осужденіи, сбывается обѣтованіе, дарованное праотцамъ на самомъ судѣ ихъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что такое разительное соотношеніе между судомъ Божіимъ надъ первыми человѣками и судомъ человѣческимъ надъ *Адамомъ вторымъ*, совершенно согласно съ тою мыслью, что этотъ послѣдній судъ есть судъ искупительный.

2. Искупительность суда, совершившагося надъ Іисусомъ Христомъ, ясно можемъ видѣть, по указанію Святой Церкви Христовой а) *въ различныхъ обстоятельствахъ этого суда,—въ орудіяхъ тѣхъ страданій*, которымъ Господь Іисусъ благоволилъ подвергнуться на немъ, и б) *въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ*, сопровождавшихъ судъ.

а) Святая Церковь не только вообще учитъ, что Христосъ благоволилъ подвергнуть Себя суду и осужденію, чтобы насъ избавить отъ осужденія за преслушаніе, но и даетъ особенное значеніе всѣмъ тѣмъ истязаніямъ, какія Господь претерпѣлъ отъ враговъ, осудившихъ Его на смерть, такъ что и узы Христовы, и ударе́ніе Господа въ ланиту, и оплеваніе Его, безчестіе, покрытіе лица, заушеніе, разоблаченіе, вѣнчаніе терніемъ, облаченіе въ багряницу, вруче́ніе Ему трости и т. п. въ священныхъ пѣснопѣніяхъ Церкви вы-

ражаетъ символическое значеніе страданій Спасителя.

Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, *послушливъ бывъ Отцу* (Филиппис. II, 8), *судится и осуждается* для того единственно, *чтобы избавить* Адама и его потомство *отъ осужденія* за преслушаніе (Постн. тріодь: Велик. понед. утр., по 2 стихосл.; Октоихъ гл. 3, нед. кан. п. 5 тр. 1; Гл. 2, нед. кан. п. 7, тр. 1).

Іисусъ Христосъ былъ *связанъ* для того, чтобы насъ *разрѣшить отъ узъ грѣховныхъ* и отъ клятвы, а *врага* діавола *связать* узами (Окт. гл. 4, пят. кан. п. 4, тр. 1; тамъ же п. 8, тр. 1; Вел. пят. на Госп. воззв. и нынѣ, Окт. гл. 8 сред. кан. п. 6, тр. 2;—Гл. 4, пят., кан. п. 8, тр. 1. Гл. 5, ср. кан. п. 8, тр. 2. Гл. 8, среда, кан. п. 6, тр. 2).

Іисусъ Христосъ *претерпѣлъ ударе-ніе въ ланиту отъ раба,* чтобы насъ *освободить отъ рабства діавола* (Гл. 4, пят. кан. п. 3, тр. 2).

Іисусъ Христосъ понесъ *оплеваніе и безчестіе*, чтобы насъ *почтить обезчестившихся* (Октоих. гл. 4, сред. кан. п. 6, тр. 1).

Іисусу Христу *покрывается лице—для очищенія грѣха Адама, преступившаго видѣніемъ,*—«во отъятіе паденія, еже подъятъ Адамъ, украденъ бывъ, видѣнія ради» (Гл. 6, вторн. на Госп. воззв. ст. 2),—а въ отношеніи къ врагамъ Его,—какъ-бы во исполненіе словъ Самого Бога: *скрыю лице Мое отъ нихъ* (Второзак. XXXII, сн. 2 Коринѳ. III).

Іисусъ Христосъ *заушается,* чтобы *«заушить» злобу древняго змія и избавить насъ отъ его лести* (Гл. 6, сред. кан. п. 7, тр. 1. Гл. 6, четв., на Госп. воззв., ст. 2).

Іисусъ Христосъ *разоблачается* (въ преторіи), чтобы насъ *обнаженныхъ облечь въ одежду нетлѣнія и обнаружить вражіи коварства* (Гл. 5, сред., кан. п. 7, тр. 2. Гл. 8, пят. кан. п. 5, тр. 1).

Іисусъ Христосъ *вѣнчается терніемъ*—для того, чтобы, съ одной стороны, *искоренить терніе Адамова преслушанія и проклятія и насадить въ насъ сѣмена богоразумія;*—а съ другой, *чтобы искоренить въ самомъ естествѣ нашемъ терніе страстей,*—и наконецъ, чтобы *потребить царство лукаваго.*

Іисусъ Христосъ *облекается въ багряницу, яко Побѣдитель діавола и Искупитель,* прикрывающій грѣхи человѣческіе и воспріемлющій царство міра.

«Когда», говоритъ святый Аѳанасій Великій, «совлекли съ Господа одежды и облекли Его въ багряницу, то чрезъ это самое невидимо воздвигался *трофей надъ діаволомъ.* Чудо новое и неимовѣрное, знаменіе величайшей побѣды! Кого въ посмѣяніе и поруганіе били и облекли въ тріумфальныя украшенія, багряную ризу и вѣнецъ терновый, Тотъ по сему самому, облеченный такого рода одеждою, шелъ на смерть, для того, чтобы явить, что Онъ одержалъ побѣду, и не тщетно, но ради нашего спасенія, «яко Искупитель!» Своею багряницею», замѣчаетъ блаженный Іеронимъ, «Онъ прикрываетъ кровавыя дѣла язычниковъ». «Чрезъ багряную ризу», прибавляетъ святый Кириллъ Александрійскій «какъ-бы ознаменовалось, что Христосъ посредствомъ вѣры воспріиметъ царство міра».

Іисусъ Христосъ *пріялъ въ руки трость* чтобы *написать насъ въ книгѣ живота и укрѣпить* Своею Божественною силою нашу слабость, которой символъ—трость, а съ другой стороны,—для того, чтобы *написать святотатство Іудеевъ и сокрушить враговъ Своихъ* (Октоих., гл. 3, четв., на Госп. воззв., ст. 2).

«Трость пріемлетъ Христосъ въ руки», говоритъ святый Амвросій, «для того, *чтобы слабость человѣческая уже не колебалась,* подобно трости, вѣтромъ колеблемой, но, подкрѣпленная дѣлами

Христовыми, была бы тверда, или, по сказанію Евангелиста Марка, тростью били Его по головѣ,—для того, чтобы отъ сильнѣйшаго соприкосновенія нашего состава» (изображаемаго тростью) «къ Божеству, не могъ Онъ уже поколебаться».

«Трость держалъ Христосъ въ рукѣ», по словамъ блаженнаго Іеронима, «для того, чтобы *написать святотатство Іудеевъ*».

б) Особенное значеніе святые отцы видѣли и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ судъ надъ Іисусомъ Христомъ.

Такъ—*въ участіи Іудеевъ и язычниковъ* въ этомъ судѣ—они видѣли указаніе на то, что оправданіе, пріобрѣтенное Христомъ чрезъ Его осужденіе, имѣло принадлежать, какъ Іудеямъ, такъ и язычникамъ. Это мысль святаго Златоуста.

Въ примиреніи Пилата и Ирода, по случаю предоставленія ими другъ другу суда надъ Іисусомъ Христомъ, святые отцы видѣли знаменіе того, что вслѣдствіе осужденія и крестныхъ страданій Іисуса Христа, *имѣютъ примириться два враждовавшіе народа*, которыхъ представителями здѣсь были Пилатъ и Иродъ. «Христосъ», говоритъ святый Амвросій, «какъ-бы знаменуя, что имѣетъ примирить крестомъ два народа, Іудейскій и языческій, убивъ вражду въ Себѣ Самомъ, благоволилъ показать это даже чрезъ примиреніе, послѣдовавшее по случаю суда надъ Господомъ!»

Въ беззаконномъ раздраніи Каіафою первосвященнической одежды видѣли конецъ *ветхозавѣтному первосвященству*, предъ лицемъ великаго архіерея, по чину Мельхиседекову. «Каіафа, разсуждалъ святый Левъ Великій, «для усиленія ненависти къ отвѣту Іисуса Христа растерзалъ ризы своя, и, не разумѣя, что онъ выражалъ этимъ безуміемъ, лишилъ себя, такимъ образомъ, первосвященническаго сана. Гдѣ умъ души твоей, Каіафа? Гдѣ поясъ воздержанія? Гдѣ нагрудникъ добродѣтелей? Ты самъ себя разоблачилъ отъ таинственнаго и священнаго одѣянія и собственными руками беззаконно разорвалъ архіерейскія одежды. Когда уже отчуждался отъ тебя этотъ санъ, ты самъ сдѣлался обличителемъ своего позора и вмѣстѣ обнаружилъ кончину древняго постановленія».

Наконецъ, *въ предпочтеніи Іисусу Христу Вараввы Іудеями*, «единонравными» сему послѣднему,—святые отцы и учители Церкви видѣли нѣкоторое предзнаменованіе того, что и предъ кончиною міра невѣрные Іуден вмѣсто Христа изберутъ антихриста. Такъ разсуждали блаженный Іеронимъ и святый Амвросій. «Имя *Вараввы*», говоритъ святый Амвросій, «значитъ: *сынъ отца*.... И его-то избираютъ тѣ, которымъ сказано: *вы отца вашего діавола есте*,—избираютъ сына своего отца, вмѣсто истиннаго Сына Божія; и тѣмъ предобразуютъ, что и предъ кончиною изберутъ вмѣсто Христа антихриста».

Изъяснивъ таинственный смыслъ нѣкоторыхъ принадлежностей суда надъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, блаженный Іеронимъ дѣлаетъ такое заключеніе: «подобно тому, какъ Каіафа сказалъ, что Одному надлежало умереть за всѣхъ, не вѣдая, что говорилъ,—и они всѣ вообще соучастники въ осужденіи Спасителя, «что ни дѣлали, *хотя и съ другимъ намѣреніемъ дѣлали*, однакожъ, намъ вѣрующимъ представили нѣчто таинственное».

Подобнымъ образомъ и мы, показавъ значеніе суда надъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, можемъ сдѣлать изъ сказаннаго справедливое заключеніе, что дѣйствительно, тогда какъ виновники осужденія Іисуса Христа, прикрываясь

личиною законности, на самомъ дѣлѣ допускали *беззаконіе* за беззаконіемъ,—они же, сами не вѣдая, творили то, что должно было совершиться и совершилось *по* премудрымъ *законамъ* благодати Божіей, отъ вѣчности предопредѣлившей даровать оправданіе грѣшному человѣку, чрезъ осужденіе единаго Всеправеднаго (Стр. 1867 г. Апр. 19—29).

Отреченіе Петра и слезы его.

(Матѳ. XXVI, 69—75 и парал.)

Предсказаніе Христа объ отреченіи Петра сбылось со всею точностью. Петръ былъ на дворѣ первосвященническомъ въ то время, когда подъ предсѣдательствомъ первосвященника происходилъ беззаконный судъ надъ Іисусомъ. Петръ хотѣлъ скрыть отъ находившихся на томъ же дворѣ, что онъ ученикъ Іисуса. Но лице его, выражавшее глубокую скорбь и мучительный страхъ за судьбу Учителя, возбудило противъ него подозрѣніе въ окружавшихъ его. Сперва привратница спросила его: «не изъ учениковъ ли онъ Іисуса Назарянина»? Петръ сказалъ: «не знаю Его и не понимаю, что ты говоришь».—Это былъ часъ полуночный,—и запѣлъ пѣтухъ. Потомъ слуга архіерейскій сказалъ Петру: «ты изъ учениковъ Іисуса». Петръ опять отрекся отъ Него и даже съ клятвою.—Черезъ часъ уличилъ его въ томъ, что онъ изъ учениковъ Іисуса, родственникъ Малха, которому Петръ отрубилъ ухо въ саду Геѳсиманскомъ. «Не я ли видѣлъ тебя съ Іисусомъ въ саду?» сказалъ онъ Петру. Петръ пришелъ въ крайнее смущеніе. Сначала онъ притворился, будто не понимаетъ, о чемъ говорятъ ему, потомъ началъ божиться и клясться, что не знаетъ человѣка. Это было третье отреченье; вслѣдъ затѣмъ опять запѣлъ пѣтухъ. Но въ то же время Господь Іисусъ, выведенный на дворъ изъ дворца первосвященническаго, обратился туда, гдѣ стоялъ Петръ, и посмотрѣлъ на него. Этотъ взоръ любви и укора проникъ въ сердце малодушнаго ученика. Онъ вспомнилъ слова Господа: «прежде чѣмъ пѣтухъ пропоетъ два раза, три раза ты отречешься отъ Меня»,—и *изшедъ вонъ плакася горько*. Это былъ плачъ грѣшника, мучимаго раскаяніемъ въ грѣхѣ малодушія и измѣны Господу. Грѣхъ отреченія отъ Христа Петръ загладилъ, когда во время одного изъ явленій Іисуса Христа по воскресеніи, на троекратный вопросъ Іисуса, любишь ли Меня? отвѣчалъ троекратнымъ изъявленіемъ своей неизмѣнной любви къ Нему. Но память грѣха, чувство виновности предъ Іисусомъ были такъ сильны въ Петрѣ, что онъ, какъ говоритъ преданіе, до самой смерти каждый разъ при полночномъ пѣніи пѣтуха повергался на землю съ горькими слезами о содѣянномъ грѣхѣ и велъ суровый образъ жизни, питаясь какою-то горькой травой. Кромѣ того, свое раскаяніе и неизмѣнную преданность Іисусу онъ запечатлѣлъ Апостольскими трудами въ распространеніи Евангелія, съ неизбѣжными за нихъ страданіями отъ невѣрующихъ, и наконецъ мученическою кончиною.

Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ объ отреченіи Петра.

(Діакона Кудрявцева.)

По сказанію святаго Матѳея, отреченіе Апостола Петра въ теченіи всѣхъ трехъ разъ происходило во дворѣ Каіафы, происходило послѣ суда и произнесенія приговора синедріономъ. Въ первый разъ оно произошло по поводу вопроса рабыни, во второй разъ по поводу вопроса другой рабыни, и, наконецъ, по поводу вопроса стоявшихъ около него (Матѳ. XXVI, 67—75). Евангелистъ Маркъ передаетъ это обстоятельство

точно также, какъ и его предшественникъ, съ тѣмъ только различіемъ, что поводомъ къ отреченію во второй разъ онъ поставляетъ вопросъ той же рабыни, которая предложила его и въ первый разъ (Марк. XIV, 66—72). Евангелистъ Лука значительно уклоняется отъ своихъ предшественниковъ. Онъ не говоритъ, во дворѣ какого первосвященника происходили отреченія, а просто, что они происходили на дворѣ первосвященника. О времени отреченія онъ замѣчаетъ, что оно было до суда синедріона и что послѣднее отреченіе было чрезъ часъ послѣ двухъ первыхъ. Что̀ касается лицъ, послужившихъ поводомъ къ отреченію, то онъ указываетъ, что это были: сперва служанка, потомъ нѣкій другой, и наконецъ еще нѣкій (Лук. XXIII, 54—60). Евангелистъ Іоаннъ еще болѣе уклоняется, чѣмъ Евангелистъ Лука; онъ говоритъ, что одно отреченіе было прежде суда, другія же два—послѣ; что первое было еще во дворѣ первосвященника Анны, а другія два были на дворѣ первосвященника Каіафы. Что̀ касается лицъ, то онъ говоритъ, что первымъ поводомъ былъ вопросъ служанки, но служанки придверницы, вторымъ поводомъ были стоявшіе у огня, а третьимъ поводомъ былъ вопросъ родственника того Малха, которому Апостолъ Петръ отрѣзалъ ухо. Уже изъ одной той опредѣленности, какая находится въ повѣствованіяхъ послѣдняго Евангелиста, достаточно можно видѣть, на сторонѣ котораго изъ повѣствованій находится больше преимуществъ. Если же мы войдемъ въ болѣе глубокій разборъ повѣствованій, то эти преимущества взойдутъ на степень несомнѣнной очевидности. Прежде всего замѣчательно то̀, что Евангелистъ указываетъ при этомъ на присутствіе того «другаго ученика», о которомъ Евангелистъ не разъ уже говорилъ, и который былъ, безъ сомнѣнія, не кто иной, какъ онъ самъ. Это замѣчаніе, значитъ, прямо показываетъ, что подробности дѣла болѣе ему извѣстны, чѣмъ кому либо. И дѣйствительно, ничего не можетъ быть натуральнѣе того изображенія обстоятельствъ, какое онъ даетъ. Если, какъ мы сказали, пребываніе Господа у первосвященника Анны не только возможно, но и необходимо, то, очевидно, необходимо и то, чтобы одно изъ отреченій, было на дворѣ этого первосвященника. Такъ какъ Апостолъ Петръ неотступно рѣшился слѣдовать за своимъ Учителемъ, то немыслимое дѣло, чтобы онъ не подвергся испытанію при первомъ шагѣ во дворѣ архіерея; немыслимое дѣло, чтобы входъ въ этотъ дворъ былъ открытъ въ то время для всѣхъ безъ изъятія. Такъ и передаетъ Евангелистъ Іоаннъ. Онъ говоритъ, что первое отреченіе было не тогда, когда Петръ стоялъ у огня, а тогда, когда онъ рѣшился еще только вступить во дворъ архіерея. Оно было отъ служанки привратницы. При этомъ онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе, которое прямо показываетъ, что онъ не хочетъ сказать что-либо новое, а что желаетъ только уяснить повѣствованія своихъ предшественниковъ. Когда онъ вообще говорилъ, какъ Петръ вступилъ во дворъ архіереевъ, онъ называлъ впустившую просто привратницей; когда же нужно было говорить объ отреченіи, онъ прибавляетъ, что это была раба-придверница: ἡ παιδίσκη ἡ θυρωρός. Эта приставка прямо показываетъ, что онъ имѣетъ въ виду точнѣе опредѣлить, кто была та раба, о которой говорятъ первые Евангелисты. Въ изображеніи дальнѣйшихъ обстоятельствъ отреченія Евангелистъ опять ничего не говорилъ такого, что̀ не было бы извѣстно отчасти изъ сказанія первыхъ Евангелистовъ.

Евангелистъ Іоаннъ говоритъ о томъ, что два отреченія были уже на дворѣ первосвященника Каіафы; но и первые три Евангелиста говорятъ тоже только менѣе ясно. По сказанію Евангелистовъ Матѳея и Марка, Господь, послѣ перваго отреченія Петра, вышелъ. Куда же это, спрашивается, Онъ вышелъ, и что за причина такого выхода? Причины такого выхода нельзя придумать, конечно, никакой другой, какъ только ту, о которой говоритъ Евангелистъ Іоаннъ, что Онъ перешелъ во дворъ другаго архіерея. Что же касается того, что, по Евангелію Іоанна, Апостолъ Петръ является стоящимъ какъ будто при томъ же самомъ огнѣ, который былъ разведенъ на дворѣ первосвященника Анны, то это только кажущееся представленіе. Текстъ мало говоритъ за единичность мѣста, а огонь могъ быть по причинѣ холода, какъ на дворѣ первосвященника Анны, такъ и на дворѣ Каіафы. Дальнѣйшія разности въ указаніи лицъ, послужившихъ поводомъ къ двумъ дальнѣйшимъ отреченіямъ, не могутъ быть названы даже и разностями. Вся разность состоитъ въ томъ, что Евангелистъ Іоаннъ неопредѣленныя выраженія «нѣкій, нѣкоторый» прямо замѣняетъ самыми именами. Онъ прямо говоритъ, что этотъ нѣкій былъ родственникъ того Малха, которому Петръ отрѣзалъ ухо. Итакъ и здѣсь не остается никакого мѣста недоумѣнію, и здѣсь остается признать полную гармонію въ Евангельскихъ повѣствованіяхъ (Христ. Чт. 1867 г., ч. I, стр. 728—731).

Урокъ покаянія изъ этого событія въ великомъ канонѣ святаго Андрея Критскаго: яко Петръ, плачу горцѣ.

Подобно Петру и ты, грѣшная душа, должна оплакивать свои грѣхопаденія. Ихъ у тебя много, отъ нихъ не свободны и величайшіе праведники. Петръ, прежде всего, согрѣшилъ самонадѣянностью, съ какою увѣрялъ Христа, что никогда не измѣнитъ Ему. Она-то и ввела его въ бѣду, сдѣлала его безсильнымъ въ борьбѣ съ искушеніемъ,—онъ не взвѣсилъ своихъ силъ для этой борьбы, не соразмѣрилъ ихъ съ тяжестью ея, и не подготовился къ ней смиреніемъ, бдительностью и молитвою,—онъ слишкомъ понадѣялся на себя, что постоитъ за себя въ случаѣ опасности. Опасность грозила ему не отъ однихъ людей, опаснѣе людей былъ сатана.—Христосъ не скрывалъ отъ Петра и отъ прочихъ учениковъ грозящей имъ послѣдней опасности. Онъ говорилъ имъ, что сатана уже просилъ у Него дозволенія сѣять ихъ какъ пшеницу, т. е. разогнать ихъ, а въ саду Геесиманскомъ, когда уже такъ близка была къ нимъ эта опасность, предостерегалъ ихъ отъ нея наставленіемъ: «бдите и молитеся, чтобъ не впасть въ искушеніе. «Духъ бодръ, плоть же немощна» (Матѳ. XXVI, 41). Самонадѣянный Петръ не воспользовался этими предостереженіями и палъ отъ своей самонадѣянности, — прочіе ученики Христовы только разбѣжались, а онъ отрекся отъ Христа. Вопроси себя, грѣшникъ, не увлекаешься ли и ты, подобно Петру, самонадѣянностью? Не мечтаешь ли однѣми собственными силами побѣждать искушенія на грѣхъ, безъ помощи благодати Божіей, и потому не молишь о ней Бога?—Бойся,—не случилось бы съ тобою, что случилось съ самонадѣяннымъ Петромъ. И если уже подобно Петру ты собственнымъ опытомъ извѣдалъ, какъ опасно полагаться на одного себя при встрѣчѣ съ искушеніемъ, то да послужитъ для тебя этотъ горькій опытъ впередъ наукою. Смирись предъ Господомъ и подобно Петру оплачь свое

заблужденіе и паденіе. «Яко Петръ, плачу горцѣ», говори Господу и, смиренно исповѣдуя предъ Нимъ свою немощь, усердно моли Его, да не введетъ тебя въ искушеніе, да не оставитъ тебя одного вести брань съ искусителемъ.

Паденіе Петра само по себѣ, независимо отъ самонадѣянности, было тяжко, ибо состояло въ отреченіи отъ Христа,—и весьма пагубно, ибо «кто отвергнется Мене передъ человѣками, тотъ отверженъ будетъ предъ Ангелами Божіими» (Лук. XII, 9), рекъ Христосъ. Вопроси себя, грѣшникъ, не оскорбляешь ли Христа подобнымъ грѣхомъ? Не относишься ли ко Христу такъ же, какъ и тѣ нечестивцы, которые, по слову Апостола, «говорятъ, что знаютъ Бога, а дѣлами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни къ какому доброму дѣлу» (Тит. I, 16)? По дѣламъ твоимъ можно ли узнать, что ты вѣрный ученикъ Христа, неизмѣнно пребываешь въ томъ союзѣ съ Нимъ, въ который вступилъ въ день крещенія, отрекшись въ то же время отъ діавола и всѣхъ дѣлъ его? Покоренъ ли ты заповѣдямъ Христовымъ и вмѣсто добрыхъ дѣлъ, предписываемыхъ ими, не творишь ли дѣлъ, угодныхъ діаволу?—Нося имя христіанина, не живешь ли по язычески? Принадлежа къ Церкви Христовой, не слѣдуешь ли правиламъ и обычаямъ міра, враждебнымъ ея ученію и постановленіямъ? Не готовъ ли подчасъ стать на сторону враговъ Христа и Его Церкви, выражая сочувствіе къ ихъ богохульнымъ мнѣніямъ и рѣчамъ, если не по внутреннему убѣжденію, то изъ человѣкоугодія и изъ опасенія показаться въ ихъ глазахъ отсталымъ и невѣждою?—Если совѣсть обличитъ тебя во всемъ подобномъ, то знай, что ты виновенъ во грѣхѣ отреченія Петрова. Быть можетъ, она обличитъ тебя и въ другой винѣ, не менѣе тяжкой. Петръ отрекся отъ Христа только устами, а не сердцемъ: въ сердцѣ его не изсякала ни вѣра во Христа, ни любовь къ Нему и преданность. Таковъ ли ты въ отношеніи ко Христу? Укорялъ Господь нѣкогда Израильтянъ чрезъ пророка: «приближаются ко Мнѣ люди устами своими и чтутъ языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня» (Исаія XXIX, 19. Матѳ. XV, 8). Не заслуживаешь ли и ты упрека въ подобномъ лицемѣріи въ отношеніи ко Христу? Не чтишь ли Его одними устами и другими внѣшними знаками, но сердце твое или совсѣмъ чуждо вѣры и любви къ Нему, или же ни тепло, ни холодно къ Нему? Если дѣйствительно таково твое состояніе, пойми, какъ оно пагубно,—оно пагубнѣе отреченія Петрова,—и подобно Петру оплачь свой грѣхъ.—Слезы появились въ очахъ Петра, какъ только воззрѣлъ на него Господь. Взоръ благодати Божіей, призывающей къ покаянію, всегда готовъ осіять насъ. Не закрывай, грѣшникъ, твоихъ очей отъ лица Божія, даже ищи лица Божія, умоляй Господа, чтобы воззрѣлъ на тебя окомъ Своего милосердія и лучами Своей благодати освѣтилъ мракъ души твоей и растопилъ ледяную кору твоего сердца. Петръ согрѣшилъ однажды, но всю жизнь помнилъ свой грѣхъ и оплакивалъ его. Такъ поступилъ и Давидъ, который тоже согрѣшилъ однажды, но свой грѣхъ имѣлъ предъ собою выну во всѣ дни жизни своей. Подражай Петру и Давиду и вмѣстѣ съ ними говори Господу: горько я плачу, Господи, при мысли о грѣхѣ, которымъ оскорбилъ Тебя. Прими мои слезы, какъ принялъ Петровы и Давидовы (Душеп. Чт. 1881 г., ч. III, стр. 338—340).

Объ отреченіи Петра.

(Исидора Пелусіота).

Первоначальный въ Апостолахъ, троекратно отрекшись Господа, указалъ тѣмъ на грѣхъ всѣхъ человѣковъ, троекратно отвергшихся Сотворшаго; и когда дана первая заповѣдь, и когда постановленъ законъ писанный, и когда воплотилось Слово—Богъ нашъ. И сейто грѣхъ исцѣлилъ троекратнымъ также покаяніемъ, и врачевство предложивъ соотвѣтственное язвѣ и показавъ, что врачеваніемъ всѣхъ золъ содѣлалось Господне пришествіе.

Слова: *прежде даже алекторъ не возгласитъ* (Матѳ. XXVI, 34), значатъ: прежде нежели возсіяетъ день воскресенія; потому что пѣніе сихъ птицъ бываетъ слышно, когда приближается заря, но на землѣ еще тѣнь. Посему предъ наступленіемъ живоноснаго восхода птичій голосъ содѣлался обвинителемъ въ отреченіи, давая разумѣть, какъ исчезновеніе ночи проклятія, такъ и возсіяніе свѣта жизни.

Что родъ человѣческій троекратно отступилъ отъ Бога, сіе далъ разумѣть и Самъ Господь, сказавъ, что троекратно приходилъ Онъ и не находилъ плода на смоковницѣ (Лук. XIII, 7), все поврежденіе которой уврачевалъ въ Себѣ Самомъ, опредѣливъ, чтобы смоковница не приносила уже болѣе въ плодъ преступленія.

Первое отступленіе есть нарушеніе заповѣди, повелѣвающей не вкушать отъ древа, *еже посредѣ рая* (Быт. III, 3). Второе злочестіе во время закона—приверженность Евреевъ къ тельцу. А третье нечестіе во время благодати—отреченіе сказавшихъ: *не имамы царя токмо кесаря* (Іоан. XIX, 15) и отвергшихся Господа славы (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. I, стр. 204—206).

Погибель Іуды (Матѳ. XXVII, 2—7).

(Муретова).

Когда связаннаго Іисуса и уже осужденнаго синедріономъ на смерть отвели къ прокуратору, тогда Іуда, предавшій Его, увидѣвъ, что Онъ осужденъ, и раскаявшись, возвратилъ тридцать сребренниковъ первосвященникамъ и старѣйшинамъ, говоря: согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную. Они же сказали ему: что̀ намъ до того? смотри самъ. И бросивъ тридцать сребренниковъ въ храмѣ, онъ удалился и ушедши удавился. На брошенные сребренники синедріонъ положилъ купить изрытую землю горшечника, для погребенія странниковъ (Матѳ. XXVII, 2—7). Лука въ книгѣ Дѣяній приводитъ рѣчь Апостола Петра, въ которой сообщаетъ нѣкоторыя дополнительныя подробности относительно смерти Іуды: предатель низринулся, такъ что разсѣлось чрево его и выпали внутренности (Дѣян. I, 18). Въ этомъ сказаніи книги Дѣяній нѣкоторые находятъ противорѣчіе со сказаніемъ Матѳея и на этомъ основаніи отрицаютъ достовѣрность факта. Правда глаголъ ἀπήγξατο у Матѳея означаетъ «повѣсился, удавился» (ср. Гом. Од. 11, 230; Геродотъ 7, 322; Ксеноф. Киропед. 3, 1, 14); а πρηνὴς γενόμενος въ книгѣ Дѣяній—«низринулся, упалъ сверху внизъ». Но нѣтъ никакой необходимости видѣть здѣсь два различныхъ преданія о смерти Искаріота, какъ Мейеръ, и тѣмъ менѣе отрицать достовѣрность самаго факта. Сказаніе книги Дѣяній и Евангелія Матѳея легко могутъ быть примирены двоякимъ предположеніемъ: а) Іуда могъ низринуться съ высокаго дерева, на которомъ совершено самоубійство посредствомъ удавленія, причемъ отъ сильнаго сотрясенія могло разсѣсться чрево его и выпасть внутренности; б) вы-

раженіе Апостола Петра: «низринулся» можно понимать въ фигуральномъ значеніи, т. е. вообще погибъ, палъ; послѣднее предположеніе пріобрѣтаетъ особенную вѣроятность въ виду того, что это выраженіе употреблено Апостоломъ въ рѣчи, а не въ историческомъ разсказѣ, и находитъ себѣ аналогію и параллель въ непосредственно предъ нимъ стоящемъ фигуральномъ выраженіи: «пріобрѣлъ землю неправедною мздою» (Прав. Обозр. 1883 г., сент., стр. 42—43).

Покаяніе Іудино.

Увидѣвъ Іуда, предавый Іисуса, яко осуждиша Его, раскаявся, возврати тридесять сребренники архіереомъ и старцемъ, глаголя: согрѣшихъ, предавъ кровь невинную (Матѳ. XXVII, 3—4). Что̀ это въ душѣ Іуды: покаяніе ли въ страшномъ преступленіи его, или нѣтъ?

Въ этомъ признаніи, въ этомъ открытомъ сознаніи Іуды видны всѣ признаки начальнаго раскаянія. Его упрекаетъ совѣсть, онъ чувствуетъ страшныя мученія ея, онъ не можетъ и не хочетъ затаить и задушить въ себѣ эти мученія, онъ отвергаетъ сребренники, послужившіе искушеніемъ для него къ совершенію страшнаго преступленія, и хотѣлъ бы вмѣстѣ съ сребренниками сбросить съ себя вину своего преступленія; онъ дѣлаетъ это не тайно, а идетъ къ тѣмъ, которые подкупили его, и предъ ними публично сознается, что онъ *согрѣшилъ*, потому что продалъ кровь неповинную.

Что̀ же послѣдовало затѣмъ за этими первыми движеніями сознанія, раскаянія и самоосужденія въ совѣсти Іуды? Что̀ сталось съ нимъ потомъ?

И повергъ сребренники въ церкви, отъиде, и шедъ удавися (Матѳ. XXVII, 5). Конецъ неожиданный. Это не плодъ его раскаянія, которому нельзя отказать въ прямотѣ, искренности, силѣ и живости. Отчего же это та́къ вышло? Отчего начало раскаянія во грѣхѣ кончилось ожесточеніемъ и самоубійствомъ? Чего не доставало въ раскаяніи Іуды, чтобы оно кончилось покаяніемъ, благотворнымъ и спасительнымъ для него?

Іуда не туда обратился съ своими чувствами раскаянія, съ мученіями своей совѣсти, куда призываетъ человѣка истинное покаяніе.

Онъ обратился къ архіереямъ, подкупившимъ его на зло. Онъ думалъ найти въ этихъ людяхъ одобреніе своему поступку, подкрѣпленіе, утѣшеніе себѣ въ борьбѣ съ совѣстью и покровительство себѣ, въ которомъ онъ чувствовалъ нужду теперь, какъ измѣнникъ дружбѣ и чувствамъ избраннаго общества великаго своего Учителя и и Чудотворца. Но эти люди съ презрѣніемъ и съ холоднымъ равнодушіемъ отнеслись къ раскаянію презрѣннаго сребролюбца: «что̀ намъ за дѣло до тебя, до твоихъ чувствъ и твоего положенія? сказали они ему. Самъ смотри, что̀ выйдетъ изъ твоего поступка» (Матѳ. XXVII, 4). Іуда не встрѣтилъ ничего соотвѣтствующаго своему душевному состоянію въ подстрекателяхъ и участникахъ его злодѣянія.

Іудѣ слѣдовало бы теперь, какъ и прежде того, прямо обратиться къ Богу съ своимъ раскаяніемъ, съ мученіями своей совѣсти, повергнуться предъ Его безпредѣльнымъ милосердіемъ и изливать свою скорбь душевную въ молитвѣ о помилованіи и въ слезахъ покаянія, и именно въ молитвѣ и въ слезахъ покаянія, потому что истинное покаяніе въ злодѣяніи не можетъ быть безъ молитвы и слезъ; и если нѣтъ этихъ проявленій покаянія, простое раскаяніе совѣсти въ беззаконіи бываетъ безплодно. У Іуды не было молитвы и слезъ покаянія предъ милосердымъ Богомъ, и

онъ удавился. Апостолъ Петръ, отрекшійся Господа, плакалъ въ чувствѣ истиннаго раскаянія о своемъ грѣхѣ, *плакалъ горько*, и помилованъ Господомъ. Горе и мýки падшей и кающейся души изливаются и облегчаются слезами покаянія и молитвы; душа умягчается и дѣлается еще способнѣе плакать и молиться; и милосердіе Божіе, касаясь больной души своею благодатію, полагаетъ начало внутренняго міра, примиренія съ совѣстью.

Путь простаго раскаянія въ тяжкомъ преступленіи, раскаянія, которое бываетъ плодомъ невольнаго потрясенія и угрызенія совѣсти, безъ молитвы и слезъ покаянія предъ Богомъ, большею частью кончается самоубійствомъ мучимыхъ совѣстью преступниковъ.

Если же преступники не приходятъ къ такому несчастному концу, то не приходятъ и къ покаянію. Болѣзнь души отъ времени утихаетъ и остается навсегда достояніемъ заглохшей совѣсти. Такой преступникъ дѣлается смѣлѣе въ совершеніи другихъ преступленій и переноситъ ихъ уже безъ болѣзни душевной,—совѣсть у нихъ убита. Если они когда либо возвращаются къ покаянію, то покаяніе это бываетъ вслѣдствіе особыхъ потрясеній души, которыя зависятъ отъ одной милости Божіей. Въ томъ и другомъ случаѣ много значатъ участники преступленія и первые совѣтники, къ которымъ обращается преступникъ съ больной и потрясенной душой. Худо дѣлаютъ тѣ, которые стараются успокоить и усыпить больную совѣсть такими совѣтами и развлеченіями, съ помощью которыхъ время утишаетъ тревогу совѣсти. Они помогаютъ преступнику дѣлаться преступникомъ ожесточеннымъ. Такіе преступники съ дерзкою отвагою совершаютъ преступленія и не мучатся уже совѣстью, а открыто, съ самодовольствомъ хвастаются злодѣяніемъ. Еще хуже дѣлаютъ тѣ, которые безъ всякаго участія, съ холоднымъ презрѣніемъ относятся къ раскаянію потрясенной совѣсти преступника. Они помогаютъ ему сдѣлаться самоубійцей.

Вотъ примѣръ истиннаго, дружескаго участія въ опасномъ состояніи преступника, участія, отъ котораго зависѣло покаяніе и спасеніе его. Опекунъ по сиротскому имуществу, по жадности къ богатству, растратилъ достояніе сиротъ и чрезъ это сдѣлался виновникомъ разврата и преждевременной смерти безъ покаянія трехъ сиротъ. Совѣсть содрогнулась у злаго опекуна, когда узналъ онъ о плачевной погибели окраденныхъ сиротъ, и начались невыносимыя мýки ея. Преступникъ открылъ болѣзнь своей души доброму товарищу по торговлѣ, который не былъ участникомъ въ преступленіи безсовѣстнаго опекуна, но догадывался о злостной растратѣ имъ сиротскаго имущества. Другъ высказалъ душевное участіе въ душевной болѣзни преступника и не спускалъ съ него глазъ. Положеніе преступника часъ отъ часу становилось опаснѣе, и онъ не скрывалъ, что думаетъ наложить на себя руки. Умный и благочестивый другъ поспѣшилъ привести несчастнаго къ пути покаянія путемъ молитвы. Тайно открывъ дѣло священнику, другъ больнаго преступника какъ-бы мимоходомъ завелъ его въ отпертую церковь, гдѣ, по условію съ священникомъ, не было никого, кромѣ сторожа, который выметалъ полъ въ притворѣ церкви. Другъ остановился съ больнымъ предъ иконою распятія Господа среди двухъ злодѣевъ. Преступникъ стоялъ предъ иконой, машинально крестился, но не видно было покаяннаго движенія его души; за то не трогался онъ съ мѣста, чтобы выдти изъ церкви. Другъ стоялъ на колѣ-

нахъ и горячо молился о спасеніи преступника. Въ душѣ преступника произошло особое волненіе, которое обнаруживалось глубокими вздохами. Другъ зажегъ свѣчу предъ иконою распятія и, указавъ больному на распятыхъ разбойниковъ, промолвилъ, что одинъ изъ нихъ спасся, а другой погибъ. Больной содрогнулся. Зажженная свѣча была знакомъ, по которому церковный сторожъ долженъ былъ позвать священника въ церковь. Когда взошелъ священникъ, больной заглушилъ свои вздохи и затаился въ себя. Другъ не хотѣлъ терять минутъ и попросилъ священника служить молебенъ о спасеніи погибающаго. Больной не находилъ въ себѣ силъ освободиться изъ-подъ вліянія друга въ виду священника, повиновался и молился. Среди молебна у него пробились слезы, и онъ въ рыданіяхъ упалъ на колѣна и молился... Послѣ молебна онъ самъ открылся священнику, отдалъ себя въ его волю и просилъ его открыть ему путь примиренія съ Господомъ. Преступникъ спасенъ.

Итакъ болѣзненное раскаяніе въ преступленіи еще не покаяніе. Это покаяніе—покаяніе Іудино. Раскаявшемуся Іудѣ не доставало слезъ и молитвы, чтобы истинно покаяться и найти спасеніе въ милосердіи Божіемъ (Воскр. Чт., г. XXIX, ч. II, стр. 1196—1201).

Великій Пятокъ.

Іисусъ Христосъ на судѣ у Пилата (Іоан. XVIII, 28—38. Марк. XV, 1—5. Лук. XXIII, 1—4. Матѳ. XXVII, 2, 11—14).

(Прот. Богословскаго.)

Такъ какъ у синедріона Римскимъ правительствомъ отнята была власть предавать кого бы то ни было смерти; то они связали Іисуса; все множество ихъ поднялось изъ дома Каіафы; повели своего Узника въ преторію, то есть, въ домъ правителя. Въ это время правителемъ былъ Римскій чиновникъ, наблюдавшій въ особенности за доходами казны, или иначе прокураторъ, называвшійся Понтіемъ Пилатомъ. Члены синедріона, приведшіе Іисуса Христа къ Пилату съ тѣмъ, чтобы испросить Ему смертную казнь, не вошли въ преторію; потому что въ преторіи произносились смертные приговоры, и они, вошедши въ нее, боялись осквернiться, а имъ по вечеру надлежало закалать и ѣсть пасхальнаго агнца!? Пилатъ вышелъ къ нимъ вонъ и спросилъ: «въ чемъ вы обвиняете Этого Человѣка»? Они отвѣчали: «если бы Онъ не былъ злодѣй, то мы не предали бы Его тебѣ». Должно быть, члены синедріона надѣялись, что они дѣлаютъ великую честь прокуратору своимъ появленіемъ у преторіи, и что достаточно одного ихъ слова, дабы онъ выполнилъ ихъ ожиданіе. Но онъ, не слышавъ обвиненія и не видя уликъ на Обвиняемаго, сказалъ имъ: «возьмите же Его вы и судите Его по вашему закону». На это Іудеи сказали ему: «намъ не дозволено никого предавать смерти». И чтобы доказать, что Іисусъ повиненъ смерти, начали увѣрять Пилата такими словами: «мы нашли, что Онъ развращаетъ народъ и запрещаетъ кесарю дань давать, называя Себя Христомъ Царемъ». Пилатъ спросилъ Его: «Ты—Царь Іудейскій»? Онъ отвѣчалъ:—«это правда».—Послѣ такого отвѣта, Пилатъ вошелъ въ преторію, призвалъ Іисуса и опять спросилъ Его: «Царь ли Ты Іудейскій»?

Когда Іисусъ принялъ наименованіе Царя Іудейскаго предъ членами синедріона, это значило, что Онъ выдаетъ Себя за Мессію, Котораго Іудеи ожидали какъ Царя своего; но когда Пилатъ теперь спрашиваетъ Его наединѣ, въ устахъ прокуратора Римскаго слово «царь» означало искателя земнаго царства, который замышляетъ свергнуть владычество Римлянъ и воцариться въ Іудеѣ. Если бы эти замыслы были, то Пилатъ, который, *уже семь лѣтъ живя* въ Палестинѣ, не могъ не знать отъ своихъ лазутчиковъ о возмутительномъ нравѣ и о всѣхъ враждебныхъ движеніяхъ Іудеевъ, и, во время праздниковъ, присутствуя въ Іерусалимѣ, безъ сомнѣнія, усугублялъ бдительность надзора за Іудеями, долженъ былъ бы имѣть о нихъ, если не самыя вѣрныя, то хотя какія-нибудь свѣдѣнія.

Іисусъ Христосъ отвѣчалъ ему: «отъ себя ли ты это говоришь, или другіе тебѣ сказали обо Мнѣ»? (то есть: «самъ ли ты, вслѣдствіе какихъ-нибудь извѣстій, полагаешь, что Я ищу царства, или Іудеи тебѣ насказали о Моихъ мнимыхъ замыслахъ, которыхъ, какъ тебѣ лучше всякаго извѣстно, вовсе не бывало»).—Пилатъ сказалъ на это: «развѣ я Іудей, *(что буду вѣрить ихъ мечтамъ о появленіи царя-завоевателя изъ среды ихъ?* Но) Твой народъ и первосвященники предали Тебя мнѣ. *(И этому должна же быть причина. Если Ты дѣйствительно не домогался царства;* то) что (же) Ты сдѣлалъ»? Іисусъ Христосъ отвѣчалъ: «Царство Мое не *(имѣетъ ничего общаго съ царствами)* этого міра. Если бы Царство Мое было такое же, какъ и всѣ царства земныя; то служители, охраняющіе Меня, стали бы сражаться за Меня и не допустили бы до того, чтобы Я впалъ въ руки Іудейскаго синедріона. (Уже изъ этого видно, что) Царство Мое не здѣшнее».—Пилатъ сказалъ Ему; но все же, Ты—Царь»? Іисусъ Христосъ отвѣчалъ:—«правда; Я—Царь. Я для того родился, для того и въ міръ пришелъ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ; и всякій, кто сочувствуетъ истинѣ и любитъ истину, (*—это Мой подданный,* онъ) слушаетъ голоса Моего».—Пилатъ, который теперь ясно видѣлъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ искателемъ царства, а съ учителемъ народнымъ, или, какъ называли такихъ Римляне и Греки, съ философомъ, и который, должно быть, не очень расположенъ былъ къ труженникамъ и глашатаямъ истины, на слова Іисуса Христа отозвался съ пренебреженіемъ: «а что̀ такое истина»? какъ-бы давая этимъ разумѣть: «стоитъ ли заниматься тѣмъ, объ чемъ слышишь только споры, и отъ чего не видать никакой выгоды»? Сказавъ это, онъ опять вышелъ и говоритъ первосвященникамъ и народу: «я никакой вины не нахожу въ Этомъ Человѣкѣ». Первосвященники и старѣйшины начали повторять и распространять свои обвиненія. Іисусъ Христосъ не возражалъ. Пилатъ спросилъ Его: «что̀ же Ты ничего не отвѣчаешь? видишь, какъ много на Тебя обвиненій»! Но Іисусъ Христосъ все ничего не отвѣчалъ; такъ что Пилатъ весьма дивился (отчего Онъ не защищается, когда очень легко могъ бы опровергнуть клеветы)?

Іисусъ Христосъ на судѣ у Ирода
(Лук. XXIII, 5—12).

Между многими обвиненіями главное было то, будто Іисусъ возмущаетъ народъ, распространяя Свое ученіе по всей Іудеи, начавъ съ Галилеи, и вотъ, даже до Іерусалима. Пилатъ, услыхавъ о Галилеѣ, спросилъ: «а развѣ Онъ Галилеянинъ»? Іудеи подтвердили, что Онъ изъ области Иродовой. Въ это время Галилейскій тетрархъ, по случаю праздника, былъ въ Іерусалимѣ. Пилатъ и Иродъ были во враждѣ между собою, которая, безъ сомнѣнія, была усилена недавнимъ избіеніемъ Галилеянъ близъ жертвенника. Прокураторъ искалъ

примириться съ Иродомъ; а тетрархъ давно искалъ случая видѣть Іисуса, о Которомъ онъ слышалъ много удивительнаго. Пилатъ, какъ нельзя лучше, воспользовался настоящими обстоятельствами. Чтобы отклонить отъ себя это непріятное дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣсти расположеніе Ирода, онъ послалъ къ нему Іисуса. Иродъ, увидавъ Узника, обрадовался; онъ надѣялся теперь увидѣть отъ Него какое-нибудь чудо. Сталъ разспрашивать Его о многомъ; но Іисусъ Христосъ на всѣ вопросы его молчалъ, не смотря на то, что первосвященники и книжники, стоя тутъ, сильно обвиняли Его. Кончилось тѣмъ, что Иродъ съ своимъ дворомъ, наругавшись надъ Нимъ, облекъ Его въ бѣлую одежду, (какъ одѣвались искавшіе консульства въ Римѣ, въ знакъ того, что это неопасный искатель царства,) и отослалъ Его назадъ къ Пилату. Такимъ образомъ Иродъ не увидѣлъ чуда; но Пилатъ пріобрѣлъ дружбу Ирода.

Быста же друга Иродъ же и Пилатъ въ той день съ собою: прежде во вѣста вражду имуща между собою (Лук. XXIII, 12).

Вотъ замѣчательная черта въ картинѣ міра, который нигдѣ такъ ясно не обнаружилъ своего сердца, какъ при встрѣчѣ лицемъ къ лицу съ Божественною Истиною, во дни страданій и смерти Сына Божія.

Иродъ и Пилатъ были во враждѣ между собою. А благоразуміе говоритъ: «имѣй враговъ, сколько можно, меньше; чья дружба тебѣ безполезна, того вражда можетъ быть вредна. Итакъ покупай миръ, но цѣною, по возможности, дешевою; старайся поменьше уступить твоихъ правъ и не роняй своего достоинства». Далѣе, міръ разсуждаетъ: «какая мнѣ нужда до человѣка простого, до человѣка бѣднаго»?

Судя по этому, могъ ли Пилатъ купить миръ у Ирода дешевле, какъ послалъ къ нему Галилейскаго пророка? Со стороны Пилата это было вѣжливое вниманіе, которое польстило Ирода; а дѣло Подсудимаго для него было маловажно. Какая ему нужда была до бѣднаго и страждущаго Іисуса? Положимъ, что Онъ постраждетъ лишній часъ, положимъ, что Онъ потерпитъ нѣсколько лишнихъ поруганій; что̀ нужды до этого? Вѣдь это не какой-нибудь богатый и славный гражданинъ Рима.

Можетъ быть, въ ту же недѣлю какой-нибудь знатный Римлянинъ, находившійся при Пилатѣ, задумывался, какъ-бы помирить своего господина съ Иродомъ, потому что ихъ ссора можетъ помѣшать ихъ увеселеніямъ во время великаго праздника, къ которому готовился Іерусалимъ; можетъ быть, онъ перебралъ въ своемъ умѣ десятки различныхъ предположеній. Но что для этой цѣли можетъ быть употребленъ бѣдный Іисусъ, это ему и въ голову не приходило. Какъ дивны пути Божіи! Какъ они совершаются не по человѣческимъ соображеніямъ!

Міръ! чѣмъ ты не пользовался для достиженія своихъ цѣлей? И къ чему ты не употреблялъ смиренныхъ праведниковъ Божіихъ? Слезы исторгаются, когда читаемъ исторію святыхъ и видимъ ихъ отношеніе къ міру.

Голова великаго праведника, котораго уважали и люди міра, приносится духомъ міра въ подарокъ дѣвицѣ за пріятные танцы. И вотъ, тому же властителю, который сдѣлалъ этотъ кровавый подарокъ, въ свою очередь духъ міра присылаетъ въ подарокъ Того, Которому помянутый праведникъ не достоинъ былъ *сапоги понести* (Матѳ. III, 11). Какъ это лестно! Какъ тутъ не произойти дружбѣ! *Бысте же друга Иродъ же и Пилатъ въ той день съ собою.*

Здѣсь мы видимъ все твое сердце, о, несчастный міръ! Ты равнодушенъ къ участи бѣднаго и незнатнаго; ты не считаешь его достойнымъ своего вниманія; ты позволяешь себѣ пользоваться имъ, какъ простою вещью для достиженія своихъ цѣлей; ты забываешь долгъ и правду, когда дѣло касается лица незнатнаго.

Ты говоришь, жалкій сынъ міра: «пусть этотъ подсудимый и не виноватъ, я и самъ знаю, что онъ преданъ суду неправо, *зависти ради:* я и самъ *ни коеяже обрѣтаю вины въ Человѣцѣ Семъ* (Лук. XXIII, 4); но что же тутъ особеннаго, если онъ понесетъ лишнюю бѣду, лишнее оскорбленіе, лишнюю насмѣшку; а между тѣмъ я чрезъ это возстановлю дружбу съ человѣкомъ полезнымъ для меня? При томъ же мнѣ скучно разбирать это судебное дѣло; оно не представляетъ для меня никакой пользы; подсудимый бѣденъ: такъ отошлю его къ человѣку, котораго суду хоть онъ прямо и не подлежитъ, но который желаетъ *отъ многа времене видѣти его* (Лук. XXIII, 8) и которому будетъ пріятна моя вѣжливость. А право ли порѣшитъ этотъ человѣкъ дѣло, или нѣтъ, это вопросъ вторичной важности: объ этомъ я могу не безпокоить себя. Я только надѣюсь такимъ образомъ возстановить съ нимъ добрыя отношенія. *Посла Его къ Ироду. Быста же друга Иродъ же и Пилатъ въ той день съ собою* (Лук. XXIII, 7, 12).

Мы не знаемъ, за какое правое дѣло поссорились между собою Пилатъ и Иродъ; но видимъ, что дружба между ними возстановлена дѣломъ, противнымъ человѣческой совѣсти и Божественной правдѣ: страданіями и поруганіями Праведника, Котораго они сами признавали невиннымъ (Лук. XXIII, 4, 15). Такъ сыны міра въ одинъ день дѣлаются друзьями, когда единодушно заглушаютъ въ себѣ голосъ совѣсти и презираютъ дѣло Божіе.

Но посмотримъ на другую сторону событія. Въ этотъ день Пилатъ и Иродъ сдѣлались друзьями, — Пилатъ, какъ представитель язычниковъ, Иродъ, какъ представитель Іудеевъ. Въ исторіи страданій нашего Спасителя нѣтъ ни одного событія, которое бы не имѣло высшаго знаменованія и которое не открывало бы намъ дивныхъ путей Божественнаго Промысла. Читая книгу Апостольскихъ Дѣяній и наблюдая, какъ Іудеи и язычники входятъ въ Христову Церковь, въ которой примиряются и составляютъ одно тѣло и одинъ духъ о Христѣ, мы невольно возвращаемся къ свидѣтельству святаго Луки, что Пилатъ и Иродъ сдѣлались друзьями съ того дня, какъ они судили Іисуса Христа: *прежде бо бѣста вражду имуща между собою.*

Иродъ и Пилатъ сдѣлались друзьями чрезъ Іисуса Христа: опять, какое знаменіе! Не видимъ ли уже здѣсь, что Іисусъ Христосъ уничтожаетъ *средостѣніе* между міромъ языческимъ и Іудейскимъ, что Онъ разрушаетъ вражду *плотію Своею,* предавая ее на біеніе и поруганіе? Не видимъ ли уже здѣсь, что Онъ есть *миръ, сотворивый обоя едино* (Ефес. XI, 14)?

Пусть же сыны міра играютъ дѣломъ Божіимъ; пусть они презираютъ его, этимъ они только себя повергаютъ въ вѣчную погибель. А дѣло Божіе не зависитъ отъ нихъ: оно совершается по вѣчному совѣту Тріипостаснаго Бога. Не Пилатъ и не Иродъ вознесли Агнца Божія на жертвенникъ; они только хлопотали о возстановленіи разстроенной пріязни, хотя бы-то на счетъ совѣсти и долга. Всеблагій Отецъ Небесный такъ возлюбилъ человѣка, что не пощадилъ Своего возлюбленнаго Единороднаго Сына; поэтому христіанинъ въ исторіи страданій и смерти

своего Спасителя видитъ Сына Божія, свободно вземлющаго грѣхи міра, грядущаго на вольную смерть, не вынужденную человѣческимъ произволомъ; поэтому онъ молится, благоговѣетъ и проливаетъ слезы благодаренія и покаянія, читая эту священную исторію.— (Воскр. Чт., г. XXIII, стр. 559—561).

Второй судъ у Пилата (Лук. XXIII, 13—23. Марк. XV, 6—14. Матѳ. XXVII, 15—23. Іоан. XVIII, 39—XIX, 12).

(*Прот. Богословскаго.*)

Когда Іисусъ Христосъ приведенъ былъ отъ Ирода обратно на судъ къ Пилату; тогда Пилатъ созвалъ первосвященниковъ, начальниковъ и народъ, и сказалъ имъ: «вы привели ко мнѣ Этого Человѣка, какъ развратителя народа. Вотъ, я при васъ разспрашивалъ и рѣшительно не нашелъ, чтобы Этотъ Человѣкъ виновенъ былъ, въ чемъ вы Его обвиняете. И Иродъ такъ же. Потому что я посылалъ Его къ Ироду: оказалось тоже, что Онъ не сдѣлалъ ничего, за что̀ заслуживалъ бы смертную казнь. И такъ я, наказавъ Его, отпущу». А ему и надлежало, по заведенному порядку, ради праздника Пасхи (въ память освобожденія Евреевъ изъ Египта), отпустить одного узника, на котораго укажетъ народъ. Народъ уже и имѣлъ въ виду одного узника, по имени Варавву, который въ это время содержался въ темницѣ съ другими сообщниками за какое-то убійство въ городѣ, произведенное ими во время мятежа. И такъ какъ народъ, собравшись предъ домомъ правителя, начиналъ кричать и просить того, что̀ всегда для нихъ дѣлали; то Пилатъ и задумалъ воспользоваться этимъ случаемъ къ освобожденію Іисуса. Онъ зналъ, что первосвященники предали Его изъ зависти, и полагалъ, что народъ будетъ радъ освободить Его. И потому сказалъ народу: «у васъ есть обычай, чтобы я одного (узника) освобождалъ вамъ ради Пасхи: хотите ли, я отпущу вамъ Царя Іудейскаго,—Іисуса называемаго Христомъ»? (Между народомъ начались переговоры).

Между тѣмъ, когда Пилатъ сидѣлъ на судейскомъ мѣстѣ, жена его, которую преданіе называетъ Клавдіею Прокулою, прислала ему сказать: «не дѣлай ничего Этому Праведнику; потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него».

Въ это время первосвященники и старѣйшины научили народъ просить, чтобы лучше отпустили имъ Варавву, (который, должно быть, выставленъ былъ передъ нимъ, какъ ревнитель ихъ отечественной свободы), а Іисуса, (Который возбудилъ-было такія ожиданія, а теперь и Самъ спасти Себя не можетъ), погубили. И такъ, когда Пилатъ обратился къ народу за отвѣтомъ, «кого отпустить имъ»? они закричали всѣ: «не Его, но Варавву». Пилатъ говоритъ имъ: «что̀ же мнѣ дѣлать съ Іисусомъ, Котораго вы называете Христомъ, Царемъ Іудейскимъ»? Они опять закричали всѣ: «распять, распять Его»! Пилатъ сказалъ имъ: «какое зло сдѣлалъ Онъ? я ничего достойнаго смерти не нашелъ въ Немъ. Наказать накажу Его; но отпущу». Но они еще больше стали кричать: «распни Его»! И превозмогъ крикъ народа и первосвященниковъ.

Тогда Пилатъ приказалъ бичевать Іисуса. Между тѣмъ воины, сплетши вѣнецъ изъ тернія, надѣли Ему на голову, и облекли Его въ багряницу; и начали привѣтствовать: «здравствуй, Царь Іудейскій»! и били Его по щекамъ. Пилатъ опять вышелъ и говоритъ имъ: «вотъ, я вывожу Его къ вамъ, дабы вы знали, что я не нахожу въ Немъ никакой вины». Тогда выве-

день былъ Іисусъ въ терновомъ вѣнцѣ и багряницѣ. Пилатъ сказалъ имъ: «смотрите: человѣкъ»! Но только что увидали Его первосвященники и служители, какъ закричали: «на крестъ, на крестъ Его»! Пилатъ говоритъ имъ: «возмите Его вы и распните; а я не нахожу въ Немъ вины». Іудеи отвѣчали ему: «у насъ есть законъ, и по нашему закону Онъ заслужилъ смерть; потому что выдалъ Себя за Сына Божія».

Не успѣвши оклеветать Іисуса Христа въ возмутительныхъ намѣреніяхъ противъ Римскаго правительства, Іудеи, не теряя изъ вида своей цѣли, теперь клевещутъ на свой законъ. Въ ихъ законѣ нигдѣ не говорится, что если придетъ Мессія и назоветъ Себя Сыномъ Божіимъ, то Онъ подлежитъ смерти; а говорится, что если кто станетъ пророчествовать именемъ Господа, и пророчество не сбудется, то такого лжепророка должно предать смерти. Между тѣмъ члены синедріона ничѣмъ не доказали, что слова Іисусовы не исполнились; напротивъ, все предсказанное Имъ доселѣ сбывалось, и нѣкоторые изъ Его пророчествъ о Его смерти въ рукахъ язычниковъ и объ Его воскресеніи они твердо помнили. Извѣстіе, что Іисусъ выдавалъ Себя за Сына Божія, произвело на Пилата сильное впечатлѣніе. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ Божественнаго спокойствія на лицѣ и невозмутимой твердости въ духѣ предстоящаго Узника; могъ слыхать о чудесахъ Его; поневолѣ долженъ былъ припомнить необычайный сонъ жены своей и ея заботливое предостереженіе; и очень вѣроятно, что все это смѣшалось въ его мысляхъ съ баснословными разсказами язычества о явленіяхъ полубоговъ между смертными).

Пилатъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ. Онъ поспѣшилъ въ преторію вмѣстѣ съ Іисусомъ и спросилъ Его: «откуда Ты»? (то есть: «какого Ты происхожденія? не усвояешь ли Ты Себѣ родства съ существами высшими человѣка»? Что было отвѣчать на это язычнику, который о превѣчномъ рожденіи Слова изъ Отца и постичь не могъ, а о безсѣменномъ воплощеніи отъ Пречистыя Дѣвы Маріи и слышать не долженъ былъ)? Іисусъ Христосъ не далъ ему отвѣта. (Оскорбленный такимъ молчаніемъ) Пилатъ, (не смотря на тайный страхъ), говоритъ Ему: «Ты *мнѣ* не отвѣчаешь? Ты не знаешь, что въ моей власти распять Тебя и въ моей власти отпустить Тебя»! Іисусъ Христосъ отвѣчалъ: *надо Мною* ты не имѣлъ бы никакой власти, если бы тебѣ не дано было свыше; потому болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ».

Должно быть, въ Пилатѣ осталась увѣренность, что Іисусъ не простой человѣкъ; потому что онъ настаивалъ отпустить Его. Но члены синедріона, съ своей стороны, рѣшительно замѣтили ему: «если ты отпустишь Его, то этимъ самымъ покажешь, что ты не благопріятствуешь кесарю. (Ты покровительствуешь Тому, Кто называетъ Себя царемъ. Но, извѣстно, что) всякій, называющій себя царемъ, противникъ кесарю».

(Эти слова, которыя напомнили Пилату, что въ Римѣ царствуетъ подозрительный Тиверій, окончательно заставили прокуратора рѣшиться предать смерти Іисуса. Но дабы показать, что онъ дѣйствуетъ не по принужденію, и чтобы отмстить за косвенную угрозу, онъ хотѣлъ поругаться надъ ихъ вѣрованіемъ въ Царя—Мессію, и унизить ихъ, унизивъ Іисуса).

Пилатъ вывелъ Іисуса изъ преторіи передъ народъ; самъ сѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, котораго помостъ былъ выстланъ разноцвѣтнымъ мраморомъ. Время было передъ полуднемъ. И говоритъ Пилатъ Іудеямъ: «смотрите: Царь вашъ»! Но они закричали: «казни! казни! на крестъ Его»! Пилатъ имъ говоритъ: какъ? Царя вашего на крестъ»? Первосвященники отвѣчали: «нѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря»!

Пилатъ, видя, что ничто не помогаетъ, напротивъ волненіе увеличивается, взялъ воды и умылъ руки передъ народомъ, примолвивъ: «невиноватъ я въ (пролитіи) крови Этого Праведника: вы отвѣчайте»! На это весь народъ отвѣтилъ крикомъ: «кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ»!

Такимъ образомъ Пилатъ рѣшилъ быть по ихъ прошенію. Имѣя свои причины угодить народу, онъ отпустилъ имъ Варавву, о которомъ просили, не смотря на то, что Варавва содержался подъ стражею за возмущеніе и убійство; а Іисуса бичевалъ и предалъ на распятіе.

О судѣ Пилата и о подражателяхъ ему.

Іеромонаха Августина.

Шумно волнуется народъ Іудейскій. Цѣлую ночь и слѣдующее затѣмъ утро водитъ онъ своего Господа связаннымъ по улицамъ и стогнамъ города, отъ одного судилища къ другому, отъ другого къ третьему; на судилищахъ безсовѣстно клевещетъ, явно лжесвидѣтельствуетъ на Него и открыто и нагло требуетъ Его казни. Слѣпая толпа то и дѣло кричитъ: *возми, возми, распни Его!* Лукавые первосвященники и старѣйшины съ гордою важностью долагаютъ: *мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети.* Постоянные ученики Его, могшіе быть лучшими свидѣтелями о Немъ на судѣ, въ страхѣ и ужасѣ разбѣгаются, оставивъ Его на волю враговъ, на произволъ судьбы. Среди всей этой суматохи одинъ только Пилатъ, повидимому, безпристрастно относится къ дѣлу. Онъ прямо и неоднократно свидѣтельствуетъ, что въ Обвиняемомъ онъ не находитъ рѣшительно никакой вины; мало того, онъ даже принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобъ какъ-нибудь успокоить народную ярость и злобу и покончить это дѣло безъ пролитія невинной крови. Пилатъ былъ главнымъ начальникомъ Іудеи; отъ него зависѣло окончательное рѣшеніе судебнаго дѣла надъ Іисусомъ; можно было, поэтому, отъ его безпристрастнаго голоса и принятыхъ имъ мѣръ ожидать совсѣмъ иного оборота для неправеднаго дѣла. Но... извѣстно, чѣмъ и какъ кончилось это дѣло: тотъ же самый Пилатъ подписалъ смертный приговоръ Тому, въ Комъ не находилъ никакой вины, и осудилъ на казнь злодѣя Того, Кого самъ призналъ праведникомъ.—Что же это значитъ? Что заставило этого, доселѣ такъ разсудительнаго и безпристрастнаго судью, вдругъ перемѣниться въ отношеніи къ Подсудимому и поступить съ Нимъ вопреки своимъ убѣжденіямъ, противъ своей собственной совѣсти? Евангелистъ говоритъ, что Пилатъ до тѣхъ поръ отклонялъ свой приговоръ надъ Іисусомъ, пока Іудеи не представили ему такого возраженія: *аще сего пустиши, нѣси другъ кесаревъ* (Іоан. XIX, 12); другой Евангелистъ замѣчаетъ, что Пилатъ осудилъ Іисуса Христа на распятіе, *хотя народу хотѣніе сотворити* (Марк. XV, 15). Итакъ вотъ что заставило Пилата безсовѣстно поступить съ Іисусомъ: онъ хотѣлъ угодить этимъ своему начальству и народу,—боялся потерять благосклонность къ себѣ и кесаря Римскаго и общества Іудейскаго, въ случаѣ несогласія съ лукавою волею синедріона. Угодничество и ласкательство побудили его рѣшиться на безсовѣстный поступокъ, и обманывая себя и другихъ, онъ только умываетъ руки предъ народомъ, въ знакъ своей мнимой невинности въ безчестномъ дѣлѣ!

И нашими дѣйствіями и отношеніями къ ближнимъ очень часто заправляетъ то же чувство угодливости, какое было въ Пилатѣ, и также часто побуждаетъ и заставляетъ насъ дѣйствовать про-

тивъ долга, противъ чести, противъ совѣсти, нерѣдко—прямо ко вреду и погибели другихъ. Казалось бы, чувство угодливости меньше всего способно вредить людямъ. Вѣдь на то оно и чувство угодливости, что хочетъ угождать людямъ; но на дѣлѣ большею частью выходитъ совсѣмъ напротивъ. Это оттого, что въ основѣ его лежитъ обыкновенно не любовь христіанская, а самолюбіе человѣческое, не самоотверженіе Евангельское, а лукавая самоугодливость; поэтому оно ищетъ угодить. главнымъ образомъ, самому себѣ, и если угождаетъ другимъ, то не всѣмъ и каждому, а лишь нѣкоторымъ; и не такъ себѣ просто, безъ ничего, а непремѣнно съ какою-нибудь заднею цѣлью: угодить же самому себѣ и еще кой-кому другому часто можно лишь вредя другимъ.

Въ проявленіяхъ религіознаго чувства угодничество сопровождается часто такими дѣйствіями, которыя суть въ своемъ родѣ осужденіе Іисуса Христа на распятіе и смерть. У васъ, напримѣръ, есть другъ, зараженный невѣріемъ; вы часто бываете свидѣтелемъ его кощунственныхъ рѣчей, его противорелигіозныхъ дѣйствій: въ душѣ вы совершенно иначе убѣждены и настроены, чѣмъ вашъ другъ; но, вмѣсто того, чтобъ заградить ему уста, по крайней мѣрѣ, напомнить ему, чтобъ онъ не слишкомъ уже завирался, вы или молчите при всѣхъ его богохульныхъ выходкахъ, или же еще и поддакиваете ему одобрительною улыбкою, утвердительнымъ знакомъ, сочувственнымъ словомъ, иногда и дѣломъ, небольшимъ грѣшкомъ совмѣстно съ нимъ, въ родѣ нарушенія поста и т. п. Какъ же можно перечить другу: еще пожалуй оскорбишь его этимъ! Такъ лучше ужь оскорбить Бога вмѣсто его...

Апостолъ Павелъ сказалъ о себѣ: *аще бых еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не бых убо былъ* (Галат. I, 10). Быть можетъ, это сказалъ онъ потому, что въ его время общество человѣческое состояло по преимуществу то изъ Іудеевъ, то изъ язычниковъ: нельзя было тогда остаться вѣрнымъ Христу и въ то же время угодить какому-нибудь Еврею, угодить язычнику и пребыть вѣрнымъ рабомъ Христовымъ. Въ обществахъ христіанскихъ, каково наше, казалось бы, должно быть иначе, потому что здѣсь всѣ—рабы Христовы. Однакожъ, слово Апостола имѣетъ значеніе свое и въ наше время, приложимо и къ нашему христіанскому обществу. И теперь не можетъ быть Христовымъ рабомъ тотъ, кто изъ угодничества не говоритъ правды тамъ, гдѣ слѣдуетъ, говоритъ ложь и неправду, которой никогда никому говорить не слѣдуетъ,—кто лестью и угодничествомъ прокладываетъ себѣ дорогу въ жизни и на этой дорогѣ не щадитъ добраго имени, чести и благосостоянія всякаго встрѣчнаго,—кто изъ угодничества боится сказать слово въ защиту осмѣиваемой и поругаемой религіи и готовъ даже самъ пристать къ ея ругателямъ. Будемъ же всегда помнить это слово Апостольское, и отвергнемъ отъ себя всякое угодничество, низость, лесть, ласкательство, пресмыкательство, такъ противныя нашему христіанскому призванію. *Куплени есте цѣною,* говоритъ тотъ же Апостолъ, цѣною крови Сына Божія, поэтому *не будите раби человѣкомъ* (1 Коринѳ. VII, 23). (Воскр. Чт., г. XXXI, ч. II, стр. 1030—1031. 1037—1038).

О томъ, что не слѣдуетъ безусловно довѣрять суду общественнаго мнѣнія (Матѳ. XXVII, 22—25).

(*Іоанникія, митроп. Московскаго.*)

Глагола Пилатъ Іудеомъ: что сотворю Іисусу глаголемому Христу?

Глаголаша ему вси: да распятъ будетъ. Игемонъ же рече: кое убо зло сотвори? Они же излиха вопіяху, глаголюще: да пропятъ будетъ. Видѣвъ же Пилатъ, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ, пріемъ воду, умы руцѣ предъ народомъ, глаголя: неповиненъ есмь отъ крове Праведнаго Сего: вы узрите. И отвѣщавше вси людіе, рѣша: кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ (Матѳ. XXVII, 22—25). Такъ завершился судъ надъ Святѣйшимъ святыхъ,—судъ гласный, всенародный. Голосъ народа, требовавшій позорной смертной казни Господа, превозмогъ надъ голосомъ судіи, вполнѣ сознавшаго невинность Подсудимаго и употребившаго нѣсколько мѣръ къ Его оправданію. *И устояху*, замѣчаютъ святые Евангелисты, *гласи* неистовой толпы, и *посуди Пилатъ быти прошенію ихъ* и *предаде Его имъ, да распнется, и поемше Іисуса, ведоша* (Лук. XXIII, 23—24. Іоан. XIX, 16) и, истощивши надъ Нимъ всѣ виды злобныхъ насмѣшекъ и ругательствъ, *распяша Господа славы*.

За что? Никто не вѣдалъ и вѣдать не хотѣлъ. Вопіяли, правда, во время суда нѣкоторые: *мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети* (Іоан. XIX, 7); но, по слову Самого Господа, они не вѣдали, что творили,—не разумѣли, конечно, что и говорили. Послѣднимъ отвѣтомъ на вопросъ судіи: *кое убо зло сотвори*,—въ чемъ виноватъ Онъ?—въ устахъ всѣхъ было усиленное восклицаніе: мы всѣ хочемъ этого,—*они же излиха вопіяху, глаголюще: да пропятъ будетъ*,—всѣ на себя беремъ отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ, въ чемъ бы ни состояла она: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*. И слабодушный судія, желая сдѣлать угодное народу, предаде Іисуса, да пропнутъ Его.

Не то было за три дня предъ этимъ. *Приближашеся праздникъ опрѣснокъ, глаголемый Пасха* (Лук. XXII, 1). По закону Моусееву, къ этому празднику должны были собираться въ Іерусалимъ Іудеи не только жившіе въ Палестинѣ, но и разсѣянные по всѣмъ странамъ міра. И дѣйствительно, многіе, въ особенности жившіе въ отдаленныхъ странахъ, еще задолго до праздника *взыдоша во Іерусалимъ да очистятся* (Іоан. XI, 55). Слава объ ученіи и чудесахъ, совершаемыхъ Іисусомъ Христомъ, пронеслась по всей Палестинѣ и далеко за предѣлами ея. Многіе были очевидцами Его чудотвореній, другіе были лично знакомы съ Нимъ, иные только слышали о Немъ, какъ о великомъ чудотворцѣ. Естественно, что при такомъ положеніи *пророкъ Галилейскій*, какъ бо́льшая часть называли Господа, былъ предметомъ общаго вниманія и разговоровъ. Пришедшіе издалека на праздникъ еще задолго до праздника искали Его и допытывались другъ у друга: ка́къ вы думаете? не придетъ ли Онъ на праздникъ (Іоан. XI, 56)? Незадолго предъ тѣмъ совершенное Имъ въ особенности поразительное чудо, воскрешеніе четверодневнаго Лазаря, еще болѣе возбудило общее вниманіе. Наконецъ, за шесть дней до Пасхи приходитъ Іисусъ въ Виѳанію, *идѣже бѣ Лазарь умерый, егоже воскреси отъ мертвыхъ*: признательныя сестры воскресшаго устрояютъ для Него тамъ вечерю. Слухъ о семъ тотчасъ же достигаетъ Іерусалима,—и вотъ *народъ многъ отъ Іудей*, сошедшихся къ празднику, *разумѣвъ, яко ту есть, пріидоша не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ* (Іоан. XII, 9). На утро Господь торжественно входитъ въ Іерусалимъ. Народному восторгу нѣтъ предѣла: Его встрѣчаютъ съ ваіями и вѣтвями, Ему

постилаютъ одежды свои по пути; предшествующіе и сопровождающіе Его восклицаютъ: *осанна Сыну Давідову: благословенъ грядый Царь во имя Господне: миръ на небеси и слава въ вышнихъ* (Матѳ. XXI, 9. Лук. XIX, 38)! Къ восклицаніямъ взрослыхъ присоединяются и голоса дѣтей, зовущихъ и глаголющихъ: *осанна Сыну Давідову* (Матѳ. XXI, 15)! Когда Господь вошелъ въ Іерусалимъ, *потрясеся весь градъ, глаголя: кто есть сей* (Матѳ. XXI, 10)? Самые закоренѣлые враги Господа должны были затаить въ себѣ свою злобу и зависть къ Нему и только между собою говорили: *видите, яко никаяже польза есть: се міръ по Немъ идетъ* (Іоан. XII, 19). Народный восторгъ не прекращался и въ слѣдующіе дни. На утро, вшедши снова въ Іерусалимъ, Онъ изгоняетъ продающихъ и купующихъ въ церкви, ниспровергаетъ столы торгующихъ и сѣдалища продающихъ голуби,—и всѣ безпрекословно повинуются распоряженіямъ Его. Въ толпѣ народа, какъ обыкновенно бываетъ, не всѣ могли видѣть Господа,—и вотъ, улучивши благопріятную минуту, нѣкоторые изъ пришедшихъ на праздникъ Еллиновъ обращаются не къ Нему Самому, а къ одному изъ учениковъ Его, *и молляху Его глаголюще: господи, хощемъ Іисуса видѣти* (Іоан. XII, 21),—обстоятельство, показывающее, что восторгъ народный дошелъ до степени благоговѣйнаго почитанія къ Іисусу Христу. Торжественный гласъ съ небеси отъ Бога Отца предъ лицемъ всего народа: *и прославихъ и паки прославлю* (28), еще болѣе усиливаетъ вниманіе и благоговѣніе къ Нему. Сами враги Спасителя, давно уже положившіе въ душѣ умертвить Его, въ торжественномъ своемъ совѣщаніи находятъ это время неблагопріятнымъ для своихъ замысловъ и опредѣляютъ дѣйствовать съ скрытною осторожностью: *совѣщаша, да Іисуса лестію имутъ и убіютъ*,—и то не теперь, не во время праздника, чтобы не сдѣлалось возмущеніе въ народѣ (Матѳ. XXVI, 5). Но едва прошло два дня послѣ сего, какъ картина совершенно измѣняется. Тѣ, которые не находили словъ выразить свой восторгъ и благоговѣніе къ великому Пророку, единодушно, цѣлымъ народомъ, требуютъ Его смерти. Мало сего, не разбираютъ никакихъ средствъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Нужно врагамъ Его прикрыть благовиднымъ предлогомъ свою ненависть къ Нему;—выискиваются свидѣтели, готовые взвести на Него все, что̀ угодно. Что̀ нужды, что въ ихъ свидѣтельствахъ явныя противорѣчія? Онѣ принимаются всѣми, какъ несомнѣнно истинныя. Нужно взвести клевету на Обвиняемаго,—нѣтъ остановки и за этимъ: *аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали Его тебѣ* (Іоан. XVIII, 30), и за тѣмъ—градомъ сыплются обвиненія одно за другимъ... Когда и это не помогло, производятъ общее волненіе цѣлымъ народомъ, чтобы силою вынудить желаемый приговоръ. Приговоръ, наконецъ, произнесенъ, цѣль достигнута: Варавва—страхъ и ужасъ народа—освобожденъ, а невинный Благодѣтель народа осужденъ на позорную и ужасную казнь—виситъ пригвожденный ко кресту, между двумя злодѣями. Казалось бы, время уже возбудиться въ сердцахъ всѣхъ естественной жалости даже и дѣйствительному преступнику; но невинно Осужденный общественнымъ судомъ не возбуждаетъ къ Себѣ и этого невольнаго участія. Надъ Нимъ издѣваются, Его поносятъ и во время крестной казни. И пусть бы это дѣлали враги Его: они имѣли свои причины ненавидѣть Его; нѣтъ, и вси *мимоходящіи хуляху Его, покивающе главами*

своими и глаголюще: уа, Разоряяй церковь и тремі деньми Созидаяй: спасися Самъ, и сниди со креста (Марк. XV, 29—30).

Ревнитель и поборникъ мнѣнія общественнаго, думающій видѣть въ немъ всегда непогрѣшимый голосъ Самого Бога! не будь невнимателенъ къ этому поразительному и ужасному случаю. Что̀ совершилось однажды, то можетъ повторяться и, можетъ быть, нерѣдко, хотя и не въ столь поразительныхъ чертахъ. Посмотри внимательнѣе вокругъ себя: не бываетъ ли и теперь подобнаго? Увы, какъ часто общественный приговоръ вѣнчаетъ и развѣнчиваетъ общественныхъ дѣятелей—и нерѣдко въ самое непродолжительное время! Сегодня возносятъ до небесъ, а на завтра низвергаютъ до бездны! И нужно ли удивляться сему, когда и теперь, какъ прежде, большинство слѣпо слѣдуетъ за своими немногими предводителями? Присмотритесь, какъ обыкновенно слагается такъ называемое общественное мнѣніе, или правильнѣе, мнѣніе большинства. Сколько ни превозносятся въ нашъ вѣкъ независимостью или самостоятельностью убѣжденій,—на дѣлѣ, въ жизни дѣйствительной, едвали не бо́льшая часть подобныхъ независимыхъ судей смотрятъ на все чужими глазами, повторяютъ приговоръ лицамъ съ чужихъ словъ. И чѣмъ жестче подобный приговоръ, чѣмъ рѣзче и рѣшительнѣе высказывается онъ, тѣмъ съ большею увѣренностью принимается другими, тѣмъ скорѣе усвояется большинствомъ,—тѣмъ, слѣдовательно, удобнѣе переходитъ въ общественное мнѣніе. Трудно сказать, что̀ руководитъ въ подобныхъ случаяхъ большинствомъ: просто ли легкомысліе, считающее за ничто омрачить въ глазахъ всѣхъ добрую славу ближняго, или желаніе идти въ уровень въ своихъ взглядахъ съ людьми передовыми, чтобы не показаться отсталыми, или, можетъ быть, не вполнѣ сознаваемое желаніе успокоить свою совѣсть, мятущуюся при представленіи своихъ собственныхъ недостатковъ, сравненіемъ себя съ другими, изъ котораго выходило бы, что вотъ-де я вовсе не таковъ, какъ другіе, или, можетъ быть, всѣ эти побужденія соединяются вмѣстѣ,—только, ка́къ свидѣтельствуетъ опытъ жизни, едвали не бо́льшая часть общественныхъ приговоровъ слагается подобнымъ образомъ. Вотъ человѣкъ, повидимому, съ истиннымъ, непритворнымъ жаромъ вопіетъ противъ злоупотребленій того или другаго; попробуйте спросить у него: въ чемъ дѣло? Онъ, пожалуй, не затруднится засыпать васъ обвиненіями, конечно, общими и голословными; но полюбопытствуйте дойти до источника этихъ обвиненій,—и окажется, что дѣло окончательно сведется къ тому, что всѣ такъ говорятъ, тогда какъ изъ этихъ всѣхъ онъ самъ, можетъ быть, первый разноситъ подобную молву. Второй, подобный, послѣ него передаетъ то же самое третьему и такъ далѣе, нерѣдко прибавивши къ слышанному и отъ себя нѣчто,—передаетъ уже безъ зазрѣнія совѣсти, потому что онъ, по собственному его суду, дѣйствуетъ безкорыстно и безпристрастно, какъ дѣйствительно слышавшій, что̀ передаетъ, и нерѣдко не состоящій ни въ какихъ сношеніяхъ съ лицемъ, о которомъ передаетъ.

Если такъ измѣнчиво и неосновательно бываетъ общественное мнѣніе въ своихъ приговорахъ о лицахъ, то тѣмъ менѣе можно безусловно полагаться на него въ сужденіяхъ о предметахъ. Опыты всѣхъ вѣковъ свидѣтельствуютъ, что людей истинно здравомыслящихъ всегда сравнительно меньше, чѣмъ увлекающихся; что ложь,

представленная въ благовидномъ образѣ, больше увлекаетъ за собою, чѣмъ истина. Первая нравится многимъ своею новизною, игривостью, примѣнительностью къ современнымъ вкусамъ и потребностямъ; послѣдняя отталкиваетъ многихъ своею простотою, строгостью и трезвенностью. Удивительно ли послѣ сего, что на сторонѣ истины большею частію бываетъ меньшинство, а большинство на сторонѣ лжи? Удивительно ли, что ложь торжествуетъ, а истина преслѣдуется? По временамъ это проявляется въ особенно поразительномъ видѣ, такъ что почти всѣ становятся подъ знамена лжи, чтобы ратовать противъ истины. Ной, по повелѣнію Божію, сто двадцать лѣтъ проповѣдуетъ современникамъ своимъ о покаяніи; а они по прежнему ядятъ, пьютъ, женятся и посягаютъ, и только глумятся надъ его проповѣдію, пока всѣ не погибаютъ въ водахъ потопныхъ. Лотъ убѣждаетъ жителей Содома не дѣлать зла вошедшимъ подъ кровъ его странникамъ; а они всѣ, *отъ юноши даже до старца, весь народъ вкупѣ,* отвѣчаютъ ему: вотъ, пришелъ пожить, и хочетъ судить! Что было бы, если бы онъ послѣдовалъ образу мыслей и жизни всѣхъ? Безъ сомнѣнія, и онъ погибъ бы въ томъ жупелѣ и огнѣ, который одождилъ Господь съ небесе. Нужно ли напоминать о томъ, какъ ложь, поддерживаемая большинствомъ, цѣлыхъ три вѣка по явленіи христіанства гнала и преслѣдовала истину, содержимую меньшинствомъ,—насмѣшками и укоризнами, клеветами и злорѣчіемъ, огнемъ и мечемъ? Но еже было, тожде есть, то же и будетъ... (Изъ слова въ великій пятокъ.)

Погибель Пилата.

Понтій Пилатъ, бывшій прокураторомъ Римскимъ въ Іудеи во время страданій и смерти Іисуса Христа, питалъ непримиримую ненависть къ народу, управляемому имъ, въ особенности же къ религіи и обрядамъ его. Эта самая ненависть была причиною погибели его по слѣдующему случаю. Одинъ обманщикъ собралъ на горѣ Гаризинѣ великое множество Самарянъ, чтобы показать имъ, какъ онъ говоритъ, священные сосуды, скрытые будто бы здѣсь Моусеемъ. Пилатъ, видѣвшій въ этомъ собраніи возмущеніе противъ Римскаго правительства, воспользовался случаемъ наказать ему ненавистныхъ людей за мнимое преступленіе ихъ. Онъ окружилъ ихъ своею конницею и велѣлъ знатнѣйшихъ изъ нихъ казнить, а прочихъ изрубить всѣхъ безъ разбора. Самаряне, соотечественники избіенныхъ, принесли жалобу на него правителю Сиріи Вителлію, отцу императора того имени, имѣвшему Іудею подъ своею властью. Вслѣдствіе этой жалобы Вителлій, признавъ Пилата виновнымъ, приказалъ ему отправиться въ Римъ для оправданія себя предъ императоромъ Тиверіемъ, который имѣлъ уже невыгодное мнѣніе о немъ по жалобѣ Маріи Магдалины на его несправедливые поступки (Никиф. Калл. кн. II, гл. X). По прибытіи въ Римъ, прокураторъ Іудеи, не могши оправдаться, былъ отрѣшенъ отъ своей должности и сосланъ въ Галлію въ 37 году по Рождествѣ Христовомъ, въ началѣ царствованія Калигулы. Преданіе говоритъ, что онъ удалился въ городъ Віенну, въ области Дофине, гдѣ прожилъ еще два года, и наконецъ, изнуренный печалью и скукою, терзаемый угрызеніями совѣсти и отчаяніемъ, самъ себя лишилъ жизни (Воскр. Чт., т. XXII, стр. 576).

Библіографическій указатель къ исторіи суда надъ Іисусомъ Христомъ (Матѳ. XXVI—XXVII гл. и парал.).

1) Іисусъ Христосъ на судѣ синедріона. Троекратное отреченіе Петра. Іисусъ Христосъ вновь на судѣ синедріона. Воскр. Чт., г. XI. 544—548.

2) Судъ надъ Іисусомъ Христомъ. Христ. Чт. 1878 г. II. 285—313. 499—535.

3) Верховное судилище въ домѣ Каіафы. Дом. Бес. 1870 г. I. Вып. 15. 467—471.

4) *Прот. Гречулевича.* Іисусъ Христосъ на судѣ Каіафы и Пилата. Стран. 1861 г. Апр. 161—220.

5) *Его же.* Размышленія о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ предъ Каіафою и Пилатомъ. Стран. 1867 г. Апр. 14—30.

6) Матѳ. XXVI, 69—75. Паденіе и возстаніе Петра. Хр. Чт. 1831 г., ч. XLII. 107—126.

7) *И исшедъ вонъ, плакася горько* (75). Назидательныя размышленія. Хр. Чт. 1838 г., ч. II. 371—381.

8) *Прот. Нечаева.* Слезы Петра. Душеп. Чт. 1881 г. III. 336—340.

9) У современнаго костра. Душеп. Чт. 1880 г. III. 59—74.

10) Матѳ. XXVI, 69—75; XXVII, 1—10. Бесѣда *св. Іоанна Златоустаго.* Христ. Чт. 1838 г. II. 273—291.

11) Возвращеніе Іудою первосвященникамъ сребренниковъ и самоубійство.—Іисусъ Христосъ на судѣ Пилата и Ирода. Воскр. Чт. XI. 553.

12) *Прот. Нечаева* Пилатова совѣсть. Душеп. Чт. 1879 г. I. 103—108.

13) *В. Пѣвницкаго.* Крики народной Іудейской толпы предъ судомъ Пилата. Тр. Кіев. Д. Ак. 1862 г. II. 360.

14) Отчего вѣрующіе въ Іисуса Христа и особенно тѣ, которыхъ Онъ исцѣлилъ, не заступились за Него, когда Его безаконно судили и вели на распятіе? Воскр. Чт. XXXI. II. 1048—1052.

15) Матѳ. XXVII, 5. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О раскаяніи Іуды, о судьбѣ его и о томъ, что самоубійство есть дѣло сатаны. II. 535—547.

16) Іоан. XVIII, 37. *Филарета, митроп. Московскаго.* Христосъ Спаситель пришелъ въ міръ для того, чтобы сообщить людямъ истинное Богопознаніе, въ которомъ заключается сущность истины и котораго человѣчество не достигло собственнымъ разумомъ. V. 194—297.

17) *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Что̀ есть истина? IV, 65—69.

18) XIX, 5. *Филарета, митроп. Московскаго.* О таинственномъ значеніи словъ: *се, Человѣкъ.* I. 233—236.

Распятіе и смерть Іисуса Христа (Матѳ. XXVII, 31—56. Марк. XV, 20—41. Лук. XXIII, 26—73. Іоан. XIX, 16—37).

Осудивъ Іисуса на смерть, Пилатъ велѣлъ воинамъ взять Его и вести на казнь. Воины сняли съ Іисуса багряницу и одѣли въ собственныя Его одежды, возложили на рамена Его крестъ, на которомъ Онъ долженъ былъ умереть, и повели за городъ на мѣсто казни. Это мѣсто, гдѣ обезглавливали преступниковъ, называлось оттого Голгоѳой, т. е. Лобнымъ мѣстомъ. Измученный Іисусъ Христосъ нѣсколько разъ падалъ подъ крестомъ, пока, наконецъ, не потерялъ послѣднихъ силъ. Воины увидѣли необходимость снять съ Него крестъ. Въ это время возвращался съ полевой работы нѣкто Симонъ, уроженецъ Киринейскій. На него возложили крестъ Христовъ, и онъ донесъ его до мѣста казни.

Въ толпѣ, сопровождавшей Господа, было много благочестивыхъ женщинъ; идя за Нимъ, онѣ громко рыдали. Іисусъ, даже въ эти страшныя для Него минуты, думалъ не о Себѣ, но объ ужасной участи, ожидающей преступный народъ, и обратившись къ женамъ, сказалъ: «не плачьте обо Мнѣ, плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ; ибо близки уже тѣ дни, когда (несчастныя матери) будутъ говорить: блаженны неплодныя и утробы не родившія и сосцы не питавшіе. Тогда будутъ взывать горамъ и холмамъ: падите на насъ и покройте насъ. Ибо если съ зеленѣющимъ деревомъ (—со Мной) такъ поступаютъ, то съ сухимъ (—съ этимъ народомъ) что будетъ? Пришли на Голгоѳу. Стали ставить кресты, и подали Іисусу и двоимъ бунтовщикамъ и убійцамъ, осужденнымъ вмѣстѣ съ Нимъ на крестную смерть, выпить смѣси изъ вина съ смирной. Это питье, кислое какъ уксусъ и горькое какъ желчь, обыкновенно давалось изъ состраданія осужденнымъ на крестную смерть, самую мучительную изъ всѣхъ родовъ казни, чтобы отнятіемъ сознанія ослабить силу страданій. Но Іисусъ Христосъ не сталъ пить. Онъ не хотѣлъ облегченія Своихъ вольныхъ страданій.

Поставили кресты, раздѣли осужденныхъ, подняли и распяли убійцъ по краямъ, а Іисуса съ жестокою насмѣшкою, какъ главу ихъ, въ срединѣ. Такъ исполнилось пророчество: «*и со беззаконными вмѣнися*» (Исаія LIII, 12).

Іисусъ Христосъ страшно страдалъ: гвозди раздирали Его тѣло, кровь потоками лилась изъ ранъ; но вмѣсто воплей и стоновъ изъ Его устъ слышалась молитва за распинателей: «Отче, взывалъ Онъ, прости имъ; они не знаютъ, что дѣлаютъ»!

Воины стали, по обыкновенію, дѣлить между собою одежды казненныхъ. Но нижнее платье Іисуса, хитонъ, имъ жаль было разрывать, потому что онъ былъ безъ швовъ, весь тканный, и по-

тому они бросили о немъ жеребій. Такимъ образомъ исполнилось другое пророчество: *раздѣлиша ризы Моя себѣ и о одежди Моей меташа жребій*» (Псал. XXI, 19).

На крестѣ обыкновенно прибивалась дощечка съ объясненіемъ вины распятаго; на крестѣ Іисусовомъ Пилатъ, на зло синедріону, велѣлъ написать: «Царь Іудейскій» и притомъ на трехъ языкахъ: Еврейскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, чтобы всякій иностранецъ видѣлъ въ этой надписи позоръ Іудейскаго народа, допустившаго предать поноснѣйшей казни царя, котораго сами ожидали. Оскорбленные вельможи поспѣшили къ Пилату и стали просить его написать вмѣсто этого: «Я Царь Іудейскій», такъ чтобы видно было, что Распятый самозванецъ, а не настоящій царь.—«Что я написалъ, то написалъ»—холодно отвѣчалъ Пилатъ. Сконфуженные воротились они на Голгоѳу, чтобы насладиться, по крайней мѣрѣ, мученіями своей жертвы. Тамъ стояла большая толпа народа и осыпала Божественнаго Страдальца насмѣшками. «Э! Разрушающій церковь и въ три дня Созидающій! говорила толпа, кивая головами: спаси теперь Себя и сойди со креста».—«Другихъ спасалъ, а Себя спасти не можетъ», прибавляли язвительно сановники; «если Онъ Царь Израилевъ, пусть теперь сойдетъ съ креста, и тогда мы увѣруемъ въ Него. Онъ уповалъ на Бога,—пусть же теперь Богъ избавитъ Его, если Онъ угоденъ Ему; вѣдь, Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ».—«Въ самомъ дѣлѣ», безсмысленно вторили Іудеямъ солдаты, «если Ты царь Іудейскій, спаси Себя». Эти насмѣшки увеличивали му́ку Божественнаго Страдальца и тѣмъ болѣе, что находили для себя пищу и оружіе противъ Него въ самомъ Его терпѣніи. «Боже Мой, Боже мой! воскликнулъ Онъ въ невыразимой тоскѣ, зачѣмъ Ты оставилъ Меня»? Этотъ горестный вопль далъ новую пищу насмѣшкѣ. Пользуясь созвучіемъ слова Елои (Боже мой) съ словомъ Илія и намекая на вѣрованіе народа, считавшаго Илію помощникомъ несчастныхъ и предтечею Мессіи, за котораго Іисусъ объявилъ Себя, враги Его говорили: «вотъ ужъ Онъ зоветъ Илію».—«Жажду»! воскликнулъ Іисусъ, томимый смертельною жаждою. Одинъ изъ воиновъ, омочивъ губку въ уксусъ, служившій обыкновеннымъ питьемъ для солдатъ и простого народа, поднесъ на трости къ горящимъ устамъ Іисуса Христа. «Оставь, говорили враги Іисусовы, посмотримъ, придетъ ли Илія спасти Его».

Такъ всѣ окружающіе осыпали Іисуса насмѣшками; даже одинъ изъ распятыхъ съ Нимъ злодѣевъ и тотъ не отставалъ отъ прочихъ: «если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ», говорилъ онъ насмѣшливо Іисусу. Раздался только одинъ голосъ состраданія; это былъ голосъ другаго разбойника. Услышавъ насмѣшку товарища, онъ обратился къ нему съ упрекомъ: «или ты не боишься Бога, сказалъ онъ, хотя и самъ осужденъ на ту же казнь? Да мы-то осуждены справедливо и получили то, что заслужили своими дѣлами, а Онъ ничего худаго не сдѣлалъ». И, обратясь къ Іисусу, прибавилъ: «*помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ*»! Этотъ единственный голосъ состраданія, сердечнаго покаянія, смиренной покорности и изумительной вѣры вызвалъ такія слова Іисуса Христа: «увѣряю тебя, сказалъ Онъ разбойнику, нынѣ же ты будешь со Мной въ раю». И разбойникъ прямо со креста первый вступилъ въ только что открывшееся небо, заключенное болѣе пяти тысячъ лѣтъ даже для величайшихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ.

Было въ народѣ при Іисусовомъ крестѣ и еще нѣсколько лицъ, глубоко сострадавшихъ Божественному Страдальцу. Это были нѣкоторыя благочестивыя жены; между ними исцѣленная Іисусомъ Марія Магдалина, любимый ученикъ Іисусовъ Іоаннъ и Матерь Іисусова. Какъ и всегда не столько думая о Себѣ, сколько о другихъ, Іисусъ Христосъ, желая пролить утѣшеніе въ скорбную душу Матери, сказалъ, указывая Ей взоромъ на Іоанна: «Жено, вотъ сынъ Твой», потомъ сказалъ ученику, поручая его заботамъ Свою Матерь: а это Мать твоя». Ученикъ свято исполнилъ послѣднюю волю умирающаго Учителя: онъ взялъ Матерь Божію къ себѣ въ домъ, окружалъ Ее нѣжнѣйшими попеченіями и до самаго Ея блаженнаго успенія не отлучался отъ Іерусалима, тогда какъ прочіе Апостолы разсѣялись по разнымъ странамъ для распространенія Евангелія.

Теперь страждущій Господь видѣлъ, что все уже совершилось, чему должно было совершиться: искупленіе человѣчества совершено, искупительныя страданія достигли послѣдняго предѣла, пророчества исполнились всѣ до послѣдняго,—и вотъ, Онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: «совершилось, Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой»! и, приклонивъ голову, испустилъ духъ. Еще съ минуты распятія, т. е. съ 12-го часа солнце въ ужасѣ померкло, и тьма покрыла землю; теперь въ минуту смерти Богочеловѣка, потряслась земля, раздралась церковная завѣса, отдѣлявшая святое святыхъ, указывая близкое разрушеніе храма и уничтоженіе ветхозавѣтнаго служенія; разсѣлись скалы и раскрылись гробовыя пещеры, многіе изъ погребенныхъ тамъ святыхъ воскресли и по воскресеніи вошли во святый городъ и явились многимъ.

Ужасъ объялъ толпу, стоявшую на Голгоѳѣ: народъ, ударяя себя въ грудь и испуская стоны, спѣшилъ удалиться. Умолкли насмѣшки, и святая тишина воцарилась у креста. Даже язычники—Римскій сотникъ съ отрядомъ воиновъ,—стерегшіе распятыхъ, объяты были страхомъ, и сотникъ воскликнулъ: «дѣйствительно, это былъ Сынъ Божій»!

Одни только вожди и учители Іудейскаго народа помышляли не о покаяніи, а о томъ, чтобы нанести новое оскорбленіе распятому Мессіи. Іисусъ умеръ въ пятницу въ три часа по полудни; наступалъ пасхальный вечеръ и канунъ пасхальной субботы. По закону тѣла казненныхъ должны быть убраны еще до захожденія солнца, особенно для такого великаго дня. Поэтому, для ускоренія смерти распятыхъ, посланы были воины перебить имъ голени. Перебили голени разбойникамъ; подошли къ Іисусу Христу,—Онъ уже былъ мертвъ, и перебивать голеней не было нужды. Тогда одинъ изъ воиновъ, еще не вполнѣ увѣренный въ Его смерти, пронзилъ Ему копьемъ бокъ. Изъ раны потекла кровь и вода, т. е. холодная, разлагающаяся кровь,—вѣрный признакъ смерти. Такъ исполнилось еще послѣднее пророчество: «*воззрятъ Нань; Егоже прободоша*».

Теперь понятно стало, почему у пасхальнаго агнца, прообразовавшаго Спасителя,—этого Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра,—запрещено было раздроблять кости.

Гора Голгоѳа.

Въ Священномъ Писаніи Голгоѳа нигдѣ не называется горою, а только Голгоѳою (locus calvariae, — χράνιον, лобъ, черепъ, лобное мѣсто). Вниманіе всѣхъ четырехъ Евангелистовъ въ точномъ указаніи мѣста сего и въ объясненіи его значенія, *еже есть глаголемо кра-*

нѣево мѣсто (Матѳ. XXVII, 33), *еже есть сказаемо Лобное мѣсто* (Марк. XV, 22) и пр., само собою становится замѣчательнымъ при чтеніи Евангелія. По значенію указанныхъ словъ, Голгоѳа означаетъ или а) нѣкоторое кругообразное возвышеніе на подобіе черепа головы человѣческой, или в) мѣсто, гдѣ казнятъ преступниковъ и зарываютъ ихъ вмѣстѣ съ орудіями, коими были замучены и гдѣ видимы были остатки—кости, черепы казненныхъ, или, наконецъ с) указываетъ на то древнее преданіе Іудейское, что на мѣстѣ крестныхъ страданій и смерти Искупителя міра погребенъ былъ отецъ всѣхъ человѣковъ—Адамъ; и что посему, думаютъ на изображеніи у ногъ распятаго Спасителя, по древнему христіанскому обычаю, видимъ главу Адама съ двумя костями, крестообразно положенными. Удовлетворительнѣе мнѣніе тѣхъ, кои подъ Голгоѳою хотятъ разумѣть мѣсто страшной смертной казни преступниковъ, гдѣ, по опредѣленію судебъ Вышняго, нужно было пострадать и умереть поносною казнью Святому святыхъ въ искупительную жертву за грѣхи преступнаго міра. Послѣднее значеніе, коимъ указывается на преданіе Іудейское о погребеніи праотца Адама на Голгоѳѣ, не представляетъ въ себѣ ничего противорѣчущаго исторической вѣроятности, и, соединяя собою другія значенія, имѣетъ то преимущество, что а) оно сохранено, какъ достойное, святыми отцами: Аѳанасіемъ и Василіемъ Великимъ, святымъ Златоустомъ, святымъ Амвросіемъ и святымъ Епифаніемъ, такъ же Тертулліаномъ, Оригеномъ и другими близкими къ началу преданій христіанскихъ; в) Латинское caluaria и Греческое κράνιον значатъ только указаніе Евангелистовъ на часть главы, Еврейское означаетъ цѣлую, какъ она представляется на изображеніи у ногъ распятаго Спасителя, для показанія Главы и Вождя рода человѣческаго. Итакъ, считая сіе преданіе справедливымъ, чья душа не обымется благоговѣйною, пристрашною мыслью о путяхъ Божественнаго провидѣнія, опредѣлившаго, чтобы смерть была побѣждена на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ низвела она въ прахъ перваго преступника заповѣди Божіей—нашего отца, а въ лицѣ его всѣхъ насъ, его дѣтей; и чтобы приговоръ смертный, произнесенный противъ насъ всѣхъ, былъ уничтоженъ Искупителемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ исполненъ былъ надъ первымъ грѣшникомъ!

Вся юдоль мертвыхъ и пепла не истребится и не разорится во вѣкъ. Когда уничтоженный холмъ былъ уже возвеличенъ крестомъ Спасителя, прославленъ благоговѣніемъ христіанъ, судьба святой горы сопровождалась такими разрушительными обстоятельствами, при которыхъ можно было бы истребиться изъ памяти самому имени Голгоѳы. Но тайнымъ мановеніемъ Промысла Божія сіи самыя обстоятельства способствовали къ исполненію опредѣленія—не истребиться и не разрушиться во вѣки священному мѣсту. Іудеи, чтобы ослабить благоговѣніе христіанъ къ ихъ святынѣ, старались оскорблять ее: утесъ гроба Господня былъ глубоко засыпанъ, на Голгоѳѣ непрестанно увеличивались насыпи. Язычники воздвигли на ней капище Венерѣ, на погребальномъ вертепѣ Спасителя—Юпитеру. Нечестивые не видѣли, что они не намѣренно старались о сохраненіи святыни христіанской; насыпи были для нея памятниками, и идолы стражами до установленнаго времени. Равноапостольная Елена, прибывъ въ Іерусалимъ, собравъ свѣжія преданія, открыла по указанію ихъ святыя мѣста Голгоѳскія, капища

ниспровергла, вѣковыя насыпи сняла до самой той земли, которая освящена стопами Божественнаго Страдальца, обагрена Его кровію. Сѣверо-западная часть Голгоѳы—поприще страданій и смерти Искупителя включена въ обширный храмъ воскресенія Господня. Малая Церковь, вмѣщенная въ обширный храмъ, устроена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ водруженъ былъ страдальческій крестъ Искупителя, и тамъ гдѣ Онъ — Агнецъ Божій — закланъ былъ, доселѣ приносится безкровная жертва; отверстіе, гдѣ стоялъ Крестъ вмѣстилось подъ престолъ, который для благоговѣйныхъ поклонниковъ открытъ по бокамъ. Подлѣ него съ правой стороны находится отверстіе другое—разсѣлина горы Голгоѳской, треснувшей отъ ужаса при смерти Создателя. Сумрачная церковь Голгоѳская напоминаетъ собою поклоннику тѣ минуты, когда среди дня солнце лучи свои потаило и *отъ шестаго часа тьма бысть по всей земли до часа девятаго.* Въ придѣлѣ—направо отъ престола, мраморный на полу четвероугольникъ означаетъ то мѣсто, гдѣ нечестивые простерли на крестъ Спасителя и вонзили въ Него гвозди. У всхода на вершину Голгоѳы изъ алтаря церкви во имя Іоанна Предтечи видны камни, распадшіеся при смерти Искупителя. Остальная бо́льшая часть Голгоѳы находится внѣ храма, занята монастыремъ святаго Аврама и жилищами христіанъ. У подошвы ея съ сѣверо-восточной стороны находится тотъ вертепъ, куда свергались кресты и тѣла распинаемыхъ и гдѣ отрѣшенъ былъ крестъ Спасителя, указанный чудеснымъ исцѣленіемъ жены.

Судьба святой Голгоѳы, съ того времени, какъ она украсилась подобающимъ благоговѣніемъ, до настоящихъ временъ, одна съ судьбою всей святыни Іерусалима. Персы, Арабы, Латины, Турки и друг. проносились здѣсь тьмочисленными полчищами и оставляли кровавые слѣды. Нѣсколько разъ храмъ Воскресенія Господня обнимался пламенемъ; но мѣсто, освященное Господу, не разорилось и не истребилось. Завѣтныя сокровища церкви Христовой скала Голгоѳы и погребальный вертепъ Искупителя сохранились въ цѣлости донынѣ (Воскр. Чт., г. VII, стр. 213—215).

Святаго Епифанія Кипрскаго, о томъ, почему мѣсто, на которомъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, называется Лобнымъ?

Преданія говорятъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ распятъ на Голгоѳѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребено было тѣло Адамово; потому что Адамъ, проживъ довольно времени противъ рая, по изгнаніи изъ онаго, и бывъ въ разныхъ мѣстахъ, напослѣдокъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ построенъ Іерусалимъ, чтобы здѣсь отдать долгъ природѣ, и погребенъ на Голгоѳѣ, почему мѣсто сіе справедливо названо Лобнымъ. Къ такому наименованію Голгоѳы другой причины нѣтъ; потому что она не имѣетъ никакого сходства съ черепомъ, ибо находится не на возвышенномъ мѣстѣ, какъ голова на туловищѣ, ни выше окружающихъ ее мѣстъ; напротивъ, гора Елеонская выше ея; даже крѣпость, прежде существовавшая на Сіонѣ, а нынѣ уже срытая, была выше Голгоѳы. Итакъ отчего же она названа лобнымъ мѣстомъ? Оттого, что здѣсь найденъ черепъ первосозданнаго человѣка; и что здѣсь погребено тѣло его. Такимъ образомъ не напрасно изъ проколотаго Іисусова ребра на сіе мѣсто истекла кровь и вода; кровію здѣсь орошено тѣло первосозданнаго человѣка—начатокъ состава нашего, въ по-

казаніе того, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ кровь Свою пролилъ во очищеніе нашей скверны, а вода излита на лежащаго и погребеннаго на семъ мѣстѣ, дабы удостовѣрить его и насъ, потомковъ его, въ истребленіи и очищеніи скверны грѣховъ нашихъ. Посему на семъ мѣстѣ исполнились слова Писанія: *востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Ефес. V, 14). Хотя слова сіи относятся и къ намъ, кои мертвы дѣлами и погружены въ глубокій сонъ невѣдѣнія; впрочемъ, главнымъ образомъ, они исполнились на Адамѣ, ибо въ Евангеліи сказано, что тогда *тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа, и изшедше изъ гробъ, по воскресеніи Его, внидоша во святый градъ* (Матѳ. XXVII, 52). (Воскр. Чт., г. XXI, стр. 531.)

Крестъ Христовъ и Голгоѳскія событія, его окружающія.

(*Архимандрита Фотія.*)

1. Господь претерпѣлъ за грѣхи наши распятіе и умеръ на крестѣ. Почему же такой родъ смерти Господь претерпѣлъ, а не другой?—Конечно, судьбы Божіи неисповѣдимы; но не неумѣстны тутъ и благоговѣйныя соображенія человѣческія.—Первая причина сему—злоба нечестивыхъ враговъ Господа, которые постарались умертвить своего Обличителя самою злѣйшею смертію. Но злоба враговъ, сама не зная того, дѣлала то, что̀ устроила для спасенія нашего рука Господня, рука Отца Небеснаго. Самое дѣло спасенія нашего требовало крестной смерти. Отъ древа—*отъ древа познанія добра и зла*—въ раю началась и разлилась смерть на весь родъ человѣческій чрезъ перваго Адама; отъ древа же—древа креста—чрезъ втораго Адама истекаетъ и струится и жизнь на весь міръ христіанскій. Притомъ, нужно было Спасителю нашему снять клятву, нужно было Ему переложить ее.—Ка́къ же мы подвергались клятвѣ? По слову Божію: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ въ словесѣхъ закона* (Галат. III, 10),—не исполнитъ заповѣдей Господнихъ. А какъ никто не могъ исполнить закона во всей его цѣлости, то всѣ и подверглись этой клятвѣ. Ка́къ же эту клятву перенести на Спасителя, святыхъ Святѣйшаго, чтобы Онъ, взявъ ее на Себя, уничтожилъ ее? Особенный промыслъ Божій, устрояющій наше спасеніе, дѣлаетъ вотъ что̀: изрекаетъ законъ—*проклятъ всякъ висяй на древѣ* (Второзак. XXI, 23). Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ возносится на крестъ и, вися на немъ, по этому закону подвергается клятвѣ, терпитъ, несетъ эту клятву за насъ, снимаетъ ее съ насъ, уничтожаетъ и избавляетъ насъ отъ клятвы, *бывъ по насъ* или за насъ *клятвою*. Посему-то и нужно было Ему умереть на деревѣ, вознестись на крестъ, висѣть на немъ.—Умираетъ Господь крестною смертію; ибо нужно было для спасенія нашего пролитіе крови Господней, дабы не только избавить насъ отъ смерти вѣчной, но и дать намъ животъ вѣчный, *да животъ имамы и лишше* (больше) *имамы* (Іоан. X, 10). Ибо кровь Іисуса Христа не только *очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. I, 7), но и даруетъ намъ, вноситъ въ насъ жизнь вѣчную, начало и залогъ вѣчной жизни. Ибо на пролитіи крови Христовой основывается установленіе таинства Евхаристіи или причащенія, этой *безкровной* жертвы, чрезъ которую мы не только очищаемся отъ грѣховъ, но и получаемъ залогъ вѣчной жизни и обожаемся, дѣлаясь *причастниками Божественнаго естества* (2 Петр. I, 4).—Пять язвъ или ранъ терпитъ Господь

на крестѣ, какъ-бы въ очищеніе особенно пяти чувствъ нашихъ, этихъ входовъ и исходищъ грѣха.—Прободается Господь въ ребро,—это новый, второй Адамъ, изъ ребра Котораго, уснувшаго сномъ смерти, творитъ Господь невѣсту Его—Церковь, *юже стяжа* Онъ *кровію Своею* (Дѣян. XX, 28). Вѣнецъ, хотя и терновый, приличествуетъ Ему какъ Жениху, на крестѣ сочетавшемуся съ Церковію Своею.

Возносится Господь на крестъ—какъ жертва о грѣсѣхъ нашихъ, приносимая правосудію небесному. Возносится съ распростертыми и пригвожденными руками на древо креста: это за дерзновенное, преступное простертіе руки прародительской къ плоду запрещенному.

2. Простираетъ руки на крестѣ Спаситель нашъ вмѣстѣ и какъ священникъ, *іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. CIX, 4). Архіерей великій, приносящій о насъ жертву искупленія и молящійся о насъ. Онъ есть и жертва, и приносящій въ жертву Самого Себя и молящійся, воздѣвая руки Свои. Онъ молился на Іорданѣ при крещеніи, молился на Ѳаворѣ во время преображенія;—могъ ли не молиться теперь, въ сіи святѣйшіе часы и минуты? И Онъ молился духомъ съ воплемъ внутреннимъ, *крѣпкимъ: Боже Мой! Боже Мой! вскую Мя еси оставилъ?* (Матѳ. XXVII, 46) и: *Отче! въ руцѣ Твои предаю духъ Мой* (Лук. XXIII, 46). Это, можно сказать, только краткіе возгласы послѣ внутренней, безмолвной молитвы сего Іерея великаго, совершавшаго великую литургію—основаніе нашихъ литургій,—на жертвенникѣ креста.

3. Среди двухъ разбойниковъ возносится Господь на крестъ Голгоѳскій. Не случайно вмѣстѣ съ разбойниками распинается Господь, не случайно и крестъ Его водружается посредѣ, а кресты разбойниковъ ошрану Его, не случайно, наконецъ, и крестъ благоразумнаго разбойника одесную страну, а безразсуднаго ошую. Въ семъ важномъ Божественномъ событіи ничто не можетъ быть случайнымъ и незначительнымъ, но все—по высшему устроенію, съ премудрою цѣлью и глубокимъ значеніемъ. Что же значитъ это событіе, эти обстоятельства креста Христова? *Со беззаконными вмѣняется*, причисляется къ нимъ Господь, по пророчеству (Исаія LIII, 12),—первѣе потому, что Господу, дабы избавить насъ отъ поношенія вѣчнаго, нужно было претерпѣть поносную смерть. Но событіе сіе имѣетъ еще и другую сторону, другое значеніе. Претерпѣвая страшный судъ небесный за грѣхи наши, Спаситель въ то же время Самъ является здѣсь и Царемъ и какъ-бы Судіею, въ вѣнцѣ терновомъ возсѣдающимъ на крестѣ, какъ на престолѣ царскомъ, предъизображая будущій судъ Свой; и слова: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43)—слова истинно-царственныя, обѣщающія Небесное Царство. Разбойникъ одесную—образъ тѣхъ изъ вѣрующихъ, кои станутъ одесную Господа, когда Онъ паки пріидетъ судить вселенную; разбойникъ ошую изображаетъ тѣхъ, кои станутъ въ тотъ страшный день ошую Господа.

Но откуда такое дивное благоразуміе у разбойника и такая дивная, живая вѣра въ Того, Коего оставили самые ученики: *оставльше Его бѣжаша* (Матѳ. XXVI, 56)?. Не могло быть этого безъ особенной Божіей благодати: это—плодъ ея. За что же дана ему особенная благодать? Видно, въ душѣ его, при всей его преступной жизни, было не мало добра, что и доказалъ онъ самымъ дѣломъ еще во время прежней своей жизни. Есть преданіе священное, что когда Матерь Божія съ младенчествующимъ

Сыномъ Своимъ Іисусомъ Христомъ бѣжала въ Египетъ отъ преслѣдованія Ирода и подверглась на пути нападенію разбойниковъ, то этотъ самый разбойникъ, видя дивную, Божественную красоту Младенца, убѣдилъ своихъ сообщниковъ пощадить Его и Матерь; и Матерь Божія, за сіе доброе дѣло его, сказала ему тогда же, что Сей Младенецъ воздастъ ему за благодѣяніе его.

4. На *горѣ Голговѣ* водружается крестъ Христовъ. Почему на горѣ и на сей именно горѣ? Опять не случайно и сіе обстоятельство. Важнѣйшія событія въ жизни Господа, и, вообще, событія вѣры нашей совершались на горахъ: *Синай, Хоривъ, Ѳаворъ, Елеонъ*—тому свидѣтели. Почему и говорится въ словѣ Божіемъ, что *высоты горъ Того суть* (Псал. XCIV, 4). Притомъ, вызвышеніе горы служитъ приличнѣйшимъ подножіемъ жертвеннику креста, на коемъ приносится небу святѣйшая жертва за грѣхи земнородныхъ.—На горѣ *Голговѣ* водружается крестъ. Видимая, внѣшняя причина сему та, что здѣсь совершалась вообще казнь крестная. Но высшая причина—премудрое распоряженіе Промысла Божія. По священному преданію, сохраненному у святаго Василія Великаго, здѣсь—на сей горѣ погребено было тѣло праотца нашего Адама. Посему, не прилично ли было животворнымъ каплямъ новаго Адама упасть на мертвенные останки ветхаго Адама,—открыться источнику жизни тамъ, гдѣ опочила глава, передавшая намъ смерть и тлѣніе? Потому не безъ основанія на святомъ крестѣ Господа Іисуса и изображается у ногъ Его глава умершаго.

5. Внѣ, но близъ города Іерусалима претерпѣлъ Господь крестную казнь. *Внѣ вратъ пострадати изволилъ* (Евр. XIII, 12), говоритъ о Спасителѣ Апостолъ Его,—*близъ бѣ мѣсто града* (Іоан. XIX, 20).—*Внѣ вратъ пострадати изволилъ* Господь! Такъ сей Камень, драгоцѣннѣйшій всего неба, положившійся въ основаніе спасенія нашего, пренебреженъ и какъ-бы изринованъ изъ града! *Камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла* (Псал. CXVII, 22). Таковы часто бываютъ сужденіе и оцѣнка у людей міра!—А между тѣмъ Промыслъ дѣлалъ свое дѣло:—и гдѣ приличнѣе было Господу претерпѣть крестную смерть, какъ не подъ величественнымъ сводомъ неба? Такъ, Онъ и родился не въ храминѣ, а въ вертепѣ, и преобразился, и вознесся не въ градѣ и не изъ града, а внѣ града.

6. Но не менѣе образа и мѣста смерти Господа знаменательно и время ея. *Во дни праздника Пасхи умеръ Господь.* Ветхозавѣтная Пасха праздновалась въ воспоминаніе величайшаго благодѣянія Божія—изведенія Израиля изъ Египта, изъ этого тяжкаго плѣна: какъ прилично было въ эти же дни послѣдовать и тому великому событію, которое избавляетъ насъ отъ плѣна ада и отъ работы грѣху и діаволу! Какъ прилично было *закластися и датися въ снѣдь вѣрнымъ* небесному *Агнцу Божію, вземлющему грѣхи міра,* въ то время, когда закалали и снѣдали агнца пасхальнаго, служившаго прообразомъ Его! А, между тѣмъ, сей великій праздникъ, собиравшій народъ со всѣхъ странъ земли на это торжество къ Іерусалиму, собралъ вмѣстѣ и на сіе зрѣлище крестной Жертвы, которая назначена для всего міра.

7. Въ пятокъ претерпѣлъ Господь страданія крестныя и смерть. *И день бѣ пятокъ* (Лук. XXIII, 54), сказуетъ Евангеліе. По ветхозавѣтному счисленію дней седмицы, это былъ день шестый въ седмицѣ, предшествовавшій субботѣ или дню седмому. Этотъ шестый день—день и сотворенія человѣка.

Такъ, въ шестый день или, по нашему, въ пятокъ совершилось и сотвореніе человѣка и возсоединеніе его. По всей вѣроятности, въ сей же день послѣдовало и паденіе Адамово, каковой мысли даже требуетъ точная, вездѣ усматриваемая въ дѣлѣ искупленія, соотвѣтственность между собою паденія и возстановленія человѣка.

8. *Бѣ же часъ, яко шестый, и распяша Его* (Лук. XXIII, 24), повѣствуетъ Евангеліе о распятіи Господа. Часъ шестый отъ утра, что̀, по нашему часосчисленію съ полуночи, соотвѣтствуетъ концу двѣнадцатаго часа дня или началу перваго по полудни,—это, по всей вѣроятности, тотъ самый часъ, въ который, какъ въ преполовеніе дня, прародительница наша, ощутившая уже алчбу, искала плодовъ для пищи и, подошедши къ запрещенному древу, по искушенію змія—діавола, простерла руку къ запрещенному плоду, вкусила отъ него и подала *мужу своему* Адаму, *и ядоста оба* (Быт. III, 6). Въ сей-то часъ у второго Адама простираются руки на крестѣ и гвоздіемъ прободаются, чѣмъ искупляется это дерзновенное простертіе рукъ прародителей, причинившее намъ столько золъ и бѣдствій. Почему и взываетъ Церковь: *Иже въ шестый день же и часъ на крестъ пригвождей въ рай дерзновенный Адамовъ грѣхъ, и согрѣшеній нашихъ рукописаніе раздери, Христе Боже, и спаси насъ!*

9. Когда, такимъ образомъ, Господь вознесенъ былъ на крестъ и пригвожденъ ко кресту, послѣдовало дивное знаменіе на небѣ и на землѣ: *солнце померче, и тма бысть по всей земли до часа девятаго* (Лук. XXIII, 44—45). О семъ чудесномъ явленіи, десницею Божіею устроенномъ, еще издали вѣковъ предвозвѣстили пророки Господни. *И будетъ въ той день, глаголетъ Господь Богъ, зайдетъ солнце въ полудне, и померкнетъ на земли въ день свѣтъ* (Амос. VIII, 9). *И будетъ день единъ, и день той знаемъ Господеви, и не день и не нощь, и при вечерѣ будетъ свѣтъ, и будетъ въ день онъ ужасъ Господень велій* (Захар. XIV, 7, 13). И сей-то день есть день распятія Господня; и день этотъ—не день и не ночь; потому что была тма, а полдень. *И при вечерѣ будетъ свѣтъ:* съ девятаго, или, по нашему счисленію, третьяго часа опять возсіялъ свѣтъ.

Что̀ же знаменуетъ это чудное помраченіе солнца, силою высшею произведенное? Солнце, видя Творца своего и Владыку вселенной столь поруганнымъ, въ ужасѣ какъ-бы закрываетъ лице свое, не можетъ взирать на сіе зрѣлище безмѣрной неправды человѣческой и уничиженія Господа; подобно тому какъ свѣтлые херувимы не могутъ открыто взирать на безконечную славу Его и закрываютъ лица своя. Помрачается око солнца,—оно какъ-бы стѣсняется мракомъ негодованія на ужасную и безмѣрную злобу и беззаконіе осудившихъ святыхъ Святѣйшаго. Помрачается солнце, и разливается тма по всей землѣ: это какъ-бы скорбь всей твари о лютыхъ страданіяхъ Господа своего. Какъ вѣрныя чада и домочадцы, при кончинѣ родителей своихъ и домовладыкъ, облекаются въ черныя одежды сѣтованія и скорби; такъ и вся тварь, вѣрная Творцу своему, облачается мракомъ, какъ-бы облекается въ ризу печали. Помрачается солнце, *и тма бысть по всей земли:* это какъ-бы и одѣяніе и покровъ для Господа, обнаженнаго на крестѣ, а вмѣстѣ—и покровъ смертный,—покровъ, облачающій тайну смерти Господней; ибо таинства любятъ покровы.

10. *О девятомъ часѣ*, или третьемъ по полудни, по нашему счисленію, Го-

сподь *испустилъ духъ* Свой (Матѳ. XXVII, 46, 50). Около трехъ часовъ висѣлъ Онъ на крестѣ, держащій вселенную всю,—время, нужно полагать, то самое, которое протекло отъ паденія или преступленія прародителей до времени явленія къ нимъ Господа, явившагося къ нимъ въ тотъ же день по полудни и произнесшаго на нихъ праведный судъ и осужденіе, и симъ утвердившій Свой приговоръ: *въ оньже аще день снѣсте отъ плода, смертію умрете* (Быт. II, 17). Въ сіе-то самое время вкусилъ смерть за насъ и второй Адамъ—Спаситель нашъ.

За симъ слѣдуютъ новыя, дивныя явленія, силою высшею устроенныя: *завѣса церковная раздрася на двое, съ вышняго края до нижняго: земля потрясеся: многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* изъ гробовъ своихъ (Матѳ. XXVII, 51—52).

11. *Завѣса церковная раздрася.* Церковь—невѣста Христова какъ-бы раздираетъ свою одежду, въ великой скорби о возлюбленномъ Женихѣ своемъ, изъязвленномъ и столь многія мученія претерпѣвшемъ, столь тяжко пострадавшемъ и испустившемъ Свой духъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ это служило знаменіемъ того, что кончилось уже ветхозавѣтное богослуженіе, что прешли сѣни и гаданія законныя, *благодати пришедши*, что, потому, не нужны уже покровы, не нужны прообразы, когда явился самъ предметъ прообразуемый.

12. *Земля потрясеся.* Потрясается земля силою Божіею, въ знаменіе того, что она какъ-бы трепещетъ отъ страха, при видѣ Бога висящаго на крестѣ среди злодѣевъ,—при видѣ ужаснѣйшаго и беззаконнѣйшаго богоубійства. *Аще не бы Богъ былъ висящій на крестѣ*, вѣщаетъ Церковь, *не бы солнце лучи свои потаило, ниже бы земля трепещущи тряслася.*

13. *Многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа.* Это первые, чудные плоды животворной и спасительной смерти Господней, и первые залоги и предвѣстники воскресенія Христова, какъ-бы ранніе, предвесенніе цвѣты и растенія, выходящія изъ-подъ снѣга тамъ, гдѣ особенно сосредоточиваются лучи солнца (Стран. 1869 г., ч. II, Апр., стр. 16—25).

Крестная смерть.

Что̀ такое былъ крестъ предъ очами древняго языческаго міра и Іудеевъ? Казнь, которая по Римскимъ законамъ назначена была преступнымъ рабамъ, возмутителямъ и разбойникамъ, т. е. самому низкому и презрѣнному роду людей. Всѣ подробности и всѣ обстоятельства ея дышали такимъ ужасомъ и жестокостью, что славный Цицеронъ, именемъ человѣчества, требовалъ у Римскаго сената повсемѣстнаго отмѣненія и уничтоженія ея. Опишемъ эти печальныя подробности ея, ибо христіанину должно знать ихъ, чтобы тѣмъ сильнѣе почувствовать весь ужасъ грѣха и все неизрѣченное и безпрекладное милосердіе Искупителя, *Иже грѣхи наша вознесе на тѣлѣ Своемъ на древо* (1 Петр. II, 24).

Когда осужденный признаваемъ былъ достойнымъ крестной казни, преторъ обыкновенно произносилъ надъ нимъ народное опредѣленіе: «ступай на крестъ» (ibis ad crucem). Но древнее преданіе нѣсколько распространяетъ это опредѣленіе относительно Іисуса Христа и передаетъ его въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ Пилатомъ: «Іисуса Назарянина, по свидѣтельству старѣйшинъ народа Его, какъ презрителя кесаря, возмутителя общественнаго и ложнаго Мессію, отведите на мѣсто казни и пригвоздите ко кресту». Послѣ произнесенія приговора осужденный перехо-

дилъ въ руки Римскихъ воиновъ, которые, совлекши съ него одежды, привязывали его къ низкому столбу и бичевали. иногда съ такою жестокостью, что онъ умиралъ подъ ихъ ударами, число которыхъ никогда не было назначаемо. Истерзаннаго бичеваніемъ страдальца одѣвали послѣ сего въ ризы его, возлагали на рамена его крестъ, который самъ онъ долженъ былъ несть до мѣста казни. Оно обыкновенно находилось за городомъ, близъ главной проѣзжей дороги, на какомъ-нибудь возвышеніи. Въ Іерусалимѣ это мѣсто называлось Голгоѳою и находилось за стѣнами его, къ сѣверу, такъ что, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ, послѣдній взоръ Господа, умирающаго на крестѣ, обращенъ былъ къ странамъ православнаго отечества нашего, какъ въ знаменіе будущаго христіанскаго величія его, основаннаго и утвержденнаго на крестѣ. По прибытіи на мѣсто казни, крестъ утверждали въ землѣ; весь видъ его уподоблялся буквѣ Т; обыкновенно онъ состоялъ изъ продолговатаго дерева, высотою до 4 аршинъ, съ другимъ поперечнымъ, изъза котораго продолговатое нѣсколько выдавалось, и на этой выдавшейся верхушкѣ прибивали дощечку съ надписью вины распятаго. О подножіи на крестѣ древніе ничего не упоминаютъ, а только говорятъ, что почти въ срединѣ креста вбивали небольшой колъ на подобіе рога, на который тѣло распятаго нѣсколько опиралось, чтобы тяжесть его не оборвала язвъ ручныхъ. Іудеи, на основаніи словъ изъ книги притчей: *дадите сикера сущимъ во печалехъ и вино пити сущимъ въ болѣзнехъ* (XXXI, 6),—предъ распятіемъ давали осужденнымъ вино, смѣшанное со смирною, которое производило помраченіе разсудка и нѣкоторую нечувствительность, и тѣмъ нѣсколько смягчали мученія страдальца; но Іисусъ Христосъ отвергъ это питье, желая страдать съ полнымъ сознаніемъ.

На мѣстѣ казни осужденнаго обнажали отъ одеждъ его, которыя поступали въ собственность воиновъ, поднимали на крестъ, и руки и ноги его прибивали къ нему желѣзными гвоздями,—каждую порознь. Такъ говорятъ о семъ святые Кипріанъ и Тертулліанъ, жившіе въ то время, когда крестная казнь была еще въ употребленіи у Римлянъ, и, безъ сомнѣнія, нѣсколько разъ видѣвшіе ее.—Въ семъ мучительномъ положеніи, которое не позволяло никакого движенія и съ часу на часъ болѣе и болѣе раздирало язвы гвоздинныя и производило внутренній палящій жаръ въ тѣлѣ—страдалецъ проводилъ большею частью три, а иногда до семи дней.

По законамъ Римскимъ, распятаго нельзя было снимать со креста, даже и послѣ кончины его, потому что трупъ казненнаго лишался погребенія и долженъ былъ служить пищею птицамъ и звѣрямъ. Только, иногда, въ день своего рожденія, или, по другому торжественному случаю, кесарь дозволялъ друзьямъ или родственникамъ погребать распятаго. Однако Іудея изъята была изъ этого общаго закона о крестной казни. По закону Моусееву, тѣло казненнаго не должно было висѣть на древѣ до утра, но его должно было погребать въ тотъ же день (Второзак. XXI, 23). Хитрая политика Римлянъ, удерживавшая побѣжденные народы въ повиновеніи Риму, между прочимъ, снисхожденіемъ къ ихъ законамъ и обычаямъ, позволяла Іудеямъ погребать казненныхъ на крестѣ въ тотъ же день. Почему, для скорѣйшаго прекращенія ихъ жизни, или задушали ихъ дымомъ отъ огня, разведеннаго подлѣ креста, или прободали бокъ, или же—

чаще всего—желѣзнымъ молотомъ перебивали имъ ножныя кости. Іудеи просили Пилата совершить это послѣднее и надъ Іисусомъ Христомъ; но ранняя кончина Спасителя на крестѣ отвратила отъ Него это новое поруганіе и страданіе, и только, по сказанію Евангелиста, одинъ изъ воиновъ Римской стражи, стоявшей у креста, пронзилъ копьемъ Его бокъ, изъ котораго излились, во очищеніе міра отъ грѣховъ, кровь и вода.

Таковы подробности ужаснѣйшей изъ казней—крестной казни, на которую Отецъ Небесный предалъ Единороднаго Сына Своего изъ любви и милосердія къ падшему человѣку! Пади, христіанинъ, въ духѣ живѣйшей благодарности предъ сею непостижимою и недомыслимою любовію Божіею къ тебѣ и всегда помни, какъ Господь нашъ *смирилъ Себя, послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Воскр. Чт., г. XIV, стр. 524—526).

Причины крестной смерти Христа Спасителя, по ученію святыхъ отцевъ и учителей Церкви.

Іисусъ Христосъ благоволилъ крестомъ спасти грѣшный родъ человѣческій. Спасеннымъ очень полезно углубляться размышленіемъ въ сію душеспасительную истину, дабы тѣмъ большее восчувствовать благоговѣніе къ орудію своего спасенія—Кресту Господню;—полезно изслѣдовать причины крестной смерти Спасителя, изслѣдовать не собственнымъ мудрованіемъ, но по руководству Богомудрыхъ пастырей и учителей Церкви. Причины сіи, по мнѣнію святыхъ отцевъ и учителей Церкви, были слѣдующія:

Первою причиною крестной смерти Іисуса Христа, по мнѣнію Лактанція, было то, что Спаситель, претерпѣвъ такой безславный родъ смерти, явилъ намъ образецъ смиренія, а вмѣстѣ показалъ и то, что страданія Его имѣютъ быть спасительны и для людей самаго низкаго состоянія. Вотъ собственныя слова Лактанція: «можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: для чего Іисусъ Христосъ, будучи Богъ и благоволивъ умереть, не умеръ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ славнымъ родомъ смерти? Для чего Онъ претерпѣлъ именно сей безславный родъ смерти—крестомъ, тогда какъ эта смерть недостойна человѣка свободнаго, хотя и виновнаго? Но сіе допущено для того, чтобы Тотъ, Кто пришелъ въ смиренномъ видѣ, подалъ помощь людямъ самымъ низкимъ и немощнымъ и показалъ бы всѣмъ надежду ко спасенію. Онъ благоволилъ умереть такою смертію, какою умираютъ люди низкіе и немощные, дабы не нашлось ни одного такого, который не могъ бы Ему послѣдовать».

Вторую причину крестной смерти нашего Искупителя представляютъ святый Аѳанасій и блаженный Августинъ. На вопросъ: для чего Христосъ не уклонился отъ поноснѣйшей крестной смерти, первый изъ нихъ отвѣчаетъ такъ: «если бы Онъ сіе сдѣлалъ, то явное о Себѣ подалъ бы подозрѣніе, что Онъ имѣетъ силу не на всякаго рода смерть, а только на ту, которую Самъ избралъ». «Избралъ, говоритъ и блаженный Августинъ, избралъ презрѣннѣйшій и поноснѣйшій родъ смерти Тотъ, Кто имѣлъ умертвить всякую смерть».

Третьею причиною, или, лучше сказать, третьею цѣлью крестной смерти Богочеловѣка полагаютъ то, чтобы и при будущемъ воскресеніи тѣло Его осталось цѣлымъ и нераздробленнымъ. «Извѣстно всякому, говоритъ Лактанцій, что Іисусъ Христосъ прежде страданія Своего о смерти Своей возвѣстилъ всѣмъ, что Онъ имѣетъ власть,

когда пожелаетъ, *душу Свою положитъ и паки пріятъ оную* (Іоан. X, 17). Потомъ, когда полагалъ душу Свою, Онъ пригвождаемъ былъ ко кресту; но въ это время и убійцы не сокрушили Ему голеней, какъ обыкновенно дѣлали, а только прободили Его въ ребро. Такимъ образомъ тѣло Его снято со креста въ цѣлости и со тщаніемъ положено во гробъ. Все сіе сдѣлано для того, чтобы тѣло Богочеловѣка (если бы было разсѣчено и раздроблено на части), не было неспособнымъ къ востанію». Такое мнѣніе подтверждается и слѣдующими словами святаго Аѳанасія Великаго. «Іисусъ Христосъ, говоритъ онъ, не претерпѣлъ ни смерти Іоанновой—отсѣченіемъ главы, ни смерти Исаиной—препиленіемъ пилою, дабы и въ смерти тѣло Его сохранилось не разсѣченнымъ, и дабы чрезъ сіе отнять поводъ у тѣхъ, которые бы дерзнули разбирать на части Его Церковь».

Четвертую причину крестной смерти Іисуса Христа находятъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ, благоволивъ быть пригвожденнымъ ко кресту, хотѣлъ чрезъ сіе показать, что какъ величіе, такъ и страданіе Его имѣютъ быть извѣстны и спасительны для всей вселенной. Это мнѣніе принадлежитъ также Лактанцію. «Главнѣйшею причиною, говоритъ онъ, почему Богъ избралъ крестъ, было и то, что на немъ необходимо нужно было вознестись и сдѣлать очевиднымъ для всѣхъ народовъ страданіе Божіе. Ибо если повѣшенный бываетъ видѣнъ отъ всѣхъ и возвышается надъ всѣми; то не иное что̀ лучшее избрано для сего, какъ крестъ, дабы показать, что Христосъ столько будетъ видѣнъ и столько возвышенъ, что для познанія Его и для поклоненія Ему соберутся всѣ народы со всей вселенной. Посему-то нѣтъ ни одного народа столь грубаго, ни одной страны столь отдаленной, гдѣ бы невѣдомы были или страданіе, или величество славы Его. Во время страданія Своего на крестѣ, Онъ распростеръ руки и измѣрилъ землю, дабы чрезъ то показать, что отъ востока солнца и до запада пріидетъ подъ крылѣ Его, изъ всѣхъ языковъ и племенъ собранный, великій народъ, и пріиметъ на челахъ своихъ оную великую и высокую печать (крестъ)». Сходно съ Лактанціемъ изъясняется о семъ и святый Аѳанасій въ вышеприведенномъ мѣстѣ. «Ежели, говоритъ онъ, смерть Господа нашего Іисуса Христа есть искупленіе всѣхъ, ежели смертію Его разрушается средостѣніе преграды и совершается призваніе языковъ; то ка́къ бы Онъ призвалъ насъ, если бы не былъ распятъ? Ибо на одномъ крестѣ претерпѣвается смерть съ распростертыми руками. И потому Господу нужно было претерпѣть смерть такого рода и распростерть руки Свои, дабы т. е. одною рукою привлечь древній народъ, а другою язычниковъ и обоихъ собрать во едино. Ибо и Самъ Онъ, показывая, какою смертію имѣлъ искупить всѣхъ, предсказалъ: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. XII, 32).

Пятую причину крестной смерти Іисуса Христа представляетъ святый Іоаннъ Дамаскинъ. По его мнѣнію, она состоитъ въ томъ, что крестъ, въ самомъ устроеніи своемъ, показывая соединеніе въ себѣ разстоящихъ частей, явственно изображаетъ въ себѣ соединеніе всего во Христѣ. «Какъ четыре конца креста, говоритъ онъ, связываются и соединяются среднимъ центромъ; такъ Божіею силою содержатся и высота и глубина и долгота и широта, т. е. вся видимая и невидимая тварь».

Шестою причиною распятія на крестѣ Іисуса Христа, по мнѣнію древнихъ отцевъ Церкви, было вкушеніе Адамомъ плода отъ запрещеннаго дерева: то есть, какъ первый Адамъ вкушеніемъ сего плода произвелъ всеобщую смерть; такъ прилично было и второму Адаму, т. е. Іисусу Христу, чрезъ древо же даровать намъ жизнь. Такъ святый Ириней говоритъ: «Іисусъ Христосъ, истребляя то непослушаніе Адама, которое вначалѣ сдѣлано чрезъ древо, послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя; или иначе: то преслушаніе, которое учинено чрезъ дерево, исцѣлилъ послушаніемъ, содѣлавшимся на древѣ». А святый Григорій Богословъ выражается о семъ такъ: «древо за древо; и руки, простертыя доблественно, за руку простертую невоздержно, пригвожденныя гвоздьми—за ослабленную, соединяющія концы всего міра—за извергшую Адама». Святый Амвросій ту же самую мысль выражаетъ слѣдующимъ образомъ: «Христосъ пригвождается на древѣ: это премудро содѣлано для того, дабы человѣкъ, какъ въ раю прельщенъ былъ древомъ сластолюбія, такъ древомъ и нынѣ спасенъ былъ, и дабы то же самое вещество, которое было причиною смерти, содѣлалось вмѣстѣ и средствомъ ко спасенію». Наконецъ, святый Іоаннъ Златоустъ пишетъ о семъ слѣдующее: «видишь ли, чѣмъ діаволъ побѣдилъ, тѣмъ и самъ побѣжденъ; онъ чрезъ древо одолѣлъ Адама, и Христосъ древомъ же препобѣдилъ его. И то древо низвело насъ во адъ, а сіе и низверженныхъ во адъ извело оттуда». И еще: «то древо сокрыло нагаго плѣнника, а сіе обнаженнаго на высокомъ мѣстѣ явило побѣдителемъ. Та смерть пала и на потомковъ, а сія воскресила и бывшихъ прежде Христа. Кто возглаголетъ силы Господни? Изъ мертвыхъ мы сдѣлались безсмертными. Таковы дѣйствія креста».

Седьмую причину святый Аѳанасій объясняетъ такъ: «ежели Іисусъ Христосъ пришелъ для того, чтобы понесть на Себѣ наши смертные грѣхи и нашу клятву, то какимъ бы другимъ образомъ могъ Онъ принять на Себя клятву, или удовлетворить Богу за наши смертные грѣхи, если бы не претерпѣлъ смерти, приличествующей проклятымъ? а сіе-то и есть крестъ; ибо написано: *проклятъ всякъ висяй на древѣ*».

Наконецъ святые отцы Церкви указываютъ и еще одну—*осьмую*—причину крестной смерти Богочеловѣка Іисуса Христа. Такъ святый Григорій Нисскій, изъясняя символъ вѣры, между прочимъ говоритъ: «крестъ содѣлалъ торжество. Ибо Христосъ, пришедшій на землю, покорилъ Себѣ, какъ говоритъ Апостолъ, три царства (Филиппис. II, 10). Эта мысль заключается въ слѣдующихъ словахъ его: *о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ;* т. е. смертію Своею Онъ побѣдилъ всѣ сіи три царства. Посему весьма сообразно съ таинствомъ (домостроительства Божія) употреблена смерть крестная; дабы Христосъ, возвысясь на воздухѣ и покоряя воздушныя силы, одержалъ побѣду надъ ними. Простертыя же на древѣ руки Свои Онъ держалъ весь день, какъ говоритъ Исаія (LXV, 2), для людей, живущихъ на землѣ, дабы неповинующихся отвергнуть, а вѣрующихъ призвать; наконецъ, частію древа, водруженнаго на землѣ, Онъ покорилъ Себѣ преисподнее царство». Сходно со святымъ Григоріемъ разсуждаетъ и святый Аѳанасій Великій. «Врагъ рода нашего—діаволъ, говоритъ онъ, низпадши съ неба, блуждаетъ по сему дольнему воздуху. Господь пришелъ,

чтобы низвергнуть діавола, очистить воздухъ и открыть на небеса путь, какъ говоритъ Апостолъ, *завѣсою, сирѣчь плотію Своею* (Евр. X, 10). И это долженствовало быть исполнено смертію Его. Какою же другою смертію могло быть совершено сіе, какъ не тою, которая претерпѣвается на воздухѣ? Я говорю о крестѣ; ибо одинъ только тотъ умираетъ на воздухѣ, кто оканчиваетъ свою жизнь на крестѣ. Слѣдовательно не безъ причины Господь подъялъ сію смерть. Ибо Онъ, будучи вознесенъ такимъ образомъ, очистилъ воздухъ отъ діавольскаго и всякаго демонскаго нападенія, говоря: *видѣхъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лук. XVIII, 18). Такимъ образомъ Онъ очистилъ и обновилъ непроходимый путь на небеса. Посему правильно и прилично смерть Христова совершилась на крестѣ; и достаточныя были причины на то, что спасеніе всѣхъ долженствовало быть совершено не иначе, какъ крестомъ».

Итакъ христіанинъ, не стыдись креста,—сего, повидимому, позорнаго орудія страданій и смерти твоего Искупителя; искренно благоговѣй предъ нимъ, смиренно покланяйся ему, радостно лобызай его; взирай на него такими же самыми очами, какими взирали святые отцы и учители Церкви, которые подобно Апостолу не хотѣли ни кого болѣе *знать какъ только Іисуса Христа, и Сего распята* (1 Коринѳ. II, 2), и ничѣмъ болѣе хвалиться, какъ только *крестомъ Господа нашего Іисуса Христа* (Галат. VI, 14). Въ такомъ случаѣ, ты не будешь посрамленъ и тогда, какъ, предъ наступленіемъ страшнаго суда Христова, *явится на небѣ знаменіе Сына Человѣческаго* (Матѳ. XXIV, 30), для послѣдняго торжественнаго обличенія *враговъ креста Христова* (Воскр. Чт., г. III, стр. 501—505).

Святаго Григорія Нисскаго о тайнѣ креста.

Кто можетъ достаточно изъяснить тайну креста, послужившаго орудіемъ страданій Спасителя? Въ самомъ дѣлѣ, сколько было другихъ способовъ, посредствомъ которыхъ Онъ могъ исполнить совѣтъ Свой относительно страданія за насъ! И однакожъ, изъ всѣхъ, Онъ восхотѣлъ и избралъ сей одинъ, какъ Самъ предрекъ, говоря о Себѣ: *подобаетъ Сыну Человѣческому....* Замѣть, какъ говоритъ Онъ здѣсь; не просто только и въ общихъ чертахъ предсказываетъ Свои страданія, какъ сдѣлалъ бы другой кто, но, по таинственной нѣкоей необходимости, обозначаетъ и какъ-бы узаконяетъ для Себя одинъ родъ смерти: *подобаетъ Сыну Человѣческому много пострадати.... и пропяту быти и въ третій день воскреснути* (Лук. IX, 22, 24, 7).

Вникни въ значеніе этого *подобаетъ*, и ты увидишь, что въ немъ заключается именно нѣчто такое, что̀ не допускаетъ другого рода смерти, кромѣ креста.—Какая же причина сего? Одинъ Павелъ, восхищенный въ притворы рая и слышавшій въ нихъ неизрѣченные глаголы, можетъ изъяснить ее... одинъ, говорю, Павелъ можетъ истолковать эту тайну креста, какъ отчасти и сдѣлалъ сіе въ посланіи къ Ефесеямъ, когда, разъясняя ее для нихъ, говоритъ: *да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, разумѣти же преспѣющую разумъ любовь Христову, да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе* (Ефес. III, 18—19). Не произвольно, конечно, Божественный взоръ Апостола созерцаетъ и начертываетъ здѣсь образъ креста, но самое уже сіе показываетъ, что чудесно очищенный отъ тьмы невѣдѣнія взоръ сей ясно прозрѣлъ въ самую истину вещи;

ибо въ очертаніи, состоящемъ изъ четырехъ противоположныхъ роговъ, выходящихъ изъ общаго средоточія, онъ усматриваетъ всеобъемлющее могущество и дивное промышленіе Того, Который благоволилъ явиться въ немъ міру; потому-то Апостолъ каждой изъ частей сего очертанія усвояетъ особое наименованіе, и именно—ту, которая изъ средины нисходитъ къ низу называетъ глубиною, а идущую вверхъ высотою, обѣ же протянутыя поперегъ—широтою и долготою. Симъ онъ, какъ мнѣ кажется, ясно хочетъ выразить, что все, что̀ ни есть во вселенной, превыше ли нѣбесъ, въ преисподнихъ ли, или на землѣ отъ одного края ея до другого,—все это живетъ и пребываетъ маніемъ Божественнымъ—подъ осѣненіемъ крестнымъ.

Можешь еще созерцать вещи Божественныя и въ представленіяхъ души твоей, ибо воззри на небо и умомъ обними преисподняя, а равно простри мысленный взоръ твой отъ одного края земли до другого, помысли при этомъ и о томъ могучемъ средоточіи, которое все это связываетъ и содержитъ, и тогда въ душѣ твоей само собою вообразится очертаніе креста, простирающаго концы свои отъ верха къ низу и отъ одного края земли до другого. Сіе очертаніе представлялъ и великій Давидъ, когда говорилъ о себѣ: *камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо* (это высота), *Ты тамо еси: аще сниду во адъ* (это глубина)—*тамо еси: аще возму крилѣ мои рано*, т. е. *на зарѣ*, съ востока солнца, (это широта) *и вселюся въ послѣднихъ моря*,—а моремъ у Іудеевъ назывался западъ (это долгота), *и тамо рука Твоя наставитъ мя* (Псал. CXXXVIII, 8—9). Видишь ли, какъ Давидъ изображаетъ здѣсь начертаніе креста? «Ты еси, говоритъ онъ къ Богу, Тотъ, Который повсюду существуешь, все Собою связуешь и все въ Себѣ содержишь; Ты вверху и Ты внизу, рука Твоя одесную и рука Твоя ошуюю». По той же причинѣ и Божественный Апостолъ говоритъ, что въ то время, когда все преисполнено будетъ вѣры и вѣдѣнія, Сущій паче всякаго имени будетъ призываемъ и поклоняемъ о имени Іисуса Христа отъ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Ефес. I, 21. Филиппис. II, 10).

По моему мнѣнію, тайна креста сокрыта также и въ иной *іотѣ* (если разсматривать ее съ верхнею поперечною чертою †), которая и небесъ крѣпче и земли тверже, и всѣхъ вещей прочнѣе, и о которой говоритъ Спаситель: *небо и земля прейдетъ, іота едина или черта не прейдетъ отъ закона* (Матѳ. V, 18). Мнѣ кажется, что сіи Божественныя слова имѣютъ въ виду—таинственно и *яко зерцаломъ въ гаданіи* показать, что образомъ креста все содержится въ мірѣ и что онъ вѣковѣчнѣе всего содержимаго имъ.

По симъ-то причинамъ Господь не просто сказалъ: *подобаетъ Сыну Человѣческому умереть*, но *пропяту быти*, для того, то есть, чтобы созерцательнѣйшимъ изъ богослововъ показать, что во образѣ креста сокрыта всемогущая сила Того, Который почилъ на немъ и благоизволилъ, да крестъ является всячески во всемъ! (Воскр. Чт., г. XIX, стр. 239—240.)

Несеніе креста Спасителемъ (Іоан. XIX, 17. Марк. XV, 21).

«*И нося крестъ Свой* изыде на глаголемое Лобное мѣсто» (Іоан. XIX, 17).—И задѣша мимоходящу нѣкоему Симону Киринею, грядущу съ села (отцу Александрову и Руфову), *да возметъ крестъ Его* (Марк. XV, 21). Всѣ подробности въ исторіи земной жизни Спасителя имѣютъ свое значеніе; особенно это нужно

сказать о подробностяхъ касательно страданій и смерти Іисуса Христа. Всѣ четыре Евангелиста въ изображеніи жизни Спасителя имѣютъ свои особенности, въ общемъ согласно представляющія одинъ цѣлостный образъ Богочеловѣка и полную исторію Его земной жизни. Къ числу этихъ особенностей относится и то, что о нѣкоторыхъ событіяхъ и подробностяхъ одни Евангелисты только намекаютъ или и совсѣмъ не упоминаютъ, между тѣмъ какъ другіе болѣе или менѣе обстоятельно повѣствуютъ о нихъ.

Это нужно сказать и о вышеприведенныхъ текстахъ, въ которыхъ повѣствуемое Евангелистомъ Маркомъ есть ничто иное, какъ *восполненіе* того, о чемъ Евангелистъ Іоаннъ упоминаетъ только какъ-бы мимоходомъ.

Евангелистъ Маркъ повѣствуетъ, что Іисуса Христа повели на мѣсто казни, и при этомъ замѣчаетъ, *какъ* повели. Слова, которыми онъ это изображаетъ: «и повели Его, чтобы распять Его», тогда у Римлянъ составляли обычное выраженіе, подъ которымъ разумѣлось, что осужденный ведется на смерть, при чемъ онъ всегда несъ и самый крестъ, на которомъ долженъ былъ умереть; такъ какъ къ наказанію осужденнаго принадлежало и самое несеніе креста, который привязывался къ спинѣ его веревкою.

Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ иначе; онъ говоритъ о несеніи креста, что̀ передается и въ повѣствованіи Евангелиста Марка, но ничего не упоминаетъ о томъ, что̀ происходило на пути на Голгоѳу. Онъ замѣчаетъ: и взяли Іисуса и повели Его», и по выходѣ изъ преторіи Онъ Самъ «несъ Свой крестъ» по всему скорбному пути до самыхъ воротъ. На этомъ же пути отъ воротъ до Голгоѳы случилось и то, что̀ подробнѣе изображаетъ Евангелистъ Маркъ словами: «и заставили проходящаго нѣкоего Киринеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущаго съ поля нести крестъ Его». Даже жестокосердые воины могли замѣтить, что Іисусъ Христосъ, вслѣдствіе перенесенныхъ Имъ мученій, упадетъ подъ тяжестью креста, и не въ состояніи будетъ идти дальше; поэтому они и заставили встрѣтившагося имъ на пути Симона Киринеянина донести крестъ Его до мѣста казни.

Евангелистъ Іоаннъ ничего не говоритъ о томъ, что̀ происходило на пути отъ преторіи до Голгоѳы, и сообщаетъ только одно изъ того, что̀ заключается въ выраженіи Евангелиста Марка (20), именно, что когда Іисусъ Христосъ началъ этотъ путь, то «понесъ Свой крестъ». Но Евангелистъ Маркъ повѣствуетъ и о недостающемъ у Іоанна и говоритъ, *восполняя,* а не противорѣча другимъ Евангелистамъ, о томъ, что̀ происходило на дорогѣ. Это восполненіе находитъ свое подтвержденіе и въ Евангеліяхъ отъ Матѳея и Луки, изъ которыхъ послѣдній также говоритъ: «и когда повели Его, то, захвативъ нѣкоего Симона Киринеянина, шедшаго съ поля, возложили на него крестъ, чтобы несъ за Іисусомъ». Евангелистъ Лука упоминаетъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ умалчиваютъ Іоаннъ и Маркъ, именно о послѣдованіи великаго множества народа, о плачѣ женщинъ, о словахъ къ нимъ Господа, и о веденіи съ Нимъ на смерть двухъ злодѣевъ (Лук. XXIII, 27—31, 32). Что Іисусъ Христосъ на остальной части Своего скорбнаго пути облегченъ былъ отъ тяжести креста, подтверждается, кажется, и тѣмъ обстоятельствомъ, что такое облегченіе дало Господу Іисусу возможность обратиться съ строгою рѣчью къ послѣдовавшей за Нимъ толпѣ народа, заканчивавшеюся словами: «если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ; то съ сухимъ что̀ будетъ».

Нельзя также не обратить здѣсь вниманія и на то, что на основаніи словъ Евангелиста Луки (XXIII. 26): «возложили на него (Симона Киринейскаго) крестъ, чтобы несъ за Іисусомъ», представляется, что Симона заставили нести только нижнюю часть креста, между тѣмъ какъ тяжелѣйшая часть его оставалась на плечахъ Спасителя, и слѣдовательно Онъ Самъ несъ Свой крестъ до мѣста распятія. Приведемъ здѣсь изъясненіе одного толковника: «Господу сдѣлано было только нѣкоторое облегченіе, а не совершенное освобожденіе отъ тяжести креста. Крестъ веревкою былъ привязанъ къ плечамъ, и, конечно немного времени потребовалось, чтобы отвязать его отъ Спасителя и нижній конецъ возложить на плечи Симона. Слѣдовательно здѣсь рѣчь не о совершенномъ снятіи съ Него креста, но о совмѣстномъ несеніи нижней части; и если даже признать, что тяжесть отъ этого для Господа только увеличилась, а не облегчилась, такъ какъ верхняя часть тѣмъ тяжелѣе должна была упереться на Его плеча, то изъ этого будетъ только слѣдовать здѣсь, какъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ, что милосердіе нечестивыхъ было жестокое. Впрочемъ, мы и не читаемъ ни у одного изъ Евангелистовъ, что Спаситель не могъ уже долѣе держаться подъ тяжестью креста и упалъ бы, если бы въ надлежащее время не пособилъ Ему Симонъ. И здѣсь Спаситель несетъ тяжелѣйшую часть бремени, между тѣмъ какъ легчайшая (сравнительно) остается на плечахъ того, кто за Нимъ слѣдуетъ».

Обыкновенно принимаютъ, что Іисусъ Христосъ, вслѣдствіе перенесенныхъ Имъ дотолѣ страданій, упалъ подъ тяжестью креста; но это мнѣніе ни на чемъ не основано, такъ какъ ни одинъ изъ Евангелистовъ не говоритъ объ этомъ, и потому положительно утверждать этого нельзя. Несомнѣнно только, что Іисусъ Христосъ Самъ несъ Свой крестъ отъ преторіи до воротъ городскихъ; несомнѣнно также и то, о чемъ повѣствуетъ съ дополненіемъ и Евангелистъ Маркъ.

Но упалъ ли Іисусъ Христосъ подъ тяжестью креста, сдѣлано ли было Ему нѣкоторое облегченіе отъ тяжести креста, или Его и совсѣмъ освободили отъ нея, несомнѣнно также, что Онъ говорилъ на пути къ народу, какъ повѣствуетъ Евангелистъ Лука. Впрочемъ, для вѣры достаточно, что Онъ несъ крестъ и что въ этомъ было наше спасеніе; это намъ необходимо знать, и *это* мы знаемъ опредѣленно.

Несеніе креста Господомъ Іисусомъ Христомъ напоминаетъ намъ о нашихъ *грѣхахъ*, ради которыхъ Онъ обремененъ былъ, какъ символомъ тяжести, проклятія и гнѣва Божія, которая легла на Іисуса Христа, и которая совершенно подавила бы насъ и вѣчно мучила бы, такъ какъ она даже Сына Божія повергла на землю. Было совершенно справедливо несомый Имъ крестъ передать человѣку, такъ какъ это былъ собственно не Его, но *нашъ* крестъ. Не должны ли и мы, послѣ того какъ Іисусъ Христосъ понесъ на Себѣ *нашъ* крестъ, добровольно и охотно нести и Его крестъ? Крестъ, который Онъ понесъ за насъ, былъ самый тяжелый, но Его крестъ, который мы должны нести, есть «легкое бремя»; нашъ крестъ, который мы возложили на Него, былъ древомъ проклятія и мученій, Его же крестъ имѣетъ спасительное для насъ дѣйствіе, приводящее насъ къ вѣчному спасенію (Воскр. Чт. 1876 г., т. I, стр. 193—195).

О плачѣ женъ Іерусалимскихъ (Лук. XXIII, 28—31).

Дщери Іерусалимски! не плачитеся о Мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ! яко се дніе грядутъ, въ няже ре-

кутъ: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмомъ: покрыйте ны (Лук. XXIII, 28—30). Почему Спаситель запрещаетъ дщерямъ Іерусалимскимъ плакать о Немъ? Божественнымъ ученіемъ, святостію жизни и чудесами Іисусъ Христосъ прославилъ на землѣ Отца Небеснаго; и Его осудили, какъ богохулителя. Онъ пришелъ на землю, дабы исполнить всякую правду, и смиренно подчинился человѣческой власти; и Его приговорили къ позорной смерти какъ возмутителя. Почему же не плакать о Немъ, когда невинно проливается Его драгоцѣнная кровь? Потому, что пострадать и умереть,—было непремѣннымъ и пламеннымъ желаніемъ Спасителя. Цѣль пришествія Его на землю была та, чтобы искупить родъ человѣческій отъ грѣха, діавола и смерти,—и вотъ Онъ идетъ на Голгоѳу, дабы совершить это величайшее дѣло Божественной любви: *никтоже возметъ душу Мою отъ Мене,* сказалъ Самъ Спаситель предъ страданіемъ, *но Азъ полагаю ю о Себѣ.*

Себе плачите, продолжаетъ Спаситель, *и чадъ вашихъ.* Ибо причиною страданій и смерти Искупителя нашего были грѣхи рода человѣческаго, за которые правосудіе небесное требовало жертвы. Зависть книжниковъ и фарисеевъ, корыстолюбіе Іуды, легкомысліе народа, грубость воиновъ и подобныя симъ явленія, о которыхъ говоритъ намъ исторія страданій Спасителя,—суть плоды того грѣховнаго сѣмени, которое получаемъ мы отъ родителей и передаемъ чадамъ. Объ этомъ-то ужасномъ развращеніи рода нашего мы должны плакать!

Плачь о себѣ, завистливый, ибо твой грѣхъ присутствовалъ въ нечестивомъ совѣтѣ враговъ Христовыхъ! Плачь о себѣ, корыстолюбецъ, ибо ты въ лицѣ Іисуса продалъ Христа своего! Плачь о себѣ, легкомысленный, ибо ты вмѣстѣ съ народомъ взывалъ прежде: *осанна!* а потомъ—*распни Его!*... Плачь каждый о своемъ грѣхѣ; плачь не слезами дщерей Іерусалимскихъ, а слезами Петра и грѣшницы въ дому Симона прокаженнаго. Но кто не знаетъ этихъ слезъ, слезъ истиннаго покаянія, тотъ будетъ плакать безутѣшными слезами отчаянія: *се дніе грядутъ,* говоритъ Господь, *въ няже рекутъ: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмомъ: покрыйте ны.*

Слезы необходимы для грѣшника. И кто не плачетъ о грѣхахъ своихъ, тотъ будетъ плакать отъ наказаній за грѣхъ. Но какое безконечное различіе между тѣмъ и другимъ плачемъ! Это не тѣ слезы, которыя пролилъ мытарь, взывая: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.* Это не тотъ плачъ блуднаго сына, съ которымъ онъ вопіялъ: *Отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою.*

Это не то раскаяніе, которое трогаетъ сердце Отца Небеснаго и располагаетъ Его къ прощенію. Но плачь безутѣшный, на который никто не отзовется; ибо сказано о грѣшникахъ, что онъ напрасно будетъ *взывать горамъ: падите на ны, и холмомъ: покрыйте ны.*

Еще не пришло время этого страшнаго плача; еще глаза наши не закрылись для слезъ покаянія. Плачь же, грѣшникъ, этими сладкими слезами, чтобы не плакать послѣ горькими слезами отчаянія!

О, какъ часто мы стоимъ въ глубокой скорби у ложа больного и плачемъ горькими слезами у гробовъ нашихъ ближнихъ! Почему же не плачемъ о своей смертельной болѣзни? Не плачемъ при мысли о той духовной смерти, которая уготовляется нераскаянному грѣшнику? Почему дру-

гія слезы такъ нерѣдки, а рѣдки слезы Петра и подобныхъ кающихся?

Господи Боже! сердце мое окаменѣло и неспособно источать слезъ покаянія. Сокруши его Своею благодатію и дай мнѣ сердце плотяное! Даруй мнѣ *печаль, яже по Бозѣ*, и да произведетъ она во мнѣ *покаяніе нераскаянно во спасеніе!* (Воскр. Чт., г. XXI, стр. 496—497).

О томъ же препод. Исидора Пелусіота.

Не должно оплакивать мужественнаго борца, выходящаго на подвигъ, гдѣ покрывается онъ пылью и терпитъ удары; потому что труды его окончатся вѣнцами. Не должно также сопровождать слезами доблестнаго воина, идущаго на брань, гдѣ можетъ потерпѣть и раны и смерть; потому что возвратится побѣдоноснымъ и удостоится памятниковъ и похвалъ. Должно же о тѣхъ плакать, которые выходятъ на разбои и человѣкоубійства, особливо когда совершаютъ злодѣйства, потомъ когда бываютъ наказываемы. Итакъ, почему же просилъ ты научить тебя, по какой причинѣ Христосъ, когда шелъ на крестъ, какъ побѣдитель, не только одобрилъ плачущихъ женъ, но и запретилъ имъ плакать? Извѣстно, что состраданіе страждущему невольно доставляетъ утѣшеніе, а страждущему добровольно наноситъ обиду. Ибо обидна сострадательность тому, чье страданіе не непроизвольно. Итакъ, поелику Христосъ добровольно шелъ на страданіе, чтобы уничтожить смерть и низложить діавола; а жены плакали о Томъ, Кого справедливо было прославлять и сопровождать рукоплесканіями; то, посему, какъ думаютъ нѣкоторые, положилъ на нихъ проклятіе; а какъ требуетъ сказать истина, предуказалъ имъ бѣдствія, какія ихъ постигнутъ. Ибо непозволительно было оплакивать побѣдителя грѣха, спѣшившаго не только умертвить и связать діавола, но и освободить плѣненныхъ всѣмъ этимъ (ч. III, стр. 96—97).

О томъ же архіеп. Иннокентія.

«*Дщи Іерусалимскія!* сказалъ Господь, обратясь къ нимъ,—*не плачитеся о Мнѣ: себѣ паче плачите и чадѣ вашихъ*».

(Такое дивное запрещеніе плакать о Немъ, когда Онъ, изнемогая подъ крестомъ, шелъ на очевидную и мучительную смерть, могло быть совершенно понято не прежде воскресенія Іисуса Христа; но совѣтъ плакать о себѣ и чадахъ своихъ и теперь далъ разумѣть женамъ и каждому, какое великое различіе между чувствами Іисуса Христа въ такомъ положеніи, не оставляющаго мысли и заботы не только о настоящей, но и будущей судьбѣ чадъ Іерусалима,—и безчувствіемъ первосвященниковъ, кои предъ Пилатомъ съ такимъ безразсудствомъ призывали на всѣхъ чадъ Іерусалима кровь Праведника).

«*Яко се,* продолжалъ Господь, *дніе грядутъ, въ няже рекутъ: блаженны неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны: и холмомъ: покрыйте ны. Зане аще въ суровѣ* (зеленѣющемъ) *древѣ сія творятъ, въ сусѣ* (древѣ) *что будетъ?*»

Нельзя было сильнѣе изобразить бѣдствій, угрожающихъ Іерусалиму. Безчадство почиталось у Іудеевъ самымъ тяжкимъ несчастіемъ и наказаніемъ Божіимъ, а посему дойти до того, чтобы завидовать безчаднымъ, значило придти въ отчаянное состояніе. Такъ выражались и пророки, когда отъ имени Бога Израилева угрожали Израилю за его преступленія. Но сія угроза произнесена Сыномъ Человѣческимъ безъ всякаго чувства личнаго негодованія на неблаго-

дарныхъ соотечественниковъ. Онъ не говоритъ, что наступаютъ дни, когда вы, испросившіе Меня на казнь, *скажете,* а говоритъ просто: *скажутъ,* ни мало не касаясь личныхъ враговъ Своихъ. Высочайшее чувство самоотверженія заставляетъ Его забыть всѣ собственныя страданія, и Онъ запрещаетъ плакать о Себѣ; но истинное чувство любви къ бѣдному отечеству побуждаетъ не скрывать ужасныхъ золъ, его окружающихъ, въ предостереженіе тѣмъ, кои еще могли внимать истинѣ. Это была послѣдняя проповѣдь покаянія, которую народъ слышалъ изъ устъ своего Мессіи, произнесенная съ самымъ нѣжнымъ чувствомъ любви къ ближнимъ. Войны, гладъ, язвы и прочія бѣдствія, имѣвшія предшествовать разрушенію Іерусалима, дѣйствительно, должны были оказать всю свою свирѣпость особенно надъ женами непраздными и матерями, имѣющими грудныхъ младенцевъ. Такъ и прежде, изображая ученикамъ Своимъ сіи бѣдствія, Господь представлялъ особенно участь женъ непраздныхъ: *горе же доящимъ въ тыя дни.*

Слова: «если съ зеленѣющимъ деревомъ (со Мною) сіе дѣлаютъ; то что̀ будетъ съ сухимъ» —(съ народомъ Іудейскимъ),—выражаютъ много, очень много ужаснаго для народа Іудейскаго. Но и въ сихъ словахъ нѣтъ ни какого личнаго негодованія. Это присловіе, постоянно переходившее изъ устъ въ уста; и когда же приличнѣе было употребить его, какъ не теперь, для вразумленія всѣхъ и каждаго?—Если вожди народа Іудейскаго, первосвященники, фарисеи и книжники сравниваются здѣсь съ сухимъ деревомъ (обыкновенный у пророковъ символъ людей нечестивыхъ); то сіе сравненіе еще съ большей выразительностью было уже слышимо изъ устъ Іоанна Крестителя въ то время, когда торжественное посольство отъ лица синедріона спрашивало его, не онъ ли Мессія?

Въ то время, когда Іисусъ Христосъ въ послѣдній разъ предостерегалъ такимъ образомъ Своихъ соотечественниковъ, слова Его, вѣроятно, были приняты съ любовію немногими. Но во время разрушенія Іерусалима, послѣдовавшаго спустя нѣсколько лѣтъ, самые упорные враги Господа должны были привести ихъ себѣ на память. Нельзя безъ содроганія читать описанія тогдашнихъ бѣдствій народа Іудейскаго. Состояніе матерей было таково, что нѣкоторыя изъ нихъ рѣшались закалать собственныхъ дѣтей для снѣди... Тогда скалы и пещеры Палестинскія, служившія во время войнъ обыкновеннымъ убѣжищемъ Іудеевъ, содѣлались, какъ предрекалъ теперь Господь, гробами для многихъ тысячъ несчастныхъ, кои дѣйствительно призывали сами на себя смерть, какъ послѣднюю отраду (Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, стр. 400—403).

Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о времени распятія Іисуса Христа

(*Діакона Кудрявцева.*)

По Евангелію отъ Іоанна въ шестомъ часу судебный приговоръ принимаетъ только болѣе рѣшительный характеръ (Іоан. XIX, 14). По сказаніямъ же первыхъ Евангелистовъ въ третьемъ часу уже послѣдовало распятіе (Марк. XV, 25), а отъ шестаго до девятаго была уже тьма (33). Такія указанія были бы дѣйствительно указаніями противорѣчащими, если бы необходимо принять было, что какъ Евангелистъ Іоаннъ, такъ и первые Евангелисты слѣдовали въ опредѣленіи времени одному и тому же обычаю. Но въ томъ-то и дѣло, что Евангелистъ Іоаннъ, какъ имѣвшій въ виду повѣствованія предшественниковъ

и какъ назначавшій свои повѣствованія для читателей, мало знакомыхъ съ судейскимъ время опредѣленіемъ, счелъ нужнымъ, какъ очевидецъ событій, опредѣлить время такъ, какъ опредѣлялось оно при Римскомъ судопроизводствѣ. Римляне, при производствѣ суда, счисленіе часовъ начинали отъ средины ночи, такъ что шестой часъ равнялся нашему шестому часу. Между тѣмъ первые Евангелисты опредѣляютъ время согласно съ Іудейскими обычаями: отъ начала утра. Отъ этого произошло кажущееся различіе. Слѣдовательно стоитъ только принять во вниманіе это обстоятельство, и кажущееся противорѣчіе падетъ само собою. Если около шестаго часа, по Римскому счисленію, Пилатъ взошелъ на судебное мѣсто, чтобы произнести окончательно приговоръ надъ Іисусомъ, если принять еще то обстоятельство, что вмѣстѣ съ Господомъ произнесенъ былъ приговоръ надъ двумя преступниками, что довольно потратилось времени на путешествіе до Голгоѳы, на приготовленіе къ распятію, то время распятія и по Евангелію отъ Іоанна будетъ соотвѣтствовать тому третьему часу, о которомъ, согласно обыденному счисленію времени, говоритъ Евангелистъ Маркъ, т. е. будетъ соотвѣтствовать нашему девятому часу. Что таково именно было счисленіе времени у Римлянъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ ученый Гугъ. Приведя множество мѣстъ изъ сочиненій Плутарха, Макровія, Цицерона, Сенеки и многихъ другихъ писателей, гдѣ прямо говорится, что таково именно было счисленіе времени у Римлянъ, Гугъ прибавляетъ: если Іоаннъ обозначаетъ шестой часъ утра, какъ время произнесенія судебнаго рѣшенія, то онъ, такъ какъ писалъ для христіанъ изъ язычниковъ, слѣдуетъ въ этомъ Римскому судебному языку. Итакъ опредѣленіе времени Евангелистомъ Іоанномъ, будучи согласно съ обыденнымъ Іудейскимъ счисленіемъ времени, никакъ не можетъ стоять въ противорѣчіи (Христ. Чт. 1867 г., т. I, стр. 734—735).

Св. Кирилла Александрійскаго о распятіи двухъ разбойниковъ со Христомъ. Изъясненіе на слова изъ Евангелія, читаемаго въ день Крестовоздвиженія.

«*Поемше же Іисуса и ведоша: и нося крестъ Свой изыде на глаголемое Лобное мѣсто, еже глаголется Еврейски Голгоѳа, идѣже пропяша Его, и съ Нимъ ина два сюду и сюду, посредѣ же Іисуса* (Іоан. XIX, 17—18). Что со Христомъ были распяты два разбойника, то Іудеи сдѣлали сіе по злобѣ; именно, чтобы болѣе обезславить смерть Спасителя, они осудили на оную вмѣстѣ съ праведнымъ беззаконниковъ. Между тѣмъ, осужденные на распятіе со Христомъ разбойники означали два народа, кои вскорѣ должны были присоединиться ко Христу, т. е. Израильтянъ и язычниковъ; потому что Іудеевъ осуждалъ законъ, коего они были преступники, а язычниковъ заблужденіе ихъ, ибо они *почтоша и послужиша твари паче Творца* (Римлян. I, 25). Впрочемъ, поелику присоединяющіеся ко Христу распинаются Ему особеннымъ образомъ, именно, умирая прежде грѣховной жизни, преобразуются въ жизнь новую и Евангельскую, какъ это видно изъ словъ Апостола Павла, который говоритъ: *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Галат. V, 24); или: *азъ закономъ закону умрохъ, да Богови живъ буду, Христови сраспяхся* (Галат. II, 19); или: *аще умросте со Христомъ отъ стихій міра, почто аки живуще въ мірѣ стязаетеся* (Колос. II, 20), (ибо отреченіе отъ мірскаго образа жизни есть начало жизни во Христѣ); то распятіе двухъ

разбойниковъ со Христомъ Спасителемъ еще знаменуетъ и то, что означаемые ими два народа умрутъ со Христомъ, отвергнувшись мірскихъ удовольствій и плотской жизни, и будутъ жить вмѣстѣ съ Господомъ Своимъ, проводя жизнь по правиламъ Его. Образъ не теряетъ своей силы отъ того, что повѣшенные были злодѣи, потому что прежде пришествія вѣры мы всѣ были естествомъ чада гнѣва и повинны смерти (Воскр. Чт., г. XI, стр. 248—249).

Какимъ образомъ враги Іисуса Христа дошли до сатанинскаго злорадства и глумленія надъ Нимъ во время ужаснѣйшихъ страданій Его на крестѣ (Матѳ. XXVII, 39—44).

(*Павла архіеп. Кишиневскаго.*)

Мимоходящіи хуляху Іисуса, покивающе головами своими и глаголюще: Разоряяй церковь и тремя денми Созидаяй, спасися Самъ: аще Сынъ еси Божій, сниди со креста (Матѳ. XXVII, 39—40). Изъ всѣхъ проявленій злобы и ненависти къ Господу нашему Іисусу Христу преступныхъ враговъ и мучителей Его, самымъ возмутительнымъ, ужаснымъ, позорнымъ, отвратительнымъ, конечно, было глумленіе ихъ надъ тяжко страждущимъ Богочеловѣкомъ. Не такъ ужасна была злоба ихъ тогда, когда она разразилась яростными, неистовыми криками: *распни, распни Его,* какъ въ минуты злобно-хладнокровнаго глумленія надъ добровольно-беззащитнымъ предметомъ ихъ ненависти, — неповиннымъ Страдальцемъ. Ярость сама страдаетъ, ярясь противъ ненавистнаго ей существа, и потому хотя нѣсколько наказывается за свою преступность. Въ поруганіяхъ же и насмѣшкахъ злоба демонски наслаждается, ликуетъ и торжествуетъ, и, не страдая сама, звѣрски наслаждается страданіями своей жертвы. Въ глумленіяхъ надъ Богочеловѣкомъ злоба съ особенною силою обнаружила свой сатанинскій характеръ; здѣсь она явилась вполнѣ достойною своего изобрѣтателя—духа злобы, всегда съ торжествомъ и радостью взирающаго на бѣдствія человѣческія. Потому присутствіе духа адскаго, сатанинскаго съ особенною силою чувствуется въ этихъ хулахъ и поношеніяхъ, и трепетъ и ужасъ невольно объемлютъ душу при размышленіи о нихъ и приводятъ ее въ содраганіе. Ужасно было состояніе враговъ Іисусовыхъ, имѣвшихъ полную возможность сдѣлаться сынами Божіими и добровольно сдѣлавшихся чадами отца своего діавола (Іоан. VIII, 44), вполнѣ послушными орудіями его. Какими путями дошли они до такого состоянія?

Пути, по которымъ враги Богочеловѣка дошли до нечеловѣческой жестокости—до способности злорадно глумиться надъ ужаснѣйшими страданіями, различались по различію самыхъ путей и образа ихъ жизни. Одни,—фарисеи,—старались снискать себѣ славу и счастіе лицемѣрною праведностью и пришедши въ соприкосновеніе съ Богочеловѣкомъ, Своею Божественною праведностію совершенно затмившимъ ихъ мнимую праведность, воскипѣли завистью и ненавистью къ Нему и рѣшились погубить Богочеловѣка, не отступая ни предъ какою жестокостью для достиженія своей цѣли. Другіе—первосвященники—саддукеи,—искали въ своемъ высокомъ положеніи средствъ къ жизни удобной, веселой, чувственной, и возненавидѣли Іисуса со всею злобою, со всѣмъ ожесточеніемъ сластолюбцевъ, трепещущихъ отъ опасенія лишиться средствъ къ жизни веселой. Третьи,—народъ,—всю жизнь влаялись всякимъ вѣтромъ ученія, обѣщаній, надеждъ и мечтаній о чувственно-блаженномъ царствѣ Мессіи, служили орудіемъ въ ру-

кахъ предводителей разныхъ партій для пораженія партій враждебныхъ и, вмѣстѣ съ вождями своими, торжествовали свои побѣды надъ врагами, или терпѣли отъ пораженій: съ безсердечіемъ нравственнаго ничтожества, съ озлобленіемъ разочарованія и обманутыхъ надеждъ на земное царствованіе Іисуса, съ жестокостью низкаго ласкательства и угодничества предъ торжествующими врагами Христовыми, они хулятъ Божественнаго Страдальца, глумятся надъ Нимъ. Четвертые,—воины и хулящій разбойникъ,—допустили себя до огрубѣнія среди опасностей, лишеній, насилій и жестокостей,—особенно при совершеніи казней; потому отъ нихъ невозможно было и ожидать сострадательности и мягкости сердца; невозможно было и ожидать, что они не присоединятъ къ хуламъ и насмѣшкамъ толпы своихъ глумленій.

Первыми врагами Богочеловѣка,—и прежде другихъ начавшими злобствовать и болѣе другихъ злобствовавшими противъ Него,—были фарисеи. Ревнители закона и отечественной старины, постоянно и усиленно стремившіеся къ снисканію себѣ уваженія народа и вліянія на него, къ привлеченію его на свою сторону своею ревностью къ старинѣ, своею внѣшнею лицемѣрною праведностью, и потому постоянно вращавшіеся среди народа,—фарисеи первые должны были придти въ столкновеніе съ Іисусомъ Христомъ,—новымъ, необыкновеннымъ народнымъ Учителемъ, возвѣщающимъ ученіе живое, новое, Божественно-возвышенное, благое, утѣшительное и благотворное, и отличающимся совершеннѣйшею праведностію, святостію, безграничною любовію, чудодѣйственною силою. Необычайное вліяніе Его на народъ, уронившее ихъ вліяніе, вниманіе народа къ Его ученію и благоговѣніе предъ Его святостію и чудесами—возбуждаютъ въ надменныхъ, честолюбивыхъ душахъ фарисеевъ чувство зависти; опасеніе совершенно потерять свое вліяніе на народъ, свое могущество, свою славу, пріобрѣтенныя нелегкимъ трудомъ лицемѣрія и различными лишеніями, сопряженными со внѣшнею праведностью, — наполняетъ сердца ихъ ненавистью къ Богочеловѣку. Первое обнаруженіе вражды начинается съ того, что зависть и ненависть, въ лицѣ фарисеевъ, начинаетъ зорко слѣдить за всѣми словами и дѣлами Богочеловѣка, перетолковывать ихъ и стараться убѣдить и себя и другихъ въ томъ, что и ученіе Іисуса Христа ложно, и жизнь Его не праведна, и чудеса не Божественны. Начинается, въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, у кого еще не совсѣмъ сожжена совѣсть, тяжелая борьба между голосомъ совѣсти, свидѣтельствующимъ о Божественномъ посланничествѣ Іисуса, и между требованіемъ ослѣпленнаго завистью и предразсудками ума видѣть въ словахъ Іисуса Христа хулу противъ Бога, въ Его чудесахъ—дѣла веельзевула. Выступаетъ цѣлый рядъ волнующихъ и раздражающихъ завистливую душу неудачъ уловить Іисуса Христа въ словѣ или дѣлѣ, возстановить противъ Него идущій во слѣдъ Его народъ. Чѣмъ чаще и сильнѣе голосъ совѣсти начинаетъ заглушаться голосомъ зависти и злобы, не хотящей видѣть истины ученія и святости жизни Богочеловѣка; чѣмъ чаще и сильнѣе завистники начинаютъ терпѣть неудачу въ своихъ попыткахъ и затѣмъ въ упорномъ стараніи подорвать довѣріе къ Іисусу Христу какъ Мессіи и приготовить Ему гибель; чѣмъ выше, послѣ каждой новой бесѣды и новаго чуда, становится Іисусъ Христосъ во мнѣніи народа; тѣмъ сильнѣе воспламеняется ихъ ненависть къ Нему, тѣмъ ожесточеннѣе становится за-

висть. Каждое новое чудо Его—новая стрѣла, вонзающаяся въ ихъ сердце; каждое торжество Его—новая рана для ихъ души. Воскрешеніе Лазаря и торжественный входъ Воскресившаго въ Іерусалимъ доводятъ до крайнихъ предѣловъ ихъ злобу и ненависть. Какъ истерзали бы они предметъ своей злобы и ненависти! Какъ усладились бы они страданіями и гибелью ненавистнаго имъ Назарянина, увлекшаго весь народъ за Собою! И—вотъ Господь, для совершенія великихъ судовъ Своихъ о спасеніи міра, попускаетъ на время зависти и злобѣ фарисеевъ проявить всю свою лютость надъ своею жертвою—Богочеловѣкомъ, и—злоба тѣмъ яростнѣе и неистовѣе открывается, чѣмъ дольше накоплялась, усиливалась и раздражалась неудачами, чѣмъ больше, по мѣрѣ славы Христовой, возрастала. Членовъ верховнаго судилища Іудейскаго зависть и злоба заставляетъ забыть и свое важное положеніе и свои, конечно, почтенныя лѣта (Матѳ. XXVI. 58), и они, унижаясь до привычекъ и нравовъ невоспитанной толпы, плюютъ Іисусу Христу въ лице, заушаютъ Его, а другіе, ударяя по щекамъ, говорятъ: *скажи намъ, Христосъ, кто ударилъ Тебя?* (68.) Членовъ синедріона, вождей народа, зависть и ненависть обращаетъ въ позорныхъ подстрекателей безумной толпы; вожди народа стараются возбудить и раздражить въ черни дурные инстинкты, могущіе сдѣлаться гибельными для цѣлаго народа. Членовъ верховнаго судилища, обязанныхъ быть образцами любви и состраданія къ самимъ даже преступникамъ, являться въ своихъ судахъ и рѣшеніяхъ праведными судіями, но не страстными мучителями виновныхъ, и подавать примѣръ Богоугоднаго приготовленія къ днямъ великимъ и святымъ,—зависть и злоба влечетъ въ пятокъ пасхальный за городъ, на Лобное мѣсто, чтобы тамъ насладиться зрѣлищемъ страданій невиннаго Страдальца, поглумиться надъ Нимъ, усладить свою душу преступнымъ торжествомъ. Такъ, восторжествовавшая надъ Христомъ зависть враговъ Его привела ихъ въ состояніе сатанинскаго злорадства,—подобно тому какъ зависть діавола, внесшая грѣхъ въ міръ человѣческій, приводитъ его въ состояніе злорадства при каждомъ паденіи нашемъ.

Ругавшіеся надъ Іисусомъ Христомъ первосвященники принадлежали къ ереси саддукейской (Дѣян. V, 17). Коренное правило жизни людей, принадлежавшихъ къ этой ереси, точно выражается словами: *душе, почивай, яждь, пій и веселися* (Лук. XII, 19). *Случайно мы рождены, и послѣ будемъ какъ небывшіе: дыханіе въ ноздряхъ нашихъ—дымъ, и слово—искра въ движеніи нашего сердца. Когда она угаснетъ, тѣло обратится въ прахъ, и духъ разсѣется какъ жидкій воздухъ* (Премудр. Солом. II, 2—4):—такова почти была философія этихъ людей, таковы почти были понятія и о началѣ и концѣ существующаго. *Будемъ же наслаждаться настоящими благами и спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностію; преисполнимся дорогимъ виномъ и благовоніями, и да не пройдетъ мимо насъ весенній цвѣтъ жизни; увѣнчаемся цвѣтами розъ прежде, нежели онѣ увяли; никто изъ насъ не лишай себя участія въ нашемъ наслажденіи; вездѣ оставимъ слѣды веселія, ибо это наша доля и нашъ жребій* (6—10);—таковы были нравственныя правила саддукейскія. Будучи служителями Бога живаго, вѣчнаго, святаго, первосвященники-саддукеи тѣмъ не менѣе отвергали вѣчную жизнь и презирали нравственную стро-

гость, требующую обузданія своихъ страстей и воздержанія отъ чувственныхъ пожеланій.

Съ перваго взгляда могутъ казаться непонятными и необъяснимыми злостныя, жестокія преслѣдованія своихъ враговъ и глумленія надъ ихъ бѣдствіями со стороны людей, предающихся веселью, которое, повидимому, способно смягчать души человѣческія: возможно ли, чтобы смѣхъ и веселіе порождали жестокость и злобу? Но связь между грубымъ весельемъ и жестокостью представляется необъяснимою только на первый взглядъ. На самомъ же дѣлѣ мало что до такой степени огрубляетъ, ожесточаетъ человѣка и дѣлаетъ безчувственнымъ къ горю и страданіямъ ближняго, какъ привычка къ чувственнымъ наслажденіямъ, какъ жизнь, протекающая въ ежедневномъ весельѣ, неумолкающемъ смѣхѣ. Евангельскій богачъ, веселившійся по вся дни свѣтло, всегда равнодушно проходилъ мимо страдавшаго отъ голода и проказы Лазаря (Лук. XVI, 19—21). Пиршество сластолюбиваго, чувственнаго Ирода закончилось усѣченіемъ главы Іоанна Крестителя (Матѳ. XIV, 3—11). Веселье и смѣхъ, пріучая вообще человѣка къ легкомыслію, къ легкому взгляду на все, пріучаютъ къ легкомысленному и легкому взгляду и на страданія людей, къ взгляду на нихъ съ улыбкою, даже смѣхомъ. Подобно тому какъ въ знойное, не освѣжаемое дождями, лѣто, яркое, палящее солнце своими знойными лучами изсушаетъ землю и дѣлаетъ ее безплодною въ то самое время, когда, повидимому, ласково улыбается ей и призываетъ къ пиру и веселью,—подобно тому постоянное веселье и неумолкающій смѣхъ сушатъ сердце и дѣлаютъ его совершенно неспособнымъ ни къ какому теплому чувству. Напротивъ, жестокость легко и скоро развивается среди пиршествъ и веселья. Вотъ какія ужасныя слова, изображающія понятія и нравы любителей пиршествъ и чувственныхъ удовольствій, влагаетъ въ уста нхъ Премудрый: *будемъ притѣснять бѣдняка праведника, не пощадимъ вдовы и не постыдимся многолѣтнихъ сѣдинъ старца. Сила наша да будетъ закономъ правды; ибо безсиліе оказывается безполезнымъ. Устроимъ ковы праведнику, ибо онъ въ тяготу намъ, и противится дѣламъ нашимъ, укоряетъ насъ въ грѣхахъ противъ закона и поноситъ насъ за грѣхи нашего воспитанія; объявляетъ себя имѣющимъ познаніе о Богѣ, и называетъ себя сыномъ Господа; онъ предъ нами—обличеніе помысловъ нашихъ. Тяжело намъ и смотрѣть на него; ибо жизнь его не похожа на жизнь другихъ, и отличны пути его; онъ считаетъ насъ мерзостью, и удаляется отъ путей нашихъ, какъ отъ нечистотъ; ублажаетъ кончину праведныхъ и тщеславно называетъ отцемъ своимъ Бога. Увидимъ, истинны ли слова его, и испытаемъ, какой будетъ исходъ его; если этотъ праведникъ есть сынъ Божій, то Богъ защититъ его и избавитъ его отъ руки враговъ. Испытаемъ его оскорбленіемъ и мученіемъ, дабы узнать смиреніе его и видѣть незлобіе его; осудимъ его на безчестную смерть, ибо, по словамъ его, объ немъ попеченіе будетъ* (Премудр. Соломон. II, 10—20). Такъ естественъ и легокъ, по словамъ Премудраго, переходъ отъ утѣхъ и наслажденій къ обидамъ и насилію, къ ужаснѣйшимъ жестокостямъ.

Этимъ же путемъ порочныхъ и преступныхъ наслажденій, хищеній, насилій, жестокаго глумленія надъ жертвами своихъ неправдъ, шли, конечно, и первосвященники—саддукеи въ своемъ развращеніи и взошли на вершину са-

танинскаго глумленія надъ невиннымъ Страдальцемъ. Пламенный Обличитель книжниковъ и фарисеевъ, снѣдавшихъ домы вдовицъ (Матѳ. XXIII, 14),—Господь нашъ Іисусъ Христосъ естественно казался опаснымъ и сдѣлался ненавистнымъ для саддукеевъ-первосвященниковъ, жившихъ хищеніями и неправдами. Неукротимую злобу, непримиримую ненависть Онъ долженъ былъ возбуждать въ сердцахъ ихъ Своими обличеніями какъ безбожнаго ученія саддукейскаго, отвергавшаго безсмертіе души, такъ и безнравственной, чувственной жизни саддукеевъ, устрояемой по началамъ сего ученія! Какъ ненавистенъ долженъ былъ быть для нихъ образъ жизни Его, святой, строгій, чистый, благотворительный, служившій живымъ укоромъ ихъ жизни непотребной! Съ какимъ потому нетерпѣніемъ они искали случая подвергнуть Его всей тяжести страданій за то, что Онъ именуетъ Себя Сыномъ Божіимъ и грозитъ имъ бѣдствіями и казнями за ихъ нечестіе! И вотъ, когда лестью—предательствомъ уловили Праведника,—они, опьянѣвъ отъ злобы, не только предаютъ Его ужаснѣйшимъ и позорнѣйшимъ мученіямъ, но и безстыдно идутъ къ Лобному мѣсту для того, чтобы насладиться торжествомъ своимъ, зрѣлищемъ страданій невиннаго Страдальца и, если можно, своими поруганіями увеличить ихъ, влить новую горечь въ чашу ихъ. Преступное пристрастіе къ чувственнымъ удовольствіямъ сдѣлало первосвященниковъ-саддукеевъ людьми злобными и пріучило ихъ къ злорадованію.

Хулившая Іисуса Христа народная толпа, суетная и легкомысленная, по обычаю всякой толпы, была слѣпымъ орудіемъ вождей народныхъ и, съ своей стороны, всего болѣе искала отъ Іисуса Христа, какъ можно догадываться между прочимъ и изъ содержанія хулы ея, зрѣлищъ,—необычайныхъ, чудесныхъ дѣлъ, знаменій. Она съ любопытствомъ посмотрѣла бы на сведеніе Имъ огня съ неба, подобно тому какъ свелъ огонь съ неба Илія; она полюбовалась бы на хожденіе Его по водамъ, на чудесное проведеніе Имъ, подобно Моисею, народа чрезъ моря и рѣки, и проч. и проч. Ея любопытству, какъ ей показалось, и обѣщано, готовится полное удовлетвореніе, готовится небывалое, необычайное знаменіе со стороны Назаретскаго Пророка. Онъ рано или поздно разрушитъ храмъ, строившійся въ теченіи десятковъ лѣтъ, и въ три дня снова воздвигнетъ его: такъ поняла толпа неразумная слова Богочеловѣка о разрушеніи врагами Его храма—тѣла Его и о тридневномъ Его воскресеніи. Но суетное любопытство напрасно ждетъ, напрасно съ настойчивостью проситъ у Божественнаго Учителя и Чудотворца суетныхъ, безплодныхъ знаменій: чудотворящій только для увращеванія недуговъ человѣческихъ, для вразумленія, нравственнаго очищенія и освященія людей, для возбужденія вѣры въ людяхъ, способныхъ вѣровать,—Господь не творитъ безплодныхъ знаменій и даже прямо объявляетъ искателямъ знаменій, что имъ не дастся знаменіе, токмо знаменіе Іоны пророка (Матѳ. XII, 38—40). Негодованіе овладѣваетъ толпою; вражда закипаетъ въ толпѣ, обманутой въ своихъ ожиданіяхъ, какъ-бы оскорбленной неисполненіемъ обѣщаннаго ей и возстановленной противъ Іисуса злобными врагами, изображавшими Христа толпѣ грѣшникомъ, богохульникомъ. И вотъ, когда Чудотворецъ-Богочеловѣкъ впадаетъ въ руки первосвященниковъ, книжниковъ и старѣйшинъ, и когда начинаютъ искать уликъ и лжесвидѣтельства противъ невиннаго Іисуса для того, чтобы погу-

бить Его,—изъ толпы являются лжесвидѣтели и обвиняютъ Его въ томъ, что Онъ говорилъ: «*могу разрушить храмъ Божій и въ три дня воздвигнуть его*» (Матѳ. XXVI, 61). Обвиненный понесетъ жестокую кару отъ сильныхъ враговъ Своихъ за неуважительныя слова о храмѣ, за непочтительность къ святынѣ его, — думали они; будемъ отмщены и мы за наши обманутыя чаянія, надежды видѣть необычайное знаменіе. И злоба, ожесточеніе толпы противъ обвиняемаго Чудотворца растетъ, по мѣрѣ возрастанія уничиженія Іисусова и торжества враговъ. Съ безсердечіемъ нравственной низости и пресмыкательства предъ сильными міра, толпа входитъ въ планы, въ самый духъ враговъ Іисуса, воспламеняется ихъ ненавистью къ Нему и повторяетъ до послѣднихъ оттѣнковъ всѣ злобныя нападенія ихъ на Богочеловѣка. За отвѣтъ Іисуса Христа первосвященнику, вопрошавшему Его объ ученикахъ и ученіи (Іоан. XVIII, 19), одинъ изъ слугъ ударяетъ Іисуса въ ланиту, говоря: *такъ-то Ты отвѣчаешь первосвященнику?* (Іоан. XVIII, 22)—ударяетъ за отвѣтъ правдивый, что Онъ говорилъ явно міру, училъ въ синагогахъ, а тайно не говорилъ ничего, и что вмѣсто вопрошенія Его, первосвященнику естественнѣе вопросить предстоящихъ объ ученіи Его (XX, 21). Предъ Пилатомъ злобная толпа неистово, мятежно вопіетъ объ Іисусѣ: *распни Его* (Марк. XV, 13). И когда малодушный Пилатъ, уступивъ преступнымъ настояніямъ жестоковыйнаго народа, пригвождаетъ Его ко кресту,—злоба толпы не утихаетъ и тогда: она мститъ Чудотворцу, будто бы обѣщавшему разрушить и потомъ въ три дня возсоздать храмъ и потомъ обманувшему ея ожиданія, — мститъ глумленіемъ надъ Его чудотворною силою. *Разрушающій храмъ и въ три дня Созидающій!* злословитъ она Христа, — *спаси Себя Самого; если Ты Сынъ Божій, сойди со креста* (Матѳ. XXVII, 40). Такъ, привычка легкомысленно искать зрѣлищъ, знаменій, положимъ, принадлежащихъ и къ области религіозной, вмѣсто того, чтобы искать вразумленія, исправленія и очищенія; невниманіе и неуваженіе къ нравственнымъ требованіямъ, правиламъ и истиннымъ достоинствамъ ближнихъ, и раболѣпное ласкательство предъ правомъ сильнаго — сдѣлали Іудейскій народъ преступнымъ и злобнымъ хулителемъ Богочеловѣка.

Наконецъ, злобными хулителями Іисуса Христа, глумящимися надъ Нимъ во время крестныхъ страданій Его, являются воины-распинатели и распятый съ Нимъ разбойникъ, висѣвшій ошуюю Его. Первыхъ суровыми и жестокими сдѣлали военное ремесло, при жестокомъ образѣ войны въ древности, до крайней степени огрублявшее людей, съ увлеченіемъ предававшихся жестокостямъ; частое обращеніе съ дѣйствительными или мнимыми преступниками и, особенно, совершеніе надъ ними казни, при которомъ воинамъ представлялся полный просторъ для насыщенія, удовлетворенія своихъ кровожадныхъ инстинктовъ. Особенно мнимые или дѣйствительные враги владычества Римскаго возбуждали въ Римскихъ воинахъ свирѣпость и мстительность: горе было тому, кто возсталъ противъ власти, которой они служили. Разбойникъ огрубѣлъ и сдѣлался безчувственнымъ отъ тревогъ и опасностей своей преступной жизни, отъ привычки къ насилію, къ зрѣлищу страданій и смерти жертвъ его преступнаго промысла: глумиться и надъ бѣдствіями и страданіями чужими, и надъ мукáми своими естественно подобнымъ людямъ. Особенно злостный духъ глумленія овладѣваетъ

подобными людьми при зрѣлищѣ страданій людей невинныхъ и высокихъ. Когда человѣкъ невинный и высокій низводится съ своей высоты и вмѣняется съ беззаконниками,—его уничиженіе и страданія даютъ преступникамъ обильную пищу для глумленій надъ мнимымъ ничтожествомъ и безполезностью добродѣтели, надъ неразумѣемъ добробродѣтельныхъ. Не къ одному ли съ порокомъ концу приводитъ человѣка и добродѣтель? разумно ли было обрекать себя на различныя лишенія, стѣсненія для добродѣтели, когда и добродѣтельнаго можетъ постигнуть одинаковая участь съ наслаждавшимся веселою жизнью преступникомъ?—эти мысли часто представляются страждущему преступнику при видѣ невиннаго страдальца и даютъ пищу его глумленію.—Привыкнувшіе къ жестокости воины-распинатели и неразумный, распятый со Христомъ, разбойникъ—злобно хулятъ Голгоескаго Страдальца. Ничто не ускользаетъ отъ злобнаго вниманія воиновъ, рѣшившихся наругаться надъ Страстотерпцемъ. Имъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Страдалецъ называлъ Себя царемъ Іудейскимъ, и—они съ заботливостью и точностью, достойною лучшей цѣли, ругаются надъ Нимъ, какъ надъ царемъ Іудейскимъ, ругательно усвояя Ему всѣ почести царскія. Снявъ съ Него собственныя Его одежды, они облекаютъ Его въ багряницу; сплетши вѣнецъ изъ тернія, возлагаютъ Ему на голову; въ правую руку даютъ Ему трость и, преклоняя предъ Нимъ колѣна, насмѣшливо говорятъ Ему: *здравствуй, царь Іудейскій* (Матѳ. XXVII, 28—29). Страдая отъ страшныхъ мукъ, и тѣлесныхъ и душевныхъ, Онъ громкимъ голосомъ взываетъ къ Отцу Своему: *Или, Или, лама савахвани? то есть: Боже мой! Боже мой! почто Ты Меня оставилъ?* и—безсердечные воины и въ этомъ страдальческомъ воплѣ Іисуса находятъ поводъ къ глумленію надъ Нимъ. «*Илію зоветъ Онъ*»,—съ насмѣшкою говорятъ они, пользуясь созвучіемъ слова.—«*Постой, посмотримъ, придетъ ли Илія спасти Его*»,—говорятъ они воину, который, взявъ губу, наполнилъ ее уксусомъ и, положивъ на трость, поилъ Его (Матѳ. XXVII, 46—50). А разбойникъ? Самъ терпя ужасныя му́ки, онъ не сострадаетъ Страдальцу и, вмѣсто того, чтобы покаяніемъ и размышленіемъ о будущей жизни приготовиться къ ней, злобно хулитъ невиннаго Сострадальца. *Если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ* (Лук. XXIII, 39), говоритъ онъ злословя. Такъ жестокость, неуничтоженная въ воинахъ и разбойникѣ въ самомъ зародышѣ и допущенная ими до дальнѣйшаго развитія, проявилась, наконецъ, въ свирѣпости ужасающей! (Изъ слова на повечеріи въ пятокъ первой седмицы великаго поста, въ первую пассію.)

Семь словъ Спасителя на крестѣ.

Первое слово. *Отче, прости имъ, не вѣдятъ бо что творятъ!* (Лук. XXIII, 34.)

«Распни, распни Его!» кричалъ народъ Іудейскій, слуги и ихъ господа; Пилатъ же и старѣйшины народа, грѣхи всего міра, а между ними и ты и я, пригвоздили ко кресту Господа Іисуса Христа. Они не знали тогда, что̀ дѣлали, когда вѣшали Богочеловѣка на древо проклятія; они не знали, что распинали въ Немъ своего Творца, своего Іегову, Господа славы. Но они могли это знать, и самое ихъ познаніе было грѣхомъ. И теперь многочисленные грѣшники не знаютъ, что̀ они дѣлаютъ, не знаютъ, что они своими грѣхами помогаютъ распинать Христа. Но они могли бы хорошо это знать, теперь еще лучше, чѣмъ тогда, такъ какъ

теперь солнце Евангелія ясно свѣтитъ каждому въ лице. Незнаніе теперь еще большій грѣхъ, чѣмъ тогда. Но Агнецъ Божій молится за всѣ эти грѣхи невѣдѣнія: «Отче, прости имъ, не вѣдятъ бо, что̀ творятъ! Да будетъ пройдено забвеніемъ время ихъ невѣдѣнія!» Къ чему была бы такая молитва о прощеніи грѣховъ невѣдѣнія, если бы они не вмѣнялись? Пусть слѣдовательно никто не извиняется своимъ невѣдѣніемъ и приноситъ покаяніе и въ грѣхахъ невѣдѣнія.—Но, конечно, вѣдомые грѣхи тяжелѣе предъ Богомъ. Если бы мы *совершенно* знали, что̀ мы дѣлаемъ, если бы мы вполнѣ ясно и по внутреннему опыту знали, что Іисусъ есть Господь славы, и что внѣ Его нѣтъ спасенія, и однако все-таки пригвождали Его ко кресту, то Господь не молился бы за насъ, потому что въ такомъ случаѣ мы совершали бы *такіе* грѣхи, которые не могутъ быть прощены ни въ сей жизни, ни въ будущей. — Но смотри, какое величіе любви Іисуса Христа и благодати Божіей! Смотри, особенно ты, вздыхающій о любви! Смотри сюда и ты, обманутый горькими испытаніями, который думаешь, что нѣтъ нигдѣ вѣрности. Смотри также и ты, объятый ужасомъ отъ холодности своего собственнаго сердца! Здѣсь вѣчная, неизмѣнно вѣрная, превосходящая всякій умъ и возвышающаяся надъ всякимъ временемъ любовь, въ которой выздоровѣетъ твое собственное сердце, въ которой можетъ согрѣться сердце всего міра для новой, священной любви, новою, священною любовію. Смотри, у Нея прободены ея святыя руки и ноги и повѣшены на позорномъ деревѣ. Достаточно было бы одного движенія Его воли, и весь міръ былъ бы сокрушенъ и уничтоженъ предъ Его славою, но Онъ молится: «Отче, прости имъ, не вѣдятъ бо, что̀ творятъ!» Онъ думаетъ не о Себѣ, не о Своей скорби, Онъ молится за насъ, грѣхи которыхъ причинили Ему столько ранъ.

Второе слово. *Аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43).

Господь виситъ на крестѣ. По сторонамъ Его два разбойника. Народъ стоитъ вокругъ и смотритъ. Необычайная тишина. Не пробудится ли въ народѣ голосъ совѣсти и состраданія, при взглядѣ на эту окровавленную жертву его ненависти, и не обратится ли ярость его противъ своихъ начальниковъ? Вотъ кто-то изъ толпы громко говоритъ: «другихъ спасалъ, пусть спасетъ Себя Самого, если Онъ Христосъ, избранный Божій»! Народъ раздражается и подзадоривается къ насмѣшкамъ. «Э, кричатъ проходящіе, кивая головами своими,—э, Разрушающій храмъ и въ три дня Созидающій! Спаси Себя Самого и сойди со креста!» Воины вторятъ проходящимъ, а также и разбойникъ, висящій по лѣвую сторону. Неужели никто не заступится за Агнца Божія? На это рѣшается только одинъ, разбойникъ, распятый по правую сторону. Онъ унимаетъ своего товарища, говоря: «или ты не боишься Бога, когда и самъ осужденъ на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ приняли, а Онъ ничего худаго не сдѣлалъ». И обратившись къ Господу, сказалъ: «помяни меня, Господи! когда пріидешь въ Царствіе Твое». И на это мужественное исповѣданіе, на этотъ вопль сердца, дается ему драгоцѣнное и утѣшительное обѣщаніе: «истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю!» Кто говоритъ эти властныя, эти царскія слова? Распятый на крестѣ, Отверженный Своимъ народомъ, весь Окровавленный. И

къ кому относится это обѣщаніе? Къ разбойнику, который обращается къ Сораспятому съ нимъ и взываетъ къ Нему, какъ къ Царю и Избавителю. Ты, злодѣянія котораго довели до этого постыднаго дерева, но который и въ одиннадцатомъ часу обратился съ глубокою скорбію о своихъ грѣхахъ, который исповѣдаешься въ нихъ предъ поруганнымъ Сыномъ Божіимъ и молишь Его о милости; ты, и всѣ подобныя тебѣ души, будете *со Мною*, Царемъ, Которому дана всякая власть на небѣ и на землѣ. Ты, ничтожный червь, терзаемый тѣлесными и душевными муками, будешь близко къ престолу Божію, будешь со Мною *въ раю*. Рай, со времени паденія Адама остававшійся пустымъ и не находившійся на землѣ, долженъ принять тебя, какъ первенца: ты будешь имѣть предпочтеніе предъ Авраамомъ, Давидомъ и всѣми пророками, ты *сегодня* будешь со Мною тамъ, не какъ ты думаешь и просишь, въ концѣ дней, но сегодня, еще до захода солнца, дана будетъ тебѣ награда за твое исповѣданіе, услышана будетъ твоя молитва. Поступай и ты, христіанская душа, подобно благоразумному разбойнику, и получишь отъ Господа то же, что̀ и онъ получилъ.

Третіе слово. *Жено, се сынъ Твой!—Се Мати твоя!* (Іоан. XIX, 26—27).

Гдѣ тѣ гордо отважные люди, которые хотѣли съ Господомъ Іисусомъ Христомъ идти на смерть? Они разбѣжались и попрятались. Но слабыя женщины послѣдними ушли отъ креста и первыми пришли ко гробу. Въ Царствѣ Божіемъ нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго, но новый человѣкъ въ Христѣ Іисусѣ, и сила Господня проявляется въ слабыхъ. Іоаннъ и женщины издали выжидали минуты, когда у креста станетъ немного тише. Насмѣшники и любопытные ушли обѣдать, и вотъ, они подходятъ ко кресту и стоятъ, вперивъ взоры въ Страдальца. Въ эти мгновенія мечь прошелъ душу Пресвятой Дѣвы; она увидѣла въ мукахъ Того, Кого родила Она, Кого любила и въ Кого вѣровала. Покровитель Ея, праведный Іосифъ, уже умеръ, Сынъ Ея на крестѣ,—кто же будетъ утѣшать Ее и помогать Ей? Господь смотритъ на Нее, Онъ видитъ мысли и чувства Ея, и, указывая головою на Іоанна, говоритъ Ей: Жено, се сынъ Твой», и къ Іоанну: «се Мати твоя». *Жено*, говоритъ Господь къ Своей Матери, не для того, чтобы пощадить Ея материнское сердце, не для того, чтобы не подáть повода къ насмѣшкамъ,—въ такомъ случаѣ Онъ не назвалъ бы Ее, какъ не назвалъ Онъ Іоанна,—но чтобы дать понять Ей нѣжнымъ, но яснымъ образомъ, что съ этого времени Ея материнское отношеніе къ Нему и сыновнее Его къ Ней измѣнились; теперь Онъ въ Ея глазахъ сынъ не въ прежнемъ уже значеніи, но Сынъ и Богъ. Родственныя отношенія опредѣлены были Богомъ для этого міра, но у воротъ вѣчности и уже на этой землѣ онѣ должны были стать иныя. Поэтому, и тогда еще, когда Господь проповѣдывалъ и Ему одинъ разъ сказали, что пришла Мать Его и братья, Онъ отвѣчалъ на это: «а кто Моя мать, и кто Мои братья? Тотъ, кто исполняетъ волю Отца Моего Небеснаго, тотъ Мой братъ, сестра и мать».—Этими словами Онъ простился съ Нею на землѣ, показывая, что Онъ *Богъ* Ея, но Своею заботливостію о Ней давая знать, что Онъ и на небѣ не престанетъ быть *Сыномъ* Ея и вмѣстѣ Богомъ.—Іоаннъ съ *этого часа* взялъ Ее къ себѣ въ домъ, и слѣдовательно пощадилъ Ее отъ созерцанія минуты смерти Іисуса Христа. Только уже послѣ полудня,

когда Христосъ предалъ Свой духъ Богу, они возвратились къ кресту. Первыя два слова Свои на крестѣ Господь произнесъ какъ Первосвященникъ и Царь, третье же сказалъ, какъ Сынъ Человѣческій. Въ то время, когда душа Его занята была всецѣло оканчивавшимся дѣломъ искупленія міра, и въ это время мысль объ оставляемой Имъ Матери, заботливая любовь къ Ней не оставляли Его. Чего же поэтому не можетъ теперь выпросить у Него молитва Его Матери, когда мы обращаемся къ Ней съ своими прошеніями о ходатайствѣ за насъ предъ Ея Сыномъ и Богомъ? Спаситель со креста учитъ насъ, какъ мы всегда должны заботиться, даже въ самыхъ тяжелыхъ, лично насъ постигающихъ, бѣдствіяхъ и страданіяхъ, о своихъ близкихъ, не забывать попеченія о своихъ родителяхъ; а, съ другой стороны, примѣромъ Іоанна всѣмъ внушаетъ оказывать помощь, защиту всѣмъ нуждающимся, особенно вдовамъ и сиротамъ.

Четвертое слово. *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ?* (Матѳ. XXVII, 46.)

Господь снова одинъ. Матерь Его и любимый ученикъ ушли отъ креста. Не было кому утѣшить Его. Но Онъ и не желалъ утѣшенія. Насталъ часъ, когда Онъ до дна долженъ былъ осушить чашу страданій. Въ невыразимой скорби и мукахъ виситъ Онъ на крестѣ. Вѣчный Богъ—проклятіе всего міра! По истинѣ, здѣсь необходимо было чудо. Потому что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, не было болѣе ужаснаго грѣха. Все развращеніе человѣчества, полная богоотчужденность и боговраждебность прорвались здѣсь страшнымъ нарывомъ. И знаменіе совершается. «Отъ шестаго часа тьма была по всей землѣ до часа девятаго, и солнце помрачилось». Ангелы не дерзали, человѣчество не хотѣло утѣшить Его и неразумная природа должна была засвидѣтельствовать о мракѣ грѣха, наполнявшаго сердце человѣчества. И около девятаго часа Іисусъ возопилъ громкимъ голосомъ: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ»? Мы не можемъ представить, что въ тѣ три часа происходило въ душѣ нашего Первосвященника; но въ словахъ Его: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ?» мы видимъ, что это была безмѣрная скорбь и печаль. *Боже Мой, Боже Мой!*—въ другихъ же случаяхъ Іисусъ называлъ Его не Богомъ, но Отцемъ. Чувство Богосыновства теперь какъ-бы не существовало у Него; Онъ чувствуетъ Себя только Сыномъ Человѣческимъ. Онъ не чувствуетъ близости любви Божіей, такъ какъ Онъ говоритъ: Боже Мой! Онъ чувствуетъ произведенную нашими грѣхами между Богомъ и Имъ пропасть; Онъ взялъ на Себя эти грѣхи и несетъ какъ Свои собственные; Онъ чувствуетъ *проклятіе* грѣха, но и въ этой глубинѣ уничиженія Онъ не оставляетъ Бога, какъ *Своего* Бога. Будучи Самъ безгрѣшенъ, Іисусъ Христосъ приходилъ въ міръ взять на Себя наказаніе за грѣхи наши, дабы примирить насъ. Къ наказанію же за наши грѣхи принадлежитъ, вмѣстѣ съ тѣлесными муками, особенно чувство Богооставленности, отлученія отъ Бога, и отсюда страхъ вѣчной смерти и осужденія. Поэтому и взываетъ Іисусъ, какъ Агнецъ Божій, взявшій на Себя грѣхи міра, словами XXI-го псалма: «Боже Мой, Боже Мой! зачѣмъ Ты Меня *оставилъ?*» въ доказательство, что эта скорбь относится къ мессіанскому Его служенію.—Если и тебя, христіанинъ, постигаетъ скорбь и горе, если ты чувствуешь всю великость грѣ-

ховъ твоихъ, отдаляющихъ тебя отъ Бога, то не забывай, что и твои грѣхи взялъ на Себя Спаситель твой и не отчаявайся въ своемъ спасеніи, какъ-бы ни казалось оно тебѣ далекимъ по причинѣ грѣхопаденій твоихъ.

Пятое слово. *Жажду!* (Іоан. XIX, 28).

Въ страшной непроглядной тьмѣ, отъ шестаго часа до девятаго, т. е. отъ 12 до 3 по полудни, висѣлъ Господь Іисусъ Христосъ на крестѣ. Около этого часа Онъ возопилъ громкимъ голосомъ: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ»! И тотчасъ послѣ этого сказалъ: «жажду»! Съ предшествующаго вечера, въ который Онъ совершилъ со Своими учениками пасхальную вечерю, ни одной капли тѣлеснаго подкрѣпленія не было на устахъ Его. А что между тѣмъ перенесъ Онъ въ теченіи этихъ протекшихъ восемнадцати часовъ? Душевный подвигъ въ Геѳсиманіи, безсонную ночь, судебный допросъ, бичеваніе, распятіе съ потерею крови, трехчасовое висѣніе на крестѣ подъ палящими лучами солнца и скорбь душевную! Поистинѣ никто не испытывалъ такой жажды, какъ Спаситель. Онъ могъ бы повелѣть ручьямъ, и они утолили бы Его жажду, но Онъ переноситъ мученіе и удаляетъ отъ Себя искушеніе помочь Самому Себѣ, чтобы намъ не томиться вѣчною жаждою.—Но здѣсь было больше, чѣмъ тѣлесная жажда. Душа Его жаждетъ Бога, живаго Бога, жаждетъ того вѣчнаго и блаженнаго единенія съ Своимъ Отцемъ, которое Онъ имѣлъ отъ начала міра и которое отняли у Него на время грѣхи наши. О, если бы мы ощущали жажду вѣчнаго, непрестающаго, блаженнаго единенія съ Богомъ! Если бы и намъ уничтожить въ своей душѣ жажду къ жалкимъ, ничтожнымъ и грѣховнымъ земнымъ предметамъ! Если бы и намъ познать и признать, что только въ Немъ можно найти полное довольство! Господь жаждетъ окончанія Своего дѣла. Знаемъ ли мы, гдѣ оно оканчивается? Оно оканчивается въ нашей душѣ, когда мы всецѣло предаемся Ему, когда въ знакъ нашего единенія съ Нимъ достойно причащаемся пречистаго Тѣла Его и Крови.— Не уксусомъ и виномъ утолится жажда нашего Спасителя, но только нашею душею. Если мы удержимъ ее у себя, то будемъ жесточе того воина, который напоилъ Его. Теперь Онъ насъ жаждетъ, будемъ же бояться того времени, когда мы, подобно богачу Евангельскому, будемъ Его жаждать и когда ни одной капли воды не найдемъ для утоленія своей жажды.

Шестое и седьмое слово. *Совершилось! Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой* (Іоан. XIX, 30 и Лук. XXIII, 46).

Въ теченіи шести часовъ, въ которые Іисусъ Христосъ висѣлъ на крестѣ, Онъ семь разъ открывалъ уста Свои. Около девяти часовъ утра пригвоздили Его ко кресту, около двѣнадцати часовъ была великая тьма, продолжавшаяся до трехъ часовъ по полудни. До двѣнадцати часовъ Господь говорилъ три раза: молился за Своихъ мучителей, обѣщалъ рай покаявшемуся разбойнику и высказалъ Свою послѣднюю волю Апостолу Іоанну касательно Своей Матери. Въ продолженіи трехчасовой тьмы въ душѣ Его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе; страшный подвигъ происходилъ въ душѣ Его, который Онъ перенесъ, не открывая устъ Своихъ, пока въ заключеніе не воскликнулъ: «Боже Мой, Боже Мой»! для чего Ты Меня оставилъ»? Скоро послѣ этого Онъ произнесъ и Свои послѣднія слова: «совершилось! Отче,

въ руки Твои предаю духъ Мой»! И затѣмъ склонилъ голову и скончался. При словѣ: «совершилось»! Господь чувствуетъ близость смерти, приближающійся конецъ Своихъ невыразимыхъ страданій. Это побѣдныя слова. Совершился великій, тяжелый подвигъ страданій, совершилось дѣло послушанія, чрезъ которое Ему предстояло войти въ славу Свою; совершилось предсказанное въ Писаніи словами, событіями и прообразовательными жертвами. Все совершилось. Принесена единая и единственная жертва, невинная жизнь человѣческая за грѣхи міра. Богъ примиренъ. Слышишь, душа? Твои преступленія отплачены, твое примиреніе съ Богомъ совершилось: только вѣруй, надѣйся и люби! и получишь полноту утѣшенія, сокрытаго въ словахъ твоего Господа: «совершилось»! «Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой»! Съ полнымъ сознаніемъ и свободною волею Онъ отдаетъ Свой духъ на разлуку съ Своимъ тѣломъ; смерть не имѣла бы надъ Нимъ никакой власти, если бы Онъ не отдался ей добровольно. Онъ распоряжается Своею душею, какъ имѣющій власть надъ нею и предаетъ ее Своему Отцу, къ Которому Онъ возвращается въ сыновное отношеніе по совершеніи крестной жертвы. Не забывай, душа, что Христосъ всецѣло принадлежитъ намъ. И для насъ, вслѣдствіе примиренія, совершеннаго чрезъ Христа, Богъ снова сталъ Отцемъ; если Іисусъ послѣ искупленія нашей вины назвалъ Его Отцемъ, то этимъ Онъ и для насъ снова пріобрѣлъ усыновленіе; и если Онъ, нашъ Ходатай, предалъ духъ Свой Богу, то этимъ Онъ и нашему духу проложилъ путь къ Богу, чтобъ и мы въ свой послѣдній часъ могли распоряжаться своимъ духомъ и предали его Богу, зная, что небо открыто, и какъ душу Лазаря Ангелы отнесли въ лоно Авраама, такъ и нашу душу отнесутъ къ Господу (Воскр. Чт. 1876 г., т. I, стр. 85—87. 117—118. 132—133. 149. 166).

Божественный примѣръ молитвы за враговъ (Лук. XXIII, 34).

(Иннокентія, архіеп. Херсонскаго).

Послѣ разнообразныхъ страданій Господа Іисуса Христа во дворѣ Каіафы, въ преторіи Пилата и во дворѣ Ирода,—послѣ изнурительнаго шествія подъ крестомъ на Голгоѳу, наконецъ, наступила минута распятія. Древо утверждено на землѣ. Послѣднія одежды совлечены. Распинаемый вознесенъ на крестъ. Руки и ноги простерты. Ужасный млатъ стучитъ. Кровь потоками льется на землю!... Что̀ сказалъ бы въ сію минуту, на семъ мѣстѣ, самый Архангелъ?... Богочеловѣкъ кротко возводитъ очи къ небу и вслухъ всѣхъ молится. О чемъ?—Объ отмщеніи врагамъ? о защищеніи Своего дѣла? о ниспосланіи Себѣ терпѣнія?—Нѣтъ: *Отче,* вѣщаетъ Онъ, *отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34)!—Не вѣдятъ!—Такъ Римскій воинъ-распинатель не зналъ, что̀ дѣлалъ, бывъ только слѣпымъ орудіемъ повелѣній своего прокуратора Пилата; Іудейская чернь не вѣдала, что̀ творила, наущенная льстивыми и вмѣстѣ грозными внушеніями своихъ слѣпыхъ вождей и владыкъ; самъ синедріонъ, при всей безнравственности своей, не зналъ навѣрное, что посягаетъ теперь на жизнь своего истиннаго Мессіи. *Аще бо быша разумѣли,* скажемъ словами Апостола, *не быша Господа славы распяли* (1 Коринѳ. II, 8). Сколько, однакоже, преступленій было въ этомъ невѣдѣніи,—особенно въ тѣхъ, кои такъ легко могли все увѣдать и сто разъ смежали очи, чтобы ничего не видѣть!—И это совершенно забыто

Распинаемымъ! Сколько, при самомъ невѣдѣніи, рѣзкихъ слѣдовъ преднамѣреннаго лукавства и низкой жестокости, кои обличали во врагахъ и гонителяхъ Іисуса личную злобу къ Нему, явное желаніе ожесточить казнь, и безъ того ужасную, обезславить крестъ, самъ по себѣ поносный?—Но и это все пренебрежено Распинаемымъ!—А лютѣйшія болѣзни при пронзеніи рукъ и ногъ!—Не достаточно ли было ихъ однѣхъ, чтобы самое первое чувство въ Распинаемомъ сосредоточить теперь на Немъ Самомъ, на Его собственныхъ страданіяхъ? Но распинаемый Богочеловѣкъ возносится духомъ превыше всего; забываетъ Свой крестъ и Свою смерть и, какъ Первосвященникъ по чину Мелхиседекову, едва возносится на крестъ, какъ возноситъ молитву о врагахъ Своихъ: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ!...* О, кто по сей одной чертѣ не узнаетъ въ Распинаемомъ Агнца Божія, закалаемаго за грѣхи всего міра? А вмѣстѣ съ симъ, кто изъ истинныхъ послѣдователей Его не дастъ обѣта быть кроткимъ ко врагамъ своимъ? Кто ни разу въ жизни не простилъ своему врагу во имя Распятаго Спасителя своего, молившаго на крестѣ о врагахъ, тотъ не христіанинъ!...

О молитвѣ Спасителя за распинателей (Лук. XXIII, 34).

(М. Ястребова.)

Іисусъ же глаголаше: Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ (Лук. XXIII, 34). За кого была произнесена эта молитва? Лица, которыхъ имѣетъ въ виду эта молитва, суть вообще виновники смерти Іисуса Христа. Но виновниками смерти Его были трехъ родовъ, лица: во-первыхъ, Іудеи, настоявшіе на смертномъ приговорѣ, во-вторыхъ, Пилатъ, произнесшій этотъ приговоръ, и, наконецъ, воины, приведшіе его въ исполненіе. Всѣ эти люди виновны не въ равной степени. Воины дѣйствовали по приказанію своихъ начальниковъ, и хотя нельзя оправдывать ихъ за то, что они были орудіями такой безбожной казни, еще менѣе за то, что увеличивали тяжесть этой казни добровольно, во всякомъ случаѣ преступленіе ихъ не можетъ быть сравниваемо ни съ преступленіемъ Іудеевъ, ни съ преступленіемъ Пилата. Что же касается сравнительной виновности Пилата и Іудеевъ, то болѣе виновными должны быть признаны, безъ сомнѣнія, Іудеи: *предавый Мя тебѣ болій грѣхъ имать*, говорилъ Іисусъ Христосъ Пилату (Іоан. XIX, 2). Если теперь можно доказать, что молитва Іисуса Христа имѣла въ виду и Іудеевъ, первыхъ и главныхъ виновниковъ смерти Его, то само собою будетъ доказано, что она имѣла въ виду и воиновъ и Пилата, и что если любовь Спасителя обнимала наиболѣе виновныхъ, то обнимала она, конечно, и менѣе виновныхъ. Что любовь Спасителя обнимала и Іудеевъ, доказательствомъ того служитъ исторія Апостольской проповѣди. Первые, кому Апостолы предлагаютъ плоды искупительной смерти Іисуса Христа, были Іудеи,—первый городъ, въ которомъ они проповѣдуютъ Евангеліе мира, былъ Іерусалимъ. Ясно, что Іудеи были предметомъ любви Спасителя: можно заключить, что были они также предметомъ и Его молитвы.

Но, спрашивается, какимъ образомъ Іисусъ Христосъ могъ молиться за людей, столь окаянныхъ? Такими они, по крайней мѣрѣ, представляются на нашъ человѣческій взглядъ.

Глубочайшее основаніе этой молитвы Христа Спасителя нужно, прежде всего, видѣть въ особенномъ характерѣ Лица Его. Это—молитва не простаго человѣка, даже и не пророка, но Сына Божія,

Ходатая міра,—молитва Того, Кто принялъ на Себя возвышеннѣйшую задачу—быть примирителемъ неба съ землею. Молитва Спасителя была, такъ сказать, частнымъ актомъ добровольно принятаго Имъ на Себя великаго искупительнаго подвига, ради котораго Онъ явился на землю, а по отношенію къ Іудеямъ она представляетъ послѣднюю изъ тѣхъ попытокъ, о которыхъ говорилъ нѣсколько раньше Спаситель: *Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошь птенцы своя подъ крилѣ* (Матѳ. XXIII, 37). И, безъ сомнѣнія, дѣйствію этой молитвы мы должны приписать великое число Іудеевъ, увѣровавшихъ въ Того Самаго Іисуса, Котораго они, по выраженію Евангелія, *прободоша*.

Съ другой стороны, ближайшее основаніе Своей молитвы за распинателей указываетъ Самъ Спаситель въ незнаніи ихъ: *не вѣдятъ бо что творятъ*. Какъ понимать это незнаніе? Не знали Іисуса Христа, Его жизни, дѣлъ и ученія, быть можетъ, воины и Пилатъ, но какимъ образомъ не знали этого Іудеи? Что̀ надобно разумѣть подъ тѣмъ незнаніемъ, о которомъ говоритъ Спаситель въ Своей молитвѣ?

Бываетъ трехъ родовъ незнаніе. Во-первыхъ, незнаніе невольное, темное, такъ сказать—неразрѣшимое, устранить и побѣдить которое человѣкъ не имѣетъ средствъ и возможности. Не такого рода было то незнаніе, о которомъ говоритъ въ Своей молитвѣ Спаситель. Если бы Іудеи считали Іисуса Христа заслуживающимъ смерти въ силу рѣшительной невозможности убѣдиться въ противномъ, если бы въ незнаніи относительно этого предмета совершенно не участвовала ихъ воля, то они не были бы и виновными. *Аще бысте слѣпи были*, говоритъ Спаситель, *не бысте имѣли грѣха: нынѣ же глаголете, яко видимъ: грѣхъ убо вашъ пребываетъ* (Іоан. IX, 41). Во-вторыхъ, незнаніе намѣренное и упорное,—незнаніе человѣка, который, имѣя всѣ средства къ познанію нормы, упрямо и намѣренно закрываетъ предъ нею глаза. Таково было, напримѣръ, незнаніе фарисеевъ относительно происхожденія чудесъ Іисуса Христа. Незнаніе этого рода не только не извиняетъ преступленія, а, напротивъ, увеличиваетъ его и дѣлаетъ непростительнымъ. Отсюда, Іисусъ Христосъ объявляетъ фарисеямъ, приписывавшимъ Его чудеса силѣ веельзевула, что они не получатъ прощенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ (Матѳ. XII, 32). Наконецъ, есть третій родъ незнанія, которое, не будучи ни всецѣло слѣпымъ, ни всецѣло намѣреннымъ, приближается однако къ тому и другому. Напримѣръ, язычникъ можетъ знать, что душа безсмертна, но чтобы дойти до этого познанія, ему необходимо употребить множество усилій мысли, разрѣшить множество побочныхъ вопросовъ, освободиться отъ множества предразсудковъ. Этотъ продолжительный путь изслѣдованія утомляетъ его,—онъ отказывается отъ него и, такимъ образомъ, остается при незнаніи, что душа безсмертна. Незнаніе его ни всецѣло слѣпое, такъ какъ, употребивъ надлежащія усилія мысли, онъ могъ бы побѣдить и устранить его, ни всецѣло намѣренное, такъ какъ онъ пытается разрѣшить его. Подобно тому и Іудеи могли и имѣли средства убѣдиться въ той истинѣ, что Іисусъ Христосъ есть Мессія, и что искать и домогаться смерти Его было величайшимъ злодѣйствомъ. Но предразсудки, которымъ они были преданы, отсутствіе блеска во внѣшнемъ положеніи Спасителя, прикровенность пророчествъ о Немъ, проклятія, произносимыя противъ

тѣхъ, которые становились на Его сторону,—все это были такія, отдѣлявшія Іудеевъ отъ истины, преграды, устранить которыя они могли только путемъ глубокаго и внимательнаго изслѣдованія. Притомъ многія чудеса Іисусъ Христосъ совершалъ тайно и запрещалъ до времени объявлять о нихъ. Наконецъ, не было еще тогда тѣхъ доказательствъ Его Божественнаго посланничества, которыя мы видимъ въ Его воскресеніи, въ вознесеніи на небо, въ сошествіи на Апостоловъ Святаго Духа, въ разрушеніи Іудейской націи въ распространеніи Евангелія среди язычниковъ. Такимъ образомъ, незнаніе Іудеевъ, о которомъ говоритъ Спаситель въ Своей за нихъ молитвѣ къ Отцу, было ни чисто намѣреннымъ, ни всецѣло ненамѣреннымъ. Тутъ была доля и намѣреннаго лукавства, и темнаго невѣдѣнія. «Намѣренно увеличивали жестокость казни и безъ того жестокой; намѣренно увеличивали безславіе креста, и безъ того позорнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не понимали, Кого вели на крестъ. Самые члены синедріона, книжники и фарисеи, ослѣпленные ненавистью, не понимали, Кого распинали. *Аще бо быша разумѣли*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *не быша Господа славы распяли* (1 Коринѳ. XI, 9). *Начальника жизни убисте*, говоритъ Апостолъ Петръ въ своей второй проповѣди Іудеямъ, *и нынѣ, братіе, вѣмъ, яко по невѣдѣнію сіе сотвористе, якоже и князи ваши* (Дѣян. III, 17)».

И, однакожъ, мы ошиблись бы, если бы незнаніе, о которомъ говоритъ Спаситель въ Своей молитвѣ за распинателей, приняли въ значеніи незнанія невиннаго, или извинительнаго. Грѣхъ, о прощеніи котораго молилъ Отца страждущій Спаситель, былъ страшно великъ. «И если въ основаніе Своей молитвы о прощеніи распинателей Спаситель поставляетъ ихъ незнаніе, это самое показываетъ, что для полученія имъ прощенія необходимо было сознаніе грѣховности дѣянія, совершеннаго во мракѣ невѣдѣнія. Апостолъ Петръ говоритъ тѣмъ, которые по невѣдѣнію убили Начальника жизни: *покайтеся, да очистится отъ грѣхъ вашихъ*. И онъ же въ другой проповѣди Іудеямъ, на ихъ вопросъ, что имъ дѣлать, отвѣчалъ: *покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа, во оставленіе грѣховъ* (Дѣян. II, 38)».

Такимъ образомъ, молитва Спасителя испрашивала милости всѣмъ Іудеямъ, но плодами ея могли воспользоваться только тѣ, которые дѣлались достойными ихъ путемъ раскаянія и обращенія ко Христу, подобно тому, какъ смерть Спасителя сдѣлала возможнымъ спасеніе каждаго человѣка, но дѣйствительно спасается лишь тотъ, кто становится достойнымъ спасенія, вступая чрезъ крещеніе въ число чадъ Христовой Церкви и пользуясь ея благодатными средствами, яже къ животу и благочестію (Воскр. Чт. 1882 г., стр. 103—106).

Попеченіе Іисуса Христа на крестѣ о Своей Матери и образъ Ея жизни (Іоан. XIX, 26—27).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Іисусъ же видѣвъ Матерь и ученика стояща, егоже любляше, глагола Матери Своей: Жено, се сынъ Твой. Потомъ глагола ученику: се Мати твоя. И отъ того часа поятъ Ю ученикъ во своя си (Іоан. XIX, 26—27). Евангеліе повѣствуетъ, что Спаситель нашъ, видѣвъ на крестѣ Своемъ Свою Матерь и возлюбленнаго ученика Своего Іоанна, *глагола Матери Своей: Жено, се сынъ Твой. Потомъ же глагола ученику: се Мати твоя*. Въ сихъ изрѣченіяхъ видимъ любовь Божественнаго Сына къ земной Матери, которую Онъ хощетъ

не просто утѣшить въ лишеніи Сына, но какъ-бы возвратить Ей Себя въ другомъ лицѣ, и, чтобы почтить Ея дѣвство и вмѣстѣ вознаградить дѣвство Своего ученика, избираетъ дѣвственника Іоанна въ нареченнаго сына Приснодѣвы. Но мы не догадались бы, что̀ въ особенности заключается въ оныхъ изрѣченіяхъ Господнихъ, если бы возлюбленный ученикъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ понимавшій сердце и мысль своего Учителя, не изъяснилъ оныхъ исполненіемъ. Какимъ исполненіемъ?—*Отъ того часа поятъ Ю ученикъ во своя си.* Изъ сего открывается, что усыновленіе Іоанна Пресвятой Дѣвѣ призывало его, между прочимъ, къ тому, чтобы обезпечить Ее жилищемъ и потребностями жизни временной, и что, слѣдственно, собственнаго въ семъ обезпеченія Она не имѣла. Должно думать, что Ея любовь и вѣра къ Божественному Сыну побуждала Ее быть всегда, сколько можно, близко къ Нему въ Его непрерывномъ странствованіи по градамъ, весямъ и пустынямъ: и потому, какъ Онъ *чуждъ* былъ *братіи* Своей, такъ и Она; какъ Онъ *не имѣлъ, гдѣ главы подклонити*, такъ и Она.

Такъ Пресвятая Дѣва, шествуя во внутренней жизни путемъ вѣры и совершенной преданности въ волю Божію, въ жизни внѣшней шла путемъ отрѣшенія отъ земныхъ привязанностей, отъ земныхъ благъ и удовольствій, путемъ простоты, нестяжательности, добровольныхъ лишеній, приносимыхъ въ жертву вѣрѣ и Богу.

Поятъ Ю ученикъ во своя си. Матерь Царя Небеснаго не въ чертогахъ, не въ великолѣпіи, не среди множества служащихъ и ждущихъ мановенія; Она пѣшествуетъ по стогнѣ, въ сопровожденіи одного рыбаря, чтобы обитать въ маломъ, и то чужомъ, домѣ, безъ славы, безъ блеска, въ тишинѣ, въ простотѣ, чтобы пользоваться только такимъ успокоеніемъ и служеніемъ, какое можетъ быть Ей принесено благоговѣйнымъ усердіемъ бѣднаго и одинокаго рыбаря.

Взирай на сіе, и учись не высоко цѣнить богатство, не алкать удовольствій, не гоняться за славою, не прельщаться блескомъ, любить простоту и тихую посредственность, не презирать нищеты, когда встрѣчаешь ее у другихъ, не страшиться ея, если она тебя посѣтить хочетъ, не стыдиться ее, если она уже поселилась съ тобою (Изъ слова въ день Успенія Божіей Матери, т. I, стр. 206).

Вопросъ и отвѣтъ къ словамъ Іисуса Христа: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. XXVII. 46).

Вопросъ. Есть ли возможность узнать истинное значеніе словъ Іисуса Христа, произнесенныхъ со креста: *Боже Мой, Боже Мой! вскую Мя еси оставилъ?* Ежели Божество хотя на мигъ оставляло Іисуса, то было время, когда Онъ былъ не Богочеловѣкъ, а просто человѣкъ (что̀ богохульно); если же не оставляло, то напрасны тѣ слова, произнесенныя Іисусомъ, сущей Истиной (что̀ нелѣпо. Середины, однако, не видно). Лица, писавшія объ этомъ предметѣ, едва касались предмета; слѣдовательно онъ не важенъ и не точно извѣстенъ. Преосвященный Иннокентій въ своемъ сочиненіи: «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа»,—не рѣшился сказать объ этомъ ничего болѣе, какъ только: «Богочеловѣкъ испилъ полную чашу страданій и былъ оставленъ Отцемъ, чтобы намъ не быть оставленными Богомъ». Святый Левъ, папа Римскій, говоритъ, что Іисусъ Христосъ не могъ быть оставленъ Тѣмъ, отъ Кого не отдѣлимъ, и что Онъ спрашивалъ за насъ немощныхъ, а не за Себя. Подобно ду-

маетъ и святый Нилъ, подвижникъ Синайскій. Но въ Евангеліи нѣтъ этого, чтобъ Спаситель обратилъ тѣ слова къ Богу Отцу не отъ Себя и не за Себя, а отъ насъ и за насъ человѣковъ; нѣтъ того и въ преданіяхъ Апостольскихъ и въ ученіи вселенской Церкви: слѣдовательно мысль эта произвольна, составляетъ частное мнѣніе только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, и потому не есть непремѣнно истина; между тѣмъ слова: «вскую Мя еси оставилъ?»— стоятъ въ Евангеліи.

Отвѣтъ. Для объясненія словъ: *Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ?* (Матѳ. XXVII, 46,) надобно обратить вниманіе на то, что Іисусъ Христосъ, будучи Богомъ, былъ въ то же время и человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ человѣкъ, Онъ имѣлъ нужду, для совершенія высокихъ подвиговъ, въ сверхъестественной помощи Божіей. Поэтому, хотя Онъ Самъ былъ Лице Божеское, но вступленію Его въ общественное служеніе предшествовало обильное изліяніе на Него Святаго Духа отъ Бога Отца при крещеніи. И какъ личное соединеніе въ Іисусѣ Христѣ естества Божескаго съ человѣческимъ нисколько не увеличилось вслѣдствіе ниспосланія на Него Святаго Духа при крещеніи; такъ оно не могло и уменьшиться, или прекратиться въ томъ случаѣ, если сверхъестественная помощь Божія человѣческому естеству Іисуса Христа была уменьшена, или совершенно прекращена. Такое уменьшеніе или, можетъ быть, совершенное прекращеніе сверхъестественной помощи Божіей потерпѣлъ Искупитель нашъ въ послѣднія минуты Своихъ страданій, что и высказано Имъ въ словахъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ?* Такимъ образомъ, истинное значеніе сихъ словъ нисколько не благопріятствуетъ мнѣнію, будто личное соединеніе въ Іисусѣ Христѣ естества Божескаго съ человѣческимъ когда либо прекращалось (Душеп. Чт. 1864 г. янв. Изв. и замѣт., ст. 1—2).

Свидѣтельства языческихъ писателей о тьмѣ, бывшей во время страданій Спасителя (Матѳ. XXVII, 45).

Кромѣ Евангельскаго повѣствованія о чудесной тьмѣ, покрывшей внезапно землю во время крестныхъ страданій Сына Божія, древность сохранила нѣсколько свидѣтельствъ о томъ же частью языческихъ писателей, частью такихъ, которые, хотя впослѣдствіи обратились въ христіанство, но во время самаго событія вовсе не видали Іисуса Христа. Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежитъ святый Діонисій Ареопагитъ. Въ письмѣ къ святому Поликарпу, отвѣчая на упреки прежняго друга своего Аполлофана, укорявшаго его за то, что для опроверженія язычества онъ употребляетъ свидѣтельства самихъ же язычниковъ, онъ пишетъ между прочимъ: «самъ Аполлофанъ долженъ бы вспомнить то, что происходило, когда мы были вмѣстѣ съ нимъ въ Египтѣ. Оба мы, находясь близъ города Иліополя, увидѣли вдругъ, что луна потекла на соединеніе съ солнцемъ, хотя это не было время соединенія, и что отъ этого произошло затмѣніе послѣдняго. Потомъ около девятаго часа дня (по нашему счету около 3-хъ часовъ полудня) мы опять увидѣли, что она оставила занятое ею мѣсто внизу солнца и потекла на сторону діаметрально противоположную. Напомни ему, прошу тебя, объ этомъ. Самъ Аполлофанъ—осмѣлится ли онъ уличать меня во лжи, меня, который былъ и смотрѣлъ вмѣстѣ съ нимъ на это зрѣлище и изумлялся ему? Наконецъ, во время самаго затмѣнія, не онъ ли, какъ-бы внѣ себя и какъ будто угадывая, что происходитъ, восклик-

нулъ, обращаясь ко мнѣ: Діонисій! Эти измѣненія (въ природѣ) отъ руки Божіей!»

Извѣстно, что и Діонисій съ своей стороны воскликнулъ: «или Творецъ природы страждетъ, или машина міра разрушается»! Предположеніе Діонисія, тогда еще язычника, о страданіи Бога не должно удивлять насъ потому, что ему, какъ ученому Аѳинянину, извѣстны были сочиненія Платона, описывавшаго страданія Бога, если Онъ когда либо явится среди людей,—что̀ философъ предполагалъ и нужнымъ, и возможнымъ.

Въ другомъ письмѣ, писанномъ къ самому Аполлофану, уже по обращеніи его къ христіанству, святый Діонисій говоритъ: «я хочу напомнить тебѣ то̀, что̀ произошло, когда мы были вмѣстѣ съ тобою у Иліополя въ Египтѣ. Мнѣ было тогда около 25 лѣтъ, думаю, что и тебѣ—тоже. Въ пятницу около 6 часовъ, или около полудня, мы увидѣли вдругъ, что луна потекла къ низу солнца, и отъ этого произошло затмѣніе, исполнившее насъ обоихъ ужасомъ.

Въ то время я спросилъ тебя: что̀ думаешь ты объ этомъ необыкновенномъ явленіи, и слова твои никогда не изгладятся изъ моей памяти. Ты отвѣчалъ мнѣ: Діонисій, эти измѣненія отъ руки Божіей! Я тщательно замѣтилъ годъ и число этого явленія, и сообразивъ мои замѣтки съ тѣмъ, что̀ мнѣ открылъ впослѣдствіи (св.) Павелъ, я обратился къ истинѣ, къ которой и ты теперь, благодаря Бога, принадлежишь».

Къ симъ свидѣтельствамъ прибавимъ еще свидѣтельство Флегона, отпущенника императора Адріана. Онъ былъ язычникъ и написалъ исторію олимпіадъ въ 16 книгахъ,—отъ начала ихъ до 140 года по Рождествѣ Христовѣ. Между прочимъ, онъ говоритъ, что 4 годъ 202 олимпіады, оканчивавшейся около половины 33 года нашей эры (годъ, въ который пострадалъ Спаситель), произошло страшное и невиданное дотолѣ затмѣніе солнца. Мракъ былъ такъ великъ, что даже въ полдень можно было видѣть звѣзды на небѣ. Тогда жъ, продолжаетъ тотъ же писатель, случилось сильное трясеніе земли, разрушившее въ Виѳиніи бо́льшую часть города Никеи. Ѳаллосъ, Греческій историкъ, повторяетъ свидѣтельство Флегона о необыкновенномъ солнечномъ затмѣніи. Неизвѣстно въ точности время, въ которое жилъ онъ; но такъ какъ святый Іустинъ и Тертулліанъ приводили изъ него въ апологіяхъ своихъ свидѣтельства противъ язычниковъ, то надобно думать, что онъ былъ, по крайней мѣрѣ, современникъ Флегона, если еще не старше его. На сихъ-то двухъ языческихъ писателей Тертулліанъ и святый мученикъ Лукіанъ, пресвитеръ Антіохійскій, указывали язычникамъ, какъ на постороннихъ свидѣтелей того чудеснаго мрака, который простерся надъ землею во время крестныхъ страданій Спасителя.

Такъ Голгоѳскій Страдалецъ и въ уничиженіи крестномъ *не несвидѣтельствована Себе остави* (Дѣян. XIV, 17) не только предъ Іудеями, *ищущими знаменія,* но и предъ любомудрыми Еллинами, и при первомъ, такъ сказать, шагѣ Его на крестъ, уже начали приходить въ исполненіе слова Его: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. XII, 32). (Воскр. Чт., г. XVIII, стр. 518—519.)

О прободеніи ребра Іисуса Христа (Іоан. XIX, 32—37).

(Филарета, архіеп. Черниговскаго.)

Пріидоша же воини, и первому убо пребиша голени и другому распятому съ Нимъ, на Іисуса же пришедше, яко видѣша Его уже умерша, не пребиша Ему голени: но единъ отъ воинъ копіемъ

ребра Ему прободе, и абіе изыде кровь и вода (32—34).

По повѣствованію Іоанна видно, что воины—исполнители новыхъ повелѣній синедріона—были не тѣ, что распинали и берегли тѣло Іисуса. Тѣ хорошо видѣли, какъ умеръ Іисусъ; особенно же полное вниманіе ихъ на Него обращено было страшными знаменіями (Матѳ. XXVII, 54). А эти только тогда, какъ обратились къ Іисусу Христу для исполненія надъ Нимъ приказаній синедріона, увидѣли, что Онъ уже умеръ. Что жъ учинили сіи воины съ Іисусомъ? Когда недостатокъ движенія и дыханія, висящая глава, померкшія очи показали воинамъ, что душа уже оставила тѣло Іисусово, то они не хотѣли мучить бездыханное тѣло. Только одинъ воинъ, не желая оставить ни для себя, ни для синедріона сомнѣнія въ смерти Іисуса, ударилъ Іисуса копьемъ въ ребро, и въ слѣдъ за тѣмъ изъ раны истекла кровь и вода. Для объясненія жестокости удара нѣтъ нужды настаивать на то, что ударъ былъ нанесенъ въ лѣвый бокъ или, что то же, въ сердце или вблизи сердца; нѣтъ нужды тѣмъ болѣе, что, по древнему преданію, ударъ былъ нанесенъ въ правый бокъ. А орудіе и сила удара сами собою показываютъ, что ударъ былъ смертельный. Глубина и ширина раны видны изъ словъ Апостола Ѳомы: въ язвы рукъ и ногъ Спасителя онъ хотѣлъ вложить только перстъ,—а въ рану ребръ надѣялся вложить свою руку (Іоан. XX, 25, 27). При такомъ ударѣ, при такой широкой и глубокой ранѣ, не замѣчая движенія въ тѣлѣ, каждый врагъ увѣрился бы, что въ тѣлѣ уже нѣтъ жизни. Кровь и вода, истекшія изъ ребра Іисусова, не оставляли, наконецъ, никакого сомнѣнія и для врача, что Іисусъ уже умеръ. Изъ тѣла, давно остывшаго, не потечетъ кровь. Разложеніе крови не въ каждомъ умершемъ начинается въ одинаковое время; но ни въ комъ не бываетъ раньше четверти часа послѣ смерти. Итакъ кровь и вода, истекшія изъ прободеннаго ребра Іисусова, сами собою свидѣтельствовали, что Іисусъ умеръ, по крайней мѣрѣ, за четверть часа до удара, извлекшаго кровь и воду. Для насъ это соображеніе вполнѣ оправдывается повѣствованіемъ Евангелистовъ объ обстоятельствахъ погребенія Спасителя. По закону Моисея, тѣло, повѣшенное на древѣ, не могло быть погребено позже заката солнца, и слѣдовательно позже 6 часовъ по полудни (Второзак. XXI, 23). Примите же во вниманіе, что Іосифу и потомъ сотнику надобно было употребить для обратнаго путешествія между преторіею Пилата и Галгоѳою около 2 часовъ; около часа надобно было употребить на погребеніе. Іисусъ умеръ въ началѣ 9 Іудейскаго часа, по нашему счету въ первой половинѣ 4-го часа Затѣмъ ясно, что ударъ воина послѣдовалъ не позже получаса послѣ смерти Іисусовой, когда кровь и вода—свидѣтели смерти—могли истечь изъ прободеннаго ребра Іисусова.

И видѣвый свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его: и той вѣсть яко истину, глаголетъ, да вы вѣру имете (35). Святый Іоаннъ счелъ нужнымъ выставить себя очевиднымъ свидѣтелемъ прободенію ребра Іисусова и истеченію крови и воды. Онъ останавливаетъ вниманіе читателей на этомъ событіи, какъ на событіи важномъ. Почему это такъ? Свидѣтельство святаго Іоанна имѣетъ связь съ двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, въ его же Евангельскомъ повѣствованіи видимъ мы, что Ѳома не хотѣлъ иначе вѣрить воскресенію Спасителя, какъ если онъ самъ вложитъ руку свою въ прободенныя ребра Іисуса. Ѳома считалъ вложеніе руки въ ребра несомнѣннымъ удостовѣреніемъ

въ томъ, что являющійся по смерти дѣйствительно не есть призракъ, а воскресшій изъ мертвыхъ Іисусъ Христосъ. Если же въ исторіи воскресенія весьма важнымъ обстоятельствомъ было прободенное ребро Іисусово, то и въ исторіи страданій Спасителя святый Іоаннъ не могъ не обратить вниманія на то, какъ и при комъ совершилось прободеніе ребра въ тѣлѣ Спасителя, тѣмъ болѣе, что онъ одинъ разсказывалъ объ этомъ прободеніи. Прободенное ребро несомнѣнный знакъ, что Іисусъ умеръ, также какъ явленіе Іисуса съ прободеннымъ ребромъ—доказательство тому, что онъ воскресъ. Съ другой стороны, въ посланіи своемъ святый Іоаннъ пишетъ: *всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть* (1 Іоан. IV, 3), и потомъ въ оправданіе сей мысли говоритъ: *Сей есть пришедый водою и кровію и духомъ, Іисусъ Христосъ, не водою точію, но и кровію* (1 Іоан. V, 6), т. е. указываетъ на то самое событіе Голгоѳское, о которомъ говоритъ онъ въ Евангеліи. Значитъ, по мыслямъ святаго Іоанна, истеченіе крови и воды изъ прободеннаго бока Спасителева служитъ доказательствомъ тому, что Іисусъ Христосъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ былъ и есть истинный Сынъ Божій, вѣчное Слово Отца, былъ и есть истинный человѣкъ. Въ такомъ духѣ писалъ и ученикъ святаго Іоанна святый Игнатій Богоносецъ: «Онъ истинно потерпѣлъ гоненіе при Понтіѣ Пилатѣ, истинно распятъ и умеръ. Если же нѣкоторые безбожники, т. е. невѣры говорятъ, что Онъ пострадалъ по видимости, то сами они живутъ только по видимости.

Быша бо сія, да сбудется Писаніе: кость не сокрушится отъ Него, и паки другое Писаніе глаголетъ: воззрятъ Нань, Егоже прободоша (36—37). Тогда какъ синедріонъ употреблялъ всѣ усилія унизить и обезчестить Іисуса, по распоряженію неба дѣла синедріона обращались только къ славѣ Іисуса. Синедріонъ желалъ пребитіемъ ногъ Спасителя увеличить страданія Его и еще позорнѣе представить смерть Его, какъ смерть отверженнаго небомъ преступника. А исполненіе этого замысла кончилось тѣмъ, что еще два предсказанія о Мессіи исполнились надъ Іисусомъ.

Первое предсказаніе относилось къ пасхальному агнцу. По закону Моисея (Исход. XII. 10), пасхальный агнецъ надлежало печь цѣлымъ и не ломать ни одной кости его. Это постановленіе было само по себѣ непонятно: ни въ праздникѣ, ни въ агнцѣ, ни въ случаѣ, по которому установленъ пасхальный праздникъ, нельзя было указать причины сему установленію. Потому это установленіе само собою показывало, что причина его скрывалась въ особенномъ совѣтѣ Божіемъ о судьбахъ человѣчества, или, что тоже, агнецъ пасхальный былъ образомъ другаго—небеснаго Агнца. Святый Іоаннъ Креститель уже называлъ Іисуса Христа Агнцемъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхи міра (Іоан. I, 29). И вотъ исполняется надъ Іисусомъ то, что было прообразовано пасхальнымъ агнцемъ: кости Его не сокрушаются. Это исполненіе тѣмъ болѣе поразительно, что совершается въ тотъ самый вечеръ, когда по закону вкушали пасхальный агнецъ.

Второе предсказаніе взято изъ пророческаго видѣнія Захаріи. Пророкъ говоритъ: «излію духъ благодати и щедротъ на домъ Давида и на жителей Іерусалима, и воззрятъ на Меня, Котораго пронзили. И будутъ плакать о Немъ, какъ плачутъ о Единородномъ» (XII, 10). Сказавъ потомъ (11—14), что будутъ плакать колѣна и семейства, пророкъ говоритъ: «въ тотъ день

будетъ открытъ источникъ дому Давидову и живущимъ во Іерусалимѣ для омовенія грѣховъ и скверны» (XIII, 1). Затѣмъ (XIII, 2—6) описываетъ истребленіе идоловъ и ложныхъ прорицаній; и все это предсказаніе говоритъ Іегова (XII, 1). Таково пророчество пророка! И преданіе Іудейское видѣло въ этомъ пророчествѣ пророчество о Мессіи (Талмудъ Іерусалимскій). Слова: «излію духъ благодати» не могъ произносить отъ лица своего ни пророкъ, ни кто либо другой изъ обыкновенныхъ сыновъ человѣческихъ. Открыть источникъ для омовенія грѣха и истребить всякое суевѣріе могъ также только Мессія. Наконецъ, тотъ, кто называется здѣсь пронзеннымъ, есть вмѣстѣ Іегова. Святый Іоаннъ въ апокалипсическомъ видѣніи своемъ указываетъ въ пророчествѣ Захарія Христа Іисуса (Апокалипс. I, 7). Такимъ образомъ синедріонъ противъ собственныхъ намѣреній пронзилъ Своего Мессію. По распоряженію высшему это допущено было съ тѣмъ, чтобы во исполненіе пророчества, способные изъ сыновъ Израиля къ пріятію духа благодати, при возрѣніи на Прободеннаго, оплакали грѣхъ распятія Мессіи, въ духѣ благодатнаго раскаянія (Дѣян. III, 19), а ожесточенные безплодно оплакивали тотъ же грѣхъ цѣлую вѣчность. (Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа, Филарета Харьковскаго, стр. 209—214.)

Къ вопросу о непребитіи голеній распятому Господу (Іоан. XIX, 31—34).

Въ Евангеліи отъ Іоанна (XIX, 31—34) къ разсказу о распятіи, смерти и погребеніи Господа, общему у него съ другими Евангелистами, присоединено повѣствованіе о томъ, что, по просьбѣ Іудеевъ, воины перебили голени разбойникамъ, распятымъ на крестѣ съ Іисусомъ, дабы не оставить тѣлъ на крестѣ въ субботу; Іисусу же не перебили голеней, такъ какъ увидѣли Его умершимъ, но одинъ изъ воиновъ копіемъ пронзилъ Ему бокъ. Почему воинъ копьемъ пронзилъ ребра Господа—это понятно: онъ хотѣлъ доподлинно узнать, дѣйствительно ли не было признаковъ жизни въ Іисусѣ, чтобы не было никакого сомнѣнія въ дѣйствительности смерти Его, и чтобы въ этомъ доподлинномъ дознаніи имѣть на случай предъ начальствомъ оправданіе того, что они (воины) не перебили голеней Іисусу. Понятна и забота Іудеевъ о томъ, чтобы поскорѣе умертвить повѣшенныхъ на крестѣ, снять ихъ и погребсти: законъ Моусеевъ (Второзак. XXI, 22—23) не дозволялъ тѣла казненныхъ чрезъ повѣшеніе оставлять на деревѣ на ночь, а предписывалъ погребать ихъ въ тотъ же день; въ данномъ случаѣ эта забота ихъ была тѣмъ естественнѣе, что на другой день была суббота праздника Пасхи—величайшаго праздника Евреевъ. Но нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ Евангельскій разсказъ о самомъ способѣ насильственнаго ускоренія смерти повѣшенныхъ на крестѣ. Въ объясненіе этого способа говорятъ, что хотя у Евреевъ не видно слѣдовъ этого жестокаго обычая перебивать голени распятымъ, но такъ какъ сами Евреи не имѣли права ускорять смерть казненныхъ, какъ и наказывать смертью, то и просили они Пилата (намѣстника Римскаго правительства), чтобы перебиты были голени распятыхъ, какъ въ обычаѣ было у жестокихъ Римлянъ. Этотъ жестокій обычай перебитія голеней употреблялся у Римлянъ, какъ жестокое наказаніе и особо (см. Толк. Ев. арх. Михаила, III, стр. 589). Но вотъ въ чемъ вопросъ: почему именно этотъ, а не какой либо другой способъ

былъ въ широкомъ употребленіи у Римлянъ? И почему перебитіе голеней, какъ средство для ускоренія смерти, не приложено было къ Іисусу?

Евангелистъ говоритъ, что Іисусъ уже умеръ. Но по его же сказанію одинъ изъ воиновъ счелъ нужнымъ для окончательнаго удостовѣренія въ смерти Господа копьемъ пронзить Ему бокъ; стало быть, относительно этой смерти оставалось какое либо сомнѣніе. Мало сказать, что въ данномъ случаѣ воинъ дѣйствовалъ изъ состраданія къ распятому Іисусу, Который, вѣроятно, самымъ видомъ Своимъ, кроткимъ и изможденнымъ, не въ примѣръ сораспятыхъ съ Нимъ, невольно возбуждалъ жалость въ Себѣ; потому что и употребленное въ замѣнъ перебитія голеней пронзаніе копьемъ въ бокъ далеко не гуманное средство къ тому, чтобы доподлинно дознать, живъ, или не живъ повѣшенный. И если бы и послѣ этого дознанія Господь какимъ либо невольнымъ вздрагиваніемъ обнаружилъ въ Себѣ признаки жизни, то едва ли бы можно было ожидать, что жестокое средство перебитія голеней не было бы приложено къ Нему. Да и самое перебитіе голеней, при всей жестокости этого дѣйствія, едва ли можно представлять самымъ вѣрнымъ средствомъ, именно ускорить смерть повѣшеннаго. Поэтому думается намъ, что мотивомъ, по которому вошло въ законное и обычное употребленіе у Римлянъ жестокое наказаніе перебитіемъ голеней осужденному, было нѣчто другое, а не простое соображеніе о скорѣйшей смерти преступника. Не по тому же ли соображенію практиковалось это средство, по какому и у насъ еще ворамъ конокрадамъ отбиваютъ пятки, или наколачиваютъ въ нихъ гвозди, чтобы воры съ отбитыми пятками не могли уже бѣгать? У Римлянъ было къ тому же иногда въ обычаѣ не пригвождать ко кресту, а вѣшать на крестъ осужденнаго, привязывая его ко кресту веревками по рукамъ и ногамъ; а при такомъ способѣ крестной казни возможна была еще мысль о побѣгѣ, особенно для сильныхъ и здоровыхъ натуръ, каковыми были иногда гладіаторы, атлеты и т. п. Понятно, во избѣжаніе побѣга, нужно было стеречь повѣшеннаго, что̀ должно было быть, конечно, дѣломъ воиновъ, и дѣломъ, нужно согласиться, не особенно пріятнымъ. Чтобы избавиться отъ этого непріятнаго дѣла съ одной стороны, а съ другой не подпасть обвиненію въ нерадѣніи, и придумано, быть можетъ, было такое средство, какъ перебитіе голеней повѣшеннаго. Отъ этого перебитія голеней ускорялась и самая смерть повѣшеннаго на крестѣ; но это было уже естественнымъ слѣдствіемъ, а не цѣлью перебитія голеней, практиковавшагося для прекращенія всякой возможности къ побѣгу. Понятнымъ теперь становится и то, почему одинъ изъ воиновъ, производившихъ казнь надъ Господомъ и двумя разбойниками, повѣшенными съ Нимъ, для доподлиннаго удостовѣренія въ дѣйствительности смерти Господа употребилъ не перебитіе голеней, которое къ тому же такъ бы гармонировало съ общимъ враждебнымъ настроеніемъ народа къ Іисусу, а именно пронзаніе копьемъ ребръ Его. Самый видъ Господа, измученнаго и обезсиленнаго предыдущими распятію страданіями Его, долженъ былъ подсказать воину, что относительно Этого Человѣка не можетъ быть мысли о побѣгѣ, и онъ копьемъ пронзилъ Ему бокъ.

Святый Іоаннъ, разсказавъ о разбираемомъ событіи, замѣчаетъ: ибо сіе произошло, да сбудется Писаніе: *кость Его да не сокрушится*. Въ объясненіе

этого замѣчанія Евангелиста, епископъ Михаилъ говоритъ, что если неперебитіе голеней предуказано было еще въ Ветхомъ Завѣтѣ и исполнилось теперь на Іисусѣ Христѣ, то этимъ ясно показывается между прочимъ то, что Онъ есть истинный Мессія. Мѣсто Писанія, приведенное здѣсь, взято изъ книги Исходъ (XII, 46). По закону пасхальному, у агнца пасхальнаго не должны быть сокрушаемы кости, а все, оставшееся отъ снѣденія его, должно быть предано огню. Іоаннъ указываетъ причину сего, непонятную въ отношеніи къ агнцу пасхальному самому по себѣ, въ томъ, что онъ прообразовалъ истиннаго пасхальнаго агнца Христа, у Котораго не должны быть сокрушены кости въ пречистомъ тѣлѣ Его. Въ прообразѣ было такъ напередъ ради истины, т. е. ради того, что такъ должно было быть въ событіи, прообразованномъ имъ. Почему же въ самомъ этомъ событіи дѣло это должно было случиться такъ, а не иначе? Если самъ Евангелистъ и замѣчаніемъ о несомнѣнной подлинности своего разсказа о немъ, съ присовокупленіемъ словъ, что онъ для того и разсказалъ, чтобы читатели вѣровали въ него (35), и ссылкой на исполнившееся на Немъ ветхозавѣтное пророчество (36) даетъ намъ знать, что это событіе важное, достойное особеннаго вниманія, то естественно ожидать, что въ событіи этомъ есть какой либо внутренній смыслъ, объясняющій намъ не только его фактическую естественность, а и его логическую законность и необходимость, по которой оно и должно было быть именно такимъ, а не инымъ.

Указанныя нами соображенія о цѣли, съ какою обычно перебивали голени повѣшенному, даютъ собою нить къ открытію этого смысла. Цѣль эта—прекратить для повѣшеннаго на крестѣ всякую возможность къ побѣгу; такъ, чтобы у него не могло остаться и мысли не только о побѣгѣ, а и о томъ, что если онъ виситъ—терпитъ наказаніе, то переноситъ его не добровольно и сознательно, а по неволѣ, по необходимости. Между тѣмъ мысль о вольномъ шествіи Господа на страданія и сознательномъ перенесеніи Имъ этихъ страданій до конца—главная мысль въ догматѣ объ искупительномъ значеніи этихъ страданій. *Се иду*, сказалъ Онъ въ предвѣчномъ Совѣтѣ, *и не отвержеся*. Вся жизнь Его была именно вольнымъ шествіемъ на эти страданія, и Онъ пострадалъ чрезъ три съ половиною года послѣ выступленія на служеніе роду человѣческому не потому, что такъ сложились внѣшнія обстоятельства; ибо и прежде не разъ и народъ самъ хотѣлъ, и начальники посылали служителей, чтобы схватить Его; но не могли, потому что не пришелъ часъ Его. Даже тогда, когда насталъ этотъ часъ, Онъ веденъ былъ сначала на допросъ, а потомъ и на казнь не потому, что не могъ сопротивляться, а потому, что Самъ того хотѣлъ. Воины взяли Іисуса не насильно, а когда Онъ Самъ спросилъ ихъ: кого ищете, и Самъ предалъ Себя имъ. Самъ несъ крестъ Свой, чтобы показать, что Онъ добровольно страждетъ. Для этого же Онъ не хотѣлъ пить и опта съ желчью, чтобы показать міру, что страданія Его вольныя и сознательныя. Не для этого ли въ Предвѣчномъ Совѣтѣ положено было и умереть Ему прежде, чѣмъ воинъ подошелъ для перебитія голеней, чтобы тѣ, которые въ своихъ невѣрующихъ насмѣшкахъ говорили Ему: «сойди со креста, и мы увѣруемъ, что Ты Сынъ Божій», и подобные тѣмъ, ни тогда,—ни послѣ когда либо не посмѣли сказать, что Онъ потому и не сошелъ съ креста, что не могъ, что у Него перебиты были голени? Не для того ли и

было сіе, чтобы ясно было для всѣхъ и не сомнительно, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ испилъ чашу Своихъ страданій до дна добровольно и сознательно—по любви къ людямъ, чтобы поэтому мы смѣло могли надѣяться на искупительное значеніе этихъ страданій, чтобы мы вѣровали въ Него, какъ Спасителя Своего, чтобы на Немъ исполнилось слово Предвѣчнаго Совѣта; въ прообразовательномъ событіи пасхальнаго агнца, лишь открытое намъ, что Онъ добровольно страдалъ за насъ, что въ Своихъ страданіяхъ Онъ не сопротивлялся до того, чтобы въ неравной борьбѣ съ мучителями сокрушились кости Его, что Онъ не противился злу и отъ того нога Его не повредилась, какъ у Іакова? И пусть не говорятъ намъ, что уступилъ же Онъ насилію, когда вознесенъ былъ на крестъ; Онъ вознесенъ былъ свободный; свободно Онъ отказался и отъ оцта и желчи. Но Онъ не долженъ былъ свободно отказаться отъ перебитія голеней, чтобы не уличили Его въ малодушіи; съ другой же стороны, не долженъ былъ имѣть на тѣлѣ Своемъ ясные слѣды разрушенія отъ перебитія голеней. Нужно было, чтобы ясно было для всѣхъ, что Онъ цѣлъ и невредимъ остался въ Своей человѣческой природѣ, и въ смерти Своей, бывшей нетлѣнною (Чт. въ Общ. люб. д. п. 1884 г., кн. VI. Мел. ст., зам. и изв., стр. 332—337).

Символическое значеніе крови и воды, истекшихъ изъ проводенныхъ ребръ Спасителя (изъ канона св. Андрея Критскаго.

(*Прот. Нечаева.*)

Да будетъ ми купѣль кровь изъ ребръ Твоихъ, вкупѣ и питіе, источившее воду оставленія, да обоюду очищаюся, помазуюся и пія, яко помазаніе и питіе, Слове, животочныя Твоя словеса. (Кровь изъ бока Твоего, Слово, да будетъ мнѣ купелью, и истекшая вода—питіемъ отрады, дабы мнѣ тѣмъ и другимъ очищаться, употребляя вмѣсто масти и питія животворныя слова Твои.)

Кровь Христа, истекшая изъ ребръ Его, есть купель въ томъ смыслѣ, что сею кровію, по вѣрѣ въ ея искупительную силу, омываются грѣхи въ таинствѣ крещенія, потомъ въ таинствѣ покаянія.

Вода, вмѣстѣ съ кровію истекшая изъ ребръ Распятаго, знаменуетъ, въ разсматриваемомъ стихѣ, животворныя словеса Христовы,—т. е. ученіе Христа о спасеніи. Это ученіе поистинѣ животворно: какъ вода утоляетъ жажду, такъ и ученіе Христово есть питіе отрады, ибо вноситъ въ душу миръ и успокоеніе, возвѣщая о спасеніи грѣшнику, томящемуся жаждою спасенія, но не находящему въ себѣ самомъ средствъ къ утоленію этой жажды. Это же ученіе имѣетъ свойство также елея, возливаемаго на раны и умягчающаго боль отъ нихъ. Грѣхъ—это язва для души. Душа, уязвляемая грѣхомъ, испытываетъ не менѣе острую боль, какъ и отъ тѣлесныхъ ранъ. Эта боль есть естественное послѣдствіе пустоты душевной, сопутствующей грѣху, жгучей жажды новыхъ грѣховныхъ ощущеній для ея наполненія, всегда безплодныхъ и потому мучительныхъ, особенно же тревогъ совѣсти, по временамъ пробуждающейся и въ закоренѣлыхъ грѣшникахъ. Животворныя слова Христовы заключаютъ въ себѣ благодатную силу, достаточную для обличенія душевной боли и для умягченія ея. Слово *миръ*, изрекаемое кающемуся грѣшнику устами священнослужителя въ таинствѣ исповѣди, отъ лица Самого Христа, не есть праздное слово, праздное выраженіе добраго желанія, подобное житейскимъ выраженіямъ благожелательства,—а проводникъ дѣйствительнаго духовнаго мира и радости

въкающуюся душу,—по обѣтованію Христову: «*миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ* (Іоан. XIV, 27). Поистинѣ миръ Христовъ есть елей, умягчающій боль отъ душевныхъ язвъ; поистинѣ слово этого мира есть животворное слово (Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія въ Великомъ канонѣ святаго Андрея Критскаго. Душеп. Чт. 1881 г., ч. III, стр. 344—346).

Чудесныя знаменія, послѣдовавшія за смертію Господа нашего Іисуса Христа (Матѳ. XXVII, 51—53).

(*Архимандрита Никодима.*)

Знаменія и чудеса, прославившія земную жизнь Богочеловѣка, не кончились съ Его жизнію. Когда Начальникъ жизни нашей (Дѣян. III, 15), Господь Іисусъ Христосъ, пригвожденный ко кресту, испустилъ духъ,—послѣдовалъ цѣлый рядъ необычайныхъ, поразительныхъ знаменій. *И се, завѣса церковная раздрася на двое съ вышняго края до нижняго: и земля потрясеся, и каменіе распадеся: и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа: и исшедше изъ гробъ, по воскресеніи Его, внидоша во святый градъ и явишася многимъ* (Матѳ. XXVII, 51—53).

Господь никогда безъ особеннаго намѣренія и благодѣтельныхъ цѣлей не являетъ Своей чудодѣйственной силы. И Голгоѳскія знаменія, безъ сомнѣнія, имѣютъ особенное глубокое значеніе. Чудодѣйствующая десница Божія чрезъ нихъ благоволила показать величіе и могущество Распятаго на крестѣ, величіе и силу тѣхъ благъ, какія дарованы людямъ Его смертію. Самъ Господь Іисусъ предсказалъ о сихъ знаменіяхъ и предварительно указалъ ихъ значеніе и цѣль. Онъ говорилъ однажды Іудеямъ: *егда вознесете Сына Человѣческаго,* то есть, когда распнете Меня,—*тогда познаете, яко Азъ есмь* (Іоан. VIII, 28), то есть, тогда узнаете, что Я истинный Сынъ Божій, узнаете Мою силу и власть.

Въ часъ смерти Іисуса Христа завѣса раздралась на двое, сверху до низу, во храмѣ Іерусалимскомъ. Это была та завѣса, которою святое святыхъ отдѣлялось отъ святилища (Исход. XXVI, 33. 2 Паралипом. III, 14). Въ храмѣ Іерусалимскомъ кромѣ *двора,* въ которомъ стоялъ народъ во время богослуженія, были двѣ главныя части: святилище и святая святыхъ *). Важнѣйшею частью храма было *святая святыхъ.* Здѣсь находился ковчегъ завѣта, самая главная святыня Іудейскаго храма. Онъ былъ сдѣланъ изъ драгоцѣннаго дерева внѣ и внутри окованъ самымъ чистымъ золотомъ. На верху его былъ золотый покровъ, названный *очистилищемъ,* по обѣимъ сторонамъ котораго стояли два изображенія херувимовъ. Въ ковчегѣ хранились скрижали закона, золотой сосудъ съ манною и жезлъ Ааронов. Очистилище было престоломъ, съ котораго Богъ принималъ поклоненіе и давалъ слышать гласъ Свой и открывалъ волю Свою. Сдѣланная изъ богатой ткани и украшенная шитьемъ завѣса (Исход. XX, 31—32) отдѣляла сію часть храма отъ святилища. Въ святилище ежедневно входили священники совершать богослуженіе (Евр. IX, 6). Но во святая святыхъ входилъ одинъ только первосвященникъ, одинъ разъ въ годъ, съ кровью жертвеннаго животнаго, для очи-

*) Въ святилищѣ находились: золотой столъ съ двѣнадцатью прѣсными хлѣбами, которые назывались *хлѣбами предложенія,* золотый седмисвѣщникъ и золотый кадильный алтарь, на которомъ каждодневно утромъ и вечеромъ священники возжигали благовонный ѳиміамъ (кадило).

щенія грѣховъ своихъ и грѣховъ народа. Это было въ одинъ изъ великихъ праздниковъ Іудейскихъ, въ день *очищенія*. Нѣтъ сомнѣнія, что скинія Моусеева, будучи сотворена по образу, показанному Моусею Богомъ на горѣ (Исход. XXV, 40), а слѣдовательно и храмъ Іерусалимскій, созданный по образу скиніи, изображали собою предметы высшіе, духовные, небесные. Важнѣйшая часть скиніи и храма *святая святыхъ*, это мѣсто обитанія Божія на землѣ, по изъясненію Апостола Павла, изображала собою *небо*, гдѣ является славное присутствіе Божіе. Христосъ, говоритъ Апостолъ, не въ рукотворенное вошелъ святилище, но въ самое небо (Евр. IX, 24). — Соотвѣтственно таинственному значенію важнѣйшей части храма, и завѣса, закрывавшая входъ въ нее, имѣла таинственное же знаменованіе. По объясненію Апостола (Евр. IX, 8), эта завѣса таинственно изображала то, что путь въ истинное святое небо тогда возбраненъ былъ людямъ. Созданный для неба, для жизни съ Богомъ, человѣкъ, за нарушеніе Божественной заповѣди, лишенъ былъ того близкаго общенія съ Богомъ, при которомъ для него прежде возможно было непосредственное бесѣдованіе съ Нимъ; заградилъ себѣ доступъ къ Богу и самъ по себѣ не могъ возстановить расторженнаго союза. Вотъ почему во время законодательства Синайскаго, гдѣ Господь явилъ Свое особенное присутствіе, Онъ запретилъ Евреямъ подъ страхомъ смерти подходить къ горѣ ближе опредѣленной черты. Этимъ Онъ показалъ, что люди, не имѣя святости, требуемой Богомъ и достойной Его, недостойны были и близкаго доступа къ Богу, такъ что, дабы хотя издали стоять предъ Нимъ, они должны были совершить предварительно, двудневное очищеніе. Но вотъ явился Господь Іисусъ Христосъ, Котораго изображеніемъ, по изъясненію Апостола, былъ ветхозавѣтный первосвященникъ, однажды въ годъ входившій съ кровью во святая святыхъ. Когда Господь Іисусъ, какъ истинный первосвященникъ, скажемъ словами Апостола Павла: «не съ кровію козловъ и тельцовъ, но съ Своею пречистою кровію вошелъ единожды во святилище, не въ рукотворенное святилище, которымъ изображается истинное, но въ самое небо, и явился предъ лицемъ Божіимъ», какъ Ходатай за насъ для уничтоженія грѣховъ нашихъ (Евр. IX, 12, 24); тогда Онъ снова отверзъ людямъ небо, опять даровалъ намъ доступъ къ Богу. И о семъ-то великомъ благодѣяніи, дарованномъ человѣчеству смертію Сына Божія, чудодѣйствующая десница Божія проповѣдуетъ людямъ раздраніемъ церковной завѣсы. Посему Апостолъ Павелъ писалъ къ вѣрующимъ, что они имѣютъ свободу входить во святилище, за завѣсу, куда Предтеча Іисусъ вошелъ за насъ (Евр. VI, 20; X, 19—20). За Христомъ, Предтечею о насъ, мы можемъ теперь приступать *къ Сіонстѣй горѣ и ко граду Бога живаго— Іерусалиму небесному и тмамъ Ангеловъ, торжеству и церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ Ходатаю завѣта новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. XII, 22—25).

Раздраніе церковной завѣсы означало вмѣстѣ и то, что со смертію Іисуса Христа Ветхій Завѣтъ кончился и жертвы ветхозавѣтныя отмѣнены. По ученію Апостола Павла, все ветхозавѣтное устройство имѣло временное назначеніе, установлено было только до времени лучшаго распоряженія (Евр. IX, 10). Дары и жертвы ветхозавѣтныя не могли сдѣлать совершенными приносящихъ (Евр. X, 1); не могли вполнѣ успокоить

совѣсти (Евр. IX, 9), не могли истребить грѣховъ ихъ (Евр. X, 11), ибо невозможно, чтобы кровь воловъ и козловъ уничтожала грѣхи (Евр. X, 4). Напротивъ того, сими жертвами каждогодно дѣлалось только напоминаніе грѣховъ (Евр. X, 3). Посему, когда Христосъ въ концѣ вѣковъ явился съ жертвою Своею для уничтоженія грѣха (Евр. IX, 26), когда Онъ единожды вошелъ во святилище съ Своею кровію, очищающею совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ (Евр. IX, 12, 14), когда единократнымъ приношеніемъ тѣла Іисусъ Христова, вѣрующіе въ Него освящены (Евр. X, 10) и содѣланы совершенными (Евр. X, 14); тогда Ветхій Завѣтъ и всѣ жертвы ветхозавѣтныя стали не нужны. Ибо гдѣ прощеніе грѣховъ, тамъ не нужно уже приношеніе за нихъ (Евр. X, 18). Послѣ жертвы Іисусъ Христа, живой и духовной, кровь козловъ и тельцовъ потеряла свое значеніе, Завѣтъ Ветхій отмѣненъ, и въ знаменіе сего раздирается церковная завѣса ветхозавѣтнаго храма.

Вмѣстѣ съ раздраніемъ церковной завѣсы въ часъ смерти Христа Спасителя послѣдовало землетрясеніе и распаденіе камней. Евангелисты не говорятъ того, что землетрясеніе ограничилось одною Палестиною. А по свидѣтельствамъ языческимъ видно, что оно было замѣчено и въ другихъ мѣстахъ. Флегонтъ, язычникъ втораго вѣка, пишетъ, что на 4-мъ году 202 Олимпіады (т. е. въ годъ страданія и смерти Христа Господа) было сильное землетрясеніе въ Виѳиніи и разрушило бо́льшую часть Никеи. Другой языческій писатель, приводимый Евсевіемъ, говоритъ о томъ же годѣ, что тогда землетрясеніе колебало Виѳинію, и бо́льшая часть Никеи пала. Святый Кириллъ Іерусалимскій, спустя три вѣка послѣ смерти Спасителя, въ слухъ христіанъ Іерусалимскихъ говорилъ, что на скалахъ, окружающихъ Іерусалимъ, сохранились еще слѣды разрушенія, совершившагося во время смерти Господа Іисуса. Святый мученикъ Лукіанъ въ рѣчи своей предъ Никомидійскимъ префектомъ говорилъ о Христѣ: «Онъ умеръ для того только, чтобы воскресеніемъ побѣдить смерть. Тò, что́ говорю вамъ, совершилось не въ темномъ мѣстѣ и не остается безъ свидѣтелей. Если еще не вѣрите, приведу вамъ въ свидѣтели то самое мѣсто, гдѣ совершилось событіе. Согласно съ этимъ самое мѣсто въ Іерусалимѣ и Голгоѳская скала, разсторгшаяся подъ тяжестью креста».

Сіи знаменія, то есть землетрясеніе и распаденіе камней, были гласомъ природы, которая, *не терпя видѣти распинаема* своего Творца и Владыку, изъявляла свое состраданіе къ Распятому и негодованіе на распинателей. Припомнимъ здѣсь тò, что́ говорилъ Іисусъ Христосъ фарисеямъ во время торжественнаго входа Своего въ Іерусалимъ. Тогда народъ, бывшій неоднократно свидѣтелемъ чудесъ Христовыхъ, подстилалъ Ему свои одежды по дорогѣ и восклицалъ: *благословенъ грядый Царь во имя Господне: миръ на небеси и слава въ вышнихъ*. Фарисеи, слыша сіе, предложили Господу запретить сіе народу, но Онъ отвѣчалъ: глаголю вамъ, *яко аще сіи умолчатъ, каменіе возопіютъ* (Лук. XIX, 40). Слова сіи подтвердились тѣмъ, что было во время смерти Іисуса Христа. Когда въ Распятомъ на крестѣ Іудеи не хотѣли видѣть своего Мессію, когда и самые ученики Его въ ужасѣ разбѣжались; тогда потрясшаяся земля и распавшіеся камни въ обличеніе первыхъ и утѣшеніе послѣднихъ, вѣщали, что Распятый есть Богъ всея твари.

Свидѣтельствуя о Божественномъ достоинствѣ Распятаго, знаменія сіи служили также знакомъ того, что послѣ

смерти Господа на землѣ должно произойти великое потрясеніе и переворотъ въ человѣчествѣ, великое нравственное обновленіе живущихъ на землѣ. Человѣчество въ нравственномъ отношеніи было тогда ничто иное, какъ поле, исполненное сухихъ костей, въ которыя надлежало ввести духъ животенъ, которымъ надлежало дать жилы и плоть, чтобы онѣ ожили (Іезек. XXXVII); людямъ надлежало выдти изъ того нравственнаго растлѣнія, въ какомъ находились они. И сей-то переворотъ произведенъ смертію Спасителя. Немного проходитъ времени послѣ смерти Господа и на землѣ уже не то, что было прежде. Ученики Распятаго съ Евангельскою проповѣдью обтекаютъ землю. Мракъ многобожія и идолопоклонства видимо исчезаетъ. Люди, сѣдящіе во тьмѣ и сѣни смертной, усматриваютъ свѣтъ велій, отъ ложныхъ боговъ обращаются къ Богу живому, Который сотворилъ небо и землю, море и все, что въ нихъ (Дѣян. XIV, 15), и научаются почитать Его. Они познаютъ добро и научаются быть добродѣтельными. И о семъ-то великомъ измѣненіи человѣчества и обновленіи его смертію Іисуса Христа чудодѣйствующій Богъ возвѣщаетъ людямъ чрезъ потрясеніе земли во время Его смерти. Такъ еще издали вдохновенный пророкъ Аггей будущее просвѣщеніе и измѣненіе людей Евангельскою проповѣдью представляетъ подъ образомъ потрясенія всѣхъ языковъ. *Сице глаголетъ Господь Вседержитель,* вѣщаетъ онъ, *еще единою Азъ потрясу небомъ и землею и моремъ и сушею, и сотрясу вся языки, и пріидутъ избранная всѣхъ языковъ* (Аггей II, 7—8). Такъ же пророкъ Іезекіиль, подъ образомъ оживленія сухихъ костей, представивъ будущее нравственное обновленіе человѣчества благодатію Евангелія, говоритъ: *се трусъ, и совокупляхуся кости, кость къ кости, каяжда къ составу своему, и быша имъ жилы и плоть растяще* (Іезек. XXXVII).

Въ частности распаденіе камней служило указаніемъ на сокрушеніе окаменѣвшихъ сердецъ человѣческихъ, измѣненіе ихъ свойствъ и расположеній благодатію Христовою. Господь устами пророка Іезекіиля такъ возвѣщаетъ о семъ людямъ: *и дамъ вамъ сердце ново и духъ новъ дамъ и отъиму сердце каменное отъ плоти вашея и дамъ вамъ сердце плотяно: и духъ Мой дамъ въ васъ. И сотворю, да въ заповѣдехъ Моихъ ходите, и суды Моя сохраните и сотворите я* (Іезек. XXXVI, 26—27). И дѣйствительно, съ принятіемъ вѣры въ Распятаго, люди получаютъ сіе новое сердце и новый духъ. Они пріемлютъ благодать Божію, которая смягчаетъ ихъ каменныя сердца и преклоняетъ къ добродѣтели.

Послѣ потрясенія земли и распаденія камней, за смертію Господа Іисуса послѣдовало знаменіе болѣе другихъ поразительное—отверзтіе гробовъ и воскресеніе многихъ усопшихъ святыхъ, которые, вышедши изъ гробовъ, по воскресеніи Господа, явились многимъ во Іерусалимѣ. Думаютъ, что воскресли тѣ святые, которые ожидали пришествія Мессіи Господа, въ которыхъ это ожиданіе было дѣйствующимъ началомъ всей жизни; возстали, впрочемъ, не всѣ изъ этихъ святыхъ, но только тѣ, которые могли быть узнаны почему либо, которые извѣстны были при жизни, или, какъ говоритъ святый Епифаній, могли быть узнаваемы своими, какъ умершіе за нѣсколько времени предъ тѣмъ. Посему со всею вѣроятностью полагаютъ въ числѣ воскресшихъ Сумеона Богопріимца и Анну пророчицу, Захарію и Елисавету. Есть преданіе о воскресеніи и явленіи двухъ сыновей Богопріимца Сумеона.

Знаменіе сіе имѣетъ прямое отношеніе къ смерти Іисуса Христа, служа очевиднымъ изображеніемъ ея силы и величія. Оно засвидѣтельствовало, что Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ Своею смертію попралъ смерть, *упразднивъ имущаго державу смерти, сирѣчь діавола*, избавилъ находящихся въ его власти и извелъ ихъ изъ ада для вѣчной жизни на небесахъ.

Знаменіе сіе служитъ также залогомъ нашего будущаго воскресенія. И послѣ того какъ Своею смертію Іисусъ Христосъ сокрушилъ царство смерти, люди умираютъ, какъ умирали прежде. Но мы твердо вѣруемъ, что нѣкогда труба Архангела воззоветъ всѣхъ людей изъ гробовъ ихъ, *да пріимутъ кійждо*, въ день страшнаго суда Божія, *яже съ тѣломъ содѣла или блага или зла* (2 Коринѳ. V, 10). Іисусъ Христосъ, побѣдивъ смерть, силою Своею воскресилъ многа тѣлеса усопшихъ святыхъ; Онъ же воскреситъ и всѣхъ насъ. *Якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ* (1 Коринѳ. XV, 22).

Святаго Григорія Двоеслова о воскресеніи усопшихъ, послѣдовавшемъ за смертію Іисуса Христа (Матѳ. XXVII, 53).

И многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа (Матѳ. XXVII, 53). Имѣемъ уже надежду воскресенія нашего, взирая на славу Главы нашего Господа Іисуса Христа. Но, чтобы кто-нибудь и нѣсколько не усумнился даже въ мысляхъ своихъ и не подумалъ, что Христосъ потому воскресъ, что былъ вмѣстѣ Богъ и человѣкъ (какъ Богъ, Онъ побѣдилъ смерть, которую подъялъ, какъ человѣкъ); а мы, какъ обыкновенные люди, не можемъ освободиться отъ осужденія смерти; для сего, во время воскресенія Своего, Онъ воскресилъ тѣлеса многихъ святыхъ, чтобы въ Своемъ воскресеніи показать образъ, а воскресеніемъ другихъ, подобныхъ намъ человѣковъ, утвердить надежду нашего воскресенія. Теперь, если бы человѣкъ не надѣялся воспріять то, что явилъ въ Себѣ Богочеловѣкъ; то долженъ увѣриться, что несомнѣнно произойдетъ то же и съ нимъ, что совершилось въ другихъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, были такіе же люди. Есть, впрочемъ, и теперь такіе маловѣры, которые, видя, какъ духъ разрѣшается отъ плоти, какъ плоть предается тлѣнію, какъ тлѣніемъ превращается въ прахъ, какъ прахъ до того измельчается и разрѣшается на свои начала, что становится непримѣтнымъ для глаза,—сомнѣваются въ возможности воскресенія; и когда видятъ голыя и сухія кости,—не вѣрятъ, чтобы онѣ опять облеклись плотію и ожили для жизни. Но если не хотятъ вѣровать воскресенію изъ повиновенія Слову Божію,—должны повѣрить хотя собственному разуму. Ибо что являетъ намъ ежедневно міръ, какъ не образъ нашего воскресенія? Мы видимъ каждодневно, что временный сей свѣтъ какъ-бы умираетъ, когда наступаетъ ночь, и какъ-бы воскресаетъ опять, когда разсѣевается ночной мракъ. Видимъ также, какъ въ извѣстное время года деревья сбрасываютъ съ себя свой зеленый покровъ, остаются голы и безплодны; и вотъ, при наступленіи весны, какъ-бы при наступленіи дня воскресенія, на голыхъ вѣтвяхъ развертываются листы, выростаютъ цвѣты и плоды и ожившее древо является во всей красотѣ своей. Непрестанно видимъ, какъ изъ малыхъ древесныхъ сѣмянъ, ввѣренныхъ землѣ, выростаютъ большія древа, украшенныя листами и плодами. Разсмотри же малое сѣмя, которое ввергается въ землю и изъ котораго выростаетъ потомъ какое либо древо; и изъясни, если можешь, гдѣ въ такомъ

маломъ сѣмени сокрывалось выросшее изъ него столько огромное древо, гдѣ корень, гдѣ древесина, гдѣ кора, гдѣ зелень листовъ, гдѣ красота и вкусъ плодовъ? Было ли видно что либо похожее въ сѣмени, когда бросали его въ землю? И однакожъ, по чудному устроенію Зиждителя всяческихъ, и въ мягкости сѣмени скрывалась жесткость коры, и въ нѣжности его—крѣпость древесины, въ сухости—обиліе плодоношенія. Что жъ удивительнаго, если мельчайшій прахъ, когда восхощетъ, образуетъ въ человѣка Тотъ, Кто изъ малѣйшихъ сѣмянъ произращаетъ величайшія древа? Будучи созданы разумными, мы должны бы были чрезъ разсмотрѣніе окружающихъ насъ тварей увѣряться въ собственномъ воскресеніи и безсмертіи; но поелику разумъ нашъ притупѣлъ и помрачился, то является въ помощь благодать Искупителя. Приходитъ къ намъ Самъ Творецъ, подъемлетъ смерть, являетъ воскресеніе, чтобы мы, не могшіе убѣдиться разумомъ въ истинѣ воскресенія, убѣдились Его примѣромъ. Но для вразумленія нашего невѣжества, для укрѣпленія нашей немощи, Господь нашъ благоволилъ явить намъ примѣръ воскресенія не только Своего, но и многихъ. Ибо одинъ Онъ умеръ на крестѣ, но не одинъ воскресъ, а *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа.* Теперь отъяты всѣ предлоги невѣрія. Дабы не сказалъ кто: «не можетъ ожидать себѣ человѣкъ того, что̀ явилъ во плоти Своей Богъ», вотъ съ Богочеловѣкомъ воскресаютъ тѣ, о коихъ не можемъ сомнѣваться, что они были подобные намъ человѣки. И такъ, если мы члены нашего Искупителя, то можемъ ожидать того же, что̀ совершилось въ Главѣ; должны, по крайней мѣрѣ, ожидать того же, что̀ совершилось въ другихъ, бывшихъ прежде насъ, членахъ (Воскр. Чт., г. VIII, стр. 9—10).

О томъ же, Иннокентія, архіеп. Херсонскаго (Матѳ. XXVII, 53).

И изшедше изъ гробъ (святые), *по воскресеніи Его, внидоша во святый градъ, и явишася многимъ* (Матѳ. XXVII, 53). Кто воскресшіе?—Святые, отвѣтствуетъ Евангелистъ, а какіе именно, не сказываетъ. Почему не сказываетъ? Между прочимъ, конечно, и потому, что имена ихъ не могли придать ничего къ ихъ воскресенію. Воскресъ тотъ или другой праведникъ,—все равно: сила не въ имени воскресшаго, а въ воскресеніи, въ чудѣ. Если, впрочемъ, судить по приличію, коего не чуждаются и чудеса; то всего ближе было воскреснуть тѣмъ, кои преимущественно соединены были по плоти съ воскресшимъ Господомъ, какъ Авраамъ, Давидъ; или яснѣе другихъ предсказали Его смерть и воскресеніе, какъ Исаія, Іезекіиль, Даніилъ; или явственнѣе предъизобразили сіи событія своею жизнью, какъ Іовъ и Іона. Если судить по нуждѣ—быть скорѣе узнанными отъ тѣхъ, кому воскресшіе являлись по воскресеніи; то, кажется, надлежало воскреснуть не давно почившимъ, каковы были Іоаннъ Креститель, Сумеонъ, Анна, Іосифъ и проч. А можетъ быть, всѣ сіи соображенія, какъ низшаго порядка, не имѣли въ семъ случаѣ силы, а воздѣйствовало одно высшее соображеніе:—воскресли тѣ, въ коихъ, по внутреннему ихъ человѣку, наиболѣе отразилась сила смерти и воскресенія Господа, то-есть, праведники совершеннѣйшіе; хотя къ числу ихъ могли принадлежать и тѣ, коимъ приличествовало воскреснуть по другимъ отношеніямъ, нами указаннымъ.—Какъ-бы то ни было, только сонмъ воскресшихъ былъ не малъ: *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа!* — Торжественная свита такого Побѣдителя и Царя, каковъ Сынъ

Божій, не могла быть скудна и малочисленна.

Но моя мысль при семъ невольно останавливается на одномъ выраженіи Евангелиста о воскресеніи святыхъ: *тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа*, говоритъ онъ. Почему не говоритъ: святые востали, или воскресли; а *тѣлеса ихъ восташа и изыдоша изъ гробовъ?* какъ-бы сіи тѣлеса уже давно лежали въ гробахъ готовыя къ возстанію и исшествію!—Такія выраженія весьма прилично можно бы употребить о воскресеніи тѣлесъ угодниковъ Божіихъ, нетлѣнно въ нашемъ градѣ почивающихъ. Но мы нисколько не видимъ изъ исторіи Церкви Ветхозавѣтной, чтобы въ ней были какія либо нетлѣнныя тѣлеса усопшихъ святыхъ. Откуда же взялись въ Іерусалимѣ тѣлеса, кои, по свидѣтельству Евангелиста, *восташа и изыдоша изъ гробовъ* въ часъ смерти Господа? Можно отвѣчать различно; а мнѣ кажется это знакомъ, что въ гробахъ усопшихъ уже находятся таинственнымъ образомъ начатки тѣхъ нетлѣнныхъ тѣлесъ, въ кои имѣютъ облещися души въ послѣдній день; подобно какъ въ продолженіи зимы уже находятся въ сѣменахъ, посѣянныхъ осенью, тѣлеса будущихъ лѣтнихъ растеній; такъ что, если бы какимъ либо чудомъ возсіяло среди зимы лѣтнее солнце, то они вышли бы изъ своихъ гробницъ и явились взору всѣхъ.

Когда именно *восташа тѣлеса усопшихъ святыхъ* и когда *внидоша во святый градъ, и явишася многимъ?*—востали тотчасъ по смерти Господа на крестѣ. Ибо когда *Іисусъ, возопивъ гласомъ великимъ, испусти духъ;* и когда вслѣдствіе сего—завѣса церковная раздрася, земля потрясеся, каменіе распадеся;—въ то же время, по свидѣтельству Евангелиста, *и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа.* Но исшествіе изъ гробовъ, вшествіе во святый градъ и явленіе многимъ, по указанію Евангелиста, послѣдовало не вдругъ по смерти Господа, а послѣ,—по Его преславномъ воскресеніи. Здѣсь опять не безъ тайны. Смерть Господа представляется какъ-бы великимъ ударомъ громовымъ, который раздался по сему міру, привелъ въ сотрясеніе всю землю, сокрушилъ твердыни адовы и пробудилъ почивавшія въ сердцѣ земли тѣлеса святыхъ;—и вотъ, они возстали, разрѣшились отъ узъ смерти; но всю полноту обновленной жизни воспріяли не прежде, какъ по воскресеніи и отъ воскресенія Господа, *да будетъ Онъ*, по выраженію Апостола, *во всемъ первенствуя.*

Кому являлись воскресшіе святые? *Многимъ*, отвѣтствуетъ Евангелистъ; а кому именно,—опять не указываетъ; можетъ быть потому, что число удостоившихся явленія было очень велико, а имена ихъ—не такъ примѣчательны. Въ самомъ дѣлѣ, не видно, чтобы возставшіе святые являлись, напримѣръ Апостоламъ. Много ли бы для нихъ значило сіе явленіе, когда они нѣсколько разъ имѣли счастіе видѣть Самого воскресшаго Учителя своего?—Подобное, кажется, должно сказать и о всѣхъ прочихъ, удостоившихся видѣть Самого Господа по Его воскресеніи. Воскресшіе святые, вѣроятно, должны были явленіемъ своимъ замѣнить Его явленіе; посему, кому являлся Онъ Самъ, тому не являлись уже они. И Онъ Самъ являлся многимъ; ибо въ послѣдній разъ явился, по свидѣтельству Павла, *болѣе пятисотъ братіямъ;* но воскресшіе праведники, можетъ быть, являлись еще множайшимъ изъ послѣдователей Господа; такъ что всѣ, имѣвшіе нужду въ скорѣйшемъ свидѣтельствѣ о воскресеніи Его, пріяли оное отъ совоскресшихъ съ Нимъ. А, можетъ быть, удостоились

сего свидѣтельства и нѣкоторые изъ невѣровавшихъ дотолѣ въ Господа, но имѣвшихъ въ душѣ расположенность къ вѣрѣ; подобно тому, какъ еще высшая милость оказана потомъ,—въ особенномъ, чрезвычайномъ видѣ,—Савлу.

Явленіе воскресшихъ праведниковъ, по самому существу своему, было самымъ сильнымъ свидѣтельствомъ истины воскресенія Іисуса Христа и Его Божественнаго достоинства. Когда воскресшій кому либо говорилъ: я воскресъ силою Іисуса распятаго и воскресшаго; вѣруй въ Него также несомнѣнно, какъ несомнѣнно видишь теперь меня, то всѣмъ сомнѣніямъ надлежало исчезнуть, всѣмъ возраженіямъ пасть самимъ собою.

«Что̀ послѣдовало съ воскресшими праведниками, по окончаніи ихъ явленія многимъ?» Въ разрѣшеніе сего вопроса ни Евангелистъ, ни Церковная Исторія не говорятъ ни слова. Но самое молчаніе дѣописаній даетъ знать, что явившіеся праведники не остались на пребываніе въ Іерусалимѣ, не только между невѣрующими, но и между тѣми, коимъ являлись. Какъ-бы они начали жить на землѣ? Земля, явно, была не по нихъ; равно какъ и они не по землѣ. Куда же отошли они? Ужели во гробы, изъ коихъ вышли? Это было бы не сообразно съ ихъ воскресеніемъ. Если Лазарь воскрешенный умеръ паки, по прошествіи извѣстнаго времени; то должно помнить, что Лазарь воскресъ съ прежнимъ тѣломъ, то есть съ обыкновеннымъ человѣческимъ тѣломъ; а святые, воскрешенные смертію Господа, воскресли въ тѣлѣ обновленномъ, такомъ, каковы будутъ тѣлеса всѣхъ святыхъ по всеобщемъ воскресеніи, или близкомъ къ тому. Съ такимъ тѣломъ ка́къ опять разлучаться душѣ? Такому тѣлу ка́къ входить паки во гробъ?—и для чего?—Посему-то святые отцы издревле полагали благочестно, что воскресшіе святые не умирали уже паки, а сопровождали невидимо Господа на небо, при Его вознесеніи, составивъ изъ себя вокругъ Его начатки обновленнаго человѣчества, къ коему потомъ присоединилась въ свое время Матерь Божія, взятая съ тѣломъ на небо, и можетъ быть присоединяются по временамъ другіе святые.

Обратимся къ послѣднему вопросу: въ какой связи это воскресеніе святыхъ съ воскресеніемъ Самого Господа?—во внѣшней ли только, по дѣйствію всемогущества Божія, которое воззвало къ жизни святыхъ въ минуту смерти Всесвятаго, дабы дать свидѣтельство о Его невинности и Божественномъ достоинствѣ? Или и въ связи внутренней, какъ дѣйствіе, выходящее изъ своей причины непосредственно, какъ эхо послѣ звука громоваго? Если бы не было внутренней, непосредственной связи смерти Господа съ возстаніемъ святыхъ, то Ему не надлежало бы, кажется, и происходить въ это время, дабы не быть преждевременнымъ; ибо явленіе ихъ многимъ во святомъ градѣ имѣло послѣдовать не прежде воскресенія Господня; посему тогда же, а не прежде, надлежало бы произойти и ихъ воскресенію, дабы такимъ образомъ избѣжать промежутка времени, въ противномъ случаѣ вовсе не нужнаго. Между тѣмъ, хотя время свидѣтельствовать о воскресшемъ не наступило еще, а святые воскресаютъ; и это происходитъ въ ту самую минуту, когда Господь предаетъ на крестѣ Свой духъ Отцу. Какъ послѣ сего не подумать, что они возстаютъ именно отъ всесильнаго дуновенія сего животворящаго духа? Посему-то мы и уподобили смерть Господа такому великому удару, который сотрясъ весь міръ и возбудилъ, по выраженію Церкви, мертвые отъ вѣка. Возбуждены всѣ, но дѣй-

ствіе не во всѣхъ произошло равное, смотря по различію почивавшихъ. Для большей части оно ограничилось тѣмъ, что почившіе, пробудясь отъ сна смертнаго, могли за Побѣдителемъ смерти, по Его сошествіи во адъ, выйти вслѣдъ Его своими душами изъ ада. А другіе, кои спали тоньше и легче, по возбужденіи своемъ, столько пріяли въ себя живоносной силы отъ воскресшаго Господа, что не только вышли душею изъ ада, но восхитили съ собою и самыя свои тѣлеса изъ гробовъ, и, облекшись ими, могли, въ благодарность, послужить своимъ явленіемъ для многихъ, Воскресшему, а потомъ, въ награду, вознестись вслѣдъ Его на небо.—Въ семъ смыслѣ еще святый Игнатій Богоносецъ называлъ настоящее воскресеніе святыхъ *продолженіемъ, дополненіемъ воскресенія Господня* (Свѣтлая седмица. Кіевъ, 1842 г. Изъ слова въ пятокъ свѣтлой седмицы, стр. 139—147).

Нравственные уроки изъ Евангельскаго повѣствованія о чудесныхъ знаменіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Господа нашего Іисуса Христа (Матѳ. XXVII, 51—52, 54).

И се, повѣствуетъ Евангелистъ, *завѣса церковная раздрася посредѣ съ вышняго края до нижняго.* Что̀ значитъ это раздраніе завѣсы храма? Это знаменіе для Іудеевъ, да почувствуютъ они, что храмъ ихъ и всѣ жертвы болѣе не угодны Богу, потому что принесена уже единственная спасительная Жертва, которой всѣ обрядныя жертвы были только прообразованіемъ; да вѣруютъ они въ сію всесвятую Жертву, если хотятъ спастися и не надѣются на свои обряды и на всѣ свои внѣшнія преимущества. Не служитъ ли это знаменіе наставленіемъ и для насъ христіанъ?—Такъ! И мы не должны надѣяться ни на что̀ болѣе, какъ на силу искупительной Божественной Жертвы. Она одна даетъ силу и нашимъ храмамъ, нашимъ священнодѣйствіямъ и даже всѣмъ нашимъ добродѣтелямъ, а безъ нея все у насъ было бы мертво, не дѣйствительно, безъ нея и мы были бы мертвы. Потому-то самъ Апостолъ говоритъ о себѣ: *вѣрою живу въ Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ* (Галат. II, 20). Вѣрою въ Сына Божія, *распятаго за ны, страдавша и погребенна,* живемъ и мы и спасаемся. Сія вѣра оживляетъ всѣ благія надежды грѣшниковъ кающихся; сія вѣра открываетъ намъ и Царство Небесное. Не образовало ли и сего раздраніе завѣсы въ храмѣ?—Истинно такъ! Это раскрытіе святаго святыхъ Іерусалимскаго образовало раскрытіе святаго святыхъ небеснаго, то есть, отверстіе самаго неба, куда *вниде Христосъ, да явится лицу Божію о насъ* (Евр. IX, 24), даровавъ и намъ *дерзновеніе входити въ сія святая кровію* Его, *путемъ новымъ и живымъ* (Евр. X, 19).

Но гдѣ, спросимъ, взять намъ силъ, чтобы отрѣшиться отъ оковъ земныхъ, отъ узъ грѣховныхъ страстей и возвысить духъ къ небесному?—Гдѣ взять силъ, это показываетъ намъ та же исторія страстей Христовыхъ. Не видимъ ли мы, какъ сила креста проникаетъ землю, и она сотрясается; проникаетъ твердыя камни, и они распадаются? Такъ на неразумной природѣ показалъ Господь, что̀ можетъ сотворить Онъ въ нашей природѣ разумной, если мы допустимъ дѣйствовать въ насъ силу Его страданій и смерти. Сею самою да сотрясется и нашъ земной ветхій человѣкъ, сею самою да сокрушатся твердѣйшія камня преграды, какія полагаемъ благодати Божіей ожесточеніемъ сердецъ нашихъ! Да совершится въ насъ то̀, что̀ предсказалъ Богъ у пророка: *и отъиму сердце*

каменное отъ плоти вашея, и дамъ вамъ сердце плотяно, и духъ новъ дамъ вамъ (Іезек. XXXVI, 27). Если силою креста Господня грѣховный міръ распинается, или дѣлается не дѣйствующимъ въ отношеніи къ вѣрующему, и вѣрующій въ отношеніи къ міру, то какія преграды постоятъ предъ Его силою?

Смотримъ далѣе на дѣйствіе страстей Господнихъ. Вотъ, въ то же время, когда сотрясается земля и распадаются камни, отверзаются и гробы, и духъ жизни входитъ въ тѣла умершихъ. Что̀ показываетъ сіе? То, что сила страданій и смерти Христовой, разрушая преграды спасенія, въ то же время вводитъ духъ жизни въ сердца кающихся. *И сущіи мертвіи прегрѣшеньми сооживляются Христомъ* (Ефес. II, 5), *отлагаютъ ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ, и облекаются въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Ефес. IV, 22—24). И что̀ еще? Вмѣстѣ съ жизнью для души, та же сила Господня полагаетъ въ вѣрующемъ сѣмя безсмертной жизни для самаго тѣла. Ибо *аще духъ воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ*, говоритъ Апостолъ, *воздвигій Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ Его въ васъ.*

Такова сила страстей Христовыхъ! А чтобы мы видѣли и ближайшій примѣръ спасительнаго дѣйствія этой силы на сердца людей, Евангеліе представляетъ намъ это дѣйствіе въ распинателяхъ Христовыхъ и начальникѣ ихъ, Лонгинѣ сотникѣ. *Сотникъ же и иже съ нимъ стрегущіи Іисуса, видѣвше трусъ и бывшая, убояшася зѣло, глаголюще: воистину Божій Сынъ бѣ Сей.* Вотъ сотрясеніе душъ и распаданіе окаменѣлыхъ сердецъ! Распинатели-язычники *убояшася зѣло.* Вотъ какъ духъ жизни отверзаетъ гробы и оживляетъ умершихъ! Невѣрующіе, отчужденные отъ жизни Божіей, вѣруютъ, причащаются истинной жизни: ибо взываютъ: *воистину Божій Сынъ бѣ Сей.* И замѣтимъ, что это не минутное только дѣйствіе силы крестной. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, о Лонгинѣ сотникѣ, что онъ и послѣ не переставалъ исповѣдывать Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, и, наконецъ, вѣру свою запечатлѣлъ мученическою смертью.

Благоговѣйно воспоминай страсти Господни, христіанинъ, и ты не только не согрѣшишь грѣхомъ смертнымъ, а еще будешь готовъ на всякое благое дѣло. Такъ, если какой либо соблазнъ будетъ увлекать тебя на грѣхъ, если какая либо злая страсть будетъ возникать въ сердцѣ твоемъ, ты скорѣе обратись духомъ къ Спасителю, пригвожденному ко кресту, и скажи самъ себѣ: смотри, до чего довели грѣхи наши Господа и Владыку всѣхъ! Пусть грѣхъ обѣщаетъ тебѣ множество утѣхъ и удовольствій,—ты скажи самъ въ себѣ: за такія преступныя удовольствія наши Господь испилъ горьчайшую чашу страданій крестныхъ. Пусть грѣхъ грозитъ лишить тебя мнимыхъ друзей твоихъ и многихъ мірскихъ выгодъ, если ты не покоришься ему. Ты опять воззри на крестъ Христовъ и скажи: нѣтъ лучшаго друга и благодѣтеля, какъ Господь мой, и нѣтъ высшаго блага, какъ быть въ общеніи съ Нимъ. Такая мысль и такія чувствованія могутъ ли пустить въ душу твою мысли и чувствованія преступныя? *Кое общеніе свѣту ко тмѣ? Кое согласіе Христови съ Веліаромъ?* (2 Коринѳ. VI, 14—15.) Подобнымъ образомъ поступай, христіанинъ, и когда представляется тебѣ случай совершить благое дѣло. Просятъ ли, напримѣръ, у тебя про-

щенія въ причиненномъ тебѣ оскорбленіи? ты вспомни Спасителя, на крестѣ молящагося за Своихъ распинателей, вспомни и то, сколько долговъ тебѣ прощаетъ Господь, и ужели не простишь ты брата своего? Просятъ ли помощи у тебя бѣдствующіе, нуждающіеся? Опять обратись духомъ ко Господу, Который для избавленія насъ отъ бѣдъ вѣчныхъ снисшелъ до зрака раба и не пощадилъ безцѣнной крови и самой жизни Своей: и ужели не поможешь ты бѣдствующимъ братьямъ твоимъ, которыхъ Господь называетъ и Своими братіями меньшими? *Понеже*, говоритъ, *сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 40). Въ той же мысли о крестѣ Господнемъ ищи, душа вѣрующая, и самой себѣ помощи и утѣшенія, когда подвергнешься какимъ либо бѣдамъ и напастямъ. Представь Божественнаго Страдальца, вспомни Подвигоположника нашего, заповѣдавшаго и намъ нести крестъ свой и идти въ слѣдъ Его, и будь увѣрена, что столько *Пострадавшій* за насъ, *Самъ искушенъ бывъ, можетъ и намъ искушаемымъ помощи* (Евр. II, 18). (Воскр. Чт., гл. XVI, стр. 543—545.)

Какъ могъ Спаситель быть въ раю въ день Своей смерти, когда послѣ Онъ Самъ сказалъ, что не взошелъ еще къ Отцу Своему.

Въ Евангеліи Луки (XXIII, 43) говорится, что Іисусъ Христосъ сказалъ распятому съ Нимъ, раскаявшемуся разбойнику: «истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю». А Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ (XX, 17), что въ первый день недѣли Іисусъ, явившись Маріи Магдалинѣ, сказалъ ей: «не прикасайся ко Мнѣ, ибо Я еще не восшелъ ко Отцу Моему». Въ тотъ же день Онъ явился ученикамъ (19), потомъ явился имъ снова послѣ 8 дней (26). Какъ помирить кажущееся противорѣчіе Евангелистовъ въ приведенныхъ мѣстахъ? Говоря распятому разбойнику: «нынѣ же будешь со Мною въ раю», Господь разумѣлъ не тѣло Свое, но душу, имѣвшую отдѣлиться отъ тѣла, что̀ видно изъ дальнѣйшихъ словъ Его: «Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой» (Лук. XXIII, 46). Слова же Господа, сказанныя Маріи Магдалинѣ: «не прикасайся ко Мнѣ, ибо Я еще не восшелъ къ Отцу Моему», относятся къ Его тѣлу, которое дѣйствительно оставалось на землѣ до 40 дня послѣ Его воскресенія. Такимъ образомъ, въ указанныхъ мѣстахъ Евангелистовъ нѣтъ ни дѣйствительнаго противорѣчія, ни мистификаціи, ибо душа отлична отъ тѣла и можетъ существовать независимо отъ него. Душа раскаявшагося разбойника вошла въ рай въ тотъ же день, какъ и душа распятаго Спасителя, а тѣло оставалось внѣ его, подобно тѣлу Господа. Но и оно воскреснетъ, какъ воскресло тѣло Господа, и тогда, соединившись съ душею, вѣчно будетъ жить съ Господомъ. Разбойникъ раскаялся искренно и получилъ небесную награду. Только искренно кающемуся открытъ рай. Вотъ высокая, утѣшительная истина, которой никогда не слѣдуетъ забывать: она путеводная звѣзда наша (Воскр. Чт. 1874 г., т. I, стр. 9—10).

Погребеніе Господа нашего Іисуса Христа (Матѳ. XXVII, 57—66 и парал.).

(Архим. Фотія.)

Получивъ отрадное дозволеніе отъ Пилата—снять со креста тѣло Іисуса Христа, Іосифъ Аримаѳейскій спѣшитъ исполнить священное желаніе своего сердца: снимаетъ драгоцѣнное для него тѣло благоговѣйно чтимаго Учителя

своего (Пророка, какъ онъ думалъ, конечно о Спасителѣ) и, купивъ плащаницу чистую, или чистое полотно, пріуготовилъ ее для сего погребенія. Въ это время приходитъ и присоединяется къ нему другъ по служенію, и наипаче по духу Никодимъ, также ученикъ Іисуса Христа,—дабы вкупѣ устроить погребеніе Умершему. У богатаго Іосифа, невдалекѣ отъ Голгоѳы, былъ садъ, и въ немъ—*изсѣченный въ камени*—въ каменистомъ мѣстѣ или скалѣ—новый гробъ (т. е. пещёра), въ которомъ еще никто не былъ погребенъ, и который приготовилъ было Іосифъ для себя самого. Сей-то самый гробъ уступаетъ онъ для погребенія тѣла высокочтимаго имъ Мертвеца сего. А Никодимъ приноситъ для сего драгоцѣнные ароматы или благовонныя вещества въ весьма значительномъ количествѣ,—соединеніе смирны и алоя. Уготовивъ все это, они пріемлютъ тѣло Іисусово, обвиваютъ его чистою плащаницею, покрытою ароматами,—какъ было въ обычаѣ у Іудеевъ совершать погребеніе,—и полагаютъ пречистое тѣло въ новомъ гробѣ. Потомъ, *возваливъ камень велій надъ двери гроба*, отходятъ. Полагается камень по тому же обычаю: это служило загражденіемъ входа во гробъ и памятникомъ гроба. Видно, что и эти приближенные и преданные къ Спасителю ученики не думали о скоромъ воскресеніи Погребаемаго, и—погребали Его навсегда, до послѣдняго дня міра. Обвиваютъ тѣло плащаницею, обложенною ароматами, тоже—по обычаю погребенія у Іудеевъ. Такъ погребенъ былъ и Лазарь, котораго воззвалъ изъ гроба всесильнымъ, животворящимъ гласомъ Своимъ Господь Спаситель, и мертвый воскресъ и пошелъ изъ гроба, *обязанъ*, сказано, *рукама и ногама укроемъ или платомъ*,—сповитый весь, какъ младенецъ. Добрый и знаменательный обычай! Погребаемый представляется здѣсь какъ-бы младенцемъ, повитымъ пеленами, а гробъ—какъ-бы колыбелью его.

Смерть, дѣйствительно, есть переходъ, какъ-бы рожденіе души въ новую, высшую жизнь; и само тѣло человѣка вѣрующаго *вселяется* во гробъ, *на упованіи воскресенія*.

Что же враги Христа Спасителя? Торжество злобы ихъ, когда при распятіи Господа солнце померкло, а вдругъ, со смертію Его, *земля потрясеся, каменіе распадеся*,—(что всѣ почти, бывшіе на Голгоѳѣ, признали за чудо и возвращались оттуда, *бія въ перси своя*, въ чувствѣ скорби о невинномъ Страдальцѣ, и при видѣ такого важнаго чуда),—торжество злобы враговъ Спасителя довольно помрачилось, и они присмирѣли; но сердца ихъ, твердѣйшія камней, не сокрушились раскаяніемъ. Они помышляютъ о новомъ дѣлѣ злобы своей противъ Господа, преслѣдуютъ Его не только до креста, а и въ самомъ гробѣ, не только распятаго, но и погребеннаго. Внимательно, сколько можно, слушая всѣ слова Спасителя, при жизни Его, не для вѣрованія и спасенія своего, а подстерегая ихъ, дабы уловить Его въ словѣ и что либо сказать въ Его осужденіе, они, быть можетъ, лучше всѣхъ замѣтили слова Господа, въ которыхъ Онъ предсказалъ о Своемъ тридневномъ воскресеніи и, не вѣря имъ по злобѣ и нечестію своему, на другой день, т. е. утромъ въ субботу обращаются къ Пилату съ просьбою—повелѣть утвердить гробъ Христовъ до третьяго дня, дабы, по ихъ лукавому и злому предположенію, ученики Іисуса Христа не похитили ночію тѣло Іисусово и не сказали, что Онъ возсталъ отъ мертвыхъ. Пилатъ даетъ имъ стражу, и они съ злою радостью въ утро того же дня суббот-

няго приставляютъ стражу ко гробу, а камень печатаютъ своею печатью. Но это самое, вопреки ихъ желанію и намѣренію, послужитъ и будетъ служить еще къ большему увѣренію не только въ истинѣ смерти и погребенія, а и воскресенія Господа. Такъ совершилось погребеніе Спасителя и Господа!

Что мы здѣсь видимъ? Что насъ особенно поражаетъ? Какое назиданіе можемъ извлечь изъ этого событія? Какая тайна промысла Божія открывается въ немъ?

Прежде всего, конечно, трогаетъ нашу душу усердіе преданныхъ Господу учениковъ Его Іосифа и Никодима. Они не хотятъ допустить, чтобы тѣло благоговѣйно чтимаго ими Учителя, снятое распинателями со креста, по причинѣ наступающаго праздника, да не останутся тѣлеса въ субботу, было погребено въ какомъ либо неприличномъ мѣстѣ, съ тѣлами разбойниковъ, и хотятъ погребсти Его съ честью, обычнымъ погребеніемъ. Они дѣйствовали по внушенію своего любящаго сердца, а между тѣмъ послужили къ исполненію древняго пророчества, по которому погребеніе пострадавшаго Мессіи будетъ *у богатаго* (Исаія LXIII, 9), что *покой Его будетъ честь и съ миромъ погребеніе Его.*

Смертію умрете, сказано первому Адаму. Почему и Искупитель—второй Адамъ долженъ былъ умереть одинъ за всѣхъ, для избавленія всѣхъ отъ смерти вѣчной. *Земля еси, и въ землю отыдеши,* сказано падшему прародителю; потому и второму Адаму нужно было, хотя на нѣкоторое малое время, отыдти въ землю, быть въ нѣдрахъ ея. И вотъ Онъ чрезъ погребеніе пребываетъ въ сердцѣ земли, какъ вторый Адамъ.

Нужно было Господу пріять погребеніе, дабы увѣрить еще болѣе въ истинѣ смерти Своей, что Онъ дѣйствительно пострадалъ пречистымъ тѣломъ Своимъ, которое и погребено было во гробѣ.

Нужно было пріять погребеніе Господу, дабы ввести жизнь и силу воскресенія въ наши гробы, отъ силы Своего животворящаго гроба, и дабы сущимъ во гробѣхъ даровать воскресеніе и жизнь.

Нужно было Господу возлечь во гробъ и пріять погребеніе, дабы разгнать, сколько можно страхъ и мракъ гробовъ нашихъ, дабы Ему—Спасителю духовно и благодатно быть и при нашихъ гробахъ, чтобы вѣрующая душа могла рещи во упованіи: *аще и иду посреди сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси.*

Нужно было пріять погребеніе Господу, чтобы освятить наши гробы и наше погребеніе, и, вмѣстѣ съ симъ освятить самыя нѣдра земли, вселившись въ нихъ пречистымъ тѣломъ Своимъ, чрезъ тридневное погребеніе. Такъ, Своимъ крещеніемъ, погружаясь въ Іорданѣ, Онъ освятилъ естество водное; вознесенный на крестъ, Своимъ крестомъ, вися на немъ, освятилъ имъ всѣ четыре страны міра воздушныя,—и высоту и широту, и глубину и долготу вселенныя. Погребеніемъ Онъ освящаетъ нѣдра земныя.

Нужно было, по тѣлу, пріять погребеніе Господу,—въ соотвѣтствіе и сообразность съ самымъ сошествіемъ Своимъ душею во адъ. Ибо Онъ, Вездѣсущій, будучи во гробѣ плотію съ Божествомъ Своимъ,—душею въ это время также вмѣстѣ съ Божествомъ Своимъ, сходилъ во адъ, для нашего спасенія: посѣтилъ тамъ умершій родъ человѣческій, отъ самыхъ дней Адама переходившій туда. Духовное солнце наше зашло во гробъ, но не погасло, а только сокрылось на время, дабы взойти въ другомъ, такъ сказать, полушаріи духовномъ, въ мірѣ душъ, от-

шедшихъ отселѣ,—взойти, дабы озарить ихъ свѣтомъ вѣры и извести въ царство свѣта. Такъ Онъ, премилосердый, возлюбилъ насъ, что не только сшелъ съ неба на землю, восшелъ на крестъ, сошелъ въ землю, а и нисшелъ во адъ, ради нашего спасенія.

Наконецъ, Сыну Божію—Христу Спасителю нужно было пріять погребеніе потому, что крестною смертію должно было окончиться безмѣрное уничиженіе Его. *Подобало* Сыну Божію *пострадати* и потомъ *внити въ славу Свою*. Проблескъ этой славы видѣнъ уже въ самомъ погребеніи Господа. Онъ пріемлетъ погребеніе, и погребеніе славное и богатое. Во-первыхъ, погребается благочестивыми и Богоугоднѣйшими людьми, ихъ чистыми руками. Объ Іосифѣ сказано, что онъ былъ *мужъ благъ и праведенъ;* подобный ему былъ и Никодимъ, сотрудникъ ему въ семъ святомъ дѣлѣ, или подвигѣ. Они, можно сказать, намѣренно воздвигнуты для сего Богомъ, подобно, какъ Симеонъ—для воцерковленія Христа младенствующаго, и Іоаннъ Предтеча—для совершенія крещенія надъ Нимъ во Іорданѣ. Погребается Господь богатыми людьми и богатымъ погребеніемъ въ новомъ, въ камени изсѣченномъ, гробѣ (или пещерѣ), чистомъ, въ которомъ никто не былъ положенъ; обвивается чистою плащаницею съ драгоцѣнными благовонными ароматами, въ обильномъ ихъ количествѣ,—погребается, какъ могли погребаться только самые богатые люди тогдашняго времени. *И дамъ богатая вмѣсто погребенія Его.* Погребается въ вертоградѣ, въ тихій вечеръ весенній, что̀ соотвѣтствуетъ и свойству самаго событія сего—смерти или успенія:—Господь, *поздѣ сущу,* возлегаетъ во гробъ, какъ-бы на одръ нощный,—при тишинѣ природы внѣшней, при утишеніи самого шума и молвы народной, бывшихъ на Голгоѳѣ, и самой злобы враговъ. *И будетъ покой Его—честь,* и онъ дѣйствительно есть честь.

Но вотъ враги Господни на утро—рано злоумышляютъ новыя козни на Умершаго, окружаютъ стражею гробъ Его. Не нарушаетъ ли это чести гроба? Не нарушаетъ и не уменьшаетъ, а еще больше умножаетъ ее; враги Христа Спасителя, сами не зная того и противъ намѣренія своего, дѣлаютъ это. Такъ и Каіафа, въ чувствѣ злобы, говорилъ: *уне есть*—лучше, *да единъ умретъ за люди;* а между тѣмъ, ненамѣренно, пророчествуетъ о томъ, что Спасителю нужно умереть, для спасенія всѣхъ людей. Подобно этому и здѣсь, враги Господа *совѣщаютъ злая,* а выходитъ, противъ воли ихъ, *благая.* Приставляютъ стражу ко гробу, изъ ложнаго опасенія похищенія тѣла Господня; а между тѣмъ, стража эта стоитъ у гроба сего, подобно какъ и гробы царей окружаются стражею, ради чести и важности ихъ. Такъ и предъ крестною казнію Спасителя, злоба враговъ облекаетъ Его въ червленую или багряннаго цвѣта одежду, возлагаетъ на Него вѣнецъ терновый, даетъ трость въ десницу Его,—злоба ругается надъ Нимъ, а сама, не вѣдая того, служитъ къ тому, что Господь является Царемъ, въ вѣнцѣ, въ багряницѣ и со скипетромъ. Сами даютъ трость въ руку Его, *да сокрушитъ* Онъ непокаянныхъ враговъ Своихъ *жезломъ, яко сосуды скудельничи.* Такъ и здѣсь *покой Его—честь.*

Воспоминая честное и славное погребеніе Господа, можно ли не воспомянуть при семъ и не ублажить Іосифа приснопамятнаго и Никодима, мудраго сотрудника его въ этомъ святѣйшемъ дѣлѣ! Сама Церковь, по руководству повѣствованія Евангельскаго, воспоминаетъ ихъ и ублажаетъ въ священно-трогательныхъ пѣсняхъ своихъ, и при-

зываетъ всѣхъ насъ къ ихъ ублаженію. *Пріидите,* поетъ она, *ублажимъ Іосифа приснопамятнаго, Живота всѣхъ у Пилата испросившаго* и купно съ Никодимомъ пріявшаго на руки свои Того, Который держитъ всю тварь; *Одѣющагося свѣтомъ, яко ризою,* Облекающаго *небо облаки,* они облекаютъ плащаницею. Ублажимъ его, достоблаженнаго, дерзнувшаго приступить къ Пилату и испросить погребсти тѣло Господа, всѣми оставленнаго. Ублажимъ его, уступившаго распятому на крестѣ Спасителю свой новый гробъ въ вертоградѣ своемъ! Ублажимъ ихъ, совершившихъ погребеніе Господа! Счастливый жребій! Достоблаженная участь!

Можно ли и намъ имѣть теперь эту участь,—хотя какъ либо участвовать въ ней? Можно; потому что и мы можемъ сдѣлать, если не это же самое, то подобное сему. Храмъ Божій есть такое мѣсто, гдѣ находятся гробъ и плащаница Христовы; это святый престолъ, гдѣ Спаситель почиваетъ Своимъ тѣломъ и кровію. Такъ, и теперь Господь нерѣдко имѣетъ нужду въ новомъ гробѣ, или престолѣ, а паче въ плащаницѣ, или вообще утвари церковной. Почему и теперь можно дѣлать подобное тому, что̀ сдѣлали ублажаемый Іосифъ съ Никодимомъ. Способствующій благолѣпію храма своимъ посильнымъ приношеніемъ, поступаетъ подобно Іосифу, уступившему для Господа свой новый гробъ и купившему плащаницу и, подобно Никодиму, принесшему драгоцѣнные ароматы. Не малое воздаяніе отъ Господа ожидаетъ такихъ. Святая Церковь каждодневно молится о нихъ, чтобы Господь *освятилъ любящихъ благолѣпіе дому Его и воспрославилъ ихъ Божественною славою.* И Онъ воспрославитъ ихъ. Кто заботится о жилищѣ Божіемъ здѣсь, тому Господь уготовитъ обитель тамъ.

Есть еще средство подражать Іосифу и Никодиму. Нищіе суть какъ-бы образы и представители Христовы: кто одѣнетъ нагаго или полуобнаженнаго, тотъ какъ-бы обвіетъ Господа плащаницею. И Господь не останется въ долгу: сторицею, тысячекратно воздастъ за сіе; ибо Онъ *щедръ* и любитъ ущедрять въ воздаяніяхъ Своихъ (Духовн. Бес., т. XVII, стр. 397—404).

Іосифъ Аримаѳейскій.

(Д. Державина.)

Іосифъ Аримаѳейскій былъ человѣкъ богатый и знатный, принадлежавшій къ высшимъ правительственнымъ лицамъ, *благообразенъ совѣтникъ* (Марк. XV, 43), т. е. знаменитый членъ народнаго совѣта. Характеръ его Евангелисты описываютъ не многими, но высокими чертами: они называютъ *благимъ и праведнымъ* (Лук. XXIII, 50), благимъ, т. е. исполненнымъ любви къ ближнимъ, праведнымъ, т. е. благочестивымъ, полнымъ любви къ Богу, и прибавляютъ одну, особенно важную, черту, что онъ *чаялъ Царствія Божія* (Марк. XV, 43), т. е., вѣруя въ древнее обѣтованіе, ожидалъ Спасителя, *имѣющаго спасти Израиля* и призналъ его въ Іисусѣ Христѣ. Правда, эта вѣра была общею всему народу; но вѣра Іосифа была несравненно правильнѣе и крѣпче, чѣмъ вѣра Его современниковъ. Іудеи ждали въ Мессіи царя земнаго, который долженъ былъ, по ихъ понятіямъ, освободить отечество отъ ига иноплеменниковъ и создать славное имъ царство земное. Не такъ смотрѣлъ на Іисуса Христа Іосифъ: онъ видѣлъ въ Немъ царя духовнаго, коего *Царство не отъ міра сего,* Царство *истины,* Царство благодатное, *Царство Божіе: той чаялъ Царствія Божія.* При такой чистой и высокой вѣрѣ въ Іисуса Христа, онъ былъ ученикомъ Его, но ученикомъ толь-

ко *тайнымъ, страха ради Іудейска* (Іоан. XIX, 38), т. е. во избѣжаніе гоненій отъ враговъ Іисусовыхъ, гоненій, которымъ онъ, по своему высокому положенію въ обществѣ, могъ подвергнуться вмѣстѣ съ Учителемъ. Таился ли онъ потому, что боялся гоненій лично за себя, или потому, что боялся повредить Учителю, открыто ставъ на Его сторонѣ,—какъ-бы то ни было, только онъ при осужденіи Іисуса Христа на смерть мало того, что не присталъ къ совѣту и дѣлу враговъ Господа, но и рѣшился, наконецъ, доказать и свою необыкновенную любовь къ Іисусу Христу и свою готовность пожертвовать за Него честью, благосостояніемъ, а можетъ быть жизнью.

Итакъ въ характерѣ Іосифа мы видимъ три высокія черты: любовь къ ближнимъ, благочестіе и чистую вѣру въ Господа Іисуса Христа. Эти высокія качества явились во всей полнотѣ въ великомъ подвигѣ Іосифа при погребеніи Господа.

Что же это за подвигъ?—Подвигъ, повидимому, очень простой и обыкновенный: знатный и богатый человѣкъ погребаетъ бѣднаго странника, всю жизнь посвятившаго любви къ ближнимъ и *не имѣвшаго гдѣ главы подклонити* (Лук. IX, 58),—странника, котораго, кромѣ его съ Никодимомъ, можетъ быть, никто не рѣшился бы честно похоронить. Итакъ богатый человѣкъ дѣлаетъ послѣднюю милость бѣдному, ученикъ воздаетъ послѣдній долгъ учителю... Вникнемъ въ обстоятельства сего подвига, и тогда поймемъ, почему всѣ четыре Евангелиста нашли нужнымъ упомянуть объ немъ, и Церковь ежегодно воспоминаетъ его вмѣстѣ съ дѣяніями Самого Господа.

Съ самаго вступленія Господа Іисуса Христа въ открытое служеніе, Его преслѣдовала ожесточенная злоба многочисленныхъ враговъ: противъ Него вооружились высшіе члены общества—старѣйшины, книжники—ученые, фарисеи, саддукеи; они выискивали разныя средства погубить Его; не рѣшались только на насиліе, боясь народа, уважавшаго Іисуса Христа за высокое и чистое ученіе, чудеса и непорочную жизнь. Но чѣмъ болѣе возрастала слава Іисуса Христа, тѣмъ болѣе возрастала злоба враговъ, такъ что послѣ славнаго входа Его въ Іерусалимъ, когда народъ встрѣтилъ Его какъ обѣтованнаго Царя, Спасителя; злоба враговъ Его дошла до крайности, и они рѣшились погубить Его, во что бы то ни стало. Наконецъ, съ помощью предателя, имъ удалось схватить Іисуса Христа ночью, не возбудивъ никакого волненія въ народѣ. Они разсчитывали на извѣстное непостоянство толпы: они знали, что эти люди уважаютъ человѣка только до тѣхъ поръ, пока онъ пользуется успѣхомъ, и готовы топтать его, какъ скоро онъ падаетъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Пока Іисусъ Христосъ пользовался свободою, училъ, обличалъ, творилъ чудеса,—народъ уважалъ Его, встрѣчалъ какъ пророка, какъ царя, не внималъ Его завистникамъ,—и враги боялись употребить насиліе; но лишь только Онъ былъ взятъ и преданъ суду какъ преступникъ,—уваженіе къ Нему народа не смѣло высказаться: забыты были и высокое Его ученіе, и безпримѣрно святая жизнь, и чудеса, и всѣ Его благодѣянія, такъ что врагамъ очень не трудно было теперь увѣрить непостоянный и легковѣрный народъ, что Тотъ, въ Комъ онъ видѣлъ пророка и царя, есть обманщикъ и богохульникъ. И вотъ тотъ же самый народъ, который недавно встрѣчалъ Іисуса Христа какъ царя, теперь въ слѣпотѣ и безуміи требуетъ Его казни. Итакъ все вооружи-

лось противъ Него, злоба Его враговъ восторжествовала, и—Онъ пригвожденъ ко кресту. Некому воздать Ему и послѣдняго долга: кто осмѣлится почтить погребеніемъ Того, Который умеръ на крестѣ, *яко злодѣй?* Не значитъ ли это признать себя Его сообщникомъ? Кто осмѣлится идти наперекоръ приговору начальниковъ и всего народа,—идти наперекоръ всеобщему мнѣнію? Не значитъ ли это сильнѣе словъ обличить въ неправдѣ и преступленіи Его судей и распинателей, и потому обратить ихъ злобу на себя? Кто отважится приступить съ почтеніемъ ко кресту казненнаго, когда и неразлучные ученики Его оставили Его, лишь только Онъ былъ взятъ подъ стражу? Кто рѣшится явить себя ученикомъ Распятаго, когда и самый ревностный изъ учениковъ Петръ отрекся отъ Него? Если незнатные и бѣдные ученики не рѣшились на это, хотя, по незнатности своей, они легко могли избѣгнуть преслѣдованій, какъ люди неопасные; то какъ рѣшиться на это вельможѣ, члену того судилища, которое приговорило Іисуса къ смерти? Какъ рѣшиться, не имѣя никакой надежды остаться незамѣченнымъ?... И однако Іосифъ рѣшается: *дерзнувъ вниде къ Пилату и проси тѣло Іисусово* (Марк. XV, 43) для честнаго погребенія; проситъ у Пилата, кто утвердилъ смертный приговоръ надъ Распятымъ, и погребаетъ Его въ собственномъ саду съ великою честью!...

Но если великое мужество нужно было, чтобы побѣдить страхъ и пренебречь опасностью, то не менѣе нужно было мужество, чтобы побѣдить стыдъ, хотя и ложный. Представьте, на мѣстѣ казни, между трупами двухъ разбойниковъ на позорномъ древѣ крестномъ, виситъ тѣло Человѣка, Который казненъ, какъ обманщикъ и возмутитель,—Этого Человѣка, *обезчещеннаго болѣе всѣхъ сыновъ человѣческихъ* (Исаія LXIII, 3), погребаетъ съ великою честью богатый и знатный человѣкъ! снимаетъ со креста, помазываетъ благовоніями, покрываетъ чистою плащаницею и полагаетъ въ своемъ саду, *въ новомъ гробѣ*, который приготовленъ былъ имъ для себя, или для членовъ своего семейства. Для совершенія такого подвига потребно было истинное мужество и самоотверженіе.

Что же могло подвигнуть Іосифа на такой великій подвигъ?—Что, кромѣ крѣпкой любви и вѣры къ Господу? Другіе видятъ въ Іисусѣ Христѣ обманщика, возмутителя, чародѣя,—Іосифъ по прежнему видитъ въ Немъ, даже въ поруганномъ и распятомъ, пророка, обѣщаннаго Избавителя; онъ недоумѣваетъ, при видѣ уничиженія и смерти Господа, видитъ въ этомъ непостижимую тайну, но не перестаетъ въ Него вѣровать и любить Его. Вѣра и любовь Іосифа остаются непоколебимы; вѣра разжигаетъ въ немъ любовь, любовь подкрѣпляетъ вѣру, и обѣ вмѣстѣ подвигаютъ его на великое дѣло самоотверженія. Іосифъ видитъ изнуренное, израненное, поруганное тѣло Учителя и Господа своего на крестѣ, видитъ Его одинокимъ, всѣми оставленнымъ, слышитъ вопли поносящихъ Его распинателей,—духъ его возмущается, сердце ноетъ отъ жалости, онъ забываетъ и страхъ и стыдъ и спѣшитъ снять драгоцѣнное тѣло съ позорнаго древа, увлечь съ мѣста казни и скрыть отъ наглыхъ взоровъ, публично почтивъ Его погребальными почестями въ виду всѣхъ поруганій.

Вотъ подвигъ Іосифа, подвигъ, достойный нашего удивленія, ублаженія и *подражанія* (Воскр. Чт., г. XXIX, ч. I, стр. 47—50).

Библіографическій указатель къ XXVII гл. Ев. Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) *Препод. Исидора Пелусіота.* О хламидѣ Христовой. Ч. I, 152. О двухъ разбойникахъ. Тамъ же. 153—154. Объ отпущеніи Вараввы. Тамъ же. 171. Почему раздралась завѣса церковная. Почему во время Владычнаго страданія поражены были вещи неодушевленныя? Тамъ же. 152—153. О достославной смерти нашего Спасителя. Ч. II. 66. 36—37.

2) *Блаж. Іеронима.* О чудесныхъ знаменіяхъ, сопровождавшихъ смерть Іисуса Христа (Матѳ. 50 ст. и д.). Тв. блаж. Іеронима въ р. п., т. II. 576—579.

3) *Св. Ефрема Сирина* о страданіяхъ Спасителя. Воскр. Чт. 1885 г. 177—183.

4) *Его же.* О крестѣ и о разбойникѣ. Ч. III. 683—691.

5) *Св. Аѳанасія Александрійскаго.* О тайнѣ распятія и воскресенія Господа въ 3-й день. Воскр. Чт., г. XVI, 35. Христ. Чт. 1838 г. II. 132—158.

6) *Св. Іоанна Златоустаго.* Изъ слова о крестѣ и распятіи Господнемъ. Воскр. Чт., г. IV, 203.

7) *Его же.* Похвала кресту Христову. Воскр. Чт., г. XIX. 541—542. О крестѣ Господнемъ. Воскр. Чт., г. VII, 465.

8) *Св. Епифанія Кипрскаго.* О погребеніи Господа нашего Іисуса Христа. Воскр. Чт., г. VII, 480.

9) *Св. Василія Великаго.* Для чего крестомъ совершено домостроительство спасенія? Сила креста Христова. Т. II, 356. Тв. св. оо., т. II. Іуда предатель не вѣровалъ въ будущую жизнь. Тамъ же. 232.

10) *Св. Григорія Богослова.* Крестъ прообразованъ воздѣяніемъ рукъ Моисеевыхъ. Т. IV, 174, 175. Тв. св. оо., т. IV.

11) *Св. Льва, папы Римскаго.* Избранныя размышленія о страданіи Господнемъ. Христ. Чт. 1845 г. II. 3—46.

12) *Его же.* Слово о страданіи Господнемъ. Воскр. Чт., г. XXI. 571—575.

13) *Блаж. Августина.* Размышленіе о страданіи Христовомъ. Воскр. Чт. 1872 г. № 15. 225—229.

14) *Блаж. Ѳеофилакта.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ нед. мироносицъ (Марка XV, 43—47; XVI, 1—8). Воскр. Чт., г. X. 29—30.

15) *Св. Григорія Двоеслова.* Письма о томъ кого Господь извелъ съ Собою изъ ада, когда сходилъ въ оный. Христ. Чт. 1841 г. II, 93—97.

16) *Св. Григорія Богослова.* О сошествіи Іисуса Христа во адъ. Ч. III, 75. IV, 179, 358. Знаменія, бывшія во время страданій Іисуса Христа. Ч. IV, 183. Раздравшаяся завѣса храма Іерусалимскаго что̀ знаменуетъ? Ч. III. 75. Хитонъ Христовъ. Ч. I, 217.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

17) Распятіе Іисуса Христа. Іисусъ Христосъ молится за распинателей. Воины дѣлятъ между собою одежду Іисуса Христа. Воскр. Чт., г. XI, 553—564. Надпись Пилата на крестѣ. Взглядъ на крестныя страданія Іисуса Христа. Осмѣяніе Іисуса Христа, висѣвшаго на крестѣ. Покаяніе благоразумнаго разбойника. Іисусъ Христосъ препоручаетъ Матерь Свою ученику Своему Іоанну и усыновляетъ его Матери Своей. Сверхъестественное помраченіе солнца и послѣднія слова Іисуса Христа. Сверхъестественныя знаменія, послѣдовавшія за смертію Іисуса Христа. Обращеніе сотника и другихъ свидѣтелей смерти Іисуса Христа. Іисусъ Христосъ, уже умершій, пронзается въ бокъ копіемъ. Аримаѳейскій Іосифъ и Никодимъ погребаютъ Іисуса Христа. Жены свидѣтельницы погребенія. Первосвященники прилагаютъ ко гробу Іисуса Христа печать и приставляютъ стражу. Воскр. Чт. 553—578.

18) Страданія Господа нашего Іисуса Христа. Хр. Чт. 1838 г. I, 292.

19) Черты спасительнаго воспоминанія страстей Христовыхъ. Воскр. Чт., г. XXIII, 571—574, г. XXIV, 588.

20) *Прот. Думитрашко.* Антифоны страстей Господнихъ. Воскр. Чт. 1874 г. I, 183—188.

21) Молитвенныя воздыханія при размышленіи о страстяхъ Христовыхъ. Воскр. Чт., г. XVII, 519—521.

22) Мѣсто страстей Господнихъ. 1) Сіонская горница и страстной путь. Воскр. Чт., г. XIX, 534—540. Голгоѳа съ храмомъ Св. Гроба. 542—547.

23) *К. Добронравина.* Размышленія о стра-

даніяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Стран. 1860 г. Мартъ 212—222.

24) *В. Кудрявцева.* Значеніе страданій и смерти Христа Спасителя. Душеп. Чт. 1870 г. I. 249—256.

25) Крестъ Христовъ, какъ орудіе смертной казни, употреблявшейся у древнихъ народовъ. Воскр. Чт., г. XXVI, 596—608.

26) Крестъ и крестная смерть Іисуса Христа. Воскр. Чт., г. XXVII. I. 600—608.

27) Три креста на Голгоѳѣ. Воскр. Чт., г. XXXII. II, 1393.

28) Паденіе Адама и крестъ Христовъ. Воскр. Чт., г. XXII. 536—537.

29) Значеніе креста у христіанъ. Воскр. Чт., г. XXI, 464—467.

30) Исторія креста, на которомъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Собрано изъ достовѣрныхъ источниковъ Иваномъ Захар. Крыловымъ. М., 1851 г.

31) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Ев. въ Великомъ кан. св. Андрея Критскаго. Распятіе и смерть Іисуса Христа. Душеп. Чт. 1881 г. III. 340—347. Увѣровавшій разбойникъ. 347—350. Чудесныя знаменія, послѣдовавшія за распятіемъ и смертію Іисуса Христа. 350—353.

32) Разбойники, распятые со Христомъ. Душ. Чт. 1884 г. Іюнь. 170.

33) *Прот. Е. Попова.* О двухъ разбойникахъ, распятыхъ съ Іисусомъ Христомъ на крестѣ, съ примѣненіемъ ихъ примѣра къ преступникамъ. Стран. 1871 г. I. 243—253.

34) Лук. XXIII, 39—43. Примѣръ обращенія и ожесточенія. Хр. Чт. 1840, I, 318—343.

35) Лук. XXIII, 42. Воскр. Чт., г. VII. 437.

36) Лук. XXIII, 43. Воскр. Чт., г. VI. 362.

37) *А. Ковальницкаго.* Смерть Спасителя и смерть разбойника. Воскр. Чт. 1883 г. № 15.

38) *Его же.* Смерть Іисуса Христа, какъ доказательство Его Божественности. Руков. для сел. п. 1879 г. I. 349—363.

39) *М. Муретова.* Дѣйствительность смерти Господа нашего Іисуса Христа. Прав. Обозр. 1881 г. I. 667—698.

40) *Архіеп. Иннокентія.* О чудесныхъ знаменіяхъ, сопровождавшихъ страданія и смерть Іисуса Христа. Воскр. Чт., г. XXII. 564—571.

41) *О томъ же.* Пр. I. С. Воскр. Чт. 1883 г. 106—108.

42) *А. Воскресенскаго.* О тьмѣ при распятіи Іисуса Христа въ ст. „Солнечныя и лунныя затмѣнія". Воскр. Чт., г. XXXII. II. 1416—1418.

43) *Калинникова.* Св. сотникъ Лонгинъ. Воскр. Чт. 1883 г. 376—378.

44) Годъ смерти Іисуса Христа. Воскр. Чт. 1872 г. II. 381.

45) Догматическій вопросъ и отвѣтъ на него: Іисусъ Христосъ есть ли Искупитель для всей вселенной, или только для земли и человѣка? (Разборъ предположеній о множествѣ обитаемыхъ міровъ.) Душеп. Чт. 1867 года. I, февр. 64—68. (Изв. и зам.).

46) Марк. XV, 43—47. *Ѳ. Надеждина.* Усердное и дѣятельное служеніе Господу Іисусу Христу по примѣру св. Іосифа Аримаѳейскаго и женъ мироносицъ. Стран. 1864. II. май. 74—84.

47) Руѳь. Марк. XV, 21. Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1877 г. II. 141.

48) *Архіеп. Сергія.* Урокъ и упрекъ для насъ въ примѣрѣ Никодима (Іоан. XIX, 39). Душеп. Чт. 1880 года I. 113—120.

49) Распинатели Христовы. Христ. Чт. 1854 г., ч. I. 291—317.

50) Значеніе крестной смерти Іисуса Христа. Воскр. Чт. 1885 г. 183—185.

Въ словахъ и бесѣдахъ.

На Евангеліе Матѳея, гл. XXVII.

51) *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О таинственномъ значеніи троекрестія на Голгоѳѣ. IV. 212—224.

Его же. Объ искупительномъ значеніи креста Христова. III. 326—330.

52) *Его же.* Седмь словъ Спасителя на крестѣ. IV. 202—210.

53) Ст. 39—40. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Какими путями враги Богочеловѣка дошли до способности злорадно глумиться надъ ужаснѣйшими страданіями Его? I. 174—188.

54) Ст. 46. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* О чувствѣ Богооставленности Іисуса Христа. IV. 239—241.

На Евангеліе Лук. гл. XXIII.

55) Ст. 28. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О плачѣ женъ Іерусалимскихъ I. 386—387.

56) *Макарія, еп. Тамбовскаго.* Приложеніе изрѣченія Іисуса Христа о плачѣ женъ Іерусалимскихъ ко всѣмъ христіанамъ у подножія креста Христова въ Великую Пятницу. I. 65—72.

57) *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Почему Іисусъ Христосъ отвергъ слезы женъ Іеру-

салимскихъ. II. 500—502. Нравственное приложеніе. 503—508.

58) Ст. 42. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Кто можетъ достойно произносить слова разбойника? III. 177—181. Примѣръ разбойника не можетъ служить поводомъ къ отлаганію нашего покаянія до смерти. 184—187. Къ чему долженъ служить намъ примѣръ покаявшагося на крестѣ разбойника. 187—189.

59) Ст. 48. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О впечатлѣніи крестныхъ страданій Іисуса Христа, на присутствовавшій при этомъ народъ и о тяжкой отвѣтственности за нихъ всякаго грѣшника, по причинѣ его нераскаянности и неисправленія жизни. Слово въ Великій Пятокъ.

60) Ст. 48—49. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Что̀ сегодня сдѣлалъ для насъ Іисусъ Христосъ, и чѣмъ мы можемъ возблагодарить Его. II. 77—89.

На Евангеліе Іоанн., гл. XIX.

61) Ст. 13. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Крестъ Христовъ для взирающаго на него съ вѣрою имѣетъ спасительное значеніе, подобно мѣдному змѣю, вознесенному Израильтянами въ пустынѣ. I. 273—275.

62) Ст. 17—18. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О значеніи креста Христова и о томъ, въ чемъ состоитъ крестъ христіанина. II. 492—499.

63) Ст. 26. *Его же.* Объ усыновленіи Іисусомъ Христомъ Іоанна Своей Матери и о томъ, какъ мы поступать должны съ ближними, и какія суть взаимныя наши обязанности. III. 297—304.

64) Ст. 26—27. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Объ утѣшеніяхъ, подаваемыхъ со креста распятымъ Господомъ. II. 204.

65) Ст. 30. *Филарета, митроп. Московскаго.* О таинственномъ знаменованіи изрѣченія: *совершишася.* I. 122—126.

66) Ст. 37. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Объ исполненіи пророчественныхъ словъ Захаріи XII, 10 надъ распинателями Іисуса Христа въ послѣдній день міра и о томъ, что христіане могутъ быть вторыми распинателями Сына Божія. IV. 537—550. О тяжкой винѣ распинателей Христовыхъ и о томъ, что христіане своими грѣхами вторично распинаютъ Сына Божія. II. 509—517.

О воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа.

Примиреніе нѣкоторыхъ видимыхъ несогласій въ повѣствованіи святыхъ Евангелистовъ о воскресеніи и явленіяхъ воскресшаго Господа.

(Св. Амвросія Медіоланскаго.)

1) О времени воскресенія Господа Іисуса Христа.

Многіе находятся въ большомъ недоумѣніи касательно времени воскресенія Господа; ибо хотя Евангелисты не противорѣчатъ другъ другу, впрочемъ, повидимому, различно говорятъ о семъ. Именно: по Евангелисту Лукѣ—*зѣло рано* (XXIV, 1), по Евангелисту Марку—*зѣло заутра* (XVI, 2), по Евангелисту Матѳею—*въ вечеръ субботный* XXVIII, 1), по Евангелисту Іоанну—*во едину отъ субботъ, еще сущей тмѣ* (XX, 1), жены пришли ко гробу. Итакъ, какъ примирить сіе, чтобы не допустить, что Евангелисты говорятъ о различныхъ временахъ? Прежде всего должно обратить вниманіе на то, что̀ написано: *въ вечеръ же субботный свитающи во едину отъ субботъ, пріиде Маріа Магдалина и другая Маріа видѣти гробъ. И се трусъ бысть велій* (Матѳ. XXVIII, 1—2). Значитъ, Господь воскресъ не въ день субботный, такъ какъ *въ субботу* жены *умолчаша по заповѣди* (Лук. XXIII, 56), но послѣ субботняго дня, слѣдовательно ночью; ибо жены, пришедшія заутра, хотя пришли зѣло рано, впрочемъ узнаютъ, что Господь уже воскресъ.

Итакъ, должно та́къ расположить время, чтобы воскресеніе приходилось утромъ въ день воскресный,—первый послѣ субботы, а не въ субботу; ибо иначе ка́къ бы исполнились три дня? Значитъ, Господь воскресъ не при наступленіи вечера, а послѣ полуночи. И дѣйствительно, въ Греческомъ текстѣ стоитъ—*поздно* (по нашему переводу: *въ вечеръ* (Матѳ. XXVIII, 1),—выраженіе, означающее и часъ при захожденіи солнца и употребляемое для выраженія вообще промедленія, если напримѣръ сказать: вещь сія доставлена мнѣ поздно, т. е. не въ надлежащую пору: или—онъ поздно пришелъ, т. е. пришелъ послѣ назначеннаго времени, и хотя бы пришелъ утромъ въ слѣдующій день, все однако поздно, потому что прошло назначенное время. Поздно означаетъ такъ же и глубокую полночь, если напримѣръ сказать: онъ поздно всталъ для ночной работы, т. е. всталъ не въ вечернее время, а въ глубокую полночь.—Далѣе и архіереи, *собравшеся со старцы*, подтверждаютъ, что воскресеніе случилось ночью, говоря стражамъ: *рцыте, яко ученицы Его нощію пришедше украдоша Его,*

намъ спящимъ (Матѳ. XXVIII, 13); они думали подтвердить обманъ свой временемъ, въ которое, по словамъ стражей, сіе случилось.—Наконецъ, святый Іоаннъ говоритъ, что Марія Магдалина пришла къ нему и къ Петру заутра, *еще сущей тмѣ* (XX, 1), и вмѣстѣ представляетъ ее невѣдущею о совершившемся воскресеніи; а если бы оно совершилось при наступленіи вечера, то тотчасъ же могло сдѣлаться извѣстнымъ.

2) Какъ согласить, что у Евангелиста Іоанна Апостолы въ первое явленіе приняли Духа Святаго (XX, 22), а у Евангелиста Луки имъ повелѣвается *сидѣть во градѣ Іерусалимстѣ, дондеже облекутся силою свыше?*

Духа Святаго воскресшій Господь или вдохнулъ только одиннадцати Апостоламъ, какъ болѣе совершеннымъ, а остальнымъ обѣщаетъ сообщить послѣ; или однимъ и тѣмъ же и тамъ вдохнулъ и здѣсь обѣщалъ. Противорѣчія здѣсь нѣтъ; поелику *раздѣленія дарованій сутъ: овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума о томъ же Дусѣ: другому же вѣра тѣмъ же Духомъ, иному же дарованія исцѣленій о томъ же Дусѣ: другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ* (1 Коринѳ. XII, 8—10). Итакъ одно дѣйствіе вдохнулъ тамъ, другое обѣщаетъ здѣсь. Ибо тамъ дана была благодать—отпущать грѣхи, и потому-то вдыхается Христомъ, чтобы ты вѣрилъ, что это—Духъ Христа, и вѣрилъ, что Духъ отъ Бога; ибо одинъ Богъ отпущаетъ грѣхи: а Лука описываетъ сообщеніе дара языковъ. Посему тамъ читаемъ: *пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ* (Іоан. XX, 22—23); а въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ говорится такъ: *и исполнишася вси Духа Свята и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати* (XI, 4).

3) Почему святый Лука упоминаетъ о видѣніи женами двухъ мужей (XXIV, 4); Маркъ—одного юноши, сѣдяща въ десныхъ, одѣяна въ одежду бѣлу (XVI, 5), Матѳей—одного Ангела (XXVIII, 2), а Іоаннъ—двухъ Ангеловъ, единаго у главы и единаго у ногу (XX, 12)?

Различіе видѣній означаетъ множество служебныхъ Ангеловъ, по обѣтованію Самого Господа: *узрите Ангелы, восходящія и нисходящія надъ Сына Человѣческаго* (Іоан. I, 51).

4) Почему у святаго Матѳея и Марка Господь велитъ сказать ученикамъ: *варяю вы въ Галилеи: тамо Мене видите* (Матѳ. XXVI, 32; XXVIII, 7. Марк. XVI, 7), а по Евангелисту Лукѣ и Іоанну Онъ явился имъ еще въ горницѣ въ Іерусалимѣ?

Онъ являлся часто—и болѣе пятисотъ братіямъ, и Петру, и Іакову, какъ свидѣтельствуетъ о семъ святый Апостолъ (1 Коринѳ. XV, 5—8); и Лука въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ говоритъ, что Онъ предъ учениками *постави Себе жива по страданіи Своемъ, во многихъ истинныхъ знаменіихъ являяся имъ и глаголя яже о Царствіи Божіи* (I, 3).—Мнѣ кажется, приличнѣе всего допустить, что Господь повелѣлъ ученикамъ идти въ Галилею видѣть Его; но поелику они страха ради заперлись въ горницѣ; то Онъ прежде явился имъ здѣсь и, ободривъ ихъ, велѣлъ одиннадцати ученикамъ идти въ Галилею (Воскр. Чт., г. XIV, стр. 15—17).

Евангельскія извѣстія о воскресеніи Христовомъ.

(Ѳ. Смирнова.)

Кто внимательно сталъ бы сравнивать извѣстія четырехъ Евангелистовъ

объ этомъ событіи во всѣхъ подробностяхъ, тотъ можетъ встрѣтиться съ нѣкоторыми разностями и даже противорѣчіями въ ихъ разсказѣ, которыя, повидимому, трудно примирить.

Такъ святый Матѳей (XXVIII) разсказываетъ о двухъ женахъ Маріи Магдалинѣ и другой Маріи, матери Іакова, что онѣ, пришедши рано ко гробу, нашли его пустымъ и получили отъ Ангела вѣсть о воскресеніи Іисуса Христа вмѣстѣ съ порученіемъ ученикамъ, чтобы они спѣшили въ Галилею, гдѣ и увидятъ Воскресшаго. То же повторяетъ этимъ двумъ женамъ Самъ Іисусъ Христосъ, явившійся имъ на обратномъ пути. И одиннадцать учениковъ спѣшатъ въ Галилею, видятъ тамъ Господа на горѣ и получаютъ Его послѣднія повелѣнія. Кромѣ этого одного явленія ученикамъ, у Евангелиста Матѳея ни о какомъ другомъ не говорится; даже кажется, будто другаго явленія прежде этого и быть не могло, такъ какъ нѣкоторые изъ учениковъ, увидѣвъ Воскресшаго, усумнились (17).

Евангелистъ Маркъ (XVI) начинаетъ разсказъ подобно Евангелисту Матѳею, только къ двумъ Маріямъ присоединяетъ еще Соломію; три жены видятъ Ангела, сидящаго во гробѣ, и послѣ услышанной отъ него вѣсти бѣгутъ съ такимъ страхомъ, что не смѣютъ никому ничего сообщить. Только Маріи Магдалинѣ, по разсказу Евангелиста Марка, явился Іисусъ, и она одна видѣла Его,—о другихъ же женахъ не говорится. Но къ этому у Евангелиста Марка присоединяется явленіе Іисуса Христа двумъ ученикамъ на дорогѣ, когда они шли въ Еммаусъ, о чемъ святый Матѳей не упоминаетъ, и затѣмъ явленіе Господа одиннадцати возлежавшимъ—вѣроятно—на пасхальной вечери. Хотя сказанное воскресшимъ въ этомъ случаѣ (Марк. XVI, 15 и др.) согласно съ тою рѣчью, какую Евангелистъ Матѳей влагаетъ въ Его уста, когда говоритъ о явленіи ученикамъ на горѣ въ Галилеѣ, однако Евангелистъ Маркъ ни однимъ словомъ не даетъ замѣтить, что они произнесены въ Галилеѣ, хотя и упоминаетъ о повелѣніи Ангела ученикамъ идти туда. Скорѣе кажется, будто какъ явленіе это, такъ и все, слѣдовавшее за нимъ по разсказу Евангелиста Марка совершилось въ самый первый вечеръ по воскресеніи и притомъ въ Іерусалимѣ.

Подобное же впечатлѣніе производитъ повѣствованіе Евангелиста Луки (XXIV). По его разсказу ко гробу пришла Марія Магдалина, Іоанна, Марія Іаковлева и другія съ ними, стало быть, по крайней мѣрѣ, пять женъ пришли ко гробу, нашли его пустымъ, видѣли стоящихъ въ немъ двухъ Ангеловъ, принесли полученную отъ нихъ вѣсть ученикамъ и тѣмъ возбудили Петра спѣшить ко гробу. Что одна или многія жены видѣли самого Воскресшаго, — объ этомъ онъ ничего не говоритъ. Напротивъ, онъ разсказываетъ потомъ объ ученикахъ, шедшихъ въ Еммаусъ, и о явленіи имъ Господа, упоминаетъ мимоходомъ, что и Симонъ видѣлъ Господа (XXXIV), присоединяя къ этому исторію явленія Воскресшаго одиннадцати вечеромъ того же дня, и ведетъ разсказъ, подобно Евангелисту Марку, до конца непрерывно, такъ что кажется, будто Іисусъ Христосъ въ тотъ же вечеръ и вознесся на небо, выведши, впрочемъ, учениковъ изъ Іерусалима и доведши до Виѳаніи (50).

Повѣствованіе Евангелиста Іоанна рѣзко отличается отъ извѣстія другихъ Евангелистовъ. По его разсказу только Марія Магдалина еще до разсвѣта пришла ко гробу и, нашедши камень отваленнымъ, въ величайшемъ смяте-

ніи спѣшитъ къ Петру и Іоанну съ страшною вѣстью: взяли Господа изъ гроба. Оба Апостола пришли, посмотрѣли гробъ и возвратились. Марія же, пришедшая снова и оставшаяся послѣ нихъ у гроба, видѣла двухъ Ангеловъ во гробѣ и Самого Іисуса, Котораго она сначала приняла за садовника и принесла вѣсть собравшимся ученикамъ. Вечеромъ въ тотъ же день имъ явился Іисусъ чрезъ затворенныя двери, съ привѣтствіемъ мира, удостовѣрилъ ихъ въ Своемъ воскресеніи и сообщилъ Духа Святаго. Только Ѳома не присутствовалъ при этомъ. Потому Господь, спустя восемь дней, является въ другой разъ, чтобы увѣрить и этого ученика, и затѣмъ въ третій разъ является нѣсколькимъ собравшимся вмѣстѣ Апостоламъ въ Галилеѣ, при морѣ Тиверіадскомъ (Іоан. XXI, 14).

О явленіяхъ Іисуса Христа по воскресеніи упоминаетъ, наконецъ, Апостолъ Павелъ, по словамъ котораго Воскресшій явился Кифѣ, т. е. Петру, потомъ двѣнадцати, затѣмъ болѣе нежели пяти стамъ братьевъ вмѣстѣ,—о чемъ не упоминаетъ ни одинъ Евангелистъ,—потомъ Іакову, брату Господню, о чемъ также умалчиваютъ Евангелисты,—а также всѣмъ Апостоламъ, и наконецъ, ему самому (1 Коринѳ. XV, 4—9).

Такимъ образомъ въ извѣстіяхъ Евангелистовъ относительно воскресенія Христова замѣчаются разности, и даже, повидимому, нѣкоторыя противорѣчія. Противорѣчіе наиболѣе замѣтно въ томъ, что Евангелистъ Матѳей не говоритъ ни о какомъ другомъ явленіи Воскресшаго ученикамъ, кромѣ явленія въ Галилеѣ, а разсказъ Евангелиста Луки, напротивъ, повидимому совершенно исключаетъ это явленіе. Быть въ Галилеѣ по воскресеніи прежде учениковъ Іисусъ Христосъ обѣщалъ имъ уже въ ночь предъ Его страданіями (Матѳ. XXVI, 32); по воскресеніи Ангелъ подтверждаетъ Его обѣщаніе, равно какъ повторяетъ его и Самъ Іисусъ Христосъ, когда является женамъ (Матѳ. XXVIII, 7, 10). Но какъ скоро Онъ повелѣваетъ ученикамъ идти въ Галилею,—кажется, будто они ничего не должны ожидать въ Іерусалимѣ, а по разсказу Евангелиста Луки (XXIV, 49) выходитъ напротивъ, будто Онъ рѣшительно запрещаетъ имъ отлучаться изъ Іерусалима: «оставайтесь въ Іерусалимѣ, пока облечетесь силою свыше», говоритъ Онъ имъ какъ будто уже вечеромъ въ день воскресенія.

Какъ примирить это противорѣчіе? Нѣкоторые пытаются примирить это противорѣчіе тѣмъ, что подъ горою Галилейскою, о которой говоритъ Евангелистъ Матѳей, разумѣютъ сѣверную вершину Масличной горы. Но такое объясненіе натянуто и произвольно, и притомъ въ такомъ случаѣ не остается мѣста для явленія при морѣ Тиверіадскомъ. Поищемъ другаго объясненія.

Прежде всего свидѣтельство Апостола Павла приводитъ къ убѣжденію, что явленія воскресшаго Господа не могли совершиться всѣ въ теченіи одного дня, такъ что если по разсказу Евангелиста Марка и Луки и кажется, будто они совершились въ первый день, то не больше, какъ кажется такъ. Это подтверждаетъ и самъ Евангелистъ Лука. Въ книгѣ Дѣян. (I, 3), имъ же написанной, мы читаемъ, что Воскресшій въ теченіи сорока дней неоднократно являлся ученикамъ, и что повелѣніе не отлучаться изъ Іерусалима Онъ далъ имъ при Своей разлукѣ (11). равно какъ и Апостольскія полномочія, а такъ какъ это повелѣніе своего Господа они получили только въ день вознесенія Его на небо, то

до этого дня они уже могли возвратиться отъ моря Тиверіадскаго и съ Галилейской горы.

Такимъ образомъ Евангелистъ Лука чрезъ это болѣе точное указаніе времени означеннаго событія даетъ намъ ключъ къ правильному пониманію его Евангельскаго извѣстія. Именно, онъ, равно какъ и Евангелистъ Маркъ, въ своемъ извѣстіи о воскресеніи Христовомъ рядъ явленій Воскресшаго и главное содержаніе Его рѣчей соединилъ для краткости въ одно. Это соотвѣтствуетъ чудесному характеру тѣхъ дней, когда время и часы исчезали для учениковъ. Всѣ откровенія Воскресшаго ученикамъ, это неоднократное появленіе и исчезновеніе Его было одною сплошною разлукою, такъ что каждое изъ нихъ казалось какъ-бы послѣднимъ. Но если непрерывный ходъ событій, какъ изложенъ онъ въ Евангеліи, представить совершающимся въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, то повелѣніе оставаться въ Іерусалимѣ, данное ученикамъ позже, нисколько не противорѣчитъ пришествію ихъ въ Галилею, совершившемуся гораздо раньше.

Точно также и въ повѣствованіи Евангелиста Матѳея, если имѣть въ виду особенность его Евангелія, явленіе Іисуса Христа по воскресеніи въ Галилеѣ не исключаетъ явленія въ Іерусалимѣ. Евангелистъ Матѳей раскрываетъ въ своемъ Евангеліи основныя истины въ крупныхъ чертахъ. О полнотѣ въ подробностяхъ онъ не заботится, равнымъ образомъ хронологическая точность въ передачѣ подробностей имѣла для него второстепенное значеніе. Что Іисусъ Христосъ есть сѣмя Авраама, сынъ Давида, обѣщанный царь Мессія—вотъ вообще предметъ всего его Евангелія. Одинъ онъ сообщаетъ опущенный другими Евангелистами, но значительный фактъ, что власти плотскаго Израиля въ Іерусалимѣ старались уничтожить вѣсть о воскресеніи чрезъ подкупъ стражей. Этой козни враговъ онъ противопоставляетъ явленіе Воскресшаго въ Галилеѣ одиннадцати ученикамъ, которыхъ Онъ поставилъ главами новаго общества. Явленіе Іисуса Христа на горѣ, когда Онъ говоритъ самымъ торжественнымъ образомъ о власти, Ему данной, и Своимъ посланникамъ для устроенія Своего царства даетъ повелѣнія, полномочія и обѣтованія,—это явленіе, составляя противовѣсъ Іудейской баснѣ, преимущественно предъ другими представлялось ему достойнымъ заключеніемъ его Евангелія. Что явленіе это было единственное,—этого Евангелистъ Матѳей нигдѣ не говоритъ; скорѣе, замѣчая, что одиннадцать пошли въ Галилею, куда повелѣлъ имъ Іисусъ (XXVIII, 16), даетъ этимъ замѣтить, что прежде явленія въ Галилеѣ, Іисусъ являлся уже ученикамъ, хотя не разсказываетъ, когда и гдѣ было это явленіе.

Съ высокознаменательнымъ явленіемъ Воскресшаго на горѣ въ Галилеѣ, вѣроятно, тожественно явленіе Его болѣе, чѣмъ пятистамъ братьевъ, изъ коихъ многіе были еще въ живыхъ, когда Апостолъ Павелъ, упоминающій объ этомъ явленіи, писалъ свое посланіе (1 Коринѳ. XV, 6). По крайней мѣрѣ, легче понять, что Евангелистъ Матѳей, оставаясь вѣрнымъ характеру своего разсказа, не счелъ нужнымъ упоминать о большомъ числѣ вѣрующихъ, ограничившись только главами общества, чѣмъ то, что явленіе пятистамъ братьевъ могло быть обойдено всѣми Евангелистами. Притомъ и гора была удобнымъ мѣстомъ для такого большаго собранія, и въ Галилеѣ, гдѣ Господь имѣлъ наибольше послѣдователей, скорѣе всего могло найтись такое большое число послѣдователей, тогда какъ въ Іерусалимѣ въ день Пятидесятницы собралось только 120 уче-

никовъ (Дѣян. I, 15). Наконецъ, такъ какъ Евангелистъ Матѳей замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на горѣ въ Галилеѣ при видѣ Воскресшаго еще усумнились (XXVIII, 17), то это скорѣе возможно при большомъ стеченіи учениковъ, изъ которыхъ многіе еще не видѣли Его, чѣмъ при собраніи только одиннадцати, которымъ Онъ являлся уже не разъ.

Такимъ образомъ главное различіе и кажущееся противорѣчіе между Евангельскими извѣстіями, относящимися къ событіямъ воскресенія Христова, примиряется безъ натяжки. Притомъ, всматриваясь внимательнѣе въ Евангельскія повѣствованія, нельзя не замѣтить, что настроеніе, въ какомъ находились ученики Іисуса Христа въ первый день воскресенія Его, далеко не благопріятствовало высоковажному собранію ихъ въ Галилеѣ. Изъ Евангельскаго разсказа мы видимъ, что они не высказывали твердой готовности слѣдовать повелѣнію—идти въ Галилею. Когда жены принесли имъ Ангельскую вѣсть о воскресеніи Учителя,—это показалось имъ баснью (Лук. XXIV, 11). Когда Марія Магдалина сказала, что сама видѣла Господа, —они не повѣрили (Марк. XVI, 11). Когда два ученика, возвратившіеся изъ Еммауса, принесли радостную вѣсть о встрѣчѣ съ Воскресшимъ одиннадцати,— послѣдніе хотя отвѣчали: «воистину воскресъ Господь и явился Симону»; но вѣра ихъ была еще слаба, не проникла въ ихъ сердца и не перешла въ увѣренность, и они усумнились и испугались, когда Онъ предсталъ предъ ними, принимая Его за привидѣніе (Лук. XXIV, 34, 37, 41), такъ что Евангелистъ Маркъ справедливо могъ сказать, что и двумъ Еммаусскимъ они не повѣрили (XVI, 13). Только тогда, когда Господь разсѣялъ ихъ невѣріе и увѣрилъ ихъ всѣми признаками тѣлесности Своей,—они увѣровали и обрадовались; то же самое Онъ долженъ былъ сдѣлать для одного Ѳомы, спустя восемь дней (Іоан. XX, 20, 26). Такъ сильно было недовѣріе и сомнѣніе. Какимъ же образомъ Апостолы, съ такимъ трудомъ повѣрившіе воскресенію при видѣ Воскресшаго собственными глазами, могли бы, по одному заочному повелѣнію, идти въ Галилею, если бы прежде этого въ Іерусалимѣ не было побѣждено ихъ невѣріе, и они собственными глазами не удостовѣрились въ Его воскресеніи?

Попытаемся теперь установить порядокъ событій, на сколько это возможно. Послѣ субботы, когда насталъ первый день недѣли (такъ говорится у Евангелиста Матѳея XXVIII, 1), двѣ Маріи съ Саломіею (Марк. XVI, 1), Іоанною и другими (Лук. XXIV, 10), вышли, чтобы идти ко гробу. Рано еще до разсвѣта (въ утренніе сумерки) оставили они городъ (Лук. XXIV, 1). Землетрясеніе навело на нихъ страхъ (Матѳ. XXVIII, 2) и вмѣстѣ навело на мысль, что что-то случилось необыкновенное. Марія Магдалина, наиболѣе возбужденная, поспѣшила впередъ и пришла ко гробу, когда еще темно было (Іоан. XX, 1), увидѣла камень отваленнымъ и, полная страха, убѣжала назадъ; и прибѣжавши къ ученикамъ, она, отъ лица многихъ, хотя о другихъ женахъ у Іоанна не упоминается, говоритъ: взяли Господа, и *мы* не знаемъ, гдѣ положили Его (2).

Въ то время, какъ она собиралась уходить, вѣроятно пришли остальныя жены, когда только что солнце взошло (Марк. 2). Онѣ вошли во гробъ и видятъ Ангела (Матѳ. XXVIII, 5. Марк. XVI, 5) или двухъ (Лук. XXIV, 4, 23), одного уже внѣ гроба (Матѳ.), и внутри двухъ или одного, сидящаго (Марк.) или стоящаго (Лук.)—это мѣняется, смотря по вѣстницѣ. Ангелы возвѣщаютъ

имъ, чтобы онѣ не искали Живаго между мертвыми.

Послѣ этого жены возвращаются, полныя радости и страха. Онѣ сначала не смѣли никому ничего сказать изъ опасенія, что ихъ разсказъ примутъ за басню, какъ это и случилось.

Между тѣмъ Апостолъ Петръ, по извѣстію Луки, одинъ (XXIV, 12), а по извѣстію Іоанна (XX, 3), Петръ и другой ученикъ, котораго, впрочемъ, Петръ опередилъ, идутъ ко гробу; по извѣстію Іоанна послѣ вѣсти, принесенной Магдалиною, такъ какъ онъ упоминаетъ о ней одной, какъ первой вѣстницѣ, а по извѣстію Луки по возвращеніи всѣхъ женъ, такъ какъ и другія вѣроятно возвратились вслѣдъ за Магдалиною, прежде чѣмъ ученики могли уйти.

Послѣ того какъ два ученика оставили гробъ, Марія Магдалина, пришедшая вѣроятно опять вслѣдъ за ними, остается у гроба, видитъ тамъ Ангела и затѣмъ Самого Господа (Іоан. XX, 14. Марк. XVI, 9). Очень можетъ быть, что къ этому времени подоспѣла и другая Марія, согласно извѣстію Матѳея (XXVIII, 9—10), по которому Іисусъ явился двумъ Маріямъ, если только Евангелистъ не соединилъ разновременныя явленія въ одно, такъ какъ Воскресшій явился и всѣмъ женамъ вмѣстѣ, когда онѣ возвращались уже назадъ.

Во всякомъ случаѣ, кажется, два ученика, шедшіе въ Еммаусъ, оставили Іерусалимъ, прежде чѣмъ какая-нибудь изъ женъ видѣла Самого Воскресшаго, или по крайней мѣрѣ, не зная еще ничего о такомъ явленіи (Лук. XXIV, 23). На пути Господь, пришедши къ нимъ, прежде чѣмъ они Его узнали, зажегъ ихъ сердца объясненіемъ Писанія (Лук. XXIV, 32). Въ то время, когда они спѣшили назадъ въ Іерусалимъ, Воскресшій явился и Симону Петру (Лук. XXIV, 35. 1 Коринѳ. XV, 5), потомъ собравшимся Апостоламъ (Марк. XVI, 14. Лук. XXIV, 36, 43, Іоан. XX, 19—23. 1 Коринѳ. XV, 5), и чрезъ восемь дней въ другой разъ когда и Ѳома былъ съ ними (Іоан. XX, 24 и д.); въ третій разъ Онъ явился семи ученикамъ при морѣ Тиверіадскомъ (Іоан. XXI); затѣмъ явился одиннадцати Апостоламъ и вѣроятно въ это же время болѣе пятистамъ братьевъ на горѣ въ Галилеѣ (Матѳ. XXVIII, 16 и д. Марк. XVI, 15—18. 1 Коринѳ. XV, 6). Тѣмъ временемъ еще Іаковъ особо удостоился видѣть Господа (1Коринѳ. XV, 7). Наконецъ, Онъ явился въ послѣдній разъ всѣмъ Апостоламъ и, выведши ихъ изъ Іерусалима до Виѳаніи, предъ ихъ глазами вознесся на небо (1 Коринѳ. XV, 7. Марк. XVI, 19. Лук. XXIV, 44 и д. Дѣян. I). По вознесеніи на небо явился одному Апостолу Павлу.

Такъ возникла и утвердилась въ мірѣ вѣсть о воскресеніи Іисуса Христа, о которой Апостолъ Павелъ говоритъ: «я ли, или они (т. е. другіе Апостолы) мы такъ проповѣдуемъ и такъ вы увѣровали (1 Коринѳ. XV, 11)». Свидѣтельство Апостола Павла о воскресеніи, такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ свидѣтельство двѣнадцати и даже болѣе пятисотъ братьевъ. Свидѣтельство Апостола Павла имѣетъ особенную важность, какъ свидѣтельство человѣка, въ которомъ явленіе воскресшаго Господа произвело столь рѣшительный и чудесный переворотъ въ образѣ мыслей и жизни человѣка, который истинность своего убѣжденія доказалъ цѣлою жизнью, одушевленною пламенною любовью ко Христу, полною борьбы и самопожертвованія; человѣка, который, обладая Богодухновенною ясностью ума, умѣлъ отличать отъ состояній экстаза, о которыхъ онъ лишь изрѣдка и неохотно говорилъ, и въ которыхъ онъ слышалъ не-

изрѣченные глаголы (2 Коринѳ. XII, 4), дѣйствительное событіе, когда онъ въ Дамаскѣ видѣлъ Господа, о Которомъ онъ часто говорилъ въ своей проповѣди, какъ о событіи, съ котораго началось его обращеніе ко Христу и его призваніе къ Апостольству въ средѣ язычниковъ (Галат. I, 16—17. 1 Коринѳ. IX, 5; XV, 3, 8). Какъ извѣстно, уже въ его время въ Коринѳскомъ обществѣ были люди, отрицавшіе воскресеніе Христово и воскресеніе вообще. Это давало Апостолу поводъ къ могущественному свидѣтельству истины, которое не только тогда низлагало заблужденіе, но и для послѣдующаго времени остается какъ-бы скалою, предъ которою со стыдомъ останавливаются пѣнящіяся волны того же лжемудрствованія.

Правда, есть нѣчто въ высшей степени поражающее въ пасхальномъ Евангельскомъ повѣствованіи: Умершій снова стоитъ живой предъ Своими учениками, съ тѣломъ, которое имѣетъ свойства дѣйствительнаго тѣла и въ то же время свойства совершенно иныя, противоположныя: съ тѣломъ изъ плоти и костей, которое видимо и осязаемо, какъ прежде, которое сохраняетъ раны, вкушаетъ пищу и которое однако проходитъ чрезъ затворенныя двери, дѣлается невидимымъ и, наконецъ, возносится на небо: это кажется намъ совершеннымъ противорѣчіемъ законамъ бытія и законамъ нашей мысли; логически такое тѣло немыслимо. Но такъ и должно быть, когда высшія силы дѣйствуютъ въ этомъ мірѣ, когда преображенная жизнь является среди непреображенной. И мы должны нѣкогда достигнуть подобія прославленному тѣлу Христа Спасителя (Филиппис. III, 21. 1 Коринѳ. XV, 49); такъ какъ и мы носимъ въ нашемъ естественномъ, или—какъ называетъ Апостолъ—душевномъ тѣлѣ, зародышъ духовной жизни, подобно сѣмени заключающій въ себѣ начало высшаго развитія (1 Коринѳ. XV, 44, 37).

Духовное тѣло не есть чистый духъ, такъ точно, какъ наше теперешнее тѣло не состоитъ только изъ души, но какъ настоящее тѣло, въ своемъ временномъ непродолжительномъ бытіи, служитъ душѣ орудіемъ, такъ духу, когда онъ въ царствѣ славы достигнетъ полнаго развитія силы и господства, будетъ дано соотвѣтствующее орудіе, т. е. тѣлесная форма, чуждая слабостей матеріи, въ которой ничто не будетъ представлять духу препятствія въ его свободнѣйшемъ движеніи.

Это и видимъ мы въ Іисусѣ Христѣ, первенцѣ изъ мертвыхъ. Мы не можемъ себѣ представить этого въ настоящемъ состояніи. Но мы понимаемъ это, какъ завершеніе дѣла искупленія, безъ котораго послѣднее было бы сводомъ, которому не доставало бы заключительнаго камня. Мы понимаемъ это, какъ дѣйствіе всемогущей силы Божіей, которою Онъ дѣйствуетъ во Христѣ (Ефес. I, 19—20).

Да, воскресеніе Распятаго есть корень, основаніе Евангелія. «*Если Христосъ не воскресъ,* говоритъ Апостолъ Павелъ, *то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша*» (1 Коринѳ. XV, 14). Если бы не было воскресенія Христова, тогда не было бы и искупленія. Что такое искупленіе? Это—выкупъ отъ грѣха и смерти; выкупъ, чрезъ который исполнена всякая правда, и въ силу котораго мы получаемъ право на вѣчную жизнь. *За грѣхи наши Господь преданъ и воскресъ для нашего оправданія* (Римлян. IV, 24), *и мы, оправдавшись вѣрою, имѣемъ миръ съ Богомъ чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго вѣрою и получили мы доступъ къ той благодати, въ которой стоимъ и хвалимся надеждою славы*

Божіей (Римлян. V, 1—2). Безъ воскресенія Христова все это рушится, и мы пребывали бы еще во грѣхахъ и смерти (Воскр. Чт., 1882 г., стр. 121—127).

Ангелы во гробѣ воскресшаго Спасителя.

И вшедше во гробъ, видѣша юношу сѣдяща въ десныхъ, одѣяна въ одежду бѣлу, и ужасошася (Марк. XVI, 5). *И видѣ два Ангела въ бѣлыхъ ризахъ сѣдяща, единаго у главы и единаго у ногу, идѣже бѣ лежало тѣло Іисусово* (Іоан. XX, 12). При ближайшемъ сравненіи четырехъ Евангелій открывается, что Евангелисты Маркъ и Лука вѣстниковъ, видѣнныхъ во гробѣ воскресшаго Спасителя, называютъ «юношами», между тѣмъ какъ Евангелисты Матѳей и Іоаннъ называютъ ихъ Ангелами». Нужно, конечно, согласиться, что небесные духи; чтобы быть видимыми человѣку, должны были принять какой либо человѣческій видъ. И поелику они нерѣдко являлись въ человѣческомъ видѣ, то поэтому въ такихъ случаяхъ и говорится о нихъ, какъ о *людяхъ,* что, конечно, относилось ко *временному* ихъ явленію; въ другой же разъ они являлись, какъ *Ангелы,* и потому тамъ и говорится о нихъ, какъ объ Ангелахъ, каковымъ названіемъ обозначалось *собственное* ихъ существо (Быт. XVIII, 2; XIX, 1; XXXII, 24).

Совершенно согласно съ этимъ поступаютъ и Евангелисты въ названіи небесныхъ вѣстниковъ и посѣтителей гроба Іисуса Христа. Два Евангелиста называютъ ихъ юношами, потому что видѣли ихъ въ человѣческомъ видѣ, а другіе два называютъ прямо Ангелами, выражая этимъ собственное ихъ существо и то, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Можетъ ли въ этомъ представляться что-нибудь странное или противорѣчащее?

Другое мнимое противорѣчіе касается *числа* Ангеловъ: Евангелисты Матѳей и Маркъ говорятъ объ *одномъ,* Евангелисты же Лука и Іоаннъ, напротивъ, упоминаютъ о *двухъ*.

Но это противорѣчіе, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается больше воображаемымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Нужно сначала замѣтить, что оба Евангелиста, упоминающіе объ одномъ только Ангелѣ, ничего не говорятъ такого, что̀ исключало бы возможность присутствія тамъ другаго Ангела; они собственно упоминаютъ только о *говорившемъ* Ангелѣ, что̀ во всякомъ случаѣ допускаетъ возможность присутствія и другаго Ангела, своимъ молчаніемъ показавшаго свое согласіе съ тѣмъ, что̀ говорилъ первый. При этомъ нужно взять также во вниманіе, что Марія *не одинъ разъ* приходила ко гробу, и въ первый разъ она видѣла одного, а въ другой разъ двухъ Ангеловъ (Іоан. XX, 1—12), что̀ очень легко объясняется также и изъ того обстоятельства, что когда она въ первый разъ пришла ко гробу, то была еще полутьма, «свѣтало»; такъ что очень легко могло произойти, что она замѣтила одного Ангела вмѣсто двухъ, чему не мало способствовалъ и ея страхъ при видѣ Ангела.

Подобныя мнимыя разногласія въ Евангеліяхъ, при безпристрастномъ разсмотрѣніи ихъ, служатъ скорѣе доказательствами Божественнаго происхожденія Евангелій и ничего не говорятъ противъ ихъ подлинности. Если бы тутъ былъ подлогъ, то постарались бы о полнѣйшемъ согласіи въ самыхъ мелочахъ, для устраненія всякаго подозрѣнія въ обманѣ. При написаніи же священныхъ книгъ писатели ихъ не только не совѣщались одинъ съ другимъ, а нерѣдко не знали даже другъ о другѣ. Каждый писалъ по внушенію Святаго Духа, а вмѣстѣ и по собственному убѣжденію,

что написанное имъ была Божественная истина. Имѣя же въ виду, что книги Священнаго Писанія написаны различными лицами въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе мы должны удивляться, что всѣ онѣ вполнѣ согласны между собою и составляютъ гармоническое цѣлое. Это могло произойти только отъ того, что одинъ и тотъ же Духъ Святый руководилъ всѣми библейскими писателями. Вслѣдствіе этого и бываетъ очень часто, что подъ мнимыми противорѣчіями лежитъ сокрыто самое точное согласіе, и что изрѣченія Священнаго Писанія, повидимому, подрывающія авторитетъ его, въ дѣйствительности служатъ самыми сильными, прямыми или косвенными, доказательствами его Божественности, убѣждающими невѣрующихъ, обильно награждающими прилежныхъ изслѣдователей его и укрѣпляющими въ вѣрѣ вѣрующихъ.

Самый же фактъ, что Ангелы оставались въ пустомъ гробѣ Спасителя, служитъ доказательствомъ Его воскресенія, равно какъ и дѣйствительности нашего искупленія (Воскр. Чт. 1876 г., т. I, стр. 195—196).

Воскресеніе Христово.

(По синаксарю въ святую недѣлю Пасхи.)

Въ святую и великую недѣлю Пасхи празднуемъ живоносное воскресеніе Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа. Этотъ праздникъ называется *Пасхою* (Еврейское слово значитъ—прехожденіе). Въ этотъ день Богъ вначалѣ привелъ міръ изъ небытія въ бытіе; въ этотъ день Онъ провелъ Израильтянъ изъ Египетской неволи чрезъ Чермное море; въ этотъ же день Господь, сшедши съ небесъ, вселился въ дѣвственную утробу, а теперь, исторгнувъ изъ адскихъ темницъ человѣческое естество, возвелъ его на небо и возвратилъ ему древнее достояніе нетлѣнія. Поэтому мы съ необычайною радостью свѣтло празднуемъ воскресеніе Христово, и въ знакъ прекращенія вражды и примиренія съ Богомъ и съ Ангелами привѣтствуемъ лобзаніемъ другъ друга.

Воскресеніе же Христово было такъ: когда Ангелъ отвалилъ камень отъ гроба и произошло землетрясеніе, воины, бывшіе у гроба на стражѣ, разбѣжались отъ ужаса. Тогда же пришли ко гробу и жены. Первѣе всѣхъ воскресеніе Христово дано было познать Божіей Матери, сидѣвшей съ Магдалиною у гроба. Евангелистъ же говоритъ, что первой явлено было воскресеніе Маріи Магдалинѣ затѣмъ, чтобъ вѣсть о воскресеніи Христовомъ не была заподозрѣна, если бъ она передана была отъ Матери Божіей. Воскресеніе возвѣстилъ женамъ Ангелъ. Сказавъ Апостоламъ Петру и Іоанну радостную вѣсть о воскресеніи Господнемъ, Марія Магдалина съ другою Маріею удостоилась первая явленія воскресшаго Господа. Такъ и надо было, чтобъ тотъ полъ, который впервые слышалъ: «въ болѣзнехъ родиши чада твоя», прежде другаго услышалъ и радостную вѣсть. Затѣмъ ко гробу пришли Іоаннъ и Петръ. А Марія Магдалина съ другими женами приходитъ въ третій разъ ко гробу и опять слышитъ отъ двухъ Ангеловъ вѣсть о воскресеніи Христовомъ и, возвращаясь отъ гроба, встрѣчаетъ Христа и слышитъ отъ Него повелѣніе возвѣстить братіи о томъ, что она видѣла и слышала. Впрочемъ, прихожденіе женъ ко гробу было неоднократно и объ этомъ говорятъ различно, а съ ними была и Богородица, Которую Евангеліе въ семъ случаѣ называетъ Маріею Іосіевою.

Нельзя опредѣлить, въ какомъ именно часу послѣдовало воскресеніе Хри-

стово; объ этомъ говорятъ различно. А какъ считается воскресеніе Христово тридневнымъ,—узнай: вечеръ четверга и день пятка,—вотъ сутки, по Еврейскому счету. Ночь пятка и день субботный—другія сутки. Субботняя ночь и день недѣльный третьи сутки. Здѣсь начало дня приписывается за цѣлый день. Считаютъ еще и такъ: въ третій часъ пятка распятъ былъ Христосъ, отъ шестаго до девятаго часа была тьма,—вотъ день и ночь. Послѣ затмѣнія солнца день и ночь пятка,—это другія сутки. Впрочемъ, если Спаситель, обѣщавъ возстать изъ гроба въ третій день, и *скорѣйше содѣлалъ благодѣйство,—и тако благодать и слава Ему во вѣки вѣковъ.* Аминь (Воскр. Чт. 1873 г., ч. I, стр. 193—194).

Воскресеніе Христово. *Воистинну воста Господь.* (Лук. XXIV, 34.)

Господь Іисусъ Христосъ склонилъ Свою голову на крестѣ и испустилъ духъ; это не то значитъ, что смерть возобладала надъ Нимъ, но что Господь Самъ *восхотѣлъ* отдать на смерть Свою жизнь, какъ выкупъ за жизнь міра. Христосъ, по словамъ Апостола, умерщвленъ былъ по плоти, но ожилъ духомъ, которымъ и взошелъ на небо, т. е. въ рай, чтобы ввести въ него разбойника, и проповѣдалъ искупленіе находившимся въ темницѣ духамъ (1 Петр. III, 18—19); пречистое тѣло Его въ это время почивало въ субботу отъ совершеннаго Имъ дѣла искупленія, какъ почилъ Богъ въ седьмой день отъ дѣла творенія. Въ воскресеніе же утромъ съ первымъ лучемъ солнца духъ Его снова соединился съ почивавшимъ во гробѣ Своимъ тѣломъ, которое чрезъ это соединеніе тотчасъ преобразилось для небеснаго жилища, пробудилось къ новой жизни, и Господь возсталъ, какъ первенецъ искупленнаго рода человѣческаго, въ правдѣ и чистотѣ вѣчно живущаго предъ Богомъ. Такъ Господь возсталъ отъ гроба и смерти, не смотря на стражу, камень и печать. Камень уже былъ отваленъ Ангеломъ для мироносицъ, чтобы онѣ съ Апостолами могли убѣдиться, что во гробѣ уже не было Спасителя, и приготовились къ явленію имъ Воскресшаго. Господь *воистину* воскресъ! Стражи были свидѣтелями обстоятельствъ, сопровождавшихъ воскресеніе; они видѣли Ангела, который отвалилъ камень отъ гроба, испытали землетрясеніе и засвидѣтельствовали обо всемъ этомъ предъ первосвященниками. Жены мироносицы и всѣ Апостолы видѣли Его воскресшаго тѣлесно; невѣрующій Ѳома влагалъ свои персты въ язвы гвоздинныя и свои руки въ ребра Его, а одинъ разъ Воскресшій явился больше, чѣмъ пятистамъ братій. Можетъ ли быть какое-нибудь событіе болѣе засвидѣтельствовано, чѣмъ это?—Радуйся, христіанинъ! Господь воистину воскресъ. Дѣло искупленія совершено, какъ Онъ сказалъ на крестѣ, предавая Свою душу въ руки Своего Отца. Но кто этому могъ бы повѣрить, если бы Онъ не воскресъ, не возсталъ изъ гроба въ новомъ, преображенномъ, прославленномъ тѣлѣ! Теперь же Онъ стоитъ предъ нашимъ взоромъ въ блестящемъ сіяніи восходящаго утренняго солнца, принятый Отцемъ въ Свою славу, за кровавый трудъ Свой увѣнчанный вѣчнымъ сіяніемъ Первосвященникъ и Искупитель душъ и тѣлесъ нашихъ.—Пусть ученые пишутъ толстыя книги для доказательства безсмертія души. Но самое лучшее и самое краткое доказательство ея безсмертія состоитъ въ томъ, что она сама себя являетъ живою. Но вотъ здѣсь больше. Здѣсь душа и тѣло являются въ живомъ соединеніи, какъ совершенно новый, прославленный человѣкъ. Что̀ пользы также въ томъ, когда дока-

зываютъ намъ безсмертіе нашей души, которое и безъ того уже написано на ней неизгладимыми буквами, если у насъ нѣтъ при этомъ увѣренности, что жизнь наша должна быть *святою* жизнью? Эту непоколебимую увѣренность даетъ намъ *только* вѣра въ смерть и воскресеніе Христово. «Я есмь воскресеніе и жизнь», говоритъ Самъ Господь, «вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякъ, живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣкъ. Вѣруешь ли сему»? Вѣришь ли ты сему, добрый христіанинъ? (Воскр. Чт. 1876 г., т. I, стр. 209—210.)

Воскресеніе Христово. Изъ апологетическихъ очерковъ Вернера.

Не смотря на то, что воскресеніе Христово засвидѣтельствовано Евангелистами и предполагается всѣми остальными новозавѣтными писателями; не смотря на то, что и Апостолъ Павелъ, писатель съ ясною логическою мыслью, положительно говоритъ о воскресеніи и, выходя изъ историческаго факта, считаетъ его основаніемъ нашей вѣры;— не смотря на все это, есть еще люди, недовѣрчиво покачивающіе головою при упоминаніи объ этомъ фактѣ и выдающіе за новѣйшую мудрость тѣ возраженія противъ воскресенія, которыя высказывалъ еще Цельсъ во второмъ вѣкѣ. Мы тотчасъ услышимъ ихъ.

Такъ какъ нельзя отрицать свидѣтельствъ о воскресеніи такихъ лицъ, какъ Марія, Петръ, Іаковъ, вообще Апостолы, пятьсотъ братій, видѣвшихъ Воскресшаго, и, наконецъ, Павелъ, то невѣрующіе прибѣгли къ другимъ средствамъ. Воскресеніе Христово они стараются объяснять предположеніемъ *мнимой смерти* Спасителя. Въ прохладной пещерѣ Іисусъ, говорятъ, отдохнулъ и успокоился отъ страданій. Пробудившись послѣ тридцатишестичасоваго отдохновенія, Онъ, не смотря на ослабленіе силъ (слишкомъ крѣпкая требуется вѣра, чтобы повѣрить этому!...), оттолкнулъ запечатанный тяжелый камень и потомъ прободенными ногами въ продолженіи двухъ часовъ шелъ съ учениками въ Еммаусъ... Достаточно уже одного этого, чтобы видѣть всю несостоятельность этой гипотезы; да она довольно скоро и оставлена. Сами ученые критики отнеслись съ пренебреженіемъ и насмѣшкой къ этому «единственно въ то время научносостоятельному мнѣнію». Такъ обыкновенно бываетъ съ подобными мнѣніями: одно за другимъ они появляются и исчезаютъ; основаніе же нашей вѣры стоитъ неподвижно.

Нужно, поэтому, было взяться за другое средство для отверженія чуда воскресенія; и вотъ явилось новое мнѣніе: упоминаемые въ Евангеліи свидѣтели воскресенія, конечно, видѣли Воскресшаго, но видѣли Его внутреннимъ образомъ, вслѣдствіе своего духовнаго возбужденія,—иначе, это было *видѣніе*. Въ такомъ случаѣ христіанская Церковь была бы основана на болѣзненномъ возбужденіи нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, и начало ея низводилось бы въ темную область болѣзненно возбужденной душевной жизни. Но кто же не видитъ здѣсь противорѣчія тому, что̀ несомнѣнно извѣстно о первенствующей христіанской Церкви? Какъ предположить, чтобы пораженные страданіемъ и смертію своего Учителя свидѣтели, вслѣдствіе видѣнія, почти чрезъ 48 часовъ внезапно могли повѣрить и убѣдиться, что «воистину воста Господь», какъ говорили они? Послѣ смерти Господа, ученики пришли въ уныніе и разсѣялись; но вотъ они внезапно являются героями, оставляютъ мѣста, гдѣ скрывались, и твердо проповѣдуютъ о Воскресшемъ,—объяснимоли

это безъ дѣйствительнаго воскресенія? Да и мыслимое ли дѣло, чтобы 500 братій всѣ находились подъ вліяніемъ видѣнія? Неужели между пятьюстами не нашлось ни одного съ трезвымъ, яснымъ умомъ и здоровыми чувствами? Какъ объяснить, наконецъ, видѣніемъ воздушнаго существа обращеніе Апостола Павла, который изъ дышавшаго яростью гонителя сдѣлался смиреннымъ вѣрующимъ почитателемъ Христовымъ?

Затруднительное положеніе отрицателей чуда воскресенія еще больше увеличивается, если ближе разсмотрѣть Евангельское повѣствованіе о воскресеніи Господа. Что дѣлать съ *пустымъ гробомъ?* Гдѣ же тѣло, когда гробъ былъ пустъ? Если ученики украли его, то они знаютъ, гдѣ оно погребено, и въ такомъ случаѣ ихъ поведеніе, ихъ рѣчи могутъ быть объяснены только наглою ложью и лицемѣріемъ, что совершенно несовмѣстимо съ прежнимъ ихъ характеромъ.

Какъ дальше быть съ поведеніемъ Ѳомы, который могъ убѣдиться только осязательнымъ доказательствомъ? Какъ случилось затѣмъ, что ученики не условились по крайней мѣрѣ единогласно обо всемъ разсказывать? Отчего они равнодушны къ точному указанію, кто первый видѣлъ Господа, гдѣ и какъ часто Онъ являлся имъ? Или можетъ быть тѣло украли Іудеи? Отчего же они ничего не говорили о тѣлѣ ученикамъ, когда тѣ проповѣдывали о воскресеніи?

Но, возразитъ иной, все еще не убѣждающійся въ истинности воскресенія Христова: неужели воскресеніе Христово имѣетъ значеніе для нашей вѣры и жизни? Несомнѣнно одно, что только подъ условіемъ вѣры, что Христосъ *живетъ*, мы имѣемъ право на пасхальныя радости. Что однако значитъ это только: Христосъ живетъ? Выраженіе «Христосъ живетъ» тогда только имѣетъ значеніе, если я признаю, что Онъ не былъ удержанъ узами смерти, какъ обыкновенный человѣкъ, но разорвалъ ихъ и воскресъ. Если Іисусъ дѣйствительно былъ истинный Богъ, отъ вѣчности отъ Отца рожденный, а также и истинный человѣкъ, отъ Дѣвы Маріи во времени рожденный, во всемъ намъ подобный, исключая грѣха; если Его Богъ послалъ въ міръ принести міру жизнь, то Онъ не могъ оставаться во гробѣ; узы смерти не могли удержать Его, Начальника жизни. Поэтому воскресеніе представляется намъ дѣйствіемъ Божественной необходимости. Къ тому же результату приходимъ мы, когда принимаемъ въ разсмотрѣніе совершенное Имъ дѣло. Дѣло Его было дѣло искупленія и примиренія. Безъ воскресенія это дѣло было бы не окончено. Человѣчество не имѣло бы полнаго убѣжденія въ томъ, что Онъ исполнилъ то, что обѣщалъ. Крестная смерть Его могла бы возбуждать въ насъ слезы страданія, но не сдѣлала бы ничего добраго. Но когда Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, то этимъ Онъ какъ-бы объявилъ: принимаю жертву, которую Ты принесъ за міръ: *Ты еси Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ.*

Вѣра въ воскресеніе Христово имѣетъ, наконецъ, еще практическое значеніе. Не маловажное утѣшеніе для меня, если я знаю, что не все покончится, когда усталое мое тѣло отойдетъ на покой, но что и въ мрачной гробовой могилѣ я долженъ ожидать и для себя утра воскресенія, когда и на мнѣ исполнятся слова Сказавшаго: «Я живу, и вы живы будете!» Священное предчувствіе, заключенное въ глубинѣ каждой человѣческой души, становится для меня несомнѣннымъ убѣжденіемъ, когда

Спаситель мой очевиднымъ фактомъ показалъ, что врата гроба ведутъ къ жизни. Во имя Его въ мрачный часъ смерти я могу воскликнуть: «смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда? Благодареніе Богу, даровавшему мнѣ побѣду Господомъ Іисусомъ Христомъ» (Воскр. Чт. 1872 г., стр. 326—328).

О значеніи воскресенія Іисуса Христа.

(*Филарета, митрополита Московскаго.*)

Оно служитъ 1) доказательствомъ Божества Іисуса Христа, 2) началомъ нашего воскресенія.

Утвержденіе вѣры въ воскресеніе Христово есть дѣло великой важности для христіанства и для христіанина.

Главная сила христіанства состоитъ въ томъ, чтобы признать Господа Іисуса Спасителемъ міра, согрѣшившаго противъ Бога и Богомъ осужденнаго на смерть. А чтобы съ полною надеждою признать въ Немъ сіе могущественное качество, для сего нужно совершенное удостовѣреніе, что Онъ есть Единородный Сынъ Божій и истинный Богъ; потому что хорошо сказано, хотя и не хорошими людьми сказано: *кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ* (Лук. V, 21)? Только милосердіе Бога Сына можетъ представить достойное удовлетвореніе оскорбленному величеству и правосудію Бога Отца; только Богъ можетъ возвратить жизнь осужденнымъ на смерть отъ Бога.

Но сильнѣйшее удостовѣреніе въ Божествѣ Іисуса Христа заключается въ Его воскресеніи. Сію мысль подалъ Онъ Самъ. Когда Іудеи, удивленные необычайною властію, которую показалъ Онъ, изгоняя изъ храма продающихъ и купующихъ, спросили Его: *кое знаменіе являеши намъ, яко сія твориши?* то-есть, какимъ чудомъ докажешь, что Богъ далъ тебѣ власть надъ храмомъ Своимъ?—тогда Онъ, преимущественно предъ другими чудесами Своими, указалъ на чудо Своего воскресенія. И рече имъ: *разорите церковь сію, и трими денми воздвигну ю* (Іоан. II, 18—19), то-есть, въ третій день воскресну. Въ самомъ дѣлѣ, чудеса, которыя творилъ Господь Іисусъ во время земной Своей жизни надъ другими, даже и самое дивное изъ нихъ, воскрешеніе мертвыхъ, творили и пророки, хотя не съ такимъ полномочіемъ, какъ Онъ. Такъ Илія молился: *Господи Боже Мой, да возвратится убо душа отрочища сего въ онь* (3 Царств. XVII, 21); но Іисусъ повелѣвалъ: *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. XI, 43) изъ гроба. Однако сего различія иные могли не примѣтить, и потому могли познать Іисуса, какъ Пророка и Посланника Божія, и еще не познать въ Немъ Единороднаго Сына Божія. Но никогда не было и не можно представить возможнымъ того, чтобы человѣкъ воскресилъ самъ себя; и потому самовоскресеніемъ Господа Іисуса дано совершеннѣйшее удостовѣреніе въ томъ, что Онъ есть истинный Богъ, владычествующій жизнью и смертью, и Божественный Спаситель, имѣющій могущество воскресить всѣхъ человѣковъ, умерщвленныхъ прегрѣшеньми.

Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть (1 Коринѳ. XV, 20). То-есть, воскресеніе Христово есть начало воскресенія всѣхъ умершихъ человѣкъ,—воскресенія уже не въ жизнь временную, какъ было воскресеніе Лазаря и другихъ прежде его, но въ вѣчную. До воскресенія Христова ходили между людьми темныя и нетвердыя мнѣнія о безсмертіи души человѣческой; но о воскресеніи души съ тѣломъ всего менѣе думали даже тѣ, которые болѣе другихъ усиливались мыслить. Не свѣтелъ былъ и взоръ избраннаго народа на сей предметъ. Когда Христосъ Спаситель, обличая саддукеевъ,

въ наименованіи Бога Авраамова, Исаакова и Іаковлева открылъ мысль о воскресеніи мертвыхъ; тогда не только саддукеи, но и лучше ихъ мыслящіе поражены были новостью сего открытія: *слышавше народи, дивляхуся о ученіи Его* (Матѳ. XXII, 32—33). А чѣмъ менѣе знали будущую жизнь, тѣмъ, конечно, менѣе имѣли побужденія приготовляться къ ней. Христосъ Спаситель чрезъ Свое ученіе на мѣсто шаткихъ мнѣній о безсмертіи поставилъ твердую истину воскресенія и чрезъ Свое воскресеніе содѣлалъ сію истину даже опытною. Онъ училъ: *грядетъ часъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда* (Іоан. V, 28—29). Дополняетъ Апостолъ: *да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ, содѣла, или блага, или зла* (2 Коринѳ. V, 10). (Изъ слова въ недѣлю седьмую по Пасхѣ, т. III-й, стр. 21—23.)

Ложь Іудеевъ, доказывающая истину воскресенія Христова.

Собрашася архіерее и фарисее къ Пилату, глаголюще: Господи, помянухомъ, яко льстецъ онъ рече еще сый живъ: по тріехъ днехъ востану. Повели убо утвердити гробъ до третіяго дне, да не како пришедше ученицы Его нощію, украдутъ Его и рекутъ людемъ: воста отъ мертвыхъ: и будетъ послѣдняя лесть горша первыя (Матѳ. XXVII, 62—64).

Когда читаемъ, или слышимъ сіи богохульныя слова Іудейскаго синедріона, они производятъ скорбное чувство въ душѣ христіанина; но когда разсмотримъ съ надлежащею подробностью лукавый замыслъ архіереевъ и фарисеевъ, найдемъ, что грубая ложь этихъ людей наилучшимъ образомъ доказываетъ истину воскресенія Христова, что всѣ предпріятія синедріона—беречь во гробѣ, какъ можно, крѣпче пречистое тѣло Искупителя, повидимому, весьма искусно придуманныя, придуманы и выполнены какъ-бы нарочно для того, чтобы со всею историческою ясностью утвердить достовѣрность событія, которое члены синедріона хотѣли затмить и представить ложнымъ.

I. Изъ всѣхъ словъ и дѣяній, совершенныхъ Господомъ Іисусомъ, архіереи и фарисеи, кажется, тверже всего помнятъ предсказаніе Его о Своемъ воскресеніи и повторяютъ оное съ необыкновенною ясностью: «*рече еще сый живъ: по тріехъ днехъ востану*. Это показываетъ, что враги боялись Іисуса Христа и по смерти Его, и съ какимъ-то предчувствіемъ говорили о страшныхъ для нихъ послѣдствіяхъ воскресенія Господня. И будетъ, говорили, *послѣдняя лесть горша первыя*. Ученики Господни, пораженные скорбью, имѣли нужду въ Ангелахъ, чтобы вспомнить глаголы о воскресеніи (Лук. XXIV, 8); а враги не могли забыть сего, нежеланнаго имъ, пророчества!

II. Архіереи и фарисеи предполагаютъ, что ученики Господа могутъ похитить ночью тѣло Его: *да не како пришедше ученицы Его нощію, украдутъ Его*. Только страхъ и крайнее замѣшательство могли выдумать такое предположеніе. Кража мертвыхъ тѣлъ возможна сдѣлалась въ новѣйшія времена; а въ древнія времена «кто видѣ, кто слыша мертва украдена когда?»—Она была неслыханное дѣло у народовъ языческихъ, невозможное у Евреевъ. Какъ это ученый синедріонъ, знавшій, сколько главъ, стиховъ и буквъ въ каждой библейской книгѣ, могъ забыть свой отечественный, весьма ясный и строжайшій законъ въ разсужденіи мертвыхъ,—законъ, ежедневно исполнявшійся въ

глазахъ самого синедріона? Какъ не пришло ему на мысль, что по этому закону не только похищеніе, но одно прикосновеніе къ мертвому тѣлу почиталось нечистотою до семи дней; что прикасавшійся по необходимости долженъ былъ очиститься очистительною жертвенною водою, и что неочистившійся подвергался смерти (Числ. XIX, 11—22)? Какъ же при такомъ законѣ, строго исполняемомъ отъ всего народа, предполагать кражу мертваго тѣла? Съ другой стороны, развѣ ученымъ фарисеямъ, которые красили гробы пророковъ, не было извѣстно изъ обычаевъ народныхъ глубокое уваженіе всего народа къ своимъ покойникамъ, глубокое усердіе къ достойному ихъ погребенію? Подумали ль бы ученики, любившіе Господа, нанести безславіе пречистому тѣлу Его, погребенному честно, въ гробѣ знатнаго человѣка, князя Жидовскаго? Что жъ такое дѣлалъ синедріонъ, составляя предположеніе о кражѣ, несообразной съ ихъ законами отеческими и съ современными обычаями народными?

III. *Рыте,* подущали архіереи и книжники Римскихъ воиновъ, извѣщавшихъ о воскресеніи Господа, *рыте, яко ученицы Его нощію пришедше украдоша Его, намъ спящимъ* (Матѳ. XXVIII, 13). Но какъ сказать и кого можно обмануть этою ложью? Если воины, сторожившіе гробъ, спали,—(а они должны были, по свойству предполагаемой лжи, спать весьма глубокимъ сномъ); то, само собою разумѣется, не могли ни видѣть, ни знать: украдено ли и кѣмъ украдено стрегомое ими тѣло, или какъ иначе не стало его въ гробѣ? Если они не могли противиться одолѣвавшей ихъ сонливости,—(что, впрочемъ, отнюдь не естественно; Римскому ли воину заснуть на ввѣренномъ ему посту?) то изъ предосторожности необходимо должны были ложиться у самого входа въ пещеру и заслонить его своими тѣлами крѣпче камня Іосифова. Какъ же между воинами, по самому роду жизни своей всегда чуткими, могъ кто либо пройти, ни одного изъ нихъ не разбудивъ? И кто бы осмѣлился пройти? Евреи вообще не отличались великою отвагою; тѣмъ менѣе простодушные ученики Спасителя, которые, по смерти Его, крѣпко запирались въ домахъ своихъ *страха ради Іудейскаго.* Имъ ли было помышлять о кражѣ тѣла Учителева? И на что оно имъ теперь, когда они почитали всѣ надежды свои угасшими? Почему самъ синедріонъ, распустившій нелѣпую молву, ни одного ученика не призвалъ къ допросу, не произвелъ никакого слѣдствія? Развѣ архіереи опустили бы этотъ случай безъ вниманія, если бы сами не видѣли всей нелѣпости въ своей лжи? Обратимся еще къ нѣкоторымъ обстоятельствамъ.

IV. Евангелистъ замѣчаетъ, что камень гроба Господня былъ великій (Матѳ. XXVII, 6). Онъ по необходимости долженствовалъ быть великъ, чтобъ совершенно закрывать входъ въ пещеру; входъ также по необходимости былъ великъ: иначе сквозь него нельзя было пронести почившее тѣло Господне, и пройти, по крайней мѣрѣ, двумъ погребальщикамъ. Сверхъ сего, по устройству древнихъ гробницъ Іудейскихъ, камень не просто приваливался ко входу въ каменную пещеру, а плотно вдвигался въ устье пещеры и составлялъ съ ея краями почти одну сплошную стѣну. Какъ же было вынуть такой камень не сдѣлавъ великаго шума? А сдѣлавъ шумъ, какъ не разбудить стражи? Да и съ шумомъ не возможно было вынуть въ темнотѣ ночной.

V. Плащаница, убрусъ (вѣроятно, не малой цѣны) и другія перевязи, которыя обыкновенно употреблялись при погребеніи и которыми обвито было пре-

чистое тѣло Господа, все осталось во гробѣ, расположенное порядкомъ. Зачѣмъ было оставлять сіи принадлежности, если бы тѣло Искупителя захотѣли похитить? Для чего брать нагое, а не обвитое тѣло мертваго? Достало ли бы времени освобождать почившаго отъ полотенцевъ и перевязей, прилипшихъ къ Его тѣлу съ мастію, и потомъ свивать ихъ опять безъ всякой цѣли въ темнотѣ, тогда какъ нужно было всемѣрно поспѣшать?

VI. Благообразный Іосифъ положилъ пречистое тѣло Господа въ гробѣ *новомъ, въ немже николиже никтоже положенъ бѣ* (Іоан. XIX, 41). Это обстоятельство избавило синедріонъ отъ дальнѣйшей лжи. Если бы гробъ, т. е. высѣченная въ каменной скалѣ пещера для положенія мертвыхъ тѣлъ, не была новая; если бы въ ней прежде положенія тѣла Господня почивали мертвецы съ давнихъ временъ, Іудеи не пропустили бы случая сковать двѣ лжи: во-первыхъ: «если и воскресъ, то воскресъ кто-нибудь другой, а не Іисусъ, Котораго мы распяли». Во-вторыхъ: «если и Онъ воскресъ, то не собственною силою, а отъ прикосновенія къ какому-нибудь почивающему въ пещерѣ праведнику, о чудодѣйной силѣ коего мы доселѣ не вѣдали».—Для толпы легкомысленной такая ложь была бы тѣмъ вѣроятнѣе, что ученые фарисеи могли подкрѣпить ее примѣрами изъ своей исторіи (4 Царств. XIII, 20—22).

VII. Синедріонъ запечаталъ своею печатью камень гроба Господня. Церковное преданіе постоянно увѣряетъ, что при воскресеніи Спасителя камень былъ отваленъ, а печать не тронута. Надобно думать, что синедріонъ зналъ о цѣлости и нерушимости своей печати. Быть не можетъ, чтобы кто-нибудь изъ членовъ, хотя изъ простаго любопытства, не пошелъ и не освидѣтельствовалъ правительственной печати. Зачѣмъ было и прикладывать ее, если оставить безъ всякаго вниманія? Видѣли и—молчали. Какъ печать могла остаться неприкосновенною? Однимъ чудомъ. Чтобы, выдвигая камень, не нарушить печати, надобно предположить, что или каменный край входа раздался, или камень размягчился, какъ воскъ, въ той сторонѣ, которою онъ выдвигался изъ отверстія пещеры. То и другое невозможно безъ чуда.

Злоба часто ослѣпляетъ человѣка до такой степени, что онъ можетъ не вѣрить тому, что̀ подлинно знаетъ и въ чемъ дѣйствительно увѣренъ. Есть люди, которые спокойно могутъ говорить истинѣ: «такъ что̀ жъ? хоть знаю, да не вѣрю».—(Воскр. Чт., г. XVI, стр. 29—31.)

Синедріонъ и Апостолы при вѣсти о воскресеніи Христовомъ (Матѳ. XXVIII, 12—13. Лук. XXIV, 11, 37).

Вѣсть о воскресеніи Спасителя, принесенная въ Іерусалимъ стражами гроба Христова и святыми мироносицами, произвела тамъ два противоположныя явленія. Ближайшіе собесѣдники Христовы и постоянные свидѣтели Его чудесъ—тѣ, которые не разъ слышали отъ Него, что *Сынъ Человѣческій преданъ будетъ архіереемъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть и предадятъ Его языкомъ на поруганіе и біеніе и пропятіе, и въ третій день воскреснетъ* (Матѳ. XX, 18—19), словомъ—ученики Христовы усумнились въ истинѣ разсказа женъ мироносицъ и нашли Его какъ-бы незаслуживающимъ вѣры: *явишася предъ ними, яко лжа глаголы ихъ, и не вѣроваху имъ* (Лук. XXIV, 11). Совсѣмъ не такъ поступили члены синедріона, предавшіе на смерть Іисуса Христа. Вѣсть о воскресеніи Его какъ громомъ поразила ихъ!

Какъ ни хотѣлось бы имъ сомнѣваться и не вѣровать; но и то и другое было теперь не умѣстно: неопровержимые доводы воскресенія Распятаго ими стояли теперь предъ ними, какъ живая улика всякому сомнѣнію,—въ лицѣ не опомнившихся еще отъ страха стражей гроба Христова—людей, какъ хорошо было извѣстно синедріону, вовсе постороннихъ Распятому и еще недавно издѣвавшихся надъ Нимъ въ преторіи Пилатовой, какъ надъ жалкимъ самозванцемъ. Итакъ, что оставалось дѣлать синедріону, какъ не преклониться только, хотя и противъ воли, предъ очевидностью событія? И мы не преувеличимъ, если скажемъ, что въ эту минуту, среди тайныхъ совѣщаній своихъ, члены его (по крайней мѣрѣ нѣкоторые) также мало сомнѣвались въ истинѣ событія, какъ и ближайшіе свидѣтели его—стражи гроба Христова. Только вѣра тѣхъ и другихъ была не та благодатная вѣра, которая животворитъ душу, просвѣщаетъ умъ и радуетъ сердце, но та вѣра демоновъ, которая вѣруетъ и трепещетъ (Іаков. II, 19).

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы благоразумно и осторожно обслѣдовать столь важное извѣстіе, каково воскресеніе Распятаго, синедріонъ, отъ смущенія и страха не зная, въ чемъ найти для себя точку опоры, хватается за первую, представившуюся ему клевету, не замѣчая отъ торопливости и страха, какъ груба и неловка ткань этой клеветы и какъ она не только не закроетъ свѣта истины, но обнаружитъ вмѣстѣ и недальновидность и безстыдство виновниковъ своихъ: *собравшеся со старцы, совѣтъ сотвориша, сребреники довольны даша воиномъ, глаголюще: рцыте, яко ученицы Его нощію пришедше украдоша Его, намъ спящимъ..... Они же пріемши сребреники, сотвориша, якоже научены быша* (Матѳ. XXVIII, 12—13, 15). Но

1) слыхано ли когда, чтобы не одинъ, или два, но нѣсколько воиновъ, поставленныхъ на посту, ввѣренномъ ихъ военной чести и за цѣлость котораго они отвѣчаютъ собственною жизнью (Дѣян. XII, 19), какъ будто сговорясь нарочно, предались сну всѣ разомъ, вдругъ? Подобнаго поступка, конечно, нельзя встрѣтить въ военныхъ лѣтописяхъ ни одного народа, тѣмъ менѣе—въ лѣтописяхъ Римскаго народа, извѣстнаго строгостью своей военной дисциплины.

2) Предположимъ, впрочемъ, что всѣ воины, бывшіе на стражѣ гроба Христова, разомъ предались сну. Но для того, чтобы проникнуть въ гробовую пещеру, вынесть и унесть изъ нея тѣло, надлежало быть въ заговорѣ не одному или двумъ, но нѣсколькимъ человѣкамъ, потому что имъ надлежало прежде всего не только отвалить, но и подвинуть, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое разстояніе камень *велій зѣло;* надобно было, кромѣ того, все это сдѣлать во время ночи, и слѣдовательно въ потьмахъ и ощупью—сдѣлать притомъ безъ малѣйшаго шума и, такъ сказать, притаивъ дыханіе, чтобы не пробудить стражи.—Можно ли же повѣрить, чтобы вся эта работа, сколько сложная, столько же и неудобная отъ тѣсноты мѣста, не пробудила ни одного изъ стражей, спавшихъ, безъ сомнѣнія, у самого доступа къ гробовой пещерѣ?—Событіе, до такой степени лишенное вѣроятія, требуетъ, по словамъ блаженнаго Августина, ручательства болѣе надежнаго, чѣмъ спавшая стража.

3) Тотъ же блаженный отецъ справедливо замѣчаетъ, что если стража спала, то какъ могла знать, что унесено тѣло и кто унесъ его; если жъ не спала, то какъ допустила кражу?

4) И кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ рѣшиться на подобный поступокъ? Безъ сомнѣнія, одни ученики Распятаго. Но они не могли имѣть рѣшительно никакого побужденія къ сему. Въ самомъ дѣлѣ, ученики или ожидали воскресенія Господа согласно Его предсказанію, или не ожидали. Если—первое, то ихъ, постоянныхъ свидѣтелей Его чудесъ, должна была уже совершенно успокоивать та мысль, что Онъ, отверзавшій столько разъ очи слѣпымъ и слухъ глухимъ, исцѣлявшій однимъ словомъ недужныхъ и разслабленныхъ, воскрешавшій мертвыхъ, силенъ разрѣшить оковы и собственной смерти и осуществить предреченное Имъ воскресеніе Свое. Въ семъ случаѣ они не могли имѣть никакого побужденія рѣшиться на такое предпріятіе, которое столько же было опасно, сколько и преступно.

Если жъ не ожидали, то не видится никакого побужденія для нихъ, никакой выгоды, никакой надежды, которая могла бы склонить ихъ къ похищенію тѣла своего Учителя съ тою только цѣлью, чтобы сочинить вслѣдствіе этого басню о Его воскресеніи. Со стороны міра имъ угрожало въ такомъ случаѣ все: ненависть, презрѣніе, всѣ роды наказаній, назначаемыхъ правосудіемъ человѣческимъ для обманщиковъ, для гробовыхъ татей и дерзкихъ нарушителей печати правительства. Со стороны Божескаго правосудія они еще болѣе должны были страшиться кары небесной за обманъ и нечестіе, съ которымъ усиливались бы выдавать за Бога такого человѣка, который (если не воскресъ) не могъ побѣдить смерти, которой былъ преданъ. Прибавимъ къ сему, что состояніе духа учениковъ во все время Голгоѳскихъ событій дѣлаетъ вовсе невѣроятною какую бы то ни было съ ихъ стороны попытку къ похищенію тѣла своего Учителя, стрегомаго въ гробѣ, какъ имъ было извѣстно, Римскою стражей. Какъ люди убитые горемъ и одержимые сильнѣйшимъ страхомъ, они пугаются всего, даже и голоса женщины, боятся показаться среди людей, прячутся по отдаленнымъ концамъ города, сидятъ и трепещутъ въ запертой горницѣ *страха ради Іудейскаго*. Въ этомъ ли состояніи духа составлять смѣлые планы съ опредѣленною цѣлью и отваживаться на дерзкія предпріятія?... Сильная горесть, какъ и сильный страхъ, убиваетъ, какъ извѣстно, бодрость духа и останавливаетъ дѣятельность его.

5) Скажемъ, наконецъ, что и самъ синедріонъ никогда не думалъ считать и не считалъ Апостоловъ похитителями тѣла Христова. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія первоначальной ихъ проповѣди. Когда Іудеи заключаютъ въ темницу и велятъ бить Петра, Іоанна и другихъ Апостоловъ, когда предаютъ смерти обоихъ Іакововъ и святаго Сумеона; то обвиняютъ ли ихъ въ томъ, что они похитили тѣло своего Учителя и потомъ разгласили лживую вѣсть о Его воскресеніи? Нѣтъ! Они только обвиняютъ ихъ въ томъ, что они проповѣдуютъ *о Человѣкѣ Семъ* (Дѣян. V, 28) вопреки строгому ихъ запрещенію. Между тѣмъ, для приданія хоть тѣни правды клеветѣ, еще недавно распущенной синедріономъ,—какъ важно было бы уличить Апостоловъ, по крайней мѣрѣ для виду, въ похищеніи тѣла ихъ Учителя!

Такъ видимо и очевидно сбылись въ семъ случаѣ надъ синедріономъ слова пророка: *сѣла неправда себѣ.... ровъ изры и ископа и падетъ въ яму, юже содѣла* (Псал. VII, 16; XXVI, 12).

Но тогда какъ синедріонъ трепеталъ и клеветалъ,—какъ приняли вѣсть о воскресеніи Апостолы? Они... не повѣ-

рили женамъ, благовѣствившимъ имъ это радостное событіе; впрочемъ, невѣрствіе ихъ отнюдь не происходило отъ упорства, или отъ какого либо сердечнаго ожесточенія, но отъ того, что они сильно желали увѣриться въ томъ, чего такъ жаждала душа ихъ. Внезапный переходъ отъ глубокой печали къ сильнѣйшей радости не совершается въ человѣкѣ вообще безъ нѣкотораго разъединенія мысли и чувства: тогда какъ сердце истаяваетъ отъ предчувствія радости и всею силою емлется за предметъ ея, холодный разсудокъ неумолимо составляетъ свои соображенія и останавливаетъ порывы сердца. То же случилось и съ Апостолами. *Сердца ихъ горѣли* (Лук. XXIV, 32); между тѣмъ разсудокъ требовалъ своихъ правъ, произносилъ свой приговоръ: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя и вложу руку мою въ ребра Его, не имъ вѣры* (Іоан. XX, 25). Это была съ ихъ стороны невольная дань слабости природы человѣческой; Богъ же, обращающій и самыя страсти и слабости наши къ мудрымъ цѣлямъ Своимъ, благоволилъ обратить и это невѣріе Апостоловъ къ большему утвержденію истины воскресенія. Ибо, если бы Апостолы, получивъ отъ мvроносицъ вѣсть о воскресеніи Христовомъ, тотчасъ повѣрили ей безъ удостовѣренія, если бы не оказали при семъ никакого колебанія и сомнѣнія; то чего впослѣдствіи не могло бы выдумать невѣріе на счетъ ихъ легковѣрія, какой клеветы не взвело бы оно на ихъ простоту и довѣрчивость! Но продолжительное сомнѣніе Апостоловъ, ихъ невѣріе даже собственнымъ чувствамъ, при видѣ воскресшаго Господа, смыкаютъ теперь уста невѣрію и обезоруживаютъ всякое сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, Іисусъ Христосъ является Маріи Магдалинѣ и прочимъ женамъ, бывшимъ у гроба, которыя преемственно, однѣ за другими, свидѣтельствуютъ предъ Апостолами объ истинѣ воскресенія и которыхъ свидѣтельство не могло не быть искренно; но эти глаголы радости принимаются ими хотя и съ участіемъ, но и съ недовѣрчивостью. Петръ течетъ ко гробу, разсматриваетъ погребальныя пелены и только *дивится бывшему*. Господь является потомъ среди собранія Апостоловъ, но при этомъ сомнѣніе ихъ не исчезаетъ: они *мнятъ духъ видѣти* (Лук. XXIV, 37). Онъ приглашаетъ ихъ осязать Себя; недовѣріе все еще продолжается (41) и только тогда изчезаетъ совершенно и уступаетъ мѣсто невозмутимой радости, когда Господь для полнаго удостовѣренія ихъ вкушаетъ предъ ними пищу. Такъ медленно и осторожно убѣждались Апостолы въ истинѣ воскресенія! За то прочна и несокрушима, какъ адамантъ, была вѣра ихъ впослѣдствіи! Она-то вдохновляла ихъ предъ лицемъ царей и владыкъ земныхъ; она-то, при видѣ угрозъ и мученій, влагала въ уста ихъ доблестныя рѣчи: *не можемъ, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (Дѣян. IV, 20)! Понятно послѣ сего и то, почему вѣра эта должна была, такъ сказать, воспитаться видѣніями и откровеніями. Ей надлежало быть вѣрою самовидцевъ и непосредственныхъ слугъ воплощеннаго Слова—слугъ, которые пройдутъ по всѣмъ концамъ вселенной и повсюду, куда угодно будетъ Святому Духу повесть ихъ, скажутъ съ увѣренностью къ людямъ: *Сего Іисуса воскреси Богъ, Емуже мы есмы свидѣтеле... преднареченные отъ Бога, иже съ Нимъ ядохомъ и пихомъ по воскресеніи Его отъ мертвыхъ* (Дѣян. II, 32; X, 41). Это свидѣтельство оснуетъ церкви, сокрушитъ идоловъ, разрушитъ капища, обратитъ Іудеевъ, уловитъ язычниковъ;

на немъ цѣлые племена и народы—все человѣчество оснуетъ свое благоденствіе. Вотъ почему вѣра Апостоловъ должна была опираться на видѣнія! Вотъ почему и Самъ Спаситель, дабы устранить изъ умовъ ихъ всякую тѣнь сомнѣнія и болѣе и болѣе убѣдить ихъ въ подлинности Своего воскресенія, умножалъ и разнообразилъ Свои явленія Апостоламъ въ продолженіи цѣлыхъ 40 дней, которые оставался на землѣ по воскресеніи! (Воскр. Чт., г. XXI, стр. 16—20.)

Почему Господь Іисусъ Христосъ не явился всѣмъ Іудеямъ по воскресеніи.

(Св. Іоанна Златоуста.)

Многіе спрашиваютъ и говорятъ: почему Господь по воскресеніи не явился тотчасъ всѣмъ Іудеямъ? Вопросъ тщетный и суетный. Если бы Своимъ явленіемъ Онъ могъ обратить всѣхъ къ вѣрѣ, то не преминулъ бы явиться всѣмъ. Но Онъ никакъ не преклонилъ бы Іудеевъ къ вѣрѣ, если бы явился имъ по воскресеніи: сему Онъ научаетъ насъ чрезъ Лазаря. Ибо когда Христосъ воскресилъ сего четвородневнаго мертвеца, смердящаго и тлѣвшаго; когда, по гласу Его, сей мертвецъ, обвитый погребальными пеленами, всталъ предъ лицемъ всѣхъ; то и тогда не только не обратилъ ихъ къ вѣрѣ, но еще раздражилъ противъ Себя. Пришедшіе туда совѣщались убить и самого Лазаря за то, что онъ былъ предметомъ чуда Христова (Іоан. XII, 10). Итакъ, если они за то, что Господь другаго воскресилъ изъ мертвыхъ, не увѣровали въ Него, то какимъ неистовствомъ воспылали бы противъ Него, если бы Онъ явилъ имъ Себя Самого, воскресшаго собственною силою? Хотя они ничего не могли бы Ему сдѣлать, однако съ бо́льшимъ неистовствомъ устремились бы къ нечестію. Посему, желая избавить ихъ отъ напраснаго неистовства, Онъ скрывался отъ нихъ. Притомъ они подверглись бы и болѣе жестокому наказанію, если бы Онъ явился имъ послѣ Своихъ страданій. Потому-то, щадя ихъ, хотя Самъ и скрывался отъ очей ихъ, но въ то же время (для обращенія ихъ) и открывался въ знаменіяхъ и чудесахъ. Такъ слышать Петра говорящаго: *«во имя Іисуса Христа востани и ходи»* (Дѣян. III, 6), не менѣе значило, какъ и видѣть Христа воскресшаго. И что первое служило весьма сильнымъ доказательствомъ воскресенія (Христова) и удобнѣе располагало къ вѣрѣ, нежели послѣднее, т. е. что сердца человѣческія скорѣе могли быть утверждены въ вѣрѣ видѣніемъ чудесъ, совершенныхъ во имя Его, нежели явленіемъ Его Самого по воскресеніи,—это явствуетъ изъ слѣдующаго: Христосъ воскресъ и явился Своимъ ученикамъ; нашелся однакоже и между ними одинъ невѣрующій: Ѳома, называемый Дидимъ. Для увѣренія своего онъ требовалъ вложить персты свои въ язвы гвоздинныя, осязать ребра Христовы. Если же ученикъ оный, который три года жилъ со Христомъ, участвовалъ въ трапезѣ Господней, былъ свидѣтелемъ величайшихъ Его знаменій и чудесъ, слушалъ Его бесѣды и уже видѣлъ Его воскресшимъ, и—при всемъ томъ—не прежде повѣрилъ, какъ когда узрѣлъ самыя язвы отъ гвоздей и копія; то скажи мнѣ, ка́къ увѣровалъ бы въ Него весь міръ; потому только, что всѣ видѣли Его въ то время воскресшимъ? Кто дерзнетъ утверждать сіе?—Но не сей только, а и другіе укажемъ примѣры на то, что чудеса гораздо болѣе имѣли силы убѣжденія, нежели явленіе воскресшаго предъ очами другихъ. Вотъ—когда народъ услышалъ Петра, говорящаго хромому: *во имя Іисуса*

Христа востани и ходи, — вдругъ пять тысячъ мужей обратились къ вѣрѣ во Христа (Дѣян. IV, 4); а ученикъ, видѣвшій Самаго воскресшаго, оставался въ невѣріи. Видишь ли, какъ эту чудо гораздо скорѣе возбудило вѣру въ воскресеніе? Одно явленіе Христа воскресшаго не вывело изъ невѣрія даже ближайшаго ученика Его; а свидѣтели чуда, сотвореннаго Петромъ, изъ враговъ Христовыхъ сдѣлались вѣрующими. Столько-то послѣднее доказательство (чудо) было важнѣе и очевиднѣе перваго (явленія) и больше имѣло силы расположить и преклонить людей къ вѣрѣ воскресенію! Но что̀ я говорю о Ѳомѣ? Если хочешь знать, что и прочіе ученики, увидѣвъ Господа по воскресеніи, не вдругъ повѣрили,—выслушай разумно. Только не осуждай ихъ, возлюбленный. Если Христосъ ихъ не осудилъ, то и ты не осуждай; ибо ученики видѣли необыкновенное и чудное видѣніе Самого Первороднаго воскресшимъ изъ мертвыхъ; а столь великія чудеса сначала, обыкновенно, поражаютъ ужасомъ, доколѣ, спустя нѣсколько времени, въ сердцахъ вѣрующихъ не водворится спокойствіе. Это самое и случилось тогда съ учениками. Ибо послѣ того какъ Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ, привѣтствовалъ ихъ словами: «*миръ вамъ*», они, какъ сказано, «*убоявшеся и пристрашни бывше, мняху духъ видѣти. И рече имъ Іисусъ: что смущени есте? Потомъ показа имъ руцѣ и нозѣ: еще же имъ невѣрующимъ отъ радости и чудящимся, рече имъ: имате ли что снѣдно здѣ*» (Лук. XXIV, 37—40)? Вотъ какимъ способомъ желалъ Онъ увѣрить учениковъ Своихъ въ воскресеніи! Если, говоритъ, не убѣждаютъ васъ прободенныя копіемъ ребра Мои, не убѣждаютъ и прочія язвы; то пусть убѣдитъ трапеза... Итакъ, когда ты слышишь, что Онъ «*предъ ними* (учениками) *постави Себе жива, денми четыредесятми являяся имъ, съ ними же и ядый*» (Дѣян. I, 3—4); то причиною сего яденія признавай не то, чтобы Онъ Самъ имѣлъ нужду въ пищѣ, но то, что Онъ желалъ уврачевать немощь учениковъ; а отсюда ясно разумѣй, что знаменія и чудеса самихъ Апостоловъ служили самымъ непререкаемымъ доказательствомъ Христова Воскресенія... (Воскр. Чт., г. IX, стр. 49—50.)

Кому прежде всѣхъ явился Господь Іисусъ Христосъ по воскресеніи?

(В. Пѣвницкаго.)

По Евангельскимъ сказаніямъ, первое явленіе Господа по воскресеніи было Маріи Магдалинѣ. Евангелистъ Маркъ прямо говоритъ: *воскресъ Іисусъ заутра въ первую субботу, явися прежде Маріи Магдалини, изъ неяже изгна седмь бѣсовъ. Она же шедши возвѣсти съ Нимъ бывшимъ, плачущимся и рыдающимъ* (Марк. XVI, 9—10). Со свидѣтельствомъ Марка согласуются повѣствованія о явленіяхъ воскресшаго Господа, читаемыя нами въ Евангеліяхъ Іоанна (XX, 11—18) и Матѳея (XXVIII, 9—10).

Но Святая Церковь хранитъ благочестивое преданіе о другомъ явленіи воскресшаго Господа, бывшемъ раньше явленія Его Маріи Магдалинѣ. По ея вѣрованію, прежде всѣхъ по воскресеніи изъ гроба Господь явился Пресвятой Богоматери, и Ей же прежде другихъ сообщена была Ангеломъ радостная вѣсть о возстаніи Сына Ея изъ гроба. Она ближе всѣхъ изъ земнородныхъ была къ Господу Іисусу Христу, и сердце Ея болѣе другихъ было поражено невыразимою сердечною скорбью, когда Она видѣла на крестѣ Спасителя міра, по Своему человѣчеству Ею

рожденнаго и воспитаннаго, и связаннаго съ Нею самыми тѣсными кровными узами. По предреченію праведнаго Симеона, во дни страданій Господнихъ оружіе пронзило Ея душу, и раны Ея сердца были гораздо тяжелѣе тѣхъ кровавыхъ ранъ, какія наноситъ мечъ или стрѣла. Господь видѣлъ со креста страданія Своей Матери, и въ нѣжной сыновней заботливости о Ней въ предсмертныя минуты поручилъ Ее попеченіямъ Своего возлюбленнаго ученика. Можно ли предположить, чтобы этотъ необыкновенный Сынъ необыкновенной Матери забылъ о Ней, когда открылся и насталъ день Его славы, и когда Онъ съ торжествомъ явился на землѣ побѣдителемъ смерти и ада? Можно ли думать, чтобы Ему угодно было продлить минуты страданій Той, отъ Которой Онъ принялъ плоть Свою, которая Имъ жила и дышала, и въ которой Онъ находилъ утѣшеніе и отраду въ дни земной жизни Своей?

Въ Іерусалимѣ, въ храмѣ воскресенія, до сихъ поръ указываютъ мѣсто явленія воскресшаго Спасителя Пресвятой Богоматери, недалеко отъ кувукліи или бывшаго гроба Господня. На этомъ мѣстѣ стоитъ католическій придѣлъ явленія Спасителя Богоматери. Преданіе, освященное вѣками, конечно, имѣетъ въ основаніи своемъ несомнѣнные факты. Святая Церковь въ своихъ пасхальныхъ пѣснопѣніяхъ очень часто возвращается къ этому событію, и то воспоминаетъ Ангельское привѣтствіе Богоматери, то указываетъ на явленіе ей Самого Воскресшаго. Въ этихъ пѣсняхъ есть прямое указаніе на то, что именно Богоматери, а не кому либо другому повелѣно было Ангелу сообщить первую радостную вѣсть о воскресеніи. Со втораго дня Святыя Пасхи къ пасхальному канону, поемому въ первый день, присоединяется другой канонъ въ честь Богородицы, твореніе Ѳеофана и Іосифа, и этотъ канонъ есть ничто иное, какъ воспроизведеніе и подробное раскрытіе того радостнаго привѣтствія, съ какимъ обратился къ Богоматери Ангелъ во утріе дня воскресенія Христова. Всѣмъ извѣстенъ припѣвъ девятой пѣсни пасхальнаго канона: *Ангелъ вопіяше благодатнѣй: чистая Дѣво, радуйся, и паки реку: радуйся: Твой Сынъ воскресе тридневенъ отъ гроба.* Нѣсколько разъ повторяется это привѣтствіе съ разными добавленіями въ пасхальномъ Богородичномъ канонѣ, къ сожалѣнію, не такъ у насъ извѣстномъ. Напримѣръ: *Воскресшаго видѣвши Сына Твоего и Бога, радуйся со Апостолы, Богоблагодатная чистая, и еже радуйся, первѣе, яко всѣхъ радости вина, воспріяла еси, Богомати всенепорочная* (кан. Богор. 2-й ст. 1-й пѣсни). *Бога, Егоже родила еси плотію изъ мертвыхъ, якоже рече, воставша видѣвши, чистая, ликуй* (К. Б. 2 ст. 2-й пѣсни), *Егоже родила еси Христа, прекрасна изъ мертвыхъ возсіявша, чистая, зрящи, добрая и непорочная въ женахъ и красная, днесь во спасеніе всѣхъ, со Апостолы радующися, Того прославляй* (К. Б. 4-й пѣсни 2 стиха).

Отчего же нѣтъ упоминанія о явленіи Спасителя Богоматери и объ Ангельскомъ благовѣстіи Ей о воскресеніи Ея Сына въ сказаніяхъ Евангелистовъ? Но въ Евангеліяхъ не изображены очень многія изъ Дѣяній Господа Іисуса Христа и изъ обстоятельствъ Его земной жизни. Евангелисты не имѣли въ виду представить подробную запись всѣхъ словъ, сказанныхъ Господомъ, всѣхъ дѣлъ, Имъ совершенныхъ, и всѣхъ случаевъ, какими ознаменовано было Его пребываніе на землѣ. Изъ многаго, совершеннаго Іисусомъ Христомъ, они передали потомству на память то, что

наиболѣе могло внушить вѣру въ Божественное посланничество Господа, и что показывало Его вышечеловѣческую силу и вышечеловѣческое достоинство. Евангелистъ Іоаннъ два раза указываетъ на то, что въ Евангеліяхъ далеко не все записано, что видѣли и слышали отъ Господа Іисуса Христа люди, бывшіе свидѣтелями Его дѣлъ и чудесъ и воспринимавшіе сердцемъ слова благодати, текшія изъ устъ Его. *Суть же и ина многа,* говоритъ онъ въ заключеніи своего Евангелія, *яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ* (Іоан. XXI, 25). *Многа и ина знаменія сотвори Іисусъ предъ ученики Своими* (читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ Евангелія Іоаннова), *яже не суть писана въ книгахъ сихъ. Сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и да вѣрующе, животъ имате во имя Его* (Іоан. XX, 30—31). Оба эти замѣчанія Евангелиста Іоанна сдѣланы въ тѣхъ главахъ его Евангелія, гдѣ онъ разсказываетъ о явленіяхъ Господа Іисуса Христа по воскресеніи,—одно послѣ разсказа о явленіи Іисуса Христа ученикамъ въ комнатѣ, при затворенныхъ дверяхъ, въ вечеръ дня воскресенія, и потомъ въ осьмой день по воскресеніи, для увѣренія Апостола Ѳомы въ истинѣ Своего воскресенія,—и другое послѣ описанія явленія Его ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ и Его бесѣды съ Симономъ Петромъ. Включеніе этихъ замѣчаній въ исторію явленій Господа Іисуса Христа по воскресеніи даетъ намъ право заключать, что именно здѣсь, по отношенію къ явленіямъ воскресшаго Господа, не все записано Апостолами, что было извѣстно, а многое хранилось въ живомъ устномъ преданіи. Въ частности, о Божіей Матери въ Евангеліи говорится очень мало, и даже упоминается о Ней очень рѣдко. Послѣ того какъ Она послужила тайнѣ воплощенія Единороднаго Сына Божія, Она какъ-бы совершенно скрывается изъ вида и пребываетъ въ неизвѣстности. Ея имя мы встрѣчаемъ въ Евангеліи, когда Евангелисты описываютъ обстоятельства, относящіяся къ рождеству Господа Іисуса Христа. Затѣмъ упоминается о Ней (при чемъ Она не называется по имени), когда Господь Іисусъ, будучи двѣнадцатилѣтнимъ Отрокомъ, былъ съ родителями въ Іерусалимѣ на праздникѣ Пасхи и не пошелъ съ ними въ обратный путь, и когда родители, не видя Его въ толпѣ возвращавшихся богомольцевъ, должны были вернуться въ Іерусалимъ, и послѣ долгихъ поисковъ нашли Его въ церкви сидящимъ посреди учителей (Лук. XI, 43—51). Еще упоминается о Ней, когда Господь Іисусъ Христосъ совершилъ первое чудо на бракѣ въ Канѣ Галилейской, гдѣ Онъ былъ вмѣстѣ съ Матерію (Іоан. XI, 1—5). Наконецъ, Евангелистъ Іоаннъ указываетъ Ее въ числѣ стоящихъ у креста Христова, когда Господь поручилъ Ее на храненіе этому Своему возлюбленному ученику (Іоан. XIX, 25—27). И только. Между тѣмъ, живя постоянно со Своимъ единственнымъ Сыномъ, окруженная Его вниманіемъ, вся посвященная Своимъ материнскимъ заботамъ и чтимая всѣми, видѣвшими въ Ея Сынѣ необыкновеннаго чудотворца, Она могла бы дать матеріалъ для многихъ страницъ священной исторіи.

Но, видно, Ей Самой не угодно было, чтобы разглашали о Ней и выставляли напоказъ тайну Ея жизни. Смиреніе было однимъ изъ главныхъ и отличительныхъ Ея качествъ. Господь, по Ея собственнымъ словамъ, призрѣлъ *на смиреніе Рабы Своея* (Лук. I, 48).

когда избралъ Ее послужить искупленію рода человѣческаго чрезъ воспріятіе отъ Нея пречистой плоти,—и этому смиренію Она не измѣнила во всѣ годы Своей жизни, какъ во дни скорби, такъ и во дни славы Своего Сына и Господа. Ей желательна и пріятна была тихая, скромная, сосредоточенная жизнь, далекая отъ всякаго общественнаго шума, и больно, тяжело чувствовалось на Ея сердцѣ, когда кто либо нарушалъ сокровенную тишину, въ какой любила пребывать Она. Апостолы съ благоговѣніемъ относились къ этому необычайному смиренію величайшей изъ матерей, свято берегли Ея желанія и не хотѣли говорить о Ней, когда Она болѣе всего любила молчаніе (Воскр. Чт. 1883 г., стр. 177—180).

Какъ убѣждались первые ученики Господа въ истинѣ воскресенія Его?

(Архим. Варсоломея.)

Радость свѣтлаго воскресенія Христа Спасителя не вдругъ овладѣвала сердцами послѣдователей и учениковъ Его; не всѣ и не въ одно время равно убѣдились въ Его воскресеніи и одинаково возрадовались. Такъ, Апостолъ Ѳома до восьми дней не былъ удостоенъ лицезрѣнія воскресшаго Господа; а *иные, и увидя Его,* на первый разъ усумнились (Матѳ. XXVIII, 17). И впослѣдствіи, — во времена Апостольскія и были и такіе вѣрующіе, которыхъ ублажаетъ святый Апостолъ Петръ за то, что они, *не видѣвши Іисуса Христа, любятъ Его и на Негоже нынѣ зряще, вѣруютъ въ Него и радуются радостью неизглаголанною и прославленною* (1 Петр. I, 8). Но были и такіе въ обществѣ самыхъ христіанъ, которые сомнѣвались въ возможности воскресенія мертвыхъ, а тѣмъ самымъ отвергали и дѣйствительность Христова воскресенія. Такихъ христіанъ укорялъ въ свое время Апостолъ Павелъ: *како глаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресеніе мертвыхъ нѣсть? И аще воскресеніе мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста* (1 Коринѳ. XV, 12—13).—Опыты прошедшаго и настоящаго убѣждаютъ, что недуги сомнѣнія и маловѣрія, даже болѣзни совершеннаго невѣрія въ Іисуса Христа или спасительное Его воскресеніе могутъ всегда раждаться и находить мѣсто между христіанами.

Недуги сомнѣнія и невѣрія въ истину о воскресеніи Христовомъ, при первомъ благовѣстіи о немъ въ обществѣ Апостоловъ, врачевались и уничтожались Самимъ Господомъ различно, у однихъ такими средствами, у другихъ иными. Посмотримъ, нельзя ли въ благовѣстіи о явленіи воскресшаго Господа вѣрующимъ, сомнѣвающимся и коснѣющимъ въ сомнѣніи ученикамъ Своимъ, указать уроки вразумленія для вѣры, сомнѣній, маловѣрія и невѣрія нашего времени.

Воскресши рано въ первый день недѣли, Іисусъ явился сперва Маріи Магдалинѣ (Марк. XVI, 9). Марія очень рано, когда было еще темно (Іоан. XX, 1), пришла ко гробу Спасителя и, не нашедши въ немъ тѣла Господня, горько плакала, стоя внѣ гроба. Въ скорби и слезахъ, а можетъ быть, еще и отъ темноты, она приняла явившагося ей Господа за вертоградаря; но на зовъ Его: *Маріе!*— вдругъ обратилась къ Нему съ радостнымъ восклицаніемъ—Учитель! и пала къ стопамъ Его (Іоан. XX, 17). Спустя нѣсколько минутъ, подошли и другія жены мироносицы; но онѣ тамъ не видѣли Господа, а получили увѣреніе въ воскресеніи Его—отъ Ангеловъ. Возвращаясь домой отъ гроба, онѣ со страхомъ и радостью великою побѣжали возвѣстить о томъ, что̀ слышали

отъ Ангеловъ, ученикамъ Его. Когда же шли онѣ возвѣстить ученикамъ Его, воскресшій Господь встрѣтилъ ихъ и сказалъ: радуйтесь. Онѣ поклонились Ему. *Тогда говоритъ имъ Іисусъ: не бойтесь: пойдите, возвѣстите братіямъ Моимъ* (Матѳ. XXVIII, 8—10). Такимъ образомъ, жены-мvроносицы, пришедшія очень рано ко гробу помазать тѣло Господне, первыя удостоились собственными очами видѣть воскресшаго Господа Іисуса и собственными руками осязать прославленныя стопы Его. Не очевидно ли отсюда для всякаго, что святая любовь, любовь живая и дѣятельная, сильнѣе всего влечетъ сердце къ Богу и скорѣе всего соединяетъ съ Возлюбленнымъ? Не ясно ли для всякаго, что простота вѣры прежде всякихъ умствованій и изысканій открываетъ живаго Бога, бесѣдуетъ съ Нимъ въ чистотѣ сердца и невозмутимо радуется обрѣтенію Его? Святыя жены не могли бы первыя встрѣтить воскресшаго Господа, если бы любовь возбудила ихъ очень рано на служеніе Почившему. Такъ воскресшій, всегда живый и повсюду сущій, Господь Іисусъ открываетъ Себя и доселѣ сердцамъ, искренно любящимъ Его и въ простотѣ вѣрующимъ Ему.

Но *въ той же* первый *день* воскресенія, повѣствуетъ Святое Евангеліе, Господь въ *иномъ образѣ явился двумъ* изъ учениковъ Своихъ. Они шли въ селеніе Эммаусъ и разговаривали между собою о всѣхъ событіяхъ послѣднихъ дней. И когда они разговаривали и разсуждали между собою, въ то время и Самъ Іисусъ приблизясь пошелъ съ ними. Но глаза ихъ были удержаны, такъ что они не узнали Его. Господь спросилъ ихъ: *о чемъ вы это разсуждаете между собою, и отчего вы печальны?* Ученики разсказываютъ невѣдомому спутнику объ Іисусѣ Христѣ Назарянинѣ, какой Онъ былъ *великій пророкъ, сильный дѣломъ и словомъ*, какъ архіереи осудили его и предали на смерть; *мы же*, говорятъ они, *надѣялись было, Онъ есть Тотъ, Который долженъ избавить Израиля: но со всѣмъ тѣмъ, уже третій день нынѣ, какъ это произошло.* Тогда Господь сказалъ имъ: *о, несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобъ вѣровать всему, что предсказывали пророки! Не такъ ли надлежало пострадать Христу и войти въ славу Свою? И, начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснилъ имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи* (Марк. XVI, 12. Лук. XXIV, 13—17). Какъ сильны были Его доводы изъ Священнаго Писанія, какъ отъ свѣта слова Божія мало-по-малу разсѣявался мракъ ихъ всѣхъ сомнѣній и недоразумѣній, и вмѣсто тяжкаго унынія, возгорѣлись въ сердцѣ радость и надежда,—это выразили сами ученики, узнавши Господа послѣ за трапезою. Они сказали другъ другу: *не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда Онъ говорилъ намъ на дорогѣ и когда изъяснялъ намъ Писаніе?* (Лук. XXIV, 32 и 35.) Вотъ иной путь къ живому Богу, путь медленный и нелегкій, путь сомнѣній и разслѣдованій, религіозныхъ изысканій и разумнаго убѣжденія! Недовѣрчивый разумъ не всегда соглашался на общую вѣру простосердечныхъ христіанъ, что Господь Іисусъ, распятый на крестѣ, умершій и погребенный, *воскресъ въ третій день по Писанію*. Но если это—разумъ искренно ищущій вѣрнаго пути къ истинѣ и спасенію; то Господь не оставитъ его блуждать во мракѣ мучительныхъ сомнѣній: Онъ Самъ, въ лицѣ друга, или добраго наставника, или даже въ образѣ случайно встрѣтившагося незнакомца, сблизится съ нимъ духовно, приметъ живѣйшее участіе въ его душев-

номъ положеніи и научитъ, гдѣ искать Того, Который есть вѣрный *путь и истина и животъ*. Онъ покажетъ, что вѣра въ воскресшаго Спасителя міра основана на свидѣтельствѣ не однѣхъ женъ-мvроносицъ, но *болѣе, нежели пятисотъ самовидцевъ и служителей Слова*, запечатлѣвшихъ кровію свое благовѣстіе; что съ перваго дня по воскресеніи до нашихъ временъ и до конца міра эта святая вѣра исповѣдуется не только одними простодушными и неучеными людьми, но твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ людьми учеными и даже такими, которые были прежде жестокими гонителями ея;—что основаніемъ нашей вѣры *мы имамы: извѣстнѣйшее пророческое слово: и ему внимаемъ якоже свѣтилу въ темнѣмъ мѣстѣ* (2 Петр. I, 19). Это пророческое и Евангельское слово:—*живое и дѣйственное слово Божіе, и острѣйше паче всякаго меча обоюдуостра, проходящее до раздѣленія души и духа*, разрѣшитъ всякія недоумѣнія въ душѣ, разсѣетъ всякій мракъ сомнѣній и заблужденій и озаритъ сердце свѣтоносною истиною свѣтлаго воскресенія Христа Спасителя.

Въ тотъ же первый день, то есть въ день воскресенія Господа, вечеромъ, *когда двери дома, гдѣ собрались ученики Его, были заперты, изъ опасенія отъ Іудеевъ, пришелъ Іисусъ и сталъ посреди и говоритъ имъ: миръ вамъ! Ученики обрадовались, увидя Господа...* (Іоан. XX, 19—20.) Кто можетъ изобразить радость убитыхъ горемъ и страхомъ учениковъ, когда они внезапно, сверхъ всякаго ожиданія, узрѣли въ кругу себя воскресшаго и прославленнаго своего Господа, Учителя, Благодѣтеля, свою надежду и жизнь! Они сами не могли опомниться отъ прилива внезапной радости: *когда же они отъ радости еще не вѣрили и дивились, Господь Іисусъ сказалъ имъ: что смущаетесь, и для чего такія мысли входятъ въ сердца ваши?—Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это—Я Самъ; осяжите Меня и разсмотрите, ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня... Есть ли у васъ здѣсь какая пища? Они подали ему часть печеной рыбы и сотоваго меда. И взявъ ѣлъ передъ ними...* (Лук. XXIV, 39—45.) *Іисусъ же сказалъ имъ вторично: миръ вамъ! Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ. Сказавъ это, дунулъ и говоритъ имъ: пріимите Духа Святаго* (Іоан. 21—23). *Тогда отверзъ имъ умъ къ уразумѣнію Писаній* (Лук. XXIV, 45); даровалъ имъ власть отпущать грѣхи; показалъ, какія знаменія послѣдуютъ увѣровавшимъ въ Него: *именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй; и если что смертоносное выпьютъ, не вредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы* (Марк. XVI, 17—18). *Многое и другое сотворилъ Іисусъ* предъ учениками Своими для убѣжденія и наставленія ихъ (Іоан. XXI, 25).—Вотъ самое осязательное явленіе воскресшаго Господа Іисуса,—явленіе, не оставляющее ни малѣйшаго сомнѣнія въ воскресеніи Господнемъ и для тѣхъ, которые не хотѣли скоро вѣрить благовѣстію другихъ. Не довольно того, что Господь явился въ кругу многихъ учениковъ Своихъ, показалъ имъ Свои руки и ноги, вкусилъ пищи предъ ними, бесѣдовалъ съ ними,—Онъ еще оставилъ имъ вѣчныя знаменія Своего воскресенія и явленія имъ: даровалъ имъ Духа Святаго, разумѣніе Писаній, даръ языковъ, чудотвореній и прочее. Могли ли, послѣ этого, святые Апостолы не свидѣтельствовать предъ цѣлымъ свѣтомъ, что Господь Іисусъ хотя и *умерщвленъ былъ плотію*, какъ истинный человѣкъ, *но*

ожилъ вмѣстѣ съ плотію *духомъ* (1 Петр. Ш, 18), какъ *вѣчно живое Слово Божіе, еже бѣ исперва, еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима нашима, еже узрѣхомъ и руки наша осязаша* (1 Іоан. I, 1)!

Было ли когда въ послѣдующія времена и бываетъ ли теперь такое очевидное явленіе воскресшаго Господа Іисуса? Для великихъ цѣлей:—для спасенія народовъ, для обращенія великихъ мужей, для укрѣпленія великихъ мучениковъ, Господь видимо открывалъ Себя и тѣмъ свидѣтельствовалъ о Себѣ, что Онъ всегда живъ, всегда одинъ и тотъ же: *вчера и днесь тойже и во вѣки!* Но и всякой искренно вѣрующей душѣ Своихъ братій Господь Іисусъ, по безконечной любви и благости Своей, являетъ Себя такъ же ощутительно, хотя и невидимо, такъ же чудодѣйственно и живо, хотя духовно и таинственно! Когда гонимая злобою враговъ Христовыхъ, любовь ко Христу заключится въ храминѣ вѣрующаго сердца со всѣми своими надеждами и желаніями и почувствуетъ томленіе одиночества, горесть беззащитнаго уединенія, жажду утѣшенія отъ Господа, тогда *дверемъ заключеннымъ*, неожиданно, приходитъ Онъ—Любовь и Надежда и подаетъ миръ скорбящей душѣ! Тогда вѣрующая душа видитъ Его очами вѣры, она встрѣчаетъ Его святою надеждою, она касается Его благоговѣйною любовію. И что это—Самъ Онъ, Царь и Богъ ея, а не мысль только объ Немъ, не воображаемый призракъ, она узнаетъ по свойству безцѣнныхъ даровъ Его, даровъ, каковыхъ не можетъ дать ей цѣлый міръ. *Миръ Свой даю тебѣ!* говоритъ Царь душѣ, *не такъ, какъ міръ даетъ, Я даю тебѣ* (Іоан. XIV, 27)! и—душа чувствуетъ, что сей Богодарованный *миръ превосходитъ всякъ умъ*,—всякое представленіе. Тогда увидитъ она ясно, что всѣ Священныя *Писанія* непререкаемо *свидѣтельствуютъ о Сынѣ Божіемъ, что глаголы Его* Самого *духъ суть и животъ суть*,—что она восприяла силу творить чудеса: она не говоритъ на новыхъ языкахъ, когда это не бываетъ нужно, но за то роднымъ языкомъ громко возвѣщаетъ величія Божія; не исцѣляетъ недужныхъ возложеніемъ рукъ, но воскрешаетъ мертвыхъ душою, закоренѣлыхъ грѣшниковъ однимъ благодатнымъ словомъ своимъ! «Вотъ самыя великія чудеса! вотъ дивныя знаменія»! восклицаетъ святый Златоустъ (въ Бес. 32, на Матѳ. стр. 71).

Были и еще свидѣтели воскресенія Христова, невольные, но несомнѣнные; это—воины, распявшіе Его и хранившіе гробъ Его. Но *сребренники довольны*, т. е. сребролюбіе и человѣко-угодничество, измѣнили истину свидѣтельства ихъ въ ложь, въ ту ложь, будто *ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали! И пронеслось слово сіе между Іудеями до сего дня* (Матѳ. XXVIII, 12—15). Истина продана ими.

Повторяется ли это съ религіозными убѣжденіями въ мірѣ христіанскомъ? Бываетъ: изъ выгодъ и земныхъ расчетовъ перемѣнить вѣру или религіозныя убѣжденія значитъ сдѣлать то же, что сдѣлали воины. Но чаще всего это бываетъ на судѣ, гдѣ за сребренники продаютъ истину и говорятъ не то, что видѣли (Воскр. Чт., г. XXIX, ч. I, стр. 27—34).

Явленія Іисуса Христа по воскресеніи.

I. Маріи Магдалинѣ.

Марія, пришедши рано ко гробу и видя его отверстымъ, неутѣшно плачетъ, думая, что тѣло Господа кѣмъ либо взято; видитъ двухъ Ангеловъ при гробѣ; потомъ, обратясь назадъ, видитъ Самого Іисуса Христа, принимаетъ Его за вертоградаря и спрашиваетъ: не онъ ли взялъ тѣло Господа? Тогда *глаголы ей*

Іисусъ: Маріе! Она же обращшися глагола ему: Раввуни, еже глаголется, учителю. Глагола ей Іисусъ: не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу Моему: иди же ко братіи Моей и рцы имъ: восхожду къ Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему (Іоан. XX, 11—17. Марк. XVI, 9).

II. Магдалинѣ и Маріи Іаковлевой и другимъ мѵроносицамъ.

Слышавъ при гробѣ благовѣстіе Ангела, онѣ идутъ съ радостною вѣстью къ Апостоламъ. *Егда же идяхуть возвѣстити ученикомъ Его, и се, Іисусъ срѣте я, глаголя: радуйтеся! Онѣ же приступльше, ястася за нозѣ Его и поклонистася Ему. Тогда глагола имъ Іисусъ: не бойтеся: идите, возвѣстите братіи Моей, да идутъ въ Галилею, и ту Мя видятъ* (Матѳ. XXVIII, 1—10. Марк. XVI, 1. Лук. XXIV, 10).

III. Двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ.

Въ первый же день по воскресеніи Клеопа и другой ученикъ, шедши изъ Іерусалима въ селеніе Еммаусъ, бесѣдовали о томъ, что они слышали отъ мѵроносицъ. На пути присоединяется къ нимъ Самъ Господь, вступаетъ съ ними въ разговоръ и изъясняетъ пророчества о воскресеніи Мессіи; но они не узнаютъ Воскресшаго. Наконецъ упрашиваютъ Его зайти съ ними въ селеніе для отдохновенія. *И бысть, яко возлеже съ нима и пріимъ хлѣбъ, благослови и преломивъ, даяше има. Онѣма же отверзостася очи, и познаста Его: и Той невидимъ бысть има* (Лук. XXIV, 13—31).

IV. Апостолу Петру.

Ученики, сподобившіеся видѣть Воскресшаго въ Еммаусѣ, тотъ же часъ возвращаются въ Іерусалимъ къ Апостоламъ. *И обрѣтоста совокупленныхъ единонадесяте, и иже бяху съ ними, глаголющихъ, яко воистинну воста Господь, и явися Симону Кифѣ* (Лук. XXIV, 33—34).

V. Всѣмъ Апостоламъ, кромѣ Ѳомы.

Сущу поздѣ въ день той,—двереме затвореннымъ, идѣже бяху ученицы Его собрани, страха ради Іудейска, пріиде Іисусъ и ста посредѣ и глагола имъ: миръ вамъ! И сіе рекъ, показа имъ руцѣ и нозѣ и ребра Своя. При семъ Господь въ Своемъ дуновеніи преподалъ имъ Святаго Духа и власть пастырскую (Іоан. XX, 19—23).

VI. Апостоламъ же вмѣстѣ съ Ѳомою.

Апостолъ Ѳома, по нѣкоторому случаю не бывшій съ прочими Апостолами въ часъ явленія имъ Господа, не хотѣлъ вѣрить Его воскресенію, пока самъ не увидитъ и не осяжетъ ранъ Распятаго и Воскресшаго. *И по днехъ осмихъ паки бяху внутрь ученицы Его, и Ѳома съ ними. Пріиде Іисусъ дверемъ затвореннымъ, и ста посредѣ ихъ и рече: миръ вамъ! Потомъ глагола Ѳомѣ: принеси перстъ твой сюмо и виждь руцѣ Мои, и принеси руку твою и вложи въ ребра Моя, и не буди невѣренъ, но вѣренъ.* Ѳома въ восторгѣ восклицаетъ къ Нему: *Господь мой и Богъ мой!* (Іоан. XX, 26—29.)

VII. Петру, Ѳомѣ, Наѳанаилу, Іакову, Іоанну и двумъ другимъ ученикамъ въ Галилеѣ, на озерѣ Тиверіадскомъ.

Когда ученики сіи, пришедшіе въ Галилею по повелѣнію Господа, въ одну ночь занимались здѣсь ловлею рыбъ, поутру увидѣли на берегу озера Самого Іисуса Христа; сначала не узнали Его, а узнали уже тогда, какъ Онъ даровалъ имъ чудесную ловитву рыбъ. Послѣ сего Господь благоволилъ предложить имъ

обѣдъ и бесѣдовалъ съ ними. *Се уже третіе явися Іисусъ ученикомъ Своимъ, воставъ отъ мертвыхъ.* Въ сіе время, по троекратномъ вопросѣ къ Петру: *любиши ли Мя?* Спаситель троекратно повелѣвалъ ему пасти овецъ Своихъ и предрекъ мученическую смерть его (Іоан. XXI, 1—22).

VIII. Одиннадцати Апостоламъ въ Галилеѣ же.

Единінадесяте ученицы идоша въ Галилею, въ гору, аможе повелѣ имъ Іисусъ. И видѣвше Его, поклонишася Ему: овіи же усумнѣшася. Господь, приступивъ къ нимъ, объявилъ власть Свою на небеси и на земли, а имъ преподалъ власть проповѣданія и священнодѣйствія, обѣщавъ Свое благодатное присутствіе съ Церковію до скончанія вѣка (Матѳ. XXVIII, 16—20).

IX. Болѣе, нежели пяти стамъ братіямъ.

Здѣсь же, вѣроятно въ Галилеѣ, Господь явился однажды великому собранію вѣрующихъ, какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ Павелъ: *посемъ же явися болѣ пятисотъ братіямъ единою, отъ нихъже множайшіи пребываютъ доселѣ, нѣціи же и почиша* (1 Коринѳ. XV, 6).

X. Апостолу Іакову.

Неизвѣстно, гдѣ и когда было еще особенное явленіе Апостолу Іакову, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Апостолъ Павелъ: *потомъ же явися Іакову* (1 Коринѳ. XV, 7).

XI. Всѣмъ Апостоламъ на горѣ Елеонской.

Въ послѣдній разъ Господь, многократно являвшійся Апостоламъ въ продолженіи сорока дней и бесѣдовавшій съ ними о Царствіи Божіи, изводитъ ихъ изъ Іерусалима до Виѳаніи; обѣщаетъ имъ крещеніе Святымъ Духомъ и силу свыше для свидѣтельствованія о Немъ—до послѣднихъ земли. Потомъ, воздвигъ руцѣ Свои, благослови ихъ. *И бысть, егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ* (Воскр. Чт., г. IV, стр. 3—4).

Уроки Амвросія, еп. Медіоланскаго изъ Евангельскаго повѣствованія о женахъ мироносицахъ.

Святыя жены, пришедшія ко гробу съ ароматами, *да* помажутъ Іисуса (Марк. XVI, 1), увидѣли тамъ Ангела, ибо Евангелистъ говоритъ такъ: *и вшедше во гробъ, видѣша юношу сѣдяща въ десныхъ... онъ же глагола имъ: Іисуса ищете Назарянина распятаго: воста, нѣсть здѣ... но идите, рцыте ученикомъ Его, яко варяетъ вы въ Галилеи: тамо Его видите* (Марк. 5—7). А что этотъ юноша былъ Ангелъ, о томъ засвидѣтельствовалъ другой Евангелистъ: *Ангелъ бо Господень сшедъ съ небесе, приступль, отвали камень отъ двери гроба, и сѣдяше на немъ* (Матѳ. XXVIII, 2). Марія же Магдалина, пламеннѣе другихъ любившая Іисуса и не отходившая отъ гроба, прежде всѣхъ, у самаго гроба, удостоилась увидѣть воскресшаго Господа и предъ самыми Апостолами быть благовѣстницею несказанныя радости о воскресеніи Его. *Марія же стояше у гроба плачущи,*—замѣчаетъ Евангелистъ Іоаннъ—*и виде Іисуса;* и далѣе: *прійде же Маріа Магдалина повѣдающи ученикомъ, яко виде Господа* (XX, 11, 14, 18). Этотъ урокъ прежде всего научаетъ насъ тому, что ищущіе Господа должны искать Его—каждый съ ароматами добрыхъ дѣлъ своихъ, составляющихъ предъ Нимъ воню благоуханія, коими благоугождается Господь.

Далѣе, эти благочестивыя жены искали во гробѣ *тѣлесе Іисусова, да нома-*

жутъ. Чего же и мы съ вами ищемъ въ церкви Божіей, какъ не Іисуса, т. е. Спасителя? Но если желаете обрѣсти Его, поспѣшайте, подобно онымъ женамъ, *зѣло рано*, и, *возсіявшу солнцу*, ищите, да обрящете: дѣла тьмы да не омрачаютъ васъ; ибо омраченные ими не видятъ свѣта и не разумѣютъ Христа.

Внемлите еще слышанному вами: Марія Магдалина обрѣла Того, Кого искала, потому что не отходила отъ гроба: *Маріа же стояше у гроба плачущи*,— обрѣла по своему неотступному, слезному, пламенѣвшему любовію терпѣнію; *претерпѣвый бо до конца*, по словамъ Спасителя, *той спасенъ будетъ* (Матѳ. X, 22). Посему не только надлежитъ отъ дѣлъ грѣховныхъ удаляться, нисколько не пріобщаясь пагубной язвѣ оныхъ; но и въ добрыхъ подвигахъ христіанскихъ постоянно пребывать, подвизаясь на семъ душеспасительномъ поприщѣ до конца жизни, если хотимъ узрѣть Господа славы и внити съ Нимъ въ Царство славы (Воскр. Чт., г. XVIII, стр. 13—14).

Черты жизни Маріи Магдалины по Евангельскимъ сказаніямъ.

(Филарета, митроп. Московскаго.)

Изъ первой части житія Маріи Магдалины ничего неизвѣстно намъ, кромѣ того, что она была подвержена тяжкому и страшному недугу, въ которомъ обыкновенные врачи тѣмъ менѣе умѣютъ подавать помощь, чѣмъ менѣе понимаютъ его начало. И если бы кто, какъ нѣкогда Апостолы о слѣпорожденномъ, спросилъ о ней: *сія ли согрѣши, или родители ея*, да тако страждетъ,—не знаемъ, можно ли было бы, подобно какъ о томъ, сказать и о ней: *ни сія согрѣши, ни родители ея, но да явятся дѣла Божія на ней*. Но, какъ бы то ни было, за грѣхи ли, или не за грѣхи подверглась она страданіямъ, мы, не колеблясь, можемъ утверждать, что сіе допущено было Провидѣніемъ Божіимъ для того, чтобы надъ нею совершилось спасительное дѣло Божіе. Если бы она не подверглась страданіямъ и не испытала безпомощности въ нихъ; то, вѣроятно, жила бы въ родной странѣ Магдальской въ невѣдѣніи о чудесахъ Іисуса Христа и о ученіи Его; или слухъ о нихъ приняла бы только съ любопытствомъ, съ удивленіемъ, съ недовѣріемъ; и не возвысилась бы до живой вѣры и до *крѣпкой, яко смерть*, любви ко Спасителю. Но страждущая и безпомощная въ страданіи, не могла быть равнодушна къ слуху о Чудотворцѣ, *исцѣляющемъ всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ* (Матѳ. IX, 35); она поспѣшила найти Его, сдѣлалась самовидицею чудесъ Его, увѣровала въ Божественную силу Его; по вѣрѣ получила исцѣленіе и изъ порабощенія силѣ тьмы перешла въ свободу свѣта; такимъ образомъ недорогою цѣною временнаго бѣдствія купила вѣчно блаженную жизнь.

Наказаніе, со смиренною покорностью судьбѣ Божіей понесенное въ первой части житія, во второй части принесло *мирный плодъ правды*.

Когда Христосъ Спаситель освободилъ ее отъ мучительства темныхъ силъ и исцѣлилъ отъ тяжкаго недуга, тогда въ душѣ ея къ силѣ вѣры присоединилась сила благодарности и любви къ Избавителю, чтобы дать жизни ея новое сильное направленіе. Обновленную Христомъ жизнь Марія совершенно посвятила на служеніе Христу.

Когда Онъ *прохождаше сквозѣ грады и веси, проповѣдуя и благовѣствуя Царствіе Божіе*, тогда за Нимъ, послѣ Апостоловъ, слѣдовали многія жены, *яже служаху Ему отъ имѣній своихъ*; и въ числѣ ихъ первую именуетъ святый Евангелистъ Лука *Марію Магдалину*

(Лук. VIII, 1—3). Посему, должно полагать, что или она первая вступила въ сіе служеніе и подала примѣръ другимъ; или преимуществовала предъ прочими усердіемъ и дѣятельностью въ семъ служеніи.

Въ грозные часы страданій и смерти Христа Спасителя, когда почти всѣ Апостолы, послѣ обѣщанія умереть съ Нимъ, побѣждены были страхомъ и скрылись, Магдалина любовію побѣдила страхъ: она стояла при крестѣ Іисуса; она была при Его погребеніи.

Наипаче же, какъ молнія въ ночи, просіяла крѣпкая, какъ смерть, любовь Магдалины въ томъ подвигѣ, который далъ ей, съ нѣкоторыми другими женами, наименованіе *мироносицы*. И здѣсь два Евангелиста поставляютъ ее первою между ними; а святый Іоаннъ одну только ее именуетъ: *во едину отъ субботъ Марія Магдалина пріиде, еще сущей тмѣ, на гробъ Іисусовъ* съ благоуханнымъ мѵромъ (Іоан. XX, 1). Это значитъ, что предпріятіе принадлежало ей; а другія слѣдовали ея предводительству. Разсмотрите сіе предпріятіе. Господь Іисусъ умеръ на крестѣ и погребенъ. Близкіе къ Нему въ опасности; потому что враги Его и воскрешеннаго Имъ Лазаря рѣшились убить, и на Апостоловъ готовы были наложить руки, если бы не воспрепятствовало и въ самомъ страданіи владычественное слово: *оставите сихъ ити* (Іоан. XVIII, 8). Въ высшей степени вѣроятно, что предреченіе Іисуса о Его воскресеніи извѣстно было Магдалинѣ, если не непосредственно, то чрезъ Апостоловъ; но видно и сей лучъ свѣта угасъ въ умѣ ея среди мрачныхъ событій. Ибо, въ чаяніи воскресенія, не нашла бы она нужнымъ помазывать мѵромъ тѣло Іисуса, какъ обыкновеннаго мертваго; и не произнесла бы сихъ, отнюдь не воскресныхъ словъ: *взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его* (Іоан. XX, 13). Итакъ, угрожаемая опасностью, не подкрѣпляемая надеждою, какъ дерзнула Магдалина идти, еще сущей тмѣ, на гробъ Іисуса? На пути представилось мыслямъ ея непреодолимое препятствіе. Она вспомнила, чтобъ гробъ Іисуса закрытъ такимъ тяжелымъ камнемъ, котораго не въ силахъ отвалить ни она, ни спутницы ея. Какъ же и непреодолимое препятствіе не остановило ея? Какая всепревозмогающая сила одушевляла и влекла ее?— Сила любви и благодарности къ Божественному Спасителю, сила святого сострадания къ Святому, безвинно пострадавшему.

И какая за высокій подвигъ высокая награда? Магдалина первая узрѣла Господа воскресшаго, сдѣлалась Христовымъ Апостоломъ для самихъ Апостоловъ; ибо она первая возвѣстила имъ воскресеніе Христово (Изъ бесѣды въ день тезоименитства Государыни Императрицы, т. III-й, стр. 284—286).

Какъ Марія Магдалина могла достигнуть первенства въ видѣніи Господа воскресшаго, и почему Онъ явился ей одной, а не вмѣстѣ съ Петромъ и Іоанномъ?

(*Филарета, митроп. Московскаго.*)

Въ жизни святыя Маріи Магдалины есть необыкновенно свѣтлая черта. Въ утро воскресенія Христова она сподобилась видѣть Господа воскресшаго первая изъ учениковъ и ученицъ Его и первая сдѣлалась проповѣдницею для нихъ воскресенія Его, по непосредственному Его повелѣнію. *Воскресъ Іисусъ заутра въ первую субботу, явися прежде Маріи Магдалини.—Иди ко братіи Моей и рцы имъ: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему* (Марк. XVI. 9. Іоан. XX, 17). Въ сіе время Марія въ

высшей степени достойна была даннаго ей впослѣдствіи времени Церковію наименованія равноапостольной. Апостолы проповѣдали воскресеніе Христово міру; были Апостолами для міра: Магдалина проповѣдала воскресеніе Христово Апостоламъ; была Апостоломъ для Апостоловъ.

Какъ же достигла Марія первенства въ видѣніи Господа воскресшаго и въ проповѣданіи воскресенія Его?

Ея преимущественно возвышенная и дѣятельная любовь ко Христу Спасителю доставила ей преимущество первой узрѣть Его по воскресеніи Его и быть провозвѣстницею воскресенія Его другимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая сила дѣйствовала въ томъ, что, когда страхъ отъ враговъ Христовыхъ самихъ Апостоловъ, почти всѣхъ, заставилъ скрыться, тогда Марія Магдалина, препобѣждая немощь своего пола, перезирая опасность, предстояла распятому Господу до кончины Его, сопровождала пренесеніе тѣла Его отъ креста ко гробу, присутствовала при совершеніи погребенія Его, потомъ въ первые часы послѣ субботняго дня, *еще сущей тмы* (Іоан. XX, 1), поспѣшила на гробъ, не обрѣтши же тѣла Его и возвѣстивъ о томъ Апостолу Петру и Іоанну, вновь устремилась ко гробу Господа и, не уразумѣвъ еще воскресенія Его, со слезами искала бездыханнаго тѣла Его? Какая сила могла все это произвести, если не *крѣпкая, яко смерть, любы* (Пѣсн. пѣсн. VIII, 6)? Ея крѣпкій подвигъ на смертномъ поприщѣ Господнемъ и награжденъ праведно ускореннымъ живоноснымъ лицезрѣніемъ Господа воскресшаго.

Любознательные могутъ замѣтить, что Апостолы Петръ и Іоаннъ такъ же, какъ и Марія, возлюбившіе Господа крѣпкою любовію, были у гроба Его въ одно время съ Нею,—почему же не всѣмъ троимъ, а по удаленіи двоихъ, одной Маріи Онъ явился? Что на сіе скажемъ?—Не дано намъ испытывать всякую тайну душъ вѣрующихъ и Божіей благодати, дѣйствующей въ нихъ очистительно, испытательно, уготовительно и, наконецъ, совершительно. Однако, если будемъ внимательны, можемъ и въ Петрѣ и Іоаннѣ усмотрѣть дѣйствіе, въ различныхъ степеняхъ, того же закона любви, которымъ опредѣлился жребій Маріи. Можно думать, что любовь Петра была въ сіе время, хотя не въ изнеможеніи, но въ нѣкоемъ невольномъ затмѣніи тяжкимъ сознаніемъ трикратнаго отреченія отъ Христа. Любовь Іоанна, которая только на минуту не была *крѣпкою, яко смерть,* во время бѣгства отъ Христа изъ Геѳсиманскаго сада, но вскорѣ воспрянула и неуклонно влекла его во слѣдъ за страждущимъ Спасителемъ, не была стѣснена въ душѣ его; и свободнѣе, нежели Петра, вела его ко гробу Господню: *другій ученикъ тече скорѣе Петра* (Іоан. XX, 4). Симъ различнымъ состояніемъ любви соотвѣтствовали различныя послѣдствія. Петръ *вниде во гробъ* Господень; но еще не нашелъ въ немъ свѣта воскресенія и вынесъ изъ него только удивленіе: *отъиде въ себѣ, дивяся бывшему* (Лук. XXIV, 12). Іоаннъ также вошелъ во гробъ и обрѣлъ хотя невидимый, но дѣйствительный внутренній свѣтъ вѣры въ воскресеніе Христово. *Вниде и другій ученикъ, и видѣ и вѣрова* (Іоан. XX, 8). Для Петра же нужно было, чтобы слово Маріи: *яко видѣ Господа* воскресшаго, свѣтлое сколько по своему предмету, столько же по рѣшительной достовѣрности, разгнало мглу души его и приготовило его незатмѣнымъ свѣтомъ вѣры и любви принять свѣтъ Божественнаго явленія. И дѣйствительно послѣ сего въ тотъ же день воскресшій *Господь явися Симону* (Лук. XXIV, 34).

Такимъ образомъ всѣ примѣры, теперь разсмотрѣнные, свидѣтельствуютъ объ одной общей истинѣ, что по мѣрѣ дѣятельной любви ко Христу человѣкъ дѣлается способнымъ къ благодатному съ Нимъ общенію, къ созерцанію Его внутреннему, а при благопотребности и къ принятію особенныхъ Его явленій и откровеній (Изъ бесѣды въ день тезоименитства Государыни Императрицы. Т. III-й, стр. 306—308).

Блаженнаго Августина изъясненіе словъ Спасителя къ Маріи Магдалинѣ: *не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу Моему* (Іоан. XX, 17).

Разсмотримъ, при помощи Самого Господа, что̀ значатъ сіи слова Его. Когда восшелъ Онъ ко Отцу? По свидѣтельству Дѣяній Апостольскихъ, въ четыредесятый день по воскресеніи Своемъ, день, который мы еще будемъ праздновать во имя Его; тогда восшелъ ко Отцу; тогда ученики, осязавшіе Его руками, проводили Его очами, тогда раздался гласъ Ангельскій: *мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо? Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. I, II). Если же тогда восшелъ Онъ ко Отцу, то что̀ сказать намъ, братія? Какъ Марія, не могшая прикоснуться къ Нему, стоящему на землѣ, могла прикоснуться къ сѣдящему на небѣ? Если здѣсь не могла, то не тѣмъ ли паче тамъ? Что̀ же значатъ слова сіи: *не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу Моему?*

Ужели скажетъ какой либо неразумный, что до восшествія ко Отцу мужи могли касаться Его, а жены не могли, какъ только по восшествіи ко Отцу? Такая мысль нелѣпа, такое мнѣніе превратно. Что̀ же значатъ слова сіи: *не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу Моему?* Ты, видя Меня, почитаешь только человѣкомъ, а еще не знаешь равенства Моего со Отцемъ: не прикасайся ко Мнѣ, какъ къ простому человѣку, не принимай Меня такою вѣрою, но уразумѣй во Мнѣ Слово, равное Отцу. Взойду ко Отцу, и тогда прикасайся. Для тебя взойду Я тогда, когда ты уразумѣешь Меня, какъ равнаго Отцу. Доколѣ же почитаешь Меня меньшимъ, Я еще не взошелъ для тебя.

Да слышитъ убо Церковь, которой образъ имѣла Марія, да слышитъ, что̀ слышала Марія. Всѣ мы да прикасаемся, когда вѣруемъ. Уже Онъ восшелъ ко Отцу, сѣдитъ десную Отца. Сіе исповѣдуетъ нынѣ вся Церковь, вѣруя *въ возшедшаго на небеса и сѣдяща одесную Отца*. Сіе слышатъ крещаемые и сему вѣруютъ еще прежде крещенія. Когда они вѣруютъ, Марія прикасается Христу. Это разумѣніе неясно, но спасительно: оно заключено для невѣрующихъ, а для толкующаго вѣрою отверсто. Самъ убо Господь Іисусъ Христосъ и тамъ, и съ нами есть; и со Отцемъ, и въ насъ; и отъ Него не отступаетъ, и насъ не оставляетъ, и научаетъ насъ молиться, какъ Наставникъ, и внимаетъ молитвѣ нашей вмѣстѣ со Отцемъ, какъ Сынъ (Воскр. Чт., ч. XII, стр. 27—29).

О томъ же св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго.

Изрѣченіе сіе имѣетъ сокровенный смыслъ и заключаетъ въ себѣ таинство. Жена прибѣгла къ Господу и спѣшила коснуться Его; это однакожъ воспрещается ей по той причинѣ, что, какъ говоритъ Господь, Я не восшелъ еще ко Отцу Моему. Какимъ образомъ слѣдуетъ изъ сего то, чтобы любящіе Его (Господа) не прикасались къ Нему? Между многими и различными причи-

нами пришествія Спасителя была особенно та, которую Самъ Онъ объясняетъ въ словахъ Своихъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. IX, 13). Посему прежде страданія и воскресенія Своего, Онъ обращался и съ праведными и неправедными, такъ что и всякій мытарь и грѣшникъ могъ свободно приступать къ Нему; такъ поступалъ Онъ для того, да всѣхъ освятитъ и приведетъ къ познанію истины. Прежде убо креста и воскресенія Своего позволялъ всѣмъ, даже грѣшникамъ прикасаться къ Нему и получать отъ Него благословеніе; но когда уже совершилось искупленіе, послѣ креста и воскресенія Своего, не тотчасъ позволяетъ сіе каждому, преподая намъ то правило, которое и законъ Моусеевъ означалъ въ жертвѣ агнца, о коей, какъ образѣ Христа, пишется: *всякъ необрѣзанный да не ястъ отъ нея* (Исход. XII, 48). Необрѣзаннымъ же называетъ всякаго нечистаго; а таково по естеству есть человѣчество. Почему не необрѣзаннымъ, но чистымъ и обрѣзаннымъ духовно людямъ надлежитъ прикасаться къ святѣйшему тѣлу Господа. Обрѣзаніе же сердца совершается Духомъ, по словамъ Павла, и его нельзя имѣть человѣку, если Духъ Святый не вселится въ немъ вѣрою и крещеніемъ. Ибо хотя Христосъ воскресъ отъ мертвыхъ, но Духъ Святый еще не былъ посланъ Имъ отъ Отца къ людямъ, а посланъ уже тогда, когда восшелъ Онъ (Іисусъ Христосъ) къ Отцу; потому и говоритъ: *уне есть вамъ, да Азъ иду: аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ: аще ли же иду, послю Его къ вамъ* (Іоан. XVI, 7). И такъ поелику Онъ не послалъ еще Духа, то и возбранялъ Маріи прикасаться къ Себѣ и говорилъ: *не у бо взыдохъ ко Отцу Моему,* то есть еще Отецъ не послалъ къ вамъ чрезъ Меня Святаго Духа. Отсюда Церковь приняла правило, по которому мы возбраняемъ оглашеннымъ участвовать въ святой трапезѣ, хотя они уже познали истину и исповѣдали вѣру, возбраняемъ, какъ еще неисполненнымъ Святаго Духа, Который обитаетъ только въ совершенныхъ крещеніемъ. Но когда примутъ крещеніе, коимъ вселяется въ нихъ Духъ Святый, тогда уже не возбраняется имъ прикасаться къ спасительному тѣлу Христову. Потому и служители таинства вопіютъ къ приступающимъ къ таинственному благословенію: *святая святымъ!*—означая тѣмъ то, что одни освященные Духомъ и имѣютъ право причащаться святаго (Изъ толкованій св. Кирилла на Евангеліе Іоанна. Сокращенно).

О томъ же св. Іоанна Златоуста.

Для чего Христосъ сказалъ Маріи Магдалинѣ): *не прикасайся Мнѣ?* Нѣкоторые говорятъ, что она просила дара Духа Святаго, слышавъ Его, говорившаго ученикамъ: *аще иду ко Отцу, умолю Его, и иного Утѣшителя дастъ вамъ* (Іоан. XIV, 16; XVI, 7). Но какъ она слышала это, не бывъ (въ то время) съ учениками? Притомъ, какъ она могла просить сего, когда Христосъ еще не отходилъ ко Отцу? Что жъ это значитъ? Мнѣ кажется, что она и теперь хотѣла обращаться съ Нимъ попрежнему, и отъ радости не представляла себѣ въ Немъ ничего особеннаго, хотя Онъ и сталъ по плоти гораздо совершеннѣйшимъ. Посему, удаляя отъ ней такую мысль и внушая ей бесѣдовать съ Собою съ бо́льшимъ страхомъ (ибо и съ учениками, по воскресеніи, Онъ обращался не такъ, какъ прежде), возвышаетъ ея понятіе, дабы она обращалась съ Нимъ съ бо́льшимъ благоговѣніемъ. Если бы Онъ сказалъ: не при-

ступай ко Мнѣ, какъ прежде; Я теперь уже не въ такомъ состояніи и не буду уже обращаться съ вами попрежнему, то это было бы жестко и величаво. Но когда сказалъ: *не прикасайся ко Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу,*— это значило тоже, а было не такъ жестко. Словами: *не у взыдохъ* показываетъ, что Онъ стремится и спѣшитъ туда; когда же Онъ имѣлъ отойти и не жить болѣе съ людьми; то на Него уже не должно было смотрѣть такъ, какъ прежде. А что этотъ именно смыслъ словъ, видно изъ слѣдующаго: *иди же ко братіи Моей и рцы имъ: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему.* Впрочемъ, Онъ исполнилъ сіе не тотчасъ, а спустя сорокъ дней. Для чего же Онъ говоритъ такъ? Дабы возвысить мысль Маріи и увѣрить, что Онъ отходитъ на небо. А говоритъ: *Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему,*—въ отношеніи къ воплощенію, такъ какъ и восхожденіе относится къ плоти. Но неужели Богъ въ иномъ смыслѣ Отецъ *Его* и въ иномъ смыслѣ *нашъ?* Конечно такъ. Ибо если Богъ въ иномъ смыслѣ есть Богъ праведниковъ, а въ иномъ прочихъ людей; то тѣмъ болѣе въ иномъ—Сына, а въ иномъ нашъ. А дабы изъ словъ Его: *рцы братіи,* не заключилъ кто о какомъ либо равенствѣ Его съ учениками, показываетъ различіе: Самъ Онъ сядетъ на престолѣ Отца, а они будутъ предстоять. И такъ, хотя по естеству плоти Онъ сдѣлался братомъ нашимъ, но честію далеко и несказанно отличенъ отъ насъ (Изъ XXXV Бесѣд. на Ев. Іоанна).

О явленіи Іисуса Христа ученикамъ въ первый день по воскресеніи (Лук. XXIV, 13—36).

(*Филарета, митроп. Московскаго.*)

Въ самый день воскресенія Христова, предъ вечеромъ, два ученика Христовыхъ, Клеопа, наименованный въ Евангеліи, и другой, по преданію, Лука, писатель Евангелія (умолчавшій о своемъ имени по смиренію), идутъ изъ Іерусалима въ недальнее селеніе Еммаусъ, не знаемъ, по какой надобности, но, конечно, не безъ надобности, въ такой день, въ который оставаться въ Іерусалимѣ было весьма любопытно, хотя не для всѣхъ безопасно. Идутъ и разговариваютъ. О чемъ? О надобности ли, для которой идутъ? Или о разныхъ предметахъ, случайно попадающихъ на умъ и на языкъ?—Нѣтъ. Ихъ разговоръ не легкомысленный, не празднословный. *Та бесѣдоваста къ себѣ о всѣхъ сихъ приключившихся.* Они бесѣдовали между собою о страданіяхъ Іисуса Христа, о Его распятіи, о Его погребеніи, наконецъ, о Его воскресеніи, которому любящее Христа сердце ихъ желало бы вѣрить, но которому нераскрытое разумѣніе ихъ боялось еще вѣрить. Сомнѣніе не удалило ихъ отъ Христа, къ Которому влекла ихъ любовь; и страхъ враговъ Его не воспрепятствовалъ имъ исповѣдать Его, какъ чаемаго Спасителя, нечаянному неизвѣстному спутнику: *надѣяхомся, яко Сей есть хотяй избавити Израиля* (Лук. XXIV, 21).

Лука и Клеопа за добрую о Христѣ, хотя и несовершенную въ вѣрѣ и разумѣніи, на пути бесѣду получили чудную награду. *Бысть, бесѣдующема има и совопрошающемася, и Самъ Іисусъ приближився, идяше съ нима.* Сперва показался Онъ имъ неизвѣстнымъ путешественникомъ и не далъ имъ уз-

нать Себя, безъ сомнѣнія, по предусмотрѣнію, что внезапность открытаго чудеснаго явленія поразила бы ихъ душевныя и тѣлесныя силы и сдѣлала бы ихъ неспособными принять наставленіе, которое Онъ намѣренъ былъ преподать имъ. Отъ собственнаго ихъ разговора Онъ заимствовалъ случай изложить и истолковать имъ предреченія и предзнаменованія священныхъ писаній о Его страданіи, смерти и воскресеніи; и такимъ образомъ прекратилъ ихъ недоумѣнія и утвердилъ колебавшуюся вѣру ихъ. И въ то же время тайнымъ дѣйствіемъ Своей Божественной силы Онъ возжегъ въ сердцахъ ихъ святый огонь благодатнаго утѣшенія. Наконецъ, когда собесѣдуя дошелъ съ ними до Еммауса и до мѣста привитанія ихъ, и когда они не хотѣли разстаться съ такимъ собесѣдникомъ, Онъ вошелъ съ ними въ домъ, возлегъ съ ними за трапезу, и какъ уже приготовленнымъ къ общенію открыто чудесному, благословляя и преломляя хлѣбъ, даровалъ имъ совершенную радость узнать Его и увидѣть въ свѣтѣ воскресенія Его. Сіе осіяніе было мгновенно, и Онъ тотчасъ пересталъ быть видимъ; потому что уже совершилось дѣйствіе, благопотребное и благотворное для тѣхъ, которые отъ нихъ услышатъ о бывшемъ видѣніи.

Благонамѣренные путешественники, получившіе столь счастливый исходъ путешествія въ Еммаусъ, сдѣлали еще прекрасное дѣло, не довольствуясь своимъ счастіемъ одни, но поспѣшивъ раздѣлить оное со другими учениками Христовыми, которыхъ вѣра въ началѣ сего дня также боролась съ недоумѣніями. Немедленно возвратились они въ Іерусалимъ, вошли въ собраніе Апостоловъ и сообщили имъ свое чудесное удостовѣреніе въ воскресеніи Христовомъ. Апостолы же сообщили имъ взаимно такое же свое удостовѣреніе послѣ нѣсколькихъ свидѣтельствъ мvроносицъ, довершенное тѣмъ, что воскресшій Господь явился Апостолу Петру. Смотрите, какъ и Апостолы проводили великій, не вдругъ разгаданный ими, день. Двери собранія ихъ были заперты, *страха ради Іудейскаго;* но не страхъ собралъ ихъ; страхъ разсѣялъ бы ихъ по разнымъ для каждаго болѣе надежнымъ тайнымъ мѣстамъ, а не повелъ бы въ одно мѣсто, всѣмъ имъ извѣстное и посему самому не довольно скрытое и отъ другихъ. Это была, по всей вѣроятности, та Сіонская горница, въ которой Господь совершилъ съ ними тайную вечерю предъ Своими страданіями. Какая же сила собрала ихъ въ одно мѣсто, и при томъ не вполнѣ безопасное?—Конечно, еще не умершая вѣра и особенно живая, сильная любовь къ распятому Господу, которая въ общеніи съ любящими Его искала облегченія скорби и подкрѣпленія вѣры. И, по укрѣпленіи сей вѣры сія не отпадающая любовь учениковъ Христовыхъ такъ же награждена въ Іерусалимѣ, какъ и въ Еммаусѣ. *Самъ Іисусъ ста посредъ и глагола имъ: миръ вамъ* (т. III-й, стр. 7—9. Изъ слова въ 3-й день Пасхи).

Исидора Пелусіота на 26 ст. XXIV гл. Луки.

Если *подобаше пострадаши Христу* (Лук. XXIV, 26), то почему наказаны распявшіе?

Поелику писалъ ты: если *подобаше пострадати Христу,* то почему наказаны распявшіе? Отвѣтствую на сіе: сказанное: *подобаше пострадати* указуетъ на вольное избраніе страданія и на Божественное домостроительство, но не подаетъ мысли объ извинительности дѣйствовавшихъ; потому что злонамѣренность нечестивыхъ не была въ согла-

сіи съ Божественнымъ изволеніемъ. Она старалась даже разрушить то, что домостроительствовалъ Богъ. Почему въ злодѣяхъ дѣйствовало нечестіе, а Богомъ совершено премудрое домостроительство и освобожденіе людей; лукавство распинателей обращено въ благодѣяніе человѣческому роду, и плоть ехидны употреблена на приготовленіе врачебнаго пособія (тв. св. оо., т. XXXVI. Тв. Исидора Пелусіота, ч. III, стр. 1—2).

О явленіи Іисуса Христа одиннадцати ученикамъ по Евангелію Марка (XVI, 14—18).

(*Св. Григорія Двоеслова.*)

Ст. 14. Евангелистъ Маркъ повѣствуетъ, что Господь, прежде вознесенія Своего на небо, укорялъ учениковъ за невѣріе и жестокосердіе, чтобы глубже напечатлѣть на ихъ сердцахъ послѣднія Свои слова; ибо послѣ упрека Онъ сказалъ имъ: *шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари.*

Ст. 15. Евангеліе проповѣдуется всей твари, когда оно проповѣдуется человѣку, потому что чрезъ сіе научается тотъ, для кого все на земли сотворено, и кто со всѣми тварями имѣетъ сходство. Подъ именемъ всей твари можно разумѣть также и язычниковъ; ибо прежде Апостоламъ было сказано: *на путь языкъ не идите* (Матѳ. X, 5); а теперь велѣно проповѣдывать всей твари, т. е. Апостольская проповѣдь тогда должна была намъ послужить въ пользу, когда, во свидѣтельство осужденія своего, отвергли ее гордые Іудеи.

Ст. 16. *Иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ: а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ.* Въ истинѣ вѣры долженъ удостовѣрять насъ образъ жизни нашей, и мы тогда только можемъ назваться истинно вѣрующими, когда на дѣлѣ исполняемъ данное при крещеніи обѣщаніе отрещись сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его; а посему каждый изъ васъ да обратитъ тщательное вниманіе на самого себя; и ежели кто послѣ крещенія сохранилъ всѣ обѣщанія, тотъ есть истинно вѣрующій; а ежели кто не соблюлъ своего обѣщанія, обратился на дѣла беззаконныя и сердцемъ своимъ устремился къ удовольствіямъ міра; тотъ долженъ оплакивать свои согрѣшенія. Ибо премилосердый Господь пріемлетъ въ число вѣдующихъ и того, кто обращается отъ пути заблужденія къ истинѣ; Онъ, принимая всѣхъ истинно-кающихся, заглаждаетъ Своимъ милосердіемъ всякое беззаконіе наше.

Ст. 17—18. *Знаменія же вѣровавшимъ сія послѣдуютъ: именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ: языки возглаголютъ новы: змія возмутъ: аще и что смертно испіютъ, не вредитъ имъ: на недужныя руки возложатъ, и здрави будутъ.* Ежели вы, братіе любезныя, не творите тѣхъ знаменій, кои были необходимы при началѣ Церкви Христовой; то по сему одному не исключайте себя изъ числа вѣрующихъ. Чудеса нужны были только для распространенія вѣры, подобно какъ и мы, насаждая дерева, дотолѣ только поливаемъ ихъ водою, пока они укоренятся; а когда они выростутъ и пустятъ глубоко корни свои въ землю, то перестаемъ ихъ поливать. Посему Апостолъ Павелъ говоритъ: *тѣмъ же языцы въ знаменіе суть не вѣрующимъ, но невѣрнымъ* (1 Коринѳ. XIV, 22). Впрочемъ, и мы обладаемъ этими знаменіями и чудесами, только въ духовномъ смыслѣ; ибо Святая Церковь не престаетъ и нынѣ духовнымъ образомъ то же дѣлать, что дѣлали Апостолы видимымъ образомъ. Такъ, когда священники, при заклинаніи нечистыхъ духовъ, возлагаютъ руки на вѣрующихъ; то они благодатію Христо-

вою, подобно Апостоламъ, изгоняютъ бѣсовъ; равнымъ образомъ когда вѣрующій, оставляя мірскіе разговоры, бесѣдуетъ о духовномъ, говоритъ о таинствахъ Церкви, воспѣваетъ хвалебныя пѣсни во славу Творца; то что̀ иное онъ дѣлаетъ, какъ не новыми языки глаголетъ? Кто благими своими совѣтами искореняетъ въ сердцѣ брата своего злобу, тотъ змія вземлетъ; кто, слыша худые совѣты, не слѣдуетъ имъ, тотъ хотя и смертное испиваетъ, но оно не вредитъ ему; кто всѣми мѣрами содѣйствуетъ еще неутвержденному въ благочестивой жизни ближнему своему и примѣромъ своей добродѣтельной жизни утверждаетъ его въ благочестіи, тотъ какъ-бы на недужныя возлагаетъ руки, да здрави будутъ. Польза, какая происходитъ отъ такихъ духовныхъ чудесъ, такъ же важна; и эти чудеса еще спасительнѣе, потому что врачуютъ не тѣла, а души.

О явленіи Іисуса Христа Апостолу Ѳомѣ

(Іоан. XX, 26—29).

(*Святаго Кирилла Александрійскаго.*)

И по днехъ осмихъ паки бяху внутрь ученицы Его, и Ѳома съ ними: пріиде Іисусъ дверемъ затворенныхъ и ста посредъ ихъ, и рече: миръ вамъ. Потомъ глагола Ѳомѣ: принеси перстъ твой сюмо и виждь руцѣ мои: и принеси руку твою, и вложи въ ребра Моя: и не буди невѣренъ, но вѣренъ (Іоан. XX, 26—27).

Паки чудесно при заключенныхъ дверяхъ является ученикамъ; и теперь, въ присутствіи Ѳомы, также какъ въ его отсутствіе, становится посреди храмины, чтобы уврачевать маловѣріе ученика, и обычное произноситъ слово, подая имъ благо мира. Примѣть здѣсь, что Евангелистъ не просто повѣдалъ происшествіе, но съ намѣреніемъ прибавилъ: *по днехъ осмихъ*, и то, что собраны были всѣ въ одномъ мѣстѣ. Сей осьмой день не другой можетъ быть, какъ воскресный; ибо *во едину отъ субботъ*, т. е. въ день воскресный Господь явился прочимъ, а потомъ, со включеніемъ въ счетъ сего дня, въ день осьмый собранные ученики вмѣстѣ съ Ѳомою опять подобно видятъ Господа. Справедливо убо въ осьмый день бываютъ собранія въ церквахъ, гдѣ, при дверяхъ затворенныхъ, видимо и вмѣстѣ невидимо является Христосъ всѣмъ,—невидимо, какъ Богъ, а видимо въ тѣлѣ; ибо предлагаетъ намъ для осязанія плоть Свою, да твердо вѣруемъ тому, что Онъ истинно воздвигъ Свой храмъ. А что общеніе таинственнаго благословенія есть нѣкоторое исповѣданіе воскресенія Христова, это доказывается словами Самого Христа, раздѣляя преломленный хлѣбъ, Онъ говорилъ: «*сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое, во оставленіе грѣховъ: сіе творите въ Мое воспоминаніе.* Слѣдовательно, причастіе таинства точно есть нѣкое исповѣданіе и воспоминаніе того, что для насъ и за насъ Господь умеръ и воскресъ, и исполняетъ насъ за то Божественнымъ благословеніемъ. Убоимся же невѣрности, осязавъ Христа, но явимся твердыми и постоянными, чуждыми всякаго сомнѣнія.

При семъ внимательные пусть припомнятъ Магдалину, которой возбранено было прикасаться Христу: *не прикасайся Мнѣ*, сказано ей, *не убо взыдохъ ко Отцу.* Не та́къ Ѳомѣ: ему позволяется и осязать ребра и язвы гвоздинныя испытать перстомъ. Почему та́къ? Первой не позволено касаться, какъ еще не освященной благодатію Духа; потому что, до вознесенія Господня на небо, не нисходилъ на всѣхъ Духъ, а Ѳомѣ позволялось, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ другими Апостолами получилъ Духа. Ибо хотя онъ отсут-

ствовалъ, но и на него простерлась щедрота Дающаго.

Еще достойнымъ разсужденія мнѣ кажется слѣдующее: Ѳома осязалъ бокъ Спасителя, внимательно испыталъ рану отъ воинскаго копья, тщательно осмотрѣлъ гвоздинныя язвы. Какъ же, скажутъ, въ тѣлѣ нетлѣнномъ являлись знаки разрушенія? Ибо язвы на рукахъ и ногахъ и прободеніе желѣза суть знаки поврежденія тѣла, а тѣло Христово, преобразованное въ нетлѣніе долженствовало отложить вмѣстѣ съ поврежденіемъ и все, что относится къ поврежденію. Ужели хромой и въ другой жизни будетъ хромать? или кривые съ однимъ окомъ воскреснутъ? И какъ освободимся по сему отъ тлѣнія, когда происходящія отъ него болѣзни останутся въ тѣлахъ нашихъ? На этотъ вопросъ мы скажемъ слѣдующее: послѣ воскресенія не будетъ въ людяхъ никакихъ остатковъ поврежденія, никакихъ признаковъ, предшествующихъ ему или за нимъ слѣдующихъ; но посѣянное въ немощи востанетъ въ силѣ, какъ говоритъ Павелъ, и посѣянное не въ честь востанетъ въ славѣ (1 Корине. XV, 4, 3). Что же другое значитъ возстать въ силѣ и славѣ, какъ не то, что всякая немощь, всякое безчестіе поврежденія будутъ удалены, и родъ человѣческій возвратится къ истинному нетлѣнію? Но какъ Ѳома требовалъ того для своей увѣренности, то Господь нашъ Іисусъ Христосъ, чтобы не подать намъ никакого повода къ маловѣрію, такъ и является, какъ Ѳома требовалъ. Сіе для того, дабы мы правильно разумѣли таинство воскресенія, т. е., вѣровали бы, что воскресло не другое тѣло, а то самое, которое умерло на крестѣ.

И отвѣща Ѳома и рече Ему: Господь мой и Богъ мой (Іоан. XX, 28). Такъ скоръ и ревностенъ былъ къ исповѣданію, кто прежде казался медлительнымъ! Когда Господь показалъ язвы отъ гвоздей и самый бокъ Свой, духъ Ѳомы тотчасъ, освободясь отъ всякаго недоумѣнія, утверждается. Но скажетъ кто либо: почему такъ подробными знаками умъ учениковъ приводится къ вѣрѣ? Не достаточно ли было познанія Христа—видѣть возрастъ тѣла и черты лица Его? Но это было бы еще сомнительно. Ибо могли они подумать, что нѣкій духъ принялъ образъ Спасителя, и къ этой мысли легко привело бы ихъ самое прохожденіе чрезъ заключенныя двери, потому что земное тѣло по своей природѣ требуетъ соразмѣрнаго себѣ входа. Итакъ необходимо было, чтобъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ обнажилъ бокъ Свой и раны и показалъ кровавые знаки плоти, дабы утвердить учениковъ.—Когда же удаленъ всякій поводъ къ сомнѣнію, Ѳома справедливо воскликнулъ: *Господь мой и Богъ мой!* Ибо кто Господь всѣхъ по естеству, тотъ, по необходимости, есть Богъ истинный, и обратно: кто Богъ по естеству, тотъ необходимо и господствуетъ надъ всѣми. То и другое говорится съ членомъ (т. е. такою частицею на Греческомъ, которая означаетъ опредѣленность, особенность), дабы всякій понялъ, что Онъ называется Господомъ и Богомъ, не по подобію Ангеловъ, а въ собственномъ смыслѣ. Ѳома называетъ Его собственно, какъ Сына Бога истиннаго, Самимъ Господомъ и Богомъ; а что еще болѣе, Самъ Спаситель, слыша сіе отъ ученика, не порицаетъ того, не отвергаетъ, а похваляетъ то и пріемлетъ, даже повелѣваетъ прочимъ такъ проповѣдывать: *шедше,* говоритъ, *научите вся языки* (Матѳ. XXVIII, 19). Слышавъ сіе, Ѳома вмѣстѣ съ другими, что иное могъ говорить, какъ не то, чему вѣровалъ самъ? Изъ чего видно,

что и отъ насъ желаетъ Господь такого же исповѣданія, какое произнесъ Ѳома. Ибо Онъ по естеству Господь и Богъ и послѣ того, какъ принялъ человѣчество. Примѣчай также и то, что ученикъ, осязавшій руки и ноги и ребра, исповѣдалъ Его, не раздѣляя Еммануила на двухъ сыновъ. Ибо единъ Господь Іисусъ Христосъ, по Писанію.

Глагола ему Іисусъ: яко видѣвъ Мя вѣровалъ еси: блажени невидѣвшіи и вѣровавше. Слова Спасителя исполнены великаго провидѣнія и величайшую приносятъ намъ пользу. Для бо́льшаго увѣренія показавъ ученикамъ Свой прободенный бокъ и язвы отъ гвоздей, принявъ и пищу, хотя не имѣлъ въ томъ нужды, дабы не оставить никакого повода къ невѣрію, Онъ печется и о насъ. Ибо зналъ, что будутъ такіе, кои не станутъ признавать воскресенія мертвыхъ и скажутъ: и мы желаемъ видѣть и осязать та́къ же, ка́къ Ѳома, присвояя себѣ это право по подражанію ученику Спасителя. Сіе-то паденіе предотвращаетъ Христосъ, когда говоритъ: *блажени не видѣвшіи и вѣровавше.* И справедливо: ибо для видящаго нѣтъ никакого повода къ сомнѣнію; но кто вѣруетъ тому, чего не видитъ, а слышитъ о томъ отъ учителей, тотъ отлично почитаетъ того, въ кого вѣруетъ. Блаженны убо всѣ, кои вѣровали посредствомъ проповѣди Апостоловъ очевидныхъ свидѣтелей и служителей Слова. Имъ должны мы вѣровать, если желаемъ получить жизнь вѣчную и жить и въ селеніяхъ небесныхъ (Изъ толкованій на Евангеліе Іоанна. Сокращенно).

Взглядъ Церкви на невѣріе Апостола Ѳомы (въ Богослужебныхъ пѣсняхъ).

1. Въ чемъ состояло невѣріе Апостола?

а) Въ невѣрованіи свидѣтельству учениковъ о явленіи имъ Господа. *Глаголаше* (Апостоламъ): *не иму вѣры, аще не увижду и азъ Владыки* (стих. веч.) *Аще не узрю, не вѣрую словесемъ вашимъ* (Сѣдал.)

б) Въ невѣрованіи самому воскресенію.

Не вѣрова Твоему воскресенію и видѣвшимъ Тя вопіяше: аще не вложу перста въ ребра Его и гвоздей язвы, не вѣрую, яко возталъ есть (Стихир. хвал.)

2. Что было въ основаніи сего невѣрія?

а) Сильное желаніе узрѣть Господа.

Вожделѣвый Твое радостное видѣніе, прежде не вѣроваше Ѳома (Кан., п. 8).

б) Желаніе совершенной увѣренности для себя и для всѣхъ.

Не всуе усумнѣвся Ѳома о востаніи Твоемъ, не низложися, но несумнительное тщашеся показати сіе, Христе, всѣмъ языкомъ (п. 7). *Не вѣроваше реченнымъ ему, отъ невѣрія въ вѣру извѣствуя* (ст. веч.)

3. Что произвело благотворную перемѣну въ душѣ Апостола?

а) Благодатное явленіе Самого Воскресшаго.

Невѣрующему ученику руцѣ показалъ еси и пречистое ребро: онъ же вѣровавъ вопіяше Тебѣ: Господь мой и Богъ мой, слава Тебѣ! (стих. вечер.) *Вѣровавъ Ѳома зрѣніемъ руку и ребръ Твоихъ, Господа и Бога Тя исповѣда* (тамъ же).

б) Въ особенности, живоносная сила язвъ Господнихъ.

Со страхомъ руку Ѳома въ ребра Твоя живоносная, Христе, вложивъ, трепетенъ ощути дѣйство, Спасе, сугубое, двѣма естествами, въ Тебѣ соединяемыма несліянно, и вѣрою взываше глаголя: Ты еси Господь.... (п. 7.) *Ощущая рукою Твое сугубое существо, со страхомъ вопіяше вѣрно, вѣрою влекомъ: Господь мой и Богъ мой, слава Тебѣ!* (стих. на Лит.)

4. Что̀ послѣдовало за сею перемѣною въ Апостолѣ?

а) Явленіе, вмѣсто невѣрія, твердой вѣры.

Вложивъ Ѳома руку въ огненная ребра Іисуса Христа Бога, не опалися осязаніемъ: души бо зловѣрство преложи на благовѣріе (стихов. утр.)

б) Высокое исповѣданіе и ревность возвѣщать всѣмъ истину.

Ребро Твое Божественное радуяся Ѳома осязавъ, Господа и Зиждителя Тя прослави (сред. стих. вечер.). *Возопи, егда видѣ Тя, Всесильне: Ты еси Богъ мой и Господь..... кланяюся Твоей державѣ и мірови возвѣщаю страшное Твое и всесильное востаніе* (Понед. веч. стих.). *О, преславнаго чудесе! Іоаннъ на перси возлеже, Ѳома же ребра осязати сподобися. Но овъ убо отонуду страшно Богословія глубокое извлече смотрѣніе: овъ же сподобися тайно научити насъ: представляетъ бо показаніе ясно востанія* Его (стих.).

5. Какія благотворныя дѣйствія перемѣны въ Апостолѣ для міра и Церкви?

а) Большее утвержденіе вѣры въ Воскресшаго.

О, доброе невѣріе Ѳомино! вѣрныхъ сердца въ познаніе приведе (стих. веч.). *О, преславнаго чудесе! невѣріе вѣру извѣстную роди* (стиховн.). *Невѣрною вѣрою облагодѣтельствовавый насъ Ѳома близнецъ, рѣшитъ убо мрачное невѣдѣніе всѣхъ концевъ, вѣрнымъ невѣрствіемъ* (п. 7). *Радуешися испытаемъ: тѣмже, Человѣколюбче, на сіе повелѣваеши Ѳомѣ, простирая невѣрующему ребра, мірови увѣряя Твое, Христе, тридневное востаніе* (п. 4).

б) Открытіе высокихъ истинъ Богословія.

Богатство почерпъ отъ сокровища некрадомаго Божественнаго, копіемъ прободенна Твоего ребра, премудрости и разума исполняетъ міръ близнецъ (п. 4). *Твое сокровище, утаенное намъ, отверзе Ѳома: богословивъ бо языкомъ Богоноснымъ, пойте Господа, глаголаше, и превозносите Его во вся вѣки* (п. 8). (Воскр. Чт., г. XVI, стр. 11—12).

Блажени невидѣвшіи и вѣровавше (Іоан. XX, 29).

Кромѣ тѣхъ, которые не видятъ и не вѣруютъ (людей въ состояніи младенческомъ), есть три рода людей, по отношенію къ христіанству: одни видятъ и не вѣруютъ, другіе видятъ и вѣруютъ, третьи не видятъ и вѣруютъ. По слову Спасителя, блаженнѣе всѣхъ *невидѣвшіи и вѣровавшіи*. Слѣдовательно не столь блаженны тѣ, которые видя вѣровали; а окаянны тѣ, которые и видятъ и не вѣруютъ.

Апостолы, къ которымъ относится замѣчаніе Спасителя, были изъ числа видѣвшихъ и вѣровавшихъ. Тѣ, которые послѣ приняли вѣру отъ Апостоловъ, суть не видѣвшіе. И такъ ужели они блаженнѣе Апостоловъ?—Такъ! по вѣрѣ они блаженнѣе; и если бы кто изъ нихъ могъ столько же и съ такою же ревностью потрудиться для Христа, какъ Апостолы, то такой получилъ бы и высшую награду по всему. Сами Апостолы усвояли другимъ христіанамъ высокое блаженство именно потому, что они — вѣровавшіе были — невидѣвшіе. *Егоже невидѣвше*, говоритъ Апостолъ Петръ, *любите, и на Негоже нынѣ не зряще, вѣрующе же, радуетеся радостію неизглаголанною и прославленною* (1 Петр. I, 8).

Кто же тѣ, которые и видятъ и не вѣруютъ? Фарисеи и книжники, упорно противившіеся Евангельской истинѣ, были точно такіе: *и видѣша*, говоритъ Господь, *и возненавидѣша Мене и Отца Моего* (Іоан. XVI, 24). Но возможно ли это? Какъ возможно смотрѣть на солнце

и не чувствовать ни свѣта, ни теплоты его?—Люциферъ еще болѣе видѣлъ и зналъ Бога; но и онъ могъ возненавидѣть Его. Вотъ что производитъ самолюбіе и гордость!—Не близки ли къ такому погибельному состоянію и тѣ изъ называющихъ себя христіанами, которые, и при свѣтѣ Евангелія и при свѣтѣ разума, часто просвѣщеннаго, образованнаго, не хотятъ вѣровать тому, чему вѣрятъ души простыя? Несчастные, они думаютъ посредствомъ невѣрія возвысить себя предъ другими! А на самомъ дѣлѣ какъ это много унижаетъ ихъ! (Воскр. Чт., г. I, стр. 51—52.)

Таинственное изъясненіе Евангельскаго сказанія о чудесной ловлѣ рыбъ (Іоан. XXI, 6).

(Блаж. Августина.)

Вверзите мрежу одесную страну корабля, и обрящете. Ввергоша же, и ктому не можаху привлещи ея отъ множества рыбъ (Іоан. XXI, 6). Здѣсь Господь означаетъ, какова будетъ Церковь въ концѣ вѣка, такъ какъ при другой ловлѣ (Лук. V) означалъ, какова Церковь нынѣ. Первое чудо сотворилъ Онъ въ началѣ Своей проповѣди, а это послѣ Своего воскресенія, показуя тѣмъ, что первая ловля рыбъ означаетъ добрыхъ и злыхъ, какихъ нынѣ имѣетъ Церковь, а эта—только добрыхъ, какихъ будетъ имѣть вѣчно, когда въ концѣ сего вѣка исполнится воскресеніе мертвыхъ. Тамъ Христосъ, когда повелѣвалъ ловлю рыбъ, не стоялъ на берегу, какъ здѣсь; а взошедъ на одинъ корабль, который принадлежалъ Симону, просилъ его (Симона) отступить мало отъ земли и, сидя на кораблѣ, училъ народъ; когда же пересталъ говорить, сказалъ Симону: *поступи во глубину, и вверзите мрежи ваша въ ловитву.* При томъ всѣ пойманныя рыбы тамъ были въ кораблѣхъ, а здѣсь мрежа извлечена на землю. Сими и другими, какіе можно здѣсь найти, признаками изображена Церковь—въ первомъ случаѣ, какова она въ настоящемъ вѣкѣ, а въ другомъ—какова въ концѣ вѣка: потому первое чудо совершено прежде, а второе послѣ воскресенія Господня; тамъ Христосъ изобразилъ насъ званныхъ, а здѣсь воскресшихъ. Тамъ сѣти опускаются не по одну правую сторону, чтобы не означили однихъ добрыхъ, ни по одну лѣвую, чтобъ не означили однихъ злыхъ, а безразлично: *вверзите*, говоритъ, *мрежи ваша въ ловитву*, дабы мы разумѣли вообще—и добрыхъ и злыхъ; но здѣсь говоритъ: *вверзите мрежу одесную страну корабля*, дабы означить тѣхъ, кои стоятъ одесную, то есть добрыхъ. Тамъ сѣть для означенія расколовъ проторгалась; а здѣсь, такъ какъ по воскресеніи въ совершенномъ мірѣ святыхъ никакихъ расколовъ не будетъ, прилично было сказать Евангелисту: *и толико сущимъ, не проторжеся мрежа*, такъ какъ-бы онъ имѣлъ въ виду первое проторженіе, и, по сравненію съ тѣмъ зломъ, одобрялъ намъ сіе благо. Тамъ поймано такое множество рыбъ, что наполненные ими два корабля погружались, то есть склонялись къ погруженію: они хотя не погрузились, но бѣдствовали. Подобно сему, не оттого ли происходятъ въ Церкви толикія бѣдствія, нами оплакиваемыя, что нельзя воспрепятствовать такому множеству людей, кои со своими нравами, совершенно удаленными отъ пути святыхъ, входятъ къ намъ, угрожая потопленіемъ (церковному) благочинію?—Но здѣсь ввергли сѣть по правую сторону, *и ктому не можаху привлещи ея отъ множества рыбъ.* Что значитъ—*ктому не можаху привлещи ея*, какъ не то, что принадлежащіе къ воскресенію живота, то есть, къ десной

странѣ, и внутрь мрежи христіанскаго имени скончавающіеся, явятся только на берегу, т. е. въ концѣ вѣка—по воскресеніи? По сей причинѣ не могли привлечь сѣти, чтобы преложить въ корабль пойманныхъ рыбъ, подобно тому какъ поступили съ тѣми рыбами, коими проторжена мрежа и корабли были отягчены. Церковь имѣетъ оныхъ десныхъ, по скончаніи сей жизни, во снѣ мира, какъ-бы сокрытыхъ во глубинѣ—дотолѣ, пока мрежа, коею влечется, достигнетъ брега (Тракт. 122 на Евангеліе Іоанна).

Возстановленіе Петра въ чинѣ Апостольства (Іоан. XXI, 15—19).

(Свящ. М. Трухманова.)

По явленіи Своимъ ученикамъ на берегу Галилейскаго моря, Господь предложилъ имъ обѣдъ, который Самъ приготовилъ для нихъ. По окончаніи этой счастливой трапезы Онъ обращается къ Симону Петру съ вопросомъ: «Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня больше, нежели они?» Здѣсь невольно обращаетъ на себя вниманіе выраженіе: «Симонъ Іонинъ», которое было употреблено три раза. Господь называетъ Апостола прежнимъ его именемъ: Симономъ Іонинымъ, между тѣмъ Самъ же ему далъ новое имя Петра и при этомъ обѣщаніе: «на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея». Конечно, это имѣетъ свое основаніе. Называя Апостола Симономъ, Господь хочетъ напомнить ему, что онъ еще не камень, но человѣкъ и сынъ человѣка, и побудить его еще разъ подумать о самомъ себѣ, еще разъ посмотрѣть на свою человѣческую слабость, прежде нежели онъ совершенно послѣдуетъ за Господомъ. Чрезъ отреченіе свое Симонъ Петръ показалъ себя недостойнымъ новаго имени. Ветхій человѣкъ бралъ еще надъ нимъ верхъ, вліялъ еще на его мысль и дѣло, потому и долженъ онъ былъ назваться своимъ старымъ именемъ. Преосвященный Игнатій такъ объясняетъ выраженіе Господне: «Симонъ Іонинъ»: «Господь какъ-бы говоритъ Петру: Симонъ Іонинъ. Симонъ Іонинъ! Я именовалъ тебя нѣкогда Петромъ, каменемъ, и ты не былъ, какъ должно, твердъ, отъ того именно, что, получивъ свое имя по благодати Моей, ты могъ быть дѣйствительно съ нимъ тогда только, когда бы *пребылъ во благодати сей,* но ты положился на собственныя силы природы своей, и отъ того сталъ опять не Петромъ, *каменемъ*, а тѣмъ, чѣмъ былъ ты по рожденію, обыкновеннымъ слабымъ человѣкомъ. Не говорилъ ли Я предъ самымъ разлученіемъ съ тобою, когда шли всѣ мы въ вертоградъ Геѳсиманскій, что *якоже рогза не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на* (виноградной) *лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете* (Іоан. XV, 1—27)? Не ясно ли говорилъ Я вамъ тогда, указывая на виноградъ, мимо котораго шли мы, что *безъ Мене не можете творити ничесоже,* что *аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже рогза, и изсшетъ?* Для сего-то и далъ Я вамъ предъ тѣмъ и оставилъ навсегда, подъ видомъ крови гроздовой, собственную Мою Кровь. Пребудешь ли, Петръ, по крайней мѣрѣ далѣе, *во Мнѣ,* чтобы и Мнѣ быть въ тебѣ *едино съ тобою*»?

Господь спрашиваетъ Петра три раза: «Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня?» Эти три вопроса—напоминанія о троекратномъ отреченіи Петра. Господь какъ-бы говорилъ: ты три раза отрекся отъ Меня; теперь очисти свою вину троекратнымъ признаніемъ, что любишь Меня больше, чѣмъ кто бы то ни былъ.

Въ первый разъ Господь спрашиваетъ Петра: «Симонъ Іонинъ! любишь

ли ты Меня (ἀγαπᾷς Με) больше нежели они (πλεῖον τούτων, т. е. прочіе Апостолы)? Очевидно, такое сравненіе приводитъ на память Петру его заносчивость, когда онъ нѣкогда высказалъ съ такою увѣренностью среди братьевъ: «если и всѣ соблазнятся о Тебѣ, я никогда не соблазнюсь». Здѣсь заключалось утвержденіе: «я люблю Тебя больше, чѣмъ всѣ прочіе, я не способенъ соблазниться о Тебѣ». И при всемъ томъ онъ отрекся отъ Него, и отрекся съ клятвою и божбою. Но Петръ не прежній уже. Онъ не утверждаетъ сравненія въ вопросѣ Іисуса; онъ не полагается теперь на свою силу и свое сужденіе; онъ не говоритъ: да, Господи, я люблю Тебя больше, нежели всѣ мои ученики; онъ не говоритъ: я знаю, что люблю Тебя. Теперь мы видимъ гордость его сокрушенною, горячность его укрощенною: онъ уже не смѣетъ больше возвышать себя надъ другими. Тѣ покаянныя слезы, которыя онъ пролилъ въ ту тяжкую ночь, сдѣлали его глаза ясными и свѣтлыми. Теперь онъ совершенно покоряется своему Учителю и Господу, ссылается на сужденіе Самого Сердцевѣдца,—со смиреніемъ отвѣчаетъ: «Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя (φιλῶ Σε)», но, «больше, нежели они», оставляетъ безъ отвѣта, не сравниваетъ своей любви къ Господу съ любовію прочихъ учениковъ, исповѣдуетъ свою любовь безотносительно къ любви учениковъ, чего не сдѣлалъ бы за нѣсколько недѣль до этого. Притомъ вмѣсто глагола ἀγαπᾷν, употребленнаго въ вопросѣ Господа и означающаго совершенную, глубокую, вѣчную любовь, Петръ употребляетъ глаголъ φιλεῖν, выражающій просто личную привязанность, дружескую преданность. Нужно при этомъ замѣтить, что въ вопросѣ Господа не заключается того, будто Онъ не зналъ о состояніи внутренней жизни Апостола, будто Ему неизвѣстна была степень любви, которую питалъ къ Нему Петръ.

Господь спрашиваетъ Петра во второй разъ: «Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня»? но не употребляетъ уже «больше, нежели они»,—уже безъ высказаннаго прежде упрека, видя изъ перваго отвѣта глубокое смиреніе Петра, по которому онъ не дерзаетъ сравнивать свою любовь къ Господу съ любовію прочихъ учениковъ. Петръ не понималъ цѣли, съ какою повторенъ былъ вопросъ, и повторилъ отвѣтъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ.

Господь обращается къ Петру въ третій разъ съ вопросомъ: «Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня (φιλεῖς Με)»? Тяжело пали эти слова на сердце Апостола, и, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, «Петръ опечалился». Больно ему стало, что Господь тотъ же вопросъ повторяетъ въ третій разъ, какъ будто Онъ сомнѣвается въ сердечномъ расположеніи его къ Нему, въ его φιλεῖν, какъ замѣчаетъ Мейеръ. Но со стыдомъ и печалью чувствуетъ онъ, что его Божественный Другъ имѣетъ право и причину спрашивать его трижды: онъ вспомнилъ свой грѣхъ, когда трижды отрекся отъ Него, не смотря на свою прежнюю самонадѣянность, на настойчивое увѣреніе, что не оставитъ своего Учителя, хотя бы довелось ему за Него и въ темницу, и на смерть идти. Со стыдомъ и печалью чувствуетъ онъ, какъ въ роковую ночь онъ показалъ себя въ борьбѣ съ искушеніемъ не твердымъ, какъ камень, человѣкомъ, не *Петромъ*, но слабымъ *Симономъ*. При этомъ могла озаботить и опечалить его мысль, не провидитъ ли его Господь новаго искушенія, не менѣе, какъ прежнее, опаснаго для его любви? Не предвѣщаетъ ли ему Онъ новаго отреченія отъ Него? Когда спрошенъ былъ Петръ

въ третій разъ, то смутился, говоритъ Златоустъ, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что̀ было прежде; потому что и тогда онъ говорилъ съ увѣренностью, но послѣдствія опровергли его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ сознаетъ, что онъ вѣрно и искренно любитъ Господа, вѣритъ въ эту любовь къ Нему, и потому съ особенною силою и какъ-бы съ усиліемъ исповѣдуетъ эту свою любовь къ Нему, ссылаясь на Его всевѣдѣніе: «Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, какъ тяжко и глубоко я палъ; но также Ты знаешь, что я люблю Тебя». Какъ въ третій разъ онъ съ клятвою и божбою отрекся отъ Христа, такъ въ третій разъ съ особенною силою исповѣдуетъ свою любовь къ Нему.

Господь отвѣчаетъ Симону Петру на исповѣданіе его любви, непосредственно вслѣдъ за каждымъ отвѣтомъ его на Свой вопросъ: «паси агнцевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ». И этими словами Господь торжественно возстановляетъ падшаго ученика въ чинѣ Апостольства. «Примѣчательны обстоятельства этой бесѣды Господа съ Петромъ», говоритъ епископъ Михаилъ: «съ одной стороны чудная ловитва рыбы, напоминающая ту, послѣ которой Петръ призванъ былъ къ Апостольскому служенію (Лук. V, 5 и дал.), съ другой—разведенный огонь, напоминающій тотъ, около котораго онъ отрекся отъ Господа во дворѣ Каіафы. Трижды Петръ отрекся, трижды спрашиваетъ Господь Петра о любви къ Себѣ, трижды слышитъ его исповѣданіе, трижды поручаетъ ему пасти овецъ духовнаго стада. Все это показываетъ, что эта бесѣда Господа съ Петромъ имѣетъ прямое отношеніе къ отреченію Петра отъ Господа, и можно полагать, что она имѣетъ цѣлью—торжественное возстановленіе падшаго Петра въ чинѣ Апостольства. «Троекратнымъ вопрошеніемъ и исповѣданіемъ врачуетъ троекратное отреченіе и словами исправляетъ паденіе, бывшее на словахъ» (блаж. Θеофилактъ).

«Паси агнцевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ»—этими словами Господь показываетъ Петру, что цѣль его будущаго Апостольскаго служенія не *ловитва* только *человѣковъ*, но что онъ долженъ быть также *вѣрнымъ пастыремъ* пріобрѣтенныхъ чрезъ это его служеніе членовъ духовнаго Царства Его. Теперь настало время вызвать въ памяти его слова Спасителя: «ты, нѣкогда обратившись, утверди братьевъ твоихъ» (Лук. XXII, 32). Поэтому—неоднократное, настоятельное требованіе Воскресшаго: «паси агнцевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ». Мало того, хочетъ Господь сказать Петру, что ты Евангельскою проповѣдью обращаешь къ вѣрѣ въ Меня людей, что они составляютъ собственность Мою, что они вѣруютъ во имя Мое и дѣлаются членами Моего Царства,—кромѣ этого, ты долженъ со всею вѣрностью вести, руководить, *питать* и укрѣплять этихъ юныхъ, нѣжныхъ, слабыхъ членовъ Моего Царства,—имѣть о нихъ заботливый уходъ, какъ о новорожденныхъ агнцахъ, и дѣйствовать до того, чтобы они всегда принадлежали Мнѣ, пребывали въ общеніи со Мною и были достойными членами Моего Царства. Мало того, что ты собираешь Мнѣ стадо, ты долженъ также оберегать и стеречь это стадо и *пасти* его со всякимъ тщаніемъ, какъ пасетъ пастухъ своихъ овецъ. Къ этому Я торжественно призываю тебя, это Апостольство, эта пастырская должность—отнынѣ твое призваніе... Ясно, что въ настоящемъ случаѣ Господь повторилъ Петру то̀, что̀ Онъ прежде сказалъ ему: «ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою» (Матѳ. XVI, 18),—теперь же Господь вручилъ Петру дѣ-

ло «созиданія Тѣла Своего», Церкви (Ефес. IV, 12). Тамъ сказано: *создамъ;* здѣсь *питай, паси*. Тамъ обѣщано, предназначено; здѣсь предпоручено. И ученикъ не забылъ, что ему въ этотъ часъ повелѣлъ его Господь и Учитель. Онъ вѣрно пасъ агнцевъ и овецъ своего Спасителя. Даже предъ своею смертью онъ заботился о томъ, чтобы и другіе пастыри были послушны этому повелѣнію и порученію ихъ Пастыреначальника и совершали это дѣло. Поэтому въ своемъ первомъ посланіи онъ увѣщаетъ пастырей: «пасите Божіе стадо, какое у васъ, надзирая за нимъ не принужденно, но охотно (и Богоугодно), не для гнусной корысти, но изъ усердія; и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду; и когда явится Пастыреначальникъ, вы получите неувядающій вѣнецъ славы (V, 2—4).

Но Апостольская дѣятельность Петра, пастырство его требуетъ любви къ Пастыреначальнику, какъ необходимаго условія для успѣшнаго и плодотворнаго прохожденія сего служенія. И Господь требуетъ этой любви отъ Петра.

Показавъ цѣль, благословеніе и условіе Апостольской дѣятельности Петра, Господь открываетъ ему и конецъ ея: «истинно, истинно говорю тебѣ: когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то простришь руки твои, и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь». Какъ-бы такъ говоритъ Господь Петру: «до сихъ поръ ты, Петръ, былъ своенравнымъ и самовольнымъ, самъ опоясывался и ходилъ, куда хотѣлъ. Съ юношескимъ восторгомъ ты хотѣлъ построить кущи на горѣ Моего преображенія, потому что тебѣ нравилось это. Съ юношескою самонадѣянностью и самоувѣренностью ты хотѣлъ идти на смерть за Меня. Недавно съ юношескою быстротою ты опоясался одеждою и бросился съ лодки въ море, чтобы поспѣшить ко Мнѣ, не дожидаясь Моего зова. Вообще до сихъ поръ ты располагалъ самъ собою самостоятельно, свободно во всѣхъ случаяхъ твоей жизни. Но придетъ время, въ старости твоей, этого уже не будетъ съ тобою: ты долженъ дойти и дойдешь до того, когда другіе возьмутъ насильно, обнажатъ и опояшутъ тебя, а ты потянешь руки твои и принужденъ будешь идти не желательнымъ для твоей естественной воли и плоти, при всей бодрости духа и любви, тяжкимъ путемъ насильственнаго исхода». Конечно, Петръ понялъ символическую форму рѣчи своего Господа, представилъ себѣ мысленно трудный путь послѣдующей Апостольской дѣятельности и полный образъ крестной смерти, какъ конецъ этой дѣятельности. Что на это указалъ Господь, показываетъ намъ Евангелистъ Іоаннъ, который ясно прибавляетъ въ объясненіе иносказательной рѣчи Іисуса: «сказалъ же сіе, давая разумѣть, какою смертью Петръ прославитъ Бога! Іоаннъ не говоритъ объ исполненіи на Петрѣ пророческаго слова Христова, конечно, потому, что вся Церковь того времени знала о мученической кончинѣ Петра, распятаго въ Римѣ на крестѣ въ царствованіе Нерона.

Примѣчаніе къ ст. 19. По-Славянски *назнаменуя* (σημαίνων отъ σημεῖον). «Можетъ быть, со словомъ симъ сдѣлалъ Господь самымъ дѣломъ знакъ (σημεῖον) распростертія рукъ въ крестъ Божественными Своими руками и тѣмъ поставилъ въ виду Петра собственный Свой образъ въ распятіи».

Послѣдняя бесѣда Петра съ Господомъ (Іоан. XXI, 20—33).

Высказавъ пророчество о мученичествѣ Симона Петра, Господь обращается къ Своему ученику съ требованіемъ: «иди за Мною». Просто, ясно и опре-

дѣленно это требованіе, которымъ повторяется только то, что̀ до сихъ поръ не разъ уже Господь требовалъ отъ него и на что̀ не разъ уже съ полнымъ усердіемъ онъ рѣшался. Еще послѣ первой чудесной ловли на озерѣ Геннисаретскомъ, когда ученики получили сильнѣйшее впечатлѣніе отъ Божественнаго могущества и величія Спасителя, они и особенно Петръ оказались готовыми оставить все и послѣдовать за Нимъ. Къ этому же послѣдованію Онъ снова приглашаетъ помилованнаго Апостола; и послѣдній прежде уже съ большою радостью присоединился къ Господу и въ обращеніи и общеніи съ Нимъ нашелъ высочайшее счастіе своей жизни, въ союзѣ съ Нимъ чувствовалъ себя блаженнымъ, испытавъ невыразимую любовь и величіе Іисуса. Потому мало стоило ему труда по Его зову пожертвовать всѣмъ, оставить все и послѣдовать за Нимъ. Но нынѣшнее послѣдованіе было выше, чѣмъ простое присоединеніе къ Воскресшему, чѣмъ простое внѣшнее общеніе съ Нимъ. Безъ сомнѣнія, оно прежде всего состояло въ томъ, что Онъ сопровождалъ прославленнаго Спасителя, пока Онъ пребывалъ еще на землѣ въ кругу учениковъ; но мы знаемъ, какъ скоро Онъ лишилъ ихъ Своего видимаго присутствія, чтобы возвратиться къ Отцу, отъ Котораго Онъ исшелъ и явился въ міръ, дабы снять съ насъ проклятіе грѣха. Посему послѣдованіе, къ которому Онъ призывалъ Петра, должны мы понимать преимущественно какъ *внутреннее*, которое проявлялось бы у ученика въ неотступномъ стремленіи уподобляться своему Божественному Наставнику и Господу въ мысли, желаніи и дѣйствіи.

Слова Господа: «иди за Мною» стоятъ здѣсь въ тѣсной связи съ предыдущимъ. Эта связь указываетъ намъ, очевидно, на послѣдованіе Петра за Господомъ въ страданіи и мученической смерти. Воскресшій только что открылъ Своему ученику, «какою смертію Онъ прославитъ Бога», открылъ ему будущую судьбу его жизни и непосредственно за этимъ говоритъ ему: «иди за Мною». Ясно отсюда, что жизнь Петра будетъ подобна жизни Самого Господа, что она пройдетъ путемъ борьбы, страданія и мученической смерти. Этимъ путемъ шелъ Спаситель и этимъ же путемъ пойдетъ за Нимъ и ученикъ. Что у него не будетъ недостатка въ мужествѣ, терпѣніи и смѣлости, объ этомъ частью уже позаботился Господь посредствомъ опытовъ, которые имѣлъ случай сдѣлать Петръ въ Его обществѣ, частью позаботился еще позднѣе чрезъ посланіе Святаго Духа, Который долженъ быть ему, равно и всѣмъ прочимъ ученикамъ, могущественнѣйшимъ Утѣшителемъ и Помощникомъ на свидѣтельскомъ пути, проложить который они были призваны. Исторія показываетъ намъ также, съ какою преданностью, съ какою самоотверженною любовью, съ какою смѣлою вѣрою, съ какимъ постояннымъ мужествомъ слѣдовалъ Петръ за воскресшимъ Господомъ въ страданіи и смерти, какъ онъ терпѣливъ былъ въ страданіи, къ которому онъ былъ призванъ (1 Петр. II, 20—21), и какъ онъ оставался непоколебимымъ даже въ виду смерти, которою онъ долженъ былъ прославить Господа.

Апостолъ Петръ услышалъ и принялъ это требованіе, тотчасъ же готовъ былъ идти за своимъ Господомъ и Учителемъ, какъ и куда бы Онъ ни повелъ его. Онъ былъ уже не *Симонъ*, а *Петръ*; сердце его стало твердо, какъ скала; онъ готовъ на смерть, чтобы только повиноваться голосу, который сказалъ ему: «иди за Мною».—Господь пошелъ изъ Галилеи, Петръ шелъ за Нимъ, всецѣло исполненный мысли о своей мученике-

ской смерти. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ Іоанна, всегдашняго своего товарища и любимаго Іисусомъ ученика, который тихо слѣдовалъ за ними. Указывая на него, онъ спросилъ: «Господи! а онъ что?»

Почему Петръ предлагаетъ своему Господу и Учителю такой вопросъ? Этотъ вопросъ можно рѣшать различно, какъ и дѣлается это толкователями. Можно сказать, что это было излишнее и необдуманное любопытство, побудившее Петра къ этому вопросу. Не довольно ему было знать, къ чему онъ призванъ, какая опредѣлена была ему судьба, онъ хотѣлъ бы также получить достовѣрное извѣстіе о будущей судьбѣ жизни и своего соученика, тяжелѣе или легче будетъ Іоанну въ жизни, чѣмъ ему. Это, конечно, излишнее любопытство.—Можно далѣе сказать, что, можетъ быть, въ основаніи вопроса Петра заключалась не совсѣмъ-то чистая мысль: это было движеніе зависти. Онъ только что узналъ, что ему предстоитъ тяжелый и трудный путь въ служеніи Господу, что онъ окончитъ свою жизнь въ борьбѣ и страданіи, что этотъ путь, можетъ быть, будетъ наказаніемъ за грѣхъ отреченія, которому онъ подпалъ. Между тѣмъ Іоанну ничего подобнаго не было возвѣщено, и отсюда онъ заключалъ, что на долю этого ученика падетъ легкій и пріятный жребій, что, слѣдовательно, онъ нѣкоторымъ образомъ предпочтенъ ему. Поэтому онъ желалъ бы знать, тяжелѣе или легче, чѣмъ ему, будетъ Іоанну въ его Апостольской дѣятельности и жизни.—Можетъ быть, въ томъ вопросѣ Петра къ Господу относительно Іоанна сказалась у него минутная гордость, высокомѣріе. Къ нему только Господь обратился: «иди за Мною», а къ Іоанну такое опредѣленное требованіе не относилось. Какъ легко могла возникнуть въ сердцѣ склоннаго къ тщеславію и надменности ученика мысль: ты избранный; тебя, тебя, преимущественно хочетъ привлечь къ себѣ Господь; ты будешь Его довѣреннымъ преимущественно предъ всѣми другими. Въ этомъ случаѣ вопросъ его: «Господи! а онъ что?» былъ бы какъ-бы требованіемъ къ Господу отослать назадъ Іоанна, запретить ему идти вмѣстѣ съ ними.—Можно дать, наконецъ, и еще одно объясненіе вопросу Петра, которое можно вывести изъ приложенія словъ объ ученикѣ, шедшемъ вслѣдъ: «Петръ же обратясь видитъ идущаго за нимъ ученика, котораго любилъ Іисусъ, и который на вечери, приклонясь къ груди Его, сказалъ: «Господи, кто предастъ Тебя?» Почему Іоаннъ дѣлаетъ еще это приложеніе, которое, повидимому, вовсе не относится сюда? Почему онъ упоминаетъ о томъ вопросѣ на вечери: «Господи! кто предастъ Тебя?» Отвѣтъ: потому что этотъ вопросъ сдѣланъ былъ тогда по желанію и знаку Петра. Петръ и Іоаннъ были искренніе и вѣрные друзья; во всемъ Евангеліи и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ обнаруживается ихъ взаимная любовь. Здѣсь мы можемъ также искать основанія для вопроса Петра: онъ очень любилъ Іоанна,—сердечная дружба, сострадательная любовь къ своему соученику внушила Петру тотъ вопросъ. Ему стало жаль, что этотъ ученикъ не получилъ отъ Іисуса никакого слова, никакого обѣщанія. Онъ охотно желалъ бы доставить и ему такое слово и такое обѣщаніе. Ему, Петру, высказана вся судьба до конца, и столь рѣшительно и столь ясно, а о любимомъ его другѣ ничего. Посему естественно, что, при видѣ Іоанна, онъ желалъ бы соединить съ полною уже извѣстностью собственной участи, считавшейся, можетъ быть, имъ величайшею милостію Божіей для себя и величайшей славой своей,—соединить извѣстность участи и его

друга, и какъ Іоаннъ на вечери спрашивалъ *за Петра:* «Господи! кто предастъ Тебя?» такъ и Петръ взамѣнъ этого, можетъ быть, по знаку также Іоанна, когда первый взглянулъ назадъ, спросилъ *за него*: «Господи! а онъ что?» «Поелику Христосъ предсказалъ Петру величіе, вручилъ ему вселенную, предвозвѣстилъ мученичество и засвидѣтельствовалъ, что его любовь больше любви другихъ учениковъ; то Петръ, желая имѣть общникомъ и Іоанна, говоритъ: «*сей же что?* Не пойдетъ ли и онъ однимъ съ нами путемъ?» Какъ прежде, не дерзая самъ спросить Господа, поручилъ это Іоанну, такъ теперь, платя ему тѣмъ же и думая, что онъ хотѣлъ бы спросить о себѣ, но не смѣетъ, самъ беретъ на себя предложить о немъ вопросъ.

Какъ-бы мы ни разсматривали дѣло, выводимъ ли вопросъ Петра изъ любопытства, или изъ движенія зависти, или изъ гордости, или, наконецъ, изъ любви къ Іоанну,—во всякомъ случаѣ не можемъ не признать, что Петръ, предлагая тотъ вопросъ Господу, не имѣлъ на это права; что вопросъ его былъ безполезенъ и безцѣленъ. Къ чему онъ заботился объ Іоаннѣ, когда ему уяснилось назначеніе его! Онъ долженъ былъ слѣдовать за Іисусомъ и это только имѣть въ виду; онъ не долженъ былъ смотрѣть ни направо, ни налѣво, но только думать о Господѣ и въ своемъ слѣдованіи за Нимъ ничему не позволять останавливать себя. На это указалъ ему Господь въ Своемъ отвѣтѣ на его вопросъ: «если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока приду, что тебѣ до того? ты иди за Мною». Этими словами Господь какъ-бы такъ хочетъ наставить Петра: «Я иду изъ Галилеи; ты идешь за Мною; и ты заботишься о другѣ нашемъ Іоаннѣ, что онъ остается. Какое тебѣ дѣло до судьбы другихъ Моихъ учениковъ? Помни свою и никогда не теряй ее изъ виду; не думай ни о чемъ иномъ, какъ о томъ, что ты идешь за Мною и непоколебимо пребываешь въ общеніи со Мною; заботься только объ одномъ—всегда быть послушнымъ Мнѣ и слѣдовать за Мною, *Ты по Мнѣ гряди.* А объ Іоаннѣ предоставь заботу Мнѣ, поелику и онъ, какъ ты, Мой ученикъ. Я его люблю и не забуду. Путь его въ Моей власти и предопредѣленъ Мною. Я поведу его въ жизни его, можетъ быть, и не такимъ путемъ, какъ тебя. Іоаннъ, можетъ быть, пребудетъ, пока Я приду: коротко ли, долго ли это продолжится, это тебя не касается. По духу Евангельской покорности судьбамъ, никогда въ жизни не слѣдуетъ тебѣ входить въ то, что скрыто въ судьбахъ и тебя не касается. *Ты по Мнѣ гряди* по пути страданій и смерти Моей». Златоустъ говоритъ: «Христосъ говоритъ Петру: тебѣ поручено дѣло; заботься о немъ, совершай его, терпи и подвизайся. Что тебѣ, если Я хочу, чтобы Іоаннъ здѣсь пребывалъ? Ты смотри за своимъ дѣломъ и о немъ заботься». Такимъ образомъ Своими словами Господь показываетъ Петру, что онъ не имѣетъ права и цѣли спрашивать о судьбѣ Іоанна. Эти нѣсколько темныя слова Господа ввели первоначальную Церковь въ недоразумѣніе, что Іоаннъ не долженъ умереть до втораго пришествія Христа, и служили съ самаго начала предметомъ различныхъ сказаній и толкованій. Мы ограничимся показаніемъ простѣйшаго ихъ смысла. Если именно обращенное къ Петру требованіе Господа: «иди за Мною», относилось къ особенному назначенію ученика слѣдовать за Спасителемъ путемъ борьбы и страданій, который долженъ кончиться крестомъ, мученическою его смертью на крестѣ, то слова Господа: «Я хочу, чтобы Іоаннъ

пребылъ», очевидно означаютъ противное и относятся къ тихому и спокойному образу жизни этого ученика. Ему не было опредѣлено идти въ жизни такимъ труднымъ путемъ, какъ Петру. Дѣятельность его въ служеніи Спасителю меньше будетъ полна борьбы и опасности, и онъ прославитъ Бога не мученическою смертью, но въ спокойномъ терпѣніи будетъ ждать той минуты, когда Господь *придетъ* отозвать его къ Себѣ отъ земныхъ трудовъ его посредствомъ обыкновенной естественной, мученической кончины. Что Іоаннъ не умретъ, на это нѣтъ ни малѣйшаго указанія въ словахъ Господа, какъ и самъ Евангелистъ говоритъ: «Іисусъ не сказалъ ему, что не умретъ». Они показываютъ только, что въ противоположность трудной, богатой испытаніями жизни Петра, Іоаннъ будетъ идти въ жизни спокойнымъ, тихимъ путемъ. Пылкій, огненный, рѣшительный и нерѣдко надменный Петръ долженъ проходить терновый путь, долженъ получить вѣнецъ славы въ жестокой борьбѣ среди бѣдствій и страданій. Напротивъ, Іоаннъ хотя и вступаетъ въ тѣсныя врата и узкій путь (Матѳ. VII, 14), но его жизнь останется пощаженною тяжкою борьбою и сильными потрясеніями; тише и спокойнѣе, чѣмъ у Петра и Павла, протечетъ его жизнь, пока онъ не перейдетъ въ вѣчность посредствомъ тихой и спокойной смерти (Симонъ Петръ, Апостолъ Господа, стр. 133—140. 142—148).

О явленіи Іисуса Христа на горѣ Галилейской.

Изъясненіе 16—20 ст. XXVIII гл. Евангелиста Матѳея.

(*Св. Златоуста.*)

Единінадесяте ученицы идоша въ Галилею: и видѣвше Его, поклонишася Ему, ови же усомнѣшася (Матѳ. XXVIII, 16—17). Это, мнѣ кажется, было то послѣднее явленіе Іисуса Христа въ Галилеѣ, когда Онъ послалъ ихъ съ повелѣніемъ крестить. Если же нѣкоторые усумнились; то и въ семъ случаѣ подивись ихъ любви къ истинѣ, что они не скрывали своихъ погрѣшностей даже въ послѣдніе дни съ ними случившихся. Итакъ, что Онъ сказалъ, явившись имъ? *Дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли.* Опять говоритъ съ ними по человѣчески, поелику они пріяли еще Духа Святаго, Который бы содѣлалъ ихъ возвышеннѣе. *Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ.* Здѣсь Онъ говоритъ объ ученіи и заповѣдяхъ, но ничего не упоминаетъ объ Іудеяхъ, молчитъ о прежнихъ происшествіяхъ, не укоряетъ Петра за его отверженіе и никого изъ прочихъ за бѣгство, а только повелѣваетъ возвѣстить по всей вселенной ученіе, которое имъ вручилъ вмѣстѣ съ заповѣдію о крещеніи. Но поелику имъ заповѣдалъ дѣло великое, то, одобряя ихъ сердца, сказалъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка.* Не видишь ли опять силы Его? И не видишь ли притомъ, съ какимъ снисхожденіемъ Онъ говоритъ это? Не съ ними только будетъ находиться, говоритъ Онъ, но и со всѣми тѣми, которые послѣ нихъ будутъ вѣровать. Ибо Апостолы не могли пребыть *до скончанія вѣка;* но Онъ говоритъ ко всѣмъ вѣрнымъ, какъ-бы къ одному тѣлу. Не говорите Мнѣ, сказалъ Онъ, о препятствіяхъ со стороны обстоятельствъ: Я съ вами, Я разрушающій всѣ препятствія. Это и въ Ветхомъ Завѣтѣ говорилъ Онъ часто пророкамъ: Іереміи, когда тотъ указывалъ на юность свою; Моусею и Іезекіилю, отка-

зывающимся, Онъ говорилъ: *Я съ вами*. То же самое и въ семъ случаѣ говоритъ ученикамъ Своимъ. Теперь посмотри, какое различіе между тѣми и другими. Тѣ часто отказывались, будучи посылаемы къ одному народу: сіи, посылаемые во всю вселенную, ничего подобнаго не говорили. О скончаніи же вѣка Онъ напоминаетъ имъ для того, чтобы болѣе привлечь ихъ, и чтобы они не на настоящія скорби только смотрѣли, но и на будущія безконечныя блага. Скорби, говоритъ Онъ, которымъ вы подвергнетесь, оканчиваются съ сею жизнью, поелику окончится и самый вѣкъ; блага же, которыя вы получите, вѣчны, какъ Я вамъ и прежде часто говорилъ. Такимъ образомъ, укрѣпивъ и ободривъ ихъ духъ и симъ напоминаніемъ о послѣднемъ днѣ, Онъ послалъ ихъ въ міръ (Изъ XI Бесѣды на Евангелиста Матѳея).

Изъясненіе 18 ст. XXVIII гл. Евангелиста Матѳея. *И приступль Іисусъ, рече имъ, глаголя: дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли.*

(Филарета, митроп. Московскаго.)

1) Явленіе Іисуса Христа по воскресеніи въ Галилеѣ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ, Своимъ ближайшимъ ученикамъ и другимъ вѣрующимъ въ Него многократно являлся въ продолженіи четыредесяти дней до Своего вознесенія на небо. Первыя Его явленія имѣли цѣлію дать полное удостовѣреніе въ томъ, что Онъ дѣйствительно воскресъ изъ мертвыхъ. Въ другихъ послѣдующихъ явленіяхъ Онъ *глаголалъ яже о Царствіи Божіи* (Дѣян. I, 3), преподавалъ высшія познанія истинъ и таинствъ вѣры и устроялъ Свою Церковь. Евангелистъ Матѳей въ концѣ своего Евангелія описалъ одно изъ сихъ явленій, имѣющее особенную знаменательность, какъ можно усмотрѣть, между прочимъ, изъ того, что въ другихъ явленіяхъ Господь открывалъ Себя одному или многимъ, безъ предваренія, какъ внезапный посѣтитель или спутникъ. а о семъ явленіи предварилъ учениковъ Своихъ и назначилъ для него мѣсто. *Да идутъ въ Галилею, и ту Мя видятъ* (Матѳ. XXVIII, 10).

Евангелистъ не опредѣляетъ времени сего явленія; но, безъ сомнѣнія, оно послѣдовало уже тогда, когда предшествовавшими явленіями по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ ученикахъ Его достаточно была утверждена и освобождена отъ сомнѣній вѣра въ совершившееся воскресеніе Господа.

Хотя Евангелистъ только на одиннадцать Апостоловъ указываетъ, какъ на очевидцевъ сего явленія Господа; однако вѣроятно, что въ семъ участвовали и многіе другіе. Вѣроятно, къ сему клонилось и раннее о семъ явленіи предвареніе и назначеніе мѣста въ Галилеѣ, гдѣ Христосъ Спаситель много проповѣдывалъ прежде страданія Своего и гдѣ тогда много было увѣровавшихъ въ Него; и, конечно, изъ сихъ-то *овіи усумнѣшася*, не бывъ приготовлены видѣніемъ предшествовавшихъ явленій Воскресшаго, какъ приготовлены были Апостолы.

2) Раскрытіе понятія о Царствѣ Небесномъ.

Господь Іисусъ началъ Свою Евангельскую проповѣдь возвѣщеніемъ, что *приближися Царство Небесное* (Матѳ. IV, 17): и при концѣ Своего земного поприща уже самою короткою мѣрою опредѣлялъ сію близость: *не имамъ ясти,—не имамъ пити,—дондеже Царствіе Божіе пріидетъ* (Лук. XXII, 16, 18). Но ученики Его еще не довольно понимали Царствіе Небесное; они еще не освободились отъ Іудейской

мысли о земномъ царствѣ Мессіи. Съ воскресеніемъ Господа настало время, поелику открылась удобность, дать имъ ясное, опытное понятіе о Царствіи Небесномъ, показать имъ оное въ самомъ дѣйствіи. Для сего воскресшій Господь является собраннымъ по предварительному повелѣнію Его въ Галилею ученикамъ и провозглашаетъ Свое воцареніе въ томъ Царствѣ, котораго приближеніе предсказывалъ: *приступль Іисусъ, рече имъ, глаголя: дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли.* Теперь видите: Царь предвозвѣщеннаго царства есть воскресшій Христосъ; Его Царство есть *Небесное,* потому что Его воскресшая жизнь очевидно есть уже не земная, а небесная и пренебесная, и такова же Его дѣятельность; но царство Его не ограничивается небомъ, а простирается и на всю землю, для того въ особенности, чтобы вѣрующихъ въ Него человѣковъ изъ земной, несовершенной, смертной жизни, посредствомъ благодатнаго возрожденія, возводить въ жизнь небесную, совершенную, въ блаженство Царства Небеснаго.

3) Почему не прежде, какъ по воскресеніи дана Іисусу Христу всякая власть на небеси и на земли?

Но слово Господа воскресшаго, разрѣшая вопросъ: что̀ такое Царство Небесное, котораго приближеніе Онъ предсказывалъ, въ то же время порождаетъ другой вопросъ: какимъ образомъ не прежде, какъ по воскресеніи, дана Ему всякая власть на небеси и на земли, когда Онъ имѣлъ сію власть отъ вѣчности, яко Единородный Сынъ Божій, Которымъ *создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли* (Колос. I, 16), и Который *носитъ всяческая глаголомъ силы Своея?* (Евр. I, 3.)

Для разрѣшенія сего вопроса надлежитъ различить состояніе Сына Божія до Его воплощенія отъ состоянія Его по воплощеніи, состояніе Его, какъ Бога, и состояніе Его, какъ Богочеловѣка. По первому состоянію, какъ Богъ, Онъ имѣетъ всегдашнюю неограниченную власть надъ всѣмъ, что̀ Имъ создано и провидѣніемъ Его хранимо и управляемо. Во второмъ состояніи Онъ, вступая въ земную жизнь, *Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Филиппис. XI, 7); и тогда слава Божества Его была сокрыта; Его человѣчество только еще готовилось къ прославленію. Принеся Себя, по человѣчеству, за повинное предъ Богомъ наше всеродное человѣчество, въ очистительную жертву правосудію Бога Отца, Онъ пріобрѣлъ въ воскресеніи Своемъ прославленіе Своему человѣчеству и вмѣстѣ надежду прославленія нашему всеродному человѣчеству. Туда, гдѣ отъ вѣка пребывалъ Онъ и пребываетъ, какъ Богъ, теперь восшелъ, какъ Богочеловѣкъ,—*превыше всѣхъ небесъ;* и, какъ воспѣваетъ Церковь, *Ангели дивятся, человѣка зряще превыше себе* (Стихира на Вознес. Госп.).

До крестной смерти и воскресенія Христа Спасителя, для человѣка, грѣхомъ и осужденіемъ грѣха изринутаго изъ рая, рай и небо заключены были вѣчнымъ правосудіемъ, и не видно было власти, ихъ отверзающей, врата ада за нисходящими въ него грѣшниками были заключены, и не видно было власти, ихъ отверзающей. Воскресшій Христосъ есть *святый и истинный, имѣяй ключь Давидовъ,*—крестъ, *отверзаяй, и никтоже затворитъ* (Апокалипс. III, 7). Ему дадеся власть отверзать адъ и изводить древле осужденныхъ, отверзать небо и вводить помилованныхъ.

Власть, которая *дадеся* воскресшему Христу Богочеловѣку *на земли,* есть та же, дѣйствующая здѣсь начинатель-

но, которая дѣйствуетъ совершительно на небеси. Здѣсь Онъ вводитъ вѣрующихъ изъ Царства поврежденной природы въ Царство благодати, чадамъ ветхаго Адама *даетъ область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. I, 12): тамъ изъ Царства благодати возводитъ ихъ въ Царство славы.

4) Пространство сей власти.

Наконецъ, въ провозглашеніи царской власти воскресшаго Христа да не будетъ оставлено безъ особеннаго вниманія открываемое пространство сей власти: *всяка власть на небеси и на земли*. Въ какихъ разнообразныхъ видахъ является *всякая власть* Его на небеси, это недоступно нашему созерцанію. Помыслимъ о ближайшей къ намъ всякой власти Его на земли. Если Онъ имѣетъ *всякую власть*, то нѣтъ здѣсь никакой власти и силы, которая не была бы подчинена Его власти. Простирая власть благодати на каждую душу вѣрующую и на все царство вѣры, на созданную Имъ Церковь, Онъ также простираетъ власть Своей премудрости, благости и правды и на видимую жизнь человѣка личную и общественную, и на все царство природы. Подъ властію Его премудрости и благости животворно солнце свѣтитъ, вѣтеръ дышетъ, облака дождятъ, вода орошаетъ и поитъ, земля износитъ благопотребныя человѣку прозябенія. Подъ властію Его премудрости и благости раждается человѣкъ, возникаетъ семейство, возрастаетъ, укрѣпляется и цвѣтетъ народъ, созидается, утверждается и возвышается царство. Подъ властію оскорбленной благости и правды Его, солнце опаляетъ, воздухъ дышетъ тлетворно, облакъ пускаетъ смертоносныя стрѣлы молній, вода потопляетъ, земля отказываетъ человѣку въ дарахъ своихъ. Подъ властію оскорбленной благости и правды Его, невнимательный къ сей власти человѣкъ лишается свѣта и блуждаетъ, семейство разстроивается, народъ смущается, царство колеблется. Кроткую для кроткихъ; а для *шатающихся языковъ*, для *людей поучающихся тщетнымъ*, для *расторгающихъ узы* Божественнаго закона, грозную власть далъ Отецъ Небесный Единородному Сыну Своему, Царю Христу, Своимъ предопредѣленіемъ: *проси отъ Мене, и дамъ Ти языки достояніе Твое;—упасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудѣльничи сокрушиши я* (Псал. II, 1; III. 8—9) (Изъ бесѣды въ пятокъ Пасхи, т. III, стр. 311—313.)

Библіографическій указатель къ XXVIII гл. Евангелиста Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія:

1) *Св. Григорія Богослова.* Мироносицы въ своемъ пришествіи ко гробу Іисуса Христа представляютъ христіанамъ примѣръ для подражанія. Ч. IV, 178. Почему Іисусъ Христосъ по воскресеніи явился женамъ прежде? IV, 343. Ѳома Апостолъ, достоподражаемъ въ своей искренней вѣрѣ послѣ невѣрія. IV. 178.

2) *Св. Іоанна Златоуста.* О воскресеніи Христовомъ къ невѣрующимъ (Лук. XXIV, 25—26). Воскр. Чт., г. XII, 23—25. Почему Іисусъ Христосъ не явился всѣмъ Іудеямъ по воскресеніи?

3) *Св. Аѳанасія Александрійскаго.* О воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа. Христ. Чт. 1841 г. II, 84.

4) *Св. Прокла Константинопольскаго.* Слово на Святую Пасху. Воскр. Чт., г. VII, 13—15.

5) *Блажен. Августина.* Похвала св. муро-

носицамъ въ лицѣ Маріи Магдалины. Воскр. Чт., г. XVI. 19—20.

6) *Его же.* О явленіи Іисуса Христа двумъ ученикамъ Еммаусскимъ (Лук. XXIV, 13—32).

7) *Св. Григорія Двосслова.* О явленіи воскресшаго Спасителя міра женамъ мироносицамъ (Марк. XVI, 1—7). Бесѣды на Ев. перев. Климента, кн. II, 1—11.

8) *Его же.* О посѣщеніи гроба Спасителева Маріею Магдалиною, Петромъ и Іоанномъ, съ послѣдствіями его (Іоан. XX, 1—9). Тамъ же, 11—28.

9) *Его же.* О явленіи Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ (Іоан. XX, 11—18). Тамъ же 45, 64.

10) *Его же.* О явленіи воскресшаго Спасителя міра двумъ ученикамъ на пути въ Еммаусъ. Тамъ же, 28—33.

11) *Его же.* О явленіи Воскресшаго одиннадцати ученикамъ (Іоан. XX, 18—31). Тамъ же, 64—82.

12) *Его же.* О знаменіяхъ и чудесахъ, совершаемыхъ вѣрующими въ Спасителя міра (Марк. XVI, 14—20). Тамъ же, 103—117.

13) *Его же.* О явленіи воскресшаго Спасителя 7 ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ (Іоан. XXI, 1—14). Тамъ же, 33—45.

14) *Препод. Исидора Пелусіота.* О воскресеніи Господнемъ, ч. I. 229.

15) *Его же.* Достойное выслушать возраженіе язычнику о воскресеніи Спасителя. Ч. II, 420.

16) *Блаж. Іеронима.* Почему Евангелисты о воскресеніи и явленіи Господа повѣствовали различно. Тв. блаж. Іеронима въ р. п., т. II, 568—569. Какимъ образомъ по Матѳею въ вечеръ субботный Марія Магдалина видѣла Господа, а Евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что она утромъ въ 1-й день по субботѣ плакала около гроба. Тамъ же, 570. Какимъ образомъ по Матѳею Марія Магдалина вечеромъ въ субботу съ другою Маріею припадали къ ногамъ Спасителя, когда по Іоанну рано въ субботу она слышала отъ Господа: *не прикасайся Мнѣ* (Іоан. XX, 17). Тамъ же, 571. Какимъ образомъ Петръ и Іоаннъ свободно вошли во гробъ безъ всякаго препятствія со стороны кого либо изъ стражей. Тамъ же, 574. Какимъ образомъ Матѳей и Маркъ пишутъ, что Апостоламъ чрезъ женъ повелѣно было идти въ Галилею, чтобы тамъ видѣть Господа, тогда какъ Лука и Іоаннъ говорятъ, что они видѣли Его въ Іерусалимѣ? Тамъ же, 575.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

17) Исторія воскресенія Іисуса Христа. Христ. Чт. 1833 г. II, 19—41.

18) Доказательства, признаки и слѣдствія воскресенія Іисуса Христа. Тамъ же, 42—67.

19) Назидательныя размышленія (Матѳ. XXVIII, 28). Тамъ же, 329—331.

20) Размышленія о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа. Христ. Чт. 1845 г. II, 132; 162; 325—336.

21) Воскресеніе Христово. Христ. Чт. 1839 г. II, 267—295.

22) Воскресъ Христосъ. Христ. Чт. 1823 г. X, 175—194.

23) Прославленіе Іисусово. Хр. Чт. 1821 г. II, 292.

24) Событія воскресенія Іисуса Христа (изъ апологетическихъ бесѣдъ Шикоппа). *Е. Ловягина.* Христ. Чт. 1869 г., ч. I, 527—561.

25) *А. Л.* Воскресеніе Іисуса Христа. Церковн. Вѣстн. 1879 г. № 14. 1—3.

26) *Р. Л.* Апологетическіе очерки. Тѣло воскресшаго Господа нашего Іисуса Христа. Прав. Обозр. 1880 г. II, 628—639.

27) *Лютарда.* Свидѣтельство Апостоловъ о воскресеніи Іисуса Христа въ ст. объ Откровеніи. Пр. Об. 1866 г. XXI, 118—121.

28) *Ульгорна.* Воскресеніе Іисуса Христа, его дѣйствительность и значеніе въ дѣлѣ искупленія. Прав. Обозр. 1870 г. I, 575—605.

29) *Шмидта.* О воскресеніи Господа и его значеніи для Его лица и дѣла (Противъ Кейма). Прав. Обозр. 1874 г. I, 254—255. Обзоръ апологетической литературы на западѣ.

30) Матѳ. XXVIII, 16—20. *В. Соловьева.* Евангельское основаніе Боговластія. Прав. Обозр. 1885 г. I, 44—61.

31) Ст. 20. *Прот. Нечаева.* Вѣчное общеніе Христа съ Церковію. Душеп. Чт. 1880 г. I, 113—120.

32) Благоговѣйныя размышленія христіанина на ст. 18 и 20. Духовн. Бес. 1875 г. 1, 221. 247.

33) Сличеніе Евангельскихъ сказаній о воскресеніи Іисуса Христа. Чт. въ Общ. 1868 г. IV, 1—31.

34) *И. Петропавловскаго.* О воскресеніи Іисуса Христа. Чт. въ Общ. 1873 г., сент. 229—260, нояб. 474, декабр. 692.

35) *Свящ. Соловьева.* Толкованіе воскр. утрен. Еванг. 1-е воскр. утрен. Ев. (Матѳ. XXVIII, 16—20). Чт. въ Общ. 1887 г. янв. 1—25.

36) *К. М.* Воскресеніе Іисуса Христа (Бесѣда апологет.). Руков. для с. пр. 1873 г. I. № 14, 433—448.

37) *М. Соболева.* Дѣйствительность воскресенія Господа нашего Іисуса Христа. М. 1874 г.

38) *Свящ. А. Снѣжницкаго.* Размышленіе о воскресеніи Христовомъ. Стран. 1860 г., апр. 287.

39) *Свящ. І. Морошкина.* Разговоръ о силѣ воскресенія Христова. Стран. 1863 г., апр. 14.

40) *Г. Н.* Изъ древне-христіанскихъ преданій на день воскресенія Христова. (О явленіи Воскресшаго святому Апостолу Іакову *особо* (1 Коринѳ. XV, 7). Стран. 1881 г. I, апр. 611—614.

41) Воскресеніе и вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа по сказаніямъ 4 Евангелистовъ. Воскр. Чт. XXIII. 82—90.

42) Воскресныя Евангелія. Первое Воскр. Евангеліе (Матѳ. XXVIII, 16—20). Воскр. Чт., г. V, 22—23.

43) *Пѣвницкаго.* Воскресеніе Христово. Воскресеніе Христово—залогъ нашего будущаго воскресенія. Воскр. Чт. 1880 г. № 16. 159—163.

44) Сила воскресенія Христова. Воскресн. Чт., г. VII, 5—9, г. XX. 24—26.

45) Истина воскресенія Христова предъ судомъ испытующихъ и невѣрующихъ. Воскр. Чт. XXVI. I. № 2. 21—38.

46) Воскресеніе Іисуса Христа и воскресенія мертвыхъ, бывшія прежде и послѣ того. Тамъ же, № 3, 45—51.

47) Воскресеніе Іисуса Христа и будущее наше воскресеніе. Тамъ же, № 5, 97—108.

48) Свѣтоносное дѣйствіе воскресенія Христова. Воскр. Чт., г. XXII; 11—18.

49) Побѣда Церкви Христовой надъ міромъ, какъ апологія христіанства. Воскр. Чт. 1876 г. II. 179—189. 195—203.

50) *Камынникова.* По поводу недоразумѣній, высказанныхъ невѣрующими касательно истины воскресенія Христова. Воскр. Чт. 1883 г. № 16 и 17.

51) Чудесныя свидѣтельства воскресенія Христова. Воскр. Чт. 1884 г. 229—234.

52) Ангельское благовѣстіе Божіей Матери о воскресеніи Іисуса Христа. Ангелъ вопіяше Благодатнѣй.... Твой Сынъ воскресе). Воскр. Чт., г. XXII, 2—7.

53) Обозрѣніе явленій Господа въ самый день воскресенія Его. Воскр. Чт., г. XXVI. 7—20.

54) Различныя чувствованія при первой вѣсти о воскресеніи Христовомъ. Воскр. Чт. г. XII, 25—26.

55) Письмо о явленіяхъ воскресшаго Господа ученикамъ. Воскр. Чт., г. XXI. 23—26.

56) Матѳ. XXVIII, 9. *Радуйтесь.* Воскр. Чт., г. XVIII, 15.

57) *Пѣвницкаго.* Святыя жены мироносицы. Воскр. Чт. 1883 г. 160—163.

58) Бесѣды съ дѣтьми о явленіяхъ воскресшаго Господа Іисуса Христа. Воскр. Чт., г. XXX. 1—9. 29—39. 59—68. 78—86. 99—104. 118—126.

59) О Евангеліяхъ и Евангельской исторіи епископа Михаила. О воскресеніи Іисуса Христа и первыхъ явленіяхъ Воскресшаго. 274—310.

60) *Гудера.* Бесѣда о воскресеніи Іисуса Христа. Брошюра въ приложеніи къ кн. Іисусъ Христосъ и Его время. *Прессансе.*

XVI гл. *Евангелиста Марка.*

61) Ст. 1. Саломія. Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1877 г. II, 175.

62) Ст. 6—7. Вѣсти древнія и новыя. Воскр. Чт., г. XXXII. I, 57—66.

63) Ст. 9—14. О явленіяхъ Іисуса Христа въ первый день по воскресеніи. Воскр. Чт., г. I, 45, г. IX, 2—6.

64) Ст. 3. *Кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба?* Христ. Чт. 1839 г. II, 141—152.

65) Ст. 9—11. Святая равноапостольная Марія Магдалина. Духовн. Бес. 1870 г. II, № 29. 33—41.

66) Марія Магдалина при гробѣ Іисуса Христа. Воскр. Чт., г. XVIII, 10—12.

67) Любовь Маріи Магдалины къ Господу Іисусу Христу. Воскр. Чт., г. XXVI, № 16, 397—400.

68) Святая Марія Магдалина. Воскр. Чт., г. XXII, 201—202.

69) Поучительные уроки для христіанскихъ женъ въ примѣрѣ святыя Равноапостольной Маріи Магдалины. Тамъ же, 183—188.

70) Достопамятные образцы общества христіанскихъ женъ изъ временъ земной жизни Спасителя. Воскр. Чт., г. III, XXI—25.

71) Жизнеописаніе святой равноапостольной Маріи Магдалины. Воскр. Чт. 1873 г. I, 230—239.

72) *Свящ. П. Смирнова.* Святая мироносица равноапостольная Марія Магдалина. Душен. Чт. 1862 г. I. 415—428.

73) *Архим. Іосифа.* Гробница св. равно-

апостольной Маріи Магдалины. Духовн. Бес. 1861 г. XIII, 257—268.

74) *Прот. Яхонтова.* Явленіе Господа собранію учениковъ въ первый день по воскресеніи. Духовн. Бес. 1863 г. XVII. 417—425; 456—466.

75) Марк., XVI, 1—8. Евангеліе воскресное второе. Воскр. Чт. V. 23.

76) 9—20. Евангеліе воскресное третье. Тамъ же. 23—24.

77) Ст. 1—8. *Свящ. І. Соловьева.* Толкованіе воскресныхъ утрен. Евангелій. Второе воскр. Евангеліе. Чт. въ Общ. 1887 г. I. 265—295. Мартъ—Апр.

78) Ст. 9—20. *Его же.* Третье воскресное утрен. Евангеліе. Тамъ же. Нояб. 319—365.

79) *Джона Бергона.* Подлинность послѣднихъ 12 стиховъ Евангелиста Марка. Чт. въ Общ. 1874 г. Іюнь. Отд. II. 374—375.

На XXIV гл. Евангелиста Луки.

80) Ст. 1—12. Евангеліе воскресное 4-е. Воскр. Чт., г. V. 25.

81) Ст. 12—35. Евангеліе воскресное 5-е. Тамъ же. 25—26.

82) Ст. 36—53. Евангеліе воскресное 7-е. Тамъ же. 26—27.

83) Ст. 13. Еммаусъ. Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1875 г. I. 95.

84) Ст. 13—33. Еммаусскіе спутники. Духовн. Вѣстн. 1862 г. II. 74—78.

85) Еммаусскіе путники. Христ. Чт. 1855 г. I. 415—430.

86) *Прот. Яхонтова.* Явленіе воскресшаго Спасителя 2 ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ. Дух. Бес. 1873 г. I. № 14. 213. № 16. 252.

87) Ст. 29. *Обліязи съ нама, яко къ вечеру есть и приклонился есть день.* Воскр. Чт., г. XX. 16.

88) Ст. 26. *Іеромон. Іосифа.* Слава Господа Іисуса Христа въ Его страданіяхъ и воскресеніи (Лук. XXIV, 26). Духовн. Бес. 1860 г. IX.

89) Еммаусскіе путники. Воскр. Чт., г. XXII. 46—52.

90) О томъ же, *Пѣвницкаго.* Воскр. Чт. 1881 г. 149—154.

91) Чему учитъ насъ исторія явленія Іисуса Христа двумъ ученикамъ, на пути въ Еммаусъ. Воскр. Чт. 1885 г. 247—250.

92) Ст. 34. Явленіе воскресшаго Господа Апостолу Петру въ самый день воскресенія. Воскр. Чт., г. XXI. 3—6.

93) Ст. 44. Пророческое ученіе объ обѣтованномъ Искупителѣ, содержащееся въ псалмахъ. Воскр. Чт., г. XV. 489. 500—507.

На XX—XXI гл. Евангелиста Іоанна.

94) Первое явленіе Господа всѣмъ Апостоламъ (XX, 19—23. Лук. XXI, 36—40). Воскр. Чт. XV, 9.

95) *Прот. Яхонтова.* Явленіе Господа собранію учениковъ въ 8 день по воскресеніи. Духовн. Бес. 1863 г. XVII, 466—474.

96) Апостолъ Ѳома предъ воскресшимъ Господомъ. Дух. Бес. 1862 г. 353—360.

97) *Пѣвницкаго.* Ѳомино невѣріе. Воскр. Чт. 1883 г. 149.

98) Ст. 27. Воскр. Чт., г. XV. 18—20. Ст. 29. Тамъ же. 13—18.

99) Урокъ намъ въ Евангельскомъ повѣствованіи о явленіи воскресшаго Спасителя Ѳомѣ. Воскр. Чт. 1884 г. 241—245.

100) Невѣріе и вѣра Ѳомы въ связи съ общимъ разсужденіемъ о характерѣ истинной вѣры христіанской. Воскр. Чт. 1885 г. 212—216

101) *Сольскаго.* Апостолы и ихъ вѣра послѣ явленія имъ Воскресшаго. Воскр. чт. 1880 г. № 16.

102) Гл. XXI, 1—25. *Яхонтова.* Явленіе Воскресшаго на морѣ Тиверіадскомъ. Духовн. Бес. 1874 г. II, 202—204. 208—229.

103) Явленіе Господа ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ. Воскр. Чт., г. XVIII, 53.

Въ словахъ и бесѣдахъ

на Евангеліе Матѳея.

104) Гл. XXVIII, 1—14 и парал. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О воскресеніи Іисуса Христа и первыхъ явленіяхъ Воскресшаго. IV. 320—331.

105) Ст. 7. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О душевномъ состояніи Петра послѣ его отреченія и Божіемъ милосердіи къ нему и къ каждому покаявшемуся грѣшнику. I, 16—25.

106) Ст. 8. *Его же.* Радость о воскресеніи Христовомъ есть вмѣстѣ и радость о будущемъ блаженнѣйшемъ воскресеніи нашемъ подъ условіемъ истинной вѣры. I, 27—34.

107) Ст. 19—20. Марк. XVI, 15. *Никандра, архіеп. Херсонскаго.* О восьмомъ явленіи Іисуса Христа по воскресеніи (на горѣ Галилейской). Почему воскресшій Господь, равно какъ и Ангелъ, благовѣстникъ воскресенія, повелѣваютъ Апостоламъ идти именно въ Галилею? И зачѣмъ Господь являлся нѣсколько разъ еще прежде Галилеи имен-

но въ Іерусалимѣ? III, 30—34. Сравненіе этого явленія съ другими явленіями Воскресшаго по важности и цѣли. III, 401—404.

На Евангеліе Марка.

108) Гл. XVI, 1—2. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О нашихъ обязанностяхъ общенія съ умершими братіями и сродниками и о благопотребныхъ къ тому средствахъ. Слово въ нед. мироносицъ.

109) Ст. 1—7. *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Бесѣда въ нед. женъ мироносицъ. 119—125.

110) Ст. 1—10. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣда въ нед. женъ мироносицъ. II, 41.

111) Ст. 6. *Арсенія, митр. Кіевскаго.* О внутреннемъ пребываніи Іисуса Христа въ душахъ истинно-вѣрующихъ послѣ Его воскресенія. I, 158—162.

На Евангеліе Луки.

112) Гл. XXIV, 12. *Филарета, митроп. Московскаго.* Ризы, оставленныя Господомъ во гробѣ,—наилучшее доказательство Его воскресенія. О безсмертіи души и воскресеніи тѣлъ. II, 207—211.

113) Ст. 13—35. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О явленіи Іисуса Христа двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ. IV, 263—371.

114) *Никанора, архіеп. Херсонскаго* о томъ же. IV, 253—265.

115) *Иннокентія архіеп. Херсонскаго.* Воскресеніе Іисуса Христа есть высочайшее торжество вѣры, добродѣтели и упованія. IV, 379—391.

116) Ст. 33. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О явленіи Іисуса Христа двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ, и о томъ, что всѣ мы можемъ участвовать въ радости воскресенія Христова подъ условіемъ вѣры. I. 35—41.

117) Ст. 45. *Филарета, митроп. Московскаго.* Воскресеніе Христово и вѣра въ сіе воскресеніе отверзаетъ заключенный умъ человѣческій къ истинному разумѣнію высокихъ и спасительныхъ предметовъ знанія. II, 189—194.

На Евангеліе Іоанна.

118) Гл. XX, 1. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О пламенной любви Маріи Магдалины къ Іисусу Христу и о нашемъ малодушіи предъ судомъ міра въ дѣлахъ вѣры. I, 165—172.

119) *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Черты изъ жизни Равноапостольной Маріи Магдалины. IV. 324.

120) 19—20. *Никанора, еп. Уфимскаго.* О послѣднемъ явленіи Іисуса Христа ученикамъ въ первый день по воскресеніи и о постоянномъ невидимомъ присутствіи Іисуса Христа въ храмѣ среди вѣрующихъ. I. 97—107.

121) Ст. 19—25. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О явленіи Іисуса Христа 10 ученикамъ въ первый день по воскресеніи и объ обстоятельствахъ предшествующихъ и послѣдующихъ. IV, 334—344.

122) *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣда о томъ же явленіи Іисуса Христа ученикамъ по воскресеніи. I, 66—72.

123) *Арсенія, митроп. Кіевскаго* о томъ же явленіи. IV, 551—59.

124) Ст. 19. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* Въ чемъ состоитъ миръ, который Господь по Своемъ воскресеніи преподалъ Апостоламъ и въ лицѣ ихъ всѣмъ христіанамъ? I, 5—8.

125) Ст. 20. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Воскресеніе Христово услаждаетъ самыя тяжкія для истиннаго христіанина скорби: скорби о Христѣ, снова распинаемомъ, о Церкви страждущей; разгоняетъ всѣ сомнѣнія, малодушіе и страхъ, овладѣвающія душею при зрѣлищѣ уничиженія Христа и страданій Церкви. I. 411—420.

126) *Филарета, митроп. Московскаго.* О духовномъ видѣніи воскресшаго Христа и о пути къ Нему. IV, 299—301.

127) *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О дѣйствіи сіянія воскресенія Христова на умы и сердца наши. I, 43.

128) Ст. 21. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О душевномъ мирѣ. IV, 100.

129) Ст. 25. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О невѣріи Ѳомы и вредныхъ послѣдствіяхъ самонадѣянности. I, 67—72.

130) *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Грѣхъ или не грѣхъ пытливость? IV, 78.

131) Ст. 26. *Иліодора, архіеп. Курскаго.* О явленіи Іисуса Христа въ осьмой день по воскресеніи. 112—118.

132) Ст. 21. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О маловѣріи учениковъ и объ отношеніи между вѣрою и разумомъ, по поводу современнаго невѣрія. I, 150—156.

133) *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О томъ, какія событія въ первенствующей Церкви Христовой подверждаютъ истину воскресенія Христова и для всѣхъ насъ. II, 315—321.

134) Ст. 29. *Филарета, митроп. Московскаго.* Не видѣть и вѣровать есть особенное достоинство вѣры, и потому особенное блаженство. III, 25—29.

135) Гл. XXI, 17. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О значеніи бесѣды Іисуса Христа съ Апостоломъ Петромъ, и о смиренномудріи Петра послѣ воскресенія Іисуса Христа. III, 276—281.

136) *Его же.* Основанія къ распространенію мнѣнія между учениками Христовыми и послѣдующими христіанами о тѣлесномъ безсмертіи святаго Іоанна Богослова, и значеніе долголѣтней его жизни для христіанской Церкви. III, 305—312.

Вознесеніе Христово.

Въ сороковой день послѣ Своего воскресенія, послѣ неоднократнаго явленія Своимъ ученикамъ и послѣдователямъ, и наставленій имъ, Іисусъ Христосъ разстался съ ними, благословляя ихъ. Онъ разлучился съ ними вблизи Виѳаніи, на Елеонской горѣ, гдѣ было мѣсто глубочайшаго Его уничиженія (Лук. XXIV, 50. Дѣян. I, 12). Не вдругъ, не внезапно Онъ сталъ невидимъ для нихъ, какъ это бывало прежде (Лук. XXIV, 31); но преображенное Его тѣло, свободное отъ законовъ тяготѣнія, предъ изумленными взорами учениковъ, стало постепенно удаляться отъ нихъ и возноситься на небо, пока, наконецъ, свѣтлое облако, какъ-бы нѣкая тріумфальная колесница, взяло Его изъ вида ихъ и на крыльяхъ свѣта принесло въ небесное Святое святыхъ. Небесныя силы, прославившія Его рожденіе, безъ сомнѣнія, сопровождали Его (Псал. XLVI, 6—7) при торжественномъ Его вшествіи въ міръ славы. Такъ начало и конецъ Его пребыванія на землѣ должны были соотвѣтствовать другъ другу; это было единственно приличное завершеніе земной Его исторіи, награда за Его уничиженіе, возвращеніе въ Его отечество, необходимое вступленіе въ царство, гдѣ нѣтъ грѣха и смерти, наконецъ условіе Его благодатныхъ отношеній къ міру, Имъ искупленному. Онъ, по выраженію Апостола, взошелъ превыше всѣхъ небесъ, дабы наполнить все (Ефес. IV, 10). Какъ солнце, когда оно стоитъ высоко на небѣ, дѣйствуетъ гораздо сильнѣе и обширнѣе, чѣмъ когда оно находится близко къ горизонту, такъ и солнце міра духовъ. Видимое отшествіе Его къ Отцу было печатью къ Его словамъ: «Я изшелъ отъ Отца и пришелъ въ міръ» (Іоан. XVI, 28; XIII, 3). Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь заключалось подтвержденіе истины, что есть небесный отечественный градъ, отечественный домъ со многими обителями (Іоан. XIV, 2), что съ неба нужно испрашивать силы благодати и благословенія, и что Онъ съ неба будетъ устроять Свое Царство на землѣ. Это чудесное событіе засвидѣтельствовано не только Евангелистами Маркомъ и Лукою (Марк. XVI, 19. Лук. XXIV, 51. Дѣян. I, 9), но и словами Апостола Петра: «взошедши на небо, Онъ пребываетъ одесную Бога (1 Петр. IV, 22, ср. Дѣян. II, 33—34), и многими мѣстами въ посланіяхъ Апостола Павла (Ефес. IV, 8—10. 1 Тимоѳ. III, 16. Римлян. X, 6; ср. Евр. I, 1); это есть и въ Евангеліи Іоанна (III, 13; VI, 62; VIII, 21; XX, 17), хотя и нѣтъ о немъ историческаго повѣствованія; предполагается вознесеніе и заключеніемъ Евангелія отъ Матѳея (XXVIII, 20). Какъ нѣкогда Ааронъ поднялъ свои руки и благословилъ народъ, такъ Христосъ вознесся, благословляя Своихъ учениковъ. Этимъ Онъ явилъ въ Себѣ истиннаго Первосвященника, о которомъ говорится, что Онъ всегда живъ

и ходатайствуетъ за людей (Евр. VII, 25). Своимъ вознесеніемъ Онъ открылъ бывшій доселѣ для всѣхъ заключеннымъ, вслѣдствіе людскихъ грѣховъ, входъ въ небесное святилище (Ефес. II, 6. Іоан. XVI, 7), соединилъ новою связью небо съ землею и даровалъ возможность богатаго и обильнѣйшаго изліянія Святаго Духа (Іоан. XVI, 7). Христіанская жизнь должна быть постояннымъ восхожденіемъ и вознесеніемъ къ небу; мы должны ежедневно искать какъ духовнаго воскресенія со Христомъ, такъ и духовнаго вознесенія (Колос. III, 1. Филиппис. III, 20. Римлян. VIII, 5). (Воскр. Чт., 1872 г., стр. 343—344).

О вознесеніи Господа на небо (Марк. XVI, 19—20).

(Св. Григорія Двоеслова.)

Ст. 19. *Господь же убо по глаголаніи Его къ нимъ вознесеся на небо и сѣде одесную Бога.* Въ Ветхомъ Завѣтѣ Илія былъ восхищенъ на небо, но на воздушное, которое отлично отъ эеирнаго, ибо оно ближе къ землѣ (почему птицъ летающихъ по воздуху мы называемъ небесными), такъ что онъ былъ отведенъ въ сокровенную область земную, гдѣ долженъ обитать въ тѣлесномъ и душевномъ успокоеніи дотолѣ, пока при кончинѣ міра паки явится на землѣ заплатить долгъ смерти, потому что Богъ, по премудрымъ судьбамъ Своимъ, только отсрочилъ ему время смерти, но не избавилъ его вовсе отъ оной; между тѣмъ какъ Спаситель побѣдилъ смерть и Своимъ славнымъ воскресеніемъ истребилъ ее, а въ вознесеніи явилъ славу воскресенія Своего. Здѣсь нужно замѣтить и то, что Илія вознесся на небо на колесницѣ, въ доказательство того, что онъ, яко человѣкъ, не могъ быть безъ внѣшнихъ пособій. Это пособіе сдѣлали ему Ангелы, когда онъ восходилъ на воздушное небо; ибо онъ самъ собою не могъ вознестись и туда, потому что естественная слабость не позволяла ему отдѣляться отъ земли; между тѣмъ какъ Спасителю не нужна была колесница, не нужны были Ангелы, ибо Творецъ Своею Божественною силою вознесся на небо, потому что Онъ возвратился туда, откуда сошелъ; вошелъ туда, гдѣ отъ вѣка имѣлъ пребываніе; ибо хотя по человѣчеству Онъ возносился, но по Божеству обладалъ и небомъ и землею.

При семъ не излишне обратить вниманіе и на то, почему Маркъ сказалъ о Господѣ, что Онъ *сѣде одесную Бога;* а первомученикъ Стефанъ видѣлъ Его одесную Бога стояща (Дѣян. VII, 56); т. е. почему Евангелистъ Маркъ говоритъ, что Онъ сѣдитъ, а Стефанъ, что Онъ стоитъ? Для разрѣшенія сего предварительно замѣтьте, что сѣдѣніе принадлежитъ судьѣ, а стояніе помощнику; посему Евангелистъ Маркъ потому описываетъ Господа сѣдящимъ, что Онъ послѣ вознесенія Своего явится во всей славѣ Своей, яко Судія, ибо Спаситель, вознесшись на небо, воспріялъ надъ всѣмъ судъ; а Стефанъ потому видѣлъ Его во время мученическаго своего подвига стоящимъ, что онъ помогалъ, ибо, чтобы побѣдить невѣріе мучителей, Спаситель Самъ ратовалъ за Стефана Своею благодатію.

Ст. 20. *Они же изшедше проповѣдаша всюду, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменьми.* Здѣсь достойно замѣчанія то, что со стороны Апостоловъ за заповѣдью тотчасъ послѣдовало повиновеніе, а за повиновеніемъ послѣдовали чудеса.

Займемся бесѣдою и о торжествѣ настоящаго праздника.

При семъ прежде всего надобно изслѣдовать, отчего это, когда Господь

нашъ Іисусъ Христосъ родился, то хотя Ангелы являлись, но не въ бѣлыхъ ризахъ; а во время вознесенія Его они являлись въ ризахъ бѣлыхъ и блестящихся; ибо въ Писаніи говорится, что *зрящимъ имъ взятся и облакъ подятъ Его отъ очію ихъ. И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се, мужа два стаста предъ ними въ одеждѣ бѣлѣ* (Дѣян. I, 8—9)? Ангелы во время вознесенія Господня были одѣяны въ одежду бѣлую въ знаменіе того, что вознесеніе Господа во плоти составляло величайшее торжество для нихъ, потому что бѣлая одежда есть знакъ веселія и радости сердечной; а по рождествѣ Его они потому не явились въ бѣлыхъ ризахъ, что, во время плотскаго рожденія Его, Божество уничижалось, тогда какъ въ вознесеніи человѣчество Его обожалось.

Но при настоящемъ торжествѣ особенно мы должны размышлять о томъ, что нынѣ разорвано рукописаніе грѣховъ и осужденія нашего, и измѣнилось опредѣленіе о нашемъ осужденіи, потому что то самое естество, которому было сказано: *земля еси и въ землю отъидеши,* нынѣ вознесено на небо. Псалмопѣвецъ о настоящемъ торжествѣ говоритъ слѣдующее: *яко взятся великолѣпіе Твое превыше небесъ* (Псал. VIII, 2); *взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласъ трубнъ* (Псал. XLVI, 6); *возшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, пріялъ еси даянія въ человѣцѣхъ* (Псал. LXVII, 19). Восшедъ на небеса, Онъ подлинно плѣнилъ плѣнъ, ибо силою Своего нетлѣнія истребилъ наше тлѣніе и даровалъ даяніе человѣкомъ, потому что ниспослалъ Святаго Духа на Апостоловъ, даровавъ иному слово премудрости, другому духъ разума, иному духъ вѣдѣнія, другому силу исцѣленій; одному знаніе языковъ, а другому сказаніе языковъ. Объ этой славѣ вознесенія Его и пророкъ Аввакумъ говорилъ слѣдующее: *воздвижеся солнце и луна ста въ чинѣ своемъ* (Аввак. III, 11). Здѣсь подъ именемъ солнца разумѣется не иной кто, какъ Самъ Господь; а подъ именемъ луны Святая Церковь; ибо пока Господь не вознесся на небо, Святая Церковь непрестанно страшилась бѣдствій со стороны міра; а когда Онъ вознесся, то она утвердилась и всюду начала проповѣдывать вѣру свою, а такимъ образомъ дѣйствительно сбылись слова: *воздвижеся солнце и луна ста въ чинѣ своемъ;* ибо какъ скоро Господь возшелъ на небеса, Церковь съ дерзновеніемъ стала проповѣдывать. Посему-то Соломонъ отъ лица Церкви говорилъ: *се Той идетъ, скача на горы и прескоча на холмы* (Пѣсн. II, 8). Спаситель, идя на избавленіе насъ, дѣйствительно дѣлалъ какъ-бы нѣкіе скачки. Вамъ желательно знать, какіе это скачки? Вотъ они: во-первыхъ, Онъ съ неба снисшелъ въ дѣвическое чрево, изъ дѣвическаго чрева пришелъ въ ясли; потомъ отъ яслей возшелъ на крестъ; съ креста снисшелъ во гробъ, изъ гроба возшелъ на небо. Такимъ образомъ, проходя всѣ степени человѣческой жизни, Онъ пролагалъ намъ путь, чтобы слѣдовали за Нимъ. Поэтому Духъ Святый устами пророка говорилъ: *возрадуется, яко исполинъ тещи путь* (Псал. XVIII, 6), дабы и мы могли сказать съ премудрымъ: *привлекоша Тя: въ слѣдъ Тебе, въ воню мира Твоего течемъ* (Пѣсн. I, 3). (Христ. Чт. 1846 г., ч. II, стр. 333—344.)

О вознесеніи Господа на небо (Лук. XXIV, 50—52).

(*Филарета, митрополита Московскаго.*)

а) Почему Господь предъ Своимъ вознесеніемъ явился въ Іерусалимѣ, а не на мѣстѣ, Имъ избранномъ для вознесенія. *Изведъ ихъ вонъ до Виѳаніи*

и воздвигъ руцѣ Свои, и благослови ихъ (Лук. XXIV, 50).

Воскресшій Господь являлся ученикамъ Своимъ не только въ Іерусалимѣ, но и на пути въ Эммаусъ, и въ Галилеѣ на горѣ, и на берегу озера Тиверіадскаго: почему же, наконецъ, Онъ явился имъ не прямо на мѣстѣ, которое избралъ для Своего вознесенія, но въ Іерусалимѣ и вывелъ изъ него вонъ? Нѣтъ сомнѣнія, что какъ всякое дѣйствіе Божественной мудрости Его, такъ и сіе исполнено глубокаго знаменованія. Это значитъ, что благодать отступаетъ отъ ветхаго Іерусалима, который обѣтованнаго ему Христа, во *Своя пришедшаго, не принялъ* (Іоан. I, 11), изліянную для спасенія міра кровь Его самъ на себя принялъ къ своему осужденію, своимъ невѣріемъ и Христоубійствомъ самъ себѣ приготовилъ оставленіе и разрушеніе. И какъ Пришедшій не погубить души человѣковъ, но спасти изъ среды погибающихъ началъ уже избирать Себѣ спасаемыхъ, взялъ изъ ветхаго града лучшіе камни, и художествомъ небеснаго архитекторства—словомъ истины и спасенія, очистилъ и приготовилъ ихъ для новаго зданія; то, дабы показать, что Онъ не ветхому, отжившему служитъ, не къ ветхой ризѣ новый платъ приставляетъ, не въ ветхіе мѣхи вино новое вливаетъ, а устрояетъ новую ризу спасенія, новые сосуды благодати, новый живой градъ Небеснаго Царствія на землѣ; Онъ несетъ избранные Имъ живые камни изъ ветхаго града на свободное, чистое, высокое мѣсто, дабы здѣсь благословить новосозидаемую Церковь Свою, подобно какъ нѣкогда благословилъ Свое новое райское твореніе.

б) *О благословеніи, преподанномъ Господомъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него, при вознесеніи на небо.*

Изведъ ихъ вонъ до Виѳаніи и воздвигъ руцѣ Свои, и благослови ихъ. Воздвигъ руцѣ на небо и простеръ ихъ на благословляемыхъ, въ знаменіе, что преподаетъ благословеніе небесное и пренебесное, и такъ обширное, какъ далеко досязаютъ Его руцѣ, въ которыхъ *вси концы земли* (Псал. XCIV, 4). Какими словами благословилъ?—Сего не написалъ святый Лука; но вѣруемъ, что то былъ потокъ Божественной благодати, жизни и силы который не только исполнилъ предстоявшіе сосуды, но и простерся и простирается и на всю Церковь Христову до послѣдняго истиннаго христіанина предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ. Болѣе, нежели вѣроятно что къ сему благословенію принадлежатъ преданныя святымъ Матѳеемъ слова Христовы: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVII, 20).

И бысть, егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо. Примѣтьте, что Евангелистъ не говоритъ: егда благослови, когда окончилъ благословеніе, но *егда благословляше,* когда еще продолжалъ благословлять. Какой чудный образъ дѣйствія! Господь благословляетъ и еще не оканчиваетъ благословенія, а продолжаетъ благословлять, и между тѣмъ возносится на небо. Что это значитъ? То, что Онъ не хощетъ прекратить Своего благословенія; но продолжаетъ безъ конца благословлять Свою Церковь и всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Помыслимъ, братія, что, еще вѣруемъ, и нынѣ, и надъ нами простерты руцѣ Его, и взоръ Его, и благословеніе Его! Какой стыдъ и страхъ для тѣхъ, которые въ суетѣ мірской забываютъ Его! Какая радость для любящихъ Его!

в) *Почему Господь избралъ для вознесенія гору Елеонскую?*

Предѣлъ, отъ котораго начинается вознесеніе Господа, есть гора Елеон-

ская. Почему она избрана для сего, а не иное мѣсто? Можно думать потому, что и прежде онá была у Него избраннымъ мѣстомъ, которое освятилъ Онъ многократнымъ Своимъ пребываніемъ и моленіемъ, особенно же потому, что здѣсь начались Его спасительныя для насъ страданія, равною смерти скорбію душевною, и многотрудною молитвою, простертою до произліянія кроваваго пота. Обративъ мѣсто начавшихся страданій въ мѣсто совершившагося прославленія, Онъ чрезъ сіе ознаменовалъ то, что Его страданія и прославленіе составляютъ одинъ стройный составъ спасительнаго для насъ домостроительства Божія, одну златую цѣпь, выработанную въ горнилѣ премудрости Божіей, для возвлеченія на небо падшаго изъ рая человѣчества...

г) *О сѣдѣніи Господа Іисуса Христа одесную Бога Отца, по вознесеніи на небо* (Марк. XVI, 19).

А гдѣ предѣлъ, до котораго простирается вознесеніе Господа? Если возможенъ для слова человѣческаго нѣкоторый на сіе отвѣтъ, то его можно найти въ изрѣченіи Апостола: *Сшедый той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая* (Ефес. IV, 10). Присоединимъ къ сему слово Евангелиста, что вознесшійся Господь сѣде одесную Бога (Марк. XVI, 19); причемъ слышащій не долженъ представлять въ умѣ ничего тѣлеснаго и чувственнаго. Ты слышишь иногда, что человѣкъ говоритъ о другомъ человѣкѣ: «онъ—моя правая рука», и не думаешь, чтобы онъ сдѣлался рукою, а разумѣешь сіе такъ, что онъ близокъ къ другому, подобно какъ его собственная рука, и по волѣ его превосходно дѣйствуетъ, подобно какъ правая рука превосходно дѣйствуетъ въ сравненіи съ лѣвою. Кольми паче не долженъ ты прилагать тѣлесныхъ понятій къ безтѣлесному и ограничивать мѣстомъ Невмѣстимаго и Вездѣсущаго. Слыша, что Христосъ *сѣдитъ одесную Бога Отца*, помышляй, что Онъ имѣетъ единую съ Отцемъ Вседержителемъ власть, единую съ Нимъ славу, единое царственное промышленіе о всемъ мірѣ, и особенно о Церкви спасаемыхъ. Вообще не устремляй дерзновенно полета испытующей мысли въ сію безмѣрную высоту: тамъ *свѣтъ неприступный* (1 Тимоѳ. VI, 16). Если предъ сотвореннымъ свѣтомъ видимаго солнца изнемогаетъ твое око,—какъ не изнеможетъ неочищенное отъ бренія око ума твоего предъ свѣтомъ вѣчнаго Солнца духовъ, предъ Которымъ и высшіе изъ Ангеловъ закрываютъ лица? И Апостольскіе взоры недалеко могли слѣдовать за возносившимся Господомъ; облакъ подъялъ Его и скрылъ отъ нихъ. И какъ они въ сіе время *поклонишася Ему*, такъ и ты, послѣ скромнаго взора вѣры на небо, пади, сынъ праха, смиренно въ прахъ, и неизрѣченное величіе почти безмолвнымъ благоговѣніемъ.

д) *Почему Апостолы были исполнены радостію, когда Господь вознесся на небо?*

Неожиданнымъ показаться можетъ засвидѣтельствованное Евангелистомъ дѣйствіе вознесенія Господня на Апостоловъ: *возвратишася въ Іерусалимъ съ радостію великою*. Можно бы подумать, что они будутъ очень опечалены разлученіемъ со Своимъ Божественнымъ Учителемъ и Спасителемъ; но они очень радуются. Почему это? Радуются потому, что теперь совершенна вѣра ихъ, и отверзъ умъ ихъ къ разумѣнію таинъ Христовыхъ: они вѣруютъ и знаютъ, что Христосъ, какъ воскресеніемъ Своимъ сокрушилъ двери ада и открылъ вѣрующимъ исходъ изъ него, такъ вознесеніемъ Своимъ отверзаетъ двери неба и открываетъ вѣрующимъ входъ

въ него. Радуются потому, что совершенна ихъ любовь: сладостно для нихъ то, что возлюбленный Спаситель восходитъ на небо въ блаженство и славу, хотя сами они остаются на землѣ для подвиговъ и страданій. Радуются потому, что совершенна ихъ надежда, они чаютъ и предчувствуютъ, что вознесшійся Господь, по обѣщанію Своему, вскорѣ пошлетъ имъ инаго Утѣшителя Святаго Духа; и что, наконецъ, по предвѣстію Ангельскому, *Сей Іисусъ вознесыйся на небо, такожде пріидетъ* (Дѣян. I, 11); и пріидетъ для того, чтобы исполнить Свое другое обѣщаніе: *паки пріиду и поиму вы къ Себѣ* (Іоан. XIV, 3, 10). (Изъ бесѣды въ день вознесенія Господня и обрѣтенія мощей святителя Алексѣя, ч. III, стр. 3—7.)

Преданія о мѣстѣ и времени вознесенія Іисуса Христа на небо.

Евангелистъ Лука и въ своемъ Евангеліи, и въ книгѣ Дѣяній, повѣствуетъ о послѣднихъ часахъ пребыванія Сына Божія на землѣ. По словамъ его, Іисусъ Христосъ, въ четыредесятый день по воскресеніи Своемъ, явился ученикамъ въ Іерусалимѣ, потомъ извелъ ихъ изъ Іерусалима до Виѳаніи, и, преподавъ имъ на горѣ Елеонской благословеніе Свое, вознесся отсюда на небеса къ Богу Отцу. Это была средняя, или восточная вершина Елеона—та самая гора, на которой Спаситель плакалъ о слѣпотѣ Іерусалима и предсказалъ ужасное разореніе его. Евсевій говоритъ, что въ томъ холмѣ, съ котораго Спаситель вознесся на небеса, была пещера, въ которой Онъ преподалъ ученикамъ Своимъ послѣднія наставленія относительно таинъ Царствія Божія, или Церкви Своей на земли.—Неизвѣстный сочинитель толкованія на книгу Дѣяній Апостольскихъ, принадлежащій къ IV вѣку, говоритъ, что Іисусъ Христосъ, возносясь на небеса, оставилъ оттискъ Божественныхъ стопъ Своихъ на холмѣ, съ котораго вознесся, и что сей оттискъ никогда не изглаждался, хотя вѣрные, безпрерывно, брали оттуда землю для храненія при себѣ. Блаженный Августинъ свидѣтельствуетъ также, что въ его время, безчисленное множество христіанъ стекалось въ Іерусалимъ, для поклоненія слѣдамъ ногъ Спасителя, на горѣ вознесенія. Такъ буквально исполнились слова пророка Захаріи о Мессіи: *станутъ ноги Его въ день онъ на горѣ Елеонстѣй, яже есть прямо Іерусалиму на востокъ* (Захар. XIV, 4).

На семъ мѣстѣ благочестивая императрица Елена воздвигнула, въ началѣ IV вѣка, великолѣпный храмъ Вознесенія, куполъ котораго, надъ самымъ мѣстомъ Вознесенія, при всѣхъ усиліяхъ зодчихъ, не могъ быть задѣланнымъ; искусство человѣческое не дерзнуло, послѣ сего, бреннымъ сводомъ преградить ту небожественную стезю, которою Богочеловѣкъ восшелъ отъ земли на небо. Теперь храмъ Вознесенія лежитъ въ развалинахъ, но въ древности, въ праздникъ Вознесенія, безчисленное множество народа стекалось въ него, и, съ возжженными свѣтильниками, цѣлую ночь провождали въ пѣніяхъ и молитвословіи, такъ что вся гора Елеонская, по словамъ одного благочестиваго путешественника писателя VIII вѣка, казалась горящею. Тотъ же писатель прибавляетъ, что въ храмѣ семъ, послѣ литургіи въ день Вознесенія, поднимался столь сильный вихрь, что всѣ присутствовавшіе повергались на землю въ священномъ благоговѣніи. Святый Златоустъ въ одной изъ бесѣдъ своихъ упоминаетъ о мнѣніи нѣкоторыхъ, что вознесеніе Іисуса Христа на небо послѣдовало въ субботный день, но здѣсь же прибавляетъ, что это одно

гаданіе; древнѣйшее преданіе Церкви, напротивъ, назначаетъ днемъ вознесенія, согласно повѣствованію св. Луки,— четыредесятый день по Воскресеніи, или четвертокъ 6-й недѣли по Пасхѣ. Это, по словамъ бл. Августина, было въ 14 день мая въ полдень. (Воскр. Чт. г. VI, стр. 47—48.)

Библіографическій указатель къ Евангельскому повѣствованію о вознесеніи Іисуса Христа (Марк. XVI, 19—20. Лук. XXIV, 50—53).

Святоотеческія толкованія.

1) Выписа изъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго на день Вознесенія. Воскр. Чт., г. I, 44—46.

2) *Св. Аванасія Александрійскаго* на Вознесеніе Господне. Воскр. Чт., г. XVIII, 51—52.

3) *Св. Льва Папы Римскаго* слово на Вознесеніе Господне. Воскр. Чт., г. XXI, 49—52.

4) *Св. Димитрія Ростовскаго*. О томъ, для чего Господь нашъ Іисусъ Христосъ вознесся на небо. Воскр. Чт., г. VI, 51—54.

5) *Блаж. Августина*. Слово въ день Вознесенія Господня. Воскр. Чт., г. XII, 53—54 г. XVI, 49.

6) *Св. Григорія Богослова* о вознесеніи Іисуса Христа. Чему научаетъ оно христіанина? Тв., ч. IV, 179.

7) *Св. Василія Великаго*. Что значитъ сѣдѣніе Іисуса Христа одесную Бога Отца? ч. III, 250. 252.

Новѣйшія толкованія

въ духовн. журналахъ:

8) Сводъ текстовъ Священнаго Писанія на Вознесеніе Господне. Воскр. Чт., г. I, 43.

9) Вознесеніе Господне: 1) пророческое изображеніе Вознесенія Господня; 2) Евангельское сказаніе о вознесеніи Господнемъ. 3) Апостольское ученіе о вознесеніи Господнемъ (сводъ текстовъ). Воскр. Чт., г. VII, 55—57.

10) Вознесеніе Господне. Воскр. Чт., г. II. 45—48, г. XV. 57, г. XIX, 53—57. 1879 г. №19. 199—202. 1885 г. 273—278.

11) Размышленіе на день Вознесенія Господня. Воскр. Чт., г. IX, 51—54.

12) О радости Апостоловъ при вознесеніи Господнемъ (Лук. XXIV, 52). Воскр. Чт. 1879 г. 209—210.

13) *А. Воскресенскаго*. Праздникъ Вознесенія Господа нашего Іисуса Христа. (Объясненіе праздниковъ ученикамъ сельскихъ школъ. Воскр.) Чт., г. XXIX, 139.

14) Праздникъ Вознесенія Господня. Воскр. Чт., г. XXXIV. I. 137—146.

15) О вознесеніи Іисуса Христа (Марка XVI гл. и Дѣян. I гл.). Хрпст. Чт. 1833 г. II, 148—162.

16) *Прот. Яхонтова*. Вознесеніе Господне. Духовн. Бес. 1873 г. I. 291—302.

17) *Свящ. К. Добронравина*. Вознесеніе Господне. Стран. 1860 г. май, 378.

18) *Архим. Фотія*. Размышленія христіанина при воспоминаніи о Вознесеніи Господнемъ. Стран. 1869 г. II, май, 70.

19) *Дьяченко*. Дѣйствительность вознесенія Іисуса Христа Господа нашего. Чт. въ Общ. 1878 г. февр. 207—255.

20) *К. Чернышева*. Дѣйствительность вознесенія Іисуса Христа на небо. Христ. Чт. 1883 г., ч. II, 44—73. 265—309. 1884 г. ч. I, 297—336.

21) *Фоменко*. Гора вознесенія Господня. Воскр. Чт. 1881 г. 190—193.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

22) Марк. XVI, 19. *Арсенія, митроп. Кіевскаго*. О христіанской обязанности не привязываться къ міру и устремлять помыслы къ небу. I. 209—218.

23) Ст. 19. *Иліодора, архіеп. Курскаго*. Для чего Господь вознесся на небо. 135—139.

24) Лук. XXIV, ст. 51—52. *Григорія, архіеп. Казанскаго*. Воспоминаніе о вѣчной блаженнѣйшей жизни весьма спасительно. II. 144—150.

25) *Исидора, митр. Новгородскаго*. Вознесеніе Господне служитъ для насъ источникомъ истинной и высокой радости. 106—111.

26) *Иліодора, архіеп. Курскаго*, о томъ же. 126—132.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ